

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS 122 109.50 (66)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1900.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. М. Глазунова, К. Л. Ринкера въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ
Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; М. В. Илюмина въ Москвѣ; Н. Я. Оглобина
въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; Е. Располова въ Одессѣ; Н. Ниммеля въ Ригѣ;
у Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Импера-
торской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома *Сборника* три рубля.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

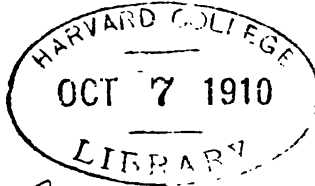
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1900.

~~L Soc 3983.18~~

P Slav 109.50

Minot fund

Напечатано по распоряжению Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1900 года.

Непремѣнный секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 годъ:

I. За январь — май. . . . .

Приложенія: I. Записка объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова (с. XXII). — II. Правила о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшей Малорусскій словарь (с. XXIII).

II. За сентябрь — декабрь. . . . .

Приложенія: I. Записка объ ученыхъ трудахъ чл. корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пы (с. XLVIII). — II. Біографическія свѣдѣнія подобномъ Несторъ Лѣтописецъ. Записъ Абрамовича (с. LIII—LIV).

Приложенія:

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1897 годъ, составленный Предсѣдателемъ Отдѣленія, Ордин. академикомъ . . . . .

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премии за 1897 годъ. . . . .

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премии за 1897 годъ, читанный Предсѣдателемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ . . . . .
Императорской Академіи Наукъ
1897 г. Предсѣдателемъ
русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ
Отзывъ о присужденіи Ломоносовской премии за 1897 годъ
Часть I.
и словесности
II. /
«Е

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губ. (Казань, 1896 г.)» (с. 25—73).

- Двѣнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 году..... № 3. 1—103**
- Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Θ. Бычковымъ (стр. 1—18).
- Приложенія:** I. «Пѣснь о Роландѣ (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика (СПБ. 1897)». — Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ (стр. 19—63). — II. «М. А. Лохвицкая (Жиберь). Стихотворенія (М. 1896)». — Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ (стр. 64—73). — III. «Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе X-ое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ (съ приложеніями). Томъ VI. М. и СПБ.—VII. СПБ. 1896». — Критическій разборъ А. Н. Пыпина (стр. 74—86). — IV. «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобиографическихъ разсказовъ В. Авенариуса. СПБ. 1893». — Рецензія В. П. Острогорскаго (стр. 87—99). — V. «Стихотворенія Екатерины Бекетовой. (СПБ. 1895)». Критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенныя въ порядокъ академикомъ Л. Н. Майковымъ (стр. 100—103).
- А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ. Библиографическіе матеріалы — собралъ В. А. Францевъ... № 4. 1—19**
- Дополненіе..... 21—22
- Θ. Вержбовскій: — Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 годахъ..... № 5. IV. 1—98**
- Отчетъ о присужденіи премій Проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 году..... № 6. 1—268**
- Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ордин. академикомъ А. Θ. Бычковымъ (стр. 1—18).

Приложеніе — критическіе разборы, послужившіе основаніемъ для присужденія премій проф. Котляревскаго (стр. 14—268). — I. Акад. А. А. Шахматова, разборъ сочиненія проф. Яна Гебауера: «Historická mluvnice jazyka českého Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. 8°. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V. Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637» (стр. 17—105). — II. Проф. К. Я. Грота, разборъ сочиненія проф. А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8°] (стр. 106—200). — III. Проф. Р. О. Брандта, разборъ сочиненія проф. Т. Д. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкованію. Часть вторая. Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897» (стр. 201—257). — IV. Акад. И. В. Ягича, разборъ сочиненія г. Прусика: «Staročeské Alexandreidy gýmované [Upravil a výkladem opatřil Frant. Hav. Prusik. V. Praze, 1896. 8°. IV. 87]» (стр. 258—268).

Старшніе сборники русскихъ пословиць, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій — собралъ и приготвилъ къ печати П. Симони. I—II. № 7. XIX 1—216. 8. XII
А. А. Шахматовъ: Къ вопросу о происхожденіи Хронографа. . . . . № 8. 1—121

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ЯНВАРЬ — МАЙ 1897 ГОДА.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ заявилъ о кончинѣ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, послѣдовавшей 2 сего января. Въ лицѣ покойнаго Отдѣленіе потеряло образованнѣйшаго сочлена, живо до послѣднихъ дней интересовавшагося его дѣятельностію.

Г. предсѣдательствующій заявилъ о полученіи отъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ по Историко-филологическому Отдѣленію, профессора Императорскаго Московскаго университета Ѳ. Е. Корша писемъ, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ о полученіи по случаю 30-тилѣтія его научной дѣятельности привѣтствія отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, подписаннаго Августѣйшимъ Президентомъ Академіи и всѣми наличными членами Отдѣленія, и проситъ принять глубокую благодарность за то драгоцѣнное поощреніе, котораго удостоили его Августѣйшій Президентъ Академіи и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Положено принять къ свѣдѣнію.

Читана записка учителя Мещовскаго уѣднаго училища В. И. Чернышева, переданная въ Отдѣленіе г. вице-президентомъ Императорской Академіи Наукъ академикомъ Л. Н. Майковымъ, къ которой приложены „Проектъ нѣкоторыхъ преобразованій въ дальнѣйшей обработкѣ академическаго Словаря русскаго языка съ двумя приложеніями пополненій I тома

Словаря". Положено проектъ г. Чернышева передать на заключение редактора Словаря русскаго языка адъюнкта А. А. Шахматова, который, возвращая бывшую у него на разсмотрѣніи записку г. Чернышева и приложенія, отозвался сочувственно объ этомъ трудѣ и предложилъ Отдѣленію, не найдетъ ли оно возможнымъ выразить ему свою благодарность за доставленіе любопытныхъ замѣтокъ. Одобрено.

Вслѣдствіе возбужденнаго г. предсѣдательствующимъ вопроса о способѣ доведенія до конца за смертію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, 3-го и послѣдняго тома Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Θ. Гильфердингомъ, — присутствовавшіе въ засѣданіи академики Л. Н. Майковъ и А. Н. Веселовскій изъявили согласіе принять на себя и послѣ смерти академика Бестужева-Рюмина чтеніе по-прежнему корректуръ этого изданія и выпустить его подъ своимъ наблюдениемъ. Одобрено. Такъ какъ послѣ нѣкотораго перерыва, послѣдовавшаго за смертію члена Отдѣленія, академика К. Н. Бестужева-Рюмина, типографія снова стала доставлять корректурные листы упомянутаго тома печатающихся въ Сборникѣ Отдѣленія Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Θ. Гильфердингомъ, то положено просить упомянутыхъ академиковъ взять подъ свое наблюденіе печатаніе этого тома, пригласивъ къ участію для чтенія корректуръ П. К. Симони.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что вдова покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. В. Бестужева-Рюмина доставила въ двухъ переплетенныхъ томахъ оригиналъ собранныхъ покойнымъ А. Θ. Гильфердингомъ Онежскихъ былинъ въ своеручной записи послѣдняго карандашомъ. Положено увѣдомить Е. В. Бестужеву-Рюмину о полученіи въ Отдѣленіи означенныхъ рукописныхъ томовъ и благодарить ее отъ имени Отдѣленія за доставленіе ихъ, а также сообщить и вдовѣ собирателя, В. Ф. Гильфердингъ, что рукопись Онежскихъ былинъ, какъ необходимая при веденіи академическаго изданія этого сборника былинъ, передана въ Отдѣленіе и хранится тамъ для пользованія редакціи новаго ихъ изданія.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ доложилъ Отдѣленію, что отъ одного изъ учениковъ профессора Ф. Θ. Фортунатова И. І. Яблонскаго, къ которому онъ, по просьбѣ сочленовъ, обращался съ предварительнымъ запросомъ о согласіи принять на себя редактированіе Литовско-русско-польскаго сло-

варя А. Юшкевича, получилъ отвѣтъ, что въ случаѣ, если Отдѣленіе поручить ему это дѣло, онъ готовъ немедленно приступить къ печатанію; для ознакомленія же просить прислать ему рукопись Словаря и отпечатанную часть его и введеніе. Положено: а) поручить г. Яблонскому редактированіе и печатаніе Словаря; б) выслать отпечатанные листы Словаря и ту часть рукописи, которая была сдана г. В. Юшкевичемъ въ типографію.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ сообщилъ слѣдующее письмо Ив. Ос. Яблонскаго изъ г. Ревеля отъ 1 сего апрѣля:

„Рукопись Словаря Юшкевича отъ Е до ЕѢ и отъ Г до ГѸ я получилъ вмѣстѣ съ отпечатанною частью Словаря. До сихъ поръ я приобрѣлъ всѣ нужныя для меня, какъ редактора Литовско-русско-польскаго словаря, пособія и переписалъ начисто (для печати) рукопись до слова *gajšti*. Во время праздниковъ надѣюсь выслать въ Академію первую тетрадь. Потомъ работа будетъ легче и задержки съ моей стороны не будетъ“. Положено сообщеніе г. Яблонскаго принять къ свѣдѣнію.

Читана обширная докладная записка И. О. Яблонскаго изъ Ревеля отъ 22 сего апрѣля, въ которой онъ знакомитъ съ ходомъ приготовительной работы по редактированію слѣдующихъ томовъ Литовскаго словаря Бр. Юшкевичей, приводитъ рядъ своихъ недоумѣній и проситъ для ихъ разрѣшенія указаній со стороны Отдѣленія. При этомъ г. Яблонскимъ представлены въ 2-хъ тетрадяхъ: часть оригинала Литовскаго словаря Юшкевича, доставленная ему Отдѣленіемъ на буквы Е и Г (до слова *Gátas*) и на 45-ти листахъ примѣрная обработка, имъ нынѣ сдѣланная, этой же части словаря Е — *Gata*. Вмѣстѣ съ этимъ г. Яблонскій проситъ доставить ему, до его отъѣзда въ Ковенскую губ. (до 1 іюня), и всѣ остальные части рукописнаго оригинала Словаря. По прочтеніи означенной записки г. Яблонскаго и обсужденіи заключающихся въ ней запросовъ, положено: 1) копію съ записки и представленную часть Словаря въ переработкѣ г. Юшкевича препроводить къ Ф. Ф. Фортунатову и просить его, какъ лицо ближе всѣхъ стоящее къ изданію Словаря, дать необходимыя указанія г. Яблонскому по предъявленнымъ имъ вопросамъ, и 2) остальную часть оригинала Словаря послать къ г. Яблонскому. Вскорѣ г. И. И. Яблонскій письмомъ на имя г. предсѣдательствующаго изъ г. Ревеля, отъ 9 сего мая, увѣдомилъ

о полученіи въ полной сохранности десяти тетрадей (Ба, Бв и 6—13) Литовско-русско-польскаго словаря А. Юшкевича, содержащихъ слова на буквы: I. J. K. Ł. L. M. N. O. P. R. S. Ś. T. U. U. V. Ź и Z. Въ заключеніе этого своего письма г. Яблонскій пишетъ: „На каникулы я уѣду (послѣ 10 іюня) въ Ковенскую губернію, гдѣ буду работать надъ подготовленіемъ словаря для печати. Хотя поѣду я туда по собственной инициативѣ и на свои средства, однако въ виду возможныхъ недоразумѣній на мѣстѣ и для пользы самого дѣла, я желалъ бы, чтобы моя поѣздка носила характеръ командировки, иначе говоря — для меня было бы крайне желательно получить открытый листъ, въ которомъ значилось бы, что командированъ я въ Ковенскую губернію для изученія литовскаго языка (или для подготовленія къ печати Словаря А. Юшкевича) Академію Наукъ“. По выслушаніи письма г. Яблонскаго, Отдѣленіе нашло вполне справедливымъ исполнить его просьбу объ облегченіи ему сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ Ковенской губ., почему и положило обратиться къ г. Непремѣнному секретарю Академіи съ просьбою исходатайствовать для г. Яблонскаго отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ открытый листъ, необходимый г. Яблонскому при разъѣздахъ по Ковенской губерніи.

Редакторомъ Словаря русскаго языка акад. А. А. Шахматовымъ были розданы всѣмъ присутствующимъ корректурныя формы (гранки 1—10) и Указатель источниковъ Словаря (стр. 1—10).

Читано сообщенное г. вице-президентомъ Академіи Наукъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ письмо профессора Историко-филологическаго института кн. Безбородка въ Нѣжинѣ М. Н. Сперанскаго, съ увѣдомленіемъ, что въ бумагахъ Н. С. Тихонравова, доставленныхъ ему душеприказчиками покойнаго, академика для приготовленія ихъ къ печати, нашелся рефератъ о новомъ спискѣ „Девгеніева Дѣянія“ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ читанъ Николаемъ Саввичемъ на Московскомъ археологическомъ съѣздѣ 1890 года. Впослѣдствіи, по сообщенію г. Сперанскаго, Н. С. Тихонравовъ началъ переработку этого реферата (должно быть для чтенія въ Академіи), но переработалъ только начало, которое, однако, не сливается въ одно съ продолженіемъ. Г. Сперанскій, которому поручено приготовленіе къ печати и печатаніе одного изъ томовъ

Собранія сочиненій Н. С. Тихонравова, предполагая печатать этотъ рефератъ, какъ онъ былъ читанъ на Съѣздѣ, съ отнесеніемъ второй его редакціи въ примѣчанія, вызывается доставить въ Академію оригиналь этого изслѣдованія и предлагаетъ напечатать его при изданіи славянскаго текста „Девгеніева Дѣянія“ по рукописи (Малкова), принадлежавшей академику Тихонравову и нынѣ уже доставленной его душеприказчиками въ Академію. Положено благодарить проф. М. Н. Сперанскаго за означенное предложеніе и просить его доставить въ Отдѣленіе на нѣкоторое время подлинную рукопись реферата акад. Тихонравова.

Проф. М. Н. Сперанскій вскорѣ извѣстилъ объ отправкѣ имъ въ распоряженіе Отдѣленія собственноручнаго изслѣдованія покойнаго академика и профессора Н. С. Тихонравова о Девгеніевомъ Дѣянїи, а именно 3-хъ тетрадей: 1) на 14 листахъ, обозначенныхъ лит. Е, 2) на 6 листахъ, обознач. Еа, и 3) на 4 листахъ, обознач. Еб, и съ просьбою не отказать въ увѣдомленіи о полученіи означенныхъ бумагъ Н. С. Тихонравова для сообщенія наследникамъ и издателямъ трудовъ покойнаго академика. По полученіи въ Отдѣленіи всѣ указанныя выше рукописныя замѣтки тогда же доставлены акад. А. Н. Веселовскому.

А. А. Шахматовъ сообщилъ Отдѣленію, что бывшій проф. Императорскаго Юрьевскаго университета И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ частномъ къ нему письмѣ выразилъ желаніе получить чистые отпечатанные листы издаваемаго Отдѣленіемъ Литовско-русско-польскаго словаря Юшкевича и просить посылать таковыя по мѣрѣ отпечатанія г-жѣ М. Ф. Юшкевичъ (вдовѣ Ивана Юшкевича), высылка которыхъ была ей съ нѣкотораго времени прекращена академическою типографіею. Положено сдѣлать распоряженіе о посылкѣ нынѣ же по экземпляру всѣхъ отпечатанныхъ листовъ Литовскаго словаря какъ г. Бодуэну-де-Куртенэ такъ и г-жѣ Юшкевичъ, а также и тѣхъ, которые будутъ вновь печатаемы.

Сообщено о полученіи отъ епископа Антонія Барановскаго, суффрагана Тельшевской епархіи, рукописной статьи подъ заглавіемъ: „Замѣтки о литовскомъ словарѣ и языкѣ“, составляющей переработку одного прежняго его тоже рукописнаго труда, хранившагося съ давняго времени при дѣлахъ Отдѣленія. По предложенію Отдѣленія еп. Барановскій любезно

согласился пересмотрѣть прежнюю свою статью, вызванную частнымъ случаемъ, и приготовить ее къ печати съ необходимыми пополненіями и измѣненіями. Положено напечатать въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ Сборника Отдѣленія приславный трудъ еп. А. Барановскаго, а автора этой столь цѣнной въ научномъ отношеніи статьи, нынѣ пополненной анализомъ литовскаго акцента, изложеніемъ ритмическаго и фонетическаго строя словъ, а также главныхъ различій между говорами литовскаго языка въ предѣлахъ Ковенской губерніи, опредѣлено благодарить отъ имени Императорской Академіи Наукъ.

По предложенію адъюнкта А. А. Шахматова, сообщившаго Отдѣленію о трудахъ К. П. Михальчука по изученію Малорусской діалектологіи, послѣднее опредѣлило: обратиться къ г. Михальчуку съ предложеніемъ принять на себя составленіе (IV) Программы для собранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія, подобной уже изданнымъ программамъ I—III для собранія особенностей говоровъ сѣверно- и южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, предоставивъ на его усмотрѣніе составить или одну общую Программу для собранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія или трудъ этотъ разбить на части, напр. выдѣливъ малорусскіе говоры въ предѣлахъ Россійской Имперіи въ одну часть, а внѣ ея (Галичины и Венгрии) въ другую. Вскорѣ отъ К. П. Михальчука (24 минувшаго февраля изъ Кіева) было получено письмо съ извѣщеніемъ о полученіи отъ Отдѣленія предложенія принять на себя трудъ по составленію IV Программы для собранія особенностей говоровъ малорусскаго нарѣчія и съ выраженіемъ полного согласія приложить всѣ старанія къ возможно тщательному выполненію, по мѣрѣ его силъ и знаній, поручаемаго ему труда. Положено принять къ свѣдѣнію.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи заявилъ о новой чувствительной потерѣ, постигшей Отдѣленіе и русскую литературу: 8 марта утромъ скончался членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности А. Н. Майковъ, принимавшій всегда живѣйшее и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Отдѣленія.

Читано представленное въ Отдѣленіе заключеніе Комиссіи образованной изъ членовъ Отдѣленія А. Н. Веселовскаго и А. А. Шахматова, а также академика А. А. Куника, доцента Императорскаго Александровскаго университета д-ра І. А. Мик-

кола, пастора д-ра Я. И. Гурта и привать-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго университета Э. А. Вольтера, по вопросу объ установленіи единства и правильности въ веденіи на русскомъ языкѣ пнородческихъ протестантскихъ церковныхъ книгъ слѣдующаго содержанія:

„Выработанныя правила и вообще не должны расходиться съ укоренившимися приѣмами передачи пностранныхъ словъ русскими буквами. Для нѣкоторыхъ именъ и фамплій, согласно мнѣнію и Генеральной Консисторіи, требуется сохранить ту русскую форму, которая установилась уже долголѣтнимъ единообразнымъ ихъ правописаніемъ въ официальныхъ документахъ. Такимъ образомъ заключенія комиссіи сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. Имена собственные, которымъ находятся соотвѣтствующія русскія имена, должны быть, по мнѣнію комиссіи, согласному съ мнѣніемъ и Генеральной Консисторіи, передаваемы въ метрическихъ книгахъ въ русскомъ переводѣ, т. е. въ той формѣ, въ какой эти имена извѣстны изъ русскихъ святцевъ и изъ русскихъ официальныхъ документовъ: Alexander — Александръ, Ephraim — Ефремъ, Claudius — Клавдій, Hiob — Іовъ, Elisabeth — Елпсавета и т. д.

Примѣчаніе. Переводу подлежитъ только первое имя лица, носящаго нѣсколько именъ; но въ скобки заключаются въ подлинныхъ написаніяхъ и остальные имена: Павелъ (Paul, Ioseph, Heinrich) Томсонъ (Tomson). Если же извѣстное лицо имѣетъ только одно имя, переводимое по-русски, включеніе подлиннаго имени въ скобки представляется излишнимъ: Петръ Мартенсъ (Martens).

II. Въ виду того, что нѣкоторыя изъ христіанскихъ именъ, извѣстныхъ и въ русскомъ языкѣ, употребляются въ нѣмецкомъ, латышскомъ и другихъ языкахъ въ двухъ, а иногда и въ нѣсколькихъ формахъ, при чемъ, напримѣръ, Alexis и Alexius, Pahwilš и Pahwulš, Koderš и Kwederš и т. п. обозначаютъ разныхъ лицъ и не смѣшиваются въ употребленіи, комиссія полагала, что въ метрическихъ книгахъ при такихъ именахъ, извѣстныхъ въ пнородческомъ языкѣ и въ нѣсколькихъ формахъ, необходимо во всякомъ случаѣ, вслѣдъ за русскою формою имени, помѣщать въ скобкахъ ту или другую форму его, которую называется данное лицо на родномъ языкѣ: Екатерина

(Kate или Kattrihne), Давидъ (Taavi и Taavetti), Филиппъ (Pihlupš или Fihlips) и т. д.

III. Имена собственныя, которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ, и фамиліи слѣдуетъ передавать въ приблизительной транскрипціи на русскую азбуку по особо для того выработаннымъ правиламъ, при чемъ за фамиліями въ скобкахъ должно слѣдовать подлинное написаніе ихъ на инородческомъ языкѣ. Примѣры: Антонъ Крюгеръ (Krüger), Магнусъ (Magnus) Линдстремъ (Lindström).

Примѣчаніе. Имя собственное ставится во всякомъ случаѣ впереди фамиліи, хотя бы въ инородческомъ языкѣ оно слѣдовало за нимъ, согласно употребленію.

IV. Имена собственныя и фамиліи, русская форма которыхъ установлена употребленіемъ, должны быть вносимы въ метрическія книги въ этой именно формѣ, при чемъ фамиліи сопровождаются подлиннымъ написаніемъ ихъ на инородческомъ языкѣ. Примѣры: Оттонъ Крюгеръ (Krüger), Эрнестъ Киммель (Kümshel) вм. Отто Крюгеръ, Эрнестъ Кюммель, какъ бы слѣдовало въ силу выработанныхъ правилъ“.

Къ протоколу Комиссіи приложены „Правила передачи инородческихъ именъ и фамилій русскими буквами“.

Отдѣленіе одобрило заключеніе Комиссіи и, въ виду заявленнаго академикомъ Куникомъ желанія, чтобы результаты совѣщаній Комиссіи были сообщены и въ III-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ,—положило препроводить къ г. Непремѣнному секретарю Академіи подлинный протоколъ Комиссіи съ просьбою представить его на разсмотрѣніе ближайшему собранію членовъ III-го Отдѣленія и возвратить его по возможности въ скорѣйшемъ времени въ Отдѣленіе для напечатанія.

Г. Непремѣнный секретарь, при письмѣ отъ 15 сего мая возвратилъ одобренный Историко-филологическимъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ подлинный протоколъ образованной при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Комиссіи, вслѣдствіе чего и положено: 1) напечатать его и сообщить въ копіи г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ барону Иксулю; 2) за просвѣщенное участіе въ Комиссіи образованной при Отдѣленіи выразить искреннюю благодарность отъ имени Академіи: доценту Императорскаго Алексан-

дровскаго университета д-ру І. А. Миккола, пастору Я. И. Гурту и приватъ-доценту Императорскаго Санктпетербургскаго университета Э. А. Вольтеру.

Въ дополненіе къ протоколу засѣданія Отдѣленія 5 октября минувшаго года, — по ознакомленіи съ 5-ю присланными по просьбѣ Отдѣленія проф. Имп. Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтуховымъ, для образца, проповѣдями извѣстнаго сподвжника Петра Великаго Гавріила Бужинскаго (по общему счету VII, XX, XXVII, XXXI и XXXV) и въ виду сообщенія академика М. И. Сухомлинова, что г. Пѣтуховъ желаетъ чтобы Отдѣленіе приняло для напечатанія въ Сборникѣ все собраніе проповѣдей Г. Бужинскаго, извлеченное имъ изъ собственноручнаго списка хранящагося въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи, Отдѣленіе постановило: увѣдомить проф. Е. В. Пѣтухова, что оно, печатая значительное число другихъ изданій, не имѣетъ нынѣ возможности принять для напечатанія полностью въ Сборникѣ Отдѣленія доставленные имъ списки всѣхъ проповѣдей Г. Бужинскаго (числомъ 45) и потому положило тетрадь съ текстомъ упомянутыхъ пяти проповѣдей Г. Бужинскаго возвратить г. Пѣтухову.

Прочтана записка академиковъ М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова слѣдующаго содержанія:

„Одною изъ главныхъ задачъ Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ слѣдуетъ признать всестороннее изученіе памятниковъ русской словесности. Въ настоящее время успѣшность работъ ученыхъ, посвятившихъ себя историко-литературнымъ трудамъ, въ значительной степени зависитъ отъ наличности изданій нѣкоторыхъ произведеній нашей литературы. Но бѣлая часть ея памятниковъ остается неизданною или извѣстна въ такихъ изданіяхъ, пользованіе которыми ни въ коемъ случаѣ не можетъ привести къ надежнымъ результатамъ. Русская наука въ правѣ ожидать отъ своихъ дѣятелей труда, который возможно совершить лишь совокупными усиліями, а именно полнаго изданія всѣхъ произведеній отечественной словесности. Начало такого научнаго предпріятія и постоянное руководство имъ естественно принадлежитъ II Отдѣленію Академіи Наукъ, совершившему уже не мало работъ по критическому изданію нашихъ писателей. Въ виду того, что среди произведеній русской словесности, начиная съ XI и кончая XVII в. и даже болѣе позднимъ временемъ, не мало такихъ,

которыя по происхожденію своему принадлежатъ литературамъ Византіи и Запада; въ виду того также, что памятники нашей словесности въ большинствѣ случаевъ отражаютъ работу позднѣйшихъ сводчиковъ и переписчиковъ — въ полномъ изданіи произведеній русской литературы цѣлесообразнѣе всего держаться порядка изданія сочиненій отдѣльныхъ писателей. Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ положить основаніе полнымъ собраніямъ сочиненій русскихъ авторовъ и привлечь къ работамъ надъ такимъ изданіемъ современныхъ дѣятелей науки и литературы. Если Отдѣленіе найдетъ возможнымъ рѣшить теперь же вопросъ о цѣлесообразности такого изданія, для котораго несомнѣнно понадобятся труды и деньги, оно могло бы одновременно обсудить въ общихъ чертахъ планъ изданія и позаботиться о болѣе подробной разработкѣ этого плана, привлекая для этого лучшія наши научныя силы. Предполагаемому изданію можно было бы присвоить названіе — „Полнаго Собранія сочиненій русскихъ писателей“. Отдѣленіе приняло это предложеніе съ полнымъ сочувствіемъ и положило просить М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова совмѣстно приступить къ подробной разработкѣ плана упомянутаго изданія, который и представить на обсужденіе Отдѣленія въ ближайшее осеннее засѣданіе.

Читана переданная г. Непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, записка угличскаго почетнаго гражданина Л. Ѳ. Соловьева, въ которой онъ, извѣщая, что среди угличанъ возникло желаніе поставить въ своемъ родномъ городѣ, передъ Публичной бібліотекой памятникъ земляку, народному поэту, крестьянину И. З. Сурикову, и что въ виду сего, предварительно постановки памятника, желательно было бы имѣть сочувствіе къ самой идеѣ со стороны ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ, — обращается къ Академіи Наукъ съ просьбою не оставить его, какъ инициатора этого дѣла, сообщеніемъ отзыва какъ вообще о достоинствахъ произведеній покойнаго поэта, такъ и о своевременности постановки ему памятника въ г. Угличѣ. Выслушавъ означенную просьбу г. Соловьева, Отдѣленіе постановило сообщить ему, что оно не можетъ не выразить своего сочувствія къ тому, чтобы память о мѣстныхъ дѣятеляхъ сохранялась на ихъ родинѣ.

По случаю исполнившагося 24 сего марта сорокалѣтія учено-литературной дѣятельности члена-корреспондента Отдѣленія

А. Н. Пыпина Отдѣленіе опредѣлило обратиться по сему случаю съ привѣтствіемъ къ юбиляру и поднести ему отъ имени Императорской Академіи Наукъ слѣдующій адресъ, подписанный Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Наукъ и всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами Отдѣленія:

Глубокоуважаемый

Александръ Николаевичъ.

Сорокъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ 24-го марта 1857 года Вы защищали въ Санктпетербургскомъ университетѣ свою магистерскую диссертацию: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Что эти сорокъ лѣтъ прошли недаромъ для Васъ и для тѣхъ, кто у Васъ учался и изучается, про то знаетъ всякій, слѣдящій за ходомъ русскаго просвѣщенія. Покинувъ кафедру въ силу обстоятельствъ, Вы продолжали и на новомъ поприщѣ поддерживать живыя связи съ тѣми областями спеціальнаго знанія, которыя такъ часто уединяются отъ нарастающихъ требованій литературы и спросовъ жизни. Вы сумѣли соединить любовь къ наукѣ съ чуткостью къ теченіямъ современной мысли, и Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, гордясь Вами какъ своимъ сочленомъ, привѣтствуетъ Васъ! —

Но въ виду того, что привѣтственный адресъ А. Н. Пыпину не могъ быть своевременно изготовленъ, г. Предсѣдательствующимъ была отправлена отъ имени Отдѣленія телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ шлетъ своему глубокоуважаемому члену-корреспонденту сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося сорокалѣтія его неутомимой научно-литературной дѣятельности. Многочисленные Ваши труды, высокочтимый Александръ Николаевичъ, по исторіи русской литературы снискали Вамъ громкую и заслуженную извѣстность. Отдѣленіе выражаетъ сердечное желаніе, чтобы еще много лѣтъ Вы продолжали съ неослабною энергіею трудиться для науки и чтобы Отдѣленіе продолжало пользоваться Вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ въ предпринимаемыхъ трудахъ“. Принято къ свѣдѣнію и одобрено.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи Наукъ, г. предсѣдательствующій въ

Отдѣленіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ составленную имъ записку объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова съ 1894 г. (см. Приложение I) и предложилъ его къ избранію въ экстра-ординарные академики. По произведенной вслѣдъ за тѣмъ закрытой баллотировкѣ шарами, адъюнктъ Шахматовъ оказался избраннымъ единогласно въ это званіе. По сему Отдѣленіе постановило сообщить о семъ избраніи г. Непремѣнному секретарю Академіи съ просьбою представить о томъ ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку академика А. Ѳ. Бычкова.

Академикъ Л. Н. Майковъ, возвращая бывшую у него на разсмотрѣніи рукописную статью студента Московской Духовной Академіи И. С. Петровыхъ съ изслѣдованіемъ его о текстѣ „Слова похвальнаго Престѣня Влѣцѣи Нашея Бѣи образа Одигитріа, яже избави градъ Устюжну отъ безбожныхъ ляховъ и нѣмецъ“, съ самымъ текстомъ Слова по новому списку и обильными замѣтками, — сообщилъ Отдѣленію, что печатать означенный списокъ Слова, какъ не лучшей изъ числа уже извѣстныхъ въ печати, не представляется необходимымъ; любопытны могутъ быть лишь мелкіе варианты списка и особенно археологическія и другія замѣчанія И. С. Петровыхъ. По выслушаніи означеннаго сообщенія положено принять его къ свѣдѣнію.

Академикъ Л. Н. Майковъ предложилъ для напечатанія въ изданіяхъ Отдѣленія рукописную автобіографію покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина, доведенную имъ до 1860 года, до его переѣзда въ С.-Петербургъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на необходимость собрать въ одинъ небольшой томъ статьи покойнаго академика по литературнымъ и историческимъ вопросамъ, особенно тѣ, которыя не утратили до сихъ поръ своего значенія. Одобрено.

Тотъ же академикъ представилъ всѣмъ присутствовавшимъ экземпляръ печатнаго образца изданія предпринимаемаго имъ по порученію Отдѣленія Собранія сочиненій А. С. Пушкина. Отдѣленіе одобрило съ типографской стороны представленный образецъ.

Сообщенную академикомъ Л. Н. Майковымъ просьбу занимающагося собираніемъ матеріаловъ для біографіи Н. А. Полевого г. Н. К. Козмина о выдачѣ ему для занятій издѣлъ бывшей Россійской Академіи рукописнаго разбора сочи-

ненія Н. А. Полевого подъ заглавіемъ: „Новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ“, бывшаго на разсмотрѣніи Россійской Академіи и удостоеннаго сею послѣднею 9 сентября 1822 года медали (Извѣстія Россійской Академіи 1823 г., кн. 11, стр. 7), положено исполнить, для чего и сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе о доставленіи г. Козмину всѣхъ хранящихся въ Архивѣ Россійской Академіи матеріаловъ по заглавному ему вопросу.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ Отдѣленію для напечатанія въ Извѣстіяхъ переданную ему отъ проф. Линниченка рукописную статью его слушателя А. Белича подъ заглавіемъ: „Замѣтка о славянскомъ житіи св. Пятки-Петки“. Положено статью г. Белича передать на разсмотрѣніе академику А. Н. Веселовскому. Послѣдній, возвращая эту статью, далъ о ней одобрительный отзывъ, почему и назначено отпечатать ее въ 4-й книжкѣ Извѣстій за настоящій годъ.

Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Отдѣленіе подвергло пересмотру Правила о присужденіи преміи Костомарова за лучшей малорусскій словарь. Исправленный по замѣчаніямъ членовъ Отдѣленія экземпляръ означенныхъ Правилъ былъ представленъ г. Непремѣнному секретарю Императорской Академіи Наукъ для внесенія на утвержденіе ближайшаго Общаго Собранія членовъ Академіи. Утвержденныя Общимъ собраніемъ Академіи 3-го мая сего года Правила о присужденіи означенной преміи положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ Отдѣленія (см. Приложение II).

А. А. Шахматовъ, заявивъ о полученіи въ обиліи цѣлеснаго матеріала какъ въ отвѣтъ на разосланныя двѣ Программы для собиранія особенностей сѣверно- и южно-великорусскихъ говоровъ, такъ и въ видѣ приложеній къ этимъ отвѣтамъ, — высказалъ предположеніе о необходимости дать болѣе мѣста въ изданіяхъ Отдѣленія для обнародованія этого хотя сырого, но въ высшей степени важнаго для специалистовъ матеріала, чѣмъ сколько до сихъ поръ отводилось ему въ книжкахъ Извѣстій. По обсужденіи означеннаго предложенія положено предоставить А. А. Шахматову печатать упомянутые матеріалы въ видѣ особыхъ приложеній къ книжкамъ Извѣстій Отдѣленія и затѣмъ выпускать ихъ отдѣльно, въ видѣ самостоятельнаго изданія.

Нѣсколько времени тому назадъ былъ доставленъ экзем-

пляръ I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія по просьбѣ Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, И. Е. Неклепаеву, который прислалъ изъ Устьсысольска слѣдующаго содержанія письмо:

„На дняхъ я получилъ изъ Книжнаго склада Академіи Наукъ Программу для собиранія особенностей народныхъ говоровъ. Насколько мнѣ извѣстно, программа эта выслана мнѣ по просьбѣ Этнографическаго отдѣла московскаго Общества Любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, къ коему я обратился съ запросомъ объ условіяхъ помѣщенія въ издаваемомъ имъ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ моихъ очерковъ по русской этнографіи Сургутскаго края (сѣверъ Тобольской губерніи) подъ заглавіемъ: Обычай, обряды и суевѣрія русскаго населенія Сургутскаго края, въ приложеніи къ которымъ помѣщены „Матеріалы для областного словаря“ (собраніе разныхъ мѣстныхъ словъ, выраженій и названій). Вѣроятно это послѣднее приложеніе и дало поводъ Этнографическому отдѣлу Моск. Общества любит. естествознанія обратиться въ Академію Наукъ съ просьбою о высылкѣ мнѣ вышеназванной программы. Но при ознакомленіи съ этою программой у меня встрѣтились кой-какія затрудненія въ практическомъ исполненіи ея требованій, о чемъ и позволяю себѣ сообщить во II Отдѣленіе Академіи. Дѣло въ томъ, что кромѣ „матеріаловъ для областного словаря“ — масса разныхъ мѣстныхъ словъ и выраженій разсѣяны у меня въ самомъ текстѣ очерковъ. Выбирать ихъ отсюда представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ, такъ какъ повлечетъ за собою массу выписокъ изъ текста очерковъ для объясненія словъ. Гораздо лучше напечатать эти очерки цѣликомъ... Съ такимъ предложеніемъ о напечатаніи моихъ очерковъ въ Этнографическомъ Обзорѣніи я и обратился въ Этнографическій отдѣлъ Моск. Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, а равно и въ редакцію Живой Старины, изд. при И. Русск. Геогр. Обществѣ. Отвѣта же я не получилъ еще. Въ виду всего этого я и позволяю себѣ обратиться во II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ просьбою, не возьмется ли оно войти въ сношеніе съ И. Русск. Геогр. Обществомъ объ изданіи моихъ сургутскихъ очерковъ или въ Живой Старинѣ (если она выходитъ и сей-

часть) или въ какихъ-либо другихъ изданіяхъ Общества по этнографіи. Или не возьмется ли Второе отдѣленіе напечатать мои очерки по этнографіи само въ своихъ изданіяхъ. Я былъ бы очень признателенъ II-му Отдѣленію, если бы оно почтило меня своимъ отвѣтомъ по поводу всѣхъ возбужденныхъ здѣсь вопросовъ“.

Положено прежде чѣмъ дать какой либо отвѣтъ г. Неклепаеву — обратиться съ просьбою къ г. предсѣдательствующему въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. И. Ламанскому — извѣстить Отдѣленіе, будетъ-ли напечатана въ „Живой Старинѣ“ статья г. Неклепаева и, если будетъ, то можетъ-ли онъ рассчитывать получить за нее какое-либо вознагражденіе.

Читано письмо завѣдующаго Чериковскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ И. Х. Пахмана, вызывающагося продолжать чтеніе дальнѣйшихъ корректуръ Словаря русскаго языка и вносить примѣры изъ писателей, которыхъ въ этихъ листахъ не окажется. Вскорѣ въ Отдѣленіи были получены отъ г. Пахмана примѣры употребленія глаголовъ изъ писателей на букву З. Положено эти выписки передать редактору Словаря русскаго языка А. А. Шахматову.

Экстраординарный профессоръ Казанскаго университета Е. Θ. Будде препроводилъ къ А. А. Шахматову, какъ къ редактору Словаря русскаго языка, исполненныя подъ его руководствомъ г.г. Кряжннимъ, Петровскимъ и Рождественскимъ систематическія выборки словъ изъ Сочиненій И. Богдановича, М. Н. Муравьева и Хемницера. По ознакомленіи съ упомянутыми извлеченіями словъ А. А. Шахматовъ нашелъ ихъ весьма пригодными для пользованія при приготовленіи оригинала для набора листовъ Словаря русскаго языка и обратился къ Отдѣленію съ предложеніемъ, не найдетъ ли оно возможнымъ, согласно съ ходатайствомъ о томъ проф. Будде, выдать бесплатно для успѣшности занятій упомянутымъ выше тремъ студентамъ по экземпляру Матеріаловъ для Словаря древняго русскаго языка И. Срезневскаго каждому, и одного экземпляра паданныхъ Отдѣленіемъ сочиненій Державина, т. I—IX и Ломоносова, т. I—III и слѣд., а также I т. Исслѣдованій по русскому языку. Одобрено.

В. Н. Щенкинъ въ письмѣ къ г. предсѣдательствующему уведомилъ, что онъ готовитъ для Извѣстій Отдѣленія статью,

заключающую въ себѣ разсмотрѣніе состава и изслѣдованіе языка лицевого сборника второй половины XV в., въ которомъ помѣщены историческая часть Библии и Троянская исторія. Принято къ свѣдѣнію.

Сообщено о полученіи изъ Вѣны отъ С. Н. Северьянова, при препроводительной запискѣ отъ 20 апрѣля (1 мая) 29 картоновъ снимковъ съ люблянскаго отрывка Супрасльскаго рукописи (л. л. 15 а — 44 а и б, безъ л. 38, подлежащаго помѣщенію между л. л. 88—89) и тетради (въ 30 л. л.) коляціи, содержащей въ себѣ результаты исполненнаго имъ сличенія этихъ снимковъ съ подлинникомъ. Въ этой же запискѣ г. Северьяновъ упоминаетъ, что первые 14 снимковъ были уже представлены въ Отдѣленіе акад. Ягичемъ, а слѣдующіе по нумераціи снимки будутъ доставляться по мѣрѣ переписки исполненной имъ работы. Положено принять къ свѣдѣнію и ожидать присылки съ продолженіемъ.

Доложено Отдѣленію, что къ 1 мая, сроку для представленія сочиненій на соисканіе премій гр. Д. А. Толстого въ 1897 г. не было получено ни одного труда. Положено сообщить о томъ въ Правленіе Академіи Наукъ и г. Непремѣнному секретарю.

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ представилъ въ Отдѣленіе пачку листовъ съ записями малорусскихъ пѣсенъ, сдѣланными Н. И. Коробко въ разныхъ мѣстностяхъ уѣздовъ Овручскаго, Ровенскаго, Житомирскаго и Новгородъ-Волинскаго (Волинской губ.) всего въ количествѣ 455 помѣченныхъ (= 458: №№ 246, 398 и 399 на двухъ листкахъ каждый) листовъ (безъ № 355, оказавшагося недостающимъ), съ обозначеніемъ мѣстъ записи, и 78 №№ пѣсенъ непомѣченныхъ и безъ обозначенія, гдѣ онѣ были записаны. При этомъ А. А. Шахматовъ сообщилъ, что г. Коробко выразилъ желаніе, чтобы это собраніе пѣсенъ хранилось въ Отдѣленіи.

Читано письмо и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Θ. Будде, отъ 3 сего мая, на имя г. предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи акад. А. Θ. Бычкова, слѣдующаго содержанія: „Получивъ отъ факультета командировку въ Тульскую и Калужскую губерніи для изученія русскихъ народныхъ говоровъ и собиранія образцовъ народной рѣчи въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ пособіемъ отъ университета въ 125 руб., беру на себя смѣлость

обратиться къ вамъ съ вопросомъ, не подойдутъ ли мои лѣтнія занятія въ означенныхъ выше губерніяхъ подь программу занятій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и, если подойдутъ, не могу ли я разсчитывать на нѣкоторую денежную субсидію отъ II Отдѣленія, такъ какъ на 125 руб. нельзя объѣхать двухъ губерній, пробывъ въ пути 3 мѣсяца. При содѣйствіи II Отдѣленія я могъ бы, по крайней мѣрѣ, обследовать хоть одну Тульскую губернію. Надѣюсь на то, что II Отдѣленіе не откажетъ мнѣ въ командировкѣ и денежномъ пособіи, если я попрошу васъ ходатайствовать объ этомъ⁴. По обсужденіи означенной просьбы г. Будде, она найдена заслуживающею вниманія и Отдѣленіе опредѣлило: 1) принять предложеніе г. Будде обследовать говоры Тульской губерніи и просить его, по возвращеніи изъ командировки, представить въ свое время Отдѣленію русскаго языка и словесности отчетъ и собранные матеріалы, для напечатанія въ изданіяхъ Отдѣленія, и 2) выдать на упомянутый выше предметъ профессору Е. Θ. Будде изъ суммъ Отдѣленія субсидію на означенную поѣздку.

Почти въ каждомъ засѣданіи Отдѣленія были сообща обсуждаемы доставляемыя Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Академіи и членами Отдѣленія замѣчанія на корректурные листы издаваемаго Отдѣленіемъ подь редакцію акад. А. А. Шахматова Словаря русскаго языка.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ:

1) Учительницы Кугушерскаго начальнаго народнаго училища Яранскаго уѣзда Вятской губ. Серафимы Гудимовичъ экземпляра I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Кугушерги и приложеніями (на 4 листахъ) о селѣ Кугушергѣ и 9-тью №№ пѣсенъ.

2) Учителя Вас. Григор. Лавинскаго — экземпляра той же Программы (I) съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Ембулатова Буинскаго уѣзда Симбирской губ. (съ рукописнымъ приложеніемъ на 8 листахъ).

3) Учителя Дубровскаго земскаго училища Тверской губ. Зубцовскаго уѣзда Гавріила Иванова — экземпляра II Программы для собиранія особенностей говоровъ южно-великорусскаго нарѣчія съ замѣчаніями его о говорѣ жителей деревни Дубровки (Тверской губ., Зубцовск. у., Ульяновской вол.) съ рукописнымъ

приложеніемъ (записей пѣсенъ одѣланныхъ ученицами на 13 листахъ).

4) Учительницы Соколовскаго начальнаго народнаго училища (земской школы) Нолинскаго уѣзда, Вятской губ. О. А. Дьяконовой—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Соколова и приложеніемъ (на 40 листахъ) записей пѣсенъ.

5) Черезъ посредство г. директора народныхъ училищъ Симбирской губ.—экземпляра I Программы съ отмѣтками о говорѣ села Аргаша Корсунскаго уѣзда, съ приложеніями на 19 листахъ („Изложеніе особенностей говора крестьянъ села Аргаша Корсунскаго у., Симбирской губ. и записями пѣсенъ).

6) Учительницы Пышакскаго земскаго училища Орловскаго уѣзда, Вятской губ.—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Пышака и съ приложеніемъ „Списка мѣстныхъ словъ и выраженій, употребляющихся среди русскаго крестьянскаго населенія Вятской губ., Орловскаго у., села Пышака“ (на 7 листахъ).

7) Учительницы Полянскаго земскаго училища Александры Косаревой—экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Полянки Слободскаго уѣзда, Вятской губерніи.

8) Его Высокопреподобія, г. ректора Костромской Духовной семинаріи, о. архимандрита Менандра—6 экземпляровъ I Программы съ замѣчаніями: а) воспитанника Костромской Духовной семинаріи Вячеслава Ласточкина о говорѣ жителей г. Галича Костромской губ. (съ приложеніемъ на 2 листахъ); б) съ наблюденіями г. Румянцева надъ разговоромъ жителей дер. Борка Семеновской волости, Кинешемскаго у., Костромской губ. (съ приложеніемъ на 5 листахъ); в) съ наблюденіями Конст. Цвѣткова надъ разговоромъ жителей села Якунькина Макарьевскаго уѣзда, Костромской губ. съ приложеніемъ (на 14 листахъ замѣчаній къ § 14—48 Программы: „Мѣры. Деньги. Люди по возрастамъ. Божба. Обращенія. Особенности словообразованія и т. п. Фразы съ особенностями. Пословицы, употребляемыя крестьянами. Пѣсни народныя. О селѣ Якунькинѣ); г) съ замѣтками воспитанника V класса Костромской Духовной семинаріи Конст. Клевцова—о говорѣ жителей села Халбужъ, Кологривовскаго у., Костромской губ.; д) съ замѣтками воспитанника же Костромской Духовной семинаріи—о говорѣ населенія Чухлом-

скаго, отчасти и Кологривовскаго, Солигаличскаго и Галичскаго уѣздовъ; е) съ замѣчаніями воспитанника той же семинаріи Александра Аристова о говорѣ жителей села Ильинскаго, Матвѣевской волости Кологривовскаго уѣзда съ приложеніемъ (на 32 листахъ): Предисловіе. Провинціализмы съ объясненіемъ ихъ. Пѣсни. Духовный стихъ. Хороводныя пѣсни. Замѣтки о нихъ. Пѣсни надгробныя. Замѣтка о плачахъ. Пословицы и прибаутки. Разсказъ, какъ образивъ повѣствовательной рѣчи моихъ односельчанъ. Бесѣда двухъ бабъ. Отрывокъ изъ допроса. На сходкѣ. Послѣсловіе. Біографія автора замѣтокъ и объ исторіи и населеніи с. Ильинскаго.

9) Учителя Ивана Вечерина — экземпляра II Программы съ его замѣчаніями о говорѣ жителей села Жданова Курмышскаго у. Симбирской губ. съ приложеніемъ (на 13 листахъ): Особенныя слова, сказка и пѣсни въ записяхъ крестьянъ.

10) I Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія отъ учительницы А. В. Косаревой — съ ея замѣчаніями о говорѣ жителей села Николаево-Березинскаго, Вятской губ., Слободскаго уѣзда, Островновской волости;

11) Учительницы Колобовскаго земскаго училища Полинскаго уѣзда Вятской губ. Маріи И. Разумовской — съ замѣчаніями о говорѣ крестьянъ села Колобова и съ приложеніемъ (исторіи села Колобова, Словаря, Разсужденій одной крестьянки, пѣсенъ и пословицъ);

12) Штатнаго смотрителя Холмскаго уѣзднаго училища — съ замѣчаніями учителя Торопатцкаго сельскаго училища Холмскаго уѣзда, Псковской губ. Василя Покровскаго о говорѣ населенія села-погоста Торопатцы;

13) Учителя Оларевскаго Григорьевскаго училища, Вологодской губерніи и уѣзда Андрея Ѳ. Костылева — съ замѣчаніями о говорѣ населенія Оларевской волости (почт. станція);

14) Учительницы села Спасскаго Каинскаго округа, Томской губ. Маріамны Степановой замѣчанія о говорѣ населенія с. Спасскаго съ приложеніями на 6 листахъ (лл. 1—2: Исторія и описаніе села, особенности быта и языка жителей с. Спасскаго и окрестныхъ ему мѣстностей; лл. 1—4: приложеніе къ вопросу 39-му Программы о колдовствѣ, заговорахъ; л. 40—41: пословицы);

15) Учителя Бедрицкаго земскаго училища Мещовскаго уѣзда Калужской губ. Тихона Васил. Корнѣева—рукописная тетрадь на 48 листахъ (въ 4 д. л.) подъ заглавіемъ: „Особенности крестьянскаго говора въ деревняхъ, расположенныхъ вблизи города Мещовска“ (л. 2: Предварительныя свѣдѣнія; л. 3—26: Отвѣты на II Программу; л. 37 сл.: Мѣстныя слова и выраженія; л. 45: Пѣсня изъ д. Городищи (въ ученической записи); л. 46: Сказка о Струе и Струихе (дер. Колодези, въ ученич. записи);

16) При отношеніи г. ректора Тобольской духовной семинаріи отъ 18 марта 1897 г. за № 168—семь экземпляровъ I Программы:

а) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи Василя Шумилова—съ замѣтками о говорѣ населенія села Большаковскаго (на р. Емуртлѣ) Ялуторовскаго округа.

б) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи Ивана Поспѣлова—съ отмѣтками о говорѣ населенія села Уватскаго (Тобольскаго округа и губерніи) съ приложеніемъ на 22 листахъ (1. Образчикъ словаря языка и говора въ селѣ Уватскомъ (А—Ө), л. 1—13; 2. „Приговорка“ ребяты при „Славленьи Христа“ (л. 13); 3. Названіе нѣкоторыхъ праздниковъ (л. 14); 4. Нѣкоторыя пословицы и побасенки (прибаутки); 5. Народныя пѣсни №№ 1—10 (л. 15); 6. Разсказъ о ванцахъ (Чуди), записанный со словъ крестьянина (л. 20); 7. Чудится (л. 21); 8. Краткое описаніе села Уватскаго Тобольскаго округа и губ. (л. 22 и обор.).

в) Отъ воспитанника VI класса Тобольской духовной семинаріи Николая Чистякова съ отмѣтками о говорѣ населенія села Моршихинскаго Тобольской губ., Курганскаго округа съ приложеніемъ на 7 листахъ (Словарчикъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросы № 46—47: Б—Ч, л. 1—2-й; Заговоры: отъ уроковъ (л. 3), отъ родимца, отъ безсонницы (л. 4), отъ кровотечения (л. 4 об.); Пѣсня; Сказка (о Московск. цыганѣ); пословицы и поговорки (л. 6 об.); Заговоръ отъ кровотечения (л. 7); о селѣ Моршихинскомъ (л. 7 и обор.).

г) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи V класса Антонина Виноградова съ отмѣтками о говорѣ жителей села Утчанскаго Ишимскаго округа, Тобольской губ. съ приложеніемъ на 3 листахъ (о с. Утчанскомъ).

д) Отъ ученика Тобольской духовной семинаріи Петра Рубцова съ отмѣтками о говорѣ населенія станицы Арыкъ-Балыкской Кокчетаевскаго уѣзда, Акмолинской области и 2 приложе-

ніями: а) Общія замѣчанія о населеніи станицы (на л. 1—2) и б) „Наборъ словъ, употребляемыхъ казаками Арыкъ-Балынской станицы“ (л. 3—8 и 9—11).

е) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи III класса Ивана Емельянова съ отмѣтками о говорѣ жителей села Бронниковскаго Тобольскаго округа и губ. съ приложеніемъ на 12 л.: „Краткое описаніе Бронниковскаго села Тобольскаго округа и губерніи“ (л. 1); (л. 5): Пѣсни Бронниковскихъ крестьянъ № 1—9; л. 9 об.: „Выпись нѣкоторыхъ словъ говора Бронниковскихъ крестьянъ, словъ, мало знакомыхъ жавущимъ въ городѣ и не принятыхъ въ литературномъ языкѣ“, В—Я.

ж) Отъ воспитанника Тобольской духовной семинаріи (Парышева?) съ отмѣтками о говорѣ жителей села Курейнскаго Тобольской губ. (и деревень: Мартино и Степной) Курганскаго округа и съ приложеніями на 60 листахъ: а) л. 1: Описаніе села; л. 2—6: Пословицы, поговорки и присказки; б) л. 7—24 (Пѣсни), л. 25—42 (Пѣсни); л. 43—48: (Пѣсни); л. 49—58 (Пѣсни) и л. 59—60: Свадебная пѣсня (въ ученическихъ записяхъ).

17) Отъ учителя Ѡ. Костенко — экз. II Программы съ замѣчаніями о говорѣ населенія села Ивановскаго Льговскаго уѣзда, Курской губерніи.

18) Отъ учительницы Ивановскаго сельскаго училища Ялutorовскаго округа, Тобольской губ. экземпляра I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей с. Ивановскаго (съ приложеніями на 5 листахъ).

19) Отъ г. Полубинскаго изъ Иркутска разсказа „Ближній сосѣдъ“, написаннаго имъ вслѣдствіе требованій I Программы для собиранія особенностей сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Въ этомъ разсказѣ авторъ, описывая бытъ мѣстнаго населенія, ввелъ особенности мѣстнаго говора и мѣстныя слова.

Положено всё означенныя сообщенія о говорахъ и матеріалы передать ак. А. А. Шахматову, а лицамъ и учрежденіямъ отъ которыхъ они были получены выразить благодарность за содѣйствіе ученымъ занятіямъ Отдѣленія на пользу родного слова. По прежнимъ примѣрамъ извлеченія изъ присланныхъ сообщеній будутъ печататься въ „Матеріалахъ для изученія великорусскихъ говоровъ“, издающихся подъ редакцію А. А. Шахматова, словарный же матеріалъ будетъ имъ вводимъ въ печатающіеся (на букву Е—Ж) листы издаваемаго Отдѣленіемъ Словаря русскаго языка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ ученыхъ трудахъ адъюнкта А. А. Шахматова.

Со времени избранія А. А. Шахматова въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности прошло болѣе двухъ лѣтъ. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ до выбора его въ адъюнкты была дана въ представленной мною запискѣ по случаю избранія его въ члены Академіи. Съ конца 1894 года А. А. Шахматовъ усердно и много трудится по порученію Отдѣленія. На него было возложено собраніе матеріаловъ для продолженія Словаря русскаго языка, и въ настоящее время къ печатанію второго тома Словаря уже приступлено. Г. Шахматовъ значительно расширилъ первоначальный его объемъ, введя въ него, съ одобренія Отдѣленія, элементъ народной рѣчи. Составленный и напечатанный г. Шахматовымъ списокъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпаетъ матеріалы для словаря, показываетъ, какую массу труда онъ долженъ былъ употребить на это дѣло.

Одновременно съ Словаремъ русскаго языка онъ редактируетъ матеріалы для областного словаря Олонецкаго нарѣчія, собранные г. Куликовскимъ, къ которому присоединяетъ и имъ самимъ собранный матеріалъ по этому нарѣчію.

Изучая народные говоры русскаго языка, — предметъ, которымъ Алексѣй Александровичъ уже давно занимается, — онъ составилъ и напечаталъ программы для собранія особенностей говоровъ сѣверно-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій. Эти программы являются плодомъ многолѣтнихъ и тонкихъ наблюденій надъ живымъ русскимъ языкомъ. На эти программы, разосланныя разнымъ лицамъ, Отдѣленіе уже получило довольно значительное число отвѣтовъ, во многихъ отношеніяхъ весьма важныхъ. Извлечения изъ тридцати двухъ разсмотрѣнныхъ г. Шахматовымъ такихъ отвѣтовъ онъ напечаталъ въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣленія. За послѣднее время вниманіе г. Шахматова привлекла „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. Плодомъ изученія этого памятника является: напечатанная въ „Из-

вѣстіяхъ“ Отдѣленія замѣчательная статья, обратившая на себя общее вниманіе: „Нѣсколько словъ о Несторовомъ житіи св. Θεодосія“,—помѣщенная въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статья „Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и читанный въ Обществѣ любителей древней письменности рефератъ „Кѣмъ и когда составленъ лѣтописный сводъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, вложеніе содержанія котораго помѣщено въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Нельзя пройти молчаніемъ очень важной статьи, появившейся на страницахъ „Извѣстій“ Отдѣленія „Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Смягченныя согласныя“, составляющей первую главу исторической грамматики русскаго языка, которою занимается г. Шахматовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ трудовъ Алексѣй Александровичъ напечаталъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ статьи: „Юрій Крижанничъ о сербско-хорватскомъ удареніи“ и „Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ“ и помѣстилъ разборы разныхъ сочиненій въ „Извѣстіяхъ“ и „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Въ виду такой ревностной ученой дѣятельности А. А. Шахматова, онъ предлагается, съ разрѣшенія Августѣйшаго Президента Академіи, къ избранію въ экстраординарные академики.

II.

ПРАВИЛА

о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшей Малорусскій Словарь.

Утверждены Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 8 мая 1897 года.

---

1) Преміи Н. И. Костомарова составляетъ внесенная имъ въ Императорскую Академію Наукъ въ 1881 году сумма 4000 руб., въ закладныхъ листахъ Харьковскаго Поземельнаго банка, об-

раченныхъ нынѣ въ свидѣтельства 4% Государственной ренты съ накопившимися на нее процентами.

2) Премія эти присуждаются Академіею Наукъ за лучшій изъ представленныхъ на ея разсмотрѣніе словарей малорусскаго нарѣчія съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.

3) Главную основу словаря долженъ составить народный языкъ. Изъ словаря не исключаются и слова, принадлежащія одной лишь или немногимъ мѣстностямъ; но при такихъ словахъ должны быть по возможности означены и самыя эти мѣстности.

4) Кромѣ народнаго малорусскаго нарѣчія, въ словарь должны войти съ особыми обозначеніями:

а. общеупотребительныя между малоруссами слова иноземнаго происхожденія.

б. слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія; они заносятся въ словарь въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ рукописныхъ или печатныхъ памятникахъ, и притомъ съ указаніемъ этихъ послѣднихъ.

в. слова, извѣстныя только изъ сочиненій авторовъ.

5) Словарь долженъ заключать въ себѣ не одинъ лишь переводъ словъ съ малорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, но также и примѣры важнѣйшихъ случаевъ употребленія ихъ, въ томъ или другомъ значеніи: въ пѣсняхъ, сказкахъ, поговоркахъ, загадкахъ и т. п., или въ произведеніяхъ письменной литературы; при чемъ, если примѣръ заимствованъ изъ произведеній устной или письменной словесности, долженъ быть указанъ и его источникъ.

6) Значенія словъ приводятся въ порядкѣ, соответствующемъ естественному развитію ихъ.

7) При начертаніи звуковъ малорусскаго нарѣчія составитель словаря имѣетъ послѣдовательно держаться одного правописанія.

Примѣчаніе. Пока малорусское правописаніе не опредѣлится прочнымъ образомъ, желательно, чтобы соблюдались слѣдующія правила: 1) мягкое *и* изображать черезъ *і*; 2) тамъ, гдѣ мягкій звукъ *и* не есть первоначальный или постоянный, а образовался изъ *о* или *е*, употреблять, по примѣру Максимовича, *ѵ*, *ѣ*, напр. *ѵнь*, коня; *нѣсу*, *лѣталь*, *лечу*; 3) не писать вовсе буквы *ѣ*; равнымъ образомъ не писать *ѣ*, употребляя безразлично *и* въ тѣхъ

случаяхъ, когда по-русски слышатся звуки *и* и *ы*, такъ какъ буквы *ы* и *и* произносятся малоруссами одинаково;

4) букву *э* также исключить изъ употребленія, мягкій же звукъ *е* означать буквою *е*.

8) Надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ должно быть означено его удареніе, и ко всѣмъ словамъ присоединяемо ихъ грамматическое опредѣленіе.

9) За словарь, вполне удовлетворяющій требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 3—8, назначается первая премія въ 4000 рублей, съ накопившимися на нихъ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря. Проценты, накопившіеся на сумму съ 1891 года по 1900 годъ, срокъ новаго конкурса, образуютъ вторую премію, которая присуждается за словарь, въ значительной степени удовлетворяющій выше изложеннымъ требованіямъ.

10) Словарь долженъ быть представленъ въ Академію чисто и четко переписанный, съ раздѣленіемъ, для практическаго удобства, на нѣсколько отдѣльныхъ частей.

11) Конкурсъ на представленіе словаря закрывается 1-го декабря 1900 года; въ случаѣ, если къ тому сроку не будетъ представлено словаря, или представленный трудъ не будетъ одобренъ, Академія объявляетъ новый конкурсъ.

12) Если представленный словарь не будетъ удостоенъ которой либо изъ премій, то проценты на суммы, назначенныя для премій за время до новаго конкурса, присоединяются къ нимъ.

13) По присужденіи премій конкурсъ на ихъ соисканіе закрывается.

14) Если будетъ присуждена только первая премія, то конкурсъ на соисканіе второй преміи закрывается и сумма назначенная на нее вмѣстѣ съ процентами сохраняется въ Академіи до объявленія новаго конкурса.

15) Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ словарей поручается Академіею особой комиссіи, состоящей изъ трехъ ученыхъ филологовъ, знатоковъ славянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка. Въ составъ этой комиссіи могутъ входить академики и посторонніе ученые, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея членовъ непременно долженъ быть чистый малоруссъ, усвоившій съ дѣтскихъ лѣтъ малорусское нарѣчіе.

16) Отчетъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова чи-

тается въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря, черезъ годъ по представленіи словаря.

17) Печатаніе удостоеннаго преміи словаря производится на счетъ Академіи Наукъ, съ тѣмъ, чтобы первое его изданіе составляло ея собственность.

18) Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Н. И. Костомарова.

ЗА СЕНТЯВРЬ — ДЕКАВРЬ 1897 ГОДА.

Г. предѣдательствующій заявилъ о горькой утратѣ, постигшей Отдѣленіе. 31 іюля сего года въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ скончался ординарный академикъ Федоръ Ивановичъ Буслевъ, состоявшій членомъ Отдѣленія съ 3 іюня 1860 года. Подробныя воспоминанія о дѣятельности покойнаго были прочтены г. предѣдательствующимъ въ сентябрьскомъ Общемъ Собраніи Академіи Наукъ ¹⁾.

Представленный преподавателемъ Литовской Семинаріи г. Антономъ Вышемирскимъ рукописный сборникъ свадебныхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ, съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора, со словъ крестьянскихъ дѣвушекъ и женщинъ въ періодъ времени съ 1887 по 1890 гг. Ипполитомъ Харсевичемъ, состоявшимъ въ то время пономщикомъ Хоревской церкви Пружанскаго уѣзда Гродненской губ., — положено, по рассмотрѣніи его академикомъ А. А. Шахматовымъ, препроводить къ проф. Имп. Варшавскаго университета Е. О. Карскому съ просьбой принять на себя трудъ извлеченія для напечатанія въ редактируемыхъ имъ, по порученію Отдѣленія, „Матеріалахъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“ — данныхъ по языку и словарю и, по минованіи надобности, — сборникъ этотъ переслать въ Отдѣленіе, для возвращенія его г. Вышемирскому.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи отъ г. С. Н. Северьянова изъ Москвы картоновъ фотографическихъ сним-

---

¹⁾ См. въ Извлеченіяхъ изъ протокола Общаго Собранія 6 сентября 1897 г., въ „Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ“, т. VII № 4, за ноябрь 1897 года стр. XXXIX—XLIV.

ковъ съ Супрасльскаго рукописи, съ листовъ 45—69, и соответственнаго этимъ листамъ продолженія свѣрки означенныхъ снимковъ съ подлинною рукописью (квиніоновъ 4 и 5-го). — Положено приобщить замѣчанія г. Северьянова и снимки къ полученнымъ ранѣе, въ первой присылкѣ.

Академикъ А. А. Шахматовъ сообщилъ Отдѣленію, что С. Н. Северьяновъ, подъ ближайшимъ присмотромъ котораго производилось фотографированіе части текста Супрасльскаго рукописи XI в., хранящейся въ Люблянѣ, и отъ котораго въ два раза были получены результаты его сличительной работы фотографическаго снимка съ подлинною рукописью (лл. 1—68 а и б), находится нынѣ въ Санктпетербургѣ и обращается къ Отдѣленію съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Супрасльская рукопись извѣстна теперь въ трехъ своихъ фрагментахъ: въ начальномъ, хранимомъ въ г. Люблянѣ, въ Австріи; въ серединномъ — въ Петербургѣ и въ конечномъ — въ Варшавѣ. До сихъ поръ наука пользовалась этимъ памятникомъ старославянскаго языка по существующему изданію Миклошича, изданію, исполненному небрежно. Въ литературѣ появились работы по исправленію изданія, но, во 1-хъ, не простирались вовсе на первую половину памятника; во 2-хъ, и въ области второй половины рукописи не исчерпывали всѣхъ ошибокъ изданія. Въ виду важности памятника я обратился къ нему съ мыслью о переизданіи. Дать свѣту исправный текстъ въ его палеографической картинѣ было поставлено цѣлью изданія. Изготовивъ списки всей рукописи, какъ она дошла до нашихъ дней, и хорошо вывѣривъ копію съ пергаменомъ непосредственно, я рѣшаюсь предложить Академіи Наукъ помочь мнѣ осуществить переизданіе, такъ какъ я не имѣю собственныхъ средствъ для печатанія. Собственно изданіе памятника я не ограничиваю только палеографической картиной текста, но имѣю въ виду и аналитическую часть изданія, какъ я склоненъ назвать статистическую передачу лексическихъ, морфологическихъ и фонетическихъ фактовъ языка памятника. Эта вторая часть обрабатывается мною въ настоящее время и находится еще въ той стадіи, что я считаю за нужное просить Академію объ осуществленіи пока первой части работы. Неотложная нужда въ литературѣ побуждаетъ меня къ такому ходатайству“. — При этомъ были представлены образцы печатнаго набора. Отдѣленіе, отнесясь съ живѣйшимъ участіемъ къ пред-

ложенію г. Северьянова и въ виду того, что изданіе исполненнаго по предложенію академика И. В. Ягича и при его руководствѣ полнаго фотографическаго снимка хотя бы одной люблянской части Супрасльскаго рукописи потребовало бы большихъ издержекъ и было бы все-таки не вполне достаточнымъ пособіемъ къ изученію текста Супрасльскаго рукописи, опредѣлило: 1) приступить нынѣ же къ изданію Супрасльскаго рукописи въ полномъ ея объемѣ типографскимъ способомъ, для чего воспользоваться матеріалами, собранными г. Северьяновымъ; 2) общую редакцію изданія и наблюденіе за нимъ просить принять на себя академикомъ А. Θ. Бычкова и А. А. Шахматова; 3) самое печатаніе текста и вообще веденіе изданія поручить г. Северьянову, который въ нынѣшнее свое пребываніе въ Петербургѣ можетъ установить порядокъ набора и веденія изданія; 4) церковно-славянскій текстъ памятника печатать страница въ страницу и строка въ строку, необходимыя примѣчанія палеографическаго и отчасти критическаго характера печатать внизу страницы подъ строкой; 5) печатать означенный трудъ г. Северьянова отдѣльнымъ изданіемъ на счетъ Отдѣленія, 6) просить академическую типографію приступить къ набору текста немедленно и вести его безостановочно и 7) выразить отъ имени Императорской Академіи Наукъ признательность графу М. Θ. Замойскому, къ фамильной бібліотекѣ котораго г. Северьяновъ получилъ доступъ для занятій хранящимся тамъ отрывкомъ упомянутой рукописи, а также бібліотекарю этой бібліотеки Θ. А. Корвону и проф. Императорскаго Варшавскаго университета Е. Θ. Карскому, благодаря содѣйствію и просвѣщенному вниманію которыхъ г. Северьянову было облегчено пользованіе и тою частью Супрасльскаго рукописи, которая хранится въ Варшавѣ. — Вскорѣ затѣмъ, г. предсѣдательствующимъ былъ представленъ Отдѣленію первый сверстанный листъ печатнаго изданія текста всей Супрасльскаго рукописи XI в.; послѣднее, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту, постановило вести печатаніе и далѣе по представленному образцу.

По порученію Отдѣленія, составленіе Отчета о дѣятельности его за 1897 годъ принялъ на себя академикъ М. И. Сухомлиновъ. Положено озаботиться доставленіемъ Михаилу Ивановичу своевременно необходимыхъ матеріаловъ и обра-

тяться съ такою же просьбою къ членамъ Отдѣленія, проживающимъ внѣ Санктпетербурга. — Но по случаю неожиданно постигшей затѣмъ акад. М. И. Сухомлинова болѣзни, составленіе этого отчета принялъ на себя г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, академикъ А. Ѳ. Бычковъ. Составленные имъ какъ Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1897 г., такъ и краткій отчетъ о присужденіи въ этомъ году Ломоносовской преміи были прочитаны въ Отдѣленіи и одобрены послѣднимъ.

Читано письмо проф. Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде къ г. предсѣдательствующему, въ которомъ онъ сообщаетъ, что отчетъ о своей поѣздкѣ съ цѣлію изученія народныхъ говоровъ, для совершенія которой Отдѣленіе назначило ему денежное пособіе, будетъ въ скоромъ времени доставленъ въ Отдѣленіе. Принято къ свѣдѣнію.

Читано препровожденное на заключеніе Отдѣленія г. непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ письмо г-жи М. В. Безобразовой съ просьбою о напечатаніи въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“ труда ея: „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“ и съ запросами о томъ: а) имѣетъ ли она право поставить вторымъ заголовкомъ: „Опытъ исторіи философіи въ Россіи, ч. I-я“, б) въ какой степени слѣдуетъ ей пользоваться указаніями ея рецензента проф. Духовной Академіи А. И. Пономарева, в) слѣдуетъ ли ей совершенно заново переработать этотъ трудъ и какъ понимать слова проф. Пономарева „объ изложеніи и языкѣ“. Отдѣленіе постановило просить г. непремѣннаго секретаря Академіи доставить рукопись труда г-жи Безобразовой на разсмотрѣніе гг. членовъ Отдѣленія, которая, по полученіи, и была передана на заключеніе акад. А. А. Шахматова, сообщившаго о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе М. В. Безобразовой „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“ состоитъ изъ введенія, нѣсколькихъ статей о славянскихъ, русскихъ и славяно-русскихъ переводахъ памятниковъ философской литературы и изъ небольшого заключенія. Во введеніи мы встрѣчаемъ рядъ общихъ положеній, выясняющихъ взглядъ автора на исторію философіи въ Россіи; между прочимъ, находимъ здѣсь утверженіе, что философскія мысли издавна были не чужды русскимъ людямъ, что это дѣлаетъ даже возможною исторію русской философіи, начиная съ XI в.; охарактеризовавъ главныя направленія русской философіи въ различные періоды ея существованія, г-жа

Безобразова дѣлитъ исторію этой философіи на три періода. Разсмотрѣнныя ею сочиненія относятся всѣ къ первому періоду, обнимающему XI—XVI вв. Имѣя въ виду, что, по словамъ самой г-жи Безобразовой, для того, чтобы подвести итоги нашему философскому прошлому, „требуется, чтобы философскіе памятники, которые теперь не всѣ еще извѣстны, были бы изучены со всѣхъ сторонъ, и въ особенности со стороны историко-философской“, что, по указанію автора, такая работа только начата, при чемъ памятники далеко не всѣ разсмотрѣны и изучены, — дѣленіе нашей философіи на періоды, общіе выводы на основаніи нѣкоторыхъ древнихъ философскихъ памятниковъ о различныхъ направленіяхъ философской мысли представляются слишкомъ поспѣшными. Вотъ почему желательна была бы, — въ томъ случаѣ, если сочиненіе г-жи Безобразовой будетъ напечатано, — полная переработка первой его части — введенія. Обращаясь къ отдѣльнымъ статьямъ, слѣдующимъ за введеніемъ, нельзя не замѣтить, что многія изъ нихъ содержатъ въ себѣ довольно обстоятельныя историко-литературныя изслѣдованія о произведеніяхъ древней русской словесности; впервые здѣсь видимъ попытку взглянуть на нѣкоторыя изъ нихъ съ точки зрѣнія ихъ философскаго значенія. Но, къ сожалѣнію, авторъ, и какъ это видно изъ введенія — умышленно, не провелъ должнаго различія между тремя совершенно разнородными по происхожденію памятниками, имъ изученными. Во 1-хъ, находимъ здѣсь памятники церковнославянской или древне-болгарской литературы (Кириллъ Философъ, Іоаннъ ексархъ Болгарскій), во 2-хъ переводные памятники съ греческаго языка и, наконецъ, въ 3-хъ, памятники русскіе или возникшіе въ Россіи. Только эти послѣдніе памятники могутъ въ строгомъ смыслѣ свидѣтельствовать о развитіи философской мысли у насъ въ Россіи, а первые два вида памятниковъ важны для насъ только настолько, насколько оказывали вліяніе на чисто русскія произведенія или подвергались измѣненіямъ и дополненіямъ въ Россіи. Вотъ почему въ сочиненіи, озаглавленномъ „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“, не мѣсто разбору статей Изборника 1073 г., составленнаго, а точнѣе — переведеннаго съ греческаго языка для Симеона Болгарскаго, или еще анализу „Пчелы“, точному изслѣдованію, изъ какихъ именно греческихъ философовъ заносились въ нее разныя мысли и изреченія. „Пчела“ принадлежитъ русской

литературѣ только настолько, насколько она отразилась на рядѣ русскихъ памятниковъ, напр. на Словѣ Даниїла Заточеника. Въ виду этого желательно было бы выдѣленіе изъ всего сочиненія г-жи Безобразовой именно тѣхъ статей, которыя прямо относятся къ исторіи русской литературы; сюда относятся: Посланіе митрополита Никифора, Слово Даниїла Заточеника, Уставъ Нила Сорскаго, Сочиненія Максима Грека. Эти статьи будутъ вкладомъ въ русскую литературу, при чемъ, разумѣется, Слово Даниїла и Сочиненія Максима Грека должны быть переработаны въ томъ смыслѣ, чтобы исходнымъ пунктомъ служили именно они, а не вліявшія или вызвавшія ихъ сочиненія — Пчела и Люцидарій. Равнымъ образомъ въ изданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности могли бы быть помѣщены, но не подъ общимъ заглавіемъ съ упомянутыми выше статьями, изслѣдованія о Кириллѣ Философѣ и объ Іоаннѣ ексархѣ Болгарскомъ. Такимъ образомъ, въ изданіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ могутъ быть напечатаны слѣдующія статьи изъ сочиненія г-жи Безобразовой: Посланіе Никифора, Уставъ Нила Сорскаго, о Словѣ Даниїла Заточеника, о сочиненіяхъ Максима Грека (послѣднія двѣ статьи въ переработкѣ), а также статьи о Кириллѣ и объ Іоаннѣ ексархѣ Болгарскомъ". Положено передать этотъ отзывъ академика А. А. Шахматова въ копию, вмѣстѣ съ рукописью г-жи Безобразовой, — г. непремѣнному секретарю Академіи.

Вслѣдствіе предложенія Академіи г-жа М. В. Безобразова обратилась къ Отдѣленію съ запискою слѣдующаго содержанія: „Желая приступить къ переработкѣ указанныхъ статей, покорнѣйше прошу II Отдѣленіе мнѣ сообщить, будутъ ли напечатаны отрывки изъ моей работы въ изданіяхъ Академіи въ теченіе 1898 года". Положено просить А. А. Шахматова снестись съ г-жой Безобразовой для опредѣленія того, какія изъ статей труда ея могли бы быть помѣщены, въ видѣ отрывковъ изъ послѣдняго, въ ближайшихъ томахъ Сборника Отдѣленія или въ одной изъ книжекъ III тома Иавѣстій Отдѣленія.

Читана записка магистранта В. В. Сиповскаго слѣдующаго содержанія: „Обращаюсь во II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ покорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ содѣйствіи въ моихъ ученыхъ занятіяхъ. Продолжая заниматься разработкой литературной исторіи „Писемъ русскаго путешественника" Карамзина, я встрѣтился съ вопросомъ о цензур-

ной исторіи „Писемъ“; разрѣшеніе этого вопроса помогло бы мнѣ возстановить до нѣкоторой степени первоначальный видъ „Писемъ русскаго путешественника“. Именными Высочайшими указами: 16 сентября 1796 г. (1-е Полн. Собр. Зак., т. XXIII, № 17508), 22 октября 1796 г. (ibid. № 17523) и 16 февраля 1796 г. (т. XXIV, № 17811) — учрежденная „цензура“ поставлена въ зависимость отъ 3-го Департамента Правительствующаго Сената. Такимъ образомъ, дѣло о „Письмахъ русскаго путешественника“ должно находиться въ Архивѣ Московскаго Сената. Не будучи самъ въ состояніи ѣхать въ Москву, не зная навѣрно, сохранились ли дѣла, меня интересующія, рѣшаюсь обратиться съ просьбою ко II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, не отказать мнѣ въ отпращиваніи запроса въ Архивъ Московскаго Сената относительно того, сохранились ли бумаги Архива за 1797 г., касающіяся „Писемъ русскаго путешественника“. Кромѣ Архива Московскаго Сената бумаги, относящіяся къ интересующему меня вопросу, могутъ находиться и въ Архивѣ Императорскаго Московскаго университета, такъ какъ цензоромъ „Писемъ русскаго путешественника“ былъ проф. Прокоповичъ-Антонскій и разрѣшеніе, имъ данное на печатаніе „Писемъ русскаго путешественника“, совершенно тождественно, и по формѣ, и по содержанію, съ тѣми, которыя выдавались, когда цензура подчинена была Московскому университету. Поэтому я покорнѣйше прошу II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ послать запросъ и въ Архивъ Московскаго университета относительно цензурныхъ дѣлъ 1797 года“. — По сдѣланіи Отдѣленіемъ сношеній съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи и Императорскимъ Московскимъ университетомъ, были получены отвѣты: 1) отъ г. ректора сего университета, что въ Архивѣ онаго находятся дѣла только съ 1813 г., до этого же времени всѣ дѣла погибли отъ огня во время пожара 1812 года, и 2) отъ директора упомянутаго выше Архива, что хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Сенатскія производства, въ томъ числѣ и дѣла 3-го Департамента Правительствующаго Сената, по времени относятся къ 1711—1796 гг.; дѣла же послѣдующихъ лѣтъ находятся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ. Сверхъ сего, г. Министръ Юстиціи, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ, вслѣдствіе ходатайства Отдѣленія, увѣдомилъ о разрѣшеніи магистранту В. В. Сиповскому приступить къ занятіямъ въ

Сенатскомъ Архивѣ и въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, съ цѣлю ознакомленія съ хранящимися въ этихъ архивахъ цензурными дѣлами XVIII ст. Обо всемъ вышеизложенномъ положено увѣдомить г. Сиповскаго.

Въ дополненіе къ предложенію, внесенному въ одно изъ весеннихъ засѣданій Отдѣленія, объ изданіи сочиненій русскихъ писателей, начиная съ древнѣйшаго времени, и отдѣльныхъ безыменныхъ памятниковъ русской словесности, академики М. И. Сухомлиновъ и А. А. Шахматовъ представили нынѣ на обсужденіе сочленовъ подробный планъ этого изданія и свѣдѣнія о способѣ изданія и приемахъ, которыхъ необходимо слѣдуетъ при этомъ держаться. Предложеніе это сочувственно принято Отдѣленіемъ и къ подробному обсужденію его частностей положено обратиться въ ближайшее засѣданіе. Разсмотрѣвъ затѣмъ записку академикомъ М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, Отдѣленіе постановило: 1) приступить на предложенныхъ въ упомянутой запискѣ основаніяхъ къ изданію; 2) просить принять на себя редакцію и завѣдываніе этимъ дѣломъ академика М. И. Сухомлинова и 3) ходатайствовать объ отпускѣ особой суммы на это изданіе.

Академикъ А. А. Шахматовъ представилъ вниманію Отдѣленія полученный имъ отъ кандидата Санктпетербургской Духовной Академіи Д. И. Абрамовича планъ его труда (см. въ *Приложеніи II-мъ*), посвященнаго изученію сочиненій, приписываемыхъ преподобному Нестору Лѣтописцу. При этомъ А. А. Шахматовъ сообщалъ, что въ виду того, что въ Отдѣленіи уже состоялось рѣшеніе приступить по определенной программѣ къ изданію сочиненій русскихъ писателей, начиная съ самаго древняго времени, полезно было бы поручить г. Абрамовичу пригосвѣненіе къ печати сборника литературныхъ трудовъ, приписываемыхъ препод. Нестору, по представленному имъ плану. Отдѣленіе вполне согласилось съ мнѣніемъ акад. А. А. Шахматова.

Завѣдующій редакціей Словаря русскаго языка академикъ А. А. Шахматовъ сообщалъ, что на дняхъ имъ будетъ приступлено къ версткѣ первыхъ листовъ 4-го выпуска (1-го выпуска II тома) Словаря и что корректуры перваго сверстаннаго листа, для разсмотрѣнія и замѣчаній, будутъ разсланы своевременно. При этомъ акад. Шахматовъ указалъ на одного изъ усерднѣйшихъ и полезнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ,

учителя прежде Мещовскаго, нынѣ Боровскаго уѣднаго училища В. И. Чернышева, и высказалъ надежду, что со временемъ, быть можетъ, удастся устроить переводъ его въ Петербургъ и тѣмъ самымъ доставить ему возможность быть еще болѣе усерднымъ вкладчикомъ въ Словарь отечественнаго языка.

Вскорѣ затѣмъ тотъ же академикъ прочелъ составленное имъ Предисловіе къ 4-му выпуску Словаря. Отдѣленіе одобрило къ напечатанію это Предисловіе и положило присоединить его къ означенному выпуску Словаря.

Читано отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія на имя Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ слѣдующаго содержанія: „Въ текущемъ году Министерство Народнаго Просвѣщенія входило къ Министру Финансовъ съ ходатайствомъ о продолженіи отпуска изъ казны кредита на изданіе Императорской Академіи Наукъ историческихъ документовъ и памятниковъ, относящихся до исторіи Академіи. Въ настоящее время статсъ-секретарь С. Ю. Витте увѣдомилъ меня, что онъ, съ своей стороны, не можетъ не обратить вниманія на то, что на изданіе указанныхъ документовъ изъ казны отпущено уже по настоящее время 64.000 р., на каковую сумму издано 8 томовъ Матеріаловъ по исторіи Академіи Наукъ. Въ настоящее же время, для доведенія этого изданія до 1801 года, предполагается издать еще около 12 томовъ, приблизительно по 4000 р. за томъ. Такимъ образомъ, общая стоимость изданія опредѣлится въ 112.000 р., т. е. въ сумму, которая едва ли можетъ считаться соотвѣтствующей значенію этого изданія въ ряду другихъ историческихъ матеріаловъ. Посему статсъ-секретарь Витте, находя нежелательною затрату на это изданіе слишкомъ значительныхъ средствъ, полагаю бы необходимымъ, ранѣе приступа къ продолженію изданія, принять мѣры къ возможному сокращенію исчисляемыхъ на этотъ предметъ расходовъ, чего, по видимому, можно было бы достигнуть путемъ болѣе строгаго разбора хранящихся въ архивахъ Академіи Наукъ памятниковъ и документовъ и напечатанія только тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно могутъ имѣть серьезное историческое значеніе. О такомъ отзывѣ Министра Финансовъ долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества“. — По выслушаніи означеннаго отношенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Отдѣленіе обратилось съ просьбой къ академику М. И. Сухомлинову дать

по поводу сообщенныхъ замѣчаній статсъ-секретаря С. Ю. Витте свой отзывъ, чтобы, основываясь на немъ, Отдѣленіе могло ходатайствовать о продолженіи отпуска суммы въ прежнемъ размѣрѣ. Къ этому побуждаетъ Отдѣленіе еще и то обстоятельство, что на эту сумму, кромѣ изданія матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ, могли бы быть издаваемы въ хронологическомъ порядкѣ творенія русскихъ писателей, начиная съ начала русской письменности, что является одною изъ обязанностей Отдѣленія русскаго языка и словесности, унаслѣдованной еще отъ ея предшественницы, бывшей Императорской Россійской Академіи, — и составляетъ предметъ первой необходимости для дальнѣйшаго успѣшнаго изученія русскаго языка и отечественной литературы.

Присланные проф. Императорскаго Новороссійскаго университета В. М. Истринымъ греческіе тексты: I: Даниилъ и три отрока по Cod. Barberinus и II: по Cod. Vallicellaneus — положено принять для напечатанія въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ А. Н. Веселовскій заявилъ о полученномъ имъ письмѣ отъ проф. Имп. Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ г. Карла Крона, съ просьбою указать ему, къ кому онъ долженъ обратиться за полученіемъ разрѣшенія для пользования и печатанія рукописныхъ текстовъ финскихъ рунъ, находящихся въ собраніи бумагъ покойнаго академика Шёгрена (во II-мъ — иностранномъ Отдѣленіи Имп. Академіи Наукъ), — въ приготовляемомъ имъ къ печати критическомъ изданіи финскихъ народныхъ пѣсенъ. Отдѣленіе, выслушавъ сообщеніе академика Веселовскаго, опредѣлило передать просьбу проф. Крона г. непремѣнному секретарю Академіи для доклада Общему Собранію.

Отдѣленіе, признавая необходимымъ разрѣшить коллежскому ассесору П. В. Шейну закончить печатаніе 2-го выпуска I тома составленнаго имъ сборника великорусскихъ пѣсенъ, опредѣлило: 1) издержки по допечатанію I-го тома упомятаго изданія принять на счетъ Отдѣленія и 2) увѣдомить о томъ типографію Академіи Наукъ.

Читано письмо г-жи Антонины Юшкевичъ (изъ гор. Юрьева, Лифляндской губ.), которымъ она увѣдомляетъ о полученіи назначенныхъ ей 200 экз. 1-го выпуска Литовскаго словаря Антона Юшкевича и выражаетъ Отдѣленію благодарность за доставленіе ихъ.

Читана препровожденная изъ Канцеляріи г. непремѣннаго секретаря Имп. Академіи Наукъ записка преподавателя Тобольской духовной семинаріи Ив. Ловягина слѣдующаго содержания: „Представляя одновременно съ симъ въ десяти экземплярахъ брошюру — отрывокъ изъ предположеннаго къ изданію въ свѣтъ „Объяснительнаго славяно-греко-русскаго словаря“, осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не найдете-ли возможнымъ предложить означенную брошюру милостивому и благосклонному вниманію Августѣйшаго Президента и гг. академиковъ, каковое вниманіе со стороны ученѣйшей корпораціи послужить мнѣ необходимою поддержкою при предпринятомъ мною не маломъ трудѣ“. Доставленные экземпляры означенной записки г. Ловягина съ образчикомъ его труда были розданы гг. присутствовавшимъ. Отдѣленіе, рассмотрѣвъ отрывокъ составляемаго г. Ловягинимъ Славяно-греко-русскаго словаря по книгамъ Св. Писанія и книгамъ богослужебнымъ, нашло предпринятый имъ трудъ весьма полезнымъ не только въ интересахъ духовнаго просвѣщенія, но также съ точки зрѣнія науки о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ и вообще славяно-русской филологіи. Судя по предложенному отрывку, Словарь составляется по плану, строго выдержанному, и руководствуется приемами, заслуживающими полнаго одобренія. Впрочемъ, въ предпосланномъ отрывку предисловія недостаточно ясно выражено, заносятся ли въ Словарь всѣ слова послѣдуемыхъ текстовъ или же только малопонятныя и непонятныя. Желательно было бы включеніе въ Словарь рѣшительно всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ книгахъ Св. Писанія и богослужебныхъ, при чемъ простыя, всѣмъ понятныя слова могли бы сопровождаться одною или двумя оправдательными ссылками. Не мѣшало бы приводить въ красной строкѣ нѣкоторыя образованія и формы со ссылками на то слово, подъ которымъ найдется къ нимъ объясненіе. Такъ формы: *обрѣтоша, обрѣтый* относятся собственно не къ *обрѣтати*, а къ *обрѣсти*. Поэтому слѣдовало бы привести *обрѣсти* въ красной строкѣ, сдѣлать ссылку на *обрѣтати*, а въ ссылкахъ на случаи, гдѣ встрѣчается *обрѣтати*, различить формы, восходящія къ основѣ *обрѣта-ти* и къ основѣ *обрѣт(с)-ти*. То же относительно *обраца-ти* при *обрати-ти*, *обнажа-ти* при *обнажи-ти* и т. д.

Вообще, не мѣшало бы имѣть въ виду филологическую сто-

рону языка и для этого строго различать различныя глагольныя основы. Въ красной строкѣ, напр., читаемъ: Обинитиса, обинутиса. Далѣе приводятся ссылки, при чемъ въ одной изъ нихъ встрѣтилась форма обинухса. Остается невыясненнымъ, какія именно формы находятся въ остальныхъ мѣстахъ: тѣ-ли, которыя восходятъ къ *обини-тиса*, или тѣ, которыя возводятся къ *обину-тиса*. Не лишне было бы поэтому нѣсколько чаще приводить ту форму слова, которая встрѣтилась въ томъ или другомъ текстѣ. Нѣкоторыя, съ точки зрѣнія славянской грамматики, неправильности въ образованіи времени глаголовъ, падежей и т. п., можетъ быть, также не лишне бы оговаривать. Весьма полезно было бы указаніе удареній на словахъ, приведенныхъ въ красной строкѣ. Весьма сочувствуя работѣ г. Ловягина, Отдѣленіе рѣшило выслать ему въ даръ слѣдующія свои изданія, могущія служить справочными руководствами: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка И. Срезневскаго, Грамматику церковно-славянскаго языка Востокова, Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь и Церковно-славянскій словарь Востокова.

Сообщено о полученіи отъ г. Н. Пѣнькевича (изъ г. Замостья, Люблинской губ.) записки съ указаніемъ пропущенныхъ въ „Академическомъ словарѣ“ словъ: амеба, викунья, гуру, детригъ и фильдекосовый.

На запросъ г. А. Д. Шевчука (со ст. Рахны-Лѣсовые, Подольской губ.) „о разъясненіи, какъ правильнѣе пишутся слова: мѣстность *обезмѣшенная* или *обезмѣсенная*? и употребляются ли выраженія (вм. лѣса уничтожаются) *обезмѣшиваются* мѣстности, *обезмѣшиваю?*“ — положено передать письмо г. Шевчука съ просьбою сообщить свое мнѣніе по сему запросу акад. А. А. Шахматову, который вскорѣ и представилъ слѣдующія свои соображенія по сему случаю: „Сравненіе съ образованіями, какъ *навѣщенный*, *навѣшивать* при *навѣсить*, *окрашенный*, *окрашивать* при *окрасить*, указываетъ на то, что слѣдовало бы ожидать при *обезмѣсить* — *обезмѣщенный*, *обезмѣшивать*. Но глаголь *обезмѣсить* сравнительно новаго происхожденія и этимъ объясняется нерѣдкое теперь произношеніе — *обезмѣсенный*, *обезмѣсивать*. Во всякомъ случаѣ такое произношеніе болѣе употребительно, чѣмъ то болѣе правильное съ точки зрѣнія русскои грамматики“.

На свободную вакансію ординарнаго академика Отдѣленія русскаго языка и словесности, съ соизволенія Его Император-

скаго Высочества Августѣйшаго Президента Имп. Академіи Наукъ, былъ предложенъ извѣстный своими учеными трудами членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. Н. Пыпинъ. По прочтеніи въ Отдѣленіи записки объ ученыхъ трудахъ г. Пыпина, составленной академикомъ Л. Н. Майковымъ, была произведена баллотировка шарами, при чемъ А. Н. Пыпинъ оказался единогласно избраннымъ въ ординарные академики. Положено сообщить объ этомъ г. непремѣнному секретарю Академіи Наукъ для представленія о томъ ближайшему Общему Собранію Академіи и приложить читанную въ Отдѣленіи записку объ ученыхъ трудахъ г. Пыпина. (См. въ Приложен. I).

Въ члены-корреспонденты Отдѣленія русскаго языка и словесности избранъ бывшій проф. Имп. Юрьевскаго университета Иванъ Александровичъ Бодуэнъ-де-Куртенз, о чемъ и положено сообщить г. непремѣнному секретарю Академіи выпискою изъ протокола для внесенія въ ближайшее засѣданіе Общаго Собранія.

Вслѣдствіе просьбы г-на Коробка о доставленіи ему на нѣкоторое время рукописнаго сборника малорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Волинской губ., и имъ принесеннаго въ даръ Отдѣленію, — положено означенный сборникъ препроводить къ акад. А. А. Шахматову для передачи просителю.

Г-нъ Найдень Геровъ (изъ Филиппополя), препроводя въ Отдѣленіе два экз. II-го тома издаваемого имъ Словаря болгарскаго языка, обратился къ Академіи Наукъ съ просьбою прислать ему по одному экземпляру тѣхъ изъ числа изданныхъ ею Словарей русскаго языка, которыя могли бы ему служить пособіемъ при изданіи остальныхъ трехъ частей его Словаря болгарскаго языка. Положено принять къ свѣдѣнію и послать г. Герову по экземпляру: 4-го выпуска Словаря русскаго языка и всѣхъ вышедшихъ выпусковъ Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго, о чемъ и сдѣлать соответственное распоряженіе по Книжному складу Академіи Наукъ.

Читано письмо бібліотекаря Науковаго товариства имени Шевченка во Львовѣ, г. М. Павлика, съ благодарностью за присылку Сборника Отдѣленія и другихъ изданій и съ просьбою о досылкѣ Товариству недостающихъ томовъ Сборника и Сочиненій Ломоносова и Державина. Положено просьбу эту удовлетворить.

Г. непрѣмный секретарь Имп. Академіи Наукъ, письмомъ на имя г. предѣдательствующаго въ Отдѣленіи, академика А. Ѳ. Бычкова, увѣдомилъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ М. И. Михельсонъ представилъ въ Академію 15.000 рублей на учрежденіе премии его имени за труды въ области науки о русскомъ языкѣ и составленный имъ проектъ правилъ для присужденія этихъ премій.* Препровождая проектъ этотъ въ подлинникѣ, г. непрѣмный секретарь присовокупилъ, что Общее Собраніе Академіи Наукъ, въ декабрьскомъ засѣданіи своемъ, постановило передать означенный проектъ правилъ на обсужденіе II Отдѣленія и, согласно желанію жертвователя, при обсужденіи проекта, пригласить его въ засѣданіе Отдѣленія, для сообщенія тѣхъ основаній, которыя имъ руководили при составленіи Правилъ. По ознакомленіи съ проектированными г. Михельсономъ правилами, Отдѣленіе нашло необходимымъ измѣнить постановку и редакцію нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, съ каковыми измѣненіями согласился и учредитель премии М. И. Михельсонъ. Посему Отдѣленіе постановило сообщить г. непрѣмному секретарю Академіи, для доклада Общему Собранію, о сдѣланныхъ Отдѣленіемъ измѣненіяхъ въ проектѣ правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, — для утвержденія ихъ.

Сообщено о полученіи отъ директора народныхъ училищъ Тульской губ. 2-хъ экз. II-ой Программы для собиранія особенностей говоровъ южно-великорусскаго нарѣчія — съ отмѣтками объ особенностяхъ говоровъ Крапивенскаго и Веневскаго уѣздовъ, сдѣланными священникомъ Вл. Иоанн. Благовѣщенскимъ. Положено выразить о Благовѣщенскому отъ имени Отдѣленія признательность за доставленіе столь любопытныхъ матеріаловъ, которые и передать академику А. А. Шахматову.

Доведено до свѣдѣнія Отдѣленія о полученіи нижепоименованныхъ матеріаловъ по говорамъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, вызванныхъ вопросами, разосланными отъ Отдѣленія въ разныя губерніи въ видѣ I, II и III-й Программъ для собиранія особенностей народныхъ говоровъ, — отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений:

1) Учительницы Брюхачевой (?) — экз. I Программы съ отмѣтками свѣдѣній о говорѣ жителей деревни Большое Жирново (Вятской губ., Малмыжскаго уѣзда, Вихаревской волости), съ приложеніемъ на 4 листахъ. — 2) Учительницы Константи-

новскаго училища Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ., Евдокии Садовской — экз. I Программы съ отмѣтками о говорѣ населенія села Константиновскаго, съ приложеніемъ (о селѣ Константиновскомъ) на 2-хъ листахъ. — 3) Учительницы Кизнерской земской школы Клавдіи Воробьевой — экз. I Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора населенія села Кизнери Малмыжскаго уѣзда Вятской губ., съ приложеніями на 6-ти листахъ (1 а и б: о селѣ Кизнерь, 2 л.: названія птицъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, кушаній, 3 л.: пѣсня, записанная со словъ работницы, пріѣхавшей изъ Елабужскаго уѣзда, пѣсня, записанная со словъ мѣстной крестьянки, и 4 листъ: игра въ карты, словарь и фразеологія. — 4) Миссіонера Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ Архангельской епархіи, священника Николая Дьячкова изъ г. Кеми — экз. I-ой Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей города Кеми Архангельской губ. и съ свѣдѣніями о гор. Кеми. — 5) Учителя Касимовскаго духовнаго училища Владимира Ильинскаго — экз. II-й Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей гор. Касимова, съ приложеніемъ на 3-хъ листахъ: „Особенныя слова и выраженія говора жителей гор. Касимова“. — 6) Учителя земскаго начальнаго народнаго училища въ деревнѣ Отарѣхъ Владимира Сергѣева — экз. I Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ деревни Отарь и Пеганурь Кадомской волости, Яранскаго уѣзда, Вятской губ., съ приложеніями на 7 листахъ (словарь, пѣсни и т. д.). — 7) Учительницы Смородинскаго училища Анненковой — рукописной тетради: „Отвѣты на вопросы Программы для собиранія южно-великорусскаго нарѣчія“ стр. 1: говоръ крестьянъ села Смородины, Курской губ., Грайворонскаго уѣзда, Дорогощанской волости. Звуки гласные и т. д.; стр. 25: Пѣсни мѣстныхъ крестьянъ, пѣсни свадебныя, поздравленія съ новымъ годомъ; стр. 26: загадки, сказка про мужика, медвѣдя и лису; стр. 27: краткое описаніе села Смородины (всего 30 страницъ). — 8) Учительницы Столыпинскаго сельскаго училища Зубцовскаго уѣзда, Тверской г., Юліи Федоровны Рахманиной — экз. I-й Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей села Столыпина съ приложеніемъ (на 46 страницахъ): Пѣсни (с. 1—8), прибаутки (9), пѣсни хоровадныя (20), пѣсни свадебныя (29), поговорки (36), примѣты, сказки (37): 1) Баба-яга, 2) Яшка-мѣдная пряжка; замѣчанія о селѣ Столыпинѣ (45—46). — 9) Учителя земской школы Ивана

А. Утѣжина — экз. I Программы съ замѣчаніями объ особенностяхъ говора жителей села Судосева, Карсунскаго уѣзда, Симбирской губ., съ приложеніемъ на 4 страницахъ „Краткой исторіи села Судосева“. — 10) Учительницы Вѣтчанскаго сельскаго училища Людмилы Петровны Крашенинниковой — экз. II Программы съ замѣчаніями о говорѣ населенія деревни Вѣтчаны Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., съ приложеніемъ на 3-хъ листахъ: „Пѣсни которыя поются дѣвицами д. Вѣтчанъ“ (л. 1), № 1—4 и „Описание мѣстности“ (л. 3) съ препроводительной запиской г-жи Крашенинниковой. — 11) Н. Г. Моисеенка изъ м. Поставы Виленской губ., Дисненскаго уѣзда — экз. III-ей Программы съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ мѣстечка Поставы, съ приложеніями на 4 листахъ: Сказка (дѣдъ, баба и кабылка) и „Панская пгріща“. — 12) Замѣтки объ особенностяхъ говора жителей села Никулина, Карсунскаго уѣзда, Симбирской губ., собранныя учительницей Никулинскаго училища Софіей Онуфріевной Александровичъ согласно I Программѣ и полученныя отъ директора народныхъ училищъ Симбирской губерніи: I. Географическое положеніе с. Никулина (л. 2). II. Краткая исторія с. Никулина (л. 2-ой). Составъ населенія (л. 3). Отвѣты на I Программу по §§ (л. 3-ей). Старинная солдатская пѣсня (л. 22). Современная пѣсня (л. 23). Свѣдѣнія о составительницѣ отвѣтовъ (л. 23-ей). — 13) Василія Александровича Сучкова — экз. II Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ села Панькова, Паньковской волости, Новосильскаго уѣзда, Тульской г., съ приложеніемъ на 40 листахъ: О мѣстѣ наблюденій (л. 1); къ § 25 Программы — Прозванія людей (л. 3); § 26 — Бранныя слова (л. 3); ласкательныя слова (л. 3-ей); § 37 — Названія праздниковъ. Божба; § 40. Имена людей (л. 4); § 43 — клички собакъ (л. 5); клички лошадей, клички коровъ. Сказки (л. 6): 1) Попъ и дячекъ; 2) Хитрый работникъ (л. 6-ой); 3) Дурачекъ (л. 7) 4) Про казу (л. 7-ой). 5) О Ваньки (л. 8-ой). 6) Про бабу брюхатаю (л. 9). 7) Работникъ и чартенакъ. Побасенки (л. 10). Разказы (л. 10-ый): Вѣдьма (№ 1—2). Пѣсни (л. 12): №№ I—XXIX; Пѣсни свадебныя (л. 23): № I—X. Пѣсни подблюдныя (л. 27): № I—XX. Загадки № 1—21. Пословицы, поговорки и прибаутки (л. 29) № 1—112. Народныя слова и выраженія (л. 33—40). — 14) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками, сдѣланными въ ней учительницей Га-

товскаго народнаго училища г-жею Ситкевичъ о говорѣ жителей села Гатовъ, Минской губ. и уѣзда. — 15) Старшаго учителя Васильковскаго II училища Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда Александра Георгіевича Черѣмхина — экз. II Программы съ отмѣтками особенностей говора населенія с. Василькова, съ приложеніемъ на 6 листахъ: „Краткое описаніе села Василькова и нѣкоторыхъ селеній, надъ которыми производились наблюденія надъ народнымъ говоромъ“ (л. 1); пѣсни № 1—4 (л. 4); пригудки и пѣсни. — 16) В. И. Чернышева, изъ г. Мещовска, матеріаловъ подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о мещовскомъ говорѣ“ (въ отвѣтъ на II Программу) (л. 1); особенности мещовскаго ударенія, какъ южно-великорусскаго вообще (л. 17), словообразованіе (л. 21-ый); синтаксическія особенности (л. 28); собраніе словъ мещовскаго просторѣчія (л. 34); дополненіе къ нему преподавателя мещовскаго духовнаго училища А. Д. Воскресенскаго (л. 80); мещовскія дѣтскія пѣсни (л. 84), № 1—46; списокъ словъ портновскаго языка (л. 90), — всего 96 писанныхъ листовъ. — 17) Учителя Кузнецовскаго (Тверской губ.) приходскаго училища Тихона Васильевича Корнѣева — замѣтки: „Главныя особенности крестьянскаго говора въ окрестностяхъ г. Мещовска Калужской губерніи“, въ дополненіе къ сообщенію его отъ 5 апрѣля сего года. — 18) Директора народныхъ училищъ Минской губ., — экз. III Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей села Хотыничи, Пинскаго уѣзда, Минской губ., одѣланными учителемъ Хотыничскаго народнаго училища, Пинскаго уѣзда, Александромъ Ляховскимъ. — 19) Совѣта Кіевской Духовной Академіи — экз. I Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей селеній Муромскаго уѣзда, Владимірской губ., и гор. Мурома, съ приложеніемъ пѣсенъ на 2 листахъ, сообщенными проф. Кіевской Духовной Академіи В. Пѣвницкимъ. — 20) Учителя 1 класса Воскресенскаго двухкласснаго сельскаго училища Павла Львовича Плечева съ отмѣтками объ особенностяхъ говора жителей селеній Благовѣщенскаго и Воскресенскаго обществъ, Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губ., съ приложеніями на 127 листахъ: (л. 2) Шенкурскій уѣздъ, г. Шенкурскъ, Благовѣщенское сельское общество (л. 4); особенности народнаго говора (л. 6); имена (названія) урочищъ (л. 8); словарь; имена существительныя (л. 9); глаголы (л. 18); прилагательныя, нарѣчія и

проч. (л. 18); отдѣльныя выраженія (л. 22); названія деревень (л. 24); пословицы, причёты, записанныя со словъ крестьянской дѣвушки (л. 26); слова на Привороты (л. 28); пѣсни (л. 32); святочные пѣсни (л. 35), пѣсни свадебныя (л. 57); письмо крестьянской дѣвушки 1897 г. (л. 59); тетрадки съ Молитвами и Словами (л. 61) свадебныя слова (л. 68); молитвы (л. 76); Книги Степана Кокшарова 21 декабря 1850 г. (л. 82); молитвы Господу Иисусу; молитва для охраненія скота (л. 94); молитвы (л. 117).— 21) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Бѣлянскаго народнаго училища Пинскаго уѣзда, Минской губ., Михаила Георгиевича Фенюка объ особенностяхъ говора жителей села Бѣлаго и его окрестностей, Пинскаго уѣзда, Могилевской губ., и съ приложеніемъ на 2 листахъ: (сказка: „Вовкъ-дурень“ и свѣдѣнія о селѣ Бѣломъ и о бытѣ его населенія).— 22) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Плотницкаго народнаго училища Пинскаго уѣзда, Минской губ., Семена Григорьевича Малахи — объ особенностяхъ говора села Плотницы, того же уѣзда.— 23) Преподавателя Новочеркасской гимназіи М. Калмыкова — тетради въ листъ на 47 страницахъ: „Особенности Кочетовскаго говора Донской области“ (наблюденія производились въ поселкѣ-хуторѣ Ещауловѣ, находящемся въ 1-мъ Донскомъ Округѣ Донской Области, въ юртѣ Кочетовской станицы): Общія свѣдѣнія о станицѣ и ея населеніи; о низовыхъ и верховыхъ казакахъ Донскихъ и ихъ говорахъ; стр. 4: особенности Кочетовскаго говора, звуки; стр. 17: удареніе, склоненіе; стр. 24: синтаксическія особенности; стр. 25: отдѣльныя слова (іюль 1897 г.), стр. 47: біографическія свѣдѣнія о доставителѣ (М. Калмыковѣ).— 24) Директора народныхъ училищъ Минской губ. — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Шацкаго народнаго училища Адама Андреевича Лагуна объ особенностяхъ говора населенія всей Шацкой волости, Игуменскаго уѣзда, Минской губ., съ приложеніемъ 3-хъ сказокъ (№ I—III).— 25) Правленія Казанской духовной семинаріи — 2-хъ экз. II Программы; а) съ замѣчаніями воспитанника IV класса этой семинаріи Владимира Челнокова объ особенностяхъ говора жителей села Параты-Казанской губ. и уѣзда, съ приложеніемъ на 24 стр.: русскія пѣсни № 1—11, заговоры (стр. 15), пословицы и поговорки (стр. 16), народныя слова и выраженія (стр. 19), оправданія

автора замѣчаній и собирателя свѣдѣній (стр. 22), описаніе села, — и б) съ отмѣтками о говорѣ села Богородскаго, Кулаевской волости, Казанской губ. и уѣзда, — ученика V класса упомянутой семинаріи Степана Ивановича Веселицкаго, съ приложеніемъ на одномъ листѣ. — 26) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III. Программы съ отмѣтками учителя Морочанскаго народнаго училища Василя Аврамчика о говорѣ крестьянъ села Морочно, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. — 27) Директора народныхъ училищъ Минской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя Угриничскаго народнаго училища Пинскаго уѣзда Осипа Тарасевича о говорѣ населенія въ селѣ Угриничахъ, въ деревнѣ Седлицахъ, въ селѣ Червищахъ Пинскаго уѣзда, Минской губ. — 28) Учителя начальнаго земскаго училища въ с. Любѣгощахъ, Весеьгонскаго уѣзда, Тверской губ., Николая Спиридоновича Доброхотова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ жителей въ дер. Дудкино Тверской губ., Весеьгонскаго у., и сосѣднихъ съ ней: села Никольскаго, дер. Щернино, Солнцева, Петрова и Мартьянцева. — 29) Канцеляріи Минской Дирекціи народныхъ училищъ — экз. III Программы съ замѣтками учителя Комаровичскаго народнаго училища Николая Юшкова „Особенностей говоромъ бѣлорусскаго нарѣчія въ средѣ крестьянъ дер. Заполья и с. Комаровичъ, Комаровичской волости, Мозырскаго уѣзда, Минской губ.“ — 30) Учителя Мокрянскаго народнаго училища Быховскаго уѣзда, Могилевской губ., Н. Короленка — экз. III Программы съ замѣтками о говорѣ села Мокраго, съ приложеніемъ записи на 2-хъ листахъ сказки „Мужикъ и цыганъ“ со словъ крестьянъ села Мокраго. — 31) Василя Кузьмича Влазнева — „Алфавитнаго списка старинныхъ словъ, употреблявшихся и употребляемыхъ въ разговорной рѣчи жителей большихъ селеній: Дѣдинова, Любичи, Ловець, Верхняго и Нижняго Бѣлоомутовъ Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., составленнаго мѣстнымъ крестьяниномъ В. К. Влазневымъ въ 1897 году“ (на 4 листахъ: А — Я = 181 слово) и на 1 листѣ — замѣчанія о собирателѣ ихъ В. К. Влазневѣ. — 32) Сельской школы Казинской волости, Елецкаго уѣзда, Орловской губ. — экз. II Программы съ замѣчаніями учительницы села Запол(ьнаго)-Тербунца Александры Ивановны Никольской объ особенностяхъ говора жителей села Запол-Тербунца. — 33) Учителя Вачскаго фабричнаго 2-класснаго училища

П. Ремезова — экз. I Программы съ отмѣтками особенностей говора жителей села Вачи, Новосельской волости, Муромскаго уѣзда, Владимирской губерніи. — 34) Воспитанника Тверской духовной семинаріи Н. Преображенскаго съ отмѣтками „Особенностей разговорной рѣчи крестьянъ Тверской губ., Осташковскаго уѣзда, Новинской волости“. — 35) Директора народныхъ училищъ Пермской губ. — экз. I Программы съ замѣчаніями учителя Чердынцевскаго народнаго училища И. В. Надсадина объ особенностяхъ говора кр. села Чердынцевскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ. — 36) Учителя А. И. Петрова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ крестьянъ деревни Елисѣева, Богоявленской волости, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. — 37) Учителя Бронницкаго городского 3-хласснаго училища И. А. Глѣбина — экз. II Программы съ отмѣтками объ особенностяхъ говора населенія уѣзда и города Бронницъ, Московской губерніи. — 38) Благочиннаго 5 округа Слободскаго уѣзда, Вятской губ., — экз. I Программы съ замѣтками учительницы Кирсинскаго земскаго училища А. Бобровской объ особенностяхъ говора населенія Кирсинскаго завода, Слободскаго уѣзда, Вятской губ. — 39) Директора народныхъ училищъ Пермской губерніи: а) экз. I Программы съ отмѣтками учительницы Першинскаго училища А. Флоринской о говорѣ крестьянъ села Першинскаго, Шадринскаго уѣзда, Пермской губ.; б) экз. I Программы съ отмѣтками (неизвѣстно чьими) и съ приложеніемъ; в) экз. I Программы отъ помощника учителя Осиновскаго начальнаго училища В. Яхонтова съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ села Осиновскаго, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи; г) тетрадь (на 6 листахъ): „Слова и выраженія, записанныя въ деревнѣ Махнёвой, Махневской волости, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи. Декабря 1896 года“ (записаны учителемъ А. И. Мартыновымъ) и д) тетрадь (на 20 листахъ) отвѣтовъ на I Программу — о говорѣ населенія Шайтанскаго завода, составленныхъ учительницею Шайтанскаго мужскаго училища, Красноуфимскаго уѣзда, А. Богдановою. — 40) Учителя земской школы села Новаго Буяна, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ., С. Л. Васильева — экз. II Программы съ замѣтками о говорѣ жителей села Новый Буянъ и окрестныхъ селъ. — 41) Директора народныхъ училищъ Ковенской губерніи — экз. III Программы съ отмѣтками учителя М. Гершто-

повича объ особенностяхъ говора жителей села Плюсь и окрестностей дер. Павловщины, Красногорской волости, Ново-александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, съ приложеніемъ на 4 листахъ — 42) Учителя Микуличскаго народнаго училища, Рѣчицкаго уѣзда, Минской губ., А. И. Голоба — экз. III Программы съ отмѣтками особенностей говора крестьянъ села Микуличей. — 43) Директора народныхъ училищъ Томской губерніи — 17 экземпляровъ I Программы: а) съ замѣтками учителя сельскаго Кытмановскаго училища о говорѣ жителей села Кытмановскаго и сосѣднихъ деревень: Ереминой, Зарниковой, и Безпаловой Уксунайской волости, Кузнецкаго округа, Томской губ.; б) съ замѣтками учителя Локтѣвскаго сельскаго училища А. Т. Степанищева о говорѣ жителей села Локтѣвскаго (на р. Алеѣ, прит. Оби) и деревни Ново-Алейской, Змѣиногорскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; в) съ замѣтками учителя А. Калмакова объ особенностяхъ говора жителей и козаковъ Чарышскаго поселенія 3-го военнаго отдѣла Сибирскаго казачьяго войска, Томской губ. Бійскаго округа, съ приложеніями на 7 листахъ; г) съ замѣтками (не оконченными) учителя Кузнецкаго уѣзднаго училища И. Шункова — о говорѣ простонародья въ гор. Кузнецкѣ, Томской губ.; д) съ замѣтками учителя Колыванскаго 2-хласснаго городского училища А. М. Кутузова съ отмѣтками о говорѣ населенія заштатнаго города Колывани Томской губ., съ приложеніями на 4-хъ листахъ; е) неизвѣстно съ чьими отмѣтками объ особенностяхъ говора мѣщанъ города Бійска; ж) съ отмѣтками завѣдующаго Барнаульскимъ 2-хласснымъ городскимъ училищемъ В. Обабкова объ особенностяхъ говора учащихся преимущественно изъ среды мѣщанъ гор. Барнаула, Томской губерніи; з) съ замѣчаніями врем. испр. должность помощника учителя Маринскаго городского училища П. Шадрина о говорѣ жителей города Маринска, Томской губ.; и) съ замѣчаніями, неизвѣстно кѣмъ составленными, о говорѣ крестьянъ села Ординскаго, Барнаульскаго округа, Томской губ.; і) съ замѣчаніями сельскаго учителя М. Снигирева о говорѣ крестьянъ села Тагана (на берегу озера Чаны), Каинскаго округа, Томской губ.; съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; к) съ замѣчаніями кончившаго курсъ въ Акмолинской учительской семинаріи И. Т. Кукажина объ особенностяхъ говора жителей села Зюзинскаго, Казанской волости

Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніемъ на 1 листѣ, л) съ замѣчаніями (учительницы ?) объ особенностяхъ говора крестьянъ села Каваткуль(скаго), Каинскаго округа, Томской губ., м) съ замѣчаніями учителя Юдинскаго сельскаго училища В. І. Сибирцева о говорѣ крестьянъ села Юдинскаго, Каинскаго округа, Томской губ., съ приложеніями на 15 листахъ; н) съ замѣчаніями учителя Медвѣдскаго сельскаго училища И. Я. Покровскаго объ особенностяхъ говора крестьянъ села Медвѣдскаго, Легостаевской волости, Барнаульскаго округа, Томской губ. съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ; о) съ замѣчаніями неизвѣстно чьими объ особенностяхъ говора населенія с. Коргатскаго форпоста, Убинской волости, Каинскаго округа; Томской губерніи; п) съ замѣтками учителя Булатовскаго сельскаго училища К. Ф. Соболевскаго о говорѣ крестьянъ села Булатовскаго, Нижнекаинской волости, Каинскаго округа, Томской губерніи и р) съ замѣчаніями учителя Карачинскаго сельскаго училища И. Д. Созинова объ особенностяхъ говора жителей села Карачинскаго, Покровской волости, Каинскаго округа, Томской губерніи, съ приложеніемъ на 13-ти листахъ. — 44) Учителя Мануйловскаго начальнаго училища С. Я. Леонова — экз. II Программы съ отмѣтками о говорѣ крестьянъ деревни (сельца) Мануйлова, Ржевскаго уѣзда, Тверской губ., съ приложеніями на 20-ти листахъ. — 45) Священника Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда, Предтеченской волости, Ямскогорскаго общества и прихода Аникиты Попова (благочиннаго, 3-го Шенкурскаго округа) — экз. I Программы съ замѣтками о говорѣ крестьянъ упомянутаго прихода, съ 2-мя приложеніями. — 46) Учителя Гришинскаго земскаго училища Гавриила Ананьевича Тихонравова — тетради на 77 листахъ „Сборникъ особенностей народнаго говора села Гришина, Казанской губ., Цивильскаго уѣзда“. — 47) Учителя Лепшинскаго земскаго училища Ивана Кузьмича Корехова экз. I Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей Лепшинскаго прихода Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, съ приложеніями на 10 листахъ. — 48) Учителя Михайловскаго начальнаго народнаго училища Дмитріевскаго уѣзда Курской губ. Антона Коростелева — экз. II Программы съ отмѣтками. — 49) Учителя Благовѣщенско-Сусканскаго сельскаго начальнаго земско-общественнаго училища Василя Васильевича Бондина — экз. II-ой Программы съ замѣчаніями о говорѣ жителей села Благо-

вѣщенскій Сусканъ, Нижне-Санчелеевской волости, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, съ приложеніемъ на 2-хъ листахъ. — 50) Н. А. Иванецкаго — экз. предварительнаго изданія I-ой (Сѣв.-вѣлпкор. нар.) Программы съ отмѣтками его, со словъ крестьянина Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, Метлинской волости, дер. Маркова Лаврентія Андреев. Черкасова о мѣстномъ говорѣ и съ „Дополненіями къ словарю вологодскихъ словъ: Слова Сольвычегодскаго уѣзда“ (на 6 листахъ). — 51) Учительницы Корчевскаго женскаго приходскаго училища Антонны Львовны Васильевой — экз. II Программы съ отмѣтками наблюденій о говорѣ крестьянъ Корчевскаго уѣзда и отчасти жителей гор. Корчевы, Тверской губ., съ приложеніемъ на 29 листахъ.

Положено всё означенныя сообщенія о говорахъ и матеріалы передать академику А. А. Шахматову, а лицамъ и учрежденіямъ, отъ которыхъ они были получены, выразить благодарность за содѣйствіе ученымъ занятіямъ Отдѣленія на пользу родного слова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пыпина.

Научная разработка русской литературы началась, строго говоря, лишь около полувѣка тому назадъ, и въ этой ученой области едва ли не одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ принадлежитъ члену-корреспонденту нашей Академіи Александру Николаевичу Пыпину. Еще въ 1853 году, на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“, появилась его первая ученая работа — изслѣдованіе о Владимирѣ Лукинѣ, мало извѣстномъ драматургѣ Екатерининскихъ временъ, между прочимъ мечтавшемъ о созданіи русскаго народнаго театра. Содержаніе

этого труда представляло въ свое время полнѣйшую новость; избравъ такую тему, начинающій ученый сразу показалъ свое умѣнье отыскивать въ старой литературѣ интересныя явленія и давать имъ правильное историческое освѣщеніе.

Вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ г. Пыпинъ обратился къ изученію нашей древней письменности, при чемъ ему приходилось знакомиться съ ея памятниками преимущественно по рукописямъ, ибо въ то время очень немногое изъ старой литературы было издано. Занимаясь въ Императорской Публичной библиотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, г. Пыпинъ обратилъ особенное вниманіе на столь распространенные въ нашей старинной письменности апокрифы и на произведенія мірскаго повѣствовательнаго характера. Однако, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, онъ не имѣлъ въ то время возможности посвятить себя ближайшему изученію апокрифической литературы и ограничился только подробнымъ изслѣдованіемъ судебъ извѣстной статьи „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, издалъ нѣсколько произведеній апокрифическаго содержанія и о нѣкоторыхъ изъ нихъ предложилъ отдѣльные этюды.

Напротивъ того, исторія русской мірскаго повѣсти и сказки, оригинальной и переводной, была обслѣдована г. Пыпинымъ всесторонне, на сколько то было возможно въ тогдашнее время, и въ 1857 г. появился его прекрасный трудъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Здѣсь опять мы встрѣчаемся со свѣжестью научной задачи и съ тщательностью въ обслѣдованіи вопросовъ, ею вызываемыхъ. Въ „Очеркѣ“ разсмотрѣны, съ одной стороны, повѣсти иноземнаго происхожденія, то-есть, переведенныя съ греческаго, латинскаго, польскаго и нѣмецкаго, а съ другой — повѣсти и сказки оригинальныя русскія. Первымъ отведено большее мѣсто, и авторъ тщательно указываетъ подлинники тѣхъ иноземныхъ произведеній, которыя перешли на русскую почву; при этомъ постоянно обращается вниманіе на различныя редакціи этихъ памятниковъ. Если отдѣлъ книги, посвященной русскимъ повѣстямъ, не столь обширенъ, то потому именно, что и самыхъ повѣстей было мало въ нашей старинной литературѣ.

„Очеркъ“ г. Пыпина, представленный какъ диссертация въ Петербургской университетъ, доставилъ автору ученую степень магистра русской словесности, а въ 1858 г. г. Пыпинъ

былъ командированъ за границу для приготовления къ профессурѣ по кафедрѣ исторіи западныхъ литературъ. Но профессорская дѣятельность г. Пыпина продолжалась всего одинъ годъ — 1860-1861. Съ тѣхъ поръ мы видимъ его исключительно учено-литературнымъ дѣятелемъ, печатающимъ свои труды въ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльно; число статей, помѣщенныхъ имъ въ журналахъ, весьма значительно, и перечислять ихъ всё было бы крайне трудно, но многія изъ этихъ статей вошли впоследствии въ отдѣльно изданныя имъ сочиненія; поэтому обзоръ этихъ послѣднихъ трудовъ г. Пыпина будетъ совершенно достаточно, чтобы дать понять, какъ развивалась его ученая дѣятельность.

Въ 1865 г. А. Н. Пыпинъ напечаталъ „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“, книгу въ высшей степени полезную и удовлетворяющую насущнымъ потребностямъ славистики. Такого обзора еще не было ни въ одной изъ славянскихъ литературъ, не смотря на постоянные толки о славянскомъ общеніи и взаимности. Конечно, при обработкѣ столь обширнаго предмета авторъ не могъ быть самостоятеленъ во всёхъ его частяхъ; онъ даже предоставилъ весь польскій отдѣлъ труду другого лица (В. Д. Спасовича); но во всемъ, что написано самимъ г. Пыпинымъ, обнаруживаются свойственныя ему качества — обширность предварительно собранныхъ свѣдѣній, искусный ихъ выборъ, точность и тщательность въ ихъ сообщеніи. Эти достоинства труда г. Пыпина еще болѣе ясны во второмъ его изданіи (1879—1880 гг.), въ которомъ „Исторія славянскихъ литературъ“ удвоилась въ своемъ объемѣ, и такимъ образомъ сдѣлалась по истинѣ классическою книгой по своей части. —

Послѣ этого счастливаго уклоненія въ область западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ г. Пыпинъ снова возвратился въ область своихъ излюбленныхъ занятій русскою литературой. Въ теченіе 1870-хъ годовъ имъ написаны три сочиненія, касающіяся исторіи русской литературы и просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи: 1) „Общественное движеніе при Александрѣ I“; 2) „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 1820-хъ до 50-хъ годовъ“ и 3) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. Всѣ эти три сочиненія, стояція въ связи одно съ другимъ, представляютъ большой историческій интересъ. Первое изъ нихъ очень ярко изображаетъ внутреннюю жизнь Александровскаго времени, просвѣтительныя стремленія той поры,

борьбу культурныхъ направленій и ихъ характерныя черты; это именно исторія движенія идей въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Оцѣнка этихъ явленій сдѣлана авторомъ съ живымъ сочувствіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне справедливо, на основаніи весьма обширнаго знакомства съ фактами. Во второй книгѣ, посвященной литературнымъ явленіямъ съ 1820-го по 1850-й годъ, авторъ замкнулъ свое изложеніе въ болѣе тѣсныя, исключительно литературныя рамки; здѣсь мы не найдемъ картины движенія общественной мысли, и въ этомъ заключается слабая сторона сочиненія; тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую односторонность воззрѣній, книга содержитъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ, искусно и поучительно сгруппированныхъ. Оба названныя сочиненія выдержали по два изданія („Общественное движеніе“ вышло 2-мъ изданіемъ въ 1885 г., „Характеристики“—въ 1890), безъ сомнѣнія, потому, что авторъ, касаясь предметовъ высокаго интереса, умѣлъ придать своему изложенію общедоступную форму; но еще важнѣе то, что при перепечаткѣ названныхъ книгъ авторъ кореннымъ образомъ переработалъ и умножилъ основной ихъ текстъ. Къ „Характеристикамъ литературныхъ мнѣній“ непосредственно примыкаетъ особое сочиненіе г. Пыпина о Бѣлинскомъ (1876 г., два тома). Этотъ прекрасный, съ любовью обработанный трудъ даетъ обстоятельное понятіе о ходѣ умственнаго развитія нашего знаменитаго критика и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ много новыхъ фактовъ въ исторію нашего умственнаго движенія 1830-хъ и 40-хъ годовъ.

Нѣсколько особымъ характеромъ отличается обширный трудъ, занимавшій г. Пыпина въ 1880-хъ годахъ и затѣмъ, въ 1890—92 гг., изданный въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ: „Исторія русской этнографіи“. То своеобразное и въ высшей степени важное значеніе, какое имѣла народность въ развитіи русской образованности, дало г. Пыпину поводъ специально заняться разсмотрѣніемъ хода нашихъ этнографическихъ изысканій, и онъ нашелъ въ этомъ предметѣ рядъ характернѣйшихъ проявленій нашей культуры. Въ частности онъ обозрѣваетъ здѣсь труды всѣхъ русскихъ изслѣдователей народности, дѣлаетъ ихъ оцѣнку и подводитъ итоги ихъ изысканіямъ. Сочиненіе это, очень оригинальное по своей основной мысли, чрезвычайно богато новыми фактическими данными и можетъ быть

названо однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій въ исторіи молодой русской науки.

Въ самыя послѣднія годы А. Н. Пыпинъ возвратился къ задачѣ, давно его занимавшей, — къ составленію обширнаго общаго сочиненія по исторіи русской литературы. Отдѣльныя статьи изъ этого труда были печатаемы имъ разновременно въ журналахъ, а въ самое послѣднее время вышелъ первый томъ этой „Исторіи литературы“, заключающій въ себѣ обзоръ древней письменности до начала XVI в. Этимъ трудомъ, который является какъ бы итогомъ всего, что доннынѣ сдѣлано по разработкѣ русской литературы, г. Пыпинъ воздвигаетъ себѣ литературный памятникъ который надолго сохранить въ наукѣ его имя.

Членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи А. Н. Пыпинъ состоитъ лишь съ 1891 года; но его тѣсныя связи съ Академіей восходятъ къ гораздо болѣе давнему времени: его „Опытъ исторіи повѣстей и сказокъ“ былъ напечатанъ въ Запискахъ II-го Отдѣленія еще въ 1857 г.; три изъ его сочиненій, именно: тотъ же „Опытъ“, „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“ и „Исторія русской этнографіи“ были увѣнчаны академическими преміями. Академія неоднократно поручала ему составленіе рецензій для выдаваемыхъ ею наградъ и еще недавно возложила на него составленіе біографіи покойнаго слависта Котляревскаго. Нынѣ было бы вполне уместно и справедливо упрочить эту связь избраніемъ А. Н. Пыпина въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи на вакансію ординарнаго академика во II-мъ Отдѣленіи.

III.

Біографическія свѣдѣнія о преп. Несторѣ Лѣтописцѣ.

Литературные труды Нестора. I. Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страсотерницу Бориса и Глѣба.

Подлинность Чтенія, время написанія, отношеніе къ лѣтописному разсказу подъ 1015 г. и Сказанію, приписываемому Іакову Мниху.

Источники для изученія текста Чтенія.

Текстъ Чтенія, заимствованный изъ Спльвестровскаго Сбор-

ника Московск. Синодальной библиот., и варианты — по рукопис.: Казанск. дух. Акад. № 518 (Чет.-Мин. 1494 г.) и 850 (Сборн. конца XV — нач. XVI в.), И. Публ. библ. Q. I. 933 (Сборникъ Житій и Словъ, XVI в.), бывш. б. Царскаго № 87 (XVI в.), Новгород. Софійск. № 1419 (Сборн. XVI в.) и 1321 (Чет.-Мин., XVI в.).

Замѣчанія о литературной сторонѣ памятника.

II. *Житіе преп. Θεодосія Печерскаго.*

Подлинность Житія, время написанія и источники для изученія его.

а) Успенскій Сборникъ XII—XIII в. Открытіе памятника, изданія и языкъ (нѣсколько замѣчаній о палеограф., фонетич., морфологич. и діалектич. особенн.).

б) Киевопечерскій Патерикъ.

в) Четыи-Минеи: до-Макарьевск. и Макарьевскаго состава.

Несторово Житіе въ Печерокомъ Патерикѣ и Чет.-Минейхъ: появившіяся въ разное время вставки и объясненіе происхожденія ихъ.

Текстъ Житія по Успенскому Сборн. XII—XIII в. и варианты по рукописямъ: И. Публ. б. Q. п. I. № 31 (Берсен. сп. Арсеньевск. ред. Печ. Патер.), Новгород. Соф. № 1394, 1364, 1389 (Печ. Патер. Кассіан. первой ред.), Погод. XVI в. № 891, Руманц. Муз. № 305 (Патер. Кассіан. второй ред., XV в.), Новгород. Соф. № 1363, Погод. 893, 896 (Патер. К. второй ред. XVI в.), Моск. дух. Акад. № 597 (Волокол. Чет.-Мин. до-макар. состава) и Новгород. Соф. № 1321 (Макар. Чет.-Мин. за м. май).

Несторово Житіе, какъ историко-литературный памятникъ: источники Житія и историко-бытовой интересъ его.

III. *Повѣсть временныхъ лѣтъ.*

Краткая исторія вопроса о происхожденіи Повѣсти времен. лѣтъ и отношенія къ ней Нестора, автора Житія Θεодосія Печерск. и Чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ.

Данныя за и противъ Нестора, какъ лѣтописца.

Повѣсть временныхъ лѣтъ есть лѣтописный сводъ, а Несторова Лѣтопись — одна изъ составныхъ частей этого свода.

Составъ предполагаемый Несторовой Лѣтописи и общія замѣчанія о литературной исторіи ея, на основаніи сопоставленія списковъ Печерскаго Патерика 1 и 2 Кассіан. редакцій.

- а) Сказаніе что ради прозвася Печерск. монастырь;
- б) Слово о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ;
- в) Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей преп. Θεодосія;
- г) Краткія лѣтописныя замѣтки.

Текстъ указанныхъ лѣтописныхъ статей по Лаврент. списку, съ вариантами по Ипат., Радзив. и Академич., а также — по древнѣйшимъ спискамъ Печерскаго Патерика.

Общее сужденіе о Несторѣ какъ древнерусскомъ литературномъ дѣятелѣ.

Словарь къ сочиненіямъ Нестора.

Подробныя бібліограф. указанія будутъ даваться въ разныхъ мѣстахъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1897 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. О. ВЫЧЕОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1897 годъ,

составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи,
Ординарнымъ Академикомъ А. Ф. Бычковымъ.

Тяжелыми утратами ознаменовался для Отдѣленія русскаго языка и словесности истекающій 1897 годъ. Оно потеряло трехъ своихъ членовъ: двухъ ординарныхъ академиковъ К. Н. Бестужева-Рюмина и Ф. И. Буслаева и члена-корреспондента А. Н. Майкова. Эти чувствительныя утраты съ искреннею скорбію были встрѣчены не только членами Академіи, но и всѣми, кому дороги успѣхи знанія и живое русское слово въ нашемъ отечествѣ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (род. 18 мая 1829 † 2 января) происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; подъ руководствомъ родителей онъ готовился въ гимназію, до поступления въ нее уже достаточно зналъ французскій и нѣмецкій языки и, благодаря хорошей и богатой библіотекѣ отца, приобрѣлъ любовь къ чтенію, которую не покидалъ до послѣднихъ дней своей жизни. На литературное поприще онъ выступилъ,

имѣя 18 лѣтъ отъ роду, тотчасъ по окончаніи курса въ Нижегородской гимназіи. Первые его статьи, помѣщенные въ неофициальной части Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, уже показывали несомнѣнную талантливость молодого автора. Для довершенія образованія онъ пріѣхалъ въ Москву и въ 1847 году поступилъ въ Университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній историко-филологическій), съ котораго, подъ вліяніемъ прослушанныхъ имъ нѣсколькихъ лекцій Кавелина, перешелъ на юридическій. Въ 1851 году онъ кончилъ курсъ кандидатомъ. Съ теплымъ чувствомъ Константинъ Николаевичъ нерѣдко вспоминалъ годы своего пребыванія въ Университетѣ и говаривалъ, что блистательнымъ лекціямъ даровитыхъ профессоровъ, бесѣдамъ съ ними, наконецъ, знакомствомъ съ нѣкоторыми лицами, стоявшими внѣ университетскаго круга и принадлежавшими по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ къ двумъ противоположнымъ лагерямъ, онъ обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ, массою пріобрѣтенныхъ положительныхъ свѣдѣній и установленіемъ твердыхъ взглядовъ на многие предметы. По выходѣ изъ университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ провелъ нѣсколько времени въ деревнѣ у Чичериныхъ въ качествѣ домашняго учителя и въ это время прилежнымъ чтеніемъ восполнилъ, по его словамъ, пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. По возвращеніи въ 1854 году въ Москву онъ занялъ мѣсто преподавателя въ московскихъ кадетскихъ корпусахъ, а затѣмъ въ 1856 году принялъ на себя обязанности помощника редактора Московскихъ Вѣдомостей и своимъ участіемъ въ литературномъ ихъ отдѣлѣ много способствовалъ ихъ распространенію и извѣстности. Рядъ напечатанныхъ въ Вѣдомостяхъ статей, имѣвшихъ предметомъ разсмотрѣніе Смирдинскихъ изданій нашихъ писателей, и отзывы о вновь появлявшихся въ печати сочиненіяхъ были замѣчены многими. Въ 1859 году въ 1-ой книжкѣ журнала «Критическое Обзорѣніе» появилась его статья подъ заглавіемъ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки», написанная по поводу восьми томовъ Исторіи Россіи С. М. Со-

ловьева. Эта статья, не подписанная авторомъ, обратила на себя общее вниманіе, какъ талантливый и безпристрастный опытъ русской историографіи въ ея главныхъ чертахъ, а послѣдовавшіе за нею разборы какъ вновь появившихся томовъ труда Соловьева, такъ и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся сочиненій по отечественной исторіи показали, что, кромѣ обширнаго запаса свѣдѣній, Константинъ Николаевичъ имѣеть самостоятельный взглядъ на многія явленія прошлой жизни русскаго народа.

Съ переѣздомъ въ 1859 году въ Петербургъ Бестужевъ-Рюминъ принялъ дѣятельное участіе въ редакціи Отечественныхъ Записокъ. Онъ взялъ на себя разсмотрѣніе выходившихъ новыхъ ученыхъ трудовъ и въ своихъ отчетахъ о нихъ, строгихъ, но всегда справедливыхъ, а нерѣдко даже излишне осторожныхъ, старался знакомить общество съ сущностью взглядовъ и направленіемъ разбираемыхъ писателей и попутно возбуждать въ немъ интересъ къ исторіи, которая подъ его перомъ не являлась сборомъ сухихъ, ничего не говорящихъ фактовъ, но живую картиною общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Съ этого времени отечественная исторія сдѣлалась излюбленнымъ предметомъ занятій Константина Николаевича, и на него стали смотрѣть, какъ на выдающагося знатока этого предмета. Въ 1863 году Бестужевъ-Рюминъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра, а въ слѣдующемъ году, по предложенію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, былъ избранъ въ члены Археографической Комиссіи. Въ Лѣтописи ея занятій онъ помѣстилъ замѣчательное изслѣдованіе: «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», за которое былъ удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени доктора русской исторіи. Въ томъ же 1864 году онъ былъ призванъ преподавать отечественную исторію Великому Князю Александру Александровичу и его Августѣйшимъ братьямъ и сестрѣ, а въ слѣдующихъ годахъ онъ занимался этимъ же предметомъ съ другими членами Императорской фамилии. Въ 1865 году С.-Петербургскій университетъ пригласилъ Бестужева-Рюмина читать

лекціи по русской исторіи въ качествѣ исправляющаго должность доцента. Блестящее, живое изложеніе предмета, широта взглядовъ, способность освѣщать и обобщать факты, въ особенности же читанные имъ спеціальныя курсы, поставивъ его въ рядъ замѣчательныхъ университетскихъ преподавателей, доставили ему званіе ординарнаго профессора и снискали ему любовь и уваженіе слушателей, которые въ немъ находили не только профессора, преданнаго всею душою дѣлу, но живого собесѣдника и во многихъ случаяхъ доброжелательнаго совѣтника, съ охотою дѣлившагося съ ними своими знаніями и снабжавшаго ихъ книгами изъ своей богатой библіотеки.

Въ 1872 году вышелъ первый томъ его Русской исторіи, составленный изъ лекцій, читанныхъ студентамъ на спеціальныхъ курсахъ. Этотъ трудъ, оканчивающійся воцареніемъ Іоанна Грознаго, отличается тѣмъ, что въ немъ главное мѣсто отведено изображенію внутренней и духовной жизни русскаго общества. Впослѣдствіи эта Исторія была доведена до воцаренія Дома Романовыхъ.

Но не одному университету отдавалъ Бестужевъ-Рюминъ свое время. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, такъ какъ близко принималъ къ сердцу судьбы угнетенныхъ славянскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ; былъ убѣжденнымъ поборникомъ идеи о необходимости развитія въ Россіи женскаго образованія, своимъ горячимъ словомъ и неустанными домогательствами содѣйствовалъ учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ и въ первое время былъ ихъ душою; наконецъ, принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ разныя статьи, преимущественно біографіи писателей и ученыхъ, и разборы книгъ, по чему-либо его заинтересовавшихъ. Біографическія статьи и воспоминанія о нѣкоторыхъ ученыхъ и писателяхъ были имъ собраны и изданы въ 1882 году особою книгою подъ заглавіемъ: «Біографіи и характеристики»; изъ нихъ особенно важна статья: «Василій Никитичъ Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка».

Послѣдствія вынесенной Бестужевымъ-Рюминымъ жестокой болѣзни заставили его покинуть на время Россію, отказаться отъ каеэдры въ университетѣ, для котораго онъ успѣлъ однако подготовить нѣсколько лицъ себѣ въ преемники, и разстался съ учеными занятіями. По возвращеніи изъ-за границы, съ нѣсколько возстановленнымъ здоровьемъ, онъ не могъ оставаться совершенно бездѣятельнымъ; съ 1885 по 1887 годъ съ увлеченіемъ занимался редактированіемъ Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества; возобновилъ ученныя работы, но онъ уже шли не такъ успѣшно, какъ прежде. Въ 1890 году послѣдовалъ выборъ его въ ординарные академики Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Это избраніе его порадовало и нѣсколько оживило; онъ началъ составлять отчеты Отдѣленія, писать рецензіи на книги, представляемыя въ Академію на соисканіе премій, но, къ сожалѣнію, такое оживленіе продолжалось не долго; болѣзнь не уступала лѣченію и вскорѣ привела Константина Николаевича къ могилѣ.

Бестужевъ-Рюминъ не принадлежалъ къ числу узкихъ, сухихъ и одностороннихъ специалистовъ. Онъ въ одинаковой степени интересовался литературою и искусствомъ, какъ и движеніемъ исторической науки. Библія, Шекспиръ и Пушкинъ, равно какъ Собраніе лѣтописей и Исторія Карамзина были его настольными книгами. Стихотворенія Пушкина онъ почти всѣ зналъ наизусть и засматривался гравюрами въ изданіяхъ картинныхъ галерей Западной Европы. Бывъ убѣжденнымъ поклонникомъ Императора Петра Великаго за его преобразовательную и просвѣтительную дѣятельность, онъ не скрывалъ его недостатковъ и старался найти имъ причину; ратовалъ за самобытность Россіи и являлся яримъ защитникомъ ея отъ нелѣпыхъ нападковъ на нее иностранныхъ писателей и противникомъ захвата иностранцами ея природныхъ богатствъ. Величіе Россіи и распространеніе въ ней просвѣщенія были его душевною мечтою. Всѣ эти качества, соединенныя съ тѣмъ, что совершено К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ на пользу русской исторической науки, даютъ

ему право занять почетное мѣсто въ исторіи нашего образованія, а въ сердцахъ людей, близко его знавшихъ, сохранится о немъ память, какъ о человѣкѣ въ высшей степени общительномъ и благожелательномъ.

Выдающееся мѣсто въ исторіи нашего умственного движенія занимаетъ Федоръ Ивановичъ Буслаевъ (род. 18 апрѣля 1818 г. въ г. Керенскѣ, † 31-го іюля въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ). Сынъ керенскаго уѣзднаго стряпчаго, Буслаевъ первоначально обучался дома и въ Пензенской гимназій, и по окончаніи въ ней курса, послѣ усиленныхъ подготовительныхъ занятій, поступилъ 16-тилѣтнимъ юношею по экзамену въ Московскій университетъ на словесное отдѣленіе философскаго факультета, въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Еще на студенческой скамьѣ онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ своими выдающимися способностями, трудолюбіемъ и представленными имъ сочиненіями. По окончаніи курса въ университетѣ кандидатомъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ гимназій, но въ этой должности оставался не долго и по счастливо сложившимся обстоятельствамъ отправился, въ качествѣ воспитателя, за-границу съ дѣтьми бывшаго въ то время попечителя Московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова. Два года, проведенные Буслаевымъ за-границею, преимущественно въ Италіи, принесли ему огромную пользу. Все свободное время отъ занятій со своими воспитанниками Буслаевъ проводилъ въ тамошнихъ библіотекахъ и музеяхъ, изучая творенія поэтовъ и художественные памятники, и такимъ образомъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія по исторіи искусствъ и археологій и образовалъ эстетическій вкусъ. Возвратясь въ Москву, онъ снова получилъ мѣсто преподавателя въ гимназій и вскорѣ выступилъ на литературное поприще, которое не покидалъ до послѣднихъ годовъ своей жизни. Среди педагогическихъ занятій онъ выработалъ методъ преподаванія отечественнаго

языка, который изложилъ въ своемъ сочиненіи «О преподаваніи отечественнаго языка». Этотъ методъ, въ основаніи котораго были положены научныя и педагогическія начала, быстро вытѣснилъ господствовавшія дотогѣ схоластику и рутину въ преподаваніи этого первенствующаго въ народномъ образованіи предмета. Это сочиненіе Буслаева обратило на себя общее вниманіе; намѣченные въ немъ впервые многіе вопросы по исторіи нашего литературнаго языка получили дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ филологическихъ трудахъ по русскому языку.

Въ 1846 году Федоръ Ивановичъ былъ приглашенъ въ Императорскій Московскій университетъ въ качествѣ сторонняго преподавателя, такъ какъ не имѣлъ ученой степени. Для полученія степени магистра онъ представилъ въ качествѣ диссертациі свое сочиненіе «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію». Въ исторіи русской науки эта книга имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; она была первымъ опытомъ примѣненія сравнительнаго и историческаго языкознанія къ древностямъ славянскаго языка.

Какъ профессоръ, Буслаевъ въ теченіе многихъ лѣтъ читалъ студентамъ спеціальныя курсы, каждый годъ новые. Большую часть этихъ курсовъ, въ видѣ статей, онъ помѣщалъ потомъ въ поврежденныхъ изданіяхъ, а въ 1861 году, значительно дополнивъ и переработавъ эти статьи, собралъ ихъ въ особое изданіе, вышедшее подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Помѣщенныя здѣсь статьи преимущественно по народной поэзіи, а также по древней русской литературѣ и искусству, заключаютъ въ себѣ массу цѣннаго и любопытнаго матеріала, который впервые былъ обнаруженъ и обследованъ Ф. И. Буслаевымъ.

Исторією древняго русскаго искусства Буслаевъ началъ заниматься послѣ того, какъ прочелъ въ рукописи археологическую монографію графа Строганова о Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Съ этого времени иконописный по-

длинникъ, лицевыя рукописи и русскій орнаментъ служили матеріаломъ для многихъ его изслѣдованій.

Несмотря на увлеченіе древнею нашею письменностію и русскимъ искусствомъ, Буслаевъ не покидалъ занятій исторіею русскаго языка и считался лучшимъ знатокомъ по этому предмету, и когда І. И. Ростовцевъ предложилъ ему составить для военно-учебныхъ заведеній историческую грамматику церковно-славянскаго и русскаго языка и историческую христоматию, которая должна была состоять изъ памятниковъ языка и памятниковъ словесности, онъ съ большою охотою принялъ это предложеніе. «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858 г.) явился въ свѣтъ тому назадъ 40 лѣтъ, выдержалъ пять изданій и, несмотря на новые труды ученыхъ, отчасти дополнившіе, отчасти видоизмѣнившіе положенія Буслаева, еще долго не теряетъ своего значенія по массѣ собраннаго въ немъ матеріала. Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, напечатанная въ 1861 году, была въ то время весьма важнымъ явленіемъ въ наукѣ, такъ какъ въ ней Буслаевъ помѣстилъ много памятниковъ, хранившихся дотолѣ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ далъ всѣмъ возможность ими пользоваться.

Въ концѣ 1859 года Буслаевъ получилъ лестное приглашеніе прочесть Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу курсъ исторіи русской словесности. Съ любовью и одушевленіемъ онъ исполнилъ это важное дѣло. Обаятельное вліяніе, которое оказывалъ Буслаевъ на студентовъ, отразилось и на покойномъ Цесаревичѣ: въ немъ Федоръ Ивановичъ развилъ любовь къ прошлому Россіи, уваженіе къ памятникамъ нашей старинной письменности и искреннее увлеченіе русскою народною поэзіею.

Въ 1881 году Буслаевъ оставилъ университетъ; 35 лѣтъ съ честію онъ занималъ кафедру въ нашемъ старѣйшемъ разсадникѣ высшихъ знаній и оставилъ о себѣ свѣтлую память въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали

замѣчательными изслѣдователями судебъ русскаго языка и словесности, другіе начали собирать былины и пѣсни и обогатили литературу сборниками поэтическихъ сокровищъ русскаго народнаго творчества, а иные съ почетомъ занимаютъ университетскія кафедрѣ и идутъ по стопамъ своего наставника.

Съ выходомъ изъ университета ученая дѣятельность Буслаева не прекратилась. Въ 1884 году явился его громадный трудъ: «Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка до XIX в.» Ни въ одной литературѣ нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы такъ всесторонне были обслѣдованы и объяснены многочисленные рисунки, украшающіе это произведеніе.

По-прежнему Ѳ. И. Буслаевъ продолжалъ помѣщать свои изслѣдованія, иногда весьма важныя, въ разныхъ поврежденныхъ изданіяхъ. Впослѣдствіи они были имъ переизданы въ двухъ сборникахъ: «Мои досуги» (1886 г.) и «Народная поэзія» (1887 г.). Такъ какъ нѣкоторыя изъ монографій, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Народная поэзія», были напечатаны въ началѣ шестидесятихъ годовъ, то самъ Буслаевъ находилъ, что, съ успѣхами науки, ихъ слѣдовало бы не только переработать на основаніи новыхъ матеріаловъ и пособій, но и поставить на другія основы, выдвинутыя новою теоріею взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ; но на это онъ не рѣшился. Впрочемъ, и безъ исправленій эти монографіи сохраняютъ свое значеніе и достоинство.

Въ послѣдніе годы зрѣніе у Буслаева начало слабѣть, и наконецъ онъ его окончательно потерялъ, но, несмотря на это и на тяжкую болѣзнь, его посѣтившую, онъ продолжалъ знакомиться съ новыми произведеніями въ наукѣ и литературѣ, которыя ему читали и на которыя онъ иногда дѣлалъ замѣчанія. Наука была его жизнію, а все остальное, стоявшее внѣ ея, было ему почти чуждо.

Болѣе полустолѣтія Ѳедоръ Ивановичъ неустанно трудился надъ развитіемъ и укорененіемъ народнаго самопознанія; и свое

имя онъ вписалъ на страницы исторіи русской литературы. Она всегда будетъ помнить, что Буслаевъ далъ новое направленіе въ изученіи русской словесности, первый обратилъ вниманіе на многіе памятники древней нашей письменности, которыми до него никто не занимался, первый примѣнилъ къ ихъ изученію сравнительный методъ, первый прилежно занялся исторіею русскаго народнаго пѣснотворчества.

Непосредственнымъ преемникомъ Пушкина и рано погибшаго Лермонтова слѣдуетъ считать А. Н. Майкова (род. въ Москвѣ 23-го мая 1821 года, † 8-го марта); его кончина составляетъ для нашей литературы незамѣнимую утрату. Отецъ его, извѣстный художникъ, принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, изъ которой вышло много писателей и поэтовъ, между прочимъ духовный писатель XV вѣка, преп. Нилъ Сорскій. Свое дѣтство, до 12-тилѣтняго возраста, Майковъ провелъ въ подмосковной деревнѣ отца близъ Троице-Сергіевой лавры, въ семьѣ, гдѣ все жило наукой и искусствомъ, такъ какъ и мать его писала повѣсти и стихи. Здѣсь онъ полюбилъ русскую природу, русскую деревню, познакомился съ русскимъ народомъ, и впечатлѣнія отъ этого знакомства глубоко запали въ душу ребенка, отражаются на всѣхъ произведеніяхъ Аполлона Николаевича и остались неизмѣнными, несмотря на послѣдующія душевныя наслоенія. Для лучшаго воспитанія сыновей, Майковы переѣхали въ 1834 году въ Петербургъ, гдѣ Аполлонъ Николаевичъ, подъ руководствомъ своего дяди, В. А. Солоницына, человѣка весьма образованнаго и начитаннаго, и И. А. Гончарова, получилъ не только основательное образованіе, но и подготовился къ поступленію въ Петербургскій университетъ, куда и былъ принятъ въ 1837 году на юридическій факультетъ. Исправное посѣщеніе лекцій своего факультета, особенно по Римскому праву и энциклопедіи законовѣдѣнія, въ связи съ занятіями философій не мѣшали ему посѣщать лекціи и словеснаго факультета и слушать

русскую исторію у Устрялова, всеобщую у Куторги, русскую словесность у Никитенка — все это обогащало его умъ знаніями, а чтеніе лучшихъ произведеній изящной словесности образовывало и развивало его вкусъ. Несмотря на серьезныя занятія въ университетѣ, симпатіи юнаго студента были обращены въ сторону искусства: изъ-подъ его кисти вышла удачная картина Распятіе, а изъ-подъ пера выливались небольшія легкія стихотворенія, обратившія вниманіе Плетнева и Никитенка и удостоившія ихъ похвалы. Еще бывъ студентомъ, А. Н. Майковъ напечаталъ въ Одесскомъ Альманахѣ два стихотворенія, и одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Ночь», начинающееся стихами:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами

На нивы желтыя, покрытыя скирдами...

было прочитано С. П. Шевыревымъ на лекціи студентамъ Московскаго университета и названо имъ прямо Пушкинскимъ. Бѣлинскій отозвался объ этомъ стихотвореніи также съ большою похвалою.

Въ 1841 году А. Н. Майковъ кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ, и съ этого времени начали появляться въ повременныхъ изданіяхъ его стихотворенія, которыя въ 1842 году вышли отдѣльною небольшою книжкою подъ заглавіемъ Стихотворенія А. Н. Майкова. Эта книжка заключала въ себѣ большею частію антологическія его стихотворенія, проникнутыя задушевностію, красивыя по формѣ и звучныя по стиху, и заслужила лестные отзывы критики.

Несмотря на занятія поэзіею, Майковъ не покидалъ кисти, и одно время можно было думать, что онъ свою дѣятельность посвятитъ живописи; но бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ представилъ Государю Императору Николаю Павловичу вышедшую книжку стихотвореній А. Н. Майкова, указалъ на несомнѣнный его талантъ и на необходимость его поддержать и способствовать его развитію, и Государю благоугодно было дать ему средства на поѣздку въ Италію. Плодомъ двухлѣтняго пребыванія Майкова въ этой

классической странѣ искусства и поэзіи, въ которой онъ и изучалъ остатки древности и восторгался дивною природою, былъ рядъ образцовыхъ стихотвореній, вышедшихъ въ 1847 году подъ заголовкомъ: «Очерки Рима». Въ нихъ тонко очерчены картины природы, быта и типовъ тогдашняго Рима. На возвратномъ пути изъ Италіи въ отечество А. Н. Майковъ провелъ зиму 1843 года въ Парижѣ, а оттуда проѣхалъ въ Чешскую Прагу. Знакомство здѣсь съ Ганкою и Шафарикомъ содѣйствовало тому, что онъ съ любовью принялся за изученіе Славянскаго міра, а знакомство съ чешскою поэзіею оставило слѣды на многихъ произведеніяхъ нашего поэта.

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ возобновилась литературная дѣятельность А. Н. Майкова; онъ началъ помѣщать въ современныхъ изданіяхъ стихотворенія; напечаталъ въ 1845 году не помѣщенныя, къ сожалѣнію, въ Полномъ собраніи сочиненій были «Двѣ судьбы» и поэму «Машенька», хотя онѣ имѣютъ историко-литературный интересъ и хотя въ нихъ встрѣчается много изящныхъ описаній. Въ это же время онъ началъ создавать большую лирическую драму: «Выборъ смерти», теперь извѣстную подъ заглавіемъ «Три смерти». Событія Крымской войны нашли также откликъ въ стихотвореніяхъ Майкова, и имъ была напечатана книжка подъ заглавіемъ: «1854 годъ», гдѣ, между прочимъ, была помѣщена пьеса «Клермонтскій соборъ». Второе путешествіе Майкова за-границу въ 1858 году, по порученію Великаго Князя Константина Николаевича, обогатило русскую литературу нѣсколькими художественными произведеніями; къ ихъ числу относятся «Неаполитанскій альбомъ», Новогреческія пѣсни и стихотворенія, которымъ нашъ поэтъ далъ названіе «Изъ странствованій».

Шестидесятые и семидесятые годы, мало благоприятные для истинной поэзіи, не остановили поэтической дѣятельности Майкова; въ теченіе двадцати лѣтъ непрерывно появлялись его стихотворенія.

Въ 1882 году явилась въ свѣтъ трагедія «Два міра» — ис-

тинно-художественное произведеніе, на выполненіе котораго нашъ поэтъ посвятилъ многіе годы. Изобразить картину борьбы умирающаго языческаго міра съ зарождающимся христіанствомъ было подъ силу такому таланту, какимъ обладалъ Майковъ.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ поэтической дѣятельности А. Н. Майкова были ея лучезарнымъ закатомъ, но и въ этотъ періодъ времени онъ подарилъ нашу литературу многими перлами поэзіи.

Извѣстно выраженіе Пушкина: «слова поэта суть уже дѣла его». Оно совершенно справедливо относительно А. Н. Майкова. И впечатлѣнія, полученныя отъ природы и людей во время путешествій, и событія виѣшной и внутренней жизни Россіи, и отношенія самого поэта къ лицамъ, и его взгляды, чувства, тревоги, ожиданія — все это можно прослѣдить въ его стихотвореніяхъ, которыя такимъ образомъ являются поэтическою лѣтописью его жизни.

Напрасно поэтъ въ своемъ посланіи «Моему издателю» сказалъ, что

Онъ жилъ въ самомъ себѣ, писалъ лишь для себя,
Безъ всякихъ помысловъ о славѣ въ настоящемъ,
О славѣ въ будущемъ... Лишь Красоту любя,
Искалъ лишь Вѣчное въ явленьи преходящемъ.

Напротивъ каждый, любящій родную поэзію, повторить относительно произведеній нашего поэта начальныя строки его стихотворенія «Перечитывая Пушкина»:

Его стихи читая — точно я
Переживаю нѣкій міръ чудесный —
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя.

Юныя же поколѣнія, заучивая дома и въ школѣ многія прекрасныя стихотворенія поэта, пронесутъ память о немъ въ далекое потомство.

Я не коснулся многого, что вышло изъ-подъ пера А. Н. Майкова, между прочимъ его историческихъ статей и переложенія

Слова о полку Игоревѣ; не сказалъ ни слова объ его скромной, но многосложной службѣ, которую онъ началъ помощникомъ бібліотекаря въ Румянцовскомъ Музеѣ, продолжалъ цензоромъ въ Комитетѣ иностранной цензуры и кончилъ предсѣдателемъ этого Комитета; прошелъ молчаніемъ его литературныя и ученныя связи, отношенія къ нему критики; все это дѣло подробной біографіи, которая дастъ и справедливую оцѣнку его произведеніямъ. Но не могу умолчать въ заключеніи теперь же объ его нравственныхъ качествахъ. Они были столь же прекрасны и увлекательны, столь же отзывчивы ко всему доброму и высокому, какъ и его стихотворенія. Человѣкъ и поэтъ въ немъ слились и прошли жизненный путь рука-объ-руку.

Отъ скорбныхъ воспоминаній объ утратахъ лицъ, которыя посвятили всю жизнь наукѣ и литературѣ, перехожу къ ученой дѣятельности Отдѣленія.

Въ 1897 году продолжались усиленныя работы надъ Словаремъ русскаго языка. Уже въ январѣ мѣсяцѣ Отдѣленіе нашло возможнымъ приступить къ печатанію перваго выпуска втораго тома. Корректурные его листы разсылались всѣмъ тѣмъ, кто выражалъ свое согласіе помочь Отдѣленію въ его словарныхъ работахъ, а число такихъ лицъ было весьма значительно. Листы эти возвращались большею частью со многими поправками и дополненіями, значительно увеличивавшими и измѣнявшими первоначальную редакцію. Частію это обстоятельство, значительно замедлявшее печатаніе, частію же и то, что одновременно съ изданіемъ выпуска велись подготовительныя работы ко всему словарю — были причиною того, что выпускъ оконченъ печатаніемъ только къ настоящему дню. Онъ обнимаетъ слова на буквы Е и Ж и доводитъ Словарь до слова *Желтый*. Редакторомъ этого выпуска Словаря былъ академикъ А. А. Шахматовъ. Непосредственное участіе въ просмотрѣ корректуръ и обсужденіи замѣчаній, которыя предлагали члены Отдѣленія, принималъ

Августѣйшій Президентъ Академіи. Наиболѣе трудностей Отдѣленіе Русскаго языка и словесности встрѣтило при обработкѣ этого выпуска, какъ и перваго тома, — въ точномъ опредѣленіи научныхъ и техническихъ терминовъ. Недостатокъ этотъ, благодаря участію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, отчасти устраненъ. Дальнѣйшіе выпуски Словаря будутъ слѣдовать безостановочно.

Съ выходомъ въ свѣтъ перваго тома Литовско-Русско-Польскаго Словаря братьевъ Юшкевичей продолженіе печатанія его, какъ было заявлено въ прошлогоднемъ отчетѣ Отдѣленія, остановилось по случаю внезапной кончины В. И. Юшкевича, котораго Отдѣленіе пригласило для редакціи словаря. Нынѣ продолженіе этого труда Отдѣленіе поручило молодому ученому И. И. Яблонскому, ученику профессора Московскаго Университета Ф. Θ. Фортунатова. Въ концѣ ноября г. Яблонскій сообщилъ Отдѣленію, что лѣтомъ онъ провѣрялъ въ Ковенской губерніи тотъ матеріалъ, который собранъ покойнымъ А. Юшкевичемъ. При этомъ онъ записалъ около двухъ тысячъ такихъ словъ, которыя не значатся въ рукописи покойнаго А. Юшкевича, но зато довольно большого числа словъ, помѣщенныхъ въ рукописи, онъ не нашелъ, хотя за лѣто успѣлъ побывать въ разныхъ мѣстахъ Литвы. Довольно подробно онъ изучалъ на мѣстѣ два говора — веліонскій и ольсядскій. Изучая эти и другіе говоры литовскаго языка, онъ нашелъ въ рукописи Юшкевича много ошибокъ какъ въ написаніи самихъ словъ и переводѣ ихъ на польскій и русскій языки, такъ и въ помѣщенныхъ въ Словарѣ литовскихъ текстахъ. Несмотря на все это, г. Яблонскій надѣется въ непродолжительномъ времени приступить къ дальнѣйшему печатанію Словаря, хотя и предвидитъ многія затрудненія.

Въ настоящемъ году окончень печатаніемъ подъ наблюдениемъ академика А. Θ. Бычкова второй выпускъ второго тома Матеріаловъ для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ И. И.

Срезневскимъ. Этотъ выпускъ оканчивается словомъ пакъ. Нельзя не отнестись съ благодарностію къ члену-корреспонденту Отдѣленія О. И. Срезневской и ея брату Вс. И. Срезневскому за тщательность, съ которою изготовляется текстъ Словаря для печати.

Приближается къ окончанію печатаемый, подъ редакціею академика А. А. Шахматова, Областной Словарь Олонецкаго нарѣчія, составленный Г. И. Куликовскимъ.

Въ 1897 году вышло подъ редакціей академика А. Θ. Бычкова четыре книжки Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ числѣ многихъ статей по языкознанію и исторіи отечественной литературы, помѣщенныхъ въ этомъ повременномъ изданіи, слѣдующія заслуживаютъ быть упомянуты: В. В. Сиповскаго — «Къ литературной исторіи Писемъ Русскаго путешественника (Н. М. Карамзина)»; М. И. Сухомлинова — «А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья»; Е. Θ. Карскаго — «Западно-русскій сборникъ Императорской Публичной библіотеки, палеографическія его особенности, его составъ и особенности языка»; В. М. Истрина — «Замѣчанія о составѣ Толковой Палей»; Д. Θ. Кобеко — «Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыхъ Царяграда»; Е. А. Ляцкаго — «Нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ».

Въ истекающемъ году вышла въ свѣтъ первая часть второго тома обширнаго труда П. А. Ровинскаго: «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ». Главную и важнѣйшую часть этого труда составляетъ этнографія, въ которой представлена по возможности самая точная и подробная характеристика черногорскаго народа и его жизнь во всѣхъ сферахъ и отправленияхъ со всею окружающею ее обстановкою.

Въ этомъ же году отпечатанъ посмертный трудъ академика И. И. Срезневскаго: «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги». Въ этомъ трудѣ заключается: Описаніе четы-

режъ основныхъ списковъ Русской Кормчей книги Ефремовской, Рязанской, Новгородской и Устюжской, къ которому приложена статья покойнаго академика о Воскресенской Кормчей и присоединенъ сравнительный указатель перевода отдѣльныхъ частей Кормчей. Въ приложеніяхъ помѣщены: Собраніе канонѳвъ Іоанна Схоластика, Собраніе постановленій въ 87 главахъ, Новеллы, Синтагма въ XIV титлахъ и Законъ судный. Большая часть описаній рукописей и всѣ выписки были вновь провѣрены по подлинникамъ редакторомъ этого труда, сыномъ покойнаго академика В. И. Срезневскимъ.

Оканчивается печатаніемъ первый томъ составленнаго П. В. Шейномъ сборника великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, озаглавленнаго: «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.»

Отпечатанъ трудъ епископа Сейнскаго Антонія Барановскаго, подъ заглавіемъ: «Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарь».

Приступлено къ печати фотографической копіи съ извѣстной Супрасльскаго рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую Минею-Четью, тщательно и въ высшей степени добросовѣстно провѣренной съ подлинною рукописью С. Н. Северьяновымъ. Веденіе этого изданія поручено г. Северьянову, подъ наблюденіемъ академика А. А. Шахматова.

Слѣдующія изданія, начатыя Отдѣленіемъ въ 1896 году, продолжались печатаніемъ и въ текущемъ: П. В. Шейна — третій томъ «Матеріаловъ для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края»; третій томъ «Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ»; второй томъ «Исслѣдованій по русскому языку»; «Апокрифическіе тексты», собранные изъ южно-славянскихъ рукописей П. А. Лавровымъ, и составленный С. А. Венгеровымъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія», который въ настоящемъ году доведенъ до слова: *Беркутовъ*.

Учено-литературные труды членовъ Отдѣленія были слѣдующіе.

Академикъ А. О. Бычковъ напечаталъ третьимъ изданіемъ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, въ приложеніяхъ къ которому помѣстилъ: дословную перепечатку изданія Лаврентьевскаго списка, предпринятаго профессорами Московскаго университета Чеботаревымъ и Черепановымъ; рѣдчайшаго, не доведеннаго до конца, изданія Лаврентьевскаго списка, сличеннаго съ пергаменнымъ Троицкимъ спискомъ, сгорѣвшимъ въ 1812 году въ нашествіе Французовъ, и писанное полууставомъ конца XVIII вѣка начало поученія Владимира Мономаха. Сверхъ того онъ былъ занятъ приготовленіемъ къ печати IV тома «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Въ этомъ томѣ будутъ напечатаны документы, относящіеся къ 1706 г. Бóльшая ихъ часть касается военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ этомъ году, а также Астраханскаго бунта. Особенный интересъ имѣютъ бумаги, относящіяся къ блокадѣ Карломъ XII нашей арміи въ Гроднѣ и ея отступленію изъ этого города. Положеніе нашего войска, запертаго Шведскимъ королемъ въ Гроднѣ, было крайне затруднительно; отступленіе тоже было соединено съ большими опасностями. Благополучнымъ выходомъ изъ Гродны и своимъ спасеніемъ наша армія была вполнѣ обязана распоряженіямъ самого Государя. За 1706 годъ до насъ дошло гораздо бóльшее число писемъ и инструкцій Петра Великаго, чѣмъ за предыдущіе годы, и новый томъ дастъ богатый матеріалъ для историка царствованія Петра Великаго.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ напечаталъ IV томъ Сочиненій М. В. Ломоносова. Въ этотъ томъ вошли сочиненія нашего знаменитаго академика, относящіяся къ области языкознанія, и нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ. Изъ сочиненій по филологіи здѣсь помѣщены: Россійская Грамматика; Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ, опредѣляющее взаимное отношеніе двухъ

элементовъ въ языкѣ: церковнославянскаго и русскаго; Указаніе предметовъ для филологическихъ изслѣдованій, изъ котораго видно, что Ломоносовъ считалъ необходимымъ историческое и сравнительное изученіе языка, какъ литературнаго въ его различныя эпохи, такъ и живого, народнаго въ его мѣстныхъ особенностяхъ, и нѣсколько другихъ статей. Изъ рѣчей въ этотъ томъ вошли: Похвальные слова Петру Великому и Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, слова: О пользѣ химіи, О воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ отъ электрической силы, О происхожденіи свѣта, представляющее новую теорію о цвѣтахъ. Всѣ эти труды снабжены объяснительными примѣчаніями, на составленіе которыхъ уважаемый академикъ употребилъ много труда и времени.

Въ отчетномъ году тотъ же академикъ окончилъ печатаніемъ IX томъ Матеріаловъ для Исторіи Императорской Академіи Наукъ, заключающій въ себѣ извлеченіе изъ протоколовъ Академіи и изъ дѣлъ, хранящихся въ ея архивѣ, за 1748, 1749 и 1750 годы. Къ этому тому приложенъ обстоятельный указатель, который значительно облегчаетъ пользованіе изданіемъ, заключающимъ въ себѣ любопытныя данныя для исторіи нашего просвѣщенія. Такъ напримѣръ изъ журнала 1748 года помѣщена выписка, чтобы профессоръ и исторіографъ Миллеръ, представившій президенту Академіи таблицу родословную Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, ни въ какія родословныя изслѣдованія не токмо Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества, но и партикулярныхъ людей, безъ особливаго на то указа не вступалъ и никому бы такихъ родословій, подъ опасеніемъ штрафа, не подносилъ, и трудился бы только въ одномъ томъ, что ему поручено отъ президента или, въ отбытность его, изъ канцеляріи, какъ то изображено въ его контрактѣ.

Своеобразное понятіе о достоинствѣ трагедіи Сумарокова «Гамлетъ» мы получаемъ изъ донесенія В. К. Тредіаковскаго,

которому было поручено ея разсмотрѣніе. Онъ нашелъ ее «довольно изрядною». «Подлинно, — писалъ онъ, — авторъ самую важную погрѣшность, въ первой своей трагедіи Хоревѣ (въ которой порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла) въ сей прилѣжно исправилъ, и такъ здѣлалъ, что здѣсь всѣ, въ чемъ главнѣйшая польза отъ трагедіи, пороки истреблены, а добродѣтели торжество, съ великимъ удовольствіемъ сердцу читателю, законно себѣ получили».

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью подъ заглавіемъ: «Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ». Продолжая свои работы по исторической поэтикѣ, академикъ обратился къ изученію повтореній, обычныхъ въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. На это явленіе смотрятъ, какъ на очень древній стилистическій приѣмъ; авторъ видитъ въ немъ, какъ и въ эпической словоохотливости, *retardatio*, въ постоянныхъ эпитетахъ и обиліи общихъ мѣстъ — признакъ поздняго времени, а повторенія пытаясь возвести къ механизму стараго народнопѣсеннаго исполненія, хорическаго и антифоническаго, распространяя на эпическій сказъ аналогію антифонизма, широко примѣняющагося и теперь въ народной лирической пѣснѣ. Въ основѣ — повторенія не что иное, какъ захваты стиха или стиховъ отъ одного пѣвца къ другому, ему вторившему, изъ строфы въ строфу; при единоличномъ исполненіи пѣсни, эти захваты очутились формулой повторенія, которой стали пользоваться, какъ стилистической, служащей цѣлямъ психологическаго и художественнаго анализа.

Отрывки изъ «*Planctus Italiae*», встрѣтившіеся академику Веселовскому въ итальянскихъ сборникахъ съ именемъ Евстахія, составили предметъ его статьи, помѣщенной въ томъ же Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Евстахій изъ Матеры (или Венозы) и его *Planctus Italiae*». Эти отрывки оказались принадлежащими къ поэмѣ, авторомъ которой былъ Евстахій, одинъ изъ забытыхъ латинскихъ поэтовъ конца XIII

вѣка, предшественниковъ южно-италианскаго Возрожденія. Академикъ Веселовскій склоненъ отождествить его съ нѣкимъ Евстахіемъ, о которомъ Боккаччо зналъ лишь со словъ своего учителя Паоло изъ Перуджіи.

Порученный Академіею А. Н. Веселовскому разборъ книги г. Истрина: «Александрія русскихъ хронографовъ» — далъ нашему академику поводъ пересмотрѣть критически новѣйшія работы по исторіи псевдо-каллисѣенова романа и его многочисленныхъ отраженій въ средневѣковой литературѣ. Важными оказались эоіопскіе тексты, изданные Бѣдшемъ, особенно такъ называемый христіанскій романъ объ Александрѣ, представляющій яркій образецъ христіанизованныхъ Александрій, въ родѣ сербской; генеалогическія отношенія послѣдней, предположенныя авторомъ въ одной изъ предшествовавшихъ работъ, находятъ себѣ параллель и подтвержденіе, и освѣтили новыми данными нѣкоторые изъ переходныхъ рассказовъ, обогатившихъ псевдо-каллисѣеновскій текстъ. Вопросъ объ отношеніи Дучипала сербскаго романа (Букефала Псевдокаллисѣена) къ Dulcifal'ю сѣверной саги — не лишній для хронологіи источниковъ сербскаго текста, столь популярнаго въ Древней Руси.

Академикъ И. В. Ягичъ, проживающій въ Вѣнѣ, но приимающій дѣятельное участіе въ трудахъ Отдѣленія, напечаталъ въ 1897 году второй томъ «Источниковъ для исторіи славянской филологіи», о которомъ уже упоминалось въ прошлогоднемъ отчетѣ. Въ обширномъ введеніи, которое г. Ягичъ предпослалъ изданнымъ имъ письмамъ, представлена картина замѣчательнаго умственнаго движенія, охватившаго южныхъ и западныхъ славянъ, отчасти въ концѣ прошлаго столѣтія (чехи, сербы), отчасти въ первые годы нынѣшняго (словинцы). Въ разнообразной перепискѣ, которая собрана въ этомъ томѣ, такъ и слышится одинъ общій голосъ, чтобы, наконецъ, и славяне взяли за великое дѣло просвѣщенія своихъ племенъ и народовъ для поднятія уровня образованія, для разра-

ботки отечественной исторіи и для развитія своихъ языковъ и литѣратуръ.

При пособіи Вѣнской Академіи Наукъ И. В. Ягичъ издалъ текстъ хорватскаго перевода Пророковъ по единственному, имъ недавно найденному экземпляру, напечатанному въ Тюбингенѣ. Изданіе вышло подъ заглавіемъ: «*Veteris testamenti Prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI*».

Въ 1896 году академику Ягичу удалось приобрѣсти нѣсколько славянскихъ рукописей, понавшихъ въ Вѣну съ Востока (онѣ куплены въ Каирѣ). Эти рукописи пожелала отъ него приобрѣсти наша Императорская Публичная Библиотека, но до передачи ихъ по назначенію нашъ уважаемый сочленъ захотѣлъ познакомить ученый міръ съ ихъ содержаніемъ. Объ одномъ Евангеліи, названномъ, по отмѣткѣ въ рукописи, Евангеліемъ Добромировымъ — оно написано въ предѣлахъ Македоніи въ концѣ XII столѣтія — И. В. Ягичъ представилъ изслѣдованіе въ Извѣстія Вѣнской Академіи Наукъ, въ которыхъ оно вскорѣ будетъ напечатано подъ заглавіемъ: «*Evangelium Dobromiri*». Гораздо замѣчательнѣе по содержанію другая рукопись — сборникъ средне-болгарскаго письма конца XIII столѣтія, который по подбору Словъ можетъ быть названъ Златоустомъ. Разсмотрѣніе одного текста этого важнаго сборника составило предметъ особой статьи академика Ягича, озаглавленной: «Критическія замѣтки къ славянскому тексту апокрифическаго первоевангелія», которую онъ доставилъ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ нашего Отдѣленія и которая появится въ нихъ въ одной изъ книжекъ 1898 года.

По случаю командировки Вѣнскою Академіею Наукъ трехъ южно-славянскихъ ученыхъ для діалектологическихъ изслѣдованій на Балканскомъ полуостровѣ, г. Ягичъ напечаталъ въ Вѣнскомъ академическомъ Указателѣ (*Anzeiger*) двѣ статьи: а) «*Die Aufgabe der Erforschung der südslavischen Dialekte*» и б) «*Vorläufige Berichte der Balkan-Commission über Dialektforschung*».

auf der Balkanhalbinsel». Сверхъ того И. В. Ягичъ издалъ XX томъ Архива славянской филологіи (Archiv für slavische Philologie), въ которомъ его статья «О спорныхъ вопросахъ въ славянской филологіи» несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе специалистовъ.

Дѣятельность академика Л. Н. Майкова была въ нынѣшнемъ году сосредоточена по преимуществу на работахъ по порученному ему критическому изданію Сочиненій А. С. Пушкина. Къ печатанію перваго тома этого изданія приступлено, и оно уже доведено до половины. Интересъ этого тома заключается въ слѣдующемъ: здѣсь должны быть помѣщены прежде всего такъ называемыя лицейскія стихотворенія Пушкина, при чемъ многія изъ нихъ, благодаря тщательному изученію редакторомъ авторскихъ рукописей, явятся въ новомъ, болѣе исправномъ видѣ. Къ сожалѣнію, тяжкая болѣзнь академика Майкова во второй половинѣ года воспрепятствовала ему закончить печатаніе перваго тома къ настоящему дню. По прямѣру прежнихъ лѣтъ, Л. Н. Майковъ продолжалъ поиски Пушкинскихъ рукописей и рукописныхъ свѣдѣній о немъ. Въ истекшемъ году имъ сдѣланы слѣдующія приобрѣтенія: графомъ С. Д. Шереметевымъ доставлено еще одно не напечатанное доселѣ письмо Пушкина къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, найденное въ принадлежащемъ нынѣ графу Остафьевскомъ архивѣ, а внучкой княгини, графинею Е. П. Шереметевой, переданы два весьма интересныхъ письма княгини Вѣры Ѳеодоровны изъ Одессы, относящихся къ тому времени, когда послѣдовала высылка Пушкина въ деревню. Внучка псковской сосѣдки Пушкина П. А. Осиповой, М. Б. Карпова, рожденная баронесса Вревская, сообщила двѣнадцать писемъ поэта къ ея бабкѣ и къ ея дядѣ А. Н. Вульфу, между которыми есть и не бывшія въ печати, С. А. Никитенко, дочь покойнаго академика — письмо къ ея отцу, не напечатанное, а П. Я. Дашковъ — два письма къ П. А. Корсакову. Наконецъ, одно письмо Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ

получено Л. Н. Майковымъ въ фотографическомъ снимкѣ, при содѣйствіи г. Засядка, изъ библіотеки Императорскаго Харьковскаго университета, а другое письмо, еще не изданное, получено въ такомъ же снимкѣ изъ Краковскаго музея Оссолинскихъ при содѣйствіи профессора И. А. Бодуэна-де-Куртена. Сенаторъ Андр. Ник. Маркевичъ сообщилъ любопытный въ литературномъ и художественномъ отношеніи альбомъ своего отца, литератора 1830-хъ и 40-хъ годовъ и товарища Льва Пушкина по ученію. Въ этомъ альбомѣ нашлись два стихотворенія нашего великаго поэта, давно напечатанныя, но въ особой редакціи.

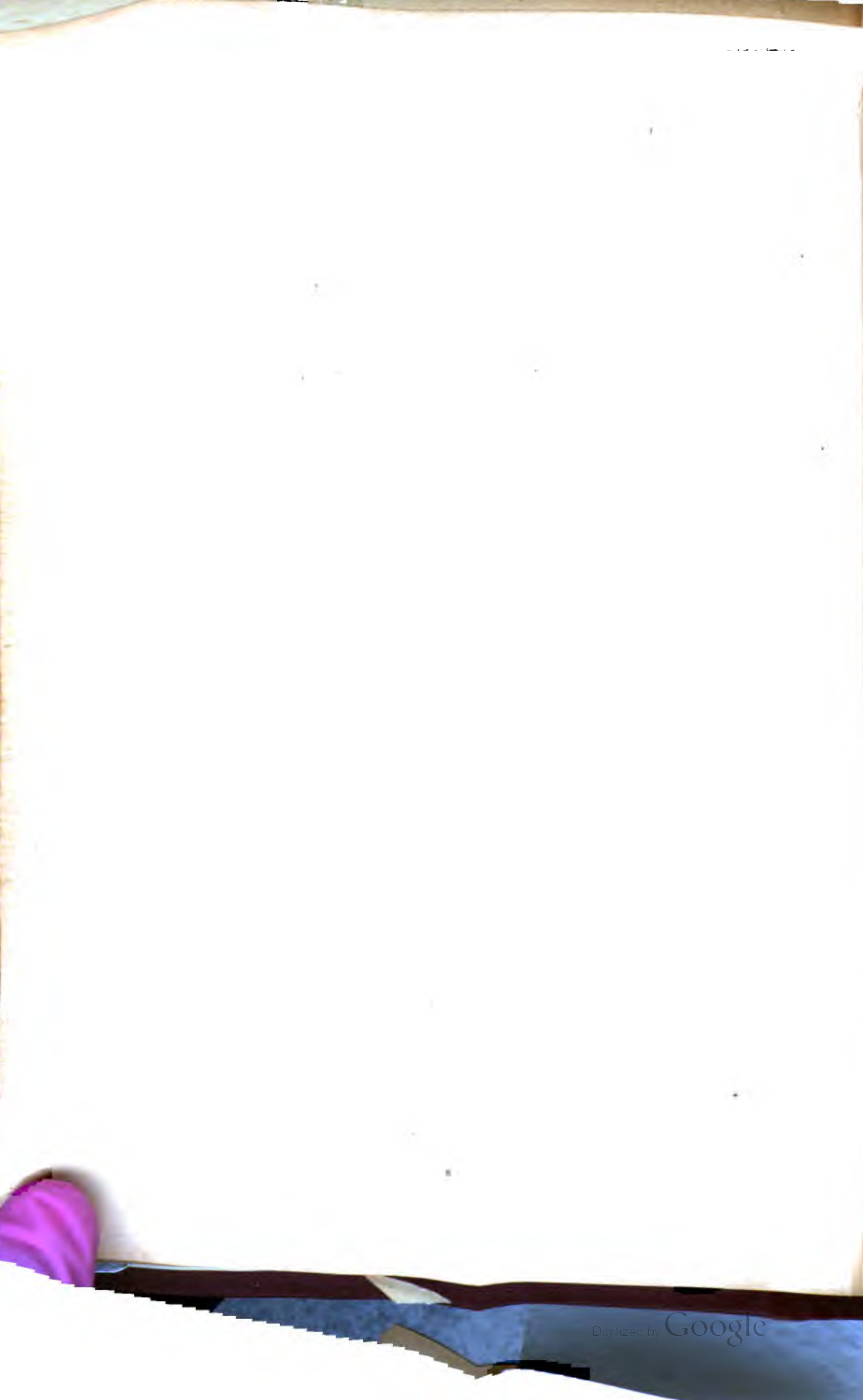
Всѣмъ этимъ лицамъ, оказавшимъ просвѣщенное содѣйствіе предпринятому изданію, Отдѣленіе выражаетъ живѣйшую благодарность.

Кромѣ занятій по изданію сочиненій Пушкина, академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ Русской Старинѣ статью подъ заглавіемъ: «Княжна Марія Кантемирова», а въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія начало изслѣдованія: «Юность Тредіаковскаго».

Академикъ А. А. Шахматовъ напечаталъ слѣдующія статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — «Исходная точка лѣтосчисленія Повѣсти временныхъ лѣтъ»; «Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ»; «Древнѣйшія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ»; въ Читеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей — «О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ»; въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — «Звуковыя особенности ельнинскихъ и мосальскихъ говоровъ»; въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія — «Кіевопечерскій Патерикъ и Печерская лѣтопись» и нѣсколько рецензій на новыя книги. Кромѣ того представилъ обширный разборъ сочиненія профессора Е. Ѳ. Будде «Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи».

Въ средѣ Отдѣленія возникъ вопросъ о необходимости и своевременности научнаго изданія сочиненій русскихъ писателей въ хронологической послѣдовательности. Планъ такого изданія составленъ и утвержденъ Отдѣленіемъ. Сочиненія каждаго писателя будутъ сопровождаться объяснительными примѣчаніями, а также библиографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями о писателѣ. Будутъ допущены и болѣе обширныя изслѣдованія о личности писателя и его литературной дѣятельности. Предположено начать это изданіе съ писателей XI и XII вѣка. Къ XI вѣку отнесены: Леонтій, митрополитъ кievскій; Лука Жидята; Иларіонъ, митрополитъ кievскій; Феодосій, игумень печерскій; Георгій, митрополитъ кievскій; Іоаннъ, митрополитъ кievскій; Іаковъ черноризецъ; Ефремъ, митрополитъ кievскій; преп. Несторъ; Василій, авторъ сказанія о Василькѣ; Григорій, творецъ каноновъ, и относимыя къ XI вѣку анонимныя: слова и поученія, историческія повѣсти и сказанія, и житія святыхъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 2.

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ

въ 1897 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 13).
1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1898 г.   Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровина*.

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМИИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1897 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Ордин. акад. А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ настоящемъ году присужденіе Ломоносовскихъ премій предстояло Отдѣленію русскаго языка и словесности. Представлено было на соисканіе два труда: 1) профессора Императорскаго университета св. Владимира Т. Д. Флоринскаго подъ заглавіемъ: «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I (Кіевъ, 1895): I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки» и 2) профессора Императорскаго Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде: «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. (Казань, 1896 г.)».

По порученію Отдѣленія означенныя сочиненія были рассмотрѣны—первое профессоромъ Императорскаго Московскаго университета Р. Ѳ. Брандтомъ, второе академикомъ А. А. Шахматовымъ, которые дали о нихъ слѣдующіе отзывы:

I.

Доставленное на соисканіе Ломоносовской преміи сочиненіе профессора Флоринскаго, говоритъ профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ,—представляетъ объемистую книгу, содержаніе которой, какъ опредѣляетъ его самъ авторъ, «характеристика юго-

1*

западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніи, съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи ихъ»; цѣль ея—прежде всего «оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ представить опытъ «подведенія итоговъ современному изученію славянскихъ языковъ». Авторъ, по словамъ рецензента, вообще прекрасно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу: хотя онъ самъ и не работалъ въ грамматической области славянской науки, но онъ проявляетъ основательное знакомство съ трудами другихъ ученыхъ и сумѣлъ извлечь изъ этихъ трудовъ все существенное.

Особенное значеніе придаетъ рецензентъ прилагаемой къ отдѣльнымъ главамъ чрезвычайно богатой библіографіи, въ которой почти что нѣтъ упущеній. Эти отдѣлы книги, равно какъ та часть, которая названа введеніемъ, дѣлаютъ книгу г. Флоринскаго очень цѣннымъ руководствомъ для начинающихъ славистовъ. Правда, въ введеніи кое-какія положенія автора вызываютъ на возраженія, но тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ книги, г. Флоринскій представилъ въ объективномъ изложеніи все существенное. Въ изложеніи звуковыхъ и формальныхъ особенностей рецензентъ отмѣчаетъ рядъ недостатковъ, легко устранимыхъ при переработкѣ сочиненія: такъ авторъ, вдаваясь въ область діалектологіи, иногда недостаточно выдѣляетъ мѣстныя явленія отъ явленій болѣе или менѣе общихъ; дорожа вообще исторіей языковъ и постоянно приводя изъ нея данныя, авторъ иногда допускаетъ нѣкоторую неосторожность въ своемъ изложеніи; строго различая вообще явленія звуковыя и явленія аналогіи, авторъ иногда подводитъ подъ фонетическій законъ такія явленія, объясненіе которыхъ надо искать во влияніи аналогіи и т. д.

Кромѣ того г. Флоринскій допустилъ въ своемъ изложеніи нѣсколько неточностей и ошибочныхъ толкованій и данныхъ. Нѣкоторые отдѣлы изложены имъ недостаточно полно, иногда въ книгѣ попадаются недосмотры.

Но всё эти недостатки нисколько не могут повредить тому общему весьма благопріятному впечатлѣнію, которое производитъ разбираемое сочиненіе. Вотъ почему рецензентъ въ заключеніи своемъ находитъ, что книга г. Флоринскаго заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовскою премією.

II.

По словамъ академика А. А. Шахматова, трудъ г. Будде тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ предшествующимъ работамъ автора: — «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій (Варшава 1892)» и «Отчету о командировкѣ въ Рязанскую губернію» (Казанскія Университетскія Извѣстія 1895 года). Изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у г. Будде желаніе познакомиться съ сѣверными уѣздами той же губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами. Такой границей оказалась рѣка Ока: къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, особенности которыхъ г. Будде описалъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ живыхъ говоровъ русскаго языка съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ и обратился къ сравнительно-историческому изслѣдованію современныхъ говоровъ и древнихъ памятниковъ языка. Вотъ почему въ изслѣдованіи г. Будде находимъ рядъ экскурсовъ въ область исторіи русскаго языка: для того чтобы объяснить происхожденіе современнаго звукового состава Касимовскаго говора, ему пришлось подробно остановиться на исторіи отдѣльныхъ звуковыхъ явленій, и расширяя свое изслѣдованіе коснуться всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ исторіи нашего языка. Обнаруживъ при этомъ весьма обширныя знанія въ области фактовъ какъ современнаго, такъ и древняго языка, авторъ представилъ рядъ новыхъ въ наукѣ соображеній, разъясняющихъ

историческій процессъ измѣненія звуковъ въ русскихъ говорахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ соображеній, равно какъ многія наблюденія надъ современнымъ произношеніемъ, могутъ быть признаны цѣнными вкладами въ науку. Такъ весьма важны соображенія автора, доказавшія, что Касимовскіе говоры—говоры смѣшанные, при чемъ въ основѣ ихъ лежатъ говоры сѣверно-русскіе, подвергшіеся вліянію южно-великорусскихъ говоровъ. Очень любопытны наблюденія г. Будде надъ долгими гласными и дифтонгами Касимовскихъ говоровъ, а также его замѣчанія относительно произношенія многихъ звуковъ въ сѣверныхъ и южныхъ рязанскихъ говорахъ. Рядомъ съ этими положительными сторонами труда г. Будде, въ немъ можно отмѣтить и рядъ недостатковъ, какъ въ приемахъ изслѣдованія, такъ и въ изложенія выводовъ. Указавъ на отсутствіе отдѣловъ, посвященныхъ ударенію, склоненію, спряженію и синтаксису, рецензентъ указываетъ на рядъ неточностей и ошибокъ въ изслѣдованіи г. Будде, объясняя ихъ главнымъ образомъ тою поспѣшностью, съ которою онъ работалъ. Все изслѣдованіе г. Будде много бы выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его переработать.

Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что главные результаты изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка, а также въ виду замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкости его наблюденій и тщательности изслѣдованій, рецензентъ находитъ, что недостатки разсматриваемаго сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г. Будде Ломоносовскую премію.

Образованная согласно § 10 правилъ о Ломоносовской преміи Комиссія, состоявшая изъ академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова и А. А. Шахматова, нашла справедливымъ присудить обимъ соискателямъ за представленные ими труды Ломоносовскую премію въ половинномъ размѣрѣ каждому. Это поста-

новленіе Комиссіи Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, по ознакомленіи съ поданными рецензіями, единогласно утвердило.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе постановило выразить профессору Р. Ѳ. Брандту искреннюю признательность за принятый имъ трудъ составленія обстоятельнаго критическаго разбора труда профессора Флоринскаго и присудило ему золотую медаль.

І.

Отзывъ о сочиненіи **О. П. Т. Д. Флоринскаго** „Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. Кіевъ 1895. I) Введеніе. II) Юго-западныя славянскіе языки (болгарскій, сербохорватскій и словинскій). Кіевъ 1895.“

Поданное на соисканіе Ломоносовской преміи сочиненіе профессора Флоринскаго представляетъ объемистую книгу, въ 526 страницъ въ большую осьмушку. Содержаніе этой книги, какъ опредѣляетъ его самъ авторъ, «характеристика юго-западныхъ славянскихъ языковъ въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ, съ указаніемъ важнѣйшихъ данныхъ по исторіи и діалектологіи ихъ (стр. 35); цѣль ея — прежде всего «оказать посильную помощь студентамъ-филологамъ при изученіи славянскихъ языковъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ представить опытъ «подведенія итоговъ современному изученію славянскихъ языковъ». (Предисл., стр. III). Авторъ вообще прекрасно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу: хотя онъ самъ и не работалъ въ грамматической области славянской науки, но онъ проявляетъ основательное знакомство съ трудами другихъ ученыхъ и сумѣлъ извлечь изъ этихъ трудовъ все существенное.

Послѣ введенія, въ 44 страницы, посвященнаго изложенію краткихъ свѣдѣній по этнографіи Славянъ и по классификаціи ихъ языковъ, а также по сравнительному языковѣдѣнію въ отношеніи его къ славянской филологіи, авторъ отводитъ 143 стра-

ницы болгарскому языку, 191 — сербохорватскому, и 140 — словинскому, или словенскому¹⁾.

Въ изложеніи отдѣльныхъ языковъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) говорится объ изученіи даннаго языка, объ имѣющихся по нему работахъ, 2) о занимаемой имъ площади, 3) объ историческихъ судьбахъ его, 4) о звуковыхъ особенностяхъ его, съ особымъ изложеніемъ вопроса объ акцентовкѣ, 5) о формовыхъ особенностяхъ и 6) о неизмѣняемыхъ словахъ, къ чему затѣмъ присоединяются 7) свѣдѣнія о нарѣчіяхъ и говорахъ. Нѣсколько нарушая этотъ порядокъ, авторъ иногда уже въ другихъ отдѣлахъ предвосхищаетъ діалектическія данныя — чего впрочемъ едвали можно было избѣжать. Самый порядокъ однако кажется рецензенту несовсѣмъ удачнымъ: географическія данныя естественнѣе было бы поставить на первое мѣсто, а свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ, а также объ изученіи разсматриваемаго языка лучше бы было отнести къ концу, такъ какъ для чтенія ихъ желательно уже нѣкоторое знакомство съ этимъ языкомъ — по крайней мѣрѣ необходимо умѣніе читать, и непременно слѣдовало выдвинуть впередъ графику. Что касается графики, то, кромѣ изложенія ея въ текстѣ, было бы хорошо приложить сравнительную таблицу различныхъ азбукъ, въ коей могли бы найти себѣ мѣсто и такія явленія, какъ мадьяризирующія начертанія szvent, idanste, cslecse у Семиградскихъ болгаръ (стр. 188—189), какъ литовское ё въ duktė (стр. 12), которыми студенты могутъ затрудниться. (Отчасти такому требованію удовлетворяють таблицы сербохорватскихъ письменъ, на стр. 242—243).

---

1) Употребленіе этого названія въ первомъ, а не во второмъ видѣ (по замѣчанію самого Ф., стр. 381, пр., болѣе правильномъ), во избѣжанье совпаденія съ обычнымъ названіемъ языка угорскихъ Словаковъ, который далеко не всѣ рѣшаются называть «словацкимъ», можно считать удачнымъ: получаемое при томъ новое совпаденіе съ кашубскими словинцами не представляетъ серьезнаго неудобства; впрочемъ особенно бояться смѣшенія южной словенской рѣчи съ сѣвѣрною приходится лишь тому, кто говоритъ, какъ Ф., о словацкомъ «языкѣ», вм. словацкаго или словенскаго «нарѣчія» чехословацкаго языка.

Авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ томъ, что, и въ томъ, какъ излагать; хотя для первоначальнаго ознакомленія со славянскими языками я лично предпочитаю еще болѣе сжатое и менѣе специальное изложеніе: съ каеэды курсы въ-роятно и читались въ болѣе краткомъ видѣ, ибо отдѣльные языки, съ тѣми подробностями, съ какими они разсматриваются въ разбираемой книгѣ, едва ли могли умѣститься въ учебныя полугодія — развѣ, если вовсе не читалось образцовъ.

Не особенно нужно представляется рецензенту часть введенія: можно было нисколько не вдаваться въ область сравнительнаго языковеденія, потому что при объясненіи явленій живыхъ славянскихъ языковъ естественно ограничиться сопоставленіемъ съ «нашимъ санскритомъ» (стр. 35) — языкомъ староцерковнымъ. Мысль эту, въ указанномъ мѣстѣ, выражаетъ и нашъ авторъ, а затѣмъ проводитъ ее на дѣлѣ¹⁾. Дѣйствительно, сравненіе съ литовскимъ и съ другими родственными языками, нужное въ курсѣ староцерковнаго языка, при разсмотрѣніи остальныхъ славянскихъ языковъ можетъ быть полезнымъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (напр. по вопросу о русской, польско-лужицкой и полабско-кашубской огласовкѣ плавно-чистыхъ созвучій: город, gród, gord, gard и т. п.). Въ частности должно признать излишнею попытку (стр. 12) въ немногихъ строкахъ дать изложеніе нѣкоторыхъ «характерныхъ безспорныхъ особенностей славянскаго праязыка», . . . составляющихъ притомъ «главнѣйшія отличія его отъ ближайше родственнаго ему языка литовскаго». Въ этомъ изложеніи кое-что выражено такъ неясно и неточно, что можетъ быть понято лишь тѣмъ, кто и самъ уже знаетъ въ чемъ дѣло: таково упоминаніе вскользь о какихъ-то сочетаніяхъ ар, ал, ер, ел и о существованіи въ литовскомъ

---

1) Иногда впрочемъ онъ, безъ надобности, отъ нея отступаетъ, возводя напр. сербское окончаніе -ху не только къ -хъ, но далѣе къ -хат и -хонт, окончаніе -ше, кромѣ -ша еще къ -ха и -хент (стр. 322): самъ же онъ, на стр. 340, говоритъ, что е въ клѣти и т. п. восходитъ къ носовому гласному, развившемуся еще въ доисторическое время.

языкъ «простого прошедшаго, такъ называемаго Praeteritum», тогда какъ въ немъ «нѣтъ аориста, а имперфектъ—позднѣйшаго образованія». Относительно «исчезновенія согласныхъ съ конца словъ и слоговъ» въ такой связи надо было оговорить, что оно въ большинствѣ случаевъ есть уже славяно-литовское явленіе; упоминая о «замѣнѣ первичнаго *v* черезъ *sh*», слѣдовало бы указать въ какомъ положеніи она замѣчается, также «перехода первичныхъ *k* и *g*, *gh* въ *s* и *z*» неудобно касаться, не входя въ нѣкоторыя подробности на счетъ двоякости (можетъ быть, и большаго еще разнообразія) праязычныхъ *k* и *g*. Впрочемъ авторъ могъ здѣсь имѣть въ виду, что читатели его нѣсколько знакомы со сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, и что имъ въ данномъ мѣстѣ не сообщается совершенно новыхъ свѣдѣній, а только напоминаетъ о вещахъ уже извѣстныхъ.

Во введеніи вызываетъ на возраженіе еще классификація славянскихъ языковъ, на стр. 2—3. Можно считать неоспоримымъ, что словацкая рѣчь находится въ подобномъ же отношеніи къ чешской, кашубская—къ польской, какъ малорусская—къ великорусской; имѣя въ виду эту несомнѣнную аналогію, нашему автору не слѣдовало бы говорить о «языкахъ» словацкомъ и кашубскомъ, а о «нарѣчіяхъ». Пробѣломъ въ его классификаціи является отсутствіе языка староцерковнаго (полабскій, хотя тоже мертвый, включенъ въ нее): Флоринскій мотивируетъ это (стр. 16) тѣмъ, что «о генетической связи его съ другими славянскими языками нельзя сказать ничего опредѣленнаго и положительнаго» и что «трудно указать для него подходящее мѣсто» (мысль повторяемая и на 29 стр.); однако онъ самъ нѣсколько выше склонялся на сторону болгарскаго происхожденія староцерковнаго языка, а въ томъ, что это языкъ югозападной группы, до сихъ поръ никто не сомнѣвался¹⁾.

При изложеніи звуковыхъ и формальныхъ особенностей ав-

1) Послѣ (на стр. 182) Флоринскій мѣтко указываетъ на черты, сближающія «съ книжнымъ языкомъ солунскихъ уроженцевъ Свв. Кирилла и Меѳодія» именно южно-македонскій (костурсо-солунскій) говоръ.

торъ иногда, забѣгая въ область діалектологіи, недостаточно выдѣляетъ мѣстныхъ явленія отъ явленій болѣе-менѣе общихъ. Такъ онъ (стр. 73) говоритъ, что ж у Болгаръ перешелъ въ одинъ изъ глухихъ звуковъ ж, з, или въ одинъ изъ чистыхъ а, о, у, е. Полагаю, что здѣсь слѣдовало выдвинуть переходъ ж въ глухой, какъ основное явленіе, и лишь въ видѣ оговорки указать на проясненіе его въ а и въ о. Тѣмъ болѣе второстепенную роль играть замѣна ж черезъ у, которую самъ Флоринскій признаётъ сербизмомъ (стр. 74), и появленіе на мѣстѣ его е, каковое замѣчается лишь въ глагольныхъ окончаніяхъ (областныхъ македонскія *моге, иде, думахе, се = сжть, плетет, паднет = -жть, -нжть*: стр. 74 же) и должно быть объясняемо вліяніемъ мягкихъ окончаній, гдѣ ж перешелъ въ ѣ и въ е, на твердыя¹⁾. Дѣйствительно звуковую особенность представляетъ тетевенское ѣ (своеобразный глухой, только похожий на е — «глухо-гърлено дълго е»): *мѣш, нѣт, гѣба, скокнѣх* (стр. 75), которое, на мой взглядъ, со-всѣмъ не «стоитъ въ связи» съ только что упомянутымъ македонскимъ е. Въ сербо-хорватскомъ (стр. 245) замѣною з и ѣ, кромѣ а, правда болѣе рѣдкою, признаётся и е, тогда какъ, если не считать кайкавщины, такая замѣна имѣется лишь въ единичныхъ случаяхъ: приводимыя здѣсь *стѣгно* и *прѣведан*, кажется, единственныя въ своемъ родѣ. (Изъ нихъ первое можно объяснить примѣненіемъ въ глаголу *стѣгнути* и сравнить съ польскимъ *ścięgno*, а второе должно быть слово книжнаго происхожденія, съ церковною—русскою, или иною—огласовкою). Начальное сочетаніе *ји* въ сербскомъ языкѣ—какое-нибудь *икальское јисти*, или *чакавское јих*,—не слѣдовало бы ставить на одну доску съ обычными сочетаніями *ја, је, ју*, какъ сдѣлано на стр. 266 и 273. Краткость гласныхъ, помимо конечнаго слога, въ словинскомъ языкѣ существуетъ лишь какъ мѣстное явленіе, что отмѣчаетъ и самъ Флоринскій (стр. 409 и 420), но онъ все-таки говоритъ иногда о краткости—видимо, о восточно-штирійской, по Миклошичу,—

1) *Думахе* сохраняетъ въ своемъ е аористный ѣ, и окончаніе его возникло путемъ сдѣлки между аористнымъ -ша и имперфектнымъ -хъ.

гдѣ обыкновенная рѣчь представляетъ долготу: приводитъ напр. *gōba, tōča, jēšmen, zēt, mēhek* (стр. 412), *kōza, vōda* (421), *pitī* (459), *slādek, tānek, glōbok* (469); иное, напр. мѣстный пад. *mēni*, творный *pāni* — стр. 461 — должно быть простыя опечатки. Не только «рѣдкая» у Болгарь, но и чисто мѣстная форма *ми, мие* (мы) напрасно внесена въ парадигму, на стр. 107. Безъ оговорки рядомъ съ обычными формами поставлены сербскія областныя кѣми и *кѣм, плѣм, крѣм*, стр. 295, гдѣ, кстати замѣтить, недостаетъ формы *прѣм*.

Отличаясь вообще достаточной полнотой, разбираемая книга представляетъ все-таки нѣкоторыя, болѣе-менѣе значительныя пробѣлы: такъ не указано (стр. 109) способности болгарскихъ притяжательныхъ мѣстоименій *моя, мое, твоя, твое, своя, свое* сокращаться въ *мой, твой, свой*; не отмѣчено (стр. 116—117): *ржцѣ, нозѣ, очѣ и уши* (кракѣ и рогѣ есть, но толкуются иначе); на стр. 138, также нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, нѣтъ указанія на сокращенныя формы настоящаго, въ-родѣ *играй, желѣйте* *вм. играе, желѣете*, и на безсложное *ѣ* *вм. е* (есть); не упомянуто (стр. 139) о своеобразномъ (описательномъ) выраженіи для отрицательнаго велительника у Болгарь: не *дѣй пи́са* и т. п.; не указано (стр. 144, п. 1) нѣкоторыхъ формъ болгарскаго будущаго, а именно основнаго его вида *штж да пишж* и *штж пишж* съ измѣненіемъ по лицамъ обоихъ глаголовъ, — тамъ же недостаетъ указанія на буд. глагола *быть* — *штж бждж* и *штж сѣм*, которое впрочемъ приводится ниже, какъ составная часть будущаго совершеннаго и вошло въ парадигмы на стр. 146; говоря о сербской замѣнѣ *ъ* гдѣ черезъ *е*, гдѣ черезъ *и*, гдѣ черезъ *ије* и *је*, авторъ не упомянулъ о количественномъ и акцентномъ соответствіи между *вѣра, вѣра* и *вѣра, цвѣт, цвѣт* и *цвѣтет, гнѣздо, гнѣздо* и *гниѣздо*; не упомянуто также о югозападномъ *ре* *вм. рје = рѣ*, послѣ согласныхъ: *пре-, брѣза, брѣћ* (впрочемъ на стр. 275 говорится о «выпаденіи» *ј* въ словахъ *грѣшан, брѣмена*); въ статьѣ о долготѣ и краткости сербскихъ гласныхъ (стр. 261 — 264) не отмѣчено Миклошичева закона о правильномъ

соотвѣтствіи количества и ударенія плавно-чистыхъ созвучій у Сербовъ ихъ русскому акцентованію: гóрод — гра́д, ворóна — врѣ́на, борода́ — бра́да и т. п.; упомянувъ особо — видимо, въ противоположность болгарскому языку — «о сохраненіи» въ сербскомъ языкѣ «неопредѣленнаго наклоненія», непременно слѣдовало указать также на сходную съ болгарскою замѣну его: хòђу да иде́м и т. п.; приведши инфинитивъ рѣ́јети вм. рѣ́ја, авторъ забылъ привести прич. рѣ́јевши вм. рѣ́кавши; отмѣтивъ въ словинскомъ языкѣ существованіе широкаго и узкаго *e* (стр. 415—объ *o* говорится нѣсколько иначе и несовѣтъ вѣрно), Флоринскій не указалъ на значеніе широкаго выговора, какъ свойственнаго слогамъ съ оттянутымъ удареніемъ: *žéna*, *séstra* (съ *ä*), а также и *vóda*, *kúza* (съ *o* въ-родѣ русскаго) = русскимъ жена́, сестра́, вода́, коза́,—не сдѣлалъ онъ этого и на стр. 434, гдѣ въ примѣчаніи упоминается объ употребленіи Валявцемъ знаковъ *è* и *ò* (служащихъ именно для обозначенія этихъ *e^a* и *ò^a*); въ связи съ послѣднимъ пропускомъ находится другое упущеніе—игнорированіе женскаго и средняго рода, равно какъ остальныхъ падежей неопредѣленнаго прикладка *dóber* (стр. 460): *dúbra*, -го, -rega и т. д., отличныхъ отъ *dóbra*, -го, -rega и т. д. къ *dóbri* (таковы же *zeléna*, -но, -nega и т. д. къ *zelen*, при *zeléni*, -на, -но, -nega); въ статьѣ о словенскихъ мѣстоименіяхъ не упоминается о несклоняемомъ *ki* и его любопытномъ соединеніи съ третьеличнымъ мѣстоименіемъ: *kùnj*, *ki ga sem prodal*, *člúvek*, *ki mi úram*.

Также на счетъ ударенія, которому отведено довольно много мѣста, замѣчаются нѣкоторыя неисправности. Такъ не отмѣчено своеобразной акцентовки зовнаго падежа: баритонность его у Болгаръ (въ парадигмахъ, правда, есть *žéno*, при *žená*; но тамъ же мнѣ неизвѣстныя и подозрительныя *смьртé* и *властé*, стр. 124 и 123) и обычность въ немъ у Сербовъ однослогового ударенія (˘ или ˘), при двуслоговомъ удареніи другихъ падежей—впрочемъ Флоринскій пишетъ *jélene* (стр. 293); не отмѣчено также (стр. 312) акцентованія превосходной степени: *naǐmлађи*, *naǐновиђи*

и т. д.; не указано правила, что, при слабомъ удареніи на корнѣ въ единственномъ числѣ настоящаго, множественное полагаетъ восходящее на примѣту (у ѳестевыхъ глаголовъ не всегда), напр. ломимъ—ломимо, вѣнчамъ—вѣнчамо, плѣтѣмъ—плѣтемо или плѣтѣмо: у самого Флоринскаго есть въ парадигмѣ гребѣмо, печѣмо, кунѣмо (его зовѣмо, стр. 341, если не вовсе ошибочно, то по крайней мѣрѣ имѣеть при себѣ и зовѣмо; бѣжимо, -ите, стр. 353, погрѣшность вм. бѣжимо, -ите)¹⁾. Не совсѣмъ рѣдки частные недосмотры относительно ударенія, напр. отсутствіе его: безъ акцентовъ написаны чѣворо, -ѳрица војникá (314), причастія мивен, ривен, шивен, обѣвен, надѣвен, одѣвен (345), на стр. 270—273 нѣтъ ни одного акцента, не обозначено ударенія также на словенскихъ реченіяхъ моѳѣ (453), Matija, pòhet, réçat, gosròd (454), besedi (род. мн., 458), на глагольныхъ формахъ зашпѣт, objámet и др. (стр. 488). Не разъ встрѣчается и невѣрное обозначеніе ударенія (обыкновенно должно быть по опечаткѣ): пекòх, бодòх рядомъ съ нѣсох (149)—господствуетъ произношеніе пѣкох, бѣдох, а съ другой стороны возможно и несòх; вм. сербскихъ тѣле (249), магла (252), жѣна (254), дѳи (283), под главу (тмж.), s teškun mùkup (291), свѣдокá (292), кòвâ, кòвма и орачи! (294), пијесак, òвном и проси́лаца (295), нòзи (298), кѳерју (300), широк, дѣбок, вѣсок, лѣп, мнòго, вѣше (312), хвâлен (319), нужно тѣле, магла, жѣна, дѳи, пòд главу, s teškun mùkup, сведòкá, кòвâ, кòвма, òрачи, пијесак, òвном, прòсилаца²⁾, нòзи, кѳерју, широк, дѣбок, вѣсок, лѣп, мнòго, вѣше, хвâлен; по-словенски читаемъ ошибочную акцентовку trije (470), hvalim (475), zraven hiše и zoreg brata (499) и др.

Упущеніемъ считаю также отсутствіе во многихъ случаяхъ перевода приводимыхъ словъ, напр. слѣдовало перевести болгарскія хòра-та (104), íскам (126), тий се хранѣт много добрѣ (145), люлѣж (160), драштж, грачж (161), бројж, купѣвам,

1) Объ упущеніи относительно акцентовки сербскаго ѣ и плавно-чистыхъ созвучій упомянуто выше, стр. 13—14.

2) Или можетъ быть прòсилаца.

хвѣрлям, рѣждам (164), дѣлам (165), дѣмам, докарѣам, вѣкам, пѣрскамъ, пѣкам (166); сербскія: џамија, џин (244), туђи, грађа, кућа, срећа (268), рѣван, -вни, смрѣао, прѣгибао, нѣзѣбао (299), Камо те се да видите¹⁾, словинскія: сътъп, къбѣл (409), poraz (413), britof, fant, ofer (428), lonec, rajniš (445), rob (453), vaj горип. (458²⁾, doněti и molěti (496), se mudí (497), izpod klorí (499) и мн. др. Изрѣдка имѣющійся переводъ оказывается неточнымъ или прямо ошибочнымъ: ствѣр слѣдуетъ переводить не дѣло, а вещь (298), подѣвријети не значитъ подталкивать, а подпереть, поднять (рычагомъ), ѣвријети — не сгибаться, а проскользнуть (sich hineinschmiegen, argte perlabi), нѣвријети — не хотѣть, а налечь, напереть: mit Gewalt durchwollen, vi pergumpere velle — хотѣть должно быть и есть опечатка вм. хотѣть прорваться (стр. 340), ѣкнити надо переводить окрасить, а не просто красить, зѣднити не значитъ основывать, а вбить дно въ бочку: bōdmen, fundo instruo (стр. 352).

Почти что нѣтъ упущеній, насколько рецензентъ замѣтилъ, въ прилагаемой къ отдѣльнымъ главамъ чрезвычайно богатой библиографіи, изъ коей онъ самъ узналъ кое-что новое: онъ прибавилъ бы только, на стр. 10, книгу Габеленца — Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, Leipzig 1891, на 44 — журналъ Indogermanische Forschungen, а въ числѣ грамматическихъ трудовъ по словенскому языку — Левстика: Fr. Levstik, Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen, Laibach 1866. Здѣсь однако было бы желательно, чтобы авторъ помогалъ неопытному читателю разобраться въ массѣ указываемыхъ ему сочиненій: хорошо бы было давать болѣе точныя свѣдѣнія о содержаніи и о достоинствѣ этихъ книгъ — хотя, правда, иногда трудно сдѣлать это въ двухъ-трехъ словахъ. Впрочемъ во многихъ случаяхъ

1) Камо те се да видѣте свога хвѣленог сина — Куда вы дѣвались, идите смотрѣть на св. хв. с. В. Ст. Караѣић, Српске народne приповiјetke, У Бечу 1870, стр. 64.

2) Должно быть это опечатка вм. gaj, усѣченной разновидности приводимаго на стр. 456 «gaji (=gogi)».

было бы легко прибавить краткую оговорку, напр. отметить, что Даничичевъ Сербскій синтаксисъ (стр. 192 и 198) содержитъ только науку о падежахъ, и что языковѣдныя труды Микуцкаго (стр. 39) совершенно ненаучны.

Нѣкоторое излишество представляетъ обиліе парадигмъ. Положимъ, образцы склоненій и спряженій полезны, особенно для справокъ; но въ нихъ слѣдовало бы выдѣлить какимъ-нибудь способомъ, напр. особеннымъ шрифтомъ, тѣ, что дѣйствительно своеобразно въ данномъ языкѣ. Несомнѣнно излишними считаю, порой довольно длинныя, списки глаголовъ, слѣдующихъ тому или другому образцу (напр. на стр. 346—347): вѣдь эти образцы почти всегда тѣ же, что и въ русскомъ языкѣ. Излишнимъ вторженіемъ въ словарную область являются перечни нарѣчій, предлоговъ, частицъ и междометій, изъ коихъ стоило отметить развѣ немногіе, любопытные по составу, или по употребленію, напр. серб. нарѣчіе *сѣнѣи* вечеръ, сербскіе предлоги *уз*, *код*, словенскій предлогъ *газ* (притомъ первое слово надо было поставить подъ мѣстоименіемъ *сај*, какъ сдѣлалъ Миклошичъ въ своей Морфологіи).

Дорожа вообще исторіей языковъ и постоянно приводя изъ нея данныя, авторъ нашъ кое-гдѣ допускаетъ нѣкоторую неисторичность въ своемъ изложеніи: болгарское *дам*, *ям*, говоритъ онъ (стр. 137) происходятъ изъ *дадм*, *ядм*, тогда какъ выпаденіе *д* есть уже праславянское явленіе; серб. *молба* онъ выводитъ изъ основнаго *мольба* (245), тогда какъ послѣднее дало *модба*, *мѣба*, а теперешнее *молба* очевидно образовано вновь къ глаголу *мѣлити*, въ такое время, когда никакого *ѣ* уже не существовало (также и въ приводимыхъ на стр. 204 словахъ *бѣжел*, *цѣжел*, *дѣжел*, *ѣцѣлка* и т. д. *л* вовсе не «остаётся неизмѣннымъ», а былъ восстановленъ, или же внесенъ въ новое слово по образцу родственныхъ); явно вторичныя формы въ родѣ твор. п. *ženít*, откуда потомъ *-úп* (= *ženú*, т. е. женѣ, + *п*, взятый у окончанія *-оп*), вовсе не могутъ служить «нѣкоторымъ подтвержденіемъ» предположенія, что носовое *о* сначала перешло въ носовое *у*, а

потомъ уже въ чистое *y* (стр. 249); группы *та* и *да* въ дѣтла, сѣдло (гдѣ выпалъ глухой) напрасно поставлены на одну доску съ *та* и *да* въ плѣла и пѣла (270); смягченіе *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с* и въ *ч*, *ж*, *ш*, также *ц*, *з*, *с* въ *ч*, *ж*, *ш*—явленіе не болгарское, сербское и словенское, а уже праславянское (стр. 92, 94, 271, 272, 428, 429) и сохраняется, а иногда и распространяется за первоначальные предѣлы лишь по преданію; праславянское выпаденіе *с* послѣ *б*, сказывающееся въ сербскихъ ъбичај, ъблѣст, напрасно приводится въ связь съ дѣйствительно сербскимъ выпаденіемъ его въ црѣен (стр. 275); *st* вм. *tt* и *dt* (*plésti*, *slăst*) развилось не у Словинцевъ (стр. 426), а уже у Славяно-литовцевъ. Все это, надо полагать, хорошо знаетъ и самъ Флоринскій, но ему слѣдовало это и высказать. Сюда же относится и ученіе объ устраненіи зіянія и о вставочныхъ *j*, *e*, *n* (стр. 87, 265, 423): бй-ј-ем, мй-в-ен, к пјѣти и т. п.—зіяніе, если вообще здѣсь устранилось, то не въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, а въ праславянскомъ, или еще ранѣе; иное дѣло серб. ѱо вм. ѱо, ухо, тйјо вм. тйо, тихо. Особенно странно говорить про hоггog hiatus у Болгаръ, которые (особенно Македонцы) такъ часто выпускаютъ *j*, *e*, *x*, а подь-часъ и другіе согласные.

Относительно звуковыхъ законовъ нашъ авторъ держится нѣсколько свободнаго, по-моему ошибочнаго, взгляда: онъ не задумывается выводить болг. мж, тж, сж, фонетически изъ ма, та, са, «въ эпоху смѣшенія юсовъ» (108), не затрудняется объяснять болг. я, въ причастіяхъ оставя, сенувая, спая изъ -я (стр. 129), тогда какъ тутъ не обойтись безъ вліянія косвенныхъ падежей, вродѣ пишжштѣ, навязавшихъ именительному свой ж; онъ допускаетъ, что въ окончаніи множнаго перволичья -ме *e* просто приставлено для отличія отъ однихъ формъ ймам, думам (стр. 134); онъ принимаетъ, что глагольная наставка -ив- (= -ыв-) «образовалась изъ -ов-»: казівати изъ казѡвати (350); онъ утверждаетъ, что хѡтјети «можетъ терять *o*» (355), тогда какъ хтјѣти конечно равно староцерк. хѣтѣти; онъ говоритъ (стр. 423) объ отпаденіи *o* въ biskati (сопряженномъ съ перемѣ-

ной глагольнаго вида?!), тогда какъ тутъ произошелъ звуковой передѣлъ: ob-iskati расчленилось въ народномъ сознаниіи на o + biskati, что и породило простое biskati; онъ не затрудняется возводить b въ botr кумъ, = нѣм. Gevatter, къ km, отождествляя, очевидно, botr съ kmotr (стр. 429); онъ полагаетъ, что восточноштирійскія и угрословенскія bremen, sēmen, vtēmen, plemen «сохраняютъ» звукъ p (стр. 457), который, разумѣется, былъ въ нихъ возстановленъ по образцу косвенныхъ падежей.

Иногда сообщенія (можетъ быть отчасти лишь способъ изложенія) нашего автора страдаютъ нѣкоторою неточностью: сохраненіе безударнаго o въ болгарскомъ зѣвникѣ: свѣто, кѡнчо и т. п., не есть областная особенность (какъ утверждаетъ Флоринскій, стр. 82, вслѣдъ за Калиною¹⁾), а чуть ли не общеболгарская; онъ безъ оговорки сообщаетъ намъ (стр. 138), что «у [болгарскихъ] глаголовъ, принимающихъ въ 1 л. ед. ч. м (преимущ. въ западн. гов.) и въ этой формѣ выступаютъ гласные e, и», напр. бѣрем, гѡним, при обыкновенныхъ берѣж, гѡнѣж, — тогда какъ существуютъ также бѣрам, гѡням, т. е. берѣж, гѡнѣж + м: подобныя формы (стрижам, пѣчам, стѡнам, знѡям) онъ самъ приводитъ на стр. 180. На 138 стр. есть и другая неточность: играя поставлено въ число западно-болгарскихъ (особенно македонскихъ) формъ, хотя она должно быть общеболгарская, что авторъ и оговариваетъ ниже, стр. 161, впрочемъ нѣсколькимъ страннымъ образомъ, отнесши собственно-азовый глаголъ играѣж, вмѣстѣ съ копѡѣж, сѣдлѡѣж и вѣнчѣѣж къ глаголамъ азово-іотовымъ. Невѣрно замѣчаніе (стр. 238), что Вукъ составилъ словарь и грамматику и издавалъ памятники народнаго творчества на южно-штокавскомъ нарѣчїи: вѣдь у него представлены всѣ нарѣчїя (говоры). Говорить о замѣнѣ въ сербской ѣкавщинѣ звука ѣ «широкимъ» e едвали правильно, — впрочемъ авторъ здѣсь должно быть имѣлъ въ виду указать на сравнительную съ русскимъ выго-

1) Ant. Kalina, *Studyja nad historyjǎ języka bulgarskiego*, Kraków 1891, Cz. I, str. 141. (Rozprawy Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XIV—XV).

воромъ твердость согласныхъ. Объясненіе, что гдѣ въ старославянскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ необходимо широкое *ы*, вм. него въ сербо-хорватскомъ слышно узкое *и* (стр. 250) не совсѣмъ точно: конечно, сравнительно съ русскими *ы* является болѣе узкій звукъ, но вѣдь сравнительно съ русскимъ *и* сербское довольно широко, такъ какъ сходно съ нѣмецкимъ *i*. Относительно словинскаго *e* сказано, что оно можетъ звучать «какъ твердое *e*, соотвѣт. старослав. *e*: *berem, ide»* (415), — въ дѣйствительности безударное *e* звучитъ глуховато, въ-родѣ нѣмецкаго краткаго *e*, каковое произношеніе едва ли существовало въ староцерковномъ. Труберовское смягченіе *k* въ *otróci* дѣти (стр. 456) вовсе не представляетъ его особенности, а донинѣ есть общесловинское. 3-ье лицо повелит., внесенное у Флоринскаго, какъ и у Миклошича, въ парадигму (стр. 479), кажется, не «иногда», а обыкновенно выражается описательно.

Кое-гдѣ въ разсматриваемомъ сочиненіи встрѣчаются и явные недосмотры. Такъ въ числѣ словъ съ носовымъ выговоромъ гласныхъ (стр. 72) стоятъ пришлыя шкѣмбе, манджа, трандафил, бендисам; сербскія мѣстники страху, брѣгу приводятся (стр. 79), вслѣдъ за Калиною, какъ случаи чередованія долготы—страх, брѣг—съ краткостью, тогда какъ брѣгу содержатъ долгое *e*, а страху, т. е. страу (также страха = страа и т. д.) представляетъ сокращеніе гласнаго передъ гласнымъ; при исходштыхъ водамъ Болон. пс., тоже воспроизводимое (стр. 102) изъ Калины¹⁾, вовсе не случай смѣшенія падежей, а правильная, древняя конструкція (= при исходштыхъ водъ); сохраненіе у Сербовъ группы *ds*, которая «не переходитъ въ *ts*: градски, одслужити» (274), только правописная непослѣдовательность — Будмани, съ согласія самого Караджича, сталъ писать *и* вм. *ds*; приводя (на стр. 313) сперва двѣста, двѣ хіляде, а потомъ двѣма (двѣма), авторъ сбивается съ одного говора на другой; примѣръ *petélin, petelína* пѣтухъ, рядомъ съ *plámen-plaména*

1) Kalina, Studyja, Cz. II, str. 111.

(стр. 435), неумѣстенъ, такъ какъ аналогиченъ русскому господѣн, -ѣна, исполѣн, -ѣна (акцентовка формы *petélin*—оттяжечная). Совсѣмъ странно якобы словинское *to nebujo pravda* (стр. 480): *nebujo* нельзя считать опечаткой вмѣсто *ní bílo*, ибо тогда здѣсь не замѣчалось бы опущенія помогальнаго глагола, о каковомъ именно идетъ рѣчь.

Мѣстами въ разбираемой книгѣ есть и прямыя невѣрности. Знакъ условнаго наклоненія *ки* не представляетъ случая смѣшенія *ы съ и* (стр. 62); въ написаніяхъ *кде* и *древле* (Болон. пс.) и *процвѣтетъ* (Погод. пс.) не слѣдуетъ видѣть «воспроизведенія» *ъ* черезъ *е и ѣ* (стр. 77), напротивъ, они довольно правильны¹⁾. Появленіе *ер* вм. *зр* у Болгаръ въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно послѣ шипящихъ (черно, червено, желт), есть болѣе-менѣе общее явленіе, и приводимыя на стр. 86 черно, цервено (Скопье, Шипъ) замѣчательны лишь по своему *ц*. Рало вовсе не произошло изъ орало, путемъ отпаденія *о* (стр. 95), а содержитъ корень *ра=аг*: рало болѣе древняя форма, и орало надо объяснять примѣненіемъ къ инфинитиву *орати*, который можетъ быть и самъ замѣнилъ существовавшее когда-то *рати*, = литовскому *árti*, подъ вліяніемъ настоящаго орж (орало, правда, читается уже въ Ассеманіевомъ ев., Л. IX, 62). Безсложнаго члена *т* (стр. 109, 113 и 119) положительно не существуетъ (или, пожалуй, не существуетъ члена *т* безъ предшествующаго окончанія *з, а*, либо *о* у имени): мой-тъ, злодѣй-тъ, младий-тъ только другое написаніе вмѣсто *моя-тъ, злодѣя-тъ, младия-тъ*; болгарская множина *крака, рогá* не образована «по аналогіи именъ средняго рода» (стр. 116), а представляетъ остатокъ двойнаго числа; болгарское будущее, насколько мнѣ извѣстно, никогда не выражается просто совер-

1) Подобныя ошибки встрѣчаются въ описаніяхъ памятниковъ у Изм. Ив. Срезневскаго—упоминаю о нихъ здѣсь не въ упрекъ покойному, а въ нѣкоторое оправданіе нашему автору. Ошибочное толкованіе условника *бимь*, впрочемъ, во время Срезневскаго не было предосудительнымъ, а стало имъ лишь послѣ объясненія этой формы Ягичемъ и мною. Толкованіе это было дано уже Шереромъ (Wilhelm Scherer, Zur Geschichte der deutschen Sprache, Berlin 1868, str. 207, во 2-мъ изданіи, 1878 г.,—327), но прошло тогда незамѣченнымъ.

шеннымъ видомъ, какъ утверждаетъ Флоринскій, на стр. 143; звукъ *ы* совсѣмъ не чуждъ Сербо-лужичанамъ, какъ говорится на стр. 256. Польскаго слова *blcha* (стр. 260) нѣтъ, а есть *rchła*; упоминаемое тамъ же *krzest*, по свидѣтельству Линде, дѣйствительно встрѣчается вмѣсто ходячаго *chrzest*. По-чешски ударяемый слогъ вовсе не «обыкновенно бываетъ долгимъ» (стр. 262). Неясно и невѣрно объясненіе старосербскихъ формъ граѣамъ, Дубровчами, Височахъ (стр. 296), гдѣ молъ «передъ *м*, *х* предполагаютъ *и* (отъ суффикса *ин*), которое уподобилось предшествующему согласному». Ствѣрма вм. ствѣрима (стр. 299) не представляетъ потери *и*, а болѣе архаическое окончаніе *ма=ь* *м* (*а*). Двѣѣ ъчи не есть слѣдъ употребленія двѣ въ среднемъ родѣ (стр. 313), такъ какъ двойнѣ ъчи по-староцерковному женскаго рода. Ъ въ велительномъ наклоненіи не происходитъ изъ *ei* (какъ Флоринскій, на стр. 323, повторяетъ за Миклошичемъ), а изъ *oi*. Энклитики *ми*, *ме*, *му* въ приводимыхъ на стр. 436 предложеніяхъ «*Mi je pisal moj gospód, Me prevzétnost zapeljá, Mu vséc se vnélo je*» вовсе не носятъ фразнаго ударенія, а представляютъ нерѣдкую (по указанію Матвѣя Март. Мурки¹) постановку словенскихъ безударокъ въ началѣ рѣчи.

Отгѣчу еще иногда не совсѣмъ складную передачу славянскихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ: Керкъ вм. сербскаго Крк (218, 223, 225), чтò, правда, встрѣчается и индѣ, но куда не годится (я пишу Коркъ); странно написаніе Ирѣчекъ черезъ ѣ (229): вѣдь это *Jireček* по-русски было бы Юрочекъ (Юрочка); странны также Навратиль (385), Весель-Косескій (406), Каства, вм. Каставъ (230—*Kastáv, -áva* Неманичъ), Вальявецъ (195, 385, 434, 502), вм. -ля-, Скаляръ вм. Скаларъ, или лучше Скаларъ (417, 426, 427, 444)²). Не разъ встрѣчается передача *h* черезъ

1) Enklitike v slovenščini. II del: Skladnja. Napisal dr. Matija Murko str. 31—34. Letopis Matice Slovenske za leto 1892.

2) Противъ довольно установившейся формы Копитаръ я не спорю, хотя самъ пишу Копытаръ (Kopitar, -гја, чтò значитъ колодочникъ, отъ *kopito*

2 в. *x*: Строгаль (195), Богоричъ (381, 404), Маркъ Поглинь (382), Богинское нарѣчіе (503,—504 -х-), Голожане в. Халожане (397): населенная ими мѣстность на стр. 478 названа, правда, съ *x*, но тоже не совсѣмъ вѣрно: Халоза в. -зы. Часто мы в. словенскихъ мѣстныхъ названій читаемъ нѣмецкія: являются говоры Гайтальскій (собственно Гаймтальскій), стр. 410, 442, 448, Розентальскій, стр. 410, 448, Яунтальскій, 448, 452, и лишь вполнѣдствіи (стр. 503—504 и сл.) мы узнаемъ, что по-славянски это говоры Зильскій (на Зилѣ), Рожневскій (на Рожнѣ) и Юнскій. Также нѣмецкія Рейсниць (нужно Рейфниць, стр. 424) и Велдесъ (нужно Фелдесъ, стр. 447 и 448) только потомъ превращаются въ Бледъ (510) и въ Рыбницу (526: 507 какъ славянская форма этого названія указано Рыбникъ).

Иныя изъ отмѣченныхъ въ этомъ разборѣ погрѣшностей, какъ отчасти ужъ и оговорено въ своемъ мѣстѣ, могутъ быть просто опечатками. Опечатокъ въ книгѣ профессора Флоринскаго, къ сожалѣнію, довольно много: гораздо больше, чѣмъ отмѣчено въ концѣ ея, причемъ есть опечатки весьма существенныя, напр. наше дето да го загубила (113) в. дете, на Господа (115) в. на Гбспода¹), Стойкани в. -кни (123 — 8 разъ), Самаковъ в. Само- (140), Петър не се облача чисто (145), в. -лича, Appendini Francesco Mario в. Maria (197), Sulek в. Š- (210), Vetler в. Vetter (212), «Вѣроятно, это двойное ѿ (старосербское) «обозначаетъ а» (226) — очевидно пропущено «долгое», Alasia de Sommagira два раза (413 и 416) названъ Alusia (419—вѣрно).

Въ настоящемъ разборѣ указано довольно много мелкихъ недосмотровъ и неисправностей въ разсматриваемой книгѣ, однако въ общемъ она должна быть признана весьма полезнымъ

копыто, колодка). Замѣчу кстатѣ, что не мѣшало бы указать (стр. 198) на тождество Академика В. Ягича съ Игнатіемъ Викентьевичемъ Ягичемъ. (Вагрославъ=Игнатій).

1) Нѣкоторыя другія опечатки относительно ударенія отмѣчены выше, стр. 13 и 15.

пособіемъ при научномъ изученіи славянскихъ языковъ, восполняющимъ крупный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ, и, какъ таковое, по моему мнѣнію, заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовскою премією.

Москва, 1 Октября 1895 г.

Романъ Брандтъ.

III.

Евгеній Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань 1896 г. 377 стр. + II стр.

Авторъ настоящаго изслѣдованія Евгеній Фодоровичъ Будде, профессоръ Казанскаго университета, давно уже приобрѣлъ почетную извѣстность цѣлымъ рядомъ сочиненій по исторіи русскаго языка и русской литературы. Среди нихъ наиболее выдаются: работа, посвященная изученію нѣсколькихъ говоровъ Рязанской губерніи — «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій» (Варшава 1892 г.) и «Отчетъ» о командировкѣ въ Рязанскую губернію (Казанск. унив. изв. 1895 г.). Эти два сочиненія тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ настоящему труду: изслѣдованіе говоровъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи вызвало у Е. Ф. желаніе познакомиться и съ сѣверомъ губерніи, а рѣзкія отличія между языкомъ сѣвера и юга побудили его искать границу между этими говорами: такой границей оказалась рѣка Ока. Къ югу отъ нея наблюдается одинъ типъ говоровъ, типъ, описанный авторомъ въ его работѣ 1892 года, а къ сѣверу и сѣверовостоку находятся говоры, типичныя особенности которыхъ Е. Ф. описалъ въ настоящемъ трудѣ. Имъ обследованъ лѣтомъ 1895 года рядъ селеній къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Оки, Спасскаго — преимущественно же Касимовскаго уѣзда, а также нѣсколько

селеній того же Касимовскаго уѣзда къ югу отъ Оки. Приложенная къ изслѣдованію карта отмѣчаетъ всѣ деревни и села, гдѣ успѣлъ побывать г. Будде, а также тотъ путь, котораго онъ держался. Нелишне отмѣтить здѣсь же, что говоръ Касимовскаго уѣзда напомнилъ Е. Θ. нѣкоторыя характерныя особенности говоромъ Вятской губерніи, отмѣченныя Далемъ, Колосовымъ и другими изслѣдователями: вотъ почему лѣтомъ 1896 года имъ была предпринята поѣздка въ Нолинскій, Слободской, Орловскій и Котельническій уѣзды Вятской губерніи. Связавъ такимъ образомъ Касимовскіе говоры съ семьей сѣверновеликорусскихъ говоромъ, г. Будде въ настоящее время занять вопросомъ о ближайшемъ отношеніи ихъ, а также другихъ рязанскихъ говоромъ, къ южновеликорусской семьѣ: вѣроятно, это побудило его предпринять въ этомъ году поѣздку въ Тульскую и Калужскую губерніи. Я потому упомянулъ обо всѣхъ этихъ трудахъ Е. Θ. на почвѣ изслѣдованія русскаго языка, что онъ среди представителей науки о родномъ языкѣ успѣлъ занять видное и почетное мѣсто: рѣдкій изъ нихъ обогатилъ въ такой значительной степени наши знанія о живыхъ русскихъ говорахъ, какъ г. Будде, мало кто такъ хорошо и разносторонне знакомъ съ народною рѣчью. Въ этомъ отношеніи Е. Θ. является прямымъ преемникомъ Колосова, хотя несомнѣнно, что въ своихъ трудахъ по діалектологіи, и даже въ первой своей работѣ о рязанскихъ говорахъ, онъ обнаружилъ гораздо болѣе тщательности и, если можно такъ выразиться, лингвистическаго такта, чѣмъ покойный профессоръ Варшавскаго университета. Но если г. Будде имѣлъ предшественниковъ въ работахъ по наблюденію за живыми говорами и даже въ попыткахъ систематическаго описанія ихъ, то настоящее его сочиненіе, подлежащее нашему разбору, является единственнымъ и пока совершенно одиноко стоящимъ въ нашей ученой литературѣ: авторъ задался цѣлью связать настоящее одного изъ русскихъ говоромъ съ предполагаемымъ его прошедшимъ, для чего онъ обратился къ историко-сравнительному изслѣдованію современныхъ говоромъ и древне-

русскихъ памятниковъ. Это изслѣдованіе дало возможность г. Будде притти къ цѣлому ряду научныхъ выводовъ и положеній: изъ нихъ нѣкоторые настолько общаго характера, что, можетъ быть, станутъ со временемъ достояніемъ исторіи русскаго народа, а другіе уже теперь заняли подобающее имъ мѣсто въ исторіи русскаго языка.

Выдающіяся достоинства труда г. Будде обязываютъ рецензента съ особенною тщательностью отмѣтить въ немъ какъ то, что является положительнымъ вкладомъ въ науку, такъ и тѣ промахи и недостатки, неизбежные, впрочемъ, во всякомъ самостоятельномъ изслѣдованіи, которые невольно останавливаютъ вниманіе на страницахъ книги, относящейся къ капитальнѣйшимъ работамъ въ области исторіи русскаго языка. Рѣшаюсь подробно остановиться на достоинствахъ и недостаткахъ изслѣдованія Е. О.; мое уваженіе къ автору и къ его труду побуждаетъ меня высказаться по поводу ряда вопросовъ, неудовлетворительно, какъ мнѣ кажется, разрѣшенныхъ въ разбираемомъ сочиненіи. Кроме того не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ замѣченныхъ мною недостатковъ въ методѣ и приѣмахъ изслѣдованія г. Будде.

Въ виду этого я разбиваю настоящій разборъ на три части: въ первой я буду говорить объ общихъ недостаткахъ въ изслѣдованіи Е. О., во второй остановлюсь на тѣхъ положеніяхъ его, съ которыми я не могу согласиться; наконецъ, въ третьей части я сдѣлаю краткій обзоръ тѣхъ результатовъ изслѣдованія почтеннаго автора, которые привели меня къ убѣжденію въ томъ, что онъ далъ намъ цѣнный вкладъ въ науку о русскомъ языкѣ.

I.

1. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ остановился почти исключительно на фонетической сторонѣ изслѣдуемыхъ говоровъ. Судя по обѣщанію, данному въ предисловіи (с. 11), и нѣкоторымъ ссылкамъ въ самомъ сочиненіи (стр. 71, 83 и др.),

мы ожидали найти въ книгѣ г. Будде отдѣлы, посвященные морфологіи и синтаксису говоровъ Касимовскаго уѣзда. Въмѣсто этого мы на стр. 197—199 находимъ указаніе на употребленіе члена, нѣкоторыхъ мѣстоименій, а также перечень формъ, уклоняющихся отъ формъ литературнаго нарѣчія. Врядъ ли авторъ разумѣлъ подъ обѣщанными «Морфологіей» и «Синтаксисомъ» этотъ краткій перечень формальныхъ и синтаксическихъ особенностей. Благодаря отсутствію отдѣла, посвященнаго ученію о формахъ, автору пришлось говорить о многихъ формальныхъ явленіяхъ въ отдѣлѣ фонетики и это, какъ мнѣ кажется, весьма вредно отразилось на нѣкоторыхъ частяхъ его книги.

2. Автору можно поставить въ упрекъ недостаточно точное разграниченіе явленій фонетическихъ и морфологическихъ. Непонятно, почему на стр. 103 появленіе аны́, адны́ вм. оны́, одны́ разсматривается среди случаевъ звукового колебанія между гласными *ы* и *и*: самъ авторъ говоритъ, что аны́, адны́ образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными¹⁾; между тѣмъ на стр. 104, вслѣдъ за примѣрами формъ оны, яны, ены изъ сѣвернорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, мы читаемъ фразу: «но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ *р*». Но развѣ колебаніе *ы* и *и* въ одны—одны стоитъ въ какомъ бы то ни было отношеніи къ «вопросу о звукахъ *ы* и *и*»? Ниже на стр. 108 туды́, суды́ объясняются фонетически изъ тудѣ́, судѣ́ черезъ посредство предполагаемыхъ туди́, суди́: конечно, это обмолвка со стороны Е. Θ., которому хорошо извѣстно изъ русскихъ говоровъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ, что эти и подобныя имъ нарѣчія на *ы* такъ же древни и первоначальны, какъ родственныя по образованію нарѣчія на *ь* и на *а* (ср. чешск. *kdy, ondu*, польск. *kiedy* и т. д.).

На стр. 109 въ число случаевъ, гдѣ дѣйствительно замѣ-

1) Я думаю, что оны, одны вм. оны, одны явились такъ же, какъ всё, моё вм. вси, мои; сады, люди вм. сади, людье, т. е. представляютъ вытѣсненіе формы им. мн. ч. формою вин. мн. ч.

чается фонетическое колебаніе между звуками *ы* и *и*, включены формы именъ прилагательныхъ, какъ ради, богати, сыти, квити; колебаніе гласныхъ *ы* и *и* въ подобныхъ случаяхъ (ср. литер. рады, сыты) авторъ на стр. 110 ставитъ въ какую-то связь съ предшествующими имъ зубными звуками. Между тѣмъ г-ну Будде, какъ и всякому изслѣдователю русскаго языка, несомнѣнно ясно, что ради, сыти въ именахъ прилагательныхъ, такъ же какъ черти, сосѣди въ существительныхъ, — архаизмы, сравнительно съ обыкновенными окончаніями на *ы*.

Совершенно также въ числѣ случаевъ, гдѣ вм. *е* мы находимъ *ѣ* фонетическаго происхожденія, г. Будде на стр. 96 упоминаетъ всѣй артелюй, *ѣ* сваѣй дивревни: я увѣренъ, что авторъ не нуждается въ моемъ указаніи на то, что всѣй, своѣй, такъ же какъ землѣй, семьѣй, заимствуютъ свое *ѣ* (о) изъ формъ съ твердой основой: одной, толпой, водой и т. д. Но зачѣмъ же было говорить о подобныхъ формахъ въ фонетикѣ? Отвѣтъ мы найдемъ все въ томъ же обстоятельствѣ, что авторъ, увлекшись звуковыми особенностями касимовскихъ говоровъ, не отвелъ должнаго мѣста особенностямъ формальнымъ; не желая умолчать о томъ или другомъ любопытномъ отличіи касимовскихъ говоровъ въ области формъ, онъ насильственно включалъ ихъ въ рубрики фонетическихъ явленій.

3. Я думаю, что отчасти въ этомъ виновато и то обстоятельство, что Е. Θ. не отдалъ себѣ яснаго отчета о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ «звуковой составъ» извѣстнаго говора. Первая часть изслѣдованія озаглавлена: «Звуковой составъ народныхъ говоровъ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи»; ей противопоставляется вторая часть, гдѣ говорится объ отношеніи касимовскихъ говоровъ къ другимъ русскимъ говорамъ «по звукамъ». Въ этой второй части мы видимъ изслѣдованіе о томъ, какъ и когда образовалось то или другое фонетическое явленіе, описанное въ первой части. Отсюда ясно, что авторъ хотѣлъ въ первой части ограничиться описаніемъ звуковъ касимовскихъ говоровъ, не касаясь ихъ происхожденія: дѣйствительно, нѣкоторые

главы первой части строго придерживаются задуманнаго плана и даютъ весьма обстоятельное описаніе звуковъ изслѣдуемыхъ говоровъ. Но и въ нихъ мы видимъ, что звуки рассматриваются не сами по себѣ и не только въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ положеній, но также въ зависимости отъ положенія въ томъ или другомъ словѣ или въ той или другой формѣ слова. Такъ на стр. 82 находимъ указаніе на то, какъ произносится звукъ *a* при соединеніяхъ имени съ членомъ (какъ домъ-г), при чемъ тутъ же сказано нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи гласной въ такомъ положеніи. Я думаю, что въ описаніи звукового состава говора, если вслѣдъ за тѣмъ предполагается дать изслѣдованіе о происхожденіи этого звукового состава, слѣдовало бы ограничиться точнымъ описаніемъ звуковъ самихъ по себѣ, а также указаніемъ на фонетическія положенія, гдѣ встрѣчаются эти звуки и на звуковыя отличія, зависящія отъ различныхъ фонетическихъ положеній. Происхожденіе звуковъ, а тѣмъ болѣе формъ, надо оставить при этомъ въ сторонѣ. Г. Будде къ сожалѣнію не провелъ ясной границы между описаніемъ звуковъ (1-ая часть) и изслѣдованіемъ о ихъ происхожденіи (2-ая часть), вслѣдствіе чего уже съ III главы 1-ой части мы найдемъ рядъ отступленій въ область не только исторіи русскаго языка, но даже литовско-славянскаго и индоевропейскаго прошлаго (напр. на стр. 191). Такъ напр. я не понимаю, почему интересныя указанія на данныя древнерусскихъ памятниковъ о взаимномъ отношеніи звуковъ *v* и *ŷ* не перенесены изъ первой части (стр. 163—166) во вторую, гдѣ приводятся такія же данныя изъ памятниковъ и изъ живыхъ говоровъ (стр. 303 и сл.). Вслѣдствіе невыдержанности плана сочиненія, мы найдемъ въ книгѣ г. Будде не мало совершенно излишнихъ повтореній: они затемняютъ изслѣдованіе и мысли автора, иногда весьма любопытныя и достойныя болѣе цѣльнаго и яснаго изложенія.

4. Мы охотно бы помирились съ отсутствіемъ въ книгѣ г. Будде отдѣловъ Морфологій и Синтаксиса, если бы, какъ указано выше, случайное, несистематическое рассмотрѣніе тѣхъ

или другихъ формъ не вносило путаницы въ изложеніе фонетики, не прерывало изслѣдованія фонетическихъ явленій. Сосредоточивъ все свое вниманіе на звуковой сторонѣ описываемыхъ говоровъ, авторъ представилъ рѣдкій по полнотѣ обзоръ фонетики живой рѣчи. Къ сожалѣнію въ этомъ обзорѣ недостаетъ главы объ удареніи: изъ записей г. Будде и изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ его замѣчаній видно, что объясненіе нѣкоторыхъ явленій ударенія прибавило бы нѣсколько типическихъ чертъ къ характеристикѣ касимовскихъ говоровъ. Между прочимъ обращаютъ на себя вниманіе формы 1 л. ед. ч. наст. вр., какъ топоу, вопоу, корьмя, рубю, образованныя, какъ указываетъ г. Будде, подъ вліяніемъ формъ прочихъ лицъ настоящаго времени (стр. 174), при чемъ остается невыясненнымъ, возможны ли рядомъ ударенія какъ топоу, карьмя, ср. приведенное на стр. 133: носю. Самъ авторъ очевидно сознаетъ важность изслѣдованія нѣкоторыхъ явленій ударенія: такъ мы видимъ у него попытку связать долготу окончанія ой (ай) въ им. ед. муж. р. именъ прилагательныхъ (ср. стр. 221 и 371 — 374) съ удареніемъ. Попытку эту ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать удачной: сравненіе русскаго языка съ сербскимъ ясно показываетъ, что уже въ общеславянскомъ языкѣ замѣчалось колебаніе въ удареніи именъ прилагательныхъ (ср. сербск. свѣти и свѣти, краткїи и краткїи, тѣшкїи и тѣшкїи, главнїи и главнїи и др.), при чемъ, разумѣется, долгота или краткость окончанія им. пад. ни въ коемъ случаѣ никакого значенія въ этомъ явленіи имѣть не могли. Я очень жалѣю, что г. Будде не связалъ вопроса о касимовскихъ долготахъ съ удареніемъ рѣчи, и не попытался объяснить происхожденія этихъ долготъ, врядъ ли имѣющихъ этимологическое происхожденіе, особеннымъ характеромъ ударенія въ рѣчи касимовцевъ: во всякомъ случаѣ замѣчаніе Р. Θ. Брандта о томъ, что долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи, имѣетъ чисто случайный, риторическій характеръ, заслуживало бы болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія (стр. 201).

Не только удареніе, но и нѣкоторыя другія стороны фоне-

тики касимовскихъ говоровъ остались не обследованными. Укажу напр. на интересныя и важныя явленія смягченія согласныхъ. На стр. 173 читаемъ: «далѣе, передъ мягкимъ слогомъ—ки,—ти мы слышимъ и мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ», затѣмъ слѣдуютъ примѣры: тряпки, лапти, лафьки, дѣфьки и др. Во-первыхъ я не понимаю зачѣмъ здѣсь и, подчеркнутое мною: значитъ ли это, что рядомъ съ тряпки, лапти г. Будде слышалъ и тряпки, лапти? Во-вторыхъ здѣсь къ сожалѣнію смѣшаны два явленія, которыя надо строго различать: смягченіе губныхъ передъ мягкими гортанными и смягченіе губныхъ передъ мягкими зубными. Г. Будде, конечно, извѣстно, что въ московскомъ и во многихъ другихъ русскихъ говорахъ рядомъ съ произношеніемъ лафьки, тряпки существуетъ произношеніе лапти, землю. Касимовскіе говоры, какъ можно заключать изъ приведеннаго лапти, а также изъ рајевья (стр. 91), дивевья (96), дивевья (199), дяшевья (69), ѳофьси (69), па-сѣвья (125), сохранилъ черту древности, представляя мягкость губныхъ въ положеніи передъ мягкими зубными (произношеніе зем'лю старше произношенія землю, что видно изъ того, что мы не имѣемъ зѣмлю). Мы ожидали бы отъ изслѣдователя касимовскихъ говоровъ большей обстоятельности въ этомъ вопросѣ: ему слѣдовало бы точно опредѣлить всѣ условія, при которыхъ въ изслѣдуемыхъ имъ говорахъ слышатся мягкія согласныя (ср. еще ш мягкое въ ташьѣя 68). Замѣчу, что согласныя, по собственному признанію автора, остановили на себѣ особенное его вниманіе: между тѣмъ въ книгѣ отсутствуютъ общія указанія на переходъ звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова въ глухія, на измѣненіе звонкихъ передъ глухими въ глухія же и т. п.; а между тѣмъ весьма интересно сопоставить приводимыя имъ и несомнѣнно точно передающія дѣйствительное произношеніе: кароўка, дѣўка, жыў (150), гадоў и жынихоф, сафсѣмъ, дявѣѣнки, жыф (337, 334). Говоря объ измѣненіи г въ концѣ слова, важно было бы опредѣлить районъ, гдѣ слышится снѣк, друх, телѣк въ противоположность южно-рязанскимъ снѣх, друх, телѣх.

5. Впрочемъ, подобныя недочеты неизбѣжны во всякой сложной работѣ: очерчивая нѣкоторыя подробности, легко упускаешь изъ виду другія и всегда подвергаешься опасности дать неполную картину описываемаго говора. Легче избѣчь другихъ недостатковъ, а именно смѣшенія предметовъ наблюденія, неточнаго изложенія границъ и круга дѣйствія того или другого фонетическаго закона. А у автора замѣчаются недосмотры и въ этомъ отношеніи, при чемъ всего вѣроятнѣе отнести ихъ на счетъ спѣшности работы: все изслѣдованіе г. Будде написано спѣшно и оно бы много выиграло, если бы авторъ нашелъ время еще разъ его проработать. Такъ на стр. 186, въ числѣ примѣровъ появленія *ж* мягкаго подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога (ср. цайкю, толькя, зайнкя, харашенькя), приведены: дѣхкя им. мн., дѣхкямъ дат. мн. Но несомнѣнно, что въ им. мн. *ж* было получено мягкимъ передъ мягкимъ окончаніемъ этого падежа (дѣвки), при чемъ мягкость предшествующей губной (дѣфьки, откуда дѣхьки) вызвана мягкимъ *ж*: слѣдовательно, дѣхкя, а также хлопкя им. мн., гдѣ *я* вм. *и*, не могутъ быть поставлены рядомъ съ глупинькою, понькя, понькяхъ и должны быть вычеркнуты изъ числа примѣровъ на стр. 186. Дат. мн. дѣхкямъ явилось вм. дѣфкамъ подъ вліяніемъ им. мн. дѣхьки, дѣхкя, такъ какъ послѣ твердаго согласнаго звука г. Будде не допускаетъ фонетическаго смягченія *ж*: очевидно и примѣръ дѣхкямъ попалъ въ число прочихъ по недосмотру. — На стр. 103 - 111 приведенъ рядъ случаевъ колебанія между звуками *ы* и *и*: мы уже видѣли, что многіе изъ нихъ относятся къ области морфологии, въ другихъ колебаніе звуковъ *ы* и *и* вызвано дѣйствительно фонетическими причинами, но странно, что г. Будде не постарался разобраться въ указанныхъ имъ случаяхъ смѣшенія *ы* и *и*. Нахожу излишнимъ напомнить ему, что бѣлорусское *ры* ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть сопоставлено съ *ры* вм. *ри* великорусскихъ говоровъ (въ случаяхъ какъ крикъ, кричать), что въ псалтырь, монастырь и т. п. видно вліяніе славянскихъ образований на —тырь, что колебаніе — ыня при—ина, —inya также

должно объясняться существованіемъ разныхъ суффиксовъ. Но не могу умолчать о томъ, что г. Будде тутъ же въ числѣ случаевъ колебанія *ы* и *и* приводитъ скыма и скима, кывоть и кивоть изъ древнерусскихъ памятниковъ: его утверженіе, что это колебаніе не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *ы*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, для меня совершенно непонятно; въ ту эпоху, когда *км*, *мы*, *хы* явились *ки*, *ми*, *хи*, этому фонетическому измѣненію *ы* въ *и* подверглось всякое *ы*, какого бы оно ни было происхожденія. Но если бы даже представить себѣ, что произношеніе кывоть, скыма пережили произношеніе кисель, руки, спрашивается, при чемъ тутъ колебаніе *ы* и *и*?

6. Указанныя погрѣшности легко исправить всякому читателю: никого онѣ не могутъ ввести въ заблужденіе. Менѣе извинительны въ серьезномъ изслѣдованіи лингвиста тѣ мѣста, гдѣ можно усмотрѣть смѣшеніе историческихъ эпохъ, отнесеніе насчетъ позднѣйшаго времени такихъ законовъ, дѣйствіе которыхъ прекратилось въ эпохи предшествующія. Къ удивленію, г. Будде въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги не считается должнымъ образомъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій фонетическій законъ слѣдуетъ разсматривать какъ ограниченный пространствомъ и временемъ. Такъ на стр. 185 явленіе, по которому въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ звукъ *ж* умягчается послѣ мягкаго слога, признается «весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку», при чемъ указаніемъ на это служить «фактъ перехода такого *ж* въ суффиксѣ въ *ж* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—*ик*,— вмѣсто котораго является діалектическое—*иц*» (далѣе слѣдуютъ примѣры изъ Яросл. Пошехон., какъ брусница, поляница, ежевица и т. д.). Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Будде прекрасно знаетъ, что появленіе *ж* въ брусница, овьца, пѣтица, лице относится къ эпохѣ общеславянскаго языка и вовсе не есть спеціальная черта общерусскаго языка, а еще менѣе отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сравнить появленіе *ж* мягкаго

въ совр. южновеликор. рѣчькя, только съ появленіемъ к мягкаго откуда *и*, въ языкѣ общеславянскомъ (овьк'а-овьса); я вполне согласенъ съ возможностью такого сравненія, но никогда бы не рѣшился признать общимъ явленіемъ—переходъ общеславянскаго *к* въ *к* мягкое, откуда *и*, и переходъ діалектическаго русскаго *к* въ *к* мягкое.—Подобную же неясно выраженную мысль мы находимъ на стр. 300—301: изъ того, что русскій языкъ вмѣстѣ съ южно-славянскими языками ассимилировалъ звуки *д* и *т* слѣдующимъ *н* и *л* (въ случаяхъ какъ мыло вм. мыдло) ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ, чтобы древнерусскія нарѣчія новыя группы *дн* изъ *дн* должны были измѣнить въ *нн*: по мнѣнію г. Будде общерусское *вн*ути изъ *вдн*ути доказываетъ, что «одна» должно было измѣниться въ «онна»; эту форму онъ и находитъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ (она извѣстна уже въ XIV вѣкѣ), почему рѣшается высказать предположеніе, что форма *одна* другихъ говоровъ — форма новая, явившаяся подъ вліяніемъ *однн*. Я согласенъ съ тѣмъ, что появленіе *онна* вм. *одна* можно сравнивать съ измѣненіемъ *вдн*ути въ *вн*ути, но ни отождествлять оба явленія, ни тѣмъ болѣе признавать ихъ слѣдствіемъ одного общаго фонетическаго закона, я бы не рѣшился: законъ объ измѣненіи *дн*, *дл* уже окончилъ свое дѣйствіе ко времени исчезновенія глухихъ; вотъ почему мы теперь находимъ въ живой рѣчи произношеніе какъ метла, ветла, седло, одна, пятно и т. д.—На стр. 125 мы находимъ у г. Будде заключеніе, обратное только что указанному: изъ того, что въ современныхъ русскихъ говорахъ замѣчается опущеніе мягкаго *в* передъ гласными (я не вѣрю, чтобы такое опущеніе дѣйствительно существовало и схожусь въ этомъ случаѣ съ А. И. Соболевскимъ)¹⁾, авторъ заключаетъ о возможности возводить діалектическія русскія *теѣ*, *сеѣ* (вм. *тебѣ*, *себѣ*) къ предполагаемымъ общеславян-

1) Любоѣ восходитъ къ любой съ неслоговымъ *и*, гдѣ *и* замѣнило неслоговое *у* подъ вліяніемъ формъ какъ любви; любви, ср. дѣйки, галойки изъ дѣйки, голдойки съ неслововымъ *и*, замѣнившимъ неслоговое *у* подъ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной.

скимъ *teve, seve* (ср. лит. *tavęs, savęs*). Существованіе фонетическаго закона въ одномъ изъ современныхъ живыхъ говоровъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать существованія подобнаго закона въ эпоху болѣе отдаленную, а тѣмъ болѣе прарусскую или общеславянскую.

7. Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія г. Будде мы находимъ ссылки на древнерусскіе памятники; къ сожалѣнію, авторъ, обнаруживши основательное знакомство съ нѣкоторыми изъ нихъ, недостаточно остороженъ въ своихъ выводахъ изъ различныхъ написаній, имѣющихъ графическій характеръ; иногда его замѣчанія показываютъ, что онъ не выработалъ себѣ ясныхъ пріемовъ пользованія свидѣтельствами памятника для разрѣшенія лингвистическихъ вопросовъ. На стр. 209 авторъ, на основаніи написанія *бесѣдуѣ* въ Рязанской кормчей 1284 г., дѣлаетъ выводъ о томъ, что уже съ XIII в. проникаетъ въ письменность сѣвернорусскихъ и среднерусскихъ памятниковъ твердый звукъ *т* въ окончаніи 3 л. ед. ч. наст. вр.; положеніе безспорно справедливое: мы имѣемъ нѣсколько грамотъ XIII в. съ окончаніемъ *тъ* въ 3 л. ед. ч., но оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ основаться на написаніи *бесѣдуѣ*, такъ какъ подъ титла попадали въ русскіе памятникахъ не только твердыя, но и мягкія согласныя (*кѣа, вѣ, стѣныи, кѣ* и т. п.).—На стр. 206 г. Будде приводитъ изъ сѣвернорусскихъ памятниковъ написанія съ *ѣ* въ закрытомъ словѣ передъ мягкой согласной (*въздѣхнѣтъ, порѣвѣтъ, придѣтъ* и др.); сообразуясь съ выводами Соболевскаго о звуковомъ значеніи такого *ѣ* въ подобныхъ написаніяхъ галицко-волинскихъ памятниковъ, авторъ предполагаетъ, что и въ указанныхъ имъ случаяхъ *ѣ* слѣдуетъ читать какъ дифтонгическое сочетаніе *іе*, явившееся изъ общерусскаго *е* долгаго передъ мягкой согласной. Онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что Соболевскій опирался въ своихъ выводахъ о значеніи *ѣ* въ галицко-волинскихъ памятникахъ на современныхъ живыхъ говорахъ малорусскихъ; между тѣмъ ни одинъ современный говоръ сѣверновеликорусскаго нарѣчія не даетъ намъ основанія предполагать

особое произношеніе звука *e* въ словахъ, какъ печь, камень, и звука *e* въ весь, день (изъ *ѣ*) или въ печи, вещи (въ открытомъ слогѣ). Своимъ поспѣшнымъ выводомъ г. Будде можетъ подорвать выводъ г. Соболевскаго: но къ счастью послѣдній основывался на дѣйствительныхъ явленіяхъ живого языка.—На стр. 203 авторъ найденную имъ въ памятникѣ XII вѣка, памятникѣ «сѣвернорусскомъ съ мѣной *ч* и *щ*», форму бывають рѣшается сравнить съ современнымъ касимовскимъ произношеніемъ будяють, сѣяють (съ долгими *a*): мнѣ не совсѣмъ ясно, что именно подлежить въ данномъ случаѣ сближенію, долгота ли касимовскаго *a* въ указанныхъ формахъ съ сочетаніемъ *аа* въ памятникѣ XII в., или самые звуки: совр. *a* (*я*) и др.-русск. *аа*. Но вѣдь извѣстно, что формѣ бывають (насколько она засвидѣтельствована однимъ памятникомъ) въ касимовскомъ говорѣ соответствуетъ бывають (ср. стр. 34) и бывають (стр. 45), т. е. съ стяженнымъ *a*, являющимся иногда съ долгой; между тѣмъ въ будяють, сѣяють не видимъ стяженія, и долгота гласной здѣсь иного происхожденія. А что касается самой гласной *a*, то она, согласно указаніямъ самого автора (стр. 76 — 77), явилась въ касимовскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ по общему закону объ аканіи (ср. капѣякъ, дѣняхъ и сѣяють, будяють); въ виду этого сравнивать *я* въ будяють, сѣяють съ бывають XII в. во всякомъ случаѣ неосторожно. Г. Будде сравниваетъ ниже моламъ 1 л. мн. въ Ряз. кормчей 1284 съ современными касимовскими формами вродѣ косямъ, мопамъ, носямъ: сравненіе, думается, крайне неудачное, въ виду того что моламъ слѣдуетъ почти съ увѣренностью признать опискою *вм. молимъ*. Что касается *н* въ бывають или въ дѣлаютьши (въ Поуч. Ефр. Сир. 1492), то это вѣроятно также не болѣе какъ описки, несмотря на сомнѣніе, высказанное по поводу такого же предположенія г. Соболевскаго нашимъ авторомъ (стр. 205).—Изъ числа случаевъ мѣны *ч* и *щ* въ Лаврентьевскомъ списокѣ лѣтописи, приведенныхъ на стр. 173, слѣдуетъ исключить *ци* и *аци*, такъ какъ при вопросительномъ *чи* издавна было извѣстно и *ци*; написаніе *полочьскѣ* г. Будде правильно признаетъ за «мудр-

ствующее правописание, графическое явленіе»; но зачѣмъ же онъ приводитъ его въ доказательство смѣшенія ч и ц въ Лавр. лѣтописи? — На стр. 100 авторъ, въ доказательство смѣшенія звуковъ о и а въ рукописи Лѣтописи Аврамки, приводитъ форму Судокова; между тѣмъ онъ самъ приводитъ судокъ вм. судакъ изъ казанскаго уѣзда, ср. др.-русское судокъ въ грамотахъ XV в.; очевидно при судакъ существовала, можетъ быть, даже болѣе древняя форма судокъ, причѣмъ судакъ южновеликорусскихъ говоровъ относится къ судокъ вѣроятно такъ же, какъ мешковск. сѣдѣкъ, жиздр. ходѣкъ относятся къ сѣдѣкъ, ходѣкъ другихъ говоровъ; далѣе изъ той же лѣтописи для доказательства того же явленія (достаточно впрочемъ засвидѣтельствованнаго написаніями какъ начевать, браталюбно, съ братьямъ) приводится форма двожды вм. дважды. Г. Будде какъ будто упускаетъ изъ виду, что въ двожды о замѣнило ударяемое а: уже то обстоятельство, что при двожды существуетъ приводимое имъ скопинское трождя, ясно указываетъ, что мы имѣемъ при этомъ дѣло не съ фонетическимъ явленіемъ; двожды замѣнило дважды подъ вліяніемъ одиножды (и одножды?) и основы дво—въ формахъ какъ двоухъ, двоумъ (ср. однажды подъ вліяніемъ дважды).—На стр. 182 дѣлается выводъ о томъ, что въ древней Псковской области былъ извѣстенъ звукъ γ (малор. ȳ) на основаніи написаній, какъ осподарь, осподаря Псковской 2-ой лѣтописи: но такія написанія этихъ именно словъ извѣстны и изъ новгородскихъ памятниковъ и доказываютъ только, что звукъ γ существовалъ именно въ этомъ и другихъ ему подобныхъ словахъ, а не то, чтобы вообще звукъ γ замѣнилъ звукъ ȳ въ данномъ говорѣ: ср. γ въ совр. московск. Господь, господинъ, Бога и др. (ср. тоже у Будде въ прим. къ 183 стр.).—Странно читать у изслѣдователя русскаго языка предположенія о томъ, что формы дождя, дъжгемь, дъжгь Новгородской 1-ой, Псковской 2-ой лѣт. и другихъ памятниковъ восходятъ къ дождя, дъждь и объясняются переходомъ ђ мягкаго въ ȳ мягкое; дождь это не русская форма, а церковнославянская и конечно не она легла въ основаніе русскихъ формъ

дож'ж'а, дож'дж'а, др.-русск. дъжга; общерусскою формою надо, конечно, признать дъж'дж'а и въ виду этого діалектическое дъжга всего вѣроятнѣе читать какъ дъжја, допуская, что ъ обозначаетъ въ написаніи дъжга звукъ j; параллельно съ измѣненіемъ ж'дж' въ жj, измѣнилось шч въ шj; памятники, изображающіе жj черезъ жг и черезъ ж (дъжга и дъжа), передаютъ звуки шj буквой ш (шше, дворише), такъ какъ передача ихъ черезъ шг повлекла бы къ недоразумѣніямъ (шг было бы прочтено какъ жг, жj).—На стр. 169 г. Будде приводитъ написанія соеѣи, ееврала, еерѣмъ, стеванъ изъ Лавр. сп. лѣтописи, прибавляя, что лицо, писавшее рукопись, «навѣрное произносило не тѣ звуки, которые изображало» на письмѣ. Такъ какъ дѣло идетъ о произношеніи звука *ѣ* въ русскихъ говорахъ, мы останавливаемся въ совершенномъ недоумѣніи въ виду этого утвержденія автора: неужели на основаніи совр. діалектическихъ Сохья и хавраль, приводимыхъ ниже, возможно вслѣдъ за г. Будде читать *е* въ соеѣи, еевраль Лавр. списка, какъ *х*?—На стр. 260 авторъ приводитъ изъ Сильвестровскаго сборника XIV в. форму изламана въ доказательство того, что начало аканья надо допустить «задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ»: но изламана правильно образовано отъ основы излама - (неопр. изламать) и не можетъ быть сопоставлено съ совр. діалектическимъ изламан, которое восходитъ къ изломать (ср. лавють вм. ловять).

8. Къ достоинствамъ труда г. Будде слѣдовало бы отнести его нерѣдкія сопоставленія явленій русскаго языка съ явленіями другихъ родственныхъ языковъ—славянскихъ и прочихъ индоевропейскихъ, если бы при этомъ не замѣчались недостаточно обоснованныя замѣчанія и слишкомъ поспѣшные выводы. Такъ на стр. 131, по поводу касимовскаго сѣкар (свекоръ), которое авторъ правильно объясняетъ, возводя къ формѣ свѣкоръ, мы встрѣчаемся съ предположеніемъ о томъ, что въ общеслав. свекъръ звукъ *е* вставленъ, какъ показываютъ родственныя *socet* лат., *ἐχρός* греч., *šešugas* лит.; при этомъ зачѣмъ-то приводится сравненіе слав. сестра, лит. *sesū* (формы

безъ *v*) съ нѣм. *schwester*, гот. *svistar*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свекъръ и сестра восходятъ къ индоевроп. формамъ съ *v*; при этомъ лат. *socer*, *sozog* несомнѣнно указываютъ на первоначальныя формы съ *sce*-. — На стр. 183 *đ* церковнослав. формы драздѣ (изъ Евген. пс. XI в., мѣс. ед. отъ дразга) г. Будде рѣшается сопоставить съ *đ* въ діалект. Динадій вм. Генадій, др.-русск. Дюрги вм. Гюрги: сопоставленіе это безусловно ошибочно, такъ какъ драздѣ представляетъ измѣненіе группы *zg* въ *zd* передъ *ŋ* (изъ первонач. дифтонга), аналогичное съ измѣненіемъ *sk* въ *st* и *sc* (июдѣистѣи) и одновременное съ переходомъ *i* и *k* въ *s* (*z*) и *ç* передъ такимъ же *ŋ*. — На с. 189 спорадическіе случаи, гдѣ вм. *x* находимъ въ современныхъ русскихъ говорахъ *k* (скадѣтъ, скаранѣли, пакъранѣли), сопоставляются не только съ случаями, какъ *скима* при *схима*, *Колмогоры* при *Холмогоры*, *канъ* при *ханъ*, но даже съ верхнелужицкимъ *kh* вм. *x*, являющимся, какъ извѣстно, по общему правилу въ началѣ словъ (*khod*, *khŋod*, *khvaŋa* и т. п.): г. Будде упускаетъ изъ виду, что верхнелужицкое *kh* вм. *x* обязано своимъ происхожденіемъ вліянію нѣмецкихъ говоровъ и, конечно, не даетъ основанія предполагать, чтобы уже въ общеслав. языкѣ произношеніе звука *x* приближалось къ *k*; болѣе чѣмъ неосторожно поступаетъ авторъ, сравнивая затѣмъ съ славянскимъ чередованіемъ *x* съ *k* и *kh* литовское *k*, въ соотвѣтствіи съ слав. *x*, въ словахъ, какъ *klapas*, *kitras*, *dakadas* и т. п.: эти слова несомнѣнно заимствованы въ литовскій языкъ изъ русскаго или польскаго языка. А между тѣмъ сопоставленіе случаевъ кажущагося колебанія между звуками *k* и *x* въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ даетъ автору основаніе предположить для литовскославянской эпохи сочетаніе *kx* (откуда частью *k*, частью *x*), при чемъ *kx* возводится къ какому-то особенному индоевропейскому звуку, бывшему, можетъ быть, особаго рода звукомъ *s*! — На с. 93 *ne* слова неводъ принимается авторомъ за предлогъ «не», отождествляемый съ лат. *in*: онъ упускаетъ изъ виду, что латинскому *in* фонети-

чески соотвѣтствуетъ славянскій предлогъ *sz* съ приставнымъ, передъ нѣкогда носовымъ *z*, звукомъ *sz*. — На с. 279 г. Будде говоритъ о томъ, что «мы знаемъ двоякое *z* въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованіи двухъ видовъ звука *z* въ общемъ индоевроп. языкѣ исторія звука *z* въ различныхъ родственныхъ языкахъ» (дальше приводятся: *vrъxъ*, *mъxъ* при лит. *virszùs*, *païszas*, предполагаемое *vxъ* при лит. *visas* и др.). Не лишнимъ было бы упомянуть, что двоякое *z* въ индоевроп. языкѣ предполагаетъ Ф. Э. Фортунатовъ на основаніи случаевъ, гдѣ славянское *x* (изъ *z*) соотвѣтствуетъ литовскому *sz*.

9. Спѣшность работы г. Будде, отмѣченная уже выше, отразилась и на поспѣшности въ выводахъ автора. Особенно удивляетъ та легкость, съ которой онъ приходитъ къ предположеніямъ праязычныхъ формъ и звуковъ. На с. 95 касимовскія и сѣверновеликорусскія формы *здоржка*, *доржѣть*, *здорживать* вм. *задержка*, *держатъ* другихъ говоровъ даютъ автору основаніе предположить для общеслав. языка при формахъ *дъгг* (*ъ* неслоговой ирраціональный, *г* слоговое) формы съ *dogg*; по всей вѣроятности, *dogg* предположено по недосмотру вм. *дъгг*, такъ какъ изъ *dogg* мы ожидали бы въ русскомъ языкѣ *дорог-*, *дорожу*, а не *доржу*. Но я нахожу, что и предположеніе общеслав. *дъгг-*, *дъгъ-* не находятъ достаточнаго основанія въ формахъ какъ *доржу*, *здоржка*: гораздо осторожнѣе, не доходя до общеславянской эпохи, искать объясненія чередованія *держ* и *дорж* въ русскихъ говорахъ въ условіяхъ русской фонетики. Я думаю, что первоначальное *дер'ж'*, изменившись въ *дер'ж*, по закону объ отвердѣніи *ж*, вызвало затѣмъ, послѣ ассимиляціи *р'* отвердѣвшему *ж*, произношеніе *держ*; отсюда въ нѣкоторыхъ говорахъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ отвердѣніе *ж* и *ш* принадлежитъ болѣе отдаленной эпохѣ, — *дѣрж-* (ср. появленіе *лѣжка*, *стѣжка* въ отдѣльныхъ говорахъ); это *дѣрж-* сохраняется во многихъ совр. говорахъ и между прочимъ въ касимовскихъ (Будде, с. 94: *дѣржу*, *дѣржыш* и т. д.); въ нѣкоторыхъ говорахъ,

еще до полного отвердѣнія *ж* и *ш*, а именно въ такую эпоху, когда они были уже тверды передъ гласными *а*, *у*, *о*, оставаясь мягкими передъ *и*, *е* (гласными, смягчающими предшествующія согласныя), явилось чередованіе формъ какъ дѣржѹ — дѣр'жит (нефонетически вмѣсто дер'жит), задѣршка, дѣржат и дѣр'жиш (вм. дер'жиш). Когда вслѣдъ затѣмъ *ж* отвердѣло и въ положеніи передъ *е*, *и*, при чемъ вм. дѣр'жит являлось дѣр'жьгт, его отвердѣніе вызвало не только отвердѣніе предшествующаго *р*, но и звука *д* въ предыдущемъ слогѣ: дѣр'жит измѣнилось въ доржьгт. Случаи ассимиляціи зубныхъ по мягкости или твердости въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ очень нерѣдки въ русскомъ языкѣ: ср. студень, студѣный вм. студень, студѣный, діалект. нинѣ, тысяча вм. нынѣ, тысяча; ср. еще ассимиляцію даже по органамъ произношенія въ случаяхъ какъ чижблѣй вм. тяжблѣй. — На с. 111, на основаніи случаевъ колебанія между *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ, такъ хорошо вообще различающихъ эти звуки, а также единичныхъ случаевъ смѣшенія буквъ *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ (Зогр., Супр.), авторъ спѣшитъ съ выводомъ о томъ, что «совпаденіе звуковъ *ы* и *и* во всякомъ случаѣ доисторическое», что появленіе на мѣстѣ *ы* и *и* средняго звука между *ы* и *и* «принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ средній звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, діалектическимъ. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки». Я увѣренъ, что авторъ безъ всякихъ колебаній согласится съ тѣмъ, что случаи смѣшенія *ы* и *и* въ великорусскихъ говорахъ отнюдь не могутъ свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи между этими звуками и о ихъ совпаденіи въ среднемъ звукѣ: этого средняго звука нельзя найти у великоруссовъ, и уже поэтому случаи колебанія *ы* и *и* въ отдѣльныхъ великорусскихъ словахъ нельзя объяснять особою близостью этихъ звуковъ: причины смѣшенія *ы* и *и* коренятся не въ самомъ этомъ звукѣ, а въ различныхъ окружающихъ ихъ условіяхъ; такъ напр. появленіе *ы* въ грьбѣ, стрычѣ, крькѣ обязано отвердѣнію *р* въ группѣ согласныхъ *пр*, *стр*, *кр*.

Свидѣтельства же малорусскаго нарѣчія ни въ коемъ случаѣ нельзя сопоставлять, какъ это дѣлаетъ г. Будде, со свидѣтельствами чешскаго или сербскаго языковъ. Въ чешскомъ языкѣ согласныя до сихъ поръ мягки передъ первоначальнымъ *i*, въ сербскомъ же и малорусскомъ имъ соотвѣтствуютъ твердыя согласныя: слѣдовательно, чешскій языкъ не указываетъ на исконное совпаденіе звуковъ *ы* и *и* въ одномъ общемъ среднемъ звукѣ. Въ сербскомъ языкѣ передъ исконнымъ *и* сохранилась мягкость смягченныхъ еще въ общеслав. языкѣ согласныхъ *н*, *л* (нѣва, земѣи): слѣдовательно, и здѣсь не было того измѣненія звука *и* въ направленіи къ *ы*, которое замѣчается въ малорусскомъ, гдѣ и первоначально смягченныя согласныя передъ такимъ среднимъ звукомъ отвердѣли. Въ сербскомъ языкѣ видимъ, что съ одной стороны передъ *i* не смягчились предшествующія согласныя, а что съ другой *ы* перешло въ *i*; въ малорусскомъ наблюдается измѣненіе звуковъ *ы* и *и* въ звукъ средній между ними, переходъ звуковъ ряда *ы* и звуковъ ряда *i* въ другой рядъ звуковъ. Слѣдовательно, только малорусскій языкъ могъ бы свидѣтельствовать объ общеслав. звукѣ, среднемъ между *ы* и *и*; но, конечно, свидѣтельства его недостаточно, тѣмъ болѣе что сравнительное изученіе русскихъ нарѣчій приводитъ къ неопровержимому выводу, что въ общерусскомъ языкѣ, и притомъ во всѣхъ его говорахъ, строго различались звуки *и* и *ы*. Автору, конечно, хорошо извѣстны приведенные здѣсь факты и соображенія: вотъ почему я сказалъ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ съ вышеуказаннымъ выводомъ.

На с. 87 г. Будде, на основаніи касимовскаго исиныю (въ значеніи осенью, ср. южно-ряз. асиныю), торопится предположить параллельное существованіе въ діалектахъ общерусскаго языка *к*сень при осень. Но существованіе произношенія *к*сень предполагаетъ и *к*зеро, *к*сетръ, *к*лень, *к*винъ и т. п. въ русскихъ говорахъ: между тѣмъ такія формы совершенно неизвѣстны въ русскомъ языкѣ; это и дало основаніе древнѣйшимъ славистамъ считать измѣненіе *je* другихъ славянскихъ языковъ въ *o* харак-

теристичною особенностью русской семьи. Параллельное существование одного и одного (а подъ вліяніемъ еднѣй — и еднѣй), ёвня и овинь, ёжъ и ожикъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ доказать прарусской формы ксень, такъ какъ, согласно наблюденію Ф. О. Фортунатова, не всякое начальное је давало въ русскомъ языкѣ въ результатѣ своего измѣненія о, а только такое је, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ гласной е или і. Я думаю, что гораздо проще объяснять рязанское исинью фонетически изъ асинью, сопоставивъ это исинью съ произношеніемъ итчаѡѡ, иднамѣ, икайннѣй, ибманшикъ, иддадѣтъ и т. д. въ различныхъ южновеликорусскихъ говорахъ.

На с. 317, на основаніи произношенія дурѡѣѣ при дурѡѡѡ (названіе растенія), авторъ спѣшитъ съ заключеніемъ о существованіи сочетанія ѣѣ въ прарусскую эпоху въ положеніи въ серединѣ словъ между гласными. Конечно, этимологія слова дурѡѡѡ не ясна (и это въ особенности должно было предостеречь автора отъ заключенія къ прарусской эпохѣ), но если мы допустимъ, что при дурѡѡѡ существовало и дурѡѡѡ съ гѡ, а не ѣѣ, то дурѡѡѡ въ результатѣ явилось бы именно въ формѣ дурѡѣѣ въ касимовскомъ говорѣ, ср. в = ѣѣ въ положеніи послѣ согласныхъ и между гласными (дѣѡ, дѣѡѡ и т. д.).

Ограничиваюсь этими немногими замѣчаніями, выясняющими, почему въ приѡѡѡхъ и въ общемъ характерѣ разсужденій г. Будде кое-что не вполне меня удовлетворило. Авторъ, надѣюсь, не сочтетъ эти замѣтки простыми придирками: я увѣренъ, что онъ заинтересованъ не только въ томъ, чтобы подѣлиться нѣкоторыми новыми наблюденіями и оригинальными выводами, а и въ томъ также, чтобы общими усиліями, руководимыми научнымъ методомъ, возсоздать то прошедшее нашего языка, которое должно объяснить его настоящее. Главные выводы автора, можетъ быть, не пострадали отъ погрѣшностей и недостатковъ метода изслѣдованія, но за то его книга, богатая фактами и мыслями, не можетъ быть надежнымъ руководствомъ для начинающихъ изслѣдователей.

II.

Въ этой части моего разбора я останавлиюсь на нѣсколькихъ положеніяхъ автора, съ которыми не могу согласиться.

1). Седьмая глава 1-ой и четвертая глава 2-ой части изслѣдованія г. Будде посвящены шипящимъ и свистящимъ звукамъ въ касимовскихъ выговорахъ. Мы найдемъ здѣсь много новаго: автору удалось собрать весьма любопытный матеріалъ, и изъ него дѣлаются весьма цѣнные выводы. Впрочемъ я имѣю въ виду не тѣ четыре положенія, которыя формулированы авторомъ на стр. 261, а нѣкоторыя другія его обобщенія, менѣе рѣшительныя, но болѣе убѣдительныя. Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Будде, видно, что въ Касимовскомъ и Спасскомъ уѣздахъ есть цокающія мѣстности (гдѣ вм. *ч* произносится *ц*, большою частью отвердѣвшее), чѣкающія (гдѣ *ц* произносится какъ *ч*) и, наконецъ, такія мѣстности, гдѣ вм. *ч* и *ц* является средній звукъ между *ч* и *ц* (*ч* сходное съ *ц* или *ц* сходное съ *ч*). Этотъ же средній звукъ извѣстенъ и въ чѣкающихъ мѣстностяхъ. Уже на стр. 121 авторъ, на основаніи того, что при цоканьѣ извѣстно и чѣканье и средній звукъ, дѣлаетъ выводъ, что архаичными должны быть признаны тѣ говоры, гдѣ сохранился этотъ средній звукъ между *ц* и *ч*, при чемъ чѣкающіе и цокающіе говоры представляютъ отклоненія отъ основнаго произношенія либо въ сторону *ч*, либо въ сторону *ц*. Я думаю, что это заключеніе г. Будде совершенно вѣрно, и жалѣю, что онъ не ограничился такимъ положительнымъ и нагляднымъ выводомъ. Впрочемъ, естественнымъ представлялось бы обобщеніе такого заключенія, распространеніе его на всякіе чѣкающіе и цокающіе говоры: въ основаніи такихъ говоровъ лежатъ говоры, имѣвшіе на мѣстѣ первоначальныхъ *ч* и *ц* средній звукъ между *ч* и *ц*. Понятно, что Е. Ѳ. сдѣлалъ это обобщеніе: предположенный нѣкоторыми изслѣдователями средній звукъ, не *ч* и не *ц*, найденъ имъ въ живомъ произношеніи и, конечно, предположенія теоретическаго характера по-

лучили теперь реальное основаніе. Но Е. Θ. идетъ дальше; на стр. 263 онъ пишетъ: «надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *и* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ (средній звукъ между *ч* и *и*). . . .» Далѣе, на основаніи существованія, параллельно съ произношеніемъ средняго звука между *ч* и *и*, произношенія средняго же звука между *ш* и *с* въ касимовскомъ говорѣ, а также въ виду дзеканья и джекканья (произношенія *д*, *т* какъ *дз*, *и* или какъ *дж*, *ти*) въ томъ же говорѣ, при чемъ смѣшеніе *ш* и *с*, дзеканье и джекканье встрѣчается и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, г. Будде продолжаетъ приведенную выше фразу слѣдующимъ образомъ: «точно такъ же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* (средній звукъ между *з* и *ж*); звукъ *с*—къ звуку *ш* (средній звукъ между *с* и *ш*); были особаго рода звуки *д'* и *т'*. . . Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка». Вслѣдъ за тѣмъ приводятся доказательства, подтверждающія эти положенія: свидѣтельства памятниковъ, русскихъ говоровъ и славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что автору не удалось доказать своего положенія: польскіе «мазуракающіе», словацкіе «шепелеватые» говоры, нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе (ср. стр. 264) представляютъ дѣйствительно сходныя и однородныя явленія съ цоканьемъ, чѣканьемъ и другими подобными явленіями русскаго языка, но въ виду того, что большинство русскихъ говоровъ и говоровъ другихъ славянскихъ нарѣчій не знаетъ всѣхъ этихъ явленій, гораздо вѣроятнѣе предположить, что они развились на почвѣ отдѣльной жизни всѣхъ этихъ языковъ. Впрочемъ, возможно, что уже въ общеславянскомъ языкѣ были говоры, измѣнившіе *ч* и *и*, *с* и *ш* въ какіе-нибудь средніе звуки между *ч* и *и*, между *с* и *ш*, но во всякомъ случаѣ невозможно установить генетической связи между такими говорами и указанными г. Будде го-

ворами современныхъ славянскихъ нарѣчій. А въ виду этого, ясно, что предполагая общеславянское діалектическое произношеніе средняго звука между *ч* и *ц* или между *с* и *ш*, мы не выходимъ изъ области предположеній, рѣшительно ничего не выясняющихъ въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ нарѣчій: я даже думаю, что, взявъ болѣе ограниченную область языка, напр. одни русскіе говоры, мы поступили бы неосторожно, возводя касим. дзень, пошех. дзень, бѣлор. дзень къ общерусскому діалектическому дзнь. Дѣйствительно, переходъ *д*¹ въ *дз*¹ могъ явиться независимо во всѣхъ указанныхъ говорахъ и если бы даже въ общерусскомъ языкѣ діалектически уже являлось дзнь, то связать генетически такіе общерусскіе говоры непремѣнно съ касимовскими, пошехонскими, бѣлорусскими врядъ ли представлялось бы возможнымъ. Но предположить на основаніи бѣлор. и великор. дзень и польск. *dzień* общеславянское діалектическое *dzнь* врядъ ли рѣшится какой-нибудь изслѣдователь: въ общеслав. языкѣ нельзя даже допустить полнаго смягченія *д* въ случаяхъ какъ днь (ср. серб. дан, чешск. deň), а тѣмъ менѣе слѣдующаго за тѣмъ измѣненія *д*¹ въ *дз*¹. И такъ, мы видимъ, что *дз* въ польскомъ и русскомъ языкахъ развились независимо другъ отъ друга; отсюда заключаемъ, что и въ отдѣльныхъ говорахъ русскаго языка дзеканье могло развиваться совершенно самостоятельно. На стр. 270 г. Будде даетъ новую формулировку своему положенію относительно средняго звука между *ч* и *ц* въ исторіи русскаго языка. Если на стр. 263 утверждалось, что лишь въ большинствѣ говоровъ прарусскаго языка на мѣстѣ *ч* и *ц* являлся средній звукъ между *ч* и *ц*, то здѣсь говорится уже, что «во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но діалектически не во всѣхъ его говорахъ, хотя въ большинствѣ говоровъ, были извѣстны звуки средніе между *ч* и *ц*, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній... въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ — дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оста-

валось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранились звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными». Мысль автора не ясна: вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что въ говорахъ, гдѣ *ч* и *ц* не совпали въ среднемъ звукѣ, они продолжали различаться, при чемъ въ однихъ изъ нихъ отвердѣло *ч*, въ другихъ *ц*; среди же говоровъ, измѣнившихъ *ч* и *ц* въ средній звукъ, одни продолжаютъ сохранять этотъ средній звукъ, а другіе измѣнили его въ мягкія *ч* и *ц*. Но въ такомъ случаѣ авторъ въ своемъ обзорѣ судьбы звуковъ *ч* и *ц* обнялъ всѣ говоры русскаго языка: непонятно, почему онъ говоритъ о «большинствѣ говоровъ»; кромѣ того, говоры, сохранившіе средніе звуки между *ч* и *ц*, названы имъ архаичными вообще, между тѣмъ они архаичны лишь относительно тѣхъ говоровъ, гдѣ средніе звуки измѣнились въ *ч* и *ц* мягкія. Московскій говоръ, гдѣ *ч* и *ц* различаются до сихъ поръ, представляется болѣе архаичнымъ, чѣмъ касимовскій, гдѣ вм. *ч* и *ц* находимъ средній звукъ, оставляя даже въ сторонѣ то обстоятельство, что этотъ средній звукъ успѣлъ уже частью измѣниться въ *ч* и *ц* мягкія (отчасти уже и отвердѣвшія). Мнѣ положительно сдается, что г. Будде большинство русскихъ говоровъ возводитъ къ такимъ, въ которыхъ на мѣстѣ *ч* и *ц* явился средній звукъ между *ч* и *ц*: если это такъ, Е. Θ. рѣшительно ошибается, такъ какъ вывести говоры, различающіе согласно этимологіи звуки *ч* и *ц* (а такихъ говоровъ весьма много, какъ въ малорусской, бѣлорусской, такъ и въ великорусской семьѣ), изъ говоровъ, гдѣ *ч* и *ц* совпали въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, совершенно немислимо. Спорадическіе случаи колебанія между *ц* и *ч*, наблюдаемые, по словамъ автора, почти во всѣхъ русскихъ говорахъ, приводятся имъ (стр. 270, 280, 285) въ доказательство того, что средніе звуки между *ч* и *ц* принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Къ такимъ спорадическимъ случаямъ относятся чепъ при цѣпъ, др.-русск. копь (епанча) при кочь, малор. цурайся при чурайся и, можетъ быть, еще нѣкоторые слова, извѣстныя автору, но имъ не приведенныя. Я

думаю, что если бы г. Будде удалось указать даже десятокъ подобныхъ случаевъ, они все таки не могли бы свидѣтельствовать объ исконномъ колебаніи звуковъ ч и џ на всемъ пространствѣ русскаго языка: то обстоятельство, что въ настоящее время сохранилось различіе между ч и џ въ большинствѣ русскихъ говоровъ гораздо яснѣе доказываетъ положеніе совершенно противоположное тому, къ которому пришелъ авторъ. Спорадическіе же случаи смѣшенія ч и џ могутъ объясняться частью заимствованіями изъ другихъ говоровъ, частью же этимологическимъ колебаніемъ обоихъ звуковъ: такъ чепъ при цѣпъ восходятъ вѣроятно къ разнымъ словамъ, можетъ быть и не родственнымъ по происхожденію, кер- откуда ѡер- (др.-рус. чепъ, съчепить) и кѣр- откуда сѣр- (цѣпъ, цѣпкій).

Всѣ эти замѣчанія приводятъ насъ къ убѣжденію, что г. Будде слишкомъ поторопился распространить открытыя имъ средніе звуки между ч и џ на всю область русскаго языка и даже славянскихъ языковъ въ ихъ прошломъ. Цѣнный выводъ, сдѣланный имъ на стр. 121, совершенно затемненъ послѣдующими разсужденіями.

2) Все то, что сказано выше по поводу предположенія среднихъ звуковъ между ч и џ, еще въ бѣльшей степени приложимо къ другому предположенію автора, упомянутому уже раньше, а именно, что общеславянскій и прарусскій языки имѣли среди своихъ говоровъ такіе, гдѣ на мѣстѣ с и ш были извѣстны средніе между ними звуки. На стр. 263 читаемъ: «при допущеніи этой мысли нѣкоторыя древне-русскіе говоры, какъ напр., древнепсковскій говоръ, станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенія среди другихъ русскихъ говоровъ». Нельзя не возразить на это слѣдующаго: наука о русскомъ языкѣ обязана г. Соболевскому нѣкоторыми важными открытіями именно по тому, что онъ не прибѣгалъ къ такимъ обобщеніямъ, какія, къ сожалѣнію, встрѣчаются мѣстами у г. Будде. Встрѣтивъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ колебаніе е и ѣ, ограниченное извѣстными условіями, опредѣленнымъ по-

ложениемъ въ словѣ, онъ не предположилъ, что тѣ же условія найдутся и во всѣхъ другихъ памятникахъ, и не смѣшалъ *предполагаемой* силы доказательства, представляемаго единичными случаями колебанія *e* и *ъ* въ большинствѣ русскихъ памятниковъ, съ тою *дѣйствительною* доказательною силою, которую имѣютъ случаи систематическаго чередованія между этими буквами. Въ результатѣ оказалось, что только памятники галицко-волинской области систематически употребляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ъ* вм. *e*, а это повело къ убѣжденію, что въ такихъ памятникахъ сохранились слѣды древнѣйшихъ малорусскихъ говоровъ. Изслѣдуя другія рукописи, а именно группу псковскихъ памятниковъ, тотъ же изслѣдователь замѣтилъ въ нихъ постоянное смѣшеніе буквъ *ш* и *с*, *з* и *ж*: онъ не увлекся предположеніемъ, что попалъ на черту общерусскаго языка, прарусской эпохи; онъ остановился на болѣ скромномъ предположеніи, что эта черта мѣстная, діалектическая; и когда такихъ чертъ набралось нѣсколько, изслѣдователь предложилъ намъ характеристику древнепсковскаго говора. Указанія Соболевскаго на совершенно исключительное положеніе этого говора среди другихъ древнерусскихъ говоровъ нельзя опровергнуть такими общими разсужденіями, какія мы встрѣтили въ разбираемомъ отдѣлѣ книги г. Будде: надо было указать факты, доказывающіе, что и въ другихъ русскихъ памятникахъ, принадлежащихъ не сѣверо-западной области, встрѣчается мѣна *с*, *з*, и *ш*, *ж* и другія подобныя явленія. Изслѣдованіе Е. О. приводитъ насъ къ убѣжденію, что смѣшеніе *с*, *з* съ *ш*, *ж*—діалектическая черта несравненно менѣе распространенная, чѣмъ смѣшеніе *ч* и *ц*, и тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ относительно среднихъ звуковъ между *с*, *з* и *ш*, *ж* тѣ же заключенія, что относительно средняго звука между *ц* и *ч*, а именно о томъ, что они существовали діалектически уже въ прарусскую эпоху, а на стр. 281—282 видимъ попытку возвести эти звуки къ общеславянскому и даже литовскославянскому языку, на томъ основаніи, что, напр. въ словѣ *зима*, звукъ *з* въ различныхъ славянскихъ языкахъ «не вездѣ одинаковой мягкости,

а литовскій языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žėtà)!» На стр. 279 авторъ, находя въ родственныхъ со славянскими языкахъ то же явленіе (колебаніе между *с*, *з* и *ш*, *ж*), говоритъ, что «до извѣстной степени его можно возводить къ общему индоевроп. праязыку», при чемъ въ подтвержденіе такого предположенія приводится существованіе двоякаго *з* въ общемъ индоевр. языкѣ! Я рѣшительно отказываюсь отъ подробнаго опроверженія всего этого ряда сопоставленій и гипотезъ: думаю, что для общеславянскаго языка надо принимать существованіе рѣзкаго отличія между звуками *з*, *с* и *ж*, *ш* и что смѣшеніе этихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ возникло сравнительно въ позднѣйшее время. Можетъ быть, впрочемъ, общеслав. *з* изъ *ж* передъ *и*, *ь*, а также послѣ гласныхъ передненѣбнаго ряда въ случаяхъ какъ дуси, дусѣ, весь звучало какъ-нибудь иначе, чѣмъ другое *з*: ср. переходъ такого *з* въ *ж* въ западно-славянскихъ языкахъ, по конечно предположенное существованіе двоякаго рода *з* въ общеслав. языкѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ двоякимъ *з* въ индоевроп. языкѣ или съ позднѣйшимъ смѣшеніемъ его въ отдѣльныхъ слав. нарѣчійхъ. Г. Будде придаетъ и въ данномъ случаѣ болѣе значенія спорадическимъ случаямъ смѣшенія *с*, *з* съ *ш*, *ж*, чѣмъ имъ придавали до сихъ поръ: но едва ли колебаніе этихъ звуковъ въ словахъ какъ Суждадь при Суздадь, шаберъ при сяберъ, жемчугъ при земчугъ можетъ доказывать *общее* смѣшеніе ихъ въ въ какомъ бы то ни было нарѣчій и въ какую бы то ни было эпоху.

3) Въ 5-ой главѣ II части и тѣсно связанной съ нею 8-ой главѣ I части г. Будде останавливается на зубныхъ согласныхъ касимовскихъ говоровъ. Наиболѣе оригинальною чертою оказывается измѣненіе мягкихъ *т* и *д* въ *ц* и *дж*, при діалектическихъ *тш* и *дж* (дзень, гаспоць, ниджѣля, тшыглы). На стр. 289 и 292 видимъ обзоръ подобныхъ же измѣненій въ другихъ русскихъ говорахъ: авторъ находитъ *дж* и *ц* изъ *д* и *т* не только въ бѣлорусскихъ говорахъ, но также въ нѣкоторыхъ малорус-

скихъ и великорусскихъ говорахъ; особенно распространено это явленіе въ области сѣверновеликор. нарѣчія; на основаніи данныхъ, приводимыхъ изъ Очерковъ по діалектологіи Соболевскаго, а также изъ статьи Даля о нарѣчійхъ и изъ Очерка Колосова, мы узнаемъ, что *дз* и *ц* слышится не только въ Псковской, но также въ Тверской, Ярославской, Новгородской и Владимирской губерніяхъ. Въ области южновеликорусскихъ говоровъ тѣ же звуки отмѣчены между прочимъ и въ Рязанской губерніи: въ виду всего этого я не понимаю, почему, «съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько» видоизмѣниться «наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще» (стр. 289). Впрочемъ, г. Будде разъясняетъ свою мысль на стр. 292 — 299, гдѣ находимъ отступленіе историческаго характера, выясняющее его взглядъ на исторію касимовскаго говора и на его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Здѣсь эта черта консонантизма касимовскаго говора возводится въ основную черту при дѣленіи русскихъ говоровъ на первоначальныя группы. вмѣсто прежняго дѣленія ихъ на окающіе и акающіе, признаннаго не историческимъ и даже не научнымъ (стр. 293), предлагается дѣлить русскіе говоры на три діалектическія единицы: на говоры «шпелелеватые (т. е. говоры съ средними звуками — самые древніе), на полу шпелелеватые (имѣвшіе лишь средніе звуки между *ц* и *ч*, т. е. цокающіе и чѣкающіе) и говоры не шпелелеватые, пошедшіе отъ діалектической группы, различавшей звуки *ч* и *ц*, *с'* и *ш*, *з'* и *ж* и проч., или въ самомъ прарусскомъ языкѣ утратившей средніе звуки» (стр. 298). Эти слова автора въ существенной степени дополняютъ все то, что имъ сказано въ предшествующей (7-ой главѣ II части) главѣ объ исторіи среднихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Здѣсь мы находимъ уже рѣшительное утвержденіе, что говоры со средними звуками между *ч*, *ш*, *ж* и *ц*, *с*, *з*, по этой ихъ фонетической чертѣ, должны, быть признаны самыми древними; здѣсь же видимъ ясно высказанное предположеніе о томъ, что говоры, раз-

личающіе *ч, ш, ж* отъ *ц, с, з*, могутъ быть возводимы къ такой діалектической группѣ, гдѣ это различіе явилось лишь позже (хотя и на прарусской почвѣ). Но ни утвержденіе автора о ббльшей древности шепелеватыхъ говоровъ, ни приведенное предположеніе его нельзя признать убѣдительными: всякій изслѣдователь согласится съ тѣмъ, что различіе, этимологически вѣрное, звуковъ *ч, ш, ж* и *ц, с, з* черта ббльшей древности, чѣмъ смѣшеніе обоихъ рядовъ въ одномъ рядѣ среднихъ звуковъ; никто вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшится вслѣдъ за авторомъ предположить, что говоры со средними звуками могли (хотя бы и въ прарусскую эпоху) перейти въ говоры, различающіе оба ряда *ч, ш, ж* и *ц, с, з* этимологически вѣрно. Обращаясь къ предложенному авторами дѣленію русскихъ говоровъ, читаемъ, что шепелеватые говоры составляютъ по своему историческому происхожденію приблизительно одну группу (стр. 293). Въ настоящее время эта группа говоровъ оказывается, по указанію автора, разсѣянной на громадномъ пространствѣ, но нѣкогда границы этой группы опредѣлялись Окой, верховьями Волги, Двины, Днѣпра, Сожи, Десны (стр. 293). Далѣе авторъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ выводитъ заключеніе, что преданіе связывало особымъ родствомъ древлянъ, полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами (стр. 295) и что это преданіе основывалось на какихъ-то отдаленныхъ воспоминаніяхъ о близости языка и обычаяхъ этихъ «словѣнъ» къ языку и обычаю «словѣнъ», сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мысль автора и вся его аргументація настолько для меня не ясны, что не рѣшаюсь опровергать всѣхъ этихъ положеній. Замѣчу только, что, если г. Будде настаиваетъ на какой-то особенной близости шепелеватыхъ говоровъ съ говорами польскими, то ему не зачѣмъ было указывать на сохранившееся, по его мнѣнію, въ лѣтописи преданіе о родствѣ не только вятичей (родоначальниковъ при-окскихъ говоровъ, согласно автору, ср. стр. 298), но и прочихъ русскихъ племенъ съ ляхскими (?). Оставляя поэтому древлянъ, полочанъ, кривичей и прочія племена въ сторонѣ, мы остановимся на предположеніи о

томъ, что при-Окскіе (а между ними и касимовскіе) говоры нужно вести отъ древняго говора той части «словѣнь», которую, по преданію, привелъ на новыя мѣста какой-то Вятко, происшедшій изъ рода ляховъ (= словѣнь привислянскихъ). Въ этомъ предположеніи автора заключается несомнѣнный историческій фактъ: при-Окскіе говоры восходятъ къ говору вятичей, сидѣвшихъ, какъ извѣстно, на Окѣ; но разумѣется, лингвисту не зачѣмъ настаивать на преданіи о происхожденіи вятичей отъ ляховъ, тѣмъ болѣе что его слѣдуетъ, можетъ быть, понимать только такъ, что вятичи и радимичи пришли на Оку съ запада. Я нахожу очень вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что касимовскіе говоры—это остатки древняго говора вятичей, но не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы близость касимовскихъ говоровъ къ западно-русскимъ объяснялась такъ, что западные края Россіи были заселены выходцами съ Оки, т. е. чтобы вятичи, явившіеся на Оку съ запада, снова двигались на западъ (ср. стр. 284). Болѣе вѣроятнымъ представляется другое мнѣніе автора объ особой близости касимовскихъ говоровъ съ вятскими и о заселеніи Вятскаго края выходцами изъ при-Окскихъ мѣстностей; на немъ я остановлюсь ниже, въ III части этого разбора. Въ виду всего вышесказаннаго, мы видимъ, что авторъ не привелъ ни одного убѣдительнаго даннаго въ пользу предположенія, что всѣ дзеканіи русскіе говоры восходятъ къ одной общей діалектической группѣ: напротивъ, уже то обстоятельство, что и въ малорусскомъ нарѣчій мы найдемъ такіе говоры, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что дзеканье, сравнительно позднее явленіе, развивалось независимо въ различныхъ частяхъ русской рѣчи. Вотъ почему дѣленіе автора русскихъ говоровъ на шепелеватые, полупшепелеватые и нешепелеватые не выдерживаетъ критики; гораздо правильнѣе признать аканье и оканье существенными признаками при дѣленіи русскихъ говоровъ. Дѣйствительно, въ группу акающихъ говоровъ попадаютъ такіе говоры, общее происхожденіе и исконное родство которыхъ несомнѣнно: вспомнимъ, на примѣръ, что бѣлорусскіе и южно-великорусскіе говоры акающіе, одно-

временно съ этой чертой вокализма, представляютъ рядъ другихъ, каковы напр. γ вм. сѣверновеликорусскаго г, т мягкое въ 3 л. ед. и мн. ч. вм. т твердаго сѣверновеликор. говоровъ и др. Касимовскіе говоры, гдѣ рядомъ съ аканьемъ уживаются черты сѣверновеликорусскія (г вм. γ , ть вм. ть, смѣшеніе ч и ц и др.), ни въ коемъ случаѣ не могутъ противорѣчить указанному дѣленію уже потому, что ихъ, вслѣдъ за г. Будде, надо признать смѣшанными говорами: въ основѣ ихъ, лежатъ говоры сѣверновеликорусскіе, подвергшіеся сильному вліянію южныхъ, акающихъ говоровъ.

4) На стр. 299 — 300 мы находимъ небольшой экскурсъ по поводу касимовскаго произношенія «цвѣтъ» вм. цвѣтъ. Отмѣтивъ, что въ южной группѣ славянскихъ языковъ въ этомъ и другихъ родственныхъ словахъ является *u*, а во всей западной группѣ звукъ *k*, г. Будде указываетъ, что въ русскомъ языкѣ на мѣсто этихъ звуковъ мы встрѣчаемъ діалектическія *u*, *ч*, *т*, *с*, *к*. Первые четыре звука восходятъ по мнѣнію автора къ среднимъ звукамъ между *ч* и *u*, а *k* отражаетъ первоначальное *k*. Далѣе высказывается предположеніе, основанія котораго мнѣ совершенно неясны: та діалектическая группа прарусскаго языка, гдѣ являлись средніе звуки между *ч* и *u*, представляла произношеніе цвѣтъ - чвѣтъ съ средними звуками вм. *ч*, *u*; напротивъ, та группа, гдѣ было извѣстно различіе звуковъ *ч*, *ш*, *ж* и *u*, *с*, *з*, должна была имѣть произношеніе квѣтъ. Если это такъ, то почему же московское нарѣчіе, различающее указанные звуки, имѣетъ цвѣтъ, а не квѣтъ? Кромѣ того, откуда вообще въ русскихъ нарѣчіяхъ произношеніе цвѣтъ съ *u*, тождественнымъ съ *u* южнославянскихъ языковъ, если говоры, сохранившіе первоначальное *u*, не смѣшавшіе его съ *ч*, получили исконно произношеніе квѣтъ? Я думаю, что во всякомъ случаѣ осторожнѣе предположить, что общерусскій языкъ имѣлъ въ различныхъ своихъ діалектахъ произношеніе квѣтъ и цвѣтъ, при чемъ цвѣтъ въ говорахъ, замѣнившихъ *ч* и *u* средними звуками, измѣнилось въ цвѣтъ - чвѣтъ съ средними звуками между

и и *и*. Впрочемъ, для меня пока еще неясно, можемъ ли мы предполагать діалектическое сохраненіе *кѣ* передъ *н*, *и*, *ѣ* въ русскихъ говорахъ; не настаивая на этой мысли, я рѣшаюсь предположить, что *кѣ* въ квѣтъ въ однихъ говорахъ (малорусскихъ, бѣлорусскихъ) является подъ вліяніемъ польск. *kwiat*, а въ другихъ (сѣверно- и южновеликорусскихъ) оно восходитъ, черезъ посредство *к'в*, къ *т'в* (ср. діалект. *твѣтъ*) изъ *цѣ*; *ц'в* измѣнилось въ *т'в* въ то время, когда явился законъ объ отвердѣніи *и*; *ц'в* не переходило въ *цв* вслѣдствіе вліянія *ѣ* мягкаго на предшествующій звукъ, вліянія, поддерживавшаго мягкость *и* и въ результатѣ имѣвшаго слѣдствіемъ измѣненіе его въ *т* мягкое, а діалектически въ *с* мягкое (*свѣтъ*).

5) На стр. 311 мы встрѣчаемся со слѣдующими утвержденіями автора: «конечные согласные звонкіе едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія глухихъ *з* и *ѣ*, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка) произноситься глухо, т. е. *ѣ* переходило въ *ѣ*, *з* — въ *с* и проч.». Я не сталъ бы останавливаться на этомъ положеніи автора, если бы во 1-ыхъ онъ не прибавилъ въ скобкахъ: «а можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ русскаго языка», во 2-ыхъ, если бы на стр. 312 мы не встрѣтили совершенно противоположнаго утвержденія; а именно здѣсь говорится о томъ, что «мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія *з* и *ѣ* звучали, не переходя въ глухіе согласные». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правда высказана авторомъ не на 311-й, а на 312-й страницѣ. Дѣйствительно, малорусскіе, а также нѣкоторые великорусскіе говоры до сихъ поръ сохраняютъ конечные согласные звонкими (*суд*, *мѣд* не *сут*, *мѣт*), являясь въ этомъ случаѣ архаичнѣе большинства великорусскихъ, а также бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ уже совершилось измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ глухія. Ассимиляція звонкихъ согласныхъ глухимъ, о которой говоритъ г. Будде, напр. въ случаяхъ *бес* печали, *ис* корабля, ни въ коемъ случаѣ не доказываетъ

потери *конечными* согласными своей звонкости, не говоря уже о томъ, что собственно без, из, въз и другіе подобные предлоги могли быть получены еще въ общеславянскомъ языкѣ безъ конечнаго *з*. Въ виду всего этого авторъ правъ, когда находитъ возможнымъ неслоговое *у* въ діалект. *годоу*, *короу* возводитъ къ звуку *с*, еще не измѣнившемуся, вслѣдствіе своего положенія въ концѣ слова, въ *ф*. Впрочемъ, можетъ быть, вопросъ о появленіи неслогового *у* въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ (какъ *дѣука*) надо совершенно отдѣлять отъ вопроса о чередованіи звонкихъ и глухихъ согласныхъ. Исслѣдованіе г. Будде, какъ мы еще разъ укажемъ ниже, весьма убѣдительно доказываетъ возможность того, что *кароу*, *дѣука* восходятъ къ такимъ общерусскимъ (можетъ быть, діалектическимъ) формамъ, гдѣ *у* или *W*, а не *с*, звучало еще передъ *з*: *кароуъ*, *дѣука*, ср. совр. *у* вм. в въ положеніи передъ гласными (*залѣуак*, *уѣрах*, *уялят* и т. д.).

б) Страницы 227—234 посвящены интересному вопросу о появленіи звука *а* (*я*) изъ *и* въ касимовскихъ говорахъ. Съ первыхъ же строкъ своего изслѣдованія объ этомъ явленіи, г. Будде утверждаетъ, что «касимовскія формы въ родѣ *даля*, *сѣяля* (вм. *дали*, *сѣяли*) и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ 'а°, т. е. звукомъ, который по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышатся, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою *ь* въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на — *ль*». Вѣроятно, авторъ тутъ же упустилъ изъ виду, что это не болѣе, какъ предположеніе, пока еще ничѣмъ не доказанное, потому что вслѣдъ за приведенной фразой онъ дѣлаетъ выводъ о томъ, что конечное *ь* этихъ древнерусскихъ формъ означало звукъ открытый, а не закрытый, основываясь при этомъ на указанномъ діалектическомъ произношеніи этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ. Я рѣшительно не понимаю, почему мы должны отождествлять совр. южновеликор. *даля*, *ходаля* съ написаніями *дагѣ*, *ходягѣ* нашихъ древнихъ памятниковъ; не вижу основанія допустить фонетическій переходъ конечнаго звука *и* въ *я* че-

резъ посредство *e* въ эпоху предшествующую аканью (ср. стр. 228 и 229); не могу допустить сопоставленія такихъ формъ съ *есмя*, дворяня (стр. 230), такъ какъ здѣсь *я* восходитъ къ *e*, а не къ *и*. Но всего менѣе ожидалъ я встрѣтить у г. Будде, рядомъ съ указаннымъ фонетическимъ объясненіемъ *даля* (далѣ) изъ *дали*, предположеніе о возможности вліянія на формы какъ *далѣ*, ходилѣ формы глагола *късмь*—*късмя*, при чемъ, несмотря на это вліяніе «въ основѣ своей, все таки, это вліяніе фонетическое». Приводимые ниже примѣры показываютъ, что авторъ предполагаетъ, что «отдали *есме*» перейдя «въ отдали *есмя*» измѣнилось затѣмъ въ «отдала *есмя*», при чемъ отдала *вм.* отдали обязано вліянію *есмя*; «отдала *есмя*» вызвало затѣмъ «отдала *есте*» и въ 3 л. мн. «отдала». Не говоря уже о совершенной невѣроятности вліянія формы *есмя* на форму причастій, противъ этого ясно говорятъ самыя написанія, приводимыя г. Будде: *есмя* спустилѣ, взялѣ *есмя* и т. д.; если-бы въ *есмя* и *взялѣ* въ концѣ слова слышался одинъ и тотъ же звукъ, онъ, конечно, былъ бы выраженъ не двумя различными буквами, а одною и тою же. Не скажу, чтобы мнѣ было совершенно ясно происхожденіе древнерусскихъ причастныхъ формъ на—лѣ, не утверждаю, чтобы вопросъ о происхожденіи конечнаго *я* *вм.* и въ южновелик. говорахъ былъ бы простъ для разрѣшенія, но, къ сожалѣнію, долженъ признать, что г. Будде нисколько не приблизилъ насъ къ желательной истинѣ. Я думаю, что осторожность требуетъ отъ изслѣдователя: 1) отказаться отъ сопоставленія др.-русскихъ формъ *далѣ*, *взялѣ* съ совр. *даля*, *взяля*, 2) остаться при объясненіи А. И. Соболевскаго причастныхъ формъ на—лѣ, т. е. видѣть въ нихъ нефонетическую замѣну и черезъ *ь* подъ вліяніемъ чередованія формъ *вин. мн. моѣ*, *князѣ*, *конѣ*, *мужѣ* съ формами *им. мн. мои*, *князи*, *кони*, *мужи*, 3) допустить фонетическій переходъ еще въ эпоху великобѣлорусскаго единства конечнаго неударяемаго *e* (очень открытаго еще въ общерусск. языкѣ въ этомъ именно положеніи) въ *я*, что должно объяснить формы какъ *естя*, *есмя*, *спітя* и т. д., 4) пермское окончаніе дат. твор. мн. на *мя* (тѣмя,

всемя, аленькими) толковать такъ же какъ окончаніе *мя* въ совр. литер. двумя, т. е. видѣть здѣсь результатъ вліянія формъ съ окончаніемъ *ми* на основное окончаніе (по происхожденію двойств. числа) *ма*, 5) касимовскія дѣля, сѣяля, мосал. кусаля, касим. дѣхья (им. мн.), ядѣмъ сама, здвумя с рибягьямъ объяснять фонетически изъ дали, дѣфьки и т. д., ср. съ этимъ: бѣрян, павойняк, урядьяк, прѣля въ тѣхъ же говорахъ.

7) На стр. 216 — 220 мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ взглядомъ автора на окончанія *ой*, *ей* при *ый*, *ій* им. вып. ед. ч. именъ прилагательныхъ. Онъ утверждаетъ, что великорусскіе говоры или даже «та часть общерусскаго языка, изъ которыхъ выдѣлились будущіе великорусскіе говоры, должно быть, никогда не знала именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. п. ед. ч. въ определенной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ — *ой*, *ей* (изъ *и*, *и*)! До сихъ поръ большинство изслѣдователей объясняло наши слѣпой, кривой изъ предполагаемыхъ слѣпый, кривый, сопоставляя съ такимъ измѣненіемъ *ый* въ *ой* переходъ мѣю, крѣю и т. п. въ мою, крою. До сихъ поръ въ наукѣ держится мнѣніе, что общерусскими формами им. вин. падежа надо признавать не слѣпѣи, кривѣи, а слѣпый, кривый; особенно ясно указываютъ именно на такіа общерусскія формы бѣлорусское и малорусское нарѣчія, не знающія окончанія *ой*, а представляющія окончаніе *ий* (*и*); врядъ ли г. Будде согласится возводить эти *ий* (*и*) къ общерусскому *и*, которое, конечно, дало бы въ результатѣ *ой*, подобно тому какъ общерусское *и*, напр. въ формахъ им. вин. пад. именъ существительныхъ или въ окончаніи род. пад. мн. числа, дало въ бѣлор. и малор. не *ій* (*и*), а *ей* (соловей, гусей). Происхожденіе такого *и* новое: оно явилось въ общерусскомъ языкѣ на мѣстѣ общеслав. языка *и* не фонетически (ибо *и* сохранялось безъ измѣненія, напр. въ повел. пей, въ оконч. прилаг. синий), а подъ вліяніемъ формы другихъ падежей тѣхъ же именъ (соловья, которое вм. соловия, гусьмъ). Въ силу этихъ соображеній я допускаю существованіе въ общерусскомъ языкѣ формъ какъ слѣпый, кривый, и великор. слѣпой, кривой вывожу изъ

нихъ фонетически. Замѣчу прежде всего, что измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній *ыи* и *ій* должно быть разсматриваемо вмѣстѣ съ измѣненіемъ звуковъ *ы* и *і* передъ *ј* или вѣрнѣе неслоговымъ *і*, за которымъ слѣдуетъ гласная, т. е. что кривій, третій измѣнялись въ кривой, третей одновременно съ переходомъ мью, шія въ мою, шел. Далѣе, самый фактъ перехода *ы*, *и* въ *о*, *е* ясно доказываетъ, что звуки *ы*, *и*, въ положеніи передъ неслоговымъ *і* (или *ј*), звучали иначе, чѣмъ въ другомъ положеніи, а именно, вѣроятно, еще въ общерусскомъ языкѣ, были болѣе открыты, чѣмъ вообще. Наконецъ, *ы*, *и*, вѣроятно, измѣнились въ *о*, *е* не непосредственно, а путемъ постепеннаго измѣненія въ направленіи къ *о*, *е*. Окончательное измѣненіе *ыи*, *ій* въ *ои*, *еи* имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ великорусскаго языка, хотя повидимому еще въ велико-бѣлорусскую эпоху діалектически *ыи*, *ій* успѣли значительно измѣниться въ направленіи къ *ои*, *еи*. Эти оба положенія ясно доказываются изученіемъ современныхъ великорусскихъ говоровъ. Съ одной стороны во многихъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются *ыи*, *ій* безъ измѣненія: сюда относятся прежде всего южновеликорусскіе говоры, сосѣдніе съ бѣлорусскими; такъ въ ельнинскихъ говорахъ Смол. губ. мы найдемъ: выить, мью, аткрый, на шьи, шій (примѣры въ Этн. сб. Добровольскаго), въ мосальскихъ говорахъ Калуж. губ.: накрый, пій, рыеть, разрый, сшыешь (вм. сошьешь), умыйтесь и т. д., въ жиздринскихъ говорахъ той же губ.: ныить, раскрыисся, шыють, накрыуть, мью (съ діалект. опущеніемъ неслогового *і*). То же произношеніе извѣстно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи (я самъ наблюдалъ его въ Брянскомъ уѣздѣ), а также Курской. Наконецъ, въ послѣднее время оно указано и для Воронежскаго и Павловскаго уѣздовъ, при чемъ нѣтъ основанія видѣть здѣсь малоруссизмы: помыи, выить, ныить, крыить, мыить (см. прекрасное изслѣдованіе К. Филатова, Очеркъ народныхъ говоровъ Ворон. губ., въ Русск. Фил. Вѣстн. за 1897 г.). Нельзя не отмѣтить, что во всѣхъ этихъ говорахъ въ окончаніи им. вин. п. именъ прилагательныхъ вм. *ыи* мы най-

демъ *ой* подъ удареніемъ: въ виду сохраненія ѡ въ случаяхъ какъ крыю, мыю, мый, ясно, что такое *ой* нельзя возводить фонетически къ окончанію *ый*; поэтому мы должны объяснять *ой* этихъ говоровъ или заимствованіемъ изъ другихъ сосѣднихъ говоровъ, гдѣ рядомъ съ *мою*, *крою* явились фонетически кривой, сухой, или вліяніемъ на форму им. вин. ед. формъ прочихъ падежей прилагательныхъ, т. е. что измѣненіе—кривѣй, храмѣй въ кривой, храмой обявано вліянію формъ кривого, храмоу. Мнѣ, кажется, вѣроятнымъ допустить именно такое объясненіе формъ на *ой* напр. для смоленскихъ и калужскихъ говоровъ. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что фонетически *ый* измѣнилось именно въ *ой* далеко не во всѣхъ великорусскихъ говорахъ: вм. ожидаемаго *ой* мы находимъ во многихъ изъ нихъ *эй*, ср. диалектическое *эй* вм. *ый* и въ бѣлорусскихъ говорахъ. Въ настоящее время замѣна *ый* черезъ *эй* отмѣчена не только въ южновеликорусскихъ, но также и въ сѣверновеликор. говорахъ. Такъ, по указанію г. Филимонова, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вытегорскаго уѣзда обыкновеннымъ произношеніемъ оказывается: баскѣй, добрѣй, прѣснѣй, тѣснѣй, худѣй, старѣй, цѣрствѣй (Изв. II Отд. И. А. Н., I, стр. 565, 569); по сообщенію г. Георгіевскаго, такое же произношеніе наблюдается въ южной части Петрозав. уѣзда: воронѣй, слѣпѣй, гнѣдѣй, высокѣй (Извѣстія, II, стр. 248); въ области южновеликор. нарѣчія отмѣтимъ ельнинск. палявѣй, маладѣй, лисавѣй, святѣй, чужѣй, дѣупѣй. Въ Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ, какъ отмѣчено, окончаніемъ им. ед. именъ прилаг. является *ой*, но рядомъ существуетъ произношеніе: мыю, крыю; въ югозападномъ углу Жиздр. у (Милѣвская и др. волости) находимъ произношенію мэю, крэю, накрѣй и др., при чемъ точнѣе было бы передать ударяемый звукъ въ этихъ и подобныхъ словахъ черезъ букву *ө*. Рядомъ съ этой диалектической особенностью говора, на востокъ отъ котораго слышится уже *мою*, *крою*, а на западъ *мыю*, *крыю*, мы находимъ въ мосальскихъ и жиздринскихъ говорахъ указаніе на то, что и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ окончаніе *ый* фоне-

тически измѣнилось въ *эй*. А именно въ этихъ говорахъ обыкновеннымъ, преобладающимъ окончаніемъ род., дат., мѣст. и твор. ед. именъ прилагательныхъ является *эй*: жиздр. р. ед. аднѣй, святѣй, маладѣй, мѣстн. ед. на чужей старанѣ, у дру҃ѣй избѣ, тв. ед. тѣй же недѣлей, бѣлѣй (а также бѣлѣу) берѣзоу, плохю долею, водѣу морскѣу, мосальск.: тѣ же и другія, подобныя имъ формы. Такое же *эй* вм. ой паходимъ въ ельнинскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ и въ им. ед. прилагательныхъ извѣстно окончаніе *эй*; также въ Петрозаводскомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, преобладающимъ окончаніемъ им. ед. оказывается *эй*. Ср. петроз.: подѣ ногѣй, съ бабѣй, отъ злѣй собаки, отъ молодѣй жены, на высокѣй сосны (сообщеніе Георгіевскаго), вытегор.: пшонѣй, съ тобѣй, мѣстн. ед. молѣдѣй, дѣбрѣй, на густѣй травы, на другѣй жены (сообщеніе Филимонова). Звукъ *э* въ указанныхъ окончаніяхъ явился не изъ *о*, иначе мы бы ждали стѣй, рѣй, вѣйско; что онъ восходитъ къ звуку *ы*, ясно доказывается тѣмъ, что рядомъ съ нимъ видимъ *эй* въ им. ед. прилагательныхъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ возводить окончаніе *эй* всѣхъ указанныхъ формъ къ *ыѣ*, *ый* (окончаніе род. п. ед. ч.), при чемъ молодой вм. молодыѣ, чередуясь съ молодой вм. молодѣ, вызывало молодѣй при молодой въ дат., мѣстн. и даже въ твор. пад. Въ виду такого объясненія окончанія *эй*, а также того, что въ им. ед. *эй* можно понять только какъ фонетическое измѣненіе дифтонга *ый*, слѣдуетъ, думаю, допустить, что во всѣхъ говорахъ, гдѣ въ настоящее время встрѣтится окончаніе *эй*, дѣйствовалъ нѣкогда фонетическій законъ о переходѣ *ы* передъ неслоговымъ *і* (*й* и *і* отированными гласными) въ *э* (вѣроятно, черезъ посредство *ѳ* открытаго, откуда въ другихъ великорусскихъ говорахъ *о*). Отсюда надобно бы вывести еще рядъ заключеній: 1) говоры, въ которыхъ рядомъ съ *эй* въ аднѣй, маладѣй извѣстно въ им. ед. прилагательныхъ окончаніе *ой* (маладой), заимствовали *о* вм. *э* изъ формъ род., дат., мѣстн. ед. числа (маладого и т. д.); сюда относятся мосальскіе, жиздринскіе, а частью и ельнинскіе говоры, гдѣ рядомъ съ *эй* извѣстно и *ой*; 2) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ *эй* въ им. ед.

молодэй или въ род. ед. однэй, существуетъ произношеніе *мыно*, *крыю*, *рыи* и т. п. сохранили ы подъ вліяніемъ формъ *рыти*, *крыль*, *мыла* (ср. *знаю* при *знать*, *знали*); сюда относятся *мосальскіе*, *жиздринскіе*, *ельнинскіе* говоры; 3) говоры, въ которыхъ, рядомъ съ *эй* въ им. ед. *молодэй* или въ род. ед. *однэй*, извѣстно произношеніе *мою*, *крою*, *рой*, заимствовали его изъ сосѣднихъ говоровъ; сюда относятся *петрозаводскіе* и *вытегорскіе* говоры, если только въ нихъ дѣйствительно не встрѣчается *мэю*, *крэю*, *рэй*; 4) звукъ *і* въ положеніи передъ неслоговымъ *і* въ говорахъ, измѣнившихъ ы въ *э*, не измѣнялся параллельно въ *е*, а сохранялся какъ *і*, ср. *мосальск.* и *ельнинск.* *шію*, *шія*, при чемъ *е* въ *лей*, *бей*, *пей* (повел. *накл.*) объясняется изъ *е* не фонетически, а тѣмъ, что въ языкѣ существовало чередованіе между ударяемымъ звукомъ *е* въ однихъ формахъ и отсутствіемъ его въ другихъ, между тѣмъ какъ чередованіе звука *и* съ отсутствіемъ звука было вообще неизвѣстно (ср. *лев* — *льва*, *весь* — *всѣ* съ *лэй* при *лю*).

Во всякомъ случаѣ звуковое сочетаніе *эй*, такъ же какъ *ой*, приводитъ насъ къ первоначальному сочетанію *ыи*.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній ясно, что окончаніе *ыи* нашихъ письменныхъ памятниковъ не можетъ быть, согласно мнѣнію г. Будде, разсматриваемо только какъ графическое изображеніе живого произношенія *ой*. Внимательное изученіе памятниковъ покажетъ въ будущемъ, насколько возможно по письменнымъ даннымъ нашего прошлаго судить о времени измѣненія звука *ы* въ положеніи передъ неслоговымъ *і*; теперь уже ясно, что оно случилось во всей области великорусскаго нарѣчія не одновременно, а въ разныя эпохи и при различныхъ условіяхъ; отмѣтимъ здѣсь вопросы, связанные съ ударяемостью и неударяемостью такого *ы*, а также вопросъ о томъ, случился ли окончательный переходъ *ы* въ *о* послѣ измѣненія сочетаній *кы*, *мы*, *хы* въ *ки*, *ми*, *хи* или до него; говоры, представляющіе произношеніе *сухой*, *крѣпкій*, *вѣроятно*, указываютъ на измѣненіе *кыи*, *хыи*, *мыи* (еще не перешедшихъ въ *кіи*, *хіи*, *міи*) въ *кой*, *хой*,

юй, а говоры, гдѣ, рядомъ съ ловкой, морской, извѣстны и ловкѣй, морскѣй, указываютъ, конечно, на то, что, въ эпоху перехода *юй* въ *ой*, ловкый звучало уже какъ ловкій: отсюда ловкѣй, а подѣ влияніемъ ловкого, ловкому—ловкѣй.

III.

Къ сожалѣнію, я долженъ прекратить нашу научную бесѣду: мы слишкомъ отклонились бы отъ прямой задачи разбора—дать критическую оцѣнку изслѣдованія г. Будде. По объѣмъ предыдущимъ главамъ можно составить себѣ лишь слабое понятіе объ этой книгѣ: я приводилъ только то, съ чѣмъ по моему мнѣнію нельзя въ ней согласиться, оставляя совершенно въ тѣни положительныя стороны почтеннаго труда. Не надѣюсь и въ этой части разбора успѣть въ достаточной степени выставить на видъ все то, что можно признать достоинствами сочиненія ученаго автора. Ограничусь поэтому указаніемъ на нѣсколько положеній и нѣсколько данныхъ, дѣлающихъ разбираемую нами книгу цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей русскаго языка.

Въ области фактовъ г. Будде знакомить насъ съ такими явленіями касимовской рѣчи, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны; нѣкоторыя изъ нихъ проливаютъ совершенно новый свѣтъ на взаимныя отношенія русскихъ говоровъ.

Такъ мы узнаемъ теперь о произношеніи на крайнемъ сѣверо-востокѣ южновеликорусской области нал'ють, селен'ня вм. нальють, селенья (стр. 194), пахмѣля вм. пахмѣлья (стр. 114). Авторъ справедливо сопоставилъ это рѣдкое, по его замѣчанію, явленіе съ бѣлор. и малор. произношеніемъ, а также съ налю, вугаля, замирѣння курскихъ говоровъ. Подобное же произношеніе, какъ извѣстно, является на западѣ, въ южновеликор. говорахъ, пограничныхъ съ бѣлорусскими (ср. мосальск. и жиздр. бѣл'лѣ, крыл'ля, сучча, брат'тя, лошад'дѣ, бад'дю, суд'дѣ, л'лю,

Оядѣс'ся, свѣн'нямъ и т. д.): теперь, благодаря наблюденію г. Будде, надо, конечно, отказаться отъ мысли, что въ подобномъ произношеніи курскихъ и калужскихъ говоровъ сказалось бѣлорусское вліяніе. Дѣйствительно, измѣненіе группы согласная + *j* въ двойную согласную, откуда и одна согласная, вслѣдствіе упрощенія, не находится въ какомъ нибудь несогласіи съ основными чертами великорусской фонетики; такъ, повидимому, общимъ великорусскимъ явленіемъ слѣдуетъ признать измѣненіе согласной + *j* въ одну согласную въ положеніи этой группы передъ звукомъ *i*; общерусскія птичьи, божьи, козьи, третьи (ср. древнерусск. третьи) измѣнились во всѣхъ великорусскихъ нарѣчьяхъ въ птичій, божій, козій, третій, при чемъ при новыхъ формахъ им. падежа явились и новыя формы косвенныхъ падежей: птичья, третья в.м. птичьяя, третьяя. Въ нѣкоторыхъ, даже сѣверновеликорусскихъ говорахъ, извѣстно произношеніе третій съ двумя *m*, что, конечно, являясь архаизмомъ, сравнительно съ третій, должно быть сопоставлено съ третій, треття мосальскихъ говоровъ.

Немаловажнымъ открытіемъ слѣдуетъ признать замѣченные г. Будде дифтонги и долгія гласныя въ касимовскихъ говорахъ; весьма важно, что г. Будде рѣшился сопоставить ихъ съ дифтонгами и долготами вятскихъ говоровъ; наука ждетъ отъ Е. О. и отъ будущихъ изслѣдователей подробнаго и параллельнаго разсмотрѣнія относящихся сюда въ обоихъ говорахъ явленій. Пока не рѣшаюсь высказать своего мнѣнія о касимовскихъ долготахъ; ставлю въ заслугу г. Будде, что и онъ не сдѣлалъ какой-нибудь рѣшительной попытки связать русскія долготы съ долготами другихъ славянскихъ нарѣчій. Я не вижу изъ приводимыхъ имъ данныхъ, чтобы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь окончаніе или слово непременно произносилось всегда съ долгой или краткой гласной: количество гласной положительно зависитъ отъ условій, въ которыхъ слово находится въ связной рѣчи. Жаль, что въ образцахъ рѣчи, находящихся въ 1-омъ Приложеніи къ книгѣ г. Будде, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ отмѣчена долгота; за-

мѣчу, кстати, что сравненіе записей съ примѣрами, приводимыми въ 1-ой главѣ I части, ясно доказываетъ, что долгота зависитъ отъ нѣкоторыхъ субъективныхъ причинъ, той или другой степени ударенія на словѣ, того или другого отгѣнка въ интонаціи ит. п.; ср. на стр. 336: вѣску-ту *мно́уа*, а на стр. 34: вѣску-ту *мно́уа*, на стр. 334: рыбы-ти *мно́уа* у нас; стр. 34: улы-ти *тѣжа*, а на стр. 337: жѣньшыны-ти *тѣжа*; на стр. 33: *де'шѣвай*, а на стр. 34: *де'шѣвай* и т. д. Жаль также, что замѣчаніе автора объ особой пѣвучести говоровъ нѣкоторыхъ волостей (прим. на стр. 80) не поставлено въ связь съ вопросомъ о долготѣхъ.

Весьма важно указаніе автора на произношеніе игра́ют, при́д'уот, вздума́ют—формъ 3 л. ед. ч. съ дифтонгомъ *уо*; *уо* совершенно правильно объясняется растяженіемъ звука *о*, ср. рядомъ съ ними формы, какъ при́дет, хѣ́ет. Въ подобныхъ формахъ на -уот, -ѣт г. Будде видитъ указаніе на то, что касимовскіе говоры нѣкогда не акали, т. е. не обращали неударяемаго *о* въ *а*; ср. существующія теперь при нихъ же формы, какъ будят, выткят, ля́жат, ска́жат (стр. 77). Это указаніе автора однородно съ цѣлымъ рядомъ другихъ его замѣчаній относительно того, что прошлое касимовскихъ говоровъ не соотвѣтствовало ихъ настоящему, приближаясь звуковой стороною къ окающимъ, сѣвернорусскимъ говорамъ. Знакомство съ описаннымъ г. Будде говоромъ произвело на меня такое же впечатлѣніе, и я согласенъ съ нимъ, когда онъ говоритъ, что аканье касимовскаго говора явленіе позднѣйшее, занесенное съ юга (стр. 260, 88, 330), заимствованное изъ сосѣднихъ акающихъ говоровъ; согласенъ и съ тѣмъ, что къ исконнымъ чертамъ касимовскаго говора, принадлежавшаго къ группѣ сѣверновеликор. говоровъ, должно причислить *з* (а не *γ*), при чемъ встрѣчающееся рядомъ *γ* надо считать заимствованіемъ изъ тѣхъ же южнорязанскихъ говоровъ (ср. стр. 20, 177 и др.); считаю также правильнымъ утвержденіе автора, что чѣканье и цоканье касимовскихъ говоровъ ближайшимъ образомъ роднитъ ихъ съ сѣверновеликорусскими говорами (стр. 20); сѣверно же великорусскою чертою надо

признать произношеніе *ae* и *a* вм. *ae*, *ai* (хватаэт, чита́т, ср. стр. 46); измѣненіе ударяемаго *a* (*я*) между мягкими согласными въ *e*, въ случаяхъ какъ грезь, взеть, петера, преники, аддидеим (стр. 97, 98), вѣроятно также сѣверная черта; сюда же справедливо относятся авторомъ *m* твердое въ 3 л. ед. и мн. (стр. 143) и измѣненіе ударяемаго *ъ* въ *и* (стр. 90, 91); произношеніе *тибѣ*, *минѣ* несомнѣнно также характеристично для сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Соображая всѣ эти фонетическія особенности, г. Будде съ полнымъ основаніемъ приходитъ къ заключенію, что касимовскіе говоры въ значительной степени представляютъ образцы смѣшанныхъ, нечистыхъ говоровъ (стр. 81). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ у него же въ нѣсколькихъ мѣстахъ его книги указаніе на то, что считать касимовцевъ переселенцами съ сѣвера нельзя, что напротивъ они должны быть признаны давнишними поселенцами рязанскаго края, испытавшими значительное вліяніе сосѣднихъ, а именно южнорязанскихъ говоровъ. Такіе выводы автора я считаю весьма цѣннымъ приобращеніемъ для науки о русскомъ языкѣ и охотно ставлю ихъ на ряду съ нѣкоторыми обобщеніями нашихъ лучшихъ изслѣдователей, — давшими возможность, на основаніи данныхъ языка, говорить о первоначальной группировкѣ русскихъ нарѣчій и о причинахъ, вызвавшихъ появленіе той новой картины, которая развертывается теперь передъ наблюдателемъ. Вслѣдъ за авторомъ, мы заключаемъ, что Касимовскій уѣздъ былъ занятъ нѣкогда сѣверными великороссами и что лишь позже имъ пришлось испытать на себѣ вліяніе южныхъ великороссовъ; слѣдовательно, врядъ ли можно допустить, чтобы касимовскіе говоры издавна были пограничными между областями сѣверновеликорусскаго и южновеликорусскаго нарѣчій, были переходными говорами отъ одного изъ этихъ нарѣчій къ другому. Переходный говоръ нельзя было бы характеризовать такъ, какъ г-ну Будде удалось опредѣлить касимовскіе говоры: это, по его словамъ, говоры въ основаніи своемъ сѣверновеликорусскіе, испытавшіе на себѣ вліяніе южныхъ говоровъ. Слѣдовательно, авторъ правъ, расширяя первоначальную

границу сѣверновеликорусскаго нарѣчія: я думаю, что съ полнымъ основаніемъ можно будетъ современемъ отнести весь древній рязанскій край къ области сѣверновеликорусской; борьба со степью и татарское нашествіе отодвинули древнія племена, первоначальныхъ поселенцевъ къ сѣверу и сѣверовостоку, а ихъ мѣсто заняли вытѣсненныя съ юга и югозапада племена, вызвавшія своимъ движеніемъ паденіе Кіева и перенесеніе центра русской жизни въ бассейнъ рѣки Оки. Касимовцы—это остатки древне-русскаго населенія, а населеніе южныхъ уѣздовъ рязанской губерніи—это пришлецы съ юга и югозапада, занявшіе области, опустошенныя княжескими усобицами, половецкими набѣгами и нашествіемъ татаръ. Не нахожу ничего невѣроятнаго и въ другомъ предположеніи автора, что первоначальное населеніе рязанской и смежныхъ областей двинулось подъ напоромъ неблагоприятныхъ условій къ сѣверовостоку и заселило собою Вятскую область: во всякомъ случаѣ г. Будде провелъ слишкомъ убѣдительныя параллели между говорами Вятчанъ и Касимовцевъ, чтобы было возможно сомнѣніе относительно особой близости этихъ двухъ племенъ, въ настоящее время не граничащихъ другъ съ другомъ. Сходство между ихъ говорами выражается не только въ такихъ оригинальныхъ чертахъ, какъ присутствіе въ нихъ долготы и дифтонговъ, но и въ болѣе мелкихъ, каковы напр. отмѣченное г. Будде произношеніе лѣхкая, при чемъ пока еще только въ Вятскомъ краѣ извѣстно я въ этомъ словѣ (стр. 48), или замѣна согласныхъ ч, щ, ж въ 1 л. ед. наст. вр. подъ вліяніемъ другихъ лицъ наст. вр. (колотю, носю, ср. стр. 174) и нѣк. др. Населенъ ли Вятскій край дѣйствительно Вятчанами, они ли сидѣли раньше въ Рязанской области и были прямыми предками современныхъ Касимовцевъ, это все вопросы, которые врядъ ли можно рѣшить безъ основательнаго изученія вопроса о заселеніи Вятскаго и Рязанскаго края. Вотъ почему, соглашаясь съ г. Будде относительно характеристики касимовскихъ говоровъ въ отношеніи ихъ къ нарѣчіямъ сѣверно и южновеликорусскимъ, а также съ тѣмъ, что между вятскими говорами и касимов-

это явленіе было извѣстно всему русскому языку и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *е* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимірской, Рязанской и друг. губерній». Кажется, г. Будде правъ и мы не имѣемъ достаточныхъ оснований относить смѣшеніе *ѣ* и *е* на счетъ южновеликор. вліянія. Правда, произношеніе в какъ *ѣ* свойственно нѣкоторымъ южновеликор. говорамъ; такъ напр. въ Мещовскомъ, Мосальскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ мы найдемъ *ѣ* вм. *е* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые отмѣчены выше (Мещовск. Мосальск. *ѣ*осемь, *ѣ*есь, *ѣ*олю, *ѣ*асу, *ѣ*убс, *ѣ*озиш, *ѣ*уольна, *ѣ*еді), при чемъ *е* вообще отсутствуетъ въ языкѣ или произносится не какъ губнозубной, а какъ губногубной звукъ: каро́ва, во́троду, наво́с, во́тки, ба́лувацца, вор, во́сип и т. д.; но отсутствіе мѣны *у* и *е* въ южныхъ рязанскихъ говорахъ (Будде, Къ діалектологіи 41—43), дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе автора о томъ, что черту *е*—*ѣ* надо сопоставлять не съ аканьемъ, не съ *т* мягкимъ въ 3 л., не съ *γ* вм. *г*, а съ остатками оканья, съ смѣшеніемъ *ч* и *ц* и тому подобными явленіями.

Весьма цѣнны указанія автора на случаи, гдѣ вм. *е* мы находимъ *γ*, а вм. *ѣ*—*х*. Произношеніе *γ* баку́, *γ* вадѣ́, *γ* вярху́, *γ* миса́йт, *γ* рабо́ту сопоставляется имъ съ произношеніемъ: *х* тья́лги, *х* пася́ди, *х* по́ля, *х* по́ньках, *х* по́ли и т. д. Поэтому появленіе *γ* въ подобныхъ случаяхъ нельзя сравнивать съ *γ* изъ *г*: *г*. Будде ясно указываетъ (стр. 318), что *г* вм. *е* совершенно неизвѣстно. Въ виду этого *γ* въ *γ* вадѣ́, *γ* вярху́ и т. д. можно смѣло относить къ основнымъ, исконнымъ чертамъ касимовской фонетики и сравнивать его съ слышаннымъ мною въ Петрозав. уѣздѣ Олон. губ. *γ* въ случаяхъ какъ: *γ* воду, *γ* воды́ (въ водѣ́), *γ* мо́рю, ср. тамъ же *х* въ *х* караблѣ́; если мы вспомнимъ, что въ тѣхъ говорахъ Олон. губ., гдѣ отмѣчено подобное произношеніе, замѣчается и смѣна *е* на *у* неслоговое по крайней мѣрѣ́ въ положеніи передъ звонкими согласными (у меня отмѣчено: дере́ѣня, дешёу́ле, ро́уда, удо́вка и нѣк. др.), окажется, что Петрозав. *γ* воды́ и касим. *γ* вадѣ́ должны имѣть одинаковое фонетическое объясненіе, стоящее при томъ въ связи

съ произношеніемъ *е* какъ *у* неслоговое. Я думаю, что о фонетическомъ переходѣ *ѣ* въ *у* не можетъ быть и рѣчи; мы, конечно, ожидалибы въ такомъ случаѣ *у* на мѣстѣ всякаго *ѣ*. Вѣроятноже объяснять *у* изъ *е*, ср. измѣненіе *ѳ* въ *х* не только въ предлогѣ въ, но и въ словахъ какъ сарахан, Трахім, Ахонскай и т. п. Но неясно, какимъ образомъ вм. *ѣ* вадѣ, *ѣ* поліи явилось бы ввадѣ, фполіи. Можетъ быть появленіе *у* и *х* обязано такимъ случаямъ, гдѣ вм. *ѣ*, черезъ посредство *и* неслогового, возникало неслоговое *и*, *ј*: измѣненіе *ѣ* яму, *ѣ* јеравоја поля, *ѣ* јимщика, *ѣ* яго въ јаму, јеравоја, јимщика, јаго съ энергичнымъ (двойнымъ, долгимъ) *ј* (ср. такое *ј*, изображаемое черезъ *у*ъ, *у* г. Будде: *у*ють вм. *вь*ють), появленіе *ј* дереѣню, *ј* лѣс, *ј* мѣшкѣ, *ј* мѣру и т. д. непосредственно вмѣсто *і* лѣс, *і* мѣру (а *і* вм. *и* несл.), вызвали звукъ *у* (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному *ј*) и *х* (твердый звукъ, соотвѣтствующій смягченному *х*¹, глухому отзвуку звонкаго *ј*, напр. *х*¹ печі) передъ твердыми гласными и согласными: рядомъ съ *ј*верху являлось *у* водѣ, рядомъ съ *х*¹ печі—*х* полю. Впослѣдствіи, когда средненѣбныя согласныя измѣнились въ задненѣбныя въ положеніи передъ мягкими зубными (ср. ряз. *лехче* вм. болѣе древняго *лех*¹че) и губными—*ј* мѣру, *х*¹тялѣги измѣнились фонетически въ *у* мѣру, *х* тялѣги. Совершенно аналогично появленіе *х* въ дѣхка, прибаѣхка, пададѣхка (стр. 157): фонетически являлись дѣѣки, прибаѣѣки, пададѣѣкѣ, которыя и вызывали передъ твердымъ *к* звукъ, соотвѣтствующій *і*, *ј*, т. е. *х*: дѣѣки, откуда и дѣх¹ки (дѣхьки, стр. 168), вызвало дѣхка. Замѣчу, что появленіе *х*, *у* вм. предлога *ез* могло имѣть слѣдствіемъ смѣшеніе предлога *ез* съ предлогомъ *кз* (вм. котораго передъ нѣкоторыми звуками *х* и *у*: *х* полю, *у* дому): этимъ объясняется появленіе Петрозав. *у* водѣ вм. къ водѣ; дѣйствительно, измѣненія предлога *ез* вызвали различіе его судьбы въ зависимости отъ слѣдующей согласной: передъ звонкими являлось *у*, передъ глухими *х*; то же перенесено на предлогъ *къ*, вм. котораго *у* стало употребляться не только въ случаяхъ какъ *у* дому, но и въ такихъ какъ *у* водѣ, *у* морю (Петрозав.). Отмѣтимъ здѣсь кстати,

что въ касимовскихъ говорахъ въ род. пад. окончаніемъ является не *ю*, а *во*, *ю*: *явó* 179, *яю* 147, *севó* 337, *ницавó* 336 и т. д.; вотъ почему г. Будде правъ, объясняя на стр. 162 *сяб*, *милобó*, *друубá*, *цаб*, *яб* и т. д. выпаденіемъ *в*, а точнѣ неслогового *й*; въ этомъ измѣненіи *γ* формы род. ед. въ в едва ли не слѣдуетъ видѣть также сѣверновеликорусскую черту, такъ какъ южновеликорусскіе говоры (кромѣ московскаго, гдѣ много особенностей сѣвера), представляющіе произношеніе *з* какъ *γ*, не знаютъ перехода *γ* въ *в*.

Помимо новыхъ данныхъ изъ народныхъ говоровъ, г. Будде предложилъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ соображеній относительно различныхъ фонетическихъ и морфологическихъ явленій касимовскаго говора; я не стану останавливаться на этихъ объясненіяхъ и указаніяхъ автора, такъ какъ простой перечень ихъ врядъ ли поможетъ намъ охарактеризовать общіе приемы автора и выяснить его дѣйствительныя заслуги; подробный же разборъ ихъ слишкомъ увеличитъ объемъ настоящей рецензіи.

Исслѣдованіе г. Будде, какъ видно изъ предшествующаго разбора, посвящено описанію звукового состава касимовскихъ говоровъ. Звуки и звуковыя явленія разсмотрѣны авторомъ съ замѣчательной обстоятельностью; онъ установилъ связь между ними и эпохой общерусскаго языка, проведя систематическое сравненіе ихъ съ звуковыми особенностями другихъ русскихъ говоровъ, современныхъ и древнихъ. Благодаря этому мы находимъ въ трудѣ г. Будде рядъ страницъ, относящихся къ исторіи русскаго языка вообще. Выясненіе звукового состава касимовскихъ говоровъ установило то мѣсто, которое они занимаютъ среди прочихъ великорусскихъ говоровъ, а это привело автора къ замѣчательному выводу о томъ, что нѣкогда область рязанская, или по крайней мѣрѣ сѣверная часть ея, нынѣ акающая, принадлежала

къ обширной области сѣверновеликорусскаго нарѣчія, при чемъ сѣвернорусскіе говоры этихъ мѣстностей измѣнились подъ вліяніемъ сосѣднихъ южныхъ говоровъ, принадлежащихъ племенамъ, можетъ быть, лишь въ послѣдствіи явившимся съ юга. Этотъ главный результатъ изслѣдованія г. Будде нельзя не признать цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго языка. Въ виду этого, а также того замѣчательнаго трудолюбія, которымъ отличается авторъ, тонкой наблюдательности его и тщательности изслѣдованія, я думаю, что недостатки представленнаго имъ на премію сочиненія не могутъ помѣшать Отдѣленію русскаго языка и словесности присудить г-ну Будде премію имени Ломоносова, тѣмъ болѣе что эти недостатки въ значительной степени зависятъ отъ той спѣшности, съ которою ему пришлось работать.

А. Шахматовъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXVI, № 3.

ОТЧЕТЪ

○

ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

ВЪ 1897 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Двѣнадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина.

	СТРАН.
Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 г. Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ . .	1—18

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. « <i>Пѣсь о Роландѣ</i> (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями переводчика (СПБ. 1897)». — Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ	19—68
II. « <i>М. А. Лохвицкая (Жибера). Стихотворенія</i> (М. 1896)». — Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ	64—73
III. « <i>Сочиненія Н. В. Гоюля</i> . Изданіе X-ое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и В. Шенрокомъ (съ приложеніями). Томы VI, М. и СПБ. — VII. СПБ. 1896». — Критическій разборъ А. Н. Пыпина . .	74—86
IV. « <i>Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній</i> . Десять автобіографическихкихъ разсказовъ В. Авенаріуса. СПБ. 1893». — Рецензія В. П. Острогорскаго	87—99
V. « <i>Стихотворенія Екатерины Бекетовой</i> . (СПБ. 1895)». Критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенныя въ порядокъ академикомъ Л. Н. Майковымъ	100—108

ДВѢНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1897 года, предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ордин. академ. А. Ѳ. Бычковымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ текущемъ году поступило 19-ть сочиненій, въ томъ числѣ три перевода въ стихахъ. По предварительномъ ознакомленіи съ представленными сочиненіями, два, признанныя не подходящими подъ правила Пушкинскихъ премій, были исключены изъ конкурса и возвращены авторамъ, пять взяты на разсмотрѣніе членами Отдѣленія, а къ оцѣнкѣ остальныхъ 12-ти были приглашены сторонніе ученые и литераторы. По полученіи къ назначенному сроку рецензій была образована, согласно съ правилами о Пушкинскихъ преміяхъ, комиссія. Она состояла, подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ пяти членовъ Отдѣленія и двухъ постороннихъ лицъ, В. П. Острогорскаго и И. Н. Потапенка. Къ сожалѣнію, остальные приглашенныя въ комиссію лица: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Д. В. Григоровичъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Пыпинъ и К. К. Случевскій не могли, по болѣзни и другимъ причинамъ, принять участія въ засѣданіи.

По прочтеніи въ этомъ засѣданіи доставленныхъ рецензій и внимательномъ обсужденіи ихъ была произведена баллотировка, вслѣдствіе которой два сочиненія: графа де Ла-Барта Пѣснь о Роландѣ — переводъ размѣромъ подлинника — и М. А. Лохвицкой (Жиберъ) Стихотворенія увѣнчаны каждое половиною Пушкинскою преміею. Изданныя В. И. Шенрокомъ VI и VII томы Сочиненій Н. В. Гоголя, Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній, десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса и Стихотворенія Е. А. Бекетовой удостоены почетнаго отзыва.

Оцѣнку стихотворнаго перевода графа де Ла-Барта Пѣсни о Роландѣ принялъ на себя членъ-корреспондентъ Отдѣленія А. И. Кирпичниковъ. Своему отзыву о переводѣ этого древнѣйшаго памятника народнаго французскаго эпоса, воспѣвающаго побѣды, одержанныя Карломъ Великимъ въ Испаніи, и повѣствующаго о боѣ въ ущельяхъ Ронсевала, въ которомъ палъ бретанскій маркграфъ Роландъ, уважаемый рецензентъ предпослалъ краткое историческое обозрѣніе хода переводной литературы въ нашемъ отечествѣ. Это обозрѣніе онъ начинаетъ такъ: «Еще 106 лѣтъ тому назадъ извѣстный труженикъ на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ Россіяне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить на нашъ російскій языкъ «все что презрѣднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Кто не знаетъ съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Ролленя и пр.) или «презрѣднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогатилась переводами всего «презрѣднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а

не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтушіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ».

Къ сожалѣнію, наши дѣды и прадѣды не могли вполне ознакомиться въ этихъ переводахъ съ образцовыми произведеніями иностранныхъ литературъ, такъ какъ стихотворныя произведенія передавались тяжелою прозою; произведенія англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда съ сокращеній и передѣлокъ; не всегда языкъ былъ довольно вразумителенъ, потому что переводчики были недостаточно свѣдуши въ языкѣ, съ котораго переводили, но тѣмъ не менѣе отечественная словесность, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались благодаря этимъ переводамъ.

Пушкинскій періодъ русской литературы до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ, но за то эти переводы несравненно лучше, а иные являются совершенствомъ; даже переводчики романовъ достигали высокаго искусства и почетной, вполне заслуженной извѣстности.

Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ произведеній беллетристическихъ; нѣкоторые изъ нихъ добросовѣстны и удачны, но большая часть ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ Екатерининскаго и Александровскаго времени. Причина этого крайняя небрежность переводчиковъ, работающихъ на-спѣхъ, вслѣдствіе чего болѣе или менѣе требовательные читатели не рѣшаются пользоваться произведеніями русской переводной литературы. Та же торопливость мѣшала приниматься за переводъ обширныхъ эпическихъ произведеній, написанныхъ стихами, но такъ какъ русская публика желала знакомиться и съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія и даже довольно содержательныя изслѣдованія о нихъ.

«Къ серединѣ 1880-хъ годовъ, по словамъ рецензента, положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части читающей публики возрастаетъ, спѣшность въ работѣ слабѣетъ и за

важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, специально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвящать работѣ нѣсколько лѣтъ свободнаго и упорнаго труда. Отъ такихъ, стоящихъ на уровнѣ трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ—Калевалу, Пѣснь о Нибелунгахъ и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣлалъ графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ академикъ А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить двумъ требованіямъ—сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и печать времени, и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ,—и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и по требованію стихотворнаго размѣра вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стиля и образовъ. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать одинъ изъ самыхъ поэтическихъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей». Къ этому отзыву компетентнаго судьи всецѣло присоединился А. И. Кирпичниковъ. Онъ только это сужденіе подкрѣпляетъ приведеніемъ нѣсколькихъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльных мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ по его убѣжденію особенно удачно. Примѣромъ можетъ служить переводъ графа де Ла-Барта начала Пѣсни о Роландѣ по Оксфордскому списку:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
 Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
 И до моря вся горная страна
 Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
 Разбиты башни, грады покорились,
 И стѣны ихъ рассыпались во прахъ.
 Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
 Что на горѣ стояла: царь Марсилій
 Владѣеть ею; въ Бога онъ не вѣритъ, —
 Онъ Аполлину служить, Мухамеду, —
 Но близокъ часъ погибели его.

По мнѣнію рецензента переводчикъ поступилъ цѣлесообразно, съ одной стороны удержавъ не стѣснительный размѣръ оригинала, а съ другой — отказавшись отъ воспроизведеній его ассонансовъ, мало обычныхъ, кромѣ пословицъ, въ русскомъ языкѣ. Нельзя не обратить вниманія на свободное и легкое построение стиха и фразы, которые совсѣмъ не отзываются переводомъ, а производятъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія, и на эффектъ и силу послѣдней строчки въ приведенномъ примѣрѣ, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ оригиналѣ.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ Пѣсни о Роландѣ народнаго и личнаго элемента, пользуется въ строго надлежащей мѣрѣ при переводѣ русскими былинными и пѣсенными оборотами, употребляя тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей поэзіи не поражаютъ необычностью. Затѣмъ А. И. Кирпичниковъ отмѣтилъ нѣсколько случаевъ, гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходится съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по его убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Указавъ нѣсколько трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно, рецензентъ перечисляетъ тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, переведены не удачно или не вполне удачно. При этомъ онъ былъ на столько требователенъ,

какъ будто графъ де Ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій. Всѣ эти замѣчанія имъ сдѣланы въ надеждѣ, что они обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ.

Обращаясь къ введенію и примѣчаніямъ, присоединеннымъ переводчикомъ къ его труду, многоуважаемый рецензентъ замѣчаетъ, что степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика и читателя не въ правѣ сѣтовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы на столько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Если же переводчикъ не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія, то ему слѣдовало бы указать читателю, гдѣ можетъ онъ найти удовлетворительныя историко-литературныя свѣдѣнія о поэмѣ. Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библиографическихъ указаній, интересныя и цѣнныя соображенія переводчика, высказанныя въ введеніи, о сліянніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго, кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла. Что касается примѣчаній, то количество ихъ для такого древняго памятника у графа де Ла-Барта слишкомъ ограничено, и они носятъ, какъ кажется, нѣсколько случайный характеръ.

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ графа де Ла-Барта, какъ введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ, хотя бы краткимъ, разборомъ поэмы, такъ и примѣчанія будутъ отличаться болѣею полнотою и равномѣрностью.

Въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода графа де Ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности оригиналу, такъ и со стороны художественной, рецензентъ полагалъ, что тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполне заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина. Комиссія, вполне соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ А. И. Кирпичниковымъ, единогласно признала переводъ Пѣсни о Роландѣ заслуживающимъ половинной Пушкинской преміи.

Разборъ Стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберъ) представилъ, по просьбѣ Отдѣленія, нашъ членъ-корреспондентъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ книгѣ помѣщено болѣе ста стихотвореній, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1889 по 1895 годъ включительно и раздѣленныхъ на четыре отдѣла, но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное.

Всѣ стихотворенія г-жи Лохвицкой (Жиберъ), — говоритъ рецензентъ, — имѣютъ одно содержаніе, содержаніе это исчерпывается словомъ «любовь»; они, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это, старое какъ міръ, какъ человѣчество, чувство. Но мы далеки отъ того, чтобы ставить это однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскусственно-простъ, читается легко и также легко запоминается — несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство приѣмъ, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ.

Какъ образецъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, графъ Голенищевъ-Кутузовъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе:

Если-бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
 Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
 Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
 И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

* * *

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
 Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
 Я достала-бъ его, не боясь ничего,
 Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

* * *

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
 И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
 Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
 На рукѣ у меня заблестало-бъ оно!

* * *

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоємъ,
 День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
 Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
 Только мной трепетало и билось оно!

* * *

Нельзя — говорить рецензентъ, самъ выдающійся поэтъ, — въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ.

Конечно, это одно изъ лучшихъ стихотвореній Сборника; встрѣчаются въ немъ и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя, но такихъ немного. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой слѣдуетъ отнести неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ риѣмъ, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и неприятнымъ чередованіемъ шести-, пяти- и четырехъ-стопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ».

Если къ этому прибавить встрѣчающееся кое-гдѣ отсутствіе обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ и нѣкоторые промахи въ родѣ употребленія слова «плечей» вмѣсто «плечь», то этикъ исчерпываются всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя ко внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, рецензентъ замѣчаетъ, что посвященное почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной, содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по построенію, по краскамъ, по освѣщенію и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью напѣва и повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью, но сами они до безконечности разнообразны, и притомъ взятые въ отдѣльности почти всегда просты, оригинальны и жизненны.

Приведенныя рецензентомъ стихотворенія не только поясняютъ, но и доказываютъ все это.

Небольшая поэма «У моря» и стихотвореніе «Эллада», по мнѣнію рецензента, даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія не лишеныя достоинства. Оба названныя стихотворенія, въ которыхъ видно такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ, и, наконецъ, яркость образовъ, положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію поэтессы, и было бы жаль, если бы она пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой.

Встрѣчаются у г-жи Лохвицкой стихотворенія, правда не многочисленныя, въ которыхъ она, со свойственною ей искренностію, выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовію, чувство стремленія къ чему-то высшему и лучшему. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ разборѣ приводитъ стихотвореніе «Сумерки», само по себѣ превосходное, изящное по построенію и подающее надежду, что поэтической кругозоръ писательницы расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ:

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья...

* * *

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... ключья свѣта...
И блѣдныхъ образовъ черты,
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

* * *

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что было такъ давно...
Что было отжито когда-то...

* * *

По поводу этого стихотворенія рецензентъ выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы настроеніе, съ такою удивительною тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи, было предвѣстиемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «ключья свѣта» превратились въ *настоящія мысли и настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только какъ

алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды.

По мнѣнію рецензента, Стихотворенія г-жи Лохвицкой вполне достойны Пушкинской преміи. Комиссія присудила г-жѣ Лохвицкой половинную премію имени А. С. Пушкина.

Для разбора представленныхъ на соисканіе Пушкинскихъ премій VI и VII томовъ 10-го изданія Сочиненій Н. В. Гоголя, напечатанныхъ подъ редакцію Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, Отдѣленіе обратилось къ содѣйствію своего члена-корреспондента А. Н. Пыпина.

Предварительно разбора этихъ двухъ томовъ, рецензентъ изложилъ соображенія Н. С. Тихонравова, которыми онъ руководился при 10-мъ изданіи Сочиненій Гоголя. Они состояли въ установленіи правильнаго ихъ текста и въ возможной полнотѣ собранія, необходимой для основательнаго историческаго изученія произведеній и личности поэта.

Извѣстно, — говоритъ А. Н. Пыпинъ, — какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ комментаріи и варианты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ. Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Смерть застигла его среди работъ надъ шестымъ томомъ. Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, уже многіе годы посвящавшаго свой досугъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя. Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, ббольшая часть котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна его программу изданія, которую высоко цѣнилъ: точно такъ же онъ печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варианты, и точно такъ же старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія.

Примѣчанія редактора и варианты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI томѣ страницы 542—827, за исключеніемъ исторіи текста Ревизора (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варианты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей — страницы 829—947; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію, составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ почти 140 страницъ. Таковъ внѣшній объемъ работы. Собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій потребовало отъ г. Шенрока большого труда. Съ такимъ же стараніемъ — заявляетъ рецензентъ — исполнилъ онъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находитъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ особенно подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба». Обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора», первоначальной редакціи «Коляски» и др. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ душъ».

Заканчивая изданіе, начатое Н. С. Тихонравовымъ, г. Шенроку пришлось строго держаться конспекта своего предшественника относительно того, что должны были заключать VI и VII томы, и способа изданія. Небольшія отступленія отъ плана, допущенныя г. Шенрокомъ, и не значительны и могутъ быть вполне оправданы.

Весь основной трудъ по изданію въ этихъ двухъ томахъ произведеній Гоголя, его набросковъ и замѣтокъ, частью вариантовъ извѣстныхъ ранѣе сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ — говоритъ рецензентъ — исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно, и достаточно взглянуть на безконечные списки вариантовъ, чтобъ оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ и самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ вариантовъ, но эти недостатки нисколько не умаляютъ достоинства изданія. Въ цѣломъ внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ полного уваженія. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя, и г. рецензентъ съ своей стороны считалъ бы справедливымъ — если то будетъ возможно по другимъ условіямъ — вознаградить сложную работу г. Шенрока по изданію VI и VII томовъ Сочиненій Гоголя полною премією.

Комиссія, раздѣляя вполне мнѣніе рецензента о заслугахъ г. Шенрока по изданію двухъ послѣднихъ томовъ полнаго собранія сочиненій Н. В. Гоголя и о достоинствѣ его труда, тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ достаточныхъ суммъ и въ виду 9 пункта правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина, принуждена выразить г. Шенроку свое одобреніе лишь присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

Разсмотрѣніе представленнаго на соисканіе Пушкинскихъ премій сборника В. П. Авенаріуса: автобіографическихъ разсказовъ подъ заглавіемъ «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, В. П. Острогорскій, который и представилъ въ Отдѣленіе подробный разборъ этого сочиненія.

Въ дѣтской беллетристикѣ приблизительно до 1860-хъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, господствовала надоѣдливая мораль, сентиментальность, искусственность; писавшіе для дѣтей почти никогда не отличались талантливостью художника, и дѣтскія книги не давали почти ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Мало-мальски даровитыя дѣти не любили этой

«своей» литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣнились и требованія отъ дѣтской книги. Къ ней предъявляются теперь уже тѣ же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. Въ настоящее время изъ беллетристики признаются годными для дѣтей единственно только тѣ произведенія, которыя, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждаютъ въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, и въ то же время могутъ быть занимательными и художественными и для взрослыхъ.

Среди писателей этой новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ уже много лѣтъ занимаетъ В. П. Авенаріусъ. На литературное поприще онъ выступилъ еще въ 1865 году и съ 1870-хъ годовъ почти всецѣло посвящаетъ свой талантъ юношеству. Его оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги «Отроческіе» и «Юношескіе годы А. С. Пушкина», одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами рускаго юношества.

«Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, говоритъ рецензентъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ дѣтскую или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполне естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ, къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавшаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подрастающихъ поколѣніяхъ».

«Листики», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ

вполнѣ автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя родовыя воспоминанія о своихъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ,— о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренне, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти вовсе не касается, и заключаетъ свои рассказы неожиданной смертью, отъ холеры, любимаго отца.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ содержаніемъ книги, рецензентъ заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами:

«Если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно таковымъ, причемъ она, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ право признать эту книгу вполнѣ достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

... что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ...»

Принимая во вниманіе вышеизложенныя замѣчанія г. рецензента, Комиссія признала представленный на соисканіе Пушкинскихъ премій трудъ В. П. Авенаріуса «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» заслуживающимъ почетнаго отзыва.

Разборъ стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Апол-

лону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ онъ самъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ успѣлъ однако заняться просмотромъ Сборника Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, все натурально, и что всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы безсознательное, натура неизломанная. Къ книжечкѣ можно приписать строки, находящіяся въ стихотвореніи «Ожиданіе»:

А въ роцѣ молодой, прохладной и тѣнистой,
 Душистыхъ ландышей селеніе растетъ;
 Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
 Волшебный ароматъ далеко разольетъ. . .

Противъ этого стихотворенія Аполлонъ Николаевичъ написалъ: «мило и оригинально», и дѣйствительно оно принадлежитъ къ числу наиболѣе своеобразныхъ произведеній Е. А. Бекетовой какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ.

Разбросанныя по Сборнику Е. А. Бекетовой замѣтки Аполлона Николаевича Майкова приведены въ порядокъ его братомъ, академикомъ Л. Н. Майковымъ, и, взятыя въ цѣломъ, являются вѣрнымъ подтвержденіемъ отзыва, высказаннаго по этому. Находящимися при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣтками Аполлонъ Николаевичъ хотѣлъ указать на особенно художественныя и могущія быть названными безотносительно прекрасными. Одна изъ такихъ пьесъ называется «Весна», и хотя касается предмета, безкопечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова среди полей, среди уединенья;
 Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
 И наяву меня тревожатъ сновидѣнья,
 И призраки опять встаютъ передо мной.

* * *

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
 Но все стремлюсь душой въ таинственную даль,
 И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
 И все томить меня безвѣстная печаль...

* * *

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
 Гармоніи весны природа вся полна;
 Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
 Но увлекла меня весенняя волна...

* * *

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
 Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
 И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
 Къ чему-то... или къ кому... неясная любовь...

* * *

Аполлонъ Николаевичъ подчеркнулъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Полное посмертное изданіе стихотвореній Е. А. Бекетовой даетъ возможность, — говоритъ Л. Н. Майковъ въ концѣ разбора, — познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяеть сказать, что ея имя не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь въ своемъ отзывѣ обратить вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ спра-

ведливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на ея могилу.

Комиссія вполне раздѣлила мнѣніе покойнаго поэта.

Въ изъявленіе признательности Академіи гг. постороннимъ рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ей правомъ, присудило золотыя Пушкинскія медали: членамъ-корреспондентамъ: графу А. А. Голенищеву-Кутузову, А. И. Кирпичникову, Я. П. Полонскому и А. Н. Пыпину и гг. И. Ѳ. Анненскому, П. И. Вейнбергу, В. П. Острогорскому, И. Н. Потапенку и И. А. Шляпкину.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю долгомъ отъ имени Отдѣленія помянуть теплымъ словомъ А. Н. Майкова. Покойный поэтъ принималъ близко къ сердцу интересы Пушкинскихъ конкурсовъ, такъ какъ по нимъ можно было слѣдить за движеніемъ и успѣхами отечественной литературы. Онъ постоянно присутствовалъ на этихъ конкурсахъ и нерѣдко по просьбѣ Отдѣленія, о чемъ оно съ благодарностію вспоминаетъ, составлялъ для нихъ исполненные тонкаго и вѣрнаго художественнаго вкуса разборы сочиненій, поступавшихъ на соисканіе Пушкинскихъ премій, и въ нихъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ отдѣлялъ пшеницу отъ плевелъ и даже въ послѣднихъ старался находить то, что заслуживало вниманія. Оцѣнкою сочиненія А. Н. Майкова—«Два міра» открылись Пушкинскіе конкурсы, а въ сегодняшнемъ засѣданіи мы слышали его посмертное слово. Отсутствіе нашего маститаго поэта при присужденіи Пушкинскихъ премій въ нынѣшнемъ году было весьма замѣтно и, несомнѣнно, будетъ чувствоваться и при послѣдующихъ конкурсахъ.

I.

Пѣснь о Роландѣ (la Chanson de Roland), переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де Ла-Барта, съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897.

Критическій разборъ, составленный А. И. Кирпичниковымъ.

Еще 160 лѣтъ назадъ извѣстный «труженикъ» на поприщѣ русской словесности В. К. Тредьяковскій выразилъ убѣжденіе, что успѣхи этой словесности въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько усердно тѣ россияне, которые «цвѣтутъ искусствомъ языковъ», будутъ переводить «на нашъ Россійскій языкъ» «все что презрѣднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ». Извѣстно, съ какой несокрушимой энергіей трудился самъ Василій Кирилловичъ надъ переводами того, что онъ считалъ «полезнѣйшимъ» (Исторія Роллена и пр.) или «презрѣднѣйшимъ» (Приключенія Телемака и пр.). Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская литература такъ усердно обогащалась переводами всего «презрѣднѣйшаго» и «достойнѣйшаго», что если смотрѣть только на количество, а не на качество, то потомки, несравненно болѣе «цвѣтущіе искусствомъ языковъ», должны позавидовать своимъ предкамъ: не говоря о выдающихся произведеніяхъ текущей европейской литературы, которыя, не смотря на добрый обычай сообщать заранѣе о предпринятомъ переводѣ въ газетахъ, иногда появлялись въ нѣ-

сколькихъ переводахъ одновременно, классики всѣхъ временъ и народовъ переводились и отдѣльно и цѣлыми собраніями въ такомъ количествѣ, что сотни, если не тысячи великихъ произведеній до сихъ поръ у насъ имѣются только въ переводахъ екатерининскаго времени. Переводчиками были и тайные дѣйствительные совѣтники и офицеры и сержанты гвардіи, и семинаріи студенты, и даже дворовые «человѣки» изъ знатныхъ домовъ; точно всякій, кто *цѣль искусства* хотя бы одного французскаго языка и имѣлъ возможность собрать нѣсколько десятковъ рублей на изданіе книжки или найти издателя, считалъ себя обязаннымъ потрудиться на этомъ поприщѣ не для выгоды, конечно, и даже не для славы — имена переводчиковъ мы узнаемъ большею частію только изъ цензурныхъ архивовъ, — а изъ внутренней почти инстинктивной потребности дать возможность своимъ согражданамъ хоть *какъ нибудь* познакомиться со всѣмъ, «что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ».

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ эти переводы наши дѣды и прадѣды могли знакомиться съ образцовыми произведеніями иностранной литературы только *какъ нибудь*: стихотворныя произведенія переводились тяжелой прозою; произведенія англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ переводились съ французскихъ переводовъ, а иногда сокращеній и передѣлокъ; не всегда переводы были «довольно вразумительны» не потому, что переводчикъ спѣшилъ или относился къ своему дѣлу небрежно (какъ это часто бываетъ въ наше время), а потому что онъ не довольно *цѣль искусства* въ томъ языкѣ, съ котораго переводилъ, или былъ недостаточно развитъ для пониманія переводимаго. Тѣмъ не менѣе отечественная словесность наша, нашъ литературный кругозоръ и вкусъ развивались, шли впередъ именно благодаря безкорыстнымъ трудамъ этихъ безыменныхъ переводчиковъ.

Пушкинскій и вообще весь классическій періодъ русской литературы (до «Отцовъ и дѣтей» Тургенева включительно) бѣднѣе переводами, въ особенности въ отдѣльныхъ изданіяхъ; но за то

эти переводы несравненно лучше, а иные изъ нихъ являются совершенствомъ въ томъ или другомъ родѣ: припомнимъ переводы Жуковского изъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, *Иліаду* Гнѣдича, *Адъ Данта* Мина, переводы съ греческаго и латинскаго, помѣщенные въ *Пропимеяхъ* и пр. и пр.; даже иные переводчики романовъ (какъ напр. *Иринархъ Введенскій*) достигали высокаго искусства и почетной, вполне заслуженной извѣстности. Съ начала 1860-хъ годовъ у насъ опять увеличивается количество переводовъ, какъ научныхъ сочиненій, такъ и произведеній беллетристическихъ; первые въ значительномъ большинствѣ случаевъ вполне удовлетворительны; переводы романовъ и повѣстей часто добросовѣстны и удачны; но многіе (едва ли не большая часть) ниже самой снисходительной критики, хуже самыхъ плохихъ переводовъ екатерининскаго и александровскаго времени. Причина этого теперь другая: не незнаніе иностранныхъ языковъ и не недостатокъ развитія — предложеніе труда со стороны образованныхъ людей и тогда, какъ теперь, у насъ далеко превъшало спросъ, а крайняя небрежность переводчиковъ и издателей, которые работали «на спѣхъ» до такой степени, что болѣе или менѣе требовательныхъ читателей рѣшительно лишали возможности пользоваться произведеніями русской переводной литературы, если только послѣднія появлялись не подъ отвѣтственностью солидныхъ журналовъ или извѣстныхъ въ литературѣ именъ. Та же торопливость умственной жизни русскаго общества того времени (вполнѣ удовлетворительно объясняемая историческими причинами) мѣшала приниматься за переводы обширныхъ *этическихъ* произведеній, написанныхъ стихами¹⁾; но такъ какъ умственно-возбужденная русская публика желала знакомиться и

¹⁾ Шекспиръ и др. драматурги до Кальдерона и Лопе де Вега включительно, въ которыхъ нуждалась принявшая серьезное направленіе русская сцена, еще находили переводчиковъ и иногда очень хорошихъ. Счастливые исключенія составляли также нѣмецкіе классики, Шиллеръ, Гете, Лессингъ, за переводъ которыхъ принимались люди, прекрасно къ тому подготовленные и способные; но и въ ихъ работѣ нельзя не видѣть нѣкоторой слѣпости, почти не бывавшей въ 1840-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.

съ ними, то являлись прозаическіе переводы, изложенія, и даже довольно солидныя изслѣдованія о нихъ находили себѣ мѣсто въ литературныхъ журналахъ.

Къ срединѣ 1880-хъ годовъ положеніе дѣла измѣняется: требовательность лучшей части публики возрастаетъ; спѣшность въ работѣ слабѣетъ, и за важную задачу знакомить русское общество съ классическими произведеніями иностранной литературы часто берутся люди, спеціально къ тому подготовленные и имѣющіе возможность посвятить работѣ если не двадцать лѣтъ, какъ Гнѣдичъ переводу Иліады, то во всякомъ случаѣ два-три года свободнаго, но упорнаго труда.

Отъ такихъ стоящихъ на уровнѣ своей трудной и важной задачи переводчиковъ мы уже имѣемъ Калевалу (перевелъ г. Бѣльскій), Пѣснь о Нибелунгахъ (г. Кудряшовъ), и теперь получаемъ Пѣснь о Роландѣ, переводъ которой сдѣланъ ученикомъ А. Н. Веселовскаго, спеціалистомъ по романскимъ нарѣчіямъ, графомъ Ф. де Ла-Бартомъ.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой книгѣ, А. Н. Веселовскій, указавъ на историко-литературное и эстетическое значеніе Пѣсни о Роландѣ и на предшествующіе переводы ея на русскій языкъ, говоритъ: «Графъ де Ла-Бартъ постарался удовлетворить тому и другому требованію (сохранить какъ «поэтическое впечатлѣніе положеній и типовъ», такъ и «печать времени» и даже самый стиль, насколько это возможно на другомъ языкѣ) и сдѣлалъ это съ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго переводъ поэтическаго произведенія и не мыслимъ, и не желателенъ. Переводчику пришлось бороться съ подлинникомъ, въ которомъ есть и темноты, и спорныя мѣста: согласовать вѣрность не только буквѣ, но и духу оригинала, съ задачами художественнаго его переложенія на другой языкъ. Если порой случалось измѣнять буквѣ и въ виду стиха вставлять лишнее слово, переводчикъ руководился *словаремъ поэмы, не выходя изъ условій ея стили и образовъ*. Такимъ образомъ ему удалось не только сохранить приблизительно объемъ оригинала, но и художественно передать

одинъ изъ поэтичнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой старины, который несомнѣнно найдетъ читателей».

Нижеподписавшійся всецѣло присоединяется къ этому авторитетному сужденію академика А. Н. Веселовскаго, равно какъ и раздѣляетъ его надежду на будущій успѣхъ труда графа де Ла-Барта у русской публики ¹⁾. Онъ только постарается мотивировать это сужденіе приведеніемъ образцовъ перевода параллельно съ текстомъ и указаніемъ терминовъ, отдѣльных мѣстъ и цѣлыхъ строфъ, переведенныхъ, по его убѣжденію, *особенно* удачно; затѣмъ онъ перейдетъ къ перечисленію немногихъ недосмотровъ и мѣстъ, которыя, какъ онъ думаетъ, можно было бы передать ближе къ тексту, и въ заключеніе укажетъ, чѣмъ, по его крайнему разумѣнію, слѣдовало бы пополнить введеніе къ переводу.

Пѣснь о Роландѣ по Оксфордскому тексту начинается такъ:

Carles li reis, nostre emperere magnes,
 Set anz tuz pleins ad estet en Espagne:
 Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne.
 N'i ad castel ki devant lui remaignet;
 Mur ne citet n'i est remés à fraindre
 Fors Sarraguce, ki est en une (mun)taigne.
 Li reis Marsilie la tient, ki Deu n'en aimet,
 Mahummet sert e Apollin reclimet;
 Ne s'poet gardeve que mals ne li ateignet.

¹⁾ Между прочимъ я увѣренъ, что Пѣснь о Роландѣ въ этомъ изящномъ переводѣ должна служить прекраснымъ чтеніемъ для мальчиковъ отъ 10—13, 14 лѣтъ: извѣстно, какъ наши дѣтскія и ученическія бібліотеки бѣдны занимательными и въ тоже время здоровыми, не расслабляющими нервы, подобно большинству современныхъ дѣтскихъ повѣстей, книгами именно для этого возраста. Поэма настолько безупречна въ нравственномъ отношеніи, что для дѣтскаго изданія изъ нея не понадобится исключать ни одного стиха (а развѣ только сократить перечисленіе полковъ Балигана). Если же снабдить такое изданіе по возможности исторически-вѣрными иллюстраціями: снимкомъ съ рукописи, изображеніями вооруженія, одежды, мебели и пр., мы получимъ книгу, чрезвычайно полезную и для преподавателя исторіи.

Графъ де-Ла-Бартъ переводитъ:

Державный Карлъ, нашъ славный императоръ,
 Семь долгихъ лѣтъ въ Испаніи сражался:
 И до моря вся горная страна
 Въ его рукахъ; сдалися Карлу замки,
 Разбиты башни, грады покорились,
 И стѣны ихъ разсыпались во прахъ.
 Лишь не взялъ Карлъ Великій Сарагоссы,
 Что на горѣ стояла: царь Марсилій
 Владѣеть ею; въ Бога онъ не вѣритъ, —
 Онъ Аполлину служитъ, Мухамеду, —
 Но близокъ часъ погибели его.

Считаю излишнимъ распространяться о томъ, насколько цѣлесообразно поступилъ переводчикъ, съ одной стороны удержавъ нестѣснительный размѣръ оригинала и съ другой отказавшись отъ воспроизведенія на русскомъ языкѣ малообычныхъ для него ассонансовъ¹⁾. Обращаю вниманіе на свободное и легкое построение стиха и фразы, которое совсѣмъ не отзывается переводомъ, а производитъ впечатлѣніе вольнаго и живого вдохновенія и на эффектъ и силу послѣдней строчки, которая въ переводѣ, безъ сомнѣнія, красивѣе, чѣмъ въ подлинникѣ. Но не слѣдуетъ ли это обстоятельство поставить въ упрекъ переводчику? По моему убѣжденію, ни коимъ образомъ. Если переводчикъ, оставаясь въ предѣлахъ «словаря поэмы» и въ кругѣ ея понятій, можетъ мѣстами выразиться понятнѣе и лучше оригинала, лишая себя этой возможности и употреблять тяжелый оборотъ текста было бы такъ же неразумно, какъ гравѣру хорошей старинной картины воспроизводить пятно, явившееся на оригиналѣ отъ времени или отъ нечаянной порчи.

Li reis при имени Карла гр. де-Ла-Бартъ переводитъ: *державный* (дальше много разъ — *король*); то же слово при имени

¹⁾ Они употребительны только въ пословицахъ.

Марсилія—царь (сравни былинное: воръ-собака Калинь-царь); опять-таки это, по моему мнѣнію, удачная и вполне дозволительная поправка къ тексту.

Tuz pleins графъ де-Ла-Бартъ могъ бы перевести ближе; онъ могъ бы сказать:

Семь *чтыри* лѣтъ . . .

Но кто не согласится, что «семь *долитъ* лѣтъ . . .» красивѣй и рельефнѣе, и выражаетъ именно тотъ оттѣнокъ утомительности, который желалъ выразить поэтъ?

Точно также въ ст. 4 было бы ближе:

. . . Сдались *естъ* замки Карлу;

но *сдались Карлу замки* и звучнѣй и картиннѣй, а мысль выражена та же самая: если Карлъ не взялъ «одной лишь Сарагоссы», ясно, что онъ взялъ *естъ* другіе замки.

Въ ст. 17 *сумfundre* превосходно передано глаголомъ *разгромить*.

Ст. 21 *Sim'guarisez e de mort e de hunte*—прекрасно переданъ сложнымъ предложеніемъ:

Какъ уйти отъ смерти
И какъ вѣрнѣй позора избѣжать.

Въ ст. 37 и слѣд. (какъ и много разъ ниже) косвенная рѣчь Бланкандрина передана прямою, что придаетъ ей больше рельефности и живости.

Ст. 96: *Li empereres se fait e balz et liez*—превосходно переданъ нашимъ пѣсеннымъ выраженіемъ:

Могучій Карлъ и *радостенъ и сѣтленъ*.

Вообще переводчикъ, исходя изъ вѣрной мысли объ органическомъ соединеніи въ *Chanson de Roland* народнаго и личнаго элемента, въ строго надлежащей мѣрѣ пользуется русскими

былинными и пѣсенными оборотами, пуская въ ходъ тѣ изъ нихъ, которые и въ новѣйшей личной поэзіи не поражаютъ необычностью.

Превосходно краткое описаніе наружности Карла въ ст. 117 и слѣд., вѣрное не буквѣ, но смыслу оригинала.

Волной сѣдя кудри ниспадають,
А борода его бѣлѣе снѣга.
Прекрасенъ Карлъ, горда его осанка.

Очень удачно переведена эпическая формула ст. 157-го

Bels fut li vespres e li soleilz fut cler.
Пылагъ закатъ; свѣтило ярко солнце.

Удачно передаются формулы: «*dulce France*» — *Франція-краса*; *par grant aveir* — *съ большимъ искусствомъ* и мн. др.

Вотъ, на выборъ изъ многихъ, два-три примѣра строфъ, переведенныхъ особо удачно (можно сказать: безукоризненно) отъ перваго стиха до послѣдняго

Стр. XXV: Quant ço veit Guenes qu'ore s'en rit Rollanz,
Dunc ad tel doel, pur poi d'ire ne fent,
A ben petit que il ne pert le sens,
E dit al cunte: To ne vus aim nient;
Sur mei avez turnet fals jugement.
Dreiz emperere, veiez me ci en present,
Ademplier voeill voste comandement.

Услыпалъ смѣхъ Роланда Ганелонъ;
Въ его груди отъ горя и досады
Такъ сжалось сердце, что едва-едва
Онъ устоялъ: «тебя я ненавижу!»
Воскликнулъ онъ: «лишь по винѣ твоей
Неправедно въ послы я нынѣ избранъ! . . .
Правдивый Карлъ, я здѣсь передъ тобою
И что велишь — исполню въ тотъ же мигъ».

Стр. LVII: Tresvait li jur, la noit est aserie
 Carles se dort, li empereres riches;
 Sunjat qu'il eret as greignurs porz de Sizer,
 Entre ses poinz teneit sa hanste fraisnine;
 Guenes li quens l'ad (de)sur lui saisie,
 Par tel air l'at trusseé e brandie,
 Qu'envers le cel en volent les esclices.
 Carles se dort qu'il ne s'esveillet mie.

Проходитъ день, сгустился сумракъ ночи.
 Могучій Карлъ почилъ и видитъ сонъ:
 Онъ у воротъ широкихъ цезарейскихъ;
 Въ рукѣ копье изъ ясеня онъ держитъ;
 Вдругъ Ганелонъ схватилъ копье, тряхнулъ—
 И отъ него осколки разлетѣлись . . .
 Все спитъ король — до утра не проснулся¹⁾.

Или изъ конца, стр. CCLXXI:

Païen sunt morz, alquant turnet en fuie,
 E Carles ad sa bataille vencue.
 De Sarraguce ad la porte abatue,
 Or set il ben que n'est mais defendue;
 Prent la citet, sa gent i est venue.
 Par poëstet icele noit i jurent.
 Fiers est li reis à la barbe canue,
 E Bramidonie les turs li ad rendues;
 Les dis sunt grandes, les cinquante menues.
 Mult ben espleitet qui damnes Deus aiuet.

Великій Карлъ разбилъ полки невѣрныхъ,—
 Побитыхъ тьма,— другіе разбѣжались!
 Повержены ворота Сарагоссы:
 Ничто не можетъ Карлу быть преградой,

¹⁾ Отмѣчу также какъ особенно удачно переведенную строфу 127-ю.

Вошелъ онъ въ городъ, съ нимъ его дружины,
 Проспали тамъ до утренней зари.
 И гордъ и свѣтелъ Карлъ сѣдобородый.
 Ему ключи вручила Брамимонда
 Великихъ башенъ больше десяти
 И малыхъ башенъ больше полусотни
 Да, счастливъ тотъ, кому поможетъ Богъ!

Отмѣчаю нѣкоторые случаи¹⁾, гдѣ переводъ графа де Ла-Барта расходитя съ столь популярнымъ переводомъ Леона Готье, при чемъ, по моему убѣжденію, правда на сторонѣ русскаго переводчика.

Въ ст. 518 Ганелонъ отвѣчаетъ Марсилію: *Jo ne l'desotrei mie*, чтò Готье переводитъ: *Je ne les refuse point*. Но такъ какъ рѣчь идетъ пока только объ одномъ подаркѣ — о дорогой шубѣ, которую Марсилій предлагаетъ Ганелону въ вознагражденіе за свою грубость, то въ русскомъ переводѣ мы читаемъ:

Охотно, царь, подарокъ принимаю.

Въ ст. 1480 мы читаемъ:

As innocenz vos en segez séant.

По моему мнѣнію, архіеп. Турпинъ общаетъ христіанскимъ воинамъ, которые падутъ въ битвѣ съ невѣрными, не только рай вообще, но и указываетъ имъ специальное мѣсто въ немъ вмѣстѣ съ младенцами, которыхъ избилъ Иродъ. Извѣстно, что эти младенцы, какъ первые мученики за Христа, на католическомъ западѣ пользовались великимъ почтеніемъ и что объ нихъ слага-

---

¹⁾ Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что подобныхъ случаевъ не одинъ десятокъ; но я не считалъ себя обязаннымъ слѣдить весь переводъ гр. де-Ла-Барта съ переводомъ Готье и другими, а привожу только два-три образчика того, что стихотворный переводъ ближе къ тексту, нежели прозаическій, напечатанный *en regard* и сдѣланный извѣстнымъ специалистомъ, въ доказательство внимательности русскаго переводчика.

лись очень поэтичныя легенды¹⁾, не безъ вліянія иконографіи, обильно пользовавшейся этимъ трагическимъ сюжетомъ. Христіанскіе войны, «на брани убіенные», приравнивались именно къ этимъ св. младенцамъ.

Готье не обратилъ на это вниманія, и вышеприведенный стихъ перевелъ

Demain vous y (въ раю) serez assis tout près des Saints

и въ словарѣ объяснилъ, что innocenz значить les Saints en general.

Гр. де Ла-Бартъ переводить ближе:

Вы завтра всѣ возсядете средь хора
Святыхъ страдалицевъ.

Ст. 3323 Plus qu'on ne lancet une verge pelée Готье переводить: de plus loin que le jet d'un baton. Но pelée отъ *pellis* мѣхъ, шерсть или отъ *pilus* волосъ; во всякомъ случаѣ *verge pelée* — пруть оперенный, т. е. стрѣла.

Гр. де Ла-Бартъ такъ и переводить:

И на полетъ стрѣлы впередъ отъѣхалъ (стр. 244).

Въ доказательство внимательности переводчика и точности перевода я могу привести такой характерный случай: на стр. 236-й графу де Ла-Барту не удалось умѣстить въ стихъ, что Торлей — царь Персидскій — обстоятельство, въ сущности не важное; но онъ все же ради точности находить для него мѣсто въ слѣдующей 237-й строфѣ.

¹⁾ Какъ, напр., одна знатная женщина, желавшая принести высокую жертву Христу и приобрести за себя ходатая на небесахъ, но не имѣвшая дѣтей, вымолила себѣ у Господа ребенка (былъ чудесно оживленъ младенецъ изъ воску), который и былъ убитъ воинами Ирода; какъ матери, пытавшіяся спасти своихъ чадъ въ гѣсахъ отъ смерти за Христа, были наказаны тѣмъ, что ихъ младенцы обратились въ совѣ и т. д.

Большая трудность представлялась переводчику въ выдуманныхъ именахъ небывалыхъ языческихъ народовъ, составлявшихъ армію Балигана, и онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ счастливо побѣждаетъ ее, пользуясь замѣтками о *Chanson de Roland*, разбросанными въ специальныхъ журналахъ¹⁾.

Что касается до способа передачи французскихъ собственныхъ именъ, то *Немонз* Баварскій вмѣсто столь извѣстнаго по балладамъ Жуковскаго *Намма* сразу можетъ неприятно поразить читателя; но многочисленныя параллели и прежде всего *Guenes*, косв. *Gueneup*, котораго всегда передаютъ *Ганелонз*, убѣждать его, что для перевода необходимо брать форму косвенныхъ падежей.

Въ заключеніи этого отдѣла моею рецензіи не могу не указать хотя бы нѣсколькихъ трудныхъ для передачи стиховъ и фразъ, переведенныхъ замѣчательно удачно.

Ст. 705 *Ço dit li reis que sa guere out finée*. Въ переводѣ (стр. 56-я):

И молвилъ Карлъ: конецъ войнѣ жестокой!

Ст. 842—3. *C. milie Francs pur lui unt grant tendrur*

E de Rollant merveilluse poür.

Переведено (стр. 69):

идутъ печально франки,
Боятся всѣ, трепещутъ за Роланда.

Въ строфѣ 80-й въ оригиналѣ Роландъ обращается только къ Оливьеру; но по смыслу вторая половина его рѣчи должна быть обращена ко всѣмъ французамъ, и переводчикъ смѣло и

---

¹⁾ Я только не могу понять, чѣмъ руководствуясь, перевелъ онъ *Argoiller* стиховъ 8259 и 8474 словомъ *Жмудъ* (въ ст. 3527 *Arguille* переведено *Аргойльцы*; см. стр. 261); во всякомъ случаѣ *Жмудъ* въ Африкѣ (см. стр. 258) производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

находчиво передаетъ его отвѣтъ обращеніемъ: *Товарищи!* Замѣчательно удачно передана красивая и въ текстѣ постепенность сближенія войскъ въ окончаніяхъ строфъ 92-й и 93-й.

Ст. 1169: A cez paroles vunt les oz ajustant.

Переводъ:

На бой дружины начали сходиться.

Ст. 1187: Francs e païens as les vus ajustez.

Переводъ:

Смотрите, вотъ на бой сошлись дружины!

Въ ст. 1647 архіеп. Турпинъ говоритъ о своемъ противникѣ:

Unches n'amaî suard ne suardie.

Suard обыкновенно значить *трусъ*; но мрачный Абизмъ въ чемъ другомъ, а въ трусости не повиненъ, и потому въ переводѣ: «Я никогда терпѣть не могъ *кичливыхъ*». Въ передачѣ трудныхъ и для буквального перевода ст. 1790 и слѣд. мы находимъ у гр. де Ла-Барта и изящный переводъ и необходимый комментарий.

Очень красиво и въ тоже время близко къ тексту переведены короткія, но сильныя описанія природы, свойственныя народному эпосу; напр. стихи 1830—1 (въ переводѣ стр. 140):

Высокъ и грозенъ рядъ вершинъ угрюмыхъ,
На днѣ долинъ ручьи струятся быстро.

Ст. 2007 Jo l'vos pagduins ici e devant Deu
переведенъ замѣчательно просто и точно:

Пусть васъ проститъ Господь.

Въ разказѣ о смерти Оливьера (ст. 2010 и слѣд.) цѣлый рядъ трудностей побѣжденъ чрезвычайно удачно.

Въ ст. 2583 *lessev sunfundre* можно ли перевести лучше, какъ народнымъ выраженіемъ: «дать въ обиду» (у гр. де Ла-Барта стр. 189, 12)? И т. д. и т. д.

Нельзя, по моему мнѣнію, лучше перевести и загадочнаго послѣдняго стиха поэмы:

Ci falt la geste, que Tuoldus declinet —

Здѣсь прерваны Турольдовы «сказанья».

Въ виду особенностей стиля Пѣсни о Роландѣ и заявленія академика А. Н. Веселовскаго о вставкѣ «лишнихъ словъ» переводчикомъ можно бы думать, что гр. де Ла-Бартъ поневолѣ удлинилъ поэму нѣсколькими сотнями стиховъ, которые не могутъ не ослабить впечатлѣнія. Но вотъ какіе результаты далъ мнѣ довольно, смѣю надѣяться, тщательный подсчетъ. Болѣе всего прибавлено стиховъ въ началѣ поэмы, пока переводчикъ не вошелъ еще въ ея отчасти ляпидарный стиль¹⁾.

Но послѣ трехъ сотъ приблизительно стиховъ на 3 случая прибавки стиха мы имѣемъ два и болѣе случая, въ которыхъ переводчику удавалось передать однимъ стихомъ два стиха текста, большею частію безъ пропуска какого либо даже незначительнаго отгѣнка²⁾. Въ послѣдней четверти поэмы отношеніе между числомъ стиховъ въ текстѣ и въ оригиналѣ уравнивается, иначе сказать, достигаетъ *идеала*.

Перехожу къ перечисленію тѣхъ мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, переведены неудачно или не вполне удачно, при чемъ считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ моего отзыва я позволяю себѣ быть даже придирчивымъ, въ такой

¹⁾ Вмѣсто одного стиха текста два стиха у переводчика: стр. 5, 13, 23, 100, 116, 126, 240, 287, 300, 306 (3 стиха вмѣсто одного), 316, 364, 449, 467, 536 и т. д. Полтора стиха вм. одного: 716, 802, 840 и т. д. Больше всего «лишнихъ словъ» противъ текста въ стр. 86, гдѣ 15 стиховъ переданы 21.

²⁾ 343—4, 434—5, 630—1, 707—8, 994—5, 1034—5, 1593—4, 1639—40, и т. д. Въ стр. 206-й 10 стиховъ передано 7-ю, при чемъ ничего кромѣ ненужной здѣсь формулы въ ст. 2852, не пропущено.

мѣрѣ, какую только допускаетъ справедливость. Такъ, если извѣстный стихъ или выраженіе при первомъ чтеніи мнѣ показались неловкими, а при второмъ (параллельномъ съ оригиналомъ) я примирился съ этой неловкостью или тяжеловатостью, я все же помѣщаю это мѣсто въ предлагаемый списокъ; а съ другой стороны вношу въ него и то мѣсто или стихъ, которые произвели на меня неблагопріятное впечатлѣніе недостаточной точностью только при вторичномъ чтеніи. Относительно точности я позволяю себѣ быть почти настолько требовательнымъ, какъ будто графъ Де-ла-Бартъ далъ намъ не стихотворный переводъ, а буквальный прозаическій изъ тѣхъ, какіе помѣщаются en regard съ текстомъ, для лучшаго пониманія послѣдняго.

Такъ поступаю я въ надеждѣ, что мои замѣчанія обратятъ на себя вниманіе переводчика и при второмъ изданіи побудятъ его отнестись съ особенно строгою критикою къ отмѣченнымъ неточностямъ или неловкостямъ, и въ твердомъ убѣжденіи, что удачный въ цѣломъ переводъ такихъ классическихъ, безсмертныхъ произведеній, какъ Пѣснь о Роландѣ, можетъ и долженъ подвергаться въ частностяхъ постояннымъ улучшеніямъ и, такъ сказать, шлифовкѣ.

2-я строфа начинается стихомъ:

Li reis Marsilie esteit en Sarraguce

Переведено:

Однажды былъ Марсилій въ Сарагоссѣ.

Прибавленное слово: *однажды*, я полагаю, не соответствуетъ величавому тону эпоса, вносить въ картину элементъ случайности, неопредѣленности, какъ бы анекдотичности¹⁾; это сказочное, а не былевое слово, выходящее въ данномъ случаѣ, по выраженію А. Н. Веселовскаго, изъ условій стиля и образовъ поэмы.

¹⁾ Можетъ быть, возможно воспользоваться эпитетомъ изъ 1-й строфы:

Марсилій былъ въ нагорной Сарагоссѣ.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

Стихъ 33. Изъ рѣчи сарацина Бланкандрина:

Cinquante carges qu'en ferat cariev,

Переведено:

Чтобъ *славный* Карль, французовъ повелитель,
Возовъ огромныхъ больше полусотни
Могъ нагрузить богатыми дарами. . .

Въ народномъ эпосѣ, какъ извѣстно, преимущественно въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ въ большомъ ходу *окаменныя* эпитеты, употребляемые безъ вниманія къ тому, соотвѣтствуетъ ли въ данномъ случаѣ эпитетъ настроенію говорящаго (такъ, и татары называютъ нашу землю *свято-русскою*, Идолице самъ себя называетъ Идолице *поганое*); но вставлятъ ихъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ оригиналѣ, переводчикъ едва ли имѣетъ право, тѣмъ болѣе что онъ и самъ признаетъ (см. Введеніе XII, XVIII и др.) въ Пѣсни о Роландѣ присутствіе личнаго художественнаго творчества, по условіямъ котораго похвалы Карлу въ устахъ Бланкандрина не возможны.

Послѣ перечисленія пословъ сарацинскихъ (стихъ 69) переводчикъ вставляетъ отъ себя стихъ:

Посольства цѣль Марсилій объясняетъ.

По моему мнѣнію, онъ ни на что не нуженъ, такъ какъ за нимъ непосредственно слѣдуетъ самая рѣчь Марсилія.

Стихи 72—3:

Branches d'olives en voz mains porterez,
Ço senefiet pais e' *humilitet*.

Переводъ:

Возьмите каждый въ руки вѣтвь оливоу,
Какъ символъ мира.

Слово *humilitet* здѣсь слишкомъ важно и не должно быть опущено безслѣдно.

Стихъ 87 переданъ слишкомъ вольно:

S'il voelt ostages, il en avgtat par veir.

(Если онъ хочетъ заложниковъ, онъ дѣйствительно получитъ ихъ).

Въ переводѣ:

*Сколько ты ни спросишь,
Онъ дастъ тебѣ въ заложники людей.*

Такъ какъ заложники обречены на гибель, то вовсе не въ интересахъ Марсилія предлагать ихъ въ большомъ количествѣ¹⁾.

Стихъ 91: Сѣдла всѣ *литого* серебра.

Въ оригиналѣ:

(*Les seles d'argent mises*).

Литыя сѣдла не удобны по своей тяжести.

Стихъ 98: *Od ses cadables les turs en abatied.*

Переведено:

На землю онъ повергъ твердыни башенъ.

Можно бы ближе: Машинами повергъ и пр.

Стихъ 105: *Anséis li fiers*, переведено: «Ансейсъ надменный».

«Надменный» — порицаніе; а здѣсь нуженъ похвальный эпитетъ.

Ст. 179: *Dès or cumencet le conseil que mal prist.*

Переведено:

*Тогда совѣтъ былъ принятъ,
Принесшіи франкамъ столько тяжкихъ бѣдъ.*

---

¹⁾ Переводчикъ остается вѣренъ себѣ и дальше: въ строфѣ 16 Нэмовъ говоритъ Карлу о Марсиліи:

*Сколько хочешь,
Заложниковъ онъ дать намъ общааетъ.*

Но этого нѣтъ въ оригиналѣ (стихъ 241).

Вм. *примать* ближе будетъ *начать*, что не разрушить стиха.

Ст. 223: Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom, въ переводѣ слишкомъ усилено:

Рабомъ твоимъ покорнымъ стать;

tis hom только — «твой вассалъ».

Стихъ 259: Respunt li reis: «Ambdui vos en taisez» — въ переводѣ слишкомъ рѣзокъ:

Молчать, бароны! Карлъ воскликнулъ грозно.

Ст. 283: Ço ad tut fait Rollanz (Ганелонъ говоритъ Карлу) переведенъ:

Всему виной одинъ лишь твой племянникъ.

Такимъ образомъ въ переводѣ оказывается косвенная дерзость Карлу, которой нѣтъ въ текстѣ.

Ст. 287: Desfi les en, sire, vostre veiant.

Переведено:

Всѣхъ передъ *лицомъ* (?) Карла

На смертный бой *не медля* вызываю.

Текстъ не указываетъ на неотложность поединка.

Въ ст. 386 на основаніи, для меня непонятномъ, переводчикъ *une vermeille pite* (румяное яблоко) передалъ словами: *шаръ пурпурный*; едва ли такое символическое представленіе соответствуетъ духу поэмы. Непонятно мнѣ также, почему въ ст. 417: qui seintes leis tenens (чья св. законы мы держимъ) 1-е лицо мн. ч. замѣнено 2-мъ ед. ч. (коимъ служишь ты), когда — «коимъ служимъ мы» — давало бы стихъ на столько же правильный.

Въ ст. 444 Ганелонъ извлекаетъ свой мечъ *на два пальца*

(Contre dous deiz l'ad del furrer getée);

Въ переводѣ:

Свой добрый мечъ извлекъ *на половину*,

что представляетъ ненужное усиленіе красокъ¹⁾.

Ст. 476: En Saraguce vus vendrat *aseget*;

Въ переводѣ:

Могучій Карлъ *оцѣтитъ* Сарагоссу.

Отчего не *осѣдитъ*?

Ст. 541: Tanz col(p)s ad pris de lances e déspiez (столько ударовъ копій и дротиковъ принялъ онъ)—

переведенъ:

Его такъ много копій *пронизало*²⁾.

Опять излишнее усиленіе красокъ.

Ст. 595: N'avrez mais guere en tute vostre vie—

переведено:

И *домій* миръ въ награду ты вкусишь.

Было бы ближе: И *стычній* миръ и пр.

Я не понимаю, почему въ ст. 617 (тоже и въ ст. 1519) *Valdabruis* передано по-русски Вальдабринъ.

Неудачно переданъ послѣдній стихъ строфы 53 (ст. 660):

Pois est munted, entret en sun veiage

(потомъ онъ сѣлъ на коня, отправляется въ путь).

«Ужъ мнѣ пора!» сказалъ въ отвѣтъ на это

Графъ Ганелонъ — и *шпоры далъ коню*.

¹⁾ Стихъ не разрушился бы:

Свой добрый мечъ извлекъ онъ на два пальца.

²⁾ Ср. тоже въ строфѣ 43, ст. 4; въ оригиналѣ (ст. 554) опять-таки: *tanz colps ad pris*...

Читатель изъ этого можетъ заключить, что весь предыдущій разговоръ въ саду Сарагоссы съ Марсилемъ, Брамимондой и др. Ганелонъ велъ, сидя верхомъ.

Мнѣ непонятно, почему въ ст. 682 переводчикъ вм. 400,000 сарацинъ текста Оксфордскаго принялъ 300,000; именно 400,000 упоминается и раньше и позднѣе, и въ видахъ Ганелона представить Марсилія совсѣмъ лишеннымъ военной силы.

Ст. 696: *Jointes ses mains* (сложивъ свои руки)—
переведено:

Передъ тобою стоя на колынахъ. . .

Опять излишнее усиленіе.

Ст. 738: *Li empereres mult fierement chevalchet* — переведень слишкомъ вольно и не вполне удачно:

Во весь опоръ несется императоръ.

Предводительствуя большой арміей, покойно возвращающейся на родину, неудобно нестись во весь опоръ¹⁾.

Ст. 773: *Ne poet muer que de (ses) oilz ne plurt*,
переведень:

И горько вдругъ заплакалъ-зарыдалъ.

Здѣсь по смыслу и малый плачь текста не вполне умѣстенъ (бороду треплетъ Карлъ больше съ досады и въ раздумьѣ, чѣмъ съ горя), а переводчикъ, плѣненный красивымъ оборотомъ, усилилъ краски до крайности²⁾.

Ст. 796: *Anseis li veillz* текста, не знаю, почему, исчезъ въ переводѣ, а эпитетъ старика приданъ Жерарду.

Ст. 899: *Fust chrestiens, asez oust barnet* (еслибъ онъ былъ

1) Тоже ср. и выше строфа 56, стихъ 5 (текстъ ст. 706). Кстати: я не понимаю, почему слѣд. стихъ переведень не по оксфордскому тексту.

2) Умѣстиѣ плачь въ ст. 825 (въ переводѣ строфа 67 въ концѣ), но *удане* и тамъ слишкомъ сильно.

христианиномъ, онъ былъ бы добрымъ витяземъ) — почему: то оставленъ безъ перевода; а стихъ, если не необходимъ для послѣдующаго, то характеренъ самъ по себѣ¹⁾.

Въ строфѣ 75-й въ концѣ целовкое повтореніе:

Да, если франки встрѣтитъ насъ *посмѣютъ*, —
Ихъ гибель ждетъ, а старый Карлъ отъ срама
Надѣтъ вѣнецъ свой больше *не посмѣютъ*²⁾.

Въ ст. 1001 не выражено въ переводѣ:

Si chevalchent estreiz (ѣдутъ сжатыми рядами).

Въ переводѣ ст. 1097 (какъ и выше, въ ст. 105) *надменный* употреблено въ похвальномъ смыслѣ.

Послѣ ст. 1104 — переводчикъ, слѣдуя Готье, напрасно внесъ лишній стихъ и мысль, мало содержательную:

(Мы права не имѣемъ
На нихъ ценять).

Ст. 1160: *Sun cumpaignun après le vait sivant* (Его товарищъ слѣдуетъ за нимъ),
переведенъ:

Гарцуетъ *рядомъ* другъ его *прекрасный*.

Прекасный едва ли можетъ считаться подходящимъ для Оливьера эпитетомъ. Вообще это прилагательное переводчикъ употребляетъ слишкомъ часто (см. строфу 92-ю, гдѣ онъ прибавилъ его, какъ эпитетъ къ самому Роланду).

Ст. 1181 (въ переводѣ строфа 93, ст. 12) — не понимаю, зачѣмъ переводчикъ, въ противность тексту, прибавилъ: *Сенъ-Денисъ*.

1) Переводчикъ исключилъ также ст. 917, но тотъ, дѣйствительно, ни на что не нуженъ.

2) Во второмъ случаѣ можно поставить: *не дерзнетъ* (мужское окончаніе см. въ слѣд. строфахъ).

Въ ст. 1218 *grand demi pied* (добрые пол-локтя) переведено: «пространство *больше* локтя».

Въ стихѣ 1284 (строфа 100-я, ст. 4) *les doubles de sun osberg* переведено *дубленая* броня; и далѣе нѣсколько разъ¹⁾ *doubles* (прич. прош. стр.) и *dubleines* (прилаг.) переводится словомъ *дубленный*. Зачѣмъ эта игра словъ? Переводчику, безъ сомнѣнія, извѣстно, что *дубленный* происходитъ отъ глаг. *дубить* (отъ сущ. дубъ), который ни по происхожденію, ни по значенію съ лат. *duplex* и съ романскими словами, происшедшими отъ типа *duplus*, *duplanus*, ничего общаго не имѣетъ.

Ст. 1358 *Pois ad ocis Turgin e Esturgus* опущенъ переводчикомъ; онъ, положимъ, не нуженъ для послѣдующаго; но нѣтъ основанія считать его вставочнымъ.

Въ той же строфѣ 97-й послѣ стиха 1360 переводчикъ вставляетъ поль-стиха: «*Ты нынѣ безоруженъ*», что ослабляетъ или даже уничтожаетъ горькую эпическую иронию послѣдующихъ словъ Роланда.

Въ слѣд. строфѣ пропущенъ безъ основанія стихъ 1373:

La bone sele ki à or. est gemmée.

Въ описаніи битвы арьергарда съ сарацинами (какъ и въ двухъ послѣдующихъ сраженіяхъ) нѣсколько разъ красивая и характерная подробность: *опускаетъ* (или опускаютъ) *поводья, колятъ шпорами*²⁾ переводится слишкомъ общимъ: *помчались, мчится* и проч.

Соотвѣтственно этому переводчикъ не всегда находитъ выраженіе для изумительнаго разнообразія похвалъ добрымъ ударамъ (напр. ст. 1395).

Въ строфѣ 111-й не выраженъ сильный стихъ (ст. 1407):

Qu'en Sarraguce sa maisnée alat vendre

¹⁾ Напр. ст. 3088.

²⁾ См. ст. 1381, 1574 и др.

(что въ Сарагоссу ѣздилъ продать свою родню) и потому слѣдующій стихъ:

За то потомъ онъ жизнью заплатился,

оказывается не логичнымъ: за что же платиться Ганелону жизнью, если онъ

Отправленъ былъ къ Марсилію посломъ?

По строчкѣ 112-й (стихъ 5) перевода оказывается, что Роландъ, Оливьеръ и Турпинъ не считаются въ числѣ 12 перовъ:

Не отстаютъ отъ нихъ двѣнадцать перовъ,

а оригиналъ (ст. 1415) и переводъ въ другихъ мѣстахъ считаютъ не такъ. Послѣдній стихъ этой строфы: —

Что это скорбь *природы* по Роландѣ

вводитъ общее понятіе (природы), слишкомъ отвлеченное для той эпохи; это именно слово не изъ «словаря поэмы», по выраженію А. Н. Веселовскаго. (Въ оригиналѣ см. ст. 1437 оно, конечно, отсутствуетъ).

Строфа 114:

Долиной мчится грозный царь Марсилій

И съ нимъ его *безчисленная* рать¹⁾:

*Десятка два *всею* полковъ могучихъ.

Безчисленная рать передъ указаніемъ числа полковъ — неудачное выраженіе, а вставочное слово *всею*²⁾ придаетъ разсказу неумѣстный ироническій отгѣнокъ.

Въ переводѣ ст. 1513, повидимому, недосмотръ:

VII. Arrabiz i ad deschevalcet

¹⁾ Ст. 1450 Od sa grant ost que il out asemblée (съ большимъ войскомъ, которое онъ собралъ).

²⁾ XX. escheles ad li reis anubrées.

(Семерыхъ арабовъ сбросилъ онъ съ коня):

Семьсотъ арабовъ онъ свалилъ на землю.

Ст. 1545 (Trenchet)

... al cheval parfundement le dos

(разсѣкъ . . . глубоко спину коня),
переведено съ преувеличеніемъ:

И скакуна разсѣкъ.

Еще менѣе дозволительное преувеличеніе въ строфѣ 121,
гдѣ мы читаемъ:

Изъ пастырей никто еще Турпину
Не могъ быть равнымъ вѣрной службой Богу
И доблестью на полѣ боевомъ.

Стало быть, по переводу поэтъ беретъ на себя опредѣлить не только боевыя качества Турпина, но и его великое достоинство, какъ архипастыря.

А въ текстѣ мы читаемъ (ст. 1563—4)

Tel coronet ne chantat unches messe,
Ki de sun cors féist (tan)tes proeces,

— т. е. не пѣвалъ никогда обѣдни (такой) священникъ, который совершалъ такіе подвиги своимъ тѣломъ.

Въ ст. 1685: *Ço dit la geste,*
переведено:

Такъ книги намъ и *пѣсни* говорятъ.

Хотя авторъ Пѣсни о Роландѣ, какъ убѣждены изслѣдователи, и пользовался народными кантиленами (былинами), онъ никогда не ссылается на нихъ, а не одинъ разъ (см. ниже) указываетъ на книгу, которую онъ называетъ *Geste Francor* или просто

geste, имѣя, безъ сомнѣнія, цѣлью внушить слушателю больше довѣрія. Произвольная добавка переводчика выставляетъ поэта въ иномъ свѣтѣ.

Недоумѣваю, почему переводчикъ опустилъ въ строфѣ 131-й три очень важные стиха 1708—10.

Конецъ слѣдующей (132-й) строфы — угроза Оливьера Роланду — выраженъ не совсѣмъ удачно:

Я бородой клянусь вамъ, если Богъ
Мнѣ дастъ опять сестру увидѣть Оду —
На вашу грудь она не упадетъ.

Не легко при первомъ чтеніи догадаться, чѣмъ именно грозитъ Оливьеръ своему другу. Въ текстѣ наивно и грубо, но понятнѣе:

Dist Oliver: «Par ceste meie barbe!
Se puis veoir ma gente sorur Alde,
(Vus) ne jetteiz jamais entre sa brase».

(Сказалъ Оливьеръ: клянусь этой моей бородой! если я смогу увидѣть мою прекрасную сестру Альду, вамъ не лежать никогда въ ея объятяхъ, т. е. вамъ не бывать ея мужемъ)¹⁾.

Едва ли можетъ считаться удачнымъ и окончаніе слѣдующей строфы:

И Францію позоръ
Постигнетъ вѣчный. Нынѣ дружбѣ нашей
Пришелъ конецъ. И раньше, чѣмъ наступитъ
Вечерній часъ — разстаться мы должны.

Въ текстѣ:

France en ert hunie;
Oi nur defait la leial cumpaignie,
Eiz le vespre ert mult gref la departie.

---

¹⁾ Можно бы перевести:

Супругой вашей ей ужъ не бывать.

Переводъ почти дословный, но впечатлѣніе отъ него получается нѣсколько иное, чѣмъ отъ текста: смыслъ послѣдняго тотъ, что «намъ ужъ не сражаться рядомъ, и прежде чѣмъ наступитъ вечеръ, мы будемъ мертвы»; а въ переводѣ Оливьеръ, повидимому, грозитъ Роланду окончательной ссорой.

Въ стр. 134-й Турпинъ говоритъ Роланду:

es rois truibit ужъ поздно . . . .

Но всежъ трубите . . . .

Въ текстѣ нѣтъ такой непослѣдовательности.

Ст. 1742: Ja li corners ne nos avreit mester, т. е. *намъ* рогъ уже не поможетъ.

Ст. 1845: N'i ad icel (ki) ne demeint *irance*.

Iranse переведено слишкомъ слабо:

Досадно имъ . . . (стр. 141, ст. 5).

Не досаду, а чувство гораздо болѣе сильное испытываютъ французы, думая о неравной битвѣ Роланда съ язычниками и его предстоящей гибели.

Въ переводѣ ст. 1872 нежелательная вольность: Роландъ убиваетъ Фальдрона

Е. XXIV. de tuz le melz preisez

(и 24 человекъ изъ самыхъ лучшихъ).

Въ переводѣ:

многихъ знатныхъ мавровъ

Онъ тамъ убилъ.

Слѣдуетъ сохранять въ переводѣ стремленіе исторической эпохи къ точности.

1) Можно бы перевести:

Такъ горько имъ . . . .

Ст. 1938: Dist Oliver: Dehet ait li plus lenz (Сказалъ Оливьеръ: Горе тому, кто слишкомъ медленъ)—
переведень:

«Да сгинуть *трусы!*» молвилъ Оливьеръ.

Вѣдь не о сарацинахъ говорить здѣсь Оливьеръ, а о французяхъ, къ которымъ обращается и Роландъ въ предыдущихъ стихахъ; предполагать же *трусовъ* среди оставшейся въ живыхъ кучки храбрецовъ невозможно; это было бы незаслуженной обидой.

Стр. 147:

Когда полки испанскихъ сарацинъ
Такъ мало нашихъ франковъ увидали,
Воскликнули они въ весельи дикомъ:
«*За насъ Господь!*»

Совершенно необычныя въ національномъ эпосѣ слова въ устахъ невѣрныхъ; въ текстѣ (ст. 1942) они восклицаютъ: L'empereor ad tort (вина на сторонѣ императора).

Въ ст. 2095 (стр. 157-я) слова cil ki el camp fut, я полагаю, должны быть отнесены къ барону Эгидію, якобы очевидно битвы, а не оставаться, такъ сказать, на воздухѣ, какъ въ русскомъ переводѣ:

(И было такъ на полѣ боевомъ).

Относительно вѣрности перевода конца стр. 160-й¹⁾ я по-

---

¹⁾ Врубился оня (Роландъ) въ толпу испанскихъ мавровъ
И съ нимъ Турпинъ: «друзья, скорѣй *бѣжимте* (sic)!»
Кричатъ испанцы: «слышали мы *звонъ* (sic)
Роговъ французскихъ: мощный Карлъ вернулся».

Текстъ: En la grant presse les vait tuz envair,
Ensem(b)l' od lui l'arcevesques Turpin.
Dist l'un al altre: «*Ça vos traises, ami!*
De ceis de France les corns avuns oît;
Carles repairet, li reis poestéifa»,

зволю выразить сомнѣніе, хотя гр. Де-ла-Бартъ имѣеть за себя авторитетъ такого знатока поэмы, какъ Леонъ Готье¹⁾. По моему мнѣнію, здѣсь не язычники (которые ни разу не названы во всей строфѣ) высказываютъ свой страхъ передъ возвращеніемъ Карла; а Роландъ и Турпинъ дѣлятся радостнымъ извѣстіемъ, которое воодушевляетъ ихъ къ новымъ подвигамъ.

Въ слѣд. 161-й строфѣ Роландъ говоритъ Турпину:

«ВЫ ПѢШИ,

Я на конѣ; но ради васъ мнѣ должно

Здѣсь обождать, и радости и горе

Должны дѣлить мы,—я не брошу васъ и т. д.

Если конный будетъ ждать въ сторонѣ, пока пѣшій будетъ раздѣлываться съ неприятелемъ, едва ли онъ можетъ быть сочтенъ добрымъ товарищемъ; *ici prendrai estal* (ст. 2139) я перевелъ бы: я остановлюсь здѣсь, чтобы слѣзть съ коня.

Въ слѣдующей (162-й) строфѣ невѣрные говорятъ о Роландѣ:

«Метнемъ въ него и дротики и копьа

На мѣстѣ онъ останется на вѣрно!»

Стало быть, они увѣрены, что убьютъ Роланда? Въ текстѣ же (ст. 2154):

. . . . *Lançons à lui, puis si l'laiissums ester*

— метнемъ въ него и потомъ оставимъ его (т. е. сдѣлаемъ послѣднее усиліе и убѣжимъ). Что именно такъ надо понимать это мѣсто, доказываетъ стихъ 2162:

puis si l'laisent ester.

т. е. съ великою поспѣшностью нападаетъ на нихъ всѣхъ; вмѣстѣ съ нимъ архіепископъ Турпинъ. Говоритъ одинъ другому: «*впередъ, другъ!* Мы слышали рога французовъ; то идетъ Карлъ, могущественный король».

Въ настоящее время я не имѣю подъ руками необходимыхъ пособій; но, сколько помню, не трудно найти параллели для такого значенія глагола — *ester traire* (trahere).

¹⁾ La chanson de Rol. 12-me édition. Tours, 1883, стр. 208.

Въ строчкѣ 163-й Роландъ

Мечемъ разрѣзалъ платье на Турпинѣ.

Въ текстѣ (ст. 2172) сказано только, что онъ разорвалъ на немъ платье. Едва ли эта картинная прибавка переводчика можетъ считаться удачной.

Въ ст. 2177 *gentilz hom* переведено слишкомъ вольно: «Прекрасный и знатный вождь».

Въ ст. 2230 *un sul arpent* переведено неопредѣленнымъ выраженіемъ: *пространство небольшое*.

Въ ст. 2240 Турпинъ складываетъ руки молитвенно и протягиваетъ ихъ къ небу; въ переводѣ:

И руки въ знакъ смиренія *скрестилъ*.

Но о скрещенныхъ рукахъ Турпина говорится ниже (ст. 2250). Въ концѣ стр. 171-й и въ началѣ слѣдующей мы читаемъ:

Онъ (сарацинъ, притаившійся между мертвецами) *от-*
     [*нялъ мечъ* — и смутно графъ Роландъ
 Почувствовалъ, что мечъ его *схватили*.
 Почуялъ графъ, что онъ *меча лишился*.

Въ текстѣ 2280 и 2283—4:

Saisit e sun cors e ses armes . . . .
En cel tirev li quens s'aperçut alques.
Ço sent Rollanz que s'espée li tolt . . .

Saisit не значить *отнялъ*, а только *схватилъ*, на что указываетъ и слово *tirev*; *tolt* настоящее время — отнимается; сарацинъ не успѣлъ утащить меча, а только тянулъ его къ себѣ.

Въ той-же стр. 172 мы читаемъ, что отъ удара рога Роланда

на земь пали
 Глаза испанца . . . .

Слишкомъ сильно сказано: въ текстѣ (2290)

Amsdous les oilz del chef li ad mis fors

(оба глаза выбилъ у него изъ головы).

Въ стр. 173:

Роланда очи мракъ *покрылз*, — съ усильемъ
Онъ всталъ, *покрыты* блѣдностью черты.

Въ первомъ случаѣ вмѣсто *покрылз* можно бы поставить:
облекз.

Въ ст. 2301 *par doel e par rancune* переведено: *во мнѣнь*.
Но гнѣваться Роланду не на кого; скорбь есть господствующее
у него чувство, и *rancune* здѣсь синонимъ для *doel*.

Въ строфахъ 177 и 178 не переведено, что Роландъ про-
стираетъ къ небу свою перчатку съ *правой* руки, что имѣеть
символическое значеніе.

Въ стр. 178, послѣ ст. 2393 прибавленъ къ Оксфордскому
тексту архангелъ Рафаилъ, что, по моему мнѣнію, излишне.

Въ строфѣ 179-й (текста ст. 2413) мы читаемъ:

«О Боже», молвилъ Карль, — «зачѣмъ не могъ я
Сей бой начать!»

Тотъ бой . . . было бы лучше, такъ какъ рѣчь идетъ о боѣ,
уже оконченномъ.

Я полагаю, что Л. Готье не вполне удовлетворительно пе-
ревелъ ст. 2500:

Laciet sun helme ki est ad or gemmez.

У него (стр. 235): *Il a lacé son heaume gemmé d'or*. Въ за-
тянутомъ шлемѣ спать невозможно, а Карль, какъ видно изъ
дальнѣйшаго (ст. 2520), спать крѣпко и видитъ сны. Я думалъ бы,
что слѣдуетъ перевести: *Il a laché!* . . . (ослабилъ ремень). Русскій
переводчикъ передалъ этотъ стихъ неопредѣленнымъ выраженіемъ:

На немъ блестить и шлемъ его . . . (стр. 185, ст. 4).

Въ стр. 186:

— Въ печали

Лежить король; онъ *вспомнилъ* о Роландѣ...

Смерть Роланда — слишкомъ свѣжее событіе, чтобы онъ могъ забыть о немъ хоть на минуту. Въ текстѣ лучше: ст. 2513 *doel ad de Rollant* (горюеть о Роландѣ).

По стр. 187 Карлъ видитъ въ пророческомъ снѣ:

Ужасныхъ грифовъ *ровно* тридцать тысячъ.

Какъ во снѣ счесть такое количество? Въ текстѣ лучше: *Grifuns i ad plus de trente milliers* (ст. 2544). Въ той же строфѣ оставлена безъ перевода картинная подробность: *Devers un gualt* (ст. 2549) — (изъ глубины рощи).

Въ ст. 2573 *mult laidement* (очень жалостно) переведено слишкомъ вольно:

И въ корчахъ палъ (стр. 189, ст. 4)

Въ стр. 191 оставлены безъ перевода стихи 2612 и 2619, изъ которыхъ первый не лишенъ значенія.

Въ ней же въ ст. 7 (текстъ 2614) читаемъ о Балиганѣ:

Онъ царствовалъ въ Египтѣ, въ Вавилонѣ.

Въ текстѣ: *En Babilonie Baligant ad mandet.*

Въ Пѣснѣ о Роландѣ (какъ и въ др. національныхъ эпопеяхъ) довольно географическихъ несообразностей; зачѣмъ въ переводѣ увеличивать число ихъ?

Въ стр. 194 читаемъ:

Подъ лавромъ, средь долины
На муравѣ — коверъ александрійскій
На немъ былъ тронъ слоновой кости чудный.

Читатель долженъ думать, что и коверъ и тронъ находились здѣсь всегда, и до приѣзда Балигана; а въ текстѣ (ст. 2652—3)

для Балигана *разстилаютъ* бѣлый коверъ, *поставимъ* кресло (foldestoed) изъ слоновой кости.

Въ стр. 195 оставленъ безъ перевода стихъ 2678:

El destre poign si li faites chalcев
(Надѣньте ему — перчатку на правый кулакъ),

а онъ необходимъ, такъ какъ въ немъ заключается горькая для невѣрныхъ иронія: праваго кулака-то у Марсилія уже нѣтъ; онъ отрубленъ Роландомъ. Что это не безсознательная иронія, доказываютъ ст. 2701 и 2719—20.

Въ той же строфѣ Балиганъ говоритъ о Марсиліи:

если онъ приѣдетъ
Меня почтеть, то я войной жестокой
Во Францію прекрасную пойду.

Какъ будто Балиганъ можетъ сомнѣваться въ томъ, что Марсилій, который умолялъ его о помощи и котораго онъ трактуетъ, какъ своего вассала — онъ посылаетъ ему перчатку и посохъ, приѣдетъ поклониться ему! Въ текстѣ (ст. 2680):

E à mei venget pur reconoistre sun feu
(И пусть онъ явится признать свое вассальство).

Въ переводѣ стиха 2796 (строфа 203) синтаксическій недосмотръ:

И взявъ *четыре рыцаря* съ собою. . .

Ст. 2834 Марсилій говоритъ Балигану:

Mei ai perdut e(tres)tute ma gent
(Себя я погубилъ и весь мой народъ).

Переведено слишкомъ вольно (стр. 204):

себя я опозорилъ (чѣмъ?)
И свой народъ *на тѣхъ* (sic) погубилъ.

Тоже относительно стиха 2879 (Карлъ находить трупъ Роланда):

(Si prent le cunte) entre ses mains ansdous
(береть графа на обѣ свои руки).

переведено (стр. 208)

Племянника приподнялъ онъ и *страстно*
Прижалъ къ груди.

Сантиментально-романтическое слово *страстно* — не изъ «словаря поэмы» (см. предисловіе А. Н. Веселовскаго); оно не подходитъ къ сильному и сдержанному ея тону.

Ст. 2937 (изъ плача Карла о Роландѣ):

. . . De ma maisnée ki *pur mei* est ocise

переведенъ:

О горе! всѣ друзья мои погибли! (ст. 213).

Было бы ближе: Изъ-за меня друзья мои погибли. При описаніи вооруженія Карла въ стр. 219-й переводчикъ забылъ щитъ (въ текстѣ о немъ сказано въ ст. 2991). Въ ней же читаемъ:

его (скакуна) когда-то добылъ
Великій Карлъ у брода близъ Марсонны:
Tamz былъ убитъ нарбонскій Мальпалингъ:

Можно думать, что Мальпалина убилъ кто-либо изъ вассаловъ Карла; въ текстѣ же (ст. 2995) сказано, что его поразилъ самъ Карлъ.

Ст. 3051: *П i ferrat de sun espriet trenchant* — переведенъ (стр. 224-я):

Сумѣеть онъ враговъ *рубить мечемъ.*

Было бы ближе:

ЕТЬ ОНЪ ВРАГОВЪ *колотъ копьемъ*¹⁾.

4 стихъ только въ томъ случаѣ будетъ имѣть
если мы будемъ читать *Пуату*, какъ 2 слога²⁾;
бно, не лучше-ли вмѣсто: *И рыцари Пуату*...
Пуату?

ачѣмъ переводчикъ въ стр. 237 (послѣ стиха
члѣ къ Оксфордскому тексту *руссовъ*³⁾.
таемъ кличъ язычниковъ:

тъ вѣрно богу Аполлину —
души спасенъе хочетъ.

: *par nos deus aveir guarison* — кто хо-
а именно тѣломъ) черезъ нашихъ бо-
авенъ, чтобы придавать язычникамъ

vos aim, si vos crei, не знаю, по-
(стр. 252):

члѣ Карлъ Великій —
асъ я *попался* . . . »

цисъ плохо; но здѣсь они честно

Барлу:

неумѣтна твоя проповѣдь);

,⁴⁾

напр., ст. 3114.

а ниневійскаго въ ст. 3103
мѣрно я не знаю, почему
) Не опечатка ли это?

Въ ст. 3602 Балиганъ

Fier(t) Carlemagne sur l'elme d'acev brun.

переведено (стр. 267):

По шлему золотому
Онъ короля Французовъ поразилъ.

Можно бы ближе:

По шлему *темной стали* и пр.

Въ ст. 3686 Карлъ въ Бордо, на алтарь св. Северина

Met l'oliphan plein d'or e de manguns¹⁾

(т. е., кладетъ оліфанъ, наполнивъ его золотомъ и монетами).

Въ переводѣ (стр. 273-я):

Оставилъ тамъ²⁾ Французовъ повелитель
Завѣтный рогъ, велѣвъ его *отдѣлать*
Каменьями и золотомъ.

Излишняя, ничѣмъ не оправдываемая вольность. Кто дорожить памятью человѣка, не позволить себѣ измѣнять внѣшній видъ любимой его вещи; а принесеніе въ даръ церкви рога, наполненаго деньгами, — очень извѣстный обычай.

Ст. 3704: Dès or cumencet le plait de Guenelun

(Здѣсь начинается судъ надъ Ганелономъ) — важное и любопытное указаніе поэта (или редактора?) на новый отдѣлъ поэмы. Въ переводѣ это совсѣмъ не выражено (см. конецъ стр. 273).

¹⁾ По Готье (стр. 520) и Дюканжу *manguns*, *mançisa* отъ *mança*, *mança*. Не слѣдуетъ ли искать прототипа въ Византіи? (Ср. *bezanz*; можетъ быть, въ связи съ *μάγανον*?). Кстати замѣчу, что слово *drodmunz* (корабль), встречающееся въ Ch. de Roï. въ стихахъ 1521 и 2730, несомнѣнно византійскаго происхожденія, отъ *δρόμων* бѣгунъ (*δ* вставлено подъ вліяніемъ народной этимологии), какъ и *calan* (стихи 2647 и 2728, нынѣ *chaland*, русская *шаланда*) и многія др. слова, касающіяся мореходства. Нѣтъ сомнѣнія, что и мореходному дѣлу юные народы западной Европы первоначально учились у византійцевъ.

²⁾ Въ Бордо; объ алтарь св. Северина не упомянуто.

Въ стр. 275

Онъ (Карлъ) далъ приказъ—пришли четыре дамы,
И Карлъ велѣлъ имъ Оду *хоронить*¹⁾
Въ монастырѣ. До утра *охраняли*
Четыре дамы Оду, а затѣмъ
Близъ алтаря ее *похоронили*.

Охраняли и *похоронили* будто игра словъ, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстная²⁾.

Въ слѣд. (276-й) строфѣ:

Вережками привязанъ

Онъ (Ганелонъ) предъ дворцомъ къ позорному столбу.

Въ текстѣ: *à surreies de cerf* — ремнями изъ оленьей кожи.
Можно бы перевести ближе:

Ремнями былъ привязанъ и пр.

Въ описаніи поединка Пинабеля и Тъери оставленъ безъ перевода картинный стихъ 3889 (въ стр. 289-й):

*Granz sunt les colps as helmes detrenchev*³⁾.

Въ ст. 3918 *l'herbe* переведено: «ковыль степная». Позволяю себѣ сомнѣваться, можно ли было и въ то время найти ее подъ Ахеномъ.

Ст. 3924: *Ço veit Tierris que el vis est ferut* (видитъ Тъери, что онъ раненъ въ лицо) переведенъ съ усиленіемъ красокъ (стр. 293):

Почувствовалъ Тъери, что *сильно раненъ*.

¹⁾ Лучше бы: скоронить.

²⁾ Вотъ буквальный переводъ текста: «Онъ сейчасъ позвалъ четырехъ графинь, (которыя) отнесли ее въ женскій монастырь (и) бодрствовали надъ нею всю ночь до разсвѣта, (потомъ) прекрасно похоронили ее вдоль алтаря».

³⁾ Можно бы перевести:

Могли удары ихъ разбить шлемы.

Еслибъ онъ былъ *сильно раненъ*, былъ бы невозможенъ немедленно послѣ поединка его торжественный въѣздъ въ Ахенъ, о которомъ рассказываетъ въ слѣдующей строфѣ.

Въ стр. 295 Карлъ спрашиваетъ своихъ бароновъ:

«Что дѣлать намъ съ заложниками? *нынѣ*
Ихъ Пинабелъ мнѣ далъ, за Ганелона
Они порукой были.

Не вполне понятно и далеко отъ текста:

«Que me loez de cels qu'ai retenuz?
Pur Guenelun erent à plait venuz,
Pur Pinabel en ostage renduz».

(Что посоветуете мнѣ относительно тѣхъ, кого удержалъ я? Они явились на судъ со стороны Ганелона, они были заложниками за Пинабеля).

Въ переводѣ этой строфы дѣйствуетъ «палачъ» Басбрэнъ; въ текстѣ онъ *veier* отъ (*vicarium*) — *viguiier* — земскій судья или староста.

Въ ст. 3964 опять синтаксическій недосмотръ:

Вотъ, *привели четыре скакуна*

(вм. четырехъ скакуновъ).

Ст. 3975 переведенъ:

Когда *свой судъ* окончилъ императоръ.

Въ текстѣ за *veijance* — свое мщеніе; въ предыдущемъ онъ, дѣйствительно, является не судьей, а обвинителемъ, одною изъ сторонъ¹⁾.

¹⁾ Правда, въ началѣ слѣдующей строфы мы читаемъ:

Quant l'emperege ad faite *sa justice*...

но если текстъ различаетъ актъ и результатъ его, долженъ ихъ различить и переводчикъ.

Характерное выраженіе стиха 3978: *une captive franche* (благородная плѣнница — о Брамимондѣ, которую не окрестили насильно, какъ другихъ, а привели въ Ахенъ и научили вѣрѣ) въ переводѣ не выражено.

Не вполне ясенъ въ переводѣ ст. 3998:

Тебя зовутъ *напрасно* христіане.

(буквальный переводъ: Къ тебѣ съ крикомъ взываютъ христіане).

Ст. 4000 *si repuse est ma vie* (тяжела моя жизнь!) — переданъ, я полагаю, слишкомъ сильно: «жизнь моя полна мученій!»¹⁾.

Перехожу къ послѣдней части моей рецензіи: къ введенію и примѣчаніямъ переводчика. Первое (занимаетъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго XXIII страницы) состоитъ изъ 4-хъ небольшихъ главъ; въ 1-й авторъ ставитъ вопросъ о причинѣ необыкновенной славы Пѣсни о Роландѣ даже за предѣлами Франціи; во 2-й онъ высказываетъ убѣжденіе, что причиной слѣдуетъ считать «замѣчательную стройность и послѣдовательность изложенія» поэмы и даетъ блестящую эстетическую ея оцѣнку, пользуясь извѣстнымъ пріемомъ Авг. Шлегеля: «освѣщающимъ произведеніе изнутри» изложеніемъ содержанія (стр. VI—XV; мимоходомъ на стр. XIV онъ указываетъ на сравнительно позднее происхожденіе эпизода о Балиганѣ); въ 3-й главѣ онъ говоритъ о «формулахъ или «общихъ мѣстахъ» (*chevilles roétiques*) Пѣсни о Роландѣ, которыя приводятъ его къ заключенію, что «въ эпоху образованія нашей поэмы уже вырабатывались общіе пріемы эпоса, уже возникала народно-поэтическая школа» (стр. XVII), и затѣмъ указываетъ на слѣды личнаго творчества, «руки художника», что выражается въ подчеркиваніи рѣшающихъ моментовъ (стр. XVIII); то-же сліяніе народнаго элемента съ личнымъ, ту-же *двойственность* видитъ

¹⁾ Можно бы: «О Боже мой! Какъ жизнь моя тяжка!».

онъ и въ двухъ родахъ повтореній: наивномъ, почти буквально, и искусственномъ, отгѣняющемъ «ту сторону событія, которая даетъ тонъ всему, является какъ бы общимъ тономъ картины» (XVIII—XIX); онъ убѣжденъ, что здѣсь «почти всѣ приемы творчества, образы, выраженія почерпнуты изъ поэзіи народной», а «распланировка матеріала, подчеркиваніе главныхъ моментовъ дѣйствія и болѣе всего обобщеніе поэтической темы, — все это продуктъ творчества, очень близко стоящаго къ творчеству личному» (стр. XX). Въ 4-й главѣ графъ Де-ла-Бартъ говоритъ о приемахъ предлагаемаго имъ перевода.

Степень обширности и содержательности введенія къ переводу крупнаго произведенія иностранной литературы есть, безъ сомнѣнія, дѣло личной воли переводчика, и читатели не вправѣ претендовать на него, если онъ и вовсе не дастъ введенія. Но «Пѣснь о Роландѣ», «Нибелунги» — поэмы настолько сложныя по своему составу и возбуждающія столько вопросовъ, что при нихъ крайне желательны историко-литературныя введенія. Можно-ли ожидать переводчикъ «Пѣсни о Роландѣ», чтобы хоть одинъ изъ сотни его читателей имѣлъ ясное представленіе о документально доказанномъ постепенномъ развитіи карловингскаго цикла сказаній, о теоріи (вѣрнѣе о двухъ теоріяхъ) кантиленъ, о хроникѣ Турпина, о *Carmen de prodicione Guenonis*, о раннихъ и позднихъ *Chansons de geste* вообще, о свидѣтельствахъ относительно битвы въ Ронсенавалѣ, объ архіеп. Wenilo, о басскихъ пѣсняхъ, о рукописяхъ поэмы и пр., и пр.? Если кто и слышалъ или читалъ объ этомъ прежде, то теперь, передъ непосредственнымъ ознакомленіемъ съ поэмою, ему необходимо возобновить забытое.

Если же гр. Де-ла-Бартъ не хотѣлъ повторять (хотя бы на двухъ-трехъ страницахъ мелкаго шрифта) избитыхъ фактовъ, которые можно найти во всякой исторіи французской литературы, и, съ другой стороны, предназначая свою книгу «для большой публики», не желалъ давать цѣлаго изслѣдованія (которое онъ общааетъ предложить въ отдѣльной работѣ, см. стр. XV), ему слѣдовало бы, по моему мнѣнію, указать любознательному чита-

телю, гдѣ именно можетъ найти послѣдній удовлетворительный историко-литературный свѣдѣніи о поэмѣ и прежде всего, конечно, назвать необширную и нѣсколько устарѣвшую, но высокоталантливую и содержательную (съ массой интересныхъ сопоставленій) известную работу академика Ѡ. И. Буслаева (перепечатана въ его книгѣ «Народная поэзія»). Теперь же, безъ историко-литературной обстановки и безъ библиографическихъ указаній, интересные и цѣнные соображенія переводчика о сліяніи въ поэмѣ элементовъ народнаго и личнаго кажутся отрывочными и будутъ ясно поняты только весьма немногими знатоками дѣла.

Тезисъ о сліяніи (не механическомъ) элементовъ, о двойственности въ Пѣсни о Роландѣ, по моему убѣжденію, можетъ выдерживать самую строгую и придирчивую критику; но доказывать его, я полагаю, удобнѣе не тѣмъ способомъ, который употребляетъ авторъ или, по крайней мѣрѣ, не однимъ этимъ способомъ. Убѣдительнѣе и нагляднѣе былъ бы онъ, если-бъ гр. Де-ла-Бартъ указалъ на тѣ мѣста поэмы, гдѣ въ авторѣ дошедшей до насъ редакціи обнаруживается несомнѣнный книжничъ, который черноту лица негровъ сравниваетъ съ чернилами¹⁾, знаетъ не только *Давана* и *Авирона* (ст. 1215), но и *Виргиля* съ *Гомеромъ* (ст. 2617), — который, желая выдать свой рассказъ за самую подлинную правду, много разъ ссылается на свой литературный источникъ, на «бытописаніе» — *la geste*, въ стихѣ 3262 — *Geste Франсоа(ш)*, книгу, стало быть, латинскую, который одинъ разъ (стр. 157, ст. 2095 и слѣд.) называетъ даже автора этой книги — святого барона Эгидія, бывшаго будто бы въ главной арміи Карла.

Можно ли сомнѣваться въ виду такихъ фактовъ, что авторъ *нашей* редакціи Пѣсни о Роландѣ — труверъ-клерикъ, претендующій на ученость и стремящійся изъ поэта обратиться въ

¹⁾ Ст. 1933

Ki plus sunt neirs que nen est arrement.

Arrement отъ atramentum.

Въ переводѣ это, къ сожалѣнію, не выражено (стр. 146):

А все лицо чернѣе сажи черной.

яко бы достовѣрнаго историка¹⁾. Могли ли такія претензіи совмѣщаться съ крупнымъ творческимъ талантомъ? Кто склоненъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, тотъ долженъ признать автора нашего текста не поэтомъ, а только *интерполяторомъ* или редакторомъ и почти обязанъ попытаться выдѣлить эти и имъ подобныя мѣста изъ поэмы, очистить ее, если только не будетъ отъ этого удержанъ печальнымъ примѣромъ слишкомъ смѣлыхъ критиковъ первой половины нашего столѣтія.

По моему мнѣнію, которое, смѣю думать, раздѣляетъ и графъ Де-ла-Бартъ, давшій переводъ Пѣсни о Роландѣ въ полномъ видѣ и говорящій во введеніи объ одномъ художникѣ²⁾, такое совмѣщеніе не представляетъ ничего необычнаго для среднихъ вѣковъ и имѣетъ массу параллелей въ продуктахъ несомнѣнно личнаго творчества, разработывавшихъ книжныя или традиціонныя сюжеты; въ нихъ постоянно встрѣчаются бокъ-о-бокъ наивное хвастовство сомнительной учености, растянутость, грубо-сагитментальныя преувеличенія, крайняя небрежность и противорѣчія, вообще всякаго рода художественныя безтактности съ одной стороны, а съ другой — искреннее одушевленіе идеей (религіозной, гуманной или патріотической) и перлы истинной и высокой поэзіи или тонко подмѣченные въ источникѣ и талантливо подчеркнутые поэтомъ или имъ самимъ привнесенные. Отъ позднѣйшихъ старо-французскихъ, средне-верхне-нѣмецкихъ, средне-англійскихъ и др. поэмъ Пѣснь о Роландѣ отличается только тѣмъ, что авторъ ея имѣлъ подъ руками прекрасный матеріалъ въ видѣ народныхъ пѣсенъ и разнообразныхъ сказаній и проявилъ, надо полагать, сравнительно со многими другими, большее

¹⁾ Можно ли говорить, что въ *Chanson de R. tutto è semplice e primitivo*, какъ это дѣлаетъ Нугоръ? (*Storia dell'epopea francese nel medio evo, traduzione di Egidio Gotta. Torino. 1888, стр. 97*). Безъ сомнѣнія, онъ, какъ и многіе другіе, давая общую оцѣнку памятнику, припоминаетъ его содержаніе и лучшія черты, а не подробности.

²⁾ Онъ называетъ его, правда, *ижецомъ* (стр. VIII, XIII), но, безъ сомнѣнія, не въ смыслѣ сказителя, за которымъ кто-либо записывалъ его текстъ; ниже (стр. XVII) онъ говоритъ о рукѣ художника.

чувство мѣры и ббольшій художественный талантъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни одной изъ этихъ народныхъ пѣсенъ и пока имѣемъ довольно неполное понятіе объ этихъ сказаніяхъ, такъ что лишены возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что именно взялъ поэтъ изъ своихъ источниковъ и что изобрѣлъ онъ самъ.

И такъ, двойственность, сліяніе элементовъ въ Пѣсни о Роландѣ несомнѣнны; но относительно разграниченія ихъ мы, вмѣсто положительныхъ выводовъ, пока должны довольствоваться предположеніями болѣе или менѣе субъективнаго характера. Такъ, напр., гр. Де-ла-Бартъ думаетъ, что «подчеркиваніе главныхъ моментовъ» принадлежитъ поэту; я же, напротивъ, полагаю, что главные моменты были уже подчеркнуты въ преданіи и народной пѣсни, и что изъ народнаго же самосознанія исходитъ одушевлявшій поэта патріотизмъ и глубокая вѣра въ святость дѣла христіанскаго воинства.

Съ другой стороны, гр. Де-ла-Бартъ считаетъ приемы творчества, образы, выраженія почерпнутыми изъ поэзіи народной; я же, кромѣ вышеуказанныхъ проявленій книжности, отношу на счетъ поэта сантиментальныя преувеличенія, въ родѣ паденія въ обморокъ ста тысячъ Франковъ¹⁾, черезъ-чуръ частыхъ обмороковъ самого Карла, обморока Роланда, когда онъ еще сидитъ на конѣ (стр. 153), особой присяги, приносимой среди битвы 20-ю тысячами Франковъ (стр. 252, ст. 3415—6) и т. д., и т. д. Но съ другой стороны ему же слѣдуетъ приписать и такія удачныя частности, какъ вѣщій сонъ Карла передъ битвой съ Балиганомъ (стр. 187 и слѣд.; въ народной поэзіи вѣщіе сны, сколько знаю, всегда бывають съ окончаніемъ; здѣсь всѣ видѣнія Карла оставлены безъ исхода, чтобы держать слушателя въ напряженіи), усиленныя похвалы Балигану (стр. 233), чтобы тѣмъ ярче отгбнить величіе его побѣдителя, и прочія бьющія на эффектъ измышленія, незнакомыя наивной народной поэзіи²⁾.

¹⁾ Ст. 2992. Cent milie Francs s'en rasment cuntre tere.

²⁾ О другихъ «изобрѣтеніяхъ» поэта, которыя открываются черезъ сравненіе поэмы съ иными версиями сказанія, намъ *доселѣ* извѣстными, см. въ статьѣ

Безъ всякаго сомнѣнія, поэту же принадлежать и всѣ повторенія, какъ высокохудожественныя, двигающія впередъ дѣйствіе¹⁾, такъ и повторенія, не вносящія ничего новаго, такъ наз. *couplets similaires*²⁾. Повторенія второго рода гр. Де-ла-Бартъ называетъ *былинными* и признаетъ ихъ свойственными всякому народному эпосу.

Вопросъ о происхожденіи повтореній въ *Chanson de Rol.* до сихъ поръ еще не вполне выясненъ; но я во всякомъ случаѣ полагаю, что *couplets similaires* нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ дословными повтореніями, напр., нашихъ былинъ³⁾; въ былинахъ, въ сербскомъ эпосѣ, у Гомера это необходимыя и неизмѣнныя формулы, невольно замедляющія ходъ разсказа, но дающія ему эпическую полноту; а *couplets similaires* задерживаютъ этотъ ходъ умышленно; они стоятъ, надо думать, въ тѣсной связи съ обращеніемъ къ публикѣ позднѣйшихъ *chansons de geste*, которыя нужны для пѣвца, чтобы поддержать и усилить вниманіе своей аудиторіи. Стало быть, и эти повторенія — *un procédé artistique*, по выраженію Леона Готье⁴⁾, только особаго рода, и объяснять ихъ сведеніемъ вмѣстѣ разныхъ версій во многихъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности.

Возьмемъ, напр., строфу 273-ью, въ концѣ которой поэтъ объявляетъ о началѣ новаго отдѣла⁵⁾ и послѣ которой надо предполагать небольшую остановку въ пѣніи, послѣдній отдыхъ для пѣвца; въ ней сказано довольно обстоятельно о созывѣ судей.

Такъ какъ во время паузы слушатели могли забыть предъидущее, то въ началѣ новаго отдѣла, на стр. 274, поэтъ снова,

Леона Готье въ книгѣ *Petit de Julleville, Histoire de la Langue et de la Littérature française, Paris 1896. T. I, стр. 89 и слѣд.*

1) О нихъ у гр. Де-ла-Барта, стр. XIX.

2) См. напр. стр. 84, 85, 86.

3) Какъ двустрочное описаніе бури въ былинѣ о Садкѣ или разсказъ о томъ, какъ вооружается богатырь, отправляющійся на «нахвалящика» и т. д.

4) См. d. Petit de Julleville, стр. 119.

5) Къ сожалѣнію, какъ сказано выше, переводчикъ не сохранилъ этого указанія.

но *въ иныхъ выраженіяхъ* (ст. 3697) говорить о прибытіи Карла въ Ахенъ и рассказываетъ о смерти Альды; покончивъ съ ея похоронами, онъ еще разъ (на этотъ разъ короче, ст. 3706) упоминаетъ о возвращеніи Карла и начинаетъ рассказъ о судѣ, въ которомъ снова и опять-таки *въ иныхъ выраженіяхъ* (см. стр. 277) и короче говоритъ о созывѣ судей.

Очевидно, труверъ имѣетъ здѣсь въ виду интересы пѣвцовъ-жонглеровъ, для которыхъ, какъ извѣстно, предназначалась и маленькая по формату переносная рукопись оксфордскаго текста. Вотъ явное указаніе на то, что историко-литературныя свѣдѣнія (которыя могли быть сообщены или во Введеніи или въ Примѣчаніяхъ) необходимы читателю и для вѣрной эстетической оцѣнки Пѣсни о Роландѣ.

Что касается Примѣчаній переводчика къ Пѣсни о Роландѣ (стр. 139 и слѣд.), признавая ихъ очень содержательными и цѣнными, я позволяю себѣ усмотрѣть въ нихъ тотъ же существенный недостатокъ, что и во Введеніи гр. Де-ла-Барта: количество ихъ для такого древняго памятника слишкомъ ограничено (всего 30 примѣчаній на 4-хъ страницахъ), и носятъ они характеръ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько случайный: въ нихъ объяснены три-четыре географическихъ названія (изъ многихъ сотенъ ихъ), сообщено нѣсколько интересныхъ фактовъ относительно различныхъ (но далеко не всѣхъ) частей вооруженія XI вѣка, упоминаются нѣсколько разъ различныя версія поэмы (о которыхъ читатель ничего не находитъ въ Введеніи); объяснены отдѣльныя слова, часто вовсе не трудныя (напр. Пресъезъ); а между тѣмъ оставлены безъ объясненія сотни важныхъ собственныхъ именъ, бытовыхъ подробностей и противорѣчій въ текстѣ (въ родѣ, напр., счета французской арміи).

Рецензентъ увѣренъ, что при послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ нельзя не пожелать прекрасной книгѣ гр. Де-ла-Барта, какъ Введеніе будетъ пополнено историко-литературнымъ (хотя бы краткимъ) разборомъ поэмы, такъ и Примѣчанія много выиграютъ въ смыслѣ полноты и равномѣрности.

Въ виду всего вышеизложеннаго и главнымъ образомъ въ виду несомнѣнныхъ и крупныхъ достоинствъ перевода гр. Де-ла-Барта, какъ со стороны его вѣрности тексту, такъ и со стороны художественной, я полагаю, что его тяжелый и талантливо исполненный трудъ, столь полезный для русской литературы, вполне заслуживаетъ преміи имени А. С. Пушкина, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Отдѣленіе найдетъ возможнымъ.

Во время печатанія этого отзыва я случайно натолкнулся на любопытное указаніе относительно центральной фигуры французскаго эпоса, указаніе, которое при всей своей общезвѣстности, для изученія *chansons de geste*, если не ошибаюсь, привлекаемо не было. Константинъ Багрянородный въ 26-й главѣ *De administrando* говоритъ: . . . ὁ μέγας Λωθάριος, ὁ κάκκος τοῦ περιβλέπτου ῥηγὸς Οὐγῶνος, ἀπὸ τῆς γενεᾶς μεγάλου Καρούλου κατήγετο, περὶ οὗ πολὺς ἔπαινος ἐγχοῦνιά τε καὶ διηγήματα, καὶ περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα, т. е. Великій Лотарь, дѣдъ извѣстнаго короля Гугона, происходилъ изъ рода Карла Великаго, къ которому (относятся) *многая похвала, прославленія, и рассказы, и военные подвиги*.

Въ этой не очень грамотно построенной фразѣ, по моему мнѣнію, нельзя не видѣть указанія на то, что черезъ три-четыре поколѣнія послѣ смерти Карла Великаго до отдаленнаго Константинополя доходили не только извѣстія объ его военныхъ подвигахъ (*περὶ πολέμους ἀνδραγαθήματα — res gestae*), но и нѣсколько, можетъ быть, смутное представленіе о тѣхъ поэтическихъ похвалахъ (*ἐγχοῦνιά*), которыя звучатъ въ честь его, и о народныхъ сагахъ (*διηγήματα*), героемъ которыхъ сталъ онъ.

И такъ, слова эти служатъ косвеннымъ, не очень яснымъ, но за то дорогимъ по своей древности и достовѣрности свидѣтельствомъ о двухъ источникахъ *chansons de geste*: лиро-эпическихъ кантиленахъ и народныхъ преданіяхъ, получившихъ художественную обработку только впоследствии.

А. Кирпичниковъ.

III.

М. А. Лохвицкая (Жиберь). Стихотворенія. Москва, 1896 г. 8°.

Критическій разборъ, составленный графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Сборникъ стихотвореній М. А. Лохвицкой (Жиберь), представленный на соисканіе преміи имени Пушкина, заключаетъ въ себѣ около сотни стихотвореній, преимущественно лирическихъ и раздѣленъ авторомъ на четыре отдѣла. Въ первомъ сгруппированы стихотворенія мелкія, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1889 до 1895 года включительно; второй содержитъ въ себѣ «Русскіе мотивы»; третій—семь сонетовъ, и, наконецъ, четвертый, которому дано заглавіе: «Подъ небомъ Эллады», посвященъ отголоскамъ классическаго міра и антологіи. Но дѣленіе это чисто внѣшнее и, можно сказать, случайное. Въ сущности, весь сборникъ г-жи Лохвицкой и всѣ стихотворенія, въ немъ заключающіяся, имѣютъ одно содержаніе; содержаніе это исчерпывается словомъ *любовь*; стихотворенія г-жи Лохвицкой, за весьма рѣдкими исключеніями, воспѣваютъ и изображаютъ это старое, какъ міръ, какъ человѣчество чувство; но мы далеки отъ того, чтобы ставить такое однообразіе въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что въ поэзіи г-жи Лохвицкой сплошь просвѣчиваетъ истинное дарованіе, а внѣшняя форма стихотвореній весьма привлекательна. Стихомъ г-жа Лохвицкая владѣетъ хорошо: онъ звученъ, безыскусственно простъ, читается

легко и также легко запоминается—несомнѣнный признакъ правильности и красоты; къ достоинствамъ внѣшней формы стихотвореній г-жи Лохвицкой слѣдуетъ еще причислить богатство рѣчь, которымъ, къ сожалѣнію, многіе изъ современныхъ поэтовъ пренебрегаютъ. Какъ образецъ, мы приведемъ, въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго, слѣдующее стихотвореніе :

Если-бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
 Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,
 Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
 И живой, или мертвый, а былъ бы онъ мой!

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
 Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,
 Я достала-бъ его, не боясь ничего,
 Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
 И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,
 Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,—
 На рукѣ у меня заблестало-бъ оно!

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоёмъ,
 День и ночь я-бы жгла его тайнымъ огнемъ,
 Чтобы мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
 Только мной трепетало и билось оно!

Нельзя, мнѣ кажется, въ болѣе яркой, оригинальной и красивой формѣ выразить порывъ молодой и страстной любви, не вѣрящей въ возможность преградъ и смѣло заявляющей о своей всепобѣдной силѣ. Мы, конечно, выписали одно изъ лучшихъ стихотвореній сборника; встрѣчаются въ немъ пьесы и менѣе совершенныя по формѣ и даже вовсе неудачныя; но таковыхъ не много. Къ наиболѣе часто встрѣчающимся недостаткамъ формы въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой мы относимъ неправильное чередованіе мужскихъ и женскихъ рѣчь, а также смѣшанное стопосложеніе съ случайнымъ и неприятнымъ чередованіемъ

шести-, пяти- и четырех-стопныхъ ямбовъ, какъ напр. въ стихотвореніи «Мракъ и Свѣтъ». Если мы упомянемъ о встрѣчающемся кое-гдѣ отсутствіи обязательной цезуры въ шестистопныхъ ямбахъ, да о нѣкоторыхъ промахахъ, въ родѣ употребленія слова «плечей» вмѣсто «плечъ», мы исчерпаемъ всѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать г-жѣ Лохвицкой относительно формы ея стихотвореній.

Переходя къ внутреннему содержанію поэзіи г-жи Лохвицкой, мы должны замѣтить, что посвященное, какъ мы уже сказали, почти исключительно воспѣванію и изображенію одного чувства любви, и притомъ не отвлеченной, не мечтательной и, такъ сказать, романтической, а любви страстной и чувственной (изображеніе которой царитъ въ настоящее время во французской литературѣ), содержаніе это, столь ограниченное въ своемъ общемъ объемѣ, чрезвычайно разнообразится по настроенію, по краскамъ, по освѣщенію, и внѣшней формѣ воплощающихъ его стихотвореній, а потому и не утомляетъ читателя, не наскучаетъ, даже при послѣдовательномъ прочтеніи многихъ пьесъ подъ-рядъ, однотонностью налѣва и повтореніемъ однихъ и тѣхъ картинъ. Всѣ образы, картины, мысли и рѣчи, правда, насквозь проникнуты однимъ чувствомъ, одною страстью—но сами они до безконечности разнообразны и притомъ, взятые въ отдѣльности, почти всегда красивы, оригинальны и жизненны.

Для примѣра укажемъ на нѣсколько стихотвореній изъ разныхъ отдѣловъ сборника. Вотъ «Призывъ» любви:

Полу-прозрачной, легкой тѣнью
 Ложится сумракъ голубой;
 Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
 Хочу я встрѣтиться съ тобой...

Тоска любви!.. съ какою силой
 Она сжимаетъ сердце мнѣ,
 Когда не слышу голосъ милый
 Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ... небо ясно...
 Приди! — я жду тебя одна.
 О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
 Какъ упоительна весна! —

Все полно нѣги сладострастья,
 Незыяснимой красоты...
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

А вотъ, также призывъ любви, но уже въ другой формѣ, въ другихъ образахъ:

Въ день ненастный астра полевая
 Къ небесамъ свой вѣнчикъ подняла
 И молила, солнце призывая,
 Въ страстной жаждѣ свѣта и тепла:
 — «О, владыка дня,
 Оживи меня! —
 Я твоимъ сіяніемъ жила....»

И природы вѣчное свѣтило,
 Внявъ мольбамъ продрогшихъ лепестковъ,
 Вновь улыбкой землю озарило,
 Сбросивъ тучи мертвенный покровъ...
 Тьмы и хлада нѣтъ; —
 Ярко блещетъ свѣтъ
 Сквозь завѣсу влажныхъ облаковъ.

Но головку солнцу подставляя,
 Подъ его губительнымъ огнемъ
 Стала блекнуть астра полевая
 Все твердя въ безуміи своемъ:
 О, еще, молю!
 Я твой свѣтъ люблю,
 Жизнь моя и упоенье въ немъ!..

Тотъ же порывъ чувства, который въ первомъ стихотвореніи выраженъ въ лирической пѣснѣ, во второмъ воплощенъ въ образѣ стремящагося къ солнцу цвѣтка, жаждущаго его свѣта и тепла. Наконецъ, тотъ же мотивъ послужилъ содержаніемъ цѣлой картины, изображенной авторомъ въ «Легендѣ желтыхъ розъ» — стихотвореніи, помѣщенномъ въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Подъ небомъ Эллады».

Вотъ отрывокъ этого прекраснаго стихотворенія:

Мой брачный пиръ ужъ подходилъ къ концу,
 Когда я юношу прелестнаго узрѣла...
 Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ такъ шелъ къ его лицу...
 Не знаю, почему спросить я не посмѣла,
 Кто онъ; но все мнѣ нравилось въ немъ:
 И взоръ его, пылающій огнемъ,
 И кудри черныя, упавшія на плечи,
 И стройный станъ, и мужественный видъ,
 И легкій пухъ его ланить,
 Спаленныхъ солнцемъ... голосъ!.. рѣчи!
 О нѣтъ! — то былъ не человѣкъ, а богъ!
 Никто изъ смертныхъ, изъ людей, не могъ
 Вмѣстить въ себѣ такія совершенства!
 Онъ былъ хорошъ какъ юность, какъ любовь!
 И вмигъ ключомъ моя забила кровь,
 Вся трепетала я отъ муки и блаженства...
 И пышный пиръ былъ мною позабытъ;
 Я все смотрѣла, глазъ не опуская
 На милый ликъ. — «Вотъ, Федре дорогая, —
 Сказалъ Тезей, — мой сынъ, мой Ипполитъ;
 Люби его»... И я его люблю!
 Киприда свѣтлая! одинъ лишь мигъ молю,
 Дай счастья мнѣ! О, только мигъ одинъ!
 Сюда, — ко мнѣ!.. мой другъ!.. мой богъ!.. мой сынъ!..

Приведенные примѣры въ достаточной степени поясняютъ

высказанную нами мысль о томъ, что однообразіе и ограниченность содержанія въ поэзіи г-жи Лохвицкой въ значительной мѣрѣ искупаются той виртуозной игрой образовъ звуковъ и красокъ, которая невольно увлекаетъ читателя и не даетъ ему замѣтить, что въ сущности онъ перечитываетъ подъ разными видами одну и ту-же старую сказку.

Небольшая поэмка «У моря» и стихотвореніе «Эллада» даютъ основаніе полагать, что если бы г-жа Лохвицкая захотѣла развить въ себѣ склонность къ эпической поэзіи, она могла бы и въ этомъ родѣ создать произведенія, не лишеныя достоинства.

Для примѣра описательной поэзіи въ сборникѣ, мы приведемъ слѣдующіе отрывки изъ двухъ вышеназванныхъ пьесъ.

Изъ поэмы «У моря»:

Блещающій средь сумрака ночного
 Горѣлъ огнями Петергофъ.
 Громадная толпа гудѣла безтолково
 И, вырвавшись изъ мраморныхъ оковъ,
 Взметая вверхъ клубы алмазной пыли,
 Струи фонтановъ пламенныя били.
 Роскошныя гирлянды фонарей
Повиснули причудливо и ярко
На темной зелени отътеей —
 Какъ пестрые цвѣты диковиннаго парка
 Сверкая въ глубинѣ аллей
 И въ зеркалѣ прудовъ, обманывая взоры,
 Сливались въ волшебные узоры.

Изъ той-же поэмы:

Какая ночь! — Сребристое сіянье
 Клубясь, какъ дымъ, ложится на поля,
 И, кажется, весь міръ, и небо, и земля —
 Все замерло въ тревожномъ ожиданьи.

Безмолвный паркъ, мечтаній тайныхъ полнъ,
 Не шелеститъ листвою замороженной.
Издалика несутся вздохи волнъ
 И моря ропотъ возбужденный,
 А я смотрю, и жду, и рвусь туда,
 Куда летять всѣ мысли, всѣ желанья...
 Какъ сильно ароматъ разноситъ резеда...
 И лиліи не спятъ — ихъ жаркаго дыханья
 Порхнула мнѣ въ лицо душистая струя...
 Чу!.. полночь бьетъ!.. Уже!.. А тамъ что слышу я?
 То вѣтра шумъ, иль шепотъ заклинанья?
Иль иацинтовъ чудный звонъ?
 То счастья зовъ, иль арфы лепетанье,
 Иль безысходной муки стонъ?

Такое тѣсное сочетаніе лиризма съ описательной картинностью, такое чуткое пониманіе красотъ природы, сила и вѣрность эпитетовъ и, наконецъ, яркость образовъ положительно указываютъ, что эпическій родъ поэзіи могъ бы быть не чуждъ дарованію г-жи Лохвицкой; а слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія «Элада» свидѣтельствуеетъ, что авторъ вполне владѣетъ и простою, повѣствовательною стихотворною рѣчью — свойствомъ болѣе рѣдкимъ и цѣннымъ, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Поддержать въ читателѣ поэтическое настроеніе при передачѣ обыденныхъ простыхъ событій жизни и обстановки — одна изъ труднѣйшихъ задачъ поэтическаго творчества, для выполненія которой нѣтъ ни правилъ, ни законовъ. Только природное, такъ называемое поэтическое чутье — другими словами, опять-таки, дарованіе — можетъ при этомъ не дать повѣствованію впасть въ скучный прозаизмъ. Г-жа Лохвицкая обладаетъ этимъ чутьемъ и можетъ рассказывать самыя простыя вещи *языкомъ поэтическимъ*.

Какъ въ смутномъ снѣ, я помню знойный день,
 Держа въ рукахъ цвѣточныя корзины,

Усталая я сѣла на ступень
 У пьедестала мраморной Аѳины.
 Былъ полонъ рынокъ, солнцемъ залитой,
 Кипѣла жизнь роскошная Эллады.
 Плѣняли взоръ изящной простотой
 Красавицъ стройныхъ легкіе наряды.
 Какъ много лицъ мелькало предо мной;
 Философы, носильщики, рабыни...
 Звучалъ языкъ, забытый мною нынѣ,
 Но вѣкогда и близкій, и родной,
 И падали журча струи фонтана
 Изъ губъ открытыхъ каменнаго Пана,
 Но вотъ, неожиданно я окружена
 Ораторовъ толпой краснорѣчивой;
 Кому гвоздика пышная нужна,
 Кому корзинка съ жгучею крапивой,
 (Невзрачное растенье, но оно
 Одобрено безсмертной Афродитой
 И почему-то ей посвящено)
 Кому вѣнокъ изъ розъ, плющомъ увитый,
 Иль алый макъ, простой цвѣтокъ полей,
 Желанный тѣмъ, что намъ даетъ забвенье —
 Черезъ него въ блаженномъ сновидѣннѣ
 Покинутымъ отраду шлетъ Морфей;
 Его потомъ я оцѣнила тоже,
 Тогда-жъ — фіалки были мнѣ дороже.

Приведенные отрывки по красотѣ, простотѣ и образности поэтическаго повѣствованія могли бы быть смѣло включены въ эпическія произведенія нашихъ лучшихъ поэтовъ послѣ-Пушкинскаго періода, безъ всякаго ущерба для этихъ произведеній, и было бы жаль, если бы г-жа Лохвицкая пренебрегла этой стороной своего дарованія, ограничивъ его область исключительно лирикой. Наконецъ, въ сборникѣ встрѣчаются стихотворенія, хотя

и немногочисленные, въ которыхъ, со свойственной ей искренностью, г-жа Лохвицкая выражаетъ чувство неудовлетворенности земными наслажденіями и земною любовью, чувство стремленія къ чему то высшему и лучшему. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать цѣликомъ два такихъ стихотворенія, во-первыхъ потому, что сами по себѣ они превосходны, а во-вторыхъ потому, что появленіе ихъ изъ-подъ пера такой искренней писательницы, какъ г-жа Лохвицкая, подаетъ надежду на то, что поэтическій кругозоръ ея расширится и что талантъ ея почерпнетъ изъ сокровищницы жизни болѣе разнообразное и богатое содержаніе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Душѣ очарованной снятся лазурныя дали,
Нѣтъ силъ отогнать неотступную грусти истому,
*И рвется душа, трепеща отъ любви и печали,
Въ далекія страны, незримыя оку земному...*

Но время настанетъ, и, сбросивъ оковы безсилія,
Воспрянетъ душа, не нашедшая въ жизни отвѣта,
Широко расправитъ могучія, бѣлыя крылья
И узритъ чудесное въ моръ блаженства и свѣта!

Слѣдующее стихотвореніе, «Сумерки», еще изящнѣе, еще тоньше по построенію:

Съ сляньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья.

*Скользятъ въ туманъ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта
И блѣдныхъ образовъ черты
Забитыхъ межъ нидъ и идъ-то...*

И сердце жалостью полно,
 Какъ будто жжетъ его утрата
 Того, что было такъ давно...
 Что было отжито когда-то...

Мы можемъ только искренно пожелать, чтобы настроеніе, съ такой удивительной тонкостью переданное въ этомъ стихотвореніи (особенно замѣчательна вторая строфа) было предвѣстиемъ наступленія новаго творческаго періода въ литературной дѣятельности г-жи Лохвицкой, чтобы «обрывки мыслей» и «ключья свѣта» — превратились въ *настоящія мысли и настоящій свѣтъ*, который озарилъ бы для нея значеніе жизни не только, какъ алтаря любовныхъ наслажденій, не только какъ храма красоты, но и какъ чертога добра и божественной правды. Сбудется ли это наше пожеланіе, можетъ показать только будущее.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести на справку одно воспоминаніе, которое можетъ въ тоже время послужить для меня и руководствомъ къ составленію окончательнаго мнѣнія по вопросу о присужденіи г-жѣ Лохвицкой преміи имени Пушкина.

По выходѣ въ свѣтъ сборника стихотвореній г-жи Лохвицкой покойный К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вѣроятно лично знакомый съ авторомъ, передалъ покойному-же Аполлону Николаевичу Майкову и мнѣ по экземпляру этого сборника. Познакомившись съ его содержаніемъ, я по обычаю своему поспѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ Аполлономъ Николаевичемъ. Мы вмѣстѣ перечли многія стихотворенія, при чемъ я не могъ удержаться отъ восклицанія: «а вѣдь этотъ сборникъ, по моему мнѣнію, вполне достоинъ Пушкинской преміи!».

— «Половиной,»... съ улыбкой добавилъ Аполлонъ Николаевичъ. — «Надо еще посмотрѣть, что изъ Лохвицкой выйдетъ далѣе».

III.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ и Владиміромъ Шенрокомъ (съ приложеніями). Томъ шестой. М. и Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1896. VIII + 832 стр.

Тоже. Томъ седьмой (съ приложеніями). Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 1896. V + 1088 стр.

Критическій разборъ А. Н. Пыпина.

Приступая къ X-му изданію сочиненій Гоголя (т. I—V, М. 1889—1890), Н. С. Тихонравовъ руководился слѣдующими соображеніями, которыя онъ изложилъ въ предувѣдомленіи къ первому тому.

Во-первыхъ, до сихъ поръ текстъ сочиненій Гоголя не удовлетворялъ задачамъ критическаго изученія писателя. «Вслѣдствіе особыхъ, исключительныхъ условій *текстъ* сочиненій Гоголя, еще при жизни его, подвергся искаженіямъ и произвольнымъ поправкамъ. Поэтъ писалъ свои произведенія такъ неразборчиво, съ такими вопіющими отсутствіями отъ общепринятыхъ правилъ правописанія, нерѣдко даже замѣняя одну букву другою, что оригиналы этихъ произведеній могли быть правильно переписаны писцомъ только при неослабномъ личномъ руководствѣ автора».

Первое изданіе сочиненій Гоголя печаталось безъ его личнаго надзора; самъ онъ былъ за границей, и пріятель его Прокоповичъ, которому было поручено изданіе, внесъ въ него много произвольныхъ поправокъ и искаженій, которыя перешли и въ послѣдующія изданія. Такимъ образомъ становился необходимымъ пересмотръ текста и исправленіе его по собственнымъ рукописямъ Гоголя.

Во-вторыхъ, самъ Гоголь не успѣлъ выполнить задуманнаго имъ плана такого изданія его сочиненій, которое дало бы читателю возможность составить вѣрное представленіе о «теоретическихъ понятіяхъ», какія авторъ «имѣлъ о литературѣ и объ искусствѣ, и о томъ, что должно двигать литературу нашу». Такимъ образомъ становится необходимымъ приготовить изданіе, которое удовлетворяло бы потребностямъ историческаго изученія писателя. «Одною изъ характеристическихъ особенностей творчества Гоголя была медленность въ разработкѣ идеи и формы произведенія: разработка и переработка написаннаго произведенія совершалась въ теченіи цѣлыхъ годовъ, по частямъ, отрывками, одновременно съ работою надъ нѣсколькими другими произведеніями, въ перекрестныхъ направленіяхъ».

«Въ силу этой особенности своей художественной природы, Гоголь не разъ обращался къ новой переработкѣ, даже *напечатаннымъ* уже произведеніямъ своимъ: «Портретъ», «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» передѣлывались *заново* на пространствѣ *всего* блестящаго періода чисто-художественной дѣятельности Гоголя (1835 г. — 1842 г.)».

«Новыя воззрѣнія и впечатлѣнія вносились въ готовые, уже получившіе опредѣленную форму, сюжеты, и новыя симпатіи сказывались въ нихъ. . . Въ многочисленныхъ черновыхъ наброскахъ, передѣлкахъ, редакціяхъ «Тараса Бульбы», «Театральнаго Разъѣзда», первой части «Мертвыхъ Душъ» проходитъ передъ внимательнымъ наблюдателемъ исторія внутренней жизни поэта въ указанную эпоху. Набрасывая начерно эскизы своихъ поэтическихъ созданій, Гоголь вполне отдавался «посѣщавшему его

вдохновенію», и въ этихъ первыхъ наброскахъ изливались его думы и чувства съ необыкновенною искренностью, — искренностью, которою не всегда отличаются его письма. И вполнѣдствіи, возвращаясь къ отдѣлкѣ этихъ первыхъ, про себя сдѣланныхъ набросковъ, Гоголь начиналъ умѣрять и ограничивать излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая всѣ проявленія личнаго элемента и частныхъ, временныхъ чертъ... Укажемъ на «Театральный Разѣздъ», на статью «О движеніи журнальной литературы», на нѣкоторыя страницы въ первой части «Мертвыхъ Душъ». Эти черновые наброски даютъ, въ своей совокупности, нерѣдко болѣе цѣнные факты для исторіи внутренней жизни поэта, чѣмъ его письма, иногда излишне осторожныя, почти всегда сдержанныя и не обнаруживающія охоты посвящать друзей въ литературныя занятія ихъ автора. Поэтому для тѣхъ, кто желалъ бы разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, необходимо изучить этотъ трудъ Гоголя по сохранившимся документамъ».

На этихъ двухъ основаніяхъ Тихонравовъ поставилъ для своего изданія Гоголя двѣ задачи: установленіе правильнаго текста сочиненій Гоголя и возможную полноту собранія.

Въ основаніе текста онъ принялъ то изданіе пятидесятихъ годовъ, которое начато было Гоголемъ въ послѣдніе годы жизни и окончено послѣ его смерти — въ той части, которая была просмотрѣна самимъ Гоголемъ; затѣмъ Тихонравовъ воспользовался сохранившимися рукописями. Содержаніе этихъ рукописей онъ исчерпывалъ. Различныя редакціи сочиненій, возникавшія отъ первыхъ набросковъ до окончательной обработки, онъ издавалъ сполна; разнорѣчія между печатными текстами и рукописями, между прочимъ вслѣдствіе цензурныхъ передѣлокъ, онъ съ точностью передавалъ въ «вариантахъ», — такъ что здѣсь собираемъ былъ *весь матеріалъ* работъ Гоголя надъ своими сочиненіями, какой только сохранился въ оставшихся бумагахъ. Съ такою же обстоятельностью Тихонравовъ исполнялъ другую свою задачу: исторію текста произведеній Гоголя. Изъ переписки

Гоголя, изъ сохранившихся біографическихъ свѣдѣній онъ собиралъ указанія о томъ, какъ возникало и исполнялось то и другое произведеніе, провѣрялъ эти данныя уцѣлѣвшими рукописными текстами и набросками, такъ что возстановлялась, насколько возможно, исторія каждой работы Гоголя.

Извѣстно, какъ обѣ эти задачи были исполнены Тихонравовымъ. Въ изданныхъ имъ томахъ, комментаріи и варианты занимаютъ въ каждомъ цѣлыя сотни страницъ.

Но Тихонравовъ не успѣлъ докончить своего изданія. Имъ издано было пять томовъ и смерть застигла его среди работы надъ шестымъ.

Для окончанія этого труда собственникъ изданія пригласилъ г. Шенрока, и это было наилучшимъ, что онъ могъ сдѣлать. Уже многіе годы г. Шенрокъ посвящалъ ревностнымъ изслѣдованіямъ по біографіи Гоголя, которую онъ между прочимъ обогатилъ ранѣе неизданными и неизвѣстными матеріалами. При этомъ, однимъ изъ основныхъ его интересовъ было, конечно, изслѣдованіе развитія творчества Гоголя и имъ былъ внимательно изученъ весь матеріалъ изданія Тихонравова, насколько оно вышло тогда въ свѣтъ. Г. Шенрокъ высоко цѣнилъ изданіе Тихонравова, которое цитировалось имъ какъ авторитетный источникъ: эту оцѣнку труда Тихонравова онъ изложилъ въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, 13-го марта 1894, въ рѣчи напечатанной потомъ, въ дополненномъ видѣ, въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», который изданъ былъ въ 1894 друзьями и учениками профессора (М. 1894, стр. 92—122: «Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя»). Эта статья г. Шенрока есть подробная исторія и характеристика работъ Тихонравова надъ Гоголемъ, и авторъ заключилъ статью слѣдующими словами: «Научные приемы Тихонравова имѣли большое значеніе не только для его собственныхъ работъ, но могутъ также служить прекраснымъ образцомъ для молодыхъ ученыхъ, для которыхъ важно познакомиться съ рѣдкой солидностью и основательностью трудовъ Тихонра-

вова, качествами, ставящими нашего покойнаго изслѣдователя сочиненій Гоголя на ряду съ лучшими учеными западной Европы».

Понятно, что приглашенный продолжать изданіе, большая доля котораго уже была исполнена Тихонравовымъ, г. Шенрокъ принялъ сполна ту же программу изданія, которая вызывалась сущностью задачи, и которую онъ еще раньше такъ высоко оцѣнивалъ. Въ первыхъ словахъ своего предисловія къ VI тому изданія г. Шенрокъ говорилъ: «Принявъ на себя большой и отвѣтственный трудъ по окончанію настоящаго изданія сочиненій Гоголя, остановившагося за смертью Н. С. Тихонравова на первой половинѣ предлагаемаго шестаго тома (покойнымъ были отпечатаны только первые двадцать листовъ), мы поставили своей задачей, сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ». Дѣйствительно, г. Шенрокъ точно также печаталъ тексты, старательно сличая рукописные и печатные матеріалы и собирая обширные варианты; и точно также старался изслѣдовать исторію тѣхъ пьесъ и набросковъ Гоголя, какіе вошли въ VI и VII томы изданія, — за однимъ исключеніемъ, о которомъ упомянемъ далѣе.

Какъ сказано, въ VI-мъ томѣ было напечатано Тихонравовымъ двадцать листовъ текста, — еще пятнадцать листовъ текста было напечатано г. Шенрокомъ.

Въ VII-мъ были уже набраны двѣ первыя полныя редакціи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», но (по смерти Тихонравова) сохранить наборъ оказалось невозможнымъ и вся работа должна была повториться вновь; затѣмъ, повидимому, листы 24—30 текста были вновь составлены г. Шенрокомъ. Примѣчанія редактора и варианты, составляющіе почти сполна работу г. Шенрока, занимаютъ въ VI-мъ томѣ страницы 542—827 за исключеніемъ исторіи текста «Ревизора» (стр. 587—619), которая взята изъ прежней отдѣльной работы Тихонравова надъ этой комедіей. Въ VII-мъ томѣ эти примѣчанія редактора и варианты занимаютъ страницы 475—826; затѣмъ описаніе рукописей стра-

ницы 829—947, гдѣ г. Шенрокъ могъ отчасти воспользоваться работой Тихонравова; наконецъ, нѣсколько указателей къ цѣлому изданію составленныхъ исключительно г. Шенрокомъ, занимаютъ страницы 949—1087.

Таковъ внѣшній объемъ работы. Въ собираніи вариантовъ г. Шенрокъ могъ воспользоваться трудомъ Тихонравова лишь въ очень незначительной степени, и одна эта часть редакціи изданія, собираніе крупныхъ и мелкихъ разнорѣчій, должна была потребовать большого труда. Съ такимъ же стараніемъ г. Шенрокъ исполнялъ другую сторону задачи — объясненіе исторіи писательской дѣятельности Гоголя. Каждая пьеса, крупная и мелкая, каждый набросокъ и отрывокъ находятъ свое историческое объясненіе. Въ VI-мъ томѣ, особливо подробное объясненіе дано исторіи текста комедіи «Женитьба» (стр. 545—575), въ дополненіе къ статьѣ самого Тихонравова во II-мъ томѣ изданія, и указаніе вариантовъ занимаетъ страницы 575—587. Далѣе, обширныя объясненія посвящены второй редакціи «Ревизора» (стр. 631—666), программѣ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ, статьѣ о петербургской сценѣ въ 1835—1836 году, статьѣ о движеніи журнальной литературы въ 1834—1835 годахъ, рецензіямъ Гоголя въ «Современникѣ», Пушкина, первоначальной редакціи «Коляски» и т. д. Въ VII-мъ томѣ обширный трактатъ занятъ исторіей текста первой части «Мертвыхъ Душъ» (стр. 475—597 и варианты, стр. 597—776) опять въ дополненіе къ прежней работѣ Тихонравова объ окончательномъ текстѣ «Мертвыхъ Душъ», причемъ опять приведено множество вариантовъ изъ сохранившихся отдѣльныхъ черновыхъ набросковъ. Далѣе, г. Шенрокъ подробно останавливается на тѣхъ страницахъ, которыя передѣланы были Гоголемъ по выходѣ въ свѣтъ «Мертвыхъ Душъ»; объясняетъ вновь найденные наброски къ первой и ко второй части «Мертвыхъ Душъ».

Обширный отдѣлъ, заключающій описаніе рукописей Гоголя, былъ только начатъ Тихонравовымъ и доведенъ г. Шенрокомъ до конца: онъ долженъ былъ выяснитъ весь внѣшній со-

ставъ матеріала, какой былъ въ рукахъ редактора въ этомъ изданіи Гоголя. Здѣсь описано все до послѣдняго листка и между прочимъ сообщено не мало отдѣльныхъ замѣтокъ Гоголя. Наконецъ г. Шенрокъ составилъ упомянутый обширный указатель, ко всѣмъ семи томамъ, который распадается на нѣсколько частныхъ указателей. Во первыхъ, въ указателѣ *хронологическомъ* находимъ перечень произведеній Гоголя въ хронологическомъ порядкѣ съ 1825 до 1852 года; затѣмъ данъ списокъ годовъ, встречающихся въ текстѣ настоящаго изданія съ 1864 до 1895 (что можетъ представляться излишнею роскошью). Указатель *собственныхъ именъ* заключаетъ имена личныя, географическія, заглавія статей и даже собачьи клички. Указатель *предметный* заключаетъ всякіе предметы, какіе редакторъ изданія счелъ нужнымъ отмѣтить въ сочиненіяхъ Гоголя. Для отдѣла примѣчаній редактора и вариантовъ составленъ *отдѣльный* указатель, одна часть котораго посвящена собственнымъ именамъ всякаго рода, личнымъ, географическимъ, литературнымъ, а другая предметамъ.

По нѣкоторымъ пунктамъ г. Шенрокъ сдѣлалъ однако небольшія отступленія отъ порядка изданія, принятаго Тихонравовымъ. Въ «предувѣдомленіи» къ I тому Тихонравовъ предполагалъ помѣстить въ изданіи только выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя и раньше изданія дѣйствительно помѣстилъ въ одномъ журналѣ только выдержки; но, судя по оставшимся послѣ него конспектамъ, онъ колебался относительно этого пункта и думалъ потомъ напечатать въ VI томѣ ихъ полный текстъ, — г. Шенрокъ помѣстилъ полный текстъ. Далѣе, г. Шенрокъ прибавилъ небольшую шуточную замѣтку Гоголя. Относительно лекцій Гоголя по исторіи, г. Шенрокъ отложилъ объясненія къ нимъ до особаго изслѣдованія, такъ какъ объясненіе этого вопроса потребовало бы много времени. Къ наброскамъ Гоголя, относящимся къ древней исторіи, которые Тихонравовъ занесъ въ свою программу, г. Шенрокъ присоединилъ наброски по русской исторіи, которые нашелъ разбѣянными въ его бумагахъ. Далѣе, г. Шенрокъ говоритъ: «Единственное, сдѣланное нами,

намѣренное отступленіе отъ традиціи Н. С. Тихонравова касается орфографіи. Какъ видно изъ отпечатанныхъ первыхъ двадцати листовъ, покойный ученый старался сохранить въ своемъ изданіи тѣ изъ особенностей Гоголевскаго правописанія, которыми великій писатель оставался вѣренъ постоянно. Такъ Гоголь всегда писалъ: «всякой», «мѣлкій» и проч. Но какъ показало дѣло, сохранить въ данномъ случаѣ безусловную послѣдовательность оказалось рѣшительно невозможнымъ; укажемъ напр. на 15 страницъ предлагаемаго тома въ VI явленіи «Жениховъ» въ одной и той же репликѣ Жевакина: «пожалуйста, душенька», «спасибо, душинька» и «благодарю, душенька». И дѣйствительно, такую же точно непослѣдовательность мы встрѣчаемъ и въ подлинной рукописи. Въ виду этого, не находя возможнымъ установить строгую границу между нѣкоторыми прихотливыми особенностями Гоголевскаго правописанія и случайными орфографическими ошибками нашего писателя, мы находимъ болѣе удобнымъ отмѣчать то и другое въ вариантахъ, удерживая лишь, по примѣру Н. С. Тихонравова, такія особенности Гоголевской транскрипціи, какъ напр. щекатурка, сурьезный. Сохраненіе же своеобразностей Гоголевскаго правописанія можетъ иногда производить на читателя непріятное впечатлѣніе частыхъ опечатокъ; такъ на стр. 4-й встрѣчаемъ слѣдующія точно воспроизведенныя по рукописи ошибочныя начертанія: «безъотчетный, суботный, мѣлкій»; очень часто встрѣчается также у Гоголя невѣрное начертаніе: «мелодрамма» (но иногда и правильно съ однимъ м) и проч. Лично, впрочемъ, мы не склонны придавать значеніе собственно *правописанію* Гоголя».

Относительно VII-го тома г. Шенрокъ объясняетъ, что въ виду непомерно разросшагося матеріала (VI т. заключаетъ 52-печатныхъ листа, VII-й—68) онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія привести въ описаніи рукописей всѣ выписки Гоголя изъ интересовавшихъ его книгъ и составить указатель къ этому отдѣлу.

По той же причинѣ не внесенъ составленный Гоголемъ не-

большой словарь простонародныхъ словъ, напечатанный Тихонравовымъ раньше въ «Сборникѣ Общества любителей россійской словесности»; впрочемъ онъ не былъ внесенъ въ программу изданія и самимъ Тихонравовымъ. Наконецъ, относительно указателей г. Шенрокъ, руководясь заботами о полнотѣ, объясняетъ, что онъ «опустилъ указанія страницъ, на которыхъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» упоминается имя Чичикова, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы приводить почти всѣ страницы; по этой же причинѣ не отмѣчены страницы, гдѣ напримѣръ встрѣчается имя Божіе въ «Размышленіяхъ о Божественной Литургіи», или имя Гоголя въ примѣчаніяхъ редактора и вариантахъ, такъ какъ подобное перечисленіе почти сплошь всѣхъ страницъ извѣстныхъ отдѣловъ, конечно, уже не отвѣчало бы задачамъ указателя». Какъ видимъ, г. Шенрокъ черезчуръ преувеличивалъ здѣсь свою заботливость.

Таковъ составъ работы г. Шенрока по изданію VI-го и VII-го тома сочиненій Гоголя. Въ постановкѣ ея онъ слѣдовалъ плану, принятому Тихонравовымъ. Къ г. Шенроку не относились бы возраженія, какія могъ вызвать этотъ планъ. Не говоря о той точкѣ зрѣнія, какую высказалъ нѣкогда Гончаровъ въ своемъ трактатѣ о «нарушеніи воли»,—подобное изданіе *оплаз* бумагъ являлось бы такимъ же «нарушеніемъ», какъ изданіе переписки, не назначавшейся для печати; самъ Гоголь пришелъ бы въ ужасъ отъ этого раскрытія всѣхъ, самыхъ мелкихъ частныхъ его интимной работы, гдѣ онъ собиралъ мелькавшія подробности художественнаго вдохновенія, отмѣчалъ отрывочныя наблюденія, пополнял свои недостаточныя свѣдѣнія о той Россіи, для которой хотѣлъ стать учителемъ,—не говоря объ этой точкѣ зрѣнія, можно было видѣть нѣкоторое излишество въ желаніи абсолютной полноты даже въ передачѣ мелкихъ вариантовъ и ореографическихъ ошибокъ: эти ошибки и мелкіе варианты можно было бы оговорить въ одномъ общемъ объясненіи свойства рукописей. Но такой взглядъ встрѣчался съ другой точкой зрѣнія. Безъ «нарушенія воли» невозможна исторія и біографія, и Го-

голь въ особенности представлялъ своеобразную личность и своеобразное литературное явленіе. Онъ занялъ въ русской литературѣ особое господствующее положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ его личность была столь оригинальна и столь замкнута, онъ такъ мало высказывался даже съ самыми близкими людьми, что для уразумѣнія его не только какъ человѣка, но и какъ писателя становилось необходимо внимательное изученіе всего, что отъ него осталось. Это изученіе являлось не только исторической потребностью, но казалось даже требованіемъ пѣтета къ великому писателю. Такъ смотрѣлъ на это Тихонравовъ. Той же точки зрѣнія издавна держался г. Шенрокъ, который въ своей биографіи Гоголя собиралъ малѣйшія подробности о Гоголѣ и былъ вообще его апологетомъ. Понятно, что за трудомъ Тихонравова онъ признавалъ безусловный авторитетъ.

Г. Шенроку предстояло только докончить начатое Тихонравовымъ, строго держась сохранившихся отъ него конспектовъ того, что должны были заключать VI-й и VII-й томы. Какъ видно изъ его отвѣтовъ на критическія замѣчанія, явившіяся по поводу изданныхъ имъ томовъ, г. Шенрокъ былъ даже обязанъ къ выполненію конспектовъ Тихонравова контрактами съ издателемъ и съ опекунами имущества покойнаго Тихонравова. Поэтому въ своихъ предисловіяхъ г. Шенрокъ считалъ необходимыми такія подробныя оговорки о тѣхъ небольшихъ измѣненіяхъ противъ плановъ Тихонравова, какія онъ счелъ нужными по самому существу дѣла.

Какъ мы видѣли, эти измѣненія весьма не велики и могутъ быть вполне оправданы; между прочимъ и приведенныя выше замѣчанія о «правописаніи» Гоголя. Этого правописанія, собственно говоря, не было, и достаточно было оговорить этотъ пунктъ однажды, чтобы не утомлять читателя доказательствами этого въ самыхъ писаніяхъ Гоголя (здѣсь имѣются въ видѣ тѣ его тексты, которые печатались изъ рукописей, какъ варианты и какъ историко-литературный матеріалъ).

Весь основной трудъ по изданію произведеній Гоголя, его

набросковъ и замѣтокъ, частью вариантовъ извѣстныхъ ранѣ сочиненій, частью новыхъ, этотъ трудъ исполненъ г. Шенрокомъ весьма обстоятельно и достаточно взглянуть на безконечные списки вариантовъ, чтобы оцѣнить положенную на ихъ составленіе громадную работу. Редакторскія примѣчанія г. Шенрока, заключающія исторію различныхъ произведеній Гоголя, весьма полно собираютъ матеріалъ, который служитъ для объясненія этой исторіи. Нѣкоторые критики ставили ему въ упрекъ, что въ число матеріаловъ для объясненія «Ревизора» не помѣщенъ тотъ первоначальный сценическій текстъ, который былъ раньше изданъ Тихонравовымъ отдѣльною книжкой «Ревизоръ, и пр. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. Тихонравовымъ». Москва, 1886); но г. Шенрокъ объясняетъ, что этотъ текстъ опущенъ потому, что не былъ поставленъ самимъ Тихонравовымъ въ его конспектѣ VI-го тома, — почему это было такъ сдѣлано, несовсѣмъ понятно.

При огромной массѣ мелкихъ фактовъ, съ какою приходилось имѣть дѣло г. Шенроку, трудно было обойтись безъ нѣкоторыхъ неисправностей. Онъ самъ признаетъ нѣкоторые недостатки корректуры въ отдѣлѣ вариантовъ. Можно было бы указать еще нѣсколько неисправностей подобнаго корректурнаго свойства. Напримеръ, печатая въ исторіи текста «Ревизора» статью Тихонравова изъ упомянутой книжки 1886 года, г. Шенрокъ недостаточно объясняетъ читателю происхожденіе этой статьи и, прибавляя къ ея тексту свои дополнительныя примѣчанія, опять недостаточно отдѣляетъ ихъ отъ примѣчаній самого Тихонравова, или повторяетъ ссылки на страницы этой книжки, которыми читатель не можетъ воспользоваться въ ея перепечаткѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Шенрокъ опять теряетъ мѣру въ заботливости своего комментарія. Напр. приводя наброски Гоголя изъ древней исторіи, онъ объясняетъ, что Гоголь дѣлалъ выдержки изъ Геродота и въ доказательство приводитъ длинный эпизодъ изъ Геродота въ греческомъ подлинникѣ (т. VI, стр. 789—790), причемъ замѣчаетъ тотчасъ, что переводныя выдержки сдѣ-

ланы: «разумѣтся, не прямо съ греческаго языка, котораго Гоголь, какъ извѣстно, не зналъ вовсе»: зачѣмъ же нужна была эта греческая цитата?

Но въ дѣломъ, внимательный и настойчивый трудъ г. Шенрока заслуживаетъ всякаго уваженія¹⁾. «Мы, — говоритъ онъ въ предисловіи къ заключительному тому изданія, — отнюдь не можемъ имѣть самонадѣянныхъ притязаній на сравненіе нашихъ посильныхъ работъ съ образцовымъ трудомъ такого капитальнаго ученаго, какимъ былъ нашъ почтенный предшественникъ; но чувство глубочайшаго благоговѣнія, какъ къ нему, такъ еще болѣе къ самому издаваемому автору, побуждало насъ всѣми силами стремиться къ той идеальной отчетливости и полнотѣ, какими всегда выдѣлялось все выходившее изъ-подъ пера покойнаго Н. С. Тихонравова. Представляя теперь послѣдніе два тома на судъ критики и общества, мы можемъ желать только того, чтобы вложенный нами въ дѣло упорный и, смѣемъ надѣяться, добросовѣстный трудъ до нѣкоторой степени послужилъ искупленіемъ ускользнувшихъ отъ насъ, быть можетъ, недосмотровъ». Изъ того, что мы говорили выше, можно видѣть, сколько дѣйствительно добросовѣстнаго труда г. Шенрокъ положилъ на изученіе рукописей Гоголя, на ихъ сопоставленіе и сличеніе въ настоящемъ изданіи, на опредѣленіе исторіи произведеній Го-

---

¹⁾ Прибавимъ, что трудъ г. Шенрока вообще вызвалъ въ печати весьма сочувственные отзывы. См.:

— Р. Мысль, 1896, ноябрь, 3-й отд., стр. 503—504.

— Р. Старина, 1896, сентябрь, на оберткѣ.

— Наблюдатель, 1896, ноябрь, отд. 2-й, стр. 17—19.

— Сѣверный Вѣстникъ, 1896, июль, стр. 322—323.

— Кіевская Старина, 1896, июль — августъ, библиографія, стр. 27—30, ст. Евг. Пѣтухова.

— Р. Вѣдомости, 1896, № 131, 143, 163, 180, рядъ статей В. Якушкина: «Изъ исторіи творчества Гоголя».

— Р. Обзоріе, 1896, августъ, стр. 859—860.

На замѣчанія, сдѣланныя въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ, г. Шенрокъ отвѣчалъ въ «Р. Вѣдомостяхъ» того же года, 29-го іюля, № 207 и въ «Р. Обзоріи», сентябрь, стр. 471—473.

голя, и наконецъ на то, чтобы составленіемъ указателей облегчить дальнѣйшимъ изслѣдователямъ изученіе Гоголя. Вмѣстѣ съ біографіей Гоголя, это довершеніе сложнаго изданія, начатаго Тихонравовымъ, составитъ большую заслугу г. Шенрока въ объясненіи нашего великаго писателя.

IV.

Листни изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ рассказовъ В. П. Авенариуса. Съ портретомъ автора и 14 отд. рисунками Н. П. Загорскаго и Т. И. Никитина. Спб. 1893.
Ц. 1 р. 50 к. (стран. 229).

Критическій разборъ, составленный В. П. Острогорскимъ.

Въ исторіи русской дѣтской литературы существуетъ два рѣзко отличающихся другъ отъ друга періода. Въ первомъ, приблизительно до шестидесятыхъ годовъ, въ дѣтской беллетристикѣ, за рѣдкими исключеніями, господствуетъ голая, надоедливая, мораль, сентиментальность, искусственность. Пишущіе для дѣтей почти никогда не отличаются талантливостью художника, и дѣтскія книги скучны, не давая ничего ни уму, ни сердцу, ни воображенію ребенка. Не мудрено поэтому, что маломальски даровитыя дѣти не любили этой *«своей»* литературы, ища художественной пищи въ книгахъ для взрослыхъ. Но, подъ вліяніемъ измѣнившихся въ русскомъ обществѣ взглядовъ на задачи воспитанія, измѣняются и требованія отъ дѣтской книги. И вотъ, мало-помалу, наступаетъ повый, второй, періодъ, когда къ послѣдней уже начинаютъ предъявляться тѣ-же самыя художественныя требованія, какія предъявляемъ мы и къ литературѣ взрослыхъ. За неизмѣнимъ же еще книгъ художественныхъ, написанныхъ специально для дѣтей, является рядъ уже болѣе или менѣе инте-

ресныхъ и удачныхъ выборокъ, сокращеній или передѣлокъ, преимущественно изъ большой литературы иностранной, а затѣмъ появляются и оригинальныя прекрасныя произведенія для дѣтей, написанныя уже настоящими художниками, Полонскимъ, Плещеевымъ, Потѣхинымъ, Засодимскимъ и др.; нынѣ же не брезгаютъ писать для дѣтей очень многіе русскіе писатели, какъ Немировичъ-Данченко, Маминъ-Сибирякъ, Мордовцевъ, Потапенко, Альбовъ, Баранцевичъ и др. И въ настоящее время, кажется, уже несомнѣнно—изъ беллетристики признается годнымъ для дѣтей единственно только то, чтѣ, воспитывая художественно-этически дѣтскую душу, возбуждая въ ней благородныя и прекрасныя мысли и чувства, можетъ быть въ то-же время интереснымъ и художественнымъ и для взрослыхъ.

Среди этой-то новой художественной дѣтской литературы одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣсть уже много лѣтъ, по всей справедливости, занимаетъ В. П. Авенариусъ. Выступилъ онъ въ литературу еще въ 1865 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», а затѣмъ, участвуя талантливими повѣстями въ «Вѣстникѣ Европы», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обзорѣніи», въ «Недѣлѣ», онъ съ семидесятихъ годовъ всецѣло посвящаетъ свой талантъ дѣтямъ и его *«Книга былинъ»*, *«Сказки»*, *«Васильки и колосья»*, особенно же оригинальныя, и въ своемъ родѣ единственныя у насъ, книги *«Отроческіе»* и *«Юношескіе годы А. С. Пушкина»* одинаково интересныя и для дѣтей, и для взрослыхъ, стали любимѣйшими книгами русскаго юношества. Прекрасный, живой и необыкновенно простой языкъ, мастерской разсказъ, захватывающій читателя, порой доходящій до драматизма; умѣнье выбрать, выдвинуть, освѣтить, только самое нужное, существенное; отсутствіе слащавости, сентиментальности, малѣйшей поддѣлки подъ ребячью или народную рѣчь; благородная мораль, идейность, вполне естественно вытекающая изъ изображенной жизни, изъ говорящихъ воображенію и чувству образовъ и картинъ; представленіе высокаго, прекраснаго, граціознаго, возбуждающаго въ юношѣ любовь къ жизни, къ родинѣ,

къ человѣчеству; гуманность въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, добродушный юморъ — вотъ симпатичныя черты этого писателя, всецѣло отдавашаго талантъ свой «пробужденію чувствъ добрыхъ» въ подростяющихъ поколѣніяхъ.

Если очень трудно писать собственно для дѣтей вообще, то тѣмъ болѣе трудно писать для нихъ о нихъ же самихъ. Дѣти, какъ и простолюдины, не любятъ читать про самихъ себя: — ихъ вниманіе привлекается скорѣе чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, новымъ, изъ міра другого, имъ неизвѣстнаго. Но великій магъ и волшебникъ-художникъ, ему одному данною силой, умѣеть и въ самомъ обыденномъ, всѣмъ, повидимому, извѣстномъ, открыть и въявь показать новое, неизвѣстное, и такимъ образомъ сдѣлать это старое какъ бы новымъ, въ извѣстномъ отыскать доселѣ неизвѣстное. Таковы классическія книги С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова внука»; таковы «Дѣтство» и «Отрочество» гр. Л. Толстого, хотя написанныя и не для дѣтей, но составляющія любимѣйшее дѣтское чтеніе. Въ чемъ же здѣсь сила? Сила эта въ непосредственномъ воспроизведеніи настоящей дѣтской жизни, со всею искренностью и наивностью съ одной стороны, и въ то-же время, глубокою мудростью художника, незамѣтно раскрывающей внутренній, сокровенный смыслъ этой жизни, съ другой. Точно рассказываетъ дѣтямъ своимъ свою собственную жизнь добрый отецъ или дѣдушка, сохранившій до старости ясность души и любовь къ жизни, и къ нимъ самимъ, этимъ ребятамъ, а такіе живые рассказы, хотя бы и про дѣтей, не могутъ дѣтямъ не нравиться.

Къ этимъ-то великимъ произведеніямъ С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого, какъ педагогическимъ, присоединили бы мы и «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній», конечно, отнюдь не сравнивая съ громадными талантами названныхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей скромнаго таланта г. Авенаріуса, но которому, все-таки, по нашему мнѣнію, принадлежитъ по праву, въ ряду именно дѣтскихъ воспоминаній, послѣ этихъ двухъ авторовъ, *первое* мѣсто, тѣмъ болѣе, что «Листки», хотя и написаны собственно

для дѣтей, не разсчитывая, какъ Аксаковъ и Толстой, на взрослыхъ, но тѣмъ не менѣе, съ большимъ интересомъ читаются и взрослыми.

«Листки», какъ указано и въ заглавіи, носятъ характеръ вполне автобіографическій. Самъ семьянинъ, любовно лелѣющій въ душѣ, какъ святыню, добрыя фамиліиныя воспоминанія о своихъ собственныхъ родителяхъ, дядяхъ, теткѣ, братьяхъ и сестрахъ, о своемъ, ушедшемъ въ невозвратную даль, золотомъ дѣтствѣ, авторъ простодушно и искренно, съ необыкновенной теплотой и задушевностью, обращается къ своему идиллическому прошлому и беретъ изъ него въ десяти эпизодическихъ очеркахъ только отроческій періодъ отъ 6—15 лѣтъ, домъ дяди и родителей съ ихъ школой, гдѣ получилъ онъ подготовительное къ гимназіи образованіе, затѣмъ четыре класса гимназіи, которой, впрочемъ, авторъ, ограничиваясь исключительно семьей, почти не касается вовсе, и заключаетъ свои рассказы неожиданной смертью, отъ холеры, своего любимаго отца.

Предъ нами трудовая и благочестивая нѣмецкая обрусѣлая семья изъ трехъ пожилыхъ братьевъ: двухъ почтенныхъ лютеранскихъ пасторовъ и третьяго, главнаго доктора одной изъ петербургскихъ больницъ. Кромѣ нихъ еще живы и сестры. Всѣ три брата женаты. Одинъ изъ нихъ — Петръ, старый дерптскій студентъ, пѣвецъ и прирожденный ораторъ, пасторъ въ Царскомъ Селѣ, отецъ многочисленной семьи изъ десяти человѣкъ, четырехъ сыновей и шести дочерей, не считая пяти умершихъ, держитъ церковную школу, гдѣ и преподаетъ самъ съ женой и взрослыми дочерьми, преподавая также въ лицей и въ корпусъ. Это уважаемый во всемъ приходѣ человѣкъ, серьезный и строгій, лично извѣстный императору Николаю Павловичу, но карьеры себѣ составить не умѣвшій, живя скромно своими трудами. Другой братъ, Василій, тоже пасторъ, но въ Славянкѣ, близъ Павловска, страстный садоводъ и пчеловодъ, бездѣтный и зажиточный, беретъ къ себѣ на воспитаніе младшаго шестинедѣльнаго племянника Васю. Жизнь Васи до семи лѣтъ у баловника дяди (два

первыхъ Листка), четыре года въ школѣ у отца въ Царскомъ (третій Листокъ); каникулы, сначала въ Славянкѣ (четвертый и пятый, уже по поступленіи въ гимназію), а потомъ у отца въ селѣ Волесѣ на финляндской границѣ, куда приглашаютъ Петра къ себѣ, на его же родину, прихожане (Листки — шестой, седьмой, восьмой и девятый), наконецъ экзамены въ гимназіи и смерть отца (Листокъ десятый) — вотъ и все незатѣйливое содержаніе книги, которую рассмотримъ подробнѣе по отдѣльнымъ рассказамъ (Листкамъ).

Книга начинается маленькимъ рассказомъ «Ночные страхи». Шестилѣтній Вася, баловень своего пріемнаго отца-дяди и пожилой дѣвицы тети Ани, сущаго ангела по чистотѣ и добротѣ, о которой и черезъ сорокъ лѣтъ вспоминаютъ, какъ о святой. Съ трогательной простотой описываетъ авторъ ея заботы о малюткѣ, который спитъ съ ней въ одной комнатѣ, первое ласковое ученье, свои дѣтскіе сны и грезы, ночные страхи передъ воображаемыми ворами, которыми оказывается наблудившая въ столовой кошка, или привидѣніемъ, оказавшимся при лунномъ свѣтѣ простымъ полотенцемъ. Мальчикъ въ ужасѣ зоветъ тетю, — тетя успокаиваетъ дитя лаской... Вотъ и все... И какъ это все обыкновенно, просто... Но какая это миниатюра красивая, граціозная, близкая всѣмъ намъ по воспоминаніямъ дѣтства!

Второй рассказъ «Какъ я былъ разносчикомъ» уже полонъ болѣе глубокаго содержанія. Мы среди богатаго плодоваго и пчелинаго хозяйства стараго пастора-дяди, выгодно сбывающаго ягоды, яблоки и медъ въ столицу. Своимъ страстнымъ уходомъ за любимымъ садомъ онъ увлекаетъ и ребенка, которому отводитъ въ саду особый участокъ. Обильные барыши дяди соблазняютъ Васю, и онъ мечтаетъ и самъ выручить съ своего крошечнаго участка «страсть сколько денегъ». Коммерческій духъ пріобрѣтенія, обогащенія, подобно большинству дѣтей, обуялъ и его. Но ураганъ въ одну ночь произвелъ на участкѣ страшный погромъ: вся земля кругомъ была усѣяна сбитыми съ деревьевъ яблоками. И вотъ, у ребенка является блажная мысль, не говоря

никому ни слова, пойти въ воскресенье къ церкви съ корзиной и распродать сбитыя яблоки прихожанамъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ отправляется на погостъ, и на удивленіе и на смѣхъ послѣднимъ распродаетъ почти весь товаръ, чрезвычайно довольный спекуляціей, но осыпанный непонятными для него насмѣшками. «Въ полномъ церковномъ облаченіи, мирно и чинно возвращающійся изъ церкви всѣми уважаемый пасторъ», накрываетъ проказника, но, хотя и глубоко возмущенный торгашеской попыткой, тѣмъ не менѣе, кротко относится къ племяннику, отдавшему, по совѣту тети Ани, всю выручку погорѣлой нищенкѣ. «Коммерсанта такъ изъ меня и не вышло, — заканчиваетъ авторъ незатѣйливый рассказикъ о «первомъ стыдѣ».

Еще большимъ интересомъ и рисовкой, чисто во фламандскомъ вкусѣ, подробностей мелкой, но полной смысла жизни, отличается третій, большой рассказъ «У своихъ въ гостяхъ». Мальчику исполнилось семь лѣтъ, и дядя везетъ его въ Царское Село въ школу къ отцу. По дорогѣ вспоминается мальчику елка въ отцовскомъ домѣ, но въ общемъ понятіе у него объ этомъ домѣ смутное. Интересенъ первый урокъ ариѳметики, данный матерью, конфузъ новичка, приставанье къ нему товарищей, заступничество и наставленіе относительно «фискальства» со стороны старшаго брата Мити; вечеръ у родителей, нѣсколькими штрихами рѣзко очерченный пасторъ-отецъ, проповѣдникъ, ученый и строгій *pater familias*, и въ тоже время до сѣдыхъ волосъ студентъ-пѣвецъ студенческихъ пѣсенъ; приготовленіе перваго урока, вечерній семейный чай, благоговѣнное посѣщеніе никогда невидѣннаго прежде отцовскаго кабинета; утренній чай (для дѣтей патока съ молокомъ и кипяткомъ, съ хлѣбомъ) и бѣга мальчишекъ въ Царскомъ Селѣ. Прекрасно отгѣненъ контрастъ строгаго родительскаго режима съ привольною жизнью у богатаго баловника дяди, къ которому мальчикъ во всѣ четыре года ѣздилъ на праздники въ Славянку. «Только много лѣтъ спустя, — говоритъ авторъ, — на университетской скамьѣ, я вполне опѣнилъ то благотворное вліяніе, какое имѣло на меня четырехлѣт-

нее пребываніе въ гостяхъ у своихъ: живой примѣръ самихъ родителей, сестеръ и братьевъ приучилъ меня къ усидчивому труду, вложилъ мнѣ въ душу сознаніе человѣческаго долга, сдѣлалъ меня «человѣкомъ» (стр. 64).

Четвертый и пятый (особенно живой) рассказы посвящены идилліи каникулъ въ Славянкѣ, куда приѣзжалъ авторъ изъ школы. Очеркъ «Какъ мы купались» тепло рисуетъ природу мирнаго уголка подъ Павловскомъ, садъ, рыбную ловлю, купанье, красивую сценку въ водѣ между братьями, старшимъ, Митей, и младшимъ, Васей, держащими пари на леденцы, кто дольше просидитъ, нырнувъ, подъ водой; плаванье на старой досчатой двери, вмѣсто плота, — словомъ, живо знакомитъ съ столь близкими дѣтямъ лѣтними радостями и неизбѣжными маленькими приключеніями молодого народа, за которыми, благодаря автору, съ интересомъ слѣдить и взрослый.

Очеркъ «Разбойничья исторія безъ разбойниковъ» (одинъ изъ лучшихъ въ книгѣ) представляетъ Васю уже заправскимъ гимназистомъ, живущимъ съ старшимъ братомъ Митей у дяди-доктора, въ Петербургѣ, когда уже Вася, какъ большой, «ѣздилъ въ Славянку одинъ и самъ бралъ билетъ». Въ контрастъ гимназисту, «читающему Лермонтова», и, какъ штатскому, отличающемуся болѣе мирными наклонностями, и даже нѣкоторою трусостью, выставленъ его кузенъ-кадетъ, лихой наѣздникъ и страстный почитатель «Брынскаго лѣса», «Кузьмы Рощина», «Стеньки Разина» и другихъ разбойничьихъ романовъ. Возвращеніе Васи одного, пѣшкомъ, изъ Павловскаго вокзала, ночью, черезъ Анненковскій лѣсъ въ Славянку, подъ вліяніемъ страшныхъ розсказней храбраго кузена, — все это полно такого интереса, такъ правдиво, рассказано съ такимъ добродушнымъ юморомъ, что читается съ захватывающимъ интересомъ и дѣтьми, и взрослыми, напоминая Аксакова и гр. Л. Толстого.

Всего менѣе удаченъ шестой рассказъ «Пѣвунья птичка», рисующій дорогу лѣтомъ къ отцу въ пасторатъ Волесь, черезъ Мурино и Токсово, съ веселой барышней, сестрой одного изъ

товарищей Мити, Вани Старикова, Леночкой. Онъ какъ-то растянуть, и даже немножко слащавъ, что уже совсѣмъ не къ лицу талантливому автору; но зато этотъ разсказъ вполне выкупаютъ четыре остальные. Седьмой — «Какъ проводили мы каникулы», какъ бы дополняетъ славный разсказикъ четвертый «Какъ мы купались»; развертывая новую, уже широкую, картину дѣтскихъ радостей на деревенскомъ привольѣ страны озеръ, Финляндіи. Тутъ и раннее вставанье мальчиковъ-товарищей, и опять купанье, и ловля бабочекъ, и чтеніе цѣлымъ кругомъ молодежи, и семейные пельмени, приготовливаемые всѣмъ дамскимъ обществомъ, и уженье рыбы, и катанье въ лодкѣ, и ночной ужинъ простоквашей съ хлѣбомъ и сладкій сонъ, когда «такъ сладко спится подь утро въ молодые годы». И вездѣ строго выдержанъ контрастъ между четырнадцатилѣтнимъ, младшимъ, Васей и его взрослыми гимназистами братьями, ихъ товарищемъ и барышнями, покровительственно относящимися къ подростку. Слѣдующій разсказъ «Первый воробей и первая утка», — какъ продолженіе предыдущаго, — первая въ жизни охота съ подареннымъ дядей ружьемъ — живо рисуетъ соблазны этого, совсѣмъ не педагогическаго спорта и чувство жалости при видѣ убитаго воробьишки и бѣднаго утенка, которое навсегда отвредило автора отъ дикой забавы, которой онъ и не предавался больше никогда, кромѣ случайной, единственной, будучи уже студентомъ, охоты на утокъ въ Финляндіи.

Точно жалѣя расстаться съ дорогими воспоминаніями дѣтства, авторъ съ особенной любовью обрабатываетъ послѣдніе два разсказа: кульминаціонный пунктъ лѣтняго пребыванія у родителей «День Петра и Павла» и «Экзамень», съ которыми совпала и семейная катастрофа. Эти послѣдніе именины отца совпадаютъ съ именинами мальчика-племянника Павлуши и празднуются особенно торжественно. Необыкновенно тепло, въ самыхъ тонкихъ деталяхъ, рисуются эти приготовленія къ именинамъ любимаго отца семейства, пробужденіе молодежи, бѣшеная гонка на крестьянскихъ лошадахъ, едва не стонувшая Митѣ жизни, торжественный

обѣдъ съ рѣчью виновника торжества, которая вышла какъ бы предсмертной, неумѣренное потребленіе на радостяхъ напитковъ мальшами, Васей и младшимъ именинникомъ, подзадориваемыми старшими гимназистами, едва не повлекшее за собой позорнаго наказанія со стороны разошедшихся во гнѣвъ на дѣтвора отцовъ, наконецъ, деревенскій танецъ красавицы Айны у пылающаго громаднаго костра (кѣкко) и послѣднее угощеніе пасторомъ крестьянъ — все это полно такой задушевности и живописности, что эту главу мы, независимо отъ ея педагогическаго значенія, позволили бы себѣ причислить къ выдающимся произведеніямъ художественной русской литературы вообще.

Строго выдержанъ и послѣдній, заключительный, рассказъ, начинающійся съ приготовленія Васи къ экзаменамъ въ пятый классъ гимназіи, съ товарищемъ, причѣмъ приводится премилое стихотвореніе, написанное Васей во время приготовленія къ экзамену исторіи, живо рисующее отроческія, рыцарски-чистыя первыя любовныя грезы мальчика по поводу дѣвицы, сестры товарища старшаго брата Мити. Особенно трогательно послѣднее посѣщеніе старымъ отцомъ своихъ двухъ сыновей, оканчивающаго курсъ въ гимназіи Мити и Васи, которые теперь живутъ уже самостоятельно у кухмистра. Въ мирной бесѣдѣ отца съ дѣтьми вспоминаются давнишнія ребяческія шалости... все такъ хорошо... радостно... Но отецъ спѣшитъ ѣхать домой. «Онъ обнялъ насъ, — рассказываетъ авторъ, — разцѣловалъ на прощанье, но мы сошли вмѣстѣ съ нимъ на дворъ, чтобы посадить его въ дорожную коляску. «Господь съ вами, дорогіе мои! Скоро свидимся!» — были его прощальныя слова, и коляска, гремящая, выѣхала за ворота.

Юноши, по отъѣздѣ отца, еще долго говорили о его необыкновенной бодрости и неувядаемой свѣжести, а между тѣмъ горе было уже близко... Дней черезъ пять дядя-докторъ привозитъ страшную вѣсть о смерти отца отъ холеры. У Мити былъ на другой день отвѣтственный выпускной экзамень и Васѣ, проводшему въ одиночествѣ страшную ночь, выпадаетъ тяжелая доля

извѣстить о катастрофѣ дядю Василю въ Славянкѣ, который, полный христіанской твердости и любви, утѣшаетъ бѣднаго сироту.

Такъ заканчивается эта «дѣтская эпопея», которую прочли мы, не отрываясь до конца, съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ.

Ознакомивъ въ самыхъ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ, которое совершенно непередаваемо въ краткомъ разсказѣ, ибо именно въ подробностяхъ, въ самомъ тонѣ, въ языкѣ здѣсь все. Постараемся опредѣлить идейное, внутреннее значеніе этихъ задушевныхъ миниатюръ, на первый взглядъ могущихъ показаться поверхностному читателю и мало значительными.

Авторъ, самъ человѣкъ уже пожилой, и до сихъ поръ проникнуть, судя по книгѣ, глубокимъ уваженіемъ къ доброму семейному началу, связующему семью крѣпкими узами въ одно неразрывное цѣлое. Это начало, вмѣстѣ съ любовью и гуманностью, отличающими изображаемую родную семью, проходитъ красною нитью черезъ всю книгу. Разумный трудъ, упорный и постоянный, направленный не на скопленіе богатства, а только на то, чтобы прожить не голодая, поднять на ноги дѣтей, — трудъ на пользу людямъ; воспитаніе въ дѣтяхъ людей честныхъ, трудовыхъ, уважающихъ долгъ, обязанности, — людей такихъ, которые достойно продолжали бы свой родъ, помня примѣры своихъ родителей — вотъ цѣль, вотъ смыслъ этой семьи. «Еще бабушка твоя, а наша мать, — говоритъ дядя Василій, утѣшая плачущаго Васю, — всегда предостерегала насъ гоняться за деньгами, и ежедневная молитва ея была: Господи, не дай моимъ дѣтямъ богатства! И молитва ея была услышана: никто изъ насъ не достигъ богатства, но никто серьезно и не голодалъ въ жизни» (стран. 228). «И завѣты бабушки пошли въ прокъ. На прочномъ фундаментѣ твердыхъ нравственныхъ началъ и созидалась семья пастора Петра. Несокрушимая духомъ натура этого человѣка невольно влекла къ себѣ каждаго. И родные, и знакомые, и прихожане, и совершенно посторонніе люди, едва только его знавшіе, — рѣшительно всѣ, отъ мала до велика, одинаково по-

читали его и то и дѣло обращались къ нему за совѣтомъ; всѣ же семейные его видѣли въ немъ неугасаемый свѣточъ всякой земной премудрости и благодати» (стр. 222). Сумѣлъ онъ найти себѣ и подходящую подругу трудовой жизни, требовавшей великаго терпѣнія и желѣзной воли, чтобы поддержать и поставить на ноги такую большую семью. «Постоянная, изо дня въ день, изъ года въ годъ, борьба съ крупными и мелкими превратностями жизни, безконечныя заботы о каждомъ изъ многочисленныхъ дѣтищъ закаляли ея характеръ. Но ея невозмутимое самообладаніе внушало къ ней самое полное, безграничное довѣріе, и каждый изъ ея дѣтей безотчетно сознавалъ, что подъ этой, на видъ холодною и строгою, оболочкой таятся теплое, участливое, материнское сердце» (стр. 202). На этихъ-то двухъ лицахъ, отцѣ и матери, какъ на вѣковѣчныхъ гранитныхъ столбахъ, и держался весь этотъ домашній строй, весь этотъ обособленный мірокъ, въ которомъ авторъ сумѣлъ открыть столько незамѣтной для посторонняго глаза поэзіи. «Я трудился весь вѣкъ, и ничего вамъ не оставилъ!» — были послѣднія предсмертныя слова пастора. Но онъ могъ бы и не сокрушаться: онъ оставилъ дѣтямъ, взаменъ богатства, честное имя, свой примѣръ, образованіе и любовь къ труду. «Я вполне уповаю, говорилъ дядя Василій, — утѣшая племянника, — что вы, наше молодое поколѣніе, какъ и мы старики, не будете сидѣть сложа руки, и что Господь благословитъ вашъ трудъ и изъ васъ также выйдутъ настоящіе люди» (стр. 229). И дядя не ошибся: семья и послѣ смерти своего главы не потерялась, не разбрелась, а дружно трудясь и взаимно поддерживая другъ друга, стала твердо на ноги, и лѣтописецъ, пишущій на старости лѣтъ свою семейную хроникку, можетъ съ гордостью сказать: «молитва бабушки и до сегодняшняго дня сохраняетъ свою силу: — никто изъ насъ не можетъ похвалиться избыткомъ земныхъ благъ, но никто и не жалуется на свою долю, потому что всѣ мы стали людьми» (стр. 229).

Таково здоровое идейное и моральное содержаніе разбираемой книги, проводящей въ юныя души сѣмена истины, добра и

красоты. И если, какъ говоритъ Милль, для того, «чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно эту добродѣтель полюбить, а любить ее можно только изъ примѣра», то примѣръ этой, такъ симпатично и художественно изображенной авторомъ, пасторской семьи не мало поспособствуетъ насажденію въ дѣтскихъ душахъ самыхъ добрыхъ нравственныхъ началъ.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ книгой, не можемъ не указать еще на одну воспитательную, и очень цѣнную, ея сторону. Эта сторона — *культурность*, которую, какъ и ничего въ книгѣ, искусственно не подчеркивая, авторъ незамѣтно, какъ бы между прочимъ, всюду отмѣчаетъ въ разсказѣ. Садъ, улья для пастора Василя — не только простое хозяйство, не одинъ только источникъ наживы — это его благородная страсть, его поэзія. Пасторъ Петръ, при всѣхъ своихъ многообразныхъ занятіяхъ и заботахъ находитъ еще время заниматься наукой, любитъ свое пасторское дѣло, свою проповѣдь; въ свободный вечерокъ, въ семьѣ, онъ прекрасно поетъ старыя студенческія пѣсни. Въ его домѣ много хорошихъ книгъ, и мальчикъ Вася увлекается Лермонтовымъ, а молодежь читаетъ вмѣстѣ Гоголя, ведетъ споры съ пріятелями семинаристами, смѣшными, неуклюжими, оригиналами, въ которыхъ авторъ, однако, устами Мити, отмѣчаетъ любовь къ наукѣ, къ знанію, упорство въ трудѣ, скромность, недюжинный умъ. Самый характеръ всей жизни носятъ несомнѣнный отпечатокъ этой культурности: бережливость, вѣжливость, привѣтливость, гостепріимство, скромность, миръ и общій ладъ, ласковое отношеніе къ прихожанамъ — все это печать той внутренней воспитанности, которая дается человѣку только настоящей культурой, переходящей изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такова разбираемая нами книга въ ея содержаніи, какъ въѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ, идейномъ. И если удачное слитіе прекрасной формы въ смыслѣ языка, живости, интереса и картинности изображеній съ опредѣленной доброй идеей признается необходимымъ условіемъ всякаго художественнаго произведенія, то книгу г. Авенаріуса считаемъ мы именно тако-

вымъ, причемъ она, какъ мы видѣли, независимо даже отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще и большое значеніе педагогическое. Все это, взятое вмѣстѣ, и даетъ намъ полное право признать эту книгу вполне достойною преміи въ честь того незабвеннаго поэта, который одной изъ величайшихъ заслугъ своихъ признавалъ то,

«Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ».

V.

Небольшая, изящно изданная книжка стихотвореній покойной Екатерины Андреевны Бекетовой, по мужу Красновой, содержитъ въ себѣ 66 пьесъ большею частію лирическаго содержанія; почти всѣ онѣ — оригинальныя, и притомъ девять изъ нихъ написаны для дѣтей.

Разборъ этого сборника произведеній молодой поэтессы (она скончалась въ 1891 году, 36-ти лѣтъ, пробывъ всего годъ за мужемъ) Отдѣленіе поручило своему члену-корреспонденту Аполлону Николаевичу Майкову, но ему не суждено было выполнить это порученіе, такъ какъ самъ онъ скончался 8-го марта текущаго года. Маститый поэтъ еще успѣлъ однако заняться просмотромъ сборника Е. А. Бекетовой, сдѣлалъ кое-какія замѣтки на экземплярѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, и даже набросалъ первыя строки задуманной рецензіи. Вотъ эти строки, дающія понятіе о томъ, какое сужденіе слагалось у критика:

«Милое и грустное впечатлѣніе производитъ эта маленькая книжечка. Ни претензій, ни самонадѣянности, ни протестовъ, ни ходуль — все искренно, натурально, и что всего болѣе плѣняетъ, это — душевная чистота, поэтическое чувство какъ бы бессознательное, натура не изломанная. Къ книжечкѣ можно примѣнить строки, находящіяся въ ней на стр. 43:

А въ роцѣ молодой прохладной и тѣнистой
 Душистыхъ ландышей селеніе растеть;
 Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
 Волшебный аромать далеко разольеть...»

Замѣтки Аполлона Николаевича, разбросанныя по сборнику Е. А. Бекетовой, немногочисленны и немногословны; но взятыя въ цѣломъ, онѣ все-таки являются вѣрнымъ подтвержденіемъ вышеприведеннаго отзыва. Иногда онѣ содержатъ въ себѣ неодобреніе какого-нибудь неудачнаго, темнаго выраженія, но гораздо чаще онѣ указываютъ на отдѣльные стихи или же на цѣлыя пьесы, которыя особенно понравились критику. Такъ, противъ того самаго стихотворенія, изъ котораго Аполлонъ Николаевичъ извлекъ вышеприведенныя строки, онъ написалъ: «мило и оригинально», — и дѣйствительно, эта пьеса, озаглавленная «Ожиданіе», принадлежитъ къ числу произведеній Е. А. Бекетовой, наиболѣе своеобразныхъ какъ по изяществу формы, такъ и по красотѣ образовъ. Указанныя рецензентомъ «душевная чистота» поэтессы и непосредственность ея творчества особенно ярко выразились въ ея живомъ сочувствіи къ природѣ и въ ея умѣньи находить связь между явленіями послѣдней и разнообразными движеніями человѣческой души. На темы этого рода вышло много стихотвореній изъ-подъ пера Е. А. Бекетовой, и въ числѣ ихъ находятся, безъ сомнѣнія, лучшія ея созданія. Если не ошибаемся, двумя своими отмѣтками (NB) А. Н. Майковъ хотѣлъ указать на двѣ пьесы, которыя не только особенно характерны для дарованія поэтессы, но и безотносительно могутъ быть названы прекрасными. Одна изъ этихъ пьесъ принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ произведеній Е. А. Бекетовой; она называется «Весна» и хотя касается предмета, безконечное число разъ воспѣтаго поэтами, тѣмъ не менѣе сохраняетъ характеръ оригинальности. Вотъ это стихотвореніе:

Я снова средь полей, среди уединенья;
 Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
 И на яву меня тревожатъ сновидѣнья,
 И призраки опять встаютъ передо мной.

Куда влечетъ меня, чего хочу — не знаю;
 Но все стремлюсь въ таинственную даль,

И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томить меня безвѣстная печаль...

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно,
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... или къ кому... неясная любовь...

А. Н. Майковъ подчеркнул этотъ послѣдній стихъ и написалъ противъ него: «очень мило». Очевидно, его плѣнила та свѣжесть непосредственнаго дѣвственнаго чувства, которымъ проникнуто стихотвореніе.

Другая пьеса, особо отмѣченная А. Н. Майковымъ, слѣдующая:

Когда несется вихрь, и рветъ, и гонитъ тучи,
И въ воздухѣ ночномъ и воетъ, и свиститъ, —
Его угрюмый вой, его порывъ могучій
Волнуетъ душу мнѣ и сердце веселитъ.
Я чувствую тогда, что силы есть живыя;
Я слышу — міръ живетъ, и въ мірѣ есть борьба;
Тогда не спать во мнѣ и силы молодья;
Я сознаю: впередъ влечетъ меня судьба!
И самый жизни ходъ, и самое стремленье
Понятно въ вихрѣ мнѣ, въ порывахъ громовыхъ.
Стихійное великое движенье
Мнѣ тайну открываетъ ихъ:
То мчится въ вѣчность жизнь!..

Въ этомъ стихотвореніи прекрасная внѣшняя форма и красота сильныхъ образовъ соединяется съ глубиной мысли.

Выдвигая на первый планъ стихотворенія такого достоинства, А. Н. Майковъ, очевидно, хотѣлъ дать мѣру поэтическаго дарованія Е. А. Бекетовой. Быть можетъ, оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ, но у него нельзя отнять ни самобытности, ни искренности. Этимъ внутреннимъ свойствамъ таланта покойной поэтессы соотвѣтствуетъ и то, что она хотя написала немного, но успѣла овладѣть совершенствомъ внѣшней формы.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Е. А. Бекетовой были напечатаны при ея жизни; но только ихъ полный посмертный сборникъ даетъ возможность познакомиться съ ея талантомъ во всемъ его объемѣ и позволяетъ сказать, что имя Е. А. Бекетовой не должно быть забыто въ лѣтописяхъ русской поэзіи. А. Н. Майковъ, намѣреваясь обратить въ своемъ отзывѣ вниманіе Отдѣленія на поэтическое дарованіе преждевременно скончавшейся писательницы, говорилъ, что почетный отзывъ, присужденный ея произведеніямъ, будетъ справедливою данью ея памяти, поэтическимъ вѣнкомъ, брошеннымъ на ея могилу.

Отдѣленіе вполне раздѣляетъ мнѣніе покойнаго поэта.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 4.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ

ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

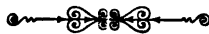
БИБЛОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

СОВРАЛЪ

В. А. Францевъ.

«Свѣдѣнія и размысканія о писателяхъ любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы».

С. Т. Аксаковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1898 года.

Непрѣмѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	1
1. Свидѣтельство, выданное врачомъ Порціанкою, 12 іюня, 1821 г.....	13
2. Правленіе Виленскаго университета Министру Н. П., 25 Іюля 1821 г.....	14
3. Министръ Н. П. Комитету министровъ, 6 августа 1821 г.	16
4. Выписка изъ журнала Комитета министровъ, 9 августа и 13 сентября 1821 г.....	17
5. Министръ Н. П. кн. А. Чарторыскому, 27 сентября 1821 г.	18
6. Генералъ Римскій-Корсаковъ ректору Твардовскому, 26 августа 1823 г.....	20
7. Ректоръ Твардовскій ген. Римскому-Корсакову, 29 августа 1823 г.....	—
8. Тотъ же тому же, 8 сентября 1823 г.....	22
9. Записка Слѣдственной Комиссіи, 19 декабря 1823 г.....	—
10. Генералъ Римскій-Корсаковъ ректору Твардовскому, 26 февраля 1824 г.....	24
11. Записка Слѣдственной Комиссіи, 20 апрѣля 1824 г.....	—
12. Заявленіе Мицкевича о желаніи служить въ Ришельевскомъ лицѣѣ, ноябрь 1824 г.....	25
13. Министръ Шишковъ графу Витте, 16 декабря 1824 г.....	26
14. Тотъ же министру финансовъ, 16 декабря 1824 г.....	28
15. Аникіевъ Департаменту Н. П., 6 января 1825 г.....	30

	стр.
16. Гр. Витте Дитерихсу, 14 февраля 1825 г.....	31
17. Тотъ же Правленію Ришельевскаго лицея, 14 февраля 1825 г.	—
18. Протоколъ засѣданія Правленія Ришельевскаго лицея, 19 февраля 1825 г.....	32
19. Дитерихсъ графу Витте, 26 февраля 1825 г.....	34
20. Гр. Витте Дитерихсу, 19 марта 1825 г.....	—
21. Заявленіе Мицкевича о желаніи поступить на службу въ Московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 26 марта 1825 г.....	35
22. Дитерихсъ гр. Витте, 28 марта 1825 г.....	36
23. Министръ Шишковъ П. Г. Дивову, 24 апрѣля 1825 г.....	—
24. Дивовъ министру Шишкову, 28 апрѣля 1825 г.....	38
25. Министръ Шишковъ гр. Витте, 5 мая 1825 г.....	39
26. Графъ Витте Дитерихсу, 9 іюня 1825 г.....	40
27. Заявленіе Мицкевича о желаніи поступить на службу въ канцелярію Московскаго Генералъ-Губернатора, 28 іюня 1825 г.....	41
28. Дудровичъ графу Витте, 29 іюня 1825 г.....	42
29. Дудровичъ Могилевскому, 3 іюля 1825 г.....	—
30. Тотъ же тому же, 11 іюля 1825 г.....	43
31. Графъ Витте министру Шишкову, 17 августа 1825.....	44
32. Министръ Шишковъ князю Голицыну, 18 сентября 1825 г.	45
33. Тотъ же Н. Новосильцову, 18 сентября 1825 г.....	46
34. Кн. Голицынъ министру Шишкову, 19 сентября 1825 г....	—
35. Министръ Шишковъ кн. Голицыну, 26 сентября 1825 г....	47
36. Тотъ же графу Витте, 26 сентября 1825 г.....	50
37. Графъ Витте Дудровичу, 15 октября 1825 г.....	—
38. Свидѣтельство, выданное Мицкевичу ректоромъ Виленскаго университета В. Пеликаномъ, 27 октября 1825 г.....	51
39. Новосильцовъ министру Шишкову, 6 ноября 1825 г.....	52
40. Христофоровъ Калинскому, 6 ноября 1825 г.....	53
41. Дудровичъ Нейгардту, 6 ноября 1825 г.....	54
42. Дудровичъ бухгалтеру Ришельевскаго лицея, 12 ноября 1825 г.....	55
43. Дудровичъ Богдановичу, 13 ноября 1825 г.....	—
44. Свидѣтельство, выданное Мицкевичу Дудровичемъ, 12 но- ября 1825 г.....	56
45. Дудровичъ графу Витте, 12 ноября 1825 г.....	—
46. Министръ Шишковъ графу Витте, 20 ноября 1825 г.....	57

	стр.
47. Гр. Витте министру Шишкову, 17 декабря 1825 г.....	58
48. Гр. Витте кн. Голицыну, 17 декабря 1825 г.....	60
49. Заявленіе канцеляріи Виленскаго университета, 8 февраля 1826 г.....	61
50. Объясненіе Мицкевича относительно грамоты о дворянскомъ происхожденіи, 9 февраля 1826 г.....	—
51. Кн. Голицынъ гр. Витте, 11 февраля 1826 г.....	62
52. Гр. Витте министру Шишкову, 4 марта 1826 г.....	—
53. Указъ Правительствующаго Сената объ утвержденіи Мицкевича въ чинѣ, 11 марта 1826 г.....	63
54. Утвержденіе Мицкевича въ чинѣ XII класса, 26 марта 1826 г.....	64
55. Кн. Голицынъ попечителю Новосильцову, 24 августа 1826 г.	65
56. Новосильцовъ ректору Пеликану, 23 сентября 1826	66
57. Пеликанъ Новосильцову, 30 сентября 1826 г.....	67
58. Новосильцовъ кн. Голицыну, 9 ноября 1826 г.....	68
59. Министръ Шишковъ министру финансовъ, 7 іюня 1827 г.	69
60. Министръ Канкринъ министру Шишкову, 16 іюня 1827 г.	70
61. Министръ Шишковъ графу Витте, 1 іюля 1827 г.....	71
62. Мицкевичъ Московскому Цензурному Комитету, 25 октября 1827 г.....	72
63. Программа журнала «Iris».....	73
64. Подписка Франциска Малевскаго, октябрь 1827 г.....	76
65. Московскій Цензурный Комитетъ князю Голицыну, 27 октября 1827 г.....	—
66. Списокъ о службѣ Мицкевича, 30 октября 1827 г.....	77
67. Кн. Голицынъ Московскому Цензурному Комитету, 1 ноября 1827 г.....	79
68. Московскій Цензурный Комитетъ Попечителю Учебнаго Округа, 9 ноября 1827 г.....	—
69. Попечитель Писаревъ министру Шишкову, 15 ноября 1827 г.	80
70. Записка о выдачѣ отпуска Мицкевичу, 26 ноября 1827 г.	81
71. Записка о журналѣ «Ирида», 2 декабря 1827 г.....	82
72. Генералъ Карбоньеръ въ канцелярію министра Н. П., 3 декабря 1827 г.....	84
73. Справка объ Адамѣ Мицкевичѣ, декабрь 1827 г.....	85
74. Отзывъ Блудова о Мицкевичѣ, 9 декабря 1827 г.....	88
75. Министръ Шишковъ попечителю Писареву, 13 декабря 1827 г.....	89

	СТР.
76. Канцелярія министра Н. П. Главному Цензурному Комитету, 16 декабря 1827 г.....	90
77. Попечитель Писаревъ Московскому Цензурному Комитету, 24 декабря 1827 г.....	—
78. Прошеніе Мицкевича объ отпускѣ, 3 января 1829 г.....	91
79. Свидѣтельство, выданное Мицкевичу врачомъ Погоржан- скимъ, 3 января 1829 г.....	—
80. Прошеніе Мицкевича на Высочайшее Имя, 19 февраля 1829 г.	92
81. <i>Curriculum vitae</i> Мицкевича, февраль 1829 г.....	93
82. Гр. Нессельроде кн. Голицыну, 25 февраля 1829 г.....	—
83. Кн. Голицынъ графу Нессельроде, 9 апрѣля 1829 г.....	94
84. Списокъ о службѣ Мицкевича, апрѣль 1829 г.....	—
85. Аттестатъ о службѣ Мицкевича, 9 апрѣля 1829 г.....	96
86. Гр. Нессельроде кн. Голицыну, 31 іюля 1829 г.....	98

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторы изданныхъ понынѣ важнѣйшихъ біографій Адама Мицкевича: Хмѣлевскій¹⁾, Мицкевичъ Владиславъ²⁾ и Калленбахъ³⁾, меньше всего разъяснили тотъ періодъ жизни поэта, въ теченіе котораго пребывалъ онъ въ Россіи и въ теченіе котораго написалъ *Крымскіе сонеты* и историческую повѣсть *Конрадъ Валленродъ*. Вчитываясь въ разныя біографическія подробности, равно какъ и въ непосредственныя указанія, данныя самимъ же Мицкевичемъ въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ, я былъ въ правѣ предполагать, что русскіе архивы доставятъ мнѣ не одинъ важный документъ, который дастъ возможность обстоятельнѣе и всестороннѣе освѣтить дѣятельность поэта за указанный періодъ его жизни. Съ 1887 года велъ я мои разысканія въ этомъ направленіи, не ставя ихъ, конечно, своею главною задачею, но пользуясь, такъ сказать, случаемъ, когда обстоятельства позволяли разсмотрѣть тотъ или другой архивъ, въ которомъ могли быть найдены соотвѣтственные матеріалы.

---

1) Piotr Chmielowski, Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki. Warszawa—Kraków, 1886 и 1898: 2 тома.

2) Władysław Mickiewicz, Żywot Adama Mickiewicza. Poznań, 1890—1895, 4 тома.

3) Józef Kallenbach, Adam Mickiewicz. Kraków, 1897. 2 тома.

Первая попытка—изученіе рукописей Виленской Публичной бібліотеки и архива Виленскаго учебнаго округа—дала весьма цѣнные по своему содержанію документы¹⁾. Нашлись они и въ дѣлѣ о Мицкевичѣ, хранящемся въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ, которое Правленіемъ названнаго университета было любезно прислано въ Варшавскій Университетъ, по моей просьбѣ. Канцелярія попечителя Московскаго учебнаго округа и Московскаго Цензурнаго комитета любезно прислали мнѣ копіи документовъ, хранящихся въ ихъ архивахъ; наконецъ, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1889 и въ 1897 годахъ, я имѣлъ возможность списать документы, находящіеся въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Московскихъ архивахъ Губернскомъ и Главномъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вотъ, изъ какихъ матеріаловъ составился настоящій сборникъ, содержащій въ себѣ все самое интересное и самое важное, что въ названныхъ архивахъ могло быть найдено о Мицкевичѣ. Издавая этотъ сборникъ, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить мою искреннюю благодарность и признательность всѣмъ лицамъ, которыя въ этихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ содѣйствовали мнѣ своею помощію или дружескимъ совѣтомъ.

Надѣюсь, что настоящій трудъ прольетъ желательный свѣтъ на перемѣнчивую судьбу поэта и займетъ подобающее ему мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи одного изъ самыхъ видныхъ представителей польской мысли и культуры. Я не задаюсь въ настоящее время вопросомъ составленія полной картины жизни поэта въ тотъ періодъ, который обнимаютъ нижеслѣдующіе документы, признаю однако нужнымъ подвести имъ общій итогъ и, указывая связь, заложить лишь прочную капву, на которой со временемъ можетъ быть вышита картина, отличающаяся требуемою и необходимою полнотою кра-

1) Я отчасти воспользовался ими въ статьяхъ: Adam Mickiewicz w Wilnie i Kownie, 1815—1824 (Biblioteka Warszawska, 1888, II, 28) и Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ, 1815—1824 (Вѣстникъ Европы, 1888, V, 121).

сокъ и отдѣлкою рисунка. Прибавлю еще, что настоящій сборникъ содержитъ между прочимъ нѣсколько русскихъ автографовъ Мицкевича (№№ 12, 21, 27, 50, 62, 63, 78, 80, 81), которые здѣсь печатаются также въ первый разъ.

Адамъ Мицкевичъ родился въ Заосѣ 24 декабря 1798 года. По окончаніи гимназіи въ Новогрудкѣ, въ сентябрѣ 1815 г. онъ поступилъ въ Виленскій университетъ и былъ опредѣленъ казеннымъ стипендіатомъ въ учительскую семинарію. Такъ какъ дядя поэта, Іосифъ Мицкевичъ, состоялъ въ это время деканомъ физико-математическаго факультета, то, вѣроятно, по внушенію его, юноша поступилъ на упомянутый факультетъ, на которомъ слушалъ курсы высшей математики, физики, химіи, и въ іюнѣ слѣдующаго 1816 года, выдержавъ предписанное испытаніе, былъ удостоенъ степени кандидата философіи. Послѣ лѣтнихъ вакацій и послѣдовавшей не задолго до этого смерти дяди, Мицкевичъ перешелъ на словесное отдѣленіе и слушалъ читанныя на немъ курсы въ теченіе трехъ лѣтъ, изучая при этомъ преимущественно классическія литературы и новые языки. Въ 1819 году онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра философіи и представилъ даже диссертацию, подъ заглавіемъ: «De criticae usu atque praestantia», которая однако не была признана вполне удовлетворительною и возвращена автору для передѣлки и поправокъ. Учительскія занятія въ Ковнѣ, лѣтомъ 1819 года, къ которымъ у него не было особеннаго влеченія, а также несчастная любовь и разстроенное здоровье помѣшали поэту вторично представить диссертацию и даже заставили его просить объ увольненіи отъ должности на два года. Благодаря медицинскому свидѣтельству профессора Порціанки (№ 1) и благосклонному ходатайству университетскаго Правленія (№ 2), министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ вошелъ въ Комитетъ министровъ съ представленіемъ объ увольненіи Мицкевича, «по уваженію усердной его службъ» отъ должности на два года, съ предоставленіемъ

ему двухъ третей жалованья, то есть, 200 руб. въ годъ (№ 4). Комитетъ министровъ соглашался уволить его на указанныхъ условіяхъ, испросивъ однако на это Высочайшее соизволеніе, которое послѣдовало 13 сентября 1821 года (№ 4, 5).

Мицкевичъ провелъ это время, отдыхая отчасти въ Вильнѣ, отчасти въ провинціи, въ домахъ друзей, и, въ концѣ двухлѣтняго срока, пожелалъ для лѣченія уѣхать за границу, въ Австрію и Италію, опять на два года. На представленіе Виленскаго Военнаго Генераль-Губернатора Римскаго-Корсакова къ Великому Князю Константину Павловичу о выдачѣ Мицкевичу паспорта, послѣдовалъ запросъ о томъ, какимъ предметамъ онъ обучаетъ, нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго, по какой болѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года? (№ 6). Генераль Римскій-Корсаковъ обратился къ ректору университета Твардовскому за объясненіемъ по этимъ пунктамъ, и хотя отвѣты были довольно удовлетворительны (№№ 7, 8), тѣмъ не менѣе въ Варшавѣ они показались недостаточными. Канцелярія Великаго Князя пожелала еще знать, какое сочиненіе издается Мицкевичемъ (отъ продажи котораго онъ надѣялся прожить за границею два года), съ разрѣшенія-ли цензуры, равно какъ и то, состоитъ ли онъ въ должности учителя въ Ковнѣ (№ 10). Это происходило уже въ концѣ февраля мѣсяца 1824 года. Былъ-ли въ Варшаву посланъ отвѣтъ на эти пункты, намъ неизвѣстно; вѣрно лишь то, что онъ былъ совсѣмъ лишнимъ: Мицкевичъ, съ ноября 1823 г., сидѣлъ уже въ заключеніи, въ Базиліанскомъ монастырѣ въ Вильнѣ, такъ какъ былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ молодежи и привлеченъ за это къ слѣдствію, которое, по приказанію Великаго Князя Константина Павловича, производилось тогдашнимъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовымъ. На Рождественскіе праздники друзья или родные хотѣли освободить изъ подъ ареста нѣкоторыхъ филаретовъ и готовы были поручиться за нихъ, въ томъ числѣ и за Мицкевича камеръ-юнкеръ Ляхницкій хотѣлъ представить поручительство; но ходатайства ихъ не

были уважены. Слѣдствіе только началось и степень виновности арестованныхъ не была еще ясна, поэтому Новосильцовъ отказалъ просителямъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайствъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что виновные чистосердечно не сознались въ томъ, что «читаны были на бесѣдахъ филаретовъ предосудительныя для Правительства сочиненія» (№ 9).

Слѣдствіе окончилось въ апрѣлѣ 1824 года, и тогда только, за поручительствомъ профессора Виленскаго университета Іоакима Лелевеля, Мицкевичъ былъ выпущенъ на свободу (№ 11). Докладъ о результатахъ слѣдствія и о подвергнутии разнымъ наказаніямъ тѣхъ членовъ общества филоматовъ и филаретовъ, которые были признаны наиболѣе виновными, — былъ представленъ Новосильцовымъ Великому Князю Константину Павловичу и затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ на разсмотрѣніе особой Комиссіи, въ составъ которой вошли: попечитель Новосильцевъ, министръ Народнаго Просвѣщенія адмиралъ Шишковъ и генералъ гр. Аракчеевъ.

Въ ожиданіи приговора Мицкевичъ проживалъ безотлучно въ Вильнѣ; когда же, въ силу Высочайше утвержденнаго 14 августа протокола засѣданій упомянутой Комиссіи, стало извѣстнымъ, что онъ долженъ былъ поступить на службу во внутреннія губерніи, то въ половинѣ октября Мицкевичъ отправился въ С.-Петербургъ, чтобы представиться министру Народнаго Просвѣщенія. Уже въ Петербургѣ Мицкевичъ изъявилъ желаніе поступить на службу въ Ришельевскій лицей (№ 12). Согласно этому министръ Шишковъ, выдавъ Мицкевичу 16 декабря 548 руб. 16 коп. прогонныхъ денегъ и на путевыя издержки (№№ 14, 15), приказалъ ему отправиться въ Елисаветградъ, къ управляющему лицеемъ генералу гр. Витте, и просилъ послѣдняго предписать начальству лицея принять Мицкевича въ это учебное заведеніе, для преподаванія тѣхъ предметовъ, которыми онъ обучался въ Виленскомъ университетѣ, и назначить ему за это приличное жалованье (№ 13). Графъ Витте препроводилъ это предписаніе министра въ Правленіе Ришельевскаго

лица, но такъ какъ въ послѣднемъ не оказалось вакантнаго мѣста, то Мицкевичъ не могъ быть, согласно желанію, опредѣленъ на службу: правленіе лица предоставило ему отыскать себѣ другое мѣсто, пока же, въ уваженіе недостаточнаго состоянія, снабдило его квартирою и столомъ (№№ 16—19); впрочемъ, оно предоставило на благоусмотрѣніе управляющаго окончательное рѣшеніе вопроса, прибавивъ въ своемъ представленіи, что если-бы мѣсто не было занято, то Мицкевичъ могъ-бы заняться преподаваніемъ греческой и латинской грамматики. Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія на счетъ этого, Мицкевичъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ежовскимъ, раздѣлявшимъ съ нимъ ту же участь, довольно весело проводилъ время въ домахъ польскихъ аристократовъ, временно проживавшихъ въ Одессѣ¹⁾. Ежовскій жилъ болѣе уединенно и особнякомъ, не принимая участія въ развлеченіяхъ поэта; за то онъ состоялъ въ постоянной перепискѣ со своими друзьями на родинѣ, въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; когда же это было обнаружено, то повлекло за собою неудовольствіе Великаго Князя Константина Павловича (№№ 29, 30), послѣдствіемъ чего было Высочайшее повелѣніе, чтобы никого изъ бывшихъ филаретовъ не оставлять на службѣ въ южныхъ губерніяхъ, но «перемѣстить ихъ въ другія російскія губерніи, по собственному ихъ избранію, и въ такой родъ службы, какой они пожелаютъ сами» (№ 20). Мицкевичъ объявилъ тогда, 25 апрѣля 1825 года, что хочетъ опредѣлиться въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (№ 21). И опять пошла переписка черезъ Елисаветградъ и С.-Петербургъ въ Москву съ запросомъ, можно-ли его тамъ помѣстить? (№№ 22—26). Когда управляющій этимъ архивомъ Дивовъ отказался принять Мицкевича за неимѣніемъ вакансіи и свободныхъ денегъ на жалованье новому чиновнику, вновь спросили поэта оффиціально, куда онъ хочетъ поступить? На этотъ разъ, 28 іюня, Мицкевичъ изъявилъ желаніе «служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генераль-

1) Aę (Адамъ Ржонржевскій) Mickiewicz w Odessie i twórczość jego z tego czasu. Варшава, 1898.

Губернатора», при чемъ онъ просилъ, чтобы истребованы были изъ Виленскаго университета аттестаты о прежней его службѣ (№ 27). Это новое желаніе его тѣми же инстанціями было представлено князю Д. В. Голицыну (№№ 28, 31, 32). Послѣдній согласился на предложеніе и заявилъ, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію, но на счетъ назначенія ему жалованья высказался такимъ образомъ, что оно не можетъ быть ему назначено прежде, чѣмъ онъ не покажетъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ. При этомъ кн. Голицынъ, впервые узнавъ изъ бумаги министра народнаго просвѣщенія о существованіи какого-то Общества Филаретовъ, хотѣлъ знать обстоятельнѣе тѣ «правила, которыми руководилось названное Общество», чтобы не быть въ неизвѣстности на счетъ того, какой слѣдуетъ имѣть надзоръ «за людьми сего рода» (№ 34). Министръ Шишковъ отвѣтилъ на это извлеченіемъ (№ 35) изъ упомянутаго выше рапорта или доклада Новосильцова о результатахъ слѣдствія надъ филаретами и просилъ управляющаго Рижельевскимъ лицеемъ дать Мицкевичу средства на переѣздъ въ Москву (№ 36), что и было исполнено Правленіемъ этого учебнаго заведенія, которое, по приказанію же министра, снабдило поэта прогонными деньгами, въ размѣрѣ 465 руб. 61 коп. (№№ 37, 40—45). 12 ноября Мицкевичъ уѣхалъ изъ Одессы въ Москву.

Согласно другому желанію, изъявленному Мицкевичемъ, министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ отъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, сенатора Новосильцова, доставленія въ министерство диплома Мицкевичу на степень кандидата философіи (№ 33). Мицкевичъ получилъ эту степень на основаніи испытанія, выдержаннаго имъ въ 1816 году на физико-математическомъ факультетѣ, потому и дипломъ составленъ былъ и выданъ ему (27 октября 1825 года), какъ кандидату по названному факультету¹⁾. Такъ какъ онъ однако впоследствии еще въ теченіе трехъ лѣтъ посѣщалъ словесное отдѣленіе и на

---

1) Точный снимокъ съ этого диплома помѣщенъ мною въ Варшавскомъ журналѣ «Tygodnik Ilustrowany» за 1897 годъ, № 48, стр. 941.

немъ держаль магистерскій экзаменъ, то къ диплому приложено было выданное того же числа свидѣтельство соотвѣтственнаго содержанія (№ 38). Оба эти документа были препровождены въ министерство 6 ноября (№ 39), оттуда же 20-го числа были высланы гр. Витте (№ 46). Такъ какъ Мицкевичъ тѣмъ временемъ уѣхалъ уже въ Москву, то гр. Витте выслалъ ихъ вслѣдъ за нимъ къ кн. Д. В. Голицыну въ Москву (№№ 47, 48).

Въ первое время по прибытіи въ Москву Мицкевичъ велъ тихую и почти уединенную жизнь въ кружкѣ своихъ товарищей, вмѣстѣ съ нимъ пребывавшихъ въ Москвѣ (Малевскій, Ежовскій, Дашкевичъ). Онъ приготовлялъ изданіе «Крымскихъ сонетовъ», которые доставили ему большую извѣстность и ввели его въ круги высшаго общества и русскихъ литераторовъ. Подробно выясняютъ эти его отношенія Записки Полевого, равно какъ и дошедшія до насъ письма поэта. Касаясь только тѣхъ сторонъ жизни его, которыя выясняются настоящими документами, я долженъ замѣтить, что въ князѣ Голицынѣ, въ канцеляріи котораго онъ служилъ, поэтъ нашелъ, кажется, благосклоннаго и понимающаго положеніе его начальника. Жалованья не получалъ онъ никакого, но за то и не требовали отъ него ничего и не заставляли переписывать начисто оффиціальныя бумага. Князь Голицынъ выхлопоталъ поэту чинъ, полагающійся ему по ученой степени (№№ 53, 54). Лѣтомъ 1826 года князь хотѣлъ даже выдать ему отпускъ для поѣздки въ Литву «по семейнымъ дѣламъ», что однако не состоялось, такъ какъ сенаторъ Новосильцовъ, основываясь на мнѣніи ректора Виленскаго университета Пеликана, не призналъ этого удобнымъ (№№ 55—58). Онъ не отказалъ ему въ разрѣшеніи своемъ и на ученое предпріятіе, которое Мицкевичъ задумалъ осенью 1827 года, именно издавать въ Москвѣ историко-литературный журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Iris».

Мицкевичъ хотѣлъ имѣть свой органъ, съ цѣлью знакомить съ новыми литературными направленіями, тѣмъ болѣе, что единственный въ сѣверо-западномъ краѣ литературный журналъ «Dziennik Wileński» клонился уже къ упадку. Съ другой сто-

роны, однако, поощреніе къ изданію журнала вышло несомнѣнно отъ русскихъ литераторовъ, съ которыми поэтъ вошелъ теперь въ болѣе близкія сношенія, коль скоро, какъ видно изъ составленной Мицкевичемъ программы (№ 63), одною изъ важнѣйшихъ задачъ предполагаемаго изданія было взаимное сближеніе литературы польской и русской и ознакомленіе читателей съ замѣчательнѣйшими произведеніями той и другой. Въ Москвѣ все пошло гладко; ни кн. Голицынъ (№ 67), ни Цензурный комитетъ (№ 68), ни попечитель Московскаго учебнаго округа генераль-маіоръ Писаревъ (№ 69) не находили съ своей стороны никакихъ препятствій. Главный Цензурный комитетъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ генераль-лейтенантъ Карбоньеръ, тоже далъ одобрителный отзывъ, присовокупивъ въ представленіи своемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія похвальные для Мицкевича слова, что онъ уже снискалъ себѣ «великую извѣстность своими поэтическими произведеніями» (№ 71). Адмиралъ Шишковъ, лично знавшій Мицкевича, вѣроятно, по существу ничего не имѣлъ противъ удовлетворенія просьбы Мицкевича, но онъ былъ министромъ и помнилъ, что поэтъ былъ недавно членомъ тайныхъ обществъ, потому, получивъ представленіе Главнаго Цензурнаго Комитета, приказалъ «дѣло сіе передать въ свою канцелярію для соображенія съ имѣющимся въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ» и затѣмъ, когда въ канцеляріи его была составлена, опять на основаніи упомянутаго доклада сенатора Новосильцова, справка о Мицкевичѣ (№ 73), предложилъ своему товарищу дать по этому дѣлу свое заключеніе.

Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія былъ въ это время извѣстный дѣятель царствованія императора Николая I-го—графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность и имѣлъ литературныя связи. Будучи весьма развитымъ и всесторонне образованнымъ, онъ принималъ около 1815 года живое участіе въ тогдашней умственной жизни, въ особенности же, въ томъ кружкѣ литера-

торовъ и ученыхъ, которые группировались вокругъ Карамзина и Жуковского и которые, подъ предводительствомъ этихъ знаменитостей орудіемъ ироніи воевали противъ крайнихъ взглядовъ прежней литературной школы, представителемъ которой былъ самъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ. Блудовъ въ прежнее время былъ даже секретаремъ «Арзамаса» и когда среди членовъ этого кружка зародилась мысль издавать свой особый литературный органъ, Блудовъ готовился дѣятельно выступить на литературномъ поприщѣ и заблаговременно составилъ для задуманнаго журнала статью о русскихъ пословицахъ. Когда онъ въ 1817 году былъ откомандированъ состоять при посольствахъ въ Стокгольмѣ и Лондонѣ, связи его съ представителями литературы стали ослабѣвать, хотя самъ онъ не совсѣмъ еще оставилъ прежнія занятія, такъ какъ, проживая въ названныхъ столицахъ, весьма сильно интересовался состояніемъ и развитіемъ журналистики, въ особенности англійской и американской, равно какъ новыми литературными направленіями и теченіями, которыя въ ней проявлялись. Но, спустя нѣсколько лѣтъ, по возвращеніи въ Россію, и эти стремленія или прежнія привычки были оставлены и забыты: онъ должны были быть совсѣмъ преданы забвенію въ виду цѣлей, которыя имѣлъ въ виду дипломатъ и государственный дѣятель, тѣмъ болѣе, что въ это время повѣяло совершенно инымъ духомъ. Такимъ образомъ, и прежніе литературные противники могли сойтись вмѣстѣ и даже раздѣлять одни и тѣ же взгляды на вопросы внутренней политики и руководиться одинаковыми соображеніями, и въ такихъ случаяхъ, когда дѣло касалось литературной и ученой областей. По этимъ-то причинамъ, Блудовъ, рассмотрѣвъ предложенное ему дѣло, и высказался такимъ образомъ, что хотя онъ, по незнанію подробностей Виленскаго слѣдствія, не можетъ судить о томъ, будетъ-ли Мицкевичъ благонадежнымъ въ званіи журналиста, тѣмъ не менѣе, если Правительство нашло нужнымъ запретить Мицкевичу жить и служить въ Польшѣ, то, вѣроятно,

по тѣмъ же причинамъ, оно не позволить ему дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала (№ 74). Адмиралъ Шипковъ призналъ основательнымъ этотъ отзывъ и отвѣтилъ попечителю Московскаго учебнаго округа, что, по указанному соображенію, онъ не можетъ собственною властью дать разрѣшеніе на издавіе журнала, входитъ же о семъ съ представленіемъ къ Государю Императору не находить ни приличія, ни уважительной къ тому причины (№ 75).

Полученный отказъ былъ однимъ изъ мотивовъ, по которымъ поэтъ пожелалъ разстаться съ Москвою. Онъ искалъ болѣе широкихъ горизонтовъ и болѣе широкаго круга дѣятельности, большаго, наконецъ, кружка близкихъ ему соотечественниковъ и по этому рѣшился переселиться въ Петербургъ, чтобы тамъ приискать себѣ тоже болѣе солидное занятіе и мѣсто. Почти весь 1828 годъ (№ 84) провелъ онъ въ сѣверной столицѣ, считаясь по болѣзни въ отпуску, въ которомъ князь Д. В. Голицынъ не имѣлъ основанія отказывать Мицкевичу, такъ какъ послѣдній не считался штатнымъ чиновникомъ и не получалъ никакого содержанія.

Петербургскіе друзья посоветовали Мицкевичу опредѣлиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и обѣщали ему поддержку, онъ же согласился на это, въ надеждѣ, что удастся ему получить или мѣсто переводчика въ самой Коллегіи или же назначеніе въ какое-либо изъ русскихъ консульствъ въ южной Европѣ, куда поэтъ непременно хотѣлъ отправиться для поправленія своего здоровья. Онъ просилъ о томъ или о другомъ назначеніи въ докладныхъ запискахъ (№ 81 и *Ateneum*, 1897, IV, 529), которыя приложилъ къ прошенію на Высочайшее Имя (№ 80), о принятіи его на службу въ упомянутую коллегію, поданному 19 февраля 1829 года. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде сейчасъ же (25 февраля) отнесся къ кн. Голицыну съ запросомъ, не имѣется-ли препятствій для опредѣленія Мицкевича въ подвѣдомственное ему министерство (№ 82), на что, отъ 9 апрѣля, получилъ удовлетворительный отвѣтъ, съ лестнымъ отзывомъ о кандидатѣ и съ такимъ же аттестатомъ о его службѣ (№№ 83—

85). Помимо этого однако назначеніе, по неизвѣстнымъ ближе причинамъ, не состоялось сразу: поэтъ сталъ терять надежду на осуществленіе этимъ путемъ своихъ плановъ о поѣздкѣ въ южную Европу для лѣченія и самъ сталъ хлопотать о полученіи заграничнаго паспорта. Благодаря связямъ влюбленной въ него Каролины Енишъ, въ домѣ отца которой въ Москвѣ онъ часто бывалъ, паспортъ былъ выданъ, и Мицкевичъ 15 мая, на англійскомъ кораблѣ, покинулъ Россію навсегда, и гр. Нессельроде, хотя только спустя два съ половиною мѣсяца, сообщилъ князю Голицыну, что не нашелъ нужнымъ причислить къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ чиновника, имѣющаго пребываніе за границею (№ 86). Такъ кончилась и чиновничья карьера поэта и сношенія его съ властями.

1

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Нижеподписавшійся по желанію учителя Ковенскаго уѣзднаго училища г. Мицкевича, который какъ прежде въ своихъ болѣзненныхъ страданіяхъ, такъ и нынѣ въ безпрестанно усиливающихся, пользовался моими совѣтами, выдаю сіе свидѣтельство съ подробнымъ описаніемъ его болѣзни въ томъ, что онъ г. Мицкевичъ, будучи еще студентомъ въ Университетѣ, по непрерывнымъ и тщательнымъ трудамъ, какихъ требовало прилежаніе къ наукамъ, началъ страдать геморроидальною болѣзною, къ которой по фамиліи уже былъ склоненъ. При дѣйстви означенныхъ причинъ, будучи нѣскольkokратно одержимъ насморкною горячкою, геморройды начали принимать опаснѣйшее дѣйствіе на грудь. Пользуя же нынѣ помянутаго учителя Мицкевича, когда по двухъ-лѣтней его учительской должности въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ изслѣдовалъ я нынѣшнія его страданія, нашель, что онія до той степени усилились, что угрожаютъ крайней опасностью, какою есть болѣзнь называемая *Pneumorrhagia*, которой дѣйствія уже испыталъ. Не иная полагается причина перехода сей болѣзни въ грудь, какъ токмо преподаваніе лекцій, требующее декламаціи и сѣденіе (!) въ классѣ по 4 часа въ день, приводящее въ худшее состояніе геморроидальныя терпѣнія, которыя по поводу настоящей его должности, ослабляющей легкія, безъ сомнѣнія дѣйствуютъ и на грудь.

Посему учитель г. Мицкевичъ не иначе можетъ поправить свое здоровье, какъ увольнившись на нѣкоторое время отъ должности, пока геморроидальная его болѣзнь въ настоящемъ состояніи (rheumorrhagia) не получитъ натурального хода. Вильно, 1821 года іюня 12 дня.

(Подписалъ) Докторъ медицины и хирургіи

Константинъ Порціанко.

Вѣрно: Секретарь Феликсъ Мѣржеевскій¹⁾.

2.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.
Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2.

Объ увольненіи учителя Мицкевича по болѣзни на одинъ годъ отъ должности съ жалованьемъ 200 рублей.

Въ Вильнѣ, 25 іюля 1821. № 2400. Виленскій Университетъ. Правленіе Университета.

Господину Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Директоръ училищъ Виленской губерніи Будзиловичъ при рапортѣ своемъ представилъ прошеніе учителя словесности Ковенскаго уѣзднаго училища Адама Мицкевича, въ которомъ изъясняетъ, что въ продолженіи двухъ-лѣтней своей учительской должности усиливаящаяся въ немъ болѣзнь не только непрерывно препятствовала учительскимъ его затрудненіямъ, но и угрожаетъ совершенно впередъ потерю здоровья; посему принужденнымъ находится по совѣту врачей уволниться на время отъ должности для исцѣленія своего поврежденнаго здоровья; но какъ жалованье имъ получаемое единственнымъ есть способомъ

---

1) Копія въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189.

къ содержанію себя, безъ котораго крайнему подвергся бы недостатку и даже лишился бы средствъ къ поправленію здоровья: для того прилагая свидѣтельство доктора о своей болѣзни, просить, чтобы при увольненіи его отъ должности на одинъ годъ оставить при немъ учительское жалованье, котораго нынѣ получаетъ по 300 руб. сер. въ годъ, съ вольностью возвращенія къ прежнему мѣсту. Университетское Правленіе по поводу такового прошенія имѣло разсужденіе, что помянутый учитель принять въ учительскую семинарію при университетѣ 1815 года, гдѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ обучался съ отличнымъ успѣхомъ, а по окончаніи курсовъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Ковенское уѣздное училище съ 1 сентября 1819 года. По свидѣтельству визитатора и директора училищъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ исполнял свою должность съ совершеннымъ прилежаніемъ и значительною пользою учениковъ, хотя по болѣзни своей частымъ подвергался страданіямъ. Изъ представленнаго же свидѣтельства доктора медицины и хирургіи Порціанки оказывается, что тщательнѣйшее Мицкевича прилежаніе къ наукамъ, сопряженное съ непрерывнымъ сѣденіемъ (!) подвергло его геморроидальнымъ аттакамъ, которые начали уже принимать опасное дѣйствіе на грудь и усилились до той степени, что угрожаютъ крайне опасною болѣзнию подъ названіемъ *Pneumonorrhagia*, которой дѣйствія уже испыталъ. Къ чему вяцею было причиною сѣденіе въ классѣ по 4 часа въ день, требующее непрерывной декламациі; посему не иначе можетъ онъ поправить свое здоровье, какъ уволившись на нѣкоторое время отъ должности. Изъ всего вышеозначеннаго, поелику Университетское Правленіе удостовѣряется, что учитель Мицкевичъ не можетъ заниматься должностію, не лишаясь вовсе здоровья, и что увольненіе на одинъ годъ по юнымъ его лѣтамъ доставило бы ему способность совершеннаго исцѣленія здоровья, а тѣмъ самымъ возвратило бы толико полезнаго учителя къ учебнымъ трудамъ. Но какъ онъ кромѣ жалованья другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе отъ должности безъ жалованья подвергло бы его недо-

статку гораздо опаснѣйшему въ настоящихъ его страданіяхъ, то, прилагая въ копіи свидѣтельство доктора Порціанки, обстоятельство сіе имѣетъ честь представить милостивѣйшему благоуваженію Вашего Сіятельства, съ таковымъ притомъ изъясненіемъ, что хотя учитель Мицкевичъ просилъ о оставленіи при немъ полнаго жалованья 300 руб. сер., но Университетское Правленіе осмѣливается покорнѣйше просить, не благоудно-ли бы было при увольненіи его на одинъ годъ, съ 1-го наступающаго мѣсяца сентября, назначить ему $\frac{2}{3}$ части жалованья, т. е. 200 руб. сер., изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, которой отпускается въ годъ по 1000 руб. сер., поелику нынѣшнее его жалованье будетъ отпускаться тому, кто отъ Университета на его мѣсто будетъ назначенъ къ преподаванію въ Ковенскомъ училищѣ словесности.

Ректоръ Семень Малевскій.

Секретарь Феликсъ Мѣржеевскій.

Резолюція: Представить о семъ въ Комитетъ Министровъ, 3 августа 1821¹⁾.

3.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2. Въ Царскомъ Селѣ, 6 августа 1821 года. № 2416. Объ увольненіи отъ должности на годъ учителя Ковенскаго училища Мицкевича.

Виленскій университетъ представилъ мнѣ, что учитель Ковенскаго уѣзднаго училища Мицкевичъ впалъ въ болѣзнь, которая, время отъ времени усиливаясь, не только препятствуетъ учительскимъ его занятіямъ, но и угрожаетъ совершенно впредь

1) Подлинникъ въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189, съ надписью: «получ. 31 іюля 1821», и № 098/992.

потерею здоровья, и по совѣту врачей остается для него одно только средство: оставить на время учительскую должность, требующую продолжительнаго сидѣнія и напряженія груди. Но какъ онъ, кромѣ жалованья, другихъ средствъ къ содержанию себя не имѣеть, а увольненіе его отъ должности безъ жалованья подвергло бы его крайнему недостатку при болѣзненномъ состояніи: то посему Университетъ, представивъ докторское свидѣтельство о болѣзни учителя Мицкевича и удостовѣряя о рачительной и усердной его донныѣ службѣ, ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ должности на одинъ годъ съ 1 наступающаго сентября мѣсяца, съ назначеніемъ ему двухъ третей получаемаго имъ жалованья, т. е., двухъ-сотъ рублей серебромъ, изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, которой отпускается по 1000 руб. сер. въ годъ изъ по-іезуитскихъ доходовъ, изъ которыхъ училища Виленскаго учебнаго округа содержаніе свое получаютъ, такъ какъ нынѣшнее жалованье Мицкевича будетъ выдаваемо тому, кто отъ университета на его мѣсто назначенъ будетъ.

По удостовѣренію начальства о ревностной до нынѣ службѣ Мицкевича, испрашиваю разрѣшенія Комитета господъ Министровъ на увольненіе его на годъ отъ учительской должности, съ выдачею ему двухъ-сотъ рублей серебромъ въ годъ изъ вышеозначенной суммы.

Князь Александръ Голицынъ.

Директоръ Василій Поповъ.

Начальникъ стола Зубковскій¹⁾.

4.

Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 9 августа и 13 сентября 1821 года.

1) Копія въ архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 8176, картонъ 189.

Въ засѣданіе 9 августа слушана записка Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, отъ 6 августа, за № 2416 (по Департаменту Народнаго Просвѣщенія), внесенная въ журналъ Комитета подъ № 1284, объ увольненіи учителя Ковенскаго уѣзднаго училища Мицкевича для поправленія разстроенаго здоровья на одинъ годъ отъ должности съ выдачею ему, по уваженію усердной его службы и крайне недостаточнаго содержанія, 200 руб. сер., изъ суммы, на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи назначенной.

Комитетъ полагаетъ: уволить съ выдачею означенной суммы, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе.

Въ засѣданіи 13 сентября объявлено Комитету, что Государь Императоръ на сіе соизволяетъ.

Комитетъ опредѣляетъ: сообщить о томъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія къ исполненію выпискою изъ журнала.

Управляющій дѣлами Комитета Сухопрудскій.

№ 2006.

Его Сіятельству Г. Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. По 2-му отдѣленію¹⁾.

Б.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Отдѣленіе II. Столъ 2. Въ С.-Петербургѣ, 27 сентября 1821, № 3101. Объ увольненіи отъ должности на годъ учителя Ковенскаго училища Мицкевича.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа.

Правленіе Виленскаго Университета въ июлѣ мѣсяцѣ сего года представило мнѣ, что учитель Ковенскаго уѣзднаго училища

¹⁾ Подлинникъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189; замѣтка о полученіи «24 сентября 1821» и «№ 3774/90.

Мицкевичъ впалъ въ болѣзнь, которая, время отъ времени усиливаясь, не только препятствуетъ учительскимъ его занятіямъ, но и угрожаетъ совершенно впредъ потерю здоровья и по совѣту врачей остается для него одно только средство: оставить на время учительскую должность, требующую продолжительнаго сидѣнія и напряженія груди. Но какъ онъ, кромѣ жалованья другихъ средствъ къ содержанію себя не имѣетъ, а увольненіе его отъ должности безъ жалованья подвергло бы его крайнему недостатку при болѣзненномъ состояніи: то посему Университетское Правленіе, приложивъ докторское свидѣтельство о болѣзни Мицкевича и удостовѣряя о рачительной и усердной его донинѣ службѣ, ходатайствуетъ о увольненіи Мицкевича отъ должности на одинъ годъ съ 1 сего сентября, съ назначеніемъ ему двухъ третей получаемаго имъ жалованья, то есть, двухъ-сотъ руб. сер. изъ суммы, положенной на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи, такъ какъ нынѣшнее жалованье Мицкевича будетъ выдаваемо тому, кто отъ Университета на его мѣсто назначенъ будетъ.

Государь Императоръ, по представленію моему о томъ, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на увольненіе отъ должности Мицкевича на годъ, съ производствомъ ему за сіе время двухъ-сотъ руб. сер. изъ суммы, на чрезвычайныя издержки по училищамъ Виленской губерніи положенной.

О семъ имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, для надлежащаго съ Вашей стороны по тому исполненія.

Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія

Князь Александръ Голицынъ.

Директоръ Василій Поповъ.

Начальникъ стола Зубковскій¹⁾.

---

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8176, картонъ 189, съ надписью: «къ № 9».

6.

Ректору Виленскаго Университета, надворному совѣтнику Твардовскому.

Его Императорское Высочество, въ повелѣніи ко мнѣ, отъ 12 сего августа, за № 3301, на представленіе мое о разрѣшеніи на выдачу паспорта учителю Ковенскихъ уѣздныхъ училищъ Адаму Мицкевичу, желающему отправиться за границу въ Австрію и Италію къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ срокомъ на два года, предписать изволилъ узнать: чему вышеозначенный учитель Мицкевичъ обучаетъ? вѣтъ-ли за нимъ чего порочнаго, по какой болѣзни ѣдетъ и какими средствами будетъ содержать себя за границею два года? А потому рекомендую Вашему Высокородію сдѣлать, черезъ кого слѣдуетъ, по вышеписанному повелѣнію выправку и, что въ оной окажется, увѣдомить меня съ Вашимъ заключеніемъ, для донесенія Его Высочеству.

Генераль Римскій-Корсаковъ¹⁾.

№ 3027.

26 августа 1823 г.

получ. 27 августа 1823.

7.

Его Высокопревосходительству Господину Генералу отъ Инфантеріи, Литовскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру, Александру Михайловичу Римскому-Корсакову.

Ваше Высокопревосходительство, въ предложеніи, отъ 26 сего августа, за № 3027, касательно учителя Адама Мицкевича, желающаго отправиться за границу, а именно, въ Австрію и Италію, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ, срокомъ на два года, изволили предписать мнѣ сдѣлать выправку:

1) Чему сей учитель обучаетъ?—

¹⁾ Подлинникъ въ Публичной Библиотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX, 7, листъ 16.

- 2) Нѣтъ ли за нимъ чего порочнаго?
- 3) По какой болѣзни ѣдетъ?
- 4) Какими средствами будетъ содержать себя за границей два года?

На сіи запросы честь имѣю донести Вашему Высокопревосходительству слѣдующее:

1) Учитель Мицкевичъ обучалъ въ Ковенскомъ уѣздномъ училищѣ словесности, исторіи и нравственнымъ наукамъ.

2) Ничего за нимъ порочнаго, со времени вступленія моего въ должность ректора, что было въ половинѣ ноября мѣсяца прошлаго 1822 года, не оказалось. А хотя прежде сего предметникъ мой бывшій ректоръ г. Малевскій, по предписанію Господина Попечителя, имѣлъ того учителя на особенномъ замѣчаніи, но и въ семъ онъ же, г. Малевскій, ничего противнаго за учителемъ Мицкевичемъ не замѣтилъ, какъ сіе свидѣтельствуемъ въ письмѣ своемъ, отъ 20 ноября 1822 года, ко мнѣ адресованномъ, которое въ переводѣ при семъ честь имѣю приложить.

3) Болѣзнь сего учителя, по свидѣтельству Ковенскаго уѣзднаго лѣкаря доктора Ковальскаго, есть грудная, отъ чего происходитъ боль въ правомъ боку и плеваніе кровью. Сверхъ сего свидѣтельства, достаточно извѣстно Университету, что вообще здоровье его находится въ очень худомъ состояніи, такъ что, не смотря на хорошую его способность, съ величайшею трудностью могъ исполнять учительскую должность. Для излѣченія даже слабаго своего здоровья въ 1821 году, по утверженію Господина Министра, уволенъ былъ на одинъ годъ отъ должности учителя, съ жалованьемъ 200 руб. сер. По истеченіи сего времени, хотя возвратился въ должность свою, но здоровье его болѣе еще разстроилось, а посему для исправленія онаго требуется рачительнаго старательства.

4) Какія онъ Мицкевичъ имѣетъ средства къ содержанію себя за границею, Университету неизвѣстно. Для сдѣланія удовлетворительнаго отвѣта на сей послѣдній вопросъ, также чтобы въ точности знать, не замѣтилъ ли чего-нибудь порочнаго за учи-

телемъ Мицкевичемъ смотритель Ковенскаго уѣзднаго училища, по слѣдующей почтѣ потребую извѣстія отъ сего смотрителя и, какой получу о семъ отвѣтъ, не замедлю Вашему Высокопревосходительству всепочтеннѣйше донести ¹⁾

№ 321.

Августа 29 дня 1823 г.

г. Вильно.

В.

Господину Генералу отъ Инфантеріи, Литовскому Военному Губернатору и разныхъ орденовъ Кавалеру Александру Михайловичу Римскому Корсакову.

Въ дополненіе рапорта моего, отъ 29 истекшаго августа, за № 321, Вашему Высокопревосходительству учиненнаго, въ разсужденіе учителя Ковенскаго повѣтоваго училища Мицкевича, полученный мною отъ смотрителя того училища Добровольскаго рапортъ при семъ въ переводѣ Вашему Высокопревосходительству честь имѣю представить.

(Ректоръ Твардовскій ²⁾).

№ 333.

Сентября 8 дня 1823 г.

Э.

Слѣдственная Комиссія разсматривала пять прошеній на имя попечителя Новосильцова объ увольненіи на поручительства: 1) Александра Турскаго о братѣ его Ксаверіѣ Турскомъ; 2) Онуфрія Гнатовича о племянникѣ Эдвардѣ Одынцѣ, который по случаю смерти матери и болѣзни отъ давняго времени отца его ну-

1) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 7, листъ 17.

2) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, Б. XIX. 7, листъ 24.

женъ въ домѣ для призрѣнія шестеро малолѣтнихъ дѣтей; 3) камеръ-юнкера Ляхницкаго о Наполеонѣ Новицкомъ и Адамѣ Мицкевичѣ; 4) Юсифа Домейки о племянникахъ Игнатіѣ и Александрѣ Домейкахъ; 5) типографа Юсифа Завадскаго о Николаѣ Малиновскомъ.

По дѣламъ Комиссіи видно:

Адамъ Мицкевичъ, бывшій учитель Ковенскаго училища, въ отвѣтахъ своихъ, показывая, что къ обществу Филаретовъ не принадлежалъ, не былъ онаго членомъ, присяги не исполнилъ и не входилъ ни въ какую обязанность, сознался однако, что нѣсколько разъ былъ на засѣданіяхъ союзовъ и на бесѣдахъ, якобы по знакомству токмо съ членами общества Филаретовъ и даже стальной перстень, снѣмъ обществомъ предсѣдателю Зану сдѣланный, онъ же Мицкевичъ вручилъ ему и сказалъ нѣсколько стиховъ, поздравляя его, что толикое число имѣеть друзей, а притомъ и 12 человекъ изъ допрошенныхъ уже Филаретовъ показываютъ, что и онъ Мицкевичъ принадлежалъ къ обществу ихъ, почему и нужно ему дать съ ними очную ставку.

Собственноручная резолюція Новосильцова.

По принятому Комиссіею правилу ни одного изъ поименованныхъ въ семь списокѣ пяти учениковъ на поручительство выпустить нельзя, потому что ни одинъ изъ нихъ чистосердечно въ томъ, что читаны были на бесѣдахъ Филаретовъ предосудительныя для Правительства сочиненія, не признается, тогда какъ Комиссія имѣеть въ своихъ рукахъ вѣрнѣйшія тому доказательства.

Прошенія, поданныя о порукѣ, возвратили просителямъ съ подписями въ оныхъ, что несходствія въ нѣкоторыхъ предметахъ съ обстоятельствами дѣла показаній сказанныхъ Филаретовъ требуютъ поясненія и уликъ очными ставками и что до того и до дальнѣйшаго соображенія они на порукѣ находиться не могутъ¹⁾.

1) Виленская Публичная Библіотека, рукопись Б. XIX, 5; резолюція послѣдовала 19 декабря 1823 года.

10.

Ректору Виленскаго Университета Господину Надворному Совѣтнику Твардовскому.

Объ учителѣ Ковенскихъ уѣздныхъ училищъ Адамѣ Мицкевичѣ, просившемъ объ увольненіи его за границу въ Австрію и Италію, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ, на вопросъ, какими средствами будетъ онъ содержать себя за границею два года, Ваше Высокоблагородіе представили ко мнѣ рапортъ смотрителя тѣхъ училищъ Добровольскаго, что означенный Мицкевичъ надѣется содержать себя за границею изъ капитала, который ожидаетъ составить изъ сочиненія своего, нынѣ изъ печати выходящаго. Затѣмъ, въ подробнѣйшее поясненіе таковаго отвѣта, предписываю Вашему Высокоблагородію увѣдомить меня непродолжительно, какое, именно, издается учителемъ Мицкевичемъ сочиненіе? что оно въ себѣ заключаетъ и было-ли въ просмотрѣ цензуры, а также, состоитъ-ли нынѣ Мицкевичъ при должности?

Генералъ Римскій Корсаковъ¹⁾.

№ 714.

26 февраля 1824.

11.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

1824 года апрѣля 20 дня.

Виленскаго Университета профессоръ Іоакимъ Лелевель проситъ Вашего Высокопревосходительства о увольненіи на поручительство его Адама Мицкевича.

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 7, листъ 252; былъ уже печатанъ въ «Pamiętnik towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza», томъ II, стр. 241

А по дѣламъ Комиссіи видно:

Адамъ Мицкевичъ (какъ по розыску оказалось) не принадлежалъ къ обществу Филаретовъ, а зналъ токмо о обществѣ томъ, по случаю знакомства съ учениками Университета, и что нѣсколько разъ былъ на бесѣдахъ и читалъ стихи, на одной же изъ бесѣдъ за городомъ былъ упрощень о поднесеніи предсѣдателю Зану стального перстня и говорилъ изустно стихи, содержанія коихъ не помнитъ достаточно, утверждаетъ только, что не относились къ обществу, — а въ честь Зана, которому поднесъ тогда вмѣстѣ съ перстнемъ сдѣланный съ дубовыхъ листьевъ вѣнокъ, коимъ увѣнчали Филареты Зана.

Слѣдственная Комиссія имѣеть долгъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что сей же Мицкевичъ, находясь въ присутствіи оной, изъявлялъ искреннее раскаяніе въ заблужденіи своемъ, что онъ хотя и не принадлежалъ къ секретному обществу, а только имѣя участіе въ бесѣдахъ, поступилъ тѣмъ неблагоразумно и могъ быть сочленомъ такимъ, кои въ пылкости воображенія престоупили обязанность неприличными рѣчами своими.

Резолюція: *Отпустить на поручительство. Новосилцовъ*¹⁾.

12.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго намъ господиномъ исправляющимъ должность директора департамента народнаго просвѣщенія статскимъ совѣтникомъ Языковымъ, коимъ предоставлено всякому изъ числа прибывшихъ въ С.-Петербургъ Виленскаго университета кандидатовъ и студентовъ избрать себѣ губернію для опредѣленія въ службу Его Императорскаго Величества имѣемъ честь объявить, что мы Осипъ

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 11.

Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ желаемъ отправиться въ Одессу или въ Харьковъ и опредѣлиться тамъ въ службу, которой бы соответствовали способности наши.

Нижеподписавшійся объявилъ (!) желаніе служить при Ришельевскомъ Лицѣ (!).

Адамъ Мицкевичъ¹⁾.

13.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ! Высочайше подтвержденнымъ въ 14 день августа сего 1824 года журналомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ, между прочимъ постановлено:

«Десять человекъ филломатскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій націонализмъ посредствомъ обученія, предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Во исполненіе сего Г. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, выславъ сихъ студентовъ въ Петербургъ, доставилъ мнѣ именной имъ списокъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность, по своимъ способностямъ и собственному желанію, кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашель я, что большая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ

1) Автографъ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло № 180263, листъ 6.

преподавать наукъ на семь языкъ и, слѣдственно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Донеся о семь всеподданнѣйше Государю Императору, испрашивая я Всемилостивѣйшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи вѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу Его Императорскаго Величества, по собственному ихъ желанію здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставляя всѣмъ имъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ я Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: «здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить по ихъ желанію и способностямъ въ другіе, только не въ Польшѣ, города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія».

Во исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ я отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе: въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ?

Вслѣдствіе сего, кандидаты философіи Осипъ Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ объявили, что они желаютъ служить при Ришельевскомъ Лицеѣ.

Въ доставленной отъ Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа отмѣткѣ сказано противъ имени Ежовскаго, что онъ могъ бы преподавать греческую и римскую словесность, а также педагогику и философію на латинскомъ языкѣ. Противъ имени Мицкевича, что онъ могъ бы преподавать словесность древнихъ языковъ и эстетику на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ.

Посему, приказавъ Ежовскому и Мицкевичу отправиться къ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, предписать начальству Ришельевскаго лица принять ихъ въ сіе учебное заведеніе, для преподаванія тѣхъ наукъ, коимъ они обучались въ Виленскомъ университетѣ, и назначить имъ приличное жалованье.

Буде же, по какимъ либо причинамъ, не найдется удобства опредѣлить ихъ въ лицей, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу предоставить имъ прискать для себя другія мѣста, сообщивъ тогда начальствамъ, гдѣ они служатъ пожелаютъ, помянутое, состоявшееся о нихъ Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи ихъ въ службу, не въ польскихъ, но въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, съ классами, ученымъ степенямъ ихъ присвоенными. По полученіи на сіе извѣщенія Вашего, сдѣлаю я распоряженія и о доставленіи, куда слѣдовать будетъ, изъ Виленскаго университета свидѣтельствъ на полученную ими степень кандидата.

При семъ нужнымъ считаю увѣдомить, что по бѣдному состоянію Ежовскаго и Мицкевича, выдано имъ, сверхъ прогонныхъ денегъ до Елисаветграда, на путевыя издержки по триста рублей каждому.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

А. Шишковъ.

№ 3638.

Въ С.-Петербургѣ.

16 декабря 1824.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте¹⁾.

14.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Н. П. Отдѣленіе 11. Столъ 2. Въ С.-Петербургѣ, 16 декабря 1824. № 3633.

Господину Министру Финансовъ.

Изъ отношенія моего отъ сего же числа, за № 3632, Вашему Превосходительству извѣстно, что Высочайше конфирмирован-

---

1) Подлинное въ Архивѣ Императ. Новороссійскаго Университета.

нымъ въ 14 день августа сего года журналомъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ, между прочимъ постановлено: нѣкоторыхъ изъ числа бывшихъ студентовъ означеннаго университета употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину.

Вслѣдствіе того помянутые студенты, по предписанію Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, прибыли сюда.

Какъ бѣольшая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не можетъ преподавать наукъ на семъ языкѣ и, слѣдственно, не могутъ принести большій пользы русскимъ училищамъ, то я всеподданнѣйше испрашивалъ Государя Императора Высочайшаго дозволенія тѣхъ изъ сихъ студентовъ, кои желаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу, по собственному ихъ желанію, здѣсь въ Петербургѣ, или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ.

На сіе получилъ я Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить, по ихъ желанію и способностямъ, въ другіе, только не въ польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Нынѣ изъ числа означенныхъ студентовъ, согласно изъявленному ими желанію, отправляются для опредѣленія кандидаты философіи Викентій Будревичъ и Онуфрій Петрашкевичъ въ Московскій университетъ, а кандидаты философіи Осипъ Ежовскій и Адамъ Мицкевичъ въ Ришельевскій лицей.

Посему, на основаніи вышеизъясненнаго Высочайшаго повелѣнія относительно сдѣланія имъ пособія, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство учинить зависящее отъ Васъ, Милостивый Государь мой, распоряженіе о выдачѣ изъ суммъ Государственнаго Казначейства онымъ четыремъ кандидатамъ прогонныхъ денегъ Будревичу и Петрашкевичу до Москвы, каждому на двѣ лошади, а Ежовскому и Мицкевичу до Елисавет-

града, также на двѣ лошади каждому, и, сверхъ того, на путевыя издержки Будревичу и Петрашкевичу по двѣсти рублей, а Ежовскому и Мицкевичу по триста рублей каждому.

О послѣдующемъ ожидать буду благосклоннаго Вашего увѣдомленія.

Министръ Народнаго Просвѣщенія

Александръ Шипковъ.

Начальникъ отдѣленія Дмитрій Языковъ ¹⁾.

15.

Въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія казначея Аникіева.

РАПОРТЪ.

Вслѣдствіе предписанія Департамента 29 прошлаго декабря, № 2674, принято мною сего генваря 5 числа изъ Главнаго Казначейства прогонныхъ денегъ четыремъ кандидатамъ Виленскаго Университета, отправляющимся для опредѣленія къ должностямъ, каждому на двѣ лошади, двумъ изъ нихъ Викентію Будревичу и Онуфрію Петрашкевичу до Москвы за 720 верстѣ по 117 руб. 64 коп., а двумъ Осипу Ежовскому и Адаму Мицкевичу до Одессы за 1545 $\frac{1}{2}$ верстѣ по 248 руб. 16 коп., и, сверхъ того, на путевыя издержки первымъ двумъ по 200, а послѣднимъ по 300 руб., всего тысяча семьсотъ трудцать одинъ рубль шестьдесятъ копѣекъ, кои по принадлежности въ приходѣ записаны, о чемъ Департаменту симъ почтеннѣйше доношу.

Казначей Петръ Аникіевъ.

№ 5.

Генваря 6 дня 1825 года²⁾.

---

1) Копія, архивъ М. Н. П., дѣло № 130263.

2) Подлинникъ, архивъ М. Н. П., № 130263, съ помѣтками: «№ 60/20» и «7 января 1825 г.».

16.

Милостивый Государь мой Карлъ Ивановичъ. Съ симъ вмѣстѣ отношусь я въ Правленіе Ришельевскаго лица о допущеніи къ преподаванію въ семь заведеніи учебныхъ предметовъ двухъ кандидатовъ Виленскаго Университета: Ежовскаго и Мицкевича.

Кандидатамъ симъ я приказалъ уже отправиться въ Одессу и по прибытіи туда явиться къ Вашему Высокоблагородію. Не оставьте сдѣлать распоряженіе, дабы съ приѣздомъ Ежовскаго и Мицкевича въ лицей была имъ отведена квартира въ заведеніи и дабы они пользовались столомъ наравнѣ съ прочими преподавателями.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Высокоблагородія покорнымъ слугою.

Графъ Витте.

№ 48.

Въ Елисаветградѣ,
14 февраля 1825.

Его Высокоблагородію К. И. Дитерихсу¹⁾.

17.

Въ Правленіе Ришельевскаго Лицея.

Препровождая при семъ копію съ отношенія ко мнѣ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 декабря прошлаго года, № 3638, касательно принятія въ Ришельевскій лицей для преподаванія наукъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, я предлагаю Правленію сдѣлать немедленно распоряженіе о предоставленіи имъ соотвѣтственно знаніямъ и способностямъ каедръ въ лицей.

1) Подлинникъ въ архивѣ Имп. Новороссійскаго Университета; помѣтки на немъ: «№ 127», сполуч. 18 февраля 1825», и «47. Слушано 19 февраля 1825».

Я полагаю, что Ежовскій и Мицкевичъ съ пользою могутъ преподавать уроки древнихъ языковъ; впрочемъ, Правленіе не оставитъ войти въ соображеніе, какіе предметы можно, именно, имъ предоставить, смотря по удобствамъ.

По назначеніи помянутымъ двумъ кандидатамъ занятій, производить имъ жалованье изъ остающихся суммъ отъ кафедръ, незамѣщенныхъ преподавателями, или изъ опредѣленныхъ суммъ на жалованье адъюнктамъ. На первый разъ можно производить каждому изъ нихъ годовые оклады отъ 600 до 750 руб.

О распоряженіяхъ по сему предмету Правленіе не оставитъ донести мнѣ безъ всякаго замедленія, для доведенія о томъ до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій Лицеємъ Генералъ-Лейтенантъ
Графъ Витте.

Въ должности писмоводителя

Титулярный Совѣтникъ Вороновъ.

№ 47.

Въ Елисаветградѣ,
14 февраля 1825.

Въ Правленіе Ришельевского Лицея¹⁾.

18.

Ришельевскій Лицей. Журналъ по учебной части на 1825 годъ (№ 95).

1825 года февраля 19 дня въ Правленіе Одесскаго Ришельевскаго Лицея прибыли гг. члены по учебной части: полковникъ и кавалеръ В. Х. Христофоровъ, первый инспекторъ надворный совѣтникъ Н. М. Калининскій, магистръ профессоръ И. Ф. Гри-

---

1) Подлинникъ тамъ же, съ помѣтками: «№ 126», сполуч. 18 февраля 1825» и «48. Слушано 19 февраля 1825».

невичъ, кандидатъ профессоръ И. И. Дудровичъ, константинопольскій банкиръ, дворянинъ С. А. Констанда и и. д. директора надворный совѣтникъ К. И. Дитерихсъ; въ сіе засѣданіе прибылъ законоучитель Рижельевскаго лицея отецъ протоіерей Исидоръ Гербановскій, по приглашенію г. и. д. директора.

Слушали:

а) предложеніе Его Сіятельства Г. Управляющаго Рижельевскимъ лицеемъ генерала-лейтенанта гр. И. О. Витте, отъ 14 февраля сего года, № 47 (см. выше № 17).

б) отношеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 декабря 1824 года, № 3638 (см. выше № 13).

с) предписаніе Его Сіятельства Г. Управляющаго отъ 14 же февраля сего года, № 48 (см. выше № 16).

Опредѣлили:

Такъ какъ въ лицей для помѣщенія кандидатовъ Ежовскаго и Мицкевича никакихъ вакантныхъ мѣстъ не имѣется, къ коимъ они могли бы быть опредѣлены, потому что по части латинской и греческой словесности, кромѣ чиновниковъ, утверждаемыхъ Г. Министромъ, классъ латинской грамматикѣ съ пользою занимается и. д. профессора коммерческихъ наукъ Симановичемъ, классъ греческой грамматикѣ занялъ съ вѣдома Его Сіятельства, по распоряженіямъ Правленія, титулярный совѣтникъ Артропуло, который также преподаетъ съ пользою, а классъ риторики и словесности греческихъ, по предложенію Его Сіятельства, занялъ г. Пиципіо, который также съ успѣхомъ продолжаетъ преподаваніе сихъ предметовъ: то, предоставивъ упомянутымъ кандидатамъ Виленскаго университета отыскать для себя другія мѣста и по пріисканіи оныхъ увѣдомить Правленіе. Въ уваженіе же недостаточнаго ихъ состоянія снабдить ихъ квартирою и столомъ, до пріисканія ими мѣстъ, о чемъ донести Его Сіятельству г. Управляющему Лицею, впрочемъ предоставитъ на благоусмотрѣніе Его Сіятельства, что если бы сіи мѣста не были заняты,

то Ежовскій могъ бы заняться преподаваніемъ риторики и словесности греческой, а Мицкевичъ греческой и латинской грамматики ¹⁾.

19.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Одесскій Ришельевскій Лицей. № 179. 26 февраля 1825. Одесса.

Господину Управляющему Лицеємъ Генералъ-Лейтенанту Графу Ивану Осиповичу Витте.

Честь имѣю препроводить у сего на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства выписку статьи 1-ой изъ журнала засѣданія Правленія Ришельевского Лицея, въ 19 день сего февраля мѣсяца состоявшагося, объ опредѣленіи и принятіи въ Лицей для преподаванія наукъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича.

Исправляющій должность директора Лицея надворный совѣтникъ и кавалеръ Дитерихсъ.

Управляющій канцелярією Правленія лицея.

В. Степановъ ²⁾.

20.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой Карлъ Ивановичъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволить: вызванныхъ въ С.-Петербургъ по послѣднимъ происшествіямъ студентовъ Виленскаго университета, не оставляя на службѣ въ Ришельевскомъ лицей, и вообще въ южныхъ губерніяхъ, перемѣстить въ другія рос-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Подлинникъ въ дѣлѣ о Мицкевичѣ въ архивѣ Правленія того-же Университета.

сійскія губерніи, по собственному ихъ избранію, и въ такой родъ службы, какой они пожелаютъ сами; также, по недостаточному ихъ состоянію, сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, предлагаю Вамъ, Милостивый Государь, отъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, отправленныхъ въ Ришельевскій лицей, отобразъ свѣдѣніе, въ которую изъ російскихъ губерній, исключая южныхъ, и въ какой родъ службы поступить они желаютъ?

Требуемаго мною свѣдѣнія я буду ожидать отъ Васъ непременно съ первою почтою, со дня полученія Вами сего моего предложенія.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою.

Графъ Витте.

№ 100.

Въ Елисаветградѣ, 19 марта 1825.

Его Высокоблагородію К. И. Дитерихсу ¹⁾).

21.

Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ предписанія Его Сіятельства Г. Попечителя Ришельевскаго лицея, я имѣю честь изъяснить желаніе опредѣлиться въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, при этомъ я осмѣливаюсь просить о снабженіи меня дарованнымъ Высочайшею милостью пособіемъ.

Адамъ Мицкевичъ.

26 марта 1825.

Одесса ²⁾).

1) Подлинникъ въ архивѣ Новороссійскаго университета, съ помѣткою: сполуч. 25 марта 1825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 180263, fol. 134.

22.

СЕКРЕТНО.

Его Сіятельству Господину Управляющему Ришельевскимъ лицеемъ генераль-лейтенанту и кавалеру Графу И. О. Витте.

Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства, отъ 19 марта, № 100, я немедленно отобралъ свѣдѣнія отъ кандидатовъ Виленскаго университета Ежовскаго и Мицкевича, прибывшихъ въ Ришельевскій лицей, въ которую изъ російскихъ губерній, исключая южныхъ, и въ какой родъ службы поступить они желаютъ? Свѣдѣнія сіи при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства препроводить честь имѣю въ подлинныхъ подпискахъ, ими данныхъ.

Исправляющій должность директора,

надворный совѣтникъ Дитерихсъ.

№ 328. 28 марта 1825. 1).

23.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, Павелъ Гавриловичъ. Высочайше подтвержденнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года журналомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ между прочимъ постановлено:

«Десять человекъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространять безразсудный польскій націонализмъ, посредствомъ

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета, личное дѣло Мицкевича.

обученія, предоставитъ Министру Народнаго Просвѣщенія употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Въ исполненіе сего, Г. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, выславъ сихъ студентовъ въ Петербургъ, доставилъ мнѣ имянный имъ списокъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность по своимъ способностямъ и собственному желанію кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашелъ я, что большая изъ нихъ часть, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ преподавать наукъ на семь языкѣ, и слѣдственно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Донося о семъ всеподданѣйше Государю Императору, испрашивалъ я Высочайшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія ваканціи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу Его Императорскаго Величества, по собственному ихъ желанію, здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставляя всѣмъ имъ право вступить въ службу классами, соответствующими той ученой степені, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ я Высочайше Его Императорскаго Величества повелѣніе: здѣсь въ Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить въ другіе только не польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Во исполненіе сей Высочайшей воли приказалъ я отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе, въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ.

Изъ числа означенныхъ студентовъ кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, объявившій желаніе служить при Ришельевскомъ лицѣѣ, по сдѣланному мною распоряженію, былъ туда отправленъ для опредѣленія къ должности, способностямъ и знаніямъ его соответственной.

Впослѣдствіи Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ мнѣ

соизвоилъ: бывшихъ студентовъ Виленскаго университета, высланныхъ сюда по послѣднимъ происшествіямъ, не оставляя при Ришельевскомъ лицѣѣ и вообще въ южныхъ губерніяхъ, перемѣстить въ другія російскія губерніи, по собственному ихъ избранію и въ такой родъ службы, въ какой они пожелаютъ сами, также по недостаточному ихъ состоянію сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособие.

Вслѣдствіе сего, помянутый кандидатъ Мицкевичъ изъявилъ нынѣ желаніе служить при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Посему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ опредѣленъ быть, по желанію его, въ означенный Архивъ, съ назначеніемъ приличнаго жалованья?

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

№ 1202.

С.-Петербургъ. 24 апрѣля 1825.

Его Превосходительству П. Г. Дивову ¹⁾.

24.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ. Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего Высокопревосходительства, подъ № 1202, въ которомъ Вы изъяснили желаніе имѣть свѣдѣніе, можетъ-ли кандидатъ Мицкевичъ быть опредѣленъ въ Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивъ.

На сіе долгомъ моимъ поставляю отвѣтствовать, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сего архива, я не

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

нахожу удобности помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича. При томъ же Московскій Архивъ не имѣеть нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу даже и самое малое жалованье, отъ чего многіе, съ давняго уже времени служащіе при Архивѣ чиновники и понынѣ онаго не получаютъ.

Есмь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Павель Дивовъ.

№ 2571.

Апрѣля 28 дня 1825 года.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову 1).

25.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Ваше Сіятельство отношеніемъ, отъ 3 минувшаго апрѣля, увѣдомили меня, что кандидатъ Виленскаго университета Мицкевичъ изъявилъ желаніе служить при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Вслѣдствіе сего, относился я къ управляющему означенною Коллегіею г. тайному совѣтнику Дивову объ опредѣленіи Мицкевича по желанію его въ помянутый Архивъ, съ приличнымъ жалованьемъ.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 2082, 29 апрѣля 1825» и «№ 1378»; внизу приписано: «Въ департаментъ народнаго просвѣщенія; на полѣ же съ лѣвой стороны написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ графа Витте, просить его объявить о томъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, увѣдомить о томъ Его Высокопревосходительство, для дальнѣйшаго распоряженія. 1 мая 1825».

Онъ увѣдомилъ меня нынѣ, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ сказаннаго Архива, не находитъ удобства помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, приказать объявить объ этомъ Мицкевичу и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, меня о томъ увѣдомить, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

Начальникъ стола Зубковскій.

№ 1265.

Въ С.-Петербургѣ, 5 мая 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте ¹⁾.

26.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управление Ришельевскимъ Лицеємъ. 9 іюня 1825. № 255. Въ Елисаветградѣ. Относительно опредѣленія на службу кандидата Мицкевича.

Г. Исправляющему временно должность директора Ришельевского Лицея.

Согласно съ желаніемъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, представилъ я Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о доставленіи ему Мицкевичу мѣста по службѣ при Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 180263.

Нынѣ Г. Министръ сообщилъ мнѣ, что по сношенію съ Управляющимъ означенною Коллегією г. тайнымъ совѣтникомъ Дивовымъ, Его Высочайшее Превосходительство получилъ извѣщеніе, что по великому числу людей, состоящихъ въ вѣдомствѣ означеннаго Архива, не находитъ удобства помѣстить при ономъ кандидата Мицкевича, тѣмъ болѣе, что Архивъ сей не имѣетъ нисколько свободной суммы, изъ которой можно бы было назначить Мицкевичу и самое малое жалованье.

По сему предписываю Вамъ объявить о семъ Мицкевичу, и, истребовавъ отъ него свѣдѣніе, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, донести мнѣ беззамедлительно для представленія Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Управляющій лицеемъ, генераль-лейтенантъ Графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Н. Изюмовъ ¹⁾.

27.

Ваше Высочайшее! Вслѣдствіе объявленнаго мнѣ новаго предписанія относительно выбора службы, я имѣю честь изъявить желаніе служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора. При томъ я осмѣливаюсь просить о снабженіи меня дарованнымъ Высочайшею милостію пособіемъ и о истребованіи изъ Виленскаго университета аттестатовъ о прежней моей службѣ.

Вашего Высочайшаго покорный слуга

Адамъ Мицкевичъ К(андидатъ) Ф(илософій).

28 іюня 1825. Одесса ²⁾.

---

1) Подлинникъ, въ архивѣ Новороссійскаго Университета, съ помѣткою: «получ. 13 іюня 825».

2) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, fol. 180; копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

28.

Г. Управляющему Ришельевским Лицеємъ Генераль-Лейтенанту и Кавалеру графу И. О. Витте.

Предписаніе Вашего Сіятельства, отъ 9 іюня, № 255, относительно опредѣленія въ службу кандидата Виленскаго университета Мицкевича, объявлено ему тотчасъ по полученіи мною онаго предписанія. Нынѣ, получивъ отъ него отзывъ, съ изъявленіемъ желанія служить въ канцеляріи Г. Московскаго Генераль-Губернатора, при семъ въ подлинникѣ Вашему Сіятельству представитъ честь имѣю.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 660. 29 іюня 1825. 1).

29.

Дудровичъ Могилевскому 2).

Что касается до поведенія Ежовскаго и связей его, долгомъ себѣ поставляю увѣдомить Ваше Высокородіе, что какъ онъ не состоитъ на службѣ при Лицеѣ, а только пользуется въ ономъ квартирою и пищею до пріисканія себѣ должности, согласно предписанію Начальства, то я до полученія Вашего отношенія не могъ имѣть за нимъ особеннаго наблюденія. Потому относительно сего теперь могу довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія только,

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета въ Одессѣ.

2) Одесскій градоначальникъ статскій совѣтникъ С. И. Могилевскій, 3 іюля 1825 года, за № 4500, просилъ и. д. директора Ришельевскаго Лицея Дудровича секретно увѣдомить его о поведеніи и связяхъ Осипа Ежовскаго, такъ какъ Великій Князь Константинъ Павловичъ поручилъ Новороссійскому Генераль-Губернатору графу М. С. Воронцову учредить секретный и бдительный надзоръ за поведеніемъ Ежовскаго, потому что онъ продолжаетъ съ жителями польскихъ губерній переписку, скрывающую въ себѣ ту же цѣль, какою имѣло общество филаретовъ.

что занимаетъ квартиру во внутренней части лицейскаго зданія, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ кандидатомъ Виленскаго университета Адамомъ Мицкевичемъ, который на томъ же вышеозначенномъ основаніи былъ присланъ отъ Г. Министра въ Рিশельевскій лицей и остается въ ономъ безъ должности, въ ожиданіи разрѣшенія Начальства о помѣщеніи его на службу, сообразно его желанію, при Г. Московскомъ Генераль-Губернаторѣ, и что онъ Ежовскій большею частью находится въ отлучкѣ изъ дому Лицея, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ; иногда только обѣдаетъ или ужинаетъ у эконома Лицея.

Доволя о семъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія, долгъ имѣю присовокупить, что, по причинѣ непрерывнаго почти отсутствія кандидата Ежовскаго изъ дому Лицея, градская полиція удобнѣе можетъ доставлять подробныя свѣдѣнія о поведеніи его и связяхъ въ городѣ, согласно предписанію Г. Генераль-Губернатора; а я, со своей стороны, соотвѣтственно тому же предписанію, съ сего времени, впредь до его отъѣзда въ Москву, не премину имѣть ближайшее наблюденіе за его поступками въ самомъ домѣ заведенія и буду имѣть честь, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, доводить о томъ до свѣдѣнія Вашего Высокородія.

Одесса, 3 іюля 1825 года, № 679 ¹⁾.

30.

Дудровичъ Могилевскому.

На отношеніе Вашего Высокородія, отъ 3 іюля текущаго, № 4500, я тогда же имѣлъ честь отвѣтствовать. Согласно оному, имѣвъ наблюденіе за поступками кандидата Виленскаго университета Осипа Ежовскаго въ самомъ домѣ лицея, въ теченіе не-

---

1) Копія въ архивъ Новороссійскаго Университета.

дѣли, то есть, съ 4 по 11 число текущаго мѣсяца, замѣтилъ я, что Ежовскій часто выходилъ въ городъ одинъ или съ товарищемъ своимъ г. Мицкевичемъ; въ теченіе дня многократно возвращался на квартиру, въ иные дни позже 10 часовъ вечера, также одинъ, или съ означеннымъ товарищемъ. Къ нимъ обоимъ на квартиру часто приходилъ нѣкто изъ числа филаретовъ г. Малевскій, пріѣхавшій въ Одессу вмѣстѣ съ ними, для поступленія на службу къ Г. Новороссійскому Генералъ-Губернатору. Сверхъ того, заходили къ нимъ два неизвѣстные мнѣ поляка. Знакомства и связей его Ежовскаго съ чиновниками Лицея я доселѣ не замѣтилъ никакихъ, кромѣ того, что за отсутствіемъ на время, назначенное въ заведеніи для обѣда и ужина, иногда заходилъ онъ обѣдать или ужинать къ эконому Лицея г. Богдановичу, а обыкновенно, сколько мнѣ возможно было провѣдать, обѣдаетъ и ужинаетъ въ гостинницѣ, называемой клубомъ, вмѣстѣ съ упомянутыми товарищами своими Мицкевичемъ и Малевскимъ. О чемъ имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія, согласно отношенію Вашему ко мнѣ, отъ 3 іюля.

Одесса, 11 іюля 1825 года, № 722. ¹⁾

31.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! По предложенію Вашего Высокопревосходительства, отъ 5 мая сего года, № 1265, требовалъ я черезъ мѣстное начальство Ришельевскаго лицея свѣдѣніе отъ кандидата Виленскаго университета Мицкевича, куда онъ опредѣленъ быть желаетъ, исключая Московскаго

---

¹⁾ Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета. 18 іюля 1825 года, за № 761, Дудровичъ сообщилъ Могилевскому, что Ежовскій 17 іюля, послѣ обѣда, выбрался изъ дому Лицея и отправился въ Москву, и что поведеніе его, съ 11 по 17 іюля, было такое же, какъ на прошедшей недѣлѣ.

Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по имѣнію въ ономъ Архивѣ мѣста.

Вслѣдствіе того, кандидатъ Мицкевичъ далъ письменный отзывъ и. д. директора Ришельевского лица, что онъ желаетъ служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора. Подлинный отзывъ Мицкевича относительно сего предмета при семъ представляю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 350.

Въ Елисаветградѣ, 17 августа 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шипкову 1).

32.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь, Князь Дмитрій Владимировичъ! Высочайше подтвержденнымъ въ 14 день августа прошлаго 1824 года . . . . [какъ выше № 23] . . . . сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе сего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 минувшаго августа, за № 350, донесъ мнѣ, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Вашего Сіятельства.

Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, можетъ-ли Мицкевичъ быть опредѣленъ, по желанію его, въ канцелярію Вашего Сіятельства, съ назначеніемъ приличнаго жалованья.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 4153, 29 августа 1825»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ: писать къ Г. Московскому Генераль-Губернатору. 29 августа 1825».

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

№ 967. 18 Сентября 1825.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну ¹⁾.

33.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа.

Изъ числа студентовъ Виленскаго университета, высланныхъ отсюда по извѣстнымъ Вашему Высокопревосходительству происшествіямъ, кандидатъ философіи Мицкевичъ имѣеть надобность въ свидѣтельствѣ на степень кандидата.

Посему я покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство доставить мнѣ помянутое свидѣтельство.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, Александръ Шишковъ.

Директоръ, Князь Ширинскій-Шахматовъ.

№ 968.

18 сентября 1825. ²⁾.

34.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, Александръ Семеновичъ! Въ отвѣтъ на отношеніе Вашего Высокопревосходительства, отъ 11 числа сего мѣсяца, № 967, имѣю честь увѣдомить Васъ, Мило-

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

2) Копія, тамъ же, съ помѣткою: «къ № 4158, секретно».

стивый Государь мой, что кандидатъ философіи Мицкевичъ, объявившій желаніе служить въ моей канцеляріи, опредѣленъ въ оную быть можетъ, но на счетъ жалованья ему долженъ я сказать, что онаго опредѣлить прежде нельзя, пока не покажетъ онъ на самомъ дѣлѣ своихъ способностей и усердія къ службѣ.

А какъ сей Мицкевичъ есть изъ числа членовъ филوماتскаго общества, коего виды признаны Правительствомъ предосудительными и о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и прошу покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство почтить меня благосклоннымъ извѣщеніемъ о тѣхъ правилахъ, коими сіе общество, такъ же и филареты, руководствовались, дабы можно было знать, какой надзоръ за людьми сего рода имѣть должно.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Князь Дмитрій Голицынъ.

№ 83, 19 сентября 1825. Москва.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову 1).

35.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, князь Дмитрій Владимировичъ. На отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 19 сего сентября, за № 83, о доставленіи Вамъ свѣдѣній о правилахъ, коими филоматы и филареты руководствовались, честь имѣю сообщить слѣдующее:

Духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣтками: «№ 4583, 24 сентября 1825» и «исполнено 26 сентября № 1007 и 1008»; на полѣ написано: «Г. Министръ приказалъ увѣдомить о семъ по принадлежности и притомъ сообщить князю Голицыну кратко, въ чемъ главнѣйше заключались правила филоматовъ и филаретовъ. 24 сентября 1825».

нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился было и въ училищахъ, принадлежащихъ къ Виленскому учебному округу. Два общества въ одной изъ гимназій и три въ университетѣ: филоматовъ, променистовъ и филаретовъ, подъ скромнымъ предлогомъ усовершенствованія въ наукахъ, имѣли въ предположеніи образовать наставниковъ юношества въ одномъ извѣстномъ направленіи ума и тѣмъ самымъ дѣйствовать успѣшнѣйшимъ образомъ на воспитаніе всего будущаго поколѣнія, внушеніемъ въ юные умы и сердца закоснѣлой ненависти противу Россіи и мечтанія о возстановленіи независимости Польши, подобно тому, какъ въ Германіи студентскія общества имѣли въ предметъ возстановленіе общаго германскаго владѣнія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тайная цѣль соединенія была революція въ умахъ.

По произведеніи подробнаго по сему предмету слѣдствія, Высочайше утверждень былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ.

Журналомъ сего Комитета, Высочайше утвержденнымъ въ 14 день августа 1824 года, между прочимъ постановлено: «Хотя вина учрежденія тайныхъ обществъ филоматовъ и филаретовъ и участвованія въ оныхъ падаетъ на всѣхъ вообще сочленовъ, но принимая въ уваженіе, что они были вовлечены въ сей проступокъ примѣромъ старшихъ сотоварищей и вліяніемъ господствующаго духа времени и что бѣльшая изъ нихъ часть находилась въ теченіи семи мѣсяцевъ подъ строгимъ арестомъ, то, взыскавъ съ нихъ въ равной части издержки, на производство слѣдствія употребленныя, отъ дальнѣйшей отвѣтственности ихъ освободить, за исключеніемъ однакожъ нижеслѣдующихъ».

«2. Десять человекъ филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также и тѣхъ изъ филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій націонализмъ посредствомъ

обученія, употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на свою родину».

Къ числу подходящихъ подъ сей 2-ой пунктъ положенія Комитета принадлежитъ и кандидатъ Мицкевичъ, о коемъ всѣ дальнѣйшія подробности извѣстны Вашему Сіятельству изъ отношенія моего, отъ 11 сентября, за № 967.

Что касается до жалованья, которое Вы, Милостивый Государь мой, полагаете назначить Мицкевичу не прежде, какъ когда онъ покажетъ на самомъ дѣлѣ свои способности и усердіе къ службѣ, то я долгомъ поставлю увѣдомить Ваше Сіятельство, что воля Государя Императора при изданіи Высочайшаго повелѣнія о размѣщеніи Виленскихъ кандидатовъ и студентовъ во внутреннія губерніи состояла въ томъ, чтобы они, по бѣдности своей, получали нужное пособіе. Посему ежели Ваше Сіятельство не изволите находить возможнымъ теперь назначить приличнаго жалованья, то не угодно ли будетъ назначить ему на первый разъ хотя такое, чтобы онъ не нуждался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ. При семъ неизлишнимъ считаю извѣстить Ваше Сіятельство, что я вмѣстѣ съ симъ предложилъ Управляющему Одесскимъ лицеемъ графу Витте объ отправленіи Мицкевича изъ Одессы въ Москву на казенный счетъ, съ тѣмъ, чтобы онъ по прибытіи явился къ Вашему Сіятельству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

№ 1007. 26 сентября 1825.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну ¹⁾.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «по № 4583».
Сборникъ II Отд. II. А. Н.

36.

СЕКРЕТНО.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. По отношенію Вашего Сіятельства, отъ 17 августа, № 350, о желаніи кандидата Мицкевича служить въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, относился я къ князю Д. В. Голицыну, который увѣдомляетъ меня, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію.

Посему я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство распорядиться объ отправленіи Мицкевича въ Москву, снабдивъ его казенною дорожною, прогонными деньгами и пособіемъ такимъ, какое получилъ кандидатъ Ежовскій, то есть, 300 рублей.

Деньги сіи въ свое время будутъ возвращены въ Правленіе лица.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

Александръ Шишковъ.

№ 1008, 26 сентября 1825.

Его Сіятельству графу И. О. Витте ¹⁾

37.

СЕКРЕТНО.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Управление Ришельевскимъ лицеемъ. 15 октября 1825. Елисаветградъ. № 448.

Господину и. д. директора Ришельевского лица надворному совѣтнику Дудровичу.

По донесенію Вашему, отъ 29 іюня сего года, о желаніи кандидата Мицкевича служить въ канцеляріи Г. Московскаго Во-

¹⁾ Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «по № 4158».

еннаго Генералъ-Губернатора, я входилъ съ представленіемъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, который, по учиненному сношенію съ княземъ Д. В. Голицынымъ, увѣдомилъ меня, отъ 26 минувшаго сентября, что Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ его канцелярію.

Вслѣдствіе того, Его Высокопревосходительство предписать изволилъ распорядиться объ отправленіи Мицкевича въ Москву, снабдить его казенною подорожною, прогонными на двѣ лошади деньгами и пособіемъ такимъ, какое получилъ кандидатъ Ежовскій, то есть, 300 руб., съ тѣмъ, что деньги сіи, всего 465 руб. 61 коп., въ свое время будутъ возвращены въ Правленіе лица.

Сообразно такому предписанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, предлагаю Вамъ объявить кандидату Мицкевичу и доложить о семъ Правленію Ришельевского лица для должнаго со стороны онаго распоряженія и исполненія.

Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ

Генералъ-лейтенантъ графъ Витте.

Въ должности письмоводителя Изюмовъ ¹⁾.

38.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 4605. Кандидатъ философіи Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ, по окончаніи наукъ въ Новогрудскомъ уѣздномъ училищѣ, былъ 1815 года сентября 17 дня принятъ въ число учениковъ Императорскаго Виленскаго Университета и въ продолженіи перваго учебнаго года, обучаясь по отдѣленію физико-математи-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Новороссійскаго Университета съ помѣткою: «получ. 20 октября 1825 года»; на оборотѣ рукою и. д. директора Дудровича написано: «объявлено г. Мицкевичу 20 октября сего 1825 года».

ческихъ наукъ физикѣ, химіи, алгебрѣ и высшей чистой математикѣ, и выдержавъ изъ оныхъ экзамень, 27 іюня 1816 года получилъ степень кандидата философіи, послѣ по отдѣленію словесныхъ наукъ и изящныхъ художествъ слушалъ курсовъ греческой и латинской словесности, всеобщей исторіи, риторики, поэзіи, російской словесности, логики, языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго въ продолженіи трехъ лѣтъ, и въ томъ же отдѣленіи выдержалъ экзамень на степень магистра, но его не окончилъ. Въ 1818 году сентября 1 дня назначенъ учителемъ словесности и исторіи въ Ковенское уѣздное училище и пробылъ въ сей должности три года. По принадлежанію къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и филиматовъ, на основаніи Высочайше утвержденной 14 августа 1854 года выписки изъ журнала Комитета для разсмотрѣнія безпорядковъ по Виленскому учебному округу, отправленъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи. Въ увѣреніе чего и дано ему Мицкевичу сіе за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати. Вильно, 27 октября 1825 года.

И. д. ректора Императорскаго Виленскаго Университета коллежскій совѣтникъ и кавалеръ

Венцеславъ Пеликанъ.

М. П.

Секретарь Совѣта Кукольникъ¹⁾.

39.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа. Въ Варшавѣ. Ноября 6 дня 1825 года. № 1396. Съ приложеніемъ патента на степень кандидата Мицкевича.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263; внизу замѣтка: «Подлинное передано въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Согласно съ почтеннѣйшимъ отношеніемъ Вашего Высокопревосходительства, отъ 11 минувшаго сентября, № 968, честь имѣю препроводить у сего, истребованный мною отъ Правленія Виленскаго университета, для кандидата Мицкевича установленный патентъ на степень кандидата философіи, покорнѣйше прося, дабы при врученіи ему патента потребовано было отъ него предьявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи.

Въ семь патентѣ, на основаніи 12-го пункта Акта Высочайшаго утвержденія университета, изъяснено, что Мицкевичъ состоитъ въ 12-мъ классѣ въ порядкѣ государственной службы, потому что онъ получилъ степень кандидата въ 1816 году, то есть, прежде вослѣдованія Высочайшаго указа, даннаго въ 19 день іюля 1822 года, силою коего степени кандидата присвоенъ 10-ый классъ. Поелику же, онъ Мицкевичъ, послѣ полученія степени кандидата, продолжалъ слушаніе курсовъ наукъ въ университетѣ по 1819 годъ, а съ того времени былъ учителемъ три года, то посему Университетское Правленіе присовокупило къ патенту Мицкевича и свидѣтельство о томъ, для доставленія ему, которое равнымъ же образомъ честь имѣю къ Вашему Высокопревосходительству у сего препроводить.

Новосильцовъ ¹⁾.

40.

Господину 1-му Инспектору Калининскому. Правленіе Лицея въ засѣданіи своемъ 31 прошлаго октября мѣсяца, между прочимъ, опредѣлило поручить Вашему Высокоблагородію принять изъ Одесской Портовой Таможни 465 руб. 61 коп., деньги, упо-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ помѣткою: «№ 5492 16 ноября 1825» и надписью: «Г. Министръ приказалъ: препроводить по принадлежности. 16 ноября 1825».

требленныя Правленіемъ Ришельевскаго лица на прогоны и подъемъ для отправленія изъ Одессы въ Москву кандидата Виленскаго университета Ежовскаго. Какъ сіи деньги, по опредѣленію же Правленія, имѣють быть выданы кандидату Виленскаго же университета Мицкевичу на проѣздъ его въ Москву, то Правленіе проситъ Васъ, принявъ сіи деньги изъ означенной Таможни подъ расписку, представить оныя въ слѣдующее засѣданіе Правленія.

Членъ Правленія полковникъ Христофоровъ.

№ 1106.

6 ноября 1825 ¹⁾.

41

Его Превосходительству Г. Одесскому Градоначальнику Генералъ Маіору и Кавалеру Павлу Ивановичу Нейдгардту.

Вслѣдствіе распоряженій Высшаго Начальства проживающій въ домѣ Ришельевскаго лица кандидатъ Виленскаго университета Адамъ Мицкевичъ имѣеть отправиться въ Москву на службу въ канцелярію Его Сіятельства Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора князя Дмитрія Васильевича Голицына.

Потому покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о выдачѣ подорожной на двѣ лошади упомянутому кандидату Адаму Мицкевичу на проѣздъ отъ Одессы до Москвы съ будущимъ.

И. д. директора Иванъ Дудровичъ.

№ 1107. 6 ноября 1825 ²⁾.

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

2) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

42.

Г. Бухгалтеру Ришельевского лицея. Правленіе Ришельевского лицея въ засѣданіи своемъ 31 прошлаго октября мѣсяца между прочимъ опредѣлило: причитающіяся кандидату Виленскаго университета Мицкевичу прогонныя на двѣ лошади деньги 165 руб. 61 коп., да 300 руб. на подъемъ, выдать по полученіи изъ таможи г. 1-ымъ инспекторомъ такой же суммы 465 руб. 61 коп., выданной на тотъ же предметъ кандидату Виленскаго университета Ежовскому и слѣдуемой въ возвратъ Лицею, записавъ оную по подлежащему приходомъ изъ Таможи, а потомъ расходомъ въ выдачу г. Мицкевичу, по той же кассѣ, изъ которой деньги сіи вынуты заимобразно для отправленія Ежовскаго по возвращеніи Лицею сихъ 465 руб. 61 коп. къ выдать г. Мицкевичу, слѣдуемыхъ. О чемъ канцелярія Лицея Васъ симъ увѣдомляетъ.

№ 1135. 12 ноября 1825 ¹⁾.

43.

Г. эконому Лицея Богдановичу. Правленіе Лицея въ засѣданіи своемъ 10 сего ноября мѣсяца опредѣлило: представленные въ Правленіе г. Завѣдывающимъ экономической частью 1-мъ инспекторомъ Калинскимъ 465 руб. 61 коп., полученные изъ Таможи въ возвратъ выданныхъ отъ Лицея кандидату Виленскаго университета Осипу Ежовскому, для проѣзда его въ Москву, выдать теперь же кандидату Виленскаго же университета г. Мицкевичу, на основаніи опредѣленія въ 31 день прошлаго октября мѣсяца статьи 3-ей, записавъ сію сумму въ приходъ, а

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго Университета.

потомъ въ расходъ. О чемъ Васъ симъ увѣдомляю для точнаго исполненія.

И. д. директора надворный совѣтникъ Дудровичъ.

№ 1136. 13 ноября 1825 ¹⁾.

44.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 1137. Объявитель сего кандидатъ Виленскаго университета Адамъ Мицкевичъ, по распоряженію Начальства, отправленъ въ Москву для опредѣленія тамъ къ должности въ канцелярію Его Сіятельства Г. Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора князя Д. В. Голицына. По сему гг. Командующіе на заставахъ благоволятъ чинить ему свободный пропускъ. Въ засвидѣтельствованіе сего дано ему сіе изъ Одесскаго Ришельевскаго Лицея за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати онаго. Въ Одессѣ, ноября 12 дня 1825 года.

И. д. директора, членъ Правленія Лицея

надворный совѣтникъ Иванъ Дудровичъ ²⁾.

45.

Господину Управляющему Ришельевскимъ Лицеємъ. Во исполненіе предписанія Вашего Сіятельства, отъ 15 прошлаго октября, № 448, о томъ, что кандидатъ Виленскаго университета, проживавшій доселѣ въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ

---

1) Копія тамъ-же.

2) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета.

Мицкевичъ можетъ быть опредѣленъ въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, я докладывалъ о семъ Правленію Рипельевскаго лицея, которое въ засѣданіи своемъ 31 истекшаго октября мѣсяца опредѣлило: согласно съ предписаніемъ Вашего Сіятельства отнестись къ Его Превосходительству Г. Одесскому Градоначальнику о выдачѣ кандидату Виленскаго университета Мицкевичу подорожной на двѣ лошади, для проѣзда изъ Одессы въ Москву, причитающіяся же Мицкевичу прогонныя на двѣ лошади деньги 165 руб. 61 коп. и на подъемъ 300 руб. выдать по полученіи изъ Таможни такой же суммы 465 руб. 61 коп., употребленной на тотъ же предметъ для кандидата Виленскаго университета Ежовскаго и слѣдуемой въ возвратъ Лицею.

Какъ означенные 465 руб. 61 коп. выданы уже кандидату Мицкевичу и онъ отправился въ Москву, то, донося о семъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство снестись по Своему благоусмотрѣнію, какъ относительно возврата Лицею сей суммы, выданной кандидату Мицкевичу, такъ и слѣдованія его въ Москву на службу въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора.

И. д. директора надворный совѣтникъ Иванъ Дудровичъ.

№ 1138. 12 ноября 1825 1).

46.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Не получивъ никакого свѣдѣнія въ отвѣтъ на предложеніе мое, отъ 26 минувшаго сентября, за № 1008, о томъ, отправленъ-ли кандидатъ Виленскаго университета Мицкевичъ по желанію его въ

---

1) Копія въ архивѣ Новороссійскаго университета.

Москву, въ канцелярію тамошняго Военнаго Генераль-Губернатора, я, по содержанію отношенія Вашего Сіятельства, отъ 17 августа с. г., за № 350, имѣю честь препроводить при семъ свидѣтельство и патентъ, данный Мицкевичу отъ университета на степень кандидата, прося покорнѣйше, при врученіи ему оныхъ, приказать истребовать предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, для доставленія онаго въ Правленіе Виленскаго университета.

Есть ли же Мицкевичъ отправился уже въ Москву, то прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, препроводивъ прилагаемые при семъ свидѣтельство и патентъ къ Московскому Военному Генераль-Губернатору, просить его о истребованіи свидѣтельства о дворянствѣ и доставленіи онаго по принадлежности сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Шишковъ.

№ 1170.

20 ноября 1825.

Его Сіятельству Графу И. О. Витте ¹⁾.

47.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ. По возвращеніи моемъ изъ Таганрога, въ коемъ я находился по повелѣнію блаженной памяти Государя Императора Александра I, съ 27 октября, бывъ одержимъ простудною лихорадкою, а послѣ нервическою горячкою и по сіе время жестоко страдая, я не былъ въ состояніи заниматься никакими дѣлами, а потому и не могъ увѣдомить Ваше Высокочредительство о сдѣланномъ рас-

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263.

поряженіи мною касательно отправленія кандидата Виленскаго университета Мицкевича, согласно предписанію Вашему, отъ 26 сентября с. г., въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генералъ - Губернатора, который отправленъ изъ Одессы въ Москву ноября 12 дня и, по требованію Правленія Ришельевскаго Лицея, выдана ему Одесскимъ градоначальникомъ подорожна. Нынѣ, получивъ при предписаніи Вашего Высокопревосходительства, отъ 20 минувшаго ноября, свидѣтельство и патентъ, данные Мицкевичу Виленскимъ университетомъ на степень кандидата, честь имѣю донести, что таковыя документы съ нынѣшнею почтою отправлены мною при отношеніи къ Г. Московскому Военному Генералъ - Губернатору кн. Д. В. Голицыну, для врученія оныхъ по принадлежности, истребовавъ предварительно отъ него предьявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, которое должно быть отправлено въ Правленіе Виленскаго университета, почтеннѣйше докладывая, что вслѣдствіе предписанія Вашего, по заключенію Правленія Ришельевскаго лицея, отъ 31 октября сего года, выдано Мицкевичу на прогоны и путевыя издержки 465 руб. 61 коп. изъ суммъ Ришельевскаго лицея, о пополненіи коихъ покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 511.

17 декабря 1825.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову ¹⁾.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ пометкою: «№ 25, 2 января 1826».

48.

Милостивый Государь, Дмитрій Владимировичъ! Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 20 ноября сего года, препроводилъ ко мнѣ свидѣтельство и патентъ, данный изъ Виленскаго университета Адаму Мицкевичу на степень кандидата, съ тѣмъ, чтобы при врученіи ему сихъ документовъ истребовать предъявленія свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи для доставленія онаго въ Правленіе Университета. Такъ какъ Мицкевичъ 12 минувшаго ноября отправленъ изъ Одессы въ Москву, для поступленія на службу въ канцелярію Вашего Сіятельства, то я, прилагая при семъ въ подлинникахъ помянутые свидѣтельство и патентъ, для врученія оныхъ Мицкевичу, честь имѣю покорнѣйше просить распоряженія Вашего Сіятельства объ истребованіи свидѣтельства о дворянствѣ его и присылкѣ онаго ко мнѣ для доставленія въ Правленіе Виленскаго университета.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Сіятельства всепокорный слуга

Графъ Витте.

№ 512.

17 декабря 1825 г.

Елизаветградъ.

Его Сіятельству князю Д. В. Голицыну.

ниже рукою Мицкевича:

Подлинный дипломъ на званіе кандидата получилъ.

Кандидатъ философіи Адамъ Мицкевичъ¹⁾.

---

1) Архивъ канцеляріи Г. Московскаго Генераль-Губернатора (Губернскій Архивъ), дѣло № 86300, 1825 года, съ надписью: «Копія отношенія гр. Ивана Осиповича Витте къ кн. Дмитрію Владимировичу Голицыну, Московскому Военному Генераль-Губернатору, 17 декабря 1825 г., № 512, г. Елизаветградъ».

49.

Канцелярія Императорскаго Виленскаго Университета симъ свидѣтельствуеть, что доказательство о дворянскомъ происхожденіи Адама Николаевича сына Мицкевича, представленное въ выпискѣ изъ книгъ городскихъ Новогрудскаго уѣзда за подписаніемъ Новогрудскаго регента Мартина Кмита, отъ 2 октября 1815 года, за № 445, находится при дѣлахъ сего-жъ Университета. Вильно, 8 февраля 1826 г.

Экспедиторъ коллежскій секретарь Гецольдъ 1).

50.

На требованіе канцеляріи Его Сіятельства Господина Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, я имѣю честь объяснить, что дворянская моя грамота была представлена мною въ 1815 году въ Виленскій университетъ, при вступленіи моемъ въ Учительскую при томъ же Университетѣ состоящую Семинарію, въ которую никто безъ предьявленія таковой грамоты не опредѣляется. Впрочемъ, я долгомъ поставлю себѣ отыскать мою грамоту и получивъ исполнить требованіе Канцеляріи.

Адамъ Мицкевичъ 2).

9 февраля 1826 года.

51.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ. Согласно отношенію Вашего Сіятельства, отъ 17 истекшаго Декабря мѣсяца, требовалъ я отъ служащаго въ штатѣ граждан-

---

1) Подлинникъ въ Московскомъ Губернскомъ Архивѣ, дѣло № 86300.

2) Автографъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

ской канцелярии моей уволенного отъ Виленскаго университета кандидата Адама Мицкевича свидѣтельства о дворянствѣ его, но онъ объяснилъ на сіе, что дворянская грамота его представлена была имъ при вступленіи въ 1815 году въ Учительскую при Виленскомъ университетѣ семинарію.

Извѣщая о томъ Васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Сіятельства покорный слуга

Князь Д. Голицынъ ¹⁾.

Графу Витте.

№ 677.

11 февраля 1826 г.

52.

Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ! Согласно предписанію Вашего Высокопревосходительства, отъ 20 ноября прошлаго года, № 1170, препроводивъ къ Московскому Военному Генералъ - Губернатору свидѣтельство и патентъ, данный Мицкевичу на степень кандидата отъ Виленскаго университета, я просилъ Его Сіятельство объ истребованіи отъ Мицкевича свидѣтельства о дворянскомъ его происхожденіи, для отправленія онаго въ Правленіе помянутаго университета.

Нынѣ Его Сіятельство увѣдомилъ меня, что Мицкевичъ, при требованіи отъ него помянутаго свидѣтельства, объяснилъ, что дворянская грамота его представлена была имъ при вступленіи въ 1815 году въ Учительскую при Виленскомъ университетѣ семинарію.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего, Милостивый Государь,

---

1) Концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86800.

съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть
Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

Графъ Витте.

№ 92.

4 марта 1826.

Елизаветградъ.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову ¹⁾.

53.

№ 1533, по Герольдіи.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго, изъ Правительствующаго Сената, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Адмиралу, члену Государственнаго Совѣта и Кавалеру Александру Семеновичу Шишкову. Минувшаго февраля 18-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ рапортъ Господина Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Генерала отъ кавалеріи и кавалера, князя Дмитрія Владимировича Голицына о утвержденіи опредѣленнаго въ число чиновниковъ штата гражданской канцеляріи его уволеннаго изъ Виленскаго университета кандидата Адама Мицкевича, по приложенному при томъ свидѣтельству, данному ему Мицкевичу изъ помянутаго университета, отъ 27 октября 1825 года, въ соотвѣтственномъ званію его статскомъ чинѣ, приказали: вышеозначенное, выданное изъ Виленскаго университета, отъ 27 октября прошлаго 1825 года, кандидату онаго философіи, нынѣ находящемуся въ числѣ чиновниковъ штата гражданской канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Адаму Мицкевичу, свидѣтельство пре-

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. Пр. № 130263, съ двумя замѣтками: «17 марта 1826, № 1700» и «Господинъ Министръ приказалъ принять къ свѣдѣнію».

проводить на предварительное разсмотрѣніе къ Вамъ, Господину Министру Народнаго Просвѣщенія и Кавалеру, при Указѣ, съ тѣмъ, дабы Вы дали свое мнѣніе, можно-ли помянутаго Мицкевича, по тому свидѣтельству, утвердить въ чинѣ 12-го класса (означенное же свидѣтельство при семь препровождается). Марта 11 дня 1826 года.

Товарищъ Герольдмейстера Василій Романовъ.

Секретарь Яковъ Грибовъ.

Справильгъ Титулярный Совѣтникъ Александръ Іевскій ¹⁾

54.

По указу Правительствующаго Сената, отъ 11 марта, № 1533, о доставленіи мнѣнія, можно-ли кандидата Мицкевича утвердить въ чинѣ 12-го класса, по свидѣтельству, выданному Виленскимъ университетомъ 27 октября 1825,

№ 4605.

Доложено Правительствующему Сенату 26 марта 1826, № 978, съ возвращеніемъ свидѣтельства Мицкевича, что онъ, какъ признанъ и утвержденъ въ степени кандидата, по выдержаніи установленнаго испытанія, то посему на основаніи Высочайше утвержденнаго Акта Виленскаго университета, по 14-му пункту сего Акта, слѣдуетъ его утвердить въ чинѣ 12-го класса ²⁾.

---

1) Копія въ архивѣ М. Н. П., № 130263, съ замѣткою: «№ 1645, 14 марта 1826» и «Съ подлиннымъ вѣрно, титулярный совѣтникъ Семеновъ. Подлинное передано въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

2) Архивъ М. Н. П., № 39, картонъ 10, Опись дѣламъ Виленскаго Учебнаго Округа съ 1818 по 1833 годъ, № 16875, съ замѣткою: поступило въ Министерство 15 марта 1826 года. Подлинное дѣло (на пяти листахъ) уничтожено въ 1869 году.

55.

Милостивый Государь мой, Николай Николаевич! Вашему Высокопревосходительству не безызвѣстно, что изъ числа бывшихъ студентовъ Императорскаго Виленскаго Университета магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ опредѣлены на службу въ мою канцелярію, которые нынѣ и переименованы уже въ соотвѣтственные званіямъ ихъ классы. Чиновники сіи, исполняя съ усердіемъ возлагаемыя на нихъ должности и ведя себя съ самага прибытія въ Москву весьма хорошо, испрашиваютъ нынѣ дозволенія воспользоваться отпускомъ на родину свою для устройства семейственныхъ дѣлъ. Желая предварительно знать отъ Вашего Высокопревосходительства, могутъ-ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ къ дѣлу, относящемуся до безпорядковъ, въ Виленскомъ Университетѣ случившихся, быть уволены въ отпускъ, я прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, не оставить меня по сему предмету Вашимъ отзывомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Кн. Димитрій Голицынъ.

№ 4308.

24 августа 1826 г.

Его Превосходительству

Н. Н. Новосильцову.

получ. 12 сентября 1826 1).

---

1) Подлинникъ въ Публичной Библиотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 207; концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

56.

Господину Ректору Виленскаго Университета.

Изъ числа бывшихъ воспитанниковъ Виленскаго университета, магистръ юриспруденціи Францъ Малевскій и кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по Виленскому университету, удалены изъ онаго, съ опредѣленіемъ на службу въ канцелярію Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора князя Голицына, гдѣ и переименованы уже въ соотвѣтственные званію ихъ классы.

Нынѣ Г. Генераль-Губернаторъ князь Голицынъ въ отношеніи своемъ, отъ 24 минувшаго августа, за № 4308, сообщаетъ мнѣ, что чиновники сія, исполняя съ усердіемъ возложенныя на нихъ должности и ведя себя съ самага прибытія въ Москву весьма хорошо, испрашиваютъ у него дозволенія воспользоваться отпускомъ на родину свою для устроенія семейственныхъ дѣлъ. По поводу сего онъ, князь Голицынъ, желая предварительно знать отъ меня, могутъ-ли Малевскій и Мицкевичъ, по прикосновенности ихъ вышеупомянутому дѣлу, быть уволены въ отпускъ, проситъ меня увѣдомить его о томъ.

Затрудняясь въ отвѣтъ на таковой отзывъ, нужнымъ нахожу потребовать отъ Васъ донесенія, не предстоитъ-ли въ удовлетвореніи просьбы поименованныхъ чиновниковъ какого-либо по обстоятельствамъ препятствія?

Новосильцовъ ¹⁾).

№ 1474.

23 сентября 1826 г.

Варшава.

---

1) Концептъ, писанный Новосильцовымъ, въ Публичной Библиотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 208, съ надписью: «секретно», имѣетъ зачеркнутый заголовокъ: «Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу», и подъ нимъ ниже приписаны слова: «Г. Ректору Виленскаго Университета». Подлинникъ тамъ же, рукопись Б. XIX. 7, листъ 281.

57.

Господину Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа Ректора Виленскаго Университета рапортъ.

Ваше Высокопревосходительство, по поводу отзыва Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, секретнымъ предписаніемъ, отъ 23 истекающаго сентября, за № 1474, изволите требовать отъ меня донесенія, можно-ли состоящимъ въ его канцеляріи бывшимъ воспитанникамъ Виленскаго университета магистру Францу Малевскому и кандидату Адаму Мицкевичу дозволить воспользоваться отпускомъ изъ Москвы на родину свою для устроенія семейственныхъ дѣлъ.

Во исполненіе таковаго предписанія, осмѣливаюсь симъ донести Вашему Высокопревосходительству, что хотя, по засвидѣтельствованію Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, означенный Малевскій и Мицкевичъ возложенныя на нихъ должности исполняютъ съ усердіемъ и съ самага прибытія ихъ въ Москву ведутъ себя хорошо, но принимая въ уваженіе, что они по всеподданнѣйшему докладу Комитета, разсматривавшаго по Высочайшему повелѣнію извѣстное дѣло о безпорядкахъ по Виленскому университету, признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ тайнаго общества филоматовъ и филаретовъ и высланы для опредѣленія на службу въ отдаленныя отъ Польши губерніи: то, кажется, и не слѣдовало-бы такъ скоро удовлетворять ихъ желаніямъ въ дачѣ просимаго ими отпуска, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ, какъ равно и въ другихъ мѣстахъ многихъ членовъ бывшаго тайнаго общества филоматовъ и филаретовъ, появленіе Малевскаго и Мицкевича, получившихъ слишкомъ скоро настоящіе чины, могло бы побудить къ дерзкимъ и несвойственнымъ заключеніямъ. Впрочемъ, могутъ они себя вести хорошо въ Москвѣ, но при всемъ томъ здѣсь, гдѣ было гнѣздо всѣхъ ихъ зловредныхъ мечтаній и замысловъ, нельзя совершенно положиться на ихъ исправленіе.

По всѣмъ этимъ поводамъ въ отвращеніе всякаго могущаго

произойти отъ прїѣзда Малевскаго и Мицкевича зла, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не изъявлять еще теперь своего согласія на прїѣздъ ихъ въ Вильну.

Ректоръ В. Пеликанъ.

№ 1137.

30 сентября 1826 года.

(получено) 4 октября 1826.

резолуція Новосильцова «отвѣтить согласно сему кн. Голицыну» ¹⁾.

58.

Милостивый Государь, князь Дмитрій Владимировичъ! Я имѣлъ честь получить отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 24 минувшаго августа, за № 4308, коимъ Вы, Милостивый Государь, свидѣтельствуя о похвальной службѣ и хорошемъ поведеніи состоящихъ въ канцеляріи Вашей бывшихъ воспитанниковъ Виленскаго университета магистра Малевскаго и кандидата Мицкевича, изъявляете желаніе знать мнѣніе мое, могутъ-ли они воспользоваться отпускомъ на родину, для устроенія семейственныхъ дѣлъ.

Отвѣтствуя на отзывъ сей Вашего Сіятельства, честь имѣю изъяснить, что, отдавая, съ одной стороны, всю справедливость настоящей службѣ и поведенію Малевскаго и Мицкевича, съ другой, принимая въ соображеніе мѣстныя обстоятельства и то, что по извѣстному дѣлу о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ они признаны дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ бывшаго тайнаго общества филоматовъ и филаретовъ и высланы во внутреннія россійскія губерніи для опредѣленія на

¹⁾ Подлинникъ въ Публичной Библиотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 210.

службу, дабы черезъ то воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ съ ихъ единомышленниками сношенію, то едва-ли можно такъ скоро удовлетворить изъясненному ихъ желанію, тѣмъ болѣе, что по нахожденію въ Вильнѣ и въ другихъ многихъ мѣстахъ членовъ упомятаго общества, коихъ исправленіе весьма еще сомнительно, приѣздъ Малевскаго и Мицкевича могъ бы дать поводъ къ несвойственнымъ заключеніямъ и возобновить впечатлѣнія, начинающія приходять въ забвеніе. Въ прочемъ, настоящее поведеніе ихъ въ Москвѣ еще нельзя полагать достаточнымъ ручательствомъ дѣйствительнаго ихъ исправленія и спокойнаго поведенія ихъ въ Вильнѣ, гдѣ было гнѣздо всѣхъ мечтаній и злонамѣренныхъ видовъ. Почему во избѣжаніе могущихъ произойти отъ появленія ихъ въ Литвѣ предосудительныхъ послѣдствій, полагаю я, что надлежало бы повременить еще съ оказаніемъ имъ испрашиваемого ими снисхожденія.

(Новосильцовъ).

Московскому Военному Генераль-
Губернатору князю Голицыну.

9 ноября 1826 года.

№ 1077 ¹⁾.

59.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главное Управленіе Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій. Канцелярія. Столъ 1. 7 іюня 1827. № 762. О 465 руб. 61 коп., выданныхъ на прогоны и подъемъ кандидату Мицкевичу.

Господину Министру Финансовъ.

Господинъ Управляющій Одесскимъ Ришельевскимъ Лицеємъ графъ Витте донесъ мнѣ, что вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія

---

1) Концептъ въ Публичной Библіотекѣ въ Вильнѣ, рукопись Б. XIX. 6, листъ 212.

нія, послѣдовавшаго по докладу моему въ 8 день февраля прошлаго 1825 года, на снабженіе денежнымъ пособіемъ кандидатовъ Виленскаго университета, перемѣщенныхъ въ другія должности, Правленіе упомянутаго лица выдало кандидату Мицкевичу, отправленному изъ Одессы въ Москву, сто шестьдесятъ пять руб. шестьдесятъ одну копѣйку прогонныхъ денегъ и триста рублей на подъемъ.

Согласно съ требованіемъ Г. Управляющаго Одесскимъ Ришельевскимъ лицеемъ, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сдѣлать съ Вашей стороны нужное распоряженіе о возвращеніи сей суммы четырехъ сотъ шестидесяти пяти рублей шестидесяти одной копѣйки въ Правленіе Лицея и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Александръ Шишковъ.

Князь Ширинскій Шахматовъ.

Столоначальникъ Семеновъ 1).

60.

Министерство Финансовъ. Департаментъ Государственнаго Казначейства. Часть распорядительная. Отдѣленіе III. Столъ 1. 16 іюня 1827 года. № 11728. Объ ассигнованныхъ 465 руб. 61 коп.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

На отношеніе Вашего Высокопревосходительства ко мнѣ, отъ 7 сего іюня, честь имѣю увѣдомить, что взаменъ выданныхъ, вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по докладу Вашему 8 февраля 1825 года, Правленіемъ Ришельевскаго лица кандидату Виленскаго университета Мицкевичу, отправленному

---

1) Копія въ архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣло № 180263.

изъ Одессы въ Москву, 165 руб. 61 коп. на прогоны и 300 руб. на подъемъ, предписано Херсонской Казенной Палатѣ возвратить таковое же количество денегъ помянутому Правленію, по его требованію.

Министръ Финансовъ Генералъ-Лейтенантъ Канкринъ.

Директоръ И. Роглевскій ¹⁾).

61.

Милостивый Государь мой, графъ Иванъ Осиповичъ! По предмету представленія Вашего Сіятельства о возвращеніи въ Правленіе Одесскаго Ришельевского лица 465 руб. 61 коп., выданныхъ на прогоны и подъемъ кандидату Виленскаго университета Мицкевичу, относился я къ Г. Министру Финансовъ, который нынѣ увѣдомилъ меня, что о возвращеніи сихъ денегъ предписано отъ него Херсонской Казенной Палатѣ.

Извѣщая о семъ Васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Шишковъ.

Вѣрно: Семеновъ.

№ 894.

1 іюля 1827.

Его Сіятельству Графу И. О. Витту ²⁾).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, съ двумя замѣтками: «№ 3487, 17 іюня 1827» и другою карандашомъ: «приготовить увѣдомленіе».

2) Копія въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 130263, листъ 357, съ замѣткою: «по № 3487».

62.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ отъ кандидата Адама Мицкевича.

ПРОШЕНІЕ.

Предполагая съ начала будущаго 1828 года издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ п. н.: «Igis», честь имѣю представить Московскому Цензурному Комитету предначертаніе сего журнала, по которому всю отвѣтственность принимаю я на себя, почему на основаніи § 130 Устава о Цензурѣ, касательно пріобрѣтенія правъ на званіе издателя, честь имѣю объяснить, что я по окончаніи курса въ Императорскомъ Виленскомъ Университетѣ получилъ степень кандидата; послѣ находился учителемъ въ Ковенскомъ училищѣ, а нынѣ состою на службѣ въ канцеляріи Господина Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, во увѣреніе чего прилагаю данный мнѣ изъ Виленскаго Университета дипломъ на степень кандидата, за № 4244, и свидѣтельство изъ Правленія того же Университета при опредѣленіи меня учителемъ, а какъ по § 131 Устава о Цензурѣ издатель обязанъ представить сотрудника, по случаю болѣзни или отбытія, принимающаго на себя его обязанность, то въ качествѣ сего сотрудника участвовать будетъ штата Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора IX-го класса чиновникъ Францискъ Малевскій, коего письменное на то согласіе вмѣстѣ съ давшимъ ему на степень магистра правъ изъ Виленскаго Университета, за № 5199, дипломомъ при семъ прилагаю. За симъ прошу Московскій Цензурный Комитетъ представить, куда слѣдуетъ, о дозволеніи мнѣ издавать оный журналъ.

Кандидатъ Адамъ Мицкевичъ.

и ниже:

Два аттестата получилъ XII класса Адамъ Мицкевичъ 1).

---

1) Автографъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета; во главѣ № 61 и замѣтка о полученіи «25 октября 1827 года»; автографъ числомъ не помѣченъ.

63.

Программа журнала «Iris».

Польско-россійскія провинці имѣютъ съ давняго времени обезпеченныя благодѣянія народнаго обученія. Отъ нихъ послѣдовалъ очевидный успѣхъ просвѣщенія, обнаруживающійся въ числѣ выходящихъ ученыхъ сочиненій и въ цвѣтущемъ состояннн учебныхъ заведеній, воздвигнутыхъ Монаршею щедростію. При столь усилившемся къ пріобрѣтенію наукъ порывѣ одно только ученое періодическое сочиненіе, издаваемое въ Вильнѣ для польско-россійскихъ губерній ²⁾, не можетъ удовлетворить нуждамъ многочисленной читающей публики, ни же соотвѣтствовать числу и разнообразію, въ какихъ нынѣ появляются ученые труды. Поэтому издатель новаго журнала на польскомъ языкѣ, преимущественно для сихъ провинцій назначаемаго, можетъ ласкаться надеждою, что оный трудомъ своимъ и стараніемъ сдѣлаетъ услугу своимъ соотчичамъ и будетъ содѣйствовать къ умноженію пользы, каковыя изъ открытыхъ въ государствѣ разныхъ источниковъ наукъ могутъ быть получаемы. Москва, одна изъ первѣйшихъ столицъ Европы, вмѣщающая въ себѣ университетъ и нѣсколько ученыхъ обществъ, имѣя безпрерывныя связи съ иностранными учебными заведеніями, заключаая въ себѣ многія библіотеки и книжныя лавки, есть мѣсто, въ коемъ предпріятіе ученаго журнала успѣшно можетъ состояться. При столь облегченныхъ пособіяхъ редація будетъ въ состояннн удержатъ читателей своихъ наравнѣ съ общимъ ходомъ просвѣщенія, передавая немедленно важныя открытія въ наукахъ и художествахъ, извѣщая о иностранныхъ трудахъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ наукъ и дѣйствительно обогатившихъ литературу своихъ народовъ.

Но сверхъ сей главной цѣли, другую столь же важную указываетъ само будущее мѣсто изданія журнала. Въ Москвѣ изда-

---

1) Dziennik Wileński, издавался съ 1815 по 1828 годъ.

ваемый журналъ не можетъ не принимать участія въ увеличившемся богатствѣ россійской литературы, въ успѣхахъ наукъ, искусствъ и художествъ, въ перемѣнахъ, которыя суть слѣдствіемъ постепеннаго хода образованія въ столь огромномъ государствѣ. Многократно повторено было непріятное замѣчаніе, что ложныя о нынѣшнемъ состояніи Россіи понятія поддерживаются донинѣ между иностранными писателями, но еще непріятнѣе вспомнить, что тѣ же ложныя понятія поддерживаются донинѣ въ краяхъ, коихъ жители по сходству языка и первоначальныхъ обычаевъ столь много имѣютъ удобностей къ исправленію старыхъ или къ приобрѣтенію новыхъ о Россіи извѣстій. Литературы россійская и польская, кромѣ столь многихъ и столь сильныхъ побужденій, до сихъ поръ не сдружились. Богатства одной оставались и остаются неизвѣстными другой и сіе равнодушіе едва не изглаживаетъ слѣдовъ истиннаго сродства. Напрасно неоднократно противъ него возставали знаменитые россійскіе и польскіе писатели, не было понинѣ истиннаго желаемаго обмѣна ученыхъ произведеній, не внимая тому, что сіи произведенія искусно пересаженыя, находя ту же землю и небо, всегда могутъ хорошо принятыся. Редакція предполагаемаго въ Москвѣ журнала, при обѣщанномъ пособіи россійскихъ литераторовъ и при удобности приобрѣтати книги и журналы, желала бы извѣщать объ отличныхъ сочиненіяхъ, печатаемыхъ на россійскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, обратить на нихъ вниманіе польскихъ читателей, когда между тѣмъ она бы могла справедливо надѣяться, что появленіе польскаго журнала въ Москвѣ поощрило бы россіянъ къ узнаванію польской литературы; сверхъ того, попеченіе Правительства открыло нынѣ къ издаваемымъ періодическимъ сочиненіямъ источники достовѣрныхъ извѣстій объ успѣхахъ промышленности и торговли въ государствѣ: редакція не оставила бы воспользоваться ими и о сихъ важныхъ отрасляхъ народнаго благоденствія передавать полезныя и точныя извѣстія.

Сей двойной цѣли редакція намѣревается достигнуть, опредѣляя въ своемъ журналѣ три слѣдующія отдѣленія:

- I литературы и изящныхъ искусствъ,
 II наукъ историко-политическихъ,
 III извѣстій.

Въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ помѣщаются будутъ подробныя объ избранныхъ предметахъ разсужденія, критическіе разборы сочиненій или извѣстія объ нихъ, приложенныя въ видѣ извлеченій и переводовъ, біографіи знаменитыхъ ученыхъ. Въ первомъ отдѣленіи особенное мѣсто занимать будетъ литература древняя, греческая и латинская. Во 2-мъ отдѣленіи статьи, относящіяся къ успѣхамъ современнаго образованія, обнаруживающемся въ ходѣ промышленности, въ новомъ направленіи торговли, въ движеніи кредита и проч., обрабатываемы будутъ по историческимъ отношеніямъ. Разсматриваніе сихъ предметовъ въ политическомъ отношеніи и вообще все, относящееся къ современной политикѣ, не войдетъ въ предѣлы журнала. Въ отдѣленіи *Извѣстій*, помѣщаются будутъ донесенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ, о трудахъ ученыхъ обществъ, извѣстія библіографическія, статистическія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ. Извѣстія объ иностранной литературѣ занимаемы будутъ изъ журналовъ, выписываемыхъ по почтѣ и изъ книгъ, выписываемыхъ чрезъ книгопродавцевъ. Слѣдующіе журналы будутъ предпочтительно употребляемы: Quarterly Review, London Literary Gazette, Revue Encyclopédique, Annales des voyages, Moniteur, Göttingische Gelehrte Anzeigen, Wiener Jahrbücher der Litteratur, Hallische Litteratur-Zeitung.

Журналъ выходитъ будетъ помѣсячно въ тетрадахъ отъ 5—7 листовъ in 8°, подъ заглавіемъ: «Irys, dziennik literaturze i historyi poświęcony», то есть: «Ирисъ, журналъ литературно-историческій» ¹⁾.

---

1) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8.

64.

Я нижеподписавшійся обязуюсь сею подпискою, что по случаю предполагаемаго г. Мицкевичемъ изданія въ Москвѣ журнала *Ирисъ*, въ случаѣ болѣзни или отбытія, я всѣ обязанности и отвѣтственность издателя принимаю на себя. Москва, октября 1827 года.

9-го класса Францискъ Малевскій ¹⁾.

65.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. Въ Москвѣ. 27 октября 1827 г. № 38.

Его Сіятельству Г. Московскому Военному Генераль-Губернатору, Генералу отъ Инфантеріи и Кавалеру Князю Дмитрію Владимировичу Голицыну.

Служащій въ канцеляріи Вашего Сіятельства кандидатъ Адамъ Мицкевичъ, предполагая съ начала будущаго 1828 года издавать въ Москвѣ периодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Ирисъ», вошелъ въ Московскій Цензурный Комитетъ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія на издаваніе сего журнала, для коего въ соотрудники избралъ онъ себѣ находящагося въ штатѣ Вашего Сіятельства чиновника 9-го класса Франциска Малевскаго; а какъ по содержанію параграфовъ 130 и 131 Высочайше утвержденаго Устава о цензурѣ необходимо каждаго издателя повременныхъ сочиненій имѣть послужный списокъ и удостовѣреніе отъ начальства его о ревностномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, то Московскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь обратиться къ

1) Автографъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ № 8. Подписка не имѣетъ числа, но должна была быть написана 23 или 24 октября, такъ какъ прошеніе Мицкевича въ Цензурный Комитетъ получено послѣднимъ 25 числа.

Вашему Сіятельству съ просьбою почтить его отзывомъ Вашимъ: соизволите-ли Ваше Сіятельство чиновникамъ симъ дать на предпринимаемое ими занятіе начальниче позволеніе Ваше, при каковомъ отзывѣ Вашего Сіятельства, Комитетъ проситъ покорнѣйше о приказаніи присоединить и послужные списки чиновниковъ сихъ, въ случаѣ, если въ таковомъ ихъ занятіи не встрѣтится никакихъ препятствій.

Предсѣдатель Князь Мещерскій.

Секретарь Новиковъ 1).

66.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ О СЛУЖБѢ 12 КЛАССА АДАМА МИЦКЕВИЧА.

(составленный 30—31 октября 1827 года).

1. Чинъ, имя, отчество, фамилія, должность имъ отправляемая, какіе имѣетъ ордена и прочіе знаки отличія?

12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ.

2. Сколько отъ роду лѣтъ?

28.

3. Изъ какого званія?

Изъ дворянъ.

4. Есть-ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?

Не имѣетъ.

5. Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ; также не было ли какихъ

---

1) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

отличныхъ по службѣ дѣяній и не былъ-ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награждаемъ и въ какое время?

По полученіи степени кандидата въ Виленскомъ Университетѣ поступилъ въ штатъ Гражданской Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора 1826 года февраля 11 дня.

Переименованъ Указомъ Правительствующаго Сената 29 апрѣля 1826 года въ чинъ 12 класса со старшинствомъ со дня вступленія въ службу.

6. Въ походахъ противъ непріятеля и въ сраженіяхъ былъ или нѣтъ и когда?

Не былъ.

7. Не былъ-ли въ штрафахъ и подъ судомъ, если былъ, то за что, когда и чѣмъ дѣло кончилось?

Не былъ.

8. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и почему именно?

Способенъ и достоинъ.

9. Не былъ-ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина, или безъ онаго, и когда?

Не былъ.

10. Холостъ или женатъ, имѣеть-ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся?

Холостъ.

Генералъ отъ кавалеріи Князь Голицынъ.

Помощникъ секретаря П. Позняковъ ¹⁾.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

67.

Управленіе Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора.
Канцелярія Гражданская. Экспедиція 2. Столъ 2. 1 ноября
1827 г. № 5866.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Изъявляя съ своей стороны согласіе на дозволеніе служащимъ въ канцеляріи моей переименованному изъ кандидатовъ въ 12-й классъ Адаму Мицкевичу и 9-го класса Франциску Малевскому издавать съ будущаго 1828 года предположенное ими періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Ирисъ», я препровождаю при семъ и формулярные о службѣ сихъ чиновниковъ списки, согласно представленію ко мнѣ онаго Комитета, отъ 27 числа истекшаго октября мѣсяца, за № 38.

Генераль отъ кавалеріи кн. Голицынъ ¹⁾.

68.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Московскій Цензурный Комитетъ. Въ Москвѣ. Ноября 9 дня 1827 года. № 58.

Его Превосходительству Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Служащій въ канцеляріи Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора Его Сіятельства князя Голицына чиновникъ 12-го класса Адамъ Мицкевичъ вошелъ въ Комитетъ сей съ прошеніемъ о позволеніи издавать ему въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирисъ», причемъ на основаніи 130 и 131 §§ Устава

1) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета; концептъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86800; во главѣ послѣдняго поставлено число: «31 октября 1827 г.». На подлинникѣ находятся отиѣтки: (получено) «1827 ноября 2 дня» и «принять къ свѣдѣнію».

о Цензурѣ приложено: а) обстоятельное изложене цѣли и содержаніе повременнаго сочиненія; б) прежнія просителя печатныя сочиненія, подъ названіемъ: «Сонеты»; с) послужной списокъ, свидѣтельство и аттестатъ, данный ему изъ Виленскаго университета; д) подписка чиновника IX класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя, въ случаѣ болѣзни или смерти самого Мицкевича; при семъ приложены: а) аттестатъ, данный г. Малевскому изъ Виленскаго университета и в) послужной его списокъ. Разсмотрѣвъ всѣ сіи документы и найдя ихъ достаточными, Комитетъ имѣетъ честь препроводить оныя на усмотрѣніе Вашего Превосходительства и, буде не окажется какихъ-либо препятствій, проситъ соблаговолить представить ихъ, куда слѣдуетъ, о полученіи г. Мицкевичу позволенія на издаваніе въ Москвѣ упоминаемаго журнала.

Въ должности предсѣдателя

цензоръ Сергій Акимовъ.

Секретарь Новиковъ ¹⁾).

69.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главный Цензурный Комитетъ. О дозволеніи 12 класса Адаму Мицкевичу издавать журналъ. Въ Москвѣ, 15 ноября 1827. № 1536. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

---

1) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Учебнаго Округа; копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 127219, картонъ 8. При дѣлѣ нѣтъ свидѣтельства и аттестата Мицкевича, а также аттестата Малевскаго; послѣдніе были обратно получены Мицкевичемъ, какъ видно изъ расписки его на документъ № 62; въ дѣлѣ Министерства тоже находится справка, что аттестаты Мицкевича и Малевскаго обратно препровождены къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, при предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 13 декабря 1827 года, за № 1957.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ представилъ мнѣ о дозволеніи чиновнику 12 класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное изданіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирисъ».

Не находя съ своей стороны препятствія къ изданію означеннаго журнала, я обязанностию моею поставляю препроводить при семъ къ Вашему Высокопревосходительству копию съ представленія ко мнѣ Московскаго Цензурнаго Комитета и испрашивать на сіе Вашего Высоконачальническаго разрѣшенія.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа

Генералъ-Маіоръ Писаревъ.

Старшій письмоводитель Третьяковъ.

По Главному Цензурному Комитету ¹⁾).

70.

ЗАПИСКА.

12-го класса Адамъ Мицкевичъ покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство о дозволеніи ему воспользоваться 28-дневнымъ отпускомъ, съ 27 сего мѣсяца для поѣздки въ С.-Петербургъ, по собственнымъ его дѣламъ.

26 ноября 1827 года.

Его Сіятельства резолюція: *Согласенъ, 26-го ноября*, и выдано того-же числа.

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8; брѣвонъ въ архивѣ Московскаго Учебнаго Округа; на подлинникѣ замѣтки: «№ 7767, № 185, 20 ноября 1827» и «получено 21 ноября».

22 декабря 1827 въ С.-Петербургѣ возобновленъ отпускъ на 28 дней.

Для передачи ему получилъ
Фр. Малевскій ¹⁾.

71.

О дозволеніи Мицкевичу издавать журналъ *Ирида*.

Господинъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа при представленіи своемъ Вашему Высокопревосходительству, отъ 15 сего ноября, за № 1536, препроводилъ копію съ представленія къ нему Московскаго Цензурнаго Комитета о дозволеніи чиновнику 12-го класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, повременное сочиненіе на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Ирида*. Господинъ Попечитель изъясняетъ, что съ своей стороны препятствія къ изданію означеннаго журнала онъ не находитъ и проситъ въ семъ случаѣ разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства. Сверхъ того, при означенномъ представленіи Г. Попечитель присовокупилъ обстоятельное изложеніе цѣли и содержанія означеннаго повременнаго сочиненія, прежнія просителя печатныя сочиненія, послужный списокъ, свидѣтельство и аттестатъ, данный ему изъ Виленскаго Университета, подписку чиновника 9 класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя въ случаѣ болѣзни или смерти самаго Мицкевича; при семъ приложены: а) аттестатъ, данный г. Малевскому изъ Виленскаго Университета и б) послужный его списокъ. Планъ вышеозначеннаго журнала долженъ состоять изъ трехъ отдѣленій:

1. Литературы и изящныхъ искусствъ;
2. Наукъ историко-политическихъ;
3. Извѣстій.

---

1) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

Въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ помѣщаются будутъ подробныя объ избранныхъ предметахъ разсужденія, критическіе разборы сочиненій или извѣстія объ нихъ, предложенныя въ видѣ извлеченій и переводовъ, біографіи знаменитыхъ ученыхъ. Въ первомъ отдѣленіи особенное мѣсто занимать будетъ литература древняя, греческая и латинская. Во второмъ отдѣленіи статьи, относящіяся къ успѣхамъ современнаго образованія, обнаруживающимся въ ходѣ промышленности, въ новомъ направленіи торговли, въ движеніяхъ кредита и пр., обрабатываемы будутъ по историческимъ отношеніямъ; разсматриваніе сихъ предметовъ въ политическомъ отношеніи и вообще все, относящееся къ современной политикѣ, не войдетъ въ предѣлы журнала. Въ отдѣленіи извѣстій помѣщаются будутъ донесенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ, о трудахъ ученыхъ обществъ, извѣстія бібліографическія, статистическія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ. Извѣстія объ иностранной литературѣ занимаемы будутъ изъ журналовъ, выписываемыхъ по почтѣ, и изъ книгъ, выписываемыхъ черезъ книгопродавцевъ.

Главный Цензурный Комитетъ, разсмотрѣвъ планъ предполагаемаго чиновникомъ 12 класса Мицкевичемъ журнала Ирида, имѣющаго цѣлью пользу и взаимное сближеніе словесности польской и россійской, и принимая въ уваженіе ходатайство о немъ г. Попечителя и Московскаго Цензурнаго Комитета, не находитъ препятствій къ разрѣшенію Мицкевичу, сняскавшему великую извѣстность своими поэтическими произведеніями, издавать предполагаемый журналъ.

Предсѣдатель

инженеръ генераль-лейтенантъ Карбоньеръ.

Резолюція:

Его Высокопревосходительство Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія изволилъ приказать дѣло сіе передать въ свою

Канцелярію, для соображенія съ имѣющимъ въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ. Декабря 2 дня 1827 года ¹⁾).

72.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Главный Цензурный Комитетъ. Въ С.-Петербургѣ. 3 декабря 1827. № 449. Съ препровожденіемъ дѣла о Мицкевичѣ.

Въ Канцелярію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія.

По докладу Его Высокопревосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, по представленію Господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, о дозволеніи чиновнику 12 класса Адаму Мицкевичу издавать въ Москвѣ, съ будущаго 1828 года, журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Ирида», Его Высокопревосходительство приказать изволигъ дѣло сіе передать въ означенную Канцелярію, для соображенія съ имѣющимъ въ оной дѣломъ о г. Мицкевичѣ.

Вслѣдствіе сего Главный Цензурный Комитетъ честь имѣеть препроводить при семъ, какъ представленіе Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа съ приложеніями, такъ и докладную по сему предмету записку.

Предсѣдатель инженеръ генералъ-лейтенантъ Карбоньеръ.

Правитель дѣлъ Василій Комовскій ²⁾).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

2) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., № 127219, картонъ 8, съ надписью: «№ 8259, 4 декабря 1827».

73.

Справка о Адамѣ Мицкевичѣ, выведенная по случаю просямаго имъ дозволенія издавать въ Москвѣ періодическое сочиненіе на польскомъ языкѣ подъ названіемъ «Iris».

Съ 1817 или 1818 года духъ преобразованія умовъ, поселившійся въ большей части Нѣмецкихъ университетовъ, а также въ Варшавскомъ и Краковскомъ, водворился было и въ Виленскомъ университетѣ и въ училищахъ, принадлежащихъ къ его учебному округу. Два общества Свислочьской гимназіи, первое подъ названіемъ *Учебнаго*, а второе *Моральнаго*, и три въ Университетѣ: *Филоматовъ*, *Промѣнствовъ* и *Филаретовъ*, подъ скромнымъ предлогомъ усовершенствованія въ наукахъ, имѣли въ продолженіи образовать наставниковъ юношества въ одномъ извѣстномъ направленіи ума и тѣмъ самымъ дѣйствовать успѣшнѣйшимъ образомъ на воспитаніе всего будущаго поколѣнія, внушеніемъ въ юные умы и сердца закоснѣлой ненависти противу Россіи и мечтанія о возстановленіи независимости Польши, подобно тому, какъ въ Германіи студентскія общества имѣли въ предметѣ возстановленіе Общаго Германскаго владѣнія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тайною цѣлью соединенія была революція въ умахъ, а орудія къ тому профессоры и педагоги.

По произведеніи подробнаго по сему предмету слѣдствія Высочайше утверждень былъ особый Комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, относящихся до безпорядковъ, случившихся въ Виленскомъ университетѣ.

Журналомъ сего Комитета, Высочайше утвержденнымъ въ 14 день августа 1824 года, между прочимъ постановлено:

«1. Хотя вина учрежденія тайныхъ обществъ филоматовъ и филаретовъ и участвованія въ оныхъ падаетъ на всѣхъ вообще сочленовъ, но принимая въ уваженіе, что они были вовлечены въ сей проступокъ примѣромъ старшихъ сотоварищей и вліяніемъ господствующаго духа времени и что большая часть изъ нихъ находились въ теченіе семи мѣсяцевъ подъ строгимъ арестомъ,

взыскавъ съ нихъ въ равной части издержки, на производство слѣдствія употребленныя, отъ дальнѣйшей отвѣтственности освободить, за исключеніемъ однакожъ нижеслѣдующихъ».

«2. Десять человекъ Филоматскаго общества, кои посвятили себя учительскому званію, а также тѣхъ изъ, Филаретовъ, кои оказались дѣятельнѣйшими по предосудительнымъ видамъ сего общества, не оставляя въ польскихъ губерніяхъ, гдѣ они думали распространить безразсудный польскій націонализмъ, посредствомъ обученія, употребить по части училищной въ отдаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, впредь до разрѣшенія имъ возвратиться на родину».

Въ исполненіе сего Г. Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа выслалъ сихъ студентовъ въ С.-Петербургъ и доставилъ Г. Министру имянной имъ списокъ, съ отмѣткою противъ каждаго имени, къ какому занятію или въ какую должность по своимъ способностямъ и собственному желанію, кто изъ нихъ употребленъ быть можетъ.

Г. Министръ, разсмотрѣвъ сіи объясненія, нашегъ, что ббльшая часть изъ нихъ, по несовершенному знанію русскаго языка, не могутъ преподавать наукъ на семъ языкѣ, и, слѣдовательно, не могутъ принести большой пользы русскимъ училищамъ.

Г. Министръ, донося о семъ 16 ноября 1824 года всеподданнѣйше Государю Императору, испрашивалъ Высочайшаго Его дозволенія изъ числа сихъ студентовъ тѣхъ, кои пожелаютъ быть учителями, принять на учительскія вакансіи внѣ польскихъ губерній, а другимъ разрѣшить опредѣленіе въ службу по собственному ихъ желанію здѣсь въ С.-Петербургѣ или въ другихъ удаленныхъ отъ Польши губерніяхъ, предоставляя всѣмъ право вступить въ службу классами, соотвѣтствующими той ученой степени, которую они получили въ Виленскомъ университетѣ.

На сіе получилъ Г. Министръ Высочайшее повелѣніе: здѣсь въ С.-Петербургѣ никого не оставлять, а размѣстить по ихъ желанію и способностямъ въ другіе, только не въ польскіе города, сдѣлавъ нужныя для нихъ пособія.

Въ исполненіе сей Высочайшей воли приказаль Г. Министръ отобрать отъ сихъ студентовъ свѣдѣніе, въ какой родъ службы и куда, именно, кто изъ нихъ поступить желаетъ.

Изъ числа означенныхъ студентовъ кандидатъ философіи Адамъ Мицкевичъ, подходившій подъ 2-й пунктъ упомянутаго положенія Комитета, объявилъ желаніе служить при Ришельевскомъ лицѣѣ. По сдѣланному Г. Министромъ распоряженію, былъ туда отправленъ для опредѣленія къ должности, знаніямъ его и способностямъ соотвѣтственной.

Впослѣдствіи, и именно февраля 8 дня 1825 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: бывшихъ студентовъ Виленскаго университета, вызванныхъ сюда по вышеупомянутымъ происшествіямъ, не опредѣлять въ Ришельевскій лицей и вообще въ южныя провинціи, но въ самыя внутреннія, по собственному ихъ избранію и въ такой родъ службы, въ какой они сами пожелаютъ, также по недостаточному ихъ состоянію сдѣлать имъ нужное по сему случаю пособіе.

Вслѣдствіе чего, Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 августа 1825 года, донесъ Г. Министру, что помянутый кандидатъ Мицкевичъ объявилъ желаніе служить въ канцеляріи Московскаго военнаго генераль-губернатора кн. Голицына. Г. Министръ, 11 сентября 1825 года, отнесся къ нему объ опредѣленіи Мицкевича въ канцелярію его. На сіе князь Голицынъ отношеніемъ своимъ, отъ 19 сентября того же года, изъявилъ согласіе; вслѣдствіе чего, предписано было Г. Управляющему Ришельевскимъ лицеемъ отправить Мицкевича въ Москву къ тамошнему военному генераль-губернатору. Г. Управляющій Ришельевскимъ лицеемъ, 17 декабря 1825 года, донесъ Г. Министру, что Мицкевичъ отправленъ въ Москву, и съ того времени Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія не имѣеть о немъ никакого свѣдѣнія.

Въ должности директора Гаевскій.

На полѣ отмѣчено:

«Находилось въ разсмотрѣніи Г. Товарища Министра (Д. Н.

Блудова), съ 6 по 9 декабря 1827 года, и возвращено отъ Его Превосходительства съ особымъ письменнымъ мнѣніемъ, которое, вмѣстѣ съ сею справкою и другими бумагами, доложено Г. Министру 10 декабря»¹⁾).

74.

Имѣю честь препроводить къ Вамъ записку о Мицкевичѣ съ приложеніями и съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Господина Товарища Министра:

«Не бывъ членомъ Комитета, который разсматривалъ дѣла тайныхъ обществъ университета Виленскаго, я не въ состояніи судить, до какой степени гг. Мицкевичъ и Малевскій могли быть виновны и могутъ доселѣ быть подозрительными, слѣдовательно не мнѣ судить и о томъ, будутъ-ли они благонадежны въ званіи журналистовъ. Я замѣчу только, что если Правительство нашло нужнымъ запретить имъ жить и служить въ Польшѣ, то, вѣроятно, по тѣмъ же причинамъ, сіе Правительство не дозволить имъ дѣйствовать на умы въ Польшѣ посредствомъ журнала. Впрочемъ, скажу еще разъ, что мнѣ, по незнанію Виленскаго слѣдственнаго дѣла, нельзя основательно судить объ этомъ».

Телешевъ.

9 декабря 1827 г.

Его Высокоблагородію П. И. Гаевскому.

Резолюція:

Доложено Г. Министру 10 декабря 1827. Его Высокопревосходительство, согласно съ мнѣніемъ своего товарища, рѣшилъ не давать просямаго г. Мицкевичемъ права на изданіе польскаго журнала въ Москвѣ²⁾).

---

1) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., дѣло № 127219.

2) Подлинникъ въ архивѣ М. Н. П., тамъ же.

75.

Министерство Народнаго Просвѣщенія и Главное Управленіе Духовными Дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій. Канцелярія. Столъ I. 13 декабря 1827 года. № 1957. Отвѣтъ на № 1536.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Представленіемъ, отъ 15 минувшаго ноября, Ваше Превосходительство просили разрѣшенія моего о дозволеніи чиновнику 12-го класса Мицкевичу издавать въ Москвѣ журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Iris», причемъ, между прочими документами, приложена подписка чиновника IX-го класса Малевскаго, принимающаго на себя обязанность издателя въ случаѣ болѣзни или смерти самаго Мицкевича.

На сіе имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что оба сіи чиновника суть изъ числа тѣхъ воспитанниковъ Виленскаго университета, коихъ, по случаю происшедшихъ тамъ безпорядковъ, Высочайше повелѣно было размѣстить на службу во внутреннія губерніи. Не повторяя здѣсь о поводѣ къ таковому распоряженію, чтò впрочемъ извѣстно Вашему Превосходительству изъ переписки о другихъ подобныхъ студентахъ, служащихъ подъ начальствомъ Вашимъ, я замѣчу только, что поелику Правительство нашло нужнымъ запретить имъ жить и служить въ польскихъ губерніяхъ, то я самъ собою не могу дозволить гг. Мицкевичу и Малевскому изданіе журнала на польскомъ языкѣ; входитъ же о семъ съ представленіемъ къ Государю Императору я не нахожу ни приличія, ни уважительной къ тому причины.

Возвращая у сего университетскіе аттестаты гг. Мицкевича и Малевскаго, для передачи оныхъ въ мѣсто ихъ служенія, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о содержаніи сего моего предложенія дать знать Московскому Цензурному Комитету.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Александръ Шишковъ.

Въ должности директора П. Гаевскій¹⁾.

---

1) Копія въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета.

76.

По № 8259. Столъ I. № 1979. 16 декабря 1827. Въ Главный Цензурный Комитетъ.

Канцелярія Министра Народнаго Просвѣщенія долгомъ почитаетъ увѣдомить Главный Цензурный Комитетъ, что Его Высочайшее Превосходительство не изъявилъ своего согласія на издаваніе чиновникомъ 12 класса Адамомъ Мицкевичемъ въ Москвѣ журнала на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Ирида*, о чемъ и дано предложеніе Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для объявленія по принадлежности.

Въ должности директора П. Гаевскій.

Вѣрно. Столоначальникъ Новосильскій¹⁾.

77.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ Москвѣ. 24 декабря 1827 г. № 1758.

Московскому Цензурному Комитету.

О дозволеніи чиновнику 12-го класса Мицкевичу издавать въ Москвѣ журналъ на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Igis», я представлялъ Его Высочайшему Превосходительству Г. Министру Народнаго Просвѣщенія. Съ полученнаго мною на сіе отъ него Г. Министра отношенія препровождаю при семъ въ оный Комитетъ для надлежащаго исполненія копію.

Попечитель Московскаго Учебнаго Округа,

Генералъ-Маіоръ Писаревъ.

Старшій письмоводитель Третьяковъ²⁾.

1) Копія въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 127219, картонъ 8.

2) Подлинникъ въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета, съ пометкою: «получено» 1827 года декабря 28.

78.

Его Сіятельству Господину Московскому Военному Генераль
Губернатору Князю Д. В. Голицыну

чиновника Вашего Сіятельства

12-го класса Адама Мицкевича

ПРОШЕНІЕ.

Не получивъ облегченія въ настоящей моей болѣзни, осмѣ-
ливаюсь просить Ваше Сіятельство, по случаю истекшаго срока
на данный мнѣ отпускъ, дозволить мнѣ прожить нѣкоторое еще
время въ С.-Петербургѣ. При чемъ честь имѣю представить
докторское свидѣтельство о болѣзненномъ моемъ состояніи.
С.-Петербургъ 1828¹⁾ года января 3 дня.

Адамъ Мицкевичъ²⁾.

79.

Свидѣтельство.

Симъ свидѣтельствую, что чиновникъ 12-го класса г. Миц-
кевичъ, служащій въ канцеляріи Московскаго Военнаго Генера-
ля-Губернатора, находясь въ отпуску въ С.-Петербургѣ, дѣй-
ствительно занемогъ простудною лихорадкою, сопряженною съ
сильнымъ кашлемъ и болью груди и что онъ, по причинѣ болѣзни,
никакъ не можетъ слѣдовать къ своему мѣсту прежде выздоров-
ленія. Генваря 3 дня 1829 г.

Кавалергардскаго полка полковой штабсъ-лѣкаръ

коллежскій совѣтникъ Погоржанскій.

Резолюція кн. Голицына 10 января 1829 года:

«Согласенъ на 4 мѣсяца»³⁾.

1) Ошибкой вмѣсто 1829.

2) Автографъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

3) Подлинникъ въ Губернскомъ Архивѣ въ Москвѣ, дѣло № 86300.

80.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Николай Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій.

Просить 12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ, о нижеслѣдующемъ :

Находясь нынѣ на службѣ при Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ, имѣю желаніе продолжать оную въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, почему, представляя при семъ аттестатъ о наукахъ моихъ и свидѣтельство о дворянствѣ¹⁾, всеподданнѣйше прошу

Къ сему

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ принять и меня въ оную опредѣлить.

прошенію

Всемиловитѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Февраля²⁾ дня 1829 года. Къ поданію подлежить въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Прошеніе писалъ титулярный совѣтникъ Александръ Котовъ.

XII класса Адамъ Николаевъ сынъ

Мицкевичъ руку приложилъ³⁾.

1) Этого аттестата при дѣлѣ не имѣется.

2) Числа недостаетъ.

3) Подлинникъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1829, № 7, IV, 1; на немъ помѣтки: «№ 1165» и «19 февраля 1829».

81.

12 класса Адамъ Мицкевичъ, по окончаніи наукъ въ Виленскомъ университетѣ, въ коемъ онъ предпочтительно обучался греческой и латинской словесности, получивъ степень кандидата, поступилъ въ должность старшаго учителя въ Ковенскомъ училищѣ. Въ 1824 году назначенъ былъ въ таковой же должности въ Ришельевскій лицей въ Одессѣ, потомъ же перемѣстился въ канцелярію Московскаго Генералъ-Губернатора, гдѣ и нынѣ состоитъ на службѣ. Желая опредѣлиться на открывшуюся ваканцію переводчика въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, просить о допущеніи его къ испытанію въ достаточномъ знаніи языковъ, нужныхъ для занятій сей должности¹⁾.

82.

Князю Голицыну отъ графа Нессельрода.

Находящійся при Вашемъ Сіятельствѣ чиновникъ 12 класса Адамъ Мицкевичъ подавъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ прошеніе объ опредѣленіи его въ вѣдомство оной.

Вслѣдствіе чего, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ, не имѣется-ли къ увольненію г. Мицкевича отъ настоящей его должности какого-либо препятствія, и если онаго не настоитъ, въ таковомъ случаѣ доставить мнѣ формулярный о службѣ его списокъ и аттестатъ.

№ 1413

25 февраля 1829¹⁾.

1) Автографъ Мицкевича тамъ же.

2) Подлинникъ тамъ же съ помѣткою: «№ 2512, 15 апрѣля 1829».

83.

Милостивый Государь мой, графъ Карлъ Васильевичъ.

Ненаходя никакихъ препятствій къ перемѣщенію состоящаго при мнѣ 12 класса Адама Мицкевича въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, я имѣю честь, согласно отношенію Вашего Сіятельства, отъ 25 истекшаго февраля, препроводить у сего формулярный о службѣ г. Мицкевича списокъ и надлежащій аттестатъ, считая за обязанность присовокупить при томъ, что чиновникъ сей въ продолженіи его служенія подъ моимъ начальствомъ всегда при хорошемъ поведеніи исправлялъ возложенную на него обязанность съ усердіемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Дмитрій Голицынъ.

№ 1061.

9 апрѣля 1829.

Его Сіятельству Графу Карлу Васильевичу Нессельроду¹⁾.

84.

Формулярный списокъ о службѣ 12 класса Мицкевича
1829 года.

1. Чинъ, имя, фамилія, должность имъ отпращиваемая и сколько отъ роду лѣтъ?

12 класса Адамъ Николаевъ сынъ Мицкевичъ.

2. Изъ какого званія происходятъ?

Изъ какого званія происходятъ по документамъ не видно.

1) Подлинникъ тамъ же съ помяткою: «№ 2512, 15 апрѣля 1829».

3. Есть-ли за нимъ, за родителями его или, когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?

Не имѣетъ.

4. Когда въ службу вступилъ, и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ, также не было-ли какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній, и не былъ ли особенно кромѣ чиновъ чѣмъ награждаемъ и въ какое время?

По полученіи степени кандидата въ Виленскомъ университетѣ поступилъ въ штатъ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора 1826 года февраля 11 дня.

Переименованъ Указомъ Правительствующаго Сената 29 апрѣля 1826 года въ чинъ 12 класса со старшинствомъ со дня вступленія въ дѣйствительную службу.

5. Въ походахъ противъ непріятели и въ самыхъ сраженіяхъ былъ ли нѣтъ и когда именно?

Не былъ.

6. Не былъ ли въ штрафахъ и подъ судомъ, и если былъ, то за что именно, когда и чѣмъ дѣло кончено?

Не былъ.

7. Къ продолженію статской службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ?

Способенъ и достоинъ.

8. Не былъ ли въ отпускахъ, и если былъ, то когда именно и на сколько времени и являлся ли на срокъ къ должности?

Былъ 13 апрѣля 1828 года на два мѣсяца; не являсь на срокъ 15 іюня доставилъ прошеніе объ отсрочкѣ, по которому вновь выданъ ему паспортъ на два мѣсяца того же 15 іюня; потомъ по присланному отъ него прошенію 12 августа уволенъ на одинъ мѣсяць; но на срокъ

не явился, а доставилъ прошеніе о продолженіи отпус-
ска, объясняя въ ономъ, что онъ не явился по болъзни,
недозволившей ему окончить дѣла свои, почему съ 2 сен-
тября и данъ ему отпускъ до 1 января 1829 года, а съ
11 января сего года, по присланной отъ него просьбѣ
и приложенному при оной свидѣтельству о болъзни
его, вновь выданъ отпускъ на четыре мѣсяца.

9. Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина или безъ
оного и когда?

Не былъ.

10. Женатъ ли, имѣеть ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ
и гдѣ они находятся.

Холостъ.

Генералъ отъ кавалеріи князь Голицынъ¹⁾.

85.

АТТЕСТАТЪ.

№ 1062. 12 класса Адаму Николаеву сыну Мицкевичу въ
томъ, что онъ, какъ изъ свидѣтельства, выданнаго ему за под-
писаніемъ Ректора Виленскаго Университета, видно, по окон-
чаніи наукъ въ Новогрудскомъ Уѣздномъ Училищѣ былъ
1815 года сентября 17 дня принятъ въ число учениковъ Импе-
раторскаго Виленскаго Университета и въ продолженіи перваго
учебнаго года, обучаясь, по отдѣленію физико-математическихъ
наукъ, физикѣ, химіи, алгебрѣ и высшей чистой математикѣ, и
выдержавъ изъ оныхъ экзаменъ 27 іюня 1816 года получилъ
степень кандидата философій; послѣ, по отдѣленію словесныхъ

---

1) Подлинникъ тамъ же, съ помѣткою: «къ № 2512».

наукъ и изящныхъ художествъ, слушалъ курсъ греческой и латинской словесности, всеобщей исторіи и поэзіи, російской словесности, логики, языковъ: французскаго, нѣмецкаго и англійскаго въ продолженіи трехъ лѣтъ, и въ томъ же отдѣленіи держалъ экзаменъ на степень магистра, но его не кончилъ; въ 1819 году сентября 1 дня назначенъ учителемъ словесности и исторіи въ Ковенское уѣздное училище и, пробывъ въ сей должности три года, по принадлежанію къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и и филوماتовъ, на основаніи Высочайше утвержденной 14 августа 1824 года выписки изъ журнала Комитета для разсмотрѣнія беспорядковъ по Виленскому Учебному Округу, отправленъ въ отдаленныя отъ Польши губерніи; 1826 февраля 1 опредѣленъ въ число чиновниковъ канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; Указомъ Правительствующаго Сената того же года апрѣля 29 переименованъ въ 12 классъ со старшинствомъ со дня вступленія въ дѣйствительную службу. Нынѣ по прошенію отъ настоящей должности уволенъ; во время же служенія подъ моимъ начальствомъ въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, всегда аттестовался способнымъ и къ повышенію чина достойнымъ, при отличномъ поведеніи возлагаемыя на него порученія исполнялъ съ примѣрнымъ усердіемъ и дѣятельностью, въ удостовѣреніе чего и давъ ему (сей аттестатъ) за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ печати герба моего. Москва, 9 апрѣля 1829 года.

Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго
Государя моего, генералъ отъ кавалеріи, Московскій
Военный Генералъ-Губернаторъ, Управляющій и гражданскою частью, Главный Начальникъ Комиссіи для строеній въ Москвѣ, всѣхъ Россійскихъ и разныхъ Иностранныхъ Орденовъ Кавалеръ

Кн. Голицынъ ¹⁾.

1) Подлинникъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1829, № 7, IV, 1, съ помѣткою: «къ № 2512».

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

86.

Милостивый Государь, князь Дмитрій Владимировичъ. Я имѣлъ честь получить при отношеніи Вашего Сіятельства, отъ 9 минувшаго апрѣля, подъ № 1061, формулярный списокъ и аттестатъ о службѣ находившагося при Васѣ чиновника 12 класса Адама Мицкевича, изъявившаго желаніе продолжать службу въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Нынѣ до свѣдѣнія моего дошло, что г. Мицкевичъ прежде нежели учинено было распоряженіе объ опредѣленіи его въ Коллегію, отправился въ чужіе края.

По сей причинѣ, не находя нужнымъ причислять къ Коллегіи чиновника, за границею пребываніе имѣющаго, я вмѣняю себѣ въ обязанность увѣдомить о семъ Ваше Сіятельство, при-совокупляя къ сему, что аттестатъ о службѣ Мицкевича будетъ храниться въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ до востребованія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

(Графъ Нессельроде).

№ 6014.

Юля 31 дня 1829 года.

Его Сіятельству Князю Д. В. Голицыну¹⁾.

---

1) Копія, тамъ же.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LXVI, № 6.

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО

ВЪ 1898 ГОДУ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Содержаніе.

	Стран.
Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 г., Предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, Ординарнымъ академикомъ А. Ф. Бычковымъ	1—18
Приложеніе — критическіе разборы, послужившіе основаніемъ для присужденія премій проф. Котляревскаго	14—268
I. Анад. А. А. Шахматова, разборъ сочиненія проф. Яна Гебауера: «Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni 1894. 8 ^o . XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Sklobování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8 ^o . 637».	17—105
II. Проф. И. Я. Грота, разборъ сочиненія проф. А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8 ^o]	106—200
III. Проф. Р. Ф. Брандта, разборъ сочиненія проф. Т. Д. Флоринскаго: «Лекціи по славянскому языкознанію. Частъ вторая. Сѣверо-западные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897».	201—257
IV. Анад. И. В. Ягича, разборъ сочиненія г. Прусика: «Staro-české Alexandreidy rýmované [Upravil a výkladem spatřil Frant. Xav. Prusík. V Praze, 1896. 8 ^o . IV. 87]».	258—268

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ ПРОФ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1898 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Въ настоящемъ году, на соисканіе премій покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ А. А. Котляревскаго, учрежденныхъ для награжденія трудовъ по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ, а также изслѣдованій по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи, поступили слѣдующіе четыре труда: 1) профессора чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ Чешскомъ университетѣ, дѣйствительнаго члена Чешской Академіи Наукъ, доктора Яна Гебауера, «Historická mluvnice jazyka českého, díl I: Hláskosloví и díl III: Tvarosloví, I: Skloňování (v Praze, 1894—1896); 2) экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета А. Н. Ясинскаго — «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.)». (Кіевъ, 1895 г.); 3) ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскаго — «Лекціи по славянскому

языкознанію. Часть II: Сѣверо-западные славянскіе языки». (Спб. и Кіевъ, 1897 г.) и 4) преподавателя академической гимназии въ Прагѣ, члена Королевскаго Чешскаго Общества Наукъ, редактора журнала «Krok», Ф. В. Прусика — собраніе его трудовъ по изученію текстовъ чешской Александреиды: а) *Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem opatřil Frant. Hav. Prusík* (v Praze, 1896), б) *Českých Alexandreid rýmovaných gramenové a obarolný poměr. Uvažuje Frant. Hav. Prusík* (v Praze, 1891) и в) его же замѣтки и изслѣдованія въ 16 выпускахъ издаваемого имъ журнала «Krok» (ročník II, 1888 — г. X, 1896).

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ къ участию въ разсмотрѣніи двухъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности ординарные профессора Императорскихъ университетовъ — Московскаго Р. Ф. Брандтъ и Варшавскаго К. Я. Гротъ; два же другіе труда были разсмотрѣны академиками И. В. Ягичемъ и А. А. Шахматовымъ.

Рецензій, послужившія основаніемъ для означенныхъ при-
сужденій приводятся ниже въ извлеченіи¹⁾:

Разборъ сочиненія *Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. [Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8°. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637]* принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ.

Вышедшіе два обширные тома Исторической грамматики чешскаго языка составляютъ только часть задуманнаго профессоромъ Пражскаго Университета Яномъ Гебауеромъ труда,

---

1) Означенныя рецензій въ полномъ видѣ помѣщены въ приложеніяхъ къ настоящему Отчету.

но уже по нимъ можно себѣ ясно представить, какой величественный памятникъ историческому изученію родного языка воздвигаетъ почтенный ученый. О такихъ трудахъ, замѣчаетъ рецензентъ, какова Историческая грамматика Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ; въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ первой части Грамматики, и между прочимъ отзывъ нашего сочлена академика И. В. Ягича, давшего подробный разборъ его въ XVI томѣ Archiv für Slavische Philologie. Рядъ положительныхъ достоинствъ предвѣщаетъ труду Гебауера прочную будущность и рѣшающее вліяніе на послѣдующія изслѣдованія въ области не только чешской, но и вообще славянской филологіи: ученый профессоръ основалъ историческую грамматику на обильномъ и прекрасно подобранномъ матеріалѣ, освѣтивъ его остроумнымъ изслѣдованіемъ, предложеннымъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго научной формѣ.

Отмѣтивъ точность анализа изучаемыхъ фактовъ и упорное стремленіе автора доказать законѣрность въ развитіи языка, признавъ это однимъ изъ выдающихся достоинствъ изслѣдователя, рецензентъ не обходитъ молчаніемъ и нѣкоторыхъ такихъ примѣровъ изслѣдованія, цѣлесообразность которыхъ можетъ быть подвержена сомнѣнію. Въ основаніе своей Исторической грамматики Гебауеръ положилъ письменный языкъ, т. е. изученіе памятниковъ, рукописныхъ и печатныхъ произведеній различныхъ эпохъ; фактамъ же, представляемымъ современными говорами, придается лишь второстепенное значеніе, и не они служатъ главными данными при возстановленіи звуковъ и формъ старочешской и болѣе отдаленныхъ эпохъ. Между тѣмъ сравнительное изученіе живыхъ говоровъ весьма часто можетъ дать болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій и характеристики отдѣльныхъ звуковъ древняго языка, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе если правописаніе ихъ несовершенно и искусственно. Рецензентъ доказываетъ, что увлеченіе Гебауера свидѣтельствами рукописныхъ источниковъ съ

одной стороны привело его къ смѣшенію звуковыхъ явленій съ графическими, а съ другой вызвало нѣсколько поспѣшныхъ выводовъ, не находящихся въ соотвѣтствіи съ данными живыхъ говоровъ. Но кромѣ того Гебауеръ не разграничилъ въ своей фонетикѣ явленій звуковыхъ отъ фактовъ, относящихся къ учению о формахъ и словообразованіи, а въ морфологій отвелъ слишкомъ много мѣста разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій, ничего общаго съ живымъ языкомъ не имѣющихъ. Не придавая особеннаго значенія такой не вполне правильной группировкѣ матеріала, рецензентъ видитъ слабую сторону грамматическихъ изслѣдованій Гебауера въ его отношеніи къ историческому методу. Отдѣльныя эпохи, которыя пережилъ чешскій языкъ и которыя являются промежуточными между общеславянскимъ языкомъ и современнымъ состояніемъ живыхъ чешскихъ говоровъ, оставлены Гебауеромъ безъ характеристики; правда, авторъ говоритъ иногда о явленіяхъ доисторической эпохи жизни чешскаго языка, но нигдѣ не опредѣляетъ, какими данными онъ руководился, относя то или другое явленіе къ этой доисторической эпохѣ. Между тѣмъ сравнительное изученіе чешскихъ и словацкихъ говоровъ приводитъ къ возстановленію эпохи чешско-словацкой, въ теченіе которой чешская семья, обособившись отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ, пережила длинный рядъ звуковыхъ, а частью и морфологическихъ явленій. Этой эпохѣ, по мнѣнію рецензента, опирающагося при этомъ на нѣкоторые намеки самого Гебауера, предшествовала эпоха общезападнославянскаго единства, когда чешскій, польскій, лужицкіе и другіе языки, отдѣлившись, какъ отъ восточныхъ, такъ и отъ южныхъ славянъ, переживали нѣкоторыя общія звуковыя явленія, совершенно измѣнившія первоначальный общеславянскій звуковой ихъ составъ. И такъ, между общеславянской или, какъ ее называетъ Гебауеръ, праславянской эпохой и современной намъ эпохой жизни чешскаго языка, изслѣдователь долженъ различать двѣ переходныя эпохи — общезападнославянскую и чешско-словацкую. Точное опредѣленіе ихъ звукового состава, приуроченіе къ нимъ того

или другого звукового явленія должны входить въ задачу исторической грамматики чешскаго языка, такъ какъ иначе изслѣдователь не будетъ въ состояніи установить прямой, преемственной связи между предполагаемымъ праязыкомъ и современными говорами. Указанный пробѣлъ Исторической грамматики Гебауера выступаетъ особенно ясно наружу при описаніи нѣкоторыхъ сложныхъ звуковыхъ явленій, пережитыхъ чешскимъ языкомъ. Вторую часть своего разбора рецензентъ посвятилъ изслѣдованію нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, опираясь при этомъ на матеріалъ, а часто и на выводы, принадлежащіе Гебауеру.

Въ заключеніи своего разбора рецензентъ говоритъ: «Къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе трудовъ посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическія ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самые крупные недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей, — дать общую картину развитія того или другого языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, давшего образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ,

и наконецъ первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стіля не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственнѣхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооружений. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною преміей имени Котляревскаго будетъ вполне заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне».

Сочиненіе проф. А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ. (X—XIII вв.)». [Кіевъ, 1895. 8°] по просьбѣ Отдѣленія разсмотрѣно ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета К. Я. Гротомъ.

Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, предпринялъ его съ цѣлью выяснитъ возникновеніе въ Чешскомъ государствѣ того сословно-привилегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во второй половинѣ XIV вѣка, при чемъ онъ имѣлъ въ виду не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ оказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархальнаго родового быта, но также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ.

Изученіе источниковъ древней Чешской исторіи привело г. Ясинскаго къ убѣжденію, что основы сословно-привилегированнаго строя въ Чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, самостоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства.

По словамъ рецензента, г. Ясинскій, взявъ такой суще-

ственный вопросъ Чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку, особенно въ виду того, что область эта въ Чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно мало обращала на себя вниманіе и что большинство современныхъ Чешскихъ историковъ самостоятельно не занималось ея разработкою и принимало на вѣру выводы своихъ старыхъ ученыхъ авторитетовъ.

Но, по мнѣнію г. Грота, задача, взятая авторомъ для рѣшенія, слишкомъ широка, слишкомъ сложна и многообъемлюща, чтобы могла быть удовлетворительно рѣшена въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и при пособіи того матеріала, который имѣлся въ его распоряженіи, тѣмъ болѣе, что она соприкасается съ исторіею права и для всесторонней и полной своей обработки требуетъ близкаго знакомства съ нею, а съ этой точки зрѣнія у него не безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Можно почти положительно сказать, что съ устраненіемъ указаннаго недостатка результаты изученія этого сложнаго историческаго процесса были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва ли отличались бы такою рѣшительною противоположностію воззрѣніямъ, господствующимъ до сихъ поръ въ Чешской исторіографіи.

Сверхъ того нельзя не замѣтить, что вопросъ, составляющій предметъ изслѣдованія г. Ясинскаго, не есть вопросъ частный или узко спеціальнѣй, но одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы Западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире.

Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась соціально-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогическія условія со времени принятія ими хри-

стіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ, такъ называемыхъ, земскихъ установленій къ новому строку съ западно-европейскимъ характеромъ — это вопросъ, напрашивающійся на рѣшеніе самъ собою, и нельзя не пожалѣть, что авторъ его почти не коснулся. Нѣмецкая колонизація и торговья связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны и Римская церковь съ ея организаціей, культурнымъ и просвѣтительнымъ вліяніемъ съ другой оставлены авторомъ на заднемъ планѣ, не оцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII вѣка, объ устройствѣ городовъ на Нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій совсѣмъ не говоритъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его земскаго періода, — но едва ли онѣ правъ въ этомъ.

Рецензентъ, указавъ на эти существенные, по его мнѣнію, недостатки труда г. Ясинскаго, рассматриваетъ за тѣмъ его по частямъ, сжато передаетъ въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ содержаніе изслѣдованія и попутно дѣлаетъ свои замѣчанія и возраженія, не соглашаясь иногда съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкою нѣкоторыхъ вопросовъ, и въ заключеніи высказываетъ слѣдующее: «Всѣ указанные недостатки и пробѣлы въ разобранномъ сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ. Изложеніе систематическое и строго научное. Основная мысль г. Ясинскаго представляетъ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціальнаго и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи господствующихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность, слишкомъ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ

вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе. Нашъ авторъ — послѣ Палацкаго, Томка и другихъ Чешскихъ авторитетовъ — въ новѣйшее время впервые внимательнѣе и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія Чешскаго государства и сдѣлалъ попытку объяснить тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили историческую необходимость постепеннаго превращенія земскаго строя въ сословно-привилегированный — и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ социальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, что добыто предшествовавшими ему изслѣдователями, то это однакожь не мѣшаетъ признать за его сочиненіемъ значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обслѣдованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ находится множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Всѣ они въ общемъ расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется и послѣ капитальнаго труда г. Липперта считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго».

Въ виду всего сказаннаго, рецензентъ призналъ сочиненіе г. Ясинскаго, въ значительной степени отличающееся учеными достоинствами, вполне заслуживающимъ поощренія и находить справедливымъ присудить автору за него половинную премію.

Представленное на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіе профессора Т. Д. Флоринскаго, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. [Сѣверо-западные славянскіе языки (чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболу-

жицкій и полабскій (вымершій). С.-Петербургъ и Кіевъ, 1897. 8°. XVI. 703] по отзыву профессора Р. Θ. Брандта, обязательно принявшаго на себя его разсмотрѣніе, написано по тому-же плану, какъ первая его часть, увѣнчанная Императорскою Академію Наукъ Ломоносовскою преміей въ половинномъ размѣрѣ. Въ общемъ обѣ половины этого труда отличаются тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Не придавая особеннаго значенія тѣмъ мелкимъ отступленіямъ отъ первоначальнаго плана изданія, которыя отличаютъ эту вторую часть его, рецензентъ подробно останавливается на предложенной г. Флоринскимъ группировкѣ сѣверозападныхъ славянскихъ языковъ, справедливо упрекая его въ мало основанномъ отдѣленіи словацкаго языка отъ чешскаго, такъ какъ сравнительное изученіе обоихъ этихъ языковъ показываетъ, что оба они восходятъ къ одному общему праязыку — чехословацкому. Не сочувствуя также допущенному проф. Флоринскимъ отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, такъ какъ обѣ онѣ возводятся къ кашубско-польскому единству, рецензентъ выставляетъ на видъ непослѣдовательность автора, рѣшившагося разсмотрѣть верхне- и нижне-лужицкіе языки въ одномъ общемъ отдѣлѣ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ (серболужицкіе языки): дѣйствительно, близость родства между обоими лужицкими языками приблизительно та же, что между чешскимъ и словацкимъ, кашубскимъ и польскимъ. За этими указаніями на общіе недостатки въ пріемахъ изслѣдованія автора, проф. Брандтъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ приводитъ недосмотры, неточности, погрѣшности, невѣрныя объясненія и пропуски, допущенные г. Флоринскимъ. По важности и обстоятельности нѣкоторыхъ изъ замѣчаній рецензента, они должны быть признаны цѣннымъ вкладомъ въ научное изученіе славянскихъ языковъ, тѣмъ болѣе что въ нихъ находится не мало методологическихъ указаній. вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ въ виду облегчить начинающимъ ученымъ и студентамъ пользованіе Лекціями Флоринскаго, которыя впрочемъ надо признать надежнымъ и вполне научнымъ руководствомъ при изученіи славян-

скихъ нарѣчій. Свой разбор почтенный рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Не должно забывать, что науки, не обладающія математически-точными доказательствами, всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошою и заслуживающею увѣнчанія искомою преміею».

Сочиненіе г. Прусика, подъ заглавіемъ «Staročeské Alexandreidy rýmované» [Upravil a výkladem opatřil Frant. Hav. Prusík. V Praze, 1896. 8°. IV. 87] вмѣстѣ съ другими его трудами, было рассмотрѣно академикомъ И. В. Ягичемъ.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній древнечешской литературы слѣдуетъ признать переводъ или правильнѣе парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, *Alexandreis* Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). Отрывки этого произведенія сохранились въ различныхъ чешскихъ рукописяхъ XIII — XV вв., но всѣ они вмѣстѣ взятые не представляютъ полнаго текста и не могутъ быть пока возведены къ одной основной редакціи чешской *Александрейды*. Чешской филологіи, при изученіи упомянутыхъ отрывковъ, приходится разрѣшать рядъ весьма сложныхъ вопросовъ о взаимномъ отношеніи различныхъ редакцій памятника, объ отношеніи перевода къ латинскому оригиналу, а также къ нѣмецкому эпосу объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго; кромѣ того испорченность дошедшихъ отрывковъ обязываетъ ученыхъ объяснять отдѣльныя темныя и не вполнѣ понятныя мѣста ихъ текста. Г. Прусикъ, уже давно и усердно занимающемуся *Александрейдой* въ чешской литературѣ, не удалось, по мнѣнію академика Ягича, выяснитъ взаимныя отношенія различныхъ ея отрывковъ; не

соглашаясь съ предполагаемою г. Прусикомъ рабскою передачею латинскаго оригинала въ чешской передѣлкѣ, рецензентъ не считаетъ вѣроятнымъ и мнѣнія автора о вліяніи чешской Александриды на нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго. Гораздо плодотворнѣе труды г. Прусика, посвященные критикѣ текста отрывковъ Александриды и помѣщавшіеся имъ въ журналѣ «Krok» за 1892 и 1893 годы. Упрёкъ автора въ стремленіи насильственно согласовать чешскій переводъ съ латинскимъ оригиналомъ, академикъ Ягичъ находитъ тѣмъ не менѣе, что объясненія и критическія замѣчанія Прусика значительно облегчили пониманіе текста этого памятника. Въ представленномъ на соисканіе преміи Котляревскаго сочиненіи г. Прусикъ предложилъ систематическое возстановленіе текста чешской Александриды на основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ отрывковъ; изданіе свое онъ снабдилъ критическими примѣчаніями и объясненіями. Положивъ въ основаніе своей Александриды латинскій образецъ, г. Прусикъ, въ угоду этому образцу, прибѣгаетъ къ произвольнымъ перестановкамъ и мало обоснованнымъ предположеніямъ о пропускахъ. Не соглашаясь ни съ приёмами, которымъ, при возстановленіи текста, слѣдуетъ авторъ, ни въ частности со многими изъ его объясненій и, признавая ихъ несостоятельными съ точки зрѣнія научной, академикъ Ягичъ указываетъ на то, что изданіе Прусика удовлетворяетъ въ известной степени цѣлямъ педагогическимъ, которыя авторъ и имѣлъ отчасти въ виду. Для молодежи высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу.

Въ заключеніи своего отзыва почтенный рецензентъ говоритъ: «Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ приёмовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александриды не могутъ быть приняты, все же многолѣтнее, настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ поощренія».

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устнаго обсужденія подлежащихъ оцѣнкѣ трудовъ и по произведенной вслѣдъ затѣмъ закрытой баллотировкѣ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, признавъ трудъ Гебауера удовлетворяющимъ требованіямъ §§ 7, 9 и 11-го Правиль о преміяхъ имени Котляревскаго, единогласно постановило присудить профессору Пражскаго Университета Яну Гебауеру полную премію въ тысячу рублей. Сочиненія же профессоровъ А. Н. Ясинскаго и Т. Д. Флоринскаго удостоить той же преміи въ половинномъ размѣрѣ каждое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе, отдавая полную справедливость многолѣтнимъ трудамъ профессора Прусика по изученію и объясненію весьма многихъ мѣстъ текстовъ чешскихъ Александрейдъ, засвидѣтельствованнымъ съ лучшей стороны и авторитетнымъ рецензентомъ его изысканій академикомъ И. В. Ягичемъ, нашло, что г. Прусикъ вполне достоинъ за свои труды поощренія; въ виду же того, что всѣ суммы, могущія бытъ выданными въ настоящее присужденіе въ видѣ премій проф. Котляревскаго, уже исчерпаны, Отдѣленіе постановило почтить труды г. Прусика назначеніемъ ему особой денежной награды изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Въ изъявленіе признательности Императорской Академіи Наукъ постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе трудовъ, представленныхъ на соисканіе премій проф. Котляревскаго, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя медали профессорамъ Р. Ө. Брандту и К. Я. Гроту.

Faint, illegible text covering the majority of the page, likely bleed-through from the reverse side.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I

Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Díl I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni. 1894. 8°. XII. 702. — Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování. V Praze a ve Vídni. 1896. 8°. 637.

I.

Труды чешскихъ филологовъ, а между ними въ особенности проф. Пражскаго университета Гебауера, давно уже обратили на себя вниманіе славистовъ, удивлявшихся тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которые выпали на долю научной разработкѣ чешскаго языка. Съ одной стороны многочисленныя статьи и монографіи Гебауера и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ свидѣтельствовали объ основательномъ изученіи историческихъ памятниковъ чешскаго языка, а это служило лучшимъ указаніемъ на правильную и цѣлесообразную постановку научнаго изслѣдованія; съ другой стороны работы Шемберы, Бартоша, Душека, Котсмиха, Пастернака и мн. др., посвященныя описанію чешскихъ и словацкихъ говоровъ, показывали, что разработка языка ведется не односторонне, что живое слово будетъ такъ же глубоко изслѣдовано, какъ и мертвая буква. Несмотря однако на все обиліе подготовительныхъ трудовъ, въ значительной степени облегчавшихъ появленіе крупнаго изслѣдованія объ историческихъ судьбахъ чешскаго языка, ихъ казалось недостаточно

для осуществленія той задачи, которую, въ видѣ конечнаго результата, имѣли въ виду всѣ разрозненные изслѣдованія, а именно— составленія исторической грамматики чешскаго языка. Вышедшіе въ 1894 и 1896 гг. два тома этой грамматики доказываютъ, что автору ея—проф. Гебауеру нельзя было ограничиться готовыми данными, уже обнародованными и бывшими на разсмотрѣніи научной критики: ему пришлось продѣлать всю черновую работу подготовленія матеріала, съ тщательностью и умѣніемъ извлеченнаго изъ весьма значительнаго количества письменныхъ памятниковъ. Въмѣсто того, чтобы сосредоточить все вниманіе на выводахъ, научныхъ обобщеніяхъ, Гебауеру приходилось самому собирать матеріалъ, подвергать его предварительному изслѣдованію, давать ему критическую оцѣнку и уже затѣмъ приступать къ грамматическому изслѣдованію. *Historická mluvniče* вводитъ насъ въ самую лабораторію ея почтеннаго автора и такимъ образомъ даетъ возможность читателю продѣлать самому ту работу, въ результатѣ которой явились тѣ или другіе выводы Гебауера. Самое расположеніе изданія находится въ зависимости отъ того, что параллельно съ изслѣдованіемъ автору приходилось заниматься собираніемъ матеріаловъ. Признавъ возможнымъ выпустить въ свѣтъ фонетику и морфологию (пока вышелъ только отдѣлъ, посвященный склоненію), которыя, по выработанному авторомъ плану (ср. XI стр. I т.), должны составить первую и третью части грамматики, Гебауеру пришлось отложить выходъ второй и четвертой части (ученіе объ образованіи основъ и синтаксисъ), на неопредѣленное время, такъ какъ передъ этимъ онъ считаетъ необходимымъ заняться историческимъ словаремъ, гдѣ предполагается собрать матеріалъ, нужный для обработки этихъ частей исторической грамматики.

О такомъ трудѣ, каковы вышедшіе въ свѣтъ томы исторической грамматики Гебауера, нельзя говорить иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ: въ этомъ согласны всѣ критическіе отзывы, вызванные появленіемъ перваго тома, и между прочимъ

отзывъ академика Ягича, даваго обстоятельный разборъ его на страницахъ своего журнала (*Archiv f. Sl. Ph.*, т. XVI). Къ положительнымъ сторонамъ работы Гебауера относится не только то, что онъ далъ обильный и прекрасно подобранный матеріалъ для исторіи чешскаго языка, но также и то, что онъ основалъ самую эту исторію цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій, предложенныхъ въ книгѣ въ самой доступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научной формѣ. Изслѣдуя грамматическіе вопросы, Гебауеръ становится на точку зрѣнія современной лингвистики: читатель, знакомый съ однимъ изъ раннихъ сочиненій почтеннаго автора «Главнѣйшія особенности слав. нарѣчій», будетъ пораженъ, сравнивая его съ тѣми отдѣлами Исторической грамматики, гдѣ говорится объ общеславянскихъ явленіяхъ и устанавливается связь между звуками славянскихъ языковъ и индоевропейскаго праязыка. Тамъ виденъ неопытный учепый, растерявшійся въ массѣ фактовъ и не усвоившій себѣ приемовъ сравнительнаго изслѣдованія, здѣсь находимъ сознательнаго послѣдователя новограмматиковъ, руководимаго при томъ собственнымъ научнымъ тактомъ. Этотъ научный тактъ не оставляетъ Гебауера ни тамъ, гдѣ онъ повторяетъ чужіе результаты, ни тамъ, гдѣ даетъ самостоятельное изслѣдованіе. Особенно ярко выражается онъ въ томъ обстоятельстве, что авторъ всюду ищетъ въ языкѣ закономерности; онъ не допускаетъ въ немъ случайностей, а потому всѣ факты языка подводятся подъ дѣйствіе опредѣленныхъ, дѣйствовавшихъ во времени и въ пространствѣ законовъ. Подъ закономъ Гебауеръ разумѣетъ, конечно, не правило школьной грамматики, за коимъ слѣдуютъ неизбежныя исключенія, а тѣ явленія, вызванныя психическими или физиологическими причинами, дѣйствіе которыхъ отразилось на болѣе или менѣе обширномъ количествѣ матеріала, подлежащаго нашему наблюденію въ прошедшемъ или настоящемъ. Къ сожалѣнію, Гебауеръ, при описаніи того или другаго звуковаго явленія, не всегда отрѣшается отъ школьной терминологіи и, кажется, именно это вызвало нѣсколько возраженій со стороны Ягича, упрекаю-

шаго автора въ томъ, что онъ старается, иногда насильственно, создавать «правила», вмѣсто того чтобы ограничиваться простымъ анализомъ изучаемыхъ фактовъ. Такъ между прочимъ на стр. 516, обсуждая «математическое» правило Гебауера объ исчезновеніи *z* и *ẓ* въ чешскомъ языкѣ (*jeřové gravidlo*), Ягичъ справедливо замѣчаетъ, что наблюденіе Гебауера вѣрно, но терминологія его слишкомъ искусственная, механическая. Звуки *z* и *ẓ* частью исчезали, частью переходили въ звуки *e* не по какому нибудь правилу, опредѣлявшему, что *z* и *ẓ* на четномъ мѣстѣ, считая отъ конца слова (въ рядѣ слоговъ съ этими звуками), должны перейти въ гласныя *e*, а на нечетномъ мѣстѣ (въ слогахъ, сопровождаемыхъ слогами съ другими гласными или также съ *z* и *ẓ*) исчезать (*ẓ*ль переходило въ *sep*, *šṿuṣьṣь* въ *ševseṣ*, *šṿuṣь* въ *šveṣ*), а очевидно потому, что они въ одномъ изъ этихъ положеній звучали иначе, чѣмъ въ другомъ. Въ положеніи передъ слогомъ съ *z* и *ẓ*, звуки *z* и *ẓ* были звуками слоговыми, потому что за ними слѣдовали звуки неслоговые; во всякомъ другомъ положеніи¹⁾ и между прочимъ даже передъ слоговыми *r* и *l* (въ словахъ какъ *g̣ỵṛsṭь*, *ṿỵṛsta*) они въ общесл. яз. частью были (передъ *r* и *l*), частью же стали въ извѣстную эпоху неслоговыми. Слоговые *z* и *ẓ*, какъ въ чешскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ переходили въ гласныя другого ряда, между тѣмъ какъ неслоговые *z* и *ẓ* исчезали изъ произношенія²⁾. Но врядъ ли справедливо, на основаніи неудачной формулировки нѣкоторыхъ явленій, осуждать автора за его стремленіе съ одной стороны искать въ фактахъ языка законмѣрности, съ другой подчеркивать тѣ изъ нихъ, которые противорѣчатъ предположенному закону, не согласуются съ даннымъ явленіемъ: со своей

1) Впрочемъ, думаю, что *z* и *ẓ* подъ удареніемъ, въ первомъ слогѣ двусложныхъ словъ, также оставались слоговыми; чешск. *deska* при стар. *dska* заимствуетъ свое *e* изъ формъ *deaku*, *desky*.

2) Въ русскомъ языкѣ неслоговые *z* и *ẓ* становились слоговыми также передъ древними слоговыми *r* и *l*, послѣ утраты послѣдними ихъ слогового характера (*верста*, *горсть*).

стороны я осудилъ бы Гебауера за то, еслибы онъ въ приводимыхъ имъ изъ «правила» или «закона» исключеніяхъ не старался найти опять таки закономерности, не пытался объяснить ихъ перекрещивающимся дѣйствіемъ двухъ или нѣсколькихъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ, а далъ бы въ своихъ объясненіяхъ просторъ элементу случайности. Но въ этомъ нельзя обвинить почтеннаго автора Исторической грамматики.

Гебауеръ считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ чешской письменности; мнѣ, въ качествѣ рецензента его капитальнаго труда, невозможно судить о томъ, насколько онъ исчерпалъ матеріалы, представляющіе интересъ для исторической грамматики. Самъ авторъ скромно сознается въ томъ, что ему остались неизвѣстными многіе памятники не только XVI и послѣдующихъ вѣковъ, но даже и XV вѣка. Тѣмъ не менѣе обиліе извлеченнаго изъ памятниковъ матеріала поразительно: кое-что въ интересахъ научнаго освѣщенія грамматическихъ вопросовъ слѣдовало бы даже оставить въ сторонѣ или сократить, какъ мнѣ кажется, по высказаннымъ ниже соображеніямъ. Но рядомъ съ этимъ читатель поражается скудостью приводимыхъ изъ живого языка данныхъ: правда, Гебауеръ воспользовался работами Шемберы, Бартоша (а именно первой частью его «Dialektologie moravská») и др., но очевидно въ этомъ направленіи, т. е. въ области изученія чешскихъ говоровъ, сдѣлано сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ отношеніи къ письменнымъ памятникамъ языка. вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство выясняетъ намъ значеніе подготовительныхъ работъ, принадлежащихъ самому Гебауеру: если бы онъ самъ не потрудился надъ памятниками, факты древняго, письменнаго языка были бы представлены въ его грамматикѣ такъ же слабо, какъ факты языка живого. Гебауеръ самъ не работалъ надъ изученіемъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ — это и отразилось на его трудѣ. Конечно, поставить это обстоятельство въ вину почтенному ученому совершенно невозможно, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что имъ опредѣлился весь характеръ исторической грамматики Гебауера. Въ основаніе

ея положены не данныя живого языка, а свидѣтельства языка письменнаго, т. е. она построена не на томъ надежномъ историческомъ матеріалѣ, который извлекается изъ сравнительнаго изученія живыхъ говоровъ, а на томъ слабомъ, неотчетливомъ выраженіи языка, которое представляютъ изъ себя письменные памятники, да еще при условіяхъ преемственнаго, историческаго правописанія. Историческая грамматика Гебауера очень много выиграла бы, если бы въ ней почаще дѣлались заключенія отъ фактовъ современныхъ къ фактамъ древнѣйшимъ, если бы звуки и даже формы старочешскаго языка были возстановлены путемъ сравнительнаго изученія современныхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, при чемъ данными письменнаго языка лишь подтверждалась правильность сдѣланныхъ выводовъ. Миѣ кажется, что подробное и при томъ строго научное изученіе фонетики живыхъ говоровъ весьма часто давало бы болѣе надежныя основанія для опредѣленія звуковыхъ явленій или характера отдѣльныхъ звуковъ въ старочешскую эпоху, чѣмъ изученіе письменныхъ памятниковъ, графика которыхъ столь несовершенна и искусственна. Между тѣмъ авторъ, вмѣсто того, чтобы заняться нѣкоторыми тонкостями въ дѣйствительномъ, живомъ произношеніи звуковъ, удѣлилъ слишкомъ много мѣста тщательному разсмотрѣнію различныхъ графическихъ явленій въ древнихъ чешскихъ памятникахъ. Правда, данныя древняго правописанія требуютъ подробнаго изученія, по скольку изслѣдователь надѣется открыть въ нихъ указаніе на живое произношеніе; но изученіе описокъ, ошибочныхъ приемовъ, незаконныхъ увлеченій, систематическихъ отклоненій отъ произношенія ни въ коемъ случаѣ не должно входить въ задачу исторической грамматики. Гебауеръ, отвѣдая этому излишнему балласту слишкомъ много мѣста, этимъ самымъ иногда совершенно затемняетъ сущность разсматриваемаго звуковаго явленія. Такъ, напримѣръ, послѣ перехода звука *u* въ положенія за *j* и смягченными согласными въ *i*, написанія *iu*, *yu* и даже и древнихъ памятниковъ читались какъ *i*: *lyud*, *liute*, *tissucz* произносились *lid*, *lité*, *tisíc*; естественно, что звукъ *i* сталъ изо-

бражаться тогда не только буквами *i*, *ii*, *y*, *ij* и т. д., но также еще буквами *iu*, *yu* и даже иногда буквой *u*: *tuusiucie*, *prawiciu* (вм. *pravici*), *gadytyu* (вм. *gaditi*), *trpietyu* (вм. *trpēti*) и даже *sluzuli* вм. *slūžili*. Подобныя написанія для языковѣда имѣють лишь тотъ интересъ, что доказываютъ то, что, ко времени ихъ появленія въ древнечешской письменности, въ языкѣ уже совершился переходъ *u* за *j* и смягченными согласными въ *i*. Гебауеръ придаетъ этому чисто графическому явленію гораздо большее значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ: посвятивъ ему цѣлый 168-й § (I, с. 216—218), онъ возвращается къ нему же въ § 170-мъ (с. 225) и не скупится на примѣры подобныхъ ошибочныхъ написаній. Правда, онъ и не признаетъ ихъ слѣдствіемъ только графическаго недоразумѣнія и объясняетъ ихъ какъ результатъ искусственнаго произношенія, архаизирующаго стремленія книжниковъ, которые знали въ своемъ языкѣ рядомъ съ древнимъ произношеніемъ *dušu*, *dušiu* новое *duši* и потому писали и даже искусственно произносили (с. 218) звуки *u*, *iu*, *ii*, *u* вм. первоначальныхъ *i* и *i*. Но проще думаю видѣть здѣсь простое и весьма обыкновенное графическое явленіе, сходное съ тѣмъ, которое вызывало въ среднегреческомъ языкѣ написанія *oi*, *ei* вм. первоначальныхъ *o*, *i*, или во французскомъ *ai* вмѣсто ожидаемаго *e*. Но если бы даже Гебауеръ былъ правъ и произношеніе съ *u*, *iu* вм. *i* встрѣчалось мѣстами въ искусственной рѣчи книжниковъ, неужели стоитъ упоминать, при разсмотрѣніи отдѣльных формъ склоненія, о такихъ написаніяхъ какъ *znamenyu* вм. *znamení*, *lidyu* вм. *lidí* въ р. мн. (III, с. 169 и 346) или *hrgziessyu* вм. *hřieši* въ им. мн. (III, с. 47)? Тоже должно сказать о весьма распространенномъ приѣмѣ изображать звукъ *i* буквами *ie*, о которомъ говоритъ § 170, а въ особенности стр. 224—225. Совершенно лишне было возвращаться къ подобнымъ написаніямъ къ морфологiи и приводить, напр. при разсмотрѣніи формъ дат. пад., *srasenyu* вм. *srasení* (изъ болѣе древняго *sraseniū*), мѣст. пад. *v mém kazanyu* вм. *kazaní* (изъ болѣе древняго *kazaniū* или *kazanií*), ср. III, 165 и 166. Мнѣ представляется, что

Гебауеръ, стремясь дать въ своей исторической грамматикѣ полную картину письменнаго языка, слишкомъ увлекался собраннымъ имъ матеріаломъ и, можетъ быть, даже умышленно не отдѣлялъ явленій языка и явленій графики. Это повело, однако, къ цѣлому ряду недоразумѣній. Особенно часто говоритъ Гебауеръ о явленіяхъ обратной аналогіи (*zvratná analogie*), смѣшивая при этомъ новые приемы письма съ вновь появившимися звуками и звуковыми сочетаніями. Въ § 122 Гебауеръ говоритъ, что въ переходныя эпохи между двумя фонетическими явленіями, старшимъ—А и новѣйшимъ, смѣнившимъ его—В, когда А и В еще существовали рядомъ другъ съ другомъ, чередованіе А и В вызывало появленіе А (А') и при первоначальномъ, древнѣйшемъ В (В'); напр. переходъ *aj* въ *ej* вызвалъ, по мнѣнію Гебауера, появленіе *aj* вм. древняго *ej* въ ту промежуточную эпоху, которая слѣдовала за указаннымъ переходомъ и предшествовала окончательному вытѣсненію звукового сочетанія *aj* черезъ *ej*; вм. *zajtra*, *volajte* появлялись *zejtra*, *volejte*; чередованіе *zajtra* и *zejtra* вызывало появленіе *pajsem* вм. *nejsem*, *odajdeme* вм. *odejdeme*. Я никакъ не могу согласиться съ г. Гебауеромъ и допустить появленіе А' вм. В' подъ вліяніемъ ложной или обратной аналогіи: если *aj* по фонетическимъ причинамъ перешло въ языкѣ въ *ej*, то во-первыхъ не можетъ быть и рѣчи о продолжающемся чередованіи старыхъ формъ съ *aj* и новыхъ формъ съ *ej*, во-вторыхъ ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя ожидать расширенія, распространенія произношенія съ *aj*, какъ противорѣчащаго дѣйствующему фонетическому закону. Не въ переходную эпоху отъ *aj* къ *ej*, а въ послѣдующее за совершившимся переходомъ *aj* въ *ej* время возможны новообразованія, гдѣ восстанавливается, подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи, древнее *aj* вм. новаго *ej*, въ виду прекратившагося дѣйствія указаннаго закона объ измѣненіи *aj* въ *ej*: такъ вм. старочешскаго *tejnú* въ новочешскомъ появляется *tajnú* подъ вліяніемъ *tajiti*, *tajemnú* (ср. с. 135). Въ виду этого я не допускаю возможности существованія въ языкѣ такихъ формъ какъ приведенное выше *pajsem*,

и написанія *pauset*, *odaume*, *saude*, гдѣ *au* вм. первоначальнаго *ej*, доказываютъ по моему мнѣнію лишь то, что у писцовъ, употреблявшихъ ихъ, буквы *au* изображали тотъ же звукъ что *eu*, что слѣдовательно въ ихъ языкѣ древнее *au* читалось уже какъ *eu*. Гебауеръ былъ раньше того же мнѣнія (ср. его статью въ *Listech fil.* 1874 года), признавая въ написаніяхъ какъ *pauset* лишь графическое явленіе, но теперь (с. 137) онъ выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что подобныя явленія, вызванныя ложною аналогіей, имѣли мѣсто не только на письмѣ, но и въ живой рѣчи. Въ другихъ мѣстахъ книги это же положеніе высказывается съ значительными ограниченіями, а именно существованіе подобныхъ явленій допускается только въ искусственной рѣчи образованныхъ книжно людей: но и съ такими ограниченіями положеніе Гебауера представляется мнѣ совершенно невѣроятнымъ. Болѣе сомнительно, напр., чтобы даже въ искусственной рѣчи когда-нибудь говорилось *sluonce*, *dluoho*, *guocho*; такія написанія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что *uo* напр. въ *buoh* уже перешло въ *ū* (*būh*), почему написаніе *uo* могло обозначать уже не только дифтонгъ *uo*, но и простой звукъ *u* (I, 263). Невѣроятно, чтобы *pedawu*, *pechuž*, *posluchyte* можно было читать такъ, какъ ихъ передаетъ Гебауеръ на с. 138, т. е. какъ *pedavú*, *pechú*, *poslúchýte*: буква *u*, послѣ перехода *ú* въ *ej*, стала обозначать и дифтонгъ *ej*, почему приведенныя написанія слѣдуетъ читать: *pedavej*, *pechej*, *poslúchejte* и т. п. Точно также *daufati* нельзя читать съ дифтонгомъ *ai*, какъ это дѣлаетъ Гебауеръ (с. 263); *ai* передаетъ здѣсь звукъ *oi*, что стало неизбежнымъ послѣ перехода дифтонга *ai* (напр. въ *saud*) въ *oi* (*soud*). Увлеченіе письменными данными языка привело Гебауера и къ другимъ ошибкамъ: такъ, признавъ что написанія съ *ai*, *aj* выражаютъ именно дифтонги съ слоговымъ *a*, онъ (с. 282) на основаніи рукописныхъ *mleup*, *daup*, *maudlo* и т. п. дѣлаетъ выводъ о томъ, что *ú* измѣнилось въ старочешскомъ въ *aj*, а потомъ уже явилось *ej* (совр. *mlejn*, *dejn*). Между тѣмъ одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ, гдѣ *aj* замѣнило древнее *ú* заимствованъ изъ рукописи

Svato-Vítské 1380—1400 (wayducz, также nebauyway); а въ этой рукописи, какъ это видно изъ § 120, читается и weuwody (3 л. наст. вр.); слѣдовательно, въ языкѣ писавшаго эту рукопись уже совершился переходъ *aj* въ *ej*, почему *aj* въ nebauyway должно читать именно какъ *ej*. Такимъ образомъ памятники не даютъ Гебауеру основанія допускать посредствующую ступень между *ú* и *ej* въ видѣ дифтонга *aj*, и я вполне согласенъ съ Ягичемъ, что предположеніе перехода *ú* въ *aj* труднѣе понять, чѣмъ измѣненіе *y* въ *ej*, имѣя въ виду характеръ звука *y*, близость его къ *z* (откуда въ чешскомъ *e*).—Въ § 226 мы читаемъ объ измѣненіи *r* и *l* слоговыхъ въ *ri* и *li*; въ подтвержденіе такого явленія приводится изъ памятниковъ рядъ написаній, какъ *twrido*, *sridsem*, *tryh*, *zmlikla*, а также діалектическія формы, подобныя *prust*, *zguna*, *vlyba*, *smruc*, *zgunatka* и т. п. Мнѣ кажется, что въ современныхъ говорахъ дѣйствительно возможенъ переходъ слоговыхъ *r* и *l* въ *ru* и *lu*, но переходъ этотъ сравнительно новый и можетъ быть прежде всего сопоставленъ съ появленіемъ въ нихъ *ur*, *ul* вм. тѣхъ же слоговыхъ *r* и *l* (ср. въ Ляшскомъ говорѣ *kyrk*, *sygr*, Вугно при діалектическихъ *zgru*, *kyrk* и т. д., Bartoš I, 104). Онъ не имѣетъ ничего общаго съ появленіемъ написаній какъ *Brido* въ хроникѣ Козьмы Пражскаго по рукописи 1154 г. или съ *twrido* въ одной рукописи XIII в.: *ri*, *ry*, *li*, *ly* латинскихъ и чешскихъ рукописей употребляются для приближительнаго выраженія слоговыхъ *r* и *l*, подобно тому какъ тѣ же рукописи передаютъ ихъ и написаніями *ir*, *yr*, *il*, *yl* (ср. у Козьмы Пражскаго по рукописи XIII в. *Bugdo*; въ одной рукописи около 1300 г., гдѣ встрѣчается написаніе *sirdsem*, находимъ также *sridsem* и т. д.); *r* слоговое передается даже черезъ *iri*: ср. *birizo* въ той же рукописи XIII в., гдѣ и *twrido* (с. 298). Во всякомъ случаѣ предполагаемыя Гебауеромъ старочешскія діалектическія *priv*, *tvrido* перешли бы въ *řiv*, *tvřido* и ни въ коемъ случаѣ не отразились бы въ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ въ видѣ *pruv*, *tvřudo*. Приводимыя авторомъ въ подтвержденіе того, что *i*, *y* дѣйствительно изображаютъ звукъ *i*, напи-

санія, какъ *drzizieti*, *omrzylec*, *okrzyslenye*, частью должны быть поняты какъ простыя описки (*drzizieti* вм. *drzieti*), частью же дѣйствительно передаютъ звукъ *ř*, ничего общаго съ *r* слоговымъ не имѣющей: такъ *okrzyslenye*, т. е. *okřslenie* имѣетъ *ř* (а не слоговое *r*) изъ *řb*, ср. еще *krzysta* (с. 291), т. е. *křsta* изъ *křsta*: извѣстно, что первоначальнымъ *řb*, *řb*, *lb*, *lb* въ старочешскомъ соотвѣтствовали не слоговыя *r* и *l* (являвшіяся въ результатѣ первоначальныхъ *vr*, *vr*, *vl*, *vl*), а неслоговыя *r* (*ř*) и *l* (*l*): ср. старочешское *krvařú* (двусложно) при *slza*, *klpu* (односложны), см. у Гебауера с. 288, 349. — Вслѣдствіе смѣшенія фонетическихъ явленій съ графическими, читая нѣкоторые отдѣлы Исторической грамматики, я не могъ отдать себѣ отчета, говорится ли въ нихъ объ измѣненіи звуковъ или о вычуряхъ правописанія. Такъ § 454 озаглавленъ «*j* присоединяется» (*j* ve řřisouřvř); онъ разбитъ на нѣсколько пунктовъ, гдѣ указываются различныя положенія, при которыхъ имѣетъ мѣсто это явленіе; въ 16-мъ п. говорится о присоединеніи *j* по ложной аналогіи къ *d*, *m*, *s*; правда, ссыла на § 315, 356 и 398 показываетъ, что Гебауеръ въ написаніяхъ какъ *gdiechu* вм. *diechu*, *jsam* вм. *sam*, *gmatowe* видитъ лишь графическое явленіе, вызванное чередованіемъ написаній какъ *gdu* (*jdu*) и *du*, *gmat* (*jmat*) и *mat*, но въ первыхъ мысль эта въ § 356 выражена недостаточно ясно (*řřikalo se zpřsobem starřřim jmatm, jměno atp., a zpřsobem nověřřim mieti, matm, měno atd., a podle toho zdalo se, ře i mřsto man- mřře břiti jman-*; мы ожидали бы: *řřisalo se zpřsobem starřřim gmatm, gmeno* и т. д.); во-вторыхъ говорить о присоединеніи *j* къ *d*, *m*, *s* въ §, гдѣ толкуется о такихъ явленіяхъ, какъ *jřva*, *jřkra*, *jřka* вм. *řva*, *řkra*, *řka*, можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы *g* (*j*) въ *gmat*, *gdiechu* выражало дѣйствительно звукъ *j*. Въ § 392, озаглавленномъ «*h* se řřisouřvř», приводятся случаи гдѣ *hr* замѣняетъ *r*: таковы написанія *hranu*, *hrappu*; Гебауеръ сопоставляетъ съ ними написаніе *hb* вм. *b* въ *hbratr* въ одной рукописи XIV в., признавая, что оно можетъ быть опиской писца. Но неужели *h* въ *hranu* выражаетъ дѣйствительно живой звукъ?

Не вызвано ли оно какой нибудь графической причиной, подобною той, которая дала возможность появленію написаній *gsam*, *gdiechu*?

Въ обоихъ указанныхъ §§, 454-мъ и 392-мъ, мы видимъ смѣшеніе фонетическихъ явленій не только съ графическими, но также и съ такими, которыя вызваны вліяніемъ аналогіи, при чемъ тутъ же приводятся случаи, всецѣло относящіеся къ морфологіи и словообразованію. Такъ въ п. 5 § 454-го говорится о приставкѣ *j* къ начальному *i* въ *jínú*, *jíkga*, въ п. 10 о появленіи *j* въ положеніи между гласными, напр. въ случаяхъ какъ *Magia* вм. *Magia*, а въ п. 12 рассматриваются нарѣчія, оканчивающіяся на *j* и восходящія къ болѣе древнимъ формамъ безъ *j* (*vícej*, *dálej*), при чемъ *j* правильно объясняется здѣсь вліяніемъ случаевъ, какъ *bohatěj* вмѣсто *bohatěji*; а въ п. 13 приводится приставка *naj* при *na* въ образованіи превосходной степени (старочеш. *pávušší* при новочешск. *pejvušší*), хотя тутъ же объясняется, что оба образованія *na-* и *naj-* восходятъ къ праславянской эпохѣ. Очевидно, въ §, гдѣ говорится о присоединеніи или вставкѣ *j*, не мѣсто говорить ни объ образованіи сравн. ст. нарѣчія, ни о приставкѣ, образующей превосходную степень.— Въ п.п. 1—8 § 392-го говорится о фонетическомъ появленіи *h* передъ начальными гласными, а также звуками *g*, *l*, *p*; поэтому мнѣ кажется неумѣстнымъ говорить въ п. 11 о диалект. *hmoždíf* вм. *moždíf*, такъ какъ, по объясненію самаго автора, *h* явилось здѣсь не фонетическимъ путемъ, а подъ вліяніемъ слова *hmožditi* (толочь); точно также въ п. 8 долженъ былъ бы быть выпущенъ примѣръ *zkřehnouti* вм. *zkřepouti*, такъ какъ *h* обязано своимъ появленіемъ вліянію слова *křehký* (ломкій, слабый).—Появленіе *v* въ причастныхъ формахъ *vedv*, *přivedv*, *přinesv* не подлежитъ обсужденію въ фонетикѣ (ср. I, 434), такъ какъ морфологія учитъ, что *v* заимствовано въ нихъ изъ формъ какъ *dělav*, *proziv*, *trpěv*.—Въ § 427 идетъ рѣчь о приставкѣ звука *s* къ нарѣчнымъ формамъ, какъ диалект. *jednús*, *podruhús* вм. *jednú*, *podruhú*, тогда какъ *s* (общеслав. *tj*) представляетъ здѣсь словообразова-

тельный суффикс; говоря, что въ подобныхъ случаяхъ «*se pŕisouvá*», Гебауеръ повторяетъ неточное выраженіе Бартоша (I, 16). — По всему видно, что Гебауеръ хотѣлъ въ 1-й части своего труда — фонетикѣ объяснить весь звуковой составъ чешскаго языка, независимо отъ того, какіе факторы при этомъ дѣйствовали — звуковые законы, законы словообразованія и образованія формъ. Подобная задача не только ненаучна, но и не выполнима. Ненаучна она потому, что класть въ основаніе сравненія какую-то произвольную норму языка, признавая все несходное съ нею отклоненіемъ и объясняя это такими ничего не объясняющими терминами, какъ вставка, приставка, выпаденіе и т. п. Такъ Гебауеръ, исходя изъ исторически правильной формы *moždíř* (староверхненѣм. *morgsaere*), говоритъ, что въ *hmoždíř* «*h se pŕisouvá*», а Бартошъ, исходя изъ литературной формы *hmoždíř*, учитъ, что въ діалект. *moždíř* «*h se vuouvá*» (I, 17): очевидно, фонетикѣ нечего дѣлать съ чередованіемъ *hmoždíř* и *moždíř*, такъ какъ оно принадлежитъ словарю, гдѣ и должно быть выяснено взаимное отношеніе обоихъ словъ. Не выполнима указанная выше задача потому, что, исходя изъ элементарнаго, ненаучнаго сравненія, можно пожалуй признать въ діалект. *hubama* при обычномъ *hubamí* замѣну *i* черезъ *a* или въ формахъ р. мн. *bohyní*, *otrokní* при *bohuyí*, *otrokuuyí* «*pŕisouvání í*»: такое толкованіе ничѣмъ не отличается отъ приведеннаго выше объясненія *jedníc* изъ *jednŭ* приставкой звука *c*; но въ такомъ случаѣ въ фонетикѣ пришлось бы говорить обо всѣхъ формахъ склоненія и спряженія, такъ какъ онѣ по отдѣльнымъ эпохамъ и говорамъ отличаются между собой именно звуковою стороною.

И такъ, Гебауера можно упрекнуть въ томъ, что онъ не точно опредѣлилъ задачу составленной имъ фонетики. Предметомъ этого отдѣла исторической грамматики должно быть ученіе о звукахъ самихъ по себѣ, т. е. объ измѣненіяхъ ихъ, не зависящихъ отъ того, въ какихъ именно формахъ или словахъ они находятся. Слѣдовательно, сюда прежде всего относится изложеніе звуковыхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ различныя эпохи

существованія языка; далѣе сюда же относятся довольно впрочемъ рѣдкія явленія, состоящія въ измѣненіи звуковъ подъ вліяніемъ звуковой ассоціаціи, независимой отъ слова или формы. Къ такимъ явленіямъ относится напр. появленіе *h* передъ начальнымъ *ř* въ діалект. *hřešeto*, *hřemen*, *hřebř* (стр. 464), при чемъ *hř* вмѣсто *ř* вызвано чередованіемъ въ тѣхъ же діалектахъ звуковъ *hř* и *ř*, напр. въ началѣ словъ *hřebík* и *řebík*, гдѣ *h* вм. *ž* имѣеть, повидимому, фонетическое происхожденіе (ср. I, 518). Что касается явленій, подобныхъ замѣнѣ этимологическаго *s* звукомъ *t'*, напр. въ діалект. *t'ihļa*, *řet'i* вм. *sihļa*, *řeci* (ср. I, 501), то здѣсь, думаю, мы имѣемъ дѣло не съ вліяніемъ аналогіи, какъ это допускаетъ Гебауеръ,—аналогіи, вызывавшей *t'* вм. *s* вслѣдствіе фонетическаго перехода *s* въ *t'*, при чемъ, слѣдовательно, чередованіе *dáci* и *dát'i*, *sichú* и *t'ichú* вызывало при *řeci*—*řet'i*, при *sihļa*—*t'ihļa*,—а со смѣшеніемъ звуковъ *s'* и *t'*, и всего вѣроятнѣе съ измѣненіемъ ихъ въ одинъ общій звукъ, средній между *s'* и *t'*.

Впрочемъ, автора Исторической грамматики нельзя обвинить въ стремленіи, свойственномъ многимъ изъ послѣдователей новограмматиковъ, отводить дѣйствию аналогіи слишкомъ обширный просторъ. Онъ постоянно предпочитаетъ прямое, фонетическое объясненіе. Вотъ почему мы почти не находимъ у него искусственныхъ предположеній о существованіи ассоціативной связи между такими формами, которыя имѣютъ лишь отдаленное отношеніе другъ къ другу. Впрочемъ, мнѣ кажется, что иногда и Гебауеръ, допуская вліяніе аналогіи, впадаетъ въ ошибку. Такъ въ т. I, с. 148—149 діалектическое р. мн. *semán* (а также *klevát*, *klerát* и др.) онъ объясняетъ вліяніемъ формъ р. мн. какъ *hláv*, *hromád*, *voblák*, *housát*, откуда *á* переносилось на мѣсто *e*. Мнѣ кажется, что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что такое *á* проникаетъ только въ окончанія *en* и *et*: *klevát*, при *klevety*, *klevetě*, діалект. *kleveti*, являлось не подъ вліяніемъ *hláv*, *voblák*, а только подъ вліяніемъ формъ склоненія, какъ *housát*, *prasát* при *housěte*, *prasěti*. Но *semán*, очевидно, требуетъ иного

объясненія: эту форму слѣдуетъ сопоставить съ тѣми новообразованіями въ склоненіи основъ средняго рода на-шеп-, на которыя Гебауеръ не обратилъ достаточнаго вниманія; я говорю о старочешскихъ формахъ, подобныхъ приведеннымъ имъ (III, 416, 418) — z wуshupe, wуshup, гдѣ шue слѣдуетъ читать какъ шѣ; wуshѣе явилось вмѣсто wуshupe подъ вліяніемъ им. ед. wуshѣ, подобно тому какъ въ древнерусск. языкѣ сѣмяни, веремяни, вм. сѣмени, веремени, возникли подъ вліяніемъ сѣмя, веремя; при wуshѣе р. мн. былъ wуsháp по общему закону о чередованіи звуковъ ѣ (въ концѣ слова или передъ смягченной согласной) и á (передъ твердой согласной), ср. русскую форму сѣмянъ. Что же касается формы род. мн. kořáp, то á восходитъ въ ней, если не ошибаюсь, къ долготу ѣ, фонетически измѣнившемуся въ чешско-словацкую эпоху, какъ я покажу во II части этого разбора, въ дифтонгическое сочетание iá, откуда въ чешскомъ нарѣчьи передъ твердыми согласными á. Въ виду этого фонетическаго перехода, возможно, что и klevát, semáp явились вмѣсто klevět, seměp фонетически и сохранили свое á подъ вліяніемъ указанныхъ аналогій. Формы имен. множ. основъ мужскаго рода въ чешскомъ языкѣ представляютъ нѣкоторыя трудности при объясненіи ихъ происхожденія: благодаря прекрасному и весьма обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ этихъ формъ въ § 35 III части грамматики Гебауера, мы можемъ въ настоящее время судить о степени распространенности той или другой изъ нихъ и о взаимномъ между ними отношеніи. Особенное вниманіе обращаютъ словацкія формы на -ovia и -ia: synovia, chlapovia, Ľudia, židia, rohania; Гебауеръ объясняетъ ихъ окончаніе вліяніемъ формъ какъ bratia при brat, kňazia при kňaz, бывшихъ нѣкогда формами им. ед. существительныхъ женск. р. съ собирательнымъ значеніемъ. Такое объясненіе находитъ подтвержденіе въ сходномъ происхожденіи русскихъ окончаній на ѣя вм. е, и (напр. сыновья́, зятья́, мужья́), но это самое сходство вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на указанные словацкія формы: дѣло въ томъ, что въ русскомъ языкѣ существовали нѣ-

когда, а діалектически существуютъ и теперь, формы им. мн. съ окончаніемъ *я* — сынѡва, татарова, мѣщаня, дворяня, бояря; это *я* фонетически замѣнило древнее окончаніе *e* по тому же закону, по которому во многихъ русскихъ говорахъ, и между прочимъ въ сѣверновеликорусскихъ, неакающихъ, — есте, прощайте измѣнились въ естя, прощайтя, мене, тебе измѣнились въ меня, тебя. Въ этомъ русскомъ явленіи я вижу указаніе на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ конечное *e* звучало открыто, какъ *ä*. Имѣя въ виду соотвѣтствіе великорусскимъ меня, тебя (прарусскимъ menä, tebä) словацкихъ формъ tebä, sebä, teb'a, seb'a, mña, mñä, mña и т. д., мы въ правѣ предположить, что и въ прасловацкомъ конечное открытое *e* звучало открыто, какъ *ä*, переходя при извѣстныхъ условіяхъ въ *a*. Дѣйствительно, объяснить словацкія tebä, sebä изъ тебе, себе влияніемъ формъ t'a; sa представляется столь же сомнительнымъ, какъ давать подобное объясненіе русскимъ тебя, себя вм. тебе, себе (вывода *я* изъ ты, ся). Напротивъ, словацкія teb'a, tebjä, teba весьма удовлетворительно объясняются изъ tebä, такъ какъ звукъ *ä* въ словацкомъ былъ склоненъ къ переходу въ *a*: ср. болѣе древнія діалект. čäs, ulicä, prädza при болѣе новыхъ čas, ulica, pradza. Ниже я подробнѣе остановлюсь на вопросѣ объ условіяхъ, при которыхъ возникалъ въ словацкомъ нарѣччіи звукъ *ä*, а пока ограничусь замѣчаніемъ, что mña, tebä, sebä доказываютъ: 1) что конечное *e* было въ прасловацкомъ, или точнѣе въ чешкословацкомъ, звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a* (*ä*), 2) что звукъ *ä* переходилъ затѣмъ въ словацкомъ въ *a*, сохраняясь какъ *ä* лишь послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, а именно въ большинствѣ говоровъ только послѣ губныхъ, мѣстами же и послѣ другихъ согласныхъ. Сдѣланныхъ выводовъ достаточно для признанія словацкаго l'udia фонетическимъ измѣненіемъ чешкословацкаго l'udia (старочешск. liudye: III, 346). Подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *я*, явившееся фонетически вм. *je* въ им. мн. людя, гостья, мужья, зятья съ одной стороны, въ им. ед. именъ собирательныхъ средняго рода, какъ лiстыя, зубья, колья съ другой, переносилось затѣмъ

на мѣсто окончанія -я въ словахъ какъ татаровья, мужевья¹⁾, такъ же точно въ словацкомъ *ia* изъ словъ какъ *l'udia*, *hostia*, *mužia* переносилось на мѣсто окончанія *ä* или *a* въ **synová*, **rohan'a*, диалект. морав. *Brodzaňa*, *Bánovjaňa* (III, 74) — ср. словацк. *synovia*, *rohania*, диалект. моравск. *Brezovania* (III, 74). Впрочемъ, перенесеніе *iä* изъ формъ какъ *ludiä*, *mužiä* въ другія имена мужск. рода относится еще къ чешскословацкой эпохѣ: въ чешскомъ нарѣчій *iä* фонетически измѣнялось въ *i* (ср. р. ед. *znamení* изъ *znamenía*, непосредственно же изъ *znameníä*) черезъ посредство *ie* (*znamenie*): формы им. мн. на *i*, о которыхъ Гебауеръ говоритъ въ т. III, сс. 46—47 и 51, сомнѣваясь, возводитъ ли *i* къ *ie* или признать *i* удлинениемъ *i*, несомнѣнно относятся сюда: ср. старочешск. *mystrzij*, *kmotřj*, диалект. *chłari* (русск. холопья при холопи), *drozdí*, и даже *ptáci*, *vojáci*. Старочешское окончаніе *ie*: *czertye*, *czerwie*, *vlcie*, *mnyssye*, *hadie*, *zydye* (ср. словацк. *židia*), *šifie* (ср. русское шурья), *hawrauye* (русское воробья) и т. д. (III, 50—51), — ясно указываетъ, что современное диалект. *i* въ *židí*, *vlcí*, *hadí* и т. д. можетъ восходить къ *ie*, при чемъ сопоставленіе словацкихъ *židia*, *šúgja* съ приведенными выше формами дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что *ie* восходитъ къ *iä* (которое въ свою очередь въ чешскословацкую эпоху соотвѣтствовало болѣе древнему *ie*). Распространенію окончанія им. мн. *ie* (изъ *iä*) могли содѣйствовать еще имена средняго рода съ значеніемъ собирательнымъ, какъ *listie*, *kvietie*, *kamenie*, *plamenie*, *uhlie* (III, 171—172), которыя, въ настоящей ихъ формѣ *listí*, *kvítí*, *kamení* и т. д., принимаются за им. мн. при *list*, *květ*, *kámen* (ср. III, 171 и 51): ср. подобное же вліяніе собирательныхъ на распространеніе окончанія -ья въ русскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ окончаніе *iä* (откуда въ словацкомъ *ia* и старочешскомъ *ie*) ассоціировалось съ окончаніемъ им. ед. собирательныхъ женскаго рода, какъ *kňazia*, *bratia* (откуда *kňežie*, *bratie* въ старочешскомъ)

1) Такому перенесенію окончанія -ья способствовало въ особенности то, что въ прочихъ падежахъ мн. ч. склоненіе татаровья и людья было сходно: татаровей, людей, татаровьямъ, людямъ.

и этимъ еще болѣе пріобрѣтало право гражданства: ср. подобную же ассоціацію въ русскомъ языкѣ, гдѣ им. ед. ж. р. княжья, откуда подъ вліяніемъ формы князи — князья, сталъ им. мн. муж. рода. И такъ, подводя итогъ всему вышеизложенному, мы видимъ, что Гебауеръ придалъ слишкомъ большое значеніе вліянію собирательныхъ женск. р. на появленіе окончанія *ia* въ им. мн. мужск. р.: онъ упустилъ при этомъ изъ виду, что *ia* явилось собственно фонетически изъ *iä* въ склоненіи основъ на *ï*, при чемъ звуковое совпаденіе его съ окончаніями *ia* собирательныхъ женск. рода и *ia* (изъ *iä*) собирательныхъ средн. р. способствовало распространенію его насчетъ другихъ окончаній им. мн. мужск. р. (*i, ove, e, y* и др.¹⁾

Выше я отмѣтилъ, что въ фонетикѣ, т. е. въ 1-й части Исторической грамматики, Гебауеръ недостаточно разграничилъ звуковыя явленія отъ явленій морфологическихъ и словообразовательныхъ съ одной стороны, графическихъ съ другой. Остановлюсь теперь на вопросѣ, какъ справился Гебауеръ съ собственно звуковыми явленіями. Въ изложеніи автора чешскій языкъ (*čeština*), въ разнообразныхъ его говорахъ и въ различныхъ эпохахъ его существованія, разсматривается какъ одно цѣлое: правда, при изложеніи отдѣльныхъ явленій Гебауеръ обращаетъ вниманіе на мѣсто и время, но въ его трудѣ не находимъ систематическаго обзрѣнія особенностей, характеризующихъ отдѣльныя нарѣчія, и только подробная выборка изъ шестисотъ страницъ 1-го тома можетъ дать намъ понятіе о совокупности звуковыхъ явленій, отличающихъ напр. словацкіе говоры отъ чешскихъ; еще труднѣе получить на основаніи грамматики Гебауера представленіе о томъ, какія именно звуковыя черты характеризовали чешскій языкъ въ отдѣльныя эпохи его существо-

---

1) Что касается чешск. *é* въ *zemané, vupové*, старочешск. *roháné* (III, 52), то оно замѣнило *i* подъ вліяніемъ *e* въ параллельныхъ формахъ *žeměne* (ср. старочешск. *žuevaszenue, žemueue*), *rapove* (новочешск. III, 49), какъ это правильно объясняетъ Гебауеръ (III, 49). Отсюда *é* распространялось и на случаи какъ *židé, vousidé* и даже *hosté, listé* (III, 52).

ванія и какъ именно измѣнялся звуковой составъ во всемъ его объемѣ въ теченіе хотя бы исторической жизни чешскаго языка. Между тѣмъ одной изъ главныхъ задачъ исторической грамматики надо признать историческое разсмотрѣніе не только отдѣльных звуковыхъ явленій, но и всего звукового состава, такъ какъ исторія отдѣльныхъ звуковъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ исторіей всего звукового состава. Я далекъ отъ мысли утверждать, что историческая грамматика должна излагаться непременно по вѣкамъ или эпохамъ, но думаю, что при всякомъ другомъ ея изложеніи въ нее должны быть включены отдѣлы, гдѣ давалась бы характеристика звукового состава отдѣльныхъ эпохъ. Кромѣ этого, исторической грамматикѣ можно ставить еще и другое требованіе: имѣя въ виду представить историческое развитіе языка, она должна разсматривать однородныя явленія, зависѣвшія въ своемъ происхожденіи отъ одной общей причины и возникшія въ одно и тоже время, не порознь, а вмѣстѣ, въ связномъ изложеніи. Этому требованію Историческая грамматика Гебауера, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ. Такъ, напримѣръ, измѣненіе звуковъ *a* и *u* въ направленіи къ *e* и *i* послѣ смягченныхъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ однородно; самъ Гебауеръ обозначаетъ его общимъ терминомъ «*přehláska*», между тѣмъ онъ не связываетъ въ своемъ изложеніи обонхъ этихъ явленій, и такимъ образомъ не даетъ возможности вникнуть въ дѣйствительную ихъ сущность. Еще яснѣе связь между измѣненіями *ū* въ *ej* и *ū* въ *au*: оба явленія разсматриваются отдѣльно, хотя авторъ и признаетъ ихъ однородными, что видно на ссылкахъ при §§ 197 и 217, гдѣ проводится мысль о томъ, что появленію дифтонговъ *vi*. долгой гласной способствовали сходныя явленія въ сосѣднихъ нѣмецкихъ говорахъ (*mein* *vm. mīn*, *haus* *vm. hūs*)¹⁾. Измѣненіе

---

1) Весьма любопытно, что чешское *i* не измѣнялось въ дифтонгъ: это стоитъ въ несомнѣнной связи съ мягкостью предшествующей согласной, такъ какъ, вслѣдъ за отверденіемъ согласной передъ *i*, происходило измѣненіе его въ *ej* (ср. *ej* *vm. i* послѣ шипящихъ и свистящихъ: *zejma*, *sejto*, *pozejk*, о чемъ у Гебауера въ § 166, 2—4).

t, d, n въ смягченныя звуки передъ *i* разсматривается отдѣльно для каждаго изъ этихъ звуковъ въ §§ 304, 317 и 290, между тѣмъ какъ появленіе смягченія при всѣхъ этихъ звукахъ совершенно однородно и должно было бы быть разсмотрѣно въ общей связи съ появленіемъ и другихъ смягченныхъ согласныхъ (*b', r'* и др.) передъ звукомъ *i*. Вслѣдствіе того, что вниманіе Гебауера сосредоточивалось на отдѣльныхъ звукахъ, а не на явленіяхъ въ ихъ исторической послѣдовательности, мы находимъ иногда въ одномъ и томъ же § изложеніе явленій, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ эпохамъ. Такъ въ § 454, озаглавленномъ «*j se přisouvá*», говорится объ общеслав. *ja* вм. *a* въ *jablŕko*, *jaŕe*, *je* вм. *e* въ *jesŕm*, а также объ общечешскомъ *ji* вм. *i* въ *jiŕl*, *jizba*, и о діалектическихъ *jo*, *ji* вм. *o*, *u*: *sivé joŕi*, *ju studŕnku stála*. Думаю, что большее разграниченіе отдѣльныхъ эпохъ и описаніе явленій во всемъ ихъ объемѣ, а не однѣхъ перемѣнъ, имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ звукахъ, въ результатѣ такихъ явленій, значительно бы облегчили Гебауеру составленіе картины историческаго развитія чешскаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ такое изложеніе освѣтило бы многіе темныя вопросы фонетики въ особенности потому, что сосредоточило бы вниманіе тамъ, гдѣ теперь ему приходится дробиться, отвлекаясь разсмотрѣніемъ порознь отдѣльныхъ результатовъ одного и того же общаго явленія.

Письменные памятники не всегда даютъ надежный матеріалъ для опредѣленія звуковаго состава минувшихъ вѣковъ: дѣйствительно, преемственность письма, книжнаго языка, да и самой литературы неминуемо ведетъ за собой перенесеніе изъ одной литературной эпохи въ другую звуковъ и формъ, давно исчезнувшихъ въ языкѣ, чуждыхъ живому произношенію. Поэтому опредѣлять эпохи историческаго развитія языка на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ письменныхъ памятниковъ, очень трудно и ненадежно; излагать ходъ развитія языка по вѣкамъ, давая характеристику каждаго вѣка и указывая, какія въ немъ совершились звуковыя измѣненія, невозможно, такъ какъ,

создавая искусственные грани, изслѣдователь подвергаетъ себя опасности представить свой предметъ въ искусственномъ, ненаучномъ освѣщеніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что письменные памятники, связанные съ опредѣленной эпохой, бросающіе свѣтъ на языкъ извѣстнаго вѣка, должны быть разсматриваемы лишь какъ второстепенный источникъ, при историческомъ изслѣдованіи. Главнымъ источникомъ, откуда извлекается надежнѣйшій и важнѣйшій матеріалъ для исторической грамматики, это, конечно, современные живые говоры: изученіе ихъ приводитъ къ опредѣленію и характеристикѣ предшествовавшихъ современному состоянію языка эпохъ. Подобно тому какъ сравнительное изученіе славянскихъ языковъ приводитъ къ восстановленію языка общеславянскаго, т. е. той эпохи совмѣстной жизни славянскихъ племенъ, въ которую еще не успѣли образоваться тѣ племенные различія, которыя частью были слѣдствіемъ, а частью причиной распаденія первоначальнаго единства, точно такъ же сравнительное изученіе современныхъ чешскихъ говоровъ даетъ намъ представленіе о звуковомъ и формальномъ составѣ общечешскаго или прачешскаго языка. Гебауеръ въ своей грамматикѣ различаетъ обѣ указанныя эпохи — общеславянскую (*praslóvanská doba*) и общечешскую (*čeština, česká doba*), но нигдѣ не указываетъ, какими данными должно руководиться при характеристикѣ этой послѣдней — общечешской эпохи, гдѣ искать тѣхъ признаковъ, которые отдѣляютъ ее отъ послѣдующихъ эпохъ, когда чешское единство замѣнилось нѣсколькими нарѣчіями, живущими обособленной жизнью. Въ предисловіи къ I тому онъ говоритъ, что раздѣленіе на нарѣчія восходитъ къ глубокой древности, такъ какъ уже въ памятникахъ XIV в. встрѣчаются очевидные признаки діалектическихъ отличій, но отсюда не дѣлается естественнаго вывода, что изслѣдователь, въ предѣлахъ историческаго развитія чешскаго языка, долженъ различать по крайней мѣрѣ двѣ эпохи — эпоху совмѣстной жизни современныхъ нарѣчій и эпоху отдѣльной ихъ жизни. Я думаю, что историческая грамматика чешскаго языка (фонетика) должна распадаться на

два отдѣла, изъ которыхъ первый долженъ обнять древнѣйшую эпоху языка, когда еще не обозначились черты современныхъ нарѣчій, а второй долженъ содержать характеристику послѣдующей эпохи и современнаго состоянія чешскихъ, моравскихъ и словацкихъ говоровъ. Такое расположеніе исторической грамматики, помимо цѣлаго ряда удобствъ и наглядности послѣдовательнаго развитія звуковыхъ явленій, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ существованія того чешскаго единства, изъ котораго, какъ изъ положенія безспорнаго, исходитъ Гебауеръ. Главныя разновидности чешскаго языка сказываются съ одной стороны въ чешскихъ, а съ другой въ словацкихъ говорахъ: Гебауеръ не допускаетъ, очевидно, сомнѣнія относительно того, что тѣ и другіе говоры восходятъ къ одному общему праязыку, прачешскому или общечешскому, такъ какъ нигдѣ въ его трудѣ не встрѣчается даже намекъ на возможность иного предположенія, а именно, что чешскіе и словацкіе говоры восходятъ къ различнымъ праязыкамъ, бывшимъ равноправными и самостоятельными членами славянской семьи языковъ. Между тѣмъ именно такое предположеніе сдѣлано въ недавно вышедшей II части Лекцій по славянскому языкознанію Флоринскаго (1897 г.), который успѣлъ воспользоваться 1-мъ томомъ Исторической грамматики Гебауера: очевидно, собранныя въ ней данныя не убѣдили уважаемаго профессора въ существованіи чешско-словацкаго единства, и въ этомъ я вижу подтвержденіе высказанной выше мысли, что расположеніе матеріала въ трудѣ Гебауера не даетъ ясной картины историческаго развитія чешскаго языка. Со своей стороны я ни мало не раздѣляю увлеченія г. Флоринскаго, такъ какъ, напротивъ, въ отдѣльныхъ экскурсахъ грамматики Гебауера находится много данныхъ, доказывающихъ существованіе чешско-словацкаго единства, во время котораго произошло не мало существенныхъ звуковыхъ измѣненій, общихъ поэтому и чешскимъ и словацкимъ говорамъ (въ ихъ исторіи); но выражаю искреннее желаніе, чтобы, при новой обработкѣ 1-й части Исторической грамматики, лучшій знатокъ чешскаго языка —

проф. Гебауеръ далъ бы намъ характеристику звукового состава чешско-словацкаго періода и затѣмъ показатъ бы, какимъ путемъ онъ измѣнился въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ.

Гебауера можно упрекнуть еще въ томъ, что онъ не опредѣлялъ отношенія чешскаго языка къ прочимъ западно- или, какъ ихъ называетъ проф. Флоринскій, сѣверо-западно-славянскимъ языкамъ. Мы въ правѣ ожидать отъ исторической грамматики чешскаго языка рѣшенія вопроса, можно ли допустить между эпохами общеславянскаго и затѣмъ чешскаго единства промежуточную эпоху — единства западно-славянскаго. Объ этомъ, къ сожалѣнію, Гебауеръ ничего не говоритъ, хотя въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей фонетики онъ упоминаетъ о томъ, что то или другое явленіе обще всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ. Такъ на с. 329, говоря о чешскомъ *ř* и сопоставляя его съ одной стороны съ польскимъ *rz*, верхнелуж. *ř*, нижнелуж. *š*, съ другой съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ чешскаго языка нѣтъ данныхъ для предположенія о слишкомъ глубокой древности измѣненія *r* въ *ř* (убѣдительно бы была бы ссылка на словацкое нарѣчіе, о которомъ упомянуто лишь мимоходомъ на слѣдующей, 330-й страницѣ), Гебауеръ говоритъ, что чешское *ř* замѣнило *r* только въ позднѣйшую, историческую эпоху и что поэтому польское и лужицкое *ř* не восходятъ къ эпохѣ западно-славянскаго единства, а возникли позже, на почвѣ отдѣльной жизни каждаго изъ этихъ языковъ. Напротивъ, говоря о стяженіи *oa* (изъ *oja*), *oe* (изъ *oje*) въ *á*, *é* и принимая въ расчетъ, что въ этомъ явленіи сходятся между собою всѣ западно-славянскіе языки, Гебауеръ выводитъ отсюда, что оно восходитъ къ доисторической эпохѣ, очевидно допуская, что въ эту эпоху названные языки жили одной общей жизнью (с. 563). Но напр. на с. 309, излагая судьбу праславянскихъ сочетаній *tj*, *dj* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, авторъ не допускаетъ обще-западно-славянскаго измѣненія ихъ въ *s* и *dz* и довольно ясно высказываетъ мысль, что чешскія *s* и *z* (словацкое *dz*) развились самостоятельно отъ польскаго *s* и *dz*, лужицкихъ

с и ж (ср. тоже на сс. 383, 400, 468). Сравнивая оттяжку ударенія, вызвавшую нынѣшнюю систему удареній въ чешскомъ языкѣ, съ подобною же оттяжкой въ польскомъ, кашубскомъ и лужицкихъ языкахъ (с. 574), Гебауеръ не признаетъ ее обще-западно-славянской, хотя и выводитъ удареніе чешскаго *hospoda*, верхнелужицкаго *hōspoda*, польскаго *gospōda* изъ общей формы *gospōda*, — чешскаго *kòleno*, польскаго *kolàno* изъ общей формы *kòleno*: соображенія на с. 583 показываютъ, что онъ считаетъ оттяжку ударенія моложе, чѣмъ правило о выпаденіи *ъ* и *ь* (*jeřové gravidlo*), такъ какъ иначе *šъvьsь*, *šъvьsьmь* не измѣнились бы въ старочешскомъ въ *šves*, *ševsem*. Но во всякомъ случаѣ важно то, что нѣкоторыя изъ чешскихъ звуковыхъ явленій Гебауеръ рѣшился возвести къ эпохѣ западно-славянскаго единства. Было бы весьма важно, если бы авторъ сгруппировалъ всѣ эти явленія и такимъ образомъ установилъ бы существованіе переходной эпохи между обще-славянской и чешско-словацкой эпохами: изъ нѣкоторыхъ положеній Исторической грамматики видно, что и Гебауеръ предполагалъ существованіе такой промежуточной стадіи въ развитіи чешскаго языка, называя ее *doba p̄dhistorická*, но не ясно, отождествлялъ ли онъ ее всякій разъ съ *dobou jednoty západoslovanské*. Мнѣ кажется, что къ западно-славянской эпохѣ должно относить: переходъ общеславянскихъ сочетаній, замѣнившихъ первоначальныя *tj*, *dj* въ *c* и *dz* (діалектически *z*); палатализацию согласныхъ передъ гласными передне-нѣбными: *i*, *e*, *ę*, *ь*; измѣненіе европейскаго *l* въ *ʎ* въ положеніе передъ нѣкоторыми гласными (задне-нѣбными) и согласными; переходъ *z* смягченнаго (изъ *x* въ положеніи послѣ передне-нѣбной гласной, также передъ новымъ *ъ* изъ дифтонга *oi*) въ *š*¹⁾; выпаденіе неслогового *i* въ положеніе между двумя гласными и стяженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одну долгую гласную; сокращеніе долгихъ гласныхъ подъ особымъ видомъ ударенія, соотвѣтствующимъ

1) Я думаю, что словацкое *z* въ *muže* (чешское *muže*), *ženisi* (чешское *ženiši*) новаго происхожденія и явилось подъ вліяніемъ *c* и *z* изъ *k* и *h*; ср. словацкое *š* въ *však*.

щого сербскому нисходящему (ruki, геке, ср. сербск. рѹку); оттяжка ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова. Вѣроятно, къ той же эпохѣ относятся еще нѣкоторыя другія звуковыя явленія, ближайшее опредѣленіе которыхъ принадлежитъ сравнительной грамматикѣ западно-славянскихъ языковъ; но и перечисленныхъ вполне достаточно, чтобы признать эту эпоху довольно продолжительною и важною по своимъ послѣдствіямъ для послѣдующаго развитія отдѣльныхъ членовъ распавшейся затѣмъ западно-славянской семьи языковъ. Сравненіе чешскаго языка съ верхне-лужицкимъ открываетъ также ближайшее между ними родство (ср. одинаковое мѣсто главнаго ударенія въ словѣ, вытѣсненіе звука *g* звукомъ *h*, переходъ *ę* въ *a*, смягчающую предшествующую согласную и др.): историкъ чешскаго языка долженъ объяснить эти отношенія, опредѣливъ ихъ или ближайшимъ сосѣдствомъ или тѣмъ, что чешскіе и верхне-лужицкіе говоры жили нѣкогда общею жизнью. Къ сожалѣнію, Гебауеръ не остановился на этомъ вопросѣ: связавъ чешскій языкъ съ обще-славянскимъ и даже индо-европейскимъ праязыками, онъ оторвалъ его отъ той семьи или группы славянскихъ языковъ, къ которымъ онъ наиболѣе близокъ.

II.

Мой разборъ Исторической грамматики Гебауера былъ бы неполонъ, если бы я не остановился на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ положеній и выводовъ автора. Разсмотрю ихъ въ прилагаемомъ краткомъ очеркѣ тѣхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка, которыя представляютъ наибольшій интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшія трудности для изслѣдователя.

1. Смягченіе согласныхъ. Въ §§ 258 и слѣд. Гебауеръ подробно останавливается на вопросѣ о происхожденіи чешскаго *ř* изъ *r*. Установивъ въ § 261, что всякое *ř* восходитъ непосред-

ственно къ *ř*, т. е. къ смягченному *r*, авторъ возводитъ это старочешское (существовавшее еще въ историческое время) *ř* частью къ общеславянскому *ř* (изъ *rj*), напр. въ старочешск. *moře*, откуда новочешское *moře*, словацкое *more*), частью же къ общеславянскому *r*, смягчившемуся въ чешскую эпоху (*v češtině; na půdě české*) передъ *-i*, *-ě*, *-ie*, *-¹a*, *-¹á*, *-¹ú*, *-e* (первоначальнымъ) и *-ь*. Приведенные знаки, означающіе звуки, передъ которыми смягчалось въ чешскомъ языкѣ *r*, принадлежатъ Гебауеру, при чемъ *ě* обозначаетъ краткій звукъ, соответствовавшій общеславянскому *ě*; *ie* — дифтонгическое сочетаніе, соответствовавшее частью общеславянскому *ь*, гдѣ, по условіямъ чешской фонетики, онъ сохранялъ свою долготу, частью же общеславянскому сочетанію *iě*¹⁾, утратившему еще въ эпоху западно-славянскаго единства *i*; *-¹a* обозначаетъ, какъ это видно изъ § 90, дифтонгическое сочетаніе *ia* или *ja*, гдѣ *i*, *ĭ* исчезли вполнѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи языка, при чемъ это звуковое сочетаніе соответствовало общеславянскому *e* (ср. с. 51: *za psl. e je původní česká střídnice ¹a*); *-¹á* означаетъ тоже звуковое сочетаніе *ia* или *ja*, но съ долгой гласной *a* и соответствуетъ частью общеславянскому *e*, сохранившему свою первоначальную долготу, частью же общеславянскому сочетанію *-ija* (по Гебауеру *-ja*); наконецъ, *-¹ú* означаетъ звуковое сочетаніе *iu* или *ju* съ долгимъ *u* и соответствуетъ общеславянскому *iu*. Замѣчу теперь же, что я совершенно расхожусь съ Гебауеромъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ чешскословацкихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній въ ихъ отношеніи къ звукамъ общеславянскаго языка: такъ, допуская, что общеславянскому *ь* соответствовало сочетаніе *ie* тамъ, гдѣ оно въ чешскословацкомъ сохраняло долготу, я думаю, что, при его сокращеніи, получалось сочетаніе *je*, т. е. неслоговое *i+e* слоговое, откуда далѣе еще въ чешскословацкую эпоху явилось *e*,

1) Гебауеръ въ § 477 (с. 559) и въ другихъ мѣстахъ принимаетъ для общеславянскаго языка *-je* въ словахъ какъ *listje*, *znamenje*. Считаю это такъ же неосновательнымъ, какъ возведеніе чешскаго *dobrý* къ *dobrĕjъ*, а не къ *dobruj* (изъ *dobrujъ*), о чемъ см. вѣрныя замѣчанія Ягича въ *Archiv XVI*, 516.

смягчающее предшествующую согласную (шѣга измѣнилось въ чешкословацкое въ шѣга, ср. старочешское и словацкое шѣга, новочешское шѣга; шѣпа измѣнилось въ шѣпа, откуда м'ѣпа, ср. новочешское и словацкое мѣпа). Далѣе общеславянское ѣ, какъ я обстоятельнѣе скажу объ этомъ ниже, измѣнилось, думаю, въ чешкословацкомъ не въ ја и не въ іа, а въ а краткое и долгое, со смягченіемъ предшествующей согласной. Наконецъ, общеславянскимъ сочетаніямъ іја, іѣи въ чешкословацкую эпоху соотвѣтствовали, какъ мнѣ кажется, не ја, јѣ (или іа, іѣ), а іа, іи, ср. въ словацкомъ, гдѣ сохранилось је изъ чешкословацкаго іе, звуковыя сочетанія ја, јѣ изъ іа, іи въ знаменіа, знаменіи.

Имѣя въ виду, что словацкое *ʀ* въ *поге*, *пога* во всякомъ случаѣ восходитъ къ чешкословацкому *ř* (*моге*, *мога*), такъ какъ *ʀ* было здѣсь смягчено еще въ общеславянскую эпоху, мы въ правѣ выводить всякое словацкое *ʀ* передъ *i*, *e* и вообще палатальными гласными изъ чешкословацкаго *ř* (*prīšel*, *prez* и т. д. изъ *prīšel*, *prez*), ср. бѣлорусское и червонорусское отвердѣніе всякаго *ʀ*. Слѣдовательно, приведенное выше положеніе Гебауера относительно чешскаго *ř* (откуда *ř*) можно изложить слѣдующимъ образомъ: въ чешкословацкую эпоху *ʀ* звучало смягченно во-первыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому смягченному *ʀ* (случай какъ *моге*, *мога*), во-вторыхъ въ соотвѣтствіи общеславянскому несмягченному *ʀ* передъ всякой гласной, или сохранившей свою палатальность (напр. передъ *e*, *je*, *ie*, *i*), или утратившей это свое первоначальное свойство (напр. передъ *a* изъ *ѣ*), или наконецъ передъ совершенно утраченною въ языкѣ гласной, бывшею въ общеславянскомъ языкѣ палатальною (въ концѣ слова и передъ согласными, гдѣ за *ʀ* слѣдовало нѣкогда *ʋ*). Гебауеръ, какъ это видно изъ § 261, предполагаетъ, что *ř* изъ общеславянскаго несмягченнаго *ʀ* появилось уже на почвѣ чешскаго языка, т. е. въ эпоху чешкославянскую; дѣйствительно, возводить его къ общеславянскому языку невозможно, хотя бы въ виду показаній старославянскаго языка, различавшаго *ře*, *řь* и *re*, *рь*; въ § 259 предположеніе о возможности

возведенія чешскаго *ř* къ эпохѣ западно-славянскаго единства основательно отвергается, въ виду показаній старочешскихъ памятниковъ, которые до конца XIII вѣка представляютъ написанія *rz*, *rs*, *zr* лишь въ единичныхъ случаяхъ, при чемъ еще въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIV столѣтія держится *r* смягченное, изображаемое черезъ *gy*: ср. въ книгѣ Рожмберской около 1360 г.: *po dwoguesch*, въ легендѣ о св. Георгіи по рукописи половины XIV в.: *wzkryesyl*, въ рукописи третьей четверти XIV в. Адмонтскаго монастыря: *hryeschow*, *trueba*, *prued* и т. д. (с. 329). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Гебауеръ не противопоставляетъ опровергаемому имъ предположенію другого, вполне согласнаго съ данными всѣхъ западно-славянскихъ языковъ, а именно, что уже въ эпоху совмѣстной ихъ жизни первоначальное *r* несмягченное палатализировалось передъ гласными *i* и *e*. Такое предположеніе частью подсказывается фактами самого чешскаго языка: дѣйствительно, допустивъ *чешскословацкій* переходъ *r* въ *ř*, мы весьма затруднились бы возстановить чешскословацкое произношеніе, напр.; слова *hřada* (гряда): если носовое *e* измѣнилось въ чешскословацкомъ языкѣ въ *a*, то вмѣсто западно-славянскаго *gręda* мы ожидали бы въ чешскословацкомъ *hrada*; чешское *hřada* ясно указываетъ, что носовое *e*, еще до измѣненія въ *a*, смягчило предшествовавшее ему *r*, а такъ какъ существованіе чешскословацкаго носоваго *e* не доказано, то естественнѣе всего допустить, что смягченіе *r* имѣло мѣсто еще въ западно-славянскомъ *gręda*. Такія же соображенія вызываетъ разсмотрѣніе случаевъ, гдѣ современное чешское *ř* объясняется вліяніемъ слѣдовавшаго за нимъ нѣкогда *ъ*: этотъ звукъ, напр., въ концѣ слова, уже въ западно-славянскую эпоху не могъ звучать слишкомъ явственно; тѣмъ менѣе ясно произносился онъ въ чешскословацкомъ, а потому вѣроятнѣе допустить, что вліяніе его, сходное съ вліяніемъ палатальныхъ гласныхъ, относится еще къ эпохѣ западно-славянскаго единства; дѣйствительно, сопоставленіе чешскаго *máteř*, польскаго *masięz*, верхне-лужицкаго *maser*, ниже-лужицкаго *maser* ясно указываетъ на общую для западно-славянскаго един-

ства форму: *matef*. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что вліяніе палатальныхъ гласныхъ на предшествующее *r* имѣло мѣсто до измѣненія звукового сочетанія *oje* въ *e* (черезъ посредство *oe*), такъ какъ эта новая палатальная гласная не смягчила предшествующаго *r* (ср. чешское *dobrého*); а это измѣненіе *oje* въ *e* имѣло мѣсто еще въ обще-западно-славянскую эпоху (ср. польское *dobrego*, верхнелужицкое *dobrego*). И такъ, предыдущее изслѣдованіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что уже въ обще-западно-славянскую эпоху *r* звучало смягченно передъ палатальными гласными. Такое звуковое явленіе несомнѣнно должно объяснять какъ ассимиляцію согласной *r* слѣдующей за ней гласной: органы рѣчи при произношеніи согласной *r* принимали уже то самое положеніе, которое необходимо для произведенія слѣдовавшей за ней гласной — *e*, *e*, *i* (*i*), *ь*. Это объясненіе приводитъ насъ неминуемо къ дальнѣйшему выводу о томъ, что вмѣсто *r* явилось не прямо смягченное *r*, тождественное съ общеславянскимъ *r* въ *poře*, а что оно замѣнялось различными отгѣнками палатальнаго *r*, зависѣвшими отъ качества слѣдующей палатальной гласной: передъ *e* *r* измѣнялось въ *r* полумягкое (*r^o*), передъ *ь* — также въ полумягкое *r* (*r^ь*), но передъ *i* — въ *r* мягкое (*rⁱ*), вѣроятно, тождественное съ полученнымъ изъ общеславянскаго языка *r* смягченнымъ (въ *poře*). Весьма вѣроятно, что тѣ же отгѣнки *r^o*, *rⁱ* и т. д. перешли и въ чешскословацкую эпоху, при чемъ, только благодаря появленію паразитнаго *j*, измѣнявшагося затѣмъ въ *ž*, всѣ эти отгѣнки совпали въ одномъ звукѣ — *ř*.

Допустивъ такимъ образомъ для обще-западно-славянской эпохи звуковое явленіе, состоявшее въ ассимиляціи звука *r* слѣдовавшимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, мы должны предположить, что въ ту же эпоху и прочія согласныя, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя, по условіямъ образованія, стоятъ ближе всего къ согласной *r*, испытывали на себѣ ассимилирующее дѣйствіе слѣдовавшихъ за ними палатальныхъ гласныхъ. Прежде всего сюда относится звукъ *l*: въ § 278 Гебауеръ весьма основательно принимаетъ, что въ чешскословацкую эпоху

(v historické češtině) было два *l*; одно изъ нихъ было твердымъ (*l*), а другое нетвердымъ; анализируя случаи, гдѣ являлось нетвердое *l*, онъ указываетъ, что оно соответствовало съ одной стороны общеславянскому смягченному *l* (напр. въ роке, vbla, причемъ и для старочешскаго языка вполне основательно принимается смягченное произношеніе *l*), а съ другой стороны общеславянскому *l* (střední l) въ положеніи передъ палатальными гласными. Отсюда легко сдѣлать выводъ, что въ чешкословацкомъ и въ старочешскомъ языкѣ рядомъ съ *l* было извѣстно палатальное *l*, или, согласно предыдущему, рядъ палатальныхъ отгѣнковъ звука *l* (*l*¹, совпавшее съ смягченнымъ *l* общеславянскимъ—передъ *i*, *l*^o—передъ *e* и т. д.). Такой выводъ находитъ подтвержденіе въ современныхъ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ рядомъ съ *l* находимъ *l* (měkké *l*, ср. с. 358—359) въ соответствіи со всѣми предположенными для чешкословацкой эпохи отгѣнками палатальнаго *l*. Въ старочешскомъ написаніи *ly* соответствуетъ не только общеславянскому смягченному *l* (dalyeko), но также вновь палатализованному *l* (alye); что же касается современныхъ чешскихъ, а также западно-моравскихъ говоровъ, то въ нихъ *l* исчезло такъ же, какъ исчезло *l*, замѣнившись новымъ звукомъ, очевидно неизвѣстнымъ въ чешкословацкую эпоху—звукомъ *l* (Гусъ приписывалъ появленіе *l* вм. *l* нѣмецкому вліянію, ср. more Teutonicorum dicunt: milí rane; также: čechové, jenž mluví odpoly česky a odpoly německy říekají tobolka za toboľka, liko za ľuko..., ср. у Гебауера с. 356—357). Сопоставляя сдѣланный выводъ о появленіи палатальныхъ отгѣнковъ *l* въ положеніи передъ палатальными гласными съ тѣмъ, что мы говорили выше объ измѣненіи *r* въ *r*¹, *r*^o въ обще-западно-славянскую эпоху, мы заключаемъ, что *l* измѣнялось въ *l*¹, *l*^o именно въ эту отдаленную эпоху. Прочіе западно-славянскіе языки вполне подтверждаютъ такое заключеніе: ср. польское *l* при *i*, верхне- и нижне-лужицкое *l* при *i*. Но если въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя *r* и *l* испытывали на себѣ ассимилирующее вліяніе слѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ,

то естественно предположить, что и другія согласныя не могли сохраниться безъ измѣненія въ положеніи передъ гласными *i*, *e*, *o*, *ь* и т. д.

Сравнительное изученіе всѣхъ западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что передъ звукомъ *i* всѣ согласныя — губныя и зубныя, измѣнившись въ направленіи къ *i*, были смягченными въ эпоху предположеннаго единства этихъ языковъ. Такъ въ современныхъ польскихъ говорахъ передъ *i*, кромѣ *gz* (изъ *g¹*), и *l*, мягки также и всѣ другія согласныя, при чемъ только исконно смягченныя *š*, *ž*, *č*, *s*, *dz* (и *gz*) отвердѣли въ такомъ положеніи, измѣнивъ при этомъ *i* въ *y*. Въ обоихъ лужицкихъ языкахъ согласныя передъ *i* мягки; въ верхне- и нижне-лужицкомъ — за исключеніемъ *s*, *c* (первоначальныхъ), а въ нижне-лужицкомъ — также *š*, *ž*, отвердѣвшихъ вообще и повлекшихъ за этимъ измѣненіе слѣдующаго *i* въ *y*. Въ современныхъ чешскихъ говорахъ передъ *i* смягченны всѣ согласныя, кромѣ губныхъ и отвердѣвшихъ при всякомъ положеніи *s*, *c*, *z*, но въ старочешскихъ говорахъ, а также въ современныхъ чешско-моравскихъ передъ *i* мягки и губныя: ср. въ рукописи XVI в. *míjl*, *říjsse*, гдѣ точка надъ *m*, *p* обозначаетъ ихъ мягкость (ср. Гебауеръ с. 412—415); въ совр. домажлицкомъ говорѣ *pjít*, *zabjil*, дудлѣбскомъ: *pjivo*, *mjilost* и т. д. Въ словацкихъ говорахъ въ настоящее время передъ *i* мягки только *t*, *d*, *n*, *l* (*ž*, *č*; *š*), но это объясняется тѣмъ, что губныя вообще потеряли въ нихъ способность смягчаться, *r*, какъ мы видѣли, отвердѣло при всякомъ положеніи, равно какъ отвердѣли согласныя *s*, *c*, *z* (ср. тоже въ совр. чешскихъ говорахъ), *dz*. Но палатализація согласныхъ въ обще-западно-славянскую эпоху имѣла мѣсто не только передъ *i*, но также передъ *e*: съ одной стороны это доказывается польскимъ и лужицкими языками, гдѣ передъ древнимъ *e* мягки тѣ же согласныя, что и передъ древнимъ *i*, а съ другой чешско-словацкими говорами. Въ словацкихъ говорахъ *t*, *d*, *n*, смягчающіяся передъ *i*, смягчаются также передъ *e*: *teplo*, *budete*, *vedeny*, *nebo* и т. д.; мягки передъ *e* звуки *t*, *d*, *n* и въ восточно-моравскихъ

говорахъ: *něsetě, veděťe* (Губауеръ 371, 386). Мнѣ кажется, что эти смягченные согласныхъ указанныхъ говороѣ должны быть возводимы къ чешско-словацкой и даже къ еще болѣе древней—общезападно-славянской эпохѣ: но Гебауеръ, повидимому, съ этимъ не согласенъ, указывая во-первыхъ, что въ *česťině n, t, d* не смягчаются передъ *e*, при чемъ эта черта отличаетъ чешскій языкъ отъ прочихъ западно-славянскихъ языковъ и сближаетъ его съ южно-славянскими (с. 370, 386, 403; очевидно, подъ терминомъ *česťina* разумѣется вся совокупность чешско-словацкихъ говороѣ въ ихъ историческомъ развитіи), во-вторыхъ, что смягченіе этихъ согласныхъ передъ *e* замѣчается только въ восточныхъ говорахъ, «*na přechodu k polštině a ruštině*» или «*jež tu jsou jaksi přechodem k polštině a ruštině*»; послѣднія слова указываютъ, что Гебауеръ не только не признаетъ *te, de, ne* чешско-словацкими звуками, но даже объясняетъ появленіе ихъ въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ близостью послѣднихъ къ польскимъ и русскимъ говорамъ. Имѣя въ виду, что въ фонетикѣ указанныхъ говороѣ чешскаго языка вообще нѣтъ основныхъ чертъ, роднящихъ ихъ, въ противоположность остальнымъ чешскимъ говорамъ, съ польскимъ или русскимъ языкомъ, замѣчаніе Гебауера можно понять только, какъ утвержденіе факта заимствованія словацкими и восточно-моравскими говорамъ фонетической черты сосѣднихъ говороѣ. Но такое утвержденіе должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто: 1) странно было бы предположить заимствованіе такой единичной звуковой черты для говороѣ, вообще свободныхъ отъ сосѣднихъ вліяній; 2) непонятно было бы, почему одновременно съ новымъ (не чешско-словацкимъ) измѣненіемъ *te, de, ne* въ *te, de, ne* не измѣнились *se, ze* въ *še, že* (ср. словацкое *sestra*, не *šestra*); 3) неясно было бы и то, какимъ путемъ словацкіе и восточно-моравскіе говоры, заимствуя у сосѣдей чуждую древнему языку черту, пришли къ различенію древняго *e*, смягчающаго предшествующія согласныя, и новаго, неспособнаго вызвать такое измѣненіе ихъ, т. е. почему, одновременно съ переходомъ *pesu* въ *šesu*, — *krásneho*

(гдѣ *e* изъ первоначальнаго *oje*) не перешло въ *krásneho*; *supék* (гдѣ *e* изъ *z*) — въ *supék*. И такъ, предположеніе заимствованія словацкими и чешско-словацкими говорами смягченія согласныхъ *t, d, n* передъ *e* изъ польскихъ или русскихъ говоровъ не можетъ быть признано вѣроятнымъ; напротивъ, сохраненіе *te, de, ne* безъ измѣненія тамъ, гдѣ *e* не восходитъ къ первоначальному обще-славянскому *e*, является прямымъ указаніемъ на весьма древнее происхожденіе смягченныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ *te, de, ne*, а сохраненіе *se, ze*, безъ измѣненія въ *še, že* прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что появленіе *te, de, ne* древнѣе отвердѣнія *s* и *z*, имѣвшаго однако мѣсто еще въ чешско-словацкую эпоху. И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что словацкія *tè, ðe, ñe* восходятъ къ чешско-словацкой эпохѣ: отсюда слѣдуетъ, что современныя чешскія и западно-моравскія *te, de, ne* не представляютъ первоначальнаго, чешско-словацкаго произношенія и свидѣтельствуютъ объ отвердѣніи передъ *e* нѣкогда смягченныхъ согласныхъ. Косвеннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу предположенія смягченныхъ *t, d, n* передъ *e* въ старочешскомъ языкѣ, даже послѣ отдѣленія его отъ словацкихъ говоровъ, служить измѣненіе чешскаго *a* за смягченной согласной въ *e* передъ слогомъ съ звукомъ *e*. Гебауеръ на с. 93 доказалъ, что появленіе *Jene* (зв. ед.) при *Jan*, *zarosěneš* при *zarosánu* и т. д., т. е. вообще измѣненіе *a* въ *e*, имѣетъ мѣсто только передъ первоначальнымъ *e* (*před e původním*)¹⁾: очевидно, здѣсь вліялъ не звукъ *e*, такъ какъ суженіе мы находимъ и передъ слогомъ съ *i* и передъ согласными смягченными, а именно палатальность согласной передъ *e*. Ниже я укажу, что Гебауеръ ошибочно говоритъ о двухъ положеніяхъ, при которыхъ имѣлъ мѣсто переходъ *a* въ *e* (а именно о положеніи передъ смягченной согласной и о положеніи передъ слогомъ съ узкой гласной), вмѣсто того чтобы опредѣлять условія

1) Случаи какъ *patero, desatero* обязаны своимъ появленіемъ вліянію параллельныхъ образованій: *patoro, desatoro* (ср. словацкое *pätorý*).

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

разсматриваемаго перехода однимъ только положеніемъ—передъ смягченными согласными (нѣкоторыя изъ нихъ впоследствии отвердѣли). Поэтому Јене при Јап служитъ для меня доказательствомъ смягченности *n* передъ *e* въ эпоху суженія *a* въ *e*. Противъ предположенія старочешскаго и чешскословацкаго произношенія *te*, *dě*, *he* могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: смягченныя согласныя *t*, *d*, *n* въ чешскихъ говорахъ не отвердѣли передъ *i*; почему бы имъ отвердѣть передъ *e*? Чешскій языкъ до сихъ поръ знаетъ сочетанія *tě*, *dě*, *ně* (*těsný*, *děd*, *němý*): слѣдовательно, отвердѣніе *t*, *d*, *n*, передъ первоначальнымъ *e* нельзя приписывать вліянію самого этого звука *e*, напр. измененію его въ направленіе къ гласнымъ болѣе широкимъ. Но если появленіе *te*, *de*, *ne* изъ *te*, *dě*, *he* не можетъ быть понято ни какъ слѣдствіе измененія согласныхъ, ни также, какъ слѣдствіе измененія гласной *e*, то можно ли вообще говорить о такомъ явленіи? Я думаю, что въ этой чертѣ чешской фонетики, отличающей ее отъ словацкой, мы имѣемъ любопытнѣйшее указаніе на то, что предположенное нами различіе въ степени смягченности палатальныхъ согласныхъ, возникавшихъ въ обще-западно-славянскую эпоху, сохранялось и въ чешскословацкую и даже еще въ позднѣйшую эпоху жизни чешскаго языка. Я указывалъ выше на то, что въ обще-западно-славянскую эпоху *r*, *l* передъ *i* измѣнялись въ *r¹*, *l¹*, а передъ *e* въ *r^o*, *l^o*; точно также, при *r¹*, *m¹*, *n¹*, *t¹* и т. д., въ положеніи этихъ согласныхъ передъ *i*, существовали, въ положеніи передъ *e*: *r^o*, *m^o*, *n^o*, *t^o*, т. е. рядомъ съ мягкими согласными были извѣстны и полумягкія. Мягкія согласныя сохранились въ чешскихъ говорахъ независимо отъ того, какая за ними слѣдовала гласная: ср. чешское *nit*, и *něho* (гдѣ *ň* восходитъ къ обще-западно-славянскому *n¹*, въ первомъ словѣ изъ общеславянскаго *n*, а во второмъ изъ общеславянскаго *n¹* передъ древнимъ *j*). Напротивъ, полумягкія согласныя отвердѣли въ чешскихъ говорахъ опять таки независимо отъ гласной (*n^oesu* перешло въ *nesu*, *kost^o* съ полумягкимъ *t* въ *kost*). Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія со-

гласныя измѣнились въ мягкія: *p^oesu* перешло въ *pⁱesu*, *kost^o* въ *kostⁱ*. Лучшимъ подтвержденіемъ выставленнаго здѣсь предположенія о существованіи въ чешкословацкомъ языкѣ полумягкихъ согласныхъ служитъ судьба согласныхъ передъ древнимъ *ъ*. Гебауеръ на с. 371, 386, 403 рѣшительно утверждаетъ, что *n*, *d*, *t* не смягчаются передъ древнимъ *ъ* и при томъ не только въ чешскихъ, но вообще во всѣхъ говорахъ чешкословацкаго языка (впрочемъ, эта мысль выражена рѣзко только въ § 292, между тѣмъ какъ въ §§ 306 и 319 Гебауеръ говоритъ, что указанные согласныя не смягчаются въ ббльшей части говоровъ): случаи, гдѣ современные говоры имѣютъ смягченную согласную передъ древнимъ *ъ*, объясняются Гебауеромъ вліяніемъ аналогіи: *daŋ* явилось *vm. dan* подъ вліяніемъ *daŋi* (р. ед.), *zet^o* *vm. zet* подъ вліяніемъ *zetě*, діалект. *kost^o* *vm. kost* подъ вліяніемъ *kostⁱ* и т. д. Не отрицая возможности такого дѣйствія аналогіи, я думаю, что Гебауеру не удалось объяснить ея вліяніемъ всѣ тѣ случаи, гдѣ мы въ современныхъ говорахъ найдемъ смягченныя согласныя въ положеніи передъ исчезнувшимъ въ позднѣйшемъ языкѣ *ъ*. Такъ въ особенности остались необъясненными смягченныя согласныя въ діалект. *haŋba*, *hoŋba*, *huŋba*, *svaŋba*, при чемъ *haŋba* извѣстно и по рукописямъ XV—XVI вв. (с. 372): предположеніе смѣшенія суффиксовъ *-ŋba* и *-jŋba* совершенно невѣроятно, какъ весьма убѣдительно указалъ Ягичъ. Безъ объясненія остались діалект. (злинскія) *pětkrát*, *tenkrát*, *hned*, *vnaď*, *pořáď* (ср. с. 388); діалект. *tma* пришлось объяснять аналогією *temnu*, что представляется мало вѣроятнымъ и т. д. Но кромѣ всего этого почтенный изслѣдователь упустилъ изъ вниманія цѣлый рядъ соображеній, ведущихъ необходимо къ предположенію о томъ, что согласныя смягчались передъ *ъ* фонетически: 1) самъ Гебауеръ признаетъ фонетическій переходъ *g* въ *ř* (§ 266), при чемъ въ подтвержденіе его имѣются такія убѣдительныя данныя, какъ напр. слова *hřbet*, древнечешскія *břdu* (изъ *brďda*), *třmi* (изъ *trďmi*); на с. 339 онъ отвергаетъ возможность объясненія *máteř*, *vm. máter*, подъ вліяніемъ

mateři, ссылаясь между прочимъ на такой случай какъ vřiti, гдѣ ř нельзя объяснить какою бы то ни было аналогіей; но если ъ измѣняло r въ ř, равнымъ образомъ l въ ř (§ 278), ясно, что и другія согласныя испытывали палатализирующее вліяніе звука ъ; 2) Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ извѣстно смягченіе t, d, n не только передъ e первоначальнымъ, но и передъ e изъ ъ: otěs, mladeněs и т. д.: но согласныя смягчились передъ первоначальнымъ e еще въ западно-славянскую эпоху, какъ это было указано выше, слѣдовательно, еще до перехода ъ въ e; ясно, что современные otěs, mladeněs доказываютъ, что t, d, n смягчились въ ту же эпоху и передъ ъ. 3) На с. 93 Гебауеръ весьма убѣдительно доказываетъ, что передъ ъ (исчезнувшимъ изъ произношенія) и передъ e изъ ъ имѣтъ мѣсто суженіе a въ e (ср. pět изъ ráť, zeměpěch изъ zeměpěch); въ виду сдѣланныхъ уже выше замѣчаній, ясно, что на измѣненіе a въ e въ подобныхъ случаяхъ вліяетъ не ъ, а смягченная согласная, полученная изъ твердой, въ положеніи передъ ъ, еще въ ту эпоху, когда ъ существовало въ языкѣ. — Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что передъ ъ въ чешскословацкомъ языкѣ были смягченны всѣ согласныя, но смягченіе ихъ было неполно, онѣ были полумяжки, а не мягки; вотъ почему въ современныхъ чешскихъ говорахъ мы находимъ pět, kost, jelen, tma и т. д.

И такъ, повторимъ добытые выше результаты. Въ обще-западно-славянскую эпоху согласныя r, l, зубныя и губныя, ассимилируясь слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ, переходили передъ гласной i въ согласныя мягкія rⁱ, lⁱ, rⁱ, tⁱ и т. д.; передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ ie (ě) являлись тѣ же мягкія согласныя; между тѣмъ передъ гласными: e, e носовымъ и ъ согласныя становились полумяжкими, принимая отгѣнокъ звуковъ e и ъ. Оставляя пока въ сторонѣ судьбу полумяжкихъ согласныхъ и слѣдующей за ними носовой гласной e (см. ниже), видимъ, что обще-западно-славянскія мягкія и полумяжкія согласныя перешли и въ чешскословацкій языкъ. Здѣсь современемъ отвер-

дѣли нѣкоторыя согласныя (напр. s, c, z), но дальнѣйшія измѣненія палатализованныхъ согласныхъ имѣли мѣсто уже послѣ распаденія чешскословацкаго единства: въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ различіе между мягкими и полумягкими согласными продолжало сохраняться, при чемъ съ теченіемъ времени полумягкія согласныя, независимо отъ того, слѣдовала ли за ними гласная (e—изъ первонач. e или изъ ъ) или нѣтъ, отвердѣли: nesete, otec, kost, tma вм. n°es°et°e, ot°ec, kost°, t°ma. Напротивъ, въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія: n°es°et°e, ot°ec, t°ma, kost°. Обращаясь къ отдѣльнымъ согласнымъ, видимъ, что губныя, какъ въ чешскихъ, такъ и въ словацкихъ говорахъ, потеряли способность смягчаться; r мягкое и полумягкое совпали, повидимому, еще въ чешскословацкомъ въ одномъ звукѣ r¹ (r мягкомъ), которое затѣмъ отвердѣло въ словацкихъ говорахъ, измѣнившись въ ř въ чешскихъ; равнымъ образомъ совпали въ одномъ звукѣ l¹ (l мягкомъ) первоначальныя мягкія и полумягкія l: ср. l мягкое въ словацкихъ говорахъ, вмѣсто котораго въ чешскихъ является среднее l, замѣнившее и ř.

2. **Лабіализація согласныхъ.** Въ тѣсной связи съ палатализацией согласныхъ стоитъ ихъ лабализація, если придавать этому термину широкое значеніе измѣненія согласныхъ въ направленіи къ лабализованнымъ и вообще задне-небнымъ гласнымъ o, u. Подобно тому какъ, ассимилируясь палатальнымъ гласнымъ, согласныя палатализируются, произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія гласныхъ передняго ряда (e, i), такъ же точно, ассимилируясь гласнымъ задняго ряда, согласныя лабализируются, т. е. произносятся при томъ же положеніи органовъ рѣчи, которое необходимо для произношенія такихъ гласныхъ (o, u). Мы имѣемъ ясныя указанія на лабализацію согласныхъ въ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ языкахъ: такъ въ польскомъ языкѣ согласныя r, l и зубныя въ положеніи передъ o, u становились *нѣкогда* лабализованными; лабализованное произношеніе ихъ изъ сочетаній r°o, r°u пере-

носилоь и въ сочетанія га, т. е. лабиализованныя согласныя замѣнили вообще нелабиализованное ихъ произношеніе, вслѣдствіе чего въ языкѣ, вмѣсто трехъ видовъ согласныхъ: нелабиализованныхъ, лабиализованныхъ и палатализованныхъ, явилось всего два вида — лабиализованныхъ и палатализованныхъ. Вытѣсненіе лабиализованными согласными согласныхъ нелабиализованныхъ имѣло слѣдствіемъ измѣненіе предшествующей такимъ согласнымъ гласной *e* въ направленіи къ гласнымъ задняго ряда, лабиализацію этой гласной; параллельно съ этимъ шло измѣненіе гласной *e* въ направленіи къ *i* передъ согласными палатализованными. Такъ первоначальное *medu*, измѣняясь въ *m^oed^u*, переходило затѣмъ въ *m^obd^u*, при чемъ *m^o* измѣнялось въ *mⁱ* въ связи съ потерей гласною нѣкоторой части своего первоначальнаго палатальнаго характера; такъ же вмѣсто *s^oestra*, *v^oesna* явились *sⁱos^otra*, *vⁱos^ona* и т. д. Понятно, что подобнаго измѣненія *e* въ *o* не могло быть тамъ, гдѣ слѣдующая согласная, нѣкогда лабиализованная, утрачивала свою лабиализацію: губныя и гортанныя (*g*, *k*, врядъ ли также *x*, ср. сохраненіе *chy* при *ki*, *gi*), вѣроятно, издревле потеряли въ польскомъ языкѣ свое лабиализованное свойство; вотъ почему мы передъ этими согласными не найдемъ въ польскомъ языкѣ *o* вм. *e* (*piekarz*, *piebo*); *m^oedu* измѣнялось въ *mⁱödu* вслѣдствіе перехода *d* въ *d^o*, а *p^oebo* должно было сохранять свое *e*, такъ какъ оно находилось въ сосѣдствѣ съ нелабиализованной согласной *b*. Подобную же лабиализацію согласныхъ можно доказать и для лужицкихъ языковъ: кромѣ цѣлаго ряда явленій, свидѣтельствующихъ о сильной лабиализаціи въ нихъ нѣкоторыхъ согласныхъ, на нее указываетъ также переходъ *e* въ *o* передъ «твердыми» согласными (*iodu*, нижне-лужицкое *ior^oŕu*, верхне-лужицкое *s^oor^oŕu* и т. д.).—Спрашивается, можно ли, на основаніи указанныхъ явленій лабиализаціи въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, допустить лабиализацію согласныхъ уже въ обще-западно-славянскую эпоху? Испыталъ ли ее тотъ праязыкъ, изъ котораго развился языкъ чешскословацкій? Думаю, что нѣкоторыя явленія чешскословацкаго языка приводятъ

къ заключенію о томъ, что лабиализація согласныхъ принадлежитъ эпохѣ западно-славянскаго единства, при чемъ однако въ эту отдаленную эпоху она не получила еще того широкаго развитія, которое стало удѣломъ нѣкоторыхъ изъ западно-славянскихъ языковъ, а именно польскаго, въ особенности же лужицкихъ. А именно, я отношу къ такимъ явленіямъ измѣненіе общеславянскаго *l* въ *ḷ*. Въ § 280 Гебауеръ излагаетъ тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ при изученіи судьбы звуковъ *l* въ чешскомъ языкѣ: сначала, говоритъ онъ, въ общеславянскомъ языкѣ было только одно *l* — *l* среднее; къ нему еще въ праславянскую эпоху прибавилось *l* мягкое изъ *lj*; затѣмъ, еще въ доисторическую эпоху (жизни чешскаго языка) явилось *ḷ* изъ *l* въ слогахъ *la*, *lo*, *lu*, *ly*, *la*. Съ теченіемъ времени *ḷ* (*l* мягкое) и *l* совпали въ одномъ звукѣ, и въ историческую эпоху чешскій языкъ имѣетъ только твердое *ḷ* и нетвердое *l*; нетвердое *l*, хотя и не звучало какъ *ḷ*, тѣмъ не менѣе, подобно мягкимъ согласнымъ, вліяло на суженіе звуковъ *a* и *u*. Впослѣдствіи *ḷ* твердое совпало въ одномъ звукѣ съ *l* нетвердымъ, и въ языкѣ оказался только одинъ звукъ *l* — *l* нетвердое. Я не могу согласиться съ этими положеніями ученаго автора и нахожу, что аргументація ихъ на с. 356 очень мало убѣдительна. Во-первыхъ для меня непонятенъ предполагаемый имъ переходъ общеславянскаго *ḷ* (*l* мягкаго) въ *l* (*roḷe* перешло въ *role*) въ доисторическую эпоху жизни чешскаго языка: мы знаемъ изъ предыдущаго изслѣдованія, что въ эту эпоху возникали смягченныя согласныя передъ палатальными гласными; почему бы рядомъ съ этимъ отвердѣть общеславянскому смягченному *ḷ*, для меня совершенно не ясно. Во-вторыхъ, допустивъ для доисторической эпохи совпаденіе *ḷ* общеславянскаго и *l* въ одномъ звукѣ *l* нетвердомъ, мы не поймемъ, какимъ образомъ и почему нетвердое *l* измѣнилось бы въ *ḷ* въ цѣломъ рядѣ говоровъ чешскаго языка, а именно въ словацкихъ и моравскихъ (с. 358—359). Въ-третьихъ, терминъ «*l* нетвердое» сбивчивъ и неточенъ: что именно разумѣетъ подъ нимъ авторъ, для меня не ясно; очевидно, онъ отличаетъ *l* *netvrđé* отъ

l střední, но въ такомъ случаѣ, какъ же звучало это нетвердое *l*, если это не было ни *l'* (*l* мягкое) ни среднее (европейское) *l*? Въ-четвертыхъ, нельзя допустить, чтобы общеславянское *l* не измѣнилось въ обще-западно-славянскую эпоху въ *l* палатальное (мягкое, полумягкое) въ положеніи передъ палатальными гласными, въ виду того что такому измѣненію (палатализациі) подверглись въ эту эпоху вообще всѣ согласныя. Въ-пятыхъ, сравнительное изученіе западно-славянскихъ языковъ показываетъ, что въ обще-западно-славянскую эпоху было два *l*: *l* и *l'* (ср. польское и лужицкое *l* и *l'*): слѣдовательно, *l* и *l'* словацкихъ и моравскихъ говоровъ надо связать непосредственно съ обще-западно-славянскими *l* и *l'*, а отсюда ясно, что и въ чешско-словацкую эпоху существовали *l* и *l'*, а не *l* нетвердое, какъ думаетъ Гебауеръ. Вотъ почему исторію звука *l* въ чешскомъ языкѣ надо, думаю, изложить, исходя изъ слѣдующихъ положеній: обще-западно-славянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два *l*: *l* (европейское) несмягченное и смягченное, ср. эти два *l* въ современныхъ южно-славянскихъ языкахъ: обще-западно-славянск. *silā* и *vol'a*¹⁾. Съ теченіемъ времени *l* твердое, ассимилируясь слѣдующимъ за нимъ палатальнымъ гласнымъ, переходило въ палатальное (смягченное) *l*, имѣвшее различныя оттѣнки въ зависимости отъ вліявшей на него гласной (мягкое *l'*, полумягкое *l''*). Передъ гласными непалатальными, по причинѣ, изложенной ниже, вмѣсто *l* явилось *l*. Такимъ образомъ общеславянскія *silā*, *vol'a*, *byli* стали произноситься *silā*, *vol'a*, *byli*; вмѣсто двухъ общеславянскихъ *l*—несмягченнаго и смягченнаго, обще-западно-славянскій языкъ получилъ *l* и *l* смягченное, при чемъ область распространенія послѣдняго звука значительно расширилась сравнительно съ общеславянской эпохой, такъ какъ онъ замѣнилъ и несмягченное *l* передъ гласными *i*, *i*; кромѣ того явился еще третій звукъ *l''*, т. е. *l* полумягкое въ положеніи пе-

1) Я не вижу основанія допускать для общеславянскаго языка существованіе звука *l*, хотя можетъ быть *l* общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго *l*.

редь гласными *e*, *e* носовымъ, *ь* и т. д. Тѣ же три звука *ɣ*, *l'* и *l'* перешли и въ чешскословацкую эпоху. Въ словацкихъ и восточно-моравскихъ говорахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, чешскословацкія полумягкія согласныя переходили въ мягкія, *l'* измѣнилось въ *l'*, и вмѣсто трехъ видовъ *l* получилось два вида *ɣ* и *l'*. Въ чешскихъ и западно-моравскихъ говорахъ, гдѣ полумягкія согласныя отвердѣли, *l'* измѣнилось въ *l* (европ.), и такимъ образомъ въ языкѣ получились: *ɣ* передъ непалатальными гласными и въ концѣ слова (*siɣa*, *siɣ*), *l'* (*voɣ'a*, *roɣ'e*, *buɣ'i*) и новое *l* (европ.) передъ гласною *e*, передъ согласными и въ концѣ слова (*zelený*, *silný*, *síl*). Новое *l* получало съ теченіемъ времени все большее распространеніе: такъ съ одной стороны оно, должно быть, сначала вытѣснило *l'* въ положеніи передъ *e*: *roɣ'e* измѣнилось въ *role*, *ɣ'es* перешло въ *les*; затѣмъ по естественной звуковой ассоціаціи, *l* стало вытѣснять *l'* и въ другихъ положеніяхъ: (*učitel'* перешло въ *učitel*, *buɣ'i* въ *buli*); съ другой стороны, можетъ быть, подъ влияніемъ сосѣднихъ нѣмецкихъ говоровъ, *l* распространилось и насчетъ *ɣ*, постепенно вытѣсняя его изъ произношенія (можетъ быть, сначала въ концѣ слова и передъ согласными): *siɣ* переходило въ *síl*, *siɣa* въ *síla*. Въ результатѣ, уже къ XVI или XVII вѣку *ɣ* и *l'* совершенно исчезли въ чешскихъ говорахъ, уступивъ мѣсто звуку *l* (европейскому); а появленіе *l* (европейскаго) надо относить, кажется, къ XIII вѣку: на с. 198 Гебауеръ доказалъ, что уже въ памятникахъ XIII и XIV вѣка вмѣсто ожидаемыхъ *lue*, *lie* правильно и послѣдовательно пишется *le*; слѣдовательно, уже къ этому времени совершился переходъ *ɣ'e* въ *le*, вызванный, какъ указано выше, переходомъ *l'e* въ *le*.

Я совершенно отклонился отъ вопроса о лабиализаціи звуковъ въ обще-западно-славянскую эпоху. Возвращаюсь къ нему съ слѣдующимъ, полученнымъ, на основаніи изслѣдованія судьбы звука *l* въ чешскомъ языкѣ, результатомъ: *l* передъ непалатальными гласными измѣнилось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ *ɣ*. Чтобы понять сущность этого явленія, надо имѣть въ виду, что оно находится въ связи съ палатализацией звука *l* передъ

палатальными гласными: дѣйствительно, тѣ самые славянскіе языки, которые измѣнили *l* въ *l'* передъ палатальными гласными, замѣнили *l* черезъ *l'* передъ гласными непалатальными. Но мы объясняемъ себѣ появленіе *l'* вм. *l* передъ палатальными гласными ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ; появленіе *l'* вм. *l* должно поэтому объяснять также ассимиляціею звука *l* слѣдовавшимъ за нимъ гласнымъ. Измѣненіе *l* въ *l'* я понимаю какъ слѣдствіе лабиализаціи звука *l*: лабиализованное *l* перешло по физиологическимъ причинамъ въ *l'*. Лабиализація *l* и дальнѣйшій переходъ его въ *l'* наступали въ положеніи этого звука передъ гласными, способными лабиализировать сосѣдніе звуки, т. е. передъ гласными *o*, *u*, *z*, *a*. Появившись передъ этими гласными, *l'* вытѣсняло *l* и передъ гласными *a* и *y* (*ы*); такимъ образомъ всякое *l* замѣнилось звукомъ *l'*: *sl'a*, *sl'o* вызвали *sl'a*, *sl'u*. Подобному же измѣненію въ *l'* слоговое подверглось при извѣстныхъ условіяхъ еще въ общеславянскую эпоху и слоговое *l*: а именно *l* измѣнялось въ *l'* слоговое при томъ условіи, когда предшествовавшій ему неслоговой звукъ *z*, а также согласная передъ *z* могли лабиализироваться; лабиализація же *z* и предшествующей согласной наступала только тамъ, гдѣ эта согласная еще не была лабиализованной. Слѣдовательно, только въ сочетаніяхъ *tl'* и *sz'*, *dl'* и *zl'*, *sl'* могъ имѣть мѣсто переходъ *l* въ *l'*; между тѣмъ въ сочетаніяхъ *rl*, *vl*, *ml*, гдѣ *r*, *v*, *m*, какъ губные звуки, были уже лабиализированы, *l* сохранялось безъ измѣненія¹⁾. Вновь

1) Наблюденіе, что *l* слоговое имѣло въ западно-славянскихъ языкахъ различную судьбу въ зависимости отъ того, предшествовали ли ему зубныя или другія (губныя) согласныя принадлежитъ Ф. О. Фортунатову, который допускаетъ переходъ *l* слогового въ *l'* слоговое въ положеніи послѣ сочетанія зубная + неслоговое *z* (переходившее при этомъ въ неслоговое *z*) еще для общеславянскаго языка, основываясь при этомъ на старославянскихъ написаніяхъ *длѣгъ*, *тлѣгъ* тѣхъ памятниковъ, которые пишутъ *влькъ*. Но я думаю, что западно-славянскіе языки указываютъ не на *dl'gъ*, а на *dl'gъ* (*sz* слоговымъ *l*), которое нельзя возвести къ общеславянскому языку, хотя бы въ виду русскаго *домгъ*. Старославянское *длѣгъ* при *влькъ* слѣдуетъ, можетъ быть, объяснять діалектическимъ переходомъ *l* (слогового) палатальнаго въ *l'* (слоговое) подъ вліяніемъ предшествующей твердой зубной, такъ же какъ въ *плѣгъ* вм. *пльгъ* можно видѣть вліяніе послѣдующей твердой зубной.

возникшія въ обще-западно-славянскомъ языкѣ сочетанія тѣѣ, дѣѣ, ѣѣ, жѣѣ, сѣѣ (съ слоговыми ѣ и неслоговыми ѣ), гдѣ ж изъ в слѣдствіе лабіализаціи предшествующей согласной¹⁾, переходили еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ тѣѣ, дѣѣ, сѣѣ, ѣѣ, жѣѣ (съ слоговымъ ѣ): этотъ переходъ объясняется именно лабіализаціею обоихъ звуковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого неслоговымъ ж, и стремившихся, слѣдствіе физиологической своей близости, заглушить этотъ посредствующій между ними неслоговой звукъ. Въ отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ слоговое ѣ въ указанныхъ сочетаніяхъ переходило или въ ѣu, ѣo или въ uѣ, oѣ, при чемъ въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, замѣчается колебаніе: ср. польское dŕugi, tŕusty, dŕubać, но czóŕn, źóŕty, źóŕna, źóŕć, при этомъ sŕónce; верхне-лужицкое sŕóncó, діалект. sŕonco, но stoŕp, doŕh, toŕkać, toŕsty, źoŕć, źoŕma, ćoŕm; нижне-лужицкое sŕup, dŕug, tŕukać, tŕusty, sŕuńco, діалект. sŕuńco, но źoŕc, coŕn и т. д. Въ чешско-словацкомъ ѣ сохранялось, повидимому, безъ измѣненія; въ моравскихъ и словацкихъ говорахъ оно сохраняется до сихъ поръ: моравск. tŕstý, žŕty, žŕć, dŕhý (съ долгимъ ѣ), dŕžen и т. д.; словацк. sŕnce, stŕp (съ долгимъ l), tŕstý, žŕć, žŕna, ćŕn и т. д.; въ чешскихъ говорахъ слоговое ѣ перешло въ ѣu, откуда lu: ělun, dloubati, dlouhý, tlustý, žluva, žlutý, slunce и т. д. Кромѣ указанного положенія — послѣ ѣ съ предшествующей нелабіализованной согласной — ѣ измѣнялось въ обще-западно-славянскомъ языкѣ въ слоговое ѣ и въ положеніи послѣ ж въ тѣхъ рѣдкихъ сочетаніяхъ, какъ шѣѣv, хѣѣm, рѣѣk, гдѣ замѣна неслогового ирраціональнаго і (ъ) неслоговымъ ирраціональнымъ u (з) принадлежитъ еще обще-славянской эпохѣ и зависѣла отъ совмѣстнаго вліянія губныхъ и гортанныхъ на окраску указаннаго неслогового звука. Въ обще-западно-славянскую эпоху шѣѣv-, рѣѣk- не измѣнялись въ mŕu, rŕk одновременно съ переходомъ тѣѣ въ тѣѣ потому, что тутъ

1) Звуки ě, ž, ř, т. е. палатальные, лабіализуясь, могли сохранять свой палатальный характеръ; о лабіализованныхъ ž и ř ср. замѣчанія Сиверса на с. 122 Phonetik (4-е изд.).

не было той физиологической близости звуковъ, разлученныхъ неслоговымъ *z*, какъ въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ. Но въ чешско-словацкомъ, вслѣдствіе общаго исчезновенія неслоговыхъ *z* и *ẓ* передъ слоговыми *r* и *l*, и здѣсь получались *mluv*, *pluk* (съ слогов. *ḷ*): отсюда въ чешскомъ *mluv*, *pluk*, а въ словацкомъ не только *Chlm* (названіе мѣстности), но также *pluk*, *mluva*, *hlučnú*; различное измѣненіе *tḷ* и *mḷ*, *hḷ* въ словацкомъ должно объяснять тѣмъ, что губныя и гортанныя благопріятствовали измѣненію слогового *ḷ* въ *lu* болѣе, чѣмъ предшествующія зубныя. Съ теченіемъ времени въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ возникало новое *ḷ* слоговое изъ старочешскаго неслогового *l* между согласными: извѣстно, что общеславянскія сочетанія *ḷz*, *ḷẓ* не содержали слогового *ḷ* (подобно сочетаніямъ *zl*, *ẓl*); послѣ выпаденія *z*, *ẓ* въ чешско-словацкомъ получалось одно неслоговое *l* или *ḷ* между согласными, которое лишь впоследствии вокализировалось. Судьба новаго *ḷ* слогового въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ сходна съ судьбою общеславянскихъ слоговыхъ *ḷ*, а именно *ḷ* слоговое въ чешскихъ говорахъ измѣнилось въ *lu*: *kluk* (русское *клокъ*), діалект. *blucha*, *klutati*, *sluza* (изъ *sḷza*, съ слогов. *ḷ*, которое изъ *sḷza*), но рядомъ и *slza*, *hḷtati*; въ словацкихъ говорахъ *ḷ* сохраняется безъ измѣненія: *cḥḷr* при чешскомъ *cḥḷr* (изъ *chḷr*, Gebauer, с. 296). — Что касается звука *l* слогового въ другомъ положеніи, т. е. тамъ гдѣ ему не предшествовало неслогового *z* или гдѣ не было условій, благопріятныхъ для измѣненія *z* въ *ẓ*, то сначала онъ сохранялъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ свой звукъ *l*, но впоследствии, въ виду совершеннаго вытѣсненія звука *l* звуками: *ḷ* съ одной стороны, *ḷ* палатальнымъ съ другой, — онъ перешелъ въ полумягкое *l* слоговое. Отсюда въ польскомъ языкѣ *ḷ* въ положеніи передъ твердыми зубными (ассимиляція): *roḷnu*, *woł̣na*, но *ḷ* (мягкое) при другихъ условіяхъ: *wilk*, *pilch*, *milczec̣*; то же въ лужицкихъ нарѣчіяхъ: *roḷnu*, *woł̣na*, но *rḷjelnic̣*, *rḷjelniṣ*, *mḷjelc̣ec̣*, *mḷjelcaś*, *wjelk*. Въ чешско-словацкомъ было также получено *ḷ* полумягкое слоговое; въ старочешскихъ говорахъ еще въ XVI в. *ḷ* было въ такомъ положеніи палатальнымъ: такъ

въ Кралицкой библии, напечатанной въ 1579—1593 гг., различающей, какъ доказалъ Гебауеръ въ § 281, *l* и *l* палатальное, буквою *l* (означаетъ палатальное *l*) пишутся слова какъ: *mlkne*, *mlceł*, *pln*, *plniti*, *plzka*, *wlk*, *włkost*, *wlny z owes*. Очевидно, *pln*, *wlk* произносились какъ *pl'n*, *wl'k* съ слоговымъ *l*. Отсюда въ чешскихъ говорахъ, измѣнившихъ 1° въ *l*: *vłk*, *pln*, *vlna*. Въ словацкихъ говорахъ 1° слоговое, отвердѣвъ, перешло въ *l* слоговое: *vłk*, *pln*, *vlna*. Въ нѣкоторыхъ моравскихъ говорахъ, сохранившихъ различіе *l* и *l*, 1° измѣнилось въ *l* слоговое: такъ, въ соотвѣтствіи съ *plniti* Кралицкой библии, находимъ злинское *plnit* (съ долгимъ слоговымъ *l*), тогда какъ словамъ *dłauhý*, *słaur* той же библии здѣсь соотвѣтствуютъ *dłhý*, *słr* съ долгими слоговыми *l* (*Baroš*, I, 6). Въ дольнобечевскомъ говорѣ (переходномъ отъ чешско-моравскихъ къ словацкимъ говорамъ), рядомъ съ *l* слоговымъ въ *žlty*, *łstý*, является *l* мягкое слоговое (изъ чешскословацкаго полумягкаго слогового *l*), напр. въ *vłk*, *mlčef* (ср. Кралицк. библ. *mlceł*), *kłzke* (Кралицк. библ. *plzka*).

Предыдущее изслѣдованіе доказало существованіе звука *l* изъ общеславянскаго *l* еще въ эпоху западно-славянскаго единства; измѣненіе *l* въ *l* объяснено лабиализаціей этого звука, при чемъ указанное объясненіе нашло полное подтвержденіе въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило измѣненіе *l* слогового въ *l* слоговое. Появленіе обще-западно-славянскаго *sl̥n̥se* (съ *l* слоговымъ) непосредственно изъ *sl̥n̥se* (съ *l̥* неслогов. и *l* слоговымъ), а это изъ *sl̥n̥se* (съ *l̥* неслоговымъ передъ *l̥*), ясно указываетъ на то, что лабиализація захватывала не только звукъ *l*, но и другіе зубные звуки, такъ какъ только переходъ *s* (напр. въ *sl̥n̥se*) въ *s̥* можетъ объяснить различную судьбу сочетаній *sl̥l̥* (*tl̥*, *dl̥* и т. д.) и *sl̥l̥* (*rl̥*, *ml̥*) въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Это обстоятельство, а также и то соображеніе, что, въ отношеніи къ палатализаціи, звукъ *l* былъ однороденъ съ зубными звуками, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что звуки *t*, *d*, *n*, *s*, *z* лабиализировались при тѣхъ же условіяхъ при которыхъ лабиализировался и затѣмъ переходилъ въ *l* звукъ *l*, т. е. въ положеніи сначала пе-

редь гласными *o*, *u*, *z*, *q*, а затѣмъ и передь *a*, *y*, вм. *t*, *d* и т. д. въ обще-западно-славянскомъ языкѣ явились *t'*, *d'* и т. д. Такое предположеніе подтверждается нѣкоторыми звуковыми явленіями (о которыхъ сказано было и выше) польскаго, лужицкихъ и другихъ западно-славянскихъ языковъ, а именно переходомъ звука *e* въ *o* передь твердыми согласными, въ польскомъ же только передь твердыми *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *l*, *r*. Измѣненіе *e* въ *o* напр. въ словѣ *sestra* (польское *siostra*, верхнелужицкое *sotša*, нижнелужицкое *sotra*) я объясняю себѣ какъ лабиализацію звука *e*, перешедшаго сначала въ *ö* (лабиализованное *e*) и уже затѣмъ въ *o*. Такая лабиализація могла быть вызвана только слѣдующей согласной: дѣйствительно, въ концѣ слова или передь палатализованной согласной мы, напр. въ польскомъ, не видимъ подобнаго измѣненія *e* въ *o*. Но вліяніе твердой, несмягченной и нелабиализованной согласной ни въ коемъ случаѣ не можетъ вызвать лабиализаціи предшествующей гласной, подобно тому какъ вліяніе такой согласной не можетъ вызвать палатализаціи гласной. Отсюда слѣдуетъ, что согласная послѣ *e*, измѣнившася въ *o*, была не только тверда, но и лабиализована. И такъ, согласныя *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *r*, *l*, вызывавшія въ польскомъ языкѣ переходъ *e* въ *o*, были въ немъ нѣкогда лабиализованы. Сообразивъ же то обстоятельство, что *e* не переходитъ въ *o* въ польскомъ языкѣ передь губными и гортанными, мы заключаемъ, что въ эпоху этого измѣненія *e* въ *ö*, откуда *o*, губныя и гортанныя уже потеряли свой лабиализованный характеръ, ср. другое указаніе на потерю лабиализаціи гортанными въ измѣненіи *ku*, *gu* въ *ki*, *gi*¹⁾. А это указаніе польскаго языка,

1) Я думаю, что *ku*, *gu* съ лабиализованными *k* и *g*, перейдя въ *ki*, *gi* съ *k* и *g* нелабиализованными, должны были ассимилировать *k* и *g* слѣдующей средненѣбной гласной *y*; вслѣдствіе этого они перешли въ *k* и *g* средненѣбныя, которыя смягчились потому, что языкъ не имѣлъ средненѣбныхъ *k* и *g*. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ нижнелужицкое *sl*: изъ нѣкоторыхъ особенностей нижнелужицкой фонетики видно, что оно дольше чѣмъ *k* и *g* сохраняло, а можетъ быть сохраняетъ и теперь лабиализованный свой характеръ (ср. замѣчанія Mucke въ Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre, с. 21, о произношеніи у послѣ губныхъ и *ch*): въ связи съ этимъ, рядомъ съ *ki*, *hi*, мы нахо-

въ связи съ тѣмъ, что въ лужицкихъ языкахъ положеніе передъ губными и гортанными вызываетъ такое же измѣненіе *e* въ *o*, какъ и передъ прочими согласными, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что измѣненіе *e* въ *o* подѣ влияніемъ лабиализованныхъ согласныхъ принадлежитъ не обще-западно-славянскоѣ эпохѣ, а жизни отдѣльныхъ западно-славянскихъ нарѣчій. Вотъ почему въ чешско-словацкомъ языкѣ мы не найдемъ измѣненія *e* въ *o*; измѣненіе же *e* (первоначального, а также изъ *ѣ* и изъ *ѵ*) въ *o* въ сѣвероопавскомъ говорѣ (Гебауеръ § 133) ничего общаго съ появленіемъ *o* вм. *e* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ не имѣетъ, такъ какъ ему подвергается *e* не только передъ твердыми, но и передъ мягкими согласными: *joleň*, *plóšć*, *šoŕo*, *torŕo* и т. д. Это любопытное явленіе надо, думаю, сопоставлять прежде всего съ діалектическимъ произношеніемъ, отмѣченнымъ Бартошемъ (II, 126) въ одномъ изъ говоровъ ганацкаго нарѣчія, гдѣ *e* замѣняется полугласною *ö* (параллельно съ замѣною *i*, *u*, *y* полугласнымъ звукомъ *э*): *difö*, *jöden*, *jöst*, *dövcö* съ полугласнымъ *ö*. Повидимому, въ сѣвероопавскомъ, такъ же какъ въ указанномъ говорѣ ганацкаго нарѣчія, явилось общее стремленіе къ лабиализованному произношенію гласныхъ: ср. сѣвероопав. *uo* вм. *o* (*mlekuo*), *iul* вм. *i* (*innatiu*) и др.

Отсутствіе лабиализаціи гласной *e* въ чешско-словацкомъ языкѣ не можетъ указывать на отсутствіе въ немъ лабиализованныхъ согласныхъ, а стоитъ въ связи съ отсутствіемъ палатализаціи той же гласной подѣ влияніемъ слѣдующихъ палатальныхъ согласныхъ: дѣйствительно, мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы звукъ *e* произносился въ чешско-словацкую эпоху отлично передъ мягкими и твердыми согласными, подобно тому какъ въ

димъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, *chu*. Что гортанныя были нѣкогда лабиализованы въ общелужицкомъ языкѣ, доказывается переходомъ открытаго *o* въ *o* закрытое въ положеніи передъ *k*, *ch* (*kh*), а частью передъ *h* въ верхнелужицкомъ (Миске, с. 98) и отсутствіемъ перехода *o* въ *uo* (послѣ губныхъ и гортанныхъ) передъ гортанными и губными въ нижнелужицкомъ (тамъ же, с. 99), при чемъ *o* въ *woko* не звучитъ какъ *uo* потому, что нѣкогда оно было закрыто подѣ влияніемъ лабиализованнаго *k*.

русскомъ или польскомъ открытому *e* передъ твердой соотвѣтствуетъ закрытое *e* передъ мягкой согласной.

Подводя итогъ предидущему изслѣдованію о палатализаціи и лабіализаціи въ западно-славянскихъ языкахъ, мы видимъ, что въ эпоху общей ихъ жизни получили еще только начало тѣ явленія, которыя впослѣдствіи развились въ лужицкихъ и польскомъ языкахъ. А именно, на мѣсто согласныхъ безразличныхъ, въ зависимости отъ слѣдующихъ гласныхъ палатализованныхъ и лабіализованныхъ, явились палатализованныя и лабіализованныя согласныя съ различными отгѣнками палатализаціи и лабіализаціи: палатализованныя согласныя были мягки (l^1 , t^1 , p^1) или полумяжки (l^0 , t^0 , p^0), лабіализованныя были склонны къ *и* (t^a , r^a) или склонны къ *о* (t^o , r^o). Возникши въ сочетаніяхъ съ гласными *о*, *и*, *а*, *ѣ*, лабіализованныя согласныя проникали и въ сочетанія съ *а* и *у*; лабіализованное *l* измѣнилось въ *ḷ*. Такимъ образомъ въ обще-западно-славянскомъ языкѣ, получившемъ изъ общеславянскаго языка, во-первыхъ, согласныя чистыя, каковы *t*, *d*, *l* и т. д., во-вторыхъ, палатализованныя, каковы *č*, *ž*, *š* и т. д., въ-третьихъ, лабіализованныя *p*, *b*, *v*, *m* и *k*, *g*, *x*, *h* — возникли только два ряда согласныхъ: лабіализованныя и палатализованныя. Вслѣдствіе этого всякая согласная, которая по какимъ-либо условіямъ не могла лабіализироваться, должна была палатализироваться: такъ, *l* слоговое, въ положеніи послѣ неслогового *ъ*, которому предшествуетъ губная, не могло лабіализироваться и переходить въ *ḷ*; вслѣдствіе этого оно измѣнилось въ такомъ положеніи въ l^0 слоговое ($v\bar{y}l^0k\bar{z}$ съ слоговымъ l^0); такъ, *r* слоговое лабіализировалось передъ лабіализованными зубными; въ положеніи же передъ палатализованными зубными, а также при встрѣчѣ съ губными и гортанными звуками, неоднородными по физиологическому своему характеру съ зубными, *r* измѣнилось въ r^0 , т. е. палатализировалось ($v\bar{y}r^0x\bar{z}$, $v\bar{y}r^0ba$ измѣнялось въ $v\bar{y}r^0x\bar{z}$, $v\bar{y}r^0ba$ съ слоговымъ r^0). — Я думаю, что въ чешско-словацкомъ языкѣ наиболѣе консервативно, сравнительно съ другими западно-славянскими нарѣчіями, сохранялись полу-

ченныя изъ обще-западно-славянскаго языка отношенія. Такъ въ немъ не имѣло мѣста вліянія палатализованныхъ и лабиализованныхъ гласныхъ на предшествующій имъ звукъ *e*, который они въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ измѣняли въ *e* закрытое и *ö* (откуда *o*)¹⁾; такъ въ немъ сохранялось различіе между мягкими и полумягкими согласными, совпавшими въ прочихъ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Важнѣйшимъ измѣненіемъ въ этихъ отношеніяхъ для чешскословацкой эпохи слѣдуетъ, кажется, признать переходъ исконно мягкихъ согласныхъ въ полумягкія въ

1) Въ одномъ звуковомъ положеніи чешскословацкій языкъ какъ будто указываетъ еще на обще-западно-славянскій переходъ *e* въ *ö*: а именно, если сопоставить чешск. *žlab* съ польск. *żłób*, лужицк. *žłob*, чешск. *článek* съ польск. *człop*, чешск. *žláza* съ чешск. *žléza* и нѣк. др., можно придти къ восстановленію обще-западно-слав. *žolb*, *čoln*, *žolza* съ *o* или *žölb*, *čöln*, *žölza* съ *ö*. Но сопоставленіе это должно быть признано ошибочнымъ, такъ какъ въ *žlab* старочешскій языкъ, что видно изъ свидѣтельства Кралицкой библіи, правильно различающей *l* и *ḷ* (ср. Гебауеръ I, 360) и пишущей *žlabkowé* съ *l*, — имѣлъ не *ḷ* а *l*. Ср. также словацк. *žlab* въ словарѣ Loos'a. Слѣдовательно, *žlab* (а также *článek*, *žláza*) восходитъ къ *želb* съ *l*, а не съ *ḷ*. Различіе между *žleb* и *žlab* должно, кажется, объяснять тѣмъ, что *e* въ положеніи послѣ *j*, *ž*, *č*, *š* еще въ общеслав. языкѣ перешло въ *ä*, когда въ слѣдующемъ слогѣ были звуки *e*, *i*, *ï*: общеслав. *želbъ*, но *žälbъ*, *žälbina*; *želbъ*, откуда въ обще-западно-слав. *želbъ*, перешло въ чешскословацк. въ *žlěb*, а *žälb-*, откуда въ обще-западно-слав. *žälb-*, въ *žlab-*. Что же касается *o* въ польск. и лужицк. *žłób*, *žłob*, то оно указываетъ на богѣе древнее *žolbъ* изъ *želbъ*: *o* вм. *e* явилось въ каждомъ изъ этихъ языковъ отдѣльно, въ эпоху перехода *e* въ *ö* передъ лабиализованными согласными, при чемъ дальнѣйшее измѣненіе *ö* въ *o* зависѣло отъ положенія его между двумя лабиализованными согласными одного и того же слога: *ž* и *ḷ*. Что же касается происхожденія лабиализации первой изъ этихъ согласныхъ, то, повидимому, она восходитъ къ обще-западно-славянскій эпохѣ: зубныя (*č*, *ž*, *š*, а также, вѣроятно, *d*, *t*) лабиализовались подъ вліяніемъ звука *ḷ* въ звуковомъ сочетаніи *eĭ*. Ср. съ этимъ лабиализацію зубныхъ подъ вліяніемъ слогового *ḷ* въ сочетаніяхъ *yḷ*, *yḷ* съ *ḷ* слоговымъ. Рядомъ съ этимъ, губная не подвергалась такому измѣненію ни передъ сочетаніемъ *yḷ* ни передъ сочетаніемъ *eĭ*: напротивъ, въ сочетаніяхъ губная *+* *ḷ* или *e* *+* *ḷ* слоговое или неслоговое, звукъ *ḷ* подвергался ассимиляціи предшествующему гласному звуку и терялъ свою лабиализацію: такъ явились въ обще-западно-слав. съ одной стороны: *žḷtъ* (съ *ḷ* слоговымъ; см. выше), *ž'eĭbъ*, а съ другой *vḷkъ* (съ *ḷ* слоговымъ), *melko*. Отсюда напр. въ польскомъ *żlutý*, *żolbъ* — *žłób*, но *wilk*, *mleko*. Въ русскомъ языкѣ *ḷ* являлось изъ *l* и *ḷ* въ обоихъ видахъ этихъ сочетаній: *žḷtъ*, *žolbъ* и *vḷkъ*, *moloko*, что, можетъ быть, зависѣло отъ того, что въ эпоху измѣненія *l* въ *ḷ* губныя (какъ лабиализованные звуки) не успѣли еще, потерявъ лабиализацію, смягчиться передъ слѣдующими палатальными гласными.

положеніи передъ звукомъ *e*: повидимому, уже въ чешскословацкую эпоху *š, ž, č, s, r¹, l¹* (изъ *rj, lj*) звучали передъ *e* не такъ мягко какъ передъ *i* или передъ другими гласными (*a, o, u*); это объясняется тѣмъ, что передъ звукомъ *e* и всѣ прочія палатальныя согласныя (новыя по происхожденію) звучали полумягко (*t^o, r^o* и т. д.). Вотъ почему въ позднѣйшую эпоху, когда *a*, подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, измѣнилось въ *e*, слова *duše, vlčice, orlice, věže* и т. д. въ имен. ед. звучали иначе, чѣмъ въ зват. падежѣ: им. былъ *duš^e*, а зват. *duš^o*; ср. написанія *dussye, dussie, orliczie, wiezie, burzie, pussczye* въ им. ед., при *dusse, studnice, trogycze, sromocznycze* и т. д. въ зват. ед. (Гебауеръ III, 203 и 205). Въ отдѣльной жизни чешскихъ и словацкихъ говоровъ прежнія отношенія нарушились гораздо въ большей степени: такъ въ чешскихъ говорахъ отвердѣли полумягкія согласныя; напротивъ, въ словацкихъ полумягкія согласныя измѣнились въ мягкія.

3. О чешскословацкомъ измѣненіи носового *e*. Разсмотрѣвъ въ § 51 всѣ тѣ различные звуки, которые въ старочешскомъ, а также въ современныхъ чешскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ общеславянскому *ę*, Гебауеръ на с. 51 ставитъ вопросъ, въ какую именно гласную измѣнилось носовое *e* непосредственно, къ какому именно общему звуку должны быть возведены его позднѣйшія, весьма разнообразныя отраженія (*a, 'a, ä, ě, e, ā, 'ā, ja, ia, í, ie, é*). По мнѣнію ученаго автора первоначальное *ę* измѣнилось въ *'a*, т. е. *praejotované a, krátké v slabikách krátkých a dlouhé v dlouhých*. Такой выводъ Гебауера встрѣтилъ возраженія со стороны Ягича, который указалъ (*Archiv f. Sl. Ph. XVI, 510—512*), что современные и старочешскіе замѣстители общеславянскаго *ę* не могутъ быть выведены изъ предположеннаго Гебауеромъ основнаго звука, и что всѣ они объясняются изъ *e* открытаго, склоннаго къ *a* и смягчающаго предшествующую согласную (*ä mit weichem Charakter*), который и былъ первоначальнымъ замѣстителемъ носового *ę*. Гебауеръ объясняетъ современные *ě, e, í, é* изъ *'a* какъ результатъ перегласованія (*Umlaut*)

звука *a*; Ягичъ, напротивъ, предполагаетъ, что современныя *a*, 'а, *ia* надо объяснять изъ 'ă, звукъ котораго въ незначительно измѣненномъ видѣ сохранился въ *ě*, *ie* и т. д. Мнѣ кажется, что и Ягичъ и Гебауеръ, высказавшіе противоположныя мнѣнія, близки къ истинѣ: Ягичъ правъ, утверждая, что всѣ перечисленные выше замѣстители носового *e* восходятъ непосредственно къ звуку *ă*, смягчившему предшествующую согласную; Гебауеръ правъ, допуская, что *ě*, *e*, *ie*, *í*, *é* объясняются путемъ перегласованія, т. е. измѣненія звука *a* въ направленіи къ *e*; но онъ ошибается, когда думаетъ, что въ *rátý*, *častý*, *pět* и т. д. *a* и *ě* восходятъ непосредственно къ 'а. Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ Ягичемъ, предполагающимъ, что *e* перешло непосредственно въ *ă*, а не въ *a*, какъ думаетъ Гебауеръ. Во-первыхъ, ссылка Ягича на верхнелужицкій языкъ какъ разъ убѣждаетъ въ возможности звукового измѣненія *e*, хотя бы и черезъ посредство *ă*, въ *a*: дѣйствительно, основнымъ замѣстителемъ *e* носового въ этомъ языкѣ было *a* (можетъ быть, изъ *ă*), которое, какъ и всякое первоначальное *a* (въ положеніи послѣ смягченной согласной), измѣнялось передъ смягченными согласными въ *é* (*e* закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ *o*: ср. чередованіе замѣстителей первоначальнаго *e* въ *dzéwáty*, *knjéži* и *śelo* съ чередованіемъ замѣстителей первоначальнаго *a* въ *bratr*, *zjéwić* и *kmotřo* (фонетически вм. *kmotřa*, между тѣмъ какъ въ параллельной формѣ *kmotřa* звукъ *a* возстановленъ на основаніи окончанія *a* им. ед. именъ женск. р. съ твердой основой). Впрочемъ, то или другое измѣненіе звука въ верхнелужицкомъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ указывать на чешскій или пращешскій фонетическій процессъ, такъ какъ потеря носовыхъ гласныхъ произошла уже въ отдѣльной жизни обоихъ этихъ языковъ¹⁾. Во-вторыхъ, Ягичъ

1) Ягичъ ссылается въ доказательство древняго различія въ верхнелужицкомъ языкѣ звуковъ: 1) соотвѣтствующаго первоначальному *a*, 2) соотвѣтствующаго носовому *e*, на то, что первый изъ нихъ переходитъ передъ мягкими согласными (Umlaut) въ *e* открытое, а второе въ *e* закрытое (*řjěć*, но *zjéwić*). Но думаю, что это наблюденіе, приводимое и у Муске (с. 39, прим. 3-е), основано

оставилъ безъ объясненія а въ окончаніи причастныхъ формъ какъ река, veda, moħa: между тѣмъ ихъ, такъ же какъ русскія мога, ида, можно объяснить только вліяніемъ окончанія а въ slyša, poša и т. д. Въ-третьихъ, судьба замѣстителя носового е въ чешскомъ языкѣ совершенно тождественна съ судьбой первоначальнаго звука а въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; дѣйствительно, чередованіе jasný, jesně, stáje, гдѣ а и е восходятъ къ первоначальному а, вполне аналогично съ чередованіемъ častý, čestě (стар.), děvče, гдѣ а и е являются замѣстителями первоначальнаго е. Слѣдовательно, указаніе Ягича на то, что современные

на недостаточномъ количествѣ случаевъ; мы знаемъ много словъ, гдѣ древній языкъ имѣлъ е носовое между двумя мягкими согласными, и очень мало, гдѣ въ такомъ же положеніи находилось а. Въ соотвѣтствіи съ а мы дѣйствительно находимъ е закрытое (jéjo, jéhnjo, sadžéc, běžéc, pjěřécěl и т. д.), но рядомъ и е открытое (žel, lěc, smjěc, jěšc, рѣже jěšc, jěšcěr, рѣже jěšcěr); равнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ е носовымъ рядомъ съ е открытымъ мы изрѣдка находимъ е закрытое (knjěžě, knjěži при knjěž). Я думаю, что открытое произношеніе е (изъ всякаго а) зависитъ главнымъ образомъ отъ вліянія родственныхъ словъ съ звукомъ а (передъ твердой согласной): рjěc, не рjěc подъ вліяніемъ рjату. Основываюсь во первыхъ на томъ, что переходъ а между мягкими согласными сравнительно новаго происхожденія (по Muske онъ начался въ XVII в., ср. с. 36), при чемъ ко времени его появленія е носовое замѣнилось уже во всякомъ случаѣ черезъ а; во вторыхъ, е закрытое является не только на мѣстѣ а, но и на мѣстѣ е передъ мягкими согласными (jélén): замѣняя и а и е фонетически, оно, конечно, должно было бы замѣнить и ä, если бы въ XVI в. существовало произношеніе р'äc; въ третьихъ, верхнелуж. knjěž ви. ожидаемаго князъ правильно объясняется Muske (на с. 72) вліяніемъ словъ knjěni, knjěži: слѣдовательно, é (е закрытое) вообще не могло ассоциироваться съ а въ родственныхъ словахъ; въ четвертыхъ, е открытое въ lěc, smjěc (lachen), равно какъ въ žpjěc, šěc, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ инфинитивовъ на аc (въ tač, kač, dač, kač во и т. д.), между тѣмъ какъ въ běžéc закрытое е сохранилось подъ вліяніемъ widžéc, vedžéc и т. д. (ср. различное образованіе основы настоящаго времени).

Что касается нижнелужицкаго нарѣчія, то оно, повидимому, дѣйствительно измѣнило е носовое въ ä, которое перешло въ ie (пишется ě) въ ударяемомъ слогѣ послѣ палатальныхъ согласныхъ по тому же закону, по которому о подъ удареніемъ послѣ (нѣкогда лабиализованныхъ) губныхъ и задненѣбныхъ перешло въ uo (пишется ó): jězyk, klěs, pěs, řěd и т. д. такъ относятся къ первоначальнымъ *jazyk, *kläc, p'äc, řäd, какъ bövy, kóza, góga, wóla и т. д. — къ первоначальнымъ *bovy, *koza, *goga, *wola. Отсюда, вѣроятно, слѣдуетъ, что общелужицкимъ звукомъ, соотвѣствующимъ обще-западно-славянскому носовому а (изъ е носового), былъ ä.

отраженія носового *e* ведутъ къ предположенію *основного* для нихъ звука *ä*, должно быть распространено и на замѣстителей первоначальнаго *a*, т. е. надо полагать, что и они (*a, ä, ě, e, ie, í, é* и др.) восходятъ непосредственно къ звуку *ä*. Въ слѣдующемъ за этимъ разсужденіи я подробнѣе остановлюсь на доказательствахъ того положенія, что *a* всякаго происхожденія (т. е. изъ первоначальнаго *a* и изъ первоначальнаго *e*) еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнилось въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ въ *ä*, а пока перехожу къ объясненію Гебауера фонетическаго процесса, дѣйствовавшаго при измѣненіи первоначальнаго *e* носового въ чешскомъ языкѣ.

Какъ указано выше, онъ предполагаетъ переходъ *e* въ *'a*, т. е. *praejotované a* (с. 51): подъ этимъ терминомъ, какъ это видно изъ § 90 (с. 89), Гебауеръ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе *ia* съ неслоговымъ *i*¹⁾. Это ясно съ одной стороны изъ того, что *'a* не смѣшивается имъ съ *a*, смягчающимъ предшествующую согласную (*'a*); ср. на с. 89 слова: *na př. bylo původně ščen'ata, ščen'átko ('a, 'á za -e-), v pozdějším ščeňata, ščeňátko jest praejotace zaniklá a takéžka ztrávena ve změkčeném ě*. Съ другой стороны Гебауеръ отличаетъ *'a, 'u* отъ *ja, ju*: это ясно въ особенности изъ § 208, гдѣ проводится рѣзкая граница между *iu* и *ju*. Наконецъ, замѣчаніе на с. 88 совершенно выясняетъ, что должно разумѣть подъ написаніями *'a, 'e* и т. д., такъ какъ здѣсь написанія *ia, ě, ie, iu* и т. д. отождествляются съ *ja, je, jé, ju* (ср. *djábel* на с. 88, а на с. 89 *diábel*), а изъ сопоставленія написаній *ia, ie* съ *'a, 'e* на с. 89 ясно, что тѣ и другія написанія обозначаютъ одни и тѣ же звуки, различно измѣнившіеся подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Дѣйствительно, древнее *ŕ* отразилось, по указанію Гебауера, въ дифтонгическихъ

1) Опредѣленіе самого автора страдаетъ неточностью: *psaním 'a, 'á, 'e, 'é, 'u, 'ú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací theoreticky žádanou, nehledíce k tomu, je-li také v dokladech psána čili nie; ср. выше: psaním ia, iá, ě, ie, iu, iú rozumíme samohlásky a, á atd. s praejotací zjevnou, zjevnou totiž u výslovnosti, a v dokladech také ve formě psané.*

сочетаніяхъ *je, jé*, которыя онъ пишетъ какъ *ě, ie* (ср. на с. 88 отождествленіе *ě* въ *město* съ *je*, а *ie* въ старочешскомъ *miesto* съ *jé*); слѣдовательно, и *chlěbъ* — *chlěba* перешло, по его мнѣнію, въ *chlěb* — *chlěba*, но эти первоначальныя формы онъ изображаетъ не черезъ *chlieb* — *chlěba*, а черезъ *chl'ěb* — *chl'ěba* по тому, что въ позднѣйшемъ періодѣ отсюда явились (съ утратой *i*) — *chlěb* — *chleba*. Не нахожу, чтобы такой приемъ могъ бы быть допущенъ въ научной транскрипціи, но какъ бы тамъ ни было Гебауеръ весьма опредѣленно разъяснилъ, что подъ написаніемъ *'a* онъ разумѣетъ дифтонгическое сочетаніе *ja*. И такъ, по его мнѣнію, *e* носовое перешло въ чешскомъ языкѣ въ *ja*. Не могу согласиться съ такимъ положеніемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) появленіе дифтонгическаго сочетанія *ja* вм. *e* было бы совершенно непонятно въ особенности потому, что въ прачешскомъ языкѣ, какъ это ясно доказываетъ еще для обще-западно-славянской эпохи польскій языкъ, *e* было не только долгимъ, но и краткимъ звукомъ; параллельно съ измѣненіемъ *e* въ *ja*, мы должны бы ждать дифтонгическое сочетаніе *jo* на мѣстѣ *o* краткаго, между тѣмъ оно перешло въ монофтонгъ *u*; 2) измѣненіе прачешскаго *ščenęta* въ совр. *ščenata* вполне аналогично появленію *щенята* въ русскомъ языкѣ, русское же *a*, смягчающее предшествующую согласную, замѣнило носовое *e* безъ посредства *ja*, которое, вѣроятно, перешло бы въ *ja*; 3) древнія и совр. чешскія река, *veda* не указываютъ на то, чтобы *pose* перешло въ *posja*: дѣйствительно, мы въ правѣ были бы ожидать тогда *vedja*; напротивъ, предположеніе формы *poša* вполне удовлетворительно объясняетъ *veda* вм. *vedy*; 4) ни въ коемъ случаѣ нельзя объяснить изъ *ja* словацкихъ *ä* и *a* въ *päta, päť, swázok, fah, ďafelina*, такъ какъ *ja* сохраняется въ словацкомъ нарѣчій безъ измѣненія, ср. *znamenä*, т. е. *znamenja*; кромѣ того *ä* является діалектически и вм. *a* послѣ нѣкогда мягкихъ согласныхъ: *čäs, ulicä*; слѣдовательно, и въ *päta* его можно выводить изъ *a* въ положеніи послѣ мягкой согласной.

Приведенныя возраженія противъ перехода *e* въ *ja* предста-

вляются одновременно доказательствами слѣдующаго положенія: носовое *e* въ чешскомъ языкѣ, такъ же какъ въ русскомъ и верхнедужицкомъ языкахъ, перешло въ *a*, смягчающее предшествующую согласную. Процессъ такого измѣненія былъ, думаю, приблизительно слѣдующій: въ обще-западнослав. эпоху, какъ ясно изъ предыдущаго разсужденія, въ сочетаніяхъ согласная *+ e* носовое, согласныя, ассимилируясь слѣдующей палатальной гласной, переходили въ палатальныя согласныя: *pe, te, le* и т. д. стали звучать какъ *pe, te, le* съ палатальными *p, t, l*. Эти палатальныя согласныя приняли сначала окраску слѣдующаго гласнаго звука, при чемъ онѣ не были ни мягки (мягкія согласныя *p', t', l'* являлись въ положеніи передъ *i*) ни полумяжки (разумѣя подъ этимъ терминомъ *p°, t°, l°*, являвшіяся въ положеніи передъ *e*); вѣроятно, онѣ были средними между тѣми и другими, а это стояло бы въ связи съ тѣмъ, что *e* было въ обще-западнославянскую эпоху нѣкогда болѣе закрытымъ звукомъ, чѣмъ *e* не носовое. Такія среднія между мягкими и полумяжкими согласныя замѣнялись, можетъ быть, еще въ обще-западнославянскую эпоху *мягкими* согласными: языкъ весьма часто сводитъ различныя оттѣнки звуковъ къ нѣкоторымъ крайнимъ, наиболѣе рѣзкимъ изъ нихъ. Но въ связи съ замѣной палатальныхъ согласныхъ передъ *e* болѣе палатальными, явилось измѣненіе носового *e* въ звукъ менѣе закрытый, менѣе палатальный: первоначальная гармонія между согласной и гласной (однородными по мѣсту образованія) была нарушена, при чемъ усиленіе палатальнаго элемента въ первомъ членѣ такихъ сочетаній вознаградилось ослабленіемъ его во второмъ. Палатальныя согласныя перешли въ мягкія *p', t', l'*, а носовое *e* въ носовое *a*. Отсюда, по утратѣ носового свойства, уже въ чешско-словацкую эпоху—*a* съ предшествующей мягкой согласной. Такъ измѣнились обще-слав. и обще-западно-слав. *peṭa, teḡ, tele* въ *p'ata, t'ag, tel'a*, откуда *p'ata, t'ah, tel'a*. Всѣ послѣдующія измѣненія основнаго *a* изъ *e* принадлежатъ позднѣйшей, чешско-словацкой эпохѣ. Сюда относится прежде всего чешско-словацкое измѣненіе *a* (послѣ мягкихъ согласныхъ) въ *ä*, далѣе распаденіе долгаго *ä* на

дифтонгическое сочетаніе *iä*, затѣмъ чешско-словацкій переходъ мягкихъ согласныхъ передъ *ä* въ полумягкія, чешскій переходъ *ä* въ положеніи передъ твердыми согласными въ *a*, въ положеніи же передъ мягкими согласными и въ концѣ слова въ *e*, чешскій же переходъ *ie* (изъ *iä*) въ *i*, словацкій переходъ *ä* въ *a*, отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ въ чешскомъ языкѣ, отвердѣніе губныхъ въ словацкомъ и т. д. Не стану останавливаться подробнѣе на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ явленій, такъ какъ они составляютъ предметъ послѣдующихъ моихъ разсужденій.

4. О дифтонгическихъ сочетаніяхъ *i* съ гласными *a*, *e*, *u* въ исторіи чешскаго языка. Подобныя сочетанія въ чешско-словацкомъ языкѣ были тройкаго происхожденія. Во первыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, а именно сочетанія *ä* и *i* съ *e* были получены еще въ обще-западно-славянскую эпоху въ соотвѣтствіи съ обще-славянскимъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ie*: на мѣстѣ древняго *ie* было получено дифтонгическое сочетаніе *ie*, сохранявшееся безъ измѣненія при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ сохранялись долгія гласныя, но измѣнявшееся въ *je* тамъ, гдѣ первоначально долгая гласная теряла свою долготу. Отсюда въ чешско-словацкомъ языкѣ *ie* и *e*, смягчающее предшествующую согласную, причемъ измѣненіе *je* въ *'e* принадлежитъ, повидимому, еще обще-западно-славянской эпохѣ¹⁾: чешско-словацк. *m'iega*, *hr'iech*, *sm'iech* и т. д. (при *m'ena*, *b'eh*, *t'esto* и т. д.). Я думаю, что *ie* оставалось безъ измѣненія въ чешско-словацкую эпоху и уже только въ словацкомъ нарѣчій перешло въ *je*: на это указываетъ чешское измѣненіе этого *ie* въ *i*; дѣйствительно, въ результатѣ стяженія

1) Измѣненіе *t'je* въ *t'e* аналогично разсмотрѣнному выше измѣненію *t'äi* (съ неслоговымъ *ä* и слоговымъ *i*) въ *t'i* (съ слоговымъ *i*) въ обще-западно-славянскомъ языкѣ: неслоговые *ä* и *ä* поглощались предшествующими палатализованными и лабиализованными согласными. Кажется, *e* въ *m'ena*, *t'esto* звучало въ чешско-словацкую эпоху болѣе закрыто, чѣмъ *e* изъ первоначальнаго *e*; это объяснило бы, почему передъ нимъ согласныя не перешли въ полумягкія подобно тому, какъ онѣ измѣнились такимъ образомъ передъ первоначальнымъ *e* (напр. въ зват. ед. *duše*).

ѣ врядъ ли получила бы долгая гласная, врядъ ли также неслоговой элементъ *i* могъ бы поглотить слоговой элементъ *e*.

Во вторыхъ, въ обще-западно-славянскомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *ie*, *iu* получались вслѣдствіе фонетическаго закона о выпаденіи *i* (неслогового *i*) между гласными, закона, дѣйствовавшаго именно въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ это допускаетъ, повидимому, и Гебауеръ на с. 563 (*shodují se tu tedy všesky jazyky západoslovanské, a to je svědectvím, že změna tato — т. е. измѣненіе оје въ é въ dobroje-dobré — роčátkem svým hluboko do doby předhistorické zasahuje*). Неслоговое *i* выпадало также въ положеніи между слоговымъ *i* и слѣдующей гласной, причемъ *i*ja, *i*ju, *i*je, *i*ja¹⁾ и т. д. переходили въ *ia*, *iu*, *ie*, *ia* (*znamenía, znameníu, znameníe, kostia*); *iji* измѣнялось въ *ii*, откуда, вѣроятно еще въ обще-западно-слав. эпоху, *i* (*znamení*). Сочетанія *ije* (*umije*), *eje* (*pršije*), *ija* (*dija*) и др., по выпаденіи *i*, также перешли въ обще-западно-слав. эпоху въ *ie* (*umie*), *ie* (*pršie*), *ia* (*dia*). Въ чешско-словацкомъ языкѣ дифтонгическія сочетанія *ia*, *iu*, *ie* и др. сохранялись безъ измѣненія первой ихъ части (объ измѣненіи второй скажу въ слѣдующемъ разсужденіи): *i* не переходило въ неслоговое *i*. На это указываютъ тѣ же два обстоятельства, которыя приведены выше при разсмотрѣннн судьбы дифтонгическаго сочетанія *ie* изъ *ъ* въ чешскомъ языкѣ: а именно чешское *ī*, являющееся какъ результатъ стяженія *ia*, *iu*, *ie*, показываетъ во 1) что первая часть дифтонга — *i* была слоговой, иначе она не могла бы поглотить второй его части, во 2) что въ этихъ сочетаніяхъ было два слоговыхъ элемента, иначе врядъ ли бы въ результатѣ стяженія явилась долгота.

Опредѣляя условія, при которыхъ между гласными исчезало

1) Гебауеръ предполагаетъ, что въ общеслав. языкѣ были не эти сочетанія, а *ija*, *iju*, *ije* и т. д. (ср. с. 559 и сл.). Но я, вслѣдъ за другими изслѣдователями, принимаю уже для общеслав. языка переходъ *ъ* и *ь* передъ «*i* + гласная» въ *u* и *i*. Между прочимъ на него указываетъ и чешское окончаніе им. ед. именъ прилагательныхъ (*dobrý*): *ъ*ъ измѣнилось бы не въ *ý* (изъ *uj*), а въ *e*. Впрочемъ, на с. 559 самъ Гебауеръ допускаетъ возможность переходной ступени между *ъ*ъ и *ý* въ видѣ *uj*.

въ обще-западно-славянскую эпоху неслоговое *i* (по Гебауеру *j*), Гебауеръ на сс. 555, 556, 557 съ одной стороны предполагаетъ, что оно выпадало лишь при *неударяемости* слѣдующей за нимъ гласной, при чемъ это, по его мнѣнію, объясняетъ появленіе *děláš* изъ *děláješ* при *laješ* изъ *lajěš*; *smieš* изъ *směješ*, а *směješ se* изъ *směješ se*; съ другой стороны онъ указываетъ, что выпаденіе *ĭ* и послѣдующее стяженіе обуславливались *ударяемостью* слѣдующей за нимъ гласной: *táti* изъ *tajàti*, но *staje* изъ *stàja*, *má* изъ *mojà*, но *dvòje* изъ *dvòja*. Думаю, что Гебауеръ попалъ на вѣрную мысль искать объясненія нестяженныхъ формъ при стяженныхъ въ условіяхъ ударенія, но допущенное при этомъ противорѣчіе я не могу себѣ объяснить. Мнѣ кажется, что еще въ обще-славянскомъ языкѣ, въ зависимости отъ ударяемости или неударяемости слѣдующей гласной, различались *j* и *ĭ*, а именно *ĭ* являлось только передъ неударяемыми гласными, а *j* передъ ударяемыми. Если допустить, что въ обще-западно-славянскую эпоху выпадало древнее неслоговое *i*, а не *j*, то чередованіе, замѣчаемое уже въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго языка между *moje* и *mé*, *moja* и *má* (Гебауеръ III, 491), должно объяснить такъ, что нестяженные формы восходятъ къ формамъ съ удареніемъ на окончаніи (*mojà*, *mojìxъ* и т. д.), а стяженные къ формамъ съ удареніемъ на корнѣ или на двусложномъ окончаніи (*mòjeго*, *mòjemu*, ср. русск. по мѣму, чакавск. *mòjeга*, *mòjemu*, также *mojegò*, *mojemù*, русск. моего, моего, чакавск. *mojegà*, *mojemù*). *Státi* восходитъ къ *stòjati* (ср. русск. стòять при стòять), а *stojákъ* къ *stojàкъ* (русск. стòякъ); *bázeň* восходитъ къ *bòjazň* (сербск. бòjâзан прилаг., русск. бòязно); *rás* восходитъ къ *ròjasъ* (русск. рòясъ); *láti* къ *làjati* (русск. лàять) и т. д. Что же касается словъ какъ *staje* или *šije*, то стяженію въ нихъ препятствовала аналогія другихъ женскихъ именъ на *ja*, какъ напр. *zmije*.

Въ третьихъ, въ чешско-словацкую эпоху къ приведеннымъ выше дифтонгамъ прибавилось еще *iä*, явившееся изъ *ä* долгаго, которое въ свою очередь, по закону о суженіи гласныхъ, изъ *ä*,

причемъ измѣненіе *ä* долгаго въ *ia* совершенно аналогично чешско-словацкому измѣненію о долгаго въ *uo* (см. о немъ у Гебауера, § 183). О случаяхъ сюда относящихся (каковы напр. чешско-словацк. *riätü* или *riäd'*) скажу въ слѣдующемъ разсужденіи.

Въ чешскомъ нарѣчій чешско-словацкіе дифтонги измѣнялись двоякимъ образомъ: или первый элементъ ассимилировалъ себя второй, а затѣмъ окончательно поглощалъ его, переходя при этомъ изъ краткаго въ долгое *i*; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною палатальною, сродною слѣдовательно съ *i*: такъ стянулись *ie* (изъ *ie* и изъ *iä*), *iü* (изъ *iu*) въ *ī*: *znamenī* изъ *znamenie* и *znamenīä* (вм. *znamenīa*), а также изъ *znamenīü* (вм. *znamenīu*); *riid* изъ *ried'* (вм. *riäd'*). Или же второй элементъ ассимилировалъ себя первый и затѣмъ окончательно его поглощалъ, замѣняя при этомъ свою краткость долгою; это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ второй элементъ былъ гласною *a* (новаго происхожденія, изъ чешско-словацкаго *ä*, о чемъ ниже): *ia* переходило въ *ea-äa-aa* и далѣе въ *ā*, при чемъ само собою понятно, что предшествующія мягкія согласныя, переходя сначала въ полумягкія (передъ *ea*), затѣмъ отвердѣвали: *rátü* изъ *riätü*, а это изъ чешско-словацкаго *riätü*. Вѣроятно, кое что въ этихъ положеніяхъ покажется не достаточно обоснованнымъ. Слѣдующее разсужденіе должно выяснить тѣ измѣненія, которымъ еще въ чешско-словацкую эпоху подверглась вторая часть дифтонгическихъ сочетаній *ia*, *iu*.

Въ словацкомъ нарѣчій дифтонгическія сочетанія *ie*, *iü* (откуда *iu*), *iä* (откуда *ia*) переходили съ теченіемъ времени въ *je*, *ju*, *jä*: *znamenje*, *znamenju*, *znamenja*, *riäd'*, *riätü*.

5. О чешско-словацкомъ суженіи гласныхъ (перегласовка). Терминами *přehláska* и *přehlasování* Гебауеръ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, обозначаетъ измѣненіе *a* въ *ě* (*e*) и *u* въ *i*, измѣненіе, вызванное мягкими согласными (стр. 122). Это измѣненіе онъ признаетъ не общимъ для всего чешско-словацкаго языка, а ограничиваетъ его дѣйствіе только западной его половиной, т. е. чешскими и частью западно-моравскими говорами

(ср. § 103, стр. 118 и § 211). При этомъ, употребляя общій терминъ для этихъ звуковыхъ явленій (перехода *a* въ *e*, *u* въ *i*), Гебауеръ, очевидно, имѣетъ въ виду только конечный результатъ, полученный вслѣдствіе измѣненія звуковъ *a* и *u*; самый процессъ измѣненія въ томъ и другомъ случаѣ былъ, по его мнѣнію, различный. Описывая въ § 104 измѣненіе *a* въ *e*, онъ объясняетъ его ассимиляціею звука *a* предшествующей согласной: въ сочетаніи *ša* было два разнородныхъ элемента—мягкая передненѣбная (*měkká, rodnebná*) согласная и задненѣбная (*hrdelná*) гласная; приближаясь все ближе и ближе къ тому положенію органовъ рѣчи, при которомъ произносится *š*, гласная *a* принимала оттѣнки, все болѣе и болѣе отличающіеся отъ задненѣбнаго *a*, пока наконецъ она не стала звучать какъ *'e*, *ě*, т. е. *duša* измѣнилось въ *dušě*. Отсюда ясно, продолжаетъ Гебауеръ, почему слѣдующія за *a* твердая согласная и широкая гласная препятствуютъ перегласовкѣ, напр. *ja*ко, а не *jě*ко, и почему, напротивъ, мягкая согласная и узкая гласная поддерживаютъ такой переходъ, напр. *zarřahu*, но *zarřěžeš* и т. д. Изъ приведеннаго описанія Гебауера видно, что онъ объясняетъ переходъ *a* въ *e* уподобленіемъ *a* предшествующей согласной; поэтому замѣчаніе, что *a* переходило въ *'e*, *ě* должно быть признано неточнымъ, если мы вспомнимъ, что по § 90 знакъ *'e* обозначаетъ *je*. Впрочемъ, указанная неточность нисколько не затемняетъ сути дѣла: очевидно, Гебауеръ хотѣлъ сказать, что *'a* (т. е. *a* съ предшествующей мягкой согласной) переходило въ *'e* (т. е. *e* съ предшествующей мягкой согласной).

Въ § 163, озаглавленномъ *«i vzniká podružně v slabikách měkkých před u a a»*, описывается процессъ измѣненія *u* въ *i*. Изъ сопоставленія этого описанія со сказаннымъ въ §§ 207 и 209 видно, что Гебауеръ допускаетъ для чешскаго нарѣчія измѣненіе *či, šu, žu, ňu, ju* и т. д. въ *čju, šju, žju, ňju, jju*, объясняя его появленіемъ паразитнаго *j*, возникавшаго при переходѣ отъ мягкой согласной къ гласной *u* (с. 270); въ диетонгахъ *ju, jū* первый членъ получалъ все болѣе и болѣе перевѣсъ надъ вторымъ,

и въ результатѣ вм. *ju* явилось *i*, а вм. *ju* — *i*: *dušu* черезъ посредство *dušju* измѣнилось въ *duši*, *našu* черезъ посредство *našju* въ *naši* и т. д. Съ этимъ чешскимъ явленіемъ, называемымъ *proniknoutím měkkosti v jotaci* (с. 89 и др.), Гебауеръ сопоставляетъ во 1) предполагаемый имъ, на основаніи написаній какъ *mžju*, *možju*, старославянскій и древне-русскій переходъ *žj*, *šj*, *šja* въ *žju*, *šju*, *žja*, *šja*, во 2) словацкое измѣненіе *čä*, *žä* и т. д. въ *čia*, *žia*: *žia* въ соотвѣтствіи чешскому *žäg*, *čias* въ соотвѣтствіи чешскому *čas*.

Остановлюсь сначала на приведенномъ объясненіи Гебауера чешскаго перехода *u* въ *i* послѣ мягкихъ согласныхъ. Прежде всего замѣчу, что указанныя имъ явленія старославянскаго и русскаго языковъ ничего общаго съ выдѣленіемъ мягкими согласными паразитнаго *i* не имѣютъ: *mžju* старославянскихъ, *možju* русскихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ или только о мягкости *ж* или, кромѣ того, о какомъ то измѣненіи звука *у* въ направленіи къ *i* (*ü*). Словацкое *ia* мы находимъ въ соотвѣтствіи только съ долгимъ *a* чешскихъ говоровъ: слѣдовательно *čias* вм. *čas* нельзя сравнивать съ предполагаемымъ *dušju* вм. *dušu*, такъ какъ **ju* является на мѣстѣ какъ долгаго, такъ и краткаго *u*. Далѣе, допустивъ появленіе паразитнаго *i* въ положеніи между смягченной согласной и *u*, мы ожидали бы параллельнаго измѣненія *a* въ *ja*: рядомъ съ *dušju* изъ *dušu* должно было возникнуть *dušja* изъ *duša*; между тѣмъ Гебауеръ не допускаетъ такого перехода, объясняя *dušě* непосредственно изъ *duša*. Не подлежитъ сомнѣнію, что между мягкой согласной и слѣдующей гласной можетъ развиваться паразитное *j*, но такое явленіе захватываетъ обыкновенно только одинъ какой нибудь рядъ согласныхъ; такъ въ особенности часто на мѣстѣ мягкихъ губныхъ возникаютъ сочетанія губныхъ *j*, ср. совр. чешск. *bjeň*, *mjeň* (пш. *běň*, *měň*) вмѣсто чешско-словацк. *b'eh*, *m'ech* (отсюда, съ отвердѣніемъ губныхъ, въ словацкомъ *beh*, *meh*). Въ предположенномъ же Гебауеромъ старо-чешскомъ явленіи паразитное *i* возникаетъ послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ и даже послѣ *j*; если мы при-

мемъ во вниманіе, что l' въ очень древнюю эпоху измѣнилось въ чешскихъ говорахъ въ l (среднее), появленіе l̄ud (откуда lid) вм. lud (изъ l̄ud) станетъ непонятнымъ, такъ какъ врядъ ли паразитное i могло бы выдѣляться изъ немягкой согласной; изъ сравненія чешскаго и словацкаго нарѣчій вытекаетъ, что согласныя s, z, dz, c отвердѣли уже въ чешско-словацкую эпоху; непонятно, какимъ же образомъ *si*, напр. въ *sviesi*, *věpsi*, могло измѣниться въ *siu* (ср. совр. *svíci*, *věpsi*) въ чешскую эпоху. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я нахожу объясненіе, предложенное Гебауеромъ тому фонетическому процессу, въ результатѣ котораго вм. *i* явилось въ чешскомъ языкѣ *i*, неправильнымъ. Мнѣ кажется, что Гебауеръ введенъ въ заблужденіе здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, особенностями старо-чешской графика. Дѣло въ томъ, что, начиная съ XIV вѣка, звуковыя сочетанія *šu*, *šu*, *su*, *žu*, *řu*, *řu* и т. д., изображаются въ чешскихъ, и при томъ, какъ видно изъ указаній Гебауера на с. 271, только въ западно-чешскихъ памятникахъ, черезъ *ssyu* (*dussyu*), *ziu* (*krsiziu*), *czyu* (*ogaczyu*), *ciu* (*zamuciugiu*), *liu* (*liubost*), *gzyu* (*morzyu*), *lyu* (*spasytelyu*), *gziu* (*gziugiucz*) и т. д.; см. примѣры у Гебауера, (с. 268 и 270), который однако ошибочно смѣшиваетъ ихъ со случаями, гдѣ написанія *yu*, *iu* могутъ обозначать дифтонгическое сочетаніе *iu*, перешедшее въ чешскій языкъ изъ чешско-словацкой эпохи и въ немъ еще не стяннувшееся: *giedenisu* Виттенбергской псалтыри середины XIV в., *shwalenisu* въ древней псалтыри съ чешскими глоссами и др. надо сопоставлять съ написаніями *bduenyu*, *bdienie* тѣхъ же памятниковъ, гдѣ *ye*, *ie* по Гебауеру (с. 188) обозначаютъ дифтонгическое сочетаніе *ie*. Но и въ этихъ случаяхъ видимъ иногда странное удвоеніе буквы, обозначающей звукъ *i*: *zmyřtyiu*, *podnozyiu*; ср. изображеніе *ju* черезъ *gyiu* (*dyekugyiu*), *giu*, *gyu* (*zweistugyu*, *bogiugiuci*). Какъ же объяснить себѣ подобное графическое явленіе? Что *y*, *i* въ *dussyu*, *krsiziu* не обозначаетъ мягкости согласныхъ *š*, *ž* видно 1) изъ того, что сочетанія *ša*, *ža* писались черезъ *ssya*, *zia* вообще очень рѣдко (Гебауеръ, с. 128) и можетъ быть частью лишь тамъ,

гдѣ въ живомъ произношеніи писца слышалось дифтонгическое сочетаніе, подобное словацкому *ja* въ *rošiatok* (чешск. *rošátek*); 2) изъ того, что въ памятникахъ, относящихся къ восточной половинѣ чешской семьи, какъ доказываетъ Гебауеръ (с. 271), подобнаго изображенія мягкости согласной не встрѣчается (*slubugu, prawiczu, dussu, chczu* и т. д.). Вотъ почему Гебауеръ рѣшился связать описываемое графическое явленіе съ западно-чешскимъ звуковымъ измѣненіемъ *и* послѣ согласныхъ въ *i*, объясняя указанныя написанія какъ изображеніе дифтонгического сочетанія *ju*, возникшаго указаннымъ выше путемъ, и принимая его за посредствующій звукъ между древнимъ *и* и новымъ *i*. Мысль Гебауера какъ будто подтверждается еще однимъ остроумнымъ его соображеніемъ: сочетанія *či, šu* и т. д. изображаются въ ихъ новомъ, измѣненномъ фонетическомъ видѣ при помощи только буквъ *у* и *i* (*czyu, ssiu*), а никогда не черезъ *g*, которое служитъ знакомъ для звука *j*; слѣдовательно, *či, šu* перешли именно въ *čju, šju*, а не въ *čji, šji*; а этотъ выводъ стоитъ въ связи, какъ съ возможностью такихъ написаній какъ *bogiugiuci* (произносившееся, по мнѣнію Гебауера, какъ *vojjujúci*, а не какъ *vojjujúci*, откуда для него очевидно, что *iu* обозначало не *ju*, а *ju*), *dyekugyiu* (*děkujú*), такъ и съ самымъ переходомъ *и* въ чешское *i*, которое, по мнѣнію автора исторической грамматики, легче всего объяснить изъ дифтонгического сочетанія *ju* (ср. у Гебауера, с. 269 — 270).

Но я остаюсь при выше приведенномъ мнѣніи, что *či, šu, iu* и т. д. не могли измѣниться въ *čju, šju, iju* и что, слѣдовательно, для чешскаго *i* изъ *и* надо искать другого объясненія. Мнѣ кажется, что графика чешскихъ памятниковъ подсказываетъ правильное разрѣшеніе вопроса: дѣйствительно, если Гебауеръ не рѣшается допустить на основаніи написанія *bogiugiuci* произношенія *vojjujúci*, то также трудно признать возможнымъ произношеніе *vojjujúci*: думаю, что сочетаніе *jj*, если бы даже оно возникло въ языкѣ, тутъ же измѣнилось бы въ *j* или *ĵ*; но если *iu* въ *bogiugiuci* нельзя прочесть ни какъ *ju* ни какъ *ju*, то

остається предположить, что *im* изображало не два звука, а одинъ; — предположить, что *im* изображало звукъ *и* со смягченіемъ предшествующей согласной, конечно, возможно, при чемъ *giu*, т. е. *ju*, въ *hogiugiuci* можно было бы сопоставить съ *gio* въ *obuŕegiowé* (Гебауеръ, 528); но противъ такого предположенія говорить то обстоятельство, что подобныя *im*, *um* встрѣчаются только въ западно-чешскихъ памятникахъ, при чемъ это ставить ихъ въ связь съ измѣненіемъ *и* въ *i*. Въ виду этого остається лишь одно возможное предположеніе: *um*, *im* были приблизительнымъ и неточнымъ изображеніемъ того звука, въ который перешло *и* послѣ смягченныхъ согласныхъ и который затѣмъ измѣнился въ *i*; такимъ звукомъ было несомнѣнно *ï*: изслѣдователь, даже незнакомый съ графикой чешскихъ памятниковъ, сопоставляя старое *lud* съ новымъ *lid*, старое *juh* съ новымъ *jih*, долженъ предположить посредствующія *lüd*, *jüh*.

И такъ, мы должны допустить, что въ извѣстную эпоху жизни чешскаго языка мягкія согласныя измѣнили слѣдующій за ними звукъ *и* въ *ï*: подобное измѣненіе, по происхожденію своему, есть уподобленіе гласной предшествующей согласной; фізіологическую возможность такого уподобленія доказываетъ то, что и въ другихъ славянскихъ языкахъ, хотя и въ спорадическихъ случаяхъ, встрѣчается при сходныхъ условіяхъ измѣненіе *и* въ *ï*; даже въ русскихъ говорахъ извѣстно произношеніе чайк'ï (вм. чайку), д'ейшка (вм. дяюшка), а въ нашемъ литературномъ нарѣчій мы сплошь да рядомъ произносимъ звукъ *и* между двумя мягкими согласными какъ *ï* (*lubiš*). На то, что именно такой переходъ звука *и* въ направленіи къ *i* былъ возможенъ въ чешскомъ языкѣ, указываетъ разсмотрѣнное уже выше измѣненіе *a* въ *e*, которое, вслѣдъ за Гебауеромъ, я понимаю какъ слѣдствіе сначала постепеннаго, а въ результатѣ полнаго уподобленія звука *a* предшествующей мягкой согласной. Но соотвѣтствіе между измѣненіемъ напр. *ŕa* въ *ŕe* и *ŕu* въ *ŕï* нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что *ŕï* (откуда *ŕi*) мы находимъ не только передъ мягкими согласными и въ концѣ слова, но также и передъ

твердыми согласными, а *še* изъ *ša* передъ твердыми согласными вообще не извѣстно (*šas*, но *sit*). Если же мы предположимъ, что *ša* измѣнилось сначала въ *šā*, а потомъ уже или въ *še* или въ *ša* (передъ твердыми согласными), то указанное несоотвѣтствіе будетъ устранено: *ša* и *šū* всюду, при всякихъ условіяхъ, переходили въ *šā* и *šū*; измѣненіе же *šā* въ *še* уже не параллельно и не тождественно съ измѣненіемъ *šū* въ *šī*, такъ какъ происходило при разныхъ условіяхъ и, можетъ быть, въ разное время.

Приведенныя соображенія ведутъ насъ къ неминуемому заключенію о томъ, что въ явленіяхъ перегласовки или суженія гласныхъ надо различать два момента: къ первому принадлежитъ переходъ *a* и *u* въ *ā* и *ū* подъ влияніемъ предшествующихъ согласныхъ, ко второму относится измѣненіе *ā* въ *e* и съ нимъ несходное, возникшее при особыхъ отъ него условіяхъ измѣненіе всякаго *ū* въ *i*. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ явленій, считаю возможнымъ теперь же утверждать, что первый изъ указанныхъ двухъ моментовъ принадлежитъ чешско-словацкой эпохѣ, а второй имѣлъ мѣсто уже въ эпоху отдѣльной жизни чешскаго нарѣчія. Правда, съ одной стороны мы не найдемъ прямыхъ указаній на то, что и въ словацкомъ существовало нѣкогда *ū*, замѣнившее *u*, но современное словацкое *u* возможно объяснять изъ *ū*, при чемъ, слѣдовательно, чешско-словацкое *ū* измѣнилось бы въ *i* въ чешскомъ нарѣчіи, а въ *u* въ словацкомъ. За то съ другой стороны мы находимъ рядъ указаній на то, что словацкому нарѣчію въ его исторіи не чуждъ звукъ *ā* изъ *a*: такъ, во-первыхъ, такое *ā* до сихъ поръ слышится послѣ губныхъ (*pāta*, *svāzok*, *pāf*, *ramāf*, *holūbā*), а диалектически также и послѣ другихъ согласныхъ: *šās*, *pošā*, *ulicā*, *grāzda*, *jātrīc* и т. д. (Гебауеръ 131). При этомъ твердый характеръ губныхъ въ словацкомъ нарѣчіи не позволяетъ объяснять такое *ā* изъ *a* влияніемъ смягченной согласной и поэтому уже вѣроятно, что *ā* должно восходить къ болѣе древней, чешско-словацкой эпохѣ; такое предположеніе становится особенно убѣдительнымъ, если мы сопоставимъ словацкое *pāf* съ чешскимъ *pēt*. Во-вторыхъ, въ

соотвѣтствіи съ *ä* въ краткихъ слогахъ находимъ *ia* въ долгихъ, т. е. словацкое *ä* соотвѣтствуетъ краткому, а *ia* — долговому звуку чешкословацкаго языка и чешскаго нарѣчія: ср. *piatok*, *ramiatka*, *riad* въ соотвѣтствіи съ чешскими *rátek*, *ramátka*, *říd*. Такое *ja* (пишется *ia*) очевидно восходитъ къ дифтонгическому сочетанію *ia*, которое, въ свою очередь, указываетъ на то, что гласная, замѣненная дифтонгическимъ сочетаніемъ, была долгая: дѣйствительно, долгая гласная должна была измѣниться именно въ сочетаніе съ двумя слоговыми гласными, а не въ сочетаніе неслоговая гласная + слоговая. Но долгая гласная, распавшаяся на сочетаніе *ia*, должна была принадлежать къ пѣбнымъ гласнымъ, такъ какъ предположеніе о томъ, что въ *ia* перешло *ä* (*piatok* изъ *p'ätok*); опровергается во всякомъ случаѣ тѣмъ, что распаденію на дифтонгическое сочетаніе подлежатъ въ славянскихъ языкахъ гласныя смѣшаннаго характера, а никакъ не *a* (ср. *uo* вм. *o* долгаго, *ie* вм. *e* долгаго; діалектически въ моравскихъ говорахъ, ср. Гебауеръ § 128). Объяснять же, вслѣдъ за Гебауеромъ (§ 163 и др.), словацкое *piatok* изъ *p'ätok* тѣмъ, что за мягкимъ *p* явилось паразитное *i* или *j*, нельзя хотя бы потому, что *ä* при этомъ отражается въ словацкомъ въ видѣ *ä*. Остается признать что *ja* въ *piatok* изъ *ia*, а *ia* замѣнило *ä* долгое, непосредственно же *iä*: предположеніе *ä* долгаго въ чешкословацкомъ словѣ, соотвѣтствующемъ чешскому *rátek*, словацкому *piatok*, вѣроятно какъ само по себѣ, такъ въ особенности потому, что, въ соотвѣтствіи съ предполагаемымъ *ä* долгимъ, мы дѣйствительно находимъ краткое *ä*: словацкое *pät*. Но *ja* на мѣстѣ чешскихъ *á* и *í* является въ словацкомъ не только послѣ губныхъ, но также послѣ всѣхъ вообще согласныхъ: *riad*, *čias* р. мн. (им. ед., діалектически: *čäs*), *priast* и *priadza* (ср. діалект. *prädza*), *čiaga*, *mesiac*, *tiahnut*, *triasť sa*, *desiatok* и т. д.: это обстоятельство съ одной стороны утверждаетъ меня въ мысли, что *ja* нельзя объяснять *proniknoutím měkkosti v jotaci* (Гебауеръ), такъ какъ напр. *s* (ср. *mesiac*, *desiatok*) отвердѣло еще въ чешкословацкую эпоху, а съ другой указываетъ, что *ä* дол-

гое, а слѣдовательно и краткое замѣнили въ чешскословацкомъ $\bar{a}$ и $\bar{i}$ не только послѣ мягкихъ губныхъ, но и вообще послѣ всѣхъ мягкихъ согласныхъ.

И такъ перехожу къ перегласовкѣ или суженію гласныхъ въ чешскословацкую эпоху. Въ обще-западно-славянскую эпоху, какъ мы видѣли, рядомъ съ сочетаніями «палатализованная согласная + гласная» были извѣстны сочетанія «лабиализованная согласная + гласная». Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ полное соотвѣтствіе между степенью небности или лабиализаціи согласной и слѣдующей гласной существовало далеко не во всѣхъ сочетаніяхъ: правда, мы находимъ здѣсь соченія r^i , t^e , n^u , но рядомъ были извѣстны и s^a , s^u , r^a , а также d^a , r^a , или d^a , g^a (ср. выше въ разсужденіи объ обще-западно-славянской лабиализаціи). Это несоотвѣтствіе другъ другу обоихъ элементовъ — согласной и слѣдующей за нею гласной въ чешскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ (между прочимъ въ ниже-лужицкомъ), устранялось уподобленіемъ гласной предшествующей согласной (ср. ниже-лужицкій переходъ o^2 , т. е. открытаго o ; въ *uo* послѣ лабиализованныхъ губныхъ и гортанныхъ). Въ результатѣ уподобленія a и u предшествующимъ палатализованнымъ согласнымъ явились соотвѣтствующія небныя — $\bar{a}$, $\bar{i}$; такому же измѣненію подверглось o , перешедшее въ $\bar{o}$ послѣ мягкой согласной въ нѣкоторыхъ грамматическихъ образованіяхъ, гдѣ o замѣнило e въ чешскословацкую, а можетъ быть еще и обще-западно-славянскую эпоху. Одновременно съ переходомъ a , u , o въ $\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{o}$ послѣ мягкихъ согласныхъ имѣлъ мѣсто переходъ a , u въ $\bar{a}$, $\bar{i}$ и послѣ звука i въ сочетаніяхъ ia , iu , полученныхъ еще изъ обще-западно-славянскаго языка. Разсмотрю отдѣльно случаи, гдѣ въ чешскословацкомъ явились $\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{o}$ новаго происхожденія, отмѣтивъ, что появленіе ихъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей отвердѣнію согласныхъ s , z , dz въ чешскословацкомъ языкѣ.

Звукъ a измѣнился въ чешскословацкую эпоху въ $\bar{a}$, какъ въ сочетаніяхъ, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ

«смягченная согласная + а» (ša, ľa, ga, ja и т. д.), такъ въ сочетаніяхъ «мягкая согласная + а», гдѣ мягкость согласной явилась въ обще-западно-славянскую эпоху (r'a, t'a, g'a, ja и т. д. непосредственно изъ r'a, t'a, g'a, ja), такъ, наконецъ, и въ сочетаніи *ia*, возникшемъ въ обще-западно-славянскую эпоху изъ *ija*. При этомъ уже въ чешкословацкую эпоху *ä* изъ *a* имѣло двоякую окраску: вообще на мѣсто *a*, подъ влияніемъ предшествующаго нѣбнаго (вполнѣ мягкаго) звука, являлось *ä* закрытое (*ä*¹ Сиверса); но тамъ, гдѣ за *a* слѣдовала твердая согласная, оно не могло измѣниться такъ далеко въ направленіи къ *i* и переходило въ *ä* открытое (*ä*² Сиверса). Подобное различіе *ä*¹ и *ä*² для чешкословацкаго періода доказывается тѣмъ, что древнее *a* послѣ мягкой согласной и передъ согласными, отвердѣвшими еще въ чешкословацкомъ языкѣ, имѣетъ въ чешскомъ ту же судьбу, что передъ согласными, сохранявшимися мягкими или полумягкими еще въ чешскую эпоху (ср. чешскія *ě* передъ *z* въ *kněz*, *vítěz*, — *ie*, откуда *í*, передъ *z*, *s*: *repiez*, *měsíc*, откуда *repíz*, *měsíc*, *viece*, откуда *více*). Долгія *ä*¹ и *ä*² распались въ чешкословацкомъ въ дифтонгическія сочетанія *iä*¹ и *iä*², подобно тому какъ въ немъ распалось *o* долгое въ *uo* (чешкословацкое *uoň*, *poň* и т. д.). Любопытно при этомъ, что положеніе звука *ä* послѣ *j* не помѣшало измѣненію его въ *iä*: такъ *zajäs* (съ *ä* долгимъ) изъ *zajäs* перешло въ *zajiiäs*: отсюда, какъ увидимъ ниже, въ чешскомъ *zajíc* (*i* изъ *iä*¹), а въ словацкомъ *jja*, откуда тотчасъ же *ja* или *ja*: *zajac* (съ *a* краткимъ). Дифтонгическое сочетаніе *iä* изъ *ä* долгаго совпало такимъ образомъ по звуку съ *iä* изъ болѣе древняго *ia* (общеслав. *ija*). Приведу примѣры, гдѣ въ чешкословацкую эпоху существовали новые звуки *ä*¹ и *ä*² отдѣльно или въ сочетаніи съ предшествующимъ *i*. Чешкословацк. *ä*¹: *dušä*, *višňä*, *bůňä*, *vuolä*, *dietä*, *p'ät°*, *kn'áz* (откуда *kn'áz*), *běžäli*, *časē* (мѣстн. ед.); *iä*¹: *sudiä*, *bratriä*, *znameniä* (р. ед.); *čiasä*, *piäd°*, *měsiäc* (откуда *měsiäc*); *ä*²: *t'äh*, *úräd*, *s'ädu*, *jäsný*, *č'äs*; *iä*²: *riäd*, *piätý*, *tiähnút*, *jiäma*, *sedliäk*. Звуки *ä*¹, *ä*² и дифтонгическія сочетанія *iä*¹, *iä*² сохранялись въ чешкословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *и*, въ положеніи за мягкой согласной, а также въ дифтонгическомъ сочетаніи *и* (изъ *іи*, *іа*), измѣнился въ *и*. Краткое *и* находимъ, напримѣръ, въ чешскословацкихъ: *l'ud*, *c'udzi*, *br'ũcho*, *št'ũka*, *jũtro*, *mor'ũ*, *vuol'ũ*; долгое *и* въ *kl'ũè*, *krujũ* (3 л. мн.) и т. д.: *и* въ формахъ, какъ *znamenĩi*, *bratřĩi* (вин. ед.). Звукъ *и* и дифтонгическое сочетаніе *и* сохранялись въ чешскословацкую эпоху безъ измѣненія.

Звукъ *о* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ былъ въ чешскословацкомъ языкѣ сравнительно новаго происхожденія. Въ общеславянскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ *е*, измѣнившееся въ *о* по причинамъ нефонетическимъ, можетъ быть, еще въ обще-западно-славянскую эпоху. Въ § 180 Гебауеръ даетъ любопытныя указанія на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ чешскаго языка, въ различныхъ окончаніяхъ падежей и именныхъ основъ, слышалось уже *о* вм. общеславянскаго *е*: *kopom* (т. е. *kojóm*), *otczowe*, *od muzow*, *kralowi*, *plecoma*, *s czyzolozezy* (*sizoložec*), *scalowstwo*, *ohnouata mluwa* и т. д. Сопоставляя подобную же нефонетическую замѣну *е* черезъ *о* въ польскомъ и лужицкихъ языкахъ, Гебауеръ признаетъ ее особенностью, свойственною всѣмъ западно-славянскимъ языкамъ, особенностью, восходящею, слѣдовательно, къ эпохѣ обще-западно-славянскаго единства. Указавъ на то, что подобное же *о* вм. *е* находимъ во многихъ современныхъ чешскихъ и моравскихъ говорахъ, авторъ исторической грамматики справедливо признаетъ это *о* не стоящимъ въ прямой генетической связи съ старочешскимъ *о*, такъ какъ между древнѣйшею эпохою, знавшею въ приведенныхъ случаяхъ *о*, и новѣйшею находится такая эпоха, гдѣ на мѣсто *о* и *ѳ* явились *ѳ* и *іе*; начиная съ самаго начала XIV и кончая концомъ XV вѣка (ср. Гебауеръ, с. 240), въ памятникахъ наблюдаются написанія, какъ *ogasziew*, *diediczyewi*, *bogiewu*, *muziem*, *kralewy*, *tan-cziewati*, *słowo otcziewo* и т. д.; слѣдовательно, въ современныхъ *ягсо*, *mužovi*, *dušo*, *čomu* и т. д. *о*, уже на почвѣ чешскихъ и словацкихъ говоровъ, замѣнило болѣе древнее *е* подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій отъ твердыхъ основъ (*vliivem* *pağal-*

lalních tvarů tvrdých, mořo podle město atp.; Гебауеръ, с. 238). Я вполне раздѣляю соображенія Гебауера и перехожу къ вопросу, какъ же явились тузіемъ вм. туژیомъ, отсѣво вм. отсово. Гебауеръ (с. 240) объясняетъ появленіе ѣ, іе въ подобныхъ формахъ вліяніемъ аналогіи, а именно вліяніемъ склоненія женскихъ основъ на *a* на склоненіе мужскихъ и среднихъ основъ на *o*: рядомъ съ формами дат. мн. *ogačomъ*, *mořomъ*, были извѣстны формы какъ *dušiemъ*, *rapiemъ* (чешскословацкія *dušiamъ*, *rapiamъ* непосредственно изъ *dušamъ*, *rap'amъ* съ *ä* долгимъ, а эти изъ *duš'amъ*, *rap'amъ*); рядомъ съ *ogačoma*, *mořoma* были *dušěma*, *rapoěma*; вслѣдствіе этого явились *ogačiemъ*, *mořiemъ*, *ogačěma*, *mořěma*; чередованіе *ogačoma* и *ogačěma* вызывало при *ogačovi* *ogačěvi*. Такое объясненіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ во 1) предполагаетъ вытѣсненіе дѣйствія одной аналогіи, и при томъ аналогіи весьма естественной и доказанной для разныхъ періодовъ существованія разныхъ славянскихъ нарѣчій (вліяніе твердыхъ основъ на склоненіе мягкихъ), — дѣйствіемъ другой, и при томъ весьма сомнительной (вліяніе склоненія женскихъ основъ на мужскія и среднія), во 2) упускаетъ изъ виду, что уже съ XVI — XVII вѣка на смѣну этой новой аналогіи появляется опять первоначальное вліяніе твердыхъ основъ на мягкія, при чемъ въ 3) *ogačěma*, *ogačěvi* не только явились при *ogačoma*, *ogačovi* и чередовались съ ними, но даже окончательно ихъ вытѣснили въ XIV и XV вв. Уже въ виду кратковременности безраздѣльнаго господства формъ какъ *ogačěvi*, *ogačěma*, надо признать, что онѣ замѣнили *ogačovi*, *ogačoma* подъ вліяніемъ извѣстнаго фонетическаго закона, съ прекращеніемъ дѣйствія котораго прекратилось и ихъ существованіе. Вотъ почему я допускаю фонетическій переходъ *o* въ *e* послѣ смягченныхъ согласныхъ. Имѣя въ виду, что, одновременно съ измѣненіемъ послѣ смягченныхъ согласныхъ *a* и *u* въ *ä* и *ü*, въ томъ же положеніи должно было измѣниться и *o*, я отношу измѣненіе *o* послѣ смягченныхъ согласныхъ къ чешско-словацкому періоду и допускаю переходъ его не въ *e*, а въ *ö*: *č'o* измѣнилось въ *č'ö*, подобно

тому какъ $\acute{c}'a$ въ $\acute{c}'\bar{a}$, $\acute{c}'u$ въ $\acute{c}'\bar{u}$. Долгое $\bar{o}$ изъ долгаго o распалось въ чешско-словацкую эпоху на $\bar{u}\bar{o}$, подобно тому какъ долгое $\bar{a}$, согласно-предыдущему, распалось на $i\bar{a}$, а долгое u на uo ; $\bar{u}\bar{o}$ измѣнилось еще въ чешско-словацкій періодъ въ $i\bar{o}$, повидимому, вслѣдствіе перехода $\bar{u}$ въ i въ положеніи передъ $\bar{o}$ (ср. позднѣйшій, собственно чешскій переходъ $\bar{u}$ въ i уже при всякомъ положеніи); при этомъ, одновременно съ переходомъ $\bar{u}$ въ i , произошло измѣненіе $\bar{o}$ въ e закрытое, что вызывалось потерю второю частью дифтонга своей лабиализаціи, подъ вліяніемъ потери лабиализованнаго характера первою частью дифтонга. Дифтонгическое сочетаніе ie такого происхожденія (т. е. изъ $\bar{u}\bar{o}$, а это изъ долгаго o) являлось, напримѣръ, въ формахъ дат. п. мн. ч. мужского и средняго рода отъ мягкихъ основъ: $koniem$, $srđciem$ изъ $koni\bar{o}m$, $srđc\bar{o}m$ (ср. старочешскія написанія, какъ $konom$, $srđczom$, Гебауеръ, III, 109 и 158). Что въ чешско-словацкомъ въ такихъ формахъ былъ именно дифтонгъ ie , а не $i\bar{a}$, я заключаю изъ того, что въ чешскомъ онъ измѣнился не въ $\bar{a}$, а въ i , ср. новочешск. $koni\bar{m}$, $to\bar{m}$, а подъ вліяніемъ мужскихъ и среднихъ основъ также $du\bar{s}\bar{m}$ вм. ожидаемаго $du\bar{s}\bar{a}m$ ($i\bar{a}^2$ измѣнялось въ $\bar{a}$): ср. вліяніе мужскихъ и среднихъ основъ на женскія въ діалект. om (кгавом, Гебауеръ, III, 181) и em ($du\bar{s}em$, какъ $mu\bar{z}em$) вм. $\bar{a}m$. Ниже мы увидимъ, что чешское i восходитъ непосредственно къ ie : написанія памятниковъ, какъ $mu\bar{z}iem$, $konyem$, $otcziem$, $towarżyszum$, $srđcziem$, а также какъ $dussyem$, $studnicziem$ можно читать, слѣдовательно, съ ie . И такъ, въ чешско-словацкую эпоху были извѣстны звуки: $\bar{o}$ изъ o , напр. въ $mor\bar{o}$, $srđc\bar{o}$, $du\bar{s}\bar{o}u$, $mu\bar{z}\bar{o}m$ (тв. ед.) и т. д.;—дифтонги ie изъ $\bar{o}$ (черезъ посредство $\bar{u}\bar{o}$): $koniem$, $srđciem$ и т. д. Этотъ звукъ $\bar{o}$ и этотъ дифтонгъ ie не подвергались въ указанную эпоху дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію судьбы звуковъ $\bar{a}^1$, $\bar{a}^2$, $\bar{u}$, $\bar{o}$, e , дифтонговъ ie , $i\bar{a}^1$, $i\bar{a}^2$, $i\bar{u}$ въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ, остановлюсь на вопросѣ объ измѣненіи $\bar{o}$ въ дифтонгъ, измѣненіи, относящемся также еще къ чешско-словацкой эпохѣ.

6. О чешско-словацкомъ измѣненіи долгаго e . Извѣстно, что

долгія гласныя *o* и *ā* еще въ чешско-словацкую эпоху измѣнились въ *uo* и *iā*: ср. чешск. *vůle*, словацк. *vôla* (чит. *vuola*); чешск. *říd'*, старочешск. *ried'* и словацк. *riad'* (изъ *r'ād'* съ долгимъ *ā*). Мнѣ представляется необходимымъ допустить, что, одновременно съ указаннымъ переходомъ, измѣнялось и *e* долгое: оно должно было перейти въ дифтонгическое сочетаніе и именно въ сочетаніе, однородное съ указанными *uo*, *iā*. И дѣйствительно, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ можно найти примѣры, доказывающіе переходъ *ē* въ *ie*: Гебауеръ на с. 143 говоритъ, что *ie* (пишется *ie*, *ié*, *jé*, *ye* и т. д.) вм. *é* мы находимъ въ особенности часто въ памятникахъ XVI вѣка; но онъ понимаетъ это *ie* лишь какъ діалектическое измѣненіе *ē*, тогда какъ общимъ для всей чешской семьи представляется сохраненіе долгаго *e* безъ измѣненія (ср. 140); такъ памятники даютъ примѣры для *ie* въ словахъ: *řiesi* (первонач. *řesi* съ *ě*), *řieveš* (*ie* вм. *ě*, ср. съ *ū* въ *mužeš*), *žieneš*, *žiereš*, *šiel* (ср. *muohl*), *šiest*, *včieľa* (ср. *hůľa*), *včieľa*, *vešier*, прич. на *en* (*proščien*, *spraččien*) и т. д. Справедливо утверждая, что написанія памятниковъ доказываютъ существованіе именно дифтонговъ въ этихъ и подобныхъ словахъ и формахъ, Гебауеръ сравниваетъ старочешское *ie* съ діалектическимъ *ie* въ словацкихъ говорахъ на Моравѣ и въ средне-словенскомъ говорѣ въ Чехіи: *sjédmy*, *šjéstý* и *šiestý*, *šieu*, *lieži* (3 ед.), *vešier*, *nieš* и т. д. Но, продолжаетъ Гебауеръ, не каждое *é* измѣнялось такимъ образомъ, а только то, на которое имѣются указанія въ памятникахъ; при этомъ достойно вниманія, что только въ ограниченномъ числѣ памятниковъ встрѣчается подобное измѣненіе, допускаемое къ тому же только въ нѣкоторыхъ слогахъ, а именно въ слогахъ: *řé*, *lé*, *žé*, *šé*, *čé* и въ заимствованномъ окончаніи *-ěf* (*ieř*, напр. въ *haltieř*). Отсюда видно, что измѣненіе это было спорадическимъ; рядомъ съ *řie* и т. д. сохранялось и *řé* и т. д. Но съ теченіемъ времени различіе это прекратилось, такъ какъ и *é* и *ie* сузились въ *i*: древнія, различно произносившіяся, *řesi* и *řiesi*, *vešég* и *vešier* и т. д. дали въ послѣдствіи одинаково *řici*, *vešir* и т. д. Въ этомъ объясненіи ученаго автора мы

опять встрѣчаемся съ своеобразнымъ пониманіемъ фонетическихъ явленій: для меня несомнѣнно, что, при существованіи фонетическаго закона объ измѣненіи *é* въ *ie*, *řici* не могло *сохранять* своего *é*; слѣдовательно, если законъ о появленіи *ie* вмѣсто *é* не былъ діалектическимъ и если онъ не ограничивался положеніемъ послѣ извѣстныхъ только согласныхъ, мы должны объяснить *í* въ *řici*, равно и въ *hnísti*, *říct*, *kamínek* и т. д., изъ *ie*, вм. первоначальнаго *é*, а *é* въ современномъ языкѣ признавать замѣною *ie* или *í*, вызванною какими нибудь новыми причинами. Остановлюсь сначала на происхожденіи современнаго *í* вм. *é*. На сс. 141 и 142 Гебауеръ указываетъ, что *é* измѣняется въ *í* послѣ мягкихъ согласныхъ; послѣ же твердыхъ вмѣсто *é* является также *í* (пишется *í* и *ý*), не смягчающее предшествующей согласной, но рядомъ сохраняется и *é*, въ особенности въ падежныхъ окончаніяхъ, не допускающихъ такого перехода; кромѣ того *é* сохраняется въ положеніи послѣ *ř*; такъ мы имѣемъ въ современномъ письменномъ языкѣ: *řici*, *hnísti* (изъ *hňesti*); *kamínek*, *říct*, *okúnko*, *stýblo*, *stéblo*; *dobré*, *dobrého*; *kazatelé*, *léci* и т. д. Въ говорахъ чешскаго языка переходъ *é* въ *í* проведенъ послѣ всѣхъ согласныхъ и не ограниченъ какими нибудь условіями: *suchý stýblo* (вм. *suché stéblo*), *malí vokúnko*, *dobrýho vína*. Въ словацкихъ говорахъ рядомъ съ *ie*, соотвѣтствующимъ первоначальному *é*, сохраняется *é*: *tiect*, но *dséga*, *dobrého*. Я думаю, что на основаніи приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ допустить чешско-словацкій переходъ *ě* въ дифтонгическое сочетание, а современное *é* въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ объяснить вліяніемъ различныхъ родственныхъ словъ и грамматическихъ образований съ *ě*, вытѣснявшимъ *í* и *ie*. Это дифтонгическое сочетание послѣ согласныхъ мягкихъ (исконно смягченныхъ) звучало, повидимому, какъ *iä*: *hn¹iästi*, *š*ä*sty*; а послѣ полумягкихъ какъ *iä* или *uä*, гдѣ знакомъ *u* обозначаю звукъ, близкій къ малорусскому *u*: *suädmý*, *ruäci*, *tuäci*, *dobruäho*, *luäci*. Въ чешскихъ говорахъ *iä*, какъ и всякое другое *iä*, измѣнилось въ *í*, а *uä*—въ *ú* передъ смягченными согласными: *hnísti*, *vajíčko* и т. д.; напротивъ, передъ

твердыми согласными *iä*, *yä* переходили въ *ä*; достовѣрныхъ примѣровъ такого *ä* не имѣется, такъ какъ *ä*, *i* и *ü*, подѣ влияніемъ родственныхъ словъ и образованій, замѣнены черезъ *é*: ср. *stéblo* подѣ влияніемъ *steblo*, *řéci* вм. *řuci* подѣ влияніемъ *reku*, *nésti* вм. *nüsti* подѣ влияніемъ *nesu*; равнымъ образомъ краткое *e* изъ словъ какъ *krásne*, *krásneho* (долгая гласная окончанія сокращалась послѣ предшествующаго долгаго слога, кажется, еще въ чешско-словацкую эпоху, ср. совр. словацк. *krásne* при *dobré*) переносилось вмѣсто *ü* въ слова какъ *dobrý*, *dobrýho*¹⁾, откуда *dobré*, *dobrého*. Подобной же замѣнѣ подвергалось *i* другого происхожденія, а именно изъ первоначальнаго *ie* (изъ *ije*): *kazatelí* измѣнилось въ *kazatelé* подѣ влияніемъ *prátele* (Гебауеръ I, 140). Слѣдуетъ замѣтить, что *i* и *ü* вытѣснялись не только долгимъ, но и краткимъ *e*: ср. *nesti*, *řeci* при *nésti*, *řeci*; *šestý*, *sedmý* вм. *šistý*, *sýdmý* (словацк. *šiesty*, *siedmy*); точно также *lidi* изъ *lidie* (*ludie*) перешло въ *lidi* подѣ влияніемъ краткаго *i* въ *hadí* и т. д. (Гебауеръ III, 373).

Въ словацкихъ говорахъ *iä* и *yä* совпали, повидимому, въ одномъ звукѣ *iä* вслѣдствіе перехода полумягкихъ согласныхъ (передъ *y*) въ мягкія: *iä* измѣнилось фонетически въ *ia*. Достовѣрныхъ примѣровъ такого измѣненія весьма мало, но можетъ быть сюда относится *ia* въ *diaľka*, правильно фонетически соответствующемъ чешскому *dýlka*²⁾. Вообще же *iä*, частью еще до перехода въ *ia*, измѣнено въ *ie* подѣ влияніемъ родственныхъ образованій съ *ě*: *šiašti* и *šiašty* подѣ влияніемъ *šest* перешли въ *šiesti*, *šiesty*; *tiäšť*, *viäšť*, *niäšť* подѣ влияніемъ *tečiam*, *nesiam*, *vediam* — въ *viesť*, *niešť*, *nesiam* подѣ влияніемъ *tiahnem* — въ *nesiem*; *dobriäho*, *slabiäho* подѣ влияніемъ *bieleho*, *krásneho* — въ *dobrého*, *slabého* и т. д.

1) Ср. въ памятникахъ XVI—XVII в.: *dobrý místo*, *jabko kradený*, *přes celý léto* и т. д. (Гебауеръ, III, 540); *krasnýho*, *soudu dvorskýho*, *žádnýho známýho nemám* и т. д. (III, 541).

2) Ср. въ говорахъ: *niast*, *odniasol*, *previadól*, *odviašc* (inf.), *nesiaš*, *naberiaš* (Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slov. Spr., с. 208—209).

Существованіе дифтонгическаго сочетанія *iä* изъ *ě* оставило значительные слѣды въ словацкомъ языкѣ. А именно рядомъ съ измѣненіемъ *iä* въ *ie* подъ влияніемъ *ě*, съ которымъ *iä*, очевидно, не могло ассоціироваться, происходило измѣненіе *ě* въ *ä* подъ влияніемъ *iä*. Такъ им. ед. *lěd*, *měd* (*ě* вм. *ě* ср. съ *o*, откуда *uo*, въ *puoř*, *kuoň*, *buoh*, *dvuog*, *stuol*, *puost*, діалект. *guh*) измѣнились въ чешкословацкую эпоху въ *lyäd*, *myäd*, откуда въ словацкомъ *liäd*, *miäd*: эти формы им. ед. вызывали въ косвенныхъ падежахъ *lädü* (откуда *ladu*) и *mädü*; ср. совр. словацк. *lad*, *mäd*. Также *lěp* (*ě* вм. *ě* изъ *ь*, ср. также *ě* вм. *ě* изъ *ъ* въ *děst*, откуда *dyšt*) переходило въ *liän* и вызывало вм. параллельной формы *lep* — *län*¹⁾, откуда *lan*: совр. словацк. *lan*. Равнымъ образомъ должно объяснять а въ діалектическихъ *včala* (Гебауеръ I, 148), при древнечешскомъ *včialy* (пш. *wziely*, I, 144), *čalo* вм. *čelo*, ср. *iä* въ *šialko* (совр. *šilko*), *čečatka* вм. *čečetka* очевидно подъ влияніемъ *čečiatka*; точно также старочешск. *šal* (I, 148) замѣнило *šäl*, фонетически происшедшее изъ *šial* (ср. *sseel*, *ssiel*, *ssijel*, *ssyél* чешскихъ памятниковъ, I, 144), современное же *šel* подъ влияніемъ *vedl*, *nesl*, такъ же какъ въ словацк. — *šiel* подъ влияніемъ *viedl*, *piesl*. Появленіе подобнаго *a* не только въ словацкихъ, но и въ чешскихъ говорахъ доказываетъ, что *ä* подъ влияніемъ *iä* могло замѣнять *e* уже въ чешкословацкую эпоху.

Вслѣдствіе указанныхъ переходовъ *e* въ *ä*, *iä* въ *ie*, переходовъ, вызванныхъ звуковой аналогіей, въ нѣкоторыхъ говорахъ произошло и дальнѣйшее смѣшеніе звуковъ *ä* и *e*, *iä* и *ie*. Такъ спорадически въ литературномъ словацкомъ нарѣчій встрѣчаются случаи замѣны *e* (изъ первоначальнаго *ь*) черезъ *a* (непосредственно изъ *ä*): *sňah* появилось вм. *sňeh* подъ влияніемъ *sniah* (*sniah*), которое замѣнило *snieh* подъ влияніемъ чередованія *ie* и *iä* въ другихъ случаяхъ; т. е. напр. *liäd* и новое *lied* (подъ влияніемъ *ledu*) существовали при новомъ *lädü* и старомъ *ledu*; вслѣдствіе этого при *snieh* — *sňehu* являлись *sniah* — *sňahu*, откуда и *sňah*,

1) Им. ед. *liän* при *lenu* (Гебауеръ I, 172), а им. ед. *lep* при *lpu*.

ср. *ľad*. Также должно объяснять *a* въ *ľavu*. Но въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ замѣна *ie* черезъ *ia* (изъ *iä*) захватываетъ цѣлый рядъ словъ; ср. въ гемерскомъ говорѣ: *kviatok*, *chľiav*, *smiach*, *diavka*, *neviam*, *rovia* (Pastrnek, 246), при чемъ мѣстами сохранилось болѣе древнее *iä*: *džiävku*, *biäda*, *neviäm* (ib.).

Отъ этого словацкаго *ia*, явившагося изъ *ë* фонетическимъ путемъ, а изъ *ie* (долгаго *n*) путемъ звуковой аналогіи, должно отличать *ia* изъ *ie*, восходящаго къ первоначальному *ije*; *ia* замѣняетъ *ie* (изъ *n*) лишь спорадически, въ діалектахъ, и уже потому должно быть объяснено какъ результатъ дѣйствія звуковой ассоціаціи, а не фонетическаго закона; напротивъ, *ia* мы находимъ вмѣсто *ie* (изъ *ije*) какъ постоянное явленіе: это заставляетъ предполагать фонетическій переходъ *ie* (изъ *ije*) въ *ia*. Сюда относятся случаи какъ *ľudia*, *hostia*, *zätia*, *müžia*; окончаніе им. мн. *ia* переносилось отсюда и въ *otcovia*, *učitelia*, *zätovia*, но фонетически оно возникло именно въ указанныхъ выше словахъ, гдѣ оно восходитъ къ первоначальному *ie* (изъ *ije*). Какъ же понять этотъ переходъ *ie* въ *ia* въ словацкомъ нарѣчьи? Имѣя въ виду, что всякое *ia* восходитъ здѣсь къ болѣе древнему *iä*, я думаю, что общеслав. *ije* звучало въ чешскословацкомъ какъ *iä*, и это объясняется тѣмъ, что общеславянское *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ было звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a*; на обще-славянское *iä* указываетъ и русскій языкъ, гдѣ фонетически явилось *я*, напр. въ *лѣстѣя* изъ *лѣстѣе*, *малор. життѣя* изъ *життѣе*. Звукъ *ä* изъ конечнаго обще-славянскаго *ä* измѣнялся въ словацкомъ въ *a* въ положеніи послѣ первоначально смягченной согласной или послѣ *i*: *ľudiä* измѣнилось поэтому въ *ľudia*; *poludniä*, *rovëtriä*, *mlätëniä*, *pitiä* и т. д. переходили въ *poludnia*, *rovetria*, *mlätënia*, *pitia*, ср. эти и другія имъ подобныя формы им. ед. въ совр. словацкихъ говорахъ (*veselia*, *na zähumnia*, *imënia*, *štëstja*, *kameňja*, *ľistia*, *ľadvia* и т. д.; Pastrnek, 326). Въ положеніи послѣ губныхъ *ä* сохранило свой первоначальный звукъ, напр. въ *tebä*, *sebä*; въ положеніи же послѣ согласныхъ, смягчившихся уже въ словацкую эпоху, *ä*, въ связи съ измѣненіемъ

полумягкой согласной въ мягкую, переходило въ *e*: *tiahnete*, *Hadte*; что до *mĭa* вм. *mne*, то *ĭ*, откуда *a*, заимствовано здѣсь изъ *tebĭ*, *sebĭ*. И такъ, я нахожу возможнымъ сопоставлять общерусскій переходъ *iĭa* въ *-ĭa* съ словацкимъ измѣненіемъ *iĭ* въ *ia*; но позднѣйшій великорусскій переходъ конечнаго *ĭ* (меня, спитя) уже не находитъ соответствія въ словацкихъ явленіяхъ, такъ какъ словацкое нарѣчіе частью (послѣ губныхъ) сохраняло *ĭ* въ такомъ положеніи, частью же (послѣ смягчившихся согласныхъ) измѣнило его въ *e*¹⁾.

Отъ такого *ĭ* вмѣсто ожидаемаго *e* въ конечномъ открытомъ слогѣ надо отличать *ĭ* вмѣсто *e* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ. А именно, еще въ общеславянскомъ языкѣ звукъ *e*, если въ слѣдующемъ слогѣ находилась палатальная гласная (*e*, *i*), долженъ былъ диссимилироваться съ предшествующими ему смягченными согласными (*j*, *č*, *ž* и т. д.) и перейти въ *ĭ*, т. е. стать болѣе открытымъ, менѣе палатальнымъ: очевидно, влияние смягченной согласной, усиленное положеніемъ передъ слогомъ съ палатальной гласной, могло бы совершенно измѣнить первоначальный звукъ *e*, если бы не наступила описанная диссимиляция. Такъ явились *čĭ*, *žĭ*, *jĭ* и т. д. вм. *če*, *že*, *je* въ положеніи именно передъ слогами съ *e* и *i*²⁾. Допуская такое явленіе, я имѣю въ виду, во-первыхъ, сѣверно-великорусскія діалектическія формы, какъ *жанĭхъ*, *жалĭзо*, которыя нельзя объяснить дѣйствіемъ аканія; во-вторыхъ, общерусскій переходъ *jĭ* въ начальномъ слогѣ въ *o*, переходъ, имѣвшій мѣсто только передъ слогомъ съ *e*, *i* (замѣчаніе Фортунатова), при чемъ *o* непосредственно изъ *ō*, а *ō* изъ начальнаго *ĭ* (ср. переходъ начальнаго *a* въ *o*), утратившаго передъ собой (діалектически уже въ обще-

1) Что до *e* въ *знаменіе* и т. д., то оно замѣнило или *ĭ* подъ влияніемъ *role*, *vrđce*, *more*, *bĭcĭšte* и т. д. (здѣсь *e* можетъ восходить, какъ мы видѣли, къ *ō* изъ *o*) или же *ō*, при чемъ *знаменĭō* изъ *знаменĭo* подъ влияніемъ *dĕlo* и т. д.

2) Различіе гласныхъ въ *žlab* и *žleb*, *člānek* и *člen*, *žlāza* и *žliza* я, какъ указано выше, объясняю именно тѣмъ, что рядомъ съ *želbъ* въ общеслав. языкѣ являлись *žalbъ*, *žalbina*: *žeĭb*- переходило въ *žlĕb* (*žleb*-), а *žĭĭb*- въ *žlab*- (*žlab*-); *žeĭz* въ *žliez*- (*žliz*-), а *žĭlz*- въ *žliāz*- (*žlāz*-).

славянскомъ языкѣ) *j* (случай, какъ озеро, одинъ); въ-третьихъ, на подобный же переходъ указываютъ словацкія *jäzero*, *jaseň*, ляхское *jaleň* (Bartoš I, 98), *jalito* (ib., ср. чешск. *jelito*: кишка), поморавск. *jazero* (I, 29) и т. д.: *ja* въ этихъ словахъ очевидно явилось вм. *jä*, ср. въ тѣхъ же говорахъ общій переходъ чешско-словацкаго *ä* въ *a*: словацк. *koža*, *žatva*, *kľatba*, *rešať*, ляхск. *jastřab*, *tělaci*, *čalusti*, *řast*, поморавск. *tažky*, *difa*, *knížací* и т. д. Можетъ быть, и нѣкоторыя другія слова въ чешскихъ и словацкихъ говорахъ имѣютъ *a* того же происхожденія, что *a* въ *jazero*, *jaseň*: діалект. *řana* р. ед., *řešato*, *čalo* и т. д. (Гебауеръ I, 147—148), можетъ быть, сохранили *a* изъ *ä*, возникшаго фонетически напр. въ формахъ *řšaně*, *řešatě*, *čalě*, *řšaniца* и т. д.

7. О чешскомъ измѣненіи звуковъ *ä*, *ö*, *u*. Чешскій языкъ унаслѣдовалъ, какъ мы видѣли, изъ чешско-словацкой эпохи звуки *ö* и *ü* изъ *o* и *u*, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, и два оттѣнка звука *ä*: *ä*¹ (закрытое) въ положеніи не передъ твердыми согласными и *ä*² (открытое) въ положеніи передъ твердыми согласными; оба эти оттѣнка *ä* восходятъ частью къ *a*, измѣнившемуся въ направленіи къ палатальнымъ гласнымъ послѣ смягченныхъ согласныхъ, а частью къ общеславянскому *ä*, именно въ положеніи въ открытомъ конечномъ слогѣ (*tebä*), а также послѣ смягченныхъ согласныхъ, когда въ слѣдующемъ слогѣ находились гласныя *e*, *i* (*jäzero*). Чередованіе *ä* открытаго и *ä* закрытаго, какъ мы только что сказали, стоитъ въ связи съ характеромъ слѣдующей согласной: открытое *ä* свидѣтельствуетъ о твердости этой согласной, тогда какъ во всякомъ другомъ положеніи (передъ мягкой, полумяжкой согласной, а также въ конечномъ открытомъ слогѣ) являлось *ä* закрытое. Слѣдовательно, въ появленіи *ä* закрытаго (откуда, какъ сейчасъ увидимъ, *e*) нельзя видѣть дѣйствія слѣдующаго слога¹⁾: *ä* закрытое вм. *a*

1) Какъ думаетъ Гебауеръ, колеблющійся при этомъ въ своихъ опредѣленіяхъ: на с. 92 онъ говоритъ, что переходъ *a* въ *e* вызванъ мягкой согласной или узкой гласной, между тѣмъ на с. 93 дѣйствіе согласной опущено изъ

всёцѣло обязано своимъ появленіемъ предшествующей смягченной согласной; напротивъ, переходъ *ä* закрытаго въ *ä* открытое вызванъ слѣдующею твердою согласной. Не допустивъ именно такого объясненія для чередованія обоихъ отгѣнковъ *ä*, мы не поймемъ причины, почему въ конечномъ открытомъ слогѣ является *ä* закрытое, а не открытое. Особенно поучительно въ данномъ случаѣ сравненіе чешскихъ *ä¹* и *ä²* съ чередованіемъ *e* и *a*, на мѣстѣ древняго *ъ*, въ польскомъ языкѣ: какъ извѣстно, обыкновеннымъ отраженіемъ общеславянскаго *ъ* служитъ въ польскомъ *e*; только передъ согласными *t, d, r, l, n, s, z* мы найдемъ *a*. Принявъ во вниманіе, что первоначальное *a*, въ положеніи между мягкими согласными въ серединѣ слова, послѣ мягкихъ согласныхъ въ концѣ его, не измѣняется въ польскомъ языкѣ въ *e* (*jażdż, jaśnia, zamięnia*), мы не можемъ объяснить *e* въ *ścień, wierzyć, w zimie* изъ *a*; слѣдовательно, *a* въ *wiąga, piasek* надо возводить или къ звуку *e*, или къ такому звуку, откуда съ одной стороны долженъ былъ явиться *e*, а съ другой *a*: я думаю, что общеславянское *ъ* измѣнилось въ польскомъ въ *ä* (или первоначально въ дифтонгическое сочетаніе *iä*) съ закрытымъ отгѣнкомъ (отсюда впоследствии *e*); но передъ зубными согласными *ä* закрытое измѣнилось въ *ä* открытое (откуда *a*) очевидно подъ вліяніемъ особеннаго характера этихъ зубныхъ (ср. сохраненіе *ä* закрытаго передъ губными и гортанными), а именно ихъ лабиализаціи (ср. сказанное выше о появленіи *ö* вм. *e* въ томъ же положеніи). Указанная аналогія польскаго языка дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что въ эпоху появленія *ä* вм. *a* согласныя передъ непалатальными гласными были еще лабиализованы въ чешкословацкомъ языкѣ (ср. лабиализацію ихъ въ обще-западно-славянскомъ): такимъ образомъ *a* послѣ смягченныхъ согласныхъ переходило въ

виду; уакія гласныя, по его мнѣнію, вліяютъ на указанный переходъ и помимо согласныхъ: такъ въ *pět* *e* замѣнило *a* не подъ вліяніемъ *t'* (*p'at'*), а подъ вліяніемъ *e* (*p'ate*). Такое объясненіе стоитъ въ связи съ тѣмъ, что Гебауеръ не хочетъ признать мягкости (я говорю о полумягкости) согласныхъ передъ древнимъ *e* въ пращешскую эпоху.

ä² передъ лабиализованными согласными, а въ ä¹ при всякомъ другомъ положеніи.

Перехожу къ вопросу объ измѣненіи звуковъ ä, ö, ü въ чешскомъ языкѣ. По общему закону, дѣйствовавшему здѣсь въ XIV столѣтіи (ср. замѣчанія Гебауера по поводу времени появленія *i* вм. *и*, I, 275), звуки ä закрытое, послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iä, —ö, ü краткое послѣ согласныхъ и въ дифтонгическомъ сочетаніи iü, —ü долгое измѣнились въ звуки еще болѣе палатальные: при этомъ ä переходило въ *e*, а ö и ü, теряя свой лабиализованный характеръ, въ *e* и *i*. Такъ явились:

1) *e* на мѣстѣ закрытаго ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* или къ *e* носовому): *jestřáb*¹⁾, *jesen* (русск. ясень), *ještěr* (ящерица), *jezvec*, *držeti*, *slyšeti*, *čeled'*, *sázení* (сажаніе), *moře* (р. ед.), *duše* (им. ед.) — *ječmen*, *pět*, *opět*, *pěst*, *světiti*, *třesen*, *zeť*, *kuřete*, *řetěz*, *tele* (им. ед.).

e на мѣстѣ закрытаго ä изъ общеслав. ä: *jezero*, *tebe*, *vidíte*.

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä изъ *a* (восходящаго къ первоначальному *a* въ *ia*): *znamenie* (р. ед., старочешск.), *přiel* (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ ä, непосредственно изъ ä долгаго (восходящаго къ первоначальному ä или къ ä изъ носового е долгаго): *čiesě* (старочешск.), *šieliti* (старочешск.), *před'* (старочешск.), *čiesť* (старочешск.), *přiezě* (старочешск.).

ie на мѣстѣ iä съ закрытымъ *e*, непосредственно изъ общеславянскаго ije: *hostie* (старочешск.), *lidie* (старочешск., старослав. людик).

2) *e* на мѣстѣ ö изъ *o* (замѣниваго *e* нефонетически): *lice*, *srce*, *pole*, *moře*, *zlodějema* (старочешск.), *dědicěvi* (старочешск.), *bojevatí* (старочешск.).

ie на мѣстѣ ö долгаго, слѣдовательно, непосредственно изъ

1) Привожу слова въ ихъ новочешской формѣ, отмѣчая тѣ изъ нихъ, которыя должно относить къ старочешск., въ виду позднѣйшаго ихъ измѣненія въ новочешскую эпоху. Отмѣчу, напр., что въ эпоху перехода ä въ *e* *pět* звучало, вѣроятно, еще какъ *pět'*, а *duše* какъ *duš'e*.

üö, при чемъ ö долгое восходитъ къ о долгому, замѣнившему е долгое нефонетически: kopiem (дат. мн., старочешск.), vrdciem, (старочешск.), mĕšćiev (р. мн., старочешск.).

3) *i* на мѣстѣ ü краткаго: jih, cizí, lid, vnitř, bliji, čelist, duši (вин. ед.), ořáci (зв. ед.), moři (дат. ед.).

i на мѣстѣ ü долгаго: klíč, lftý, plíce, cítiti, majíc, čijíc, moři (р. дв. ч.);

ü, откуда *i*, на мѣстѣ iü съ краткимъ ü: znamení, kněží, (вин. ед.), raní (вин. ед.); на мѣстѣ iü съ долгимъ ü: raní (тв. ед.), kostí (р. дв. ч.).

Съ теченіемъ времени дифтонгическое сочетаніе *ie* изъ *iä* и *üö* измѣнилось въ *i*; ср. измѣненіе *ie* изъ долгаго *ъ* въ *i*: такъ явились совр. чешск. znamení (р. ед.), přítel, číše, příze, píd, lidí, koním.

Что же касается ä открытаго, то оно не подверглось указанному измѣненію въ *e*; напротивъ, оно перешло въ болѣе открытый звукъ — *a*; ср. совр. чешск. čas, jařý, Jan, žalost, častý, přadu, úřad и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить, что мягкія согласныя перешли передъ ä въ согласныя полумягкія¹⁾, вѣроятно, еще въ чешско-словацкій періодъ: въ чешскомъ языкѣ полумягкія согласныя передъ *a* изъ ä отвердѣли, какъ вообще всѣ другія полумягкія согласныя; ср. твердыя зубныя напр. въ tah, tahati, datel; твердыя губныя въ maso, svatý, rata, vadnouti; что до твердыхъ *s* и *z* въ sadu, діалект. zabou, то отвердѣніе ихъ принадлежитъ еще чешско-словацкой эпохѣ. Дифтонгическое сочетаніе *iä* съ ä открытымъ переходило, согласно предыдущему, въ *ia*; отсюда далѣе *jä*, *eä* и затѣмъ *ä*: предшествующія смягченныя согласныя отвердѣли въ связи съ утратой *i*, при чемъ это отвердѣніе можно разсматривать какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной; такъ явились: pátý (изъ piatý), jáma (изъ jiama), částka, řád, čára, táhnu, tázati, třásl, žádati, jeřáb, mátl и т. д. Что до *s* и *z*

1) Такой переходъ можно понять какъ ассимиляцію согласной слѣдующей гласной.

въ *sáknouti, sáhati, zábsti*, то отвердѣніе ихъ передъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *ia* имѣло мѣсто еще въ чешско-словацкую эпоху.

Въ современныхъ чешскихъ говорахъ, литературныхъ и областныхъ, нерѣдко замѣчается распространение звука *e* (*i*) насчетъ *a* и обратно распространение *a* насчетъ *e*; всѣ эти явленія обязаны вліянію аналогіи. Съ одной стороны мы находимъ напр. *část* вм. *číst* подъ вліяніемъ *částka*, *sákněš* подъ вліяніемъ *sáknū*, *vadněš* подъ вліяніемъ *vadnu*, *třásli* подъ вліяніемъ *třásl*, *jasně* подъ вліяніемъ *jasnú* и т. д. Съ другой стороны мягкость согласной передъ *a* могла поддерживаться вліяніемъ родственныхъ образованийъ съ мягкой согласной передъ *e*: а это вліяло на переходъ *a* въ *e*, на ассимиляцію гласной предшествующей согласной; такъ *m'* удерживалось въ *m'akú* подъ вліяніемъ *měčiti* (старочешск.), отсюда *měkkú*; *d'* удержалось въ *dáka* подъ вліяніемъ *vděčnú*, отсюда *díka*; иногда гласная *e* вм. *a* переносилась изъ родственныхъ образованийъ: *třesu* вм. *třasu* подъ вліяніемъ *třeseš*, *jevo* вм. *javo* подъ вліяніемъ *jeviti*. Объяснять появленіе *ě* вм. ожидаемаго *a* въ *měkkú*, *jevo* вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ (ср. въ польскомъ передъ гортанными и губными *e*, не *a* и не *o*), конечно, нельзя уже потому, что мы находимъ *a* напр. въ *tah*, *táhnū*, *zábsti*, *jáma*, старочешск. *javo*, *lahú* и т. д. Нерѣдкое соотвѣтствіе *le* ожидаемому *la* (*plésati*, *lehnu*, *hled*, *klesati*) должно, повидимому, объяснить тѣмъ, что въ *l* совпали какъ *l* такъ и *ḷ*, почему здѣсь не могло быть того чередованія твердой и мягкой согласной, какъ напр. въ *táhnū-táhneš*, и этимъ облегчалось употребленіе *le* однихъ формъ вмѣсто *la* другихъ (*lahnu* подъ вліяніемъ *lehneš* измѣнялось въ *lehnu*).

Предыдущіе примѣры измѣненія *ä* закрытаго, *ö*, *ü* въ *e*,—*ä* открытаго въ *a* показываютъ, что оно совершалось независимо отъ мягкости предшествующей согласной; *s*, *z*, *c* были тверды уже въ чешско-словацкую эпоху, и тѣмъ не менѣе *zät*, *zcsö*, *cüt* измѣнились въ *zeť*, *zscē*, *cit*; *přisäha* въ *přisaha*.

8. О словацкомъ измѣненіи звуковъ *ä*, *ö*, *ü*. Въ словацкомъ на-

рѣчи мы встрѣчаемся, при измѣненіи этихъ звуковъ, съ явленіемъ, прямо противоположнымъ явленіямъ чешск. нарѣчія. Тогда какъ чехи замѣнили эти звуки смѣшаннаго характера звуками палатальными *e* и *i* (и только частью звукомъ *a*), словаки замѣнили ихъ непалатальными *a*, *o*, *u*. Подобную замѣну знаютъ и другіе славянскіе языки: такъ въ русскомъ языкѣ, въ его нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ, а отчасти и малорусскомъ, древнее *ѣ* изъ *e* (лабиализованнаго подъ вліяніемъ слѣдующихъ согласныхъ) перешло въ *o*: нѣсъ, діал. нѣсѹ изъ *n'os*, *n'osu*; подобному же измѣненію подверглось въ великорусскихъ говорахъ *ѣ* изъ общерусскаго и общеславянскаго *ы* въ положеніи его передъ неслоговымъ *i*: рою изъ *gъi-гуi* (ср. діалект. рѣю, мѣю, крѣю); звукъ *ѣ* въ положеніи послѣ *j* перешелъ въ *a*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ: колья, житія; наконецъ, звуку *ѣ* однихъ нарѣчій (напр. въ люблѣ) соответствуетъ *y* въ другихъ. Въ сербскомъ языкѣ *a* изъ *z*, *ь*, повидимому, восходитъ къ болѣе древнему *ѣ*, ср. такое *ѣ* въ современныхъ черногорскихъ говорахъ. Польское *a* въ *wiaga*, *siano* происходитъ изъ болѣе древняго *ѣ*, какъ показываетъ переходъ *ъ* въ *e* въ положеніи не передъ твердыми звуками и т. д. Общій законъ словацкаго языка о потерѣ смѣшанными звуками ихъ палатальнаго характера распространился одинаково на измѣненіи *ѣ* открытаго и закрытаго въ *a*: въ чешскомъ языкѣ *ѣ* закрытое имѣло ту же судьбу, что *ѣ* и *й*, т. е. перешло въ палатальное *e*; въ словацкомъ оно, подобно *ѣ* и *й*, потеряло палатальный характеръ, т. е. перешло въ *a*; тѣмъ естественнѣе перешелъ въ *a* тотъ отгѣнокъ *ѣ*, который еще въ чешкословацкомъ былъ открытымъ; ср. чешскій переходъ *ѣ* открытаго въ *a*. Приведу примѣры, подтверждающіе существованіе упомянутаго здѣсь закона, и укажу на тѣ разнообразныя вліянія аналогіи, которыя измѣнили въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожидаемыя отношенія. Мы находимъ въ словацкомъ:

и изъ чешкословацкаго *ü*: *jutro*, *brucho*, *cudzi*, *ľud*, *šťuka*, *čirpný* и т. д.; *ú* изъ *ü* долгаго: *kľúč*, *ľúbit*, *šťúr*, *ľútosť* и т. д.; *iü* изъ *iü*: *znamenü*, *božiu* (вин. ед.) и т. д.

о изъ чешкословацкаго *o*: ро¹o¹), dušo (зв. ед.), kralovať, ро¹ovka и т. д.; впрочемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ *o* можно объяснить новымъ вліяніемъ твердыхъ основъ на мягкія.

a изъ чешкословацкаго *ä* закрытаго и открытаго: pečat, gefaz, duša, tažku, sviňa, mlčat, náradie, ovca, jašter, žaf, zat, jahňa, kľáčat, čaša, jazero; čas, hladať, tah и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ губныхъ *ä* сохранилось въ большинствѣ говоровъ безъ измѣненія: päť, pamät, plemä, väťší, holúbä, sväzok, svätý, mäso, hovädo, mäkký и т. д.; я думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что губныя, въ противоположность другимъ согласнымъ (мягкимъ и твердымъ), стали въ словацкомъ передъ *ä* полумягкими (впослѣдствіи онѣ отвердѣли); сочетанія же однородныхъ элементовъ, т. е. полумяжкой согласной и *ä* сохранились безъ измѣненія, тогда какъ въ сочетаніяхъ мягкая или твердая согласная + *ä* это *ä* переходило въ *a*. Діалектически *ä* сохраняется и послѣ другихъ согласныхъ: vuolä, našä, žäba, čas, ulicä, prádza, jak, zjav, jävisté, jächmeň, täžká; особенно въ Гемерскомъ говорѣ: penäz, tähä, knäzovi, sä (Pastrnek, 232).

ia изъ чешско-словацкаго *iä* съ закрытымъ и открытымъ *ä*: znamenä, božia (им. ед. ж. р.) plecä (им. мн.), peniaz, viac, mesiac, pamiatka, menä (3 л. мн.), priazeň, riad, kočiä, mäsiar, škriabäť, desiatok, piaty, vianoce, žiadäť, viazať, sedliak, žiaden, zajac (вм. zajiäc) и т. д. Діалектически вм. *ia* извѣстно, кажется, и *iä*: poliä, srdciä (Pastrnek, 283). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *ia* измѣнилось, какъ въ чешскомъ, въ *ä*: jalšäm, žäga (Pastrnek, 274); въ другихъ *iä* перешло въ *ä* и совпало съ *ä* изъ краткаго *ä* (не перешедшаго въ *a*): jelšäm, polä (им. мн.), trápeňä (р. ед.); ср. при этомъ žälobu, pšenicä, hlavnä (Pastrnek, 275).

ia изъ чешско-словацкаго *iä*, соотвѣтствующаго общеслав. *iä*, находимъ въ *judia*, *hostia*, а также въ діалектическихъ: *štestia*, *rovetria*, *pitia*, *pokolenia*, *umenia* (ср. Pastrnek, 325—326).

1) Въ ро¹е, вгсе сохранилось древнее *e*, не замѣненно черезъ *o* подъ вліяніемъ твердыхъ основъ; отсюда оно проникло въ znamenä (вм. znamenä (діалект. znamenä, umenia)).

ia изъ чешско-словацкаго *iä*, явившагося въ результатѣ измѣненія *ë* въ чешско-словацкую эпоху (ср. выше), находимъ въ діалект.: *nesiam, nesiaš, previadól, odniasol, umgiam, viašč*, также въ литературномъ діалектѣ (даль), ср. *deľako, delé* (Pastrnek, 279). Совр. *ľad, mäď, ľan, pohrab, boľasť, večar* (Pastrnek, 277) указываютъ, какъ мы видѣли выше, на болѣе древнія *liad, miad, ľian, pohriab, boliast, večiar*.

Въ большинствѣ говоровъ произошла нефонетическая замѣна дифтонгическаго сочетанія *ia*, находящагося въ чередованіи съ *e*, сочетаніемъ *ie*: *beriem, ženiem, nesiem, pečienka, miest, viezol, zaviedla, doniest, šiesti, šiestý, siedmý* и т. д. подъ вліяніемъ *tiahnem, metu, nesu, šest, sedem*. Въ им. вин. ед. *umenie, počatie, nárečie, bytie* и т. д. *e* замѣнило *a* подъ вліяніемъ *lice, roče* и т. п.

Выше я говорилъ уже, что чередованіе дифтонгическихъ сочетаній *iä* и *ie* вызывало появленіе *iä* и *ia* и на мѣстѣ первоначальнаго *ie*; такъ въ особенности въ Гемерскомъ говорѣ извѣстно произношеніе: *kviatok, diavka, smiach, miašač*, и рядомъ діалектическое *iä*: *biäda, neviäm, dživku* (Pastrnek, 246). На древность подобнаго смѣшенія указываютъ литературныя: *sňah* (вм. *sňeh*, предполагающее при этомъ *sniah* вм. *snieh*), *ľavý, blädý*; ср. діалект. *sňäh, blädý* (Pastrnek, 222).

Чередованіе *ä* съ *a* въ *seba* при *sebä, najvatšia* при *najvätšia, svatý* при *svätý, zvadla* при *uvädnuľ, čas* при *čas* и др. имѣло слѣдствіемъ появленіе въ нѣкоторыхъ спорадическихъ случаяхъ *ä* вм. *a* и послѣ твердыхъ согласныхъ. Преимущественно это наблюдается послѣ губныхъ и гортанныхъ, при чемъ послѣднія переходятъ, очевидно, въ средненѣбныя согласныя: *bäran* при *baran, dvä* вм. *dva* (Pastrnek 275), *obidvae* (*ae* обозначаетъ долгое *ä*, тамъ же с. 276), *kämen, ukäzuje* (ib. 280); въ соотвѣтствіи съ такимъ *ä*, долгое *ä* замѣняется черезъ *ia*: *ukiazalo, ukiaž sa* (ib. 279), а діалектически черезъ *ä* долгое: *ukaezau* (ib. 276).

9. Объ отраженіяхъ звука *č* въ чешскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ. Мы видѣли выше, что звукъ *ö*, явившійся въ результатѣ су-

женія *o*, въ чешскомъ нарѣчїи измѣнился въ *e*, а въ словацкомъ въ *o*. Такое измѣненіе имѣло мѣсто не только послѣ мягкихъ, но и послѣ твердыхъ согласныхъ: *sgo*, гдѣ *s* было твердо уже въ чешскословацкую эпоху, переходило въ *sgce* и *sgco*, *kňazōv* съ твердымъ *z* въ *kňezev* и *kňazov* и т. д. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что чешское *e*, словацкое *o*, въ соотвѣтствїи съ общеславянскимъ *z* (напр. въ *veš* — *voš*, *zámek* — *zámok*, *lež* — *lož*, *posel* — *posol*), восходятъ къ чешскословацкому *ö*. Подтверженіе такому предположенію я нахожу въ цѣломъ рядѣ словацкихъ явленій, сюда относятся: чередованіе *o* изъ *z* съ звуками *e*, *a* и дифтонгическимъ сочетаніемъ *ie* (ср. *sen* при *son*, *daska* при *doska*, *matiek* при *šiarok*). Я именно думаю, что рядомъ съ краткимъ *ö* изъ *z* въ чешскословацкомъ языкѣ существовало и долгое *ö*, возникавшее по аналогіи чередованія *ö*, *ě* (первоначальныхъ) съ *o*, *e* долгими (напр. въ случаяхъ, какъ *kon'a* — *kön'*, *života* — *živöt*, *jahoda* — *jahöd*, *ledu* — *lědu* и т. д.). Это *ö* долгое, подобно *ö* долговому изъ *ö* послѣ смягченныхъ согласныхъ (см. выше), подобно также *ō*, *ē* и *ā* долговому (переходившимъ въ *uo*, *iä*), должно было распасться на дифтонгическое сочетаніе *iö*, откуда еще въ чешскословацкую эпоху *ie*. И такъ, *ö* краткому въ словацкомъ нарѣчїи соотвѣтствуетъ *o*, *ö* долговому *ie*: ср. только что указанное чередованіе въ *matiek*, *mydiel*, *okien*, *sukien*, *sestier* и др. (въ этихъ словахъ коренная гласная краткая) при *šiarok*, *šiaatok*, *dietok* (въ такихъ словахъ коренная гласная была нѣкогда долгой, откуда частью дифтонгическое сочетаніе). Чередованіе *ie* и *o* частью уступило мѣсто другому чередованію, а именно чередованію *ie* и *e*, такъ какъ языкъ зналъ именно такое чередованіе въ большинствѣ случаевъ (ср. *ie* — *e* изъ *ŕ* долгаго и краткаго: *chlieb* — *chleba*, *smiech* — *směchu*, *sniech* — *sňeha* и т. д.): этимъ объясняется нефонетическая замѣна *o* черезъ *e*, напр. въ *sídel*, *krídel* (вм. *sídol*, *krídol*) подъ вліяніемъ *mydiel*; сюда же относится появленіе *leb* вм. *lob*, вѣроятно, подъ вліяніемъ **liebny*, **liebka*, замѣнившихъ болѣе древнія *lebný*, *lebka*. Но кромѣ того выгѣсенію *o* изъ *z* способствовали случаи, гдѣ

языкъ уже зналъ бѣглое *e* изъ *ɔ*: *pes* — *psa*, *lev* — *lva*, *deň* — *dña* вызывали *sen* вм. *son* при *sna*, ср. обратное заимствование *o* вм. *e* въ *ovos* вм. *oves*. Новое *ie* изъ *ö* долгаго, какъ спорадически и старое *ie* (изъ долгаго *ь*), во многихъ случаяхъ замѣнялось дифтонгическимъ сочетаніемъ *iä*, явившимся изъ долгаго *e*: очевидно, этому способствовало чередование такого *iä* (изъ *ē*) съ *ë*: *liäd* — *ledu*, *miäd* — *medu*, а также *liän* — *Ÿna* (вм. *len* — *Ÿna*) вызывали появленіе *miäch* — *möcha* вм. *miesch* — *möcha*; *diežd* перешло въ *diäžd*; *riež* въ *riäž*; это въ свою очередь вызывало замѣну *ö* черезъ *ä*: *möcha* переходило въ *mächa*, *döžďa* переходило въ *däžďa*; *döska*, подъ вліяніемъ *diäsku* вм. *diesku* (ср. *hŕgu* при *hora*)¹⁾, переходило въ *däska*. Въ чешскомъ языкѣ *ä*, какъ и *ö*, измѣнилось въ *e*: поэтому мы находимъ здѣсь только *mesch*, *rež*, *deska*, но въ словацкомъ, гдѣ *ö* перешло въ *o*, а *ä* въ *a*: *doska* и *däska*, *moch* и *mach*, *däžd*, *gaž*. Также объясняется появленіе *ä* въ *sukán* (при *sukien*), *sestár* (при *sestier*), *metál*, *vesál*, *dasák*, *karát* (при *kariet* у Викторина): *ä*—вмѣсто ожидаемаго *ia* изъ *iä*, замѣнившаго *ie*, очевидно подъ вліяніемъ **sídal*, **dietak*, гдѣ *a* изъ *ä* вм. *o* изъ *ö* подъ вліяніемъ *iä* въ родствен-

1) По общему закону чешкословацкаго языка, въ двусложныхъ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ, ретракціи ударенія съ конечнаго слога на первый соответствовало измѣненіе ударенія на первомъ слогѣ (съ древнимъ мѣстомъ ударенія), а именно переходъ его на первую часть гласной со второй и соответственно съ этимъ удлиненіе краткой гласной: въ то время, какъ *horá*, *berú*, *vedóch* и др. переходили въ *hŕga*, *bègu*, *vèdoch*, формы *hŕgu*, *bègeř*, *vède* (3 аор., ср. сербск. *вѣде* при *вѣдох*) перешли въ *hŕgu*, *bègeř*, *vède* съ нисходящимъ удареніемъ на удлиненной гласной: ср. совр. *hŕgu*, *bègeř*, старочешск. *vède* (Гебауеръ, I, 576). Можетъ быть, слѣдуетъ признать общимъ закономъ удлиненіе краткой гласной перваго слога двусложнаго слова, если онъ былъ издревле ударяемъ; это объяснило бы намъ долготу гласной въ словахъ, какъ *pŕst*—*pŕstu* (древн. и диалект.), *bŕh*—*bŕha* (древн.), *dŕl*—*dŕlu* (древн.), *dŕm*—*dŕmè* (древн.), *zŕst*—*zŕstu*, при чемъ *postu*, *boha* и т. д. явились бы впоследствии подъ вліяніемъ *hrách*—*hrachu*, *mráz*—*mrazu*, *práh*—*prahu*; ср. еще *ŭ* въ *kŕza*. Краткость гласной въ *moře*, *poz*, *rod*, *host* и т. д. могла бы объясняться изъ косвенныхъ падежей, часть которыхъ была получена съ удареніемъ на окончаніяхъ. Въ такомъ случаѣ сокращеніе гласной подъ древнимъ нисходящимъ удареніемъ (*gu*, *druha*) слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что гласная сократилась при стремленіи нисходящаго ударенія перейти въ другой типъ (если *ŭ* или *ŭ* переходили въ *ŭ*, то древнсе *ŭ* не могло сохранить своего характера).

ныхъ образованіяхъ. Въ описанныхъ здѣсь явленіяхъ вижу подтвержденіе какъ той мысли, что въ словацкомъ, а можетъ быть еще и чешскословацкомъ языкѣ, смѣшивались дифтонгическія сочетанія *ie* (изъ долгаго *ъ* и изъ долгаго *ö*) съ сочетаніями *iä* (изъ долгаго *e*), такъ и той, что въ чешскословацкую эпоху *z* звучало не какъ *e*, а какъ *o*.

Заключеніе.

Въ предложенномъ здѣсь изслѣдованіи нѣкоторыхъ звуковыхъ явленій чешскаго языка многое, конечно, покажется небудительнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Если я рѣшился включить его въ отзывъ о трудѣ Гебауера, то во всякомъ случаѣ не для того, чтобы показать ошибочность или неполноту выводовъ почтеннаго ученаго. Его богатая фактами и научными соображеніями книга составила эпоху въ изученіи чешскаго языка: вотъ почему къ ней должно примкнуть не одно, подобное моему, изслѣдованіе. Она будитъ мысль и оживляетъ научный интересъ.

Подводя итогъ всему предыдущему разбору, замѣчу, что къ трудамъ, подобнымъ Исторической грамматикѣ чешскаго языка, нельзя предъявлять тѣхъ требованій, съ которыми мы встрѣчаемъ появленіе отдѣльныхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію какой-нибудь узкой области языкознанія. Методологическіе ошибки, недостатокъ матеріала, смѣшеніе предметовъ изслѣдованія достаточны для того, чтобы обезцѣнить такіе труды. Напротивъ, самыя крупныя недостатки такихъ капитальныхъ работъ, каково историческое изложеніе судебъ какого-нибудь языка, не могутъ подорвать ихъ значенія, такъ какъ въ результатѣ все же оказывается выполненною та задача, къ которой стремятся усилія отдѣльныхъ изслѣдователей, — дать общую картину развитія того или другаго языка. Но Историческая грамматика Гебауера свободна отъ крупныхъ недостатковъ, а тѣ слабыя стороны въ изложеніи или въ объясненіяхъ автора, которыя я выдвинулъ въ своемъ разборѣ, отступаютъ совершенно

на задній планъ сравнительно съ положительными достоинствами этого труда, даващаго образцовую и высоконаучную обработку надежнаго матеріала, почти цѣликомъ извлеченнаго изъ первоисточниковъ. Задача, къ которой стремились Гебауеръ и вмѣстѣ съ нимъ рядъ другихъ чешскихъ филологовъ, достигнута: основанія исторической грамматики заложены, и на нихъ уже красуется начало великолѣпнаго зданія, поражающаго прочностью своей архитектуры, цѣлесообразностью плана, принятаго въ руководство строителемъ и, наконецъ, первостепеннымъ качествомъ матеріала. Останавливаться долго на нѣкоторой поспѣшности кладки, на недостаткахъ въ отдѣлкѣ фасада, на невыдержанности стилия не приходится, не приходится особенно тому наблюдателю, который ни у себя на родинѣ, ни въ другихъ родственныхъ странахъ не видитъ подобныхъ величественныхъ сооружений. Увѣнчаніе Исторической грамматики чешскаго языка, составленной Яномъ Гебауеромъ, полною преміей имени Котляревскаго будетъ вполне заслуженнымъ вниманіемъ къ труду, которымъ могутъ гордиться не только чехи, но и всѣ прочіе славяне.

А. Шахматовъ.

II.

А. Н. Ясинскій. «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ Государствѣ» (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895.

Рецензія профессора К. Я. Грота.

Не смотря на быстрые и значительные успѣхи, достигнутые во второй половинѣ истекающаго вѣка славянской исторической наукой по изученію какъ древностей, такъ вообще историческаго прошлаго отдѣльныхъ славянскихъ народностей и всего славянства въ его цѣломъ, нельзя однакожь не признать, что намъ еще очень далеко до той завидной ступени, на которой въ наши дни стоятъ исторіографія во всѣхъ ея отдѣлахъ у образованнѣйшихъ народовъ Европы (имѣющихъ, правда, культурное старшинство передъ нами), у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Ежегодно наука славянской исторіи обогащается новыми, болѣе или менѣе выдающимися и цѣнными вкладами и у насъ въ Россіи, и у западныхъ славянъ (поляковъ и чеховъ), и на славянскомъ югѣ, но общій результатъ сдѣланнаго заставляеть желать еще многого; при томъ у насъ къ сожалѣнію до сихъ поръ не дошло до труда объединяющаго и обобщающаго всѣ частныя работы и успѣхи — труда, который могъ бы оказать большую услугу въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Такой трудъ долженъ былъ бы свести въ одно стройное цѣлое какъ весь разработанный по частямъ и въ подробностяхъ историческій матеріалъ, такъ и добытые изъ

него общіе выводы, руководящія мысли и начала, и тѣмъ обнаруживъ существующіе пробѣлы въ историческихъ изученіяхъ, далъ бы новый толчокъ и сообщилъ новыя направленія спеціальной и монографической литературѣ. Наконецъ, такой общій по исторіи славянъ трудъ, написанный самостоятельно и талантливо, не только намѣтилъ бы пути многимъ будущимъ славянскимъ историкамъ, но послужилъ бы и высоко-полезнымъ образовательнымъ пособіемъ для подрастающихъ молодыхъ поколѣній, которые у насъ такъ нуждаются въ укрѣпленіи именно такимъ путемъ своего славянскаго самосознанія. Будемъ надѣяться, что мы дождемся скоро и такого труда, а пока остается съ благодарностью привѣтствовать всякое серіозное спеціальное или монографическое изслѣдованіе по славянской исторіи, а тѣмъ болѣе тогда, когда оно касается еще мало разработанныхъ областей ея, напр. вообще исторіи внутренней, общественной и правовой жизни старыхъ славянскихъ государствъ, и къ тому же когда оно пытается проникнуть въ самую глубину того историческаго процесса, въ которомъ состояло ихъ своеобразное развитіе.

Именно такимъ трудомъ и представляется подлежащее нашему разсмотрѣнію сочиненіе г. Ясинскаго. Въ краткомъ своемъ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ цѣль и задачу своей работы.

Посвященная паденію земскаго строя чешскаго государства, она была предпринята имъ «въ интересахъ выясненія генезиса того сословно-привилегированнаго строя, который въ главныхъ своихъ чертахъ опредѣлился во вторую половину XIV в.». Авторъ имѣлъ въ виду «не только установить рядъ тѣхъ явленій, въ которыхъ сказалось разложеніе земскаго строя, сложившагося на основахъ общеславянскаго демократическаго и патріархально-родового быта, но желалъ также опредѣлить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать этотъ процессъ самобытнымъ». Изученіе источниковъ древней чешской исторіи привело его къ убѣжденію, что основы сословно-привилегированнаго строя въ чешскомъ государствѣ слагались подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей, само-

стоятельно зародившихся и созрѣвшихъ въ нѣдрахъ этого государства». Авторъ, правда, «не думаетъ отрицать, что, начиная съ половины XIII в. въ значительной мѣрѣ стало обнаруживаться воздѣйствіе нѣмецкаго права на общественный и государственный бытъ чешскаго народа», но полагаетъ, что «такое воздѣйствіе было второстепеннымъ факторомъ даже и для послѣдующаго развитія: чехи заимствовали юридическія формы для явленій, самостоятельно у нихъ возникшихъ».

Взявъ такой существенный вопросъ чешской исторіи предметомъ своего изслѣдованія, авторъ нашъ несомнѣнно могъ надѣяться — и не напрасно — внести нѣчто новое въ науку въ виду того, что область эта въ чешской исторической литературѣ въ послѣднее время дѣйствительно является запущенной, а большинство современныхъ чешскихъ историковъ, самостоятельно не углублявшихся въ эти вопросы, находятся въ слишкомъ еще большой зависимости отъ своихъ старыхъ авторитетовъ, глазами которыхъ они привыкли смотрѣть и въ непогрѣшимость которыхъ въ основныхъ взглядахъ они привыкли вѣрить. Совершенно понятно, что въ этомъ отношеніи русскій ученый находится въ особенно благопріятномъ положеніи, будучи въ состояніи легче западнаго славянина отнестись къ вопросу вполне объективно, рассмотреть его съ гораздо болѣе широкаго горизонта зрѣнія и воспользоваться самымъ обширнымъ сравнительнымъ матеріаломъ, равно какъ и всей для него не менѣе другихъ доступной литературой предмета.

При всемъ томъ однакожь избранный вопросъ настолько труденъ и капиталенъ, что прежде всего напрашивается сомнѣніе, соразмѣрилъ ли г. Ясинскій свои силы и средства съ обширностью и трудностью задачи, иначе говоря, соразмѣрилъ ли онъ съ нею тотъ трудъ, который онъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду и могъ положить на задуманную работу. И въ этомъ мы позволяемъ себѣ усумниться.

Намъ представляется задача г. Ясинскаго слишкомъ широкой, слишкомъ сложной и многообъемлющей, чтобъ быть удовле-

творительно рѣшенной при данныхъ условіяхъ, именно въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя онъ себѣ поставилъ, и съ тѣмъ матеріаломъ и научнымъ аппаратомъ, который имѣлся въ его распоряженіи. Повидимому, автору показалось разрѣшеніе заинтересовавшаго его вопроса гораздо болѣе легкимъ и простымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и онъ посвятилъ сравнительно небольшое (менѣе 200 страницъ) разсужденіе разслѣдованію предмета, который въ сущности требуетъ цѣлаго ряда работъ подобнаго рода, основанныхъ на самомъ полномъ и исчерпывающемъ изученіи источниковъ и на широкомъ примѣненіи сравнительно-историческаго метода.

Авторъ, какъ кажется, не вполне взвѣсилъ и того обстоятельства, что тема его въ значительной степени входитъ въ сферу наукъ юридическихъ, въ исторію права, а потому для всесторонней и полной своей обработки требуетъ отъ автора нѣкоторой специальной подготовки и въ этой послѣдней области. Мы должны откровенно сознаться, что не замѣтили у него такой подготовки. Не будучи сами специально компетентны въ области науки права, мы далеки отъ того, чтобы взяться критиковать книгу г. Ясинскаго съ этой специальной точки зрѣнія. Но мы не можемъ не констатировать факта, что съ этой стороны дѣло не могло обойтись у него безъ пробѣловъ и недочетовъ.

Итакъ эту несоразмѣрностью задачи со средствами и въ нѣкоторомъ смыслѣ съ методомъ автора, съ ограниченными, искусственно себѣ поставленными рамками естественно обуславливаются и результаты работы, которые, при всѣхъ ея положительныхъ свойствахъ и достоинствахъ, вообще научной цѣнности, по крайнему нашему разумѣнію, не заключаютъ въ себѣ вполне удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго вопроса. Съ этимъ — мы бы сказали — слишкомъ легкимъ и смѣлымъ отношеніемъ къ своей задачѣ связаны, какъ мы увидимъ ниже, и главнѣйшія слабыя стороны и недостатки разбираемаго изслѣдованія.

Мы позволяемъ себѣ думать, что еслибъ г. Ясинскій ограничился на первый случай разработкой одного изъ частныхъ во-

просовъ, входящихъ въ кругъ его темы, и продолжалъ бы затѣмъ столь-же основательно и разносторонне изучать другія явленія того сложнаго историческаго процесса, который онъ такъ поторопился истолковать въ своей диссертаци, что результаты такого продолжительнаго и систематическаго изученія были бы по всей вѣроятности нѣсколько иные и едва-ли отличались бы такою рѣшительностью въ направленіи, совершенно противоположномъ воззрѣніямъ, общепринятымъ до сихъ поръ не въ одной чешской исторіографіи относительно самой Чехіи, но— скажемъ болѣе—въ исторической наукѣ въ области социальныхъ, правовыхъ и культурныхъ явленій вообще.

Нельзя не отдать автору полной справедливости въ томъ, что онъ отнесся къ предмету своего изслѣдованія совершенно самостоятельно, и должно повѣрить тому, что лишь добросовѣстная работа надъ источниками, а не случайно со стороны навѣянная мысль, склонила его къ извѣстнымъ выводамъ, столь расходящимся съ донинѣ господствующими въ наукѣ. Но способно ли было это одно преимущество, самостоятельное отношеніе къ дѣлу, поставить автора на высоту правильнаго и удовлетворительнаго рѣшенія занявшей его задачи?

Дѣло въ томъ, что возбужденный имъ вопросъ не есть вопросъ частный или узко-спеціальнаго значенія и интереса, это, наоборотъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ исторической судьбы западнаго славянства, которыми опредѣляется весь ея смыслъ и характеръ, — это вопросъ, который существуетъ не въ одной исторіи Чехіи, а касается одинаково всего западно-славянскаго міра и можетъ быть поставленъ гораздо шире и общѣе. Какимъ образомъ, подъ какими воздѣйствіями развивалась социаль-политическая жизнь и государственность не только у Чеховъ, но и у другихъ западно-славянскихъ народностей, попавшихъ въ аналогичныя условія со времени принятія ими христіанства, какими путями и при какихъ условіяхъ онѣ переходили отъ первоначальныхъ своихъ племенныхъ, а потомъ такъ называемыхъ земскихъ установленій къ

новому строю съ западно-европейскимъ феодальнымъ характеромъ, это вопросъ еще болѣе общій, чѣмъ взятый нашимъ авторомъ, но вопросъ, который обязательно напрашивается самъ собой при обсужденіи болѣе частнаго. Очевидно, такая основная и глубокая тема, столь же интересная, сколько и трудная, заключающая въ себѣ значительный философскій или народно-психологическій элементъ, требуетъ и соотвѣтственно широкой постановки и разностороннихъ изслѣдованій и соображеній не въ однихъ узкихъ предѣлахъ времени и мѣста или въ кругу данныхъ опредѣленнаго разряда источниковъ, а въ широкихъ рамкахъ изученія культурно-историческаго развитія западно-европейскаго (романо-германскаго) міра сравнительно съ восточнымъ (византійскимъ) и историческихъ отношеній и сближенія славянства съ тѣмъ и другимъ. Обойти въ такомъ вопросѣ безъ подобающаго вниманія и оцѣнки эту важную и существенную сферу культурныхъ вліяній, шедшихъ чрезъ посредство преимущественно церкви, латинскаго образованія и литературы, значило бы остаться на поверхности вопроса и далеко его не исчерпать. Но къ сожалѣнію, именно такой болѣе широкой точки зрѣнія и такой необходимой для вполне успѣшнаго обсужденія вопроса постановки его мы и не находимъ у нашего автора, и это не могло не отразиться на его выводахъ. Все это утверждаетъ насъ во мнѣніи, что ему, въ то время начинающему ученому, не слѣдовало сразу задаваться рѣшеніемъ такого крупнаго вопроса, обнять и до нѣкоторой степени исчерпать который можно только послѣ многихъ специальныхъ и сравнительныхъ изученій и ставъ на извѣстную высоту историческаго міровоззрѣнія...

Говоря о задачѣ изслѣдованія г. Ясинскаго и объ отношеніи къ ней автора, мы невольно остановились въ самомъ началѣ нашего разбора на тѣхъ сторонахъ этого труда, отъ которыхъ зависятъ его нѣкоторыя отрицательныя свойства. Но если мы, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не можемъ согласиться съ главною мыслью автора, или вѣрнѣе съ крайностями его выводовъ, равно какъ и съ постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, то

изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобъ мы не оцѣнили научныхъ достоинствъ и значенія этой солидной работы. Напротивъ, мы не можемъ не удовлетворить здѣсь же нашей потребности высказать о нихъ наше общее весьма благопріятное впечатлѣніе.

Г. Ясинскій обнаруживаетъ отъ начала и до конца своего изслѣдованія вполне добросовѣстное и строгое отношеніе къ дѣлу и къ своимъ источникамъ. Онъ основательно изучилъ все, что могъ имѣть подъ руками и умѣло пользуется своимъ матеріаломъ. На исправность и точность его ссылокъ можно положиться. Его изложеніе достаточно систематично и отчетливо; онъ не расплывается въ частностяхъ и не многословенъ, быть можетъ иногда даже слишкомъ сдержанъ въ обнаруженіи своихъ историческихъ представленій и взглядовъ на иные предметы (въ нѣкоторый ущербъ ясности). Сложность темы, скудость прямыхъ источниковъ, спорность многихъ положеній,—вообще значительная шаткость почвы заставляетъ его быть довольно осторожнымъ, по крайней мѣрѣ въ формулировкѣ своихъ заключеній въ продолженіе работы, съ чѣмъ надо сознаться мало вяжется рѣшительность его окончательнаго вывода... Вообще говоря ученія достоинства труда г. Ясинскаго безспорны, а потому вполне естественно, если разработка имъ по первымъ источникамъ ряда вопросовъ внутренней государственной жизни и развитія Чехіи является во всякомъ случаѣ полезнымъ для науки вкладомъ, въ которомъ будущіе изслѣдователи могутъ почерпнуть и новыя соображенія, и новыя наблюденія и указанія, и который займетъ несомнѣнно опредѣленное и прочное мѣсто въ литературѣ предмета. Въ виду этого наша критика руководящей, главной мысли, проводимой авторомъ, не мѣшаетъ намъ признать за нимъ существенную заслугу въ изученіи общественной и внутренне-политической исторіи Чехіи до XIV вѣка.

Мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію труда г. Ясинскаго въ порядкѣ его изложенія, по частямъ, при чемъ, передавая сжато, въ самыхъ существенныхъ положеніяхъ и чертахъ, его содержаніе, будемъ попутно дѣлать свои замѣчанія и возра-

женія, а также общія наши заключенія относительно отдѣльныхъ частей изслѣдованія. Въ концѣ же подведемъ итоги разбору и формулируемъ окончательно наше мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія.

Въ довольно большомъ *Введеніи* (стр. 1—35) къ своему изслѣдованію авторъ знакомитъ читателя съ современнымъ состояніемъ чешской исторіографіи вообще и избранной имъ области въ частности, устанавливаетъ свою точку зрѣнія на интересующій его вопросъ, существенно расходящуюся съ господствующими воззрѣніями, и даетъ обзоръ источниковъ чешской исторіи того періода, который его занимаетъ.

Сказавъ въ самомъ началѣ о поразительной скудости въ работѣ внутренней, соціальной исторіи Чехіи до Палацкаго, который еще въ 30-хъ годахъ отмѣтилъ этотъ большой пробѣлъ, и объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ этомъ отношеніи уже черезъ 40 лѣтъ послѣ того въ безсмертныхъ трудахъ самого Палацкаго и въ работахъ его учениковъ и продолжателей, г. Ясинскій констатируетъ, что послѣ появленія ряда капитальныхъ изслѣдованій въ такомъ направленіи, вышедшихъ изъ подъ пера ученыхъ авторитетовъ еще стараго поколѣнія, — вниманіе и научный интересъ новыхъ чешскихъ историковъ направились на изученіе позднѣйшихъ періодовъ исторіи, въ особенности на XV вѣкъ, какъ на «героическій вѣкъ чешскаго народа» и на «центръ его исторіи», а вопросы древней исторіи такимъ образомъ отодвинулись на задній планъ.

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ чешскихъ историковъ на характеръ и развитіе внутренней, общественной и государственной жизни Чехіи, авторъ отмѣчаетъ общепринятый взглядъ, что «въ чешскомъ государствѣ господствовали сначала чисто славянскія начала, и только съ XIII вѣка стали проникать правовые институты западно-европейской культуры, право нѣмецкое и феодальное».

Въ подтвержденіе приводятся (большею частью въ точныхъ цитатахъ) мнѣнія лучшихъ чешско-моравскихъ историковъ:

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

8

Палацкаго, В. Томка, Гермен. Иречка, Б. Дудика, Яр. Челяковского. Общее заключеніе Палацкаго (высказанное въ его «Исторіи») по этому предмету, именно о послѣдствіяхъ встрѣчи и столкновенія чеховъ и вообще славянъ съ міромъ германскимъ и западной культурой, снабдившими ихъ столь многими положительными приобрѣтеніями, считается Ясинскимъ особенно характеристичнымъ не для одного Палацкаго, но и для чешской исторіографіи вообще, въ которой де до сихъ поръ «признается какъ-бы доказаннымъ, что роль славянъ къ исторіи — пассивная, что они являются учениками, неумѣло повторяющими, а иногда искажающими своего учителя».

Осуждая уже здѣсь очень рѣшительно взглядъ Палацкаго и большинства историковъ на культурное воздѣйствіе на чеховъ (и славянъ) германскаго запада (имъ — кстати замѣтить — представленный нѣсколько преувеличенно), г. Ясинскій здѣсь же обнаруживаетъ свою теорію «самобытности», которая заставила его къ сожалѣнію въ его изысканіяхъ почти совсѣмъ не принять во вниманіе или свести на нѣтъ такой важный факторъ, какимъ всегда являются международныя культурныя вліянія, а особенно въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ.

Однимъ изъ послѣднихъ по времени представителей установившагося у чеховъ взгляда на роль германизма въ исторіи чешской государственности является чешскій историкъ права — Я. Ганель (Haněl) въ своей спеціальной работѣ «О вліяніи права нѣмецкаго въ Чехіи и Моравіи» (O vlivu práva německého v Čechách a na Moravě, 1874). Авторъ, ссылаясь на то, что эта работа нашла себѣ уже въ свое время оцѣнку въ русской ученой литературѣ (со стороны г. Владимірскаго-Буданова; см. его отчетъ о годичной командировкѣ 1880—81 г. Кіев. Унив. Изв. 1881, № 12, стр. 25—56), ограничивается выпиской наиболѣе характерныхъ цитатъ изъ книги г. Ганеля, въ томъ числѣ того мѣста, гдѣ г. Ганель облачаетъ свою мысль въ такія «знаменательныя» слова: «перемѣна (т. е. въ правовыхъ и общественныхъ порядкахъ Чехіи) произошла подъ вліяніемъ *какой-то* (курсивъ

г. Ясинскаго) исторической необходимости». . . По словамъ нашего автора онъ ни въ книгѣ Ганеля, ни въ другихъ сочиненіяхъ не нашелъ отвѣта на вопросъ, какая это историческая необходимость, вызвавшая перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ Чехіи въ XII и XIII вв. Разъяснить вотъ эту-то необходимость авторъ и взялъ на себя.

По поводу г. Ганеля и его прежняго русскаго критика мы при этомъ случаѣ должны высказать сожалѣніе, что г. Ясинскій повидимому не отнесся къ нимъ съ надлежащимъ вниманіемъ, не воспользовался ихъ наблюденіями и ихъ компетентностью въ должной мѣрѣ. Мы увидимъ ниже, что нѣкоторыя стороны вопроса специально разработанныя г. Ганелемъ, остались безъ необходимой оцѣнки у нашего автора. Что касается критики г. Владимірскаго-Буданова, то слѣдовало по крайней мѣрѣ познакомить читателя съ основной точкой зрѣнія этого ученаго специалиста (по славянскому праву), которая несомнѣнно представляетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что, сходясь въ общемъ въ выводахъ съ г. Ганелемъ, она заключаетъ въ себѣ по существу нѣсколько иную постановку вопроса, къ которой г. Ясинскій не могъ отнестись безразлично, и которая даже, быть можетъ, сыграла свою роль въ образованіи его собственнаго воззрѣнія. Г. Владимірскій-Будановъ, занимавшійся специально «Нѣмецкимъ правомъ въ Польшѣ и Литвѣ» и имѣвшій полное основаніе примѣнить свои наблюденія и къ Чехіи (гдѣ очевидно много аналогичнаго), держится взгляда о необходимости строго различать въ области права понятія «вліянія» и «займствованія». Онъ признаетъ, что *земское право* въ славянскихъ странахъ, подвергавшихся нѣмецкому правовому вліянію, оставалось весьма самостоятельнымъ «сепаратнымъ» (точно такъ-же какъ въ свою очередь и нѣмецкое), что *смѣянія* этихъ различныхъ элементовъ не послѣдовало, что напр. въ Польшѣ польское право отнюдь не исчезло подъ вліяніемъ нѣмецкаго, что оно получило только новую окраску, которая стала его отличительнымъ признакомъ. Это же толкованіе онъ примѣняетъ и къ сферѣ государственнаго устройства

и управленія (въ западно-славянскихъ странахъ). Итакъ, будучи противъ признанія прямыхъ заимствованій, онъ—въ пользу существованія и значенія правовыхъ, а слѣдовательно и вообще культурныхъ воздѣйствій и вліяній. Онъ только отрицаетъ мысль, чтобы новый чешскій общественный и государственный строй былъ *сміянѣмъ* нѣмецкихъ порядковъ съ старо-чешскими. Въ этомъ послѣднемъ мнѣніи очевидно примкнулъ къ нему и г. Ясинскій, но онъ пошелъ далѣе и дошелъ до почти полного отрицанія и самыхъ воздѣйствій нѣмецкаго права и западно-европейскаго соціального строя на внутреннее развитіе Чехіи до XIV вѣка. Итакъ мы видимъ, какое значеніе для нашего автора долженъ былъ имѣть разборъ книги Ганеля г. Владимірскимъ-Будановымъ, и поэтому мы въ правѣ упрекнуть его въ томъ, что онъ не только не далъ мѣста поучительнымъ сужденіямъ послѣдняго по данному вопросу въ своемъ изложеніи высказанныхъ до него мнѣній, но и не проронилъ ни одного слова о своемъ отношеніи къ мнѣнію своего предшественника въ критикѣ книги г. Ганеля. Но возвратимся къ изложенію. Итакъ автора не удовлетворяетъ рѣшеніе вопроса о перемѣнѣ, совершившейся во внутреннемъ строѣ Чехіи, простой ссылкой на внѣшнія вліянія со стороны просвѣщеннаго и болѣе культурнаго народа. Не отрицая «извѣстной доли» этого вліянія, онъ думаетъ, что ему приписывается слишкомъ много. Поэтому цѣль его—постараться указать, какая необходимость, какія мѣстныя условія и нужды вызвали измѣненіе общественнаго и государственнаго строя въ концѣ XII в.,— «представить картину органическаго развитія этого славянскаго государства въ X—XIII в.».

Итакъ здѣсь авторъ ясно высказалъ свою руководящую мысль и свою задачу. Въ вопросѣ о ходѣ развитія чешскаго государства онъ выдвигаетъ моментъ внутренней, «самостоятельно возникшія въ нѣдрахъ самого народа потребности», «мѣстныя условія и нужды», которыя всецѣло опредѣляли то, а не другое направленіе въ этомъ развитіи. Сторона внѣшнихъ воздѣйствій такимъ образомъ совершенно отодвигается имъ на задній планъ.

Авторъ видимо увлекся своей точкой зрѣнія, ибо историческая необходимость, какъ между прочимъ слѣдствіе мѣстныхъ условій, потребностей и обстоятельствъ, не можетъ быть отождествлена съ понятіемъ органическаго или самобытнаго развитія и очень часто обуславливается преимущественно дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ. Между тѣмъ онъ думаетъ оправдать свою теорію «самобытности» и «органичности» выясненіемъ исторической необходимости, которую выводитъ исключительно изъ внутреннихъ, мѣстныхъ (или народныхъ) потребностей и условій. Въ этомъ, какъ намъ кажется, его главное заблужденіе. Выяснивъ несомнѣнно очень многое въ условіяхъ и внутреннихъ причинахъ разложенія земскаго строя въ Чехіи, онъ однакожь далъ узкую и одностороннюю постановку этому сложному вопросу и съ слишкомъ большою рѣшительностью сдѣлалъ общій выводъ, съ которымъ трудно согласиться.

Но не будемъ забѣгать впередъ въ нашемъ общемъ приговорѣ. Здѣсь скажемъ только, что каждая глава въ книгѣ г. Ясинскаго, давая много важнаго и интереснаго для уясненія процесса внутренняго государственнаго роста Чехіи, убѣждаетъ насъ въ односторонности его общаго толкованія этого процесса.

Назвавъ историческій процессъ, которымъ Чехія шла въ своемъ государственномъ развитіи, «паденіемъ земскаго строя», авторъ естественно сознавалъ необходимость разяснить, что именно слѣдуетъ понимать подъ этимъ *земскимъ строемъ*. Сказать только, что онъ разумѣетъ здѣсь «учрежденія и порядки, которые существовали въ первый періодъ исторіи чешскаго государства и возникли на славянской основѣ», казалось ему самому недостаточнымъ, и онъ считаетъ нужнымъ, впрочемъ въ очень краткихъ словахъ, указать черты, характеризующія начальную эпоху государственной жизни у славянъ. Здѣсь онъ (стр. 8—10) самымъ бѣглымъ образомъ упоминаетъ о первыхъ «не отличавшихся долговѣчностью» славянскихъ государствахъ съ княземъ во главѣ, изъ которыхъ впрочемъ нѣкоторые путемъ сплоченія племенъ успѣли стать могущественными и которыми вмѣстѣ

съ тѣмъ задавались широкими замыслами объединенія славянъ; однако въ нихъ обнаруживается еще отсутствіе сознанія объ единствѣ и нераздѣльности государственной территоріи и власти: отсюда появленіе удѣльныхъ князей со всѣми правами верховной власти. Далѣе рѣчь идетъ объ областныхъ правителяхъ, какъ замѣстителейъ племенныхъ князей, объ участіи основной массы населенія въ политическихъ дѣлахъ, о его правахъ владѣнія и наслѣдованія недвижимыми имуществами, наконецъ о преобладаніи обычнаго права, — все это въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ. Въ томъ, что «въ началѣ своего существованія государство представляло собой внѣшнее сплоченіе племенныхъ группъ, выражавшееся въ механическомъ соединеніи отдѣльныхъ племенныхъ территорій» и что господствовалъ обычай и земское право, — въ этомъ авторъ видитъ основаніе называть этотъ періодъ *земскимъ*. «Подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ потребностей этотъ несовершенный земскій строй долженъ былъ разложиться и уступить свое мѣсто высшей формѣ государственности, государству сословно-привилегированному».

Этимъ и ограничивается авторъ въ своей характеристикѣ земскаго строя. Всего какихъ-нибудь 1½ страницы онъ посвятилъ выясненію того понятія и той группы или совокупности фактовъ, которыя являются основными въ его темѣ и изъ которыхъ ему придется исходить во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ! Не можемъ не отмѣтить этого явнаго недочета въ книгѣ г. Ясинскаго, ибо онъ долженъ былъ неминуемо сказаться нѣкоторыми невыгодными для всей работы послѣдствіями, ибо недостатокъ опредѣленности и отчетливой ясности, повидимому присущій самымъ представленіямъ автора о многихъ элементахъ и явленіяхъ земскаго строя, очевидно долженъ былъ сказываться при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ дальнѣйшаго «органическаго» — съ точки зрѣнія автора — развитія этого строя и мѣшалъ нашему ученому вполне разобраться въ послѣдующихъ измѣненіяхъ этого строя.

Цѣль, которою онъ задался, настоятельно требовала отъ него

удѣлить гораздо болѣе мѣста, даже посвятить особую главу обстоятельной характеристикѣ славянскаго *земскаго* строя въ Чехіи, исходя изъ установленныхъ въ наукѣ славянскихъ древностей положеній объ общихъ основахъ этого строя у древнихъ славянъ, и затѣмъ уже, имѣя твердую и опредѣленную почву подъ ногами, приступить къ выясненію тѣхъ внутреннихъ условій и нуждъ, которыя вызвали разложеніе этого строя.

По поводу немногихъ сообщенныхъ авторомъ данныхъ, долженствующихъ характеризовать начальный періодъ политической жизни славянъ, мы должны еще возразить противъ употребленія термина *государство* (стр. 8) для первыхъ политическихъ объединительныхъ попытокъ и племенныхъ союзовъ или организацій у славянъ (въ періодъ VII—X вв.). Самъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи строго отдѣляетъ *государственную* организацію отъ «земской», вышедшей изъ патриархально-родовыхъ и племенныхъ установленій. Дѣйствительно, государства въ настоящемъ смыслѣ слова слагаются у славянскихъ народовъ значительно позже (конечно не у всѣхъ одновременно, а въ зависимости отъ условій политическихъ и культурныхъ), по пережитіи ими критическаго, такъ называемаго удѣльнаго періода, съ утвержденіемъ поваго принципа престолонаслѣдія, съ упроченіемъ единодержавія и верховной государственной власти, съ постепеннымъ установленіемъ законовъ и формъ управленія — на болѣе совершенныхъ началахъ. Такимъ образомъ терминъ «государства» для старыхъ славянскихъ княжествъ, какъ попытокъ внѣшняго политическаго сплоченія, съ ихъ земскимъ строемъ, представляется неумѣстнымъ.

Слѣдующая, большая часть «Введенія» заключаетъ въ себѣ *обозрѣніе источниковъ* для древней исторіи Чехіи, т. е. собственно для занимающаго автора періода. О нихъ онъ хочетъ сказать особо и подробнѣе, ибо изученіе ихъ дало ему «возможность въ земскомъ строѣ открыть зародыши иного порядка вещей, и объяснить, какъ на обломкахъ стараго возникъ новый — сословно-привилегированный».

Нечего и говорить, что такое обстоятельное обозрѣніе источ-

никовъ, какое намъ даетъ г. Ясянскій (на 25 стран.) можетъ быть только полезнымъ для дѣла, придаетъ работѣ еще большую выѣшнюю законченность и еще нагляднѣе свидѣтельствуемъ объ эрудиціи и начитанности его въ литературѣ предмета. Но дѣло въ томъ, что это обзорѣніе имѣетъ поневолѣ компилятивный характеръ и формулируетъ результатъ чужихъ изслѣдованій и спеціальныхъ изученій отдѣльныхъ источниковъ, и притомъ оно органически не входитъ въ работу и могло бы быть безъ особеннаго ущерба для существа дѣла, т. е. для обработки темы опущено или пожалуй помѣщено въ Приложеніи. Вотъ почему мы думаемъ, что было бы лучше, если бы нашъ авторъ въ своемъ введеніи вмѣсто этого обзорѣнія источниковъ далъ то именно, чего мы къ сожалѣнію не нашли у него, т. е. цѣльную и связную характеристику главныхъ элементовъ славянскаго земскаго строя, какимъ онъ выясняется по имѣющимся даннымъ для Чехіи первыхъ вѣковъ ея политическаго существованія. Этимъ онъ и самъ бы себѣ уяснилъ многое глубже и полнѣе, и значительно облегчилъ бы себѣ дальнѣйшее изложеніе.

На обзорѣніи источниковъ и литературы ихъ разработки, которое отличается обстоятельностью и полнотой и въ которомъ мы не замѣтили значительныхъ недомолвокъ¹⁾, мы не станемъ останавливаться, а отмѣтимъ лишь одну поразившую насъ несообразность. О лѣтописяхъ и хроникахъ чешскихъ (преимущественно о Косъмѣ Пражскомъ, а также его продолжателяхъ и даже хроникахъ XIV в.) авторъ распространяется подробно на 18 страницахъ, тогда какъ документальнымъ источникомъ, т. е. грамотамъ и юридическимъ памятникамъ и ихъ оцѣнкѣ онъ посвящаетъ всего лишь нѣсколько замѣчаній на трехъ страницахъ. Между тѣмъ его изслѣдованіе основано преимущественно, если не почти исклю-

---

1) Припомнимъ по поводу обзорѣнія житій, что говоря о житіяхъ св. Войтѣха и относящейся къ нимъ литературѣ, авторъ опускаетъ вѣроятно оставшуюся ему неизвѣстной работу А. С. Будиловича: «Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ» (Очерки изъ церк. ист. Зап. Слав.), Варшава, 1880.

чительно, на актовомъ матеріалѣ, а лѣтописнымъ онъ пользуется сравнительно очень мало и съ большою сдержанностью¹⁾. Очевидно было бы послѣдовательнѣе да и для дѣла полезнѣе, еслибъ онъ тотъ матеріалъ, который послужилъ ему главнымъ источникомъ, предварительно разсмотрѣлъ и привелъ въ извѣстную систему, а также далъ бы ему болѣе подробную характеристику и оцѣнку.

Первая глава книги г. Ясинскаго озаглавлена «*Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости*» (стр. 36—60). Вся книга распадается на *пять главъ*, изъ которыхъ каждая посвящена особому предмету, входящему въ объемъ задачи, *заключеніе* (которое впрочемъ также отчасти разсматриваетъ частный вопросъ) и *три Приложенія*. Вотъ названія другихъ главъ: II-я, Возникновеніе классовъ общества; III-я, Администрація и областное дѣленіе; IV-я, Городская организація; V-я, Власть государя и положеніе знати. — Уже изъ этого перечисленія видно, въ какія опредѣленные, разграниченныя, но едва-ли могущія вмѣстить все широкое содержаніе вопроса рамки замкнулъ нашъ авторъ свою тему.

Въ этомъ отношеніи его трудъ невольно напрашивается на сравненіе съ появившимся послѣ него (I томъ въ 1896 г.) и недавно законченнымъ (II томъ въ 1898 г.) большимъ и солиднымъ нѣмецкимъ изслѣдованіемъ въ той же самой области извѣстнаго уже спеціальными работами *Юлія Липперта*: «*Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit*», трудомъ, написаннымъ тоже исключительно по источникамъ — съ большою основательностью и возможною для чешскаго нѣмца объективностью. Сущность его задачи, какъ увидитъ читатель — очень близкой къ темѣ г. Ясинскаго, опредѣляется въ слѣдующихъ частныхъ заглавіяхъ обоихъ томовъ его сочиненія: I. *Die Slavische Zeit und ihre gesellschaftlichen Schöpfungen* и II. *Der Sociale Einfluss der Christlichkirch-*

---

1) Эта несообразность отмѣчена и въ официальной рецензій профессоромъ Ф. Фортинскаго, см. Киев. Универс. Извѣстія, 1898 г., № 8, стр. 18.

lichen Organisationen und der deutschen Colonisation. Изъ этого видно, что и Липпертъ задался въ сущности тѣмъ же вопросомъ, что и г. Ясинскій, но разница въ томъ, что нѣмецкій ученый охватилъ вопросъ въ той именно широтѣ, которая является вполне необходимой для его правильнаго рѣшенія, тогда какъ нашъ авторъ нѣсколько произвольно сузилъ свои рамки, оставивъ почему-то безъ разбора и оцѣнки весьма важные элементы и факторы заинтересовавшаго ихъ обоихъ историческаго процесса (какъ увидимъ, главнымъ образомъ то, что разсматривается во II томѣ книги г. Липперта). Правда, онъ далъ болѣе частную формулировку своей темѣ (сравни заглавія обоихъ сочиненій), но истинный, отъ существа дѣла зависящій объёмъ ея — не могъ вслѣдствіе того сузиться, ибо «паденіемъ земскаго строя» характеризуется *вся* внутренняя общественная и государственная исторія Чехіи за періодъ X—XIV в. и, по убѣжденію самого автора, въ немъ состоитъ органическій, самобытный процессъ историческаго развитія Чехіи, а потому оставленіе безъ вниманія и оцѣнки нѣкоторыхъ его существенныхъ явленій, составляющихъ съ прочими одно связанное и сложное цѣлое, не можетъ остаться безнаказаннымъ для истолкователя этого развитія. Мы не станемъ здѣсь, конечно, сравнивать по существу результаты, къ которымъ пришли оба автора. Намъ придется еще не разъ сопоставлять ихъ въ теченіе нашего разбора; но отмѣтимъ тутъ же, что широкая постановка вопроса у г. Липперта и между прочимъ углубленіе его въ первоначальныя основы и условія развитія стараго славянскаго (т. е. земскаго) строя, старательное уясненіе себѣ его элементовъ, и вообще тщательная разработка почвы для истолкованія послѣдующаго развитія, очень выгодно отозвались на всемъ изслѣдованіи его. Если онъ въ концѣ концовъ въ опредѣленіи культурныхъ и социальныхъ вліяній германской и вообще западно-европейской стихіи и увлекся слишкомъ, заплативъ дань своимъ національнымъ тенденціямъ (именно во II томѣ сочиненія), то всетаки надо отдать ему справедливость, что онъ съ рѣдкою для нѣмца объективностью старался выяснитъ и оцѣ-

нить самобытныя славянскія элементы въ государственномъ развитіи Чехіи (I томъ). Мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ онъ въ своихъ выводахъ сошелся съ г. Ясинскимъ, придя къ нимъ самостоятельно. Но есть и такіе пункты, которые у русскаго изслѣдователя разъяснены полнѣе и лучше, и нельзя поэтому не пожалѣть, что нѣмецкій ученый не воспользовался работой г. Ясинскаго, которая вѣроятно и не была ему извѣстна¹⁾. Но перейдемъ къ болѣе подробному разбору послѣдней.

Свое изученіе явленій, характеризующихъ паденіе земскаго строя, авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ средѣ массы населенія, занимающагося обработкой земли, т. е. сельскаго населенія, въ его отношеніи къ землѣ и къ другому постепенно выдѣляющемуся и приобрѣтающему господство слою народа: этому вопросу посвящена I-ая глава *«Зависимые люди и характеръ ихъ зависимости»*. Такое начало по плану работы вытекаетъ, по мнѣнію автора, изъ самаго существа дѣла. Онъ не считаетъ преувеличеннымъ думать, что «въ зависимости отъ того, въ какомъ положеніи находилось сельское населеніе въ извѣстной странѣ, опредѣлялось направленіе въ развитіи государственныхъ учреждений ея». Онъ даже полагаетъ (приравнивая эти явленія къ сферѣ метеорологіи), что «по характеру измѣненій въ положеніи сельскаго люда историкъ имѣетъ возможность объяснить и предугадать переибы въ политическомъ строѣ, если только земледѣліе продолжаетъ оставаться преобладающимъ занятіемъ жителей страны». Но едва-ли можно настаивать на безусловной и универсальной справедливости такого положенія. Оно можетъ быть приложимо въ извѣстной степени развѣ лишь къ такимъ народнымъ или государственнымъ организмамъ, которые развиваются совершенно самостоятельно и самобытно, внѣ всякихъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, и гдѣ весь процессъ развитія преимущественно получаетъ толчокъ и направленіе снизу. Но у славянскихъ народовъ

---

1) По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили на нее ссылки.

(какъ въ сущности и у всѣхъ другихъ исторически-выросшихъ на старой культурѣ римской и греческой), а тѣмъ болѣе у западныхъ славянъ мы отнюдь не можемъ допустить такого явленія; поэтому можно объяснить такое утвержденіе нашего автора лишь все тѣмъ же его увлеченіемъ теоріей «органическаго» развитія.

При всемъ томъ мы ничего не имѣемъ противъ общаго плана и системы изложенія г. Ясинскаго, за исключеніемъ одного, на что еще укажемъ ниже, именно—что для лучшаго разъясненія перваго вопроса, поставленнаго имъ, слѣдовало разобрать его нераздѣльно и въ непосредственной связи съ темой II-й главы, т. е. съ вопросомъ объ образованіи классовъ общества—по ихъ естественному соотношенію и зависимости.

Въ началѣ I главы авторъ старается дать общую характеристику состоянія крестьянскаго землевладѣнія и хозяйничанья въ старой Чехіи, которая впрочемъ является нѣсколько отрывочною и слабо связанною съ главной темой. Здѣсь отмѣчается напр. на основаніи грамотъ явленіе общаго пользованія всѣми жителями села угодіями (лѣсомъ, общими пастбищами и проч.), какъ «повидимому» обычай старины, что конечно не представляетъ открытія ¹⁾, говорится далѣе о колонизаціи чешскимъ населеніемъ въ раннюю эпоху (до начала нѣмецкой колонизаціи въ половинѣ XIII в.) лѣсистыхъ краевъ путемъ отдачи имъ для разработки участковъ лѣса и пустошей на княжеской землѣ, сообщаются мало впрочемъ идущія къ дѣлу свѣдѣнія о земельныхъ мѣрахъ, трехпольной системѣ земледѣлія, о стоимости земли и проч., наконецъ для выясненія отношеній между односельчанами, для чего де почти нѣтъ данныхъ, приводится свидѣтельство одной грамоты довольно поздней (1301), являющееся одиночнымъ, о «существованіи нѣкоторыхъ совладѣній при пользованіи полями». Но дѣлать на этомъ основаніи общій выводъ авторъ не рѣшается.

---

1) См. объ этомъ явленіи относительно волости у русскихъ славянъ и сравненіе съ подобными имъ поземельными отношеніями въ германской общинѣ у проф. В. Сергѣевича: «Русскія юридич. древности», томъ I, стр. 216 и далѣе, 220—221.

Сказавъ затѣмъ о существующей (общепринятой) классификаціи сельскаго населенія въ Чехіи земскаго періода, именно дѣленіи его на *свободныхъ* людей (дѣдичей и кметовъ) и *зависимыхъ* (цензуаловъ, задушныхъ людей, закупней и министеріаловъ), а также *рабовъ* (рабство исчезаетъ въ нач. XIII в.), г. Ясинскій справедливо находитъ, что эта классификація требуетъ цѣлаго ряда оговорокъ и большей доказательности. Самъ авторъ, правда, дѣлаетъ нѣсколько оговорокъ, напр. относительно *дѣдичей*, которые, какъ показываютъ факты, въ XIII в. превращаются уже въ людей зависимыхъ (а ихъ земли становятся объектомъ государевыхъ отчужденій), но жаль, что онъ не воспользовался случаемъ, чтобъ обстоятельнѣе охарактеризовать на основаніи собственнаго изученія источниковъ отдѣльныя категоріи сельскаго населенія, ибо и у него, когда рѣчь идетъ о послѣднемъ, замѣтенъ недостатокъ яснаго и отчетливаго разграниченія этихъ категорій.

Установленіе факта возникновенія и размноженія класса зависимыхъ людей приводитъ автора къ вопросу о происхожденіи этого явленія, при чемъ онъ считаетъ нужнымъ рассмотреть старую дилемму—о превращеніи свободы въ зависимость или наоборотъ о зависимости какъ «результатѣ смягченнаго рабства, принявшаго форму средневѣковаго колоната».

Свидѣтельство одного документа, здѣсь разобраннаго, заставляетъ его заключить, что «часть зависимаго населенія могла образоваться изъ колоновъ и рабовъ, положеніе которыхъ постепенно улучшилось», но этого явленія онъ не думаетъ обобщать и объяснять этимъ путемъ происхожденіе *всего* зависимаго люда, и въ этомъ онъ принимаетъ мнѣніе г. I. Пейскера, полемизировавшаго когда-то съ Липпертомъ по этому предмету. Теперь критика Липперта была бы уже неумѣстной, такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ, въ новомъ своемъ сочиненіи, измѣнилъ свой взглядъ, но г. Ясинскій писалъ до того. Но посмотримъ еще, дѣйствительно ли оставившій вниманіе автора документъ (завѣщаніе одного священника) позволяетъ сдѣлать вышеупомянутое заключеніе. Намъ

кажется, здѣсь кроется маленькое недоразумѣніе. Въ завѣщаніи священника Збигнѣва, устраивающаго церковь въ своей вотчинѣ, относимомъ къ 1132 году и сохранившемся въ подтвердительной грамотѣ короля Вацлава (1233 г.)¹⁾, завѣщатель перечисляетъ свои владѣнія и называетъ тѣхъ лицъ («рабовъ и колоновъ», *servos et colonos*, слѣдовательно 2 разныя категоріи), посредствомъ которыхъ земля его воздѣлывается.

Нашъ авторъ согласно этому и отмѣчаетъ вполне правильно, что Збигнѣвъ часть своей земли воздѣлывалъ самъ, пользуясь барщинной работой своихъ зависимыхъ людей, а главнымъ образомъ посредствомъ трехъ семействъ, члены которыхъ здѣсь и переименовываются, и въ которыхъ по всему нельзя не видѣть рабовъ, тогда какъ другую часть отдавалъ въ пользованіе зависимымъ людямъ, колонамъ, платившимъ цензъ и отбывавшимъ барщину. Таковыми были названные въ грамотѣ два лица: Остой, платившій ежегодно по 12 денаріевъ и Милонгъ съ семьей, платившій 6 денар. Оба они были такъ называемыми «задушными людьми» (*proanimatus*). О рабствѣ ихъ или происхожденіи ихъ изъ рабства нѣтъ опредѣленнаго указанія²⁾; между тѣмъ авторъ очевидно считаетъ ихъ тоже бывшими рабами (въ чемъ для него и смыслъ этого акта), ибо говоритъ: «Такимъ образомъ, «задушными людьми» назывались тѣ изъ рабовъ, которыхъ «во спасеніе своей души» переводили въ положеніе колоновъ или зависимыхъ людей, обязанныхъ только платежомъ и опредѣленной барщиной». Надо думать, что такой довольно неожиданный выводъ исходитъ изъ недостаточно яснаго пониманія авторомъ состоянія, такъ сказать, «задушности», которое у него почему-то неразрывно связывается съ «рабствомъ». Если рабы иногда отдавали себя и свое имущество церкви или монастырю въ задушное владѣніе «во спасеніе души»³⁾, то изъ этого же не слѣдуетъ, чтобъ всѣ задушныя люди

1) См. Erben, Regesta Boh. et Mor., I стр. 98—99 и 377.

2) Ибо подъ колонами нѣтъ основанія всегда и только понимать людей, вышедшихъ изъ рабства.

3) См. Lippert, о. с. I. S. 213—214.

(proanimatus, proanimator, animator, zadušník, dušník) происходили изъ рабовъ. Ими дѣлались всякіе зависимые люди, отдаваемые съ землей церковнымъ учрежденіямъ какъ «задушное» пожертвование. Даже дѣдичи попадали нерѣдко въ положеніе «задушныхъ»¹⁾. Итакъ въ данномъ документѣ нѣтъ основанія видѣть непременно людей перешедшихъ изъ рабства въ зависимое положеніе, и авторъ думалъ воспользоваться имъ по явному недоразумѣнію.

Но, какъ сказано, онъ допускаетъ лишь частные случаи подобнаго возникновенія зависимости, а общимъ явленіемъ считаетъ переходъ къ ней отъ свободы. Какъ-же совершался такой переходъ? Нашъ изслѣдователь не удовлетворенъ объясненіемъ г. Пейскера, который «выдвигаетъ теорію о постепенномъ заселеніи страны людьми зависимыми и колонами, теорію княжеской колонизаціи пограничнаго или *помежнаго* лѣса» (существовавшего де не только на границахъ, но и между территоріями доисторическихъ племенныхъ группъ страны), и надѣется подойти къ рѣшенію вопроса разсмотрѣніемъ положенія зависимаго люда въ XIII вѣкѣ.

Во первыхъ г. Ясинскій устанавливаетъ положеніе, что развивающаяся зависимость не касается свободы личности, доказательствомъ чего служить существованіе широкаго *права перехода* населенія какъ въ города, такъ и въ земли другихъ владѣльцевъ, которое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ подвергалось ограниченію. Это явленіе, подтверждаемое авторомъ рядомъ примѣровъ изъ документовъ, справедливо признается имъ за отголосокъ болѣе свободныхъ отношеній. Далѣе выдвигается имъ еще одна черта, характеризующая также *льготное* положеніе зависимыхъ людей и представляющая какъ-бы «переживаніе», остатокъ родовыхъ порядковъ, «когда земля была родовымъ имуществомъ и каждый членъ имѣлъ право совладѣнія». Именно, многими ссылками на источники г. Ясинскій доказываетъ, что

---

1) См. J. Čelanovský, Povšechní české dějiny právní, Pr. 1892, str. 36.

зависимыя люди (поселяне) являлись чрезвычайно заинтересованными во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся земли, которою они пользовались, цѣлости и нерушимости границъ имѣній и проч., какъ будто даже болѣе, чѣмъ сами землевладѣльцы. Изъ одной грамоты (20-хъ годовъ XIII в.) видно, что сами селяне совершили даже операцію продажи поля, причемъ владѣлецъ (т. е. монастырь) заботился лишь о томъ, чтобъ его доходы не уменьшались, т. е. его интересовала болѣе земельная рента, чѣмъ право на тотъ или другой клочекъ земли. Изъ этого можно заключить, что землевладѣльцы XIII вѣка представляются обладателями не земли, а извѣстнаго дохода или ренты, т. е. рентовладѣльцами. Это наблюдение вѣрно, и такое отношеніе крестьянъ (зависимыхъ) къ землѣ дѣйствительно есть отголосокъ патріархальныхъ воззрѣній на владѣніе землей и наблюдается всюду, между прочимъ и въ поземельныхъ отношеніяхъ старой Руси¹⁾. Что касается опредѣленія времени возникновенія зависимости, то авторъ, сознавая всю трудность этого опредѣленія—и то лишь въ самыхъ приближительныхъ границахъ, находитъ въ чешскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя указанія, именно о томъ, когда зависимость стала явленіемъ преобладающимъ въ жизни селянъ. Эти лѣтописныя данныя (приводятся рассказы каноника Вышеградскаго и Сазавскаго монаха) изображаютъ крестьянское населеніе XI и первой половины XII в. еще свободнымъ и зажиточнымъ. Оно представляетъ еще общественную силу, съ которой нельзя не считаться, его права на владѣніе землей, по крайней мѣрѣ какъ вознагражденіе за трудъ по обработкѣ еще дикой земли, признаются высшею властью (въ этомъ отношеніи характеренъ рассказъ Сазавскаго монаха!), государи (Собеславъ II) видятъ въ немъ противовѣсъ

1) Вотъ какъ характеризуетъ эти отношенія проф. Сергѣевичъ въ своемъ названномъ выше сочиненіи (т. I, стр. 225): «Въ древнемъ народномъ мышленіи не обособилось еще владѣніе и собственность. Собственность представлялась ему въ матеріальной оболочкѣ владѣнія. Кто дѣйствительно владѣлъ и пользовался, тотъ и былъ собственникъ... Крестьяне, поэтому, первые по времени землевладѣльцы и собственники. Землевладѣльцы—не земледѣльцы всегда и вездѣ—явленіе позднѣйшее».

возраставшему вліянію знати. Заслуживаетъ вниманія указаніе г. Ясинскаго, что Собеславъ II, не довѣрявшій знати, въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ особенно цѣнилъ военную силу селянъ, состоящую изъ конныхъ и пѣшихъ, которая собиралась къ нему въ большомъ числѣ, благодаря его популярности. Это важно потому, что впоследствии авторъ, говоря о военной организаціи (со времени ея преобразованія въ X в.), какъ-будто совсѣмъ не знаетъ этой сельской военной силы, увлекшись всецѣло мыслью, что «со 2-й половины XII в. военная служба становилась, по зрѣніямъ современниковъ, спеціальностью высшихъ классовъ». Во всякомъ случаѣ онъ считаетъ именно вторую половину XII в. (прибавляя впрочемъ словечко «повидимому», къ которому — кстати сказать — онъ прибѣгаетъ частенько) *критической порой* въ жизни свободнаго населенія, временемъ возникновенія зависимости. Мы думаемъ однакожь, что и такое *приблизительное* опредѣленіе слишкомъ точно, что приведенныя лѣтописныя данныя не могутъ быть слишкомъ обобщаемы и что такой процессъ, какъ постепенный переходъ свободнаго населенія въ зависимость, обусловленный цѣлымъ рядомъ причинъ, — подобно непосредственно съ нимъ связанному и его опредѣляющему процессу обособленія высшихъ классовъ общества — не можетъ быть опредѣленъ даже столѣтіемъ, а совершался незамѣтно въ теченіе очень многихъ десятилѣтій, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть заключенъ въ границы, указанныя авторомъ. Переходя наконецъ къ объясненію *причинъ* возникновенія зависимости, авторъ приводитъ мнѣніе проф. В. Томка о ея источникахъ, именно о вліяніи родового быта (такъ какъ дѣдичи были отдаленныя родичи той родовой вѣтви, которая пользовалась наслѣдственнымъ старшинствомъ въ родѣ), о вновь основываемыхъ монастырями и лицами селлахъ для поселенія излишка населенія въ старыхъ, о частныхъ договорахъ и соглашеніяхъ, ведшихъ къ положенію зависимости. Однакожь эти объясненія его не удовлетворяютъ: первое — по своей гипотетичности, послѣднее — недостаточностью для примѣненія къ такому крупному явленію. Онъ

держится взгляда, что послѣднее «могло возникнуть только подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій болѣе поздняго государственнаго быта», тѣмъ болѣе, что для большинства населенія зависимость возникаетъ въ пору господства государственной жизни. Но не смѣшивается ли онъ здѣсь нѣсколько сущности самаго факта съ его формами и характеромъ проявленія? Сущность его несомнѣнно обусловливается рано начинающимся социальнымъ развитіемъ народа и дифференціаціей массы, а государственный бытъ съ своими условіями и нуждами вырабатываетъ тѣ или инныя формы и особенности его проявленія. Впрочемъ, нашъ авторъ совершенно справедливо указываетъ на важную роль государственной власти въ этомъ процессѣ. Хотя государи, говоритъ онъ, не могли распоряжаться ни землей, ни личностью свободнаго человѣка, но зато въ ихъ распоряженіи находились повинности и платежи, которые при тогдашнемъ слабомъ развитіи государственности... рассматривались въ качествѣ объектовъ отчужденія». Выкупомъ отъ государственныхъ повинностей (королевскихъ и земскихъ) являлся *цензъ*, платежемъ котораго и выражалась зависимость населенія. Г. Ясинскій старается на основаніи имѣющихся у него данныхъ опредѣлить размѣры и характеръ этого ценза. По его вычисленію онъ простирался приблизительно до 8 денаріевъ съ югера. Что касается его характера, то по ясному показанію источниковъ характернымъ отличіемъ ценза съ земель дѣдичей, попавшихъ въ зависимое положеніе, было то, что онъ не подлежалъ возвышенію; этимъ онъ существенно отличался отъ ценза поздняйшаго происхожденія, платимаго поселенцами земель эфитевтическихъ, на нѣмецкомъ правѣ. Послѣдній, представляя лишь плату за право пользованія чужою землей, въ разныхъ случаяхъ могъ быть повышаемъ, между тѣмъ какъ «дѣдичный цензъ, являясь эквивалентомъ или выкупомъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, не могъ поэтому подлежать измѣненію». Итакъ платежемъ ценза, по словамъ г. Ясинскаго, выражается зависимость бывшаго свободнаго населенія. Самая же эта зависимость представляется ему «въ

формѣ разрыва непосредственныхъ отношеній между государствомъ и массой населенія, въ формѣ созданія между ними промежуточнаго звена». «Возникновенію ея долженъ былъ предшествовать процессъ образованія сословіи и привилегированнаго землевладѣнія». Этимъ авторъ и заканчиваетъ свое разслѣдованіе происшедшихъ измѣненій въ социальномъ положеніи массы земледѣльческаго населенія, сознавая, какъ мы видимъ, что этимъ измѣненіямъ предшествовалъ — а не будетъ ли точнѣе сказать: сопутствовалъ? — тотъ процессъ, который онъ разсматриваетъ во II-й главѣ.

Мы однакожъ еще не пойдемъ за нимъ, а отмѣтимъ здѣсь же то, что въ его работѣ составляетъ прямое дополненіе и расширение вопроса, разсмотрѣннаго въ I-й главѣ, и почему-то попало въ «Заключеніе» книги (стр. 168—174). Г. Ясинскій самъ очевидно чувствовалъ, что вопросъ о превращеніи свободнаго населенія въ зависимое имъ выясненъ не достаточно, и онъ считаетъ нужнымъ выяснитъ еще «причины, кои побуждали зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимыхъ», а также дѣдичей переходить въ положеніе зависимыхъ дѣдичей.

Извѣстно, что лѣсныя пространства и пустоши, которыя еще въ XIII в. составляли огромную площадь, находились въ полномъ распоряженіи государей. Изъ источниковъ видно, что съ начала XI в. государи предоставляютъ отдѣльнымъ лицамъ право пользования этими лѣсами и пустошами, такъ что происходитъ постепенное освоеніе новыхъ земельныхъ участковъ. Но послѣдними могли пользоваться только зависимые люди землевладѣльцевъ; другимъ не было туда доступа. Сидѣвшіе около этихъ освоенныхъ лѣсовъ и пустошей свободные крестьяне (дѣдичи и проч.), не получавшіе на нихъ правъ, чувствовали большое стѣсненіе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, ибо все большія пространства отходили въ руки церковныхъ корпорацій и частныхъ лицъ, да и вслѣдствіе прироста населенія. Понятно такимъ образомъ, что не было недостатка въ охотникахъ селиться на этихъ освоенныхъ

въ пользу того или другого юридическаго лица государевыхъ пустошахъ, и въ немъ дѣйствительно селились дѣдичи, уплачивали натуральную дань (государственную десятину), но лично оставались свободными. «Государи смотрѣли на нихъ, какъ на доходную статью и, отчуждая пустоши, упоминали о поселившихся на нихъ людяхъ, имѣя въ виду ихъ платежи, но не нарушая ни правъ личности, ни владѣнія ихъ». Сперва въ пользу землевладѣльца шла только государственная десятина; отъ земскихъ работъ эти зависимые люди не освобождались. Но впоследствии, съ переходомъ въ руки землевладѣльца распоряженія и земскими работами, размѣръ ценза увеличился, но населеніе даже предпочитало всегда денежную повинность, какъ выкупъ отъ натуральныхъ, происхождение которой гарантировало ея неподвижность. Лишь съ развитіемъ нѣмецкой колонизаціи и эмфитевическаго права платежи стали возвышаться, и зависимые дѣдичи принуждены были переходить на это новое положеніе.

Все свое изложеніе этой темы авторъ сопровождаетъ вполне убѣдительными ссылками на документы и любопытными примѣрами. Мы должны признать, что этимъ онъ существенно дополнилъ свое изслѣдованіе предмета, т. е. вопроса о переходѣ населенія отъ свободы къ зависимости, обративъ вниманіе на такой важный моментъ, какъ колонизацію еще не обработанныхъ обширныхъ территорій, не могшую очевидно остаться безъ вліянія не только на экономическую, но и на социальную жизнь, — моментъ, которому, по вышеотмѣченному указанію самого г. Ясинскаго (см. стр. 46), быть можетъ при нѣсколько иной постановкѣ придавалъ даже рѣшающее значеніе г. Пейскеръ.

Мы прослѣдили весь ходъ мыслей автора въ разборѣ имъ перваго вопроса темы его — объ измѣненіяхъ въ социально-экономическомъ положеніи массы населенія Чехіи земскаго періода. Что же можно въ общемъ сказать о его разборѣ?

Должно признать, что г. Ясинскій значительно разъяснилъ вопросъ, хотя мы, какъ видно изъ предыдущаго, и не во всѣхъ пунктахъ съ нимъ согласны; къ сдѣланнымъ уже частнымъ за-

мѣчаниямъ слѣдуетъ прибавить, что онъ напрасно отнесся такъ отрицательно къ мысли проф. Томка о вліяніи старыхъ родовыхъ порядковъ (съ ихъ наслѣдственнымъ старшинствомъ) на образованіе зависимости. Не вдаваясь въ подробный анализъ, можно уже а priori сказать, что отношенія родовыя и общинный бытъ не могли въ концѣ концовъ не повліять на социальную дифференціацію населенія... Но и вообще авторъ достигъ бы еще большаго, если бъ полнѣе и разностороннѣе разсмотрѣлъ состояніе зависимости въ разныхъ ея видахъ, и для этого точнѣе опредѣлили бы первоначальныя категоріи сельскаго люда. Такъ ему слѣдовало посвятить болѣе вниманія *отдѣламъ* и ихъ послѣдующей судьбѣ. Вообще его представленія часто страдаютъ неопредѣленностью (вспомнимъ о категоріи «задушныхъ людей», явленія, оставшагося также невыясненнымъ). Мы уже упоминали выше и о томъ, что невыгодно отразилось на результатахъ разбора отдѣленіе вопроса о зависимыхъ людяхъ отъ предмета II-ой главы, т. е. объ образованіи господскаго класса. Разсмотрѣніе этихъ взаимно обуславливающихъ другъ друга явленій, въ непосредственной связи, какъ мы это видимъ напр. у Липперта, не можетъ не привести къ болѣе полному ихъ разумѣнію. Вѣдь процессъ образованія классовъ общества есть вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе и выдѣленіе съ одной стороны господствующаго слоя, съ другой — зависимой массы, а потому естественно было разобратъ эти явленія въ большей связи и въ ихъ соотношеніи.

Если мы теперь взглянемъ на результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о зависимости населенія съ точки зрѣнія его основной мысли о самобытности развитія внутренняго строя Чехіи, то — признаемся — мы не можемъ усмотрѣть, чтобъ они говорили въ пользу нея, ибо разобранныя социальное-экономическія измѣненія, происходившія по сознанію самого автора (стр. 57) «подъ вліяніемъ потребностей, нуждъ и условій государственнаго быта», брали свое начало такимъ образомъ не внизу, въ нѣдрахъ народной жизни, а вызывались болѣе сверху, со стороны высшей, управляющей власти, обуславливаясь глав-

нымъ образомъ ея интересами и потребностями еще не столько государственными, сколько лично государевыми. И такой процессъ развитія не представляетъ ничего исключительнаго и аномальнаго. Повсюду въ жизни народовъ, начинающихъ развиваться, а особенно принимающихъ извнѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ культуру, несомнѣнно способствующую созданію духовнаго и матеріальнаго неравенства между слоями народа, мы видимъ одно и то же явленіе. Факторомъ самымъ вліятельнымъ, направляющимъ и организирующимъ внутреннюю народную жизнь и отношенія, являются интересы и стремленія людей и классовъ, имѣющихъ и силу и власть, т. е. рядомъ съ государемъ — его доверенныхъ слугъ, начальниковъ, людей обогатившихся земледѣльемъ или торговлей, наконецъ нравственно и умственно авторитетныхъ — духовенства. Всѣ эти выдѣляющіяся изъ массы категоріи людей, пріобрѣтая силу, права и вліяніе отъ верховнаго представителя и источника власти, ради собственныхъ интересовъ оказываютъ давленіе на слой слабый, мало состоятельный и зависимый, и такимъ образомъ создаются тѣ условія, въ которыхъ принуждено жить и работать земледѣльческое населеніе или народная масса и благодаря которымъ должны видоизмѣняться и перерождаться первоначальныя установленія и формы его быта. Конечно, эта теряющая свою независимость народная масса старается защитить свои интересы и отстоять себя и свое, но въ концѣ концовъ покоряется и приспособляется къ новымъ отношеніямъ и порядкамъ.

Такимъ образомъ народный бытъ, а съ нимъ и старый земскій строй терпитъ существенныя измѣненія и разлагается не столько въ силу внутреннихъ причинъ, нуждъ и стремленій самого населенія, сколько въ силу потребностей, образующихся въ сферахъ болѣе высокихъ, и вліяній оттуда идущихъ, въ силу интересовъ слоевъ сильныхъ и властныхъ, поддерживаемыхъ верховною властью, и наконецъ самой государственной власти. Этого явленія нельзя не имѣть въ виду и при изученіи и оцѣнкѣ и всѣхъ другихъ сторонъ и элементовъ соціальнаго и государ-

ственного развитія; во многихъ изъ нихъ оно обнаруживается еще яснѣе и очевиднѣе. Но разъ мы убѣждаемся, что въ *такомъ* направленіи (сверху внизъ) идетъ главный импульсъ и воздѣйствіе въ процессѣ историческаго развитія, мы не можемъ отрицать неизбѣжнаго вліянія на это развитіе и того міра понятій, воззрѣній и нравовъ, въ которомъ воспитываются и живутъ люди этихъ руководящихъ сферъ, находящихся въ непрерывныхъ разнообразныхъ связяхъ и общеніи съ внѣшнимъ, сосѣднимъ культурнымъ міромъ, однимъ словомъ вліянія культуры и всего жизненнаго строя ближайшихъ сосѣдей — и черезъ нихъ всего латино-германскаго запада.

Впрочемъ о необходимости признанія силы такихъ вліяній на внутреннее развитіе Чехіи — вопреки мнѣнію г. Ясинскаго — мы будемъ имѣть еще случай сказать, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію II-ой главы его книги.

Вторую главу «*Возникновеніе классовъ общества*» нашъ авторъ прямо начинаетъ съ характеристики военной силы у славянъ вообще и чеховъ до X в., давая тѣмъ какъ-бы заранѣе понять, что лишь на этой почвѣ должна была произойти прежде всего дифференціація свободнаго населенія и образованіе его классовъ.

Такъ какъ у древнихъ славянъ не было военнаго сословія, а призывались къ оружію всѣ способные носить его, то надо доказать, что съ извѣстнаго времени произошелъ въ этой сферѣ существенный переворотъ, вызванный новыми условіями и новыми потребностями военнаго дѣла, въ смыслѣ его усложненія, именно образованіе особаго класса людей, специально отбывавшихъ эту повинность и достаточно для того состоятельныхъ.

Ради этого г. Ясинскій прибѣгаетъ къ утвержденію, съ которымъ однакожъ трудно согласиться, что до X в. чехи не имѣли конницы, а «выставляли только огромныя толпы пѣшихъ ратниковъ». Только съ X—XI вѣковъ онъ усматриваетъ на основаніи источниковъ значительныя перемѣны въ этомъ отношеніи, въ пользу чего приводятся примѣры изъ X вѣка (по свидѣт.

Видукинда и Титмара Мерзебургскаго), гдѣ, по его мнѣнію, уже навѣрно дѣйствовала конница. Въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ о войнахъ, которыя велись чехами, авторъ склоненъ видѣть участіе одной лишь конницы. Такъ свидѣтельство Косьмы Пр. изъ XI в. (1039 г.) о походѣ кн. Брячислава противъ Поляковъ толкуется имъ въ томъ смыслѣ, что «войско чешское состояло исключительно изъ конницы». Но такое предположеніе должно быть признано слишкомъ ужъ смѣлымъ. Очень рисковано въ этомъ отношеніи опираться на такое скорѣе образное выраженіе лѣтописца, какъ то, что чешскіе ратники собрались всѣ «in momento, in ictu oculi», и преувеличивать его значеніе. Извѣстія о походахъ Вратислава (въ 1070—80-хъ годахъ) тоже убѣждаютъ г. Ясинскаго, что чешское ополченіе было не пѣшее, а тяжело-вооруженное конное войско. Онъ могъ бы привести и много другихъ примѣровъ, о томъ же свидѣтельствующихъ изъ XI—XII в. (а сообщеніе самого автора выше, на стр. 55, о селѣнахъ — *тѣшихъ* преимущественно, участвовавшихъ въ предпріятіяхъ кн. Собеслава II?), но онъ считаетъ это излишнимъ: по его убѣжденію чехи, «находясь въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкою имперіей, принимая живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства, не могли избѣжать необходимости преобразованія военной системы, которую ощутили всѣ народы, принужденные вести борьбу съ кочевниками».

Итакъ борьба съ кочевниками, и именно съ Мадьярами, отъ которыхъ западная Европа стала непомѣрно страдать съ начала X в., была, по мнѣнію г. Ясинскаго, виѣшнимъ толчкомъ и побужденіемъ для преобразованія военной системы въ Чехіи и замѣны пѣхотнаго ополченія хорошо вооруженнымъ коннымъ войскомъ. Самой поздней для этого датой онъ считаетъ конецъ IX в., но признаетъ однако, что такая постановка могла послѣдовать и ранѣе, въ эпоху борьбы съ Аварями, т. е. въ VII-мъ вѣкѣ (см. прим. 2 на стр. 67). Авторъ пытается опредѣлить приблизительно и численность поставляемыхъ по новой системѣ ратниковъ для Чехіи и Моравіи, но — кажется намъ — на очень шаткихъ данныхъ.

Надо признать всѣ эти предположенія и соображенія о военной реформѣ довольно гадательными и сомнительными, но они нужны автору для обоснованія его домысла о происхожденіи именно этимъ путемъ (обособленія военного класса) — *чешской шляхты*. Необходимость имѣть вполне вооруженное конное войско, которое предполагало у составлявшихъ его достаточныя средства (для содержанія коня и всего вооруженія), было причиной «выдѣленія изъ единообразной свободной массы населенія» особаго высшаго класса, болѣе зажиточнаго, бравшаго на себя обязанности нести военную конную службу. Это была *militia* — *шляхта*, слово, которое и стало примѣняться къ этому высшему классу.

Если трудно согласиться съ положеніемъ автора о довольно внезапно, вызванномъ только борьбой съ кочевниками обращенія исключительно пѣшаго чешскаго ополченія въ исключительно конное войско (при чемъ опредѣленіе времени колеблется между 7-мъ и 10-мъ вѣкомъ!), то не менѣе трудно принять объясненіе о возникновеніи высшаго класса, шляхты у Чеховъ — только благодаря такой реформѣ! Неужели можно удовлетвориться такимъ черезчуръ простымъ объясненіемъ и отрицать участіе другихъ важныхъ факторовъ въ этомъ сложномъ социальномъ процессѣ? Не дѣло въ томъ, что самое основаніе взгляда относительно упомянутой реформы, т. е. учрежденія коннаго войска, очень шатко. Если послѣднее дѣйствительно никогда не было у славянъ преобладающимъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что чехи до какой-то «реформы» не имѣли конныхъ воиновъ. Отчего авторъ не вспомнилъ здѣсь хоть о постоянныхъ военныхъ отрядахъ (конечно конныхъ) при князьяхъ, составлявшихъ вмѣстѣ и свиту ихъ, о *княжеской дружинѣ*, какою она напр. является на Руси? Имѣеть ли онъ основаніе отрицать существованіе подобныхъ дружинъ въ древнее время у западно-славянскихъ князей? Слѣдовало обратить на это вниманіе.

Въ соображеніяхъ г. Ясинскаго по данному вопросу заслуживаетъ вниманіе самый фактъ признанія необходимости для

чеховъ военнаго преобразованія—разъ они находились «въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ нѣмецкой имперіей» и «принимали живое участіе во всѣхъ почти дѣлахъ этого государства». Выходитъ, что это преобразование, а слѣдовательно и выдѣленіе изъ свободнаго населенія военнаго класса, т. е. шляхты не есть слѣдствіе внутреннихъ народныхъ нуждъ и условій и явленіе самобытнаго развитія, а вызвано внѣшними обстоятельствами и вліяніями, что совсѣмъ расходится съ основнымъ воззрѣніемъ нашего автора. Но справедливо указавъ въ данномъ случаѣ на важность внѣшняго фактора, если не въ процессѣ выдѣленія шляхты (едва-ли правильно понимаемъ), то во всякомъ случаѣ въ постепенномъ усовершенствованіи военныхъ силъ и системы у Чеховъ, онъ не вникъ, по нашему мнѣнію, въ самую сущность отношеній, на которыя онъ указываетъ. Именно онъ не оцѣнилъ того, что Чехія какъ разъ въ ту эпоху, примкнувъ въ культурно-религіозномъ отношеніи къ западному міру, вовлекалась тѣмъ самымъ и въ тѣсную политическую съ нимъ связь и вступала въ ленно-зависимыя отношенія къ западной имперіи нѣмецкой націи, что налагало на нее извѣстныя обязательства, между которыми участіе въ военныхъ предпріятіяхъ и поставка извѣстнаго количества вооруженнаго войска играли существенную роль. Вообще на этотъ важный моментъ ¹⁾, имѣвшій значеніе не только во внѣшнемъ политическомъ, но и во внутреннемъ развитіи Чехіи, въ изслѣдованіи г. Ясинскаго не обращено подобающаго вниманія.

Рѣшивъ вопросъ о происхожденіи шляхты, авторъ опредѣляетъ на основаніи грамотъ XII в. имущественное положеніе шляхтичей и веденіе ими хозяйства. Но выдѣленіемъ шляхты не ограничилось распаденіе состава свободнаго населенія. По

1) Эти важныя отношенія къ имперіи какъ Чехіи, такъ и другихъ западныхъ славянъ хорошо рассмотрѣны въ статьѣ г. В. Кракау «Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ германской имперіи въ X и XI вв.» въ «Сборникѣ» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1888, стр. 331, особ. 338—340, 345 etc. Ниже придется еще отмѣтить незнакомство автора со статьями этого Сборника.

словамъ автора «есть возможность установить фактъ *первичнаго* распаденія свободной массы, подвергнувъ изученію вопросъ о такъ называемой *дани мира* (tributum pacis)», упоминаемой въ грамотахъ XIII в. Въ виду «первичности» этого явленія, кажется, слѣдовало и начать съ него, ибо изъ разъясненій самого г. Ясинскаго можно заключить, что установленіе дани мира предшествовало выдѣленію шляхты.

Разборъ вопроса о *дани мира* приводитъ его къ заключенію, что эта дань была какъ-бы выкупной суммой и уплачивалась лишь тѣми свободными, которые были избавлены отъ военной повинности. Это мнѣніе заслуживаетъ полнаго вниманія и находить дѣйствительное подтвержденіе въ источникахъ. Труднѣе вопросъ о происхожденіи этой дани и о времени ея введенія, но и въ его обсужденіи нашъ авторъ даетъ весьма правдоподобное, хотя и нуждающееся еще въ обоснованіи объясненіе.

Онъ указываетъ, что уже Герм. Иречекъ сближалъ эту дань съ русской данью (въ первоначальной лѣтописи: «дань даяти отъ Новагорода. . . мира дѣля»), но подробности объ этой дани имъ не разъяснены: онъ не прибѣгъ къ русскимъ источникамъ и не воспользовался сравнительнымъ методомъ. Нашъ авторъ взялъ эту задачу на себя (одинъ изъ немногихъ къ сожалѣнію случаевъ, гдѣ онъ самъ прибѣгаетъ къ всегда плодотворному сравнительному изученію!).

Характеризуя дань у русскихъ и у другихъ славянскихъ народовъ, онъ опредѣляетъ ее какъ платежъ населенія, вслѣдствіе политическаго подчиненія, въ пользу высшей государственной власти; «она вносилась свободными людьми покоренныхъ племенъ въ одинаковомъ приблизительно размѣрѣ: отъ плуга давали 12 ден. или солидъ и нѣкоторое количество натуральныхъ произведеній». Чешскіе источники даютъ автору основаніе сближать съ этою данью чешскую дань мира (или королевскую). Изъ одной грамоты XI в. (Regesta, I, p. 72) видно, что зависимыя люди (колоны) дани не платили, но отбывали разныя повинности и барщинныя работы въ пользу землевладѣльца. Опредѣленіе

размѣра королевской дани приводитъ также къ сближенію ея съ общераспространенной у другихъ славянъ данью. Дѣло въ томъ, что первая видимо соответствовала цензу колона, а мы знаемъ (изъ извѣстнаго уже намъ завѣщанія священника Збигнѣва), что колоны платили отъ плуга земли 12 денар. и кромѣ того отбывали барщину. «Должно быть, замѣчаетъ г. Ясинскій, платежъ солида или 12 ден. считался первоначальной нормою ценза. . . .». Тѣхъ же размѣровъ была, какъ мы видѣли, и обычная славянская дань. Къ такому интересному и несомнѣнно цѣнному выводу привелъ автора сравнительный методъ. Опираясь на него, онъ и считаетъ себя въ правѣ сдѣлать свое заключеніе и о происхожденіи чешской дани мира. Онъ думаетъ, что эта дань имѣетъ то же происхожденіе, что и дань у другихъ славянъ, именно: что чешскіе князья, покоряя племена, жившія въ Чехіи, обложили нѣкоторую часть покоренныхъ данью, освободивъ ихъ отъ обязанности ходить на войну, строить города, чинить мосты и проч.

Что касается времени возникновенія этой дани, то его опредѣленіе вытекаетъ уже изъ предыдущаго.

Итакъ общій выводъ автора гласитъ, что «распаденіе свободного населенія на данниковъ и лицъ обязанныхъ нести военную службу и земскія работы произошло, кажется (!), одновременно съ возникновеніемъ государства».

Желателенъ бы былъ болѣе опредѣленный способъ выраженія! Не говоря уже объ оговоркѣ «кажется» (слишкомъ частое употребленіе такихъ словцовъ поселаетъ невольное недовѣріе въ читателѣ), спрашивается, что разумѣетъ г. Ясинскій подъ «возникновеніемъ государства». Мы уже выше отмѣтили у него неточность въ употребленіи этого термина. Относительно сущности вывода мы отмѣтимъ только нѣкоторое противорѣчіе у автора вотъ въ чемъ: если дань мира, какъ выкупъ отъ воинской и другихъ повинностей, была установлена при самомъ покореніи племенъ, т. е. при политическомъ объединеніи чешскимъ племенемъ — своихъ соплеменниковъ, то значить и военная повинность существовала съ самаго начала, и слѣдовательно классъ военныхъ людей (изъ

которыхъ вышли шляхтичи) долженъ былъ возникнуть тогда-же... При чемъ же въ такомъ случаѣ военная реформа подъ влияніемъ необходимости борьбы съ кочевниками и превращеніе пѣхотнаго ополченія въ конницу?

Представивъ обособленіе изъ массы свободнаго населенія класса лицъ, обязанныхъ военной службой, авторъ идетъ далѣе. Въ средѣ послѣднихъ почти съ самаго начала можно усмотрѣть *два разряда*: высшей шляхты или знати и рядовой шляхты. Это то, что въ источникахъ именуется *milites primi ordinis* и *milites secundi ordinis* или *plebs*. Подтверждая это положеніе цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, нашъ изслѣдователь считаетъ такое дѣленіе шляхты доказаннымъ для XI—XII вв. Но откуда въ XI в. взялась высшая шляхта или аристократія? Авторъ спрашиваетъ себя, не была ли это еще старая родовая аристократія, существовавшая издавна, еще до выдѣленія класса военныхъ? но на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ онъ отвѣчаетъ на это отрицательно, такъ какъ онѣ говорятъ въ пользу того, что родовая аристократія къ XI в. или была почти вся истреблена, или вымерла, или наконецъ обѣднѣла. Между прочимъ онъ придаетъ важное значеніе свидѣтельству Косьмы Пр. (относ. къ 1037) о выступленіи родовой знати, при чемъ летописецъ называетъ всего три рода. Полагаясь на такое показаніе, г. Ясинскій видимо считаетъ долгомъ прибавить, что онъ не беретъ рѣшить, были ли въ началѣ XI в. всего только эти три старые рода, или ихъ было гораздо болѣе. Это сомнѣніе кажется мнѣ вполне законнымъ. Изъ наименованія лишь 3-хъ родовъ нельзя еще заключить, что они были единственными. Мы напротивъ склонны думать, что старая племенная или родовая знать не могла исчезнуть такъ всецѣло и скоро, и что она сыграла свою роль и въ послѣдующемъ образованіи сословныхъ группъ. А потому мы удивляемся, что авторъ нашъ настаиваетъ на заключеніи, что высшій въ средѣ шляхты классъ знати, аристократія могъ возникнуть *только* подъ влияніемъ государственнаго быта. Какъ бы то ни было можно согласиться, что вновь обра-

зующійся при новыхъ условіяхъ высшій классъ шляхты несомнѣнно являлся преобладающимъ ¹⁾. Нашъ авторъ видитъ подтвержденіе своего заключенія и въ наименованіи знатныхъ лицъ въ источникахъ. Такъ Косьма употребляетъ всегда опредѣленный способъ наименованія членовъ этой шляхты — по отчеству, т. е. по отцу, чему приводятся многочисленные примѣры. Позволительно думать, что аристократія конца XI и XII вѣка могла считать свое существованіе только десятками лѣтъ, — у нея еще не было фамильныхъ преданій. Все заставляетъ признать, что она начала формироваться только со времени Брячислава или съ начала XI в. Въ пользу того же говоритъ и то обстоятельство, что отъ этой самой эпохи имѣются положительныя указанія о служебномъ происхожденіи аристократіи.

Тутъ авторъ подробно останавливается на разсказѣ Косьмы Пр. о награжденіи кн. Яроміромъ въ началѣ XI в. своего слуги Деворы за спасеніе его отъ смерти: Девора былъ навсегда причисленъ съ потомствомъ своимъ къ составу знати, получивъ остающуюся въ его потомствѣ должность ловчаго въ лѣсномъ княж. имѣніи. Такъ какъ это нѣсколько противорѣчитъ представленіямъ г. Ясницкаго, по которымъ въ ту эпоху еще не могло быть сложившагося сословія знати (но вѣдь была же хоть немногочисленная родовая знать!), то онъ приписываетъ Косьмѣ такое пониманіе, что самое «несеніе земской должности являлось признакомъ принадлежности человѣка къ знати». Его общіе выводы изъ этого случая тѣ, что въ XI в. люди изъ самаго низкаго званія могли возвыситься до первыхъ людей, если угодили князю, и затѣмъ что «милостивое расположеніе князя было единственнымъ источникомъ возвышенія личностей не только въ XI, но и въ началѣ XII в.», и источникомъ не только возвышенія, но и сохраненія привилегированнаго положенія этими лицами, выдвинувшимися службой. Пренебрежительный отзывъ Косьмы

---

1) Въ вопросѣ о раннемъ исчезновеніи племеннаго дворянства и о происхожденіи чешской аристократіи съ Яснскимъ значительно сходится и Липертъ, *op. c. I*, s. 249—263.

объ извѣстномъ дѣятелѣ начала XII в. Вацкѣ, самомъ вліятельномъ лицѣ при дворѣ, съ выраженіемъ полнаго презрѣнія къ его низкому происхожденію, есть, по мнѣнію г. Ясинскаго, отзывъ знати, завидующей новому фавориту, но «успѣвшей забыть свое собственное недавнее происхожденіе изъ рядовъ прислужниковъ и угодниковъ княжескихъ». Но такъ ли это? Не видно ли именно въ этомъ отзывѣ отголоска еще не совсѣмъ исчезнувшей и гордой своимъ происхожденіемъ родовой знати?..

На этомъ и заканчивается изслѣдованіе объ образованіи классовъ. Оказывается такимъ образомъ, что г. Ясинскій въ этомъ процесѣ дифференціаціи массы свободныхъ усматриваетъ лишь одинъ главный факторъ, именно обособленіе военного класса — съ того момента, какъ военная повинность стала возлагаться лишь на немногихъ, тогда какъ другіе свободные были обязаны уплачивать дань мира. Дальнѣйшимъ факторомъ обособленія уже въ классѣ обязанныхъ военною повинностью были отличія и милости государя за службу ему, каковымъ путемъ выдѣлялась высшая шляхта, аристократія.

Мы уже выше отмѣтили нѣкоторыя слабыя стороны такого взгляда на дѣло. Не повторяя сказаннаго, мы замѣтимъ здѣсь, что вообще данное объясненіе отличается односторонностью и вопроса не исчерпываетъ. Образованіе классовъ или сословій въ народѣ есть медленный и сложный процессъ вѣковъ, а не явленіе довольно внезапно и искусственно возникающее. Въ этомъ процесѣ вліяютъ, конечно, не одинъ и не два какихъ-нибудь фактора и дѣйствуетъ не одна причина, а совокупность цѣлаго ряда причинъ и вліяній, при чемъ явленіямъ первичнымъ, какова органическая дифференціація на почвѣ общинно-родовыхъ, племенныхъ и земельныхъ отношеній (наслѣдственное старшинство и скопленіе земли у такой родовой знати и у представителей земской администраціи) идутъ навстрѣчу явленія и факторы государственнаго строенія и интересы верховной, княжеской власти, каковы: организація военной силы и обороны страны (созданіе спеціальнаго для того класса людей), обложеніе другой

части свободнаго населенія данью, служба князю и условія возникновенія служебной знати, съ другой стороны постоянная колонизація земли и обработка новыхъ непочатыхъ княжескихъ территорій, съ чѣмъ въ особенности связано образованіе большой массы зависимыхъ людей, колоновъ, работниковъ, людей «задушныхъ», однимъ словомъ подданныхъ, отличныхъ отъ старыхъ свободныхъ селянъ — дѣдичей, сохранившихъ свою дѣдину и обязанныхъ лишь данью мира. Наконецъ, есть и еще важный факторъ въ процессѣ общественной дифференціаціи, который оставленъ безъ вниманія нашимъ авторомъ. Это — культура и образованность (латинская) и проводники ея — церковь и служители ея, многочисленный классъ духовенства. Латинское образованіе (съ латинскимъ языкомъ), проникавшее черезъ церковь и усваиваемое лишь извѣстнымъ, выше стоявшимъ слоемъ народа, являлось, какъ извѣстно, элементомъ разобщающимъ и раздѣляющимъ: оно отрывало тѣхъ, кто его усваивалъ, отъ народной массы и создавало между ними нѣкотораго рода пропасть. Оно не могло слѣдовательно не сыграть своей роли въ процессѣ распаденія населенія.

Но почему-то г. Ясинскій не оцѣнилъ этого фактора точно такъ же, какъ въ своемъ изслѣдованіи прочихъ сторонъ и моментовъ паденія земскаго строя онъ совсѣмъ почти оставилъ безъ рассмотрѣнія и оцѣнки могущественное вліяніе римской церкви, ея учреждений и строя (монастырей, орденовъ и т. д.).

Упомянемъ здѣсь еще объ относящемся къ содержанію этой главы Приложеніи I (стр. 181—182), въ которомъ авторъ выясняетъ различіе между *данью* и *берной*. Дѣло въ томъ, что многіе ученые (напр. Герм. Иречекъ) смѣшивали до сихъ поръ эти два понятія. Г. Ясинскій строго устанавливаетъ существенное различіе между ними и рѣшаетъ этотъ вопросъ убѣдительно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Къ тому же результату пришелъ и Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, тоже посвятивши этому вопросу нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній (см. т. I, стр. 286—308).

Мы уже выше сказали мимоходомъ, что мнѣніе автора объ

образованія классовъ населенія (выдѣленія военнаго класса), какъ слѣдствіи извнѣ вызваннаго преобразованія, расходятся съ основной его мыслью объ *органическомъ* развитіи, обусловливаемомъ нуждами и потребностями самого народа... Хотя наша точка зрѣнія на этотъ спеціальнй процессъ и нѣсколько иная, но тѣмъ не менѣе и мы, какъ видно изъ предыдущаго, усматриваемъ въ немъ преобладаніе факторовъ, происходящихъ и дѣйствующихъ не снизу, а сверху, т. е. главнымъ образомъ въ зависимости отъ внѣшнихъ политическихъ условій, внѣшнихъ культурныхъ вліяній и нуждъ государственнаго строенія.

Глава *третья* посвящена *Администрации и Областному дѣленію*.

Исходя изъ положенія, что «государство земскаго періода не располагало правильно организованной администраціей и что были чиновники придворные и областные, но послѣдніе не были подчинены первымъ», авторъ рядомъ свидѣтельствъ изъ источниковъ подтверждаетъ независимость и важное значеніе областныхъ правителей, напр. каштеляновъ и др.

Придворные земскаго періода, которые извѣстны намъ почти только по именамъ и названіямъ должностей, несли «повидимому» (!) только исключительно придворную службу, т. е. служили особѣ государя. О времени установленія этихъ должностей мы не имѣемъ вѣрныхъ извѣстій (по Г. Иречку — Спитиггѣвомъ въ XI в.). Косьма Пр. сообщаетъ названія слѣдующихъ должностей: палатина, судья, коморника, владаря, меченосца, ловчаго. Несеніе придворныхъ должностей, если не давало власти надъ областными правителями, все же приближало къ государю и доставляло вліяніе. «Вѣроятно» къ каждому придворному уряду были приписаны земли, доходы съ которыхъ поступали чиновникамъ. Среди придворныхъ были у государей свои любимцы, такъ что сила и вліяніе лицъ опредѣлялись не столько должностью, сколько расположеніемъ государя. Общее заключеніе автора, что придворное вѣдомство въ XI—XII в. «не превратилось еще въ государственное, не сдѣлалось центральнымъ управленіемъ».

Затѣмъ онъ переходитъ къ *областному управленію*, которое «также не имѣло вполнѣ установившихся формъ и органовъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что способъ выраженія тутъ не точенъ и не соответствуетъ положенію дѣла, такъ какъ областное управленіе находилось совершенно въ иномъ фазисѣ. Оно имѣло въ своей основѣ старые земскіе порядки съ ихъ вполнѣ опредѣленными формами и органами, но находилось въ періодѣ разстройства и состояніи переходномъ — подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ и элементовъ государственнаго развитія.

По поводу областного устройства г. Ясинскій подробно останавливается на вопросѣ объ *административномъ дѣленіи* чешскаго государства въ земскій періодъ (X—XIII в.), которому въ чешской историографіи было посвящено много вниманія и труда, но который до сихъ поръ остается далеко не выясненнымъ.

Господствующая у чеховъ теорія предполагаемаго *совпаденія государственнаго раздѣленія Чехіи (на области) съ церковнымъ дѣленіемъ* на деканства (по списку XIV в.) приводитъ большинство историковъ къ признанію въ Чехіи свыше 50 областей или жупъ, а Герм. Иречекъ, на основаніи свидѣтельствъ источниковъ (принимая, что область = provincia) насчитываетъ ихъ до 35.

Авторъ нашъ рѣшительно противъ теоріи совпаденія административнаго дѣленія съ церковнымъ и возможности основываться на послѣднемъ въ опредѣленіи перваго. Специально онъ опровергаетъ ее въ относящемся сюда *Приложеніи II-мъ*, сущность котораго мы вкратцѣ и считаемъ нужнымъ изложить здѣсь.

Слѣдуя Палацкому, большинство чешскихъ историковъ принимаетъ единицей административнаго дѣленія *жупу*. Палацкій старался опредѣлить число и границы жупъ, высказавъ мысль о совпаденіи государственнаго и церковнаго дѣленія (на основаніи регистра папской десятины въ XIV в.). Нѣкоторое несоответствіе числа деканствъ (56) съ допускаемымъ имъ числомъ жупъ (40—42) онъ объясняетъ тѣмъ, что когда деканства были установлены, «жупный строй клонился къ упадку». Въ чешской переработкѣ своей «Исторіи» Палацкій ставитъ вопросъ уже нѣсколько

иначе: онъ допускаетъ двоякое дѣленіе: именно на большія области, провинціи или архидіаконства (ихъ было 10), и на края, жупы или деканства (ихъ 55). Но тутъ же онъ признаетъ все-таки трудность систематизаціи въ этомъ дѣлѣ, что конечно не удивительно, замѣчаетъ г. Ясинскій, если самъ Палацкій признаетъ, что деканства учреждены уже въ періодъ упадка жупнаго строя.

Изучившій этотъ вопросъ историкъ права Герм. Иречекъ, на основаніи показаній грамотъ и писателей, и на данныхъ движенія колонизаціи — насчитываетъ всего 34 жупы. Наконецъ В. Томекъ, неудовлетворенный ни тѣмъ, ни другимъ выводами, подвергъ вопросъ новому пересмотру¹⁾.

Стоя на той же точкѣ зрѣнія совпаденія дѣленій административнаго и церковнаго, Томекъ пользуется регистромъ папской десятины 1384 г., думая приурочить раздѣленіе на деканства уже къ XII в. Если этого дѣленія, по словамъ его, не было еще въ эпоху Космы Пр., то можно предположить, что оно возникло во время пребыванія въ Чехіи кардинала Гвидона въ 1143 г. Для доказательства своего положенія Томекъ настаиваетъ на возможности отождествленія названій нѣкоторыхъ каштелянствъ. Но г. Ясинскій убѣдительно опровергаетъ основаніе Томка для такого отождествленія. Между тѣмъ Томекъ, хотя и признаетъ возможными перемѣны въ церковномъ подраздѣленіи между XII и XIV вв. (къ которому относится папскій регистръ), все-таки считаетъ позволительнымъ пользоваться имъ для возстановленія жупнаго дѣленія.

Итакъ методъ, который нельзя признать правильнымъ, привелъ Томка къ неудовлетворительному результату, ибо онъ постоянно встрѣчается съ несоотвѣтствіемъ жупъ и деканствъ между собою. Находя въ грамотахъ противорѣчія своей теоріи, онъ заподозриваетъ таковыя и объявляетъ ихъ ненадежными.

---

1) Въ статьѣ: «O starém rozdělení Čech na Župy a pozdějším na kraje», Čas. Česk. Mus. 1858 и 1859.

Между тѣмъ именно свидѣтельства грамотъ обнаруживаютъ несостоятельность его пониманія. Не одобрялъ я не соглашался съ его выводами и Г. Иречекъ.

Наконецъ еще попытку отстоять взглядъ чешскихъ историческихъ авторитетовъ сдѣлалъ извѣстный историкъ проф. Калаусекъ. Онъ видитъ новое доказательство пресловутаго совпаденія въ томъ, что ему удалось усмотрѣть совпаденіе *краевъ* XVII в. съ границами деканствъ, при чемъ первые онъ устанавливаетъ по цѣлому ряду источниковъ (Гоманновской картѣ Чехіи 1730—40, списку взиманія берны нач. XVII в. и проч.). Основываясь на такихъ данныхъ, онъ составилъ и новую карту съ обозначеніемъ тѣхъ и другихъ границъ. Однакожъ нашъ авторъ, рассмотрѣвъ выводы Калауска, не видитъ все-таки столь желаемого совпаденія *краевъ* съ жупами и деканствами, что онъ и доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Конечно, г. Калаусекъ не думаетъ, чтобъ *края возникли изъ деканствъ* или что позднѣйшее политическое дѣленіе вышло изъ церковнаго, но что усматриваемое имъ совпаденіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что оба дѣленія имѣютъ общій древній источникъ, что оба возникли изъ жупнаго. Однакожъ нашъ авторъ стоитъ на томъ, что такому заключенію противорѣчатъ сами истинные результаты изысканія Калауска. Этимъ кончается убѣдительное по нашему мнѣнію опроверженіе г. Ясинскимъ господствующаго взгляда (въ Приложеніи).

Но отрицая теорію «совпаденія», нашъ авторъ не оправдываетъ и метода Г. Иречка, считающаго возможнымъ опредѣлить число областей (= *provincia*) по грамотамъ, — въ виду того именно, что въ нашихъ источникахъ слово *provincia* имѣетъ весьма различное значеніе. Вникнувъ въ дѣло, онъ находитъ въ грамотахъ цѣлыхъ четыре словоупотребленія для *provincia* (городской округъ, болѣе обширная область съ нѣсколькими городами, сельско-хозяйственный округъ — *villicatio*, округъ города на нѣмецкомъ правѣ). Для выясненія вопроса приходится обратиться къ писателямъ. Употребляемый у Космы терминъ *pro-*

vincia оказывается территоріей *на племенной основѣ*, чему соотвѣтствуетъ и свидѣтельство кан. Вышеградскаго, изъ котораго видно, что въ XII в. въ Чехіи — отъ 12 до 15 областей, и еще немногія лѣтописныя данныя. На этихъ, хотя и скудныхъ, но вполне согласныхъ свидѣтельствахъ г. Ясинскій основываетъ выводъ о раздѣленіи въ тѣ старыя времена Чехіи на очень незначительное количество областей, которыхъ приблизительный списокъ онъ и даетъ. Такое раздѣленіе Чехіи на *племенные территоріи* находитъ себѣ подтвержденіе и въ древнѣйшемъ церковномъ раздѣленіи Пражскаго епископства на *архидіаконства*.

Въ XIV в. онъ насчитываетъ 10, а позже еще 3 архидіаконства. Каждая племенная территорія составляла вѣроятно архидіаконство. Такимъ образомъ каждое племя имѣло сперва по одному городу, въ каждомъ былъ правитель территоріи — жупанъ (*comes*) и архидіаконъ. Изъ этого видно, что — вопреки Палацкому — извѣстное свидѣтельство Баварскаго Географа о 15 городахъ въ Чехіи оказывается очень правдоподобнымъ.

По предположенію г. Ясинскаго племенные территоріи съ увеличеніемъ числа городовъ распались на части (округи, *regiones*), число которыхъ соотвѣтствовало числу городовъ, на что есть указанія и въ источникахъ. Каждый городъ съ округомъ составлялъ каштелянію. Съ половины XI в. каждый городъ (т. е. округъ) представляетъ обособленную единицу — съ своимъ отдѣльнымъ управленіемъ. Строя города, князья приписывали имъ извѣстные доходы и подчиняли извѣстную часть окрестностей. Этимъ двойнымъ дѣленіемъ страны (на большія области, и областей — на меньшіе округа) объясняется и неодинаковое въ актахъ употребленіе слова «*provincia*», тогда какъ писатели придерживаются стараго пониманія этого термина, какъ племенной территоріи. Авторъ замѣчаетъ тутъ-же, что и государи чешскіе издавна при выдѣленіи удѣловъ сыновьямъ, братьямъ и проч. принимали въ расчѣтъ это раздѣленіе, хотя, прибавимъ мы отъ себя, это не было въ ихъ интересахъ и не согласуется съ отмѣ-

чаемымъ далѣе стремленіемъ ихъ разбить и разорвать исконное единство и солидарность племенныхъ территорій.

Скажемъ здѣсь-же, что въ этомъ взглядѣ на основу административнаго дѣленія Чехіи, именно на *племенные территоріи*, которыя очень долго сознавали свою особность и сохраняли внутреннее единство (не смотря на подраздѣленія), г. Ясинскій кажется намъ вполне правымъ, и его опроверженіе теоріи совпаденія административнаго и церковнаго дѣленія мы готовы признать вполне основательнымъ и убѣдительнымъ. Племенное начало, а вмѣстѣ съ нимъ и территоріальныя связи жили и сознавались въ Чехіи, да и повсюду (вспомнимъ Русь, Польшу, Угрію) очень долго, и могутъ объяснить въ исторіи очень многое, иначе мало понятное. Замѣтимъ, что на той-же правильной точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Липпертъ, выражающій мысль, что племенные области (или волости) — исконное явленіе чешской исторіи, а не плодъ позднѣйшаго административнаго дѣленія. Онъ даже подробнѣе обосновалъ свое положеніе, прослѣдивъ сначала племенное разграниченіе Чехіи¹⁾. Послѣдняго недостаетъ у г. Ясинскаго, для котораго однако эта сторона должна быть очень существенна, какъ опора въ его полемикѣ съ защитниками противоположной теоріи.

Далѣе г. Ясинскій останавливается на принятомъ въ чешской наукѣ наименованіи области (*provincia*) — *жупой* на томъ основаніи, что начальникъ города (я области) назывался яко-бы *жупаномъ* (*comes*). Авторъ противъ такого словоупотребленія, хотя онъ и не согласенъ съ Шемберой, который несправедливо совсѣмъ отрицалъ у Чеховъ первоначальное существованіе названій «жупы» и «жупана», считая ихъ занесенными позднѣе. Но у г. Ясинскаго повидимому также не совсѣмъ ясное представленіе относительно названія «жупана»; такъ онъ самъ нѣсколько выше (стр. 92), а также послѣ (стр. 112) допускаетъ существованіе этого названія для «правителя племенной территоріи». Те-

1) Lippert, тамъ же, стр. 27—60.

перь онъ утверждаетъ, что правитель города (въ эпоху Космы Пр.), назывался не жупаномъ, а *префектомъ* (praefectus) и что власть начальника называлась *префектурой*, что «званіе жупана какъ-бы отдѣлялось отъ несенія обязанности начальника въ городѣ», что слѣдовательно это названіе получило болѣе широкій, особый смыслъ (объ этомъ еще ниже, въ заключеніи, стр. 176; см. далѣе). Итакъ со 2-ой половины XI в. начальники городовъ называются не жупанами, а префектами; а въ XII в. они уже называются *каштелянами* (преимущественно). «Жупанъ» прилагается только къ земскимъ и придворнымъ чиновникамъ, вообще къ людямъ высшаго круга. Изъ всего этого авторъ заключаетъ, что наименованіе округа (город.) «*жупою*» — не имѣетъ достаточнаго основанія.

Въ воззрѣніяхъ чешскихъ ученыхъ, приверженцевъ раздѣленія Чехіи на жупы, г. Ясинскій усматриваетъ еще ошибку: они (Палацкій, Томекъ, Г. Иречекъ, Ганель) держатся мнѣнія, что рядомъ съ каштеляномъ въ составъ жупнаго уряда всегда обязательно входили и другія должностныя лица (кромѣ жупана — коморникъ, судья, писарь, потомъ владарь, ловчій и пр.). Нашъ изслѣдователь на основаніи разбора документальнаго матеріала находитъ, что собственно только для большихъ городовъ (какъ Прага и Пильзень), можно установить весь комплектъ должностей. Признавая, что въ виду скудости и неполноты матеріала — на основаніи одного *умолчанія* еще рискованно дѣлать выводы, онъ думаетъ, что съ другой стороны нельзя не обращать вниманія на то, что каштеляны упоминаются гораздо чаще другихъ должностныхъ лицъ, что слѣдовательно ихъ должно было быть больше, чѣмъ судей, владарей, ловчихъ и т. д. Поэтому нельзя согласиться съ предполагаемой чешскими историками для земскаго періода правильно организованной администраціей. Государственныя учрежденія въ настоящемъ смыслѣ тогда находились лишь въ зачаточномъ состояніи. Къ тому же есть все-таки въ источникахъ хотя «косвенныя указанія, свидѣтельствующія о существованіи администраціи, отличающейся чертами свойствен-

ными первой стадіи развитія государственности». Эти косвенныя указанія касаются во-первыхъ *владарскихъ округовъ* (*villicationes*), которые, по приводимымъ авторомъ даннымъ, далеко не всегда совпадали съ каштеляніями, такъ какъ несмотря на существующія совпаденія относительно нѣсколькихъ областей встрѣчается много фактовъ противнаго характера. Заслуживаетъ при этомъ вниманія судьба королевскихъ виликацій: съ теченіемъ времени замѣтно уменьшеніе количества владарскихъ округовъ вслѣдствіе раздачъ и отчужденій королевскихъ земель; особенно быстро уменьшались королевскія имущества въ XIII в., и тогда (съ половины этого вѣка) не было нужды въ особенномъ чиновникѣ для управленія клочками королевскихъ земель въ разныхъ областяхъ Чехіи, такъ что владарскіе округа стали отдаваться на извѣстныхъ условіяхъ въ арендное содержаніе.

То же несоотвѣтствіе усматриваетъ г. Ясинскій и въ *судебныхъ порядкахъ*. Разсмотрѣвъ рядъ случаевъ по документамъ, онъ заключаетъ, что и тутъ не было правильности: что были въ извѣстныхъ округахъ суды высшей инстанціи, а въ другихъ — низшей, что судопроизводство часто распредѣлялось и между другими должностными лицами (напр. владарями). Состояніемъ судопроизводства въ XIV вѣкѣ выясняется и болѣе раннее положеніе вещей, такъ какъ до этого времени все оставалось по-старому (при первомъ королѣ Люксембургѣ все пришло въ разстройство). Слѣдовательно такіе факты изъ XIV в., какъ подчиненіе четырехъ каштеляній въ судебномъ отношеніи пражскому суду, несовпаденіе судебныхъ округовъ съ политическими, не повсемѣстное существованіе судей тамъ, гдѣ были должностныя лица и коморники, и наконецъ наименованіе судьями чиновниковъ, производившихъ судъ, — «все это доказываетъ, что не въ каждой каштеляніи былъ судья».

Наконецъ такое-же положеніе дѣла обнаруживаютъ источники и по отношенію къ *ловчимъ* и ихъ округамъ. Здѣсь также не оказывается совпаденія: существуютъ отдѣльные, независимые отъ каштеляній уряды ловчихъ и особые ловчіе округа.

Принимая все это въ соображеніе и ставя въ связь съ ограниченнымъ числомъ племенныхъ территорій, г. Ясинскій склоненъ къ предположенію, что, «основывая новые города и учреждая въ нихъ каштелянскіе уряды, государи чешскіе, преемники Болеслава I, имѣли въ виду раздробленіемъ племенныхъ территорій достигнуть ослабленія племенныхъ связей и укрѣпить свою власть въ странѣ»¹⁾. Если же племенное раздѣленіе все-таки сохранилось, то потому, какъ это думаетъ авторъ, — что каштелянскій урядъ имѣлъ въ виду только политическія цѣли, а судебное и сельско-хозяйственное раздѣленіе совпадаетъ преимущественно съ племеннымъ.

Общее свое заключеніе изъ разбора темы этой главы г. Ясинскій формулируетъ такими словами: центральная и областная администрація Чехіи въ XI—XIII вв. «не успѣла сложиться въ стройную и законченную систему, а областная администрація, кромѣ того, носила слѣды борьбы племенного и государственнаго принциповъ».

Подводя итоги разслѣдованію вопроса этой главы, мы должны признать, что авторъ съ достовѣрными данными въ рукахъ справедливо характеризуетъ неустойчивость и еще незаконченность развивающейся на новыхъ началахъ административной системы и внутренняго управленія, несоотвѣтствіе новыхъ придворныхъ чиновъ и ихъ вѣдѣнія — прежнимъ земскимъ порядкамъ и органамъ мѣстнаго управленія, борьбу новыхъ государственныхъ стремленій (пока еще въ формѣ собственно-государевыхъ интересовъ и цѣлей) съ племенными традиціями и земскимъ началомъ. Изъ его разбора вполне выясняется, какъ князь созданіемъ придворныхъ должностей стремился поддержать и упрочить свои матеріальные интересы, создать себѣ вѣрныхъ слугъ и по возможности сосредоточить около себя главное руководство административной дѣятельностью въ странѣ. Для насъ остается еще только

---

1) Въ этомъ предположеніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, г. Ясинскій едва-ли правъ.

вопросомъ¹⁾, справедливо ли утверждение, что онъ — основаніемъ новыхъ городовъ (градовъ) или округовъ (каштеляній), думалъ разбить и ослабить племенное единство областей и тѣмъ укрѣпить и обезпечить свою самодержавную власть.

Но все-таки съ общимъ взглядомъ г. Ясинскаго въ данномъ случаѣ нельзя не согласиться. Если мы что-нибудь имѣемъ замѣтить, то это касается болѣе подробностей выполненія задачи: именно — что онъ въ изложеніи своемъ не достаточно отчетливо изображаетъ и различаетъ разные элементы государственнаго управленія, представителей двухъ противоположныхъ сферъ и принциповъ администраціи (т. е. государевой-придворной и старой земско-областной), недостаточно разграничиваетъ ихъ и не выясняетъ, какъ они съ самаго начала подѣлились между собою роли и какъ возникли разныя должности. Оттуда нѣкоторыя неясности и противорѣчія. Такъ сперва онъ говоритъ объ отсутствіи у придворныхъ чиновниковъ земскаго періода дѣятельной роли въ государственномъ смыслѣ (стр. 86), а въ дальнѣйшемъ изложеніи эти придворныя должности (владарей, коморниковъ, ловчихъ), т. е. лица ихъ занимающія являются дѣйствующими въ ряду чиновъ областной администраціи вмѣстѣ съ жупанами, каштелянами, судьями. . . Очевидно тутъ не все договорено и выяснено. Укажемъ еще на одно возникающее недоумѣніе. Авторъ говоритъ о сохраненіи и живучести племенныхъ связей между прочимъ благодаря удержавшемуся совпаденію сельско-хозяйственнаго раздѣленія страны съ племеннымъ дѣленіемъ. Но если такая территориально-племенная связь была противна интересамъ государей, которые считали нужнымъ ей противодействовать, то какъ же могло держаться именно такое совпаденіе, когда сельско-хозяйственный урядъ, вѣдавшій государевыми землями, очевидно болѣе всѣхъ другихъ былъ въ непосредственномъ распоряженіи у государя?

Какъ бы то ни было общій взглядъ г. Ясинскаго на процессъ

---

1) Объ этомъ скажемъ въ разборѣ слѣдующей главы.

развитія внутреннихъ государственныхъ учреждений долженъ быть признанъ вѣрнымъ, а въ этомъ отношеніи важно опять принципиальное согласіе съ нимъ независимо работавшаго г. Липперта, который въ своемъ сочиненіи (т. I, 1 ч., гл. 9; 2 ч., гл. 4) высказываетъ ту же точку зрѣнія на борьбу двухъ принциповъ при введеніи государственности, еще болѣе отгѣняя личный интересъ и выгоды власти государевой, которые были тогда равносильны стремленіямъ государственнымъ. Такъ онъ указываетъ на то, что государи съ одной стороны дѣлили страну между членами своего дома, которые добивались затѣмъ государственнаго верховенства, а съ другой поручали области своимъ чиновникамъ для ихъ хозяйственной эксплуатаціи, но послѣдніе стремились къ наслѣдственности должностей, что при значительности ихъ власти оказывалось не безопаснымъ и заставляло естественно государя думать объ укрѣпленіи своей власти.

Если нашъ изслѣдователь, какъ мы видѣли, не прослѣдилъ какъ подобало постепенный ходъ измѣненій во внутренней администраціи и достаточно не разграничилъ элементовъ старыхъ и новыхъ, то главной того причинойъ есть уже указанный нами въ началѣ существенный пробѣлъ его работы, именно, что онъ не установилъ и не характеризовалъ подробнѣе основъ и элементовъ первоначальнаго земскаго строя, изъ которыхъ ему легко было бы исходить въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ. Онъ не отрицаетъ же для болѣе равнаго времени *опредѣленной и правильной* организаціи земской, которая правда довольно рано, подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ, стала разстраиваться, но съ принципами которой приходилось долго считаться въ виду ихъ живучести и приверженности къ нимъ коренныхъ слоевъ населенія. Этой самобытной земской организаціей было *областное самоуправленіе* (общеславянскаго типа), развившееся на старомъ племенномъ строѣ.

Вотъ этотъ-то порядокъ, который слѣдовало точнѣе опредѣлить, подвергался постепенно передѣлкѣ и ломкѣ со стороны высшей власти государя въ интересахъ его личныхъ и государ-

ственныхъ, — тѣмъ болѣе, что съ колонизаціей, освоеніемъ новыхъ земельныхъ пространствъ и передвиженіемъ населенія, съ развившейся практикой раздачь земли и отчужденій, условія мѣстной жизни измѣнялись и осложнялись. Въ этомъ процессѣ разложенія старыхъ формъ первенствующую роль сыграли дворцовыя, королевскія учрежденія, изъ которыхъ развились и новыя административныя порядки. Авторъ нашъ отмѣтилъ борьбу новыхъ государственныхъ началъ съ остатками и принципами племенного и земскаго строя. Но этого послѣдняго онъ ясно не опредѣлилъ и не очертилъ, равно какъ не выяснилъ подробнѣе отношенія къ старому областному самоуправленію новой придворной или княжеской администраціи. Между тѣмъ согласованіе различныхъ порядковъ, приспособленіе новаго къ старому и обратно не могло произойти быстро, безъ трудностей и борьбы.

По поводу этого пробѣла въ изслѣдованіи г. Ясинскаго мы должны нѣсколько упрекнуть его, что онъ не воспользовался работами (хоть и не большими, но цѣнными) по внутренней и правовой исторіи Чехіи и вообще западныхъ славянъ проф. Э. Э. Зигеля, единственнаго у насъ нынѣ представителя кафедры славянскаго сравнительнаго правовѣдѣнія, а именно его интересной статьёй «Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправления въ Чехіи и Польшѣ»¹⁾. То, что г. Зигель говоритъ здѣсь объ этомъ предметѣ очень поучительно, ибо вполне правильно характеризуетъ сущность областного самоуправления и положеніе жупана земскаго періода, а также то, что повело къ разложенію этого строя. Считаемо у мѣстнымъ привести здѣсь оба мѣста.

---

1) «Сборникъ» учениковъ В. И. Ламанскаго, Спб. 1883, стр. 99—118. Къ сожалѣнію авторъ не заглянулъ въ этотъ «Сборникъ», гдѣ еще помѣщены не безынтересныя для него статьи гг. Регеля и Кракау. Изъ статей г. Зигеля назовемъ еще: «Очеркъ чешскаго процесса въ верховномъ земскомъ судѣ», въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1880, № 7; а также «Общественное значеніе дѣятельности св. Кирилла и Меодія», въ «Меодіев. Юбил. Сборн.». Варшава, 1885. Недавно явилась въ чешск. сборн. юбил. Палацкаго («Památník na oslavu» etc., v Praze 1898) интересная статья его: «Palacký jakožto historik slovanského práva». По-русски въ Журн. Мин. Н. Пр., 1898, ч. 318, июль, стр. 146.

«Чешская область (жупа) проявляетъ много слѣдовъ общественной жизни... Особеннаго вниманія заслуживаетъ назначеніе на должность жупана, т. е. княжескаго намѣстника въ области. Доказано, что жупаны были всегда представители богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ въ своей области; имѣются извѣстія, что должность жупана была иногда наследственна въ извѣстномъ родѣ; есть даже одно мѣсто, прямо указывающее на то, что князь, при полной юридической свободѣ назначать кого угодно, фактически бывалъ связанъ. Все это наводитъ на мысль, что жупанъ имѣлъ двоякое значеніе: съ одной стороны онъ былъ представителемъ князя по отношенію къ области, съ другой — политическимъ главою области въ силу своего общественнаго значенія среди областного населенія, независимо отъ княжескаго назначенія. Итакъ онъ былъ одновременно и органомъ центральной власти, и органомъ мѣстнаго самоуправленія. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ противоположностей объяснимо тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ чешской области мы видимъ видоизмѣненіе племенной жизни; отдѣльныя племена со своими племенными князьями не были стѣрты съ лица земли; сила князя чешскаго племени, занимавшаго самый центръ Чехіи, оказалась недостаточной, чтобъ окончательно сломить племенное самоуправленіе; необходимо, вѣроятно, было ограничиться полумѣрами; и вотъ появляется областная организація съ сильно развитою областною жизнью и со своимъ главою, котораго обыкновенно и утверждалъ чешскій князь своимъ намѣстникомъ. Это подтверждается и ходомъ историческихъ событій... И далѣе читаемъ: «Когда королевская власть почувствовала себя достаточно окрѣпшею, чтобы принять мѣры къ своему еще большому упроченію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ централизациі управленія, тогда начинается рядъ мѣръ, направленныхъ прямо или косвенно противъ областной организаціи вообще и должности жупана въ особенности. Мнѣ кажется, что даже изыятіе деревень и цѣлыхъ округовъ съ конца XII в. изъ-подъ вѣдомства жупныхъ судовъ и изъ-подъ управленія жупана и областныхъ чиновниковъ дѣла-

лись князьями для ослабленія областной жизни и значенія жупана. Но только во второй половинѣ XIII в., когда иммунитеты и нѣмецкая колонизація достаточно подорвали солидарность жупы и положеніе его главы, Оттокаръ II уже прямо началъ дѣйствовать противъ старой областной организаціи». Въ примѣчаніи г. Зигель еще замѣчаетъ: «Иммунитеты, безспорно, появились подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, но короли очевидно не сильно отстаивали старые порядки. Можно думать, что они готовы были на уменьшеніе своихъ доходовъ лишь бы только подорвать группы, какъ отдѣльные полунезависимые отъ нихъ организмы». Все это прямо и наглядно характеризуетъ явленіе, которое у г. Ясинскаго намѣчено отрывочно, намѣками и очень неопредѣленно, и, бывъ критически разобрано, помогло бы пролить гораздо болѣе свѣта на вопросъ. Замѣтимъ кстати, что Зигель (см. примѣчаніе) держится еще старыхъ воззрѣній на жупное дѣленіе, но тутъ же онъ высказываетъ характерный взглядъ на основные вопросы чешскаго государственнаго развитія, именно на независимость племенъ, и на жупную организацію, какъ посредственное звено между самостоятельностью племенъ и слитіемъ политическимъ.

Если въ концѣ концовъ мы взглянемъ на результаты разсмотрѣнной главы опять съ основной точки зрѣнія автора, то замѣтимъ то-же, что и прежде: что они далеко ее не оправдываютъ, что и тутъ перемѣны и нововведенія вызывались не столько потребностями народными, внутренними, сколько интересами наверху и условіями государственнаго развитія.

Въ *четвертой* главѣ разсматривается «*Городовая организація*». Замѣтивъ, что въ началѣ XII в. «кажется» не было определенной классификаціи городскихъ поселеній, что къ одному и тому же поселенію примѣнялись разныя выраженія (*civitas, urbs, oppidum, castrum*), авторъ заключаетъ, что «можно говорить о городской организаціи вообще». . . Но намъ приходится тутъ же высказать, что въ самой постановкѣ темы этой главы замѣтна нѣкоторая неясность и неопредѣленность, кроется какъ-будто нѣкоторое недоразумѣніе. Автору слѣдовало дать болѣе точное

опредѣленіе своему предмету. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что онъ имѣеть въ виду ту основную въ первоначально племенномъ, а потомъ земскомъ строѣ организацію по жупамъ или градамъ, которую называютъ по большей части «градскою» (а никакъ не «городовою»; *Zřízení hradské*, см. *Čelakovský, Povšechné české dějiny právní*, str. 30)—на томъ основаніи, что *hrad* былъ основой, центромъ и представителемъ жупы (области). Эта основная (общеславянская) земская организація — «градская» или «жупная» — не имѣеть ничего общаго съ той организаціей городовъ, которая создавалась позже, какъ нѣчто совсѣмъ особое, выйдя изъ совершенно иныхъ началъ и потребностей и будучи предназначена для цѣлей какъ разъ противныхъ областной автономіи, для ея разрушенія.

Если авторъ нашъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ этомъ существенномъ различіи городовъ или градовъ, какъ центровъ жупъ, потомъ округовъ или каштеляній, и всего областного самоуправления отъ новыхъ городскихъ поселеній на новыхъ началахъ, составляющихъ независимую отъ земскаго уряда (такъ сказать, экстерриториальную) организацію, какъ результатъ внутренней государственной политики чешскихъ государей, то ему надо было во избѣжаніе всякой неясности сдѣлать необходимую оговорку, разъ онъ употребилъ не совсѣмъ обычную терминологию.

Г. Ясинскій начинаетъ свое изложеніе съ выясненія происхожденія и роли старыхъ городовъ (градовъ). Ихъ постройка и поддержка объясняется прежде всего необходимостью укрываться за ихъ стѣнами и прятать свое имущество отъ враговъ при частыхъ вражескихъ набѣздахъ и необезпеченности жизни. Они состояли изъ собственнаго *города* (укрѣпленнаго или огороженнаго) и *посада*. Посады при непріятельскихъ набѣгахъ подвергались обыкновенно разграбленію и разрушенію. Самый городъ было труднѣе взять при примитивности осаднаго искусства, особенно когда деревянные стѣны стали замѣнять каменными. Населеніе, находившее убѣжище въ городахъ, должно было и сооружать ихъ и исправлять укрѣпленія. Эти обязанности вхо-

дили въ такъ называемыя «земскія работы» (*munera publica*); къ нимъ относились: постройка городовъ (какъ и починка укрѣпленій), охрана дорогъ въ пограничной полосѣ, устройство застѣкъ и заваловъ въ лѣсахъ, проведеніе дорогъ и сооруженіе мостовъ. Земское населеніе, шляхта и крестьяне (дѣдичи), являлись защитниками городовъ; ихъ въ лѣтописяхъ называютъ *cives* и *urbani*, но это — отнюдь не горожане или мѣщане, не имѣющіе съ ними ничего общаго, ибо городское населеніе возникло лишь въ концѣ XII и въ XIII вв., когда государи стали вводить въ городахъ нѣмецкое право. Упомянувъ еще о сторожевой службѣ въ городахъ, авторъ переходитъ къ *градскому управленію*.

Во главѣ cadaго города стоялъ *каштелянъ*, назначеніе и смѣщеніе котораго зависѣло отъ воли государя. Здѣсь не мѣшало бы вспомнить о предшественникахъ каштеляна (см. стр. 96): о префектѣ, а ранѣе жупанѣ, какъ правителѣ племенной области, сидѣвшемъ въ главномъ градѣ. Каштелянамъ принадлежала высшая военная власть во время военныхъ дѣйствій, по разницѣ ихъ отъ прежнихъ начальниковъ племенныхъ территорій (жупановъ) та, что послѣдніе имѣли въ рукахъ и судебную и полицейскую власть, тогда какъ каштеляны, хотя и были начальниками цѣлыхъ городскихъ округовъ, такой власти не имѣли. Тутъ авторъ дѣлаетъ предположеніе, что должности особыхъ судей были учреждаемы въ городахъ — для уменшенія власти и роли племенныхъ администраторовъ. Съ другой стороны каштеляны большихъ городовъ имѣли извѣстную военно-политическую власть надъ каштелянами второстепенныхъ, меньшихъ городовъ. . . Но нельзя не замѣтить въ этихъ соображеніяхъ нѣкоторыхъ противорѣчій. Созданіе особыхъ должностей судей и судебныхъ округовъ должно было противодѣйствовать племеннымъ связямъ, т. е. собственно слишкомъ большому значенію областныхъ правителей, между тѣмъ какъ выше указывалось, что территоріально-племенное единство сохранилось между прочимъ благодаря совпадению судебного раздѣленія съ племеннымъ. Какъ-же это согласить? Намъ впрочемъ думается, что г. Ясинскій приписываетъ

слишкомъ много политической предусмотрительности чешскихъ князей. Уже въ прошлой главѣ онъ ею всецѣло объяснялъ постройку новыхъ городовъ и учрежденіе новыхъ каштеляній (т. е. раздѣленіе большихъ областей на меньшія). Та же мысль проводится и здѣсь. Но мы рѣшительно сомнѣваемся въ преобладаніи въ данномъ случаѣ такихъ мотивовъ и основаніемъ для насъ служить, между прочимъ, вышеприведенный фактъ, отмѣченный самимъ авторомъ, что каштеляны большихъ городовъ (бывш. жупаны) имѣли военно-политическую власть надъ каштелянами меньшихъ, ибо само собой понятно, что такое подчиненіе въ предѣлахъ одной области (или племенной территоріи) младшихъ городовъ (со своими округами) старшему не могло никоимъ образомъ вести къ ослабленію территоріально-племенной солидарности. Да притомъ — и это главное — новые города (грады—укрѣпленія) строились для удовлетворенія гораздо болѣе насущныхъ потребностей, съ одной стороны, ради раздѣленія слишкомъ большихъ областей — въ интересахъ болѣе удобнаго управленія, а съ другой — въ особенности ради укрѣпленія страны: для защиты населенія и для оборонительныхъ цѣлей. Интересы государевы и соображенія внутренней политики, хотя и нельзя отрицать ихъ ранняго возникновенія, выступили рѣшительно и стали вліятельнымъ факторомъ все-таки нѣсколько позже и проявились въ иныхъ мѣропріятіяхъ, клонившихся дѣйствительно къ уничтоженію территоріально-племенныхъ связей и порядковъ земскаго самоуправленія.

Говоря далѣе о матеріальномъ положеніи каштеляновъ, которые не получали особаго жалованья, а служба которыхъ (какъ и придворныхъ чиновъ) вознаграждалась предоставленіемъ имъ доходовъ съ земель «приписанныхъ къ замкамъ и городамъ», авторъ вводитъ здѣсь новое понятіе «замка» рядомъ съ городомъ (до сихъ поръ онъ говорилъ только о городахъ), не разъясняя ближе, была ли какая-нибудь разница въ ихъ положеніи, и употребляя тоже безъ оговорокъ выраженіе «замковый урядъ». Цѣлымъ рядомъ данныхъ изъ грамотъ онъ подтверждаетъ свое положеніе о

приписанныхъ къ городамъ и замкамъ земельныхъ участкахъ, разбросанныхъ по всей Чехіи, и тотъ фактъ, что доходы съ нихъ, т. е. повинности и служба населенія шли въ пользу замковаго (или городского) уряда, т. е. каштеляновъ. Но каштеляны, какъ временные хозяева, старались извлечь изъ этихъ земель возможно больше дохода, и ради того часто притѣсняли населеніе и доводили его до разоренія, такъ что не рѣдки случаи, что оно покидало земли, приходившія тогда въ запустѣніе. Однакожъ поступки каштеляновъ оставались безнаказанными, такъ какъ интересы государя непосредственно не страдали. На его же коронныхъ земляхъ такого явленія не замѣчается, ибо владари, заботившіеся о доходности имѣній, придерживались относительно населенія совсѣмъ иной политики.

Итакъ приписанные къ городамъ большею частью небольшихъ размѣровъ земельные участки были разбросаны по всей территоріи страны. Ихъ доходы шли — вмѣсто жалованья — въ пользу каштеляновъ. Типическимъ образчикомъ такихъ земель являются въ грамотахъ начала XIII в. такъ называемыя *Кладскія дѣдины*, земли, населенныя дѣдичами и приписанныя къ городу Кладску. Такъ какъ разъясненію вопроса о нихъ авторъ посвятилъ *III-е Приложение* въ своей книгѣ, то мы вкратцѣ сообщимъ здѣсь его мнѣніе.

Чешскіе историки до сихъ поръ (Палацкій и Г. Иречекъ), признавая ихъ назначеніе служить вознагражденіемъ областныхъ чиновниковъ и надѣленіе ими придворныхъ и жупныхъ урядовъ, не дали однакожъ объясненія названію этихъ урядовъ «Кладскими». Г. Ясинскій того мнѣнія, что названіе это прямо указываетъ на принадлежность ихъ каштелянскому уряду г. Кладска. Если въ источникахъ сохранилось наиболѣе извѣстій объ этихъ именно *Кладскихъ* земляхъ, то это — полагаетъ нашъ авторъ — потому, что имущества этого города, какъ важнаго пограничнаго оборонительнаго пункта, позже поступили въ оборотъ государевыхъ отчужденій, т. е. съ 30-хъ годовъ XIII в., тогда какъ другія еще съ 70-хъ гг. XII в. Что же касается на-

званія «дѣдинъ», то оно объясняется тѣмъ, что на нихъ жили зависимые дѣдичи, а относительно другихъ такихъ земель извѣстія или говорятъ объ ихъ населеніи очень неопредѣленно, или изображаютъ ихъ запустѣлыми. Съ половины же XIII в., времени, къ которому относится большинство текстовъ о городскихъ имуществвахъ, усиливается иноземная колонизація, классъ дѣдичей постепенно исчезаетъ, а представленіе о дѣдинѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ крестьянскаго владѣнія, предается забвенію.

Все относящееся къ Кладскимъ дѣдинамъ авторъ считаетъ характернымъ и для градскихъ земель вообще. Такой взглядъ его на этотъ вопросъ кажется и намъ имѣющимъ достаточно твердое основаніе и правдоподобнымъ.

Продолжая свою рѣчь о городахъ (градахъ), г. Ясинскій переходитъ къ характеристикѣ роли и функций городовъ въ *общественно-политической жизни*, которой они были средоточіемъ. Здѣсь самой главной стороной являются цѣли и нужды военно-политическія.

Несеніе военной службы было приурочено къ городамъ. Изъ цѣлага ряда свидѣтельствъ авторъ заключаетъ, что раздѣленіе войска на отряды (полки) соотвѣтствовало раздѣленію страны на области (примѣры даетъ особенно Моравія), такъ что можно думать, что ополченіе каждой области составляло полкъ или особую военную единицу. При отмѣченномъ выше подчиненіи младшихъ городовъ старшему каштеляны послѣднихъ были слѣдовательно начальниками большихъ отрядовъ, въ которые входили ополченія меньшихъ городовъ.

Отличительное свойство земскаго войска, быстрота мобилизаціи, сборовъ и передвиженій, доказываетъ, по мнѣнію г. Ясинскаго, что городовая организація была вполне приспособлена для обороны страны и нападенія на враговъ. Разсказъ, заимствованный изъ Мартина Галла, знакомитъ съ тѣмъ, какъ совершались сборы военныхъ силъ. При опасности населеніе спѣшило въ городъ не только для самозащиты, но и для коллективнаго противодействія врагу. Привычка шляхты, призванной къ военному

дѣлу, дѣйствовать заодно обнаруживалась и при угрозахъ внутренняго междоусобія. Тутъ авторъ приводитъ лѣтописный разсказъ (изъ Косьмы Пр.) о томъ, какъ держала себя земская шляхта во время междоусобія Буривоя, оспаривавшаго престолъ у брата своего Владислава (въ началѣ XII в.). Но кажется извѣстіе о части шляхты, выжидавшей исхода событій и бродившей то въ томъ, то въ другомъ направленіи, опустошая только села, толкуется имъ не довольно прямо и естественно.

Далѣе идетъ рѣчь о значительной роли городовъ въ дѣлѣ расширенія государственной территоріи и приводитъ много примѣровъ укрѣпленія и возобновленія городовъ въ XI-мъ и первой половинѣ XII в. Изъ этого слѣдуетъ, что нѣкоторые города (грады) служили главнымъ образомъ для обезпеченія и укрѣпленія спорной территоріи и операціоннымъ базисомъ для завоевательной политики чешскихъ государей.

Наконецъ ставится вопросъ о *времени*, когда чешскіе государи начали постройку городовъ — какъ для военныхъ цѣлей, такъ и «въ интересахъ раздробленія племенныхъ территорій», хотя по нашему убѣжденію этихъ двухъ цѣлей не слѣдуетъ сопоставлять или связывать, такъ какъ второе, если и могло служить подстрекающимъ для князей мотивомъ, то во всякомъ случаѣ едва-ли для такого ранняго времени... Для рѣшенія поставленнаго вопроса, по словамъ г. Ясинскаго, можетъ служить разсказъ Косьмы Пр. о дѣятельности Болеслава I (слѣд. изъ X в.). Придавая вѣсь этому разсказу, авторъ дѣлаетъ оговорку, что необходимо помнить, что по сознанию самого писателя, его свѣдѣнія о Болеславѣ были очень недостаточны и односторонни, но что это именно заставляетъ заключить о его добросовѣстности и вѣрить ему... Если онъ (разсказъ) въ подробности не вполне вѣренъ, то въ немъ все-таки есть *зерно исторической правды*: воспоминанія о борьбѣ княжеской, государственной власти съ началами племенного быта.

Разсказъ, какъ извѣстно, касается сопротивленія начальниковъ или главъ (племенныхъ!) народа требованію князя Боле-

слава I построить по римскому способу высокую стѣну вокругъ города на берегу рѣки Лабы, — сопротивленія, кончившагося однакожь подчиненіемъ и постройкой города. Жалоба народныхъ начальниковъ на «невыносимое иго рабства» и отговора, что прежде ихъ не заставляли исполнять такихъ работъ, объясняются, по мнѣнію нашего автора, тѣмъ, что прежде существовали только племенные города и ихъ поддержка не составляла еще тягости, падая на цѣлое племя. Теперь же постройка княжескихъ городовъ являлась бременемъ, увеличеніемъ повинностей. Постройка городовъ происходила и ранѣе Болеслава, но рассказъ о сопротивленіи ему знати и его прозвище «Грознаго» («суроваго»), даваемое государямъ, круто измѣняющимъ основы государственной и народной жизни, даетъ основаніе думать, что «Болеславъ обратилъ особенное вниманіе на постройку и укрѣпленіе городовъ», а населенію эта дѣятельность казалась тиранической. Все это очень возможно и правдоподобно, но изъ этого все-таки еще не слѣдуетъ, что нужно непременно, какъ это дѣлаетъ г. Ясинскій, приписывать Болеславу въ этомъ случаѣ тайную цѣль или, такъ сказать, заднюю мысль — раздробленія племенныхъ территорій и ослабленія племенныхъ и территориальныхъ связей, между тѣмъ какъ такая дѣятельность Болеслава и другихъ князей объясняется совершенно просто и естественно, такъ какъ была вызвана политическими обстоятельствами и внѣшнею опасностью. Подобное же явленіе усиленной постройки городовъ и укрѣпленій, по указанію г. Ясинскаго, мы видимъ въ ту эпоху во всѣхъ странахъ Западной Европы и особенно въ Германіи подъ вліяніемъ мадьярскихъ набѣговъ съ конца IX в. (припоминается Генрихъ I и укрѣпленіе Мерзбургга). Въ Чехіи и Моравіи такая дѣятельность тѣмъ понятнѣе. Интересно и то, что оборонительныя мѣропріятія Болеслава I и Генриха I вполне совпадаютъ и по времени. Итакъ историческія данныя и факты говорятъ намъ ясно только о такихъ цѣляхъ и побужденіяхъ государей той исторической эпохи при постройкѣ новыхъ городовъ. Противъ допущенія у нихъ столь рано дальновидныхъ

стремленій раздробленія племенного единства говоритъ многое. Нельзя усмотрѣть признаковъ подобныхъ стремленій въ такихъ фактахъ, какъ военно-политическое подчиненіе меньшихъ городовъ большимъ (въ каждой области), въ организаціи военнаго дѣла и войска по областямъ (соотвѣтственнымъ племеннымъ территориямъ), въ допущеніи совпаденія сельско-хозяйственнаго и судебного дѣленія страны съ племеннымъ, наконецъ, въ раздачѣ государями членамъ своего дома именно племенныхъ территорій въ удѣлы! А вѣдь всѣ эти факты отмѣчены и подтверждены самимъ авторомъ. Цѣли и стремленія, направленные не только къ раздробленію территоріальнаго племенного единства, но къ разрушенію земской автономіи, явились у чешскихъ государей позднѣе и выразились въ созданіи центральныхъ органовъ администраціи, сокращеніи областной юрисдикціи, наконецъ, особенно въ системѣ всяческихъ экземицій и привилегій. Въ заключеніе этой главы г. Ясинскій приходитъ къ выводу, что городова организациа, возникшая въ X в., *«начала клониться къ упадку съ середины XII в.»*. Доказательствомъ можетъ служить де то, что съ 70-хъ годовъ XII в. начинается отчужденіе государями городовыхъ и замковыхъ земель. Что касается причинъ упадка, то онъ указываетъ лишь на то обстоятельство (какъ на такую причину), что «опасность со стороны сосѣдей уменьшилась и даже совершенно исчезла», ибо измѣнились отношенія и къ Польшѣ, и къ Мадырамъ, гдѣ наступила смутная эпоха междоусобій, а въ Германіи царствовалъ Фридрихъ Барбарусса, связавшій Чехію съ имперіей вассальными отношеніями. Городовыя укрѣпленія такъ заустѣли, что въ XIII в., въ эпоху нашествія татаръ, пришлось усиленно заняться укрѣпленіемъ городовъ. Но это «разумѣется, не было возстановленіемъ городской организаціи, потому что она, какъ плодъ земскаго строя, не могла избѣжать судьбы послѣдняго». Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этомъ заключеніи сказалась та нѣкоторая неясность, ведущая легко къ противорѣчіямъ, которую мы выше уже отмѣтили.

Что же въ результатѣ даетъ намъ разсмотрѣнная глава?

Несомнѣнно авторъ представилъ въ ней обстоятельную характеристику роли, значенія и главныхъ функцій городовъ (вѣрнѣе — градовъ) въ земскій періодъ чешской исторіи и вообще такъ называемой «градской» организаціи въ смыслѣ жупнаго, областного уряда. Многія его наблюденія и замѣчанія заслуживаютъ полного признанія и доказываютъ внимательное углубленіе въ источники. Но и здѣсь дѣлу повидимому нѣсколько повредило недостаточно отчетливое пониманіе или различеніе явленій исконныхъ въ земскомъ строѣ и новыхъ, связанныхъ съ процессомъ государственнаго развитія, откуда возникаетъ и въ выводахъ какъ-будто неясность и двойственность.

Мы уже съ самаго начала сказали о такой неясности въ самомъ опредѣленіи темы этой главы.

Подъ «городовой» (собственно «градской») организаціей слѣдуетъ въ сущности понимать земскую «жупную» или областную, между тѣмъ какъ терминъ «городовой», подходящій болѣе къ понятію позднѣйшаго *устройства городовъ* на нѣмецкомъ правѣ, какъ единицъ экстерриторіальныхъ, можетъ только подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ хотѣлъ послѣдовать примѣру (но къ сожалѣнію не послѣдовалъ *точно!*) чешскихъ историковъ, называющихъ эту организацію «градской» — *zřizení hradské* отъ слова *hrad*, что не есть городъ въ обычномъ намъ смыслѣ, для котораго служитъ обозначеніе *město*, такъ что *zřizení hradské* не имѣетъ ничего общаго съ *zřizení městské*, явленіемъ позднѣйшимъ. Древне-славянскій «градъ», укрѣпленное средоточіе племенной жизни, а потомъ земскаго жупнаго самоуправленія, военной организаціи и народной обороны, центръ общественной жизни и административнаго управленія въ областяхъ и округахъ старыхъ племенныхъ территорій, представляя характернѣйшій продуктъ и элементъ земскаго строя, долженъ былъ привлечь къ себѣ еще болѣе вниманія автора, и тогда бы — мы увѣрены — его изложеніе и изслѣдованіе о «городахъ» навѣрно выиграло бы въ смыслѣ ясности и законченности, и онъ тогда едва-ли бы употребилъ столь некстати терминъ «городовой». О «градахъ», ихъ

устройствѣ и типическихъ чертахъ, о ихъ роли и функціяхъ въ старославянской племенной жизни и земскомъ строѣ имѣется не мало интересныхъ работъ и замѣтокъ, и ознакомленіе съ иными изъ нихъ могло принести только пользу въ задачѣ г. Ясинаскаго. Такъ можно пожалѣть, что онъ не обратилъ вниманія на труды чешскаго историка-слависта О. В. Пича, который не мало поработалъ надъ выясненіемъ основъ и порядковъ старо-славянской племенной и земской жизни (особенно на почвѣ старо-угорской) и своими археологическими и историческими (по первымъ источникамъ) изысканіями пролилъ несомнѣнно значительный свѣтъ на эту область. Въ одномъ изъ трудовъ своихъ онъ посвящаетъ спеціальное обстоятельное изслѣдованіе славянскимъ «градамъ», ихъ организаціи и роли¹⁾, а въ другомъ затрогиваетъ вопросы славянскаго градскаго самоуправленія²⁾. Во всѣхъ своихъ работахъ г. Пичъ проводитъ мысль о живучести племенного начала и о прочности связей и тяготѣній территоріально-племенныхъ, мысль не чуждая, какъ мы знаемъ, и воззрѣніямъ нашего автора.

Быть можетъ, нѣкоторый недостатокъ отчетливости во взглядѣ его на «грады» и на «градскую организацію» способствовалъ и укрѣпленію его въ нѣкоторыхъ предвзятыхъ мнѣніяхъ и увлеченіяхъ — въ томъ напр. смыслѣ, что постройкой городовъ съ развитіемъ градской организаціи государи съ самаго начала стремились противодѣйствовать территоріально-племеннымъ связямъ и интересамъ. Мы видѣли уже, что цѣлый рядъ другихъ явленій — противорѣчащаго тому значенія — принуждаетъ насъ признать это мнѣніе заблужденіемъ. Самъ авторъ долженъ былъ бы замѣтить порожденную имъ несообразность въ своихъ выводахъ: съ одной стороны государи, посредствомъ городской организаціи, борются съ началами стараго племенного

1) Pič, J. L. Zur Rumänisch-Ungar. Streitfrage, Leipz. 1886. О древне-слав. градахъ, стр. 148—268.

2) Der Nationale Kampf gegen das Ungarische Staatsrecht, Leipz. 1882, особ. стр. 241—248. О градахъ также подробно въ ст. Седлачка: Sedlaček, «O starodavném rozdělení Moravy na kraje», Časopis Mat. Morav., ročn. 15, Brno 1891.

строю, съ другой — эта городова организациа падаеть вмѣстѣ съ земскимъ строемъ...

Связанное съ такою неясностью представленія одностороннее объясненіе авторомъ паденія городской организациа такой чисто внѣшней причиной, какъ измѣненіе политическихъ обстоятельствъ и отсутствіе внѣшней опасности, явно не выдерживаетъ критики. Въ немъ ярко обрисовывается смѣшеніе «градской», т. е. областной организациа, какъ основной формы земскаго управленія, съ постройкой и поддержкой градовъ и укрѣпленій въ видахъ оборонительныхъ и стратегическихъ. Если дѣйствительно подъ вліяніемъ измѣнившихся политическихъ условий страна не нуждалась въ прежней мѣрѣ въ поддержаніи градскихъ и иныхъ земскихъ укрѣпленій, то это отнюдь не могло вести за собой упадокъ такого внутренняго земскаго установленія, какъ «градская» (т. е. жупная или областная) организациа. Очевидно этотъ упадокъ былъ обусловленъ другими причинами — внутренне-государственными, позднѣйшими мѣропріятіями и политикой чешскихъ государей, направленными къ разрушенію земскаго строя. Нашъ авторъ не долженъ былъ смѣшивать роль «градовъ», какъ оборонительныхъ и стратегическихъ центровъ, съ ихъ общественно-политическимъ и земско-административнымъ значеніемъ. Онъ оставилъ безъ вниманія тотъ фактъ, что оборонительная земская организациа не ограничивалась одними градами. Рядомъ съ ними воздвигались многочисленныя укрѣпленія (такъ-называемыя Burgwälle), въ которыхъ не жили, но которыя служили защитой для населенія въ случаяхъ опасности¹⁾. На населеніи лежала обязанность ихъ сооружать и поддерживать, и отъ такихъ-то работъ (земскихъ) церковныя и монастырскія корпораціи старались освободить своихъ подданныхъ, особенно когда наступили болѣе мирныя времена. Такимъ-то образомъ съ теченіемъ времени эти укрѣпленія запускались и приходили въ разрушеніе, и ихъ становилось все менѣе. Слѣдовательно подъ вліяніемъ внѣш-

---

1) Объ этомъ въ первой изъ цитовани. книгъ г. Пича и у Седлачка, о. с.

нихъ причинъ и обстоятельствъ могла приходиться въ упадокъ лишь эта система земской обороны (изъ укрѣпленныхъ градовъ и валовъ, Burgwälle), а не областная (градская) общественная и административная организація...¹⁾ Г. Ясинскому необходимо было тутъ же разобрать и выяснить истинныя причины постепеннаго упадка этой организаціи, которыя заключались въ возобладаніи интересовъ государственно-централизованныхъ и связанныхъ съ ними интересовъ придворнаго чиновничества надъ земскими автономными интересами. Эта побѣда новыхъ началъ (проявляющаяся замѣтнѣе съ конца XII в.) стала выражаться напр. въ ограниченіи власти и юрисдикціи областныхъ земскихъ органовъ, а затѣмъ въ системѣ всяческихъ изъятій изъ-подъ областной юрисдикціи, привиллегій и иммунитетовъ, о чемъ идетъ рѣчь и въ книгѣ г. Ясинскаго, но уже въ слѣдующей главѣ.

Глава *пятая* и послѣдняя въ книгѣ г. Ясинскаго разсматриваетъ *Власть государя и положеніе знати*. Она всѣхъ больше и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе существенную часть работы: въ ней авторъ приходитъ и къ самымъ существеннымъ и важнымъ своимъ выводамъ. Слѣдовательно на ней сосредоточивается и особенный интересъ.

Будемъ по-прежнему сжато излагать содержаніе изслѣдованія, дѣлая, по мѣрѣ надобности, свои замѣчанія. По мнѣнію г. Ясинскаго, пока не окрѣпло національное единство племенъ, вошедшихъ въ составъ государства, пока не сложились классы съ опредѣленными нуждами, не опредѣлилось ихъ равномерное участіе въ дѣлахъ государства, до тѣхъ поръ государь — почти единственный представитель государственности: оттого въ этой стадіи сила и крѣпость государства опредѣляется положеніемъ государя. Въ земскій періодъ чешской исторіи не вполнѣ еще забыты племенные раздѣленія, и сословія только создавались, слѣдовательно характеризуя государя и его власть XI—XIII вѣковъ, мы опредѣляемъ силу и крѣпость государства.

1) То же смѣшеніе см. ниже на стр. 156, прим. 2.

Мнѣніе чешскихъ историковъ, признаваемыхъ лучшими авторитетами, сводится къ тому, что власть государя къ концу XII в. была невелика, что она сравнительно съ прежнимъ уменьшилась. Сужденія Томка, проф. Калауска и Я. Челяковскаго, приводимыя авторомъ, сходятся въ томъ, что въ XI—XII вв. князья, прежде обладавшіе огромными имуществами, раздали массу земель и доходовъ духовенству, должностнымъ лицамъ и шляхтѣ, такъ какъ въ эпоху междоусобій и удѣловъ должны были приобрѣтать сторонниковъ. Такимъ образомъ шляхта приобрѣтала все болѣе значенія, а власть государя естественно ограничивалась.

Нашъ авторъ соглашается только съ нѣкоторыми изъ положеній чешскихъ историковъ, напр. со взглядомъ на большое сокращеніе имуществъ государя, а также на причину смуть въ XII в., состоящую въ перенесеніи возрѣній родового быта въ сферу государственныхъ отношеній. Онъ считаетъ, согласно изслѣдованію Лозерта, доказаннымъ, что въ порядкѣ престолонаслѣдія *старшинство* не было рѣшающимъ условіемъ, а всѣ члены правящаго дома считались имѣющими право на престолъ и каждый домогался его, а при благопріятныхъ условіяхъ и достигалъ. Изъ этого слѣдуетъ, что государство разсматривалось какъ родовое имущество, и если поэтому вопросъ о главенствѣ не рѣшается соглашеніемъ членовъ рода, то очевидно населеніе должно было участвовать въ его рѣшеніи. Изъ того обстоятельства, что населеніе и самая вліятельная часть его, шляхта, своимъ рѣшеніемъ не предупреждала смуть, которыя были бы невозможны при ея единодушій, Г. Ясинскій дѣлаетъ выводъ о неподготовленности шляхты къ политической дѣятельности и еще неспособности ея стремиться къ ограниченію власти государя, о ея такъ сказать политической незрѣлости. Борьба изъ-за престола въ XII в. даетъ мало матеріала для характеристики шляхты съ этой стороны.

Участіе населенія, и именно шляхты, въ избраніи государя является ея правомъ, а не узурпаціей, какъ это видно изъ источ-

никовъ. Они же свидѣтельствуютъ, что это право признавалось и сюзереномъ чешскаго государя — германскимъ императоромъ. Но ни избраніе, ни полученная отъ императора инвеститура не обезпечивала чешскаго князя отъ происковъ другихъ членовъ рода. Приводится рядъ примѣровъ оспариванія престола другъ у друга членами княжескаго рода въ концѣ XI, началѣ XII и концѣ XII в.; но помимо этихъ выдающихся примѣровъ — сколько еще было заговоровъ на жизнь князей, сколько заключенныхъ и изгнанныхъ изъ отечества искателей трона!

Среди приводимыхъ авторомъ примѣровъ мы отмѣтимъ одинъ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что если не на практикѣ, то въ теоріи принципъ старшинства все-таки игралъ руководящую роль въ вопросѣ престолонаслѣдія. Въ 1101 г., говоритъ г. Ясинскій, Ольдрихъ, сынъ Конрада, оспаривалъ престолъ у Буривоа, «тщетно ссылаясь на то, что онъ старшій возрастомъ членъ княжескаго рода» («jactat se esse aetate maiorem» Cosm. chr. III, 15, p. 148). Въ другомъ мѣстѣ, раньше (см. стр. 120), авторъ сообщаетъ то же о Буривоѣ, «рѣшившемся во имя старшинства оспаривать престолъ у брата своего Владислава...» Слѣдовательно принципъ въ теоріи существовалъ, а если на практикѣ онъ постоянно нарушался, то это — благодаря создавшемуся порядку вещей, именно возобладанію практическихъ интересовъ и соображеній надъ теоріей. Во всѣхъ княжескихъ междуособіяхъ, заговорахъ и проискахъ играла главную роль шляхта. Противъ произвола и насилій шляхты еще въ раннее время помогали государю должностныя лица, напр. каштеляны (слѣдуетъ замѣтить — лишь тѣ, которые въ вѣрности князю видѣли свой интересъ), однако съ паденіемъ «городовой организаціи» значеніе высшей шляхты стало еще болѣе значительнымъ. Но кто же — спросимъ — былъ главнымъ виновникомъ паденія этой организаціи, а слѣдовательно и особеннаго возвышенія высшей шляхты, какъ не сами государя!

Въ противоположность высшей шляхтѣ, *низшая* всегда поддерживала государя, иятя на своей сторонѣ по большей части

также духовенство и чиновниковъ, такъ какъ смуты отвлекали ее отъ мирныхъ занятій и приносили разореніе. Этотъ фактъ подтверждается многими примѣрами изъ XI и XII вв. Напротивъ, папы, какъ доказываютъ опять-таки многія свидѣтельства, руководствовались почти всегда личными выгодами, исканіемъ доходовъ и почетныхъ мѣстъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ пользу того или другого претендента, и того не скрывали. Это узко-эгоистическое настроеніе знати заставляло государя ухаживать за нею, но ей самой оно мѣшало сплотиться и сознать свои общіе интересы. Доказательствомъ такого неединодушія и разобщенности, позволявшихъ князьямъ часто жестоко и несправедливо расправляться съ неприятными имъ панамъ или областными правителями (примѣръ Собѣслава II), служить истребленіе Вершовцевъ при Святополкѣ, а также примѣры раздѣленія знати при выборѣ князя, напр. въ 1197 году (Владиславъ и Премысль). Но помимо мотивовъ чисто политическихъ у знати не было ли еще и другихъ, о которыхъ авторъ не упоминаетъ? Въ шляхтѣ могли быть также живы территоріально-племенные и областные интересы, заставлявшіе ее стоять за то или иное лицо, какъ за кандидата, выставленнаго тою или другою областью. Впослѣдствіи эти мѣстные интересы ступшевались. Во всякомъ случаѣ г. Ясинскій соглашается, что XII вѣкъ былъ критическою порою для власти государя. Еслибъ смуты продолжались еще долѣе, то знать могла бы намѣтить опредѣленные требованія и выработать политическую программу.... Итакъ въ началѣ XII в. авторъ видитъ у шляхты отсутствіе всякой опредѣленной тактики при замѣщеніи престола. Но съ половины XII в. поведение знати, по словамъ его, *измѣняется совершенно*: тутъ указываются примѣры, каковы образъ дѣйствія пановъ при избраніи Владислава II, и затѣмъ разочарованія въ немъ, тайныя совѣщанія и смуты (1142). Затѣмъ указываются и другіе случаи общихъ дѣйствій послѣ совѣщаній и уговора, напр. по поводу неудовольствія Фридрихомъ или кандидатурой Ольдриха. Отмѣтимъ здѣсь только маленькое противорѣчіе въ опредѣленіи эпохи такой пере-

мѣны половиной XII в., тогда какъ немного выше (стр. 134) авторъ привелъ примѣръ полного отсутствія солидарности и общей тактики высшей шляхты — изъ событій 1197 г... Очевидно перемѣна еще не была «совершенною» и общею. Но начинавшая выработываться у пановъ тактика и сноровка не могла привести ни къ чему важному, такъ какъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. утверждается *государственное единодержавіе*, благодаря постепенному вымиранию рода Премысловичей и установленію порядка наслѣдованія по прямой линіи — отъ отца къ сыну, отнявшему у пановъ возможность пользоваться избирательнымъ правомъ, какъ средствомъ вынудить у государя какія-нибудь ограничительныя для его власти постановленія. Періода въ какихъ-нибудь 50 лѣтъ было недостаточно, чтобъ стремленія знати могли сложиться въ политическую программу; она не успѣла себя сознать сильнымъ классомъ съ общими интересами, и общая политика для ограниченія власти государя была для нея еще немыслима. На этомъ основаніи общая характеристика положенія и власти государя въ XII в. выливается у г. Ясинскаго въ слѣдующую форму: государь чешскій, будучи самостоятеленъ въ дѣлахъ управленія, долженъ былъ только держаться границъ умѣренности и не обращать власти въ орудіе личныхъ страстей. Но «кромя голоса совѣсти, другихъ ограниченій своей власти не знали чешскіе государи XI—XII вѣковъ».

Вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ ближайшему опредѣленію державныхъ правъ государя и проявленій его полномочій.

Назначенія на должности вполне зависѣли отъ государя. Назначались лица, на вѣрность которыхъ можно было положиться, иногда и за деньги. Однако тутъ слѣдовало сдѣлать оговорку, что это право назначенія *de facto* до нѣкоторой степени ограничивалось необходимостью считаться съ традиціями старой областной автономіи и земскими порядками, такъ что даже при назначеніи областныхъ и градскихъ начальниковъ (каштеляновъ) государи должны были сообразоваться съ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, съ популярностію и значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей ¹⁾).

Государю всецѣло принадлежало право созыва военныхъ силъ и предводительство ими въ войнѣ оборонительной или наступательной. Это оставалось безъ измѣненій и въ XII в. Созывы сеймовъ передъ далекими военными предпріятіями должны быть объясняемы не необходимостью полученія на нихъ согласія, а обычаемъ этимъ путемъ оповѣщать о походѣ, хотя приходится констатировать, что паны часто роптали и выказывали неодобреніе. Примѣромъ можетъ служить созывъ сейма Владиславомъ II передъ походомъ на помощь Фридриху Барбаруссѣ, неудовольствіе, выказанное папами, и рѣчь къ нимъ короля, изъ которой, какъ и изо всего эпизода, можно усмотрѣть, что паны все-таки не имѣли права отказаться отъ похода. Впрочемъ по этому поводу можно замѣтить, что въ тѣ времена, особенно въ такихъ дѣлахъ едва-ли играло рѣшающую роль какое-либо точное *юридическое* право; не слѣдуетъ *наши* понятія переносить на столь отдаленныя эпохи, въ тѣ средніе вѣка, когда юридическія отношенія и правовыя нормы не успѣли еще выработаться и сложиться, и надъ ними господствовало право сильнѣйшаго и наиболѣе вліятельнаго въ смыслѣ какъ матеріальной, такъ и нравственной силы.

Въ дѣлахъ *внутренняго управленія* авторъ выдвигаетъ дѣятельность государя *судебную* и *законодательную*. Въ отношеніи *судебномъ* князь — высшій судья, источникъ суда и справедливости въ странѣ. Всякій могъ искать защиты у государя, и послѣднему ставится въ заслугу внимательное отношеніе къ жалобамъ. Непосредственно государь разбираетъ и рѣшаетъ дѣла по политическимъ преступленіямъ. Въ *законодательномъ* отношеніи инициатива всецѣло принадлежала государю. Примѣры изъ источниковъ не оставляютъ сомнѣнія, что государь считался источникомъ законодательной власти, какъ въ XI, такъ и въ концѣ

---

1) Срв. вышеприведенное о томъ мнѣніе О. Зигеля, въ его статьѣ о «Мѣстномъ земскомъ самоуправленіи въ Чехіи и Польшѣ», стр. 2.

XII в. Князья изъ осторожности предпочитали дѣйствовать съ согласія земской шляхты, съ которою совѣтовались, равно какъ и съ приближенными своими (панами, придворными чиновниками, каштелянами), и не только въ государственныхъ дѣлахъ, но и частныхъ, домашнихъ. Однакожъ подобныя совѣщанія не были для нихъ обязательны.

Еще менѣе были зависимы чешскіе государи въ *международныхъ* дѣлахъ и внѣшней своей политикѣ, чему приводятся доказательства изъ XI и XII вв.

Далѣе подробно разсматриваются *имущественныя* права государя, которыя оказываются очень значительными и важными. Выводы автора по этому предмету, какъ и по слѣдующему относящемуся къ нему вопросу о такъ-называемыхъ «выслугахъ», представляютъ большой интересъ. Какъ наследникъ всѣхъ племенныхъ князей, чешскій государь имѣлъ право распоряженія всѣми ненаселенными и пустопорожными землями, что видно изъ актовъ. Затѣмъ относительно церковныхъ земель онъ имѣлъ всѣ права высшаго собственника, что тоже подтверждается многими примѣрами; это право имѣло столь устойчивый характеръ, что даже земли, отчуждаемыя въ руки частныхъ лицъ, не выходили изъ дѣйствія этого права. Оно однакожъ не слѣдствіе патроната государя надъ церковью. Любопытно свидѣтельство одной грамоты (1203 г.), по которому частное лицо отдаетъ землю монастырю черезъ государя (отъ его имени). Въ этомъ выражается взглядъ, что источникомъ церковнаго владѣнія можетъ быть только даръ или пожертвованіе, исходящее отъ государя. Практика подтверждаетъ это, такъ какъ государи — главные основатели и жертвователи церквей и монастырей. Но отсюда вытекаетъ ограниченность церковнаго владѣнія: пожертвованіе, по чешскимъ юридическимъ возрѣніямъ, не составляло полной собственности; за дарителемъ оставались еще значительныя права... По характеру и происхожденію родственна церковному землевладѣнію, такъ что можетъ даже объяснить его особенности, та форма владѣнія, которая называется *выслугою*, и по отношенію къ которой права государя

тоже велики. На вопросъ о *выслугахъ* г. Ясинскій и останавливается, посвящая ему обстоятельное изысканіе, и эта интересная часть его работы, въ связи съ другими предметами этой главы, придаетъ послѣдней выдающееся значеніе.

Князья въ XII—XIII вв. награждали заслуженныхъ людей за вѣрную службу землями и доходными статьями. Это — по опредѣленію еще Палацкаго — такъ-называемыя *выслуги*. Главная масса получавшихъ выслуги — знатные, люди высшаго класса, затѣмъ другую группу составляли чиновники: каштеляны, судьи, коморники и проч. Итакъ это вообще монополія высшаго класса, ибо и должностныя лица принадлежали ему по преимуществу. Предметами пожалованій были, за рѣдкими исключеніями, *недвижимыя* имущества, а именно: село, сельцо, часть села, земля въ селѣ, имѣніе, лѣсъ, уѣздъ, островъ и т. д., а съ конца XIII в. города съ окрестностями и цѣлыя области, но такія пожалованія имѣли уже характеръ удѣловъ. Въ XII-мъ же вѣкѣ выслуги были вообще скромныхъ размѣровъ. Первоначально выслуги носили чисто-правовой характеръ, а съ половины XIII в. стали приобрѣтать государственный.

Въ большинствѣ случаевъ въ грамотахъ находимъ и формулу, на *какомъ правѣ* владѣеть выслугой получившій ее. Самою обычною является: «*jure hereditario*», рядомъ съ которой авторъ приводитъ много другихъ формулъ. Но оказывается, что почти всѣ онѣ — только видоизмѣненіе первой и указываютъ на *наследственный* переходъ выслуги; лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ подчеркивается право *собственности*. Итакъ, при выслугахъ примѣняется и та и другая форма права. Этимъ различіемъ объясняется усматриваемая изъ фактовъ «неодинаковая практика распоряженія владѣніемъ». При нѣкоторыхъ отчужденіяхъ выслугъ въ грамотахъ упоминается только о конфирмаціи государя или вовсе умалчивается объ его участіи. Тутъ очевидно выслуга на правахъ полной собственности, съ полнымъ правомъ распоряженія ею по усмотрѣнію. Съ другой стороны есть много свидѣтельствъ о правѣ государя, какъ высшаго собственника: во мно-

гихъ случаяхъ актъ отчужденія совершался съ *одобренія*, съ *согласія* государя, или облекался въ форму пожертвованія отъ государя.

Итакъ изъ всѣхъ имѣющихся извѣстій можно заключить, что выслуга представляла условное и ограниченное въ правахъ владѣніе. Владѣльцы такихъ выслугъ на правахъ наслѣдства стремились расширить свои права, получая отъ государя *право собственности*, а владѣльцы, не имѣвшіе наслѣдниковъ, испрашивали у государя право распоряженія имуществомъ, чему есть примѣры. Авторъ старается при этомъ выяснитъ порядокъ наслѣдованья выслугъ. Разсмотрѣвъ вопросъ объ общемъ порядкѣ наслѣдованія по чешскому праву — на основаніи такъ назыв. Конрадовыхъ статутовъ, и о толкованіи ихъ проф. Калаускомъ, онъ полагаетъ, что мы не имѣемъ данныхъ, чтобъ судить, примѣнялся ли этотъ порядокъ къ наслѣдованію выслугъ, но по содержанію статьи о наслѣдованіи видно, что она не имѣла въ виду этой формы владѣнія. Есть однакожъ косвенное указаніе въ источникахъ на порядокъ наслѣдованія выслугъ. Его авторъ видитъ вотъ въ чемъ. Вводимое въ полов. XIII в. Моравіею ленное право устраняло дочерей отъ наслѣдованія, тогда какъ право Магдебургское (прототипъ новаго моравскаго) допускало ихъ. Въ этомъ устраненіи можно видѣть уступку мѣстнымъ обычаямъ и приспособленіе къ существующей формѣ владѣнія выслугъ. Отсюда дѣлается выводъ, что въ наслѣдованіи выслугой дочери не участвовали.

Итакъ, заключаетъ нашъ авторъ, владѣніе выслугами съ ихъ ограниченными правами не могло привести къ ослабленію или уменьшенію государевой власти (панамі). Но частое пожалованье выслугъ въ собственность «подготовляло сознаніе о необходимости общей и широкой постановки вопроса о правахъ землевладѣнія». На томъ основаніи, что при бездѣтныхъ владѣльцахъ выслугъ государи имѣли право наслѣдовать, извѣстный чешскій археологъ Воцель приравнивалъ эту форму владѣнія къ *нѣмецкому лену*. Г. Герм. Иречекъ опровергалъ это срав-

неніе указаніємъ на различіе между награжденіемъ за службу прошлую (выслуга) и соглашеніемъ насчетъ будущаго (лень). Но г. Ясинскій считаетъ это различіе несущественнымъ, ибо и лень давался лицамъ уже заслуженнымъ, и получившій выслугу былъ обязанъ службой по первому призыву. Онъ думаетъ, что юридическій характеръ выслуги, равно какъ и церковнаго владѣнія, вполнѣ объясняется (не прибѣгая къ ненужному сравненію съ нѣмецкими ленами) существовавшимъ въ чешскомъ правѣ воззрѣніемъ, что *дарственная менѣе обезпечиваетъ крѣпость владѣнія, чѣмъ купчая*. Къ тому же ограниченность права распоряженія выслугами объясняется также издавна господствовавшими правовыми воззрѣніями чешскаго народа. Что *наслѣдованіе* имущества было искони самымъ главнымъ отличительнымъ юридическимъ признакомъ землевладѣнія, возникшимъ въ эпоху родового быта, видно уже изъ названія первоначальнаго свободнаго населенія страны *дндичами* (heredes). Членъ рода имѣлъ наслѣдственные права, но не имѣлъ права распоряженія. Эти чешскія правовыя воззрѣнія были въ силѣ еще въ началѣ XV в. Таковы заслуживающіе полнаго вниманія и очень поучительные результаты изслѣдованія г. Ясинскаго о выслугахъ¹⁾.

Итакъ, на основаніи этого внимательнаго разбора всѣхъ правъ и проявленій власти государя авторъ нашъ дѣлаетъ общій выводъ, съ которымъ и мы не можемъ не согласиться, что вопреки господствующему въ чешской исторіографіи мнѣнію власть государя въ теченіе XII в. не уменьшилась, и въ XIII вѣкѣ Чехія вступала какъ организмъ сильный и крѣпкій.

Однакожъ, продолжаетъ г. Ясинскій, со времени установленія самодержавія государя должны были думать не только объ

---

1) Если сопоставить эти результаты съ изысканіемъ *Линперта* о томъ же предметѣ (ч. I, гл. 8, стр. 298—310: «Heimfall, Erbrecht и Lohngut»), который тоже рассматриваетъ въ связи оба юридическіе института, «княжеское право на выморочное имущество» и «систему выслугъ», то увидимъ, что и послѣдній отнесся къ вопросу со вниманіемъ и что выводы того и другого въ общемъ сходятся, хотя постановка дѣла у нихъ нѣсколько различная. Во всякомъ случаѣ обѣ работы дополняютъ взаимно другъ друга.

укрѣпленіи власти (но вѣдь власть эта и не уменьшалась!), но и объ увеличеніи *матеріальныхъ средствъ*. Извѣстно, что они для этихъ цѣлей прибѣгли къ помощи *нѣмецкой колонизаціи* и стали раздавать нѣмцамъ участки въ «помежномъ» лѣсу и водворять нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ въ своихъ городахъ. Этимъ они конечно подрывали самобытную крѣпость государства.

Если государи XIII в. ослабляли этимъ государство и подготавливали опасный кризисъ, то, замѣчаетъ нашъ авторъ, «справедливость требуетъ сказать, что они же придали совсѣмъ другой характеръ тому учрежденію, которое было введено ихъ предшественниками и являлось шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія государственности». «Мы имѣемъ въ виду, прибавляетъ онъ, *иммунитетъ или «крѣпость»*. Здѣсь авторъ, какъ видимъ, уже заранѣе намѣчаетъ, но, надо сказать, очень ужъ неяснымъ намѣкомъ, свой оригинальный взглядъ на это учрежденіе, какъ на плодъ самобытнаго развитія, которымъ государи сумѣли воспользоваться для укрѣпленія своей власти въ странѣ и которое оказывается, такимъ образомъ, естественнымъ и необходимымъ факторомъ государственнаго развитія... Посмотримъ же, какъ г. Ясинскій обосновываетъ и доказываетъ это свое во всякомъ случаѣ оригинальное воззрѣніе.

Изъ числа грамотъ XII—XIII в. выдѣляются грамоты, предоставляющія землевладѣльцамъ право суда и разныя льготы. Эти права называются *льготами* и *иммунитетами*, такъ что и грамоты называются льготными и «иммунитетными», а субъекты права—«свободными» и «крѣпкими» (*liberi et immunes*). Изученіе вопроса о характерѣ и происхожденіи иммунитета затруднено отсутствіемъ подлинныхъ грамотъ изъ времени ранѣе конца XII вѣка. Палацкій считалъ древнѣйшія грамоты Бревновскую 993 г., Райградскую 1045 и 1048 гг., Болеславскую 1052 и друг. составленными только въ XIII в. на основаніи болѣе раннихъ дипломовъ, а возникновеніе привилегій и иммунитетовъ онъ относилъ къ нач. XIII в. (Премысль Оттокаръ I). Томекъ и Дудикъ, соглашаясь съ Палацкимъ относительно первыхъ, все-

такъ считали подлинными нѣкоторыя грамоты второй половины XII в. и по нимъ считали возможнымъ опредѣлить характеръ иммунитета. И Томекъ и Дудикъ называютъ рядъ грамотъ (второй половины XII в.), которыя они считаютъ подлинными. Но ни тотъ, ни другой однакожь не представили ничего въ оправданіе своего мнѣнія. По взгляду нашего автора Палацкій былъ не правъ, считая самое упоминаніе объ иммунитетѣ въ актахъ XII в. доказательствомъ ихъ неподлинности. Онъ ссылается на рассказъ Сазавскаго монаха о томъ, что уже въ серединѣ XII в. нѣкоторые монастыри пользовались судебною властью надъ населеніемъ своихъ владѣній; итакъ «освобожденіе отъ земскаго права» можетъ встрѣчаться въ грамотахъ XII вѣка. На этомъ основаніи г. Ясинскій считаетъ возможнымъ для характеристики иммунитетовъ XII вѣка воспользоваться сохранившимися въ оригиналахъ грамотами (Оломуцкою 1144 г., Градищенскою 1160 г., Кладорубскою 1177 г. и второю Вышеградскою 1187 года).

Оказывается, что напр. по Оломуцкой грамотѣ 1144 г. населеніе, сидѣвшее на землѣ Оломуцкой церкви, освобождалось отъ юрисдикціи моравскихъ удѣльныхъ князей, отъ всякихъ платежей и повинностей, такъ какъ зависѣло отъ епископа опредѣлить мѣру участія церковныхъ (поданныхъ) людей въ общеземскомъ бремени. Таково же приблизительно содержаніе и другихъ названныхъ грамотъ. Изъ нихъ видно впрочемъ, что первоначально не существовало опредѣленнаго и установившагося *типа иммунитета*; но къ половинѣ XIII в. успѣлъ сложиться опредѣленный кругъ льготъ, въ него входившихъ. Встрѣчается и общая ссылка на льготы безъ подробнаго ихъ перечисленія. Особенною извѣстностью пользовался и считался образцовымъ иммунитетъ, полученный Велеградскимъ монастыремъ, такъ что «льготы велеградскія» потомъ прямо давались другимъ церковнымъ корпораціямъ. Велеградская грамота (сохранилась въ оригиналѣ 1228, но первоначальный дипломъ, которому послѣдній служить подтвердительнымъ, относится ко времени 1202 —

1222 г.), какъ типъ иммунитета начала XIII в., можетъ служить для характеристики этого учрежденія.

Авторъ здѣсь подробно перечисляетъ льготы, данныя Велеградскому монастырю; мы упомянемъ ихъ вкратцѣ: 1) Освобожденіе отъ даней и платежей; 2) отъ земскихъ повинностей; 3) поступленіе въ пользу монастыря имущества лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ — на свѣтскомъ и королевскомъ судахъ; 4) вызовъ къ суду людей церковныхъ (или монастырскихъ) не иначе какъ черезъ монастырскаго приказчика; 5) наказаніе за оскорбленіе дѣйствіемъ духовнаго лица; 6) запрещеніе королевскимъ ловчимъ и псарямъ ночевать въ монастырскихъ селахъ; 7) то же относительно пановъ; 8) о безошлинномъ провозѣ предметовъ, идущихъ для нуждъ монастырскихъ.

Итакъ государи, въ сущности, не освобождали населеніе отъ военной повинности и земскихъ работъ, а только передавали распоряженіе ими въ руки церковныхъ корпорацій и землевладѣльцевъ. Затѣмъ рѣшеніе болѣе важныхъ дѣлъ относилось къ юрисдикціи дворцоваго вѣдомства.

Такимъ образомъ, государи ставили церковныхъ землевладѣльцевъ *въ положеніе органовъ областного управленія*. Если они при этомъ теряли нѣкоторую часть доходовъ, то за то создавали разницу между высшей и низшей юрисдикціей и положили начало централизаціи, относя извѣстныя дѣла къ компетенціи дворцовыхъ судей.

Томекъ справедливо старался объяснить возникновеніе иммунитетовъ условіями мѣстной жизни. Выясняя характеръ отношеній каштеляновъ и областныхъ чиновниковъ къ населенію, онъ видитъ въ иммунитетахъ мѣру къ огражденію интересовъ жителей отъ притѣсненій и грабительства должностныхъ лицъ. Допуская, что нѣкоторые государи (напр. Собѣславъ II, см. на стр. 55) могли руководствоваться такими соображеніями, г. Ясинскій вообще противъ объясненія г. Томка и видитъ въ развитіи этого явленія другіе мотивы. Такъ какъ областные правители бывали виновниками многихъ смуть въ странѣ, то государи чув-

ствали де потребность ограничить ихъ власть и создать имъ *противовѣсъ*. И вотъ чешскіе государи, какъ высшіе собственники церковныхъ (и монастырскихъ) земель и имѣя въ своемъ распоряженіи назначеніе на должности прелатовъ и проч., пользуются церковными корпораціями (передавая имъ часть областной администраціи) «въ дѣлѣ укрѣпленія своей власти и положенія въ странѣ».

Разсмотрѣвъ характеръ иммунитетовъ и причины, вызвавшія ихъ поощреніе со стороны высшей власти, авторъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи этого установленія. Въ чешской историографіи господствуетъ убѣжденіе, что иммунитетъ — иностранное учрежденіе, способствовавшее упадку чисто-славянскихъ порядковъ въ странѣ. Авторъ приводитъ мнѣнія Палацкаго, Дудика, Челяковскаго, которые всѣ отрицаютъ самобытность иммунитета и видятъ въ немъ проводникъ иноплеменныхъ началъ, чуждыхъ правовыхъ обычаевъ и нормъ... Такое мнѣніе о вліяніи иммунитетовъ г. Ясинскій не считаетъ возможнымъ принять «по крайней мѣрѣ для XII—XIII в.», прибавляетъ онъ (см. стр. 161). Но эта оговорка или ограниченіе для насъ не совсѣмъ понятны: рѣчь идетъ не объ известной ограниченной эпохѣ, а о государственномъ развитіи Чехіи вообще; если допустить, что иммунитеты имѣли такое вліяніе и такія послѣдствія въ болѣе позднее время, то надо признать, что это было въ ихъ природѣ и характерѣ: вліяніе и роль ихъ были одинаковы съ самаго начала, — только они были сперва не такъ замѣтны и ощутительны. Тутъ не можетъ быть никакого третьяго рѣшенія!

Далѣе указываетъ онъ, что въ большинствѣ случаевъ въ иммунитетахъ судъ областныхъ правителей замѣнялся судомъ государя и его представителями; а населеніе, при переходѣ юрисдикціи въ руки церковнаго землевладѣльца, имѣло право обжаловать дѣло въ судъ областномъ. Наконецъ выдвигается и то, что право, которое является въ иммунитетныхъ грамотахъ, есть всетаки *земское право* — обычное чешское право, на что есть и прямые указанія въ источникахъ.

«Что же касается самой формы изучаемаго учрежденія», продолжаетъ авторъ (разумѣя, что ранѣе рѣчь шла о самой его сути, т. е. принципѣ изъятія части населенія отъ подчиненія общему правовому положенію), то «нѣтъ основанія считать ее заимствованной у нѣмцевъ или другого народа», ибо все де въ иммунитетѣхъ объясняется мѣстными условіями. Должно принять во вниманіе, что типъ чешскаго иммунитета опредѣлился лишь во 2 четверти XIII в., и первые иммунитеты отличались большимъ разнообразіемъ, что тоже говоритъ въ пользу самобытности, ибо при заимствованіи иммунитетъ съ самаго начала явился бы съ вполне опредѣленными формами. Наконецъ — послѣднимъ сильнымъ, по мнѣнію автора, аргументомъ для него служить то, что *однородное съ иммунитетомъ учрежденіе* мы видимъ въ Московскомъ государствѣ XV в., котораго строй слагался болѣе самобытно и «во всякомъ случаѣ безъ вліянія западно-европейской культуры».

По мнѣнію автора, сравненіе чешскихъ иммунитетовъ съ *московскими жалованными грамотами* можетъ заставить воздержаться отъ поспѣшныхъ заключеній о заимствованіи. Дѣло въ томъ, что въ нихъ почти всегда встрѣчаемъ освобожденіе отъ разныхъ повинностей. Въ подтвержденіе приводится рядъ примѣровъ изъ такихъ московскихъ грамотъ, который заставляетъ заключить, что «кажется, не останется въ чешскихъ иммунитетныхъ грамотахъ ни одного пункта, которому не имѣется соответственнаго и однороднаго по содержанію въ московскихъ жалованныхъ...» Мы готовы признать, что такое сопоставленіе любопытно и имѣетъ значеніе, но въ виду важности и существенности вывода, который авторъ дѣлаетъ изъ этого сравненія и которымъ опредѣляется весь результатъ его изслѣдованія, этотъ вопросъ объ аналогичности и однородности явленій въ Чехіи XII в. и въ Московскомъ государствѣ XV в. долженъ бы былъ быть изслѣдованъ внимательнѣе и глубже, именно въ отношеніи къ самобытности московскихъ иммунитетовъ, и едва-ли можно было ограничиться догматическимъ заявленіемъ, что въ русскомъ

государственномъ строѣ XV в. не могло быть никакихъ чуждыхъ вліяній...

Итакъ, руководствуясь своимъ сопоставленіемъ, г. Ясинскій рѣшительно высказывается въ пользу самобытности иммунитетовъ у всѣхъ народовъ при наличности извѣстныхъ условий. Но до сихъ поръ была рѣчь лишь объ иммунитетахъ, предоставляемыхъ церковнымъ корпораціямъ. Что же касается иммунитетовъ, выдаваемыхъ *частнымъ лицамъ*, то таковыя относятся къ болѣе позднему времени (не ранѣе начала XIII в.)¹⁾. При всей скудости грамотъ XIII в., можно все-таки опредѣлить характеръ и особенности частныхъ иммунитетовъ. Большая часть сохранившихся подобныхъ грамотъ относится къ Моравіи, изъ чего авторъ заключаетъ, что привилегированное землевладѣніе особенно успѣшно развивалось въ Моравіи. Оказывается, что паны, подражая королямъ, освобождали пожертвованныя ими сѣла отъ подсудности представителямъ ихъ же помѣщичьей юрисдикціи, отъ всякихъ платежей и повинностей.

При всей бѣдности содержанія иммунитетныхъ грамотъ частныхъ лицъ въ Чехіи (сравнительно съ моравскими церковными, въ нихъ главнымъ образомъ мы видимъ освобожденіе отъ повинностей), мы однако-же усматриваемъ въ нихъ опредѣленную мысль или особый характеръ: государи XIII в. не даромъ отступали въ нихъ отъ практики своихъ предшественниковъ. Передача правъ областныхъ чиновниковъ въ руки землевладѣльцевъ-прелатовъ не была опасна для власти государя по вышеотмѣченнымъ причинамъ. Но иное дѣло было съ иммунитетами частныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, такъ какъ ихъ составъ опредѣлялся обычаемъ наслѣдованія, а не волею государя, и полагаться на нихъ было труднѣе. Да и пользованіе иммунитетами отдѣльными фамиліями въ цѣломъ рядѣ ноколѣній могло создать

---

1) Въ примѣч. на стр. 164 авторъ оспариваетъ утвержденіе Томка относительно одной грамоты, заставлявшей относить иммунитеты частныхъ лицъ уже къ XII в. Во всякомъ случаѣ и примѣръ характеренъ и толкованіе г. Ясинскаго любопытно.

традиціи и привязанность населенія. Если государи и имѣли нѣкоторое вліяніе на этотъ классъ путемъ раздачи королевскихъ имуществъ, то во всякомъ случаѣ они не могли ручаться за вѣрность дѣтей и наследниковъ одаренныхъ. Итакъ относительно высшей шляхты, пановъ — нашъ авторъ приходитъ къ такому общему выводу. До установленія единодержавія они пользовались смутами и отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи для воздѣйствія на общественно-политическія дѣла. А съ начала XIII в. они стали постепенно прибрѣтать права полной собственности (т. е. надъ выслугами), освобожденіе отъ повинностей и право суда надъ населеніемъ (однакожъ это очень рѣдко въ Чехіи!) и «становились такой силой, которая могла произвести въ странѣ измѣненіе общественно-политическаго строя въ свою пользу». На этомъ и оканчивается эта глава о власти государя и о положеніи знати. Общій результатъ таковъ, что до XIII в. власть чешскаго государя остается во всей своей полнотѣ и силѣ, но что обнаруживаются однако во внутренней жизни страны такія явленія, которыя заставляютъ государей думать объ укрѣпленіи своей власти: съ одной стороны они прибѣгаютъ къ нѣмецкой колонизаціи въ матеріальномъ расчетѣ, а съ другой — къ иммунитетной системѣ въ видахъ парализованія значенія и власти областныхъ правителей, — системѣ, которая возникаетъ и развивается, впрочемъ, вполне самобытно и естественно. Но какъ покровительство иноземной колонизаціи въ извѣстномъ отношеніи ослабляло народныя силы и подготовляло опасный кризисъ, такъ и въ отношеніяхъ государя къ знати и въ развитіи иммунитетовъ оказывается невыгодная сторона: они помогаютъ высшей шляхтѣ, панамъ прибрѣсти силу, способную постепенно привести (а въ послѣдствіи и приводящую) къ существенному измѣненію общественнаго строя и къ ограниченію въ свою пользу государевой власти.

Очевидно, эти выводы г. Ясинскаго, основанные на обстоятельномъ изслѣдованіи, должны быть признаны важными и цѣнными. Обоснованіе правильнаго взгляда на власть государя до

XIII в., изслѣдованіе о «выслугахъ» и «иммунитетахъ»—его положительная заслуга, хотя мы и не можемъ считать особенно послѣдняго вопроса вполне удовлетворительно рѣшеннымъ или исчерпаннымъ.

Съ точкой зрѣнія автора на *иммунитеты*, какъ на плодъ органическаго и самобытнаго развитія, мы не можемъ согласиться, хотя и мы далеки отъ мысли видѣть въ нихъ простое, какъ-бы механическое заимствованіе или перенесеніе чужого порядка на чешскую почву. Несомнѣнно, въ областной жизни Чехіи, въ отношеніяхъ къ ней власти государя и во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ общества были такія явленія и условія, которыя способны были побудить государей къ нѣкоторымъ нововведеніямъ и мѣрамъ для огражденія ихъ правъ и интересовъ и укрѣпленія ихъ власти, и мѣры эти имъ до нѣкоторой степени подсказывались, вѣроятно, самою жизнью и существовавшими въ ней теченіями и наклонностями, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобъ такое установленіе, какъ иммунитеты, могло *самобытно* возникнуть на чешской почвѣ, именно подъ влияніемъ такихъ государственныхъ потребностей и цѣлей... Для ограниченія власти и юрисдикціи областныхъ правителей могли найтись болѣе прямыя средства въ постепенной централизаціи управленія и расширенія юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ. Надо думать, что иммунитетъ былъ скорѣе фактомъ, возникшимъ независимо отъ прямыхъ государственныхъ или государевыхъ нуждъ, но такимъ, съ которымъ приходилось считаться и изъ котораго государя старались даже извлечь для себя пользу. Очень вѣроятно, что они (особенно въ первое время) видѣли въ иммунитетахъ для себя довольно выгодный противовѣсъ значенію и власти областныхъ правителей, и потому поощряли ихъ. Сами же землевладѣльцы (и церковныя корпораціи, и частныя лица) не могли, конечно, не дорожить подобными правами, дававшими имъ и власть, и независимость. Но могла — замѣтимъ мы еще отъ себя — въ этомъ развитіи иммунитетовъ быть еще другая причина. Мы знаемъ объ обычаяхъ даренія земель и доходовъ

съ нихъ монастырямъ и лицамъ и проч. небольшими клочками въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ и концахъ страны, такъ что эти землевладѣльцы (церкви, монастыри, лица, потомъ грады и замки) владѣли недвижимостями чрезвычайно разбросанными (въ различныхъ областяхъ). Это обстоятельство и побуждало ихъ особенно добиваться освобожденія ихъ земель и ихъ зависимаго населенія отъ мѣстной областной юрисдикціи и земскаго управленія для объединенія и сосредоточенія управленія ими въ своихъ рукахъ, что представляло большое удобство и преимущество и считалось стремленіемъ естественнымъ и безвреднымъ. Но какъ бы то ни было, мы не считаемъ возможнымъ признать, чтобъ иммунитетъ, какъ факторъ и важный моментъ въ разложеніи земскаго строя, возникъ первоначально и непосредственно на славянской (чешской) почвѣ и былъ самобытнымъ ея продуктомъ... Это не есть нѣчто неизбежное и органическое въ известномъ фазисѣ государственнаго развитія вообще, а есть нѣчто болѣе типическое (въ смыслѣ народно-культурномъ)... Иммунитеты выросли на западѣ, пустили тамъ корни, и были известны конечно и въ Чехіи (высшимъ сферамъ, примкнувшимъ къ западно-европейской культурѣ) еще до возникновенія въ ней условій и потребностей, вызвавшихъ ихъ примѣненіе. Мы убѣждены, что именно римская церковь со своимъ на западѣ вполне установившимся правовымъ строемъ и обычаями была главнымъ инициаторомъ и проводникомъ въ прививкѣ многихъ юридическихъ установленій и формъ западно-славянскимъ государственнымъ организмамъ, въ данномъ случаѣ — *системы иммунитетовъ*. Не даромъ прежде всего эта система стала примѣняться къ церковному землевладѣнію. Къ сожалѣнію, какъ мы уже отмѣчали выше, нашъ авторъ не посвятилъ должнаго вниманія этому фактору, т. е. вліянію римской церкви въ развитіи соціально-политическихъ отношеній Чехіи, и въ «паденіи земскаго строя». Что касается сопоставленія иммунитетовъ чешскихъ съ московскими жалованными XV в., то слѣдовало, вмѣсто голословнаго утвержденія самобытности послѣднихъ, вникнуть въ вопросъ о ихъ

происхожденіи, и тогда, быть можетъ, еслибъ и оказались аналогія, то едва-ли въ смыслѣ воззрѣнія автора о самобытности...

Въ слѣдующемъ послѣ V главы «*Заключеніи*» мы, вопреки ожиданію, не находимъ обсуждения въ связи и въ цѣломъ занявшихъ автора вопросовъ и результатовъ его изслѣдованія, а между тѣмъ такое обсужденіе можетъ быть привело бы автора къ сознанію нѣкоторыхъ существенныхъ пробѣловъ въ исполненіи поставленной задачи (на которые мы отчасти уже имѣли случай указать) и необходимости ихъ пополнить.

Вмѣсто того, заключеніе посвящено дополнительному изслѣдованію частныхъ вопросовъ, стоящихъ въ ближайшей связи съ темами первыхъ двухъ главъ. Первый изъ этихъ вопросовъ, именно о причинахъ, побуждавшихъ зависимыхъ людей, сохранившихъ свободу личности и право перехода, оставаться въ положеніи зависимости, мы включили въ наше изложеніе I-ой главы. Результаты разбора второго — о *зависимыхъ шляхтичахъ* передадимъ вкратцѣ здѣсь. Авторъ находитъ, что тѣ-же причины, которыя повліяли на судьбу дѣдичей, обращавшихся въ зависимыхъ людей, оказали вліяніе и на судьбу *шляхтичей*. Многія лица этого послѣдняго класса, будучи стѣснены въ своихъ малыхъ помѣстьяхъ, принуждены были искать хлѣба на сторонѣ и стали въ ряды зависимыхъ людей. Они не могли перейти въ положеніе цензуаловъ, но образовали особый классъ зависимой шляхты. Какъ видно изъ Косьмы Пражскаго, таковая существовала уже въ XI вѣкѣ. Въ это время у пановъ были уже свои отряды изъ этихъ шляхтичей. То-же видимъ и въ извѣстіяхъ XII в. Такихъ зависимыхъ шляхтичей имѣлъ при себѣ не только епископъ, но даже и государи (въ XIII в.). Эти факты даютъ возможность рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ употреблялось въ источникахъ XII в. слово *жупанъ* (comes). Оказывается, что это слово примѣнялось къ тѣмъ, у кого была вооруженная свита, отрядъ зависимыхъ шляхтичей. Для обозначенія послѣднихъ въ источникахъ XII и XIII в. употребляется цѣлый рядъ терминовъ (которые здѣсь приводятся).

Далѣе авторъ характеризуетъ матеріальное положеніе зависимыхъ шляхтичей: за свою службу они получали села и землю во владѣніе, но это было въ большинствѣ случаевъ лишь пользование, и лишь изрѣдка на правахъ собственности. Владѣніе обуславливалось обыкновенно самою службою патрону и его наслѣдникамъ. Съ прекращеніемъ службы утрачивалось и право на владѣніе. По этому поводу авторъ даетъ весьма правдоподобное объясненіе одной грамоты 1197 года въ смыслѣ высказаннаго имъ взгляда. Шляхтичи, пользуясь доходами съ земель, имъ предоставляемыхъ, обязаны были исправно нести военную службу; но въ случаѣ отдаленныхъ, заграничныхъ походовъ, имъ не хватало средствъ, и они получали еще денежное вспомошествованіе. На этомъ основаніи можно думать, что связь между зависимой шляхтой и панами была личнаго характера; ихъ право на владѣніе землей прекращалось, если патронъ умиралъ, или имѣніе переходило въ другія руки. Нужда заставляла многихъ представителей земской шляхты итти въ этотъ классъ, а въ странѣ постепенно создавался «классъ лицъ, услугами которыхъ не замедлили воспользоваться въ своихъ интересахъ богатые землевладѣльцы». Этимъ авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе, и въ заключеніе повторяетъ, «подводя ему итоги», уже извѣстный намъ свой выводъ о «самобытномъ развитіи общественнаго и государственнаго строя въ Чехіи въ теченіе земскаго періода» и о томъ, что переходъ къ новому «обуславливался не вліяніемъ нѣмецкаго права, а нуждами и потребностями, самостоятельно возникшими и созрѣвшими въ нѣдрахъ чешскаго государства».

Оцѣнивая отдѣльныя главы работы г. Ясинскаго, мы до сихъ поръ приходили къ одному и тому-же заключенію, что его собственныя изысканія и положенія не могутъ оправдать его только-что приведенной общей мысли или вывода. Намъ остается еще установить, нѣтъ ли вѣскихъ и убѣдительныхъ въ ея пользу данныхъ и доводовъ въ разобранной (V-ой) главѣ — о власти государя и положеніи знати.

Выше, по поводу изслѣдованія автора о зависимыхъ людяхъ и образованіи классовъ населенія, мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на процессъ постепеннаго соціального преобразования и измѣненія общественно-политическихъ формъ, обусловливающихъ ростъ и развитіе государственнаго организма: что именно опредѣляющимъ и рѣшающимъ въ немъ моментомъ являются не естественно и самостоятельно возникающія въ народной массѣ потребности, нужды и интересы, какъ это представляеть себѣ г. Ясинскій, а главнымъ образомъ та реальная, дѣятельная и власть имѣющая сила, располагающая и правомъ и моральнымъ авторитетомъ, которая воплощается въ особѣ главы государства (или племенного союза) и въ примыкающемъ къ нему высшемъ слоѣ народа,—что, однимъ словомъ, толчекъ и направленіе въ этомъ процессѣ дается не снизу, а сверху... Въ послѣдней главѣ своей книги нашъ авторъ весьма ясно и отчетливо охарактеризовалъ неослабѣвающую въ XI—XII в. власть и силу государей чешскихъ, ихъ неограниченный авторитетъ и инициативу во всѣхъ сферахъ внутренней и внѣшней жизни, а этимъ онъ, разумѣется, только утверждаетъ насъ въ нашемъ воззрѣніи. Не болѣе говорятъ въ пользу правильности его точки зрѣнія и другія разобранныя имъ въ этой главѣ явленія. Объ иммунитетахъ мы уже высказались выше. Что же касается постепеннаго усиленія знати, приобрѣтенія ею привилегій и сложения въ особое сословіе, стремящееся къ ограниченію въ свою пользу власти государя, то и къ этому процессу мало примѣнимы понятія самобытности и органическаго развитія. Во-первыхъ, онъ въ началѣ обусловливается преимущественно нуждами и интересами самой высшей власти, а затѣмъ всей внутренней политикой государей, во-вторыхъ, онъ происходитъ несомнѣнно подъ рано начавшимся вліяніемъ идей и культурно-историческаго міровоззрѣнія сосѣдняго германскаго и вообще западно-европейскаго міра, гдѣ раздѣленіе общества на классы и обособленіе высшей шляхты или знати въ привилегированное сословіе, призванное дѣлить власть съ государемъ и совмѣстно управлять и

опекать нисшіе классы, т. е. народъ, — было типичнымъ и характернѣйшимъ признакомъ его соціального строя.

Итакъ, всѣ разобранные г. Ясинскимъ моменты и факторы въ преобразованіи общественнаго и государственнаго строя, или, иначе говоря, въ «паденіи земскаго строя», были обусловлены не столько дѣйствительными потребностями и интересами жизни самого народа, сколько стремленіями и тенденціями высшей власти и ея пособниковъ, а также силою внѣшнихъ культурныхъ и политическихъ вліяній, а потому они, по крайнему нашему разумѣнію, бессильны для обоснованія теоріи о самобытномъ и органическомъ развитіи... Но мы не разъ уже указывали, что авторъ почему-то ограничилъ произвольно свой кругозоръ и почти оставилъ въ сторонѣ не разобранными и не оцѣненными именно тѣ элементы и факторы въ занимающемъ насъ процессѣ, которые преимущественно заключали въ себѣ столь умаляемую имъ силу внѣшнихъ чужеземныхъ вліяній. Между тѣмъ, разъ онъ хотя «до извѣстной степени» допускаетъ такіа вліянія, ему обязательно слѣдовало обратить равномѣрно вліяніе и на то, въ чемъ наиболѣе сказывалось и что наиболѣе служило проводникомъ этихъ культурныхъ и соціальныхъ воздѣйствій и теченій со стороны того культурнаго міра, къ которому Чехія такъ тѣсно примкнула.

Мы разумѣемъ тутъ весьма рано начавшуюся нѣмецкую колонизацію, могущественныя въ общественной и народной жизни торговыя отношенія и связи съ чужеземцами, открывшія путь нѣмецкому праву въ Чехію, затѣмъ въ особенности — римскую церковь съ ея строемъ, установленіями и совершенно обособленнымъ классомъ ея служителей — духовенствомъ, наконецъ связанную съ ней латино-нѣмецкую образованность и литературу, которыя не могли не быть также могучими проводниками западно-европейскихъ идей, понятій нравовъ и вообще культуры. Съ обращеніемъ къ Римской церкви, съ развитіемъ разнородныхъ сношеній съ сосѣдями, со вступленія Чехіи такъ сказать въ политическое русло западной Имперіи — всѣ эти явленія и факторы

стали развиваться и укореняться, получая вмѣстѣ съ тѣмъ поддержку со стороны верховной власти.

Если государи, какъ мы видѣли, нуждались въ сильномъ войскѣ для обороны страны и для выполнения своихъ обязательствъ передъ Имперіей и, руководствуясь примѣромъ запада, создали классъ людей обязанныхъ военною повинностью, чѣмъ способствовали образованію шляхты; если они для личной своей безопасности и ради внѣшняго престижа и блеска окружили себя придворными должностными лицами, которыми затѣмъ стали пользоваться для цѣлей централизационныхъ, для изытія извѣстныхъ вѣдомствъ и цѣлыхъ территорій (иммунитетныхъ) изъ-подъ областной юрисдикціи; если они рядомъ мѣропріятій (особенно привилегіями) старались подорвать власть областныхъ правителей, и тѣмъ способствовали разложенію областной или градской организаціи, — то точно такъ-же они же, ради своихъ интересовъ (укрѣпленія власти и увеличенія средствъ), стали поощрять нѣмецкую колонизацію, и рядомъ съ тѣмъ чужеземную торговлю и промышленность, а позже созданіе новаго мѣщанскаго сословія въ городахъ на нѣмецкомъ (или выработанномъ на нѣмецкой основѣ) правѣ; наконецъ, точно такъ же имъ, чешскимъ государямъ, обязана въ значительной степени своей ролью, вліяніемъ и силою *католическая церковь* съ ея могущественными представителями и учрежденіями (монастырями, потомъ духовными орденами и т. д.). Тутъ служили у нихъ побужденіемъ во-первыхъ сильно развитое религиозное чувство и усердіе, заставлявшее ихъ одарять церкви и монастыри, въ чемъ ихъ примѣру слѣдовали и частныя лица изъ шляхты и крупныхъ землевладѣльцевъ, а потомъ и мелкіе; земли отдавались во «спасеніе души» владѣльцевъ-патроновъ и ихъ потомства и назывались (какъ и люди, отдаваемые на тѣхъ же основаніяхъ) «задушными». А во-вторыхъ къ тому-же побуждалъ ихъ и собственный интересъ главныхъ собственниковъ и наслѣдниковъ (по выморочному праву) всѣхъ такихъ церковныхъ владѣній: государь при такихъ дареніяхъ сохранялъ свои верховныя права собственности и распо-

ряженія надъ церковными землями, которыя даже числились въ вѣдѣніи королевской казны, хотя управление ими было мало-помалу предоставлено церковнымъ корпораціямъ. Такимъ путемъ неизмѣримыя земельныя территоріи попали въ руки церкви и духовенства. Хотя до XIII в. верховныя права государя на церковныя имущества и не подвергались сомнѣнію, и уступки дѣлались лишь въ дѣлѣ управления ими, но уже въ XII в. замѣтна нѣкоторая перемѣна въ отношенія къ этому предмету государя и правительственной власти, ибо съ одной стороны государственную казну и страну истощаетъ такая щедрая передача земель во владѣніе церкви и духовенства, а съ другой стороны становится явнымъ стремленіе римской куріи всячески прибрать къ рукамъ эти богатства и ихъ эксплуатировать. Но положеніе уже вполне обостряется въ XIII в., когда въ Римской церкви начинается великое движеніе, и римская курія начинаетъ усиленно вторгаться во внутреннія церковныя дѣла и традиціонныя отношенія. Навязываются реформы (какъ безбрачіе), и постепенно нарушаются права патроновъ церковныхъ земель, и прежде всего самого государя. Налагаемые папой десятины скоро обращаются въ постоянную правильную дань, а имущества монастырей и другихъ корпорацій объявляются имуществомъ церкви, т. е. Рима и объектомъ его обложеній. Разумѣется, государя не могутъ сразу сойти съ своей точки зрѣнія на церковныя имущества и поступиться своими правами. Но въ концѣ концовъ они вынуждены уступать въ этой борьбѣ. Подъ вліяніемъ папской куріи развиваются и церковныя привилегіи. Притязанія церковныхъ корпорацій въ этомъ отношеніи энергически поддерживаются Римомъ, и этимъ объясняется широкая и щедрая раздача иммунитетныхъ правъ, освобождающихъ населеніе епископскихъ и монастырскихъ земель отъ юрисдикціи областной и земской. Государя нехотя уступаютъ притязаніямъ Рима, но дѣло не обходится безъ борьбы. Нечего и говорить, какую важную и существенную роль должна была играть при такихъ условіяхъ римская церковь съ ея строемъ и правами въ развитіи социальныхъ

отношеній и государственности въ Чехіи. Очень жаль, что г. Ясинскій не посвятилъ этому вопросу особеннаго разслѣдованія, какъ это сдѣлалъ г. Липпертъ въ своемъ новомъ трудѣ, отведя «соціальному вліянію христіанско-церковныхъ организацій» цѣлую половину II-го тома¹⁾. Но вліяніе церкви не исчерпывается сказаннымъ²⁾. Мы уже упоминали, что она же съ ея духовной литературой и латинствомъ — проводникъ западно-европейской образованности и культуры, а вмѣстѣ и германизациі, тѣмъ болѣе, что нѣмецкій элементъ былъ очень сильно представленъ въ высшемъ духовенствѣ тѣхъ раннихъ вѣковъ. Нашъ авторъ повидимому придаетъ слишкомъ мало вѣса и значенія такимъ культурнымъ вліяніямъ въ сферѣ общественнаго и государственнаго развитія. Но, говоря о важномъ и существенномъ вліяніи германскаго міра и нѣмецкой національности въ соціально-государственномъ развитіи Чехіи, и въ частности въ процессѣ «паденія земскаго строя», ни мы, ни другіе отнюдь не думаемъ непременно о прямыхъ заимствованіяхъ и пересадкѣ на чешскую почву нѣмецкихъ учреждений и правовыхъ формъ. Тутъ разумѣются по преимуществу вліянія совсѣмъ иного порядка, гораздо болѣе тонкія и неуловимыя, которыя воспринимаются безсознательно и незамѣтно. Вліяли духъ и характеръ жизни и учреждений, міровоззрѣніе, понятія, вкусы, проникавшіе въ общественную и частную жизнь Чеховъ изъ сосѣдняго нѣмецкаго міра. Постоянныя многообразныя сношенія съ Германскою имперіей, сожителство съ нѣмцами — и пограничными, и колонизирующими края и города Чехіи — не могли не отражаться на складѣ понятій и привычекъ чешскаго общества (особенно придворныхъ сферъ и высшего класса), направляли ихъ вкусы и симпатіи въ извѣстную сторону, и такимъ путемъ, при особенно усердномъ содѣйствіи церкви,

---

1) Lippert, Social-Geschichte Böhmens. II. 1. Der sociale Einfluss der christlich-kirchlichen Organisationen, стр. 1—124.

2) Не забудемъ, напр., сильное поощреніе церковью (монастырями) нѣмецкой колонизациі, а также стремленіе церкви приготовить себѣ союзниковъ въ знати, усиленіе которой на счетъ власти государя было въ ея интересахъ.

духовенства, а также литературы, прививались обществу собственно чуждые славянской жизни и характеру социальныя понятія, принципы и взгляды на государственныя и церковныя отношенія. А между тѣмъ эти принципы и понятія опредѣляли то направленіе, въ которомъ по инициативѣ государя — сперва подъ вліяніемъ его нуждъ и стремленій и въ интересахъ его власти, а въ концѣ концовъ въ ущербъ его самодержавію и независимости — совершалось пересозданіе стараго земскаго строя въ сословно-привилегированное государственное устройство западнаго типа¹⁾.

Но не соглашаясь рѣшительно съ общимъ выводомъ автора относительно самобытности развитія чешскаго государства и признавая въ немъ большое увлеченіе въ смыслѣ полного отрицанія общепринятаго взгляда, а въ основѣ его нѣкоторыя заблужденія, мы тѣмъ не менѣе, какъ это могъ видѣть читатель, готовы признать за нимъ большую заслугу въ разъясненія и оцѣнкѣ сложныхъ и неясныхъ, благодаря скудости источниковъ, явленій и моментовъ внутренней социальной исторіи Чехіи.

Намъ остается теперь подвести общій итогъ нашему разбору, формулировать по возможности кратко какъ главные недостатки и пробѣлы, такъ и положительныя стороны и достоинства интересной работы г. Ясинскаго.

Увлечшись чрезвычайно интересной, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне широкой и сложной темой, г. Ясинскій задумалъ объять и осялеть ее въ сравнительно небольшомъ разсужденіи. Послед-

---

1) Такое вполне естественное и неотвратимое культурное вліяніе нѣмецкаго міра, въ сферу котораго былъ втянутъ молодой, только-что принявшій христіанское просвѣщеніе и мало культурный славянской народъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду и Палацкій и другіе чешскіе историки. Если они, быть можетъ, нѣсколько увлекались, приписывая слишкомъ многое прямымъ заимствованіямъ и пересадкѣ нѣмецкихъ порядковъ, то не менѣе увлекся и г. Ясинскій въ сторону отрицанія всякихъ вліяній. На вполне правильной точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о культурныхъ вліяніяхъ въ правѣ и въ государственной жизни стоять, на нашъ взглядъ, Ѡ. Ѡ. Зигель въ статьѣ «Palacký jakožto historik slovanského práva» въ «Památník» юбилея Палацкаго, v Praze 1898, 499—517.

ствіемъ этой коренной ошибки явилось несоотвѣтствіе нѣсколько узкой постановки вопроса и ограниченности рамокъ изслѣдованія съ этой шириною и сложностью темы, и благодаря тому одно-стороннее ея трактованіе. Въ результатѣ получился и общій выводъ, вызывающій большія сомнѣнія и производящій впечатлѣніе скороспѣлости и нѣкоторой даже тенденціозности... Отчасти автору мѣшало углубиться во многіе частныя, особенно правовыя вопросы недостатковъ спеціально-юридической подготовки, важной для ихъ основательнаго рѣшенія. При всей научности метода автора въ работѣ надъ первыми источниками и въ пользованіи ими, нельзя не отмѣтить у него иногда излишней смѣлости въ обобщеніяхъ. Онъ склоненъ обобщать единичные случаи и факты, особенно когда они говорятъ въ пользу его мысли, не принимая въ расчетъ, что матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ, отличается и скудостью и отрывочностью извѣстій, и трудно положиться на то, чтобъ онъ былъ надлежащимъ образомъ исчерпанъ по каждому вопросу. А между тѣмъ дѣло идетъ часто о вопросахъ темныхъ и спорныхъ, гдѣ возможно дѣлать много предположеній и гаданій, но гдѣ особенно нужна осторожность. Это очевидно чувствовалъ и самъ авторъ, обставляя очень ужъ часто свои выводы и положенія такими выраженіями, какъ «кажется», «повидимому», «вѣроятно»¹⁾, и тѣмъ выражая собственную въ нихъ неувѣренность. Здѣсь же считаемъ нужнымъ упрекнуть автора въ недостаточномъ примѣненіи сравнительнаго метода изслѣдованія, что связано съ вообще не довольно у него широкой постановкой вопроса, тогда какъ тема представляла благодарное поле для такихъ сравнительныхъ наблюденій и сопоставленій какъ въ области вопросовъ славянскихъ древностей и исторіи, такъ и въ области культурныхъ вліяній запада и нѣмецкой народности на славянскія племена вообще. Довольно существеннымъ недостаткомъ изслѣдованія о «паденіи земскаго строя» должны быть признаны отмѣченныя нами не разъ значи-

---

1) См. стр. 37, 38, 43, 51, 53, 56, 72, 74, 81, 87, 97, 102, 112, 115 и т. д.

тельная неопредѣленность и неотчетливость понятій представлений въ разсужденіяхъ автора, касающихся порядковъ и особенностей земскаго строя. Это есть слѣдствіе того, что онъ упустилъ случай отдать и себѣ и другимъ отчетъ въ главномъ предметѣ своего изслѣдованія и охарактеризовать его, т. е. земскій строй ясными и опредѣленными чертами. Произвольно суженныя рамки изслѣдованія и увлеченіе въ сторону извѣстнаго убѣжденія заставили нашего автора, какъ мы видѣли, пренебречь оцѣнкой нѣсколькихъ существенныхъ факторовъ въ процессѣ общественнаго и государственнаго развитія Чехіи, чѣмъ онъ и заслужилъ упрекъ въ односторонности. Такіе важные элементы и двигатели въ соціальной жизни, какъ нѣмецкая колонизація и торговыя связи въ сопутствіи нѣмецкихъ правовыхъ началъ съ одной стороны, и римская церковь съ ея организаціей, культурными и просвѣтительными началами съ другой остались на заднемъ планѣ, неоцѣненными. Объ усиленной нѣмецкой колонизаціи съ XIII в., устройствѣ городовъ на нѣмецкомъ правѣ, о созданіи новаго мѣщанскаго сословія г. Ясинскій не говоритъ совсѣмъ, считая все это лежащимъ внѣ предѣловъ занимающаго его «земскаго» періода, но едва-ли онъ правъ и въ этомъ. Ограничивъ слишкомъ строго свое изслѣдованіе этимъ періодомъ, онъ обнаружилъ свою зависимость отъ предшественниковъ, которыхъ онъ опровергаетъ¹⁾, и поступилъ несообразно съ требованіями своей темы, ибо чтобъ имѣть возможность правильно и авторитетно судить о такомъ явленіи, какъ чужеземныя вліянія, и отрицать его силу,—надо его опредѣлить и выяснить тамъ, т. е. въ ту эпоху, когда оно вполне ощутительно, и доказать, что оно было слишкомъ ничтожно или его совсѣмъ не было ранѣе; но г. Ясинскій этого

1) Эту коренную ошибку автора вѣрно отмѣтилъ г. Н. Ястребовъ, удѣляя нѣсколько замѣчаній труду г. Ясинскаго въ своей рецензіи на книгу (I томъ) г. Липперта въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. СССХ, 1897, № 4, стр. 491—513, и выразившись такъ (см. стр. 511): «...Принятая отъ противниковъ схема чешской исторіи связала изслѣдованіе г. Ясинскаго уже въ томъ отношеніи, что не позволила ему прослѣдить развивающіеся ряды общественныхъ явленій до ихъ завершения».

не сдѣлалъ: онъ остановился въ своемъ изысканіи на томъ моментѣ, когда оспариваемыя имъ для «земскаго періода» германскія вліянія стали сказываться уже вполнѣ осязательными фактами. Говоря о пробѣлахъ въ исполненіи задачи авторомъ, не можемъ умолчать здѣсь еще объ одномъ элементѣ государственнаго развитія Чехіи, оставленномъ тоже безъ надлежащаго вниманія, о чемъ мы не имѣли случая сказать ранѣе. Мы разумѣемъ вопросъ о чешскихъ «сеймахъ» въ земскій періодъ. Признавая очевидно ихъ существованіе, авторъ къ сожалѣнію не счелъ нужнымъ удѣлить имъ нѣсколько болѣе вниманія въ главѣ о власти государя и о положеніи знати.

Но всѣ эти указанные нами недостатки и пробѣлы въ разобранномъ нами сочиненіи, при всей серіозности нѣкоторыхъ изъ нихъ, не могутъ затмить его свѣтлыхъ, положительныхъ сторонъ, его крупныхъ достоинствъ и отнять у него несомнѣнно значительную научную цѣнность. Мы уже выше, въ началѣ разбора, охарактеризовали вкратцѣ эти достоинства. Мы должны здѣсь вкратцѣ подтвердить и дополнить сказанное.

Работа г. Ясинскаго въ полной мѣрѣ самостоятельна и по замыслу, и по исполненію. Она основана на тщательномъ изученіи источниковъ, и эти источники, равно какъ и литература предмета исчерпаны, насколько авторъ, по обстоятельствамъ своимъ, могъ имѣть къ нимъ доступъ. Добросовѣстное отношеніе его къ своему матеріалу внѣ сомнѣнія. Изложеніе — систематическое и строго научное.

Основная мысль г. Ясинскаго, достаточно уже нами оцѣненная, представляетъ во всякомъ случаѣ новый и своеобразный взглядъ на исторію внутренняго соціального и государственнаго развитія Чехіи ранняго (земскаго) періода. Если этотъ взглядъ и оказывается слишкомъ далеко идущимъ въ отрицаніи преобладающихъ воззрѣній и вдающимся въ противоположную крайность черезчуръ абсолютнымъ и исключительнымъ рѣшеніемъ вопроса въ извѣстномъ смыслѣ, то все-же онъ несомнѣнно плодотворенъ, давая этому интереснѣйшему вопросу новую постановку и новое освѣщеніе.

Нашъ авторъ послѣ Палацкаго, Томка и другихъ чешскихъ авторитетовъ въ новѣйшее время впервые внимательно и глубже заглянулъ въ сложный процессъ внутренняго историческаго развитія чешскаго государства и сдѣлалъ попытку уразумѣть тѣ внутреннія причины, тѣ обстоятельства, отношенія и потребности, которыя обусловили то, а не иное развитіе чешскаго государственнаго строя въ XIII в., иначе говоря «историческую необходимость» постепеннаго превращенія «земскаго строя» въ «сословно-привилегированный»,—и въ этомъ его неоспоримая заслуга. Если онъ увлекся въ своемъ конечномъ выводѣ объ органическомъ и самобытномъ социальномъ развитіи Чехіи и въ своемъ слишкомъ рѣшительномъ отрицаніи того, чего отрицать невозможно, то это однако-жъ не мѣшаетъ намъ признать за его книгой значеніе труда, двигающаго науку впередъ по правильному въ своей основѣ пути. Цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ обследованъ въ его книгѣ по первоисточникамъ и въ этихъ интересныхъ этюдахъ читатель находитъ множество новыхъ наблюденій, вѣскихъ замѣчаній и соображеній. Если многое въ нихъ остается еще спорнымъ и не довольно убѣдительнымъ, а иное слишкомъ мало обоснованнымъ, то все-же въ общемъ они расчищаютъ и прокладываютъ путь будущимъ изслѣдователямъ, которымъ придется — и послѣ капитальнаго труда г. Липперта—считаться съ толкованіями и мнѣніями г. Ясинскаго.

Признавая въ виду всего сказаннаго сочиненіе А. Н. Ясинскаго «Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ» (X—XIII вв.), представленное имъ на соисканіе премій проф. А. А. Котляревскаго, «въ значительной степени отличающимся учеными достоинствами» и вполнѣ заслуживающимъ поощренія, я, на основаніи «Правилъ» о нихъ, счелъ бы справедливымъ присужденіе автору за названное сочиненіе половинной преміи.

Профессоръ Константинъ Гротъ.

11 августа 1898 г.

III

Отзывъ о сочиненіи О. Пр. Тим. Дим. Флоринскаго «Лекціи по славянскому языкознанію. Часть II. Сѣверозападные славянскіе языки [чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, серболужицкій и полабскій (вымершій)]. С.-Петербургъ и Кіевъ 1897».

Представленное на соисканіе премій Котляревскаго сочиненіе профессора Флоринскаго, будучи продолженіемъ представленнаго имъ ранѣе на Ломоносовскую премію и упомянутаго ею въ половинномъ размѣрѣ труда, написано по тому же плану, какъ I-ая часть, и въ общемъ отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками ¹⁾.

Отъ обычнаго порядка изложенія авторъ отступаетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ тѣмъ, что не отводитъ особой главы для діалектологій: это мы видимъ въ отдѣлѣ полабскаго языка (гдѣ, конечно, нечего и толковать о какихъ-либо говорахъ), а также и въ серболужицкомъ; въ кашубскомъ отдѣлѣ есть небольшая глава о говорахъ (стр. 559—560), но не на томъ мѣстѣ, да и въ лужицкомъ упоминается о говорахъ на стр. 585. Съ другой стороны мы въ настоящемъ томѣ находимъ нѣкоторое распространеніе первоначальнаго плана, а именно краткіе образцы

---

¹⁾ См. мой разборъ этой I-ой части въ Отчетѣ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 году (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. LXVI).

разсматриваемыхъ языковъ и нарѣчій. (Не приводится лишь образцовъ языка полабскаго). Такое дополненіе можно считать не особенно удачнымъ: оно въ грамматикѣ не совсѣмъ умѣстно, а, по краткости приводимыхъ извлеченій, все-равно не замѣнить христоматіи.

Авторъ въ подлежащей намъ 2-ой части своихъ лекцій, еще болѣе объемистой нежели 1-ая, посвящаетъ сѣверозападному отдѣлу славянскихъ языковъ 703 страницы, причемъ отводитъ 219 страницъ чешской рѣчи, 125—словацкой, 203—польской, 35—кашубской, 103—серболужицкой и 14—полабской, послѣ чего слѣдуютъ 2 страницы Дополненій и поправокъ и 1½ страницы Опечатокъ.

Рецензентъ употребилъ здѣсь слово «рѣчь», вмѣсто стоящаго въ заголовкахъ разбираемой книги слова «языкъ», такъ какъ остается при убѣжденіи (высказанномъ въ первомъ разборѣ, стр. 4), что словацкій «языкъ» есть *нарѣчіе* словацко-чешскаго языка, кашубскій — *нарѣчіе* польскаго (или, точнѣе, кашубско-польскаго). Довольно подробныя (нѣсколько притомъ многословныя) разсужденія, коими теперь Ф. (стр. 232—239) старается доказать отдѣльность словацкой рѣчи отъ чешской, для меня нисколько не убѣдительны; да и самъ онъ высказываетъ на этотъ счетъ сомнѣніе, говоря, что «вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ данный (т. е. словацкій) языкъ въ семьѣ прочихъ славянскихъ языковъ, остается открытымъ» (стр. 221, 8—9) и что «окончательное рѣшеніе вопроса (о мѣстѣ словацкой рѣчи) въ ту, или другую сторону, конечно, впереди» (стр. 239, сер.); осторожно онъ выразился объ этомъ спорѣ и въ чешскомъ отдѣлѣ (35, 3—8), гдѣ мы читаемъ: «общераспространенное мнѣніе о существованіи такого тѣснаго родства между этими двумя языками (чешскимъ и словацкимъ), которое будто бы даетъ основаніе соединять ихъ уже въ историческую пору въ одну группу чешско-словенскую и позволяетъ разсматривать словацкій языкъ какъ нарѣчіе чешскаго языка, *едвали можно считать безусловно правильнымъ*». Продолжаю настаивать на томъ, что словацкая

рѣчь несомнѣнно ближе къ чешской, чѣмъ польская или серболужицкая, и что довольно многочисленныя особенности ея (перечисленныя у Ф-го на стр. 236, въ 16 пунктахъ) всѣ могутъ быть возведены, обыкновенно даже безъ дальнихъ справокъ, къ полному словацко-чешскому единству: такъ словацкія *duša*, -и, при чешскихъ *duše*, -i, предполагаютъ словацко-чешскія *duša*, -и, слов. *može*, при чеш. *može*—слов.-чеш. *može*. Таковы и нѣкоторыя звуковыя черты, коими можно бы дополнить упомянутый перечень, а именно *ie* на мѣстѣ долгаго *e* (*chlieb* при чеш. *chléb*, стр. 254), *ia* при чеш. *á* (*čiağa*, чеш. *čáğa*, 253), *ú* при чеш. *ou* (словац. и старочеш. *súd* при новочеш. *soud*), появленіе въ двухъ-трехъ словахъ предлога *gaz* вм. *roz*, напр. *gázcesty* распутье. Затрудняюсь я нѣсколько только проясненіемъ *ъ* не въ одно *e*, но и въ *o*, напр. *lož* при чеш. *lež*; однако такое же соотношеніе между верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ (влуж. *gož*, нижнелуж. *gež*), соединенное въ добавокъ съ замѣною *л* черезъ *ja*, тогда какъ у нижнихъ лужичанъ *ě*: тутъ *jazyk*, *hrjada*, тамъ—*jězyk*, *grěda* (стр. 602, 11—7 снизу), не побуждаетъ Флоринскаго говорить объ отдѣльныхъ лужицкихъ языкахъ. Не прибѣгаетъ онъ также, изъ-за постояннаго *e* вм. *ъ* въ западнословацкой рѣчи (335, пунктъ 1), къ обособленію ея отъ восточной. Затрудняюсь еще, дѣйствительно весьма нерѣдкимъ, разногласіемъ между чехами и словаками относительно количества гласныхъ, однако не сомнѣваюсь, что и оно можетъ быть сведено къ древнему тождеству. За единство чешской и словацкой рѣчи говорить также отиѣчаемое самимъ Ф-мъ (212, прим.) обстоятельство, что авторъ Моравской діалектологіи, Бартошъ, нѣкоторые говоры относилъ сначала къ чешскому языку, а потомъ отнесъ къ словацкому—видно провести здѣсь границу трудно, или прямо невозможно. Что касается кашубской рѣчи, то доводы Рамулта (*Stefan Ramułt, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie 1893*) о ея отдѣльности отъ польскаго языка, убѣдившіе Ф-го, мнѣ представляются слабыми; Бодуэнъ же де-Куртена, на коего онъ также ссылается, въ статьѣ «Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ»

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897, апрѣль и май), вовсе не слегка исправляетъ взгляды Рамулга, а полемизуетъ съ нимъ: признавая, вслѣдъ за Бодуэномъ, что «степень родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ болѣе или менѣе такова, какъ степень родства говоровъ верхнелужицкихъ и нижнелужицкихъ» (553, 6—8), Ф., выставляющій серболужицкій языкъ съ нарѣчіями верхнимъ и нижнимъ, долженъ бы говорить о кашубско-польскомъ языкѣ съ нарѣчіями собственно-польскимъ и кашубскимъ, причемъ разновидности собственно-польскаго языка, называемыя имъ теперь нарѣчіями, надо бы назвать говорами. Впрочемъ Ф. на той же страницѣ, гдѣ сначала вполне одобрилъ «точку зрѣнія Рамулга съ... поправками проф. Бодуэнаде-Куртена», сворачиваетъ въ сторону, говоря, «что ссылки на параллели между великорусскою и малорусскою рѣчью или верхнелужицкимъ и нижнелужицкимъ нарѣчіемъ едвали сюда подходятъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвращается къ самостоятельности словацкаго «языка» и съ его отношеніемъ къ чешскому сопоставляетъ отношеніе кашубскаго къ польскому (сопоставленіе правильное—невѣренъ лишь выводъ изъ него). Въ противоположность Ф-му я нахожу, что указанныя параллели безукоризненны: какъ рѣчи великорусская и малорусская очевидно представляютъ значительно обособившіяся части нѣкогда единаго русскаго языка, верхнелужицкій и нижнелужицкій—единаго серболужицкаго, что можно утверждать на основаніи многочисленныхъ общихъ признаковъ, противопологающихъ ихъ другимъ славянскимъ языкамъ, такъ и рѣчи польская съ кашубскою, а также, по сказанному выше, чешская со словацкою, свидѣлствуютъ о существованіи нѣкогда единыхъ языковъ. На мой взглядъ даже и Бодуэнъ, сведшій характерныя особенности кашубскою рѣчи къ тремъ только признакамъ, въ добавокъ обставленнымъ оговорками (Ж. М. Н. Пр., 1897, май, стр. 101), еще нѣсколько преувеличиваетъ ея самостоятельность: вѣдъ твердые свистящіе вмѣсто мягкихъ и шепелеватыхъ—напр. *dzeń, dac, zemja, sano*, при польскихъ *dzień, dać, ziemia, siano*,—какъ они ни своеобразны (Ф. говоритъ, что

«они весьма характерны и особенно выдѣляютъ кашубскій языкъ въ ряду другихъ славянскихъ языковъ», 569, 7—6), вмѣстѣ съ ними восходятъ къ кашубско-польскимъ мягкимъ, но чисто-зубнымъ *dz*, *ć*, *ź* и *ś*; вѣдь какое-нибудь *taǰaŋɔs* при польскомъ *taǰzaŋɔs* (содержащее по Ф-му черту, которая рѣзко отдѣляетъ кашубскіе говоры отъ польскихъ, 567—8) можно объяснять изъ кашубско-польскаго спряженія *taǰzaŋɔś-tǰǰźneŝ*, предполагая у поляковъ проведеніе созвучія *taǰ* по всему глаголу, а у кашубовъ—сдѣлку между *taǰ* и *tǰǰ*. Остается одинъ только признакъ: *ag* вм. *go*, напр. *χaǰt* какое-то растеніе = польск. *chróst*, рус. хворостъ ¹⁾. Правда, Бодуэнъ могъ бы прибавить и четвертую характерную черту—смягченіе *d* не въ *dz*, а въ простое *z* (Бод., въ ук. м., 90): *cezi* при польскомъ *ciŋzi*, и даже пятую—такое же смягченіе *g*: *poze* при *podze*, въ каковыхъ случаяхъ однако слѣдуетъ видѣть позднѣйшее упрощеніе созвучія *dz*, т. к. это созвучіе должно признать древнимъ, свойственнымъ единой сѣверо-западной славянщинѣ ²⁾. Вообще, если не считать загадочнаго *ag*, нѣтъ ни одной черты въ кашубской рѣчи, которая не возводилась бы съ полнымъ удобствомъ къ древнепольскому языку. Я увѣренъ, что это стало бы ясно и самому Ф-му, если бы онъ, какъ дѣлаетъ Бодуэнъ, постоянно сопоставлялъ кашубскія слова съ польскими; даже и теперь онъ иногда отмѣчаетъ между ними черты поразительной близости: сходство кашубскихъ юсовъ съ силезкими (563 вн.), сходство замѣнъ *ǰ* (565, п. 5), сходство относительно разширенія *e* въ *ě* (566, п. 12). Приведу здѣсь еще слова Бодуэна (Ж. М. 1897, май, 84, 4—6), что «точь въ точь такія же измѣненія, какія г. Рамултъ» (а вслѣдъ за нимъ Ф.) «считаетъ исключительнымъ признакомъ кашубской рѣчи, въ противоположность польской, попадаютъ тамъ и сямъ въ польской области» и укажу, какъ примѣръ этого, зебржидовскій

1) На счетъ *a* вм. *o* срв. соображенія Бодуэна, стр. 120—21.

2) Срв. у самого Ф-го: «серболужицкое *z*» (въ *siŋzi*), «вѣроятно, образовалось изъ болѣе древняго *dz*, которое представляютъ польскій и словацкій языки», 619, 5—8. Также 623, сер. и 11—10.

(близъ Кракова) выговоръ v^objna при кашубскомъ всеjna (се звучитъ вродѣ ce). Затѣмъ Считаю нужнымъ опротестовать ближайшее родство кашубскаго «языка» съ полабскимъ (690, 14—13), хотя, конечно, не отрицаю близость послѣдняго къ кашубскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ польскому; замѣчу притомъ, что Ф. здѣсь слѣдуетъ одному Гильфердингу, а не Гильфердингу и Шлейхеру: послѣдній только говоритъ, что кашубская рѣчь, а въ иныхъ отношеніяхъ и западно-польскія нарѣчія, повидимому, образуютъ переходъ отъ польскаго къ полабскому (Laut-und Formenlehre der Polabischen Sprache, S. 17, 21—24).

Выразивъ несочувствіе отдѣленію кашубской рѣчи отъ польской, я долженъ здѣсь же выразить одобреніе тому, что верхнее и нижнее нарѣчіе лужицкаго языка разсматриваются совмѣстно¹⁾. Однако употребляемые притомъ приемы мнѣ не вполне нравятся. Постоянное повтореніе буквъ В. Л. и Н. Л. пестритъ и печать, и рѣчь: лучше бы было говорить не обозначая этого особо, о верхнелужицкомъ нарѣчіи, оговаривая, гдѣ нужно, нижнелужицкія особенности: напр. běh (нл. bĕg), hić идти (нл. hys); Ф. же и постояннаго порядка не установилъ, такъ что иногда, безо всякой причины, отводитъ первое мѣсто нижнелужицкой формѣ: напр. «śěło (Н.Л.), ćěło (В. Л.)», 603, 14 сн.

Признавая, какъ и относительно 1-го выпуска, что авторъ вообще соблюдаетъ должную мѣру и въ объемъ, и въ способъ изложенія, я однако нахожу, что онъ иногда впадаетъ во много-словіе и лишнія повторенія. Къ чему, кромѣ парадигмъ, еще таблицы «характерныхъ окончаній»: стр. 113—119 (съ дополнительными замѣчаніями 119—122), 281—284, 444—447? Зачѣмъ перечислять (157, съ сер. до конца), понятно, не полностью, слова слѣдующія образцамъ dobgu и рёсі? Съ какой стати дѣлать (404—406) буквальную выписку изъ польской литературы Спасовича, на которую достаточно было сослаться? Къ чему повто-

1) Ф. самъ говоритъ, что у него «дается характеристика верхнелужицкаго и нижнелужицкаго нарѣчія параллельно съ тою цѣлью, чтобы яснѣе опредѣлились черты сходства и различія между обоими нарѣчіями» (591, ви.).

рять (427, 3—1) орфографическое правило, проявляющееся въ написаніяхъ *nić* и *nićі*? Полезно ли въ томъ же польскомъ отдѣлѣ (430, сер.) излагать сохраненные поляками законы праславянскаго и донынѣ болѣе-менѣе общеславянскаго смягченія, при чемъ дѣйствительно своеобразное, какъ *mniszu* при староцерк. *mъниси*, *drodzu* при *дразни*, теряется въ массѣ другихъ примѣровъ? Нѣкоторыя явленія, отмѣченныя на стр. 105—6, какъ «смѣшеніе основъ», повторяются на 107, какъ «смѣшеніе падежей». Миѣніе Ягича, что основная чешская замѣна *а* есть не *'а*, а *'я*, приводится и на стр. 61, прим., и на 63 вн. «Внѣшняя исторія литературнаго языка» у словаковъ (239—247) отчасти представляетъ повторенье «Изученія словацкаго языка» (220—225).

Относительно «словацкой абецедь» на стр. 248 повторяется сказанное выше о чешской, тогда какъ достаточно было бы указать на ея особенности. Звукъ *ä* (въ словацкихъ *řäť*, *sväzok*) описывается три раза: стр. 248, 250 и 252, притомъ не совсѣмъ одинаково и отчасти странно: «*ä* обозначаетъ краткій двугласный звукъ», «старослав. *ä* соотвѣтствуетъ въ краткихъ слогахъ—*ä* (= двугласн. *ea*)». Чешское народное выраженіе на *шou viegu* приводится также три раза: 61 вн., 67 сер. и 68, 1 сн. О появленіи (у Чеховъ же) *i* на мѣстѣ *ä* говорится и на стр. 60, стрк. 9, и на 72, 11—9; о звукѣ *ř*—на 58, 14—13 и на 83—84.

Наряду съ излишествомъ видимъ, съ другой стороны, нѣкоторыя пробѣлы. Нигдѣ не находимъ указанія на то, когда чешскія буквы *g* и *l* составляютъ слогъ—это, какъ извѣстно, бываетъ тогда, когда передъ ними согласная буква, а за ними нѣтъ гласной. Авторъ не отмѣчаетъ Пухмайеро-Катковскаго закона о соотношеніи между чешскимъ количествомъ и русскою акцентвою плавно-чистыхъ созвучій: *vřäna*—ворѣна, *bläto*—болѣто, *břiza*—берѣза, но *zlato*—зѣлото, *dřevo*—дѣрево, о коемъ надо было сказать на стр. 77—78 или въ главѣ о количествѣ, 78—80. Приводя форму *jesti* вм. *jest* (стр. 176, 2), Ф. не отмѣчаетъ, что она употребляется не иначе какъ въ соединеніи *jestit'* и что она

представляетъ очевидное подражаніе велительнымъ вродѣ *budiž* рядомъ съ усѣченнымъ *bud'*. При словацкихъ числовкахъ *tria*, *štyria* (306, сер.) недостаетъ указанія на то, что это не простые дублиеты къ *tri*, *štyri*, а личныя формы мужескаго рода. Не отмѣчено (стр. 614—15) Фортунатовскаго дополненія къ выше-помянутому закону, а именно отраженія его въ верхнелужицкой рѣчи: *wróna*, *blóto*—*zlóto*, *drjewo* (Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen, A. f. sl. Phil., IV, 575—576). Срв. рец. I-ой части, стр. 6—7. Приводя параллели къ чешской перегласовкѣ *a* въ *e* (стр. 64, 13—10), Ф. не отмѣтилъ русскаго областного выговора *зеть*, *мѣчик* и т. п. Чеш. нарѣчіе *zejtra* *завтра* (192, 6 сн.) является лишь въ такомъ видѣ, а нѣтъ другого вида—*zítra* ¹⁾. Упомянувъ цѣлыхъ три раза о существованіи творничнаго окончанія *-amí* вм. *-u* въ чешскомъ языкѣ, (108, п. 2, а, 114 п. 10 и 126, п. 10 же), авторъ нигдѣ не отмѣтилъ, что *-amí* допускается иногда, для большей ясности, и въ литературномъ языкѣ, напр. въ извѣстномъ сочетаніи *trhal zuby nehtami*. Изъ числа особенностей ляхскаго нарѣчія (по моему—говора) чешскаго языка, стр. 209—212, опущено весьма характерное сохраненіе звука *ы* (правда, сблизившагося съ *e*). Bartoš, Dialektologie moravská, I, 98. Не упомянуто (430, 10 сн.) рядомъ съ подражательной фонемою *Polsce* о самородной—*Polszcze*. См. Сравн. Морфол., 609, прим. 1. Ни на стр. 410, ни на 431, ни на 433, 6—8, не оговорено близости польскихъ *ś*, *ź*, *ć* и *dź* къ шипящимъ, коей объясняются такія формы, какъ *nasí królowie*, *przedniejsi ludzie*, вм. старинныхъ *naszu*, *przedniejszy*, на каковыхъ Флоринскій нигдѣ и не останавливается ²⁾. Сравн. Морф. 634, прим. 1. Małecki, Gramatyka historyczno-porównawcza, I, § 72. Приведши (479, сер.)

1) *Zeitra* есть *za jitra* (*za jutra*), *zítra* д. б.—из ютра или съ ютра, причеиъ з вм. в можно объяснить вліяніеиъ перваго нарѣчія на второе.

2) Впрочемъ на страницахъ 467 и 469, строка 7, у него встрѣчается написаніе *naszi*, которое столь же легко можетъ быть опечаткою вм. *naszu*, какъ вм. *nasí*.

миѣніе, что старопольское двусложное окончаніе настоящаго пѣ-причастка было -ѣсу, авторъ указалъ какъ основаніе его лишь аналогію чешскаго языка, а не отмѣтилъ дѣйствительно встрѣчающихся формъ на -ѣсу: *jadency, miłujęcy, mogęcy* (Сравн. Морф. 642)¹⁾. Говоря (485 сер.) объ остаткахъ аориста въ польскомъ языкѣ, слѣдовало привести найденныя Брюкнеромъ (A. f. sl. Phil., XI, 477) любопытныя формы *wynidziecę, ukradziecę*²⁾. На стр. 579, пр. 6, безъ справокъ у Бронниша (A. f. sl. Phil., XVIII, 324, 378 и 333), совершенно непонятно, что это за созвучіе *uŷ* (= *дѷ*) въ *kuŷęc* курить и что это за слово *pŷisac-pŷiŷo* (= *pisac-piŷa* = *писа́-писа́*). Назвавъ лужицкаго писателя Радысерба (596, 2) и даже повторивъ безо всякой надобности его имя латинскими буквами (*Raduserb*), авторъ не указалъ, что эта странная фамилія есть псевдонимъ Ивана Вегля или Вегля — *Johann Wehla* (*Traugott Pech, Das wendische Schriftthum. Leipzig 1884, S. 43*; онъ же *Žagin*)³⁾. Въ числѣ сравнительныхъ степеней польскихъ нарѣчій, на стр. 473 сер., слѣдовало привести (изъ-за его *ż*, заимствованнаго у *piżej*) *wużej*. Ни на стр. 438, ни на 458, п. 9, не отмѣчено, что двойнный мѣстникъ *gęki* употребляется въ значеніи не только множнаго, но и одинаго числа. Въ обзорѣ лужицкой азбуки (600—601) недостаетъ замѣчанія насчетъ *j* въ качествѣ знака мягкости, напр. *pijazo, wjes*; объ *l* и *ł*, значеніе которыхъ приблизительно извѣстно читателю изъ предыдущихъ отдѣловъ, говорится ниже (617), гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ намекается на то, что серболужицкое *w*, съ коимъ у большинства Лужичанъ совпадаетъ и *ł*, есть чисто-губное *v*, англійское *w*, или неслоговое *u*; но нигдѣ я не нахожу намека на то, что *w* и *ł* съ предыдущимъ гласнымъ образуютъ ўковые дифтонги *au, ou, eu, iu, uo*. Говоря о нижнелужицкомъ переходѣ твердаго *g*, послѣ *k, p, t*, въ *ŷ*, слѣдовало принять

1) У Калины (458—9) нахожу еще 22 такихъ примѣра.

2) *E* моя транскрипція: Брюкнерова — *ę* (въ текстахъ — *ϕ*).

3) Впрочемъ на стр. 590 мы читаемъ «Вегля (*Jan Raduserb*)»; но зато тамъ при псевдонимѣ Цимшиевскій не приведено настоящаго имени — Яковъ Бартъ.

во вниманіе статью Лескина *Bemerkungen zur Svarabhaktifrage*, A. f. sl. Ph., III. Не отмѣчено (624—625) единичнаго появленія *z* вм. *ž* въ союзѣ *zo* (что = *кжѣ*); союзъ этотъ впрочемъ указанъ на стр. 630, сер. Отмѣтивъ (658, св.) 3-бличныя окончанія *u* и *ja*, соответствующія староцерковнымъ *-жъ* и *-лъ*, Флоринскій не указываетъ на употребленіе у Верхнихъ лужичанъ *-ja*, а также и *-eja* вм. *-u*: *rija*, *pleseja*; такія формы, правда, приводятся, но лишь на стр. 675, 7 сн. и на 670, вн., какъ областныя. См. у Муки, 542. Въ нижнелужицкой парадигмѣ, на стр. 668, при *rjeku* недостаетъ другой формы для этого лица—*rjasom*. Насчетъ верхнелужицкаго глагола *chsuc* - *chcu* (680, 7 сн.)¹⁾, составляющаго какъ будто исключеніе изъ закона превращенія начальнаго *ch* въ *kh*, не сказано, что *ch* въ немъ только пишется, а въ рѣчи, какъ и у нижнихъ лужичанъ, утратилось. (Это единичное измѣненіе можно оправдать единичностью самаго зачина *chs*). Тутъ же, кромѣ нижнелужицкаго *pjosu* вм. не *хоситж*, слѣдовало бы привести и своеобразное усѣченное *pjok* (относительно к сравнимъ инфинитивъ *kšes*) и верхнелуж. *poshsu*-*poshsuc* и общелуж. *pjescham* - *pjeschac* (-š)²⁾. Чрезвычайно любопытной полабской акцентовкѣ посвящено всего 12 строкъ (695, п. 14), гдѣ приводится всего 5 примѣровъ, обыкновенно же полабскія слова печатаются безъ просодій.

Весьма богатая, какъ и въ 1-омъ томѣ, библиографія представляетъ также нѣкоторые пропуски. Такъ не указано нѣмецкаго перевода Шафариковыхъ Начатковъ старочешской грамматики (*Ročátkové staročeské mluvnice*), стр. 6 сер. и 15 сер.³⁾: *Elemente der althöhmischen Grammatik von Paul Josef Schafarik. I (единственный) Theil der Sammlung slavischer Grammatiken herausgegeben von J. P. Jordan. Leipzig 1847.* Цитруется

1) У Флоринскаго не *chsuc*, а *chseč*: очевидная опечатка вм. этимологическаго написанія черезъ *č*.

2) Встрѣчается, какъ говорить Поуль, въ своемъ словарѣ, почти исключительно въ настоящемъ и въ имперфектѣ. См. Сравни. Морф., 706, пр. 1.

3) Напечатано оба раза *Ročátkové* съ краткимъ *a* — опечатки Флоринскаго я впредь буду исправлять безъ оговорокъ.

2-ое издание Ранковскаго словаря, тогда какъ «Nový slovník karpesní jazyka českého i německého. Díl I česko-německý» вышелъ въ 1887 году 5-мъ изданіемъ. Указавъ (228, прим.) на статью Николая Иванаова о словацкомъ поэтѣ Андреѣ Сладковичѣ, слѣдовало бы также указать статью Матв. Ив. Соколова «Стихотворенія Яна Ботто», въ Сборникѣ въ честь Вл. Ив. Ламанскаго (Флоринскому, какъ участнику сборника, конечно, извѣстную). Въ польскомъ отдѣлѣ не приведено (369) Пялятова изданія Богородицы: Dr. Roman Pilat. Pieśń Boga Rodzica. Pamiętnik Akademii Umiejętności. Wydział filol. i filozoficzno-historyczny. T. IV. W Krakowie 1880. Къ полабской библиографіи могу прибавить: 1) Jana Pajum Szulcego Słownik języka połabskiego. Wydał Dr. Antoni Kalina. Rozprawy Wydziału filol. Akad. Umiej., T. XVIII i XXI. W. Krakowie 1892—93. 1-ая часть содержитъ введение и самый словарь, 2-ая — извлеченную изъ него грамматику. 2) Jos. Kolář. O posovkách polabských a jejich poměru k polským a staroslovanským. Č. Č. M. 1875, 417—426.

Къ проблемѣ разбираемаю труда отношу также нерѣдкое, какъ и съ 1-мъ томъ, отсутствіе перевода при словахъ, которыя положительно съ немъ нуждаются, будучи чужды русскому языку, или имѣя тамъ иное значеніе: напр. had змѣя, plot заборъ, hrob могила (123, 4), listopad ноябрь (124, 12), brav мелкій скотъ — какъ сборное и какъ единичное, zeměplaz пресмыкающееся, gadъ, pežit чирей (124, 16 сн.), zloděj воръ, vězeň узникъ, koš корзина, vazač вязальщикъ, переплетчикъ, godič родитель, kazatel проповѣдникъ, kněz священникъ, kolář колесникъ (129, п. 1), jetel (діалектически dětel) дятлина, клеверъ, кашка (129, 3 сн.), věrtel четверикъ (? мѣра), 130, 2, págučí объятья, snídaní завтракъ, záští злоба, záduší доброе дѣло, пожертвованіе (130, п. 4), chlapec мальчикъ, tjes дядя — avunculus, dědic наслѣдникъ, ranic баричъ, молодой баричъ, дѣвственникъ (131, п. 8), rodkoní конюшій, шталмейстеръ (132, п. 17)¹⁾,

1) При послѣднемъ словѣ особенно нужно было привести его значеніе, такъ какъ именно имъ обуславливался богѣ рѣшительный — сопряженный съ

louka лугъ, pratum, sádka садокъ (133, п. 5), modla 1) модель 2) идолъ (тамъ же 6), kukla, -le капюшонъ, řehola, -le regula: правило, уставъ 134, п. 9, rádce совѣтникъ, spráwce управитель, gukojmě поручитель 135, п. 2, pradlí прачка, předlí прядильница 135, п. 3, berčí сборщикъ, kočí кучеръ, тамъ же, п. 4, skráň високъ 136, 2, choť супругъ и -га 137, сер., vlast отечество тамъ же, 3 сн., oter вымолоченный снопь, пучокъ, rast ловушка, ocel сталь, modř лазурь, синька, tvář лицо, образъ, chuť желаніе, labuď лебедь, pať ботва, листья свеклы и т. п. 138, п. 3¹⁾, kmen нѣм. Stamm: стволъ, грамматическая основа, lupen листь 140, п. 3, kníže князь, hrabě графъ 141, п. 5, jeti ѣхать, čněti торчать, выситъся, рněti висѣть, chvěti колебать, махать 162, 7—9; въ словацкомъ отдѣлѣ нуждаются въ переводѣ напримѣръ слова румынскаго происхожденія brunza овечій сыръ, čartak (?), gelela (?), glaga (?), chotar область, kasanka передникъ, koliba хижина, putuga (?), urda овечья сыворотка, vatra огонь 216, п. 35²⁾, также странное zaujmu 266, 1 сн.³⁾, и еще болѣе странныя črešné, gvarilo 269, 7 и douinose (?) 330 б, 4, равно какъ hřca наростъ, шишка 294, п. 1 а, turice и letnice тройца и vianose рождество 294, 1 в.⁴⁾ Въ польскомъ отдѣлѣ таковы напримѣръ: mistrz мастеръ, grosмейстеръ, warta стража, ład земля, берегъ, dach крыша, hak крюкъ, klamга болтъ, gwałt насиліе, rachunek счетъ, zegar часы, kustosz хранитель 400, 3—1, szczawnica (? это чуть ли ни мѣстное названіе), karmnik «кормильня» — хлѣвъ, «кормимецъ» — боровъ, trefniś острякъ 429, 11, do siego roku съ новымъ годомъ 469, 8 сн., biedować 1) бѣдствовать, 2) жаловаться, плакаться, 498, 11—10, wursieć (?) должно быть

переменною рода—переходъ въ сложное склоненіе: не только въ народной рѣчи, гдѣ и реаліи образуютъ реалію, но также въ литературной.

1) Зато въ этомъ пунктѣ напрасно переведено слово žluč, въ коемъ студентъ самъ долженъ узвать староцерковное жльч и русское желчь.

2) Дѣйствительно ли эти (вовсе не романскія) слова пришли къ словакамъ отъ Румынъ, мы здѣсь разбирать не станемъ.

3) Это должно быть множина слова зажемъ интересъ.

4) Kašice, въ той же строкѣ, по недосмотру напечатано съ малой буквы — это названіе города, по-нѣмецки Kaschau.

просто-совершенный видъ къ однократному wурспаѣ выскользнуть, вырваться 499 сер., osfeger (Hirschfänger) охотничій ножъ 527, 7 сн.¹⁾ Въ серболужицкомъ не мѣшало бы перевести напр. слова mlodzeńc юноша 636, 6, kubło земля, имѣніе, тамъ же, сер., knjeni барыня 641, п. 6; въ полабскомъ — dargē ноздри («дырѣ»), vā smūlē въ печи (въ смолѣ) 693, 13 сн., jis, aid, plūz (695, п. 12), изъ коихъ лишь во второмъ, по предыдущему и по связи, легко узнать староцерковное и русское *иди*, тогда какъ при первомъ и третьемъ надо бы было прибавить переводъ *кси* и *положи*; въ переводѣ нуждается также kã meisóch къ обѣднѣ, въ церковь 697, 3 сн.

Понадаются у Флоринскаго и такіе случаи, гдѣ имѣется переводъ, но нестырный: do Čech, do Rakous не значить до Чехіи, до Австріи (126, п. 9), а въ Чехію, въ Австрію; zřetel не знакъ (129, 1 сн.), а вниманіе; mandel не миндаля (130, 1), а 15 штукъ; šindel (нѣм. Schindel) не брусокъ (130, 2), а черепица (на кровлѣ); hřebí не ноготь (130, п. 2), а гвоздь; pletichy не шутка (133, п. 1), а сплетни; rapoše не дворянинъ вообще (135, п. 2), а дворянинъ (шляхтичъ), при королѣ или магнатѣ, пажъ, оруженосецъ; pelest не брусокъ 137, 5 сн., а доска, перекладина; štoudev не стойка 140, 1, а кадка. Старопольское szup значило де оружіе (400, 10 сн.): должно быть это, насколько мнѣ извѣстно, небывалое значеніе вышло изъ «szupu machiny wojenne, wieże, tarany i t. d. podług łac.(ińskiego) opera» Linde.

Изложеніе Флоринскаго не всегда отличается достаточною ясностью и точностью. Когда онъ говоритъ, что Чешскіе братья «въ двугласныхъ вм. j писали у», то это можно понять такъ, будто уже Гусъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ букву j. Странно и сбивчиво, что авторъ, упомянувъ о мягкихъ звукахъ чешскаго языка (57, сер.), прибавляетъ въ скобкахъ nj, dj, tj, ч, ж, ш и pj. Обыкновенное чешское суженіе, какъ я его называю, или

1) Особенно нуждается въ переводѣ цитуемое (396, 15) изъ одной грамоты рогаг: теперь неясно, почему оно и приводится. Тоже относится къ чешскому tgorauw (также изъ грамоты), стр. 44, п. 7.

перегласовка, какъ называетъ его (вслѣдъ за чехами и нѣмцами) Флоринскій, напрасно раздѣлено на суженіе поступательное, напр. *duše* изъ *duša*, и на обратное, напр. *obušej* (стр. 62—63): если въ первомъ случаѣ могъ повліять предшествующій сѣзвучникъ, отчего этого не могло быть и во второмъ, хотя бы тамъ и было еще вліяніе послѣдующаго? Оба случая легко объединяются при такой формуловкѣ дѣла: *a* послѣ мягкости суживается въ *e*, если тому не мѣшаетъ слѣдующая за нимъ твердость, вслѣдствіе чего мы съ одной стороны имѣемъ *duše* и *obušej*, а съ другой — *čas*, *jazyk*; терминъ же обратное суженіе (или обратная перегласовка) можетъ оставаться исключительно за такими случаями какъ *dej*, *znej*. Въ статьѣ о слоговыхъ *g* и *l* (75, 9 сл.) напрасно на первое мѣсто поставлены *krév-krvi*, *klpu* и тому подобныя слова, которыя во всякомъ случаѣ представляютъ болѣе рѣдкое явленіе сравнительно съ *hrdý*, *vlk* и т. д., а по моему несомнѣнно развили слоговые *g* и *l* не прямо изъ *ръ*, *лъ*, *ль*, а черезъ *г* и *л* неслоговые¹⁾. Въ той же статьѣ (76, 7—9) сказано, что «послѣ *č*, *ž* слышно *eg* въ тѣхъ случаяхъ, когда за *г* слѣдовалъ еще согласный» — но развѣ за *г* можетъ когда-либо стоять гласный? (Это бываетъ, правда, у Сербовъ, вслѣдствіе вокализаціи *л*: *грѣоце*, *умрѣо*). Дублеты *domysl* и *dŭ-*, *hoga* и *hŭ-*, *hrozny* и *hrč-*, *lhota* и *lhŭ-*, очевидно лишь по недосмотру отнесены къ случаямъ «дифференціаціи значенія» (80, п. 4). На той же страницѣ нуждается въ оправданіи весьма подозрительное *čiješ—čúš* (строка 13 сл.). Хотя чешскія *d*, *t* передъ *e* и не звучатъ мягко, но всетаки нельзя говорить, что они «звучатъ твердо» (86, 8 сл.) — слоги *de*, *te* несомнѣнно нѣсколько мягче чѣмъ напр. *da*, *ta*; тоже самое относится къ *la*, *li* (82, вн.) и къ *ba*, *be* (87—88): вообще всѣ согласные подвергаются нѣкоторому умягченію передъ узкими

1) Уже выше всякаго сомнѣнія, что братья, мысль сначала дали односложныя *bratg*, *myzl*, а потомъ уже *bratř*, *myzl*. Приводимое въ числѣ словъ со слоговымъ *г* *hřmĕti* или *hřmĭti* (написанное по-старочешскому *hřmĕti*), конечно, попало не на свое мѣсто: это примѣръ на тѣ, что основному *р* (русскому *ре*) соответствуетъ *ř*, а не слоговой *г*.

гласными. 3-ье примѣчаніе на стр. 56, гдѣ читается, что «съ открытіемъ книгопечатанія въ чешскихъ книгахъ вошла въ употребленіе выработавшаяся изъ латинской абеды нѣмецкая азбука, такъ называемый швабахъ» — можетъ навести на мысль, будто чешскія рукописи представляютъ иной шрифтъ, а не тотъ же швабахъ. Звуки *i* и *u* не вполне совпали у чеховъ, какъ учить Флоринскій на стр. 58, строка 11—13 и на 59, 3),—слоги *pu*, *du*, *tu* звучатъ тверже чѣмъ *pi*, *di*, *ti*. Подобныя нашимъ *lěsa*, *goroda* чешск. *vtcha*, *záda* и т. п. поставлены (114, п. 7) подъ винильнымъ падежомъ, какъ будто они не бываютъ назывниками. Слово *dsega* (118—119) отнесено къ эровымъ основамъ, а на стр. 141, п. 6, гдѣ приводится настоящая эровка *dsi*, не оговорено, что это старинная форма—напротивъ, замѣчаніе, что, какъ *vm. máti* употребительнѣе *matka*, такъ *vm. dsi*—*dsega*, указываетъ именно на сохраненіе стариннаго *dsi-dsefe*, отъ котораго въ дѣйствительности уцѣлѣлъ только давально-мѣстный падежъ *dsefi*, проставленный у Флоринскаго на стр. 119, п. 97, но не подчеркнутый. Въ неправильномъ взглядѣ на слово *dsi* можетъ еще укрѣпить читателя принадлежность къ «архангелскому склоненію» новообразованнаго слова *nef* племянника¹⁾. Про бѣглое *e* сказано, что оно изъ *ь* или вставочное (131, п. 7), а объ *e* изъ *ъ* (*sen-snu*, *loket-lokte*) не упомянуто. Какое-нибудь старочешское *dubi* (123, 6—5), будь оно написано черезъ *i* или черезъ *u*, вовсе не доказываетъ способности неодушевленныхъ именъ къ окончанію *i*, оставшемуся впоследствии лишь за одушевленными—слѣдовало бы привести такіе примѣры, какъ *úgosi* проценты, *dúzi*, *híeši*, *bofi*, гдѣ бы о присутствіи звука *i* свидѣтельствовало смягченіе, такъ какъ иначе мы не знаемъ, читать ли *i* или же *u*. (Пожалуй, годилось бы и *dubi*, но въ соединеніи съ прикладкомъ, вроде *vycosi* или *malí*, потому что при винильничномъ назывникѣ *duby* прикладки звучали бы *vycoké* и *malé*). Находя при множн-ныхъ формахъ слова *bratr* (*bratří* и *-ři*, род. *bratří* и *-rův* и т. д.,

1) Эту странность слѣдовало бы объяснить, сообщивъ о заимствованіи слова *nef* изъ подложной глоссы словаря *Mater verborum*.

127, вв.) замѣчаніе, что «формы, поставленныя на первомъ мѣстѣ, заимствованы изъ склоненія собирательнаго имени на -ija, при чемъ смѣшаны формы един. и множ. ч.», читатель (если этого самъ не знаетъ) никакъ не догадается, что слово братръ первоначально не образовывало множины, а замѣняло ее сборнымъ именемъ братьѣмъ, которое потомъ стало по смыслу приобретать множинныя окончанія (напр. дат. п. *bratřim*), равно какъ и замѣщаться новотворными множинными формами къ единѣ (напр. вин. *bratru*). Найдя въ парадигмѣ при множинномъ творникѣ *zedmi* къ *zed* стѣна (*murus*) въ скобкахъ окончаніе *ěmi* (137), можно и не догадаться читать *zďěmi*, а прочесть *zeděmi*. *Soudit* въ выраженіи *přijde soudit živých i mrtvých* въ самомъ дѣлѣ естественно считать уцѣлѣвшимъ супиномъ, но вѣдь оно вполне совпало съ усѣченнымъ инфинитивомъ. Неудачно выраженіе, что во множныхъ 3-тѣличьяхъ *imějí, vázejí* «возстанавливается» нестяженная форма (169, сер.) — она, конечно, въ нихъ сохраняется. Слишкомъ лаконично и вслѣдствіе того неясно замѣчаніе, что «вм. старо-слав. *дажда, вѣжда, ѡжда* въ чешск. языкѣ: *dej, věz, jez* (170, 12 сн.)», тогда какъ слѣдовало сказать: старославянскимъ *вѣжда, ѡжда* соотвѣтствуютъ *věz, jez*, но вм. *дажда* образуютъ по темовому спряженію *dej*¹⁾. На стр. 174, 15—13, говорится, что «въ моравскихъ говорахъ встрѣчаются формы вроде *milovalach, ztracilach, zašpulch*», и что «въ нихъ можно видѣть позднѣйшую аналогію древнему аористу». Выращеніе неясное: авторъ какъ будто сомнѣвается во вліяніи аориста (въ чемъ сомнѣваться нельзя), а въ то-же время какъ будто и хочетъ, и не рѣшается возводить эти формы къ такой порѣ, когда аористъ былъ еще въ полномъ ходу. См. Сравн. Морф. 565, пр. 3. Совсѣмъ странно и опять-таки можетъ повести къ недоразумѣнію слѣдующее замѣчаніе о будущемъ совершеннаго вида: «*čeknu* вм. *budu říci, ropesu* вм. *budu nésti*» (174, 6 сн.); въ добавокъ дальнѣйшія

1) Здѣсь, кромѣ того, недостаетъ формы *viz* и множинныхъ лицъ *vězme, -te* и т. д., вм. *vědme, -te*, подъ вліяніемъ единны; каковыя формы впрочемъ приводятся ниже (177, 178 и 189 вв.).

слова «у глаголовъ совершеннаго вида будущее выражается только посредствомъ настоящаго; напр.: *radnu, tisknu*», какъ будто отрицають принадлежность къ тому же виду глаголовъ *ĭsci* и *ponesti*, а также и приводимаго въ одной съ ними строкѣ *rojiti (rĭjdu)*. Недостаточно сказать, что словацкія «*ia, ie, iu* обозначаютъ двугласные звуки» (стр. 248 сер.), а надо бы описать ихъ по-точнѣе. Свидѣтельство латино-польскихъ грамотъ о сжатіи *o* и *e*: *Nosidlsk, rogas, Primuzlao, przipust, Buguslaus* и *Muglin* (396 сер.) совсѣмъ не такъ ясно, чтобы не нуждалось въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи (послѣ котораго иные примѣры несомнѣнно придется опустить — прежде всего *Buguslaus*, гдѣ сжатіе совсѣмъ не уместно, и гдѣ легко предположить опisku подъ вліяніемъ слѣдующаго слога). Старопольскіе назывники *cedzy, klenoty* и *ŕuźebniki* (452, 5—6) не слѣдовало бы приводить безъ указанія на то, что присутствіе въ нихъ окончанія *ы*, а не *і*, доказывается сохраненіемъ звуковъ *g, t* и *k* (вѣдь настоящіе назывники были бы *cedzy, klenosi* и *ŕuźebnicy*)¹⁾. Польскія разновидности слова дождь въ назывно-винильномъ падежѣ разнятся лишь на письмѣ, и надо было привести (454, 6 сл.) косвенные падежи *deszczu* и *dżdźu (-a)*. Про старинный назывникъ *ktu* не сказано (462, п. 6), какой это падежъ, чтò совсѣмъ не ясно по связи. Упомятая (509, сер.) объ измѣненіи звука *ę* въ лясовскомъ говорѣ, авторъ не объясняетъ намъ, что это за *ę*, въ которое онъ превращается. (Это нѣчто вродѣ нѣмецкаго *ö*). Странно говорить, что «*ja, ieja* стягиваются въ *ia* лишь въ томъ случаѣ, если предшествующій согласный подвергся смягченію: *ziać, ział*, но *ĭajać, ĭajał*» (498, 1—3) — развѣ передъ *и* и *ь* согласные

1) Замѣчу здѣсь кстати, въ исправленіе ошибки, повторенной мною въ Сравни. Морф., 588, пр. 2, за Калиною, что *ŕuźebniki* Соф. Б., Исх. 5, 16 есть винильный падежъ, а также, что *ĭazaki* Числа 13, 26 и *Turki* могутъ предполагать едину *ĭazaka* и *turka* (= лат. *turca*, сравни русское народное турка). *Klenoty* драгоцѣнности Быт. 24, 53, какъ и *ŕuźebniki*, винильный пад. Назывникъ *klenoty*, конечно, легко замѣнить массою другихъ примѣровъ; однако на назывничное окончаніе *ы* у личныхъ (и вообще у одушевленныхъ) *ѣровокъ* въ старопольскомъ, кажется, не остается ни одного примѣра.

могутъ быть несмягченными? Надо было сказать, что *иѣ*, *ѣѣ* стягиваются, ага же — *нѣтъ*. Встрѣчая написанія съ *ѣ* для писаровицкаго говора — «*шасосѣа* (вин. пад.), *забу*, *кара*, *ѣдна*, *ѣе* *вгбса* (1 л. ед. ч.)» 509, 17—16, недоумѣваешь, читать ли по-общепольскому носовое *о*, или такое же *а* (скорѣй, конечно, можно предположить послѣднее). Находя (тамъ же, строка 16) слово *vin*k, какъ примѣръ на замѣну *ѣ* черезъ *и*, рѣшительно нельзя догадаться, что это за слово. Определеніе лужицкаго произношенія буквы *ѣ* (600, 10—7) представляетъ ухудшенную редакцію, по моему тоже не особенно удачнаго, Мукинскаго определенія (Mucke, 20): читателя положительно только путаетъ утвержденіе, что *ѣ* не двугласный, а также сравненіе съ простымъ *и* нѣмецкихъ *dir*, *mir*, *wir*, тогда какъ Мукины слова, что «надо начать произносить закрытое *и* и присоединить къ нему краткое *е*» и соответственная транскрипція у Флоринскаго (*i'*) даютъ о немъ достаточное и совершенно вѣрное понятіе. О *і*отовомъ призвукѣ лужицкаго *и* въ русской книгѣ нечего было упоминать (600, 6 сл.): можно было вовсе не останавливаться на звукѣ *и* или же просто сказать, что онъ равенъ русскому *и*. Положительно излишне оговаривать, что лужицкіе *ы* (на письмѣ *у*) «болѣе или менѣе» соответствуютъ русскимъ *ы* (тамъ же 5—4): помимо областныхъ особенностей (насчетъ которыхъ я полагаюсь на Муку), я не слышу здѣсь никакой разницы; вмѣстѣ съ тѣмъ считаю неумѣстнымъ указаніе на польскій языкъ, гдѣ *у* приближаются къ *и*¹⁾. Указаніе (601, 1), что «*о* произносится какъ *о* съ окраской *и*, т. е. какъ "о», противорѣчитъ само себѣ: или *о* есть цѣлостный, однородный звукъ, средній между *о* и *и*, или же онъ нѣчто вродѣ двугласнаго, состоящаго (по Мукину определенію) изъ элементовъ *и* и *о*, какъ *ѣ* состоитъ изъ *и* и *е* — на мой слухъ правильнѣе первое, и лужицкое *о* есть *о* весьма близкое къ *и*²⁾.

1) Неумѣстно и сопоставленіе со староцерковнымъ языкомъ, тонкости произношенія котораго намъ недоступны.

2) Мнѣ такъ казалось, наперекоръ предположенію, что между *ѣ* въ какомъ-нибудь *měd-mjeda* и *о* въ *hród-hroda* должно быть полное соответствіе.

Сбивчивымъ я считаю также выраженіе, что «всѣ гласныя» у Лужичанъ «звучать одинаково кратко» (615), да и самъ авторъ въ концѣ того же абзаца оговаривается на этотъ счетъ. Вообще относительно количества лужицкая рѣчь очень сходна съ русскою, только что безударныя гласныя не звучатъ такъ неявственно. Неладно сказано (651, 4—6), что «приставочное и необходимо, когда мѣстоименіе непосредственно зависитъ отъ предлога, напр. k pjemu, pši pjom; иначе оно можетъ и не быть: před jeho durjemi, v její papom»—вѣдь во второмъ случаѣ его никогда не бываетъ. Неточнымъ мнѣ кажется (хотя и воспроизведенное изъ Муки) выраженіе, что «формы (причастія) на -су въ верхнелужицкомъ всегда склоняются» (655, 15—14): едвали съ одной стороны верхнелужицкая рѣчь, особенно чисто-народная, изобилуетъ оборотами вроде křaracemu so wotewri толкѣщимъ Обвѣрзетса Лука 11, 10, или wuhlada Levia Alphejoweho při słownicy sedźaceho Маркъ 2, 14¹⁾, а съ другой стороны и нижнелужицкая Библия представляетъ напр. выраженія głos wołajucego jo w rusćine Мате. 3, 3 и wy bužošo toho słowěka syna wizeš sežecego k ršawicy teje nosy a pšiducego s tymi hobłokami toho heb'a Маркъ 14, 62²⁾. Кроме того и у верхнихъ лужичанъ есть по крайней мѣрѣ одинъ папричастокъ на -су: dycy идучи (приводимый Флоринскимъ на стр. 671). Сохраниться, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, конечно, могло бы і въ единномъ числѣ вѣлительнаго spri (660, 11—10), но такое пониманіе не подходитъ ко множному и къ двѣйному числу: spřimu и т. д. Относительно крайне уродливыхъ на письмѣ верхнелуж. wukí, wukímu, слѣдовало оговорить, что въ нихъ í не произносится (660, 8 сл.), на что, повидимому, намекаетъ и самъ Флоринскій тѣмъ, что í въ словѣ wukímu заключилъ въ скобки; тотъ же приѣмъ употребленъ и на стр. 673 сер., но опять-таки wukí осталось безъ

1) Nowy Zakón. Do hornjoserbšćiny po rjedže Vulgaty přeložitaž Jurij Lužčanaki a Michał Hórník. Budyšin 1896.

2) Biblija. Hala 1868. Въ верхнелужицкомъ переводѣ тоже причастія: wołaceho, sedźaceho, při křadźaceho.

скобокъ. О перворазрядныхъ глаголахъ съ корнемъ на п, ш авторъ (671, сер.) рѣшительно говоритъ, что они «слѣдуютъ древнему типу спряженія только въ Вл.», хотя затѣмъ самъ приводитъ нижнелуж. *wesmu*.

Неудобство представляютъ также нѣкоторыя странности въ терминологіи. Праславянскіе *ъ* и *ь* переходятъ у нашего автора въ «звонкое» *e* (59, сер.) и тамъ же (строка 8—6): *e* изъ *ь* было узкое (ясное), .. *e* изъ *ъ* было широкое (темное). Странно говорить о вставочномъ *v* передъ начальнымъ *o*: *vokolo*, *vokno* и т. д. (197, 1—2), о вставочномъ *h* передъ начальнымъ гласнымъ: *hulice*, *hučitel* и т. д. (198, п. 1) и о такомъ же *t* въ инфинитивахъ *řict*, *řict*, *vřict*, *sict* (197, п. 19): въ послѣднемъ случаѣ еще и не звуковое явленіе, а примѣненіе къ обычному инфинитивному окончанію *t*. Ниже (199, п. 1 и 2) авторъ и самъ говоритъ о «приставочныхъ *v* и *h* въ словахъ *voběd*, *votec*, *hulice* и *hiva*¹⁾. Передъ гортанными (задненебными) *g*, *k*, *ch* слышится «звуковое» *n*: *reka*, *kněga* (412, 3—2)—нужно «задненебное». Въ кашубской рѣчи въ противоположность зубно-губному *v*, вмѣсто чисто-губного, говорится о «губно-губномъ» (570, 2).

Неразъ у нашего автора встрѣчаются разные недосмотры. Такъ мы читаемъ, что у чеховъ «буква *g* употребляется рѣдко, напр. въ заимствованныхъ словахъ *gřoř* и др.»— да вѣдь въ туземныхъ она никогда не употребляется, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ слышится соотвѣтственный звукъ (*kde*, *kdo*) пишутъ по происхожденію *k*. На стран. 60 вн., посреди новочешскихъ фонемъ, безо всякой оговорки приводятся старинныя *řiediti*, *řiehneř*, *vzieti*. Знакъ *ř* обозначаетъ де мягкое *g* и это *g* произносится съ шипящимъ призвукомъ, какъ въ польскомъ (58, 14—13), — известно, что польское *gz* звучитъ какъ простое *ж* или *ш*; правда, впоследствии (83, 14 сл.) является приблизительно вѣрная транскрипція черезъ *řж*, но тутъ опять то же

1) Пожалуй, впрочемъ, призвучные согласные въ известномъ смыслѣ именно вставочные: можно думать, что они возникли въ связанной рѣчи, между начальнымъ гласнымъ своего слова и конечнымъ предыдущаго.

сближеніе съ польскимъ *gz*, а кромѣ того съ лужицкимъ $\text{ř}=\text{ш}^1$). Слово *kněz* имѣеть зовный падежъ не исключительно *kněže* (131, п. 8), но также и *knězi* Гебауеръ, *Histor. mluvn.* III, 354, стр. 97. Прикладочное склоненіе у словъ средняго рода, какъ *znamení*, *-ího*, только простонародное (132, п. 17). Имя *Olga* образуетъ давально-мѣст. падежъ *Oldze*, а не *-ze* (133, п. 4) Геб. I, 505 — впрочемъ здѣсь у Флоринскаго, пожалуй, лишь опечатка. Рѣдникъ *Boleslavě* и давальникъ *-vi* (143, вн.) формы обоюдныя — въ доказательство перехода этого слова въ женскій родъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ёроваго склоненія въ азѳвое (можно бы сказать и въ ѳжевое), лучше бы было привести творный падежъ *Boleslaví*. Неудачно выраженіе, что нарѣчія «*málo*, *mnoho* склоняются» (144 вн.), послѣ чего идетъ перечень нарѣчій, содержащихъ дѣйствительно всѣ падежи одинаго числа, кромѣ назывнаго: самъ же Ф. приводитъ *málem* еще разъ на стр. 145, въ перечень нарѣчій. Перволичное мѣстоименіе *ja* съ краткимъ *a* нечего было отмѣчать (146, 4), такъ какъ оно слышится въ тѣхъ говорахъ, гдѣ вообще нѣтъ долготы; притомъ это указаніе представляетъ забѣганье въ область діалектологіи. Также не на мѣстѣ отмѣченныя, въ слѣдующихъ строкахъ, *te*, *tě*, *tě* вм. *ty*, гдѣ вдобавокъ не объяснено, что такое обозначаетъ *ě*. То же самое, что про выговоръ *já*, можно сказать про *dobře*, *-га*, *-гум* и т. д. (157, 1—2). Отмѣтивъ (съ забѣганіемъ въ діалектологию, которое однако можно считать вполне уместнымъ) областныя формы велительнаго *pnímu*, *pníte* (170, 9 св.), Флоринскій забылъ указать, что обыкновенно наоборотъ *ě* присвоено также ѳжевымъ глаголамъ: *instěme*, *-te*; каковыя образованія [*bydlete* обитайте, *stěte* вм. *устите* и *srěte*] приведены, правда, ниже (188, 9 св. и 190 вв.), но не подчеркнуты. На той же 170 стр., вн., упоминается о существованіи у кашубовъ аористовъ, каковыхъ въ дѣйствительности нѣтъ, что и сказано у самого Флоринскаго въ кашубскомъ отдѣлѣ (579, вн.). Отмѣтивъ (173, сер.),

1) Не нахожу притомъ нигдѣ указанія, что *g* послѣ безголосныхъ созвучниковъ звучитъ какъ *řh*: *křik*, *přize*, *třásti*, *chřep*.

что у иныхъ глаголовъ старочешскій имперфектъ лишь долгою примѣты разнится отъ аориста—brách и brach, trpiech и trpěch,— авторъ забылъ упомянуть объ имперфектномъ -še при аористной безсуффиксности, во 2 и 3 лицѣ единны. Выраженіе, что въ областныхъ формахъ drahý bratři, chudý chalupníci бѣдныя бо- были, bohatý kurci, dobrý měšťani «h, ch, k, d, n, l, г не подвергаются смягченію» (197, п. 15) неточно: въ нихъ ú развилося изъ é, т. е. имѣется распространеніе на одушевленные имена мужескаго рода окончанія неодушевленныхъ и женскихъ. На стр. 224, по сер., упоминается словацкій дѣятель Римавскій, безъ оговорки, что это псевдонимъ Яна Францисци, что впрочемъ указано на стр. 227, 12 сн. Изъ словацкихъ словъ, гдѣ «ви. первичнаго e выступаетъ o: hoslo лозунгъ, девизъ, svokog, ktorý, útokog вторникъ, kloštor монастырь, štvoro, pätoro» (255, 12—13 и 329, 2), ktorý, útokog¹⁾, štvoro и pätoro представляютъ праязычное чередованіе e и o; e въ чешскомъ heslo очевидно вторичное, такъ какъ иначе было бы žeslo, а пришлое kloštor никогда не имѣло звука e, такъ какъ въ нѣмецкомъ Kloster e = глухому гласному. Двугласный ou по-словацки едвали слѣдуетъ приводить въ соотвѣтствіе съ u, какъ долготу къ краткости (261, 7—8): вѣдь онъ является лишь въ окончаніи творнаго падежа, напр. губоц, и именно потому, кажется, долженъ быть выводимъ не изъ ú, а изъ oju съ выпаденіемъ j²⁾). Зная повсюду мягкій l, словацкая рѣчь лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ противопоставляетъ ему настоящій твердый l (268). Словацкій г передъ j, e, i, конечно, не звучитъ «совершенно такъ, какъ передъ широкими a, o, ѡ» (268 вн.), а только приблизительно такъ. Говоря о бѣглыхъ o, e (=ъ, ь или вставочныхъ) 287, п. 3, Флоринскій оговариваетъ, что «иногда o, e остаются и въ другихъ падежахъ, напр. kostol-kostola, popol-popola, lev-lva и leva, domček-domčeku, srěv-srěvu», слова, изъ коихъ подъ эту статью

1) Флоринскій въ этомъ словѣ, конечно лишь по недосмотру, написалъ жирнымъ шрифтомъ второе, второе o.

2) Отсутствіе въ ряду долгихъ гласныхъ ú, очевидно, только опечатка.

подходятъ только *leva* и *domčeku*—*domček-domčeku* вм. *domček-doměcku*, подѣ влияніемъ назывно-винильнаго падежа на остальные; впрочемъ *porol-porola*, пожалуй, стоило отмѣтить въ виду вторичной бѣглости въ русскомъ языкѣ (пепел-пепла). Множинный рѣдникъ *peňazí* (292, п. 12), противорѣчащій словацкому закону о сокращеніи второй изъ двухъ долготъ, есть погрѣшность вм. *peňazí*. *Krádež* и *faleš* (294, п. 1) очевидно попали не на свое мѣсто, такъ какъ никогда не звучали *krádeža* и *faleša* или *falša*. Словацкій винильникъ *tu*, совершенно равный чешскому и соотвѣтствующій староцерковному, приводится рядомъ съ *paši* (чеш. *paši*), какъ нѣчто своеобразное (299, п. 6). Въ парадигмѣ на стр. 300 и 301 мы читаемъ творные и мѣстные падежи *ím*, *jou*, *jom*, *jej*, *imí*, *ich*, хотя (какъ само собой разумѣется) мѣстные падежи, а (какъ оговорено на стр. 301, 13—11) также творные, не употребляются безъ приростка *n*. Говорить объ «исчезновеніи у Поляковъ праслав. *ъ* и *ь* въ неударяемыхъ слогахъ» (391, п. 2), значитъ представлять дѣло весьма неточно. Вм. «Свидзинскій листокъ» (392, 12 сн.) нужно листокъ Свидзинскаго. Млѣко со своимъ *é* въ открытомъ слогѣ и передъ безголоснымъ сбзвучникомъ — весьма сомнительный случай «сжатія» или «наклоненія» (397, 8—9). Польское *u* (какъ упомянуто ужъ и выше) произносится не совсѣмъ такъ «какъ русское *ю*», а нѣсколько ближе къ *i* (410); иные — напр. Бодуэнъ-де-Куртена — даже утверждаютъ, что *u* прямо равно *i*, разнясь отъ него лишь твердостью предшествующихъ согласныхъ¹⁾. «Буквы *ѳ*, *ѵ*, *ѳ*, *ѳ*, *ѳ*, *ѳ* почти де вовсе не употребляются» (410, 12—11): кто же когда-либо употреблялъ, по-польски, или въ иномъ языкѣ, буквы *ѳ* и *ѳ*?²⁾ Конечно, если не говорить о транскрипціи, при коей *ѳ* и *ѳ* возможны (передъ гласными) и даже будутъ не совсѣмъ рѣдки, напр. *boğem*, *kşuķem*. *Rzpać* рѣзнуть обыкновенно выговаривается ржнѳц, а не рз- (411, 3): *рѳзмжти могло фонети-

1) Съ польскимъ *u* должно быть совпадаетъ и кашубскій звукъ, изображаемый буквою *i* послѣ твердыхъ согласныхъ: *młodi*, *chitri*, *bozi*, *tidzei* и т. д.

2) Сербско-латинское *g*, въ смыслѣ твердаго *ц*, — особъ статья.

чески, черезъ *ŕzpać*, дать *ŕpać*; впрочемъ Виленскій (Оргельбрандовскій) словарь велитъ выговаривать, согласно со Флоринскимъ, *g-zpać*. Замѣчаніе, что польское «g произносится какъ русское ж» (411, 4), излишне; если же имѣть въ виду, что иные русскіе произносятъ не мгновенное, а протяжимое ж, — даже сбивчиво. Недостаточно ясно изложено ученіе о польскихъ юсахъ: на стр. 412, 11 сн., авторъ говоритъ, очевидно думая исключительно о звуковомъ впечатлѣніи, что *ą* соответствуетъ староцерковному ж, *e*—а, и только на слѣдующей страницѣ, внизу, оговариваетъ, что какъ *ą*, такъ и *e* соответствуютъ обоимъ юсамъ, причѣмъ не указываетъ на отличіе замѣнителей узкаго юса отъ замѣнителей широкаго по своей умягчительности и лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что *e*, = ж, согласныхъ не умягчаетъ (*geś, keś*); такіе случаи, какъ *wiązać*, съ носовымъ *o*, но съ умягченіемъ, у него, правда, приведены, однако не истолкованы. *Jeli* приѣхали (собственно просто ѣхали), 416, 3, есть форма старинная, взятая вѣроятно изъ Житія Св. Блажея, гдѣ она значить уѣхали (*łowcy jeli od nich*). Приводимыя (416, сер.) *miesto* (мѣсто), *kleskać* и *wiega* мнѣ представляются сомнительными — любопытно бы знать, откуда они взяты¹). Что такое значить «двугласное *ea* (т. е. *e* съ сильной окраской *a*)» 416, 2—1? Что-нибудь одно: или двугласный, или простое широкое *e*. Сравни выше, стр. 207 (о. о. 7). «Вм. основного *y* въ нѣкоторыхъ говорахъ [польскаго языка] п: *buł, źuł, ktuł* (познанскій гов. — *Miejskiej Górki*)», 422, 9 сн. — не сказано, что это происходитъ лишь передъ *ł* и есть родъ уподобленія. «Вставочнымъ чаще всего бываетъ *e*» (425, сер.) — какой же еще гласникъ бываетъ у поляковъ вставочнымъ? *Dź* и *ć* еще моль мягче, чѣмъ *dż* и *c* (427, 5—3) — да вѣдь польскія *dż* и *c*, если не представляютъ плодъ дзеканья, прямо тверды. Самъ же Флоринскій говоритъ это о *c* на стр. 431, сер. Польск. *c* въ *pięc, świeca* — не только прапольское (431,

1) Первое можетъ быть явилось по недосмотру, и нужно читать *miejsce*. Впрочемъ это слово, не представляющее послѣ ж твердаго согласнаго, сюда вовсе не идетъ.

12—13), но несомнѣнно уже лужицко-чешско-польское; таково же, надо полагать, и «прапольское dz въ pędza» (тамъ же, 15). Приведши (435, 6) опольскія jejsъ и реń (pięc), слѣдовало указать, что jejsъ употребляется рядомъ съ jejsъ и jeśc (исти), а реń — не само по себѣ, а въ сложномъ числительномъ реńdvadzėsca двадцать пять. Malinowski, Oppelnische mundart, 39. Зовникъ Воже, какъ извѣстно, не только возможенъ (444, п. 4, I, 1), но обязательнъ—сравни у самого Флоринскаго, 450 вн.¹⁾ Множинный творникъ ёроваго и ёноваго склоненія мягкаго различія на i, каковое окончаніе проставлено въ таблицѣ на стр. 447, форма сомнительная — издавна господствуетъ потомъ болѣе-менѣе вытѣсняемое азбвнымъ -ami ѣжевое -mi: такіе примѣры, какъ ojsu, wsgsu, представляютъ *твердое* окончаніе, на мягкое же -i Калина указываетъ лишь одинъ и довольно новый примѣръ — вторичное образованіе niewoli изъ Гавинскаго (вторая половина XVII ст.). Kal., Hist. j. p., 198. Примѣчаніе на той же 447 стр. у Флоринскаго, что «окончанія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ старому языку и народнымъ говорамъ» — неточно, да и на стр. 441 б, 1, о томъ же предметѣ говорится несовсѣмъ точно. Затѣмъ взято въ образецъ ёроваго склоненія слово sńorъ съ его необычною формою давальника на u, а не на owi (сравни 450, п. 8)? Ту же погрѣшность, впрочемъ, представляетъ Миклошичева Морфологія, и мы со Шляковымъ не догадались исправить ее въ русскомъ переводѣ. Странно замѣчаніе (455, п. 5), что «по образцу ciełe склоняются нѣкоторыя уменьшительныя (какія?!) и названія молодыхъ животныхъ²⁾ отъ основъ на t, но только въ ед. ч., напр. źrebie, kurczę, dziecię, dziewczę, gąsie, książe³⁾; во множ. числѣ они слѣдуютъ твердому склоненію». Да вѣдь они — кромѣ безмножиннаго dziecię (457, 1) вполне сходствуютъ съ ciełe, между прочимъ и твердостью множинныхъ окончаній; притомъ ббльшая часть этихъ окончаній равняется староцерковнымъ. За-

1) См. впрочемъ Сравнит. морфол., стр. 574, 7—6.

2) Лучше бы сказать — названія молодыхъ существъ, или дѣтенышей.

3) Надо бы отмѣтить, что książe не княжичъ, а просто князь.

Сборникъ II отд. И. А. Н.

мѣчу еще, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно бы прибавить упоминаніе о сокращенныхъ формахъ слова *książe* — *księcia* и т. д. Формы множнаго рѣдника *wisien, sukien*, хотя и приведены (460, п. 9), но въ нихъ не подчеркнута появленіе — какъ бываетъ у такихъ словъ и въ русскомъ языкѣ — твердаго и мягкаго. Выраженіе, что указательное мѣстоименіе «теп можетъ усиливаться прибавкой частицъ *tam, że: tamten, tamże*» (466, 8 сн.), весьма неудачно, такъ какъ *tamten* вѣдь значитъ тотъ, а *tenże* — этотъ-же; къ тому-же *tam* совсѣмъ не частица. Отмѣтивъ обычай писать въ среднемъ родѣ *dobremi*, рядомъ съ *-уші* въ мужескомъ (что въ женскомъ тоже употребляютъ *-еші*, не сказано), и осудивъ это употребленіе (471, п. 3), авторъ тѣмъ не менѣе внесъ среднеродное *-еші* въ парадигму, на стр. 472; въ томъ же духѣ онъ поступилъ и съ творно-мѣстнымъ окончаніемъ *-уш* и его правописною разновидностью *-ém* (тамъ же). У мѣстоименій Флоринскій еще рѣзче осуждаетъ формы *naszemi* и *niemi* (466, 5 и 468, прим.) и въ парадигмы (466, 467 и 468) ихъ не вноситъ. Сравнимъ, однако, мою Краткую фонетику и морфологию польскаго языка, 36 вн., или Сравн. морф., 635, прим. 1. Обыкновенный видъ числовокъ 7 и 8 — не *siedem, osiem* (474), а *siedm, ósm*. Неточно выраженіе, что «окончаніе неопредѣленнаго склоненія всегда *ś*» (478, 5 сн.), вѣдь тутъ же черезъ три строки приводятся инфинитивы на твердое *s* — *pieś, wleś, pśc*. Единное 3-е величье глагола *być* звучитъ де «*jeś* (стар. яз.) и *jest* (нов. яз.)» 482, 10. На дѣлѣ и въ старину *jeś* почти не встрѣчается: оно отмѣчено только по разу во Флоріанской псалтыри, въ Святкрестскихъ проповѣдяхъ (*Kazania Świętokrzyskie*) и въ Констанціиномъ молитвенникѣ. Въ парадигму глагола *wieźć* (491) помѣщено «прич. наст. страд. *wiadomu*», хотя на стр. 480, вн., отмѣчено, что *wiadomu* и тому подобныя формы сохранились лишь въ качествѣ прикладковъ. Объ ълевомъ причастіи *plóŧi, wióŧi* сказано (493, 10—9), что оно имѣетъ «во мн. числѣ только *pletli, wiedli*», т. е. лично-мужескія формы, обыкновенныхъ же *plotŧy, wiodŧy* не приводятся. Изъ трехъ примѣ-

ровъ на куявское *ę* ви. общепольскаго *ą* (*ękart* незаконнорожденный, *pię, moję*, 539, п. 2) вѣренъ только одинъ—*pię* ви. *pią*. Горальское нарѣчіе въ формахъ *dóh, óh* несомнѣнно «удержало» *и = ó* (543, ви.), но въ *do dóhu, óhu, kóbe* и введено вновь. Въ заглавіяхъ Цейновинскихъ кашубскихъ книжекъ (558, вв.) смѣшаны знаки *j* съ точкой и *j* безъ точки, изъ коихъ первое обозначаетъ узкое, мягкое *i*, въ противоположность буквѣ *i*, равной польск. *u*, а вторая есть согласная, соответствующая польскому *j* и вмѣстѣ съ тѣмъ безгласная—знакъ мягкости (= *i* и *'*). «Чешскій лѣсъ» (583), служащій съ южной стороны границею серболужицкаго языка, — двойной недосмотръ: 1) ви. Чешскій лѣсъ, = нѣм. *Böhmerwald*, лучше бы было сказать Шумава, а 2) нужна тутъ не Шумава, а Рудныя горы. Акуть надъ согласными (кромѣ *ć* и *dź*) въ верхнелужицкомъ обыкновенно имѣетъ лишь этимологическое значеніе, и вовсе не обозначаетъ «мягкости согласныхъ» (601, 3); *o w'и h'*, равныхъ *j* и *jn*: *krej, kójn*, говорится у самого Флоринскаго—627 и 625 (подъ *j*). Непонятный мнѣ недосмотръ представляетъ указаніе относительно чередованія лужицкихъ *ó* и *o* (612, 5—7): «если вслѣдствіе сложенія или измѣненія флексіи удареніе переходитъ на другой гласный, то выступаетъ обычное *o*, напр. *konja, hłodu*» при *kób, hłód*. Замѣчаніе, что верхнелужицкимъ звукамъ *ć* и *dź* «въ нижнелужицкомъ часто соответствуютъ *š* и *ž*» выражено весьма неточно, да оно и излишне, въ виду того, что на стр. 620 объ этомъ дѣлѣ сказано достаточно подробно и совершенно вѣрно. Лужицкое (преимущественно верхнелуж.) *h* не есть «придыхательное *г*» 601, 8—9, а прямо равно нѣм. *h*, при согласныхъ же и въ исходѣ равно нулю. Отчасти это указано и у Флоринскаго, 627 ви., но насчетъ исхода онъ даетъ невѣрное правило, веля произносить *bósh* (626, 6 сл.). Опредѣленіе верхнелуж. *kh*, какъ «особое *sh*, произносимое съ густымъ придыханіемъ: *khogu*» (601, 11—12), невѣрно: это есть нѣмецкое *k*, отличающееся отъ славянскаго нѣкоторымъ придыханіемъ. (Самъ авторъ, на стр. 621, 2 сл., объясняетъ *kh* нѣмецкимъ вліяніемъ). Совершенно своеобразныя по измѣненію звуковъ

strowy (съдравѣи) и śra (истѣва) напрасно поставлены на одну доску съ обыкновенными случаями уподобленія (626, 9 сн.). Замѣчу еще, что zwjazać-zwézać не слѣдуетъ объяснять превращеніемъ в передѣ w въ z — вѣдь zw вполне обычное сочетание, а wréwać, надо полагать, содержитъ предлогъ съ. Въ серболужицкомъ яз. твор. п. двойств. ч. сходень не съ родит. (какъ въ старослав. яз.), а съ дат.-мѣст. п.» (635, п. 11) — нужно «мѣст. п.» и съ «дат.-твор.». Приводимый (655, 8) супинь рјас, хотя и произошелъ несомнѣнно изъ супина *пецъ = староцерк. пѣштъ, но совпадаетъ съ инфинитивомъ рјас, = староцерк. пѣшти. Некстати (661, прим. 1) говорится: «не слѣдуетъ забывать, что иногда и старослав. ѡа возникло изъ болѣе древняго ѡа, напр. творѡахъ, слоужаахъ» — для серболужицкой рѣчи изъ этого ровно ничего не выведешь. Не надо было, подъ парадигмой dać (666) помѣщать переходящее dawach, хотя бы съ оговоркою, что оно «собственно относится къ глаголу dawać» (667, 1—2). Сокращенное написаніе «hić(ś)», стр. 671, 10, неточно, такъ какъ вѣдь по-нижнелужицки huś. 3-ьеличныя miśa, khodźa и папричастки miśo, khodźo (679, 9 сн.) лишь по недосмотру попали въ число формъ, примѣнившихся къ единному 1-воличью — напротивъ, какъ и сказано выше, черезъ строку, miśu и khodźu позаимствовались у miśo, khodźo, -śa, -dźa и у другихъ формъ настоящаго. Принявъ (694, пр. 2) мое пониманіе написаній eu и au для полабскаго языка (какъ ei), Флоринскій всетаки не разъ употребляетъ ai: aid 695, п. 12, godai 697, п. 2, pūlai тамъ же II, vaiikai, -kě, -kè, kūstai, vaiikam тамъ же III, jai 698, 12.

*Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть у Флоринскаго и прямыя неоптности*¹⁾. Буква ě у Чеховъ вовсе не обозначаетъ «двугласнаго краткаго ie» (58 сер.), а обозначаетъ e съ предшествующимъ легкимъ j (неслогóвымъ i): město, běh, pět,

1) Неразъ, конечно, можно сомнѣваться, имѣемъ ли мы дѣло съ неоптностями, или съ простыми недосмотрами.

květ = mjesto, bjech, pjet, kvjet. Что въ такихъ словахъ, какъ dělo, němu, tělo она выражаетъ е съ мягкостью предыдущаго сѣзвучника, на это указываетъ самъ авторъ, говоря, что ně, dě, tě пишутся «неправильно» вм. ње, ње, ње. Напрасно Флоринскій противопоставляетъ старочешскія слова blázn дуракъ, bázn и kázn, какъ двусложныя, со слоговымъ п, теперешнимъ односложнымъ (77, 9—12): напротивъ, теперешнія двусложныя blázen, bázeň и kázeň (со вставнымъ е) въ старину были односложными¹⁾. Два раза (79 сер. и 80, 7) указывается, какъ множной рѣдникъ къ poha, — pŏh, каковой выговоръ нѣкогда существовалъ, но долженъ былъ, при чисто звуковомъ развитіи, перейти въ pŏh, или же (какъ случилось въ дѣйствительности), путемъ подражанія, — въ poh²⁾. Совершенно не понимаю, на чемъ основано утвержденіе, будто по-чешски «s, z всегда тверды, а c — мягко» (90, 7 сл.): всѣ три звука, какъ почти всѣ чешскіе сѣзвучники, — средніе, способные къ легкимъ отгѣнкамъ подѣ вліяніемъ слѣдующаго гласника; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ также непонятно, почему Флоринскій считаетъ твердымъ с въ пришлыхъ словахъ (palac, palac) и возникшее путемъ сліянія согласныхъ (so = šso, bohatství = bohatství). Неладно сказано, что у Чеховъ «нерѣдко (въ литературномъ языкѣ) j возникаетъ передъ начальными гласными, особенно передъ i» (94, вн.), тогда какъ призвукъ j передъ начальнымъ i (кромѣ союза i) обязателенъ³⁾, а передъ другими гласными вовсе не появляется. Что это за особенность говоровъ дугѣбскаго и злинскаго выговоръ bŭch, snŭch, chler, vus (95, 5—4)? Вѣдь переходъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные общечешское (въ то же время болѣе-менѣе общеславянское

1) Gebauer, Staročeské sklonění substantiv kmene -o. Pojednání Královské České Společnosti Nauk. Řady VII svazek I. V Praze 1886, стр. 4. Historická mluvnické, III, 86, стр. 49.

2) Gebauer, Staročeské sklon. sub. km. -a, тамъ же, svazek 2, 1888, стр. 8, приводитъ изъ рукописи Пророковъ XIV в. написаніе jeho pooh. См. также Hist. mluvnick., III, 143, стр. 179.

3) Да и самъ Ф. тутъ же отмѣчаетъ начальное i (iný, íva, íakra, it) какъ *областную черту*.

и даже общечеловѣческое) явленіе, такъ что отрицать слѣдуетъ тѣ случаи, гдѣ его не бываетъ, напр. выговоръ *dub, lud, krév, raúiz*¹⁾, *piž* въ угорско-словенскомъ разнорѣчии, какъ Бартошъ (I, 34, п. 6) и дѣлаетъ. Нарѣчіе *kde* въ выраженіи *kdè jste?*, съ двойною погрѣшностью, названо союзомъ и энклитикой. Въ двѣиномъ числѣ служатъ де окончаніями «для основъ на согласный: у, і, ѣ (им., вин. п.) . . . напр. *koguhwu, kameny, gameny, dietietie, dvě teletie»* (104, п. 9). Букву *u* въ *koguhwu* и *gameny* мы, конечно, вслѣдъ за Гебауеромъ, должны читать *i*, а *kameny* — признать образованіемъ по ёровому склоненію, на ўковскій ладъ (какъ сынъ). *Hist. mluvn.*, III, 310, str. 339; 360, str. 417; 354, str. 409, такъ что *u* здѣсь вовсе не принадлежитъ «къ древнимъ окончаніямъ» (103, 1 сл.). *Dva, oba* не есть муж. и сред. р. (105, 2) — средній родъ совпадаетъ съ женскимъ, *dvě, obě. Zemané, dvořané* (108, п. 3) древнія образованія отъ согласныхъ основъ — вторичной приходится считать только долготу, идущую вѣроятно изъ йжеваго склоненія; такая же форма и польское *mieszczanie* (444, 3—1). Какія это «словъ чешскаго образованія» *manžel* супругъ, *popel* пепель, *toul* колчанъ, *túl* затылокъ (123, 8—11)? Развѣ они не праславянскія? Слово *pondělí* понедѣльникъ обыкновенно не муж. р. (130, п. 2), а средняго. Напрасно авторъ отрицаетъ существованіе въ старочешскомъ рѣднаго падежа прикладочнаго склоненія *dobré* (156, 13—14)²⁾, вслѣдствіе чего считаетъ нужнымъ выводить его путемъ отпаденія *j* изъ явно вторичнаго *dobrej* вм. *dobřej*, утратившаго смягченіе подъ вліяніемъ другихъ падежей, особенно должно быть именно рѣдника *dobré*³⁾. Несовсѣмъ вѣрно, что въ литературномъ языкѣ чешскомъ конечный *l* элевыхъ причастій всегда удерживается (165, сер.). См. Сравн. морф., 537, пр. 2. Положеніе, что *rojíti* въ смыслѣ пропасть, погибнуть образуетъ настоящее

1) *Raúiz* = *равиз* шесть, коимъ сверху придерживается увязанная клады на возу (снопы, сѣно).

2) Gebauer. *Hist. mluvn.* III, 443, str. 542.

3) Сравнимъ впрочемъ также на слѣдующей стран., по серединѣ.

(будущее) *pojdu* и вѣлительное *pojdi, -ěte*, отличныя отъ *půjdu* пойду и *pojď, -te* пойдѣ, -ите (180, 6—8), есть, навѣрно, чьенибудь мудрствованіе. *Vaři, -ite* берегись, -итесь, разумѣется, нельзя считать «повел. накл. отъ устарѣлаго глагола *vaři*» (192, 12), каковое звучало бы *vař, vařte*. См. Сравн. морф., Попр. и дополи., стр. 829—830. Нельзя допустить, чтобы при «послѣдовательной перегласовкѣ *u* въ *i*», «въ наст. врем. *сохранялись u, ou: píšu, píšou, miluju*» (196, п. 2): конечно, они *возстановлены*, по примѣру глаголовъ твердаго окончанія. Выговоръ *кгеју* *вм. kruju (-ji)* совсѣмъ не однороденъ съ *leju* *вм. liju* (196 вн.): первое подражаетъ инфинитиву *кгејті* изъ *кгути*, а второе представляетъ архаизмъ и равняется староперк. *лѣж*. (Едва ли можно, какъ я дѣлалъ ранѣе, возводить *кгеју* къ праслав. *кргж*; впрочемъ и въ такомъ случаѣ оно не должно быть сопоставляемо съ *leju*). У *dobrú sestru* и *u -gej -gu* вовсе не звуковыя разновидности одного окончанія (197, п. 14): *у* дѣйствительно соотвѣтствуетъ литературному *-é* (= *-ьжъ* или мѣстоименному *-ојн*), *-еј* же находится въ связи съ *-ни* и съ *-ои*. Упрекъ Гебауеру, что онъ утверждаетъ, будто словацкое количество «вполнѣ совпадаетъ съ чешскимъ» (263, 6 сн.), основанъ на ошибочномъ переводѣ слова *celkem*, означающаго «*im Ganzen*, вообще», а не «вполнѣ». Невѣрно, что азовыя окончанія словацкихъ формъ *dlaňam, kostam, dlaňach, kostach* и *dlaňami* не находятъ соотвѣтствія у Чеховъ (280, сер.) — самъ же Ф. приводитъ (137) соотвѣтственные образованія *daním, -ích, -ěmi*. Правда, есть тутъ и разница: словацкія *-am, -ach* надо объяснять не простымъ заимствованіемъ, а сдѣлкою между *-ām, āch* и *-ēm, -ěch* (= *-ьмъ* и *-ьхъ*). Слова *jazves, šves* и *žnes* вовсе не «переставляютъ» *e* въ другихъ падежахъ, *jazevsa, ševsa* и *ženca* (292, п. 7). См. Сравн. морф. 485, пр. 2 и статью Брюкнера въ *Arch. f. sl. Ph.*, XII, 290 сн. До насъ вовсе не дошло полной Библии на старопольскомъ языкѣ (392, 4 сн.): Софінна или Шарошпатацкая библия весьма неполна. Какъ можно говорить, что польское *e* напоминаетъ не только франц. *in* въ *rain*, но и «*ин*» (410, 2—3)? Со-

вершено невѣрно, что «въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко *á* обозначаетъ ясное *a*, а сжатое *a* напротивъ того передается обыкновеннымъ *a*» (417, пр. 2) — это замѣчается не въ рукописяхъ, а въ старопечатныхъ книгахъ, притомъ не только часто, а постоянно. Старопольское *rwac*, = *пѣвати*, совсѣмъ не представляетъ превращенія *u* въ *w* (425, 7—8). Польское *i* послѣ гласныхъ (*moi, zyu* и т. п.) не даетъ никакого зіянія (тамъ же, 9—10), такъ какъ передъ нимъ слышится другое, неслогбвое *i*. *Wszak, wszego, szedziwu* отнюдь не «мѣстные» слова (432, 10—9). Множннй рѣдникъ *padziei* вовсе не особенность Мицкевича (443, 2), а обыкновенная, хотя и нѣсколько странная форма. Рѣдникъ *lże* во Флоріанской псалтыри не есть примѣръ перехода слова *ложь* изъ *йжеваго* склоненія въ *азбвое* (444, 9—10), и мы его должны, вслѣдъ за Нерингомъ, относить къ назывнику *lża* = староперк. *лъжа*. *Szwec* (454, 7 сн.) — погрѣшность вм. *szewc*. Фамиліи *Fredro* и *Kościuszko*, конечно, совсѣмъ не литовскаго происхожденія (457, сер.)—литовскими ихъ можно назвать лишь по польскому способу, различая поляковъ-коронниковъ (*koroniarze*) и поляковъ-литовцевъ (*litwini*). Приводимое на стр. 460, п. 9, *a, gęśla*—форма небывалая. *Radzi, wacsi* и *kontenci* дѣйствительно принадлежать къ именному склоненію и только совпадаютъ съ прикладочными (сложными) образованиями (462, 6—5), но *gade, warte* и *kontente* такъ-таки образованы по «сложному» склоненію. *Wezwawszy* и *skowawszy*, взятыя, при посредствѣ Калины (Hist. j. p., 373), изъ Софінной библии (стр. 113 b и 278 b, по изд. Магъэцкаго), не могутъ служить примѣрами на употребленіе прошлостнаго папричастка отъ глаголовъ несовершеннаго вида (480, 8—9), такъ какъ принадлежать къ совершенному; да и *znapionawszy* стоитъ (тамъ же 205 b) въ соединеніи *pariawawszy listy ... i zn.*, гдѣ играетъ роль того же совершеннаго вида¹⁾. *Leciemy, chodziemy*, представляющіе «е, несомнѣнно воз-

1) Изъ подобнаго же сочетанія взято и Калинино *jeschawszy Księgi Ustaw 24 b, 12: do wrot jego jechawszy i laakę (-a?) uderzawszy*. Читанное у него же *slawszy* (Соф. 75 a) есть опечатка вм. *slawszy* = *сланивъши*.

никшее подъ вліяніемъ основъ настоящаго на е» (483, 6—5), должны быть объясняемы вліяніемъ единнаго 1-личья на множинное. См. мою Кратк. фон. и морф. польск. яз., 40—41, а также у самого Флоринскаго, 500 сер. и 501 сер. же. Z, s въ кашубскихъ *vesc, nesc, sedmé, serp, zeńa, zébnos*, конечно, не «остаются твердыми» (566, п. 12), а впоследствии отвердѣли. Сравнимъ *rodło*, непременно предполагающее *śodło, śedło*. Вовсе не «большая», а лишь малая часть сербовъ-лужичанъ исповѣдуетъ католицизмъ (584, 7—5). Далеко не точно сказано про лужицкую букву *ř*, что она «употребляется (за немногими исключеніями) только въ верхнелужицкомъ нарѣчїи», «звучитъ совершенно какъ *š* (ш) и принято изъ этимологическихъ соображеній только въ латинской графикѣ Матицы» (601, сер.) — вѣдь именно въ нижнелужицкомъ *g* чаще переходитъ въ *š* (см. у самого Флоринскаго, 618), и если Мука считаетъ знакъ *ř* «лишнимъ для нижнелужицкой графики», то дѣлаетъ это съ фонетической точки зрѣнія (*Laut- und Formenlehre*, 23, Anm.). Что слово *ralo* (луж. *gadło*, 616, 10 сн.) не представляетъ отпаденія *o*, отмѣчено уже въ первомъ моемъ разборѣ, стр. 14, сер. Что это за чередованіе *l* и *g*: *kowal* и *kował* (619, 7)? Вѣдь тутъ употреблены разные наставки! Сравнимъ сербо-болгаро-словенское *ковач*, въ коемъ, конечно, никто не вздумаетъ выводить *ч* изъ *ř* или изъ *l*. Нижнелуж. *řila*, разумѣется, не представляетъ нижнелужицкаго перехода *f* въ *p* (621, сер.), такъ какъ оно равно верхнелужицкому *řila* и общеславянскому *пила*, которое м. б. и заимствовано изъ старонѣмецкаго *fila*, съ указаннымъ превращеніемъ, но еще въ праславянскую пору. Творные падежи *požom, konjom, tořjom* нельзя выводить фонетически изъ *ножемь, кофемь, моремь* (634, сер.), а надо объяснять вліяніемъ твердаго различія. Множннй рѣдникъ *swini* вовсе не есть подражаніе ижевому склоненію (642, сер.), а просто равняется староцерковному *свинни* и русскому *свиней*; напротивъ того, приводимое на стр. 639, п. 3 и 641, 5 сн. *swiń* есть подражательная форма — плодъ примѣненія *іотоваго* различія къ собственно-мягкому, произшедшаго, понятно,

въ такое время, когда еще господствовали безсуффиксные рѣдники *zeń, gól* и т. п. Нижнелужицкое окончаніе *tej* (*plešotej*) едвали «могло возникнуть по аналогіи *mej*» (*plešomej*, 658, 13—14), а скорѣе наоборотъ *tej*, возникшее подъ вліяніемъ указательнаго мѣстоименія, вызвало *mej* вм. *toj*.

И въ настоящемъ выпускѣ, также какъ въ первомъ, проявляется иногда слишкомъ свободное отношеніе къ звуковымъ законамъ. Срв. первую рец., стр. 11. Авторъ не затрудняется выводить чеш. *zgáti* изъ *zъrѣти* (62, сер.), тогда какъ тутъ надо предполагать разныя глагольныя примѣты. Онъ допускаетъ, что слово *сѣра* уже въ старочешскомъ, когда другія слова на мѣстѣ ѣ представляли *ie*, могло звучать *síra* (тамъ же) — я бы считалъ обязательнымъ для такого *síra*, рядомъ съ *miega, viega, vietg* и т. д., предположить въ словѣ *сѣра* праславянское колебаніе между *ъ* и *и*. Онъ не задумывается выводить *e* изъ *a* въ древнечешскихъ *nem, vem* вм. *nám, vām*, въ словѣ *beran* баранъ и въ областныхъ *bezmale, telif, jesan* и *selat* (68 вв.). Изъ этихъ словъ *nem, vem* вѣроятно объясняются примѣненіемъ къ *těm*; *bezmale*—приняло обычное нарѣчное окончаніе *-e = ѣ*; *telif* просто сохраняетъ *e* нѣмецкаго *Teller*; *jesan* должно быть есть сѣмѣсокъ *ja-san* и *jesen*; *selat* могло быть приурочено къ причастію *sel* глагола *síti-seti*; соотношеніе фонемъ *beran* и баранъ (есть еще и бо-) неясно, однако не даетъ права выводить *e* изъ *a*. На той же стр., строка 6—7, авторъ допускаетъ, рядомъ съ обычнымъ переходомъ въ ляхскомъ говорѣ долгаго *a* въ *o*, такой же переходъ краткаго *a* въ словахъ *romat* и *romatka* вм. *raměť* и *ramátka*, — тогда какъ вполне удобно видѣть здѣсь появленіе болѣе обычнаго предлога *ro*, взятаго у глагола *romněti*. Нарѣчія *kame, tame, take* съ переходомъ *o* въ *e* (71, сер.), надо полагать, произвели такую же подстановку обыкновеннаго нарѣчнаго окончанія, какъ *bezmale*. «Во многихъ» де «моравскихъ говорахъ (валашское, ляхское, злинское нар.) вм. и слышно иногда *y*: а) въ нарѣчιάхъ *z mlady* вм. *z mladu, z pouy* вм. *z pouu, od hlady, z domu, ro česku* вм. *ro česku* и др.; б) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сло-

вахъ: *byd', byďte, slych*» (74, вн.). Развѣ не ясно, что *byd', -te* явились подѣ влияніемъ *bŭti, slych* — подѣ влияніемъ *slyšeti*? Что по *česku* представляетъ сдѣлку между по *česku* и *česky*? (срв. рус. по-чешски). Z *mlady* и *zпову* должно быть содержать прикладокъ въ женскомъ родѣ; od *hlady* вѣроятно сѣмѣсокъ нарѣчнаго выраженія od *hladu* съ нарѣчнымъ творникомъ *hlady*. Только z *domu* неясно (подѣ влияніемъ z *chalupy* — изъ избы?); но неужели изъ-за него необходимо прибѣгнуть къ звуковому насилію? Въ вопросномъ мѣстоименіи *kdo* авторъ безо всякаго затрудненія говоритъ о переходѣ *kt* въ *gd* (87, 8 сн., 90, сер.), — вѣроятно тутъ надо допустить примѣненіе къ нарѣчіямъ *kde* и *kdy*. Выводитъ онъ также (93, 1 сн.) *gošti* фонетически изъ *goždí*, какъ *dešť* изъ *dežd*, гдѣ имѣется правильное обезголовшеніе исхода¹⁾; тутъ, очевидно, примѣшался глаголъ *rŭsti-rostu*. Въ областныхъ формахъ нарѣчій *vícej, dálej, méněj* и т. п. Флоринскій говоритъ (94—95) о приставочномъ *j*; тогда какъ, разумѣется, здѣсь произошло примѣненіе къ другой наставкѣ сравнительной степени *-ěji* (*později*). Онъ утверждаетъ, что «др. *j* замѣнено *l* въ др. ч. *ledno* (вм. *jedno* = *jep* [только]) и морав. *lep* (вм. *jep*)» 95, 3—4; хотя тутъ же признаѣтъ, что «въ *ledva* рядомъ съ *jedva* *l* происходитъ изъ праслав. періода». Отъ этого *ledva*, или же прямо отъ *le*, = *лѣ, клѣ*, и могъ быть заимствованъ звукъ *l* въ *ledno*. Относительно *г* Флоринскій допускаетъ, что онъ «иногда передъ *ь* и *е* (первичными) не смягчается въ *ř* . . . , напр. *береѣ* вм. *беѣше*, *бер*, *berte* вм. *беѣ*, *беѣте*, *doktore!*, *sbore!*, *stařec* и *starec*» (83, 6—4) — это все несомнѣнно вторичные плоды примѣненія къ родственнымъ формамъ, напр. у слова *stařec* къ косвеннымъ падежамъ, гдѣ сложное созвучіе *rŭts* упростилось въ *rŭt*. Сравнимъ у самого Флоринскаго 183, 4 сл. Въ польскихъ глаголахъ *gnać* и *oślnać* авторъ усматриваетъ исчезновеніе гласнаго *e* (425 сер.); но *e* непрѣменно бы уцѣлѣло, основныя же фонемы были рѣзны и *осл(п)нжти*. Онъ, не за-

1) *Deště*, *-i* и т. д. суть новотворки къ назывно-винительному *dešť*.

думываясь, допускаетъ въ областной рѣчи у Поляковъ совсѣмъ странное отпаденіе начальнаго г въ предлогѣ *roz*: *ozlał*, *ozdać*, *ozłożyc* (434, 9—8) и *g* въ словѣ *gobak* червь (435, 2). Областное же (лясовское) *rodnoga* вм. *-lo-* полъ представляетъ могъ п изъ *l*, тогда какъ оно легко объясняется примѣненіемъ къ слову *noga*. Въ словахъ *inpu*, *rapna*, *gуппа* водосточная труба будто бы удвоился простой п (427 сер.); изъ нихъ *гуппа* пришло съ такимъ п отъ нѣмцевъ (*Rinne*), *rapna* (= паньна) имѣетъ два этимологическихъ п, а *inpu*, видимо, приобрѣло второй п, замѣнивъ старыи прикладочный суффиксъ *-у*, *-а*, *-е* болѣе живымъ *-пу*, *-па*, *-пе*. Авторъ допускаетъ, что «гласный у иногда замѣняетъ другіе гласные — *e*, *u*, *i*: *gagnušek*, *słonuško*, *dzvonušek*, *chłorušek*, *vonušek*,...*krychu*; въ твор. мн. ч. *шу* вм. *mi*: *jajmu*, *wołmu*, *ńemu*... (540, п. 7)¹); *-ušek*, *-uško*, конечно, другіе суффиксы вм. *-ešek*, *eško*, *-ušek*, *-uško*; *krychu* — другая огласовка корня; *-шу* — сумѣсокъ окончаній *mi* и *у*. Въ исходѣ словъ могутъ де появляться у Лужичанъ (преимущественно въ разныхъ говорахъ) п, м, г, напр. *нижнелуж.* *ten*, *wšen*, *něchten*, *nichten*, *верхнелужицкія* *tón*, *wšón*, *něchtón*, *nichtón*; *lěbdyn*, *wjelgin*, *žgan* (*нижнелуж.*), *lěbdym*, *lědym* (*нижнелуж.*), *hušcer*, *južog* (*нижнелуж.*), *něntog* (*гродецк. г.*), *tamkor*, *tuder* (628, 10—6). Чтó это за приставки ни съ того, ни съ сего?

Въ иныхъ случаяхъ впрочемъ и Флоринскій прибываетъ вмѣсто фонетическихъ объясненій къ аналогіи, иногда даже безъ особенной надобности. Такъ мнѣ кажется гораздо естественнѣе допустить переходъ *с* въ *ś* чѣмъ объяснять слова *obšap*, *Ołomušap*, къ *обес* община, *Ołomuś*, вовсе не аналогичнымъ *Prāšap* при *Prāna* (92, прим.). Совершенно не правдоподобно, чтобы *e* въ *давальникѣ* *rgāset* «удержалось по аналогіи имен. ед. и мн. ч. и тв. мн.» (120, вв.). Впрочемъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно не обойдешься безъ посторонняго вліянія, а именно ижеваго скло-

1) Здѣсь Флоринскій воспроизводитъ показанія Оскара Кольберга (*Lud*, IV, *Kujawy*, *Wağawa* 1867, стр. 285, 79 и 284, 57); но воспроизводящій безъ оговороки чужой взглядъ беретъ его на свою отвѣтственность.

ненія: *grásem* по *kostem*, какъ наоборотъ *daním* по *duším*. Польское областное *dobgu* вм. *dobrej* рѣшительно незачѣмъ объяснять примѣненіемъ къ именному склоненію (511, п. 27) — оно легко могло возникнуть фонетически изъ *-éj*, *-uj*.

На счетъ некоторыхъ вопросовъ Флоринскій выражается чрезвычайно осторожно. Такъ онъ говоритъ (167, пр.), что «только въ заподозрѣнныхъ текстахъ встрѣчается флексія *ži*: *riješi*, *chseši* (Краледворская рукопись), *peštaši*, *mlviši* (Отрывокъ Евангелія отъ Іоанна)», не рѣшаясь, по излишней уже осторожности, назвать эти рукописи прямо подложными. Онъ говоритъ, что у поляковъ «въ повел. накл. вм. ожидаемыхъ *dz*, с ... слышится *ž*, *sz*: *laž*, *rošbž*, *riecz*, *tłucz*» (430, 5—4), не прибавляя столь очевиднаго объясненія, что *ž* и *sz* пришли сюда изъ настоящаго; да и на стр. 484, сер., онъ не признаётъ этого объясненія несомнѣннымъ, а только возможнымъ.

Подчасъ однако мы находимъ въ разбираемой книгѣ сужденія вовсе не осторожныя, а напротивъ того довольно смѣлыя. Такъ, по словамъ Флоринскаго, «необходимо предположить, что, покидая общую славянскую родину, чехи уже говорили своею особою рѣчью, отличавшею ихъ отъ другихъ славянскихъ сородичей» (34, 12—10). Я не вижу тутъ никакой необходимости и никакихъ оснований для того или иного сужденія. Точно также считаю слишкомъ рѣшительнымъ замѣчаніе, что къ IX—X ст. обликъ чешскаго языка, нужно думать, опредѣлился съ достаточною ясностью и совмѣщалъ въ себѣ тѣ характерныя черты, которыя въ позднѣйшую пору отличали его отъ другихъ славянскихъ языковъ» (34 же, 4—1). Въ дѣйствительности тогда не было напр. суженія (перегласовки), не было *ř*, не было совпаденія *ы* съ *і*, ни *ї* съ *і*. Отмѣченное въ одной грамотѣ (1028 г.) *Dubgeu* нашъ авторъ не затрудняется выводить путемъ перегласовки изъ *Dubgava* (37, сер.) — здѣсь или описка, или совсѣмъ другое слово. Не много ли сказано, что «въ древнѣйшую пору, въ Кирилло-Меодіевскую эпоху (IX ст.), чехо-мораване пользовались, если не исключительно, то преимущественно, славянскимъ письмомъ

(кириллица и глаголица)? (56 вв.). Также и преемственность въ употребленіи глаголицы подлежитъ сильному сомнѣнію. Подобнымъ же образомъ какъ насчетъ древности чешскаго языка, авторъ высказывается и насчетъ древности польскаго (388 сер.): «имѣя въ виду аналогію другихъ славянскихъ языковъ, нужно допустить, что и языкъ славянскихъ колѣнъ яшской вѣтви, сложившихся впоследствии въ польскій народъ, представлялъ свои характерныя особенности, отличавшія его отъ другихъ родственныя языковъ, уже въ періодъ выселенія племени изъ общей родины въ привислинскія страны (въ VI в.)». Не вижу, дагѣе, основанія думать, чтобы въ праславянскомъ языкѣ употреблялись назывничныя формы *jь, ja, je* (149, 5). Довольно смѣлымъ мнѣ представляется мнѣніе (высказанное, правда, какъ свое личное), будто «необходимо признать, что польскій языкъ издавна представлялъ три главныхъ носовыхъ гласныхъ: *o, e, ǫ*» (415, сер.). Естественногѣе думать, что польская рѣчь въ древнѣйшее время представляла носовыя гласныя *o* склонное къ *a* и *e* склонное къ тому же *a*, причемъ второму предшествовали мягкіе созвучники, и *tó* и другое могло быть долгимъ или краткимъ: *sǫ^od, sǫ^ok, řǫ^ed, řǫ^et*; потомъ носовыя *o^o* и *e^e* совпали въ одномъ носовомъ *a*: *sǫd, sǫk, řǫd, řǫc*, и наконецъ уже *ǫ* перешло въ *o*, *ǫ* — въ *e* (*sǫd, sǫk, řǫd, řǫc*), причемъ иногда — по невыясненнымъ причинамъ — сохранялось носовое *a*. Пожалуй возможно, но по моему, совсѣмъ не «вѣроятно», что значительное «разнообразіе говоровъ среди маленькаго серболужицкаго народа восходитъ къ глубокой древности» (585 вв.).

Несмотря на все свое вниманіе къ исторической сторонѣ дѣла, — срв. хоть указанія на стр. 97, 3—4 и 10, что b и p въ чешскихъ hnuti, hynouti, hřesti, usnouti, kapouti выпали уже въ праславянскую эпоху, и что къ ней же относится вставочный n въ do něho, — авторъ впадаетъ въ иные случаи въ неисторичность. Слово jest со своимъ праславянскимъ призвучемъ совершенно некстати помѣщено рядомъ съ jiti и областнымъ joci (81 сер.). Давально-мѣстный падежъ слова deska—desce (133,

п. 4) не можетъ служить примѣромъ измѣненія *k* «передъ *e* на основаніи общихъ законовъ языка», такъ какъ онъ звучалъ нѣкогда *deščě, deště*, и лишь впоследствии превратился въ *desce* подъ вліяніемъ такихъ случаевъ какъ *guka* — *guse* и *víska* — *vísce* (изъ вьсѣка). Геб., *Hist. mluvny.*, III, 137, стр. 176¹⁾. Если моль въ чешскихъ инфинитивахъ «передъ *t* оказывается согласный, который не соединяется съ этимъ звукомъ, то они подвергаются взаимнымъ измѣненіямъ на основаніи общихъ законовъ языка, напр. *vésti, plésti, péci*» (161, 5—3) — но вѣдь это явленія не чешскія, а праславянскія и славянолитовскія. Срв. 1-ую рец., 11. Какъ одна изъ особенностей грозенковскаго говора чешскаго языка указывается (338, п. 3), что «*e* исчезаетъ изъ окончанія есек: *chlapeček*», тогда какъ тутъ имѣется правильное проясненіе средняго изъ трехъ глухихъ въ основной фонемѣ хлапъчкъ, а литературное *chlapeček* переняло первое *e* у косвенниковъ *chlapečka* и т. д. Правда, Ф. въ указанномъ мѣстѣ говоритъ не отъ себя, а повторяетъ слова Бартоша (*Dial. mor.*, I, 40, 8), и надо думать, что онъ, равно какъ и Бартошъ, знаетъ настоящее положеніе дѣла (срв. у Бартоша стр. II, вн.) — но зачѣмъ же выражаться такъ ненаучно и сбивать этимъ учащихся? Въ областныхъ польскихъ *biegesz, biege* г конечно не сохранился въ несмягченномъ видѣ (426, 3—2), а возстановленъ изъ такихъ формъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ широкій гласникъ или же сбзвучникъ. Утверждая, что «передъ согласными *p* иногда твердѣть: *piosnka*» (427 сер.), авторъ забываетъ, что основной видъ этого слова есть *pієsnka*. Единное перволичье *upієjem*, стягиваемое въ *upієм* (483 сер.) — форма небывалая; также и *działam* не представляетъ «стяженія изъ первичнаго *aje*» (тамъ-же, 3 сн.). Срв. мою Краткую фон. и морф. польск. яз., 39, и кашуб. *zpaǰǎ*. «Праславянское *je* «у настоящаго къ глаголу *бус*» раньше всего исчезло въ 3 л. мн. ч.» (488, 4 сн.) — да вѣдь тутъ ко-

1) Срв. приводимое самимъ Флоринскимъ (92 вн.) *vojště*, рядомъ съ которыми, правда, и тамъ поставлено *desce* и однородное съ нимъ *Polase* — по старинному *Polšće, Polště*. Срв. также выше, стр. 208 (о. о. стр. 8), стрк. 12 сн.

ренной гласникъ *e* исчезъ еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Срв. мою статью «О сильныхъ и слабыхъ формахъ», 24 (= Р. Ф. В., XIV, 344), пр. 2. «Въ един. ч.» (лужицкаго велительнаго наклоненія) «личныя окончанія (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ) исчезли» (660, 13—14)—развѣ это произошло въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ? Вѣдь во 2 лицѣ *s* отпалъ у Пра-славянъ, а въ 3-мъ *t* — у Славяно-литовцевъ.

Случается автору, хотя онъ обыкновенно строго отличаетъ звуки отъ буквъ, принимать кое-гдѣ правописныя особенности за языковыя. Въ чешскихъ словахъ *dcka*, *předce*, *dvadset* онъ видитъ переходъ *s* въ *c*, въ *bohactví*, *dvanaáct* — переходъ въ тотъ же звукъ сочетаній *ts* и *ds* (91 вн.). «Иностранное *s* передается» могъ «то черезъ *š*, то черезъ *ž*: *Ježíš* (Jesus), *Mojžíš* (Moyses), *Šimon*, *Šavel*, *Mikuláš*, *groš*, *verš* (versus), *žehnati* (segnen), *žeml* (Semmel)», 93 сер., причемъ не обращено вниманія на то, что буквѣ *s* въ однихъ случаяхъ соответствуетъ звукъ *s* (безголосный), а въ другихъ — звукъ *z* (голосовой), каковая двойственность и отражается въ чешскихъ *š* и *ž*. На стр. 149, 13, приводится литературное *kdo* при народномъ *gdo*, тогда какъ тутъ имѣется лишь двоякое написаніе одной и той же фонемы. Безіотыя *sem*, *si*, *sme*, *ste*, *soč* (175, 1 сн.) только иное правописаніе *vm. i*отовыхъ, гдѣ начальный *j* не произносится. Этотъ *j* слышится лишь въ отрицательныхъ *nejsem*, *nejši* и т. д.; именно вообще слышится, а не то, чтобы онъ слышался и помимо отрицанія, но не такъ сильно (176, 3). Въ такомъ же соотношеніи находятся литературное *jdu* съ *j*, народное *du* безъ *j* (180, 8—9) и отрицательное *nejdu*, о коемъ Флоринскій забылъ упомянуть. Вслѣдствіе того, что словацкое *dvadsať*, съ буквами *ds*, звучитъ такъ же, какъ съ буквою *s*, то на стран. 305, стрк. 1 сн., при чтеніи вслухъ не получается смысла. То же самое на стран. 306, у чиселъ *tricať* и *štyricať*. Польское *jabko*, безъ *ł*, есть только болѣе звуковое написаніе *vm. ob*ыкновеннаго *j-a-b-ł-k-o*, въ коемъ *ł* не читается, а вовсе не областное (434, 10 сн.). Сравнительныя степени *ślabszy*, *łakomszy*, *powszy*, *bogatszy* и *starszy*, въ коихъ

«согласные не смягчаются» (473—474) должно быть представляють звуковыя начертанія вм. этимологическихъ съ *Ń, ě, ů, c* и *gz*¹⁾. *Ližszy* (съ *ž*) къ *lichy*, якобы возникшее «по закону расподобленія» (474, 1—2) есть лишь мудреное написаніе по образцу *wužszy* (нарѣчіе *wužej*) и *pižszy* (нарѣчіе *pižej*). То же самое относится и къ *ž* въ *sižszy*. Разница между верхнелужицкими *kšemjeń, křik* и нижнелуж. *kšemjeń, křik* (607, 2; 618, 8—10) существуетъ лишь на бумагѣ — еще разъ при чтеніи вслухъ получается нѣчто неладное. Рядомъ съ утратившими начальное *ch* нижнелуж. *cu, soš, co* (628, 1) надо было бы поставить и верхнелуж. *chcu, chceš, chce*. Срв. выше, стран. 210 (о. о. 10), серед. Невѣрно говорить, что заимствованное лужичанами нѣмецкое *tausend* тысяча звучитъ въ верхнелужицкомъ *tauszt, w* нижнелуж. *tozuznt*» (644 сер.): слышится и тутъ, и тамъ приблизительно такъ же, какъ по-нѣмецки, *touzt*, и только пишется то ближе къ нѣмецкому письму, то ближе къ произношенію²⁾.

*Изъ приведеннымъ случаямъ увлеченія буквами можно прибавить еще нѣкоторыя мѣста, гдѣ авторъ говоритъ довольно странныя вещи; причемъ вѣроятно по большей части имѣются простыя обмолвки, которыя могли бы быть включены выше въ списокъ «неточностей», хотя и наоборотъ кое-что оттуда пожалуй было бы вѣрнѣе отнести сюда. Позволительно ли сомнѣваться, что слогъ *ge* въ чешскомъ *keg* и т. п. словахъ произошелъ изъ *re*, а не изъ слогового *g* (или *ŕ*)? Стр. 77 вв. Не вижу также основанія сомнѣваться въ положеніи, что чехи въ старѣйшее время не знали шепеляваго *g* (84 пр.): если допустить, что издавна произносили *ř* и только (Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ) писали просто *g*, а не *gz* или *gs*, то вообще нельзя*

1) Можно впрочемъ указать вторичныя образованія, гдѣ смягченіе несомнѣнно отсутствуетъ: *sišazy* (рядомъ съ *sižazy*), *lichazy* (рядомъ съ *ližazy*, о коемъ сейчасъ будетъ рѣчь), *mišazy* и *lešazy* (рядомъ со *lišazy*).

2) Мнѣ сдается, что и чешское *au* въ какомъ-нибудь *zau* (Флор. 74, 5 сл.) было лишь написаніемъ на нѣмецкій ладъ. Срв. принимаемое Флоринскимъ мнѣніе Ягича (оно и мое) о написаніи *au* вм. *ej* изъ *ŷ* (78 сер.).

дѣлать никакихъ выводовъ изъ написанія памятниковъ. Какъ можно говорить, что въ мягкомъ различіи азбѣваго склоненія у чеховъ съ падежами давальнымъ, мѣстнымъ и винильнымъ (duši) совпали также однинный творникъ и множный рѣдникъ, гдѣ *i* (какъ тутъ же оговаривается) долгое? Стр. 112, III, 2. Не знаю, чего Флоринскій удивляется, что даже за послѣднія триста лѣтъ (шутка ли 300 лѣтъ?) въ [чешскихъ] нарѣчійхъ произошли болѣе или менѣе существенныя измѣненія» (195, 5—4). Чтѣ за странное выраженіе: «придерживаясь современной терминологіи, можно было бы сказать, что словацкій языкъ есть по преимуществу живой потомокъ славянскаго праязыка» (238, 8—10). И неясно, и недѣльно замѣчаніе, что «іотаціей *a* послѣ мягкихъ согласныхъ словацкій отличается отъ чешскаго и сближается съ малорусскимъ нарѣчіемъ» (253, 5—3). Не могу не опротестовать также слѣдующаго сужденія: «такъ какъ слова *čerešňa, čerjeslo* въ полногласной формѣ свойственны не одному какому-либо говору, а всему [словацкому] языку, то естественно въ нихъ видѣть одно изъ многихъ свидѣтельствъ исконнаго родства словацкаго языка съ русскимъ» (259—260). Чтѣ здѣсь предполагается? Существованіе полногласія во времена какого-то русско-словацкаго единства?! Столь же непонятно мнѣ сомнѣніе во вторичности такихъ явныхъ новотворокъ, грѣшницъ противъ праславянскаго закона смягченія, какъ давально-мѣстные падежи *guke, pohe, tuche*, какъ множные назывники *velkí, mnohí, tichí*, какъ сравнительныя степени *horkejší, trpkější, rezkejší, krehkejší, ľudskejší* и какъ притяжательныя прикладки *matkin, masochin, strigin*, и предположеніе, что «не правильнѣе-ли видѣть въ нихъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ кажущихся аномалій, которыя подтверждаютъ съ одной стороны своеобразность словацкаго языка, а съ другой стороны его близость не съ однимъ только чешскимъ языкомъ, но и со многими другими славянскими языками, въ данномъ случаѣ съ русскимъ?» (272—273). Непозволительно также, въ виду праславянскаго суженія *o* послѣ мягкости въ *e*, говорить,

что словацкія формы *mužovi*, *-om*, *-ov*, *-och*, ро́ю «можно объяснить двояко: или общимъ вліяніемъ твердаго склоненія на мягкое, или способностью сохранять неперегласованное *o* послѣ мягкихъ согласныхъ» (279—280); самъ авторъ, черезъ три строки, даетъ збвному падежу *dušo* первое, единственно возможное объясненіе. Совершенно излишне искать основанія старопольской путаницы въ обозначеніи *ы* и *и* въ переходѣ съ одной стороны *кы*, *ы* въ *кі*, *гі*, а съ другой — *чи*, *жи*, *ши*, *чи* въ *су*, *зу*, *зу*, *су* (399, 5): она просто протекла изъ того, что латинская азбука представляла два знака для звука *i* и ни одного для *ы*, и что не сразу установилось условное разграниченіе буквъ *i* и *у*. Чисто механично и неестественно говорить у поляковъ о переходѣ первичныхъ *tj* и *dj* послѣ *s* и *z* въ шипящіе, а не въ свистящіе: *chłostać* — *chłoszczę*, *gnieździć* — *gnieźdźę* (428, 11—13). Срв. мою замѣтку «Два слова о смягченіи *t* и *d*». Граммат. зам., стр. 74 = Р. Ф. В., VII, 268. Странно видѣть «смягченіе *s*» въ словахъ *zwiegsiadło* и *świecie* (431, 15—14): *zwiegsiadło* при староцерк. *зръцаао* очевидно развилось не фонетически, а подражательно. Срв. Грамм. зам., IV = Р. Ф. В., VI, 331. На *świecie* правильная форма отъ *świat*; или это какая-нибудь (имѣ неизвѣстная) областная форма дзавально-мѣстнаго падежа слова *świeca*, вродѣ бескидскаго мѣстника *grosie* отъ слова *grosz*? (Сравн. морф. 580, прим. 2). На это, однако, надо бы было прямо указать. Какое имѣется основаніе считать старопольскія и народныя *saśmu*, *saście* «искусственными формами»? (489 сер.): онѣ столь же естественно могли возникнуть при множномъ 3-тѣличьи *sa*, какъ *jestem* и *jestes* при одиномъ *jest*. Какое такое «расподобленіе согласныхъ» можно усмотрѣть въ словѣ *modlitba* (сѣверозап. говоръ верхнелуж. нар., иначе *-wa*): *b* вм. *w*, а также въ нижнелужицкихъ *karwona* ворона (по-верхнелуж. *hawton* воронь): *k* вм. *g*; *niedoruf* (по-верхнелуж. *-t*): *d* вм. *t*; *chgara* капля (по-верхнелуж. *krjera*), *chto*, *duchtaf*, *kléb* (по-среднелуж. *ch-*, по-верхнелуж. *kh-*) и *kśés* (по-верхнелуж. *chsuć*): *k* вм. *ch* и наоборотъ; *ledba* едва (по-верхнелуж. *-ta*) и

głub рядомъ съ głub кочерыжка: чередованіе m и b? (626—627). Одно только верхнелуж. štugi вм. št- (по-нижнелуж. st-) допускаетъ такое объясненіе, въ виду того, что št = tšt, хотя и тутъ слѣдуетъ видѣть не расподобленіе, а упрощеніе сложнаго созвучія. Кромѣ этого случая, да еще кромѣ cht вм. kt, здѣсь нечего думать о звуковыхъ переходахъ, а только о подстановкѣ другихъ наставокъ и о примѣненіи къ другимъ словамъ¹⁾. Что это за «вставка k» въ нижнелуж. sktugaś рыгать (которое мнѣ неясно), 628, 5 сн.; вѣдь, если и смотрѣть на дѣло чисто механически, тутъ можно говорить развѣ о «приставкѣ sk». Позвоительно-ли видѣть (628, 2—1) вставку b въ словахъ wičobnik (верхнелуж., нижнелуж. -sa-) ученикъ и wědobny (нижнелуж., по-верхнелуж. -шпу)? Во второмъ словѣ прежде всего никакъ нельзя усмотрѣть вставки, а только, пожалуй, переходъ m въ b, а кромѣ того въ обоихъ случаяхъ естественно признать производство отъ словъ на -ba, или примѣненіе къ нимъ: wičba — wičobny — wičobnik (= рус. учебник); wědobny или дѣйствительно отъ нынѣ, кажется, не существующаго wědba, или же изъ wědomy, -шпу, но съ мыслию о такомъ словѣ и съ примѣненіемъ къ нему. Не рѣшился бы я также написать, что нижнелужицкія serkweј, «kšweј кровь, tawiś таить, скрывать и общелужицкое rawk паукъ представляютъ вставку w (628—629). Въ первыхъ два, послѣ перехода конечнаго w̄ въ j, w вновь внесены изъ косвениковъ (serkwé). Срв. морф. 720, пр. 3; rawk представляетъ не вставку, а переходъ слогового u въ неслоговое; tawiś должно быть мудренное произношеніе (можетъ быть только правописаніе?) вм. tajiś, по образцу какого-нибудь dawis, произносимаго dajiś; одво пришлое riwopija дѣйствительно развило себѣ вторичное w между несочетаемыми съ собою гласными; среднелуж. knihwу (и по-нижнелуж. такъ, или же -ly) мнѣ неясно²⁾. При-

1) Не вижу расподобленія также въ областныхъ польскихъ словахъ chto, chtory, stufe, stvarty, kwała, kfest, Krystus, skovej 434, сер.

2) Флоринскій здѣсь выписываетъ изъ Муки, но выписывая онъ, какъ сказано уже выше, принимаетъ на свою отвѣтственность повторяемыя толкованія.

вода, какъ и предыдущіе примѣры, изъ Муки нижнелуж. *głowjedo gowa* и общелуж. *stadło*, не слѣдовало опускать столь естественнаго объясненія ихъ вліяніемъ реченія *głowa* (вѣдь скотъ считаютъ по головамъ) и ходячаго окончанія *-dło*. Подобнымъ же образомъ, полагаю, и *szazle* корь или краснуха (вѣм. *Mazeln* и областное *Masseln* корь — *Muske*, 280) переняло г у глагола *szazpić*. Не понимаю, какъ можно говорить о «совпаденіи» глагольной наставки *-шу* (*ralimъ, damъ*) съ соответственнымъ мѣстоименіемъ 1 л. мн. ч. *шу* (657): вѣдь окончаніе *шу* несомнѣнно вышло изъ *-мъ* (можетъ быть изъ *-мо* или *-ме*) примѣнительно къ этому мѣстоименію.

Нѣкоторыя положенія Флоринскаго я не рѣшаюся прямо отвергать, но все-таки считаю нужнымъ оспаривать. Старочешскій звукъ, передаваемый латинскою буквою *g* въ какихъ-нибудь *Vogumil* или *Dobrogost* (38, п. 5), могъ и не быть настоящимъ, взрывнымъ *g* (брага), а могъ быть *g* проточнымъ (благо). Высказавшись въ такомъ смыслѣ въ своихъ Лекціяхъ по историч. грамм. рус. яз., 113—114, я возобновилъ мысль, высказанную еще Добровскимъ, слѣдующими словами: «латинскіе писцы обыкновенно выбирали для передачи нашего *h* букву *g*, какъ до сихъ поръ пишутъ *Praga* вм. *Praha*. Церковно-славянскій глаголь есть собственно средній звукъ между *g* и *h*» (*Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Literatur*, Prag 1818, S. 80—81). *Večeros* (60, 8) должно быть замѣнило *-es* подъ вліяніемъ *letos*¹⁾. Областное *Lihota* вм. *Lh-* (тамъ-же и 72, 11—9), навѣрное, прошло черезъ посредствующую ступень *Ḷhota* съ мягкимъ слоговымъ *l*; въ старочешскомъ *dibři* первое *i* должно быть прямо обозначаетъ узкій глухой *ь*, второе же служитъ «мягкимъ знакомъ». Неперегласованное *a* въ моравскихъ говорахъ (*duša, miža, lavica, moša* 64, 5—3) я по большей части склоненъ объяснять не сохраненіемъ старины, а примѣне-

1) Приводимыя также, какъ примѣры на *o* изъ *ъ*, *blekot, chgarot*, надо полагать, содержать другую, хотя и родственную съ *-ага*, наставку *-ога*. Срв. общеслав. *животъ*.

ніемъ мягкихъ окончаній къ твердымъ. Сомнѣваюсь, чтобы чеш. «*kirchov* (нѣм. *Kirchhof*)» кладбище было однородно съ областными фонемами *slný, klč* вм. *silný, klíč* (75, 14—13): чешскій слоговой г едва-ли не ближе къ нѣмецкому глуховатому слогу *ig*, нежели чешскій слогъ *ig*. Созвучіе *žd'* изъ *zg* и *zd* (*roždička, hužděn*) 92, 12—9, я считаю необходимымъ объяснять сохраненіемъ въ соединеніи *ždž*, перешедшемъ впоследствии въ *žd'*, древнѣйшаго праславянскаго смягченія *g* и *d* въ *dž'*. Не вижу никакой надобности возводить чеш. *jho* къ праслав. *jьgo* (94, J, 3): можно исходить и отъ формы *igo*. Спорить буду, далѣе, противъ утвержденія, будто въ чешскомъ языкѣ «гораздо больше» остатковъ именного склоненія прилагательныхъ, «чѣмъ въ другихъ живыхъ славянскихъ языкахъ» (141, 7—6). Уже самъ Флоринскій оговариваетъ (141—142), что сравнительная сохранность названнаго склоненія замѣчается преимущественно въ языкѣ старинномъ и книжномъ, къ чему я прибавлю, не вдаваясь въ подробности, что по-русски чаще пользуются именными формами въ качествѣ сказуемаго (он мал, велик, тих и др.), и что сербы— въ извѣстномъ смыслѣ также словенцы¹⁾— до сихъ поръ сохранили, хотя не безъ внесенія туда сложныхъ окончаній, даже грамматическія категоріи прикладковъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ. Не могу одобрить еще причисленія, вслѣдъ за Гебауеромъ, къ мѣстоименному склоненію мѣстоименій личныхъ и возвратнаго, коимъ остальные противуполагаются, какъ «собственно мѣстоименное склоненіе» (145—146): вѣдъ первыя несомнѣнно гораздо ближе къ именамъ, чѣмъ къ другимъ мѣстоименіямъ. Аористныя 3-тѣличи *vedu, pesu, rohčebu, užasu* се должно быть представляли не долгое, а краткое *u*, и награждаются долгою лишь по невѣрной аналогіи настоящаго, такъ какъ конечные гласники, помимо стяженныхъ, какъ *dobrá, -gé*, и продолженныхъ въ нѣкогда закрытомъ слогѣ, какъ въ настоящемъ *vedú, -ou*, бывають кратки. Кажется, невѣрно, чтобы «въ выразитель-

1) Срв. 1-й разборъ, стран. 7, сер.

ной рѣчи вспомогательный глаголъ» (въ прошедшемъ времени у чеховъ) былъ бы «необходимъ» (174, сер.), хотя такъ говоритъ Миклошичъ (Сравни. морф., 565). Объясненіе настоящаго кгеју *vm. kguji* изъ велительнаго, перешедшаго-де изъ *kguj*, черезъ *kgú*, въ *kgej*, сложнѣе и менѣе естественно, чѣмъ указанное выше, стр. 230,8 (о. о. 31,8). Также для падежныхъ формъ *tým*, *tých*, *tými* Флоріанскій предпочитаетъ самому естественному объясненію ихъ изъ сложнаго склоненія, при коемъ понятна и долгота, менѣе удобное объясненіе — изъ мягкаго различія (299, 9—14). Сомнѣваюсь, чтобы по-словацки *dám* обыкновенно замѣнялось посредствомъ *dajem* (315, 1 сн.), и думаю, что *dajem* есть другая форма *vm. dávam*. Положительно не вижу надобности, изъ-за непривычности современному россиянину и даже поляку согласныхъ группъ, представляемыхъ словами Флоріанской псалтыри *stdze, czynoty, czso, dziedziczstwo*, предполагать въ этихъ группахъ присутствіе глухого (398, п. 4): вѣдь такія фонемы, какъ переходныя, если-бъ онѣ и не встрѣчались, слѣдовало бы предположить. Единичныя *ocięca* (*oczęca*) и *mięnie* (*mięne*) въ качествѣ давальника, конечно, также не доказываютъ существованія глухихъ: ихъ можно бы объяснить заимствованіемъ *e* изъ назывника *ocięc* и изъ древняго рѣдника *mięn*, но проще всего считать описками. *Bydło* въ смыслѣ владѣнія, *possessio* (по-чешски въ смыслѣ жилища, *habitaculum*), *czyślo, posledni* и нѣк. другія слова, приводимыя на стр. 400, 6—4, могли бы и не быть чехизмами, а древними чешско-польскими. Замѣчаніе, что «въ (польскихъ) говорахъ иногда смѣшиваются *l* и *ł*» слѣдовало бы подтвердить иными примѣрами, какъ *chwilka* и *chwiłka*, *łokaj* и *lokaj* (426, 12—13): во второмъ словѣ имѣется двойная передача нѣмецкаго средняго *l* (сравни. рус. лампа и польс. *lampa*), а первое (также пришлое) слово то сохраняетъ передъ наставкою *ka* свой мягкій *l*, то подвергается его отвердѣнію, по примѣру туземныхъ словъ, нѣкогда кончавшихся на *-ька*: *wieś*—*wioska*, *nić*—*nitka*. Въ случаяхъ смягченія *g* въ свистящій (*кѣназь, нозѣ*) я считаю необходимымъ приписать праславянамъ не «мягкое *z*»

(431 сер.), а такое же dz. Областное польское велительное *gvi*, рядомъ съ *pi* вм. *pij*, можно, пожалуй, выводить изъ обыкновеннаго *gwij* (435, 7), но его можно считать и архаизмомъ. Относительно того, что въ малопольскомъ произношеніи «е не расширяется въ о: *véze, véde, plete* (1 л. ед. ч.), *vézła, pletła, ośeł, kozeł, kośeł, metła, vézna, vézła*» (508, п. 3), я сомнѣваюсь и былъ бы склоненъ предположить скорѣе возстановленіе *e* изъ родственныхъ формъ; слова на *eł* = *ьл* фонетически вполне законны, и въ оправданіи нуждается широкій выговоръ *osioł* и т. д. Объяснять народныя *vzop, don* изъ *wziął, dał* черезъ *vzopł, donł* (510, п. 13) дѣйствительно возможно, но по моему естественнѣе видѣть здѣсь слияніе носового пѣзвуха съ зубникомъ *ł* въ носовой зубникъ *n*. Не вижу надобности выводить *ě* въ лужицкихъ многократныхъ глаголахъ *běgać (-ś), wudzěgać (hužěgaś), wuměgać (huměgaś)* изъ *i* (611, 9—11), такъ какъ его можно выводить изъ *č*. Не думаю, чтобы лужицкій рѣдникъ *tebje* прямо могъ считаться давальникомъ (646, 11—12) — мнѣ сдается, что это переименованное подъ влияніемъ другихъ падежей, ближайшимъ образомъ давальника, *śebje* = *тебѣ*.

Не разъ мнѣ казалось бы нужнымъ прибавить ко сказанному у Флоринскаго еще нѣкоторыя указанія и соображенія. Такъ не одни же старинныя написанія съ *ui*, вродѣ *Buistrice*, свидѣтельствуютъ о различіи въ старочешскомъ языкѣ между *i* и *u*, но видно оно уже изъ обыкновеннаго правописанія, а также изъ того, что только долгое *u*, а не *i* (исключая перешедшее предварительно въ *u*), превратилось въ *ej*. Если Чешскіе братья послѣ *s, z* и *ž* всегда писали *u*, различая *i* и *u* въ другихъ случаяхъ (49, пр. 1), то очевидно потому, что они, подобно какъ сербы-лужичане, произносили *su, su, zu*, хотя первый слогъ всегда, а другіе два нерѣдко восходили къ узкимъ слогамъ *ci, si, zi*)¹. Приводя самородное настоящее *sberu* при инфинитивѣ *sebrati* (68

1) Соображеніе это даже излишне, въ виду имѣющихся прямыхъ указаній. *Geb., Hist. mluvn., I, str. 212.*

сер.), не мѣшало оговорить, что теперь преобладаетъ примѣненное къ инфинитиву *seberu*, какъ и по-русски *соберу*. Относительно произношенія долгаго *u* за *ej* и сохраненія долгаго и начальнаго (73, 2—4 и 4—3) я прибавилъ бы, что меня, когда я, черезъ 22 года вторично побывалъ въ Прагѣ, поразило возобладаніе архаическаго произношенія *bŭti, ŭdolŭ*, очевидно, подъ вліяніемъ школы: изъ перваго посѣщенія Чехіи я вынесъ убѣжденіе, что произносить *ŭ* и *ŭ* манерно. Указавъ на неспособность предлоговъ *dle, kol* и *sktz* перетягивать на себя удареніе и на слабую притягательность предлога *ktoŭ* (99 сер.), я отмѣтилъ бы еще, что это предлоги вторичные, бывшіе сравнительно недавно самостоятельными, притомъ двусложными, нарѣчными. Насчетъ взятыхъ изъ моей собственной Акцентологіи слѣдовъ болѣе архаическаго акцентованія у чеховъ (102, 10 сл.) я теперь, кромѣ оговорки относительно *ho*, сдѣланной уже въ названномъ сочиненіи (153, пр. 2), имѣющей, конечно, силу и для *tu*, считаю нужнымъ оговорить, что *tnpe* развилось навѣрное не безъ вліянія надеждъ давально-мѣстнаго и творнаго *tnpě, tnpu*, и что въ *bju, rju, zvu, fku* и *přátelě* выпали не чистые звуки (Акцент. 155, 7—6), а глухіе; *pláti* же содержитъ корень *pol* (срв. *полѣти*). При чешскихъ народныхъ формахъ *poňouš, gukouch* и *poňouš, gukouš*, исходящихъ отъ двойнаго родно-мѣстника *poňou, gukou* (105, 6—8), я бы не преминулъ привести такое же образование въ русскомъ языкѣ — двух, двум. Ко сказанному о множномъ мѣстникѣ ёроваго склоненія (126, п. 11), кажется, можно прибавить, что въ просторѣчии охотно употребляютъ *-áčh* во избѣжаніе смягченія: *v potokách, na roňách*. Старочешскую форму лично-вопроснаго мѣстоименія — *kte* (рядомъ съ *кто*), упоминаемую на стр. 149, сер., я положительно не могу истолковать себѣ иначе, какъ вліяніемъ хотя бы утраченнаго весьма рано предметно-вопроснаго *še*, = праславянскому *ъ*; что же страннаго въ предположеніи, что конечный *ь*, будучи единственнымъ гласнымъ въ словѣ, не онѣмѣлъ, а прояснился? О старинныхъ формахъ мѣстоименія *všeček*, оговоривши прежде всего, что, хотя

«первоначально склонялись обѣ составныя части слова» (153, 8—9), но склоненіе это ограничивалось падежами назывнымъ и винительнымъ, я замѣтилъ бы, что двойное склоненіе не можетъ быть исконнымъ, ибо тутъ нельзя видѣть слиянія двухъ самостоятельныхъ словъ, вроде староцерковнаго дѣва десяти — дѣвою десатоу — дѣвѣма десатьма, и едвали можно сомнѣваться въ связи этого мѣстоименія со староцерковнымъ *васауьскъ*, которое лишь вторичнымъ образомъ, подъ вліяніемъ вытѣсняемыхъ имъ формъ *veš, vše, všě, všu, vši, všě, všě*, приобрѣло и внутреннее склоненіе. Для объясненія словацкаго *ktú*, рядомъ съ *ktev* и *ktv* (294, п. 1, д.), я предложилъ бы исходить отъ древняго *кry* (старопольск. *ky*, словинск. *ktí*), выводя изъ него *ktú* путемъ превращенія *y* въ *u* подъ вліяніемъ *v* въ косвенныхъ падежахъ. Польскаго *chrzebiet* я не сталъ бы приводить (400, 11 сл.) безъ оговорки, что это, хотя и старинная, но вторичная фонема, *vm. chrzbiec*, возникшая въ угоду косвенникамъ *chrzerta* и т. д. См. у Брюкнера (*A. f. sl. Ph.*, XII, 292), который указываетъ эту фонему въ Софійной библии (стр. 157 а, листъ 88 об.), а также во Флоріанской псалтыри, 68, 28 (такъ, а не 24)¹). Заимствованное у меня самого толкованіе польскаго *сеп* *vm. oждаемаго сапа* (416, сер., Крат. фон. и морф., 5, 11—8) я теперь считаю неудовлетворительнымъ: вѣдь говорятъ *сапу, саловац*. Къ указанію на превращеніе у нѣкоторыхъ поляковъ слога *iu*, черезъ *iu*, въ простое *u*, напр. *guri* *vm. gúri* (426, 8—9), можно прибавить, что при этомъ получается долгій гласникъ съ восходящимъ удареніемъ: *gúri*. Зовный падежъ *Jezu Chryste* (451, 2)—вѣдь не *Chrúście*,—оговорилъ бы я, очевидно живьемъ выхваченъ изъ латыни. При объясненіи неопредѣленныхъ мѣстоименій и нарѣчій *ktoś, gdzieś* согласно съ моею Краткою фонетикою и морфологіей, 33 (у Флоринскаго 464 сер.), слѣдовало бы привести также толкованіе Соболевскаго (*P. Ф. В. VII, 277*),

1) Откуда Флоринскій взялъ цитуемое имъ въ томъ же мѣстѣ *skelowiek*, мнѣ неизвѣстно — оно крайне подозрительно.

по коему *á* равно не давальнику возвратнаго мѣстоименія, а равно указательному *se*, такъ что *ктоś* аналогично русскому *кто-то*. Областное (силезское) *zeleźny* (524, п. 5), надо полагать, представляетъ самородный выговоръ: срв. *las* — *leśny*, обыкновенное же *zełazny* примѣнилось къ первичницѣ *zełazo*. Отмѣтивъ, что по-кашубски «иногда исчезновеніе *z*, *z* наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе языки удерживаютъ соответствующій гласный . . . *datk*, *majotk*, *dobètk*, *dómk*, *dvórk*, *ófs*, *wuěfc*, *junc*, *véchs*» (563, п. 2), я прибавилъ бы ссылку на толкованіе этихъ формъ, какъ новоторокъ къ косвеннымъ падежамъ (Срвн. морф. 570, пр. 5). О кашубскихъ назывникахъ *kam*, *rjom*, *křem*, *řem*, *grom* (575, 7) я позволилъ бы себѣ высказать вполне естественное предположеніе, что они произошли изъ древнихъ камы, полмы, кремы, ремы и пормы. Сличн Срвн. морф. 273, пр. 1. Съ лужицкимъ закономъ появленія передъ твердыми согласными широкаго *e*, передъ мягкими — узкаго (605, 6—4) я бы не преминулъ сопоставить то же явленіе въ русскомъ языкѣ. Второстепенное удареніе нижнихъ и среднихъ лужичанъ, падающее на предконечный слогъ (629 сер.), на мой слухъ иногда простотаки становится главнымъ и единственнымъ. Полагаю, что верхнелужицкій зовникъ на *o* (633, 6—8) развился не безъ участія утратившаго впоследствии этотъ падежъ азблага склоненія. Къ верхнелужицкому пѣпричастку *pjesuši* (670, 5 сл.) я прибавилъ бы замѣчаніе, что его приходится объяснять, путемъ огласненія *w*, изъ *pjeswši*, образованнаго по примѣру *piwši*, *brawši*. Срв. старопольскія *szedwszy*, *wynioswszy*. Въ числѣ случаевъ отсутствія въ лужицкомъ ълевомъ причастіи примѣты *nj* (674 сер.) стоило бы привести верхнелуж. *zasła* заснула — явную новоторку, такъ какъ наследственная фонема была бы *zasrļa*. Шлейхеровскія полабскія сочетанія *kāi*, *ǵāi*, *śāi* (696 сер., Polab. Spr. 126 и 217, 5 и 129) я измѣнилъ бы въ *kei*, *gei*, *śei*, или лучше еще въ *tei*, *dei*, *sei*: *cārtēi* (цръты), *nūdēi* (ногы), *vtēsēi* (орѣхы), такъ какъ при смягченіи естественно предположить предварительный переходъ *z* въ *i*, да и памятники пишутъ

eu, ou, а не *ou*. Къ воспроизводимому также изъ Шлейхера *soikas* (698, 4 сн.) я сдѣлалъ бы замѣчаніе, что его необычный дифтонгъ *oi* слѣдуетъ измѣнить въ *eu*: вѣдь для нѣмца *oi* и *eu* совпадаютъ въ одномъ *öi*, а *seukas*, въ переложении на польскіе звуки, было бы *szukasze* отъ *szukaś*. При полабскомъ аористѣ *eutâstich* (написаніе источника — *e-y-t-â-tz-i-ch*), сопоставляемомъ у Флоринскаго, вслѣдъ за Шлейхеромъ, съ *оутъкоухъ*, я прибавилъ бы указаніе на Брюкнеровское толкованіе этой формы, по коему она, переложенная на староцерковные звуки, дала бы *оутъкухъ*, т. е. образована какъ старочешское *řešech*, старопольское **pieczech*¹⁾, верхнелужицкое *rješech* и нижнелужицкое *rjasoch* (A. f. sl. Ph. XI, 478) — объясненіе по моему вполне убѣдительное.

*Передача именъ во 2-мъ томѣ, также какъ и въ 1-мъ, не разъ вызываетъ на возраженія. Прилично ли слависту склонять Прасекъ—Прасека, Шрамекъ—Шрамека (10, 12; 11, 15 сн.) и писать Пуркине вм. -ня (54 сер.)? Нѣсколько разъ повторяется передача чешскаго *h* черезъ *x* въ фамиліи Truhlář: Тругляръ (10, 3; 11, 1), рядомъ съ Тругляръ (97, 1 сн.; 101, 1 сн.). Также находимъ написанія Сушиль вм. -льз (11, 8), Керконоши и В[икторинъ] Корнель изъ Вшегердъ (31, 13 сн., 73, 11 сн. и 48 сер.); впрочемъ 83, сер.—корконошскій и 49, 13 сн. Викторинъ изъ Вшегердъ. Срв. 1-ый разборъ, стр. 15. Нехороши тоже Нападлы вм. -льды (229 сер.); Нѣрингъ вм. Не- (355, 12, 393, прим., 394, 15, 414, 3 сн.); Улановскій вм. -ля- (357, 7 сн.)²⁾; Оппѣльнъ: Оррелп, по-славянски—Ополье (385 сер.); Софійск[ая] библія вм. Софіина (397, 8—7); Окускольскій повѣтъ вм. Олькушскій (511, п. 28): Олькушъ — Кѣлецкой губерніи; Старостзикъ (523 сер.), воспроизводящее нѣмецкое написаніе съ *stz* вм. польскаго *śc*; Smolef, -гѣ называется Смолеромъ (589, 2*

1) Срв. выше, стр. 209 (о. о. 9).

2) *Ulanowski* (опять-таки вм. -ла-) латинскими буквами читается 371, 15 сн., 376 сер.; также и *Ulanowska* 382, 8 сн.

сн.; хотя 590, 13 — Тешнаръ)¹⁾; вм. Эрнестъ Мука читаемъ Е. Мука, какъ будто онъ Егоръ или Евгений (596, 10)—впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (590 сер.) — Э. Совсѣмъ дико звучитъ переписанное русскими буквами Skalitė — Скалите вм. -тоє (269, 4 св.).

Не столь неприятно, какъ нескладная передача славянскихъ названій дѣйствуютъ погрѣшности въ иностранныхъ именахъ: мадьярскія Сапъ, Банегесъ и Тотъ-Комлосъ въ Ш-, -шъ, -шъ (231, 7—8)²⁾; нѣмецкія Шульцъ (689, 8) вм. -це (Schultze) и Шпангенбергъ, написанное черезъ Sch вм. S (691, 1)³⁾.

Не на рѣшительное осужденіе, но на споръ вызываетъ легкое архаизованіе польскихъ именъ (совпадающее съ обрусеніемъ), въ видѣ замѣны *dź* простымъ *d* и *gz* простымъ *p* — второе вызвано вѣроятно тѣмъ, что обычное *рж* вм. *ж* или *ш* дѣйствительно крайне безобразно и представляетъ клевету на польскій языкъ: Приборовскій (356, 10 св.), Прездецкій (357, 3), Резинскій (Rzeziński) и Ерепки (Erzerki), 357, 4 и 6⁴⁾. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ написанія Шаржинскій, Оржеховскій (402, 13 св. и сер.), а также Андрей Кржицкій (403 сер.)⁵⁾.

Порицанія заслуживаетъ (правда, практикуемый широко и всѣми, а не однимъ нашимъ авторомъ) приемъ однобуквеннаго сокращенія собственныхъ именъ. Такое сокращеніе позволительно при нѣмецкомъ обычаѣ, въ этихъ случаяхъ прямо и чи-

1) По-нѣмецки тотъ-же лужицкій дѣятель названъ Schmolzer, вм. Schmalzer. (597, 8).

2) На томъ, что мадьярское *gy* лучше передавать черезъ *d* (значитъ Банедешъ) настаивать нечего.

3) Очень однако странно, когда одно и то-же нѣмецкое имя, на той-же страницѣ (586, 15 и 18 св.), является разъ въ латинской формѣ Брунонъ (Bruno, -onis), разъ — въ нѣмецкой Бруно.

4) Польскій видъ послѣднихъ двухъ фамилій (изъ коихъ вторая какая-то странная) прибавленъ въ скобкахъ самимъ Флоринскимъ. Несомнѣнно здѣсь авторъ погрѣшилъ въ томъ, что не написалъ въ фамиліи Erzerki Э.

5) Послѣдній при удаленіи *ж* совпалъ бы въ произношеніи съ авторомъ извѣстнаго канона.

тать, какъ написано: даже зная, что извѣстнаго книгопродавца Брокгауза звали Фридрихомъ Августомъ, всетаки фирму его называютъ Ef A Brockhaus¹⁾. Какъ догадаться тому, кто можетъ быть въ первый разъ встрѣчаетъ эти имена, что Я. А. Коменскій (3, 8) значить не Яковъ Александровичъ, а Янъ Амосъ? что Б. Оптать (1, 8) нужно читать Бенешъ? что Б. Нѣмцева (55, 5) есть Божена Н.?, Б. Папроцкій (402 сер.) — Bartosz = Bartłomiej = Вареломей? Окончательно невозможно сообразить, что Н. С. Шаржинскій (402, 13) слѣдуетъ читать Николай Семпъ Ш. Особенно нехорошо, когда одна и та же буква употребляется рядомъ въ различныхъ значеніяхъ: Я. Неруда, гдѣ Я = Янъ и Я. Верхлицкій, гдѣ Я = Ярославъ (55, 4—5). — Еще менѣе слѣдовало бы безо всякаго объясненія сокращать названія памятниковъ, напр. Клементинской псалтыри и Краледворской рукописи (167, 11, 10 и 2 сн.), или мѣстностей: Н. Мѣсто вм. Новое Мѣсто (196, 16 сн.).

Немало въ разсматриваемой книгѣ и опечатокъ, хотя приложенный въ концѣ списокъ таковыхъ не занимаетъ и 1½ страницъ. Иныя опечатки, положимъ, невиннаго свойства, напр. do Cech вм. Ā- (126, п. 9); z kogen вм. -ř- (тамже); houžev лыко, могла вм. мочало (139, 3 сн.); обѣ согласныя части слова вм. составныя (153, 9); hníti вм. -á-, среди другихъ азовыхъ глаголь (182, 2 сн.); [глаголы] на -тѣти, -тѣти, -дѣти (619, 2 сн.); swěska, swěpnica (620, 6): по связи можно догадаться, что нужно ě; З(ват.). губи, губи, голу, gola вм. В(ин.). . . -и (640 сер.); вполѣ вм. -лѣ (644, 10 сн.); довшѣ и т. д. (284), некрасивое впрочемъ тѣмъ, что оѣ вм. оу повторяется 10 разъ; dei вм. dci (296, 9), которое рядомъ съ dsega понятно; sep вм. seu (лат., 376, 10 сн.); sludenci вм. st- (451, 15 сн.); сочетаніе га (567, 10): изъ примѣровъ barzo, gardlo и т. д. видно, что нужно ar; žed (Н. Л.) вм. žéd (603, 13 сн.): рядомъ съ верхнелуж. džéd легко дога-

1) Сокращеніе допустимо, конечно, при общезвѣстныхъ именахъ, напр. А. С. Пушкинъ; хотя, впрочемъ, хорошо извѣстное автору иногда окажется неизвѣстнымъ его читателямъ.

даться, какъ надобно читать; курьезно, но положительно безвредно паакахъ вм. паакахъ (661, 12 сн.); также и jĕd вм. jĕd (668, 1); безвредно также верхнеуж. som pletĭ (663, 2 сн.), ибо въ предыдущей строкѣ указано правильное sum; kta, kseš (671, 8) вѣроятно всякій догадается прочесть ktu. Нечего и говорить о такихъ случаяхъ, какъ «н совпадаетъ» вм. « (660, 11), или обзоръ ... славянскихъ языковъ (686, 5). Къ безвреднымъ же опечаткамъ я готовъ отнести, крайне однако уродливое, люкюашете (661, пр. 2) вм. -ваца-, также и слитное написание rtyšá óustwĭk mój (104, 1, изъ Витгенбергской псалтыри, L, 17). Но вотъ довольно длинный, хотя далеко не полный рядъ весьма неудобныхъ опечатокъ: Sembera вм. Š- (30, 3 и 34, 12); gzechs, видно вм. gzech подъ влияніемъ предшествующаго sedis (69, сер.); vudá, vukno вм. vŭda, vŭkno (79, 11 сн.); tĕmĕ (87 сер.) вм. té- или tí-; hřibe (94, 4) вм. hřibě; krapet (копя) вм. капля (130, 5); šco вм. čso (153, 11); dobřijej вм. -řej (154, 5 сн.); jdu вм. jedu (180, 9); 300 вм. 360 (212, 11 сн.); podaly вм. padały и bravuŭci вм. -ci (тамъ-же, 15 сн.); hnušy ludĭ вм. -dá (областная форма словац. India, чеш. lidé) — 338, 5 сн.; А. Шляковъ вм. Н. (Николай — 364, 15 сн.); książat вм. -at (372, 5); W. (т. е. Wojciech) Oczko. Przymist i cieplisce вм. -miot i Cie- (373, 2 сн.)¹⁾; Сочиненія Янычара Паяка вм. поляка²⁾ (375, 13 сн.); Potrójny z Plauła вм. -ta (переводъ Плавтова «Trinumus», 376, 10); Спорii вм. Спа- (376, 9 сн.; въ 10-ой вѣрно: Knapski); Dirschan вм. -au (385, 5 сн.); собственное имя Marchołt (z marchołtem) напечатано съ малою буквы (401, прим.); тамъ-же вм. przez bakalagza z Kossyczek нужно р. baкаł. Јана z K.; żółc, żółty вм. żó-, żó- (423 сер.); oczrzędź, должно быть вм. ostrzedz (тамъ-же, 5 сн.); Bóhdan вм. Во- (411, 9 и 430, 1), dwie słońci (439, п. 2) вм. słońcy Јана Kochanowskiego Dzieła wszystkie,

1) Przymiot albo dworaka niemiec. W Krakowie 1581. O cieplicach. W Krakowie u Łazarza 1578.

2) Собственно серба — Михаила Константиновича. Спасовичъ, Ист. слав. литер., II, 472.

Wydanie pomnikowe, II, 117, 514); *dóm* вм. *dom* (448, п. 1); *dzriedzie* вм. *dziadzie* (449, п. 6); *obiód* вм. *-ad* (451, п. 11); *heraldowie* вм. *-ol-* (тамъ-же, 10 сн.); *ksiadz* вм. *ksiadz* (454, 8 сн.); *kukol* вм. *ka-* (тамъ-же, 7 сн.); *jastrąb* (тамъ-же, 5 сн.: въ 4-ой, гдѣ оно приводится вторично, вѣрно: *-rząb*); *Jozio* вм. *Jó-* (тамъ-же, 1 сн.); дат. и мѣст. *słudzie* вм. *-dze* (457, парадигма); *kołicya* вм. *-la-* (ужинъ — 459, 3); при *jaz* (464, 2) стоитъ выносный знакъ, но примѣчанія нѣтъ; *strowne* вм. *stra-* (кормовья), 473, 9; *buchó wiedziali* вм. *-ie-* (487, сер.); *prosta* (503, 13 сн.); *hezbéta* (508, 7) написано съ малою буквы (оно = *Elżbieta*); *cezi, cezo* (чужой, чужы) вм. *-ая* (569 сер.); *Копоръ* вм. *-м-* (590, 13); *ró njebu, ród, wót* вм. *ró -bju, pod, wot* (629 вв.); II. *naše, naše* вм. *naši, naše* (649 парад.); *při wjozogje* (684, II, 1, 1: во 2-мъ стихѣ вѣрно — *wja-*); *za njeu* (685, 46: въ слѣд. стихѣ правильно за *njen*); *Luneburg* вм. *Lü-* (691, 3); *korvo* вм. *-vó* (695, 5); *žárnü* вм. *ž-* (тамъ-же, п. 11); *gorčai* вм. *-ái* (шлейхеровскаго *-ái*, 697, п. 2); *geibo* вм. *gai-* (тамъ-же, III); *šek* вм. *sěk* (по-шлейхеровски *sěk*, 698, 1 сн.). Особенно часто встрѣчаются погрѣшности въ употребленіи знака долготы (') и знака твердости звука *л*, изъ коихъ приведу лишь нѣкоторыя. *Zakladove dialektologie česko-slovenske. Ve Vídni, 1864. Příklady* (30, 3—4); *svaty* (67, 10 сн.); *páty* (тамъ-же, 7 сн.); *brazda* и *kral* (78, 1—2); *stojim, pouštím* (79, сер.); *místo, dívka* (80, п. 4); *Jiři, znamení* (106, п. 2); *Vaclavovi* (107, 1, г); *vrazich, rasic, městečkach, koničkach* (108, 16 и 15); *do kořan* (110, 8); *chram* (123, 5); *tyl* (тамъ-же, 11); *orač, -če, -či, -čovi, -čem* и т. д. (114—115); *česti stavove, naši hřichove* (125, 4 сн.); *chvaliti, -ím* и т. д. (188)¹⁾; *přihazi se* (192, сер.); вм. чеш. *a* [въ ляхскомъ говорѣ] часто *o* (210, п. 5); *vřak* и *přak* вм. *vřák, přák* (271 сер.); словацкій родной падежъ *gaz* (279, 1, а, 6); *chvařaci* (308 сер.); *dl'bst, tl'ct* (317, 7 и 11) вм. *dľbst, tľct*. Кое-гдѣ, наоборотъ, вм. краткости является долгота:

1) Краткое *a* свойственно только вѣдическому наклоненію.

oraći (65, 12 сн.) — нужно oraći; nebó (82, 14); matí — нужно máti (106, п. 6); род. п. kámen, deset kámen (110, 6 и 7); svátý (2 раза, — 123, пр. 1); měštáné (125, 2 сн.); očíma, ušíma (128, п. 10). L в м. І: chlada (126, 9: Бартошъ, I, 138, 7); Psalterz Pulawski (371, 9); Nakladem (372, 3); Mikolaj Rej z Naglowic (373, 10 сн.); Marcholt (374, 5); trybunal (401, 1); chelm (423, сер.); dłoń (тамъ-же, 3 сн.); człek = czlowiek (425, 1); halas (430, 1); płaszę (тамъ-же, сер.); włosi (тамъ-же, 8); Woloch, -oszech (452, п. 15); goląb (454, 5 сн.); pletle (656, 7); -lej (тамъ-же, 8 и 664, 1); plaşony (685, 26). Подчасъ и наоборотъ встрѣчается І в м. І: płoń (424, 2); wielkiego (430, 11); wjełka (632, 1 сн.); pletłi (656, 7). Правда, насчетъ смѣшенія буквъ І и І можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ русскій читатель самъ догадается, какъ надо читать; а относительно долготы — что русскій все равно затруднится ее воспроизвести въ своемъ произношеніи. Первое оправданіе я склоненъ принять; но въ дѣлѣ количества мнѣ казалось-бы, что чѣмъ менѣе наши ученики къ нему воспріимчивы, тѣмъ усерднѣе слѣдуетъ имъ о немъ напоминать.

Сказанное о буквахъ І и І мы можемъ примѣнить и къ другимъ мелкимъ погрѣшностямъ въ разбираемой книгѣ — *мачи-странты и студенты, особенно послѣ нѣкоторыхъ указаній профессора, легко сами въ нихъ разберутся, и лишь изрядка будутъ введены въ заблужденіе. Не должно также забывать, что науки не обладающія математически-точными доказательствами всегда оставляютъ значительный просторъ личному пониманію, и что при разногласіи между рецензентомъ и авторомъ правда не всегда будетъ на сторонѣ рецензента. Вообще же сочиненіе Флоринскаго, представляющее единственный въ своемъ родѣ и весьма полезный университетскій учебникъ, должно быть признано книгою хорошею и заслуживающею утѣчканія искомою преміей.*

Ордин. проф. Московскаго универс.

Романъ Брандтъ.

15 сентября 1898 года.

IV.

Отзывъ о сочиненіи профессора Прусика подъ заглавіемъ:
«Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem spatřil
Frant. Hav. Prusík». V Praze, 1896. 8°. IV. 87.

Древнечешская литература, съ XII-го по XV-ое столѣтіе, занимаетъ среди западнаго славянства первенствующее мѣсто, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ. Въ ихъ характерѣ и направленіи отпечатлѣлись, конечно, черты средневѣкового западно-европейскаго литературнаго творчества. Къ сожалѣнію, очень немногіе памятники этой первой, старшей эпохи дошли до насъ въ полномъ объемѣ, какъ напр. блестящая легенда о св. Екатеринѣ. Въ большинствѣ случаевъ остались только отрывки, болѣе или менѣе значительные. Но нерѣдко даже и этого нѣтъ, а все уцѣлѣвшее состоитъ въ жалкомъ лоскуткѣ пергамента, заключающемъ въ себѣ нѣсколько строкъ или стиховъ чешскаго текста; сохранились же такіе кусочки только благодаря случайному обстоятельству, что они пригодились переплетчикамъ рукописей — латинскихъ или нѣмецкихъ. Вотъ какими средствами возстановляется въ наше время память и свѣдѣнія о бывшей когда-то богатой литературѣ древнечешской.

Подобная, не вполне благопріятная участь постигла между многими другими также одно изъ лучшихъ, по-моему, прямо самое лучшее произведеніе древнечешской письменности — переводъ или,

лучше, парафразу въ стихахъ извѣстнаго латинскаго эпоса объ Александрѣ Великомъ, *Alexandreis* Филиппа Вальтера de Castellione (Châtillon). На чешскомъ языкѣ сохранились съ конца XIII-го по XV-ое столѣтіе отрывки этого эпоса въ различныхъ рукописяхъ, — всѣ вмѣстѣ они не представляютъ полнаго текста, не могутъ восполнить пробѣловъ поэтическаго изложенія. Нѣкоторые отрывки изображаютъ собою дублиеты, но не всегда совпадающіе буквально.

Самый обширный отрывокъ, сохраняемый теперь въ библиотекѣ святаго Вита на Градчанахъ въ Прагѣ, заключаетъ въ себѣ, безъ перерывовъ, начальныхъ 2460 стиховъ. Онъ былъ впервые изданъ В. Ганкой во второмъ выпускѣ *Starobylá Skládání* (въ Прагѣ 1818 года), не очень аккуратно, но для перваго изданія довольно сносно. Вскорѣ потомъ стали всплывать наружу и прочіе, уже менѣе объемистые отрывки, но по письму старше Святовитскаго текста. Они были изданы въ «Часописѣ Чешскаго Музея» въ 1828 и 1841 годахъ. Для перваго тома *Wýbor-a z literatury české* (въ Прагѣ, 1845) употреблены, какъ образецъ языка и литературнаго достоинства, всѣ до тѣхъ поръ отысканные отрывки, но не все напечатано (на стр. 135—170, 1071—1144). Годъ спустя П. І. Шафарикъ указалъ еще на одинъ отрывокъ (въ «Часописѣ» Ч. Музея за 1847 годъ, въ первомъ отдѣленіи). Но только въ 1881 году вышло подъ редакціею проф. Гатталы первое полное изданіе всего матеріала подъ заглавіемъ: *Zbytky gýtmovaných Alexandreid staročeských*. И къ этому изданію сдѣлано въ 1889 году маленькое дополненіе въ видѣ вновь найденнаго отрывка Вѣнскаго; онъ отпечатанъ Ф. Менчикомъ въ «Часописѣ» 1889 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ изданіемъ въ *Wýbor'ě* чешскій текстъ *Alexandreidy* сдѣлался болѣе доступнымъ, онъ сталъ привлекать вниманіе и филологовъ для объясненія языка и историковъ литературы для оцѣнки литературныхъ достоинствъ памятника. Объ отношеніяхъ чешскаго произведенія къ латинскому и нѣмецкому «Александрѣ» заговорилъ впервые В. Небескій (*V. Ne-*

beský) въ «Часописѣ» Чешскаго Музея за 1847 годъ, въ очень умно написанной статьѣ «Alexandreis česká» (во второмъ отдѣленіи). Но вопросы, возникающіе по этому поводу, въ статьѣ Небескаго могли быть затронуты только слегка, — рѣшенія ни по одному пункту не послѣдовало. Послѣ довольно продолжительной неподвижности въ области историко-литературныхъ изслѣдованій, въ 1870 году взялся проф. Коржинекъ въ Индржихоградѣ (Neuhaas) за подробное сравненіе двухъ небольшихъ отрывковъ чешской Александреиды (музейнаго и Шафарикова) съ латинской поэмой Филиппа Вальтера Шатильонскаго, въ Отчетѣ (программѣ) гимназіи Индржихоградецкой за 1870 годъ, а десять лѣтъ спустя, подражая его примѣру, опредѣлилъ отношеніе Индржихоградецкаго отрывка къ сочиненію латинскому профессоръ Проккопъ Лангъ, въ Отчетѣ гимназіи Пржибрамской (статья очень добросовѣстно написанная). Онъ-же постарался (въ 1883 году) представить, на основаніи латинской поэмы, объемъ пробѣловъ чешскаго сочиненія въ сравненіи съ латинскимъ, въ Listy filologické X, 67—84, 275—301, 398—406.

Такъ какъ сохранилось семь различныхъ отрывковъ, которые отчасти параллельно идутъ, представляя въ сущности тотъ же рассказъ, то и въ чешской литературѣ принято говорить не объ одной Александреидѣ, а въ множественномъ числѣ—объ Александреидахъ. Но сколько ихъ было на дѣлѣ? Вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ. Обыкновенно считали представителемъ одной редакціи текстъ рукописи Святовитской, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но гдѣ-же вторая редакція и въ какомъ она отношеніи къ первой? Проф. Гаттала считалъ (въ 1881 году) второю редакціей текстъ отрывка Градецкаго, сохранившійся въ болѣе древней рукописи, чѣмъ Святовитская, но молодой ученый Гавликъ сталъ въ Filologické listy XII, 407—419, доказывать, и по-моему ему удалось убѣдительно доказать, — что въ Витскомъ отрывкѣ, несмотря на позднее происхожденіе нынѣшняго списка, сохранилась все-таки болѣе древняя редакція сочиненія, чѣмъ въ отрывкѣ Градецкомъ. Съ послѣднимъ взглядомъ согласенъ также

проф. Прусикъ, принимая доказательства Гавлика втихомолку въ изслѣдованіи, изданномъ въ 1891 году подъ заглавіемъ: «Českých Alexandreid gúmovaných gramenové a obarolnú roměg». Но проф. Прусикъ не считаетъ текста Градецкой рукописи представителемъ особой редакціи, онъ включаетъ его въ редакцію Витско-вѣнскаго текста, съ различными отступленіями и распространеніями. По его мнѣнію, представителемъ второй редакціи надо бы считать отрывокъ Будѣвицкій. Для меня, да и не только для меня, доказательства проф. Прусика мало убѣдительны. Онъ не выяснилъ намъ (а, можетъ быть, и себѣ), какъ намъ понимать значеніе новой редакціи? имѣетъ-ли она значеніе особаго самостоятельнаго сочиненія? или же представляетъ собою только переработку, сокращеніе или расширеніе перваго сочиненія? если говорить о редакціяхъ въ послѣднемъ, обыкновенномъ значеніи этого слова, тогда выходитъ непонятнымъ, какъ могъ проф. Прусикъ упустить изъ виду многочисленныя отступленія текста Градецкаго отъ Витскаго? какъ же назвать различія между обоими текстами, если не видѣть въ нихъ различіе двухъ редакцій? Если же проф. Прусикъ придаетъ второй редакціи, представителя которой онъ видитъ въ Будѣвицкомъ отрывкѣ, значеніе самостоятельнаго сочиненія, то я долженъ возразить, что трудно даже себѣ представить, чтобы на разстояніи не болѣе чѣмъ въ десять лѣтъ—это же его хронологическое опредѣленіе, съ которымъ, впрочемъ, я ни чуть не соглашаюсь—въ литературѣ чешской явились два самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга сочиненія о подвигахъ Александра Великаго. Однимъ словомъ—вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ отрывковъ чешской Александреиды остается пока еще не порѣшеннымъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что главнымъ источникомъ для чешскаго автора—я выхожу изъ предположенія, что въ концѣ концовъ въ чешской литературѣ былъ только одинъ авторъ самостоятельной разработки въ стихахъ этого сочиненія—былъ латинскій эпосъ Филиппа Вальтера Шатильонскаго, но этимъ

еще не устранена возможность допустить, что авторъ зналъ также нѣмецкую поэзію своего времени. Зналъ-ли онъ нѣмецкій эпосъ объ Александрѣ Ульриха Эшенбахскаго, сказать трудно. Профессоръ Прусикъ коснулся въ своемъ вышеприведенномъ сочиненіи и этого вопроса и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ, т. е. онъ собственно противорѣчитъ самому себѣ, когда доказываетъ, что чешскій авторъ не зналъ никакого нѣмецкаго источника, а Ульрихъ Эшенбахскій будто бы зналъ и пользовался Александреидою чешской. Его доказательства въ пользу зависимости Ульриха Эшенбахскаго отъ чешскаго автора могли бы, какъ мнѣ кажется, быть истолкованы въ пользу противоположнаго взгляда. Но я предпочитаю считать и этотъ вопросъ еще не рѣшеннымъ. Пока можетъ рѣчь идти только вообще о томъ, былъ-ли чешскій поэтъ знакомъ съ современною литературою нѣмецкой. Отрицать это знакомство не такъ легко, какъ это кажется профессору Прусику.

Итакъ рядъ вопросовъ, очень важныхъ относительно чешской Александреиды, ждетъ еще болѣе подробнаго изслѣдованія. О происхожденіи чешской Александреиды, о принадлежности сохранившихся отрывковъ одному или нѣсколькимъ авторамъ, объ отношеніяхъ этихъ авторовъ другъ къ другу, о знакомствѣ чешскаго автора помимо сочиненія Филиппа Вальтера Шатильонскаго еще съ другими источниками — обо всемъ этомъ свѣдѣнія наши пока еще очень неудовлетворительны.

Гораздо усерднѣе и съ лучшимъ, быть можетъ, успѣхомъ работала чешская филологія на объясненіи отдѣльныхъ темныхъ, не вполне понятныхъ мѣстъ чешской Александреиды. Уже въ *Wubog-ě*, при перепечаткѣ текста Святovitскаго по изданію Ганки, редакторъ изданія сдѣлалъ много поправокъ въ текстъ, правда, не всегда удавшихся (сл. перечень неудачныхъ поправокъ въ предисловіи Гатталы на стр. V). Но и въ изданіи Гатталы-Патеры осталось много неточностей или прямо недосмотровъ въ родѣ *liti Āeši* (на стр. 38, ст. 1565) вм. *liti Āesi*. Для критики текста, т. е. для возстановленія исправнаго чтенія, гдѣ

можно догадываться, что текстъ испорченъ, сдѣлано довольно много въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ специальномъ, посвященномъ чешской филологіи журналѣ — *Listy filologické a pedagogické*. Проф. Гебауеръ представилъ нѣсколько объясненій или поправокъ въ *Listy Fil.* IX. 104—117; онъ же вмѣстѣ съ Гавликомъ въ *L. Fil.* XI. 60—63; онъ же съ проф. Коржинкомъ въ *L. Fil.* XII. 269—287; онъ же съ Опатрнымъ и Кэбле въ *L. Fil.* XIV. 39—43, 250—255. Наконецъ проф. Пеликанъ напечаталъ (тамъ же XIX. 80—99) *Přísrěvku ke kritice a výkladu stč. Alexandreidy*.

Съ похвальной настойчивостью преслѣдуетъ ту-же цѣль проф. Прусикъ въ издаваемомъ имъ журналѣ «Крокъ». Въ теченіе 1892 и 1893 годовъ онъ напечаталъ въ томѣ VI упомянутаго журнала, въ выпускахъ 8—10 и въ томѣ VII, въ выпускахъ 1—7, длинный рядъ критическихъ замѣтокъ, относящихся къ *Александрейдѣ*, всего 179 нумеровъ, съ дополненіями и новыми прибавленіями въ томѣ VIII стр. 175—6, въ томѣ IX стр. 215, въ томѣ X стр. 15.

Критика текстовъ дѣло необходимое, но — очень рискованное. Для удовлетворительнаго исполненія этой трудной задачи требуется много остроумія, находчивости и, прежде всего, начитанности въ старыхъ памятникахъ. Безъ этихъ качествъ можно опасаться впасть или въ пустую болтовню, или въ произвольную придирчивость по отношенію къ чужимъ трудамъ. Поучительнымъ урокомъ, куда можетъ повести субъективная критика, служатъ хорошо знакомыя мнѣ нападенія на текстъ пьесы Горация, бывшія въ большомъ ходу въ классической филологіи въ годы моего студенчества!

Критическія операціи проф. Прусика не всегда удачны, но и не бесполезны, онѣ все-таки значительно облегчили пониманіе текста чешской *Александрейды*. Въ числѣ предлагаемыхъ имъ поправокъ есть и такія, которыя или были сразу приняты, или же могутъ рассчитывать на сочувственный приѣмъ. Авторъ старается подкрѣпить предлагаемыя измѣненія въ текстѣ паралле-

лями изъ того-же или изъ другихъ старочешскихъ текстовъ, хотя въ этомъ отношеніи можно бы желать еще больше параллельныхъ примѣровъ. За-то я бы просилъ его не сочинять новыхъ словъ въ качествѣ конъектуръ!

Но критическія объясненія проф. Прусика страдаютъ на мой взглядъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Онъ выходитъ изъ предѣловъ умѣренной критики подѣ влияніемъ одного ложнаго принципа: какъ скоро въ чешскомъ текстѣ замѣтны отступленія отъ латинскаго сочиненія, авторъ начинаетъ сомнѣваться насчетъ исправности, онъ прибѣгаетъ къ произвольнымъ предложеніямъ и догадкамъ, чтобы только согласовать чешскій текстъ въ качествѣ точнаго перевода съ сочиненіемъ латинскимъ. Въ угоду этому принципу онъ позволяетъ себѣ перестановки стиховъ, предположеніе пробѣловъ и т. д. По-моему это совсѣмъ ложный взглядъ, вытекающій изъ пристрастнаго обсужденія характерныхъ чертъ чешскаго разсказа. Отношеніе чешскаго текста къ латинскому вовсе не оправдываетъ поступка проф. Прусика. Ничто не даетъ намъ права возражать противъ чешскаго текста потому только, что въ немъ нѣтъ того или другого выраженія, которое соотвѣтствовало бы латинскому или что въ немъ другой порядокъ изложенія и т. д. Иныя поправки неудачны, потому что авторъ не владѣетъ достаточно тонкимъ чутьемъ для склада старинной рѣчи. Старинные писатели не всегда такъ выражались, какъ новые, современные; не все, что намъ не нравится, что намъ кажется шороховатымъ, должно исправлять, сглаживать.

Наконецъ проф. Прусикъ составилъ выше указанное изданіе какъ систематическое возстановленіе чешской *Александрейды* при помощи всѣхъ до насъ дошедшихъ отрывковъ, восполнивъ пробѣлы прозаическою передачей содержанія на основаніи латинскаго текста Филиппа Вальтера Шатильонскаго. Въ воспроизведенномъ имъ текстѣ приняты въ соображеніе всѣ предыдущія объясненія, поправки, перестановки и т. д. Канвой для воспроизведенія послужило сочиненіе латинское, при чемъ авторъ вы-

ходить изъ того предположенія, что въ чешскомъ переводѣ дѣйствительно существовало латинское сочиненіе сполна, въ чемъ онъ можетъ быть и правъ, такъ какъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ (Шафариковъ) заходитъ содержаніемъ своимъ въ IX-ую книгу латинскаго источника. Но тутъ у меня возникаетъ маленькое недоумѣніе. Реставрація профессора Прусика, конечно, попытка любопытная, но я не понимаю, какъ онъ могъ возстановить одну чешскую Александреиду, когда онъ не вѣритъ въ принадлежность всѣхъ существующихъ отрывковъ къ одному сочиненію? Или же, какъ онъ могъ попытаться изъ всѣхъ отрывковъ сдѣлать одно цѣлое, а въ заглавіи все-же говоритъ въ множественномъ числѣ: о «Staročeské Alexandreidy rymované»? Одно изъ двухъ: или вѣритъ въ единство чешской Александриды на основаніи существующихъ отрывковъ, или-же не затрогивать этого дѣла. Видно, авторъ стоялъ подъ вліяніемъ своихъ предварительныхъ соображеній и разсужденій и не спохватился, что затѣя его идетъ въ разрѣзъ съ тѣми предвзятыми мыслями.

Проф. Прусикъ положилъ въ основаніе своей старочешской Александриды — образецъ латинскій, поэтому и понадобилось ему дѣленіе цѣлаго на десять рапсодій или книгъ. Но вотъ новое затрудненіе. Въ сохранившемся самомъ большомъ отрывкѣ Святovitскомъ не видно, чтобы чешскій авторъ дорожилъ этимъ дѣленіемъ на книги. Поэтому и я не вижу причины навязывать чешскому тексту точно десять книгъ. Впрочемъ, для десятой не оказалось ни одной строки старочешскаго текста. Руководясь содержаніемъ латинскаго текста, авторъ полагаетъ, что въ Святovitскомъ отрывкѣ послѣ стиха 1280-го надо отмѣтить большой пробѣлъ, т. е. пропускъ того, что въ латинскомъ сочиненіи читается въ книгѣ II ст. 140—305. Но здѣсь надо было все-таки хотя бы однимъ словомъ указать на то довольно замѣчательное обстоятельство, что и въ Градецкомъ текстѣ послѣ стиха 149 (= Святovit. 1280) непосредственно слѣдуетъ ст. 150 (= Святovit. 1281). Значитъ, надо бы предположить пробѣлъ тутъ и тамъ. Проф. Прусикъ находитъ разрѣшеніе загадки въ томъ,

что предполагаетъ существованіе пробѣла уже для подлинника. Можетъ быть, что это такъ, но возможны также соображенія другого рода. Вѣнскій отрывокъ, вышедшій на свѣтъ только въ 1889 году, несмотря на его превосходство по времени происхожденія, совпадаетъ для небольшого объема своего содержанія очень хорошо съ текстомъ Святovitскимъ, который значительно моложе его. Стало быть, это совпаденіе говоритъ въ пользу вѣрной передачи подлиннаго текста въ Святovitской рукописи, и нѣтъ основанія черезчуръ настаивать на испорченности Святovitской редакціи.

Зная все это, я не раздѣляю взглядовъ автора относительно многихъ имъ предлагаемыхъ поправокъ или перестановокъ Святovitскаго текста. Напримѣръ, перестановка стиховъ 534—543, — авторъ ставитъ ихъ послѣ 544—547 — не представляетъ для меня ничего убѣдительнаго, въ особенности когда рядомъ съ перестановкою требуется еще допустить какой-то пропускъ стиховъ! Или же чѣмъ оправдывается догадка автора, что послѣ стиха 193 или послѣ стиха 820 что-то пропущено? Относительно мнимаго пробѣла послѣ 193 надо имѣть въ виду, что уже словами стиха 183 «*na svú žalost'*» вкратцѣ сказано то, что въ латинскомъ текстѣ заключается въ II. 56—58. Что-же касается предлагаемаго пропуска послѣ 820, то это можетъ притти въ голову современному читателю, но не соотвѣтствуетъ вкусамъ и потребностямъ стариннаго склада рѣчи. И послѣ стиха 988 г. Прусику хотѣлось бы вставки пропавшихъ будто бы стиховъ въ соотвѣтствіе латинскому тексту II. 29—33; но если выкинуть въ нарочно сжатый стиль посланія Даріева, легко будетъ убѣдиться, что впечатлѣніе разсказа безъ вставокъ сильнѣе.

Еще менѣе я согласенъ съ приемами проф. Прусика насчетъ расширенія редакціи Святovitской вставками стиховъ изъ текста Градецкаго. Самъ авторъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніи Градецкаго текста къ Святovitскому (на стр. 62), что редакція Святovitская болѣе точная разработка латинскаго текста, чѣмъ Градецкая, авторъ которой не имѣлъ передъ собою

латинскаго текста «*na mnohých místech českou předlohu svou mění a rozhojňuje*». Если это такъ, какая причина могла заставить г. Прусика послѣ стиха 1219 включить два стиха (51—52) изъ Градецкой рукописи, или послѣ стиха 1245 цѣлую парафразу стиховъ 80—87? Не нужно было также послѣ стиха 1276-го брать изъ Градецкаго текста стихи 140—144. Упоминаніе въ послѣднемъ стихѣ муловъ, о которыхъ и въ Святovitскомъ текстѣ въ стихѣ 1277 идетъ рѣчь, служить лучшимъ доказательствомъ, что здѣсь обѣ редакціи расходятся и что невѣрно даже мнѣніе автора, будто бы составитель Градецкой редакціи не имѣлъ передъ собою латинскаго текста. Въ Святovitскомъ текстѣ не упоминаются верблюды, только пять сотъ муловъ тащатъ поклажу (ст. 1277—8). Откуда узналъ составитель Градецкаго текста о верблюдахъ? Конечно изъ латинскаго текста, гдѣ говорится

Sexcentis sequitur invecta pecunia mulis,

ter centumque operat dorso surgente camelos (II. 133—4).

Я не намѣренъ входить въ подробности. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы не безъ основанія утверждать, что реставрація старочешской Александреиды въ опытѣ проф. Прусика подлежитъ большимъ возраженіямъ съ точки зрѣнія—чисто научной. Другое дѣло—цѣль педагогическая, на которую авторъ и указываетъ. Для молодежи, высшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, изданіе проф. Прусика можетъ оказать большую пользу. Оно такъ и составлено, чтобы облегчить молодому читателю пониманіе текста. Подъ строкою прибавлены объясненія, касающіяся преимущественно старинныхъ выраженій и формъ. Объясненія эти не преслѣдуютъ цѣли строго научной, но для учащейся молодежи вполне удовлетворительны. Есть, впрочемъ, и невѣрныя толкованія. Напр. относительно долготы аориста *číte* (на стр. 22) авторъ невѣрно указываетъ на греческое *ἐλύσα*, *ἐτίμησα*. Эта параллель сюда не идетъ. Напрасно было бы также ссылаться на удареніе (сл. L. fil. X. 113). Удлиненіе гласной въ древнечешскомъ аористѣ объясняется всего проще вліяніемъ неопредѣленнаго склоненія: къ *břísti* аор. *břidech*, напротивъ

наст. вр. brdu — bŕdu, imperf. brdiech — bŕdiech; къ čisti aor čítech, imperf. čtiech (praes. čtu); къ kvísti aor. kvítech, imperf. ktviech (praes. ktvu); čieti—aor. čiech, imperf. čniech (praes. čnu) и т. д. Укажу еще одинъ примѣръ невѣрнаго толкованія слова. Въ Градецкой рукописи ст. 116, «bez rozlathy poluzene» проф. Прусикъ читаетъ «bez rozlati», а слово «rozlat» старается объяснить ссылкой на словарь, изданный Ф. Менчикомъ, гдѣ на стр. 84 упоминается «marrula razlat». Но, во-первыхъ, rozlat и razlat — не одно и то-же; во-вторыхъ, marrula едва-ли можно переводить словомъ rragores. Слово razlat, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ ничего общаго съ zlato, это слово чужого происхожденія, тождественное съ приводимымъ у Бѣлостѣнца rachoлат (читай rachoлат), я указалъ уже въ «Кнѣжѣвник-ѣ» III. 405 на ratjolat въ «Сиренѣ» Петра Зринскаго, сл. итал. fazzuolo, fazzoletto. Итакъ, «rozlata» (или «rozlat», какъ хотѣлъ бы Прусикъ) не имѣетъ ничего общаго съ «razlat» marrula.

Хотя я долженъ былъ возражать противъ многихъ приѣмовъ критики проф. Прусика, хотя многія изъ предложенныхъ имъ исправленій древнечешской Александреиды не могутъ быть приняты, все-же многолѣтнее настойчивое изученіе этого великолѣпнаго памятника съ его стороны принесло уже свои плоды и заслуживаетъ не только признанія на словахъ, но, если возможно, также нѣкотораго вознагражденія.

И. В. Ягичъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 7.

СТАРИННЫЕ СБОРНИКИ

РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ, ЗАГАДОКЪ И ПРОЧ.

XVII — XIX столѣтій

СОВРАТЪ И ПРИГOTOVИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
Павелъ Симои.

I — II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.

1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровский*.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

	СТРАН.
Предисловіе къ первому выпуску	I—XVI
<i>Перечень матеріаловъ собранныхъ для изданія:</i>	
Рукописные сборники (№№ I—XVIII)	I
Печатные сборники (№№ XIX—XXVIII).	V
Неизданные обработанные труды (№№ XXIX—XXX)	VIII
Правила, принятые при изданіи текстовъ	IX
Перечень рукописныхъ сборниковъ, остающихся недоступными издателю (№№ 1—11)	XI
Краткія свѣдѣнія о предпринятомъ Опытѣ изслѣдованія судебъ русской пословицы, поговорки, загадки и т. д. и исторіи ихъ собранія и изученія.	XII
Объясненія къ снимкамъ на отдѣльныхъ таблицахъ I—XIII	XVII—XIX

I. Повѣсти или послѣбницы всенарѣднѣйшыя по алфавиту

ВѢТЪ (въ рукоп. сборникѣ XVII вѣка Моск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 250—455, изъ собранія кн. М. А. Оболенскаго, № 28)	1—162

Описаніе рукописнаго Сборника и перечень статей, его составляющихъ . . . . . 1—68

Общія замѣчанія (с. 1).—Сборникъ повѣстей и прикладовъ изъ «Римскихъ Дѣяній» (с. 5). — Разныя мелкія статьи и отрывки (с. 10). — **ВЫДАНІЕ Ѡ ДОВРОУРАЊИ:** замѣчанія (с. 21); полный славяно-русскій его текстъ по Архивному сборнику (с. 22 сл.); текстъ близкаго къ нему польскаго сочиненія Яна Запчица, «*Política dworskie*», послужившаго подлинникомъ для означеннаго славяно-рус-

скаго перевода (с. 23 сл.).—Кѣмъ было обращено вниманіе на собраніе пословицъ Архивнаго сборника (с. 46).—Библиографическое описаніе сборника пословицъ (с. 49).—Тексты Житія Езопа, предисловія къ баснямъ, виршей и т. д. (с. 52).—Перечень басенъ Езопа по Архивному сборнику (с. 54).—Предположительныя замѣчанія о времени составленія сборника пословицъ и о собирателѣ ихъ (с. 64).

Предсловіе до читателя	69— 72
Повѣсти или пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту.	73—162

Пословицы на букву А	73
» » » Б	78
» » » В	84
» » » Г	90
» » » Д	93
» » » Е	98
» » » Ж	99
» » » З: З:	104
» » » И, І	109
» » » К	111
» » » Л	117
» » » М	119
» » » Н	124
» » » О	129
» » » П	131
» » » Р	136
» » » С	139
» » » Т	143
» » » Ѧ	145
» » » Ф	147
» » » Х	148
» » » Ѣ	152
» » » Ц	153
» » » Ч	154
» » » Ш	156

Пословицы на букву Ц	158
» » » Ъ	159
» » » Ю	160
» » » А	161
» » » Ъ	—
» » » В	162

II. Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII—начала XVIII столѣтiя), хранящийся въ библиотекѣ Императорской Академiи Наукъ . . . . . 163—216

Описанiе рукописи . . . . . 165—171

Исторiя рукописи (с. 164). — Описанiе ея (с. 165): соображенiя относительно времени ея написанiя — по бумагѣ (с. 167). — Составъ сборника (с. 169). — Письмо (почерки) рукописи (с. 170). — Соображенiя въ доказательство происхожденiя сборника изъ сѣверовосточной Россiи, можетъ быть, въ частности изъ Вологодской губ. (с. 171).

1-ая часть сборника (пословицы на буквы Я—Ш)	173
2-ая » » (безъ алфавитнаго порядка)	204
3-ья » » (въ новомъ алфавитномъ порядкѣ: . . . Г—И)	214

Приложенiя къ I-ому выпуску:

Дополненiя и поправки . . . . . 1—8

Замѣчанiя проф. Ф. Е. Корша о языкѣ составителя сборника пословицъ XVII в.—
Повстей или пословицъ всенародныхъ по алфавиту . . . . . 3—8

Опечатки и поправки . . . . . I—XII

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Въ трудѣ, первый выпускъ котораго — въ рукахъ читателя, предлагаются въ хронологическомъ порядкѣ всѣ доступные издателю старинныя сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ, и т. д. *), начиная съ XVII столѣтія — какъ рукописныя, такъ и печатныя, съ воспроизведеніемъ ихъ цѣликомъ, и вообще въ томъ видѣ, какъ они сохранились въ подлинникѣ до нашего времени.

Рукописныя сборники:

Въ настоящемъ первомъ выпускѣ помѣщены:

I. Повѣсти или пословицы всенароднѣйшымъ по алфавитѣ, извлеченныя изъ рукописнаго сборника XVII столѣтія, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 250, по стар. каталогу № 455 (изъ собранія Кн. М. А. Оболенскаго № 28), на листахъ 321—382; — и

II. Текстъ рукописнаго сборника конца XVII — начала XVIII вѣка (безъ заглавія), на 28 $\frac{1}{2}$ листахъ, заключающій въ

---

*) Въ изданіе включаются лишь такіе сборники, въ которыхъ преобладаютъ пословицы, поговорки, загадки, и т. д.; многочисленные же сборники изреченій, довольно часто также заключающіе въ себѣ изреченія съ элементами народности, и вообще сборники изреченій (особенно церковно-книжнаго происхожденія) — оставлены въ сторонѣ, но будутъ въ своемъ мѣстѣ привлечены къ изслѣдованію, о чемъ см. ниже.

себѣ *пословицы, народныя поговорки и присказки*. Доставленный Обществу Любителей Древней Письменности и Искусства около двадцати лѣтъ тому назадъ акад. Л. Н. Майковымъ, онъ былъ напечатанъ въ IV выпускѣ Памятниковъ сего Общества за 1880 г. на стран. 75—114. Впослѣдствіи подлинная рукопись была подарена Л. Н. Майковымъ извѣстному ученому юристу и знатоку обычнаго права южныхъ славянъ, В. В. Богишичу. Въ настоящемъ изданіи полный текстъ упомянутаго сборника пословицъ воспроизведенъ по возможности въ болѣе совершенномъ видѣ, чему способствовало какъ полученное мною отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности и, въ частности отъ предсѣдателя послѣдняго, графа С. Д. Шереметева, любезное разрѣшеніе перепечатать изъ изданій Общества текстъ пословицъ, такъ и то счастливое обстоятельство, что В. В. Богишичъ, любезно предоставилъ въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ упомянутую подлинную рукопись, принеся ее въ даръ Академіи. Такимъ образомъ мнѣ представилась возможность обнародовать текстъ упомянутаго сборника въ болѣе точномъ и полномъ видѣ.

Для дальнѣйшихъ выпусковъ приготовлены къ изданію и печатаются слѣдующіе сборники:

III. Книга о всенародныхъ пословицахъ. — „Объясненіе о просторечныхъ мирскихъ пословицахъ при времени и при случаяхъ и при разговорахъ въ народѣ употребляемыхъ“..... „а написанные собирать начеты въ 714 гадъ в апреле мѣсяце“. На 1+1+114 листахъ въ 4 д. л., по рукописи изъ Дрелехранилища пок. акад. М. П. Погодина, № 2005.

IV. Рукописный сборникъ русскихъ пословицъ XVIII вѣка на 78 страницахъ въ 4 д. листа, хранящійся въ I (Русскомъ) Отдѣленіи Библиотеки Императорской Академіи Наукъ, подъ шифромъ 17. 7. 32 (стар. 99; 11). Объ этомъ сборникѣ въ пространномъ письмѣ историка В. Н. Татищева отъ 18 февраля 1736 года изъ Екатеринбурга къ В. К. Тредіаковскому съ замѣчаніями его по поводу рѣчи послѣдняго „къ членамъ Россійскаго Собранія, во время перваго оныхъ засѣданія, Марта 14 дня, 1735 года“ [о чистотѣ російскаго языка] есть слѣдующее упоминаніе: „...нынѣ же посылаю (въ Академію) пословицы ... мною собранные изъ ко-

торыхъ не мало словъ нынѣ неупотребляемыхъ vybratsя можетъ“...

V. Рукописный сборникъ пословицъ, составленный, какъ можно съ достовѣрностью предполагать, помощникомъ бібліотекаря Академіи Наукъ А. И. Богдановымъ (р. 1703 г. — ум. 1766 г.), столь извѣстнымъ многими историческими и филологическими трудами*), — и хранящійся въ I-омъ Отдѣленіи Библиотеки Императорской Академіи Наукъ подъ шифромъ 17. 7. 33 (стар. ярлыкъ за № 100) на 249 помѣченныхъ страницахъ въ 4 д. л. Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Собраніе пословицъ и присловицъ російскихъ которые въ повѣстехъ и во употребленіи народныхъ рѣча² бываемы, и по алфавитѣ оныя скорога ради приисканія разположены въ поляхъ народной забавы и увеселенія. 1741 годъ“.

VI. Сборникъ рукописный велико- и малорусскихъ пословицъ съ латинскимъ переводомъ и параллелями: „*Adagia sive brevis sententia. quorum defectum in vobis prospiciendo, plurimorum quoque iam in profanis quam et in sacris eorum corpiam videndo libris, usui studiosae iuventutis ob actiorem adloquendum cognoscendumque facilitatis modum substantituere ea arbitrabar; ideo M: D: ad G: Vque: V: M: honorem solavonico alphabeto. exponuntur*“ — въ рукописномъ сборникѣ Іоанна Ушивскаго 1738—1743 гг., хранящемся въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи № 661 (Муз. № 156), на лл. 188—214 об. въ 4 д. л.

VII. Старинный рукописный сборникъ Русскихъ пословицъ, составленный въ городѣ Яренскѣ въ 1753 году и сохранившійся въ бумагахъ акад. И. И. Срезневскаго въ спискѣ 1853 года, сдѣланномъ Штатнымъ Смотрителемъ Яренскихъ училищъ Алексѣемъ Протопоповымъ (остались лишь пословицы съ буквы А до конца буквы Т). За сообщеніе рукописи и за любезное разрѣшеніе воспользоваться ею для изданія и много обязанъ Вс. И. Срезневскому.

---

*) Объ А. И. Богдановѣ (родомъ японцѣ) болѣе подробныя свѣдѣнія см. особенно въ „Исторіи Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ“ — Петра Пекарскаго, т. II (Спб. 1878 г.), стр. 198, въ вын. 4. Тутъ въ спискѣ многочисленныхъ трудовъ Богданова, имъ самимъ составленномъ, отмѣчено подъ № 5: „Небольшую книжку російскихъ пословицъ [сочинилъ], собраніе которыхъ въ бібліотекѣ хранится“.

VIII. Нѣсколько сборниковъ пословицъ и изреченій въ рукописномъ сборникѣ 1754 года, на 160 листахъ въ 16 д. л., изъ собранія графа А. С. Уварова, любезно присланномъ для моихъ занятій графиней П. С. Уваровою [по Систематическ. Описанію Славяно-россійскихъ рукописей графа А. С. Уварова, составленному Архим. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г., отдѣл. XVII, стр. 398, № 2039 (176)]: а) на листахъ 20—36: „*Послѣдствіа*“, б) на лл. 36 об.—38: „*Реченія нѣкая правоучительная*“, в) на лл. 39—40: „*Правоучительная наставленія*“, г) на лл. 73 об.—138: „*Разные пословицы по Азавѣтѣ*“ (А—Я).

IX. „*Показаніе о нѣкоторыхъ, происходящихъ в' общенародіи правоучительныхъ присловицахъ, кои слѣдѣють при себѣ по азавѣтѣ*“, по рукописному сборнику 1755 года, Императорской Археографической Коммисіи № 64/160, на стран. 60—122 въ 4 д. л.

X. „*Азавѣтъ мирскихъ пословицъ*“, помѣщенный въ рукописномъ сборникѣ 1758 года, принадлежалъ въ восьмидесятихъ годахъ текущаго столѣтія священнику Троицкой въ городѣ Вязникахъ (Владим. губ.) церкви, о. Константину Веселовскому; печатается съ новѣйшей копіи, хранящейся въ Архивѣ Импер. Русск. Географич. Общества (подъ шифромъ VI. 51).

XI. „*Собраніе просторечныхъ мирскихъ пословицъ, при времени и при случаевъ и при разговорахъ въ народѣ употребляемыхъ*“... въ рукописномъ сборникѣ 1788—1795 года, на 62 листахъ, въ 4 м. д. л., принадлежащемъ нынѣ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, № 727 (ст. 169), съ стихотвореніями за подписью: „*Г. С. В. Салт. 1795 году Ноября: дня*“.

XII. Рукописный сборникъ русскихъ пословицъ XVIII вѣка, озаглавленный: „*Присловицы*“, на 115 листахъ въ 8 д. л., изъ собранія проф. И. А. Шляпкина, подъ № 20.

XIII. Отрывокъ сборника русскихъ пословицъ на буквы Д—С (1790 г.) на 16 лл. въ 16 д. л., пожертвованнаго Е. В. Барсовымъ въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи и хранящагося тамъ подъ № 449 (О. 1/6. 34).

XIV. Отрывокъ сборника русскихъ пословицъ XVIII столѣтія на буквы П, Р и С, на 8 листахъ въ 4 д. л., принесенный въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ акад. Л. Н. Майковымъ (и хранящійся тамъ подъ шифромъ Q. III. 182).

XV. Отрывокъ изъ сборника русскихъ пословицъ XVIII в. на буквы *Л—С*, на 15 листахъ въ 4 д. л., хранящійся въ Императорскомъ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подь № 911, изъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго.

XVI. Отрывокъ изъ сборника русскихъ пословицъ и поговорокъ на буквы *Б—К* (на лл. 194 об.—205 об.) въ семинарскомъ сборникѣ: „*Востокъ*, на которомъ тройственное православнаго исповѣданія восходитъ свѣтило Слово Божіе“—конца XVIII в., на 204 лл. въ 4 д. л., хранящемся въ Библиотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № 502 (по ст. катал. 983).

XVII. Двѣ тетради записей пословицъ XVIII вѣка, хранящихся въ собраніи рукописей А. А. Титова въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи: а) на 4 лл. въ 4 д. л. пословицы на буквы *П. Р. С. Т. У. Х. О. Ч. Ш. Д. Л. К. М. Н. О. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. И. К.*, и б) на двухъ листахъ въ листъ безъ всякаго алфавитнаго порядка (по „Охранному каталогу славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова“ вып. III, 1888 г., стр. 19, рукоп. № 1793).

XVIII. а) Отрывки изъ сборниковъ *пословицъ* конца XVIII и самаго начала XIX вѣка въ собраніи рукописей И. А. Вахрамѣева въ Ярославлѣ: въ рукописныхъ сборникахъ № 652 и 654, въ м. 8 д. л. на лл. 179—180 обор. и л. 30—1, и б) сборникъ *загадокъ* въ рукописномъ сборникѣ того же собранія и того же времени въ 4 д. л. № 567, л. 360, подь слѣдующимъ заглавіемъ: „Загадки сочиненныя стихами ѣ просто, и краткіа на подобіе вопросовъ“.

XIX. Собраніе пословицъ въ рукописномъ сборникѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, любезно доставленномъ въ наше распоряженіе Е. И. Якушкинымъ. Въ означенномъ сборникѣ, озаглавленномъ: „Псалмы духовныя“, послѣ кантовъ и виршей (лл. 1—10) на лл. 14—17 помѣщены: „По Азбукѣ разныя пословицы, учитель ученика спрашивалъ, что значить. А. Которой и о*вѣчалъ“.

Печатные сборники:

XX. „Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“ въ книгѣ Н. Г. Курганова: „Россійская универсальная Грамматика, или Всеобщее Писмословіе, Предлагающее Легчайшій

способъ основательнаго ученія рускому языку съ седмью при-
совокупленіями разныхъ учебныхъ и полевно-забавныхъ вещей.
Издано во градѣ Святаго Петра 1769 года“ (на стр. 109—124
и „Прибавленіе“, тамъ же, на стр. 124—125). Такъ какъ эта
„Россійская Универсальная Грамматика“ или иначе *Письмовникъ*
Курманова, начиная съ 1769 года и почти до половины XIX сто-
лѣтія выдержала очень много изданій, то мы постараемся
сравнить текстъ *Сбора русскихъ пословицъ и поговорокъ* и *Прибавле-
нія* къ нимъ по всѣмъ изданіямъ этой книги и подведемъ ва-
рианты изъ нихъ*).—Къ сему же будетъ присоединено въ видѣ
приложенія „Собраніе разныхъ пословицъ и поговорокъ“,
находящееся въ рукописномъ сборникѣ изъ библиотеки кн. Ба-
рятинскаго 1789—1809 гг., въ 4 д. л., хранящемся нынѣ въ
библіотекѣ Императорскаго Россійскаго имени Императора
Александра III Музея въ Москвѣ подъ шифромъ 187/B.

XXI. „Древнія русскія простонародныя загадки“, на-
печатанныя въ „Парнасскомъ Щепетильникѣ“. Ежемѣсячномъ
изданіи 1770 года (М. Д. Чулкова), въ VII книгѣ (май) на стран.
46—48.

XXII. „Собраніе 4291 древнихъ Россійскихъ Посло-
вицъ. Печатаны при Им(п)ераторскомъ Московскомъ Универ-
ситетѣ. 1770 года“. Это *первое печатное изданіе русскихъ посло-
вицъ*, не вѣрно приписываемое нѣкоторыми изслѣдователями из-
вѣстному русскому писателю и этнографу XVIII столѣтія М. Д.
Чулкову, на самомъ же дѣлѣ, какъ можно почти съ достовѣр-
ностію утверждать, — трудъ извѣстнаго грамматиста XVIII сто-
лѣтія, профессора Московскаго Университета А. А. Барсова,—
будетъ перепечатано въ нашемъ изданіи въ сводномъ видѣ —
а) по всѣмъ тремъ его печатнымъ изданіямъ, т.-е. 1) (по 1-му
изд.) при Импер. Моск. унив. 1770 года съ *виньеткою* и инициа-
лами Х. Л. В.**, въ 16 д. л. на 244 стран., 2) (по 2-му изд.) того же
1770 года, *безъ винетки*, въ 16 д. л. на 320 стран.—2 непом. („По-
грѣшности“) и 3) тоже: *Изданіе Третіе*. Москва. Въ Типографіи

*) Последнее бывшее у насъ въ рукахъ изданіе—11-е, 1887 года печа-
танное въ Москвѣ у Н. Степанова.

***) По мнѣнію акад. Л. Н. Майкова инициалы эти должны обозна-
чать—„Христіанъ-Лудвигъ Веверъ“, т. е. имя и фамилію извѣстнаго изда-
теля журнала „Музыкальныя Увеселенія“ (1774 г.).

Компаніи Типографической, 1787 г., на 203 стран. *); б) съ подведеніемъ вариантовъ изъ рукописной копіи съ печатнаго текста 1770 года, списка принадлежавшаго въ XVIII вѣкѣ „города Переславля Залескаго Катедральному Успенскаго Собора діакону Петру Иванову Ильинскому“ и писаннаго рукою „Троицкаго Данилова монастыря подъячимъ Иваномъ Алексѣевымъ Тарховымъ“, нынѣ же хранящагося въ древлехранилищѣ М. П. Погодина подъ № 2006 въ Имп. Публичной Библіотекѣ. в) Въ приложеніи будетъ напечатано и то значительное *Дополненіе* къ сему тексту, которое находится въ концѣ этого рукописнаго списка. г) Предполагается собрать и тутъ же приложить всѣ приписки пословицъ и т. п. текстовъ (не исключая и *малорусскія*), сдѣланныя читателями равнаго времени на нѣсколькихъ извѣстныхъ издателю экземплярахъ упомянутой книги.

XXIII. „Загадки, служащія для невиннаго раздѣленія празднаго времени, изданы В. С. Л.: Левшинымъ“ (виньетка), при Императорскомъ Московскомъ Унив. 1773 года, на 43 стр., въ 16 д. л.

XXIV. „Увеселительныя загадки со нравоучительными отгадками, состоящія въ стихахъ“. Москва, 1781, въ 12 д. л.

XXV. „Выборныя Россійскія Пословицы“ Императрицы Екатерины II 1782 года (на 15 помѣч. стран. въ м. 8 д. л. по экземпляру безъ означенія года и мѣста печати Эрмитажной Библіотеки, хранящемуся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

XXVI. „Рускія пословицы, собранныя Ипполитомъ Богдановичемъ“. Въ Санктпетербургѣ, издвденіемъ Императорской Академіи наукъ, 1785 года. Части I, II и III.

---

*) Указываемое иногда 2-е изданіе 1778 года есть не болѣе, какъ недоразумѣніе, поводомъ къ чему послужило то обстоятельство, что въ 1770 году вышло два изданія, причемъ *второе* изъ нихъ не отмѣчено на заглавномъ листѣ таковымъ. Это предположеніе оправдывается еще и тѣмъ, что для 2-го изданія назначенъ 1778 годъ, а экземпляровъ изданія съ, этимъ годомъ нигдѣ пока не нашлось, третье же изданіе вышло въ 1787 году. За подтвержденіе моей догадки точными библіографическими разысканіями и справками я обязанъ весьма свѣдущему и опытному московскому библіографу П. Н. Рогожину, которому и слѣбу выразить свою глубокую признательность за это одолженіе.

XXVII. „Сто и одна Загадка“, Г. Б. Москва (въ Сенатской Типографіи) у В. Огорокова, 1790 г. на 64 стран. въ 16 д. л.

XXVIII. „Пословицы“. Статья В. въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“. Часть I. № 3. Москва, 1794 г., стран. 33—47.

XXIX. „Пословицы и поговорки простонародныя; большая часть въ иносказательномъ смыслѣ“ въ книгѣ Г. Г. (ромова): „Любовники и супруги или Мужчины и женщины [нѣкоторыя]. И то и сію. Читай, смѣйай, и можетъ быть слюбится“. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1798 года, въ гл. IX, на стран. 206—224.

XXX. „Рускія изрѣченія, пословицы и поговорки, съ историческими и другими различными примѣчаніями“ (изданія С. Н. Глинкою въ „Опытѣ отечественной нравственности“ ч. 2, см. въ „Рускомъ Вѣстникѣ въ пользу семейственнаго воспитанія“ за 1816 г., кн. 3).

Въ заключеніе, впервые будутъ напечатаны въ настоящемъ изданіи:

XXXI. Съ автографа академика А. Х. Востокова, хранящагося въ I-омъ Отдѣленіи Библиотеки Императорской Академіи Наукъ, *сборникъ пословицъ расположенныхъ по содержанию, по мысли, которыхъ онъ касается, и раздѣленныхъ на пять главъ*; за составленіе этого сборника, Востоковъ, какъ видно изъ „Лѣтописи“ о его жизни, принялся около 16 января 1810 года, и отъ времени до времени продолжалъ обрабатывать этотъ трудъ до 1815—1816 года. Еслибы этотъ трудъ Востокова былъ въ свое время напечатанъ, онъ во многомъ бы опередилъ и нѣкоторыя появлявшіяся много лѣтъ спустя пареміологическія изданія, какъ въ отношеніи времени своего появления*),

*) *Нѣсколько лишь напоминаютъ этотъ опытъ обработки русскихъ пословицъ А. Х. Востокова слѣдующіе труды позднѣйшаго времени: 1) „Д. К. (няжевича)]. Полное Собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку“.* Съ присовокупленіемъ таблицы содержанія оныхъ, для удобнѣйшаго ихъ присканія. Спб. 1822, въ 8 д. л., 2) особенно единственный пока у насъ трудъ историко-бытового объясненія смысла нѣкоторыхъ русскихъ пословицъ, принадлежащій И. М. Снегиреву: „Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія объ отечественныхъ пословицахъ и поговорахъ“, книжки I, II, III и IV.

такъ отчасти даже въ смыслѣ свѣжести и самостоятельности собраннаго матеріала, и особенно систематическою и критическою его обработкою, что особенно любопытно, если принять въ расчетъ, что у Востокова, какъ можно думать судя по ссылкамъ въ его трудѣ — подъ рукою были лишь изданныя въ 1785 году И. Богдановичемъ „Рускія Пословицы“ и пословицы, извлеченныя имъ самимъ изъ Польскаго словаря С. Б. Линде и изъ изданія *Rzeczowiesci* Рысинскаго (печатано въ XVI ст.), а также записанныя самимъ Востоковымъ пословицы или сообщенныя ему его пріятелями и корреспондентами. Вообще можно признаться со всею справедливостію, что трудъ Востокова былъ бы для своего времени, да пожалуй остается и до сихъ поръ, — весьма знаменательнымъ явленіемъ въ довольно-таки бѣдной еще печатной русской пареміологической литературѣ.

и XXXII. Принадлежащій Дѣйствительному Члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву въ Ярославлѣ рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ, и проч. подъ общимъ заглавіемъ: „*Русская народная жизнь и правила въ краткихъ изреченіяхъ*“. Собрано изъ устъ Θεодосіемъ Смирновымъ“ въ трехъ книгахъ въ половину большаго листа (67+67+11 лл.) (см. у А. А. Титова: „Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія ...И. А. Вахрамѣеву, вып. III, М. 1892, №№ 803—805, стран. 85—89).

При воспроизведеніи въ печати текстовъ старинныхъ сборниковъ пословицъ, загадокъ, и проч., въ настоящемъ изданіи принято за правило:

а. Такъ какъ за большинствомъ рукописныхъ сборниковъ пословицъ, загадокъ и проч., заключающихъ въ себѣ много простонародныхъ и областныхъ особенностей стиля и языка, признано немаловажное значеніе для исторіи русскаго языка, то положено печатать каждый цѣльный сборникъ или сохранившіеся

Москва, 1831—4, въ 16 д. л., 8) *то же* довольно тщательно исполненный, хотя и уступающій первому, но все-таки несправедливо забытый сводный трудъ, съ указаніемъ источниковъ, вариантовъ и параллелей: „Русскія народныя пословицы и притчи“ М. 1848, съ нѣсколькими отдѣльно изданными Снегиревымъ же впоследствии дополненіями (1854 и 1857 гг.), и 4) „Пословицы русскаго народа“ В. Дала. М. 1862 г. въ 6. 8 д. л.

отрывки такихъ сборниковъ совершенно въ томъ видѣ, какъ они найдены мною въ рукописи или въ первомъ печатномъ изданіи: съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ особенностей расположенія текста пословицъ, загадокъ, и проч., стариннаго правописанія и интерпунктаціи, съ единственнымъ впрочемъ исключеніемъ — печатанія собственныхъ именъ съ прописной буквы и раздѣленія словъ.

б. Во всѣхъ случаяхъ мы старались воспроизводить по возможности текстъ первоначальнаго автора или писца, выдѣляя разновременныя позднѣйшія приписки, поправки, дополненія, заглавія, и т. п. Сохраненіемъ всѣхъ этихъ, на первый взглядъ мелочныхъ, особенностей, думается намъ, лучше всего можно познакомить читателя съ самыми подлинниками, показать ихъ приемы подбора, собиранія и частію даже записи означенныхъ памятниковъ безыскусственнаго творчества народа, когда они стали впервые собираться въ извѣстномъ порядкѣ и обратили затѣмъ на себя вниманіе любителей отечественнаго слова.

в. Сборники, менѣе значительные (въ смыслѣ цѣнности ихъ внутренняго содержанія), — печатаются для сбереженія мѣста мелкимъ шрифтомъ.

г. Каждому отдѣльному сборнику предпослана вводная замѣтка, въ которой сообщается историко-библіографическое описаніе всей рукописи или книги, откуда извлеченъ тотъ или иной сборникъ пословицъ, загадокъ, и т. п., съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на тѣ страницы рукописи, на коихъ помѣщены пословицы, загадки, объяснительныя замѣчанія и проч.

д. Вслѣдъ за текстами будутъ помѣщены въ отдѣлѣ „Дополненій и поправокъ“ — примѣчанія къ текстамъ сборниковъ, гдѣ будутъ предложены критическія поправки основныхъ текстовъ, указаны описки писцовъ, приведены разновременныя приписки, поправки, варианты и проч.

е. Согласительныя таблицы для показанія сходныхъ *по содержанию* и по предметамъ пословицъ, и проч., во всѣхъ напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи сборникахъ пословицъ, загадокъ, и т. д., съ отмѣткою римскою цифрою сборника, откуда взята данная пословица, и арабскою самой пословицы (ея №).

ж. Указателями: собственныхъ именъ (личныхъ и географическихъ) и предметовъ, а также спискомъ любопытныхъ и малоизвѣстныхъ словъ должно закончиться изданіе текстовъ.

Такимъ образомъ въ настоящемъ трудѣ, по отпечатаніи его въ предположенномъ составѣ, въ распоряженіи читателя окажется полное *по возможности* собраніе всѣхъ извѣстныхъ и доступныхъ издателю старинныхъ сборниковъ русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и т. д., съ XVII по XIX столѣтіе включительно (до выхода въ свѣтъ перваго изданія извѣстнаго сборника пословицъ В. И. Даля *).

Остаются недоступными издателю по разнымъ причинамъ слѣдующіе сборники:

А. Неизвѣстно гдѣ нынѣ находящіеся рукописные сборники:

1. Принадлежавшій А. И. Тургеневу въ Парижѣ *сборникъ Русскихъ пословицъ и поговорокъ*, писанный скорописью конца XVII вѣка въ 4 д. л. Начало его осталось у прежняго владѣльца, а „оторванная отъ сборника тетрадь съ буквы *Н* до *Х*“ перешла въ собственность И. М. Снегирева, и объ этой части всего сборника есть замѣтка въ „Русскихъ народныхъ пословицахъ и притчахъ“ И. М. Снегирева, М. 1848 г., стран. XL.

2. *Сборникъ пословицъ и поговорокъ по азбучному порядку*, на 73 стр., скорописный, начала XVIII вѣка, въ 4 д. л., принадлежавшій И. М. Снегиреву (см. краткое его описаніе и перепечатку предисловія къ нему въ виршахъ—въ Русскихъ народныхъ пословицахъ и притчахъ, издан. И. Снегиревымъ, М. 1848 г., стран. XXXVII—XL).

3. Сборникъ, писанный Александромъ Даниловичемъ Янковымъ:—*Россійскія пословица, собранная по Алфавиту въ Москвѣ, 1749 году* (въ 4 д. л.)—неизвѣстно гдѣ нынѣ находящійся, въ свое время былъ изучаема а) Ѳ. И. Буслаевымъ, который сообщил о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ статьѣ своей: „Русскія

---

*) Какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ настоящаго предисловія къ 1-му выпуску нашего труда, въ послѣднемъ намѣчено перепечатать болшую часть изданій сборниковъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ, и проч., лишь XVIII столѣтія, ставшихъ нынѣ почти библиографическою рѣдкостью и недоступныхъ большинству, и затѣмъ всѣ сборники, сохранившіеся какъ отъ стараго времени въ рукописномъ видѣ, такъ и относительно недавняго еще для насъ происхожденія, но оставшіеся пока не-обнародованными.

пословицы и поговорки“ въ Архивѣ Калачова (II, 2, М. 1854), стр. 67 и 75, и далѣе въ текстѣ (стр. 75 сл.) своего сборника пословиць привелъ изъ него варианты, отмѣченныя буквою *Я*; въ Исторической Христоматіи ц.-сл. и русск. яз. (М. 1861 г.), столб. 1457—1460 напечатано для образца по нѣскольку пословиць на каждую букву съ объяснительными къ нимъ примѣчаніями, и б) И. М. Снегиревымъ, о чемъ находимъ отмѣтки въ его „Новомъ Сборникѣ русскихъ пословиць и притчей, служащемъ дополненіемъ къ Собранію русск. народн. пословиць и притчей, изданныхъ въ 1848 г.“ (М. 1857 г., въ примѣчан. 10, стран. 83, пр. 8, стр. 87).

4. Рукописный сборникъ, принадлежавшій Тихвинскому купцу Григорію Парихину и упомянутый имъ въ выноскѣ къ тексту статьи его: „Русскія народныя загадки“ (въ журн. *Маякъ*, 1842 г., т. VI, кн. XI, гл. III (матеріалы), стран. 66)—„[нѣкоторыя загадки] выписаны мною изъ стараго рукописнаго сборника 1774 года, состоящаго изъ *Собранія Псалмовъ, пѣсенъ, загадокъ, пословиць, притчей, анекдотовъ, и прочаго тому подобнаго*“...

5. Собраніе около 400 Русскихъ пословиць, записанныхъ П. Ѳ. Карабановымъ въ Москвѣ (упоминаемое у Снегирева, въ его изданіи 1848 г. на стран. XLI, и у Буслаева въ „Русск. послов. и погов.“, стр. 113, 131, 140 и 143 сл.). Среди рукописей Коробанова, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку искомой рукописи, повидимому, не имѣется.

6. Рукописный сборникъ пословиць, о которомъ И. М. Снегиревъ упоминаетъ въ „Дополненіи къ собранію Русскихъ народныхъ пословиць и притчей, издан. И. Снегиревымъ“ (М. 1854 г., на стран. 3): „Почтенные наши литераторы, Н. В. Сушковъ доставилъ мнѣ *тетрадь Русскихъ пословиць, собранныхъ и писанныхъ г. Храповицкимъ для Императрицы Екатерины II*...“.

7. „Русскія пословицы, поговорки, притчи и присловья, собираемыя Алексѣемъ Кольцовымъ. Воронежъ“ (1836—39 годовъ), на 41 л., въ 8 д., почтовой бумаги (*А—Я*); рукописный сборникъ этотъ принадлежалъ въ шестидесятыхъ годахъ извѣстному поэту И. С. Никитину.

Б. Принадлежащіе П. Н. Тиханову три рукописныхъ сборника пословиць и проч.:

8. Въ такъ называемомъ „*Мышкинскомъ сборникѣ-календарѣ 1779 года*“ (описаніе его см. въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣ-

домостяхъ, 1888 г. и отдѣльно въ брошюрѣ: „Мышкинскій сборникъ 1779 г., рукопись изъ собранія П. Тиханова“, Ярославль, 1888 г.) на лл. 16—62 помѣщены „*Присловия*“ (пословицы и присловья), на лл. 63—70 — „*скороговорки*“, и проч.

9. „Довольно большой рукописный сборникъ пословицъ“, по словамъ владѣльца — писанный въ Новгородѣ (скоропись).

10. Еще одинъ „писанный полууставомъ, переходящимъ въ скоропись“.

Одновременно съ приготовленіемъ къ печати подлежащаго труда и послѣдовательнымъ печатаніемъ выпусками, издатель его приступилъ къ обработкѣ матеріаловъ для небольшого *опыта изслѣдованія*, въ которомъ онъ намѣтилъ изученіе многихъ вопросовъ, относящихся до русской пословицы, поговорки и загадки въ ихъ исторіи. Въ этомъ изслѣдованіи попытокъ собранія и записыванія ихъ, а также литературной исторіи сборниковъ, обращавшихся у насъ на Руси, съ давняго времени, а равно также и различныхъ памятниковъ старинной русской письменности, отразившихъ на себѣ элементы какъ народныхъ пословицъ („*мірскихъ притчъ*“), такъ и изреченій и пословичныхъ выраженій книжнаго происхожденія (какъ напр. Слово о злыхъ женахъ, Моленіе или Слово Данила Заточника, Сказаніе или Слово объ Акирѣ Премудромъ, Стефанитъ и Ихнилатъ, Бесѣда отца съ сыномъ отъ различныхъ писаній — о женской злобѣ, Мѣрило Праведное и еще многіе другіе) — авторомъ будетъ, по возможности, удѣлено не меньше вниманія, какъ и исторіи сборниковъ исключительно почти гномическаго содержанія (Пчела, Мудрость Менандра, Стословець патр. Геннадія, и друг.). Послѣдніе, какъ это можно считать уже почти доказаннымъ, представляли собою произведенія, повидимому, цѣликомъ переведенныя съ византійскихъ же подлинниковъ еще у южныхъ славянъ и затѣмъ зашедшіе и къ намъ *). Является необходимымъ прослѣдить, какъ эти сборники съ теченіемъ вре-

*) Старшіе русскіе списки Пчелы и Мудрости Менандра XIV в. на пергам., хран. въ Имп. Публ. библ.; по И. И. Срезневскому, Пчела стала извѣстна у насъ съ XII столѣтія, см. Др. Пам. р. п. и яз. подъ 1199 г.; см. Стословца — съ XI в.: онъ помѣщенъ уже въ Изборникѣ Святослава 1076 года, и т. д.

мени все болѣе и болѣе распространяли свое содержаніе, когда къ нимъ постепенно стали присоединяться и въ нихъ вносятся выбранные тексты гномическаго характера изъ книгъ Св. Писанія, Твореній Отцовъ Церкви, а иногда и прямо цѣлыя самостоятельныя сборнички, носившіе названія: „Словца избраны отъ Мудрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона“, „Избранныя словца отъ Исака и отъ Лѣствицы и отъ инѣхъ книгъ“, и т. п. Благодаря этому, составъ такихъ сборниковъ сдѣлался разнороднымъ и пестрымъ (Пчелы напр. въ позднѣйшихъ спискахъ, заходящихъ даже въ XVIII столѣтіе, и такъ называвшіеся „Цвѣтники“, многочисленныя „выписки“ изъ Пчелы иногда даже съ особенными названіями, напр. „Строкъ избирательныхъ“, и проч.). Для цѣли подобнаго изслѣдованія весьма важно также заняться изученіемъ текста столь любопытныхъ „Прописей“, „Азбукъ“ и проч., въ которыхъ часто можно встрѣчать притчи и тексты, почти прямо идущіе по преемству отъ подобныхъ же изреченій, находимыхъ въ Словѣ Даніила Заточника (на что было обращено въ свое время вниманіе еще пок. Н. С. Тихонравовымъ)*).

Сборники собственно пословицъ и поговорокъ появляются у насъ впервые въ XVII вѣкѣ, но послѣднія и тутъ не отдѣляются еще отъ текстовъ духовно-нравственнаго содержанія; въ то же время въ эти сборники, параллельно съ пословицами, вносятся тексты изъ лубочныхъ картинокъ, изъ смѣхотворныхъ повѣстей, пѣсенъ, сказокъ, сонниковъ, различныхъ народныхъ листовъ и тетрадокъ, довольно часто и обильно почерпавшихъ свое занимательное разнообразіе изъ западно-европейскихъ и, особенно польскихъ, источниковъ. Въ томъ же XVII столѣтіи появляются въ переводѣ съ польскаго извѣстныя „Апофеогмы“, столь полюбившіеся у насъ, что сверхъ обращавшихся экземпляровъ рукописныхъ текстовъ понадобилось вскорѣ и печатное ихъ изданіе (первое изданіе вышло въ 1711 году, пятое въ 1781 году). Такіе тексты, какъ Апофеогмы, и проч., вмѣстѣ съ

---

*) Къ сожалѣнію, такъ мало до сихъ поръ было удѣлено вниманія въ печати означеннымъ текстамъ Прописей, и намъ ничего неизвѣстно, кромѣ статей И. Е. Забѣлина, Н. В. Калачова, Н. С. Лѣскова, Д. Л. Мордовцева и Юр. В. Толстого; занятія А. Н. Петрова „школьными азбуковниками“, повидимому, только отчасти касаются изслѣдованія текстовъ, заключающихся въ Прописяхъ и Азбукахъ.

забавными повѣстями, анекдотами, народными пословицами, пѣснями (не исключая и солдатскихъ), и проч., издаются въ Санктпетербургѣ Н. Г. Кургановымъ въ 1769 году, сперва подъ названіемъ „Универсальной грамматики“, а затѣмъ известнаго „Письмовника“. Изданія его тянутся до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, болѣе десяти разъ повторяясь и распространяя свое занимательное содержаніе, и въ свою очередь уступаютъ мѣсто разнымъ другимъ сборникамъ, пришедшимъ ему на смѣну.

Предпринятый опытъ изслѣдованія исторіи русской пословицы, поговорки и проч., можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и *вводною статьею* ко всему собранію нынѣ издаваемыхъ *текстовъ* сборниковъ XVII—XIX столѣтій. Въ концѣ будетъ предложена подробная систематическая библіографія и перечень изданій указанныхъ сборниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, также и трудовъ, посвященныхъ ихъ изученію.

Выдавая въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго труда, считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ членамъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, давшимъ мнѣ возможность къ напечатанію моего труда въ томахъ издаваемаго имъ „Сборника“. Не могу не высказать тотъ часъ же своей особенной и глубокой признательности г. Вице-президенту той же Академіи, академику Л. Н. Майкову, не оставлявшему меня во все время моихъ розысканій при веденіи настоящаго труда своими многими полезными совѣтами, указаніями, сообщеніемъ матеріаловъ и пособій для моего труда, и вообще за ту нравственную поддержку и одобреніе, которыя я встрѣтилъ по сему случаю съ его стороны; тѣмъ же я такъ же обязанъ и глубокоуважаемымъ академикамъ А. Н. Пыпину и А. А. Шахматову.

Много облегчили мнѣ тѣмъ или инымъ способомъ трудъ по собиранію матеріаловъ для давно задуманнаго мною и издаваемаго нынѣ труда нижеслѣдующія лица: А. В. Башкировъ, В. В. Богишичъ, Е. Θ. Будде, пок. акад. А. Θ. Бычковъ, И. А. Бычковъ, С. А. Бѣлокуровъ, И. А. Вахрамѣевъ, М. А. Веневитиновъ, Н. Я. Денисьевскій, С. О. Долговъ, П. А. Ефремовъ, Е. Θ. Карскій, А. И. Кирпичниковъ,

Ө.Е. Коршъ, В. И. Ламанскій, В. П. Ламбинъ, Н. П. Лихачевъ, Е. А. Ляцкій, В. В. Майковъ, Вс. Ө. Миллеръ, К. П. Михальчукъ, А. П. Новицкій, Н. П. Рогожинъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, С. С. Слудкій, А. И. Соболевскій, М. Н. Сперанскій, Вс. И. Срезневскій, А. И. Станкевичъ, бар. Ө. Д. Стюартъ, Н. Ө. Сумцовъ, А. А. Титовъ, П. Н. Тихановъ, гр. Пр. С. Уварова, П. В. Шейнъ, гр. С. Д. Шереметевъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шляпкинъ, В. Н. Щепкинъ, акад. И. В. Ягичъ, Е. И. Якушкинъ и Н. Ө. Өеодоровъ, — которымъ и спѣшу засвидѣтельствовать здѣсь, свою глубокую признательность, отлагая болѣе подробныя сообщенія до конца всего изданія.

Отчетливымъ и весьма удачнымъ исполненіемъ посредствомъ фотографіи снимковъ (приложенныхъ къ настоящему первому выпуску на таблицахъ I—II, IV—XI) съ рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ XVII столѣтія, я много обязанъ Г. В. Бюшу, которому пришлось воспроизводить ихъ при далеко неблагоприятныхъ условіяхъ (въ самомъ мѣстѣ храненія рукописи).

Всякаго рода полезныя указанія и сообщеніе матеріаловъ *) будутъ приняты съ глубокою признательностію, и о нихъ каждый разъ будетъ упоминаемо въ своемъ мѣстѣ при печатаніи продолженія настоящаго труда.

Павель Симои,

Д. чл. Имп. Русск. Геогр. Общества, чл.-
корр. Имп. Моск. Археологич. Общ. и Имп.
Общ. Любят. древн. письменности.

Санктпетербургъ,
29 сентября 1899 года.

*) которыя слѣдуетъ доставлять по адресу: П. К. Симои въ С.-Петербургъ, В. О. уг. 7 л., д. 2—1, кв. 16 или на имя Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ОБЪЯСНЕНИЯ КЪ СНИМКАМЪ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ТАБЛИЦАХЪ.

I.

Сборникъ скорописный XVII вѣка Моск. Главн. Архива Минист.
Иностр. Дѣлъ № 250—455.

Таблица I—(приложенная къ страницѣ 12):—снимокъ съ записи 7903/1695 года на листѣ 118 обор. (внизу страницы). Слѣдуетъ обратить вниманіе на конецъ записи: = м̄. і̄. р̄. љ̄. п̄ ѣ п̄ з̄ =, представленный тайнописью и того именно вида цифровой тайнописью, ключа для разгадыванія которой еще до сихъ поръ не удалось найти. (Ср. впрочемъ близкій видъ тайнописи, раскрытый А. Х. Востоковымъ — въ Опис. Рум. Муз. стр. 155, рукоп. XVI в, № LXXXVII). Если не ошибаемся, составитель тайнописной замѣтки съ намѣреніемъ поставилъ послѣ первыхъ буквъ-чиселъ точки, а послѣднія четыре же буквы не раздѣлилъ точками. Не скрывается ли тутъ имени и прозвища писавшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и списателя — составителя сборника пословицъ и любопытнаго «Предловія» къ сему послѣднему? Можетъ быть, перу того же лица принадлежатъ и «Рѣчмы краесогласнїи. Ѡ прелести сѣтнагъ сегѡ міра и бѣйствѣ»...
7200
1695 г. [см. ниже снимокъ на таблицѣ II] виршами;

II

б) «Послѣніе к печѣльнымъ члѣвкамъ» (см. у насъ на стран. 20; въ рукоп. л. 301 сл.); в) переводъ съ польской книжки Яна Запчица «Выданіе ѿ добронравіи» (въ рукоп. на лл. 315—320; у насъ на печ. на стран. 21—47) и друг.

Табл. II — (прилож. къ стран. 19—20) — снимокъ съ листа 295-го.

Табл. III — (прилож. къ стран. 65—66) — изображенія заводскихъ клеймъ на бумагѣ (не помѣщенныхъ въ сочиненіи Н. П. Лихачева «Бумага и древн. бум. мельницы въ Моск. госуд.». Спб. 1891 г.); чертежи 1—2.

Табл. IV — (прилож. къ стран. 69) — снимокъ съ листа 321-го съ заглавнаго листа «Предсловія до читателя».

Табл. V — (прилож. къ стран. 69) — снимокъ съ л. 321 обор. съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VI — (прилож. къ стран. 70) — снимокъ съ л. 322 съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VII — (прилож. къ стран. 71) — снимокъ съ л. 322 обор. съ продолженіемъ «Предсловія».

Табл. VIII — (прилож. къ стран. 73) — снимокъ съ л. 323: конецъ «Предсловія до читателя» и на той же страницѣ — начало «Повѣстей или пословицъ всенароднѣйшихъ по алфавиту», писанныхъ тѣмъ же почеркомъ, что и «Предловіе» и съ удареніями, дагѣ эти послѣднія встрѣчаются лишь спорадически и очень часто проставлены уже другою рукою (справщика).

Табл. IX — (прилож. къ стран. 92) — снимокъ съ листа 336: текстъ сборника пословицъ на букву Г; въ строкѣ 17 св. приписка почеркомъ XVIII ст.

Табл. X — (прилож. къ стран. 104—5) — снимокъ съ л. 345: текстъ пословицъ на буквы S—З; писано, повидимому, тою же рукою, что и ранѣе, но весьма небрежно или, можетъ быть, другою — старческою рукою.

Табл. XI—(прилож. къ стран. 122—3)—снимокъ съ л. 357: текстъ пословиць на букву **М**, съ извѣстными текстами о **Котѣ** и **Мышахъ** (см. строки 11—12 св., подчеркнутыя въ подлинникѣ чернымъ карандашомъ).

II.

Рукописный сборникъ пословиць, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII—начала XVIII столѣтiя), хранящiйся въ Библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ и пожертвованный туда В. В. Богишичемъ.

Табл. XII—(прилож. къ стран. 181)—снимокъ съ листа 6 (на которомъ сосредоточилось нѣсколько почерковъ разнаго времени).

Табл. XIII—(прилож. къ стран. 214)—снимокъ (фотоцинкографiя) съ верхней части листа 27 (замѣтка поздн. собирателя).

І.

ПОВѢСТИ ИЛИ ПОСЛОВИЦЫ ВСЕНАРОДНѢЙШІЯ

ПО АЛФАВИТУ

ВЪ СБОРНИКѢ XVIII ВѢКА МОСК. ГЛ. АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАНН. ДѢЛЪ № 250

(по стар. каталогу № 455, изъ собранія Кн. М. А. Оболенскаго № 28).

Описание рукописнаго Сборника и перечень статей его составляющихъ.

Рукописный сборникъ, принадлежащій Библиотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писанный на бумагѣ, относится ко второй половинѣ XVII столѣтія. Форматомъ онъ въ 4-ку, въ бумажномъ новѣйшемъ переплетѣ (коричневаго цвѣта), съ надписью на кожанномъ корешкѣ: «Сборникъ». На библиотечномъ ярлыкѣ (ex libris'ѣ) значится: «Москѡвскомѣ Главномѣ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (гербъ) принесъ въ даръ Гофмейстеръ Двора Его Имп. Величества и Директоръ Архива (1841—1872 г.) Тайный Совѣтникъ К. М. Оболенскій, № 28/²⁵⁰/₄₅₅». Ярлыкъ этотъ приклеенъ къ верхней крышкѣ переплета; на оборточномъ листкѣ карандашемъ отмѣчено: 132, а на оборточномъ листкѣ, принадлежащемъ къ нижней крышкѣ переплета, — собственноручная надпись бывшаго владѣльца: «Всего въ сей рукописи 472 перемѣченныхъ и 4 листа (съ 151—) безъ помѣты. К. М. Оболенскій». На оборотѣ отмѣчено: «пользовался сей книгой И. Снегиревъ. 1848».

Въ рукописныхъ матеріалахъ составителя «Каталога Славяно-Русскихъ Рукописей» Архивной Библиотеки 1845 года¹⁾ имѣется слѣдующее описание настоящей рукописи (см. 2-й картонъ этихъ матеріаловъ — «Рукописи въ четвертку»): «Сборникъ скорописный — рукопись разныхъ почерковъ конца XVII вѣка въ 4-ку на 472 листахъ; подарена Надворнымъ Совѣтникомъ Лопухинымъ въ 1825 г. Въ началѣ вклеено описание рукописи на 1 листѣ, подписанное рукою Калайдовича. Эта рукопись содержитъ»... и т. д.—идеть крат-

1) Составлялся пок. В. М. Ундольскимъ.

кое перечисленіе статей, внесенныхъ въ сборникъ. Описанія Казаидовича въ настоящее время при рукописи не находится.

Почти каждая самостоятельная статья сборника имѣетъ свою старую (церковно-славянскими буквами) особую пагинацію листовъ, иногда же сохраняются сверхъ того еще и отмѣтки счета тетрадей. На листахъ 1^а, 72^а, 321^а и 383^а оттиснуты черною краскою съ гравированныхъ досокъ рамки съ украшеніями изъ орнаментовъ, цвѣтовъ и т. д. Заглавія, какъ статей, входящихъ въ сборникъ, такъ и отдѣловъ этихъ статей, главы и проч. по большей части писаны киноварью.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ статьи сборника писаны или однимъ почеркомъ (рукою), что наиболѣе кажется вѣроятнымъ, или разными, но очень схожими и близкими по времени. Только листы 1—71 писаны всѣ одною рукою, и притомъ не повторяющагося въ другихъ частяхъ сборника (ср. впрочемъ л. 1^а съ лл. 72 сл., 80 сл. и 321 сл.). Въ предисловіяхъ и на начальныхъ страницахъ каждого отдѣла сборника (особой статьи) почеркъ какъ то уставнѣе и красивѣе, а потомъ далѣе онъ переходитъ въ обычную скоропись, мѣстами даже исполненную небрежности. Въ концѣ сборника листы 470—472 писаны опять совсѣмъ особымъ (это 3-ье уже по счету видоизмѣненіе почерка) почеркомъ и блѣдными расплывающимися чернилами. Этимъ то почеркомъ сдѣланы приписки на нижнемъ погѣ листа 342 обор. и, должно быть, еще до того времени, какъ рукопись была въ позднѣйшее время оправлена въ настоящій картонный переплетъ. Надо думать, что рукопись уже и въ давнее время имѣла тѣ статьи, которыя теперь находятся въ самомъ концѣ сборника, но не сохранились полностью.

Въ настоящемъ сборникѣ на листахъ 323^а и слѣд. помѣщено довольно обширное собраніе старинныхъ русскихъ пословицъ. Какъ эти пословицы, такъ и весь обширный сборникъ, въ которомъ послѣднія составляютъ лишь незначительную часть, не имѣютъ при себѣ точныхъ отмѣтокъ времени собиранія или написанія и имени собирателя или переписчика. Чтобы доставить читателю какія-либо данныя для предположеній по сему случаю, мы предложимъ сперва подробный перечень статей всего сборника, а затѣмъ представимъ и нѣкоторыя наши догадки на счетъ времени составленія всего сборника и личности его составителя.

Первые 1—71 (непомѣч.) листы заняты повѣстями изъ «Римскихъ Дѣяній», но по большей части тексты повѣстей отсутствуютъ и сохранились лишь ихъ заглавія, указанія главъ и «приклады» или толкованія.

Листъ 1 (а). Текстъ на этой страницѣ помѣщенъ въ срединѣ фигурной рамки, оттиснутой черною краскою съ гравированной доски. Здѣсь эта рамка состоитъ изъ колонокъ, цвѣтовъ и птицъ; въ верхней части заставка съ 4-хконечнымъ крестомъ и надписями въ промежуткахъ: Іс—Хс—ни—ка.

Заглавіе первой статьи сборника, какъ и вездѣ ниже, писано киноварью: ПОВѢСТЬ | дѣвнаго оустроеніа нѣкогого бѣго-т'ворца, и праведнаго сѣдѣн. | Глава: А:.. (Начало). Во градѣ римъсти Послѣчаю житія пачеже добрыѣ всѣхъ дѣтеля бѣа промысломъ, иже воставляетъ ѿ гноища и посаждаетъ (а. 1 оборотн.) с могѣщими, нѣкин мѣжъ ѿ нищѣтнаго и хѣдаго житія вчинися впервое воицтво, и потомъ к' коемѣждо чинѣ началствѣ пребываетъ. и по сихъ достиже в тиронскіи санъ, ѿтѣдѣ же учинися и первосовѣтникъ цесарю, ѿбаче же поминая слѣчая ико непостояннаго законоположника, и жадаеть и ѿемлетъ: ризѣ ѿкъ нищѣтною иже первѣе носаше вложивъ в златый сотворенный со драгими каменій в ковчегъ во вѣтрениѣи своей полатѣ постави и токмо единъ тамо вхождаше из'имая грѣбѣю ризѣ по вся дни ѿплакъа на ню смотряше и т. д.

Л. 2 (в) оборотн. (конецъ)... Сія цесарь слыша ѿ дѣвнемъ дѣлѣ самѣownika своего удивися, радостотворно слезами облобызовавъ егѣ главѣ ублажая и прославляя ико вѣрнаго пріятеля госѣдѣрства своего, и возложи всегѣ гѣрства своего правленія предѣбромѣ томѣ.

Эта повѣсть, хотя и помѣченная 1-ю главою первого отдѣла всего сборника и какъ будто тѣмъ введенная въ одинъ составъ вмѣстѣ съ слѣдующими главами, 2-ю и т. д., не принадлежитъ къ составу сборника повѣстей — извѣстнаго подъ именемъ Римскихъ Дѣяній, но тоже имѣется въ очень немногихъ русскихъ спискахъ и также включена въ составъ ихъ. Вообще для ознакомленія съ содержаниемъ текстовъ, помѣщенныхъ въ началѣ настоящей рукописи отсылаемъ къ слѣдующимъ трудамъ: 1) къ «Очерку литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» акад. А. Н. Пыпина въ Учен. Зап. II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, отд. II, стр. 184, особенно же с. 197—8; 2) по этой же рукописи напечатаны отрывки пок. акад. Ѳ. И. Буслаевымъ въ Историч. хрестоматіи цер-

слав. и русск. яз. (М. 1861 г.), стб. 1405—1409, см. еще дагѣе объяснительныя замѣтки и примѣчанія на стб. 1423—1426; 3) С. Л. Пташицкій въ книгѣ своей: «Средневѣковыя Западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній (Спб. 1897 г.)» тоже касается состава собранія повѣстей изъ Римскихъ Дѣяній и между прочимъ и по настоящему рукописному сборнику см. у него стр. 46, подъ № XII; также стран. 92 и 94—96.

Ѡ хитрости дѣвольтѣй, и ꙗко сѣдѣбы бѣѣя неспытанны и скрыты сѣть. Глава: в̄. *Начало*: Бѣ нѣкіи пѣстынникъ, и живѣше въ (л. 3=Г) нѣкоей пещерѣ, во дниже и въ ноци непрестанно гдѣ бгѣ слѣжаше. прѣ пещерою же егѡ нѣкій пастырь пасяше ѡвцы, по слѣчаю же пастырскомѣ на сонѣ приклонися и крѣпко спаше, пришедъ ꙗко нѣкій татъ покраде всѣ ѡвцы, по времени прїиде господинъ тѣхъ ѡвецъ истязѣя пастыря како ѡхъ погубилъ... (*Конецъ*, л. 6=а)... и возвратися въ пѣстыню слѣжаше непрестанно гдѣ бгѣ, и управи ѡ себѣ, добрѣ ѡ мира сего прѣиде въ вѣчнѡю жизнь. аминь.

Л. 6. 'О гордѣливыхъ глаголется, ѡаѡвине цесари, и его ниспадѣній. приличествуетъ же и ко всѣмъ превозносащеся и вѣсящымся. Глава: г̄. *Толкованіе*: Волюбленная братія цесарь той и можетъ нарещися всякъ члѣкъ...

Л. 8 (н̄). Притча ѡ пѣмѣти смертнѣй дабы || (оборот.) челоѡкъ пѣмѣтѣя на ню не согрѣша. Глава: д̄. *Толкованіе*: Братія волюбленная вельможа то ѣсть всякій члѣкъ хртіанинъ...

Л. 9 (ѡ) обор. 'О престѡплѣній дѣи и ѡ ранящемъ ю глаголетъ же ся ѡ воинѣ ходившемъ видѣти стѣю зѣмлю. Глава: ѣ. *Толкованіе*: Любѣзная братія, цесарь ѣсть гдѣ ѡхъ хрѣтъ, воинъ же знаменитый члѣкъ...

Л. 11 (аі). 'О бгѡбѡмїи да с размыслѣніемъ вся творимъ ꙗко дниѣ лѣкаѡи сѣть. Глава: ѣ. *Толкованіе*: Волюбленная моя братія, цесарь той можетъ нарещися кїждо...

Л. 12 (бї). 'О похоти плѡтстѣй, и ѡ заслепѣнїи прельстївшихся, глаголется же ѡ трехъ цркихъ снѣхъ и ѡ фрїерѣке. Глава: з̄. *Толкованіе*. Братія волюбленная, се цесарь ѡже глаголется дарїи, се ѣсть гдѣ нашъ 'ѡхъ хрѣтъ.

Л. 14 (дї) об. 'О невѣрности и крѣпости тѣла глаголетъ же ся винѡю ꙗко не вѣврїати тайны жженамъ. Глава: ѡ. *Толкованіе*. Волюбленная братія, воинъ той ѡже своего гдрѣ блгѡдатъ погубилъ...

Л 15 (ѳі) об. Томъ же подобно., Глава: ѳ: Толко вѣние: Братія моя юношѣ ймамы....

Л 16 (ѳі). 'О небѣгодѣрствѣ гордѣливыхъ, воприятіи ѿ бѣга бѣгимъ. и ѿко звѣрѣй зло и равнѣйшихъ человекъ побранымъ. Глава: г: Толкованіе. Преволюбленная братія, прѣ той....

Л 17 (ѳі) об. 'О неправдѣ и о лакомствѣ и о ѿбличеніи таковыхъ., (л. 18) Глава: аі: Толкованіе: Волюбленная братія. маѣиміанъ цесарь, то есть всемогущій бѣгъ....

Л 19 (ѳі) об. Притча зѣло полѣзна о совершенны добрыхъ дѣлахъ, и вѣрныхъ к' подражанію всѣхъ и пользѣ. Глава: бѣ: (л. 20=к) Толкованіе: Волюбленная братія и ангелей война толкомъ ймамы разѣмѣти аѣггьскаго великаго и знаменитаго ѿполчителя и ратоборца бѣга вседержителя....

Л 22 (кв). 'О усердіи в добрыхъ дѣлахъ и о ѿли воскресномъ. Глава: гѣ: Толкованіе: Волюбленная братія, вѣрній хрѣтіана цесарь гѣтсѣя добролюбезный Титъ....

Л 24 (кд) об. Йко милосердіемъ и любовію ймамы жерствѣ приносити гѣдѣ бѣгѣ. Глава: дѣ: Толкованіе: Братія волюбленная, той краљ всѣякъ койждо вѣрній хрѣтіанинъ....

Л 25 (ке) об. Йко едїніи праведній внїдѣтъ во царство небесное., Глава: бѣ: Толкованіе: Братія моя волюбленная, сего краля мѣдраго мѣжемъ разѣмѣти бѣга ѿца небесаго....

Л 26 (кз) об. Йко сѣетно есть веселіе во всѣхъ вещехъ мирскїихъ. Глава: зѣ: Толкованіе: Волюбленная братія, есть той прѣ гдрь нашѣ йисѣ хрѣтосѣ....

Л 28 (кв). Йко да имѣемъ постоянство и совершенство добрыхъ дѣлѣ. Глава: зѣ: Толкованіе: Намѣшная братія, то краљ есть ѿцѣ небесный: двѣа красная то есть дѣша сотворенѣ....

Л обор. Йко правдѣ подобаетъ исповѣдати даже до смѣрти. Глава: йг: Толкованіе (л. 29): Братія моя волюбленная то есть король ѿцѣ нѣбїый....

Л 29 (кѳ) об. 'О вѣрности и о любві, и о томъ что правда избавляетъ ѿ смѣрти. Глава: ѳі: Толкованіе: Волюбленная братія, той цесарь есть бѣгѣ ѿцѣ нѣбїый, два рыцаря сѣтъ....

Л 30 (к) обор. 'О великой справедливости Бжїи и ѿко сѣдбы еѣго скрыты сѣтъ. Глава: кѣ: Толкованіе: Волюбленная братія рыцарь той мѣжетъ быти всѣякъ добронравный чѣвкѣ....

Л 32 (кв) об. Йко да имѣемъ во всѣхъ вещехъ разсмотрѣніе. Глава: ка: Толкованіе: Братія волюбленная тотъ король есть гѣдѣ бѣгѣ.

Л. 33 (ІГ). 'О двѣ законѣхъ о вѣтхомъ и о новомъ и о мраченій жидовѣ., Глава: к̄в: Толкованіе: Волюбленная братія снѣ два лѣкаря можемъ развѣсти старый и новый законѣ....

Л. обор. Чтѣбы мы блюлись ѿ лѣсти днѣвольской чтѣбы насѣ не прельстиль. Глава: к̄т: Толкованіе: Волюбленная братія снѣхъ трѣхъ товарищей можемъ развѣсти троѣлкой родѣ чловѣчскій....

Л. 34 (ІД) обор. Пра́вды для иго́ненія нашего не ймамы тайти. Глава: к̄д: Толкованіе: Волюбленная братія, кра́ль е́сть гдѣ нашѣ йисѣ хрѣтосѣ....

Л. 35 (ІЕ). 'И вѣрѣ и завѣтъ брака о томѣ дабы чистотѣ соблюдали. Глава: к̄е: Толкованіе: Волюбленная братія, кра́ль то е́сть оцѣ небесный....

Л. обор. Чтѣ мы были смиреннаго и сокрѣшеннаго срѣца тоꝑ главы. Былъ нѣкоторый великосла́ны кра́ль котѣры ймаѣтъ ѣдинѣ дѣцѣ краснѣ и мѣдрѣ, но ѿцѣ ея́ восхотѣ ѿда(л. 36 = ІЗ)ти замѣжъ. но она́ гдѣ БГѣ обѣщалася нѣ с кемже бра́чннѣ. дабы кто тѣ вещи учинилѣ.... (л. 37 = ІЗ) (Конецъ): ...и показалѣ тотѣ камень прѣ всѣми, рекѣ емѣ кра́ль достаточнѣ и мѣдро е́си вывелѣ тѣ вещи. по томѣ вда́ емѣ кра́ль дщѣрь свою в женѣ.,

'О униженіи сѣбетной хвалы. Глава: к̄з: Левѣ пѣсарѣ в рнѣмѣ с великою славою владеѣтъ и для своей славы повелеѣтъ учинити три болвана.... (Ком.) ...дабы е́си былѣ повѣшенѣ.

Л. 39 (ІѢ). 'О правдѣ и вѣрности. Глава: к̄з: Толкованіе: Волюбленная братія, тотѣ снѣ которого йли рабѣйники, е́сть родѣ чловѣчскій....

Л. 40 (ІИ). 'О днѣвномъ милосѣрднѣ, Бжѣй, и о стѣмъ Григорнѣй папѣ рнѣмѣскомѣ., Глава: кн: Во странахъ рнѣмѣскихъ кра́ль йменемъ Парвѣсѣ мѣдрый., ймаѣтъ у себе ѣдинаго снѣа, и дщѣрь ѣдинѣ ею́ же велимѣ любилѣ.... (л. 51 = Іа. Конецъ). Тогда па́па Григорнѣй во-двнѣглѣ ея́ ѿ земли и прнѣнялѣ с великою чѣстнѣю в домѣ свой по-томѣ стѣйй па́па сограднѣ монастырѣ дѣвнѣчѣ и ма́терь свою начѣ-ницею надѣ ннѣми построй и тако стѣйй Григорнѣй и ма́ть очнѣстнѣвшнѣ сѣ ѿ грѣховѣ с мнѣромъ в старѣстнѣ глѣбѣоцѣ ко гдѣ ѿдоша. —

Л. 51 (Іа) об. Конецъ снѣмъ вѣстѣмъ днѣямъ рнѣмѣскимъ, а́ у снѣхъ трѣхъ толкованнѣ нѣсть.,

'О томѣ йко всѣкнѣй па́стырѣ йменнѣтый йма́ть попечѣнне о свойхъ овѣцахъ. — Глава: кѣ: Толкованіе: Волюбленная братія злодѣй то е́сть днѣволѣ котѣрой злыми помысли на крѣвлю восхѣднѣтъ....

Л. 52 (нв). 'О страшномъ послѣднемъ сѣдѣ всѣмъ грѣшнымъ., Глава: *Г:* Былъ нѣкоторый король вельможный который устави́лъ было во своемъ королевствѣ такъвъ уставъ | кто́бъ погрѣшилъ вскорѣ имѣлъ ѹмреть.... (л. 54 = *нд* обор. *Конечъ*). Тогда онъ воставъ и королю братѣ своему ѹдарилъ челомъ общаючись жити́е свое полѹчити и вси которые тѣтъ были услышавши сій ѡвѣтъ вельми похвалиша его. 'У сѣи повѣсти то́жъ нѣтъ.

Л. 54 обор. 'О томъ что ѹлакомъство многихъ ослѣпляетъ и затѣмъ правды не ѹзнали. — Глава: *Г:* Толкование: Волюбленная брѣтня, такова устава ѣсть бж҃ія что которой нева́дѣннемъ и́ли с природы согрѣшитъ....

Л. 55 (не). И́ако всякъ грѣхъ безъ роспѣчи бываѣтъ ѡпшценъ., Глава: *Г:* Толкование: Волюбленная брѣтня, тотъ рыцарь можетъ бити реченъ всякой доброй крестьянинъ....

Л. 56 (нз). 'О томъ что́бъ мы пѣматовали (оборот.) добродѣйства намъ ѹчиненныя. Глава: *Г:* Толкование: Волюбленная брѣтня, тотъ рыцарь которой на ловъ ѣздилъ чело́вакъ ѣсть мирской...

Л. 57 (нз). 'О наполняющій что́бъ мы обѣты и́нымъ выполняли. Глава: *Г:* Толкование: Волюбленная брѣтня тотъ король ѣсть о́пцъ небесный, два вѣра сѣтъ дѣша и тѣло....

Л. 57 об. 'О томъ что́бы мы ѹлакомъства о́стерегалися немилостиваго. Глава: *Г:* Коваль былъ вельми богаты (л. 58 = *ни*) на моремъ жи́лъ в нѣкоторомъ мѣсте и вельми ѹлакомъ и зѡлъ и тѣтъ собралъ множество пѣнязей и всыпавши ихъ в великой клоцъ и замазалъ ихъ... (л. 59 = *не*. *Конечъ*)... 'Узрѣвши то гдѣрь мысль в срѣцы своемъ ѹже и́вно ви́жѣ что не ѣсть воля бж҃ія да недсточныхъ слѣпыхъ хромыхъ и клявыхъ и предъ очима того коваля ро ломилъ онъ крѣпелъ и реклъ сие бѣдныи чело́вѣче деньги твои которые далъ было в рѣцѣ твои а ты изволилъ и́брати крѣплю полнѣ земли и костей мертвѣчьихъ и право не ѣсть воля бж҃ія что́бъ свои пѣнязи радалъ ѹбогимъ, а коваль с великимъ срамомъ ѡшѣлъ.,

Семѣ толкования нѣтъ.

Л. 59. 'О томъ и́ако прозрѣнию бж҃ию ни ктоже можетъ противитися. Глава: *Г:* Цесарь Кондратъ вельможный | (оборот.). В нѣкоторомъ славномъ градѣ гдѣрствовалъ въ его госѣдартствѣ былъ нѣкоторой рыцарь и́менемъ Леополдѣсъ которой бояся гнѣвѣ королевскаго со женою своею бѣжалъ в лѣсъ и тамъ в бѣдѣ пребывалъ живѣщи нѣколико днѣи и бысть... (л. 61 = *га*. *Конечъ*)... Потомъ цесарь послалъ по ѡного юношѣ и подѣтвердилъ его бити зѣтемъ

своимъ и потомъ уставилъ что́бы по немъ и на цесарство его посажденъ былъ и всѣмъ государьствовавъ.,

Прикладный животь стаго евъстаѣна, и о навращеній блбдѣщаго. Глава: ѿ: (Нач.) Гроивъсь король честный и вельможный в Римъ градъ, королевъствовагъ и былъ въ его королевствѣ нѣкоторый рыцарь крѣпкой и вельми храброй именовъ Плякидѣнъ (два слога кидѣ писаны поверхъ другого письма = тон) найвышній гѣманъ кролевскій, тотъ былъ вельми уставичный, в милосѣрдныхъ (л. 62=ѣб) дѣлахъ но идолопоклонникъ Былъ и мѣлъ женѣ тоеже вѣры и мѣдрѣ.... (л. 70=б обор. *Конецъ*).... тогда цесарь разгнѣвавъ ся повелѣлъ его связать со женою а сыны на нѣкоемъ мѣсте поставити и велѣлъ два люта пѣстити на нихъ, тогда лѣвъ приоб(ѣ)жавши к нимъ наклонилъ свою главѣ прѣ ними, якобы се поклоняяся имъ, и потомъ покорилъ ѿ нихъ ѿшлѣлъ, видячи то цесарь повелѣлъ ражещи мѣдьяный волъ и велѣлъ живыхъ ихъ в него вметѣтъ, тогда евъстаѣий со своими сны молящися предались Гдѣ Бгѣ встѣпили во ѿнь | (л. 71=ба) волъ и ѿ сего свѣта преидоша в вѣчный животь. По триехъ же днѣхъ обрѣтоша ихъ ничимъ же не вредимы ѿ огня, такъ что ни единъ власъ (дагѣ идетъ заключеніе писанное *воронкою*)

погибе ѿ главъ ихъ. Потомъ хри
стиане взяша тѣлеса и погреб
боша ихъ с великою честию
и на томъ мѣстѣ погреб
дѣ созданъ бысть ко
стѣлъ пострада
ша стѣи ѿ ань
дриана цеса
ря лѣ(т)а
гдѣна
рѣк, голу.
сѣ

Л. 72. Оттиснутая съ гравированной доски рамка съ орнаментами изъ цвѣтовъ, розетокъ, птичьихъ головъ и т. п. въ верхней соединенной съ нею заставкѣ, изображеніе Св. Троицы съ надписью: стаа трѣца.

Предословіе, простословное вкрадѣ | к' предобрественнѣй сей книзѣ, званіѣ | Временникъ: илѣ цвѣтнѣкъ. ѿгочестивыхъ хртїанисихъ царѣхъ. В ней повѣсти, и сказы дивны и

ѡ знаменіи^х свѣ^тше, и низѡ бываемы^х страшны^х: и ѡ | бго-
ѡстѣпны^х. и богомер^сски^х царѣ^х | и мѣчителей хртіан^ски^х,
и крамол^никѡвѣ: (*Начало*): Пресѣществѣное сѣществѡ. и пре-
ѣстестве^нше ѣстестве^н: Премѡдрый творецъ нашъ и бгѣ, всѣ пре-
мѡдростію своею сотвори^л, и ѡ небытіа в бытіе всю тва^р приведе^л,
іакоже глѣ^т премѡрая 'Юдѣвѣ... (Ср. въ Опис. рус. гр. Увар. арх.
Леонида, ч. 4, стр. 323, рук. № 1932 (406; 446), л. 130 сл.

Далѣе листы въ рукописи перепутаны: послѣ л. 72-го слѣдуютъ
л. 74—75, далѣе 73 и 76, и какъ будто чего то недостаетъ (про-
пускъ).

Л. 74. Инѡ предислѡвіе вкра^тцѣ. книгѣ кр^ници^ц: сѣ-
рѣчь къ цвѣтницѣ: (*Нач.*) Нѣсть лѣпѡ краснѣи и пребхищре^н-
нѣи полѣтѣ: простѡ стояти. бе^т придверія...

Л. 76 обор. Сие малое: предисловеице. взгляши^х предъваритѣ:
И прочитающаго е: слѣхн: да во^вратитѣ. И предъ ити понѡдитѣ:
И тамо | всякъ читатель ра^ссѣдитѣ. Колю сладко бжѣственное пи-
сание И | добродѣтельныхъ мѡже^т пребывание. | А злыхъ женѣ
уподоба рещи: Угасѡша бо ихъ дѣшевныа свѣци...

Л. 77 внизу страницы: Сие предисловіе двоестрочиємъ
сло^жено И ѡ многихъ повестей и сказѡ | помалѣ обьявленѡ:
Но ѡбаче: много сложно зрѣста. Да | никтоже ѡ семь поди-
витса. — || (Л. об.) Ничтоже; свѣтлѣиши: солнѣчнаго: сигнѣи. И
ничтоже слѣчаиши бжѣстве^ннаго: писаниа: — и т. д.

Л. 78. Въ верхней части страницы: выписани | 'Изъ книги
глѣмая Солнечни^х или Бранѣ^нія воли члѣвѣскія с волею
бжѣю. «Солнечникъ» іезуита Іереміа Дрекселія (1627 г.) извѣстенъ
въ переводѣ славяно-русскомъ Іеродиакѡна Теофана повидимому съ
польскаго перев. 1630 г., по рукописи Румянцевскаго Музея № ХСІХ
въ листъ, полууст. и скороп. конца XVII или начала XVIII в., въ
5 книгахъ (см. въ Описаніи р. и сл. рукоп. Рум. Музеума А. Х. Вос-
токова 1842 г., стран. 168—9). Далѣе нѣсколько только строкъ:
Гдѣ Гдѣ царю силный, во власти твоєи всѣ сѣтъ положенна. И
нѣсть іже мѡже противитса воли твоєи. ∞ Эта страница носитъ
слѣды отпечатка лабиринта съ листа 118 об. Вся слѣдующая (л. 78
обор.) страница оставлена чистою.

Л. 79. Вѣдати подобѣе. Какѡ виши читати:
чтѡбы читателю рѣчь с рѣчью не смѣшати.
На запяты^х бы рѣчь препинаѣти:
ѧ на крыжика^х докончавати ∞

Далѣе идутъ 5 страницъ чистыхъ непомѣченныхъ.

Л. 80. — Гласъ, Послѣдній: | ко Гдѣ Бгѣ: | Сто почи'шаго
 ѿ Гдѣ. Бгочестиваго (между строкъ: вѣшашъ†) (на погѣ
 рукописи съ правой стороны приписано: † тишайша^{гм} Пресвѣт-
 лѣйша^{гм}) Великаго | Гдѣ Цря. и Великаго Кнзя Алеѣа
 Михайловича | всеа великія и малыя и бѣлыя рѣссіи са|мо-
 держа. Ко ново бгом' данномъ Великомъ Гдѣю Црю | и ве-
 ликомъ кнзю Θεодоръ Алеѣевичю. всеа великія | и малыя.
 И бѣлыя рѣссіи самодержцѣ. со завѣтѣ | ѿч'и. И ко свѣи-
 шемъ. И всеблженнѣйшемъ великомъ | гдѣи куръ Іѡакимъ
 патриархъ московскомъ и всеа | рѣссіи (на погѣ приписка: и
 ко семъ пр(е)свѣтломъ црю да, т. е. Царскому дому). И ко всѣмъ
 санѣмъ дѣи^м (:—дѣи^м) и мирскѣ Православнѣ | рѣссійскаго
 црствія, ѿ ни^х же всѣхъ ѿвѣты, На|конецъ плачи ѿщія пра-
 вославнаго рѣда рѣссійскаго. Трѣдолюбіе многогрѣш-
 наго Іѣрѣ-|монѣа Сімеѣна Полюцкаго, равномѣрнаго и
 краѣ-|согласнаго сложѣнїи. Влѣтѣ, бытія міра. 737^{гм} | годѣ.
 ѿ рѣтвѣ же Гдѣ Бгѣ и сїса ншего Іиса хрѣа. ∞ 737^{гм}. г. мѣа.

На лл. 104 и 109 и 111 об. есть приклейки полосъ бумаги съ
 текстомъ, можетъ быть пропущеннымъ случайно. — На л. 118 За-
 ключеніе.

Книжицѣ сїю потщѣся писати:

дабы ю чтѣщѣ цря помнѣти.

С бго почиша, и бга молѣти.

еже бы в нбѣ вѣчнѣ емѣ жити.

Его же мѣти и а^х помнѣю:

Змилнѣ гласѣ снцѣ воспѣваю | и т. д.

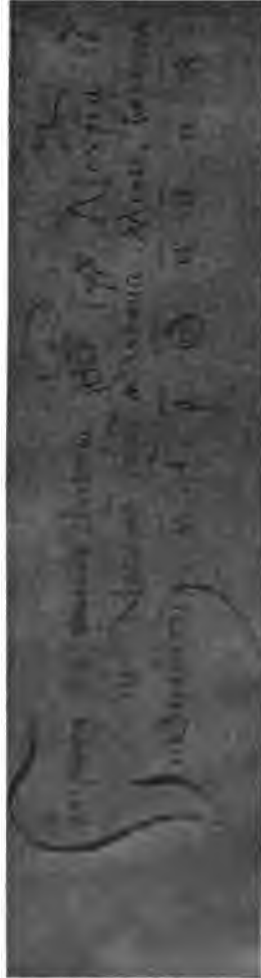
О спискахъ этого произведенія въ Систематич. Описанїи сл.-русск.
 рукоп. гр. А. С. Уварова, сост. Арх. Леонидомъ, ч. 4, М. 1894 г.,
 стр. 517 сл., №№ 2157 (308), 37 и 5159 (219).

Л. 118 обор. «Снцѣ» и 4-хъ угольный лабиринтъ изъ словъ: Црю
 Алеѣю Михайловичю вѣчнаа памат'. Внизу страницы въ трехъ
 строкахъ запись тѣмъ же тонкимъ и красивымъ почеркомъ, но
 лишь помельче, какимъ писаны лл. 321 сл. (предисловіе къ сборнику
 пословицъ), 295 сл., 301 сл.

Сѣвершїя сїѣ писанїе. в лѣтѣ. 737^{гм}. годѣ. Ноѣрїа въ | .л. На
 памя^х стѣхъ мѣченикѣ. Мїны, Виктора | и Викентїа. и. г. р. б. п и п ѣ.

Л. 119. Стоглавнїа: добродѣтельный: | иже во стѣхъ ѿцѣ а
 ншего Θεодѣра Епископа: | Едѣскаго: | а Понеже: ѹбо: бла-
 гаго: бгѣ: благодатно: ѿвѣгшеса. сатаны: и дѣлѣ: его: лѣкавыхъ:

И.

Автогرافъ К. П. Веберманъ, Сиб. Толмачевъ пер. 2.

И. Сборникъ скорописи. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ
№ 250/455, — снимокъ съ записи 1695 года на листъ 118 обор.

ко хртѣ: приложихоса | банею: паки: бытиг: нѣже: паки: иноческимъ: общаніемъ соблюдаемъ: заповѣди: его: сие... Ср. въ рукоп. гр. Увар. № 223 (423; 667), XVI в., Опис. Арх. Леонида, ч. 4, стр. 184 (всего 95 главъ); № 1068 (425; 687) XVI в., Опис. ч. 2, стр. 391; № 1844 (756; 720) XVII в., Опис. ч. 4, стр. 170.— 1 листъ чистый.

Л. 139 (ка). Чинъ монашескаго житія: Начало: Бѣговолѣніемъ и вселѣвствіемъ: гдѣ бѣга и спса нашего: ииса: хрта: и пречистыя мѣре его: поспѣшениемъ: написахъ: писаниа: дше полезна себѣ и ѡ гдѣ братіи моеи приснымъ.... [Карандашемъ чья то отмѣтка: Иосифа Волоколамскаго?] Кончается на 151а листѣ. Л. 151 об. и слѣдующіе 4 листа оставлены чистыми.

Л. 152. Безъ заглавія, продолженіе (можетъ быть того: что читается на л. 77 обор.) какой то статьи въ виршахъ:

Како: хртѣ: бгѣ своемъ: угодилъ; И вѣрѣ хртіанскѣю: крѣпцѣ: утвердилъ. Тако же: и мѣи: его блгочестивага: царица: елена: И блгочестіемъ: своимъ аки црская: диадима: ѡбагрена и т. д. Такъ идутъ эти вирши и далѣе, представляющія собою родъ хронографическихъ памятей о благочестивыхъ царяхъ, мученикахъ и проч.

Л. 163 об.... Ты же православны читателю и всякаго бжественнаго писаниа снискателю.— Сію настоящю кнѣ прочитай...

Л. 164. Прѣдпосылаютъ бо: твога: слѣхи: во вса исторія: Понеже: слогагъ: сію кнѣ прейрыи: кнѣочита.—

И чтобы: твоемъ: любомъ рико: напрѣ было: и вѣстно; А и намъ: недостойны написати: сиа: небемѣстнѡ.—

Да никто же намъ зреть: гко: пространно сложенѡ; Понеже: о многихъ: повестей: почасті: имано.—

Аще: бы: не таковымъ образомъ: счинити; То не мощно бы было толикаго множества обывати.—

Здѣ же: почитаются: главы; Аки и вѣкиа: различныа: брати травы.—

И кажда: глава: винѣ свою: скажетъ: ; И порядѣ: вса: ѡкажетъ.—

Сие: двоестрочіе: сложено: по повелѣнію; И сложителя: полезномъ: раченію.—

Слогагъ: простыа: монахъ; А не еромонахъ.—

Начнемъ же и сие прѣписаннаа: читати; И своими: ушесы: и | серьдцы: внимати.—

Л. 164 обор. Слово: ѡ прелѣстивѣмъ: семъ: и видимомъ нами свѣтѣ; И ѡ живѣщихъ: всѣхъ насъ: члвкѣ: в новѣмъ семъ: завѣте.—...

Л. 165 об. Ѡ свѣтѣ: — Нач. Изреченномъ же: ѡ свѣтѣ: семъ

предѣстѣнѣмъ: ; *И о всемъ: наше житїи: тѣлеснѣмъ. + ... *Вирши идутъ такъ и дамы.*

Л. 174 обор. Послание: Послание к нѣкоему о члвчестѣмъ: нравѣ; Живѣщѣ же (л. 175) во хрїтианствїи: славѣ: . +

Л. 180. Послание: к нѣкоемѣ сребролюбителю; И къ злохристиа(н)скомѣ томителю | Рабское: течение: на себѣ: не имѣщѣ: ; И самомѣ нося: нѣкъю: славѣ: влекѣщѣ: . + (*Виршами. Нач.:*) Како: и что напишѣ: к себѣ: мѣренномѣ: твоему разумѣнїю. Понеже важала дша твоѣа многомѣ неправедномѣ имѣнїю: . + ...

Л. 184. Предисловіе: къ посланїю: + | Послание: с покаянїемъ: о нѣкоего: дшѣвнаго: сна: ; о покаяннагоже: и плачѣнаго си чина: . + ...

Л. 184 об. Послание: + Нач. Страшнаго: престола: Гднѣа: слѣжителю. И многогрѣшныа дши моего снабдителю...

Л. 190. Послание: Сие: послание. двоестрочно. По | чести: его: бѣдетъ не ѡсрочно. + | Понеже писано дрѣжа: любство тѣмъ и строчки: Положены: въ сѣ | гбѣство. + Како: ѡбо: и что: имамы: писати: къ твоемѣ разбѣнїю...

Л. 191 об. Послание: *Сие: послание. списано. рачитѣно: Пожаловати. по чести. тако же любителю. + *Нач.* Гдрѣвѣ: прѣвѣ: имени томѣ ближнемѣ его: прѣстоителю: ѡ бжественныхъ догматѣхъ крѣпкомѣ: прилѣжателю. + ...

Л. 193 об. Послание: | Сие посланїе: двоестрочно: *А пожаловать. прочести не ѡсрочно... | *Ароматныа воды сладостїѣ во обонанїи обоневаютъ: ; Любомѣры* же муже* и словеса не мѣе того слѣхи на ладаю*. + *Сленъ течеть на источники водѣныа: ; Како же мѣдро умныи мѣжъ не потечеть на словеса блгнїа...

Л. 197. Послание. *Имя ѡбо блгаго члвка паче многоа сребра и злата;...

Л. 204 об. Выписано ꙗсѣ посланїа: Тѣмъ твердѣ умъ пишется паче многихъ кнїгъ и самѣхъ тѣхъ златокорванныхъ верїгъ. + ...

Л. 210 об. Послание: Горняго: и премирнаго: ликованїа: желателю. *У немъ же еще ѡ юнаго во*раста истинномѣ тщателю. + ...

Л. 213 об. Пѣтїи: *Дати: сие: посланїе: нбѣподобныа: ограды: ; В ней же: пѣвизающїи: достизаютъ: вѣчныа отрады. +

Общїа: наша: застѣпнїцы: и молебнїцы Многогрѣшнымъ: дшамъ: ншїмъ: истинныа цѣлебнїцы. +

Пречїтыа: Бдїцы: честнаго: и славаго: еѣ успенїа: ; Си: рѣчь дивнаго: и пречюднаго еѣ: ѡ телеси: преставленїа: . +

Во обителяхъ: прїбнаго: и богоноснаго: ѡца нашего: чюдѡвоца:

Кирила: Его же Гдѣри: еще: ѿ чрева: матерня: огради: божественна: сила. —

В блѣготворни: рудѣ: Гдѣри: моего: старца блѣгословенна: По истиннѣ: в лѣпотѣ: таковымъ званіемъ: нареченна. —

Писано: лѣта: семь: тысячъ: во стоиѣдесятомъ: годѣ: В самомъ блѣгочестивѣ хрѣтианскомъ: родѣ: — Посланіе: Свидѣтель Гдѣ что....

Л. 217 об. Под'писъ: Дати сие посланіеце великия росіискаг державы:; Ета же во истиннѣ мнози желають видѣти преиенитыя славы. — (іерею Ѳеодору въ Казани)... *Л. 218.* Посланіе: что рцемъ и что воуглѣмъ к твоеи предобрѣи честности.... *Л. 220 об.* Посланіе: Честномѣ и пречѣтномѣ і именитомѣ ѿцѣ;.... *Л. 225 об.* Пот'писъ: Гдѣрю моемѣ истинномѣ любителю:; И паки многодар'номѣ кормителю: — Посланіе: "Иже иночества свойство добрѣ соблюдающѣ.... Гдѣнѣ чест'нѣишемѣ иноцѣ а'рсенію:; И въ се изыщномѣ разѣмѣнню.... *Л. 227 об.* Пóсланіе: Велими преддивляюся твоемѣ благоумію:; А не вѣмъ како написати тебѣ по своемѣ недоразѣмю: — Свѣтломѣ бо Црѣскомѣ Величествѣ прѣстоиши:; И рождьшее ѿ него премѣромѣ разѣмѣ учиши:.... — *Л. 230.* Посланіе. Вскзю укосѣлъ ми по се время: къ твоеи честности писати... *Л. 235.* Посланіе. Нынѣ же что еще имамъ к твоеи честности писати:; Чтобы тебѣ Гдѣрю моемѣ матъ свою на насъ излити. — *Л. 239.* Посланіе. По бжественнѣи благодати црѣкии дѣи снабдителю.... *Л. 243.* Посланіе Мѣдрого ѣбо реченіе іако в злохитрѣ и лукавѣ дѣи прѣмрость не вселѣся:; И еще аще кто братомъ своимъ възгорѣдится: —

Л. 247. Посланіе. Посланіе нѣкоего ѿца к своимъ сномѣ чтобы имъ добрѣ жити по своимъ домоу.... *Л. 249.* Вѣрши": и на сложеніе: и посланіеи. Многѣю и присносѣщнѣю блѣгодать таковымъ ѿ бга получаетъ.... *Л. 253.* "Ино... об. Ино...

Л. 255. Грамотка: писана: сопротивъ: написанна: извѣть: лукавствомъ: Епистоліи. Фарисѣискаго лицѣмѣрии в васъ плены проникають: "Основаніе дѣховныи любви в насъ корень посѣцають....

Л. 256 об. Посланіе. *Л. 258.* Ино, *Л. 259 об.* Ино: *Л. 260 об.* Упоминаются: «...Пѣжемѣ Никите ...Тимоею Непеи ...Стеванѣ Мылниковѣ ...Аникиевыхъ Тереньтѣ Петровѣ ...Семенѣ Евстаоевѣ... (л. 261) Никиорѣ Ключаревѣ... Василю днаконѣ»....

Л. 261. Посланіе: старца Максима Грека: | к Селивѣстрѣ: попѣ: — (Нач.) Честнѣишемѣ: во иереехъ вышняго: И всякими: цвѣты: добродѣтельными: преукрашенномѣ.... Гдѣнѣ и блѣгодѣтелю

моемъ Селивестрѣ неключимыи чернець.... (См. Сочиненія преп. Максима Грека, ч. 2, изд. при Казанск. Дух. Акад., стр 379),

Л. 262. Послание старца Максима Грека | къ Григорию: дьяконъ: .-+ (Нач.) Господине: мой: брате: ѿ Гдѣ: Григоріе Хртовъ: дьяконе:.... (См. Сочин. пр. Макс. Гр., ч. 2, стр. 386).

Л. 263 об. Вы: писано: разное: собраніеца [изъ бывшаго первоначально е выправлено на а]; *Иногда: чтбщемъ: что: понравѣца.-+ Лѣствица ѹтвѣрена твердо во время трѣса не распадется; Тако же и ѹмнова мысль во время дѣмы не ѹстрашится.-+... Л. 267 об. *Ины вѣрши рѣзныя: Боящѣяся Бга: ; не требѣють к'нигъ много.-+

Л. 268. Выписано. и* бѣкваря: печатного | предисловіе: къ юношамъ: ѹчи|тися: хотѣщимъ: -+

(Нач.) *Утроче: юный ѿ дѣтства: учися: | Писмена: знати: и разумъ: потщися: | Невогнѣнися: трѣдовъ: положити: Има,ть бо: тебѣ: полза: многа: быти.-+

Л. 269 об. Толики по*зы да бы вѣрнымъ взяти
Повелѣ типомъ: сеи бѣкварь и*дати. —
Црѣ нашъ Феодоръ ѿ црѣя ро*денныи: —.
Множество црѣскихъ добротъ украшены. -+
Нѣжныя юнымъ велѣ вомѣстити: ; Како всѣмъ вѣрѣ достоити хранити. -+
Да младыхъ гѣта нетче ꙗчезаю* ; Но писанію дася научають. -+
Меншимъ навѣкше да к вящшимъ тчатся: ; Вѣрни и блази и мури творятся. -+
Ты чтыи за сию млѣ моли Бга: ; Црѣю пресвѣтлѣ жити гѣта многа: . -+
Во кнѣзѣ жизни написанѣ быти: ; здраво весело славно в мирѣ жити. -+
Вся супостаты сыно побѣждати:
, , *Нбсное црствіе стяжати. -+

*Увѣщаніе: | Хочещи: чадо: блгъ: разумъ: стяжати.!, Тщися: во трѣдѣхъ: вынѣ пребывати....

Л. 271. Плачь ѿ памяти смертѣи: -+ Страшно со львомъ лютымъ брань есть совѣшати: ; *Или с мѣдведемъ борѣ содѣвати. -+ ....

Л. 274. Тѣмъ же подобно. Свѣтъ ѿ ѿѿаннѣ мѣтвыи патриа^рхъ александрийскіи же бы смерть себѣ напоминалъ приказалъ гробъ себѣ за живота будовати але тылко не кончати.... *Маѿимилианъ цесарь римскіи.... Птоломе' кроль египетскіи.... Ное праведныи.... Феѿдосіи цесарь грецкіи.... *Агезеляи кроль леѿи демонскіи....

Л. 274 об. Ино:—Предисловіе: ко и^браннымъ ѿ алмѣ счиняется: ; Всякъ бо прочитаи и слѣвали срѣцемъ во^веселяетса: . + ...

Л. 275 об. *Ино: + (одно лишь это слово въ видѣ заглавія и даѣе непосредственно на листахъ 276 и 276 об. помѣщены слѣдующія вирши—панегирикъ въ стихахъ Царю Θεодору Алексѣевичу):

Л. 276. Взираи: на о^бра^т: того: тои: гавляѣ: ; Росіи-
скіи: монархъ: седмаго: прѣставляѣ. +
Которыи: в лѣтѣхъ: Кѣ: цвѣты: смертно
паде: ; В цвѣтѣхъ: мѣцѣ: цвѣтъ
свои: нѣбъ: даде: . +
Днѣ тои: кѣ. всезлюбныи: комета
привесе: ; росіискимъ: црѣмъ: во грѣ^б
тяжко: потрясе: . +
Лучши: ти: было [ѿ нѣбо] хановъ: низри-
нѣти: ; Врагъ: твоихъ: скифовъ би-
сѣрманъ: кинути: . +
Тѣрка: хрѣианъ: губителя: сютли-
ти: ; Не богочетца: царя: намъ:
истнити: . +
*Иже: ереси: капитоновъ: спали: ; Мно-
гихъ: ѿныхъ: смысловъ: правъ: разу-
мъ: Похвали. +
Любомудрии: Великии: любитель: ; В-
торыи: александръ: Филосоѿи: чти-
тель. +
Тои: многи: кнѣги: исправи: ѿзъ-
веде: ; Росіискимъ: языкомъ: на-
родъ: преведе: . +
Никонъ: гависта: никона: свобождь-
ши: ; Честно: ко грѣбъ: съ домо^мъ си.
прово^дши.

Л. 276 об. Тѣмъ: во святителѣ и во ѿцѣ гнѣвъ сто-
ли: ; На земли: смиривъ в небесѣ
ѿмоли: . +

По

Во

Сл

Ѡ

ѡ

На

Гд

Ко

Л. 277. Ѡ¹ глаголати и ѡ
 стигнѣти умѣд
 Ѡ добръ:
 ѡ смерти чѣвк
 Половина л
 Л. 278 об.

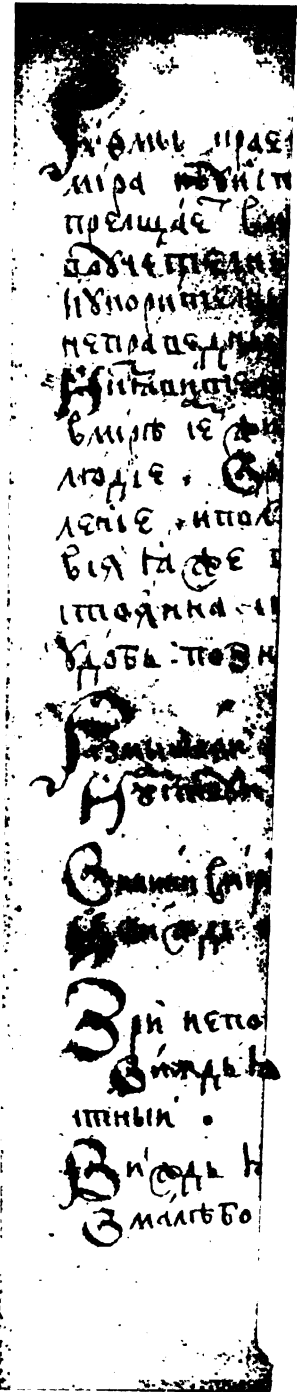
пог^{на} · +

(Нач.) Пип
 (см. въ Истори
 Буслаева, т. I,
 Причтѣ. + Б
 пиаше....

Затѣмъ ид
 щихъ источни
 Л. 283 об. '

мискаго, вообще
 Сборникъ есть
 только о вредѣ
 и, какъ церков-
 агаются настав-
 гѣ, о богатствѣ,
 разсматривать,
 и же Иларионъ
 . Исхъ: сирахѣ:
 рече... Исаака:
 слова. бѣ. Паки:
 имскія рече... О
 и рече. + "Объ-
 Т. 287. Моисей
 игрецемъ Васи-
 винныхъ людей
 кое древо.... (см.
 се: + (Л. 289)
 и смѣтили: по-
 и: питіи ковшъ:
 иножество: вина:
 и върсть: ѿ бѣ-
 сие ѿ пьянства:
 и ѿни себе погѣ-
 вина: немъного
 "И во многихъ
 что ѿ запоиства
 нѣчто ѿгавихъ
 гѣрѣ славы Бѣа
 гоно убѣгимъ не
 приятно нищѣ
 мѣ было сытно.
 запоиствѣ: +
 е свое домовное
 оздателя не по-
 тѣ. +....
 предисловіе къ

сѣтна^{гw} сегw
 же прелцаѣ в
 2*

I. Сборникъ скорог

малѣ. злѣ рбгається вѣчнѣ. Правѣчителны же, ѡбличителны, зазрителны. и ѡкорителны зѣлѣ. самѣ себѣ великѣ людѣ неправеднѣ сѣдѣ. хищникѣ. злѣ. и мздоицѣ. 'И и'звѣстелны ѡбдствѣ, каѣ злѣ страждѣтъ в мѣрѣ сѣ живѣщѣ. сановитѣи; богѣтѣи и ѡбозѣи людѣ. Вразѣмѣтелнѣ чтѣи сѣя. велѣ ѡмиленѣ. и ползѣ ѡбрящѣ. 'И ѡбѣствѣ мѣра, гѣкѣ вся гѣже в нѣ сѣщѣя сѣетна, и'мѣнна. не поѣстойнна. скорѣ преходна. пѣче же и ѡкаанна ѡдѣѣѣ познѣти мѣжетѣ. Написѣшасѣя гѣта. 73с 17. годѣ. мѣца Гѣннѣбѣрѣа.

(Нач.) Размышлѣи сѣ винѣ: Ѡ чѣлѣчѣ сынѣ —
'И ѡ'ствѣи тѣ себѣ: гѣкѣ в малѣ трѣбѣ —

В пѣрствѣ снѣти

Вникѣи в мѣрѣ очѣма: Прилѣжнѣ твоѣма:
'И виждѣ колѣ сѣетна.   Еѣтъ же и премѣтна

жизнѣ нашѣ... и т. д.

Л. 301. Послѣнѣе к печѣлнѣ члѣвкѣ. Послѣшающѣ всѣ правослѣвнѣ хрѣтѣанѣ :

(Нач.) 'Аще ѡбдѣ сѣзѣ во ѡпесѣ ваѣша прийдѣ и скажѣ дрѣга или брѣта в печѣли пребывающѣ. И вы ѡцѣи и брѣтѣя стѣя: Печѣлнѣ ѡтѣшѣйте. во время скорби иѣ. И в дѣнѣ напѣсти помогаѣте и.... Л. 303. (Кон.)... Да тогѣ радѣ написѣли послѣнѣе сѣе ѣже почитѣйте., Печѣлнѣ члѣвкѣ всѣгда. да и всѣ ваѣ ѡбдѣ на ползѣ. и до здѣ поѣвѣсти сѣя конецѣ. амѣнѣ.

Послѣ этого послѣнѣя на оставшемся внизу страницы мѣствѣ:

Стихи:

Стихи: 'Из весѣлагѣ срѣца происхѣдѣ:

Пѣтѣ, пѣща, свѣтлѣ ѡ на тѣ плодѣ Ѡ

Л. 303 об. Мѣтѣ ѡ ѡскверненѣ. Гдѣ Иѣсе Хрѣте Бжѣ нашѣ едѣ неблѣгѣи члѣвколю'че, едѣне стѣи и на стѣ почивѣяя...

Далѣе 2 листа (= 4 страницы) оставлены пустыми.

Л. 304. Пѣвѣствѣ. ѡ блѣго. полез'ныхъ. выписѣно 'Из' дрѣв'ниѣ. лѣтѣпѣцѣ 'Из' римѣскихъ. кнѣгѣ. (Нач.) Быѣтъ в' пѣлѣстин'скихъ: с'трѣнахъ: в'нѣкоемѣ. г'радѣ: великѣ дѣрѣ: блѣгочѣствѣ: и с'лавенѣ: зѣло: имѣя: ѡ себе матерѣ: и поимѣ себѣ: женѣ: блѣгочѣствѣ: и добронравѣнѣ: бѣше жѣ: образѣмѣ: гѣла: и вельми: люблѣашѣ ю:.... Л. 313. Половина листа сверху оторвана, на л. 313 обор. внизу страницы конецѣ повѣсти... и быѣтъ во дѣрѣствѣи тѣѣ радѣствѣ велика

зѣло и обрѣтеніи црѣцы и ча еѣ прѣ же нача жити во црѣствіи своемъ съ црѣцею и с чады своими в радости велицѣи паче же бл҃гочестно и добродѣтельно сие же слышано бысть и по окреснымъ странѣ слава и храбрость дѣте' свои' мнози же и дани даваша и они же пребывающе бл҃гочестно и бл҃года'ствующе и славяще собравшаго ихъ въспѣ' создате (*дайте воронкою*) на своего Ѡдѣа и снѣа и свѣтаго дѣа нѣвъ и прѣно и во вѣки вѣковъ аминь. ∴

На листахъ 314—320 настоящаго рукописнаго сборника помѣщено «Выданіе Ѡ добронравіи» — статья нравоучительнаго содержания, состоящая изъ двустижій распределенныхъ на 118 мелкихъ главъ или вѣрнѣе куплето.ъ съ надписанными особо по большей части киноварью заглавіями. О текстѣ ея по этой же рукописи впервые далъ необходимыя свѣдѣнія Ѡ. И. Буслаевъ въ книгѣ своей «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г.) на стр. 62—63, а въ «Историч. Христоматіи ц.-слав. и древне-русск. яз.» (М. 1861 г.) напечаталъ извлеченіе изъ самаго текста «Выданія» на столбц. 1415—1416 и замѣчанія къ нимъ на столбц. 1428—9. Текстъ этой статьи печатается здѣсь полностью съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей какъ расположенія, такъ и написанія ея въ Архивной рукописи; мы только дозволили себѣ занумеровать куплеты. Уже Буслаевъ въ упомянутыхъ двухъ трудахъ высказался за польское происхожденіе «Выданія» и въ Историч. Христоматіи его на столбц. 1428—9 отмѣчено: «Въ рукоп. гр. Уварова (№ 5 въ 4-ку) эта статья на л. 266 озаглавлена такъ: «переводъ Польскаго писма съ печатной тетради, Выданіе о Добронравіи Яна Запчица». Намъ къ сожажѣнію осталась неизвѣстною указанная имъ рукопись¹⁾, но за то посчастливилось получить для изданія какъ выписку соответственныхъ мѣстъ изъ польскаго оригинала, такъ и найти указанія еще на три подобнаго же состава списка славяно-русскаго перевода въ рукописяхъ XVIII столѣтія. Лучшія чтенія «Выданія о добронравіи» предлагаемыя этими рукописями и вообще разночтенія будутъ помѣщены въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ.

Орд. проф. Имп. Варшавскаго унив. Е. Ѡ. Карскій обязательно сообщилъ намъ — за что и спѣшимъ выразить ему нашу сердечную признательность — въ точной копіи текстъ съ чуть ли не един-

1) По Описанію рукоп. гр. А. С. Уварова, составл. Арх. Леонидомъ мы не могли найти указаній на помянутую рукопись (можетъ быть, и сборникъ).

ственного сохранившагося экземпляра польской старопечатной тетради, принадлежащей известной библиотекѣ гр. Замойскаго въ Варшавѣ, — и присоединилъ слѣдующее описаніе этой книжки, напечатанной готическимъ шрифтомъ:

«POLYGLOTA | DWOJAZYKIE, | Przez | Jana Zabczusa | napisána y wydána. | W Krak[owie]. | Roku Pa[ńskiego] | [1630] 1). |

На оборотѣ заглавнаго листа:

• Do Czytelnika.

Jeśli pióro w czym zbłądziło

Przećiw wierszowi zgrzeszyło /

Ty się co czytasz nie gnieway /

Ani się ze mnie nąśmieway. И т. д.

Страницы вверху не помѣчены, а только внизу обозначены тетради, конхъ всего двѣ, буквами А и В. На вторыхъ листахъ

Л. 314.   БЫДАНІЕ Ѡ ДОБРОУРАВНІ:

1=1²). Жчтівое житіе:

Бѣа бѣйся.   Старѣйшаго почитай:

любовь ближнемѣ отдавай.

2=2. Дѣло хртіанское:

Свой бѣди доволенъ.   Славы своей береги:

достойнаго мужа люби.

3=4. Мужественное дѣло:

Съ бѣѣ покорственнѣ.   С члвкѣ мужественнѣ:

с чѣстнѣ постояннѣ постѣпай:

---

1) Обозначенное въ скобкахъ въ брошюрѣ вырвано. Годъ изданія дописанъ чьей-то рукой (Прим. Е. О. Карскаю).

2) Нумераціи куплетовъ въ Архивной рукописи нѣтъ, вторыя послѣ = маленькія цифры указываютъ на соотвѣтственный имъ польскій текстъ.

стоитъ А₂, В₂, на третьихъ А₃, В₃. Четвертые листы обыкновенно не имѣютъ никакой помѣтки. Размѣръ брошюры 4° малый. Всего листовъ 8, въ двухъ тетрадахъ, т.-е. печатныхъ 2 малыхъ листа».

Считаемъ своимъ долгомъ выразить нашу искреннюю признательность за разрѣшеніе воспользоваться текстомъ брошюры Запчица какъ владѣльцу библиотеки гр. М. Ѳ. Замойскому, такъ и за вѣдущему ею Ѳ. А. Корзону.

Ниже мы печатаемъ этотъ польскій текстъ, довольно близко подходящій ¹⁾ къ славяно-русскому переводу его по Архивной рукописи, и сопоставляемъ его съ послѣднимъ.

Politica dworskie ²⁾:

1. B Oiaźń Boża /	}	Zywot poczciwy.
Poszánowanie starszych /		
Miłość bliźniego /		
2. Na swym przestawać /	}	Krześcijańska.
Pokoy miłować /		
O przyiaźń się stárac /		
3. Hoynym bydź w miarę /	}	Páńska.
Sławy szanować /		
W godnych się kochać /		
4. Iść { Z Bogiem pokornie /	}	Meška.
{ z Człowiekiem mężnie /		
{ z szczęściem státecznie /		

1) Легко можетъ быть, что у русскаго переводчика было въ рукахъ другое изданіе этой брошюры Запчица, труды котораго почти всѣ выдержали по нѣскольку изданій.

2) *Листъ А 2* (обозначеніе внизу). (Прим. Е. Ѳ. К.).—Нумераціи куплетовъ въ польскомъ оригиналѣ нѣтъ: она прибавлена въ настоящемъ изданіи для удобства нахожденія соответственныхъ мѣстъ и для ссылокъ.

4=5. Бесѣда совершенна:

Съ вѣрныи товарищѣ. С сосѣдѣи надежныи:
безопасною дѣломъ имѣи:

5=6. Ка^ана великая:

Ученіе в головѣ. В чинѣ дѣлность:
любовь ѣ людеи ищи +

6=7. Казнь Слобная.

С людьми бранитися: Воробствѣи любити:
за честь свою не стоять.

7=8. Лѣжь:

Многомъ обѣщати: а маломъ или ничто дати:
послѣное отдавати. (На поляхъ поправка: Удаля^т).

8=9. Мѣдрость:

О добрѣ совѣтовати: Скѣромъ творити:
дѣломъ исполнити:

9=10. Скѣпность:

Л. 314 об. Круглой стѣль: Итали^аскія ѣбствы:
одежда корѣкая.

10=11. Маломъ чѣстномъ

Бесѣда без людей: Мѣзыка безъ питія.
ученія в скѣдости: +

11=12. Великой ѣбытокъ:

Свинія в огорождѣ: Козель в садѣ,
дѣракъ при совѣтѣ.

12=13. Поле^номъ есть

Старѣ^и (на поляхъ поправка: же) в красномъ нарядѣ:
Молодецъ в добромъ мѣжествѣ:
докторъ в мѣдромъ ученіи +

13=14. Непрѣстойность:

Неученый попомъ: Мѣжикъ господиномъ:
дѣракъ вѣиномъ.

5. Wierny Towarzysz / Myśl bezpieczna / Sąsiad życzliwy /	} Bänkiet doskonały.
6. Nauka w głowie / W czynie dzielność / Miłość ludzka /	} Skarb nieprzeplącony.
7. Z ludźmi się warcholić / Obłudnie żyć / Na zły szanć honor ¹⁾ kłásć /	} Dzieło człeká złego.
8. Wiele się ofiarować / Máło isćić / Obietnicę zwłoczyć /	} Niepewnego.
9. Dobrze się narádzić / Prędko czynić / Swego dokázáć /	} Mądrego.
10. Okragły stoł / Włoskie fochy / Szat vwagá /	} Skąpych kortezew figiel.
11. Dobra myśl bez Pánien / Muzyká bez trunku / Nauká bez dostátku /	} Máley wagi.
12. Swiniá w ogrodzie / Kozá w sádzie / Prusak ²⁾ w rádzie /	} Wielki niepożytek.
13. Pánná ochędostwem / Dobry chłop męstwem / Pismennik nauką /	} Máią pięknie szanáć.
14. Z Klechy Pleban / Z Chlopá Pan / Z niedołegi żołnierz /	} Rádzi gorę wybiiaią.

1) Мелкимъ латинскимъ (а не готическимъ) шрифтомъ. К.

2) Это слово замазано чернилами, а иже даже выскоблены. К.

14=15. Бездѣлнѡсть:

Члѣкъ бѣ добродѣтели: Дорѡдство бѣ сѣрца.
гарость безъ силы.

15=16. Мѡдрыѣ любовѣ:

Конь досѡжеи и повѡльной: Слѡга дѣлнѡй и.
прилѣжнѡй: Стѡрѡ (на поляхъ: жѣ) нарядна а к
томѡ вѣрна.

16=17. Неѡдача:

Воинѡ безъ дѣнегъ: Чинѡ в сѡздости: Конь бѣ силѡ.

17=18. Мѡдрыѣ дѣлѡ:

Проѡхати недалече. В пѡтѣ хѡ скорѡ. Сла
раба ѡпѡсти в тѡ часѡ.

Л. 315.

18=19. Вскѡрѣ досѡднѡ:

'Бздѡ в пѡтѣ бѣ сѣдлѡ: Полевати бѣ с прибыли:
Пѡчивѡ бранѡва гѡстя.

19=20. Славѡ полѡчатѣ:

Воинѡ добрѣ конѣ: Бѣдномѡ доброуравнѣ:
женихѡ нарядѡ.

20=21. Не держѡ при себѣ:

Конѡха пѡницы: Пѡ во хранинѣ: При ѡ
шѡхѡ лгачѡ.

21=22. Крѣпкѡ держатися:

'Бзокѡ на конѣ. Плотникѡ на хранинѣ:
Рыболѡвѡ в лѡткѣ:

22=23. Не можешѡ хвалѣтисѡ:

'Бзокѡ слѣ конѣ. Господнѡ глѡпнѣ слѡгою.
Хозяинѡ гнилѣ дворѡ.

23=24. Хѡдая прибыль:

Конь хромѡй: Пѡсь глѣннѡй. Крѣтъяниѡ пѡннѡй.

24=25. Слѡбая надѣжда:

Конѡ бѣ слѡгнѡ ѡставиѡ: денѣ сѡдномѡ взаѣ дати.
дерѣвню заимѡ покѡпати.

15. Człowiek bez cnoty / Vrodá bez sercá / Serce bez síly /	}	Zá nic nie stoią.
16. Koń z vrodą powolny / Sługá z dzielnością pilny / Zoná z ochędostwě¹⁾ wierna /	}	Muszą v mądrych w łáscie bydź.
17. Iáko walká bez pieniędzy / Powagá bez száty / Ták koń bez síly /	}	Nie mogą się dobrze vdác.
18. Przeiasczká w miarę / Drogá prędká / Pan odpráwny /	}	Są to mądrego czło- wieka rzeczy.
19. Iázdá bez síodlá / Pole bez obłowu / Gość nie dyskret /	}	Prędko náprzykrzy się.
20. Zołnierz ná koniu dobrym / Vbogi cnotá / Młodzieniec ozdoba /	}	Sławy y chlebá na- bywáią.
21. Do koniá łotrá máształerzá / Psá do spiżárni / Do vchá łgarzá /	}	Bez szkody nie zápu- ści żaden.
22. Ieździec ná koniu / Cieślá ná domie / Rybak w czołnie /	}	Máią krzepko stać.
23. Koń niewypráwny ieźdzcá / Páchołek głupi Páná / Dwor odrány gospodarzá /	}	Nie mogą zálećić nigdy.
24. Koniá chromego / Psá leniwego / Chłopá piiánego /	}	Iednakie požytki záwsze.
25. Koniá z niepewnością odeyść / Pieniędzy lądáiąko wierzcá / Folwárk prózbą wspomógáć /	}	Słába nádzieiá.

1) Чт. з о—вем. К.

25=26. Не можешъ хвалѣти:

Хѹда^г коня: Невѣрна слѹгѹ. Невѣстѹ пѣянѹю.

26=27. Всегда похвалнѹ:

Конь в бѣгѹ скорѹ. Слѹга ѹ вина не пѣя^т:
Песъ борзъ за зайцѹмъ.

27=28. Дрѹгъ дрѹгѹ подобенъ:

Л. 315 об. Конь гѹбѹми испорче^т. Члѣвѹкъ в дерѣнѣ разорѣнъ.
Медвѣдь в лесѹ ра^ддрожѣнъ.

28=29. Ѿдинакѹи хлѣвѹи годныи:

Конь сѣлѹ трясѹщѣи: Мѹжи^т гордой глѹбѹци:
Пѣзырь горѹхѹ звонящѣи.

29=30. Ненадобнѹ творити:

Коня в огорѹдѣ держати. Сосѣдѹ непомѣрнѹ
клѣнятися. с пѹданныи не шѹтити.

30=31. Безѹбыточнѹ:

С конѣ не играй: женѣ не лсти: де^ти сѣ блюди.

31=32. Не всегда вѣрь:

Конскѣи ногѣ: Непрстойнѣи вѣстѣямъ:
Кѹпецкѣи хвалѣамъ.

32=33. Недолгѹ живѹтъ:

Конь сѣлѹ скорь: жена всегда ѹбѣлена
йстребѹ сѣлѹ прѣтокѹ.

33=34. К постоянствѹ:

Коня не бей: слѹгѹ не всегда брани. же^т не дра^тни.

34=35. Нелѣнныи:

Конь иноходець: Мѹжи^т скорѹб^децъ.
жена громогласна.

35=37—39. Добродѣтели:

Конь цѣлѹ ногами поволе^т гѹбѹми. жена

26. Koniá chudego /
 Pácholiká odránego /
 Niewiástę piiánną / } Zálećić ludźiom trudno.
27. Koń w dziełności /
 Pachołek przy trunku /
 Chárt v záiacá / } Iákiem się raz pokażą / takie-
 mi ie dlu¹⁾ rozumieć może.
28. Koń w gębie zraniony /
 Człowiek w máiętności vkrzywdzony /
 Niedźwieć w leśie rozdrażniony / } Bez folgi
 wiele wa-
 żą się.
29. Koń pod Páná vsterk máiaący /
 Chłop pyszno mowiácy /
 Pęcherz grochem brzmiácy / } Iednákiey po-
 wagi godni są.
30. Koniá w grodzie nie chowác /
 Sąsiádá o co prośić /
 Z poddánym zártowác / } Kto nie chce bydź w
 powadze v nich.
31. Z Koniem nie igray /
 Niewieście nie vlegay /
 Pieniádze sam choway / } Chcesz li we w czásie żyć.
32. Konskim nogom /
 Szeptáney powieści /
 Kupieckim zalotom / } Trzebá opátrznie wie-
 rzyć.
33. Kon bystry /
 Białogłowá stroyna /
 Ptak lotny / } Nie mogą ládáiáko o-
 brocie się z czásem.
34. Koniá nie biy /
 Zony nie drażni /
 Słudze nie łay / } Ieśli z nich státek chcesz
 mieć.
35. Koń drobno stapáiaący /
 Chłop prędko iezdzący /
 Białogłowá głośno mowiáca / } Nie leniwi by-
 wáią rádźi.
36. Koniá gniewliwego /
 Zony niewstydlivey /
 Chłopá łzywego / } Boday nikt dobry
 nie cwyczył tego.
37. Koń ma być cáły / Pewnych nog / Wolney gęby.

1) Чт. długo. К.

трева чиста и стыдлива. Слѣга правди
не гордь. Неуговорливъ:

36=40—41. Конь чистъ и краси. Коня на песокъ пропотяти:
(Л. 316) естли хочешъ что быль поволень. Слѣгъ на конѣ.
Коня послѣ бояливаго ѣздока:

37=45—46. Ѡвѣдываи:

Коню надобно бѣ: ногами здоровъ. В поѣске по-
стойннъ. в кормъ силнъ. в стрѣче добръ.
в напѣсте смѣлъ. в бѣгѣ скоръ. в ѣста поволянъ.
Попъ ѣче блѣгочестѣ. Царь премѣдръ праведнъ.
млѣдъ. Воевода смѣлъ. дѣлень, ласковъ.

38=47. Бѣгаи сихъ.

Лошади что на выездъ даю: Господина Ѡ котѣ-
раго слѣги бѣгаю. Деревни гдѣ лихой сосѣдъ
живѣтъ. 39=48. Временная ѣтѣха:

Конь досѣжъ. рѣжѣ надежнѣе. жена
пригожая. Малая прѣбыль:

40=49. Конь в дороге выбѣ. Борзая собака в полѣ хрома.
Порожеи мешекъ в торгѣ.

41=50. Ѡбыточнѣ.

Коня лѣтѣ овсѣ корми: Ѡ торговли бе денегъ
товаръ брѣ. Прикащика не щитѣтъ.

42=51. Досаднѣ:

Конь не подкованъ на льдѣ. Сапогъ з дирдю:
в грязи. топоръ тѣпѣй на дровахъ.

38. Zoná trzeźwia / ochędożna / wstydliva.
39. Sługá prawdziwy / nie pyszny / nie wielomowny.
40. Koń do białyegłowy podobien w ochędostwie / y w kształcie.
41. Koniá zástalego ná piasku zapoćić / chceszli nie odmienną powolność zástać.
42. A towarzyszą w pierzu zágrzać do zápocenia / chceszli większą wdzięczność poznác / bo *alias* ¹⁾ y kon zrzuca / y Zoná złaie.
43. Páchołká ná koniu / á pánnę w tancu obierác masz.
44. Koniá od nie niálego ieżdzcá / } Skodá do-
Wdowy po nieśmiałym mężu / } stáwác.
45. Koń ma bydź na nogi pewny / w dośiádaniu ćierpliwy / w postápieniu czerstwy / w potkániu czuły / w nátárciu śmiały / w zawodzie rączy / w zátzymaniu powolny.
46. Koń vrodziwy / rączy / wolny. Xiądz vczony / nabożny / przykłádny. Krol mądry / sprawiedliwy / miłosierny. Hetman śmiały / dzielny / boyny. Godne to są powagi ná świecie rzeczy.
47. Do koniá ktorego pożyczaią / }
Do Pána ktorym słudzy rządzą / } Nie masz się do
Do Wioski we złym sąsiedztwie / } czego ćisnąć.
48. Kon dobry / }
Bron pewna / } Roskosz docześna.
Zoná głádka / }
49. Kon wymorzony w drogę / }
Chárt ochramiony w pole / } Wszyscy nie wie-
Czczy mieszek do tárgu / } le spoáwią.
50. Wáláchy lećie owsem chowác / }
V kupcow czego borgowác / } Te z szkodą są
Liczbá z roskazánia nie słuchác / } rzeczy.
51. Koń bossy ná lod / }
Both dioráwy ná błoto / } Nie bezpiecni są.
Tepa siekierá ná drwá / }

1) Мелкимъ латинскимъ шрифтомъ. К.

43=52. Частѡ болѣзнѹють:

Конѣ ногами. Кухнѣць рѹками. жена очѣма.

44=53. Слѹгѣ охотно слѹжити:

У господина дѡброгѡ. шѹтливагѡ. и подѣливагѡ.

Л. 316 об.

45=54. Слѹга бѣгаетъ:

Сѡ господина немилостивагѡ: Сердѣтагѡ:

и скѹднагѡ: Вещи страшныя:

46=55. Бѣгѣ. Сѡвѣсть. И Смерть:

47=56. Бѣвредны:

Бѣгѣ: Разѹмъ совершенъ. И добрѡта.

48=57. Дѣлѡ похвалнѡе

Побѣда надъ непрѣятелѣ. Надъ собою. Нѣ
дѣволѡ. Бѣгословеніе Бѣжѣ:

49=58. Имѣніе отѣческое: жена добропрѣвна.
дѣти достохвалны.

50=59. Члѣвкъ правдѣ.

Прѣведнѡ жѣ с людми. Никомѹ не досадѣ:
Всякомѹ своѣ ѡдѣть.

51=60. Бѣжѣ и члѣвѣскѣи врагѣ:

Старѣ блѣднѣкъ: Богѣ сребролюбѣвъ.

бѣднѣй гордѣ. 52=61. Ничегѡ не ѹспѣвають.

ѹченикъ бѣ книжи: Вои бѣ рѹжѣя: Мастерѣ
бѣ спѣсти.. 53=62. Наказанію дѡлжны:

Чернѣць ѹченикъ вои: житель рѣки посполи-
той. Слѹга Непослѹшной. —

52. Kon ná nogi /
Kowal ná ręce /
Białogłowa na oczy /
53. Pan dobry /
Zártowliwy /
Chlebá nie záłuiący /
54. Pan nie dátny /
Gniewliwy /
Márny /
55. Bog /
Zránione sumnienie /
Smierć /
56. Bog /
Rozum doskonály /
Cnotá /
57. Zwycięstwo nád nieprzyiacielem /
Z sobą /
Z szátánem /
58. Skarb oyczysty /
Zoná cnotliwa /
Potomek godny /
59. Praw miedzy ludźmi żyć /
Żadnego nie vrázić /
(Temp. B) Každemu co czyiego iest oddać /
60. Stáry zalotny /
Bogáty łakomy /
Vbogi pyszny /
61. Zak bez Księgi /
Zołnierz bez ryszunku /
Rzemieślnik bez naczyniá /
62. Nieposłuszny {
    Xiądz /
    Student /
    Zołnierz /
    Obywátel R. P. /
    Sługá /
- Choruią naczęściey.
- Bez datku sługę zácią-
gnie.
- Nie długo sługi záchowa.
- Rzecz strászna / okru-
tna.
- Swánkowi nie pod-
padáią.
- Rzecz chwa-
lebna.
- Błogosławieństwo
Pánskie.
- Czyn człowie-
ká sprawiedli-
wego.
- Boży y ludzki nieprzy-
iaciel.
- Nic nie wsko-
ráią.
- Rzadko wsty-
du y káry v-
chodzą.

54=63—64. Безопасны.

Старецъ в келье. Вои^н в рѣжъѣ: житѣ в ѡложѣе.
 Попъ в цѣкви. Судья в приговорѣ.

55=65. Много могѣть:

Сила: Наѣя. Промыслъ:

Л. 317.

56=66. Беречіяся:

Домашнѣго вѣра. Слѣги гнѣвливаго. дръга
 Примирѣнаго: 57=67. Надобно рано встѣ:
 Для проѣдки: для полеванія: для досмѣренія.

58=68. Не могѣть ползовати:

Домостроеніе безъ призравнїя: Искъ безъ пригѣжанія;
 грабе^н безъ вымыслѣ. 59=69. Объясвляю:
 Ѣзда коня: Языкъ члѣва: Укъсь ѣствѣ:

60=70. Мало дослѣживаютъ:

Узда изорвана: лодка дырава: Ѣжогъ деревяннѣй.

61=71. Непѣлинны і ненадѣны дѣла:

Бѣдрость принѣжденна в домѣ. Дръжба ѡ стра^н
 члѣва: Смирѣнїе ѣ волка въ гамѣ:

62=72. Страшно рѣжѣ мѣстѣ:

Пицаль в лѣсѣ: копѣ в полѣ: кнѣжа в тѣснѣтѣ:

63=73. Досадные шѣтки:

С королѣ: С пицалью: Со львѣ:

63. Zakonnik w celi /
 Zołnierz we zbroi /
 Człek przy prawie / } Bespieczni są.
64. Xiądz w kościele /
 Sędzia w ródzie /
 Doktor w lekách / } Máią byđz wielkiego po-
 szánowania.
65. Potegá /
 Szátá /
 Przemysł / } Siłá mogá.
66. Złodziey domowy /
 Pochlebnik záuszny /
 Przyiaćiel / } Rzecz nie ustrzeżoná.
67. Przeiaźdzká /
 Myślistwo /
 Gospodárstwo / } potrzebnie ránego wstánia.
68. Gospodárstwo bez száfárzá dobrego /
 Prawo bez pilności /
 Grábiez bez fortelu / } nie mogá po-
 żyteczne byđz.
69. Vzda koniá /
 Ięzyk człowieká /
 Smák potráwą / } pokázác ma.
70. Vzda słába /
 Czołn dziuráwy /
 Rožen drzewiány / } rzadko dosłużá dobrze.
71. Czulość z przymuszenia o domu /
 Przyiaźń z boiáźni v człowieká /
 Pokorá w dole v wilká / } wszystko to niepe-
 wne rzeczy.
72. Bron mieyscem / Ruśnica w leśie / Kopia w polu /
 Miecz ná vlicy / Puinał w cieśni.
 Stráśzne są rzeczy.
73. Z Krolem /
 Z ruśnicą /
 Ze Lwem / } Szkodliwy zárt.

64=74. Вредителныя вещи:

Ррана бѣс пластыря: деревня бѣ дозоръ: Слово
о господинѣ бѣ боляни. ~

65=75. Готовы надобно бытъ:

Ружки ъ едока. ъ война скорость ~

66=76. Прибыль приносѣя:

Трудами многими. Жмѣнѣ многѣ. изобилѣ нескѣнѣ.

67=76. Жбѣки бывають:

Лѣнностью: скорбью: скѣдостью ~

Л. 317 об.

68=77. Сѣ познаваются:

Пріятель богѣствѣ. Сосѣдъ желѣтелствѣ
Бодрый радѣнѣ. 69=78. Всегда славно
Младый ѡ ирядны слѣ: Старый ѡ многи денѣгъ.
Средни добродѣтелствѣ.

70=79. Таковъ бывай:

Женѣ болшой: Слугѣ господинѣ: Крѣпкѣ владѣ-
телѣ: 71=80. Всякъ хвалится:
В домѣ конѣ. При дворѣ нарядѣ: в домостроитель-
ствѣ денгами. 72=81. Последнѣ вѣщи:
Смерть испытати: всякомѣ вѣрити: Надѣѣ
потерѣти: 73=82. По природѣ належитъ:
'Италѣнинѣ доктѣрствѣ. Немчинѣ кѣпечствѣ^у:
Полякѣ воинствѣ^ѣ.

74=83. Не припѣскай:

Бѣмаги к' водѣ. Пера к огню: Чернца к женѣ.

75=84. Можетъ чернець выпроситъ:

'Ж мѣдрой женѣ честь: Ж ласковой денѣгъ. Ж глѣпой
что хощѣ. 76=85. Всякъ терѣтъ:
Ловець дожидѣся погоды: Мужѣ вѣра работникѣ:
Пастѣхъ надѣся на пѣсѣ^ѣ.

74. Do rány nie przykładác /
Swego nie doyrzec /
O Pánie mowíc /
75. Ręká v iezdźcá wypráwna /
V Pánny cudna /
V zołnierzá prędká /
76. Praca vmieiętnóść /
Dostatek z godnością /
Lenistwo: chorobę z nędzą /
77. Powinni z dostátku /
Sąsiad z boiáźni /
Czułego mężá /
78. Sławá młodego z czerstwości /
Stárego z piędzdy /
Srzedniego z dzielności /
79. Zenić iáko stárszy /
Słudze iáko Pan /
Poddánym iáko mistrz /
80. Páchołek káždy Domá koniem /
V dworu szatá /
W gospodzie groszem /
81. Smierci kosztowác /
Káždemu wierzyć /
Nádzieię strácić /
82. Co Włoch to Doktor /
Co Niemiec to kupiec /
Co Polak to zołnierz /
83. Pápiery do wody /
Piorá do ognia /
Zaká do żony /
84. Gdyż ten v mądrey piędzdy /
V głupiey co może /
85. Myśliwiec w domu pogody czekájący /
Kmieć przez dozoru robiący /
Sobie á niż Pánu dogadza zázwdy /
- Rády te zászkozdu
rzczy.
- Zázwdy ma bydź
- Przynoszú ludźiom.
- Rádzi miłuiá.
- Zázwdy chwá-
ię ma.
- Zázwdy masz pokázác się
chcesz li ich mieć powoli.
- Napewniey po-
każe się.
- Są to ostátne rzczy.
- Káždy z tych może wo-
dźić zá sobá kupę.
- Nie przytykay.
- uprośi rad.
- pewnie z
tychże ká-
ždy vtráci.

77=86. Мѣрность имѣти:

Сѣ трѣдѣ многи: ѿ гнѣва гѣрости. ѿ питія по-
нися: 78=87. Достойны хвалы:
'Бздѣецъ в хрѣбрости: вдѣвой в чистотѣ: Дѣ-
мостройтель трѣдами —

Л. 318.

79=88. Достойны хлы:

Судя дары ѣмлющѣ: Прикащи* с мѣжиками в брѣствѣ:
живѣщи: 80=89. Дѣраки сѣтъ:
Ктѣ многу бранѣся а не биѣся: Многу ѡбѣщѣе а ни-
чегѣ не дѣе. . Многу говори, а ничегѣ не вѣдаетъ.

81=90. Томѣ же подобно: Бранѣся з бошпѣ:

Пийнѣ чинѣся богѣтъ. Поданны* ѡгоняетъ:

82=91. Неподлинная радѣсть:

Пѣногу ѡбѣщанѣ: Ѱбогову гордѣсть: скѣ-
пагу ѣчтѣвость. 83=92. Воздержанѣ:
Мѣжѣ (на поляхъ: жѣ) домостройтелнѣй. Смирѣнной
мѣжѣ:

мѣжикъ послѣпной. 84=93. Работникъ силнѣй:
Здрѣвѣ с трѣдолѣбѣ: Тре*вость с чистотѣю:
Охѣтники веселѣе и смѣлые.

85=94. 'Избирай себѣ:

Молѣдѣ на конѣ: С'тѣра в дѣле: Мѣжика.
в домостройтелствѣ:

86=95—96. Мѣдрый дѣракѣ бывѣетъ:

Сѣ питія крѣпкогу вина ѿ ѣвнагу сидѣнѣ с женами:
ѿ сѣянѣ в немогѣдной дождѣ. ѿ брани в пѣствѣ.

87=97. Скорбное житѣ:

Мѣжѣ бе* женѣ: Птица в клѣткѣ: рыбѣ

86. Praca /
 Gniew /
 Pićie / } Nazdrowsze w miarę.
87. Po koniu w dzielności iędźziec /
 Po żonie w porządku gospodarz / } Bywa chw-
 lony.
88. Sędzia co dary bierze /
 Wrzędnik co się z chłopy bráta / } Nie pewni są.
89. Kto się wádzi á nie biie /
 Obiecuie á nie dáie /
 Powiáda á nie wie / } Taki nie pewny chłop.
90. Piiána hoyność /
 Z nierownym zwádá /
 Poddánych rozegnánie / } Sámi na się wyiáwia
 często.
91. Piiánego obietnicá /
 Vbogiego wczás /
 Skępego hoyność. } Nie zówždy wćieszá rády.
92. Do biaległowy grzeczney nie trzeba gospodarzá
 Furyatá /
 Melánkoliká /
 Chłopá márneho /
93. Ale ma bydź w potędze y síle.
 Zdrowy / Chętny /
 Prácowity / Wesoły /
 Trzeźwy / Smiáły.
 Ochędožny /
94. Páchołká ná koniu /
 Pánnę w tańcu / } Obierác masz.
95. Wino mocne
 Biaległowá grzeczna / } Z namędrszego vczyni
 błazná.
96. Záloty głosem /
 Sianie w deszcz /
 Piiána zwáda / } Z póżytkiem rzadko.
97. Płak w klarce /
 Rybá w sadzawce /
 Człowiek bez żony / } Ci wszyscy máią świat
 mierżiony.

в сад'кѣ. 88=98. ѿ бѣреженіи:
 Слѣгабъ с сосѣдѣмъ немногѡ знал'ся: В домѣ
 держи слѣгѣ вѣрна: а не вѣра. Хлѣбъ ѡсмо-
 трясь перѣ новѣи продавай.

Л. 318 об. 89=99. Дѣлже^а вся^а быти:

В цркви бѣобоя^аливъ: в совѣте мѣдръ: На-
 конѣи ѡмѡ вѡн^а. в бесѣде какъ тре^авая дѣва:

90=100. Похвалнѡ ѣсть:

Члѣкѣ ранѡ моляще^ася. а котѡ при столѣ разѡ^а нѡ
 сѣдѡщи. 91=101. Во^абѣжденіе к радѡсти:
 Члѣкѣ дѡброй совѣ. В садѣ славнорѣчѣе. К про-
 шенію нево^абраненіе. ~

92=102. В подо^арѣннѣе есть прїѣтельство:

Лѣсть при столѣ: Перево^а междѣ лѣдѡмѣ.

93=103. Налѣжащее к дѣрвнѣ:

Дѣнги береги. граньми ѡ^амежѣи: время
 к паханію блюди +

94=105. По ѣложенью подати плати:

Неѣлавна сѣтъ: Дорѡжной без' искѣства:
 войскѡ з безѡ^аннѣ гѣманѡ: гдѣтѡмъ бе^а ѣло-
 женія. 95=106. Не вѣрнѣ:
 Робятѡмъ в садѣ: женѣ в тайнѣ^а дѣлехъ
 зерщикѣ в дѣнга^а.

96=107. Ѣбытокъ в дѣрѣвнѣ:

Дѣврница пїяная. Ключникъ прѣлюбѡдѣи:
 Старѡста лѣгачъ. 97=108. Беречнѣся в домѣ:
 Ѣ хѣдой печи дымѣ и огнѡ: Ѣ хѣдой крѣли
 воды и капѣли. Ѣ слѡи женѣ бѣдѣ.

98. Sługę z daleká dla sąsiádá /
Psa w domu dla złodzieiá /
Zyto ná targ do Wisły / } Dobrze chowác.
99. Mąż w Kościele iáko nabożny Xiądz /
W Rádzie iáko mądry Senator /
Na koniu iáko porządny żołnierz /
V stołu iáko ochotny gospodarz /
Ná pokoiu iáko trzeźwa Pánná / } Powinien
bydź.
100. Białogłowa która poránu nabożná /
V stołu mądra /
Na pokoiu pięknie pieścidło / } szkoda nią
gárdzić.
101. Młoda rádá /
Márcowa pogodá /
Pánieńska láská / } Iednáko státeczne
bywáią.
102. Mieyskies przyiáźni /
Wierney miłości /
We krę przewozu / } zázwdy musi przypłácić.
103. Ná wsi { Grosz spory /
Wolność wiétsza /
Wczás pewnieyszy.
104. Tylko zász { Práwu /
Gościnie /
Miástu / } Vczynić pokoy.
105. Vrodá bez cnoty /
Woysko bez Hetmáná /
Krolestwo bez rzádu / } nie mogá w sławę isć.
106. Chłopétom do sádu /
Białeygłowie do táiemnic /
Kosterze do pieniędzy / } Nie powierzay kluczá.
107. Gdzie dworká piianicá /
Klucznik gámrát /
Włodarz łgarz } pewna w folwárku
szkodá.
108. Dym /
Dách dziuráwy /
Zła zóná / } nárychley wypędza z domu /

98=109. Приводѣи печаль:

Въ нѣждѣ пра^дность: во грѣха^ непокайнѣ:
Л. 319. Излишеству всякаго дѣла.

99=110. Путь продолжаетъ:

Во^ неисправной. Возница пѣной.
вые^дъ с вѣчера. 100=111. в подо^рѣнїи дѣла:
Гишпан^ская простота: Италийское ѳчтѣству.
Полюской чинь: 101=111. Прѳскіе шѳтки:
Дѣцкое гдѣствованіе. Аглинская волность:
Францѳской стыдѣ. Немѣ^цкое покорству:
Шкоцкое ѳдыханіе. 102=111. Московское слову:
Тѳрское сѳпрѳжеству. жидѳвское ѳбѳщаніе:
Арїанская вѣра. Цыганская и волбская правда:

103=112. Достойно похвалѣ:

Дѣвы добрыя бе^с приправы (потомъ выправлено надѣ
строкою и приписано еще на поляхъ: бе^
белѣ). Винѣ бе^ сахарѣ.
добронравіе бе^ слѣчая.

104=113. Никогда неѳдоволи:

Гѳстя. бе^стыдногѳ: Мѳжика лакомагѳ:
Мѳшка дирѳвагѳ.

105=114. ѳдержатися:

ѳ чѳждагѳ имѣнїя: ѳ игранїя картѳ:
ѳ непостоянныхъ словѳ.

106=115. Немочнѳ ѳберечися:

Пивничегѳ вѳра: женѣ блѳдницѳ:
лгачѳ в обмѳне.

107=116. ѳдержаніе деи^гѣ:

Домостройтель приѳжнѳй. дворѣцкой вѣ-
рнѳй. Господинѳ воздѣржнѳй.

109. Proźnowanie w nędze / Swawola w grzech / Zbytek w szaleństwo /	}	ludzie wprawiają.
110. Woz nierządny / Woźnicą opily / Iázdá z wieczorá /		
111. Hiszpańska prostotá / Włoska hoyność / Polski rząd / Pruskie dworstwo / Duńskie Pánstwo / Angielska wolność / Fráncuski wstyd / Niemiecka pokorá / Szocki wczás / Moskiewskie słowo / Tureckie małżeństwo / Wołoska wierność /	}	To są wszystko podey- żrzáne rzeczy.
112. Pánná poczciwa bez fárby / Wino bez przypráwy / Cnotá bez przysády /		
113. Chłopá łákomego / Woru diuráwego / ¹⁾ Gościá bezwstydneho /	}	Nigdy nie násyćicz.
114. Ná cudze dobra ręki / Ná kártę oká / Ná sławę ięzyká /		
115. Száfarzá w złodzieystwie / Białeygłowy w cnoćie / Szálbierzá w oszukániu /	}	Nigdy nie postrzeżesz.
116. Gospodarzowi pilnemu / Száfárzowi wiernemu / Pánu nierozrzutnemu /		

1) Члр. dziuráwego. К.

Л. 319 об. 108=117. Рáдость домовáя:

Тíхое сидѣнiе. Ътѣха ѿ дѣтехъ (надъ строкою: лю-
бѣнѣи, а на полѣ: лю^б и надъ нимъ: же) до^бры^т.
С сосѣды согласiе:

109=118. Шляхтичѣ бѣити:

Боронѣти природнѣи свѣей славы. Мѣже-
ственнѣе дѣлѣ надобнѣи стати. В храбро-
сти неѣстрашáтися.

110=120. Ненадобнѣи творѣти:

Вѣина пѣ знамя бе^б орѣжiя. Крѣтянина
бѣглеца и нерадива: Слѣгѣ лѣтiва.

111=121. Не познаѣемѣ:

Пѣтъ на водѣ послѣ лѣки. Птичѣе лѣтá-
нiе на во^дѣхѣ. Смiа ползѣща по камени.
дѣва^б чистотѣ потерявшю. ~

112=123. Совершенство к тѣ^б Налѣжѣ:

К гдѣнѣ. к чинѣ, И к моршáлкѣ. +

113=124. Слоба:

На человекá бе^б винѣи находѣи: ѿ чюжѣ^б
ѣбѣикѣ радоватися. Печаль бе^б дѣлá приводѣи.

114=125. До ѣчтѣвѣности належѣ:

Младѣи стѣдѣ. Среднемѣ правда: Ста-
ромѣ вѣрность.

115=126. Дѣлѣи Непристойное:

Гдá бѣа забывáти: старши^т ѣкорáти:
добродѣтелеи несохраняти ѣчтѣвѣности.

116=127. Прибыль несовершенство:

Л. 320. Силной бе^б работы: Скѣдной гѣнѣнѣи:
богáтой нерадѣи.

117. Spokoyne siedzenie w domu /
Według myśli vciechá /
Z Saśiady zgodá /
118. Bronić sławy oyczystey /
Mężnie gdzie potrzebá stánąć /
Animuszu niestrwogánego być /
119. Z lekkimi się w rzecz nie wdáwác /
W nierównym polu wytrwác /
W równym odpor dáć /
120. Zołnierz pod chorągiew się wpraszájący /
Biegun ode wsi do wsi Biegájący /
Sługá pochlebuiący /
121. Czołn na wodzie płynący /
Ptak po powietrzu latający /
Pánná czystość tyrájąca /
122. Muchy /
Psi /
Ciekáwcowie /
123. Pan /
Vrząd /
Márszałek.
124. Ná ludzi oczy szpetnie obráć /
Z vpádku się cieszyć /
Do żalu przywodzić /
125. W wieku młodym vtrácony wstyd /
W śrzednim nieprawdá /
W stárym zdrádá /
126. Bogá zapomnieć /
Stárszych znieważyc /
Cnoty odbieżeć /
127. Duży nie robotny /
Vbogi leniwy /
Maiętny niedbály /
- } Coz lepszego.
- } To szláchecka.
- } Rozsádnego.
- } Nie ma się gdzie podzieć.
- } Iednáki znak po sobie zostawia.
- } Pierwszym do rzeczy przystępuia.
- } Ma bydz iako krzystał.
- } Szátánska.
- } Do cnoty nic szkodliwsze¹⁾.
- } Spráwá człeká zginione²⁾.
- } Ieden zysk máia.

1) Чит. sz—wszego. К.

2) Чит. z—nego. К.

117=128. ѡпаснѡ такѡвѣ доса^дать:

ЦырюликѸ пред' брѣтѣ брады.

Во^ницѸ° в пѣтѣ:

ПоварѸ перѣ обѣдѸ.

118=129. Нечиннѡ идѣтъ.

Правѡй без дѣнегъ: Ѡндриганцѣя з гблѡ-
дѸ блѣднѣца. Лекарствѡ бе^е довольствѡ.

Половина страницы л. 320 оставлена бѣлою, также оборотная страница и еще цѣлый листъ.

На л.л. 321—322 помѣщенъ обширный сборникъ (до 3000 №№) русскихъ пословицъ и поговорокъ, съ встрѣчающимися также изрѣдка среди нихъ загадками, примѣтами, снотолкованіями и проч. Съ содержаніемъ его впервые познакомилъ русскихъ читателей покойный проф. Имп. Московскаго унив. и чл.-корр. Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ, И. М. Снегиревъ въ трудѣ своемъ: «*Русскія народныя пословицы и притчи*» (М. 1848 г.). Кромѣ упоминанія объ этомъ сборникѣ въ предисловіи къ своей книгѣ на III стран., онъ далъ на стран. XXXII слѣдующее краткое его описаніе:

«Пословицы Русскія письмен. въ Главномъ Москов. Архивѣ Минист. иностр. дѣлъ. Одинъ изъ древнихъ опытовъ такого собранія встрѣчается намъ въ скорописномъ сборникѣ конца XVII вѣка, гдѣ помѣщены разныя сочиненія Симеона Полоцкаго въ 4, на 472 листахъ, доставленный намъ княземъ М. А. Оболенскимъ изъ бібліотеки означеннаго Архива. Въ этой рукописи на 62 страницахъ помѣщены *Повѣсти: или пословицы*... и т. д.¹⁾»

Далѣе тамъ же на страницахъ XXXIII—XXXVI напечатано (— довольно неисправно) «*предисловіе до читателя*», заимствованное съ л.л. 321—323 нашего рукописнаго сборника.

1) Снегиревъ означаетъ этотъ сборникъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и вариантахъ къ тексту своего собранія пословицъ шифромъ: ПАМІД.

128. Bić Cyruliką przed goleniem / Woznicę w drodze / Kuchárzá przed obiádem /	}	Nie bezpieczna.
129. Práwo bez pieniędzy ¹⁾ / Zaloty o głódzie / Leki bez dostátku /	}	Iákoś nie surowie idą.

Покойный Ө. И. Буслаевъ дважды воспользовался настоящимъ сборникомъ.

1) Въ книгѣ своей: «Русскія пословицы и поговорки» (М. 1854 г., отд. отт. изъ «Архива ист.-юрид. свѣдѣній относящ. до Россіи» Н. В. Калачова, книги II-ой половины 2-ой, отдѣл. II) на страницахъ 62—66 онъ, послѣ краткаго изложенія содержанія всего сборника и ознакомленія читателя съ предисловіемъ стариннаго собирателя пословицъ, отиѣтилъ (стр. 64): «Касательно времени, къ которому относятся, по крайней мѣрѣ по преданію, собранныя имъ [т. е. неизвѣстнымъ по имени собирателемъ] пословицы, говоритъ онъ: «ова писана издревле, мно, яко *мѣть за сто или больше*». Слѣдовательно въ этомъ сборникѣ XVII вѣка, уже по письменному преданію, дошли до насъ народныя пословицы еще XVI вѣка, какъ драгоценный памятникъ для исторіи Русскаго языка того времени. Хотя этой рукописью пользовался и И. М. Снегиревъ, но далеко не исчерпалъ всего собранія. Притомъ онъ ссылается на нее только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при означеніи варіанта, такъ что изъ его указаній нельзя составить яснаго понятія о характерѣ пословицъ XVI вѣка, чего впрочемъ почтенный издатель и не имѣлъ въ виду. Я перепечаталъ и многія такія пословицы, которыя хотя и вошли въ изданіе Снегиревское, но съ значительными измѣненіями, иногда даже затемняющими смыслъ». — Далѣе Буслаевымъ представленъ длинный списокъ лучшихъ чтеній текста пословицъ по Архивному списку въ сравненіи съ текстомъ ихъ въ изданіи Снегирева (1848 г.). Эти свои замѣчанія Буслаевъ заключаетъ такъ: «Конечно иныя изъ этихъ мѣстъ, ошибочно изданныхъ И. М. Снегиревымъ,

1) Чит. pieniędzy. К.

можно почестъ не болѣе какъ описками, впрочемъ такими, которыя подають поводъ къ ошибочному толкованію; другія же исправленія по Архивному сборнику надобно почестъ важными вариантами пословицъ, напечатанныхъ у г. Снегирева, и притомъ такими вариантами, которые иногда не только измѣняютъ, но даже и даютъ настоящій смыслъ напечатанному. Чтобы читатель постоянно могъ замѣчать пословицы Архив. сборника, для составленія понятія о народномъ языкѣ XVI и XVII в., мы отмѣтили заимствованныя отсюда буквою А (т. е. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ)» (см. стр. 66). Самый текстъ пословицъ, почерпнутыхъ Буслаевымъ изъ Архивнаго сборника расположенъ въ его изданіи въ алфавитномъ порядкѣ въ одномъ общемъ сводѣ вмѣстѣ съ пословицами и еще изъ нѣсколькихъ другихъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ и источниковъ (см. на стр. 75—159 и на стр. 160—162: «не вошедшія въ алфавитъ» т. е. пословицы).—Въ I томѣ Историческихъ очерковъ русск. народн. словесности и искусства (Спб. 1861 г.) Ѡ. И. Буслаевъ въ гл. II «Русскій бытъ и пословицы», составляющей перепечатку съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями вводной замѣтки его къ сборнику пословицъ напечатанному въ Архивѣ Калачова,—на стр. 113 и друг. также касается содержанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пословицъ Архивнаго сборника.—2) Въ изданной Буслаевымъ «Исторической Хрестоматіи ц.-слав. и др.-русск. языковъ» (М. 1861) напечатаны по Архивной же рукописи болѣе или менѣе пространныя выборки «Изъ предисловія до читателя» (на стбц. 1416—1418) и по нѣскольку пословицъ на каждую букву (А—Ѱ) въ видѣ образца (см. на стбц. 1418—1422) съ объясненіями, замѣчаніями (см. стбц. 1429—1438) и съ вводными его замѣтками относительно исторіи русской пословицы или притчи и о сборникахъ ихъ и проч. (стбц. 1429—1430).

А. Д. Галаховъ въ своей «Исторіи русской словесности, древней и новой, т. I (Спб. 1863) упоминаетъ на стр. 27 (такъ же и во 2 изд. Спб. 1880 г., на стр. 153) объ описываемомъ нами Архивномъ сборникѣ пословицъ въ отдѣлѣ «Письменныхъ», а на стр. 248 тамъ же читаемъ: «Послѣ строгихъ запретовъ и осужденій, національныя произведенія ума и фантазіи получили должную имъ дань: въ XVII в., неизвѣстно кѣмъ, собраны русскія пословицы. Собиратель пользовался тетрадью пословицъ, записанныхъ еще въ XVI в.» Такія же упоминанія, но все только со словъ Буслаева, находятся и въ различныхъ другихъ трудахъ по исторіи русской словесности, и даже не только въ такихъ не вполне самостоятельныхъ трудахъ

по этому предмету, какъ напр. И. Я. Порфирьева (въ I части его «Исторіи русской словесности», по 4 изд., стр. 165, вын.), но даже и въ такой строго ученой работѣ, какъ статья Н. С. Тихонравова «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» (М. 1891, отд. отт. изъ Этнографич. Обзорнія, кн. VIII), на стр. 3 и выноскѣ 2 къ этой страницѣ; тоже повторено и въ «Русскихъ Былинахъ стар. и новой записи» (М. 1894), стр. 71 и въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1 (М. 1898), стр. 217 и с. 34, пр. 10.

На л. л. 321—323. Въ фигурной, отпечатанной черною краскою, рамкѣ изъ орнаментовъ помѣщено—«Предслѣвіе до читателя».

На л. 323. Съ половины страницы идетъ самый сборникъ пословицъ подъ заглавіемъ, написаннымъ киноварью въ двухъ строкахъ: — Повѣсти: | или пословицы всенароднѣйшыя по алфавитѣ.

Пословицы, помѣщенныя въ рукописи Архивнаго сборника, расположены въ алфавитномъ порядкѣ, но такъ же, какъ бывало и въ старинныхъ русскихъ «Азбуковникахъ» и «Алфавитахъ», лишь по первой начальной буквѣ перваго слова каждой пословицы, не принимая въ расчетъ слѣдующихъ за тѣмъ буквъ. Каждый отдѣлъ пословицъ, начинающихся съ новой буквы, отдѣляется крупною киноварною буквою, поставленною во главѣ отдѣла по срединѣ строки. Начальная буква каждой пословицы тоже писана всегда киноварью. Въ концѣ почти каждаго отдѣла оставлено пустымъ мѣсто до конца этой страницы, сколько бы ни осталось его незаписаннымъ. Отдѣлы эти въ рукописи расположены слѣдующимъ образомъ:

На л. 323 — помѣщены пословицы на букву **А**. На л. 326 концомъ пословицъ на эту букву занято всего 7 строкъ; 4/5 страницы остались пустыми. На л. 326 об.—пословицы на букву **Б**. на л. 330 обор. записано всего 2 строки. На л. 331 — пословицы на букву **В**, на л. 334 об. — всего 3 строки, киноварныхъ же буквъ заготовлено далѣе для 11 строкъ, остальное пространство осталось пустымъ. На л. 335—пословицы на букву **Г**, на л. 336 об. болѣе половины страницы занято текстомъ, заготовлено киноварныхъ буквъ еще для 9 строкъ и остальная часть страницы осталась пустою. На л. 337—пословицы на букву **Д**, на л. 339 об. конецъ этой буквы совпадаетъ и съ концомъ страницы, на л. 340 — записана одна пословица тонкимъ кудреватымъ почеркомъ начала XVIII стол., но начальная заглавная буква ея сдѣлана чернымъ черниломъ: День прошолъ то до насъ дошолъ,—На л. 340 об.—пословицы на букву **Е**, конецъ ея на л. 341, заготовлена одна киноварная буква и

$\frac{1}{8}$ часть страницы осталась пустою. На л. 341 об. — пословицы на букву **Ж**, на л. 344 об. — конецъ ея: записано всего двѣ пословицы. На л. 345 — пословицы на буквы **С** и **З**, на л. 347 об. конецъ. Приписана почеркомъ XVIII ст. еще одна пословица [З]ахотѣ² 8 собаки кѣлебаки. Сейчасъ же, пропусая 2 строки, идутъ пословицы на буквы **Н** — **И**. На листахъ 345, особенно къ концу этой страницы, 345 об., 347 и 347 об. до конца буквы **С**, **З** — особенно выдѣляется почеркъ по своей неряшливости или бѣглости, но рука кажется таже, что писала текстъ и ранѣе и потомъ. На л. 349 только треть страницы занята пословицами на букву **И**, киноварныя же буквы заготовлены для 5 строкъ. На л. 349 об. — пословицы на букву **К**, конецъ ихъ на л. 352 об., половина страницы осталась пустою.

Дагѣ листы въ рукописи при переплетаніи оказались перебитыми; слѣдуетъ, быть можетъ, перемѣстить листы въ такомъ порядкѣ: 354, 353 и 355; но, кажется, что и въ оригиналѣ, съ котораго списывался настоящій сборникъ пословицъ была уже такая путаница. Въ настоящемъ его видѣ въ сборникѣ мы находимъ на л. 353 — первую пословицу на букву **Л** — Лежи набакѣ. да гляди за окѣ. — Написана она такъ, какъ будто бы это было не начало отдѣла съ пословицами на букву **Л**, а продолженіе, на листѣ же 354 первая пословица написана на такомъ же мѣстѣ страницы, какъ и на предыдущемъ л. 353, но киноварная крупная буква **Л** поставлена среди первой строки и даже разрываетъ слово на двѣ части, такъ: Лежко мнитса брѣ **Л** мя начю ж емъ рамѣ. Вообще видно, что переписывавшій или имѣлъ, почему либо основаніе думать, что начало пословицъ на эту букву должно быть на л. 354, или уже и въ его подлинникѣ, съ котораго онъ списывалъ пословицы въ свой сборникъ, въ отдѣлѣ на букву **Л** были утеряны листы съ началомъ этого отдѣла. На л. 355 — конецъ (2 строки) пословицъ на букву **Л**. Дагѣ пропускъ въ 2 строки, киноварная буква **М** и написанъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На л. 357 об. конецъ ихъ; почти половина страницы оставлена пустою. На л. 358 — пословицы на букву **Н**, на л. 361 об., конецъ ихъ и на этой же страницѣ черезъ 2 строки киноварная буква **О** и начинается отдѣлъ пословицъ на эту букву. На л. 362 об. конецъ пословицъ на букву **О**, ниже почти половина страницы оставлена пустою. На л. 363 — пословицы на букву **П**, на л. 366 конецъ ихъ, а черезъ 1 строку на этой же страницѣ начать отдѣлъ пословицъ на букву **Р**. На л. 367 об. конецъ этого отдѣла и черезъ строку на этой же страницѣ начать отдѣлъ пословицъ на букву **С**. На л. 370 — конецъ ихъ, внизу заготовлены 2 киноварныя буквы.

На л. 370 об. — пословицы на букву **Т**. На л. 371 об. конецъ ихъ; черезъ одну строку написана одна киноварная буква **Ѧ** и начать отдѣлъ пословицъ на эту букву. Послѣ окончанія отдѣла пословицъ на букву **Т** были заготовлены еще для 4—5 строкъ киноварныя буквы **Т**, но выскоблены. На л. 373 — конецъ ихъ, $\frac{1}{2}$ страницы оставлена пустою, и только въ началѣ первой послѣ текста строки тѣмъ же почеркомъ и чернилами, что были писаны приписка на л. 342 об. и текстъ на листахъ 470—472 об., — записано слово «Ѹспѣшь». На л. 373 об. — пословицы на букву **Ф**. Въ первой строкѣ только одна заглавная киноварная буква **Ф**, а строка пустая, текстъ начать со 2-ой строки. Конецъ его на этой же страницѣ; $\frac{1}{2}$ страницы оставлена пустою. На л. 374 — пословицы на букву **Х**. Листы 376 и 377 пострадали отъ сырости или отъ огня, и такъ какъ стали по краямъ крошиться, то подклеены бумагою. На л. 376 — конецъ пословицъ на букву **Х**. Сейчасъ же послѣ киноварной буквы **Ѧ** начать отдѣлъ пословицъ на эту букву. На л. 376 об. на самомъ нижнемъ краю борта листа конецъ пословицъ на эту букву. На л. 377 — пословицы на букву **Ц**; на оборотѣ 3 пословицы на эту букву, и послѣ киноварной буквы **Ѧ** сейчасъ же идетъ отдѣлъ пословицъ на эту букву. На л. 379 — три пословицы на букву **Ч** и пропусъ строки 2 написана киноварная прописная буква **Ш** и начинается отдѣлъ пословицъ на эту букву. На л. 380: помѣщена одна пословица на букву **Ш** и черезъ 3 строки послѣ киноварной крупной буквы **Ш** начать отдѣлъ на эту букву. На оборотѣ конецъ ихъ и почти полстраницы оставлено пустою. На л. 381 — пословицы на букву **Ѣ**, на оборотѣ конецъ ихъ. Черезъ 2 строки киноварная крупная буква **Ю** и нѣсколько пословицъ на эту букву; на этой же страницѣ внизу начать отдѣлъ на букву **Ѧ** (собственно **И**), законченъ же онъ на л. 382 и на этомъ же послѣднемъ помѣщены послѣ киноварныхъ заглавныхъ буквъ **Ѧ** и **Ѧ** соотвѣтственные имъ отдѣлы пословицъ.

На л. 321 сохранилась старая пагинація буквами церковно-славянскаго алфавита тонкимъ красивымъ почеркомъ (кажется начала XVIII ст.) въ правомъ верхнемъ углу у самаго края страницы: **а̄**; на л. 322 — остались лишь слѣды — обрѣзаны при переплетѣ — (**б̄**), на л. 323 — **г̄**, на л. 324 — **д̄**, на л. 325 — **е̄**, на л. 326 — **з̄**, на л. 327 — **ӣ**, на л. 328 — **й̄** и далѣе на слѣдующихъ затѣмъ листахъ уже никакого продолженія этой пагинаціи нѣтъ и слѣдовъ.

На л. 321 внизу листа — видна *мѣта тетрадей* **а̄**. (т. е. на 1-мъ листѣ тетради въ 8 листовъ), далѣе на л. 329 — **б̄**, и далѣе счетъ

тетрадей также не продолжается. Для провѣрки и вообще рѣшенія вопроса о томъ, въ какой сохранности дошелъ до насъ въ отдѣльныхъ тетрадахъ нашъ сборникъ пословицъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на приписки словъ въ такъ называемыхъ предрѣчіяхъ—помѣщенныхъ въ правомъ углу листа внизу сейчасъ послѣ законченія текста пословицъ на страницѣ. Къ сожалѣнію писавшій очень часто забывалъ дѣлать эти отмѣтки перваго слова первой пословицы слѣдующей оборотной страницы. Предрѣчія находятся на слѣдующихъ листахъ: на л. 324 об.—Авиру^н, л. 337—дóрого, л. 345—звѣря, л. 357—Москва, л. 361—Недѣ, л. 362—ѣкъ, л. 363 об.—пола, л. 364—плачѣ, л. 364 об.—помѣти, л. 365—пьянь, л. 365 об.—пословицъ, л. 366—родился, л. 366 об.—рдѣлся, л. 367—рогомъ, л. 367 об.—сваты, л. 368—смѣство, л. 368 об.—споры^я, л. 369—старю, л. 369 об.—спроша^т, л. 370 об.—тонко, л. 371—Тать, л. 371 об.—Ѣ дное, л. 372—Ѣрвась (такъ!), л. 372 об.—Ѣкрабы, л. 374—хто, л. 374 об.—холмъ, л. 375—хотѣлося, л. 375 об.—хтѣ, л. 376—Фрыгается, л. 377—цѣлованіе, л. 377 об.—Черезъ, л. 378—Чемъ, л. 378 об.—что, л. 379—шотъ, л. 380—щекот[и]тъ, л. 381—ѣжъ.

Относительно *поправокъ* въ текстѣ пословицъ, отмѣченныхъ знаками и исполненныхъ на поляхъ рукописи, о поправкахъ, современныхъ же написанію рукописи, а равно о *позднѣйшихъ припискахъ и поправкахъ*, а также о приписанныхъ на поляхъ противъ соответственныхъ мѣстъ текста—*заглавій* (или указаній содержанія однимъ словомъ) и о всемъ прочемъ будетъ сообщено въ концѣ настоящаго изданія въ Дополненіяхъ и поправкахъ; тамъ же мы сообщимъ по мѣрѣ надобности и свои посильныя объясненія и примѣчанія къ тексту и содержанію той или иной пословицы настоящаго сборника.

Послѣ л. 382—оборотная страница этого листа и еще 1 цѣлый листъ оставлены пустыми.

Далѣе значительная часть (л.л. 383—469) нашего сборника занята біографіею Езопа и текстомъ его басенъ. О нихъ см. въ отмѣченной уже выше книгѣ А. Н. Пыпина—«Очеркъ литерат. исторіи старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ» стр. 169—175. На стр. 170—1 А. Н. Пыпинымъ обращено вниманіе и на текстъ Житія Езопа и его басенъ по Архивному сборнику, но только со словъ Ѡ. И. Булаева. Ниже мы приводимъ по нѣскольку словъ начала каждой басни и печатаемъ сполна всю (1-ую) басню «Урѣлъ с лисицею», чтобы

желающіе имѣли возможность сравнить ее съ текстомъ этой же басни по другимъ источникамъ, помѣщеннымъ въ книгѣ г. Пыпина на стран. 171—2 и 173 и не столь рѣдко встрѣчающимся въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ. См. еще въ Ист. хрест. ц.-сл. и р. яз. О. И. Буслева (М. 1861), стб. 1409—14 и примѣч. на стб. 1426—8.

Л. 383. Въ фигурной изъ орнаментовъ рамкѣ подъ заставицей, такой же какъ и на л. 321—

Житіе 'Езѡпа' | васнослова' | 'И ѡ хожденіи его, Г' ѡ 'его|
мѣрості. како. стазааса | съ ѣллинскими. мѣдрецы. | и свою.
мѣдрость показба | многимъ. царемъ, спѣсано | ѡ Маѣйма.
Клавдіа. | Въ верху страницъ: 'Ѡ езѡпе | баснословѣ.

(Нач.): Вѣщи. члѣвскихъ ѣстество. преслѣдоваша: и прѡчіи: и
наслѣдовавшимъ подаша: ѣзѡп' жѣ || (л. 383 об.) не кромѣ: бжяго:
дхновения: понеже: блгонравнаго: ѣченига: коснвста: веліимъ: раз-
стоганиемъ: превосходити: ибо: ниже: предвла' ниже: извѣстно:
твори: таже: ниже: ѡ исторіи: таже: прежде: его: вѣка: принесѣ оу-
вѣщаня: баснословиями: всячески: наказба.... Л. 418 об. (Конецъ)
...выслушавъ убо делѡи вергоша его с скалы и умре немного убо по-
томъ смертоносиемъ труждающеса бжїи извѣтъ: Приша ѡчищен-
ной быти езоповѣ смерти и совѣтїю к томѣ ѡбличаемъ тако непра-
веднѣ ѣ. его убиша сто'пъ со'даша но нача'ницы гречестїи и
му'рецы самьстїи. егда: юже на' езопомъ содѣланна звѣдаша: и
противѣ: делѡвъ: пондоша: и смерти ихъ: предаша: и грады ихъ:
по'гоша: Квнецъ: Езѡповѣ житїю: і смерти: і мѣдрѡстїи 'его
в'сакѡ ѣ мѣжествѣ ∞.

Л. 419. предисловіе: к' читателю: Ты же: любимыи: чита-
телю: чтѣи мѣна: и утѣшаня: и всякия: мѣрѡтї и развма: Всегда:
исполнаи и мѣна: Баснослогателя: езопа' во всякихъ: мѣдростехъ:
спрашиваиста: Азъ ти: небтаенно: всю. истиннѣ: повѣмъ: и ни в чемъ
не скрѣюста: не ложно: есть: езопъ некраснымъ: ѡбразомъ: учиненъ |
'И премѣдрымъ: развмомъ: зѣло: ѡдаренъ: поне же: изяцно постиже:
звѣрскихъ ѡбразомъ: нравы: и приличнѡ учинилъ: имъ: банослѡ-
ные справы:

Вѣрши на преѣраго баснослогателя езопа,

Баснослогатель: езопъ: небкраше|нъ: ѡбразомъ.:

Внимаи же: сего: ѡбращеши с ра|звмомъ;:

Плоть: его: сосѣдецъ аще: и не зѣ|ло: честна:

Но дѣпа: в немъ: живѣщаня: умѡ оукраше'на.

Л. 419 об. В малои: плоти; многия: премѣдростї | обрѣтаютсѣ:

В великое же: чреве. мѣрѡсти не'мѣщанъ.

Прочитай: читателю: звѣрскихъ образовъ: нравы: обрящещи: в баснословіи: явленна: свои: нравы: нравоучительнага: к вамъ бесѣдбеть: и читательнага: слова: всѣмъ: дарбеть: ꙗже ꙗ еллинскихъ: преведенна: сътъ: мною ѡтѣшайжеса: любимиче: чтыи со "ною:

Орелъ с лисицею.

Гѣва ѡ. Орелъ с лисицею содрѣживъшися. и близъ себе жити. оба начаша и ѹтверженне н'рава и любве и дрѣжбѹ сотворше орелъ ѹбо на высотѣ древѣ гнѣздо себѣ сви лисица же в ближнихъ кѣстехъ чада породе и нѣкогда же лисице на паствѣ изъшѣши дрелже пици и брашна не имѣи слѣтѣвъ в кѣсты и лисицыны чада пожре со своими птенцы вкѣпѣ. Лисица же пришеши и содѣянное видѣвши не токмо о смерти чадъ своихъ скорбяше еликоже о смерти || (л. 420) орлѹ не можаше ѡмстити земнага бо същи птицѹ летяющѹ гонити не во^оможеть тѣмъ же издавеча ставъ еже ѹбо и немощнымъ есть удо^обно сопротивника своего врага бе^очествумъ проклинаше не по мнозѣхъ же днехъ последи нѣкѣи члѣвцы козѹ на жертвѹ принесоша богомъ своимъ жрѣще и слѣте орелъ с высоты и часть нѣкѣю со углемъ горящимъ на высотѣ восхитивъ и ко птенцемъ свой в гнѣздо принесе: вѣтрѹ же зельнѹ дышѹщѹ ꙗко ѡ того ѹглиа и пламени во^огорѣвшѹся орличища же ся същи бе^о крылѹ и лѣтѣти не могѹще спѣсеша и на землю на^опадоша лисица же сѣи вся видѣвши и к нимъ притече и радѣяся прѣ лицемъ орлимъ вся вкѣпе пожре:

Толкъ.

Притча являетъ ꙗко и дрѣжбѹ разоривше аще ли и обидимыхъ ѡбѣгнѹ ꙗ мщениа ради обидимыхъ неможениа но Бж҃иа ѡмщениа правѣнаго || (л. 420 об.) ѹбѣгнѣти не могѣтъ:

Л. 420 об. Б. Соловѣи і ꙗстребѣ. Соловѣи на древѣ сидѹ и по своемѹ обычаю погаше... Толкъ.

[Г.] Лисица і козѣ. Лисица: и козель жаждѹщѣи и лезоша оба пити в кладезь... (Л. 421) Толкъ....

Л. 421 об. Д. Лисица и левъ. Лисица: нѣкогда: невидѣвши льва, и понеже по некоемѹ слѣчаю срѣтеса с нимъ на пѹти... Толкъ....

Ѣ. Котъ і алектѹ. Котъ: нѣкогда: пойма: алектѹра: съ бл҃гословенною: сего виною и хоташе || его снѣсти....

Л. 422. Толкъ... Нѣкаа лисица з'лѹхитраа¹⁾. Слѣчиста: нѣкое:

1) Безъ нумера, сверхъ порядка, что повторяется и далѣе нѣсколько разъ.

и лисице: впасти в сѣтъ и ѿсѣкшиса: Ѹ неи опи бе | и видѣ: лисица...

Л. 422 об. Толкъ... ѳ. Лисица и кѣстъ. Нѣкогда лисица: на тынъ вшеши и попо²знѣвшиса: и Ѹпасти хотящи и призываше на помощь кѣста...

Л. 423. Толкъ... ѳ. Лисица и кордигъ. Лисица: и коркодигъ междѣ собою бѣгорѣствіи: бѣседоваша: многаа...

Л. 423 об. Толкъ... ѿ. Алекторъ и пелепелица. (*Нач.*) Алектора: нѣкто имѣ. в домѣ: кѣпи и пелепелицъ и со алекторы пѣсти въ мѣсте пастиса... *Толкъ...* ѳ. Лисица. (Заглавіе это написано киноварью на полѣ). Лисица нѣкогда нѣкоего кощѣнника в домъ вшедши: сирѣчь скомороха (*Л. 424*) и в'ся его сосѣды ѿзрѣвши и о²рѣтѣ у него в домѣ главъ харю хѣдожественнѣю содѣланнѣю: коже: прѣимъши. лисица: и рече: ѿсицевага: главо точию мозгъ и разѣмъ не имать... *Толкъ...* [Г]. Оўгольникъ и сапожникъ. (*Нач.*) Оўгольникъ: живыи: в нѣкоемъ дому моля же: и сапожника: да припедъ вѣпе: поживеть: с нимъ... *Толкъ...*

Л. 424 об. ѿ. Рыболовы. Рыболовы: нѣкогда влекѣще мрежѣ и тяжкѣ емъ сѣщъ радовашася. и плясхѣ... *Толкъ...*

ѿ. Самомнѣтель. (*Нач.*) Нѣкто: самомнѣтель мѣжъ ѿше на нѣ странѣ: по нѣкихъ же гѣтехъ паки прѣиде во свою землю... *Л. 425. Толкъ...*

ѿ. Нищій. — *Нач.* Мѣжъ: нищій болѣзнѣга: ѿ на одрѣ: з'гѣ лежаше... *Л. 425 об. Толкъ...*

ѿ. Мѣжъ злокоз²не²ннѣ. *Нач.* Мѣжъ нѣкто злокозненнѣи видѣлъ делѣы: ѿ прѣиде ко апполонѣ искѣсити его хотя и вземъ воробья жива в рѣкѣ и сего ризю покры стоя близъ ѿталя и вопреси бога... *Л. 426. Толкъ...*

ѿ. Рыболовъ. *Нач.* Рыболовы на ловитѣ изшедше и понеже много время трѣждашеся и ничесоже гаша зѣло скорбахѣ... *Толкъ...*

Л. 426 об. ѿ. Двѣ жабы. *Нач.* Нѣкие двѣ жабы во единомъ езере пасяхѣся... *Толкъ...*

ѿ. Дровосѣкъ. *Нач.* Старыи нѣкто дровосекіи и на рамъ свою несыи понеже многіи пѣтъ идыи и ѣтрѣдсиса. И сложи с себе дрова на землю и призываше прѣити смерти дабы его взяла... *Л. 427. Толкъ...*

ѿ. Баба нѣкаа. *Нач.* Баба нѣкая болѣзнѣющи и призва к себѣ врача и на мздѣ согласивъшиса: аще ѣбо испѣлишъ очи мои и азъ дамъ ти мздѣ... *Л. 427 об. Толкъ...*

ѿ. Мѣжъ и пѣсь. — *Нач.* Мѣжъ нѣкіи прѣидѣ ѿ зимы в прѣ-

градне жити и первѣе убо ов'цы снede: Посемъ же и козы пожре зимѣ же обдержащеи тогда и работные волю снede: Ѩи же сие видѣвъше... *Л. 428. Толкъ...*

к̄. Мѣжъ ѡ пѣсѣ. *Нач.* Мѣжъ нѣкто ѡ пса оугрызень иже онъ хождаше искїи врача: срѣте его инъ нѣкто... *Толкъ...*

Л. 428 об. к̄а. Два дѣтица. *Нач.* Два мѣнца при поваре сѣдяхъ и поварѣ во своихъ емѣ дѣлехъ замѣлившѣ мѣнца единъ ѡ нихъ часть нѣкѣю ѡкраде... *Толкъ...*

к̄в. 'Недрѣзи. — *Нач.* Нѣкие два недрѣзи междѣ собою: пряхса: но токмо на единомѣ кара'лѣ плавяхъ... *Л. 429. Толкъ...*

[к̄г]. Вдова и кѣрица. — *Нач.* Жена вдовица: имѣя у себя кѣрицѣ на всакѣ день лица еи раждаючи и помысли себѣ тако... *Л. 429 об. Толкъ...*

[к̄д]. Кѣтъ с' мѣши. — *Нач.* 'Иконникъ в нѣкоемѣ домѣ живяше. у него же котѣ добрѣ изрченъ на лѣ и собравшимся многимъ мышамъ кѣ же сие размѣвъ чесо ради собирахъся и всякѣю ѡ нихъ поимаше задавивъ снѣдаше... *Л. 430. Толкъ...*

к̄е. 'Обез'яна. *Нач.* Нѣкогда в собранїи безсловесныхъ звѣрей и посредѣ ихъ вшедѣ пляса обез'яна... *Л. 430 об. Толкъ...*

к̄з. Врачъ и болный. — *Нач.* Нѣкїи врачъ болнаго врачеваше болномѣ же умершѣ и рече врачъ ко ѡносящимъ его на погребение: сеп чѣвкѣ бывши аще бы ѡ винаго питїя ѣдержался и требовалъ бы калестировъ то не бы толь скоро ѣмерь...: *Толкъ...*

Л. 431. к̄з. Бѣбръ — *Нач.* Бѣбръ животное есть чѣвероножное: множице во езера живеть... *Толкъ...*

к̄и. Пѣсѣ с' пѣва. *Нач.* Пѣсѣ нѣкогда скочивши в поварню поварѣ замедлившѣ во своихъ дѣлехъ пѣсѣ же восхитивъ сердце и побеже... *Л. 431 об. Толкъ...*

к̄о. Пѣсѣ и волкъ. *Нач.* Пред нѣкоимѣ дворищемъ спяше пѣсѣ волкъ же к немѣ пришедшѣ и хотїа его снѣсти и моляше пѣсѣ во'ка... *Толкъ...*

Л. 432. к̄. 'О псе и олек'торе. *Нач.* Пѣсѣ со алектормѣ дрѣ(ж)бѣ сотворише вечерѣ же снѣщ и алекторѣ убо на дрѣвѣ спаше во'лѣтевь: пѣсѣ же при корени древа берлогѣ и еговицо сотвори и ѡлекторѣ по абычаю ношїю во'гласи лисица же... *Толкъ...*

к̄а. 'О селде и о делѣинахъ рыбахъ. (*Л. 432 об.*). *Нач.* Селди гонимой ѡ делѣина велиею волною несомой и егда изымати: ся хотяше слѣчїси зелнымъ течениемъ и спаде на нѣкїи ѡстровъ... *Толкъ...*

к̄в. 'О львѣ и жабе. *Нач.* Левъ нѣкогда ѣслыша жабѣ злѣво вопїющѣ... *Толкъ...*

Л. 433. Гг. 'О лвъѣ і ѡслѣ і ѡ лисице. Нач. Левъ ѡселъ. лисица соѡбщение дрѣбы сотворше изыдоша на ловитвѣ и многѡ ловитвѣ собравше... Толкъ. — ...

Гд. 'О лвъѣ і ѡ мѣвѣде. — Нач. Левъ и мѣведь вкѣпе еленка малагѡ || ѡбрѣтше ѡ немъ боряхся и не могѡщи побѣдиться... Л. 433 об. Толкъ...

Ге. 'О ворожее сирѣчь о вохвѣ. Нач. Ворабить на торжѣ сѣдѣ и бесѣдоваше пришедъ же абие нѣкто к немѣ и вѣщеваше емѣ тако въ его храниѣ двери сокрѣшенны вся и окна и вся гаже вывѣтръ быша и несенна... Л. 434. Толкъ...

Гз. 'О мѣравлѣ і голѣбѣицѣ. Нач. Мѣравль возжада сопедь на истѡникъ извлеченъ бысть течениемъ... и утопаше... Толкъ...

Л. 434 об. Гз. 'О кожание и репью и чайке. Нач. Кожанъ репей: и чайка дрѣжѣ сотворше помысливше къпецкое житие жити изволиша и убо кожанъ или нетопырь сребра взаимы вземъ положи во ѡбщину: репей же ризъ с собою вземъ чайка же третия мѣдъ и ѡплыша торговати во страны далече... Толкъ...

Л. 435. Ги. 'О болящемъ і ѡ враче. Нач. Болящій же нѣкто: от врача вопрошенъ: бысть како пребысть болящій же рече тако зѣло на подобающее по тѣхъ... Толкъ...

Гѣ. 'О секѣщемъ дрова: і о ермисе. Нач. Секѣи нѣкто дрова: при рекѣ испачъ емѣ секира с топарѣца в рекѣ... Л. 436. Толкъ...

Гѣ. 'О ѡслѣ і ѡгородникѣ. Нач. ѡселъ дѣлатъ ѡ огородника понеже убо мало гадѣше много же трѣждашеся моли зевеса... Л. 436 об. Толкъ...

Гѣ. 'О ловце и птице дѣдѣ. Нач. Ловець птицамъ составляше сѣти дѣдокъ же сеи издавеча видѣвъ вопрошаше его что убо сие созидаеть... Толкъ...

Л. 437. Гѣ. 'О пѣтешественнице. Нач. Пѣтешественникъ многѣи прешедъ пѣть молашеса ермисѣ богѣ: аще ѡбо обряшетъ что половинѣ сего на жертвѣ обеща... Толкъ...

Гѣ. 'О дѣтицѣ і матери. Нач. Дѣтице во ѡчилище ѡ собчѣника своего: книжицѣ украде принесъ | (л. 437 об.) к своей мѣри... — Толкъ...

Л. 438. Гѣ. 'О пастыре и море. Нач. Пастырь по брегѣ моря стада пасѣше зарѣвъ тишинѣ морскѣю: и полежавъ похотѣлъ плыти на къплю и продаде ѡвцы ѡвниковъ къплю и поиде... — Толкъ...

Гѣ. 'О грѣше і габлонѣ. Нач. Грѣша и габланъ ѡ красотѣ прѣхся многѣмъ же бранемъ по средѣ ихъ бывшимъ къстѣ крапивныи близѣ плода сѣщѣи... Л. 438 об. Толкъ.

иѣ. 'О крѳтѣ. *Нач.* Кротъ животно есть слѣпое рече убо нѣкогда к матери смоковницѣ вижѣ по семъ паки рече...—Тѳлкъ.

Л. 439. иѣ. 'О шерстне і пелепелице. *Нач.* Шерстни: и пелепелицы жажду: содержи к дѣлателью земномѣ прїидоша у него пити просаще...—Тѳлкъ...

иѣ. 'О паве і ѿ гала'ке. *Нач.* Птицамъ хотящимъ сотворити себѣ || (Л. 439 об.) прїа павѣ себѣ похваляша и достоѣна быти глїюще...—Тѳлкъ...

иѳ. 'О кѣколѣ сирѣ о зекзюле і о лисице. *Нач.* Единственнаѣ птица кѣкѣлка или зокѣлка: дикаѣ на нѣкоемъ стоѣ дровѣ и зѣбы или носъ пощряше... Л. 440.—Тѳлкъ...

[и?]'О птице дѣдокъ. *Нач.* Дѣдокъ птица впасти поймаѣ слезя глѣше охъ мнѣ бѣдноѣ и бѣсчастноѣ птице...—Тѳлкъ...

иѣ. 'О еленце маломъ. *Нач.* 'Еленецъ нѣкогда к еленю рече оѣ ты и болши и скорѣиши ѿ псовъ еси и раги паче сего пренрѣдныѣ носиши на оборонѣ... Л. 440 об.—Тѳлкъ...

иѣ. 'О зайцахъ и о жабѣ. Зайцы нѣкогда соше'шестѣ ме'дѣ собою свое ѿплаковаѣ житие ꙗко многогао страха житие ихъ ипоне'но... Л. 441. Тѳлкъ...

иѣ. 'О ѿслѣ и ѿ конѣ. *Нач.* 'Уселъ конѣ блажаше поне нещѣно и прилѣжно бысть кормленъ осе' же иногда соломы довольно имѣи...—Тѳлкъ...

Л. 441 об. иѣ. 'О сребролюбце. *Нач.* Сребролюбецъ нѣкто все свое имѣние в сребре собра сотвори златю плитѣ и на нѣкоемъ мѣсте в земли погребе...—Тѳлкъ...

Л. 442. иѣ. 'О гѣсѣхъ и о жѣровлѣ. *Нач.* Гѣси и жаравли на единомъ поле пасяхѣся...—Тѳлкъ...

иѣ. 'О черепѣхе и ѳр'лѣ. *Нач.* Черепѣха ѳрла молгаше дабы ю летати научилъ... Тѳлкъ...

Л. 442 об. иѣ. 'О блѳхѣ. *Нач.* Блѳха же нѣкогда вскочивши на ногѣ мѣж сѣде: онъ же раклѣя бога на помощь призываше...—Тѳлкъ...

иѣ. 'О еленнице. *Нач.* 'Еленица единомъ ѳкомъ ѳслепленѣ прибрегѣ морскомъ пасяшестѣ ꙗбо здравы ѳкомъ к' земли зряше лѳцовъ блѳдѣшестѣ... Л. 443. Тѳлкъ...

иѳ. 'О елене і ѿ лѣвѣ. *Нач.* 'Елень лѳцовъ бѣгающи в пещерѣ вѣбеже лѣвѣ же тамо по'паде... Тѳлкъ...

Л. 443 об. иѣ. 'О елене и винограде. *Нач.* Елени бѣгающи ѿ лѳцовъ по' виноградомъ скрыста... Тѳлкъ...

иѣ. 'О ѳслѣ і ѿ лѣвѣ. *Нач.* 'Уселъ нѣкогда со ѳлекторомъ

вмѣсте пасяхъся лвъ же нашед'шѣ на осла алекторъ возгласи... *Л. 444.*
Толкъ...

ѡа. °О ѡгоровникъ і о псѣ. *Нач.* °Огоровниковъ песь впаде
в кладезь ѡгоровникъ же хотящъ его о'толе извлеци сниде и самъ
в' стѣденецъ... *Л. 444 об.* Толкъ...

ѡв. °О пастыре і волке. *Нач.* Пастырь малого скимна волчиа
обрѣте и вземъ с собаками вкѣпѣ питаше... *Л. 445.* Толкъ...

ѡд. °О лвъ і ѡ волкѣ. *Нач.* Левъ состарѣвся и болѣзньа ле-
жаше в пещерѣ прїдоша всѣ звѣриѣ посѣщающе Црїа кромѣ: ли-
сицы... *Л. 445 об.* Толкъ...

[ѡе]. °О женѣ і ѡ мѣжѣ пьянице. *Нач.* Жена нѣкага мѣжа
пьяницѣ имѣ его же сию злѣю страсть ѡменити хотяше сиче... *Л. 446.*
Толкъ...

Л. 446 об. ѡз. °О лебеди и гѣсе. — *Нач.* Мѣжъ нѣкто богатыи
гѣсы вкѣпѣ и лебидга кормяше...—Толкъ...

ѡз. °О еѣиопланине.—*Нач.* °Еѣиопланина нѣкто кѣпи сицевый
его (*л. 447*) обра' мяше быти прежняго ради нерадѣния...—Толкъ...

Л. 447. ѡи. °О ластовице і ѡ вороне. *Нач.* Ластовица с воро-
ною ѡ красотѣ пряхъся... Толкъ...

Л. 447 об. ѡѣ. °О птице пѣкропивницѣ. — *Нач.* Пѣкропивница
с нѣкогого ѡкна вѣсаше нетопырь же пришедъ вопрошаше вины
чесо ради во дни убо в мо'чанїи пребываетъ нощю же поетъ...
Толкъ...

ѡ. °О жѣвї сирѣ ѡлимаѣ і ѡрочищи. *Нач.* Земледелателевъ
ѡрочищѣ печаше слимаковъ на ѣглие услышав' же ихъ ласкаю-
щихъ на ѡгни и рече... Толкъ...

Л. 448. ѡа. °О женѣ и ѡ рабынахъ. *Нач.* Жена вдовица лю-
ботрѣдивага сѣщи и рабыню имѣющи и сихъ обыче нощю на дѣло
возбѣжати преже даже не возгласятъ алектори... Толкъ...

Л. 448 об. ѡв. °О женѣ волхвѣ. *Нач.* Жена во'хвѣющи гнѣвы
и глрости бѣжиа пременити обѣщеваюцага и много лѣтъ проживе
сию дарящи и корысть ѡтѣдѣ имѣющи... Толкъ...

ѡг. °О кошке и пилѣ. — (*Л. 449*). *Нач.* Кошка вшедъ в'дѣлател-
ницѣ или в кѣзницѣ котелника и тамо лежащю пилѣ жегѣзнью ли-
заше языкомъ... Толкъ...

ѡд. °О земледѣлатели. — *Нач.* Земледѣлатель нѣкто копага
землю злато обрѣте... *Л. 449 об.* Толкъ. — ...

ѡд. °О двою пѣтешественницѣ. *Нач.* Два нѣкии по единомѣ
пѣти шествѣюще единомѣ ѡ нихъ секирѣ обрѣтшѣ... Толкъ...

ѡз. °О двою жабахъ. *Нач.* Двѣ убо жабы с собою сосѣдствѣю-

щй (л. 450) псяхъ же сы убо во глѣбоцемъ и далечашемъ ѿ пѣти езера... Толкъ...

бз. °О пасечникѣ сирѣ ѿ пчѣникѣ. *Нач.* В пасекѣ или во пчелникѣ нѣкто тать вниде стяжателью же сега пчѣницы нѣгдѣ ѿшедшѣ и несѣщѣ мѣ с воскомъ... Л. 450 об. Толкъ...

бй. °О пионке сирѣчь ѿ ѡбѣтѣне и о деѣине рыбе. — *Нач.* Нравъ быше нѣкихъ плавателей и морскихъ мелетѣйскихъ щенѣ. и пионковъ в кораблѣ имѣти ѡтѣшения ради корабленнаго обыкоша пловыи же нѣкто имѣ с собою и пионка... Л. 451. Толкъ...

бѣ. °О мѣхахъ. *Нач.* В нѣкоторомъ сокровище сотѣ мѣвяномѣ проливѣшѣся налетѣвшѣ мѣхѣ гадящѣ... Л. 451 об. Толкъ...

бѣ. °О ермисѣ бѣге і о йдоле творѣце. — *Нач.* Ермисѣ разѣмѣти хотѣ в какой ѣсть чести ѹ чѣвковъ прѣиде ко идотворѣ преобразя во чѣвчскѣи ѡбразѣ и урѣвѣ идола зевеса вопрошаше продающаго... Л. 452. Толкъ...

бѣ. °О ермисѣ: йдоле і ѿ тирисѣ вохвѣ: *Нач.* Ермисѣ хотѣ тересиево волшебство искѣсити аще праведно естъ украде самѣ изнивы своѣи волны пришедѣ к тересию... Л. 452 об. Толкъ...

бѣ. °О двоѹ псахъ. *Нач.* Имѣли нѣкто два пса единого ѡболовити набчи дрѣгаго же хранити двора... Л. 453. Толкъ...

бѣ. °О козлѣ і ѿ волке. *Нач.* Козелѣ ѡставшисѣ ѿ стада гонимѣ бысть волкомъ воуращѣся к воукъ рече о волче понеже познахъ тако твое естъ брашно... Л. 453 об. Толкъ...

бѣ. °О реке и лисице. *Нач.* Ракъ и морѣ ишѣдѣ на нѣкоемъ посѣси мѣсте лисица же глѣка сѣщи тако ѡвидѣ его пришедши вземъ... Толкъ...

Л. 454. бѣ. °О татехъ. *Нач.* Тати вшѣдше в домѣ нѣкин ничто же не обрѣтоша точию алектора... Толкъ...

бѣ. °О воронѣ и вранѣ. *Нач.* Ворона воуненавидѣвши вранѣ нача члвкомъ воухватѣ... Л. 454 об. Толкъ...

бѣ. °О воронѣ і о псѣ. — *Нач.* Ворона аине богине жертвѣ приношающи и пса на ѡбѣдование призываше... Л. 455. Толкъ...

бѣ. °О вранѣ и зми. Вранѣ брашна не имѣя ѡзрѣ на нѣкоемъ слнчномъ мѣсте змию спящѣ сего налетѣвѣ восхитѣ... Толкъ...

бѣ. °О галке и голѣбце. *Нач.* Галка в нѣкоемъ голѣбникѣ голѣби видѣвши добрѣ питаемыа ѡблѣишисѣ прѣиде... Л. 455 об. Толкъ...

бѣ. °О галке. *Нач.* Галкѣ нѣкто поймавѣ и свлзавѣ ю (л. 456) мѣтовозомъ своѣмъ даде отрочате... Толкъ...

бѣ. °О ермисѣ йдоле і ожѣи. *Нач.* Зевесѣ ермисѣ повелѣ всѣмъ

хѣдо^нникомъ зелье лжи сотворивъ влити и ермисъ сотворивъ и мѣрѣ сего постави... *Л. 456 об. Толкъ...*

Ѣв. °О зевесе і ѡ с'рамѣ.—*Нач.* Зевесъ соз'давыи чѣвки и ѹбо всѣхъ состави обычаи и нравы имѣ вложи единого точно стѣда вложити в нихъ позабы: ради сего поне не имѣ о'кѣдѣ срамъ... *Л. 457.— Толкъ....*

Ѣг. °О зевесе ідоле ѡ жѣлви: *Нач.* Зевесъ браки творя: всѣхъ животныхъ: при'ва... *Толкъ....—*

Ѣд. °О волкѣ и ѡвцѣ.—(*Л. 457 об.*) *Нач.* Волкъ о' псовъ угрызень и злѣ стража... *Толкъ.... —*

Ѣе. °О заицахъ и ор'лаѣ.—*Нач.* Заицы нѣкогда воюющеса со ѡрлы призывахѣ и лисицъ на помощь... *Толкъ. +....*

Л. 458. Ѣз. °О птѣцѣ Алкионѣ при мѣри живѣщей. *Нач.* Алкионѣ птица есть любо пѣстыннаа приснѣ при мори живѣщаа и сию глѣю: чѣвческаго зловления блюдушю стѣ... *Толкъ.... —*

Л. 458 об. Ѣз. °О рыболовѣ. + *Нач.* Рыболовъ на нѣкоей рецѣ ловяще распостерши сѣти... *Толкъ.... —*

Л. 459. Ѣи. °О ловцѣ птѣичнѣ і ѡ ѣхѣне.—*Нач.* Ловець птичей и ловъ вземъ и тростини на ловитвѣ изыде... *Толкъ. + ...*

Ѣѡ. °О мѣравлѣ. + *Нач.* Мѣравль иже нѣѣ преже сего чѣвкѣ былѣ. землѣделательствѣ присно прилежа... *Л. 459 об. Толкъ....*

Ѣр. °О каморѣ і ѡ лвѣ.—*Нач.* Комаръ пришедъ ко лвѣ рече ни же боюста та... *Л. 460. Толкъ....*

Ѣра. °О гѣсени си рѣчь ѡ нетопырѣ і ѡ кошке. 'Нетопыръ на землю пѣши котомъ поима^н бысть... *Толкъ. + ...*

Л. 460 об. Ѣр. °О пѣтешественницехъ. *Нач.* Пѣтешественницы при нѣкоемъ брегѣ морскомѣ идѣще прѣдоша на нѣкое мѣсто видѣти... *Толкъ....*

Л. 461. Ѣг. °О ѡслѣ дѣвиемъ. *Нач.* ѡселъ дѣвиі ѡсла увидѣ домашняго в нѣкоемъ хлѣвѣ пришедъ бѣжаше его... *Толкъ. +....*

°О ѡслѣхъ, і ѡ зевесе. *Нач.* Ѣд. °Ослы нѣкогда во еже частыми бремени бѣствѣюще послаша послы къ зевесѣ... *Л. 461 об. Толкъ....*

°О ѡслѣ и ѡ лисице. *Нач.* Ѣе. °Оселъ ѡдѣлѣста лвокою кожею приходѣше і ѣнаа животнаа ѣстрашиваа и ѣзрѣвѣ лисицѣ: покѣсѣста и сию ѣстрашити... *Толкъ....*

°О ѡслѣ і ѡ жабахъ. *Нач.* Ѣз. °Оселъ дрова несѣи и приходѣти нѣкое озеро поползѣса впаде в' езеро... *Толкъ....*

Л. 462. °О п'сѣ и ѡ лисице. + *Нач.* Ѣз. °Оселъ ѣ лисица соѡб'щение со'ворше дрѣ^н ко дрѣгѣ изыдоша на ловитвѣ.. (*Л. об.*) *Толкъ...*

°О кѣрице ѡ ластовице. — *Нач. рѣ.* Кѣрица змеинные языка обрѣвши прилѣжно загрѣваючи ихъ и сидѣ... Толкъ....

°О вер'блюдѣ. — *Нач. рѣ.* °Егда перьвие верблюдъ гависта чѣвцы ѡбогнпаса и о' величества его ѡдалишасъ бѣгаша.... *Л. 463.* Толкъ....

°О ѡр'ле і ѡ зайце. — *Нач. рѣ.* °На камень орелъ сидаше зайца ѡловити искїи его же нѣкто ѡбивъ стрелою постреливъ... Толкъ....

°(Ѡ з'мїй. — *(Л. об.) рѣ.* Змея многими мѣжи попираемъ мѡ зевесъ: зевесъ же к немѣ рече...

°О голѣбице. *рѣ.* Голѣбница жаждѣю содержима сѣщи у'рѣ на нѣкоемъ мѣсте чашѣ воды... — Толкъ....

рѣ. °(Ѡ голѣбицѣ і воронѣ. — *Нач.* Голѣбница в нѣкоемъ голѣбникѣ питаемаѣ о многочадїи по'валяшеса... *Л. 464.* Толкъ....

°О багатомъ і ѡ д'ч'ра'. — *рѣ.* Богатый двѣ дщери имѣи и единой умерши сѣтовалицѣ нанѣ' втори же дщери глѣше... Толкъ....

Л. 464 об. рѣ. °О пастыре. *Нач.* Пастырь гоняше в нѣкїи лѣсѣ ов'цы распростре по' дѣбомъ ризѣ свою... Толкъ....

°О рыболове и о рыбаце смарѣ. *Нач. рѣ.* Рыболовъ сѣтъ ввергнуши в море и'влече смаридѣ рыбацѣ... *Л. 465.* Толкъ....

рѣ. °(Ѡ конѣ і ѡ слѣ. — *Нач.* Чѣвкъ нѣкто имѣ коня и осла идѣщимъ же имъ пѣтемъ рече ѡселъ коню возми о' моего бремени аще хоцеша имѣти мѣ пѣла... Толкъ....

(Л. об.) °(Ѡ чѣвце і ѡ дивнемъ мѣжи ѡ сатырѣ. *Нач. рѣ.* Чѣвкъ нѣкто съ сатыремъ дрѣжбѣ и любовь сотвори и бысть гдѣ снї зимѣ же и мразѣ сѣщѣ чѣвкъ рѣще сво' согрѣваше принесе ко ѡстомъ дыша сатырь же вопросы... Толкъ....

Л. 466. °О конике. сирѣчь. ѡ кѣзнѣчике і ѡ мѣровлѣ. *Нач. рѣ.* Во время осени и зимы и пшеницамъ поспѣвшимъ мѣравли же зимою о' трѣдовъ своихъ питашася коники жѣ гладомъ ѡмирающе... Толкъ....

°О чѣрви і ѡ лисїце. — *(Л. об.) Нач. рѣ.* В гнои крыющїица червь на землю пришедъ глѣглаше всѣмъ животнымъ врачъ емь и зелиа врачевскїи свѣмъ подобенъ емь естествомъ пионѣ бѣнемѣ врачу... — Толкъ....

°О кѣрице златорѣной. *Нач. рѣ.* Кѣрицѣ нѣкто имѣ и языка златые родящю... Толкъ....

Л. 467. °О львѣ і ѡ лисїце. — *Нач. рѣ.* *Нач.* Левъ состарѣвша і не могїи исходити на ловитвѣ собирати себѣ пици помысливъ и разѣмѣвъ сиде сотворити... *(Л. об.)* Толкъ....

О бабе і о волке. Нач. рѣг. Волкъ гладенъ сыи обхождаше
искии і пици: и пришедъ на нѣкое мѣсто услыша дѣтище плачу-
щее и бабѣ к немѣ гл҃глющю отроча престани плакати... Тѣлкѣ...

Л. 468. О мѣлѣ сирѣчь ѡліне сыне. Нач. рѣд. Мѣлѣ гачмени
насыщсѣа ѡто^астѣ скакаше вопиѣ... Толкѣ...

О смии и ѡ землѣ дѣлатель. Нач. рѣе. Смii предѣраты земле
дѣлателя гнѣздо изви и ѡгрызе дѣтище его... Л. об. Тѣлкѣ....

О трѣб'нике. Нач. рѣз. Трѣбникъ полки собираѣа поиманъ быти
о^а сопротивныхъ вопиаше не ѡбѣите мене о мѣжие всеѣ неповин-
наго... Тѣлкѣ...

Л. 469. О трѣсти и о масличнѣ. рѣз. О терпѣни и о кро-
тости трость и масличина беседоваше... Тѣлкѣ....

О волкѣ і ѡ жѣравлѣ. — (Л. 469 об.) рѣи. Волкѣ в шее кость
ѡвѣне жеравлю мѣдѣ дати обеща аще главѣ свою вложь кость из
шеи и^авлече^а и жеравль на мѣдѣ долгою своею шею извлекши кость
от злѣ страждѣщаго волка мѣды прошаше волкѣ же во^асмѣявсѣа и
зѣба(м)и стискаѣа рече довѣетъ ти (...)ни мѣда едина гакѣ о^а воль-
чьихъ ѡтъ и зѣбовѣ всегднихъ изнесѣ еси главѣ свою цѣлѣ ни-
чтоже не по^атрадавѣши: — Тѣлкѣ...

О алекторехъ. рѣѡ. Два алектора ѡкѣрица^а браняхсѣа и единъ
дрѣгаго бивѣ ѡтогна и на мѣсте тѣмнемѣ скрысѣа о^аше Побѣдивыи
же на верѣхъ во^алѣте и на высоко^а стенѣ ставѣ велегласно возгласи
ѡрелъ же налетѣвъ и абие сего восхи^ати. || (конецъ страницы и
листа 469).

На этомъ обрывается текстъ сборника басенъ Эзопа.

Л. 470. Слѣдующіе 3 листа (470—472) писаны на бумагѣ гораздо
толще предыдущихъ и особымъ почеркомъ блѣдными расплываю-
щимися чернилами.

Азѣбковникъ: или предисловіе, доб'ролюбѣнаго читателя:
имѣщѣ имена и чинѣ. повелительство и писательство. Послѣ
этого заглавія идутъ двоестрочныя вирши: (Нач.) Аще бы кто и
всю послѣднѣю смотренѣи хѣдожествѣ общ(ед)ь...

На л. 472 об. читается:

б б б б Бичѣ. бѣи. бѣетѣ. бѣсы:

в в в в Веліе. веселіе. в рай. входѣ:

г г г г Глава. горнѣ. гонитель. годымѣ:

д д д д древо. добро. досада дѣволѣ:

ж ж ж ж живо^а. жизненѣ. живо^а. живымѣ.

з з з з знаменіе. земнымѣ. знаменѣетѣ залогѣ:

к к к к крѣтиля. крѣпость. константинѣ к вѣрѣ:

л л л л лютаго. люципера. люто. ломить:
 м м м м многѣ. милосердѣемъ. миаѣтъ. много:
 н н н н ноцъ. невѣдома. несвѣтла. невѣрнымъ:
 п п п п паки. падаеть. поклоняющъ. породѣ:
 р р р р радость. родѣ. ранами. рождаетъ:
 с с с с слово. спасаетъ. сего. славящихъ:
 с с с с спѣсъ. сотвори. сѣтъ. сатанѣ:
 т т т т творецъ. твари. тернѣ. терпить:
 х х х х херѣгви. хрѣтова. хвала. хрѣтіаномъ:
 ц ц ц ц цркви. цвететь. цвѣтѣ. цркимъ:
 ч ч ч ч честь. челоувкомъ. честно. чтѣщимъ:
 поведоша гда на распятіе мѣжеи пѣшихъ было
 легеонъ. хч. чѣкъ. стрѣлцовъ. х. кѣстодѣевъ ѓ. мѣжеи
 тѣрчанъ. т. распяша гда на востокъ. лицемъ.
 ѓдарилъ гда в ланитѣ. именемъ фалсать. ра^б
 каіафинъ родомъ латынянинъ. проболь гда в ребра. лавасъ воинъ ||

Этимъ оканчивается весь сборникъ.

Какъ весь Архивный рукописный сборникъ, такъ и собраніе пословицъ, въ немъ помѣщенное, не имѣютъ при себѣ точныхъ отмѣтокъ времени написанія, даже болѣе, мы нигдѣ не встрѣчаемъ вообще старинныхъ отмѣтокъ бывшихъ владѣльцевъ рукописи, столь обычныхъ на рукописныхъ книгахъ подобнаго состава. А такая рукопись, какъ настоящій сборникъ, съ столь рѣдкимъ, разнообразнымъ и любопытнымъ содержаніемъ, какъ и можно ожидать, должна была имѣть и дѣйствительно имѣла многихъ и даже не поверхностныхъ, а усердныхъ читателей: въ сборникѣ пословицъ мы видимъ разновременныя приписки пропущенныхъ пословицъ, дополненія къ тексту и выправки сего послѣдняго. Слѣдуетъ, кажется, думать, что весь сборникъ только въ самое недавнее время былъ переплетенъ, а ранѣе обращался среди читателей безъ переплета, и потому то 1-ый, заглавный листъ рукописи такъ закопченъ и загрязненъ.

Нашлись все-таки въ разныхъ тетрадахъ нашей рукописи нѣкоторыя намеки на *указанія времени*: 1) на л. 80 (см. у насъ стр. 12) отмѣченъ годъ зрѣд (7184) отъ С. М. и лѣхос (1676) отъ Р. Х.—это дата составленія Симеономъ Полоцкимъ Гласа послѣдняго ...В. Г. Црѣя и Вел. Кн. Алексія Михайловича, 2) на л. 118 обор. (у насъ см. на

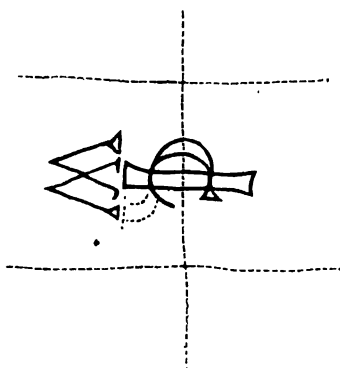

Къ страниц. 65 и 66.

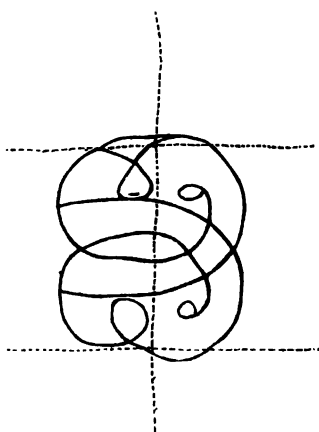
ИЗОБРАЖЕНІЯ

заводскихъ клеймъ на бумагѣ рукописнаго сборника Архива Мин.
Иностр. Дѣлъ XVII-го столѣтія (№ 250/455).

Чертежъ 1-ый (къ стр. 65).

Чертежъ 2-ой (къ стр. 66).

стр. 12) важная записъ тонкимъ изящнымъ почеркомъ: зсг (т. е. 7203 г. = 1695 г.), 3) на л. 213 (у насъ см. на стр. 15) указаніе на 7150 г. = 1642 г. не имѣеть для насъ значенія, и 4) на л. 295 (у насъ см. на стр. 20) зс (т. е. 7200 г. = 1692 г.). Изъ всѣхъ этихъ 4-хъ указаній болѣе для насъ цѣнны 2-е и 4-е, т. е. указаніе на 1692—95 годы.

Обратимъ теперь свое вниманіе на то, къ какому времени относятся *бумага*, на которой писаны различныя статьи сборника вообще и особенно тетради собранія пословицъ и предисловія къ нимъ.

При пересмотрѣ листовъ рукописи нами отмѣчено до 7 видовъ *бумажныхъ водяныхъ знаковъ*, при чемъ двухъ изъ нихъ нѣтъ въ таблицахъ, приложенныхъ къ извѣстному справочному труду Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб. 1891 г.), — и кромѣ того большое число листовъ оказалось безъ знака. Бумага съ означенными 4 знаками по Лихачеву относится къ 1681—1697 г.г.

Все разнообразіе видовъ бумаги, встрѣчающейся въ Архивномъ сборникѣ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) На л.л. 1. 7. 9. 14. 15. 33. 35. 36. 38. 42—5. 48. 49. 54—7. 59. 60. 62—4. 66. 69. 71. 72. 75—7. между (79) и (80) два листа; 82—5. 88. 89. 94—100. 103. 104 (накл.). 105. 106. 108. 112—115. 118. 149. 150. 2 чистые л.л. послѣ (151-го), 152. 153. 158. 159. 161. 163. 166. 168. 170. 173. 176. 178. 179. 181. 183. 188. 190—5. 197 (сѣрая непрозрачн. бумага). 202. 203. 206. 207. 210—212. 217. 218. 221. 222. 226. 227. 230. 231. 233. 238. 241—4. 247. 248 (толстая). 251. 252. 254. 256. 257. 258. 263—6 (сѣрая). 276. 284. 305—9. 312. 313 (обрывокъ). 317. 318. 321 (гравиров. отд. л.). 326. 328. 329. 331—4. 337. 338. 343. 344. 346. 347. 350. 351. 354. 355. 358. 359. 361. 362—370. 372. 373. 376. 379. 380. 381 (бѣл. л. между л.л. 382—3). 384. 385. 388. 389. 394. 395. 397. 399. 400. 405. 406. 408—11. 415. 418. 423—6. 429. 431. 432. 434. 437—440. 443. 444. 449—452. 457—61. 464—7. 471—*бумага безъ всякаго знака*.

2) На л.л. 2. 5. 17. 19. 20. 22. 24. 31. 32. 34. 37. 39—41. 46. 47. 50—3. 58. 61. 65. 67. 68. 70. 121—4. 129—132. 137 (138). 141. 277. 278. 283. 286—9. 293—6. 301—3 и слѣдующій одинъ пустой листъ — бумага имѣеть неизвѣстный знакъ. Рисунокъ его см. на отпечатанномъ у насъ чертежѣ подъ № 1.

3) На л.л. 3. 4. 10—13. 16. 18. 21. 23. 25. 26. 29. 30. 119. 120. 125—8. 133—6. 138—140. 142—7. 279—282. 290—2. 297—300 и

1 бѣл. л. передъ л. 304. 470 и 472 — знакъ бумаги ср. у Лихач. на табл. 66: № 502=7193—4 г., т. е. 1685—6 г. (голл. бум.),

4) На л.л. 73. 74. 79 (со знакомъ Е. Р.). 154—7. 160. 162. 164. 165. 167. 169. 171. 172. 174. 228. 229. 234. 235—7. 239. 240. 245. 246. 249. 250. 253. 255. 258. 260—2. 267. 268. 285. 314—6. 319. 320 и слѣд. 1 бѣлый листъ—знакъ бумаги ср. у Лихач. на табл. 66: № 500 = 1681 г. (голл. бум.).

5) На л.л. 80. 81. 86. 87. 90—3. 96. 101. 102. 104. 107. 109 и наклейка. 110. 111. 116. 117. 148. 151 и слѣд. два пустые листа (передъ 152 л.), 175. 177. 180. 182. 184. 185—7. 189. 196. 204. 205. 208. 209. 219. 220. 223—5. 232. 304. 305. 310. 311. 322—5. 327. 330. 335. 336. 339—42. 345. 348. 349. 352. 353. 356. 357. 360. 371. 374. 375. 377. 378. 382. 386. 387. 391—3. 396. 398. 401—4. 407. 412—14. 416. 417. 419—22. 427. 428. 430. 433. 435. 436. 441. 442. 445. 446. 447. 448. 453—6. 462. 463. 468. 469—находится водяной знакъ, котораго нѣтъ въ таблицахъ снимковъ при отмѣч. книгѣ Н. П. Лихачева. Глубокоуважаемый авторъ этого важнаго и драгоценнаго для изслѣдователей труда, когда мы обратились къ нему съ просьбою взглянуть на этотъ знакъ бумаги, любезно исполнилъ нашу просьбу и сообщилъ намъ слѣдующее: «бумага съ знакомъ, котораго у меня нѣтъ — *senzel* изъ нѣсколькихъ буквъ. По качеству — бумага несомнѣнно XVII вѣка *исхода*. Въ крайнемъ только случаѣ можетъ быть первыхъ лѣтъ XVIII в.» Рисунокъ его см. у насъ на чертѣжѣ 2.

6) На л.л. 198—201. 213—6. 270—5 сѣровая бумага съ знакомъ изъ двухъ фигуръ и надписью, типъ—*papier à la mode*; ср. у Лихач. т. 101, № 683: 1697 г.

и 7) На л.л. 383 (гравированный отдѣльный листъ) и 390—знакъ ср. у Лихач. табл. 72: № 554, относ. къ 1686 г. (русск. бум.).

Еще И. М. Снегиревъ въ введеніи къ указанной выше его книгѣ «Русск. нар. пословицы и притчи» (1848 г.) на стр. XXXVI высказалъ слѣдующее соображеніе *объ авторѣ* помѣщеннаго въ Архивномъ сборникѣ собранія русскихъ пословицъ и любопытнаго предисловія къ нему: «судя по тому, что сборникъ содержитъ въ себѣ, большей части, статьи Симеона Полоцкаго, можно съ вѣроятностію заключать, что и Русскія пословицы заимствованы симъ же ученымъ монахомъ XVII в. изъ сборниковъ XVI вѣка; самый слогъ предисловія сходенъ съ слогомъ его сочиненій». Но впоследствии онъ, какъ увидимъ ниже, отказался отъ такого заключенія.

Ө. И. Буслаевъ въ обѣихъ своихъ книгахъ, въ которыхъ онъ

касался Архивнаго сборника, не останавливался на вопросѣ, кому могъ принадлежать Архивный сборникъ и кто составитель собранія русск. пословицъ и предисловія къ нему. Тотъ же Снегиревъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ трудовъ—въ книгѣ «Лубочныя картинки русскаго народа въ Московскомъ мірѣ» (М., 1861 г.) въ отдѣлѣ «Простонародныя притчи, побаски, сатиры и вообще балагурныя картинки, или каррикатуры», останавливаясь на вопросѣ объ источникахъ лубочной картинки «Мыши kota погребаютъ», говоритъ (стр. 130—131): «Еслижъ первообразъ естампа Погребеніе kota мышами былъ не Русскій, а иностранный и заимствованъ изъ Нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ въ XVII вѣкѣ: то въ немъ удержаны только однѣ общія черты первообраза, такъ что онъ вышелъ переработаннымъ въ чисто національныхъ формахъ, примѣненныхъ къ отечественнымъ событіямъ; потому что всѣ надписи и нѣкоторыя подробности прямо Русскаго содержанія. Достовернѣе же это небылица, перелицевка, издавна ходячая въ народѣ и записанная въ концѣ XVII, или въ началѣ XVIII вѣка; на нее указываетъ старинная притча: *«И kota мыши волокутъ на погостъ»*. На той же страницѣ въ выноскѣ 77 къ этому мѣсту у него читаемъ: «Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту: въ Сборникѣ скорописномъ, въ 4, по примѣтамъ, Каріона Истомина, гдѣ означенъ на 80 л. 1690 годъ. Въ главн. Архивѣ М. и. д.» (Листъ Архивной рукописи не вѣрно обозначенъ у Снегирева; но вообще онъ имѣлъ въ виду одну изъ числа 4-хъ, указанныхъ нами выше, отиѣтокъ года въ рукописи).—Д. А. Ровинскій въ V книгѣ своихъ «Русскихъ народныхъ картинокъ» (Спб. 1881 г. въ томѣ XXVII Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ, на стр. 155—6) высказалъ мнѣніе, что «наша картинка, чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное, — вполне оригинальное произведеніе народнаго буффа, въ которомъ всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго обихода». Въ выноскѣ 118 къ этому мѣсту онъ отиѣчаетъ, очевидно, со словъ Снегирева, и притомъ допуская еще большія неточности: «самый мотивъ картинки вѣроятно заимствованъ изъ старинной пословицы: *«и мыши на погостъ kota волокутъ»*, которая записана и въ тетрадь пословицъ Каріона Истомина (1690 г. въ Погодин. Собр.)».

Привода себѣ на память перечень статей, введенныхъ въ Архивный сборникъ—повѣсти изъ Римскихъ дѣяній (л. 1—72), Гласъ послѣдній... Симеона Полоцкаго (л. 80), Стоглавникъ Θεодора, еп. Едесскаго (л. 119), Чинъ монашескаго житія (л. 138), образцы писемъ

преимущественно въ виршахъ, разныя выписки и проч. (л. 174 об.), посланія препод. Максима Грека, Повѣсть о хмельномъ питіи со вставками свидѣтельствъ разныхъ писателей о пьянствѣ — въ родѣ старыхъ Пчелъ, Рѣмы красогласніи о прелести суетнаго сего міра и буйствѣ... (л. 295), Выданіе о добровравіи (Яна Запчица) л. 314, сборникъ русск. мирскихъ притчъ, пословицъ и поговорокъ, Житіе и басни Езопа и проч., — видимъ, что въ сборникъ вошло не мало произведеній переведенныхъ съ польскаго, обиліе посланій и образцовъ писемъ въ виршахъ, нѣсколько произведеній въ виршахъ же, разныя наброски и приписки тоже виршами, съ другой стороны — порядочное количество произведеній духовной литературы, къ тому же вообще проглядывающій во многомъ вкусъ собирателя матерьяловъ всего Архивнаго сборника — къ духовному и назидательному чтенію, что его такъ роднитъ съ многочисленными рукописными старыми сборниками произведеній нашей литературы — все это и, главнымъ образомъ, особенности почерка и нѣкоторыя выраженія, встрѣтившіяся въ текстѣ «Предсловія» къ «Повѣстямъ или пословицамъ всенароднѣйшимъ по алфавиту», также кое какія наши наблюденія, о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, — заставляютъ насъ приписать ббльшую долю личнаго труда и участія въ дѣлѣ составленія упомянутаго сборника пословицъ — извѣстному представителю строго-православной части на Москвѣ во второй половинѣ XVII-го вѣка, ближайшему ученику Епифанія Славинецкаго — справщику Печатнаго Двора, ученому богослову, неутомимому переводчику съ греческаго языка, видному и самостоятельному сотруднику нѣсколькихъ Всероссийскихъ Патріарховъ, — монаху Чудова монастыря, Евѣмїю (почившему 28 апрѣля 1705 года среди учено-литературныхъ трудовъ въ своей келіи, что была въ томъ же монастырѣ).

[л. 321 = 4].

ПРЕДГЛОВІЄ

ДО ЧИТАТЕЛЯ.

Нижица сїя по аѣвцѣ єста положена, дрѣже мѡи читателю, илї послѣшателю мїлостивый краѣкш, ниже по чїнѡ лежїкона ни мѣршн рїѡмѡ сострѡена, іакоже зрїши. но слѡчая в рѡди скѡрагш, сослѡбіє, точїю литерѡ, а не инагш кѡегш ѡпотрѡвленїя ѡкрасїся сочиненїє. ѡстѡвишася во сїѡ рачителє тоѡ, иже мѡгѡ достѡточнѣ сїѡ вси ѡдобрїти, мнѣ же нїѣ ѡ сиѡ || (л. 321 об.) вина не маѡа, точїю за принѡдїенїє нѣкїиѡ ѡ любяциѡ мѡ, дерзнѡ іакоѡ вїдиши, маѡя соврѡти ѡ многиѡ во 10 єдїнш, іаже ѡрѣтоѡ. ѡва писѡна издрѣвѡ, мнѡ іакош лѣѡ за стш, илї вѡлше. иная же на слѡвѡхѡ ѡносыѡщаяся. прѡмногѡ же стѡлѡ и єще ѡносыѡся нами невѣдомая, іаже аще ктѡ и паче, ѡ многолюботрѡдныѡхѡ потщїтєся мїрскїѡ сїѡ вѣци, илї послѡвнцѡ, соврѡти єдѡа лї възмѡжеѡ. Ты же здѣ прохѡдѡ. илї послѡшая 15 писѡнная, моѡѡ да не зѡзрїши сїѡ и да не вѡмѣнїши реченнѡѡ в прѡзѡрствѡ не в нѡво во сїѡ, ни нами начѡлш прїѡѡ, но старѡдѡбная нѣкая. точїю нїѣ во єдїнш соврѡ. іаже ѡ многиѡ ѡже лѣѡѡ в мїрѣ ѡтвердїшася. И дрѡвнїи мѡжїє, совоѡ искѡвѡзѡ послѡвнцѡ сїѡ в вѣщеѡ прїимше ѡтвердїша, ѡ нїѡ же дрѡго прѡемнѣ по 20 рѡдѡ и до днѡсѡ, тѡвѡрѡстнш мнѡжайшая в насѡ содержѡся,

мнѹ же и в прѣ вѣдѣ держатися со вѣсѣвленіемъ. По нѣкѹторамъ
 нѣгдѣ реченію. Елику ѿ члѣческаго жителства продолжѣется
 время. толику члѣцы мнѣся в худобѣства свой дребнѣя превос-
 ходити во всякой вещи, мнѣся, ꙗковы которѣ заблѣше ре-
 бченше. ни чтоже в мирѣ нѹкое. И ѿидѣ не помышляй начало
 хитроче: ꙗку тѣ худобѣства твоего предначинателя, или прѣ-
 начатаго украсителя. Ѹже во быша вся елика по небесѣ рас-
 ташася же, или в безобразіе прѣидѹша. нѣкѣ ради слѣчаевъ
 воспновишася. а потѣу ꙗки шевлѣпотяся: и ꙗки украсяся.

10 Непостоятельна бо фортуна вѣка сегѹ, донележе благоволи
 колесѣ семѣ. || (л. 322 = в) создателя вращатися. Толико же
 множествѹ прѣчей сѣи мирскѣи в мирѣ ещѣ мною написанныѣ ѡста-
 вишася. елику ѹмъ мой не токмо собрати. но и достигнѹти не
 можѣ. Малѹ же таковоѣ кто ли въ по своемѣ вразѹмѣ по-

15 стигновенію пословицы какія, когда наговорилъ елицы слѣкѹ
 словодѣца. украсишася. ꙗже на совершеніи ѿ сованія. в кни-
 жницѣ сѣи твоемѣ добродѣствѣи ѡставляю. Точію амѹба твоѹ
 прошѣ, да не срамослѹбная нѣкая, или сквернослѹбная внесѣши,
 ꙗже бѣгѣ мерска, и ѹмъ имѹщѣи ненавѣстна. ѿ нѣ же и в дѣна сѣдѣ

20 ѡтвѣдати. но ꙗку мѣдрѣ по дѣхѣ ловѣцѣ. словеснѣи ти неводѹ
 рыбѣи разѹма привлечеши, на добрѹю сѣца твоего землѣи. И доб-
 рыя же в сосѣды словеснаго ти органа иверѣши ѹпотребленія.
 ꙗже же и ѿ амѹбнѣи твоеѣи и дрѹгѣи предашѣши во вѣселеніе.
 слабія же в славыя моря воды. сквернословеца, иринѣши. или ꙗку

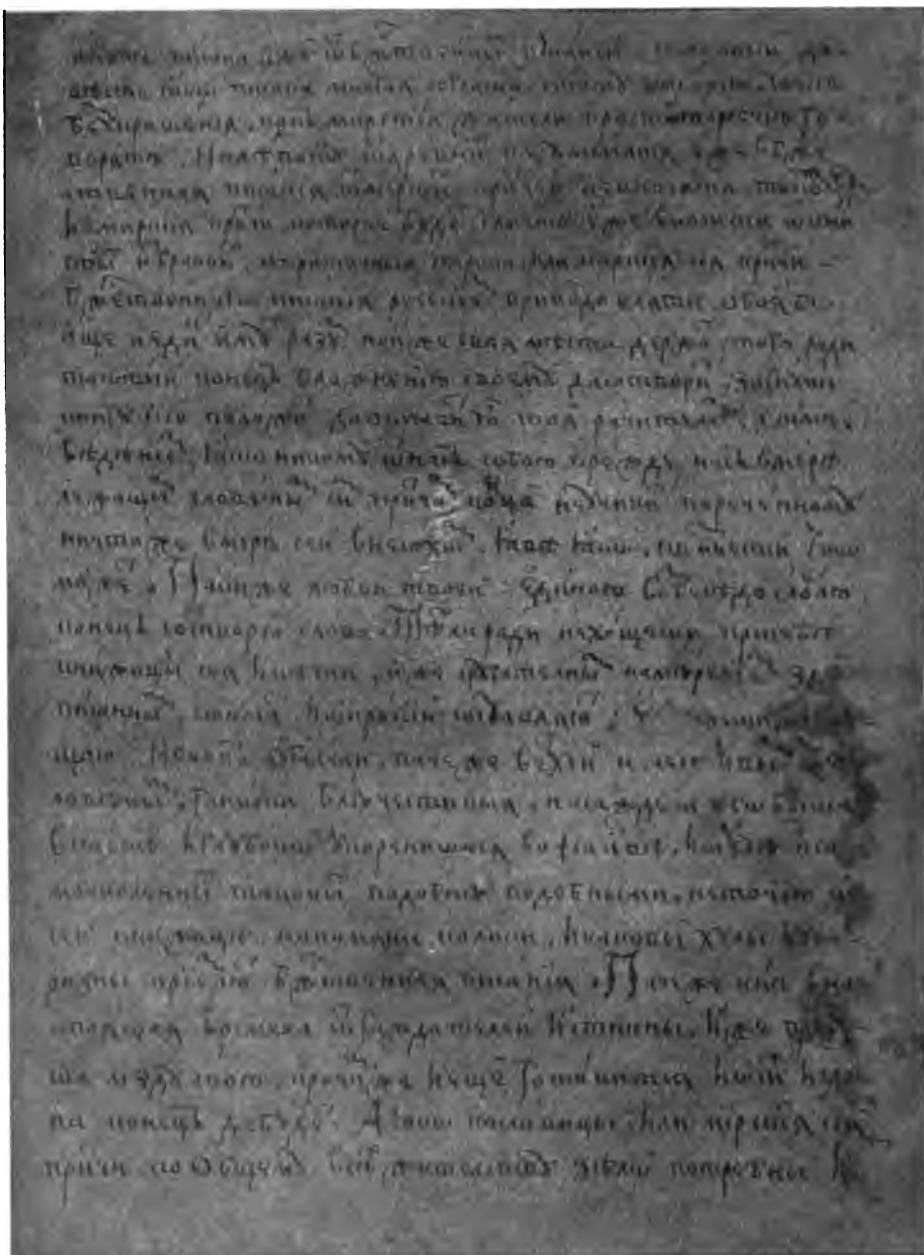
25 ѿ пшеницѣи и плевелѣи сотвориши. Ѹгда же рѹкама сѣи во мѣши
 книжницѣ сѣи, и вникнѹвъ, или послѣшавъ ѿнаго, ꙗже гѣи ѿ пи-
 санныѣ вѣдѣи трѣбѣи внемлѣи. ѹподобляяся мѣдрѣи медодѣлатель-
 ницѣи пчелѣи. поленое ивирѣя. Но бѣ сегѹ бо ꙗще и зазнѣна.
 или посмѣйна вѣдѣи книжца сѣи нѣкѣи. Но вѣдѣи вѣдая, ꙗку ко

30 творенію воли и заповѣдей. вѣтѣи, ни кобѣ ти ѣста ѿ ней препятѣи,
 По реченію вѣщателя вселенныя, ничтѣи ны можѣ ѿ амѹбѣи вѣтѣи
 рѹлѹчѣи. Ѹще же прѣдѣи знѣти тѣи книжца сѣи, какѹи вѣтѣи
 нрѹкѣи и дрѹгѣи знѣти и держатися. слабія же ѹдалѣтѣи, и ѿнаѣи
 многая, такобая. ꙗщеи речѣи нѣкѣи ѿ писанныѣи здѣи, ꙗку ||

Автогипія Е. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

I. Сборникъ скорописн. XVII-го вѣка Моск. Главн. Архива Мин. Иностр.
Дѣлъ № 250/455, снимокъ съ листа 322 обор.

(л. 322 об.) не съта писана здѣ ѿ вѣтвеннѣи писаній, таковѣи да
 вѣста іакъ писана многая согласна сътомъ писанію. точію въ Укра-
 шенія, какъ мірскіи жители простомъ речію гдѣворятъ. И в лѣ-
 потѣ ѿ древнѣи сїе ѹмыслися іже в вѣстѣвенная писанія ѿ мір-
 скѣи причей не вносити. тако^ю и в мірскія причы. которое въ- 5
 дѣта сличнѣ іже вносити ѿ книгъ стѣлѣ и враннаѣ, и приточныя
 стрѣки. или мірскія сїя причы вѣтвеннаго писанія реченіе
 приподобляти. о боѣ вш. аще и еди^ю имѣ^ю разѣ^ю. но іже своѣ
 мѣста держатъ. того ради таковѣи конца влаженію своемъ да
 сотвори^ю, загнувъ книгѣ сїю полбжѣ. да остави^ю ю тоѣ рачите- 10
 лѣ: ѣ симъ, вѣдѣнїе, іакъ никомъ ѿ насъ собѣю прѣжде насъ в
 міртѣ, лежащѣи словеснѣи сїи прича^ю ко^юца не ѹчини^ю по реченномъ
 ничтоже в міртѣ сїи внесѣхъ, іавѣ іакъ, ни и нести чтѣ мѣже.
 Паки же любви твоѣи: ідиною во вѣстѣдослѣю, конца сотвори^ю
 слоба. Тѣ^ю ли ради не хѣщешы при себѣ книжицы сеѣ имѣти, 15
 іже с рѣгателнѣи намѣреніе^ю здѣ писаннѣи, понѣся, и ширѣкѣи
 составляю; [іи] речѣши ѿвѣщайю: Не нова ѡбѣчай. паче же
 вѣхїи и[е]чес[т]и^ю вѣлѣ чѣловѣкѣю, гонити вѣгочестивыя, насажденна
 ѹвѣ вѣша в Каїтѣ. и глѣбокѣю ѹкоренишася во Ісаѣвѣ, и Саѣлѣ.
 и самѣчисленнѣи таковѣи подобнѣ подогнѣи, не точїю ѿ сїи 20
 книжицѣ. но помѣни колики, и каковѣи хѣлѣи и ѹкоризны прѣлю^ю,
 вѣтвенная писанія. Паче же нѣтѣ в настоящая времена ѿ гаж-
 дѣтелей істинны. іже прѣяша мѣдѣ своѣю. прочы же и іещѣ готѣ-
 вится. и ѿ сїи и слоба конца да вѣдѣ. А іакъ послѣвицы, или
 мірскія сїя причы. по ѡбщемъ вѣтѣ жителѣствѣ стѣлѣю потрібны. 25
 и || (л. 323 = г) полѣзны: и всѣми вѣдомы добртѣ. и никогдѣ ни ѿ
 когѣю. имѣщѣхъ ѹмъ здравыи ѹничжишася и зазрѣшася; паче
 же ѿ нѣкѣи мѣдрѣи в нѣкѣи писанїихъ помяновенїемъ. похвалѣ-
 шася, іже имѣтѣ множайшая свидѣтелства, во своѣи мѣстѣхъ.
 Ѹщїи же великороссїискаго царѣствїя ізыцы. паче же западнѣи 30
 странѣи жители имѣ^ю мірскія сїя причы своѣи и течтѣю в чѣ-
 пографїя живописѣтелѣ вѣ и слѣдованны. іакоже и нѣхъ нѣкїя
 мойма вѣдѣ^ю Ѹчїма. вѣ и житїя полѣзѣ. ревнѣюще ѹпражняю-
 щѣя, ни вѣчтоже ра^ю вѣ слышати нѣкѣе нѣвое. Тѣ же вѣгоче-

стивши бѣди, ѿкъ мѣду, и не уподобляйся нравѣ бѣгласнѣ
 рыбѣ. но и носы ѿ сокровища сѣца твоего сличное. времени же и
 лица. и мѣстѣ сокровища твоя. бѣхая же и нѣбая. Да во все
 славится всѣмъ творецъ бѣгъ: и дастъ ти здѣ бѣка ѿже и полѣ-
 ѣчиши тѣя. всѣрднш любви твоей ѿкъ и себѣ желан. ѿ сѣ всегда
 и нынѣ и приснш, молѣнїе мое воъсмылю. Аминѣ. ~~~~~

ПОВѢСТИ:

надъ послѣницы всенарѣднѣйшыя по алфавитѣ.

А.

- А**ще бы не бѣзъ, кто бы намъ помѣгъ.
Адамъ сотворенъ, и райъ шворенъ.
Ада да Авра женами славыны, еди^н смѣхѣ^н. А другой грѣхѣ^н.
Аврамъ отецъ Фара. а жена имъ Сарра.
Аврамъ с Моисеѣмъ, Илья с Елисеемъ.
Аврамъ ѡставя до молися за Садомъ. 5
Ананя з' Сапфирю солгалъ и беа пропалъ. [л. 828 об.]
Анна с мужемъ седма а вдовю седмадесять.
Антихриста примаеть хто Хрѣта ѡступаетъ.
Ароматаи ѡ мукѣ не ибавятъ. 10
Антихрѣтъ блиско и солнце ни^ко.
Агла ѡбратитсѣ хто в блу ѡбратисѣ.
Апѣли обличали и насъ научали.
Андрѣи крѣтилъ Иоанна блго вѣстилъ.
Адамъ зло сотворилъ и райъ саторилъ. 15
Аврамъ гулялъ по горама а Адамъ кры^тся по норѣ.
Астрономия ѡмѣта любовь к Бгу имѣта.

Перъ стронга росъ. а смѣрта куѣта косъ.

Иллалуия у Гурья давно твѣрда.

20 Иллалуия пѣта на̄ поклонами прѣта.

Иза да бѣки иѣабит ли о̄ мѣки.

Ихава жены послушаѣ со слезами хлѣба покушала.

Ивисана дѣва Давида грѣла.

Иггла умѣрша̄ моце̄ не сиската.

25 Иггліи з' нѣа что не просятъ хлѣба.

Игаѣона̄ сапѣла̄ антиѣона̄.

Иачнова гостя не упѣчивала Костя.

Антиѣона̄ послушата̄ ӯ Агаѣона̄ покушата

Иѣона̄я дома̄ к ненаси.

30 Изокъ не ѡ̄ сте̄ глазо̄ а Крымъ не крикъ.

Ихтѣва̄ пуѣта̄ а вѣ̄ караула̄ не гуляй.

Иӯ аӯ мѣвѣтко̄ в' лѣсе̄ не будѣ̄ о̄ з'дѣсе̄.

[з. 324=л]. Илай булай крымские пѣснӣ та̄ ӣ и трѣсни.

Иршинъ портной по чему масте̄ ѡ̄гласу.

35 Иггаскимъ часомъ заговѣта̄ будѣта̄ квасомъ.

Извукъ в шеста̄ дѣга̄ а ѡ̄лтиръ по рѣблю.

Индрия̄нъ во̄грямӣ акъ паянъ брызгами.

Ирсеная̄ ждата̄ до воскресеная.

Изия̄ Аѣрикӣ честнѣ̄ А августъ ма̄рта̄ теплѣ.

40 Игнецъ з бораномъ ѡ̄бечѣ̄ племя.

Ипрѣла̄ богатъ водою а октябрь пивомъ.

Ихъ̄ ахъ̄ а посѣвита̄ нѣчемъ.

Иѣендронѣ̄ тимпанъ не замѣна̄.

Инна не манна̄ не укусӣ ея̄ стата̄.

45 Ӣ Илая̄ зглупала̄ что в' тирмӯ попалъ.

Ихъ̄ да рукою̄ махъ̄ и на томъ̄ рѣкӣ не перѣхѣ̄.

Ила̄ мою̄ корѣтѣ̄ конӣ забезай.

Ила̄ я̄ виновата̄ што̄ рубѣхъ̄ моя̄ диювата̄.

Иза̄ не вѣ̄ ѡ̄бѣихъ̄ гла̄ про себя̄ сама̄ виждѣ̄.

50 Иза̄ родима̄ся̄ колӣ свѣтѣ̄ зача̄ся̄.

Интипа̄ не липа̄ и содрѣвъ̄ лѣва̄ не покрѣся̄.

ИЗЪ БЫКОЛОУ ГАА^а КОТОРОУ МИ ПИТА ЗАЗИРАѢ.

ИИНА, НЕ ВСЯКОМУ, МАННА.

ИИ ЗАКЛЮЧЕНЪ РАЙ.

ИИ МѢЦА МАИ И ТЕПЛА ДА ГОЛОДЕНЪ.

55

ИГРИПИНѢ СВЕРЕНТЪ. ВЪ СПИНѢ.

ИРТЕМИЮ НЕ КАЖИ АКАДЕМИЮ.

ИПТЕКА ДО ПО^аВѢКА.

ИПТЕКАМЪ ПРЕДЪСЯ ДЕНГАМИ НЕ ЖАТСЯ.

ИЗЪ ПАЮ КВАСЪ А КАЛІ ВИЖЪ ПИБѢ НЕ ПРОДУ ЕВО МИ

60

МО

ИЛЪ ЛАЛЪ БѢЛЪ А^аМАЗЪ ЗЕЛЕНЪ ИЗУМУРЪ.

[л. 824 об.]

ИЛТЫНЪ ПРОКИБАЕТЪ И ТЫНЪ А ПО^аТИНА УБИ-
БАЕТЪ И МАРТЫНА.

ИДАМУ КАПАИТЪ ЯМУ А МЫ НЕ ХОТИМЪ А^аТУ

ДАЖЕ ГЛАДИ.

ИЛТЫНОМЪ ДА МАРТЫНОМЪ ХОЩА ВОРОТА ЗАПИРА.

И БО ТАКИ ТЕПЕРѢ И МѢСТО ЗНАТЪ.

65

ИГѢИ ПРОРОКЪ НЕ ВСЯКОМУ ПОРОКЪ.

ИЛЪЯ МОЯ СПИНА О^аСЕРИНА ВСЯКЪ ЕЯ КУЛАКО^а О^аКУШИ

БАЕТЪ.

ИНАНЪЯ ДА МАЛА^аЯ ОМА ДА КУМА И МѢСТА ЗАНЯЛИ.

ИОУ МИЛОЙ МО^а КАЗА ЛИШЕ ЛАПТИ ЛЕЖАТЪ.

ИРКАНЪ НЕ ТАРАКАНЪ ХОШЪ ЗУБОВЪ НѢТЪ А ШЕИ ТѢТЪ.

70

ИВГУСТА КАПУСТА А В МАРТѢ ОБЕГУТЪ.

ИЛЧНОВА БРЕМКУ ВЪЖИ ЕВО В^аБРЕВКУ.

ИХЪ СМЕРТЬ СЛОДѢЯ ХТО МОЖЕТЪ УБѢЖАТИ ТЯ.

ИХЪ СМЕРТЬ И ПОМЯНУ^а ТЕБЯ И^а ВЗДОХНУТЪ.

ИЗЪ БУКИ ВѢДИ СТРАШИ^а ЧТО МѢ ВѢДИ.

75

ИЛТЫ^а САМЪ ВОРОТА О^аПИРАЕТЪ И ПУ^а ОБИЩАЕТЪ.

ИЛТ^аНОМЪ БОИИ^а АЛТ^аНОМЪ ТО^аРГУИТЪ А БѢ А^аТ^аНА ГОРИУТЪ.

ИЛЪ ЦѢТЪ МИЛЪ ВО ВСЕ СѢТЪ.

ИДАМЪ ПРИВЫЧО^а К ВѢДАМЪ.

ИГАРЯНѢ ГЕВАЛЪ ТО ДАВЛѢ ВОСПѢВАЛЪ.

80

ИГАРА НЕ ГОГАРА И^аСТАРИ ОНА СЛАВНА.

Явася в Персидѣ крася.

Ялт' номз полтиня, а пот'тином рублина.

Ялт' нз в мош'нѣ а Март' нз в кашинѣ.

85 Янгеликовѣ водка' вину живѣ тиботка.

Явинное сукно окончина в окно.

Язвукѣ латинѣ не пиво в кратинѣ.

[л. 825 = 1.] Якиро' не контсѣ корона а на галки еста палки.

Ялтинз пропадетз и Мартинз упадетз.

90 Ялтинз сталз дорога и Мартинз бырб дологз.

Ягапитз свиней сидя бабѣ бежа к нему сами что мухи на мѣ.

Ялты' убогихз прѣцаетз а Марты' богатѣ смущаѣ.

Яченз в кухарнѣ жажденз в пивоварнѣ а нага вб в мытнѣ.

Я уже Бабилу' запрятали в магнау.

95 Яюины уже что абини.

Якидинз не одинз вретз в пи' и с кумом.

Я Арсеня у воскресеня а вражника у пра'ника.

Яртемида' страши Демидѣ а Кирило ет' и в рило.

Яртамонз ядя лимонѣ а мы молдци едй огурцы.

100 Явзентей не трусентей.

Ярсеня угя' для воскресеня.

Ягафонѣ угята для антифона.

Яршинз на сукно а кубшинз на вино.

Яршинз сукна' швецамз а куши' винца пѣвца'.

105 Ягафонника' нево'ника' что ему даду' то и во'метз.

Язовз былз слакенз Смоленскз страше' а Би'ня дѣна.

Явось пападетз что саецз в теняго.

Яртамонз са лимонз а Симз са тима' а 'ла' са кѣ'.

Ястраханз а'бузамѣ а мы гологузами.

110 Яргамакз и нимѣ да паб' на немз езлокз.

Яргамѣ до'рой к порѣ а меринокз к горѣ.

Язвукѣ учатз во всю н'бу кричатз.

Ярхангласко' горо' всему морю воротз.

Янгелокз согрѣшшихз не любѣ и Бгѣ.

115 Язвукѣ белнка' а трийцатз словз.

- Ировитское солоото обратилося солодомъ [л. 325 об.].
 Инісь да Тиманъ гу^{ба} да Гима^{ша} шлѣра^{да} да Мйроѣа^{да}
 Ибоса либо и такъ не переломѣ ли и самъ
 Испиднои перстена Лукѣ на рукѣ
 Иглинскіе Немцаѣ не корыстны люди да рѣся люты, 120
 Истраха^{да} далече а Гикира и дале того
 Ирхипъ с сто^чковъ шхрипъ,
 Имина Амина писмомъ не вели^{къ} да велики рѣчи замыкаѣ
 Илюавиту учатъ Никитѣ.
 Илюѣт^ъ ѹчится Марѣт^ъ, 125
 Илон малой зелѣной кафта^{да}
 Иса сударь косъ сударь здѣса сударь,
 Иѣонѣя дѣя ненѣя а Оаве^{ря} с по^мѣлѣя ломаѣ
 Инкудинъ любитъ одинъ а в путѣ сѣ пятъ
 Индрюхѣ не конся врюхѣ хотя і вспѣнѣ да не пѣнѣ 130
 Ище аще что медѣ. слаще
 Инанѣя съ ящикѣ а женѣ ево с кашиникѣ
 Инанія с Аздріемъ не стыдятся печ^ю.
 Илтынъ серебрѣ не ломит ли ребрѣ., 135
 Иѣонъ горѣ. познать комѣ. в порѣ.
 Антипа не липѣ а кожей платитъ
 Идъ что насѣ. много в себя повираетъ
 Илтыномъ Мартынѣ ни сапогъ по^ши^и ни скова по^би^и
 Изъ не вьзъ и содравъ лыко не ^плести лаптем
 Ивеля Каинъ на поле маниаъ 140
 Исаѣтъ смекааъ боранѣ ходя игралъ в о^рганѣ
 Инанія крѣливъ а Оаѣи^{ра} лжива,
 Идамъ прелестилъся что з горѣ скотилъся
 Иманасъ в спину кулакъ, [л. 326 = с].
 Ивируну чортъ далъ оборонѣ соку да корону 145
 Игѣи пшаницу вѣи ѣ Упатѣ широка лопата
 Идъ безо днѣ вѣкъ е^о концѣ
 Ихабъ рукою замахааъ,
 И дѣшъ чюжовѣ потеряешъ свое
 Иѣонѣю не можется къ ненѣю 150

*

К

[л. 826 об.]. Бѣга еста блѣга.

Бѣга любитѣ смиренне,
Богатѣ богѣ милостѣю,
Бѣга свое содѣваетѣ.

165 Бѣгрѣшна чѣвка на скѣте нѣста
Богатымѣ сласто нищѣ ради
Бѣсѣды злы растѣваютѣ ўмы.
Богатѣ мыслитѣ о златѣ а убогѣ о олатѣ
Брадом чѣенѣ старѣ а рѣзумомѣ хвалѣ мѣ.

160 Бѣга за товаромѣ а купецѣ за накладомѣ
Богатѣ ждетѣ пакости а убогѣ радости
Бѣной времени не ищетѣ
Бѣдиному кусѣ са ломтѣ мѣсто.
Безуменѣ с учонымѣ не пируетѣ,

165 Безуменѣ ўчения не любитѣ,
Богатѣ ищетѣ мѣста а убогѣ смѣри тѣста
Бѣмѣ Ова бѣла и слава,
Бѣра братѣ головѣ в уплатѣ.
Бѣрашно добрѣ имѣтѣ по пашнѣ.

170 Бѣная женѣ мужѣ. убогая сестра братѣ.
Бѣденѣ вѣсѣ бѣга ў него нѣста
Бѣбабѣ и промыслѣ что неправѣ помыслѣ
Бѣ чѣдѣ рѣкомѣ да хрѣномѣ да кнѣгомѣ бѣрѣмомѣ
Бѣдѣ терпѣтѣ каменнѣ сѣце имѣтѣ

175 Бранѣ на воротѣ не виснѣ
Браннѣ слово на гнѣвѣ приводитѣ
Бранѣ правды не любитѣ
Браннѣ правѣ не бытѣ,

[л. 827 = 3]. Браняса оставѣ слово к миру

180 Бѣнѣ бѣга а смѣртѣ ў порогѣ

- Болному злата кровать не поможетъ.
 Басни соловья не кормятъ.
 Булатъ желѣзо и киселя не режетъ.
 Богата теоритъ какъ хочетъ а убогъ кѣ можѣ.
 Бѣдная Фѣдѣя наобѣлася калѣя. 185
 Баба скачетъ садомъ передѣ все то изобѣдѣ своѣ чередомъ.
 Баби города не стоятъ.
 Бѣси то вѣдятъ что бабы вѣдятъ.
 Бѣгу жала куря дата а чортъ во мѣ и коранѣ.
 Бочка стонетъ козя пантъ. 190
 Бѣдность и мураго смиряетъ.
 Бѣе уса борода бѣ ума голова.
 Бборода колу не самѣна.
 Баба с кашкою а дѣдъ с лошкомъ.
 Баба вѣдитъ а чортъ ей вѣритъ. 195
 Баба гнѣвъ держитъ на чортъ а чортъ то ѣ не вѣдаѣ.
 Бѣ денегъ вода пить.
 Бѣ денегъ в города самъ себѣ корогъ.
 Были тѣ рога в чортъ.
 Брѣ мѣи ѣ ума у него своѣ. 200
 Богъ далъ путъ а чортъ кинутъ крикъ.
 Былаз коня да халъ.
 Былаз то перстена у на на рѣкѣ.
 Будетъ порѣ не удетъ дѣдъ.
 Благословляи на вѣко в чужо лѣсъ Полеска. 205
 Благословляз бѣзъ дѣтокъ до чужѣи кѣтокъ.
 Болно хлопъ раненъ и главы не нашай. [л. 827 об.].
 Бракъ честенъ и ложе. не скверно.
 Береги вѣлаю дѣгу на чорной днѣ.
 Бытъ было ненастан да дожда помѣша. 210
 Бытъ было бедѣ да дѣги по вѣрѣ.
 Богатому не хвалятъ а о полу силою живетъ.
 Борода что воротъ а умъ с малон приклитѣ.
 Бѣды ходятъ по людемъ а не по лѣсъ.

215 Богатый повиваетъ а счасли пѣбираетъ.

Броди что зу' по болоту.

Браги многи а руки одинокиѣ.

Бе° клинѣя каѣта° бе° рукавѣ епа°чѣ.

Беда кунѣ радитѣ.

220 Бе° меня хотѣ трава не рости.

Бе° мѣри мла°нца не утѣши° бе° мѣтра азими не уложи°.

Быка° о° ко°комѣ да ла°лива° и мышкѣ.

Без ума° то°говѣ лише дѣги терятѣ.

Бе° при°чи вѣку не м°житѣ.

225 Богатѣ шолѣ в пи° а убогѣ вралѣ в мирѣ.

Были кѣ костѣ а°костѣ° мясо будетѣ.

Бы° в той школѣ у° не о°манешѣ.

Бумага° не купленѣя а писмо домашноѣ.

Богѣ здастѣ и свинѣя сѣстѣ.

230 Бе° року смертѣ не будетѣ.

Борѣя любитѣ похва°бѣ.

Бдливой коровѣ бога° рогѣ не дастѣ.

Было добро да давно а будетѣ добро да до°го ждѣ.

Бячися с коровою не молоко.

[л. 828 = ѱ]. Брюждитѣ что муха в щели.

236 Блинѣ добро не одинѣ.

Бес копустѣ щти не густѣ.

Бе° обѣда не краснѣ бесѣдѣ.

Бяичи по молоко не посылаютѣ.

240 Бѣто на каторгѣ бягостилѣся.

Бяитѣ бяка° да свинѣю не все то про Ози°ю.

Бяитѣ богату бята и рогатѣ.

Бѣлаз лицомѣ да ху° бѣцомѣ.

Бражка° баритѣ глазка° куритѣ.

245 Борисѣ не дирисѣ, а дрѣсѣ будешѣ запирадѣся.

Бредѣ Тѣяна° добрѣ° не пляндѣ.

... Били Фому° про куму° а Трошку° про кошкѣ.

Бѣаки° лобитѣ ношки° бѣитѣ.

- Бѣдной в мужѣ что жабѣ в лужѣ.
 Бѣдному вѣдѣ бѣдно. 250
 Бобы не грибаѣ не пощѣва не зондѣ.
 Бѣи челѣ Фомѣ а было кѣи в сумѣ.
 Бита не битова на рука носита.
 Боленз зубз у себя во ртѣ.
 Богатз силенз что левз. 255
 Бѣденз часто ся ѡзираетз хотя и не ево канчиѣ.
 Богата хотѣ дуракѣ всякѣ почитаѣ.
 Боны ранаѣ на свои плечахѣ.
 Богату хотѣ глупу всякѣ дѣетз мѣсто.
 Бредѣтз Катерина к себѣ на перинѣ. 260
 Богатз да лстивз глупѣ того незя бытз.
 Боясь воковз бытз вѣ гриковз.
 — Боятся коровз не держати коровз. [л. 828 об.].
 Болна жена мужу во всякуи нѣжи.
 Бита борана сѣдѣя бояря ѹбѣи кола не ѡраѣся зла. 265
 Бежитз волчокз на супрятку.
 Бытз тому коню. ѹжжо. ѡрану.
 Бежитз овца. с поля своей ѣи боля.
 Брѣдитз то што сѣрон котз.
 Болото и вродилаз ѡ рабѣи не иловиназ. 270
 Было ремесло да хмелема зарасло.
 Буда здоровз со вѣхз четыре стороѣ.
 Баламутз ливитз кнутз.
 Бортникз горекз да медз ево сладокз.
 Беседа без хлѣва ни пригожа ни угожа. 275
 Бовз в полѣ сѣютз на бѣа ся надѣютз.
 — Брови пригожи а дровни угѣжи.
 Борода кажетз мужѣ а жоку ея нѣжа.
 Безеда не угрозѣ гдѣ она стои тѣи шумиѣ.
 Бритва ѡстра. да мечю не сестра. 280
 Бѣитз не перцу ѡунтз а живетз горекз.
 Бѣз судѣи виноватова хто обвинѣи бородачова.

- Баякѣ с моговиалы а внукѣ з белилѣи.
 Богатѣ шепчетѣ с кумою а убогѣ с сумою.
 285 Богатѣ сидитѣ в пирѣ а убогѣ кродитѣ в мирѣ.
 Была тѣ в скитѣ что Нона в китѣ.
 Бѣ что вѣлаю дана платитѣ.
 Блииз не клииз брѣхѣ не росколѣтѣ.
 Барышѣ накладѣ болшо. вратѣ.
 290 Бѣлыѣ ручки чюжнѣ трудѣи любѣтѣ.
 [л. 329]. Бога томѣ и вѣидѣ что чѣмѣ ково обидитѣ.
 Богатѣ что елѣ рогатѣи в тѣсныѣ вратѣ не про'дѣ.
 Болѣи дѣ о ба'кѣ а ба'ка о внѣкѣ а внукѣ о сучкѣ.
 Бонся смѣтѣи не утѣоцили бѣи чертѣи.
 295 Блазѣнѣ да вѣзѣнѣ рознѣи ѣмѣи одѣи тачѣи а 'ругѣи плачѣи.
 Бѣи было битѣ да сѣчѣи кнутѣи не плакѣи о томѣ.
 Болшой в' домѣ. что ханѣ в Крымѣ.
 Барашкѣи Малашкѣи а двѣ сумѣи ѣи Фомѣи.
 Бѣи попѣи в у'дѣи имѣи емѣи и тѣстѣи.
 300 Браниѣ женѣи мужѣи а бѣи ево не нужѣи.
 Была какѣ вѣсѣ потѣкѣ какѣ песѣ.
 Болшомуѣ чортѣ. болшая и ямѣ.
 Бомтѣсѣи вѣсѣ крѣтѣи а скинѣи песѣи.
 Билѣ дѣдѣи жавѣи грозѣсѣи на вѣбѣи.
 305 Барашкѣи ѣбитѣи не душѣи погубѣитѣи.
 Бѣсѣи что знѣитѣи на ково песѣи летѣи.
 Бродѣи шѣтѣи чортѣи по колѣтѣи.
 Бѣсѣи ѣчитѣи что женѣи вор'читѣи.
 Бѣзвѣкомѣ. брѣхѣи и зувѣтомуѣ не грѣхѣи.
 310 Битѣи Фомѣи прогнѣбитѣи комуѣ.
 Будуѣи рогатѣи будуѣи рогатѣи кѣи захочѣи того и'бодѣи.
 Бѣшенѣи мужѣи. и морѣи са лужѣи.
 Безднѣи безднѣи призывѣитѣи.
 Бѣлѣи гдѣсѣи а сталѣи здѣсѣи.
 315 Бокрѣи похвалѣнѣи. да вѣсаи ѣпалѣнѣи.
 Благѣи блажѣи благоѣи благомуѣ.

- Богá конся а црѣя почитай. [л. 329 об.].
- Бє° по'водѹ тата не крадетъ.
- Бє°хмелноѣ пїѣ дубинноѣ витлѣ.
- Богъ вѣста что намаъ вѣста. 320
- Болезненнѹ сердцу горко и бє° пер'цу.
- База° амента Назара.
- Бѣга не красена да °дорово.
- Бѣжã и° хвѣтъ по'жã а стоя и° меча по'нята.
- Бои красена мужѣтѣб а приятеля дружествомъ. 325
- Блã на пãкѣ, не тужї о укакѣ.
- Блã блãчкѹ на беревоцкѣ.
- Блã на Дїомѹ ро'грому.
- Богãство добаста и врдãство забавта.
- Была рѣча у Фѣдосаї в переголослѣ. 330
- Бє° гла° рожã не пригожã.
- Баба дурруетъ ã дѣдѹ грѣхї.
- Бродитъ Саламаха и бє° рукахї.
- Береженлѣ лѹчѣ короженля.
- Братъ рѣной да маткї не ѡной. 335
- Банди бже рогошкѣ. а в шѣвѣ к'ши.
- Богатство дметъ ã нищета в'двоѣ гнѣтъ.
- Богѹ молися а сама не плашися.
- Без умã чор'говата лише дїги черятъ.
- Бѣга дала пута а дявола крѣкъ. 340
- Безумному в' шендѣ не дованя.
- Бере'ликова коня и зѣра в полѣ не влетъ.
- Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ. [л. 330].
- Была со вѣмъ да стала ни с чѣмъ.
- Богъ дала родню а дявола враждѣ. 345
- Браню праву не вавта.
- Бранитъ себя тешитъ.
- Бєися не конся бє° рѣкѹ смєр'ти не будетъ.
- Битъ довро а не вї и лѹчѣ тово.
- Битому. коню лише лозѣ кажї. 350

Бѣса вѣса и хѣлаитъ.

Блюди бже обина а тепанна велика.

Буданъ две денги данъ.

Брюхо что худой другъ добра не помнитъ.

355 Брюхо что неправѣной судья и мо^{ча} проситъ.

Барашка в бумашкѣ.

Богъ колена да жена колаи болю взяла.

Бита шуба будетъ тепла а учи^и жена будѣ мила.

Бы^а бы хлѣбъ а у хлѣба люди будѣтъ.

360 Браги частыѣ а рѣки одинакиѣ.

Бу^а привѣтливъ а не ву^и и^{вѣ}тливъ.

Бе^а имении овецъ боранъ.

Бе^а снасти и вши не убитъ.

Ба^а ка ма^а кѣ. земля взяла а на^а дѣтка^а своя боля.

365 Брюхо заболѣла чужова захотѣла.

Бедъ не дѣла игра^а не умѣетъ а покину^т не смѣтъ.

Бакъ борожилъ да и головою налсжилъ.

Бзды Бзды приѣхъ^а перепедъ^а прикезъ.

[л. 380 об.]. Бы^а было дворянинъ да чортъ его переменилъ.

370 Бытъ было бедѣ да денги по бедѣ.

⊖   В   ⊖

[л. 381]. Великому королю велико и плавиниѣ.

Всякоѣ время перехѣчико.

Всяка вина виновата.

Всякъ члѣкъ ло^а а ма^а тожъ.

375 Всякая болѣзнь идетъ къ сѣцѣ.

Вѣра въ дѣла мѣртвѣ еста.

Вино бесели^т сѣцѣ члѣкѣ.

- Встанешъ рабомъ сядешъ госпожою.
 Вода' пута наидетъ.
 Вешне' пѣта не дорога а пѣяноба рѣча не вѣседа. 380
 В в другѣ стрелѣ что во пни.
 Времѣ краситъ а вѣ времяѣ сушитъ.
 Ворона граетъ а сокола играетъ.
 Ваяя вино наклоннѣся а пнѣ ево пабалнѣся.
 Всякому' лихо ка' лѣто не тихѣ. 385
 Въязъ чорта в' домъ не выентъ ево леома.
 Въязъ ѹ чорта рогожи ѣдатъ будѣ и кожѣ.
 Воровей по' кровамъ а сока на лобамъ.
 В гости на ногѣ. а и' гостѣи на дровняхъ.
 В полѣ копилки а в' домѣ опилки. 390
 Велика смѣха не малъ и грѣха.
 Волному воля ходячему пута.
 Вѣкъ пѣрежитъ не поля перентитъ.
 Волно хрѣтъ ^{хоро} доспѣтъ.
 Во много глѣганнѣ нѣстѣ спсѣния. 395
 Вавилонская печь во всѣ родѣ вещи.
 Водомъ плобучѣ что со бодомъ живучѣ. [х. 381 об.].
 Вешней парѣ поѣдчи да з двора.
 Ворона не оборона а сорока не вѣ порока.
 Въязъ жену' вризгаву утира' что во' грибѣ. 400
 Волна' баба' в языкѣ что чортъ в своѣ музыкѣ.
 Вешне' лѣ о'манчивъ а новой другъ не надеженъ.
 Воръ воруетъ ми' горнѣ во' попа' а ми' пропала.
 В чюжихъ рука' ломота ширѣ.
 Воронъ ворону глаза не выкаинетъ. 405
 В одномъ деревѣ икона и лопатѣ.
 Вышѣ мѣра' и конѣ не скочетъ.
 Ввали'ся что мышѣ в коробѣ.
 Всугона гостѣ не упѣчиватъ.
 Всякое дѣло мастера' конитъ. 410
 Взятъ лычкѣ ѣдатъ ремѣшникъ.

- Всякая погубка за хлѣбомъ добро.
 Выменя кукушку на ястряпца.
 Вопрь что^ю коса швецъ сопогова нѣтъ.
 415 Волосы до^{ги} да умъ коротокъ.
 В осень и в короя пиво.
 В чужю дѣкъ. не наигра^{ся}.
 Взясся за гу^ю не говори что не дужа.
 В своемъ добръ да боли нѣтъ.
 420 Волно чортъ в своемъ волоте брадѣ.
 Всякой смешокъ ш себя ся шикнотъ.
 Вдовѣ ти вѣды те^{пѣ}ти.
 [л. 382]. Вино пить горко а и сѣдѣтъ ево не ^тла^{ко}.
 В ч^южомъ пирѣ да похмелѣ.
 425 Волку зимѣ за обичай.
 В водѣ глядитъ а беду говоритъ.
 Воленъ вога да жена колѣ волю взяла.
 Воронъ воронъ да сорокъ сорокъ во^ю ко^ю а му^ю мѣ^ю.
 Всякъ потужитъ а ни^{то} пособѣ ^юможетъ.
 430 В горе житѣ некручинну бытъ.
 Рыше леа^ю уши не ростутъ.
 Волка лобятъ не го^юкомъ улобкомъ.
 В до^ю да и^юбѣ. не крои^ю а в бедро и сама не каплетъ.
 В чомъ гости коля в томъ ему. и честа.
 435 Въ чомъ грѣхъ в томъ и спасенѣ.
 — Вѣкъ житѣ а вѣкъ учитца.
 Всякая неправда грѣхъ еста.
 Варилъ попъ пиво не велико то диво.
 В чомъ дѣду стыдъ в томъ бабѣ смѣхъ.
 440 Воронъ граетъ вѣсти что нѣчево вѣсти.
 Великъ мѣстомъ а говоритъ нѣ с кимъ.
 Колки бы слыти а обцаи бы цѣлаи.
 Вѣренъ рабъ господинъ тому, радъ.
 Веселнѣ не вѣчно и печалноѣ конечно.
 445 Види сабака в к^юшинѣ малако да не достанѣ что гаубоко.

- Вѣтра вѣтъ а дорожной ѣдетъ.
 Вѣрнѹ дръгѹ нѣста нѣмѣны.
 Видя сава мышкѣ слѣтѣла съ мышкѣ.
 Воня чортъ рѣком да побрался с' ѳѣком. [л. 882 об.].
 Видя мышкѣ кошку забыла и лошкѣ. 450
 Вороха слатѣ не у насѣ у брата.
 Встречантъ гостѣ по плаю а провожанѣ по умѣ.
 Выше слѣнца соколѣ не лѣтаетъ.
 Всякая дешевизна перѣ дороготнем.
 Видяла бока зиму а чернеца схимѣ. 455
 В очи лѣтаетъ а за очи ажнетъ.
 Водися с кумом волочися с сумом.
 Водом плаѣ осторожливѹ быта а морѣ з горѣ.
 Вота плаѣ дого а Дунаи широко.
 Вечеръ бо ворися плача а заутра радаста. 460
 Вешне' пира штямя изда[ро]бляю.
 Видя бока козу забываетъ грозѣ.
 Висѣ бѣ чинка десятая годинка.
 В[ас]ка каска св[инн]я гла[кн].
 Вѣникѣ в мыѣне вѣмѣз господинѣ. 465
 В отпертѣи двери лѣзѣ звѣри.
 Высоко бгѣ далеко црѣ.
 Велика мужѣ. садела жена умерла.
 Брада бабѣ с мешкомѣ что не ходитѣ о' пѣкѣ.
 Барла ломѣ паполѣ а Денѣ со всякѣ делиса. 470
 Бахромѣи разумѣи ково влю ково жалуютѣ.
 В лѣтнике босѣ по поясана нага.
 Волосѣ бѣ головы а усѣ бѣ бороды.
 Винокатом платитѣ а не богатом.
 Всяком гриѣ подымантѣ а не всяко в луко ко кладѣ. [л. 888].
 Бошѣ что саемной грошѣ спѣ дого не дастѣ. 476
 Винока вѣкѣ а платежу нѣтѣ.
 Вѣра бородѣ а порука в водѣ.
 В копна нѣ сено а в догаха не дѣги.

- 480 **В** счетѣ правда не теряется.
Всякого животѣ смѣрта ѡкажетъ.
Всякое брашно гортана расудитъ.
Вслѣдъ гостя не упѣчивага.
Всякои иѣбираетъ друга по своему нравѣ.
- 485 **Всякой** чѣккъ у дѣла поновается.
Во всякомъ мѣрце доковно простоты.
Всякои молодецъ. на свой образецъ.
Всякъ спляшетъ да не какъ скомоорохъ.
Всякая жаба себя хвалитъ.
- 490 **Всякъ** доврѣ да не да всякаго.
Всякая погѣка са хлѣвомъ довро.
Воздуха словами не наполнига.
Выпаниуеъ санни не поняга.
Всякъ бремѣи по себѣ разумѣи.
- 495 **Вомчи** вѣса еста а вимчи нѣга.
Всякому свои сопан солонны.
Видумова слово говори.
В чужие санн не садиса.
Всякая птица своимъ носомъ смѣга.
- 500 **В** чернѣ говорилъ мошно. и похѣритъ.
 [х. 333 об.]. **В** стрелцы ставка добра да лиха выставка.
В боярско' двор воротѣ широкий да двора ѣски.
Всякое дѣло до искуса.
Вѣдомон рокъ что ножемъ в бокъ.
- 505 **Во** гробъ ничеко не положатъ.
В живомъ волѣ корысти.
Всамиръ неправдоу живѣ а ма о'нѣма не тресну' ста.
Время гонн а другоѣ вѣжитъ.
Всякой вещи время.
- 510 **Всякое** дѣло мѣра краситъ.
Всего свѣта не захватитъ.
Взаниховался не перѣ добромъ.
Все говоритъ себѣ норочитъ.

- Вѣдай что колшнѣ у ково борода поширѣ.
 Всего бѣзъ члѣвкз зна не да а всего не зняла. 515
 В чужью часта не корогушем впаста.
 Вѣкз мелетз а посыпѣ не умѣетз.
 В мирз поити и тѣстомз взята.
 Всякоѣ дѣло мастера войся.
 В людехз Ананя а дома и не наидутз. 520
 В людѣ тщи okazaся а дома и не сказася.
 Всего много а все в людехз.
 Всякому досталось по Якову.
 Выпили пиво ѿ маленіце а по мѣѣ ломало побѣ радуніцы.
 Вино мутно а дша нутко. 525
 Во ка винья тибтка.
 Борз чеко не крадетз. [л. 384].
 Борз не всегда крадетз а се да нко берегуся.
 Борз не тун краде гдѣ много тун краде гдѣ плохо.
 Бо что заецз и стѣни скоен вонитя. 530
 В борѣ что в морѣ а в дуракѣ что в преснѣ молокѣ.
 Вору коровскал.
 Биноватз мѣвѣ что корову сзѣлаз а не жака і корова что
 за поля ходила.
 В бухандѣ не слышатз и буханя.
 Вытягалз два вырва в шем да мѣхз кулакѣ. 535
 Быколо гла да пен мон квасз.
 В честз вино павтз а не в честз лавтз.
 Все добро за хлѣбомз.
 Быша лба очи не растутз.
 Во всемз доля а ни в чемз боля. 540
 В полѣ сожантсз родомз не считаютсз.
 Во что мѣтилз в то и попалз.
 В полѣ боля.
 Болантѣ тогу нѣтз.
 В низз вода несетз а в верхз кабала везетз. 545
 Великз да тонокз что поминно полотз.

В бани на ногахъ а и° бани на дровняхъ.

Все добрѣ а нѣтъ на толочно.

Все то кра̃ныя дѣцѣ изо̃ нѣ а добрыя мола̃цѣ і̃нося̃.

550 В друге стурѣла̃ что бо пни̃.

Вина голубу клонитъ.

Временащики родомъ велики̃. да не договѣки̃.

[л. 334 об.]. В дубе галица̃ а в гу̃нѣ яница̃.

Воровѣ сидитъ на тынѣ надѣѣся на крылѣ.

555 Всякое коренае̃. приман зъ блгодарендемъ.

[л. 335]. Гдѣ гордымъ противитъ смирен̃нѣ же даѣ блгодѣ̃.

Гнѣбаитесь и не согрѣшанте̃.

Гдѣ зако̃ тамъ и страхъ.

Горбатаго грѣб исправляетъ.

560 Гнило. слово. Ш гнила. ср̃ца.

Голоденъ преходитъ грады а на̃ ни двора̃.

Гдѣ на̃ нѣтъ та̃ по̃ бѣ милостыни дають.

Грѣхъ сла̃ко, а чѣвкъ па̃ко.

Глупова и в о̃таре влитъ.

565 Глазы пива̃ не выпитъ.

Глазы видитъ да зукъ не имѣтъ.

Голосомъ пѣтъ а конемъ боекова̃.

Гдѣ пико тамъ и днѣо.

Горко что бѣда̃ а мило что жена̃.

570 Гостя вѣстидна̃ пикомъ не выгна̃.

Гостя гости̃ а пошолъ прости.

Гдѣ были̃ родинѣ тамъ вуду̃ и кетинѣ.

Гдѣ ково покрали а к намъ съ выемкою.

[л. 886]. Горѣ бытъ гаупымъ слытъ.

Гдѣ дѣдъ ни берѣ токо бабу кормѣ.

610 Георгей с мостомъ а Николай з геодеимъ.

Гдѣ вода была тутъ она и будетъ.

Гдѣ коня тамъ и седло.

Грядѣ чернецъ в мнѣстра вложѣ кошель на коты.

— Гуси летятъ с Русѣ а сарокѣ в Запороги.

615 Грядѣ Макаръ к вечернѣ ѿ саба на кабакъ.

Грозѣ батогѣ а грьѣ кўлаки.

Грѣся Мажимъ кругъ осинъ.

Гдѣ былъ садъ тѣ сталъ а. а гдѣ море тамъ горѣ.

Гнусно голуба с мало а свинья стара.

620 Галка крѣка да пака коротка.

Гўслѣ збонки да струнѣ тонки.

Гла чорной вгля доброй бѣличѣ колковъ.

Грибъ растетъ в лѣсу вари ево в квасу.

Гробъ видѣ вздахантъ [а смертноу чѣ воспоминаѣ].

625 Гонитъ чорта курицу да в не тѣ улицѣ.

Гуля мла в низ по Богѣ да набрелъ смерта кал не догѣ.

Гонецъ и Крыму что таракѣ и дымѣ.

Горцавалъ панъ да с коня спалъ.

Говоритъ правда потерятъ дѣрка.

630 Господѣ помилуй да и нѣшто подаѣ.

Грибы расту в дѣвне а в горо и знаѣтъ.

Горта глабу родитѣ глаза же гортанѣ кормителя.

Горѣ полегантъ а долѣ востантъ.

[л. 886 об.]. Горекъ ѡвѣдъ бѣ хѣба.

— 635 Глѣбъ з Борисомъ а хѣбъ ѣ ни с анисомъ.

Гортанѣ приемлетъ всего лѣта тру.

Говоритъ не ѣдѣ. а спѣши к ѡвѣдѣ.

Говорилъ дѣна до вечера а слушатъ нѣчево.

Говоритъ было да разума не стало.

640 Говорѣ да не проговариванся.

Говоря всего договоришся.

Глупои говоритъ а на глѣ а умно' берѣ на ума.

Грамотѣ гора'дъ не умѣетъ ли пропасть.

Грѣшное тѣло и ѡшу сдѣло.

Громъ не грянетъ и мужикъ не ѡрогнѣ.

645

Глупова долю наперѣ ѣдятъ.

Гдѣ двое стоятъ тѣ трѣму дѣла нѣтъ.

Гдѣ тому конецъ какъ у старова оца.

Гдѣ плохо лѣжитъ тѣ брюхо болитъ.

[Грѣѣ въ сладостію видѣе. горестію же изидетъ.]

650

Два о'номъ ратъ.

[л. 397].

Два конитъ а одинъ горитъ.

Два братъ на мѣвѣдѣ а два свояка на кисѣ.

Два сна да самъ в силѣ.

Докро боро'дѣ к загонѣ.

655

Два Демида ѡ оба не видятъ.

Два лукѣ а оба тугѣ.

Далеко кбликѣ. до Петрова дни.

Дво'ды ѡ богъ не мучитъ.

Добрая метла в мѣсто метѣ а худая ро'нѣ.

660

Дѣнчая красотѣ до мужесткѣ.

Двичей стѣ до порогу какъ переступила тѣ ѡ забы

ла.

Давно что пропало что с воза упало.

Дѣлокцѣ по'чина а нарядчикѣ рвела.

Денга ру'ля стережетъ.

665

Дураковъ ни сѣитъ ни жнѣ сами родятъся.

Доброму всѣдѣ добро.

Дядя бѣлой гороухъ.

Для дѣраковъ за морѣ [не] ѣздятъ.

670 Дворно а не протсрно.

Для ште' люди женяся а ля мясѣ за мѣ ходятъ.

Другу хвали чужѣ сторонѣ а самъ въ неѣ ни по ногѣ.

Добра жиботъ впрягатъ а о^н лягатъ.

Дорого да мило а дешево да гнило.

675 Дорого яйчко к' белнкѣ. дѣн.

[л. 387 об.]. Дѣракъ времени не ѣдетъ.

Дѣрака слушатъ пирога не кушатъ.

Дѣвка плачотъ а бѣлка скачотъ.

Другу паетъ братинѣ. а обе в спинѣ.

680 Добра дѣтинкѣ да лиха хмелинкѣ.

Дѣвочкѣ смотритъ не камочку купитъ.

Даетъ богъ утро и деня дастъ богъ и пицѣ.

Дѣмѣ не рюматъ помышляѣ промышляѣ.

Дѣмаетъ Клима тесатъ хочетъ клинѣ.

685 Дѣтки в чужие клѣтки а бѣки за тѣ догаки.

Дѣня добра да слава (про неѣ) худѣ.

Достоннѣ дѣлатель мзды своей.

Даромъ и чирей не сядетъ.

Дѣма дѣму дѣмаетъ.

690 Доженѣ чернецъ бѣга молитъ.

Добро доброе слушатъ.

Дула было в тѣ дѣткѣ. да не пицитъ.

Домъ добра да господинъ в немъ худѣ.

Докромѣ гости добрая и ествѣ,

695 Доброе зло погѣляѣ а злаго добра приучаѣтъ.

Домъ пахнетъ дымомъ а гробъ ладанѣ.

Дѣракъ любитъ бранитъ.

Деревѣ ронятъ тудѣ кудѣ оно нагнулось.

Дастъ небо до^нда земля и рожѣ.

700 Дать есудѣ на бѣкѣ бѣстудѣ а не дѣ^н то^нко на часѣ.

Денги во снѣ печаль а на яке стра^н татъ.

- Довро довро а ноги кривы. [л. 338].
- Друга ссужаѣтъ себѣ досажатъ.
- Духтема торговата теухтѣ ѿ коня.
- Довивался что городъ а иъыкаѣ что корога. 705
- Дураковъ не сѣитъ а умныѣ не вѣю ѿ са^х онѣ обявляюся.
- Данило с матавило а ума ни с шило.
- Динака еда да денга худа.
- Дѣла не дѣлаѣтъ а дѣла не вѣгаѣтъ. 710
- Дасадя дубгъ. каются будѣтъ.
- Досадя другъ со стыдомъ поклоняся.
- Дѣницѣ красы до косы а у моло ца и до ко^цца.
- Добрыѣ жены ткаѣ а мы навинъ исчатъ.
- Данила земля придовила.
- Дунка не послѣднѣя дурка. 715
- Дворяни^н на конѣ а смѣ^рта на копнѣ.
- Дѣѣ шувѣ тепло дѣѣ хозяйки довро.
- Довроѣ мо^ччаніѣ ѿ чомъ не ѿвѣтъ.
- Духъ ко^ръзъ плота немоцила.
- Другъ вѣренъ в напастехъ по^навлаѣся. 720
- Дубгъ вѣрнъ. нѣста измѣны.
- Дубголенеъ не обогатитъ
- Другъ ластика корысти желателъ.
- День ѿто дни. а к смѣ^рти ближѣ.
- Дѣѣ головнѣ курятъ а ѿна николи. 725
- Дво^р довро с ушамы, а храмина с очамы.
- Дѣѣушке заму^ѣ. хочѣтъ плакатъ.
- Для умновъ печатъ а ^лля глуповъ замокъ. [л. 338 об.].
- Дней у бога многа а вѣѣ впереди.
- Домомъ жига потъжигъ. 730
- Домъ господской а ро^вбо^в сиротской.
- Долога у коровы языкъ да говори не умѣѣ.
- Дѣдовскіѣ свѣчки лучинка с пѣчки.
- Друга другъ. теремъ ставитъ а нѣ рѣ нѣ ругу гро^б тешѣ.
- Для того ку^нецъ клеци куѣтъ чтобы рѣ не жгло. 735

- Дшѣ мнѣѣ какша.
 Дарабому каню в зубы не смотрѣ.
 Дѣтки за щепки а мѣки за дѣтки а бѣки за мѣки.
 Да стонъ глупыѣ утѣшатъ а мурѣѣ искушатъ.
 740 Доврота нѣсная слава зѣѣдная.
 Двѣна рекѣ белѣи широка.
 Доробу Нѣкаѣ и людемъ и нѣ а худо Нѣкаѣ ни людяѣ ни намъ.
 Дороже кожухѣ кошвы стали.
 Довро того вѣта что плачотъ.
 745 Двракъ стыдѣ не ѣдетъ.
 Дѣтки поспѣли бѣка вѣ вѣку доспѣли.
 Далѣ в лѣсѣ болше дробѣ.
 Денешка лѣмѣтъ цотъ.
 Добраѣ жорновѣ все мѣлѣтъ.
 750 Денегъ нѣтъ на полати прѣтъ.
 Дѣло не малинѣ и в зиму не ѡпадетъ.
 Досталъ Шокаѣ до рѣли игратъ ему в скирѣли.
 Доръ кокъ до ѡвецъ да пасти ему не дадѣтъ.
 [н. 389]. Дошоѣ чотъѣ вродѣ кинуѣся в воду.
 755 Дорон госта догонѣ хвостъ.
 Дѣдъ ростянулѣя вѣбу скорѣило.
 Дошоѣ тата в цѣла вѣдѣѣ ево на рѣла.
 Дѣкушка плачѣ за мужъ хочѣтъ.
 Дѣка дитѣкѣ умѣ придаетъ.
 760 Двон дѣти вѣди ѡнѣмъ досадитъ.
 Дубинка да спинка повраталися.
 Другъ вѣренъ во всемъ и мѣрянъ.
 Даетъ бога с нѣва доволно хлѣба.
 Данила в ровѣ ѡбоялися лѣвѣ.
 765 Дооготѣрпѣниѣ приноситъ вѣгословениѣ.
 Дешекѣ. товарѣ. дешекѣ и ценѣ.
 Достанѣся сестрамъ по сергамъ.
 Дого спатъ дога наспатъ.
 Дерево нѣмо а вѣжистѣв ѣчитъ.

- Докромѹ дая добра а худомѹ дая худѹ. 770
 Добро хѹда переобжетъ.
 Добро вѣдѣтъ свои глѹзы.
 Добро тогда бѹдетъ добро когда люди поѣкалѹт.
 Добро на другѹ колѹчъ купи не удѹтсѹ и сѣтсѹ.
 Дитѹ не плачетъ а мѹ не разѹмѣетъ. 775
 До слова крѣписѹ а моѹва слово деръжисѹ.
 Домашней грибнѹ лѹче оѣѣжеба рѹбѹя.
 Добилсѹ слѹкого молѹя солодѹ.
 Далѹ в лѣсѹ болше дровѹ. 779
 Далѹ в спорѹ болше словѹ. [л. 339 об.]
 Добра не смыслиши и ты хѹда не гокори.
 Досталосѹ всякому по Якову.
 Добро тому жиѹ ково мать борожитъ.
 Добро тому пита кто можѹ хмеѣ въ себѣ скрѹти.
 Денгѹ слѹнна а вѣ неѣ сѹхѹма. 785
 Дешевѹ рыбѹ дешѹва и ѹхѹ.
 Дешевѹ рыбѹ на чѹжемѹ. блюдѣ.
 Дали ногому рѹбашкѹ инѹ толста.
 Два боеводи на оно' поѹво. 790
 Двое оново не ждѹтъ.
 Два братѹ с Аркатѹ.
 Два своякѹ а меѹ имѹ пестрая собака.
 Доколе слѹнце всѹходи а роса и глѹса выбаѣтъ.
 Добро жита и немоганчѹсѹ а не и рѹбаючѹсѹ.
 Дланые проводи лишние слѹзы. 795
 Денѹ свѹтѹ а люди спѹтѹ.
 Дивноѹ судно корыто вѣкѹ живѹ не покрыто.
 Добру лошѹкѹ рѹком побѹбай а рѹгом слѹзы утира'.
 Домашневѹ борѹ не увережесѹ.
 Донеси вѣѹ до двора а брѹха что горѹ. 800
 Дошли до Колѹги да и шѹетѹ о полубѹ.
 Другѹ по конецѹ рѹкѹ.
 Дни вѣѹ нѹшемѹ теляти коѹка помати.

ДАТА РУКАМИ А ВЗЯТА НОГАМИ.

805 ДЕНИСЪ АННУ НА МИСЕ.

[л. 340] [ДЕНА ПРОШОСА ЧТО ДО НАСЪ ДАШОСА].

[л. 340 об.] ЕМУ ЖЕ ДАНО МНОГО МНГО И ВЪЩЕЕТСЯ О НЕГО.

ЕДИКО РАЗУМНЫХЪ ТОЛИКО БЕЗУМНЫХЪ.

ЕГИПЕЦЪ ПШЕНОМЪ ИТАЛИА БИНОМЪ.

810 ЕГО ЖЕ ЛЮБИТЪ БГЪ ЧТОГО И НАКАЗУЕТЪ.

ЕДИНЪ КОИНЪ ДЕСЯТЪ РОТЪ ВОДИТЪ.

ЕНОХУ ОБЛИЧАТИ И ПЛАЧЪ НЕ МОЧАТИ.

ЕЛЕНА СЪДАЧИ ЗМИЮ ЖЕЛЕЕТЪ ПИТИ.

ЕДИНЪ ГОНИТЪ СТО А ДВА ТМЪ.

815 ЕСТА В НЕМА СЪРАЕ ОБЧИНА КЛОКЪ.

ЕМУ БЫ ЯИЧКО ОБЛУПЕНОЕ.

ЕСТА ЧЕБО ПОСЛУШАГА ДА БЫЛО ЧЕБО ПОКУША.

ЕЛЕНА БЫСТРА А О СМЕРТИ НЕ УТЕКАЕТЪ.

ЕСТА НЕТЪ ЛУЧШЕ А И НЕТЪ ЕСТЬ НЕ ХУЖЕ.

820 ЕПАНЧЪ ВОЗЯТЪ В БЕДРО А В ДОЖДЕ И САМА ТЪДИ.

ЕСТА КУСЪ ТА ГОСТЯ НЕТЪ.

ЕМЕЛЯНЪ ВСЕГДА ПАЯНЪ.

ЕЛЕНА БЫСТРА НЕ СТРЕЛЪ СЕСТРА.

ЕСТА У МОЛОЦА НЕ ХОРОНИЦА А НЕТЪ У НЕ СОВО
МИЦА.

825 ЕМЕЛЯНЪ ЗА ЧМЕЛЯНЪ А У БИКУЛА СТАРЫЕ БАКУЛА.

ЕСТА САБАКА И КАМЕНИ НЕТЪ.

ЕРЕМЪ РАЗУМЪИ. ДОХОДИ ВЕСТИ ЧТО НЕЧЕБО СЪСТИ.

ЕРЕМЪ ПОЧЮТА УМЪЯ ВЪЯ ЗА БОРО ДА ВЗАШЕН.

ЕДИНЪ МОВНАЪ ОБСТРО А ДВА СТАЛО ПЕСТРО.

830 ЕСТА ПИБО ПДЕМЪ А НЕТЪ ЕВО ЖДЕМЪ.

- Ёста пирога ѣдимъ а нѣтъ ево глѣдимъ.
 Ёлае березаѣ все то дерѣѣ. [х. 341]
 Ёрополъ со ланомъ а мы с полотномъ.
 Ёла родитъ шишки.
 Ёмеля торгуетъ шнш[ками]. 885
 Ёва скурлаа вesa свѣтъ погубила.
 Ёста свинка да н'ломлена спнн'ка.
 Ёловая кора лѣникову добра.
 Ёловой пена не ѡрочиво а сме'де' снъ не поко'рчиво.
 Ёловыѣ шншкн ѡ корени до бышки. 840
 Ёдина киш'ка ѡ семн концахъ.
 Ёкиму даютъ схику а о' и маню скинула.
 Ёхиднино племя ѡца ѹвита а ма'ку с'ѣста.
 Ёленъ ѡ всѣхъ вѣгословенъ.
 Ёлиза' у' всѣхъ перелизна. 845
 Ёршен на денгу да здова на ѡтнъ за неколю ѹха.
 Ёршова ѹха да лошка суха.
 Ёршъ бы в ѹхе да лещъ в пироге.
 Ёфрема любн хрѣнъ а Фе'ка рѣку.
 Ёста кому послушата было бы что. 850
 Ёста копаѣ да в сумакѣ.
 - Ёкимъ плашина курицу купи' а 'вѣ са пасуху заби'.
 Ёста ѡца ѹвилаз бы а нѣ' ево купи' бы.
 Ёста днга в слину а нѣ' ея та' в схику.

Ж

- Животомъ и смератию бѣзъ владѣетъ. [х. 341 об.]
 Живѣщему в пѣстыни дае'тъ бѣзъ вѣгостнию. 886
 Жатва многа а дѣлатели мало.
 Жнетъ идѣже не сѣлаз собираѣ' идѣже не ростолаѣ'.

- Живѣ будеть дѣша моя и восхвалѣи тѣя.
- 860 Жревиемъ ѹпѣшаму труно вѣстоватѣ.
 Жестокъ нравъ не будеть правъ.
 Желаниѣ мѣрѣи вбодѣи в цѣткѣ нѣсноѣ.
 Жестоко словѣ во дѣизаетъ гнѣвъ.
 Жена мужу пастыра а оѣ еи пастыра.
- 865 Железѣ сѣдѣѣ ржѣ а сѣце погубѣѣ печала.
 Ждавѣ вѣдрѣ не сѣтѣ нѣбирѣ вѣтѣра не вѣтѣтѣ.
 Желѣзу при ратѣ обычаѣ быватѣи.
 Житиѣ радостно сѣце бесело.
 Живучѣи за бабою квокотѣ жабою.
- 870 Житѣ было в родѣ в своѣи породѣ.
 Ждалѣ савѣ галкѣ да выждалѣ палкѣ.
 Жала бора да повѣситѣ.
 Жилѣ Мартынѣ коли былѣ алтынѣ.
 Живучи в сосѣдѣхъ вы в вѣсѣдѣ.
- 875 Жениѣся Тарасѣ не спросиѣся ѹ нѣ.
 Жениѣся мѣ вѣдѣ на корѣтѣ.
 Жениѣся ракѣ на легушкѣ.
 Желѣки з дукѣ ленивому в гувѣ.
 Жена ѹпорнѣ ни мякѣ ни коркѣ.
- 880 Жнкѣ лѣзетѣ в нору ѹнакѣ своѣи пору.
 [х. 842] Жалѣкѣ молѣкѣ не видѣ кошки.
 Живѣ смѣрѣи вѣнтѣся.
 Ждалѣ бабѣ овѣдѣ да не вѣгала ѣ дѣдѣ.
 Жбѣ бабѣ охлопки вѣ прихлѣвки.
- 885 Жалѣтѣ снѣ ѹчѣщиватѣ ранѣ.
 Жаучѣи дѣтокѣ не поскучитѣ ѣ вѣдокѣ.
 Жни бабѣ пшаницѣ жди пироги.
 Жри чортѣ кременѣѣ.
 Живѣи тобаѣ рѣститѣ наклѣѣ.
- 890 Живѣтѣ до сѣцѣ винцѣ да перѣца.
 Живѣтѣ мѣ вѣдѣ и в лѣсу коли ево не зовѣ в полѣ.
 Жилѣи рѣчатѣ на чѣртѣ ѣратѣ.

- Ждутъ Фомѣ чаюга быга ѹмѣ.
 Живучи Бабилѣ быга в магилѣ.
 Жига в обидѣ что со левѣ в Перасидѣ. 895
 Живучи в горѣ что караваи в морѣ.
 Жена прядѣ а бога нити даетъ.
 Жиѣ в Крымѣ что сумѣ в дымѣ.
 Жеравла летитъ высоко видѣ о^а далеко.
 Жига в хоромаша тужѣ о корова^а. 900
 Живѣся в чаю а ждѣся раю.
 Ждатъ гостѣя ра^рѣшатъ пшсты.
 Ждатъ. друга. Ѡбыта плуга.
 Жива чѣвкѣ живучи и помышляетъ.
 Жалѣта винѣ не упѣчивата гостя. 905
 Жига в дозорѣ не вѣ в позорѣ.
 Жига бесело да ѣста нѣчебѣ. [л. 342 об.]
 Жаравла высокѣ летаетъ а Ѡ смертѣ не Ѡбываѣ.
 Жала кулакѣ а битѣ дуракѣ.
 Жала Окулину да послатъ по малину. 910
 Жалѣя мѣшка не залѣста друшка.
 Женское лѣто по Семена дѣна Ѡпѣто.
 Жнутъ полѣ в порѣ.
 Жала бѣкѣ да вестѣ на погостѣ.
 Женское званство на сви^е не Ѡѣхѣ. 915
 Ждетъ что сава палица.
 Жига в до^рѣ не надакучѣ.
 Женѣ Ѡ дому приѣжатъ.
 Женѣся бедѣ а не женѣся другая а третѣя вѣ
 да не дадутъ за меня.
 Жаравла межѣ не знаетъ и чере^а ступаетъ. 920
 Жаравла не кашѣ еда не наша.
 Жатѣ ячмена нагибатца.
 Женское словѣ что клеи приапнетъ.
 Женское сѣще что жа^а в желѣзѣ.
 Жала тебѣ да не какъ себя. 925

**Жалд друга да не какъ брата жд̄ ꙗ брата да не
какъ себя.**

Жибется ни в сито ни в решето.

Жиꙗ жиꙗ да и жиалы поꙗвалз,

Житꙗ мучиꙗ а умериꙗ не хочиꙗ.

930 **Житꙗ тихо о людѣ лихѣ житꙗ мотѣрно о людѣ
укорно.**

Жалд дѣвки потеряꙗ парня.

[**Житꙗ сонливѣ бытꙗ ленивѣ**

а сколько ни спати добра не видати

(кѣ)о чередѣ просыпаетꙗ, то жестака наказанꙗ быбае].

[л. 343] **Жениꙗ уꙗ не ленитꙗ.**

Ждатꙗ пирогѣ спѣ не ꙗчи.

935 **Жалѣтꙗ конꙗ истомитꙗ себя.**

Жидокꙗ путꙗ водѣм а ꙗꙗ имꙗ з бѣдом.

Жерновꙗ куютꙗ коли они не имꙗ.

Животꙗ у старꙗца тоꙗкꙗ плошкаꙗ да лошкаꙗ.

Живучи на Москвѣ пожѣ и в тоскѣ.

940 **Живѣ в тишѣ а к наꙗ грамѣки пиши.**

Живетꙗ порыковски и боротꙗ вистояꙗ.

Жданꙗ богданꙗ короваꙗ ѣмя.

Ждалꙗ убогаго телноꙗкꙗ а даꙗ ему бѣꙗ рокнонкꙗ,

Ждаꙗ дѣдꙗ внучкѣ анꙗ ему ни сучки.

945 **Живетꙗ то порѣм что течѣ вода горѣм.**

Живѣ та порꙗ что сорѣм издвѣра.

Живетꙗ са тѣ догаꙗкѣ завернꙗ и лопатки.

Жалд дѣдꙗ а бытꙗ емуꙗ беꙗ обѣдꙗ.

Желѣзомꙗ хлѣбꙗ добывайтꙗ.

950 **Желѣзꙗ куютꙗ не поймавꙗ татꙗ.**

Живетꙗ богатѣи что быкꙗ рогатѣи.

Жениꙗ ленивоꙗ на саꙗливоꙗ богато бы имꙗ житꙗ.

Женилꙗ мясникꙗ у калашникꙗ.

Житꙗ славноꙗ не жалѣтꙗ мошнаꙗ.

955 **Жаворонокꙗ к теплуꙗ а зяблицаꙗ к стꙗжѣ.**

Животикѣ водися гдѣ хлѣву родится.

Жару короста не амбитъ а парокъ е' надобе.

Жалѣт писцу бумашки не нажи' ему рубашки.

Женит замочалъ инъ сватъ заво'чалъ.

[л. 343 об.]

Жилы рвутся о' тяжести а лезы ланюся о' жалоби.

960

Жена пряди рубашки а му' е' гужа.

Жаба да баба квогчѣтъ да клѣчѣтъ,

Жалѣтъ блапини не упо'чива' детины.

Жемчужно зерно порою скверно.

Жениху много на умъ идеть.

965

Женские умы что татарские сѣмь.

Жену понята на сватъ пенята.

Жалъ Кириля а поберече ему рыль.

Ждѣт чести мало чести,

Ждетъ дурака во'шова мѣста.

970

Жена говорива мужу не мила.

Жаравла лѣти с моря убави' на' горя.

Жены для в пиръ а дѣтей для в миръ.

Женит беселъ всему браку радость,

Женихомъ брака честенъ.

975

Желудокъ не треснѣтъ что сто потѣ' вѣснѣтъ.

Живъ другъ. не бытокъ.

Живетъ да поетъ мухи махамъ зовѣ.

Живетъ за рѣкомъ а к на' ни ногою: :

Женской бытъ всегда о' битъ.

980

Жаба в волотѣ сидитъ на колодѣ.

Жаба у рака гнѣдо б'няла.

Жеребен метатъ у' не хлопотатъ.

Жолна долбитъ древо а жена суши' чреко.

Ждучи попъ усопши' да са' уснулъ.

[л. 344]

Живъ Оедя' (и е') мѣдлѣдья.

986

Жена досужа добра и без мужа.

Жаломъ пчела страши' и кроля.

Ждучи лосини наглодѣся ѡсины.

- 990 **Ж**ни баба полѣ. да жди себя по лѣ.
Жердѣ возятъ черти хотѣ а горой.
Жалитъ пчелка жалѣва медкѣ.
Жимолостка переломи костка.
Жи бы и в ордѣ толко бы в добрѣ.
 995 **Ж**ала друшка да нетъ пирошка.
Жѣто цвѣтѣ женско прикѣтѣ ка Шцѣтѣтѣ и прикѣтѣ пропадѣ.
Желѣзные руки и съ огня волокутъ.
Жатва поспѣла и серпа изостренѣ.
Желаниѣ ѹбоги не погинеѣтѣ до концѣ.
 1000 **Ж**ена да мужъ змя да ужъ.
Жеба гласомъ ѹстрашаетъ лба.
Женѣ при муже не вспомни о ни же
Женися переменися.
Живи не тужи а ржи не купи.
 1005 **Ж**иви колотило за рѣкомъ а к намъ ни ногомъ.
Живѣ мордвинъ и не крещенъ.
Живой магиялы нѣтъ.
Жена мужѣ не бѣ а сево норо вѣведѣтъ.
Женѣ соромисѣ дѣтей не видѣтъ.
 1010 **Ж**еномъ Адамъ и рая игнанъ.
 [л. 844 об.] **Ж**ивѣ бѣга живѣ и дѣша мой.
Жаловалъ до ѹса жалуй (и) до бороды.

S:) — З:) —

- [л. 845] **С**лѣю печала рабѣвай добромъ мыслию.
Слое древо и плодъ его золъ.
 1015 **С**лыи всегда мыслии слое.
Слыи мыслии ночью а канитѣся в денѣ.
Словнымъ пѣсѣ и господина грызѣтъ.

СЛОВНАИ' МУЖА ВСТѢМЪ НЕ ДИЖА.

САВИЛИВЫИ ЧТО ПЕСЪ ОВИЛИВЫИ' ЧТО БѢСЪ.

СЪБЪЗ ГРЫЗЕТЪ ЧТО ИМЕТЪ: А РУКА ЕМЛЕТЪ
1020
ЧТО ДОСЯЖЕТЪ.

ЗВЯГОТЛИВОМУ ЧЕРВА ПО' ЯЗЫКО' КА' ЧЕРВА НЕ СТА
НЕТЪ ТАКЪ ПЕРЕСТАНЕТЪ.

ЗАВ ЖЕНЪ ИМѢЯ' УЧИТЪ ЕЯ УМѢЯ'.

ЗЛОУЧИКОИ' ХОША ЯЗЫ' ОУЧЪЗ' И ОНА ПЕРЕСТО' НАКИБАЕ'
ЗВОИЛИВО' НЕ ЗАЖМУРЯСА СПИТЪ.

ЗАВИДЛИВЪ БЫВАЕТЪ ОВИЛИКЪ,
1025

ЗВЯБЫЕ СѢМЕНА ВСЕГДА ПО'ДО ВХОДЯТЪ.

ЗАВИНО В ПОЛЕ ГОРО' ДА РѢПА.

ЗАШИБЕНО ЗА УДЕРЕНО СТАВЛЯТЪ.

ЗАВИСТА. ИМѢЯИ' ЧАСТЪ Б'ЗДЫХАЕТЪ.

СЕЛНЕ ЗНАТИ' ПО НАЧАМА НЕ СПАТИ'.
1030

СВѢЗДА НАША БЫКА А УЧАСТАКА МОКЛОКЪ.

СИМОН ШУПКА НЕ ШУТКА.

СУМѢЯ ЕСТЬ НЕ ДЛЯ ТЫКЪ' ДЛЯ БОЛЕЗНИ.

СЛОЕ' РЕМСЛО НА РЕЛА ЗАНЕСЛО.

ЗВЕРЯ БАЮТЪ ВРЕМЯ ЖДУТЪ.
[л. 845 об.]

ЗЕЛИЕ ЗБИРАЮТЪ ЗВѢЗДА ЗБИРАЮТЪ,
1036

ЗОЛА МУЖА В МАГНАУ А ДАБРА ЖЕНА ПО ДЕБОРАМЪ,

ЗА КАВЫЛЪКА ЕШЪ КАВЫЛЪКУ,

ЗАЛХЪ ВСЕХЪ СЛЕС СЛАЯ ЖЕНА,

ЗОЛА ЖЕНИХЪ А СЛУ НЕВЕСТУ ОБѢГАЕТЪ,
1040

ЗОВЪ КРИВЪ СЫТА ПТИЧКА,

ЗАКОНЪ ЗАКОНЪ ЗАКОНАМЪ,

ЗА СКУДАСТА РАЗУМА ПОЛАТЪ ЛИШАЮТСЯ,

ЗАВИСТА ПРИМЕТЪ ЛЮДИ НЕ НАКАЗАНЫЯ,

ЗВАННЕ ВЫШНЕГО НА БРАКИ БѢЧНЫЕ,
1045

ЗНАЯ АБРААМЪ ЖЕНУ СЕСТРОЮ ЗВАЛЪ,

ЗА ПРАВАЯ СЛОВА УМИРАЮТЪ МНОЗИ,

ЗА МОРЯМЪ КАРОВА ПО ДЕНАГИ ДА ПРОКОЗЪ ДОРОГА,

ЗАПРОСУ В МОШНУ НЕ КЛАДУТЪ,

- 1050 **Запасъ мешка не поратитъ,**
За очи каня не купятъ,
Зачемъ стало а и приданова мало,
Знаи рабя рабячу,
Зѣи охочъ да вадѣ а плавать не умеетъ.
- 1055 **Збылася что снилася,**
Збыла охоткѣ какъ не стало у тиотки,
Зангралъ в сѣрзну да попалъ в тюрьму,
За кожену паньциря нетъ,
Знатъ солога и на грезѣ,
- 1060 **Збѣнакъ бубенъ за гарами а к намъ придетъ что лукошка,**
 [л. 346] **Знатъ соколъ по полетѣ.**
Знатъ соба по перду.
Захотѣлъ у собака блинѣ и растворомъ выльбаю.
За неволю ходѣ колѣ ноги болятъ.
- 1065 **Затѣмъ. красном. дѣвкѣ не сидѣ что оче' у' нея нѣтъ.**
Зкой се'дѣтъ не живетъ.
За скудость. умѣ таскаѣ. вѣдетъ. сума.
За грѣхъ и кожа по' застрѣхъ.
Затлабъ. доврѣ не хвалися.
- 1070 **Знаетъ сверчокъ свой шостокъ.**
Здоробантъ Костѣ в новѣй коростѣ.
Загаки гадки. а бѣгаки. з дѣши. прѣтъ.
Запоръ малъ. великимъ городомъ. владѣетъ.
Замокъ приго' клетю а задокъ платю.
- 1075 **Заневѣдался что короста. в парѣ.**
Зволибъ. зиня ротъ. ро'зиня.
Заецъ у' сѣдъ навидался. о' вѣдъ.
Златолибъ не ѣстъ колачобъ.
Знаю бабѣ. не дѣя пироgebъ.
- 1080 **Знаетъ какъ вѣсъ. а летъ какъ пѣсъ.**
Запѣлъ комаромъ а сѣлъ томаромъ.
Зкылѣ котѣ своя. масленица.
Знаетъ. и воронѣ. в чомъ ѡборона.

- Знай женѹ слонрабнѹ, что сбиѹ pripravнѹ.
Зната и по рожѹ, что былз на сторожѹ. 1085
- Зната на цѣтѹ, что йдетз, к' матѹ.
Зната по килѹ что быт в магилѹ. [л. 346 об.]
- Зачалз за здравѹ а свелз са упокой.
За очи яйца торгѹютз.
Забѹчно торзгавата, по товарѹ горевѹ. 1090
- За неволю к' поляу кали бѣси в лѣстѹ.
Забракомз не ѹвѣнта бовра.
Заемз плати не бѣда,
Заемз красенз платжеземз.
Займѹбя смѣются а платя долгз плачѹ. 1095
- Займщикз займодавецѹ всегда виновѹ.
Занмовата не соромится а плати хоронѣся.
Знай лысыхз не проходи плѣшивыхз,
Зобз полонз а глазы голодны,
За такия догаки забернѹ лопатъки. 1100
- Захотѣлося дрициѹ ворцовыхз шей,
Загорѣлося дѣша бѣжи до кобша,
Зеруя при рати недрѹга карати,
Зеленз виногра не ладокз маѹ чѣбка не крепѹ.
За очи баба й князя лаетз.
За горя не ѹшиптисся а хлѣба не лишитисся. 1105
- Зовѹ меня Бласомз а живу в слѣз са пѣсомз.
Зазнался что кошз в коростѹ.
Зинѹлз Кѣянз на крѣдѣянз.
Збалася баба княгиняю за пѹтѹю братином.
За слово ни полу слова. 1110
- За что батко са то й дѣтки,
Забылз бѣсз нево ѹпалз о в пекло. [л. 347]
- Знаетз и дѣдз в кою порз бѣдз.
Забылз в сурнѹ, какз попалз в тюрмѹ.
Зеваѹ волкз не ѣтчи ожидаетз о овечки. 1115
- Законз преступитз во тму поступи

ЗЫБАКЪ МѢТЪ, НА РѢЧКѢ ГНЕБЪ, ХЕБѢТЪ НА ПѢКИ.
ЗБАЛЪ ВОЛКЪ КОЪ. НА ПИРЪ ДА ЗА ГОТЪИЦАМИ НЕ' ДЪТЪ.
ЗНАЕТЪ И ЦЫВКА ВЪ ЧЕМЪ ЕЙ ДОКЪКА.

1120 ЗРИ БЛКА ЧТО НЕТЪ НИ ЛЫКА.

ЗА КОТОРОЙ ПЕРТЪ НИ УКУСИШЪ НИЗЪ ВСЕ БОЛЯТЪ.
ЗБАИЪ НА ЧЕСТЪ. А ПОСАЖЕНЪ НА ПЕЧА.
ЗА СТАГЪ ГОЛОВА ГИНЕТЪ,

З БОЛНЫЯ ГОЛОВЫ ДА НА ЗДОРОВОМЪ,

1125 ЗЯТЪ ЛЮБИ ВЗЯТЪ А ТЕСТЪ ЛЮБИ ЧЕСТЪ.

ЗНАТЪ ПО ВЪХОДЕ ЧТО БЫТЪ НЕ ЗГОДЕ.
ЗДОРОВЫ БЫ БЫЛИ ДѢТИ ДА ЧУЖИЕ КЛЕТТИ.
ЗАЧАЛЪ СМѢЯТСЯ ДА ЗАПАКАЛЪ,
ЗАМОЛКА МЪЗЫКА КА ЧЕРВА ДО ЯЗЫКА,

1180 ЗБАТЪСЯ БОЛШИМЪ ЗНАТЪСЯ СЪ МЕНШИМЪ,

ЗВЕЖАЛЪ НЕ ДОЖАЛЪ ПРИШОЛЪ НЕ НАШО,
ЗА КОВШЪ ДА И ЗА НОШЪ,
ЗА ЧТО КАЗАКЪ ГЛАДОКЪ, ПОТЪЧИ ДА НА БО,
ЗВОИЛИВЪ УКАЗЫВАЕТЪ СМирЕНИЕ,

1185 ЗАЛЪЗЪ БОГАТЪСТВО ЗАБЫ И БРАТЪСТВО,

ЗБАЛЪ ГОСТЕ' А НАКУПИ КОСТЕ',
ЗДѢЛАЛЪ МУ ДВЕРЦЫ НИ БО' НИ ВЪ ЛЕ'ВЪ.

[л. 347 об.] ЗНАЕМЪ МЫ И САМИ ЧТО КРИВЫ НЪШИ САНИ,
ЗОВУТЪ МЯНЯ И ЧАСТО ДА ЛЕНИСЯ ХОДИТЪ.

1140 ЗА МУХОЮ НЕ СЪ ОБУХОМЪ.

ЗНАЕТЪ КОШКА ЧАЕ МЯСА СЪТЛА,
ЗНАИ ЯМСКОЮ ПО ГОЛОВАМЪ.
ЗНАИ ВОЛЪ А ГОВОРИ МЕНЕ.

ЗОВУТЪ ЕГО ОМОЮ А ЖИВЕТЪ О' СОБОЮ ВЪ ЛЮДИ
НЕ ХОДИТЪ А КЪ СЕБѢ НЕ ЗОВЕТЪ.

1145 ЗЯТЪЕМЪ. БРАНИСЯ ДА ЗА ДВЕРЪ. ДЕРЖИСЯ

А С'НОМЪ БРАНИСЯ ДА ЗА ПЕЧЪ ДЕРЖИСЯ.
[[З)АХОТЪ' 8 СОБАКИ КЪЛЕБАКИ].

И, І.

- Истинна. ѿ земаи. и правда с ѿеси.
- Истинно. не ложно проти рожну пра не во^оможно.
- Искра малѧ великѧ родитѧ пламень.
- Из' одного мѣста. не однѣ. вѣсти, 1150
- И гордѧ и норобѧ. и чѣкѧ и обѣчан.
- Иметѧ голо^о появитсяѧ. и голоста.
- Из пѹстова. сѣднѧ ни пѧютѧ ни едятѧ.
- Из пѹстой хранины лико чортѧ лико дѧяволѧ.
- Изпуста. лѣто. да в лѣсѧ по малинѣ. 1155
- Из короба не лѣзѣ. а в коробѧ. не пуститѧ.
- Ижилѧ вѣкѧ за холщовой мѣхѧ. [л. 848]
- И дво^о и борѧ а в рѣдкомѧ. два.
- И то что будѣ что и насѧ не будѣтѧ и то что бу
детѧ что и о^б насѧ потѹжатѧ.
- Испила. кума брашки да хватила^а рубаки. 1160
- Изломя ногѧ. не играѧ в треногѧ.
- Иже да како не солгѹт^ь никако.
- Ичетѧ з гболодѧ. ѧ дрожитѧ с хболодѧ.
- Икнула вѣсѧ молокомѧ да брыгну^а чоснокѣ.
- Испила баба табаки да несѣ что о сакаки. 1165
- Ипѧ надѣла^а лопѧ: а Ѳедѣ^о продова^а понносѧ.
- Ити с кошелемѧ стыдится ѧ сидѣ^т дома гѣниѧ.
- Идѣ^т дожда. несѣ. онѧ. рожѧ.
- Иска^а дѣ^т маку да попалѧ вѧ ямѧ.
- Игумнѧ в гумнѧ. вѣдѧ: занесла. 1170
- Игра^а в лѣдѧ. не скачѣ^т рыдалѧ в пирѧ. не плачѣ^т.
- Искѧ ковы^ткѧ. топтѧ ковы^ткѧ.
- Избы^а дѣ^т вычкѧ да вѣтитѧ молочка.
- Из домова мѣхѧ добрѧ и потѣхѧ.
- Испортѧ гожи. не тѹжи. 1175

Изломя ногѣ молися бѣѣ.

Изловя коша ѡ пѣсти хоща.

Из лука стреляютъ по намѣренню.

И то то збѣи. что кисела мѣютъ.

1180 И дѣла то знаѣ что велика дѣла прѣдникъ.

Иванъ играетъ а Марья. ѹмираетъ,

[л. 348 об.] Ити дорогою. не все с бологомъ.

Идетъ Фомѣ большая сѣмѣ.

Игла служитъ пока ѹши а люди. пока дѣши.

1185 Исака русака что емѹ ни давай все прибираѣ.

И заморя с вѣстами. а и задворя з гостамѣ.

Иба крѣпка запоромъ а дворъ заборѣ а ѹ ме гурѣ.

Истинна гвѣтится коли збудется.

Изеѣ. ставя бѣа славятъ.

1190 Икосъ прикосъ а кондакъ и такъ.

Иглою шаютъ а чашею пачтъ а плѣю баютъ.

Изболла. кума и прихала: сама.

Изломя батожокъ. потерята пирожокъ,

Исеса Оираховъ насаказалъ много страховъ.

1195 Из домѹ жена а и лѣсѣ з'мега.

Ибанъ не бова не всякъ на немъ ѡпрѣлива шапки.

Имянинѣ. имянникѣ. здравятъ.

Ипачѣ горбатѣ. исправитъ. гробъ.

Изо что тряса на куривомъ.

1200 Измазанѣ бѣдами. не и мытѣся. водами.

Изваженъ перѣтъ не можѣ терпѣтъ хоща бзнѣ а свое
БОЗМѣ.

Ищай чужѣе. свое. погублетъ. и сѣ погиваѣ.

И самъ то я знаю. что не добро. содебанъ.

Идѣ. лижетъ. бляда.

1205 Идино. село на шенъ. сило.

Идѣ. ѹдавился. Фарлонъ. ѹтопился.

Идѣ. с селомъ ѹдавился силомъ.

[л. 349] И ѡсиѹковъ сонъ збѣся. и не забвѣся.

- ИЗ ПѢСНИ. СЛОВА. НЕВЫГОРОДИТА.
 Изаблена лѣка двоѣ воят'ся бдинъ стрелитъ а 'руго' напу'ти. 1210
 И великъ да глупъ что Онанинъ внукъ.
 И по рожѣ. знѣ. что Газономъ зката.
 И звязло каннѣ в косоѣ деревѣ.
 И з огня' да в' поломя.
 Иной о кнѣзъ а иной о па'б'тѣгъ. 1215
 И самъ томъ не радъ что грамотѣ гора'дъ.
 Иной кажѣся. и глупъ а молвитъ слово в п'ѣ.
 Игумена Г'врей до кра'и д'вренъ.

— K —

- В' мяхкому воску. чисто печѣ вощ'ра'дѣся а у'чение во
 младости. крѣпко вкореняется. [л. 349 об.]
 Копать не могъ. просити стыжѣся. 1220
 Каковъ. молебнъ таковъ и м'зда.
 Каковъ. пастыра. таковы. и ов'цы.
 Кого ѡжидантъ. томъ и по'требноѣ готовятъ.
 Каковъ, постеля. таковъ и сонъ.
 Козни' ас'тикомъ. ѡ ѡца' ѡво д'якола. 1225
 Крадый' чужая' не окогатѣтъ.
 Крашѣ поля перекодъ.
 Каковъ кто с'язъ таково. и пожнѣ,
 Которой. в'гъ об'мочитъ то' и высѣши',
 Краснѣ в'сѣдѣ. смиреннемъ, 1230
 Красно полѣ со пшеницею.
 Красно полѣ с' рожанъ а' слово с' ро'ю.
 Куды. деревѣ. накланилѣ т'ды' ѡво. и с'кучтъ.
 Каковъ. об'ихѣ. таковъ. и росхѣ.
 Какова. пашня. таково. и брашно. 1235

Куды саба. глядитъ туды ей. и летѣтъ.

Каковѣ кто играла таковоу и здѣ взяла.

Каковѣ печала таковы, и слезы.

Корова черна да молоко у неи бѣло.

1240 Кусъ дѣга кусъ гривна.

Коз'лѹ борода. не замѣна.

[л. 350] Ковела не скочитъ. если. сука. не захочотъ.

Когда желѣзо кипитъ тогда ево и ковать.

Куды ся ни кинѣтъ такъ по уши. в смола.

1245 Кто. солнца. ѡбѣгаетъ. тѣ. вѣкъ. ѡзьяетъ.

Кума ш'ла пѣша. кѡмоньямъ лѣхче.

Кто не ѣлъ чеснокъ. тѣ и не бояетъ.

Красна павѣ пердемаъ чесна жена мужемъ.

К враннѣ слово прикупаютъ.

1250 Кто грамотѣ гора'дъ не умѣетъ ли. пропасть.

Кошкѣ игрушки а мышкѣ слезки.

Красена до'га платежемъ.

К чему комѣ. ѡхота к тому. и смысла.

К пивѣ. ѣдется. а к словѣ. молвиться.

1255 Кудри вьются. и шолбди. бедѣтся.

Кнутъ не а'хангелъ дѣи не вьнѣ а правду скажѣ.

Каковѣ кто постелѣ таково и вьспитъся.

Куды ни поворотнѣ и' говеннѣ к ожерелю.

Какъ хто живѣ тѣ тѣ. и словетъ.

1260 Какъ намъ ся житъ тѣ и ноща коротка.

Корма коня лутче.

Кумѣ не мила и гостинца. постылиа.

Какъ в лесъ кайнешъ такъ и ѡкликнѣся.

Кона гор'ватъ не меринѣ братъ.

1265 Владѣ. всячинѣ. на во'.

Какъ хто тонетъ топо' сули' а кѣ вьмѹ і топорѣца не да'.

Каковѣ псѣ. кормля' таково имъ. и лобля.

Кроекъ путъ кажетъ.

[л. 350 об.] Колш'тнѣ Климъ в одинъ клинъ.

- Куды иголка тѣды и нитка. 1270
 Какоез чортъ ѣдетъ такоез ѡ побиваетъ.
 Какоез. на взглядъ. такоез. ѡ на ро^орядъ.
 Куды ни покороутишъ инъ вросишъ.
 Коровки с поля. а пастырю. боля.
 Козе^е плаги^и кожен. з кородою а виновато^о своею голокою. 1275
 Коровка скачѣ на бычка. хочѣ она молочка.
 Коровка с молокомъ а баба з дойникомъ.
 Которая птичка раненко запѣла то^о во вѣ днѣ мо^очагъ.
 Ка^а волкъ носи^и ништо не видалъ: а ка^а во^ока помѣли кся видѣ.
 Кѡжлѣ катѣца. за землю. хватѣца. 1280
 Какъ возметъ голо^о появится и голо^о.
 Какъ что знаѣтѣ по сврѣ^е ба^акѣ и плачотъ.
 Какъ бѣ^е датъ. и в окош^око. подаетъ.
 Каша нѣ^е ра^агоня нѣ^е.
 Кокко сокола ни кор^оми^и а о^о ру^у ево ѡпуститѣ. 1285
 Катается что сыр в масле.
 Ка^а бы^и ка^а шолбдиговъ бри^и не лучаше^е ево ѡпалитѣ.
 В миломѣ. семя верста^а. не ѡколицѣ.
 Кисель брюха не портитъ.
 Коли дрова горятъ. толды кашѣ варятъ. 1290
 Каша не наша котиломъ. не свой.
 Капусту садитѣ. спинѣ досадитѣ.
 Кисель да блинъ. добро. нѣ одинъ.
 Косѣ ѡстрятъ на травѣ а мечъ на главѣ. [л. 351]
 Куды волкъ глядитъ туды о^о и вѣжитъ. 1295
 Калачи живутъ. дешевы. коли днѣги дороги.
 Косъ ѡчми. крикъ. речми.
 Коль добро с виномъ. ведро. секола хороши. с пѣцѣ ко^ошѣ.
 Кому перѣстомъ киваютъ. а намъ глазомъ мигаютъ.
 Конекрадъ. гара^адъ. у^удъ вязатъ. 1300
 Красяникъ не сианикъ что ему дадѣ то ѡ краситъ.
 Кнутъ да пастыря да доброй пастыря.
 Книги читатъ. сла не паутатъ.

- К**бды коня хочеть тбды онъ скочитъ.
 1305 **К**ашекаръ живѣ дытея кнзя.
Кусаетъ клопа дозожаетъ что холдъ.
Криворотъ у воротъ.
Кровлю кончатся. головою бѣнчатся.
Край землѣ конецъ моря. много бѣдѣ горя.
 1310 **К**радетъ листъ кочо с' ѣста. ѣво хочотъ.
Копръ в' капъсте. смрадѣ. не пѣститъ.
Косу остря на травѣ. смотрятъ.
Коширѣ в рогожи. на ошилѣ а Тбла в лапти обѣла.
Кормилѣ бава. лиѣкѣ начаяла. чѣвка.
 1315 **К**одя попѣ. ѣконѣ. покадита ѣ Оѣони.
К чистому поганое. не прилетъ.
Конецъ. смертныи. всякомѣ горекъ.
Конемъ. боевата а копаемъ шѣрмоватъ.
Косткѣ пестрѣ. зернцикѣ. сесгры.
 [л. 351 об.] **К**арты у Карпа. тверды наизустъ.
 1321 **К**она молбцѣ. что копръ. обѣрцѣ.
Кучился мучи'ся. а кѣ упросилъ. тѣ. ѣ бросилъ.
Казакъ в Запорогахъ что пена при дорогахъ.
Кѣга кроникѣ. на многихъ ѣликѣ.
 1325 **К**оростѣ на дѣткаѣ и маткѣ свердбита.
Колыбелкѣ младенцу. а костыла сторикиѣ.
Каково дѣ приспѣла таково оѣ ѣ с' ѣла.
Каково вѣтеть таково. и мѣлѣтся.
Которо' ко вѣливѣ то ѣтороплика.
 1330 **К**апустѣ ис куестѣ добръ не укусна.
Ключа силнѣя замка.
Кожухѣ. с плеча. полѣза в печа.
Какова пряха. такова на ней ѣ рѣваха.
Которая маткѣ свой дѣтки с' сѣтъ.
 1335 **К**бды голова тбды и животы.
Кролетъ плаѣ к старому примѣрикая.
Краденоѣ поросѣ и к ѣшаѣ кѣжитъ.

ВѢды шла нѢ тѢды, и сонъ.

Корюкѣ мымнѣ а дѣла вымретъ.

Кому боля кости, не думаетъ в' гости. 1840

Крѣно слѣнце бсходитъ, каково то заидетъ.

Красно гѣмно стогами, а сто^т пирогами.

Коня ливитъ ѡвезъ а кисель любитъ Ѳедосъ.

Ключема ко^т нѢ, а пѣпырае, к' вѣрхѢ.

Кормя колочомъ да в спинѢ, кир'пичомъ. 1845

Какъ ни ворочай, наша короче.

[л. 352]

Кинь хлѣба солд за собою обявѣйся прѣ током.

Комъ тошно а попѢ в мошно.

Кто бога койся тѢ и людей стыдится.

Колко ни говоритъ а на правдѣ бытъ.

1850

Крѣпка ратъ коеводю.

Комъ ѿ чѢжихъ а намъ ѡ сконхъ.

Кто чемъ посмѣется тѢ тому и порокотѣйся.

Кто ѹ коко не ѡвѣдаетъ тѢ тово и не ѡвѣдаетъ.

Кто добро говоритъ тово не даритъ, а кто и брани токо счало не кѣ. 1855

Коня ѡ четырѣ ногѣ и тѢ потыкается.

Каковъ ѣдетъ таковъ и пороняетъ.

Кто бавѣ не в'нукъ.

Кто на море не быва^т тѢ ѡ желаниѣ срѣца вѣс не малика^тся.

Кто еко не ѡлетъ, тѢ и не летъ.

1860

Кто самъ себя хвалитъ в тѢ пѢти никогда не выкаѣ.

Куды коня с копытомъ а рѣ тѢт же, с клешнею.

Колко воды ни пита, а паянъ с неѣ не бытъ.

Которая дѣла чеснокъ, не ѣла, ѿ тоѣ не воняетъ.

Колко волка ни кормитъ а ѡнъ к лѣсѢ глядитъ.

1865

Кабы, не деняги, тѣ бы вѣса в по^тдѣги.

Кѣ бы на дятла не ско^т нѢ кто бы ево в' деревѣ нашо^т.

К пра^тникъ, не призываю а ѡ пра^тника, не ѡбиваютъ.

Корюкѣ не гостя на повѣти сѣно видитъ.

Кабы на коня не лысинѣ цены бы, ему не было.

1870

Каковъ другъ чаши, налѣшиъ таковъ и са^т кѣшиъ.

8*

- [л. 352 об.] Которая служба, нѣтъ. та и честнѣе.
 Когда будетъ рѣпа тогда и мѣра.
 Когда будетъ пиръ. тогда и гости.
 1375 Каковъ в калыбсакѣ. таковъ и в магнакѣ.
 Каково посѣмъ таково и пожнемъ.
 Которой днѣ прошло то до на дошолъ.
 Какъ тамъ говоритъ гдѣ не дадѣтъ и рта ѡворитъ.
 Какъ что малина. десятая. наликанъ.
 1380 Крестянская кость да собачинъ мясо ѡбросла.
 Кошкѣ бѣгутъ а невесткѣ навѣтки дамтъ.
 Кириловской поклоу девяти пядей с хвостомъ.
 Какъ ни каляйся лишь не ѹморися.
 Какъ лучица. поучитца. та буду знать.
 1385 Какъ бѣдетъ добра. та бѣдетъ и кобра.

Л.

- [л. 354] Легко мнится время на чужемъ рабѣ.
 Лошадка в хомѣтѣ везетъ по могѣтѣ.
 Лисѣ племя. лише аститъ да манитъ.
 Леникомѣ болитъ в хребтѣ.
 1390 Ленивой двои дѣлаетъ.
 Лениво и по платану. знать.
 Лишняя. говоря. соромъ доводитъ.
 Лѣтняя ночь что менасно денѣ.
 Лѣтней денѣ за зимнюю неделю.
 1395 Ленивомъ плечъ водѣ.
 Люди пировать а мы горѣшвать.
 Лошадка ревенка а у воста ѡдка. ѹскачотъ.
 Лѣтче семья горѣтъ а ни одонокъ влѣбѣтъ.
 Лѣтче сеча не желѣтъ плеча.

- ЛадаиѸ бѣгаетъ даявоѸ а дураѸ до'рочаѸ слова. 1400
- Ленивому мѣкѣда в полѣ а волка за короты.
- Либлю до'го спата да стыжѸ по'до в'стата.
- Лутче пра'ничата а не кражничата.
- ЛѸтче. ста рублева. сто дръговъ:
- Лакомъ мошны не завязываетъ. 1405
- Лакома 'Устина. до в'стинная.
- Лихва и леста дѣволѸ. честа.
- Лишние. басни. порѸ в козовъ.
- ЛѸтче старика семерѸ молодыхъ.
- ЛѸгвица пѣтица. пѸтей. стережетъ. 1410
- Ловитъ. колчокъ. роковѸ. ѡвечкѸ.
- ЛакомѸ орѸхъ а грыста ево не грѸхъ. [л. 354 об.]
- ЛихвѸ збиратъ после в'здыхата.
- Лгата людиѸ. ѡбѣгата.
- Листъ краситъ древо а ѡдежда чрево. 1415
- Лодыгу в кашѸ. а побора кзашен.
- Легкая рана и головы не сыската.
- Лукомъ торговата луковаѸ плѣнѸ и пѸпоясатся.
- Левка не поплевка. иномѸ оѸ и в горле станетъ.
- Либо сѣна клѸ либо била в бокъ. 1420
- Лизавъ. ноѸ порѸзата языкъ.
- Либей. игра. кѸпитъ домра.
- Любя пибо паятъ а не любя ево лаятъ.
- Лапа в лапѸ. а задатокъ в лѸкѸ.
- Лес'тноѸ слово. что вѣшней лѸ. 1425
- Лестикой и себѸ вѣры не иметъ.
- Лося бяютъ в осень. а дѸрака всегда.
- Ловя бѣлки. насоритъ зѣнки.
- Ловецъ да чѣрнецъ. и по ночамъ. мало. спиѸ.
- Ленъ не родится. и мачало згодѸся. 1430
- Лихо ленивомѸ до лѣта. а тѸ ли спи да лежи.
- Ловцы. рыбные. людцы. гиблые.
- Ложася. спата дѸмай какъ встата.

Люди молотѣ а мы в замки колочимъ.

1435 Люди с торгома а мы с отколокомъ.

Люкя кбрятъ. посебнѣтъ.

Ласково гди. двонухъ. рбвз. держитъ.

[х. 353] Лежи на бакѣ. да гяди за Окѣ.

Лучше хлѣвз с водою а не пирога з вѣдомъ.

1440 Легонко поѣлаз легко и дѣлазъ.

Лѣто прошло а снцо не бжгло.

Лѣто проходитъ зима нѣтаетъ.

Лбкз надежной дргз срдешной.

Левз страшно бвезаяно смѣшно.

1445 Лисица старая астица.

Личико вѣленкѣ да разума. маленько.

Ливяи вину и масло не обоготитъ.

Ливовз. покрываетъ. множество. грѣховз.

Ласково слово кость ломитъ а жѣгоко гнѣ движѣ.

1450 Лѣность. наводи. вѣдность.

Лѣнь мужа портитъ. а ста ево. кормитъ.

Лиска ажѣ да на хвостъ ся шлѣтъ.

Лѣково телетко двѣ маки сосѣ а лихое. и днѣ саибетѣ.

Ложкою кормитъ а счѣлѣ. гла. колетъ.

1455 Лошадка маленька а седла мѣсто вѣдетъ.

Лихъ не добръ. свой. не вей. ево. при мнѣ.

Люди тонутъ а о. веселю. ломитъ.

Лихое гядѣнаѣ пѣще доброва. прошеня.

Ленива дошлѣ ся сонливовз добудишся а мѣтба никогда.

1460 Лѣхко за готовымъ. хлѣвомъ на послатѣ. спата.

Лыса ко. не вѣчѣ а плѣшѣ молодеца не вѣчестѣ.

Ложѣ вѣгословися. а вѣтѣ перекрестися.

Левз дѣвнз смиреннемъ а жена покореннемъ.

[х. 358 об.] Ливя женѣ потерпѣтъ с'тѣдѣ.

1465 Лизнутъ пер'стомъ задѣчѣ и горскою.

Ливитъ коръ чорнѣю работѣ.

Лѣстѣ с печки. для перепечки.

Лживъ хочъ хвастатъ.

Людѣ спатъ анъ жолбен искатъ.

Лжетъ на елкѣ, разбѣрѣта портки. 1470

Людская мова что морская волна.

Лжѣтъ въ кою а дома экъ кою.

Лилѣя алая. ѹтѣха малая.

Лоскутѣ крашенины, да кѹ кбашенины і сѣтѣ і ѡдѣнѣ.

Лѡкѣ добрѣ, и к' кою и во штяхѣ. 1475

Людѣ много а человекѣка, нѣтъ.

Людѣ жатъ а мы с поля бѣжатъ.

Летивъ в пирѣ а лѣнивъ в мирѣ.

Лоскутъ на воротѣ, а кнѣтъ на спинѣ.

Липовы клѣтки, накла^т розказалъ. 1480

Людѣ тонѣтъ а о^т беселѣю ломитъ.

Ладѣ на воротѣ, а чортѣ на шеѣ.

Людские рѣкѣ добры, да не к сѣцѣ.

Ложкою кормитъ а стѣблемъ гла^т колетъ.

Либо довыта либо домо^т не бытъ. 1485

Лихѣ черпѣтъ а стерпитея слякитѣя.

Липѣтѣ с'плелъ да и концы сѣхоронилъ,

Либо в' стрѣмя ногою, либо, петлю головою.

Ластка день начинаетъ а соловѣ^т вече^т кончатъ.

Лихѣ бы с' рѣкѣ а с' ногѣ, и собаки, стацатъ. [л. 355]

Лежень лежитъ а часта ево растетъ. 1491

— М —

Мѡдростъ старости честнѣе.

Мастъ колеса: дороже.

Мрѣтѣ людѣ не по старости, а живѣтѣ, онѣ не по молодѣти.

Мѡжа домѣ стиронитѣлъ ницетѣ ѡгонитѣлъ. 1495

Мнитѣ ѹбогъ в гор'достѣ мѣсто. о'рѣсти.

Милѡ не милѡ коли лицѡ згнило.

Мажетъ Клай телегъ. ѣдетъ в Крыѣ по рѣпѣ.

Мѡка вѣчная не мѡхъ здѣшняя.

1500 **М**ясоѣдъ с постомъ поборонилса.

Меринѡ маленѣ. а сѣлѡ. мѣсто. ѣста.

Мѡтнѡ водѣ памѣтъ в' незгодѣ.

Молоѡ. мѡжѣ. молодѣ. ѣго. и мысѣ.

Молоѡ хошѣ молодѣ да бѣѣ старо.

1505 **М**ѣлѣ чѣбка са гарамѣ а смерѣтъ ѣго за плечамѣ.

Малѣ. языка. великимѣ. людемѣ. владѣетъ.

Мала ѡгна искрѣ. великѣ вѣщи. сожигаетъ.

Млѣткои челоѣкъ подобенъ млѣткои бѣѣ.

Множествѡ. мѣрѣхъ. спасенѣ мирѣ.

1510 **М**алѣ грѣхъ. великѣ. винѣ. приноситъ.

Мзда. глазѣ. дереѣтъ,

[л. 355 об.] **М**здою что ѹздою. о'ратѣ сѣдѣю в твою колю.

Мзда и премѣрѣ. мужѣ. ослѣплетъ ѡчи.

Многое ѹчение. тѣрѣдовѣ потребѣетъ.

1515 **М**огилѣ помянутѣ. всякому вздоѣнутѣ.

Медѣ каплетъ ѡ ѡстѣ жены влѣдницы.

Малѣя винѣ непокорѣтвомъ рѣпрѣбранѣѣца.

Мертвѣымъ соколѡмъ вороѣ не ловятъ.

Мимо явлѡнцы. явлѡчко не падетъ.

1520 **М**ѣсто чѣбка не просѣѣтитъ. но чѣкъ мѣсто.

Мяхо стелѣ да жестѡко спатъ.

Медѣ слѣко а мѣхъ пѣко.

Молоѡ мѣсеца не ко всю ночь свѣѣтитъ.

Малѣ даждевнѣя капля жестѡ камѣѣ пробивѣѣ.

1525 **М**ного. знатъ. мало. спатъ.

Многи. кумы. доводятъ до сѣмы.

Мѣка не молотѣ а водѣ на колѡте.

Мѣрѣ вѣтрѣ не станѣ вѣдрѣ.

Мѣрѣешѣ. водѣ. не спрашивѣй. бродѣ.

- М**асло коровѣ ѣдятъ на дорозѣ. 1530
Мертвомѣ. пѣніе. а на говѣніе.
Мелникъ богатъ живеть шѣмомѣ.
Мыло. кѣпятъ. на лишнюю денешкѣ.
Милъ гостя что не дого гоститъ.
Мзда. глаза. слепитъ. 1535
Мяжкѣ рѣки. чюжне. трыды. поядаютъ.
Много. званнѣхъ, а мало. ибръннѣхъ.
Многъ пѣтъ. ко спасенію. [л. 356]
Много на ѹмѣ да нѣтъ на гѣмнѣ.
Малая сабакѣ и под старостѣ ценѣ.
 Молодецъ что ѡгурецъ. а ѣдятъ ево свинди. 1540
Мило что женѣ а горко что бѣда.
Мѣхѣ ѹрѣзавѣ. да мѣхѣ пѣлатитъ.
Мухѣ с овухѣ клопы. с ослопы. комары с топоры что
 раканы. з санапалѣ. сверчки с лучки.
Много. хорошихъ. да милова нѣтъ. 1545
Много дсера не надакучитъ.
Межъ перстова мясѣ. не растетъ.
Мертвой ѹ ворота не стучитъ а своѣ воѣметъ,
Молевенѣ пѣтъ. ѣ ползы нѣтъ.
Мѣкѣ всемѣ. наука. 1550
Мертвѣ. поминѣ а живѣ. имянины.
Много пѣлъ а мало. ѣлъ.
Медѣ. ѣста. в улен. лѣста.
Мертвѣ на погостѣ. хѣ в великой постѣ.
Мило. волкѣ. телѣ. да гдѣ ево. ѣзятъ. 1555
Москвѣ что доска. спать широка. да веде гнетѣ.
Моро на дворѣ. ѡ вчерашнѣй портѣ,
Мѣжѣ. мѣдрѣ. бѣмолвиѣ. водитъ.
Мѣмѣю. збирати. при дсопшихъ. рати.
Мѣхи летаютъ а воробѣ ихъ хватаютъ, 1560
Млѣ идеть к дивѣ. а старѣ бредеть к пивѣ,
Мертвѣмъ да мѣрзлѣмъ хошѣ ты пѣ пири.

[л. 356 об.] **Мертвому.** мамка. а живому. мамка.

Младоумному. полонъ ротъ мѣхъ.

1565 **Мечомъ** золото добываютъ а мечъ златѣ покупаютъ.

Мы про людей вечеренку съдѣмъ а люди про насъ і во всю нѣ не спятъ.

Мыло черно да моетъ бѣло.

Мѣста много а счастья нѣгдѣ.

Мирская молва. что морская волна.

1570 **Малъ** золотникъ да дорога. и белѣ юуцѣ да броситъ.

Мѣжикъ деревянаа. рогатина.

Мѣжа печѣся кѣ хлѣба добытъ а жена мѣлѣ кѣ мужа
избытъ.

Мѣка красть уѣлится.

Мнѣ гостѣ что дѣла нѣбываютъ ево что. ежѣ.

1575 **Милъ** гостѣ да великъ постѣ.

Мѣжѣ чгятъ за разѣмъ а женѣ. по умѣ.

Мѣхѣ к свѣтѣ. а мышѣ. во тмѣ.

Мочѣ солоѣ забываетъ голодѣ.

Мѣсятъ квашню по свѣтѣ смотрятъ.

1580 **Мяжкая** постеля. в долѣ. сонѣ приводитъ.

Мышѣ гложетъ что можетъ.

Мѣшка за хлѣвомъ ѣскатъ,

Мертвому тѣмпанѣ не поѣдка.

Мрежю. дѣши. не ловятъ,

1585 **Мѣжѣ** краса до уса,

Мы хотимъ. пить а насъ хотѣ. битѣ.

Мѣтно на дѣшѣ что нѣтъ пивѣ. в кошѣ.

Мошѣ догадаться что в окошко. уѣ бросатся.

[л. 357] **Мелникѣ** не бѣделникѣ. хошѣ дѣла нѣ а топоръ нѣ рѣ. не идѣ.

1590 **Мылнѣ.** что Билнѣ. тѣ не тулятъся а туѣ навалѣся.

Мошнѣ что квашня. кѣ в неѣ прибываетъ тѣ еѣ прѣкисаѣ.

Мена бес костей а ловецѣ бес снастен.

Молоѣ прутокѣ зелены орѣшки.

Молоѣ мѣлко. постоятъ. а прятѣ чтоко посидѣтъ.

1595 **Мѣхѣ** да уѣхѣ сорока до ока а оса да носа.

Мы жѣ ссужаемъ да мы² не угожаемъ.

Матъ всякому дѣлу конецъ.

Ме² вами. вѣзгуютъ нами.

Мыши ъбери. котъ за пона.

Мыши котъ на погостъ волокътъ.

1600

Моло² гложитъ кости а старъ тѣжъ кашъ.

Мышь в корове. что кнзъ. в городѣ.

Мѣлакъ вродъ по самой ротъ.

Мухъ убиваетъ ли ѡрла а мурукен лва.

Миръ зинулъ и адъ ротъ ро²зинулъ.

1605

Молено² боранъ ѡлучилъ и² гуляще² прилучи²ся.

Мели мелъ казъ за жерновы пирога.

Мечѣсь что. мертвое. теля. по хлѣвѣ.

Много добра не надокучитъ.

Миръ дѣло велико: кѣ в²сѣмъ мирѣ водѡнутъ тѣ и време²щій їздѡнѣ.

1610

Мѣдныя глаза. не боятсѣ. ни дымѣ. ни воды.

Много говоритъ голова заболитъ.

Ме² гла², деревня. згорѣла.

Ме² гла² да нѣ пропала,

Москва стой на болотѣ а ржи в нѣи не молотитъ.

[ч. 357 об.]

Мать тово и не вѣдаетъ что снзъ у воды бѣ хлѣва ѡбѣдаетъ.

1616

Много. у чортъ. силы да воли нѣтъ,

Мужа по деревнямъ. а жена в ожерелѣ.

Мужа женѣ. ливитъ здоровью. а брѣ сѣтру богатью.

Многая говоря всегда стыда доводи.

1620

Мяжкое слово кость ломитъ а покорныя головы ї мѣ не сечѣ.

Мышей ѡгнѣ ни жетъ ни палитъ.

Мѣзыкѣ бѣ языкѣ два то²ца бес конца.

Мѣвѣ лежѣ целую зиму не ѣтъ а на вѣнѣ целую корову стрѣскаѣ.

Малъ чирей да гною полонъ.

1625

Мѣтилъ в воронѣ. а попалъ в коровѣ.

Мѣстечко добренко. велѣлъ бы вѣгъ пожитъ.

Мѣ² женѣ. лозю а она емѣ грозю.

Мѣведѣ легъ и игрѣ полегла.

Мѣвѣдѣ не деретъ а водилникѣ што дѣлатъ.

1680

Н.

- [л. 358] **Н**ачало премудрости страхъ гдѣмъ,
Не надѣйтесь на кнѣзи ꙗ на сны члвчскія в нѣже нѣтъ спсѣнїя.
Не чиста прѣ гдѣмъ всякъ высоко сердыи,
Начало блго конца потребена.
- 1635 **Н**а сѹ ити преже самомъ. шсѣдитца.
Не копа' по' другомъ яму самъ ввалился,
Не тревбютъ здравїи врачѣ на болящїи,
Недостатѣ сладостїи скрашаетъ соль.
Нѣста красна пѣсна во устѣхъ грѣшника.
- 1640 **Н**е испорти дѣла не унайтѣ,
Не ставъ дворянски сѣней бѣдыремъ.
Не будъ гостю запасена будъ емъ радъ,
Новая. метелка чистенко мететъ,
Не по'зветъ имѣнїе в' деня ярости,
- 1645 **Н**е сыпъ висеръ. перѣ свиньями да не пѣру' еко ногамї.
Невидала коровъ купи' будѣ ли на лѣто. трава,
Не канся добро здѣлава,
Не береги дѣрева в лѣсѣ. а дѣвкѣ в' людяхъ.
На грѣхъ мастера. нѣтъ.
- 1650 **Н**е толко свѣтъ. что в окошкѣ,
Нашему' словѣ и мѣста. нѣтъ,
Не сули жаравли. в небе дава' синицѣ в рѣки.
На што было агать колѣи нѣчевѣ дати.
Надулся что мышь на крѣпѣ,
- 1655 **Н**а прав'дѣ. немного словъ надоено,
Ни радость вѣчна' ни печаль бесконечна.
- [л. 358 об.] **Н**е ро'дѣ' не сы' не окуленъ не холѣ не ѣскормя врага не видѣ.
Неупокой пѣетъ мѣ а упокой водѣ.
Не помутяся море. не устанится.
- 1660 **Н**е радѣ баба повою радѣ упокою.

- Не рошена в коробѣ ѣдетъ.
 Не все что перенятъ что по Богѣ пловѣ.
 Не пай в колоде^а лико лучитъся. воды испи^т.
 Не любн потаковцика^а любн кстрѣшника.
 Не вранися. с ракою да не сробняетъ с совою. 1665
 Не спрашивай стара^а спрашиванн выкала.
 Не молбя слова крѣпися а мо^акя слова де^ажися.
 Не агутъ кнги что времена^а у^т лихи.
 Не радбися наш^о не канся потерякъ.
 Не^амомъ. много. речей. надокѣ. 1670
 На што бабе мечъ ково ей сѣчь.
 Не с мѣрю. с вѣрю.,
 Не перкой снѣгъ на головъ.
 Не дорогъ лодыгъ дорога овидъ.
 Не изовидъ на дѣлъ. а послѣ дѣлу х^о все ѡгонимъ. 1675
 На худой лошадекъ. да в' старонкъ.
 Не паетъ чортъ мѣодъ. глядитъ о^а в водъ.
 Не все^а лозю. иною. и грозю.
 Нашѣ. племя. соромъ. себя.
 Не поклоня^а грикъ до земли. не по^анй еко к кѣзюкъ. 1680
 Норокъ не корокъ ѡко^армя ево не ѹвита.
 Не тѣды. по дѣды.,
 Не нашъ конъ не нашъ^а и возъ, [т. 359]
 Не вкормя^а борогъ не видатъ.
 Новая трѣвъ гласно а старая согласно, 1685
 Не ѹспѣлъ смечъ да и вродитъ.
 Позри точатъ. возгри,
 Насидѣтся Болоде. в колодѣ.
 Нашему Минѣ. начасоно в спинѣ,
 Новъ гор^о щекоч^о в по^адъ фх^а. не хочотъ, 1690
 Наготы косаты навѣшаны. шесты.
 На^ако^а чере^а зокоръ а в тюрмъ. дверми.
 Не пен много винъ не истряешъ ѹма.
 Не играй кошк^а углѣомъ ѡкожжешъ лапъ.

- 1695 **Н**ѣтъ тово попа не увилазъ бы ко' клопа.
Началазъ за арабая а свелазъ са упокой,
На што было родитца коли никуды не годѣца.
Нашолазъ даяволазъ кловокъ да бойся взять.
Не спешй х' капѣстѣ. какъ ~~духустягъ~~,
1700 **Н**е поманъ не тата не помята не влады,
На што кому богатство. была бы. спеса.
Не сама пьяной ходитъ. чортъ его носитъ.
Не вѣмъ. черномъ в вѣмнѣ. бытъ,
Новъ городъ нижней сосѣ Москвѣ ближнѣ,
1705 **Н**е такъ жи ка' хочѣся. та' жита какъ бѣзъ велитъ.
Не похваляся бѣ. помоляся.
Не и'бывай постылого не во'мѣ бѣзъ многого,
Написано перомъ. не выѣчеша и топоромъ,
[л. 359 об.] **Н**а умнаго печать а на глѣпова замѣ.
1710 **Н**е красна и'ва углами красна пирогами.
Не за то волка бьютъ что о' сѣр за то что сѣла.
Не тутъ во' крадетъ гдѣ много та' гдѣ плохо.
На начинанцаго. бѣзъ,
На лѣково слово не пода'ся а на грѣвное слово не гнѣканя.
1715 **Н**е родитца ѿ свинен коверѣно' всегда поросѣнокъ.
Насилу' милу не бытъ,
Не загачивай дай промолачивать.
Не конся' йца. бойся с'дан,
Не всякъ то' таковъ что Нева' Токмакѣ,
1720 **Н**ѣтъ на конѣ. да поѣхалъ в огонь.
Нѣтъ в немъ ни лѣтъ ни истинны.
На што корова. была бы. жена здорова.
Не по многѣ. берешъ такъ вошй наберешъ.
Недорого ништо дорого вѣжечво.
1725 **Н**е товаромъ бѣзъ корми'. купцомъ.
Нашъ Гришкѣ не беретъ. лишка.
Не соидется Онохино пиво с Несгерокимъ,
Не быва' калинѣ. малиною,

- На сѣслѣ пика, не угодаѣ,
 Не хвалѣ вѣтра, не ивѣявз, жита, 1730
 На паянство, ивѣдано лекар'ство сонз.
 Не по хорошѣ мило' живѣ,
 Не умѣетъ пѣсѣя ногѣ на лю^х лѣжѣ каля'ся же по^ѣ столоѣ.
 Не у^ѣ дѣтей, и сидни, к' чѣстѣ.
 Мокой другѣ что неуставнои плуѣтѣ. [л. 360]
 Не то^ѣ мѣтвѣз х^ѣто много мѣтви даѣтѣ то^ѣ мѣтѣ 1736
 кто никого не обидитѣ,
 Не паяновѣ мѣтѣ ни голоновѣ постѣ.
 Ноги гнилы, и тонцѣ, не миль.
 Не люво не нѣисѣ не хошѣ не живи.
 Не устала кобыла что до Киева сходила. 1740
 Не спѣшиѣ ѣдомѣ корми коня тѣстомѣ.
 На што было женитѣся, коли ро^ѣ не родитѣся.
 На гнилой това^ѣ да слѣпой купецѣ,
 Не купи дво^ѣ купи, сѣсѣда.
 Не желѣи тѣщина добра колупаи мѣла шилѣ. 1745
 Не и^ѣ тѣчи^ѣ грома гремятѣ и^ѣ ново^ѣныѣ кучи.
 На крикой судѣ, обросца, нѣтѣ.
 На поклепѣ денегѣ не напастѣся.
 Не угодаѣ кудѣ шулговатой стрѣли.
 Не свой ножѣ не лювои, кѣсѣ. 1750
 Не ждѣ началѣ ждѣ конца.
 На бранѣ слова, прикупѣютѣ.
 Не дован голодномѣ, хѣба рѣзатѣ.
 Не посылаи холостока, сѣ свѣтанѣемѣ,
 Нашавѣ Данила земля придавила. 1755
 Не свои бы былѣ не сабакою бы слылѣ.
 Не званѣ гостѣ лѣтѣ и званова,
 На чужой, животѣ, глядя, сохни,
 Не потерявѣ, не ищи,
 На чужой рѣ не пугенѣцѣ нашитѣ. [л. 360 об.]
 Не залязавѣ горло кинуѣтѣся к кодѣ. 1761

- Не горшокъ купятъ ѹгодникъ.
 На нѣ водѣ снесѣ а в верхѣ кабала взвезѣ.
 Ни зубѣ во ртѣ. ни глазѣ во лбѣ,
 1765 Не званъ в пиръ не ходи.
 Не богатой пивѣ варитъ тѣровѣтой.
 На вѣтѣ двѣ некитыхъ даютъ.
 Не рокъ головѣ ищѣ сама головѣ на рокъ идетъ.
 Не тѣ коѣ хто крадетъ тѣ коѣ хто принимаетъ.
 1770 Нашъ 'Ульянъ и ' дѣхѣ пѣанъ.
 На опальной товаръ много купцѣ,
 Не добро дѣ бѣ ушей а хрѣ бѣ оченъ,
 Не вѣстѣ и вѣридетъ мѣстѣ,
 Не сохнѣ. матѣ. по чужемъ дитяти.
 1775 Не охнѣ не боли не твои сапоги.
 На пѣжанымъ соколомъ и короны граютъ.
 На леченой кобылѣ не долго хѣхатъ.
 Нашевѣ горѣ и топоры не секѣтъ.
 Ни пѣ ни выжлецъ ни гончая. сабака.
 1780 Не винно. вино. виновато. пѣянство,
 Недосола на столѣ. а пересола на спинѣ,
 Не нашѣ едѣ лимоны. вѣста и вѣ йнсмѣ,
 Не помѣрявъ. бродѣ. не мечися. к' водѣ,
 Не посмотри. в окно. не плюи,
 1785 Не нарокомъ да с оброкомъ,
 [х. 361] Не родися ни хорошъ ни пригоѣ родися цѣсливѣ.
 Наклаѣ барышѣ болшой братъ.
 Наша горницѣ з богомъ не спорницѣ какобо на вѣ
 борѣ таково и в' неи.
 Носилъ кѣ ѣнорядкѣ с короѣки да животы короѣки.
 1790 Не по годамъ бѣютъ по ребромъ,
 Не вѣи мужикѣ кнутомъ вѣи ево рублемъ.
 Пошная какѣшкѣ денную перѣкоковыбаютъ.
 Не до белѣ колѣ свинѣя. цѣолокѣ. пролилѣ.
 Не смѣрдѣя дитѣ не дрогнетъ рука.

- Не повиннѣ рабу не пристрашна́ смѣрѣтъ. 1795
 Нашла свинѣя своѣ поросѣя.
 Не много нагости^т да много накостила.
 Не стола смѣшино́ а на тожа нашло.
 На напастѣ. не напярѣтъ.
 Никто не бывала, а по^т пѣснѣ, пропало. 1800
 Никто́ не бывала а у́ дѣтки. дитя.
 Наливай на гбциѣ. зятя приѣхала.
 Не называ́ килѣ пузыремѣ а боярски^т сѣне́ ко^тдыремѣ.
 На и^тво^т поросѣтамѣ кѣ поросѣты.
 Нѣтъ такова́ дру^тка ка́ матушка. 1805
 Не ѓсохнѣ. голова. будѣ. борода.
 Не вѣжа́ и кѣ гневита.
 Нажилѣ богатствѣ забыла и братѣство.
 Не кормленѣ конѣ кабыла не пожалова^т холѣ дѣтинѣ.
 Не дѣло что в кашинѣ бучита. [л. 361 об.].
 Не замай дерма́ такѣ не баняетѣ. 1811
 Не диво тому́ что́ вошѣ в пироге́ у́ доброй
 женѣ и по две живѣтъ.
 Нашѣ дѣга не щербѣтъ.
 Наза^т ѓдинѣ. слизала.
 Назва́вся грѣздема́ лѣсти в' кѣзовѣ. 1815

О.

- ѐвидливѣ закиданѣ. не видиу́ в раи.
 ѐкинѣ горитѣ господину́ печаль творитѣ.
 ѐдинѣ и у́ кашѣ. не спорѣ.
 ѐхота́ не в лѣсѣ послѣтъ.
 ѐ кумѣ не житѣ а кѣ кума́. не бытъ. 1820

- Ѡвцы бы цѣлы. а волки бы сыти.
 Ѡврадова^{сь} крохѣ. да ломота потеряла.
 Ѡчомъ слѣпа плачотъ что рѣка не видитъ.
 Ѡдна кобыла и та шолудива.
 1825 Ѡпоясо^{сь} мешкомъ да бредеть. пешкомъ.
 Ѡхочой какъ хочотъ.
 Ѡри. до тины. а тѣж. мякины.
 Ѡколо килы. не мо^гв. иската.
 Ѡшибенѡ пердѣ а тѣтеря ѡлѣтела.
 1830 Ѡдинъ Несторъ. и ѡ кашы. не споръ.
 [л. 362]. Ѡпаленъ бокрѣ не насѣ в тор^гъ.
 Ѡдинъ болкъ гоняетъ ѡбечен полкъ.
 Ѡпочина боръ на рѣай а мѣ ѡ небо ѡпрѣли.
 Ѡнаня плачотъ а Маланя скачотъ.
 1835 Ѡ томъ холопъ не тужитъ что до^го служитъ.
 Ѡвечку стругутъ. а другая. токо же глядитъ.
 Ѡвѣдъ ѡ дѣвкѣ покѡ орѣхъ ѡ вѣлки.
 Ѡдна корова. и та комола.
 Ѡхотѡ пуще неболи.
 1840 Ѡдинъ горюетъ а тѣа воиютъ.
 Ѡки^{но} в полѣ горѡ да рѣпѡ забив^{но} в мирѣ вдовѡ да дѣвкѡ.
 Ѡсердятся на блохѣ да одѣяло в печа.
 Ѡрѣхъ ро^грыста невошай корыста.
 Ѡба два ни в о^номъ добра.
 1845 Ѡдно дитя да и то Ѡома.
 Ѡждаемъ свѣта. а утреня ѡпѣта.
 Ѡнаня съ ящикѣ а Маланя с кашники.
 Ѡколо волѡца да в зѡниѣ ворѡца.
 Ѡглянися назѡ не горитъ ли посѡ.
 1850 Ѡснованиѣ бумага. а ѡтокъ писмо.
 Ѡвѣдъ бѣу датъ вскорѣ исполнятъ.
 Ѡвѣдавъ в гостя^{сь}. и к себѣ по^вката.
 Ѡщупа^{сь} Ѡролъ щукѡ. се^{сь} Бо^ги на т^нѣ.
 Ѡгласила. волкѡ мирская голка.

- Обули Финаю, в чортовы лапти. 1855
- Обула бабу обула да и Обула баба обула. [л. 362 об.].
- Обошз мужа жонѣшкѣ дубинны корчшкѣ.
- Обыскаѣ Бласз по нраву квасѣ.
- Обжилз Федосѣ заврѣдчи в обносѣ.
- Обсмотря ремешка да вѣжи не мѣшкѣ. 1860
- Опустя воѣжи да вѣжи борже.
- Обдинз пѣнулз а другой и не дохнуѣ.
- Оболаѣ дворянина густая крашенина.
- Обсудари нѣши коля вѣла хотя на нѣ дрова
возитѣ лишз не по многу кладите.
- Обычѣ не клетка не переставиѣ. 1865
- Обжегся на молокѣ и на водѣ, дуѣтѣ.
- Обчи добры толко яма обны.
- Обному на вѣхѣ не упакаѣ.
- Обно взятѣ, либо дѣти водѣ либо дѣги копѣ.
- Обратѣ пашню купитѣ квашню. 1870
- Обнобалз нити шолкомз а утѣ поучиню.

II.

- Правдѣ избавляетѣ об смерти. [л. 369].
- Перестанетѣ музыкѣ какѣ черва до языка.
- Пророкѣ не порокѣ что оѣ скажетѣ что пѣѣ и будѣтѣ.
- При користѣхѣ поноваетѣ другѣ. 1875
- Пѣшой конномѣ не товарыщѣ.
- По пашнѣ и брашно.
- По Генкѣ, и шапка.
- Пришоѣ посоѣ нѣма присѣ грамотѣ не писаню.
- Прежѣ вопросѣ обѣтѣ муѣро. 1880
- Пансырѣ за кожен. не быѣетѣ.

Попугай не погай а что о^т слыши^{тъ} то и вѣдитъ.

Пасту^т рѣ^т лѣтѣ а сирѣ^т привѣтѣ.

Потопъ кара^тлю а песокъ жаравлю.

1885 Печата воцаная. а клѣта доцаная.

Плаватъ по рекѣ в бождѣ. рукѣ.

По^тлѣ пчо^тки в мѣдокъ а по^тлѣ жука в дѣрмо.

По^тлинная вѣста. что нѣчево вѣста.

Прасо^т с мясомъ а наши^т всегда вѣ^т кашей.

1890 Послышала ворона в зобѣ. полетѣла в лѣса.

Платю. обуха не перебитъ.

Пока снѣце. всходитъ. а роса и глаза выбагетъ.

Похвала мужѣ. пагуба.

Плоха болка и телятъ лижѣтъ.

1895 Панкратѣя. дерѣтѣ из платѣя.

Пьяному. и море по каѣна.

[л. 363 об.]. По^т лежача вода не идетъ.

Паучинной. поставъ не овчинной каѣтанъ.

Пита быкомъ слыта мужикомъ.

1900 Попамъ да клопамъ житье добро.

Попы пастыятъ на мѣртвѣымъ а лопы на живѣмъ

Попъ кабы попъ да лиха попадаѣя.

Попъ ливитъ бли^т а фла бы о^т одинъ.

Покиня шашни^т принимаисѣ за пашню.

1905 Подума^т с подушкой спрошѣся и с по^трушкой.

Правъ судъ не остуда.

Появится ходъ колн придетъ вѣда.

Подетъ на мѣдвѣдѣ жолуда і о^т рыкнетъ.

А какъ цѣла дубъ и о^т нишнетъ.

Первая пѣсенка за^тдѣвѣся снѣтъ.

1910 Паръ кости не ломитъ.

Привыкай коровка ко ржаной сололке.

Противъ и^тбушки и клѣтку ставягѣя.

Попъ да пегу^т вѣчи поютъ и не вѣчи поютъ.

Пришло чернцу. к одному. концѣ.

- Полюбила Пига^а Я^я Фому да не вѣритъ она никому. 1915
 Продаитъ това^а збоиствомъ а купя^я назо^остѣб^б.
 Пеня при дорошкѣ всякомъ повиненъ.
 Починилъ. строй клеткѣ. что и собаки лазя.
 Пляной Титъ Фалмы твердитъ.
 Похваля продача. а хуля купитъ. 1920
 По платану встречаютъ а по ѹму провожатъ. [л. 364].
 Пиръ дѣлатъ пожитки свой вѣдатъ.
 Первую. ѹловку на волю пуцаи.
 Приѣхалъ не званъ поѣд же не дранъ.
 Первая смерть за поту мѣстъ. 1925
 Пришо^о. пѣшъ да давай. ѣздъ.
 По привѣтѣ. и бѣтѣ.
 По бабѣ. и врага.
 Посла не бьютъ ни стѣку^у браня^я лише жалую^ю.
 Послѣ немочи повалки живутъ. 1930
 Плохо тому^у жита у ково ма^а борожитъ.
 Пошолъ по кану^у да и самъ потонулъ.
 Пошла в клетъ по масло и^и в печи погасло.
 Па^а не пропала встала. не устала.
 Понгра^а дѣдъ в сурнѣ. да попа^а в тюрмѣ. 1935
 Праведна мужа не одолѣетъ мужа.
 Прельщается Фомъ ка^а увѣлится кума.
 Приня женѣ нѣжѣ. а не покорится ей мужѣ.
 Принявъ во^окъ ко^ола^а упѣчивала бе^е зла.
 Пробитъ коса осохнетъ. роса. 1940
 Просила. осветръ. до^ождъ в полѣ лежа.
 Проситѣ дастся^я ищитѣ о^орящете.
 — Прудитъ рѣка. не вудетъ грѣха.
 Прытѣ^е бе^е портокъ бе^е коня в полѣ скачотъ.
 Прѣтетъ дѣдъ ѿ^о многихъ вѣдъ. 1945
 Плачотъ Броча^а не хлебавъ гороха. [л. 364 об.].
 — Прягъ мочану а красть. ночью.
 Платилъ долги. а не минулъ Болги.

- Плотнику полтина, а нарядчику рубль.
- 1950 Пловетья Фомѣ по Болгѣ будетъ онъ не к догѣ.
 При рати желѣзо дорожѣ золотѣ.
 Починаетца кочка про докрова гостя.
 Плохо томуъ весица х кому приступаетъ.
 По себѣ знаетъ и намъ лаетъ.
- 1955 Покорной головы и меча не сѣчотъ.
 Пьянока рѣча, а требова мысля.
 Пьянъ поетъ себя тѣшитъ.
 Пиво коурѣ а к носу понуро.
 Повадїся кѹши по воу ходи на томъ ему и голова положитъ.
- 1960 Пяницы царствія бжїя не наследя.
 Пить до дна не видать добра.
 Потерявъ мячко играи жоуачкомъ.
 Прежде неводѣ рыбы не лобятъ.
 Пропустя лѣто да в лѣсъ по малинѣ.
- 1965 По шерсти сабакѣ и имя даютъ.
 Пришла бѣда не гадби.
 При солнце, тепло, а при гдѣре добро.
 Правда не гнѣвна да бѣъ любѣ.
 Почитай вѣстивенное честно.
- [з. 365]. По мѣти по црской и сама себѣ Пожарском.
- 1971 Печка дрочитъ, дорошка учитъ.
 Поднявъ хвостъ да на погостъ.
 Пытки не будетъ а кнѣта не минѣтъ.
 По сытомъ врюхѣ, хошѣ овухомъ.
- 1975 Пошли Ляхи на три шахи.
 Поперегъ кабылы, мѣхомъ.
 Пьяномъ вѣсчестай до чарки вина.
 Пьяному мнитъся, самъ десятъ по пути.
 Пьяная баба скиньямъ прибавѣ.
- 1980 По нужѣ с мужемъ, коли гостя нѣтъ.
 Пожалѣтъ алтна потерятъ полтина.
 Пить пиво сидѣтъ криво.

- По бѣрдѣ. смотра. не вѣдет ли близіонъ.
 Пожилъ в нѣжѣ да нѣжилъ хѣжѣ.
 Праведенъ бѣ; и в'ласти много. 1985
 Палитѣ свиная накормитѣ семга.
 Песъ не ѣсочитѣ какъ сѣка не захочотѣ.
 Потчѣютѣ къмѣ блинками а Ѳомѣ пинками.
 По ѡдежкѣ протягай ношки.
 Пиво добро да мало бѣдро. 1990
 Помолчи боле. поживешъ доле.
 Пожилѣ ермакѣ. по ѡба чирдѣ на бакѣ.
 Попъ попа каетѣ толко перстомъ мигаетѣ.
 Питье добро а не питьѣ и лѣтчѣ. тово.
 Пьянъ да ѡменъ два угодая в немъ. [л. 365 об.].
 Пропадѣ корчагѣ [и] з брагом. 1996
 По гузнѣ не бив[ши] по гузницѣ. не навитца.
 Прикормилъ [сиг]омъ а не ѡбѣи вудѣ и кирпичомъ.
 Попала перепеч[ч]ѣ в плечѣ.
 Пошло было на хлѣбы. да соль своротила. 2000
 Пошолъ по языкъ да и свой потерялъ.
 Пошолъ повязанъ да и самъ ѡвязъ.
 Плохо ѡколо костра щепы брата.
 Пердыѣ щенятѣ за уголъ мечютѣ.
 По ниткѣ и клубкѣ доходятѣ. 2005
 Пѣлѣ воды ѡмочитца а пѣлѣ огнѣ ожечѣся.
 Послѣ дождикѣ в четвѣргѣ.
 Приданое на грядкѣ а увѣчѣ на рѣкѣ.
 Плохо тово. битѣ. что не противѣца.
 Плохо лежитѣ врухѣ волитѣ. 2010
 Попъ попа наказывалъ а ѡвго' усѣ подерги
 балъ я дѣ и самъ тѣ бакбалы знаю.
 Пѣтъ соворомъ. а ѣтъ по дворомъ.
 Прости колпакъ а шапка и такъ.
 Пьяно' ѡ себя сказываетѣ решото денегъ а проспѣ
 тца ѡно и решетѣ кѣпитѣ нѣ на что.

2015 Пригналъ, нѣжѧ, к поганой лѣжѧ.

Помилуй бѣгъ ѡвина а теплина велика.

Послѣ рати хоробрыхъ много.

[л. 366]. Пословицы твердыи голова засквербитъ.

Пѣнию время, и мѣтвѣ часъ.

2020 По которой рекѣ павѣ по той [и] слава творитъ.

По шерстѣ собакѣ и имя [д]ано.

Побѣдился кбвшина по водѣ ходитъ тѣ е^м і голова
положитъ.

Приго^м колчанъ, стрѣлами а обѣ^н пирогами.

По земли широко а до небѣ высоко.

2025 [Пошла баба по масла, а в печи погасла.]

Р.

Рано Татаромъ на Русь ити.

Раба госпожѣ что мѣ на ножѣ.

Рыбѣ ловятъ подлѣ смерти ходятъ.

Рыбѣ вода рѣпѧ земля а ягода трава.

2030 Рѣпка себѣ полемилъ чеснокъ.

Ракъ не рыба не топырь не птица а пѣ не скотъ.

Ро^м да пшеница годѣ родица а вѣре^м другѧ всегда пригодѣца[а].

Рысь сверхѣ, пестра а лукаво чѣвкѧ и нутри.

Ра^нням, птица нѣ очищаетъ, а по^ная глаза продураетъ[ъ].

2035 Рѣка рѣкѣ можетъ а бѣе хотѣя вѣлы быть.

Рыбѣ рыбою сытъ а чѣвкѣ человекомъ.

Рѣзвой самъ навѣжи а на смирова бѣгъ нанесѣ.

Рѣ дѣракъ что пирога великъ.

Рѣ бы в рай да грѣхѣ не пѣстятъ.

[л. 366 об.]. Родился малъ а умеръ пядня.

- Радъ бы сердцемъ да дѣла не приметъ. 2041
- Ретка с хрѣномъ а рѣпка с хлѣбомъ.
- Ретивая лошадка не дого живетъ.
- Роса мочитъ по зорямъ а дожда по порамъ.
- Роса къланю не проидетъ а дода ей не пробетъ. 2045
- Рѣка рукѹ чешѣ а обѣ сверяетъ,
- Рано вѣстовая пѣ поетъ а поздно ложася вдо
ва плачетъ.
- Родися Карпа в хоромѣ а взро о в коровахъ.
- Ра тата баранѣ. вечеръ и по ранѣ.
- Ретивъ бѣкѣ не доживаетъ. 2050
- Риза черна прѣпѣнымъ честна.
- Ризы черныя яко цвѣты сельныя.
- Римская лестъ мнимая честъ.
- Ра вонникъ живоі покоиникъ.
- Рѣномъ с овцы ѡдѣвалися бѣцы. 2055
- Рѣскіе догатки зове рнѹ татию лопатки.
- Рыча волѣ коровою. за да сѣно соломою.
- Рѣза дѣдъ лозѣ. даба бабе грозѣ.
- Ржетъ коня к печалю ногою топаѣ к погоке.
- Ржи. много в полѣ да намъ. нѣ доли. 2060
- Рабинга. котається что дыня.
- Родился на свѣтѣ. не ходи во тмѣ.
- Робилъ дѣдъ деревню а баба горшокъ.
- Рдѣлся Марко было емѣ жарко. [л. 367].
- Ранѣ двоемысленъ а убитъ уже спитъ. 2065
- Рокъ глѣбокъ. а пѣта в небо широкъ.
- Рано сѣнцо всходитъ. то у бытъ до лю.
- Радъ дръгѣ. да вреста к пльгѣ.
- Родномъ пода вонъ а Батѣта сиди тутъ.
- Рожену къбяка да разѣмомъ никака. 2070
- Расказа бѣгрѣшно. учини поспѣшно.
- Рѣпѣ да горохъ не сѣи по ле дорогъ.
- Рѣпка обидно а дѣвка завидно.

Рѣдко съята, легко вѣята.

2075 Рай помышлята ѡ дѣлѣ промышлята.

Решотомъ водѣ мѣрятъ потѣряешь время.

Родится на смертѣ а умретъ на животѣ.

Раѣ нахоѣкѣ не тѣжѣ потерявъ.

Ретка, еста ѡрыгаѣся а рыбка ѣста не слѣчаѣся.

2080 Родя спѣи и ходя а Зиня и рѣ розиня.

Рычѣ колѣ в полѣ не по своей волѣ.

Ржѣ коня на борѣ. хочѣ онъ ко ѣ борѣ.

Рыбки хочѣся а в рѣкѣ не вскочитѣя.

Рябѣ бѣло тѣла в пирога залетѣла.

2085 Роѣ номѣ баткѣ. держатѣ догаткѣ.

Роѣ сыпаѣ госта табаѣ да запѣлаз что комаѣ.

Рыса пестраѣ и скакаты. быстра.

Рѣка приложитѣ и дѣла положитѣ.

[л. 367 об.]. Рогомъ козелъ а родомъ ѡселъ.

2090 Радѣ скомраха ѡ своихъ домрахаѣ.

Рѣбромъ ѡкатитѣся. что сребро ѡ платитѣся.

Ризѣ черная. святѣастѣ мѣрная.

Римская вѣраѣ что неуставная мѣра.

Родила мама а не озинила. яма.

2095 Равѣ гдню не подоваѣта сваритѣся.

Раѣ вы в рай да грѣхѣи не пустятѣ.

Раѣ вы даѣ пирошка да у самова ни куска.

Рогошка рѣнная што матѣшка роѣная.

Ремесла залечми не носѣ а с нимъ лѣтче.

2100 Рыка ищѣ гдѣ габѣажѣ а чѣвкѣ гдѣ лучашѣ.

Родился нага пропади и с платѣемъ.

Розиня ростяпѣ в рѣ заѣхалъ.

С.

- Сѣгары^ѣ лидеи пословицы не мимо дѣла.
 Свои ѡмъ Цара в головахъ.
 Своя голова дороже живота. 2105
 Свои своемъ по неколѣ. другъ.
 Слово поспѣшонъ скоро посмѣшонъ.
 Считаютъ вражники чѣтыя прѣдники.
 Стрелѣба любитъ похвалѣбъ.
 Сѣдѣба безъ дивъ не выкаетъ. 2110
 Свѣтъ с правдою не ѣздитъ. [л. 368].
 Стоянаемъ городъ не вѣзятъ.
 Смирение. чѣвкъ. ожерелѣ.
 Слова ѡ советъ а всякъ о себѣ.
 Съ коимъ ѡбичаемъ. в колыбѣлку с тѣ. и могиакъ. 2115
 Горока лѣтъ соромъ нѣтъ.
 Сѣцъ^ѣ всящуся. лице цѣтетъ.
 Солнце сияетъ на злыя. и блгня.
 Съдъ цревъ съ^ѣ бжн.
 Слѣпеца слѣпца ведутся а оба въ ямъ впадуться. 2120
 Съ сильными не бориса. а з богатыми не тяжи.
 Смертъ мужъ покои.
 Сѣбѣ спалъ себѣ и видѣлъ.
 Съ разумомъ жита лишю тѣшитъ.
 Смертъ страши а грѣхъ во вѣки мѣчитъ. 2125
 Советъ свѣтъ а несоветъ тма.
 Съхая лошкѣ ротъ деретъ.
 Сѣдитая собака колкъ корыста.
 Собакѣ лаетъ. а владыка ѣдетъ.
 Съ чижова коня серѣ грязи долон. 2180
 Головля. баснй не кормятъ.
 Старои долгъ за нахо^ѣки. мѣсто.

Смотря по верѣ не бѣдетъ ли казнонѣ.

Собаку моклокомъ а ей то и по зѣвамъ.

2135 Свѣ свѣ а не сватъ инъ добро' чѣбкѣ.

[л. 368 об.]. Смѣлство лѣче богатырства.

Собою-цены не устаетъ.

Скрыпѣчее дерево стои' а *доровое летитъ.

Сила [и] зако^н преступаетъ.

2140 Стѣни косые а люди босые.

Стрѣляи в кѣстѣ а виноватова бѣзъ сыщеть.

Стъ угорѣлюю головою в чѣ не мѣчися.

Стновѣ и ложка красна.

Собака лаетъ а вѣтръ проноситъ.

2145 Стѣтъ мѣжъ крѣпкѣ себи ѹстнѣ.

Стѣтъ гра^нданомъ. лишенный разумомъ.

Стѣтианикъ тѣлѣ. естѣ ѹкѹ.

Стѣтъ голодѣ не разумѣетъ.

Стмутивый грѣхъ понесѣтъ.

2150 Сорюка даромъ не щекочетъ.

Со лжи люди не мрѣтъ а впрѣ вѣры не имѣ.

Сераднѣ з горшки не ѣздитъ.

С вѣрою лѣчинка ѹ чомъ не свѣча.

Самъ себѣ не рѣ что грамотѣ гора^ндѣ.

2155 Соко^н лебѣ летая блѣ а корона себе сядя и жаву жретъ.

Сама ся раба блѣ что не чисто жнетъ.

Собака естѣ а камѣни нѣтъ.

Скаска склѣ а пѣсня звыль.

Сова спитъ а кѹры видитъ.

2160 Сиди криво а сѣди прямо.

[л. 369]. Спорынья в квашни а тѣсто в шляпѣ.

Сер^нце соколѣ а смѣлство коронѣ.

Савелья по^нчуютъ. с по^нмѣлая.

Серадитъ пѣсѣ провожаетъ во^нкѣ в лѣсѣ.

2165 Силнѣ, мѣжѣ, мечѣ не в нѣжѣ.

Сыроствѣ вѣтрѣ приноситъ до^нда.

Ситѣ частѣ пироги чинитѣ рѣдки.

Саха^р сѣютѣ а не вѣютѣ желѣзѣ вѣютѣ да не сѣю.

Свинопаса и рѣкашку пропаса.

Сколько воскресеней. столко. и новоселен.

2170

Сопз. Окрябинз.

Сѣм кѣ. ты Якимз пото^аки тко. ты мякинз.

Ситѣ. такз. а решото. даромз.

Славенз вбвенз за горами а нѣ прїде что луко^о ко.

Смеч^а чортз лѣсз да помѣша^а ему вѣсз.

2175

Смотритѣ слѣпз в окошко много ли в денз звѣздз.

Смучилз чортз бракз. а сѣ в вбрякз.

Стонитѣ кумз. звирая. свой умз.

Сперва не прѣтко а тамз и тише.

Собою. житз собою. слытз.

2180

Савѣ. смешитѣ. а саканз. страшитѣ.

Сер^аце. крѣчинноѣ что сало вѣ^ачинно.

Садз красенз ш^оградомз. а лозз виноградомз.

Стронно молодецз ходитѣ женитца хочетз.

Старова^а чортз. да пѣнялз вѣсз.

2185

Старю собаку. не баткомз. зватз.

[л. 369 об.].

Старю погуб^акѣ. на новой ладз.

Самолнез всякомѣ не лнез.

С сокомз пирога жѣ. мѣткѣ. керезотз.

Сонз в кручинѣ. что корабелз в^а пѣчинѣ.

2190

Сѣно семѣрыхз сѣло.

Сметанѣ. лнеитѣ. коровкѣ. кормитѣ.

Спорз не бѣваетѣ кто самз что видастѣ.

Сѣ стѣ дворовз. стадо. корокз.

Сѣкно избирай цвѣтомз а дръга привѣтомз.

2195

Свитѣ чорная мысла горня.

Семлю. примѣрявз. одиновѣ ш^орѣжз.

Словѣ не стрѣлѣ. а пѣще. и стрѣлы.

Старые. немощи. трѣдно лѣчитѣ.

Скатанѣ. хвастанѣ.

2200

- Сынъ пономаря и попъ. подаетъ.
 Стѣютъ. начаясь а бѣютъ смечаяся.
 Скоморшя примѣтъ что в пиръ въ привѣтъ.
 Сыръ. да яица, да вина. скляница.
 2205 Скрипитъ. что рѣская. телѣга.
 Сѣка не захочотъ и пѣ не в'скочитъ.
 Скоѣ. выкупая. печаль иму с радостан.
 Сказывать бѣдетъ сѣдчи да ѣдчи.
 Сѣхи да хи хи вводятъ в грѣхи.
 2210 Свиня по заходомъ с своимъ обиходомъ.
 [л. 370]. Спрошалъ бы гуся не забуду ли ноги.
 Самсонъ. сам семъ.
 Соли дѣдъ шти а хлѣба жди.
 Сахаръ значитъ лестъ а саванъ какѣ смерть.
 2215 Семеръ на умѣ коли нѣтъ на гумнѣ.
 Сѣянъ скупостию пожнетъ скудостию.
 Сѣдъ лишняя. бѣдъ.
 Смердомъ слытъ не хочѣся а дворянибъ жѣ не мѣся.
 Сидѣтъ у брашки. смиренко. позову и к пивъ.
 2220 Сѣровъ землѣ хрѣнъ да рѣдкѣ.
 Сѣхарикъ сѣшъ на службѣ спешатъ.
 Сорокъ постелъ не сорома гостей.
 Сѣянъ либнъ. у семѣ. Олибнъ.
 Саму. бсму понята на себѣ бѣдетъ пенятъ.
 2225 Семъ в тебѣ дшъ да не в оной пути нѣтъ.
 Свой землянинъ. на чужой сторонѣ.
 Своя ношъ не тянетъ и потъ не канетъ.
 С людьми и смертъ красна.
 Самъ сѣтъ. ворогъ. что въ днѣгъ. к' горѣ.
 2230 Старой другъ лутчѣ семерѣ молодѣ.
 Своей своимъ деретъ а чужой не прѣтывай.
 Стрѣла. в' другѣ. что. ко пни.
 Снявъ головъ. да на волосами. плачотъ.
 Спрашиваютъ Барбаръ. на расправѣ.

- Тѣмъ морѣ не поганѣ что псы в негѣ налокали. [л. 370 об.].
- Теплѣ, тепло, а не лѣто. 2236
- Товаръ полментца, кумъ Штѣпитца.
- Товаръ не мѣдвѣдъ, вѣхъ дѣгъ не сѣсѣгъ.
- Товаръ подачѣ, ливитъ.
- Тишѣ, поидешъ далѣ, будешъ. 2240
- Тотъ, мнѣ, и свой кто до меня добръ.
- Ты мнѣ не дарово а я тебѣ не челомъ.
- Теленокъ ещѣ в брюхѣ а хозяинъ уже и с окухомъ.
- То тебѣ, не в чинъ потомъ, что, тѣ Немчинъ.
- Ты язычекъ, смалчивай я за тебѣ вѣкъ плачика. 2245
- Тѣмъ добрѣ, что вѣмъ, ров'но.
- Тотъ лѣтъ, не того рѣбля.
- Татарскомъ, мясоѣдъ, концѣ нѣтъ.
- Та овца, не твоегѣ оца.
- Твой мечъ, а моя голова. 2250
- То не вѣдѣ, что, во ржи, лебеда.
- Та вѣдѣ не вѣдѣ ли кѣ болше тоѣ не была.
- То не спасенѣ, что пьянъ, в воскресенѣ.
- Такой пѣстъ, и хлѣбъ, ѣстъ.
- То былъ база, что з дубинами, лазалъ. 2255
- То тамъ, глѣпомъ, и ужинѣ гдѣ дуракѣ дюжина.
- Тетивѣ порветца и Татари не вѣтъца.
- Толкѣ, в Харки, и совонки.
- Тонкѣ прятъ посидѣтъ а мѣко молѣ побтоятъ. [л. 371].
- Тата у татѣ перекралъ утятъ. 2260
- Тачатъ частенко хлѣбатъ реденко,
- Тензоментѣ лопатѣ Упату а Бавиле могилѣ.
- Телятѣ вредутъ, в тенетѣ.
- Тестѣ вѣдетъ чѣстѣ а зятѣ любѣ вятѣ.

2265 Тонко. прѣстѣ. долго ткачѣ.

Тѣ же Оавкѣ на тѣхѣ жѣ. санкахѣ.

Тужатѣ да служатѣ а хѣто ѡретѣ то пѣни поѣ.

Тѣсенѣ путѣ. вводитѣ. в животѣ.

Торгѣ поволной купецѣ. лмбовной.

2270 Торговатѣ неупировачѣ.

Тошно житѣ с вогрювом. а лѣе тово з крѣпганком.

Ткѣ дочѣ не сѣючѣ жени идѣ по улицѣ.

Татяна не сметана не шти еѣ бѣлитѣ.

Тѣ бѣдѣ бѣдетѣ в ворота.

2275 Такой. пѣстѣ и хлѣкѣ ѡстѣ.

Тѣмѣ гостямѣ чирмѣ по костямѣ.

Таком добычѣ смѣ по обычаю.

Тѣчѣ прошлѣ а дождѣ не видали.

Тѣлѣ зипбны зѣлѣ а Коѣра в жагожѣ ѡшила.

2280 Тотѣ Аѣона. дажно не по насѣ.

Та бѣ коровѣ молчалѣ которѣ по мѣвѣдемѣ бывалѣ.

Тертѣ пилю гнѣта спином.

Татѣ. не жнѣтѣ. а погоды ждѣтѣ.

[л. 871 об.]. Татѣ не молчитѣ замки колитѣ.

2285 Трѣскѣ. боятѣцѣ. и в лѣсѣ. не ходитѣ.

Татѣ не лисѣ. а господинѣ, не бѣщѣ.

Торговатѣ бѣдом. наложитѣ головом.

То сѣ. говорѣ да по шѣѣ. гоголя.

Тогдѣ. сонѣ. хвалѣ какѣ зѣдетѣся.

2290 Ты за пирога анѣ чортѣ поперега.

Трон челомѣ. лѣтѣ матерна.

Топи сѣ что ѣ кнѣзѣ ѣваритѣся что ѣ стром.

Ты землѣ тресисѣ а мѣ за колѣ дѣржимасѣя.

Тѣм жѣ саламѣ да по тѣмѣ же раномѣ.

2295 Ты за хрѣнѣ. а хрѣнѣ за тебѣя.

Телѣ ѣмерѣ хлѣкѣ прикыло.

8.

- Ѫ бѣо дней много, а вѣстѣ блиско.
 Ѫ страхѣ, глѣ велики.
 Ѫ ково, Ѫкрали, а Ѫ насѣ выняли.
 Ѫ семѣ, мамакѣ, дитѣ безъ глаза. 2800
 Ѫ всяковѣ Паулѣ своя, правда.
 Ѫ парня дагадки, а Ѫ дѣвки смыслѣ.
 Ѫ ково, конѣ нѣтъ, тоѣ ходитѣ, ѣ пѣшѣ.
 Ѫвогомѣ, робятѣ, а вогагомѣ, телятѣ.
 Ѫ пѣяновѣ касней, не переслушатѣ. 2805
 Ѫ одноѣ обѣчки да семѣ постуховѣ. [л. 372]
 Ѫ Фили пѣи да Филию же вѣли.
 Ѫ ково серцѣ, гнило, а Ѫ насѣ иныло.
 Ѫ другѣ пѣтъ воѣ лутчѣ неприятелска мѣѣ.
 Ѫ хуадѣ ѣмѣ не колозе ногамѣ. 2810
 Ѫ старовѣ ѣжѣ не по старомѣ.
 Ѫлигѣ ѣдетѣ, коли то бѣдетѣ.
 Ѫмѣ доврѣ, а двѣ и лутчѣ того.
 Ѫ всяковѣ Ѣомки, не вѣ помѣхи.
 Ѫтро, вечерѣ мѣдрѣеѣ. 2815
 Ѫдастѣся, квасѣ а не удѣтѣся имѣ кислыѣ шти.
 Ѫ тебѣ кородѣ да и я нѣ роя.
 Ѫ Николѣ, двѣ школѣ аѣвки ѣчѣ да канѣны.
 Ѫ нашекѣ кѣзя по великѣ дѣнѣ мяса.
 Ѫ горковѣ, вортника, и медѣ горекѣ. 2820
 Ѫ сѣса, не вѣ запасѣ.
 Ѫшмѣ, слушай ѣты кѣшай а бѣчамѣ, дуракѣ воли не дова.
 Ѫ пѣтѣя, вѣдами, а бѣпохмелетѣся, слезами.
 Ѫ молотцѣ не безолѣтцѣ.
 Ѫмыкалѣ вѣрка, крѣтыѣ, горки. 2825

- Ѣмной. что. губной. всякъ. ево боится.
 Ѣмномъ. браня. что глупомъ драня.
 Ѣ ково. порося. пропало. томъ и в уша^{хъ} ви^{тъ}житъ.
 Ѣдастся голубецъ. не надобѣ и дубецъ.
 2380 Ѣ бѣга не решето. дни.
 Ѣ Макара. лиша. возгрен. пара.
 [л. 372 об.] Ѣрвала бѣба с печи да хвѣтан перепечѣ.
 Ѣ рака моча в клешнѣ. а у когатовѣ в мошинѣ.
 Ѣ довра всегда ноги кривы.
 2385 Ѣдица кривѣ. да рыкица. пряма.
 Ѣмомъ наживають а безумиємъ і старое теряю.
 Ѣдача кляча лиша скачи да кричи.
 Ѣпалъ дѣдъ с печи. не видаючи. в'стрѣчи.
 Ѣбогъ каменѣ не гложетъ а богатъ золота не латаетъ.
 2340 Ѣдѣ серебрянѣ волочѣ рыкъ. со дна моря.
 Ѣдарилъ. лицемъ своимъ в гря^{хъ} хотя и кнѣзъ.
 Ѣжема. витася. гужема реатася.
 — Ѣмрѣ. Ядамъ. бытъ. тамъ. и намъ.
 Ѣпилася бѣба воды. да дѣлаетъ. бѣды.
 2345 Ѣчатся. асти а гордость. и сама вырастаетъ.
 Ѣбоган ра киселю а богатому и золото в горло не идетъ.
 Ѣмокладъ музика колѣ черва. и^{тъ} языка.
 Ѣзнала свѣнзя свое порося.
 Ѣмъ не постояннѣ. чѣбкѣ окояненѣ.
 2350 Ѣзолотъ да памяца что дѣло. станѣца.
 Ѣвилъ. бѣга. лѣто. мухамы.
 Ѣ сыра дѣба. у сѣха сѣка. привязана сѣка.
 Ѣ ково. пропало. тому бвое грѣхъ.
 Ѣмной на сѣ^{хъ} не ходитъ. а глупой. с сѣдѣ не ходитъ.
 2355 Ѣпрямилъся умереть надобно. спереть.
 Ѣ голѣ. голѣ. голки.
 Ѣ Яковца два яструбца одинъ бца лоби а^{тъ} руго^{тъ} паловѣ.
 [л. 373] Ѣкра^{хъ} бы рыжка. да лиха брыжка.
 Ѣзокъ путь. зимою а жидокъ. водою.

- ФМЕНЪ ЧТО НАДѢИЪ СЕМЕНЪ НА КОЛЫНКУ НАСА^Ѣ ПРОМЕНЯ^Ѣ. 2360
 Ф ПРИТЧІ. И НА КОНѢ. НЕ УИТИ.
 Ф КОЦА. НЕ СЫЩЕШЪ КОНЦА.
 Ф ЧІ ЖЕНЪ. ДА ДѢТЕЙ БѢ ЛЮДЕЙ.
 Ф БОРА ЗАЕЧАѢ. СЕРЦЕ. И СПИТЪ И ВОИТСЯ.
 ФМЪ ГОВОРИТЪ ПОРА ИТЧІ З ДВОРА А ХМЕЛЪ 2365
 ГОВОРИТЪ. ДО^ѢДЕМЪСЯ ПОВОИ ДА ВМѢСТѢ ДОМОЙ.
 Ф СІВОГО. КОНЯ. КОЛОВАЯ ХОДА.
 ФМЫВАНСЯ МЫЛОМЪ НЕ ПО^ѢДОВАНСЯ. ЗАЛ^ѢНЯМЪ.
 ФЧЕНЪ ЖЕНУ КАРТА А ДРОЧЕНЪ МАТ^ѢШКЪ.
 Ф СТАРЦА. В КЕЛѢ. ЧѢМЪ. БГЪ ПОСЛАЛЪ.
 Ф КГА. ВСЕГО. МНОГО. А ВСѢ. БЛИСКО. 2370
 Ф КАВЫ. ВОЛОСЫ ДО^ѢГИ А УМЪ КОРОТОКЪ.
 ФСПѢТА В КРАСНѢ. И В ХОРОШѢ НАХОДИЦА ЛИШЪ
 БЫ БЫЛО В ЧЕМЪ.
 ФДАЛУИ. СТАВИТЪ. А ВѢГЛУИ. НЕ ЗАБЫВАЕТЪ.
 Ф ВСЯКОВА. МОЛО^ѢЦА. СВОЯ. ВХВАТКА.
 ФТОП^ѢШЕН. ПИТА. НЕ ПРОСИТЪ. 2375
 Ф ЛЮДЕЙ И НО^Ѣ. НЕ РѢЖЕТЪ А У НЕГО И ШИЛО КРЕТЪ.

Ф.

- Филимонъ. поетъ неФимонъ. [л. 378 об.]
 Фарба прелцаетъ очи до вѣчныя очи.
 Фараонъ. мухи в великия. муки.
 Фаворъ гора паче свѣта. была. 2380
 Фокъ. твѣдитъ. сорока.
 Философство. хотя вжжо на посоство.
 Фатка бывала дядка. а нѣтъ стала. Фара.
 Фараонъ ис корѣты конъ.

- 2385 **Фомѧ** не купитѧ ѹма.
Фомѧнѧ с толокномѧ стоитѧ под окнѸ.
Федкѧ горекѧ что редкѧ.
Фомѧ вошшая крѸма.
ФокѸ. да **Яковѧ** и сорокѧ. знаетѧ.
2390 **Фонаря** да **пономарѧ**. свѣчами пригожи.
ФедкѸ. поноситѧ. что реткѧ ѹкуситѧ.
Феурала. когатѧ снѣгомѧ. **Апрѣль** водою.
Федосѧ амвѧтѧ. приносѧ.
Фитѧ не славно. ѧ вещь. она. славно.

Х.

- [л. 374] **Храбрыѧ** в' **тирмѣ** **мурыѧ** на **кабакѣ**. а **глупыѧ** **искаѧ** в **попѣѧ**.
2396 **Хвѧлиѧ** **другѸ**. **чужѸ**. **сторонѸ**. а **самѧ** в **неѧ** ни по ногѸ.
Хто **чѣмѧ**. **играетѧ**. **тотѧ** **чѣмѧ** и **зашивѣѧ**ца.
ХѸ **муѧ** в **могилу** а **добра** **жена**. по **воромѧ**.
Хотѧ **бы** в **ордѣ** **такѧ** **бы**. в **дорѣ**.
2400 **Холщовая** **рубашкѧ** не **нагатѧ** а **поскоѧная** **каша** не **голоѧ**.
Ходитѧ **кругѧ**. **бочкѧ** а **руки**. в **воронке**.
Хто **добра** **тому** и **кобра** а **хто** не **добра** **тому** **ѧ** **бы** **раи** не **будѣѧ**.
Хлѣбѧ **солѧ** **вмѣстѣ** а **рыбка** в **дѣлѧ**.
Хто не **сизивалѧ** на **конѣ** **тѸ** не **лѣживаѧ** **ѧ** **пѸ** **конемѧ**.
2405 **Хто** **оѣжетѧ** на **мокѣ** **тѸ** **поѣетѧ** и на **водѸ**.
Хто **ѣдитѧ** **тихоѧ** **тѸ** **бѣдетѧ** **далѣ**.
Хлѣбѧ **серцѣ** **члѣву**. **ѹкрѣпитѧ**. а **вино** **взвеселитѧ**.
Хвѧля **кѧги** не **имемѧ** а **хвѧля** **пивоѧ** не **лишимѧ**.
Х **кожѣ** **ѹма** не **пришитѧ**. **гвоѣдемѧ** **евѸ** не **прибитѧ**.
2410 **Хлопотѧ** **полонѧ** **ротѧ** а **перекѸситѧ** **нѣчево**.
Хлѣбѧ да **капустѧ** **лиховѧ** не **попѸсятѧ**.

- Хто. ѡриѡтъ тѡ поичтъ а хто. с'лужитъ. тѡ тѡжитъ.
 Хотѣ соенѣ и серѣ поля стонтъ да ^ѣтому^ѣ вору шумѣ.
 Хто дорогом. не хаживалъ. тѡ до^ѣра коня не жалуетъ.
 Хто жибетъ скупъ томѣ саленъ. пѣпъ. 2415
 Хто ково. смага. тѡ чово и в рага.
 Хто у на. ѡбѣдетъ тѡ про на и вѣдетъ.
 Хтоѣ поросѣ и в Петровѣ постѣ ѡзяело.
 Хто вожитъ. себѣ боложитъ.
 Хто на морѣ не бывалъ тѡ с прилѣжандемъ [л. 374 об.]
 Бѣѣ не малывался.
 Хто. бабе не вѣкъ. 2421
 Хто во што гора^ѣдъ. тѡ тѣмъ и промышляетъ.
 Ходилъ по камѣнъ да и самъ потанулъ.
 Хоша. чортѣ впрягѣ. инъ. не тянетъ.
 Ходитъ. ѡнъ ревромъ не ^ѣнаетъ з голдемъ. 2425
 Хорошѡ дръгъ плаветъ что и пѣпѣ^ѣ впрядаѣ.
 Хто находитъ тѡ и теряетъ.
 Хомутъ. ху^ѣ дръгѣ тонка, ѡ всемъ тоска.
 Хотѣнемъ. побѣжденъ. огнемъ распаленъ.
 Хотѣлъ. вѣсѣ, бѣѣ ногами затѣтатъ а у^ѣ ея і рука^ѣ не дѣтѣ. 2430
 Ходилѣ лисѣ куря^ѣ красть да попала в пѣтъ.
 Харитѡ^ѣ лишъ скиндямъ. притонъ.
 Хуля бѣ лишитъ. многа.
 Хвалѣ бѣ не погибнетъ. а хуля не воскреснетъ.
 Хороша дорошка воложкою. 2435
 Харя. дехтемъ. труситъ.
 Храврѣ побиваетъ и свои^ѣ и^ѣ бабляѣ,
 Хравромъ. смертъ пред очима.
 Хревромъ ганяга. недрѣгѣ. ѡсталъ.
 Хижѣ своя лутчѣ каменнѣ^ѣ чюжѣ^ѣ, 2440
 Христосъ все видитъ хто ково ѡвидитъ.
 Хозяинъ за товаромъ а бѣ за накладомъ.
 Ходилъ бѣ по землѣ. а чѣвкъ по небѣ.
 Хомамъ высокѣ а все песокъ бѣ по^ѣ кокъ не ^ѣзо^ѣ дешъ. [л. 375]

2445 Кто чему позабидуета то̄ тому и поработает̄.

Хозовы̄ сапожки на оловковы̄ ножки.

Кто чевѣ. ищетъ. то̄ то̄. и сврящѣ.

Холѣ да женѣ да третей̄ земля дворянѣ бо̄на.

Хорошо̄ на ѡнакомѣ. и коровкѣ купитѣ.

2450 Хотѣлаз купитѣ. село да взложиѣ себѣ сила.

Ходила баба море зажигать моря не загла а лоту явила.

Хотя дитя криво. а бѣцѣ. матере мило.

Хлѣбъ с солян. не бранитѣя.

Ходитъ что саврасъ въ уды.

2455 Ходитъ Зиня и ротъ розиня.

Ходитъ что быкъ. круга Фавина огорода.

Холостой простой женѣ рогѣ а вдовецъ что зялецъ.

Кто в дѣлѣ тотъ и в ѡвѣтѣ.

Хвастаетъ тысящею. а чмѣ в очахъ.

2460 Хотя коровкѣ избыта. а серешки купитѣ.

Хотя скитѣ стѣра толкѣ коля своя.

Кто чѣмъ промышляетъ то и вымышляетъ.

Хлебалаз мѣжа ушкѣ да вы[р]онилъ дшкѣ.

Ходя. по могиламъ махатѣ. вѣдѣ кадиломъ.

2465 Ходитъ по лѣдѣ. поколазнятѣя.

Хотѣлося винца да страхъ дѣбца.

Ходилъ чортъ за облаками да обобался.

Хлѣбъ солѣ конецъ ѡвѣдѣ.

[л. 87б об.] Хотѣлося постричтѣя да прилучилося женися.

2470 Хѣ не доверъ свой не бей его при мнѣ.

Хвостъ Фомѣ. залупилъ да хѣлаз прилѣпили.

Хвоща дѣвенской ѡвоща.

Харитонъ с Москвы прилѣжалъ с вѣстами.

Хатѣ ѡслопдемъ богата.

2475 Кто пировата а мы горевата.

Хорошо̄ попамъ да поповичѣ дурѣ и зову да пирога̄ и дамъ.

Хваля другѣ. невѣстѣ а самъ. к' мѣстѣ.

Холопей ѡвѣтѣ вутѣ ничево нѣтѣ.

- Хорошо ѡжерелѣ на Гусское дѣло в три молотѣ стегано.
 Хотя Оилѣ плоѣ да осилѣѣ дкоѣ. 2480
- Хлѣбъ солѣ заемноѣ дѣло.
 Хлѣбъ солѣ ѣжа ѡ прав'дѣ говори.
 Хлѣба к завтраю остѣливѣи а не дѣла.
 Хотя и не попѣ да обычаемъ добръ.
 Худое ремесло. лѣтче добровѣ коровства. 2485
- Худо' что мужи' что о' обухѣ дрожитѣ.
 Кто пѣ до ѣна то' живѣтъ без ума.
 Хотя конѣ горватѣ да не мерину братѣ.
 Кто не слушаѣтъ оца да матерѣ то' станѣ слушаѣ
 телячѣи кожи.
- Хорошо берѣчь шубѣ на стѣжѣ а дѣги на нужѣ. 2490
- Хорошо вѣрѣчь вѣлю денешкѣ на черно' денѣ.
 Кто желаетѣ власти. придѣ на него слаѣи а почо
 ма страсти. да в то' ему будѣи и пропасти.
 Кто имени' да ему же пирога нѣтъ. [л. 376]
- Кто служѣи то' тужитѣ а хто ѡретѣ то' пѣни поѣ.
 Кто торгуѣтъ чтогѣ борѣтъ. 2495
- Хотя. не попѣ да обычаемъ добръ.
 Хоша ѡколо гуменѣ что'ко сама себѣ игуменѣ.
 Худа вѣстѣ. нѣчево. ѣстѣ.
 Кто свѣталѣя то' спрягалѣя.
- Хорошо на дрга кала' купѣи не удаѣся инѣ са' сѣѣлѣ. 2500
- Хорошо в дорошкѣ пирожокѣ з горошкомѣ.
 Хочѣтъ. старовѣ борѣи на мякинами ѡманутѣ.
 Хотя. чортѣ впряги. ѡ смѣ. кажетѣца лошада.

Т Ѡ.

- Ѡ аггъзъ ѣдинъ Ѡ члѣкъ два Ѡ земли три.
 2505 Ѡ избытка серца. Ѡста. глаголютъ.
 Ѡ малыѣ огня искра великѣи вещи погоряютъ.
 Ѡ смерти и по каменемъ не скрывается.
 Ѡ рѣзанъ ломотъ не пристанетъ.
 Ѡ рѣзавъ голокъ. да на волосамъ плачетъ.
 2510 Ѡ вѣданъ другъ. не Ѡ вѣданъ два.
 Ѡ кврицы яицо а Ѡ яица курица.
 Ѡ доброва корені. и Ѡ росла добра.
 Ѡ доброва Ѡ вѣда и к Ѡ жинѣ Ѡ станѣся.
 Ѡ кума а чина Ѡ кумы полотно.
 2515 Ѡ сѣщенника молитва Ѡ людѣ пѣ руглѣ.
 Ѡ бѣга дожда. а Ѡ дьяволъ ложь,
 [л. 376 об.] Ѡ рыгаѣся маслицомъ видялъ корове слѣ не чѣра ѣ третѣ днѣ.
 Ѡ людѣ ѣтанишъ а Ѡ бѣга никако.
 Ѡ ково погибаемъ. тово и бѣваемъ,
 2520 Ѡ ково терапимъ. про тово тѣвримъ.
 Ѡ Главы хочешъ славы а Ѡ персти ищешъ чести.
 Ѡ дожда. не в вода.
 Ѡ ково. Ѡпасны томъ и зопасны.
 Ѡ цѣ имя запомнилъ. а матке забылъ.
 2525 Ѡ ца в городѣ. а сама к городѣ.
 Ѡ ласъ бы носилъ зеленъ да не Ѡпуститъ меле.
 Ѡ нѣтася чортъ Ѡ крестинъ.
 Ѡ нимается дьяволъ Ѡ кояными Турки.
 Ѡ палъ вѣсъ вѣры не по на своей мѣры.
 2530 Ѡ пятися задомъ Ѡ жидовъ.
 Ѡ тялъ. севѣ. Ѡ хѣ Кириуха.
 Ѡ чевѣ живетъ пляскъ какъ ѣдарѣ в плѣша.

- ❧ чистѣя сѣца чисто зрятѣ очи.
 ❧ шютился тата спиномъ, что великомъ мздомъ.
 ❧ щепилася розга ѿ аѣтарасли. 2535
 ❧ ческомъ. снѣ и ѣ гяденѣя сытѣ.
 ❧ сыпанся. спиномъ, что рожамъ.
 ❧ берегу ѿсталѣ ѣ к' дубгомю не присталѣ.
 ❧ добра добра не ищутѣ.
 ❧ искрѣ сыръ. борѣ загорается. 2540
 ❧ сѣки тѣ рѣкѣ, прѣ которѣя севѣ добра не хочетѣ.
 ❧ чевѣ родилсѣя тѣмѣ и повѣдилсѣя.
 ❧ хѣдые птицаи хѣдые и пѣсни.

Ц.

- Црѣя не всякъ видитѣ а всякъ за него бѣа молитѣ. [л. 377]
 Црѣо. сѣрце. в рѣцѣ бѣжи. 2545
 Црѣю служатѣ. ѿ домѣхѣ не тѣжатѣ.
 Цвѣтѣ в полѣ чѣбкѣ въ волѣ.
 Ценѣ ѣстѣавитѣ не село престѣвитѣ.
 Целѣвѣ пѣяномю спѣтѣ доволно.
 Цѣнѣ влѣцѣ. печоного. хлѣба. 2550
 Цвѣтноѣ платѣ в волшоѣ мѣсто. несетѣ.
 Цвѣтноѣ плаѣ на плечѣ а добрая мысль к сѣрѣцѣ.
 Цатѣ слакнѣ шестѣя часть копѣнки.
 Цвѣтетѣ. старостѣ. сѣдиномю а овоцѣ ему смѣтѣ.
 Ццѣленіе грѣшномѣ. покояниѣ вѣрноѣ. 2555
 Цѣлконосноѣ зелиѣ дарованиѣ велие.
 Цѣлѣвѣ пѣяницѣ. на столѣ в кляницѣ.
 Царѣ птицамѣ орелѣ да воитѣя соколѣ.
 Царѣ лѣвѣ зѣремѣ, не ложенѣ и беренѣ.

- 2560 [Цара турской противникъ руской].
 Царствуетъ. ъмъ головою.
 Царевѣ слѣги. не жалѣютъ ноги.
 Царю прѣстояти себя зазирати.
 Цара. бѣгими коеводы. смиряетъ. миръ негоды.
 2565 Цѣло стадо пастырю радости.
 Цвѣти апли процвѣтоша в терни.
 Цвинтара видѣ в дохнѣтъ.
 Цѣловаль всро^н ку^рку до послѣднеба перышка.
 [л. 377 об.] Цѣлованиѣ татарской назѣ руки за рѣ буди.
 2570 Цыцѣ. да вѣцѣ. то мон и рѣчи.
 Цвакѣ на по^нчеткѣ^нтакѣ.

Ч.

- Чѣвкѣ яко трава дниѣ его яко сѣна переходятъ.
 Что. не радится. то и не ѹмираетъ.
 Честна мѣтня. во время скѣдѣстѣи.
 2575 Человѣкѣ ѹбѣгѣ. что конѣ бѣ ногѣ.
 Чортѣ кети а онѣ в водѣ. гаядитъ.
 Чюжю. кровлю. крои а своя^б не капала.
 Часѣ ѿ часѣ а к смѣ^нти ближѣ.
 Чюжомѣ товарѣ. цѣнѣ не уставиван.
 2580 Чюжѣ му^н милѣ да не вѣкѣ с ни^н житѣ.
 Чюжѣ вѣятѣ лишѣ глазу порошнѣ.
 Чаркѣ великѣ вино хорошо.
 Чѣмѣ было волѣ. рычагѣ. а^н телѣгѣ скрипитѣ.
 Чевѣ на землю не падетѣ тово земля не подымѣ.
 2585 Чевѣ людѣ не мо^нвятѣ что не ^нбдетѣ.
 Чая бы коровѣ мичалѣ а твоеѣ за ^нвоѣ мо^нчала.

- ЧѢИ БЫКЪ НИ СКАКА^т ДА НАШЕ ТЕЛЯ.
- ЧЮЖИМЪ УМОМЪ НЕ ДО^тГО ЖИТЬ.
- ЧѢМЪ БОГАТЪ ТѢМЪ И РАДЪ.
- ЧЮЖОВА. РТА НЕ ЗАВЯЗАТА СТАТА. 2590
- ЧЕРЕ^т СНАЪ И КОНА НЕ СКОЧИТЪ. [л. 378]
- ЧЮЖАЯ ДША ТЕМНО.
- ЧЕВО МАЛО. ТО И ДОРОГО.
- ЧЕЧОТКА БЛѢТИТЪ А ГНѢЗДО ОБСТАНИТЦА.
- ЧОЛНОКЪ ДА ВЕРАДО. У^т БАБЪ ТО ТВЕРДО. 2595
- ЧЕЛО СВЕРВИТЪ КЛАНЯТЯ. НѢКОМЪ.
- ЧЕРЕ^т. РѢЧКЪ. МОСТОЧКОМЪ.
- ЧЮЖОИ МОШНѢ. НЕ БУДА УКАЩИКЪ.
- ЧОРТА НА ЧОРТА НАШОЛЪ ВЪ РАГОЗИНИѢ МЕШКѢ.
- ЧТЯТЪ СНОХЪ. НЕ ДЛЯ СМѢХЪ. 2600
- ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЧЕСТИ СЫИ НЕ РАЗУМѢ.
- ЧАСТО СТЕГАТА РѢДКО ХЛѢВАТА.
- ЧЮЖИ РУКИ ЛЕГКО ДА НЕ К СЕРАЦЪ.
- ЧѢИ КОНА. ТОВО И ВОЗА.
- ЧАЯТА БѢ СПСАЮЩАГО МЯ. 2605
- ЧЕМЪ. БЫТА ТОВО НЕ МИНУТА.
- ЧЮЖЮ КЪРОЧКЪ. ЦИПЛІ А СВОЮ ЗА КРЫЛЫКО ДЕРЖИ.
- ЧАЕТА СЛѢПА СВѢТЪ. КЪ ВДВЦЕМУ ЛѢТЪ.
- ЧАА КУМА СОВОРНИКЪ ДА НАШЛА ОНА ОБТОРНИКЪ.
- ЧЕСТЕНЪ ПЕРСТЕНЪ У ДВОРЯНЪ НА РУКѢ. 2610
- ЧѢВЕРТА ЛѢТА ТРИ МѢЦА.
- ЧУДО НЕ ХУДО УБОГА НЕ АЖИВЪ.
- ЧЕСТНА МУЖА И^тНИМАЕТЪ ИУЖА.
- ЧИНЪ СЦЕННОИ ДОВОРО НЕСМУЩЕННОИ.
- ЧЕТЫРЕ ВРАТА ДА БѢКО ПЯТРОИ ДА Я ЧѢВЕРТОН. 2615
- ЧТО ГРЕНЕША ТО И КЛЮНЕСА,
- ЧЕМУ ПОЗАБИДЕШИЪ ТОМЪ. И ПОРАБАТАЕШИЪ. [л. 378 об.]
- ЧЕСТЪ УМЪ ПОРОЖАЕТЪ А ВЕЧЕСТИЕ І СТАРОЕ ТЕРЯЕ.
- ЧЕМЪ ПОСМѢЕШИЪ ТОВО И САМЪ ВЕРЕГИСЯ.
- ЧЕСТЪ ПРИЛОЖЕНА А УВѢКЪ. БѢ И^тБАВИЛЪ. 2620

- Чей дѣла завтра а наша сегодня.
 Человѣкъ добръ а имя смѣ. охъ.
 Чей. дворъ. тово и хоромы.
 Что в людехъ ведется. то и нѣ не минется.
 2625 Что горбъ то норовъ. а что чѣвкъ то и обычи.
 Что скинай не переѣдѣтъ то и ево не переѣговоритъ.
 Чижимъ ртомаъ сытъ. не бытъ.
 Чѣвкъ не скотина. а дѣги не мекина.
 Чевѣ глаза. не доглядишь то мошином долотѣ.
 2680 Чевѣ глаза. не видитъ тово и языкъ не брѣдѣтъ.
 Чѣваша хотѣ сто. чѣвкъ сондѣтся всѣ дѣвѣ.
 гокорѣтъ. а дѣвѣ у дѣвѣ не слушаютъ.
 Чаша моря Головецкаго пить за здравіе
 Молодецкоѣ.
 Что бѣ дастъ то и едетъ.
 Что в дѣвѣ родится то в городѣ пригодится.
 2635 Что смѣшно и грѣшно.
 Что спехнешъ то. и ѣдешъ.
 Что на пѣвѣ дѣется то и во снѣ грезится.
 Что стерпится то и сменится.
 Что. с' воза упало то пропало.
 2640 Что свѣчки. гаснѣтъ.
 [л. 879] Что кошка ни родитъ то мышѣ любитъ.
 Что видитъ то и брѣдитъ.
 Что. на сѣдѣ говорятъ то и записываютъ.

Ш.

- Шоковъ вѣникъ бумажноѣ тѣло.
 2645 Шѣтка к шѣкѣ а Машка в шѣбе.
 Шоптава тайно хлопотата павно.

- Шѣба слова да к сѣрѣцѣ здорова.
 Шила в мѣхѣ. не утѣитѣ.
 Шлетѣ а нити нарѣжю. выходяѣ.
 Шиломъ. воды не нагрѣтѣ. 2650
 Што цѣлка тѣла.
 Што. из двѣа масло.
 Што мѣхѣнѣ сало розошло пѣ перстомъ.
 Што з гѣся вода небѣтныя слова.
 Што сѣрпомъ по гѣнѣ. 2655
 Шашки. в кѣзовѣ.
 Шахѣвалъ. емѣ. с поля. долон.
 Шастѣ. на божю. частѣ.
 Шамаѣ. что баба. а хамаетѣ. что жаба.
 Шахѣнѣтѣ да махѣнѣтѣ анѣ и вся игра. 2660
 Шишѣ корона порѣ на гнѣздо.
 Шотѣ дождѣ перестанетѣ зашо солнѣ взодѣтѣ. [л. 379 об.]
 Шѣрмѣютѣ в полѣ. учасѣ. в школе.
 Шѣтила Кѣпряшка да попала в тюряшкѣ.
 Шѣмомъ правѣ. не бытѣ. 2665
 Шѣмитѣ дѣровѣшка к погодѣшкѣ.
 Шоптаѣ. емѣ по носѣ да не воѣметѣ в разѣмѣ.
 Шипитѣ по носѣ что блинной поѣмаѣ.
 Што то за блины. все в спинѣ. веѣ бинѣ.
 Што и говоритѣ лишю сѣце роѣритѣ. 2670
 Шилѣ дѣдѣ котманѣ да луѣя не достало.
 Шол бы Карпѣ. к' пивѣ. да не зовѣтѣ.
 Шоѣ бы чортѣ на свѣѣѣ. да вонѣтѣ попа.
 Шелѣгѣ в мошнѣ. а ѣлѣтнѣ. из мошны.
 Шестѣ досокѣ. да холѣстинки. платокѣ. 2675
 Штѣ да хлѣбѣ даш тѣи во хлѣбѣ.
 Штанѣ снялѣ турецкиѣ а батогѣ кладѣ рускиѣ.
 Шилѣ муѣ двѣ охѣвнѣ не без охѣнѣя.
 Широка зипѣнѣ на Ѳомкѣ не вѣдѣ в тоѣ помѣхи.
 Шитѣ ѡжерелѣнѣо в двѣа молотѣ на стѣлѣ. 2680

Шола дѣдъ пѣшъ. распаря. паѣшъ.

Широкѧ. дорошкѧ. Брошке.

Широкѧ борода клиномъ а зовутъ ево Климомъ.

Шахматы. играѣ своиѣ оберегати.

2685 Шалнымъ дѣрнымъ вѣчная память.

Шошкѧ да Пакелъ да ѡканной даяволъ.

Шубѧ обечая ѧ дѣла человекъчая.

[х. 380] Шшиѣ кожихъ обечен. носитъ ево на плечеѣ.

Щ.

Щедроты гдѣни на встѣхъ дѣлехъ его.

2690 Щитится ракъ. клешиемъ а богаѣ мошиномъ.

Щеня лаетъ у старыѣ ѡвѣ слыша.

Щокѧливые лошади всегда берегись.

Щоткомъ. головкѣ. ѧ плеткомъ. молодкѣ.

Щокѧ ѡквнѧва еда холостокѧ.

2695 Щепѧ с укусомъ всегда у скупова.

Щокъ досаденъ вшамъ а сусѧб гүзнѣ.

Щепѧ в каше. и рыбеѣ краше.

Щипалъ Фролъ горохъ да заболѣлъ поперепога.

Щится нѣчемъ а бится нѣ с кемъ.

2700 Щоголь ходитъ. животъ поѣжавъ.

Щоголя вдиатъ. спинѣ. оголя.

Щокою роѣживѧ носомъ платитъ.

Щекѧливѣ. не дотыкаися а рѣниѣ не ѡлѣся.

Щитися ѡ неприятеляѣ штями.

2705 Щѣплѣѣ. по закустѧю с гривами куряѣ вудѣ ли с яцы.

Щипаетъ сокоѣ галкѣ. поглядываѣ на паккѣ.

Щепляѣся что чирей у свиѣи поѣ хвостомъ.

[х. 380 об.] Щѣпаютъ татя в три перемѣны.

- Щипатъ соловою калину́ пропѣстѣ молину́.
 Щебечетъ соловей в клѣткѣ забывъ свои дѣтки. 2710
 Шивъ с него мѣхѣ. досталосѣ и ѡхѣ.
 Шета да плетъ и голова́ чесата и гу́но.
 Шербина́ на ножѣ. щетина́ на ежѣ.
 Шѣка́ ѹмираетъ а зубы́ оголяетъ.
 Шѣка́ во всю спинѣ. а стерляда́ по гу́нѣ. 2715
 Шеляетсѣ что яшно́ блинъ.
 Шяпѣ лошеда́ ногами́ покована́ вотогами́.
 Шипна́з Ѳома́ рыбки́ а самъ скочна́з на ды́кѣ.
 Шѣка́ с огурцами́ скуша́ с молодцами́.
 Шоголь ситная́ милостыня́. 2720
 Шасливомѣ. вѣдѣ до́рѣ.
 Шоки́ берендѣеви́.
 Шоками́ что набилками́ цолкаетъ.
 Шѣка́ ѹмерла́ а зѣвы́ бсталися.
 Шѣпа́ вы́ да с укусомѣ щеня́ вы́ не суки́ сѣзъ. 2725

К.

- Кѣзъ далъ а коня́ не видалъ. [л. 381]
 Кѣтъ. уха́. не воятсѣ грѣха́.
 Кѣтъ калача́ не сидѣтъ на печи.
 Кѣлазъ чортъ́ мимо́ тамъ емѣ́ и имя.
 Кѣла́ къма́ не вѣдомъ кудъ́. 2730
 Кѣчи́ рыба́ дачъ ей имя.
 Кѣжъ корова́ соломѣ. поминанъ лѣто.
 Кѣтъ черва́ древо́ а зла́ жена́ черво́.
 Кѣзна́з чортъ́ в Ростовѣ́ да навѣгалсѣ ѡ́ крѣтѣ́.
 Кѣзъ в рекѣ́ а яза́ в Окѣ́ лишъ соли́ да хлѣбай. 2735
 Кѣтѣ́ слатенка́ да лошка́ моленка́.

Бжа кашѣ а говори нѣшѣ.

Бста дръззы ходита с гологузы.

Бдѣтъ чортъ на дьяволѣ.

2740 Бмз а дѣла не вѣмз.

Бздила Смеля ещѣ ждѣтъ ево недѣля.

Бздитѣ моремѣ не брезговѣтъ горемѣ.

Бздила в пирѣ Кирилѣ да подаренѣ тѣ в рылѣ.

Бдѣтъ онѣ. Ѹставѣ носѣ.

2745 Бжа медвѣда Татгаринѣ а оба не надокѣ.

Бздѣлз к городѣ да наплекалѣ в бородѣ.

Бжа ли не бжа ли а вѣ ежѣ поутѣтъ.

Бхѣтъ грѣзно. пѣмочитѣ гузно.

Бхалз Гурѣ с триоткою накрыкѣ лоткою.

2750 Баз смедѣ. блинѣ да засалилѣ врилѣ.

[х. 381 об.] Бжа много а говори мало.

Бси. бси да ино жорновѣ снеси.

Бжа лутчѣ мясо. а не бжа мясника.

Баз скоромѣ знаи жѣ и соромѣ.

Ю.

2755 Юнѣ с ыгрѣшками а ста^р с подѣшками.

Юношѣ молодѣ. не терпикалѣ холодѣ.

Юрѣ пирогомѣ а дѣрнѣ катогомѣ.

Юрѣ. за бабѣ. а Лѣка за быка.

Юсѣ да ѡжицѣ дѣлѣ. конецѣ ближитѣца.

А.

- И**венъ грѣхъ малъ винъ. творитъ. 2760
Изыкъ мой врагъ мой прежде ѹма моѣ рыцѣ.
Изыкъ головъ кормитъ.
Изыкъ Киевъ дубедетъ.
Иръ мѡжъ не блго бразенъ.
Ико черкъ свшн дреко тѣ печала губн сердце. 2765
Истребъ ловитъ. что хочетъ а когѣ купи что можѣ.
Истребъ бабятъ не по голобѣ глѣдятъ.
Ида горганн слакая. рѣчь сердце глакая.
Идениѣ слакое падениѣ райское. [л. 382]
Изыкъ говоритъ а голова и не вѣдаетъ. 2770
Имащикъ в дорогѣ панщикъ.
Ирышкѣ в стрѣгѣ. прыбай к павгѣ.
Извѣ о стрѣлѣ глбока. а о мечѣ широка.
И не о пѣлѣ. а ты не ослышала.
Икимъ плашина курецъ купилъ а вѣ за пазуху забн. 2775
И перѣ товою. что дермо перѣ свинаю.
Изыкомъ что хо говорн а рѣкамъ волн не довай.

З.

- З**ення ждеца воскресенн.
Зиманъ па тиманъ к Нпатъ по мятѣ.
Зы гостая з двора дамо теѣт пора. 2780
Зн. ѡн. с юнтою пахнвлн сынтою.

Ψ.

Ψалтира красенъ с гусамй.

Ψалмопѣецъ. и ѱ Немѣцъ.

Ψа. моклокомъ. а емѹ. то и по зѹкомъ.

2785 Ψѹ болнаѣ щенягѣ ѡ свинаѣ. поросята.

Ψѹ битѹ. лишѣ. хлыстѣ. кажи,

II.

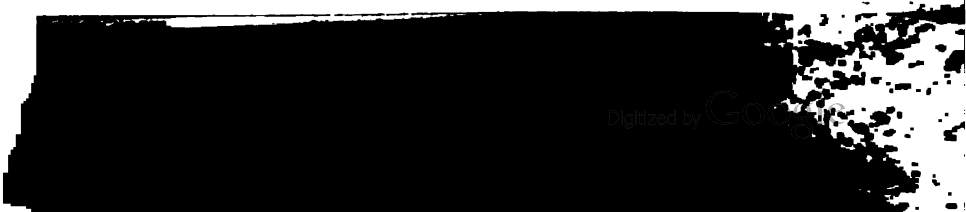
**РУКОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ ПОСЛОВИЦЪ, ПОГОВОРОКЪ И
ПРИСКАЗОКЪ**

ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ

(конца XVII — начала XVIII столѣтїя),

хранящійся въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ
(подъ шифромъ 34. 8. 11).

Текст настоящаго сборника пословицъ, поговорокъ и присказокъ воспроизводится нами по рукописи Петровскаго времени (самаго конца XVII-го—начала XVIII-го столѣтїа). Она принадлежала академику Л. Н. Майкову и была имъ получена въ 1879 году отъ д-ра Н. Г. Ордина изъ г. Кадникова, Вологодской губерніи, и въ 1880 году была сообщаемъ для изданїя Обществу Любителей Древней Письменности въ Санктпетербургѣ, которымъ пословицы по этой рукописи и были изданы въ «Памятникахъ древней письменности и искусства» за 1880 годъ, вып. IV, отд. 2, стран. 75—114¹⁾. Къ этому изданію было тогда присоединено всего лишь нѣсколько слѣдующихъ строкъ съ краткими замѣчанїями о сборникѣ редактора этого выпуска Памятниковъ Ф. И. Булгакова:

«Нижепомѣщаемый списокъ рукописнаго сборника конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, заключающій въ себѣ пословицы, народныя поговорки и присказки, обязательно доставленъ Обществу Любителей Древней Письменности Л. Н. Майковымъ. Рукопись, по вѣдѣнному виду, очень истрепана, что называется, зачитана, и конца въ ней недостаетъ, хотя это ничуть не лишаетъ интереса и значенїя настоящій списокъ, представляющій нѣкоторые варианты къ ходячимъ и распространеннымъ въ народѣ пословицамъ. Особенно же любопытны въ печатаемомъ списокѣ пословицы, въ которыхъ выражается народное міровоззрѣніе, обусловливаемое историко-бы-

---

1) Одни лишь краткія упоминанїя встрѣчаются въ Исторїи русской словесности И. Я. Порфирьева, ч. I (Каз., 1886 г.), стр. 165 и въ книгѣ А. С. Архангельскаго «Къ лекціямъ по исторїи русской литературы. Программа лекцій съ указанїемъ источниковъ и пособій. вмѣсто введенїя. I. Памятникомъ устнаго народнаго творчества» (Каз., 1898), стран. 37.

товыми условіями того времени, а равно и присказки, сложенные въ видѣ какихъ-то виршей».

Признавая съ своей стороны весьма желательнымъ воспользоваться для настоящаго нашего изданія вышеупомянутымъ сборникомъ пословицъ и исчерпать текстъ его, мы обращались съ просьбою къ г. предсѣдателю Императорскаго Общества любителей древней письменности, графу С. Д. Шереметеву и получили разрѣшеніе Общества Л. Д. П. на переизданіе вновь сборника пословицъ, напечатаннаго въ его «Памятникахъ» за 1880 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавъ, что подлинная рукопись стариннаго сборника хранится въ Парижѣ въ обширномъ и драгоцѣнномъ собраніи разнообразныхъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ по пареміологической литературѣ извѣстнаго законовѣда В. В. Богича, которому она была подарена Л. Н. Майковымъ, мы сочли себя обязанными обратиться непосредственно къ самому владѣльцу означеннаго собранія съ просьбою выслать принадлежащую ему и занимающую насъ рукопись для нашихъ занятій въ Санктпетербургъ, хотя бы на самое короткое время. Вслѣдствіе нашего обращенія В. В. Богичъ изъявилъ желаніе пожертвовать упомянутую рукопись въ одно изъ петербургскихъ книгохранилищъ. Выборъ его вскорѣ палъ на Императорскую Академію Наукъ, которой рукопись и была принесена имъ въ даръ. Посему считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ В. В. Богичемъ о нашей глубокой признательности за его обязательное одолженіе и содѣйствіе намъ представить въ печати упомянутый старинный сборникъ въ достойномъ его видѣ.

Въ настоящее время означенный сборникъ пословицъ находится въ рукописномъ отдѣлѣ I (Русскаго) Отдѣленія бібліотеки Императорской Академіи Наукъ, — подъ шифромъ: «34. 8. 11».

Вся рукопись состоитъ изъ 28 полныхъ листовъ и одного обрывка (немногимъ менѣ полулиста), включеннаго переплетчикомъ между 18 и 19 листами. Эти листы имѣютъ 20 сантиметровъ вышины и 16 сантиметровъ ширины. Углы почти всѣхъ листовъ бумаги сборника обгрызаны крысами. Рукопись переплетена бывшимъ владѣльцемъ ея въ папку, оклеенную желтокоричневою бумагою. На первомъ оберточномъ листѣ имѣется карандашомъ отмѣтка—№ 11.

Бумага, на которой писанъ сборникъ пословицъ, пожелтѣла отъ времени и во многихъ мѣстахъ имѣетъ пятна отъ сырости и проч. Листы (1—18, 18^{1/2} и 19—28) рукописи переимѣнены въ самое послѣднее время карандашомъ въ правомъ верхнемъ углу.

Такъ какъ въ ней не имѣется никакихъ опредѣленныхъ отгѣтокъ о времени ея написанія или составленія самого сборника пословицъ, то единственнымъ указаніемъ, кромѣ характера почерка, можетъ служить бумага, на которой писанъ сборникъ, и особенно тѣ его листы, на коихъ имѣются водяныя фабричныя клейма. Рассматривая листъ за листомъ, мы съ помощью систематическаго сборника этихъ клеймъ въ хронологическомъ порядкѣ, приложеннаго къ извѣстному и единственному въ такомъ родѣ труду Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ» (Спб., 1891 г.), — замѣтили:

1) что листы 1. 2. 18. 19 писаны на голландской бумагѣ со знакомъ («шута»), см. въ книгѣ Лихачева на таблицѣ 56, № 478; по устному же намъ сообщенію Н. П. Лихачева, которому мы показывали настоящую рукопись, это — бумага никакъ не позднѣе 1700 года»,

2) — на листахъ 3. 6. 9. 11. 12. 15. 16. 27 — нѣтъ никакого знака, но бумага тонкая,

3) — лл. 4. 5. 7. 8. 10. 13. 14. 17 — со знакомъ (гербъ гор. Амстердама), см. на чертежѣ 3, снятую половину клейма съ л. 5. Ср. у Лихачева на табл.: 58 и слѣд., 66, № 500, 71, № 553 — бумага, по видимому, 1710 — 1720 гг.

Чертежъ 3.

4) — лл. 20. 21. 22. 24. 25. 26 — грубой русской бумаги со знакомъ, который см. у Лихачева на табл. 76, № 561=1729—1730 гг. См. на чертежѣ 4, съ листа 24).

Чертежъ 4.

и 5) тоже лл. 23 и 28 со знакомъ, который см. у Лихачева на табл. 76, № 562 (1729 г.). (См. на чертежъ 5, съ листа 23).

Чертежъ 5.

Такимъ образомъ, на основаніи показаній водяныхъ знаковъ на бумагахъ, слѣдовало бы думать, что составлялся нашъ сборникъ началъ за нѣсколько лѣтъ до 1700 года и законченъ былъ около 1730 года. Судя по разнообразію сортовъ бумаги, сборникъ представляетъ собою шпивонокъ изъ нѣсколькихъ частей, такъ что можетъ быть листы 1—19 включит. и л. 27 составляли ранѣе одно цѣлое, а листы 20—26 включит. и л. 28 (т. е. послѣдній изъ числа сохранившихся донинѣ) — должны быть выдѣлены особо.

При этомъ въ настоящемъ видѣ полулистъ 18^{1/2}, (съ окончаніемъ пословицъ на букву *Ц*, съ началомъ ихъ на букву *Ш* и съ концомъ на букву *В*), вшитый переплетчикомъ по ошибкѣ между листами 18 и 19,—долженъ быть переставленъ: ему мѣсто между 17 и 18 листами, что и принято въ расчетъ въ нашемъ изданіи.

Укажемъ еще на сохранившуюся отъ давняго времени *мтту тетрадей*: внизу страницъ 6а и 10а по срединѣ, но уже арабскими цифрами, имѣются отмѣтки 2 и 3.

Рукопись начинается — безъ всякаго заглавія и надписи съ буквы *А* — пословицею:

а мо' земско' дво^{твори^{ся}} ѿвор^{вали^{ся}}ся что вся в него ввали^{ся}ся

оканчивается на оборотѣ листа 28-го и при томъ внизу его пословицею (продолженіе сборника, вѣроятно, утеряно, такъ какъ обрывается на буквѣ *И*):

Игѣмень Гурей, до братьи: дѣренъ.

Обращаясь къ *составу сборника*, видимъ, что онъ состоитъ изъ двухъ, или даже и трехъ, неравномѣрныхъ частей, что отчасти подтверждается и приведенными уже соображеніями, явившимися у насъ при разсмотрѣніи бумаги, на которой писанъ весь сборникъ, и особенно листовъ бумаги разнаго времени (см. выше):

I) на лл. 1—18 и 18^{1/2} помѣщены пословицы на буквы *А* (л. 1), *Б* (л. 1 об.), *В* (л. 3 об.), *Г* (л. 5), *Д* (л. 5 об.), *Е* (л. 6 об.), *Ж* (л. 7—7 об.); далѣе не сохранились листы съ текстомъ пословицъ на буквы *З*, *И*, *І*, *К*; на л. 8а идетъ продолженіе пословицъ на букву *Л*; затѣмъ слѣдуютъ пословицы на буквы: *М* (на л. 9), *Н* (л. 10), *О* (л. 11 об.), *П* (л. 12 об.), *Р* (л. 13 об.), *С* (л. 14), *Т* (л. 15), *У* (л. 15 об.), *Ф* (л. 16 об.), *Х* (тамъ же), *Ц* (л. 17 об.), *Ч* (тамъ же), далѣе на полулистѣ (обрывкѣ) *Ч*. *Ш*... *Ъ*; *Ю* (на л. 18) и *Я* (тамъ же и на л. 18 об.); внизу л. 18 обор. остававшееся порозжее мѣсто для приписокъ частію заполнено таковыми, но отчасти такъ и осталось не записаннымъ;

II) на листахъ 19а—26 об. сплошную записаны пословицы безъ всякаго порядка, начиная съ первой строки листа 19а и до конца листа 26 об.

и III) на листахъ 28а и б помѣщены пословицы на буквы: *а*, *д*, *ж*, *з*, *и*.

На л. 27—любопытна слѣдующая отмѣтка, которою начинается съ самаго своего верхняго борта эта страница (см. на снимкѣ):

Здѣ Полагаются ѿсего же аавита
мир'скія Пословицы ѿ ра'говоры, Понеже
тамо не писашася за умаленіемъ мѣ-
ста

Б: в: г, д: е, ж: з, ѿ к, и, н, о, п,
р, с, т, ѹ, х, ч, ш,

Лицо, задавшееся намѣреніемъ пополнить первую часть сборника и, дѣйствительно, дополнившее отдѣлъ на букву *Б* въ концѣ его четырьмя пословицами (см. на л. 3 об.), — въ отдѣлѣ на букву *В* не могло уже совсѣмъ найти мѣста для вставки дополненій, и потому рѣшилось сдѣлать вышеприведенную оговорку и приступить къ самостоятельной, болѣе или менѣе систематической, записи пополненій первой части сборника.

Что касается самаго письма, почерка, которымъ писаны листы сборника, то нами замѣчено нѣсколько видоизмѣненій его. Прежде всего упомянемъ, что листы: 1 а-б, 2 а-б, 6 а-б и 7 а-б — писаны довольно мелкимъ, ровнымъ, кудреватымъ почеркомъ и желтовато-блѣдными чернилами; на дальнѣйшихъ листахъ этотъ почеркъ уже не встрѣчается болѣе (см. онимокъ съ л. 6а при стран. 181). Всѣ же другіе почерки вообще отличаются болѣе преимущественно толщиною или тонкостію чертъ (въ слѣдствіе разницы въ очинкѣ пера и т. под. причинъ), а также цвѣтомъ чернилъ, но не характеромъ письма, такъ что можно было бы, въ слѣдствіе того, упомянуть о трехъ-пяти почеркахъ (рукахъ), встрѣчающихся на страницахъ всего сборника и относящихся вѣроятно къ разному времени, — о чемъ и будетъ нами сообщено нѣсколько подробнѣе въ своемъ мѣстѣ¹⁾. Письмо вообще сжатое, особенно позднѣйшія приписки гнѣются одна къ другой и къ болѣе раннему тексту: видно, что бумагою и свободнымъ для письма на ней мѣстомъ очень ужъ дорожили (можетъ быть, въ слѣдствіе трудности имѣть бумагу въ достаточномъ количествѣ особенно гдѣ-нибудь въ отдаленной и глухой провинціи и по ея сравнительной еще дороговизнѣ). О разнообразіи почерковъ можно составить себѣ достаточное уже понятіе, познакомившись съ приложенными: къ страницѣ 181 нашего изданія снимкомъ съ листа 6а нашей рукописи и къ страницѣ 214 — съ части листа 27 а. Другія, болѣе частнаго характера замѣчанія о

1) Не рѣдки приписки пословицъ почеркомъ даже настоящаго столѣтія.

почеркахъ въ связи съ вопросомъ о поправкахъ и припискахъ болѣе поздняго времени (другою рукою или чернилами), будутъ предложены въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» въ концѣ всего изданія.

Настоящій сборникъ пословиць *происхожденія*, какъ можно догадываться почти съ вѣроятностію, — *провинціальною*, именно изъ *Сѣверную (Вологодскую) края*. Подтверженіемъ этому могутъ служить: а) сообщеніе академика Л. Н. Майкова, которымъ рукопись эта была получена въ 1879 году изъ Вологодской губерніи; б) приписка на л. 3 а (сдѣланная въ верхнемъ правомъ углу страницы карандашомъ недавняго времени) слова: «Вологда»; и в) и самое главное, — много попадающихся въ текстѣ сборника чертъ языка сѣверо-восточнаго края Россіи, и даже особенностей почти исключительно вологодскаго говора, которыя и будутъ нами указаны и пояснены въ своемъ мѣстѣ.

Къ этимъ замѣчаніямъ считаемъ необходимымъ еще добавить, что порядокъ и счетъ пословиць при изданіи данъ нами; пословицы, приписанныя на поляхъ или рядомъ и проч., всѣ вообще введены въ одинъ непрерывный текстъ¹⁾. Приписки позднѣйшими почерками или же включены въ текстъ и отмѣчены заключеніемъ ихъ въ скобки²⁾, или же будутъ указаны и, какъ и всѣ прочія необходимыя свѣдѣнія и наши замѣчанія, будутъ сообщены въ концѣ всего настоящаго сборнаго труда — въ «Дополненіяхъ и поправкахъ».

---

1) Зачеркнутыя въ разное время чернилами или карандашомъ пословицы возстановлены, и вообще отдано преимущество первоначальному писцу, а поправки и передѣлки будутъ всѣ собраны и указаны въ своемъ мѣстѣ.

2) Заключеніемъ въ круглыя скобки отмѣчены въ настоящемъ изданіи приписки, давнія же или вообще близкія по времени къ самой записи первоначальнаго текста, также иногда неясно читающіяся мѣста, а заключеніемъ въ ломанныя скобки — тексты позднѣйшей руки, особенно текущаго столѣтія и предположительныя наши чтенія.

[А].

А мо' земско' дво' ^(твори'ся) ^(вали'ся) ѿворѣся что вся в него ввали'ся; (л. 1).

Антипа не липа і' лу' содра' не покрыся;

А даме Адаме ты согрѣши' нѣи срѣца сокруши';

Антихристь блиско а' сіце ниско;

Али мое пиво не ѿдалось, что мое пиво по' тѣ
пролилось; 6

Ахъ выколоу а то мнѣ за'р....гла'.

Апѣгли ѡбличаютъ они же і' наўчаютъ:

А ндре' крѣтилъ, Іоаннъ благовѣстилъ;

А'ще бы и в оудѣ то'ко бы в добрѣ;

Ай ай заключенъ рай; 10

А' а' мѣцъ ма' теплъ а голоденъ,

А' а' Адамъ грѣхъ со'вори';

А' а' Ева пре'стала древо' и выстонала чрево';

Агриппине засве'бѣло ѡз смине:

(по горамъ)

Аврамъ гуляетъ Адамъ по нарамъ, 15

Ахъ стра' давно бы ево хотѣние і' спо'нилъ,

да за плечми гроза;

Адамовы лѣта с начала свѣта;

Аптека у'читъ на по'вѣка:

А'птека не о'ва вѣка;

(л. 1 об.).

20 А'птекамаъ придава'са ўже дѣга^м не жаться;
 А'птекари лѣчать а хѣсорыя крычать;
 А'знаю ква а' гдѣ вижѣ пиво не про'дѣ мимо;
 Аще бы не было сѣда, ^(то) дрѣгъ дрѣга пожерлъ бы,
 Аль мое дитя молоденко что дшѣ
 н'ломило в маленькомъ.

25 Ахнешъ дядя на тетку глядя:

[Жена | мужа потѣшила востры^м | ножико^м зарезала].
 [Было пиво да выпито есть квась | да не про васъ].

Б.

- Блжѣ иже обрѣте премѣдрость;
 Бра^т братѣ головою в ѣплатѣ;
 30 Брашно добро по пашне;
 Быстрая лошадь скорѣ стане^т;
 Болная жена мѣжѣ не мила;
 Бѣденъ бѣсъ что ў него бога нѣтъ;
 Бе^а дожда виногра^а не роденъ;
 35 Болестей тебѣ не штей
 Болятка не молока:
 (л. 2). Бабе' то промыслѣ что неправе помыслѣ;
 Бѣды терпѣти камѣно се'дце г'мѣти;
 (алчють)
 Бѣси плачють какъ г'ноки скачють;
 (задомъ)
 40 Баба скаче^т г' передомъ, все ў нее г'со' деть,
 своимъ черedomъ;
 Быть было бедѣ да дѣги на бедрѣ;
 Былъ ў тещи радъ утекши;
 Бо'ному кровать золотая не поможетъ;
 Басни бабьи дѣракъ [кто] любить;
 45 Бабе' горо^а не до'голѣтенъ;
 Безъменъ ра^а видя дрѣга при напасти;

- Бѣдность і' мѣраго смиряеть;
 Безъ ума голова котель;
 Богатымъ злато нищѣ ради;
 Баба брѣди чортъ ей вѣрить; 50
 Баба на торгѣ ся гнѣваеть;
 (Бе^е денѣ вода пи^т | того не вѣдаеть).
 Бе^е денегъ в то^ргѣ самъ на себя ворогъ;
 Бе^е денѣ вода питъ тово не вѣдаеть;
 Бога^аство члѣка ѿ сме^рти не избавитъ, 55
 Быть было ненастью да до^дь помеша^т;
 Борода что ворота а ѣма і' с прикалитокъ
 нѣтъ;
 Богать мѣтлю бѣтъ да и о^е не убогъ;
 Богато^е погибаетъ а счастливо^е собираеть; (л. 2 об.)
 Бе^е клинья каютана не здѣлать; 60
 Безъ ума торговать лише денги терять,
 Бѣдетъ пора такъ не ѣдетъ дуда;
 Бѣдетъ тихо, бѣдетъ і' лихо;
 Бѣдность безумного во тму ѣ ѿ людей ѿводитъ:
 Болно раненъ ѣ головы не наши; 65
 Баба с скрамою, а дѣдъ с сѣмою:
     а стыдъ
 Баба пьяна [а сѣ^а] свой помнитъ:
 Брю^жить что худая муха в осень:
 Бѣды члѣка на^учать ѣ мр^сти:
 Блины брюху не порча; 70
 [Гдѣ блины тутъ и | мы].
 Богатому пакость, а убогому радость:
 Бѣдному кѣсь за ломтя мѣсто:
 Бѣдетъ богать, бѣдетъ ѣ рогать:
 Бѣдетъ рожъ, бѣдетъ в люде^а и возжъ; 75
 Быстрая вошка попала на гребешекъ:
 Борисъ не дерись станешъ дра^тца, буде^т запиратца:
 Бредеть Татьяна, не добрѣ пьяна:

Было ремесло, да хмелемъ заросло:

(будешъ)

80 Бѣдешъ ѹпрягъ, а не прѣгъ:

Бе притчи тресся не тресеть:

Бросйся ярко, а доспѣ не жалко:

(л. 8). Без пива да бе вина ѿ бесѣда не мила;

Бесѣда не пригожа бе хлѣба:

85 Бось лаптей не вноситъ:

Бракъ бе дракъ рѣткимъ любовень:

Брови пригожи, а дро ни ѹгожи:

Борода кажетъ мужа, а жену нѣжа:

Береза не ѹгожа гдѣ ѿна стои, та ѿ ѿцмѣтъ:

90 [Пирожъ | с крупой | такъ всякъ | с рукой].

Бритва ѡстра, да никому не сестра:

Богатой с кумою, а ѹбогой с крамою:

Богатой в пиръ, а ѹбогой в миръ:

Быль в Крите, что ѿона в ките:

95 Бѣды терпѣти, бе покоѡствомъ ся не го рѣти:

Бѣлые руки чѣжие трѣды любить:

Бе стыгна гостя пивомъ не выгнать:

Барышъ накла болшей братъ:

Боятся волка, бѣгать ѿ ѿ бѣлки:

100 Бѣды бѣдами, а к намъ воротами:

Было бы шастие а ѿни впередъ:

Бѣа моли, затѣкомъ в полъ колотить:

Буди здоро на ѿва дни, а на трете де на ѿрѣни:

Будто на головѣ, что помѣшало:

105 Было добро да дано, а впрѣ бѣдетъ, да долго

ждать

(л. 3 об.). Бьется бѣдто блоха в ѹхѣ: Быть ѿлите за Капомъ:

Бѣ в Палестинѣ стои лицомъ к стинѣ:

Будь примѣтлѣ а не вѣтливъ:

(ились)

Бе миганья слезы покатыся;

Бьется што рыба о ледъ: 110
 Бѣная друба гдѣ воще слуба:
 Бзди потѣшъ а к дѣлу не поспѣшъ;
 Богатѣ себя взаѣ не давай, такъ не оголѣшъ;
 Былъ кошунъ да выпорхнулъ:

= Б ÷

Всякій звѣдѣрь смотри на нбо а упадетъ въ гѣму: 116
 В лесѣ мѣвѣдъ а в дому мачеха: (обое равнѡ):
 Всякое дѣло мастера боится: (а иноу мастеу и дѣла | блюдется).
 В дорогѣ гѣ ѡцѣ сынѣ товаришъ:
 Всякая погѣка за хлѣбомъ добра:
 Всякому свое мило, хотя на полы згнило: 120
 Вдовѣти, всегда терпѣти:
 Взавши за гужъ, не молви что не дюжъ:
 В шуткахъ прады не бываетъ: (а что надо
 то выговариваютъ).
 Волку зима за обычай:
 Воскъ к огню мякокъ, а калъ жестокъ. 125
 В рѣкахъ не родица, а в глаза двоится:
 [Воры воруютъ не для | прибыли | да д(а)я своей | гибели] (л. 4).
 Варить брага потерять и фляга.
 Вѣтръ кручины не развѣтъ:
 В водѣ глядитъ, а бѣдѣ говорить: 130
 Ворона совѣ не ѡборона:
 Волкоу ловятъ не голкою, но ѡловкою:
 В дождь ибы не кроютъ, а ведро і сама не каплетъ:
 В ведро епачѣ возятъ, а дождь и сама ѣздитъ:
 В чемъ живетъ смѣхъ, в томъ и грѣхъ: 135
 В болшемъ мѣсте сѣди, много ума надобно:
 Во время брани добра не говорятъ:
 В чемъ смолода ѡхата, в томъ и по старость неволя:

(Вамъ поють)

Васъ бьютъ, а намъ навѣтки даютъ:

140 Вѣренъ рабъ, и гдѣнъ ему радъ:

Васъ кормить море, а насъ томить зоре:

Видитъ собака молоко, да "ку"шине глубоко:

Вѣздѣ скачутъ, а у насъ плачутъ:

Вахрамѣй разуме", кого корятъ, а тебѣ в глаза
говорятъ:

145 (Ворону знать и по перью;)

Выросъ нашъ жукъ, болши ме"вѣдя:

Водится с палачами, не то"говать колачами:

Веселие волку, какъ не слышитъ за собою го"ку:

(сѣдять не) (быть)

Воеводу быть, бе" медѣ не жить:

150 Волкъ не голъ есть, на немъ шѣба, да и пришта:

Всякъ в бѣда" бывае", а на "рѣгомъ" видя и' забываетъ:

В доброй часъ, дана часъ:

Вамъ смѣхъ а у насъ и в лаптя" снѣгъ

(л. 4 об.) Всѣмъ по спасибу а 'Улите два;

155 Выдряной пѣхъ, что сме"дей дѣхъ:

Вино варять зимою, а пьютъ ево порою:

Время перехо"чиво, да "ль"пи во"чье:

Великъ тѣ"мъ, да малъ дѣломъ:

Волость не болеть, лутче корысти:

160 Внятно кума не мило, и все постыло:

Вѣте куки", да что хошь то и купишь:

В поле воля, а кто в немъ "" сье"жается, рѣ-
ствомъ не считается:

Всякой Еремѣй, про себя разѣмѣй:

Вешной путь не дорога, пьяново рѣ" не говоря:

165 В дѣвкахъ долѣ, замужемъ короче:

Варюшка не потеряй краюшки:

Вороче"ца что испѣней жернѣ:

В середѣ сѣдимъ в четвергъ не глядимъ:

Во всемъ воля, а ни "чемъ доли.

В' два віда ярыжной кѣ котѣлка бѣлаѣ. 170
 В семьѣ не бѣ урода:
 В лѣсъ каково кликнешь, таково ѣ о'кликне'ся:
 Вырубилъ дѣбинѣ, на свою спинѣ:
 В сѣтка' сиди' на вонной сторонѣ:
 Выши двѣ +непѣны, третью верхъ дномъ: (+неналиты:) 175
 Вирь какъ братѣ, а вяжи што татя:
 В кабакахъ не денги, а в копнахъ не сѣно:
 Всѣмъ ѣзда а ѣному и'ба:

= Г =

Гнѣвъ члѣку сѣшитъ кости, рѣши' срѣ: (л. б.)
 Грѣхъ слѣко, а члѣкѣ пѣко: 180
 Глутому въ поли, не давай воли:
 [Губы з губами | а росолъ под но|сомъ]
 Грѣхи любѣ'ны, да доведѣтъ до бѣ'дны:
 (ково) (тамъ)
 Гдѣ любяты тутъ не часто гости:
 Гдѣ тонко тутъ и 'вется: 185
 (Голу' лѣти' на привѣбу)
 Гдѣ были роины, тамъ бѣду' ѣ крѣины:
 Гдѣ кто не обѣдаѣтъ, тѣ' ничего не вѣдаѣтъ:
 Гдѣ ме'ртвахъ погребаю', тамъ ѣ рыдаютъ:
 Гдѣ свинья ѣмираѣтъ, тамъ и воро' играѣтъ: 190
 Гдѣ ни летѣ' соколъ, ве'дѣ' ему свѣжей мосолъ:
 [Гдѣ за|выли | тутъ попы | и были].
 Голоная птаха и собѣ на сторонѣ:
 Гдѣ голодъ, тамъ ѣ холодъ:
 Грызѣтъ орѣшки, не 'ля насмешки: 195
 Гѣсли потѣха, а хуже ѣрѣха:
 Глухому с немымъ не сошлося:
 Грибовѣ ѣщутъ, по лесу рыщѣтъ:
 Гордѣ бы', глупымъ слытъ, а скупѣ прія'но к пѣпу:

- 200 Грай соколѣ, а лягушка воронѣ:
 Гдѣ голь беретъ, а голю бгѣ даетъ:
 Голой два дома кормить:
 Гдѣ было ѣдало, тутъ будетъ пердало:
- 204 Говорить ѳстро, а роди́ся всьо пестро:
 (л. 5 об.) Голову клонить да ногу ломить;
 Гдѣ конь валяется, тутъ ѣ шерсть ѳстѣляется:
 Глаза боятся, а рѣки дѣлаютъ:
 Говори да ѳкусывай: Говори да не заговарива́ся:
 Гни ребинѣ за ве́шинѣ:
- 210 Глазка вмѣсто а жѳопка нарочно:
 Горкое гденіе и́гоня́ся блеваніемъ: а нахо́де-
 ніе всякое протѣленіемъ:
 (Гла́ на лавицѣ | а 'руго' по' лавицу).
 Горы крѣтые а ноги хѣдые:
 Глазь в' ѳевралѣ а 'рѳгой в' мартѣ:
- 215 Глаза выпучѣ што сычь, а рожѣ роспелѣ што жопу:
 Глазь на печь а 'ругѣй в Галечь;
 [Голову ломить; а за ногу ломить].

Д

- Давыдѣ и́гралѣ в гусли, а Ламехѣ в скрипку:
 Доброе слово лутче мягково пирога:
- 220 Двоемысленѣ, бываетъ непостояненѣ:
 Добрай былѣ князь да и́няла ево грязь,
 ѣ не ѣздить в приказѣ:
 Дѣмѣ и́мѣютъ велику а на гумнѣ по толику:
 Дары нечестиваго в любовь приводятъ:
 Два чи́рка тотъ же кряковенѣ:
- 225 Домомѣ жить, о всемѣ тужить:
 Донѣ Донѣ а дома лутче:
 Далѣ бгѣ здраво, да бока зжало:

- Дома надо́но у́редитца, да тожно и́ти сѣдитца:
 Денги не мекина, а человекъ не скотина: (л. 6).
 Два в поле воюють, а одинъ горюеть: 230
 Два брата на ме́вѣдя, свояки на кисель:
 Девичей стѣ́ до порога какъ переступила
 такъ и забылась:
 Дѣвка красна до замѣжя:
 Дѣдъ погибаетъ а бабе смѣхъ,
 Для тово свѣя і́нѣ́ голосо́ запѣла что не своево 235
 корму хватила:
 Для ще́ люди женя́ца а ъ́ля мяса замѣ́
 ходятъ,
 Дѣвка плаче́ а бѣлка скачетъ,
 Давно ли о́ зашелудиве́ а то перво ѿ і запле
 шивелъ;
 Добива́ся что города, а і́бывае́ что ворога
 Дѣрень лежи́ а честь ево ростеть, 240
 Добрые вѣсти не лежать на мѣстѣ;
 у Добра мужа слая жена на добро есть
 Два в поле воюють а оди́ гѣрюеть
 Два сопо́тата бию́ся.
 Дѣмали до́го сѣ́дума́ не мо́ли. 245
 Два трепали да ѿба пропали, оди́ целовалъ
 да и́ тотъ не бывалъ:
 Двѣ головенки кѣ́рятца, а ѿна никогда:
 Доро́на сласть, четыре ноги вмѣсто скласть: 248
 [Доселѣ | Макар | огороды | кропаль | а но | не Макаръ въ | воеводы |
 попалъ. | Говори да | отъкусыв За котр | кри. | Два вора | воро-
 вали | да оба | пополи.]

Є;

- Есть нѣ́та лѣ́тче; (л. 6 об.)
 (слина)
 Есть денги такъ сила а нѣ́ та́ схи́ма;

- Жить в дозоре не бывать в позоре;
 Жаравль высоко летаетъ, а о' рѣки 280
 не о'бываетъ;
 Жа' кѣлака да битъ дѣрака;
 Жалѣть мешка не жалѣть друшка;
 Женою доброю му' честенъ быѣаетъ
 Женское лѣто по петро' день;
 Жена 'Оловерну главу о'сѣкла; 285
 Женское слово смущаетъ сердце:
 Женское збо'ство і' на свинье не о'бѣха';
 Жаравль межи не знае' і' чре' ступае':
 Жена мужу пастырь;
 Жуку нора за ѡбыче': 290
 Женское слово что кле' рыбе';
 (л. 7 об.).
 Женское срѣце что ржа в желѣзе;
 Жестокъ нравъ не будетъ правъ,
 Жаль коня любя себя:
 Жилъ да и жилы порваль: 295
 (умереть)
 Жить мѣчится а смерти не хочется
 Жить тихо да о' люде' лихо:
 Женя'ца такъ не лени'ца хотя і' не хоче'ся
 в'става';
 Жидокъ пу' водою ѡходя' ево звѣ'дою
 Жернова кують какъ 'ош' не ѡмутъ: 300
 Жаравль пѣ небомъ а сила на зем'ли:
 Животина водить не розиня ро' ходить:
 Жы' на Москвѣ быть и в тоскѣ;
 Жену хошъ лосою а она на' тобою з гро
 зою
 Жена серѣцемъ а му' с перцемъ, 305
 Женѣ спускать то в мошиѣ і'скать;
 Живе' то порою тече' вода і' горою;
 Живе' то пора что соромъ и'ти и 'двора:

- Желѣсо ржа съѣдае^т а се^рдце печаль
погубляетъ;
810 Жалѣть коня истомить себя;
Живеть, еще держится на решетѣ;

[Л].

- (л. 8). Любовь вражды лѣтче:
Лошка воды лутче моря бездны:
Лихое глядение пѣще прошения:
815 Люди молотятъ а йные (в') зѣки колотятъ:
Люди спать а онѣ желвей йскать:
Лѣтче вода пить в радости нежели мѣ в кручине:
Лѣтче семью горѣти а^(м) о^нова^б вдовѣти:
Лошѣака в хомутѣ везетъ по могѣтѣ:
820 Ласковое слово кость ломить, а жестокое гнѣ^т
воздвизаетъ:
[Не радуися наполь | не плачь потерешъ].
Ленивому болить в хребтѣ:
Лениваго знать й по платью:
Ленивомѣ и во снѣ себя соромѣ:
825 Лишная говоря соромѣ доводить:
Лошкою Волги не переѣхать:
Люди пировать, а мы горевать:
Лѣсь съчь не жалѣть плечь:
Люди молотить, а мы замки колотить:
830 Лѣтче плыть пѣчинѣ нежели те^рпѣть кручинѣ:
Лѣтче хлѣбъ с водою, нежели пирогъ з бедою:
Лѣкомъ кто владѣетъ то^т і товарищей не
ймѣетъ:
(л. 8 об.). Лѣкъ при дороге что дрѣгъ при вологе:
Лѣкъ надежной что дрѣгъ сердешной:
835 Ладанъ на че^ртей, а тюзма на татей:

(беленко)

Личико мале^нко да раз^ум^л маленько:

Лакома о^тца к соли а коза к воли:

Лгать такъ людей об^лгать:

Лихва ^бирать а после во^ддыхать:

(чрево).

Листомъ красно древо а одеждоу т^лло:

340

Лотовъ гр^лхъ не ви^нится в см^лхъ:

Легка рана а головы не сыскать:

Лезло бы да ^н не болело:

Людей о^манывать лише дни терять;

Лодыга в каше, т^л повара в зашей.

345

Людей з горо^л, а ^ума з го^рсть.

Любо вид^лть к^л д^лвка с парне^н ^ндетъ

Либо в^н стремя ногой, либо в петлю головой,

[Ладанъ о^т дьявола ..... о^т б^лга].

М

Медъ каплетъ ѿ ^усть жены бл^лницы:

(л. 9).

Мертвымъ соколомъ и воронъ не ловятъ:

351

М^лра всяком^л д^ллу в^лра: (Мете^т ме^лла, попере^л гумна:)

Мзда ^н м^лра м^лжа ^лчи заслепляетъ:

(а смерда)

М^лха не над^лтъ, а гл^лпого не научить:

Миленкой животъ за рекою живетъ: ни к намъ

355

не ходишь ни к себ^л не зовешъ:

Медъ сла^лко а м^лха па^лко: (Малъ соло^нн^н да дорогъ:)

Мла^л м^лцъ не вся ночь св^лтитъ:

Мило что д^лпа, а горко что б^лда:

Мягкое слово кости ломить: (а жестокое гн^л в^лдвизаетъ:)

Много зва^нныхъ, да мало ^нзбранныхъ:

360

Много хорошихъ да мало любовныхъ:

[Много | хорошы^т | да милово | нетъ].

Многие кѣмы да ра^нныя сѣмы:

Мыло черно да моетъ бѣло:

365 Мѣлка рѣка да крѣты береги:

Ми^рская молва что морская волна:

Много [трѣдѣ] людѣ, много ѣ трѣдѣ:

Мѣжъ печется какъ бы хлѣба добыти, а же^{на}
мыслить кѣ бы мѣжа н^абыти:

Малъ изыскъ всѣмъ тѣломъ владѣть:

370 Малъ соловей, да голосомъ великъ:

Малая сосна в сѣкъ растетъ:

Молебень пѣтъ, а полги нѣтъ; лада^я выкади,
а бѣса не выгонилъ:

(л. 9 об.) Миломѣ дается и возмется:

Много знать мало спать:

375 Многие кѣмы даводятъ сѣмы:

Многие смѣхи великие грѣхи:

Малъ смѣхъ да великъ грѣхъ:

Малъ грѣхъ да велика причина:

Мѣрить вѣтръ не стане^т вѣ^тръ:

380 [Полно пить | лутче умъ | капить].

Мѣря во^м не спрашивать медѣ:

Масло коровье ѣдятъ на здоровье:

Мать кормить *людей* какъ земля *дѣтей*:

(а хозяи^н в подворье)

Мягко хорошо в пирогахъ, а рѣка в берегахъ,

звѣри [в лѣсахъ]: в горахъ, а птицы на лесахъ: (хозя
инъ в дому).

385 Мечъ тѣпъ а меченосецъ глѣпъ:

Мельникъ богатъ шѣмомъ:

Миша что черемиса, чисто ѣ поганого: (пожирае^т).

Мочень богатой что быкъ [пожирае^т] рогатой:

Москва любить запасецъ:

390 Много обѣтовъ да мало обѣдовъ:

Манна сла^дка, Анютка падка:

(а в горе)

Море плыть кораблемъ, а в горо^{ло} жи^е с воробьемъ:

Магъ тѣломъ да великъ дѣломъ:

Маши Машкѣ по^а рѣбашкѣ:

Мѣжикъ голъ а ^а рѣкахъ на него колъ:

895

Мачиха пасынку на ^авое волю дала нагъ ходи

либо бе^а рубашки:

Н

Невинна дѣла непристрашна смерть:

(л. 10).

На что было лгати коли нечево было дати:

Наря^а собачей а полѣтка воронья:

(Юрье)

Наряжается что дѣрень на бабу:

400

[Нашъ по|покъ ходитъ без | портокъ].

Неродомъ старцы бывають ѹроды:

Новой виникъ чисто мететь:

Нему^арѣй мѣжъ слѣгою потребѣть, а м^арѣ
самъ исправляетъ: (Нѣсть члѣка бе^а порока:)

405

Не рада баба повою рада ѹпокою:

Не всякая капля *на* воротъ каплетъ:

(Н)а него Надежа что бѣдетъ ѣ ѡдежа.

Нашолъ чернецъ клобѣзецъ не во^арадовался:

а потерялъ не тѣжитъ:

(На пе^аво ѣ лош^аа красна:)

410

На что бабе мечь ково ей сѣчь:

Не дивно тать дивно блу^аникъ:

Не купи села кѣпи прикащика:

На гнилой това^а да слепой кѣпецъ:

На што было женитца когда рожъ не родитца:

415

Не жалѣй тещина добра *колупай до дна*:

На грѣхъ мастера нѣтъ:

- На^асада не росада, бѣда не робя:
 Не поможе^т ѿмѣние в день ярости:
 420 На вѣкѣ живетъ притчей много:
 Не купи гѣмна прежь ума:
 Нашей Дашке на кашку: Палашке на рубашку:
 На вѣкѣ с крохой, толко муха не ѳтойметъ:
 (л. 10 об.) Не с мѣрой, с вѣрой: Не загачивай промолачивай:
 425 На старость поступать желанія не получить:
 Носъ с локоть а ума с персть:
 Не наша часть в гостми спать:
 Не угадать кѣды живото^у стрѣлить:
 Не свой ножъ не любой кѣсъ:
 430 Не радость вѣчная ни печаль бесконечная:
 Нѣтъ того члѣва не преступи^и бы чего:
 Нашево грѣха сты^{но} и попу сказать:
 Не слуша^т ко^{ца} жди ко^{ца}:
 Не продалъ на денгу а съѣлъ на атынъ а з до
 сталью домой ушелъ (к обѣ^н поспѣ^н, хозя^ну прибы^н доспѣ^н:)
 435 Не мила убогая сестра брату ни бѣная же^н мѣжъ:
 Не давай голо^{ном}ѣ хлѣба рѣзать:
 Не посылай холостово сватаньемъ:
 Нашего Данила жена удавила:
 Не вѣдана девица а увѣдана дѣвушка:
 440 Не солгали привѣты наши о^{вѣ}ты:
 Не своя вошь кусать не знае^т гдѣ чесать:
 Не свое бы было не собакою слыло:
 Незванные гости гложуть и кости:
 На худе городѣ и Ома дворянинъ:
 445 Не в сыре вологи ни в зяте племяни: (до^броты).
 Наряжается что Маланья на сва^{бу}:
 Не сохни не боли не твой сапоги:
 Не ты мнѣ купи, не ты денги давалъ:
 Непошто глупать, в чужой дире копать:
 450 Наперво и лошка красна:

Наперво не ѹговорйся, да послѣ сх^атился:
 Не всякому лянай что по денге ретка:
 На-глазѹ не велико бѣл^амо а кривымъ ѡ зовѣтъ: (л. 11).
 Надѣялся бы на силу привязати ѡ килу:
 Наши печали не вѣтры вскачали: 465
 [Не было | да вышло].
 Наша Татьяна ѡ с воды пьяна:
 Нажила Натаха по^а гузно рубаху:
 Надѣмаюсь с подѣшкою ѡ спрошаюсь с по^арѣшкою:
 Недосоль на столѣ а пересоль на спине: 460
 Не ходитъ волкъ встакой заставать овецъ пасть.
 а волкъ бы ра^а хоти бы о^а лесу постоять:
 Не наша ѣда лимоны ѣсть ѡхъ ѡномѣ:
 Не красно старово в полѣ видѣтъ а страшнѣо
 проти^а его ѣхать: (Нѣтъ нѣтъ да канеть:)
 Не стало свѣчи что заже^ачи: 465
 Нашѣ Обросимъ нѣ^а не проситъ а есть не помяне^а:
 Не люба вѣсть какъ нечево ѣсть:
 Не ѹма набра^аца что з дѣрако^а подратца:
 Не соромъ пра^адника были пироги:
 На сере^аню рѣку ни ^арай ни в мукѣ: 470
 Неволной ра^а повелѣ^аное слѣжитъ:
 Нетъ ли горшечка попарить кишечка:
 Немного не ^адѣлано и в рука^а не бывало:
 Не ѹспиешъ на^анести и возметъ трести:
 Не ху^а то^ажокъ, не пусть горшокъ: 475
 Не хочѣ на свѣгѣ жити, что тебя не любити:
 Ничево не знаю, ѡ шти хлебаю
 На слова^а три сажени в землю видѣтъ, а на дѣле
 на силѣ по^а ноги гледитъ:
 Нашо теля, ѡ губа бѣла:

Ω

(л. 11 об.). Ωчи ўшей вѣрние:

481 Ωрель с вороною не толкуется:

О^т смерти ѿ пѣ камень не ўкроешся:Обидно в поле горохъ да рѣпа, завидно в людехъ
вдова да дѣвка:О^т трѣзавъ голову наѣ волосами плачетъ:485 О^т избытка срѣца ўста глаголютъ:О^т брѣте Филипъ Назанайла:О^дна есть в килье кто же навонялъ:О^днемъ рать не пуста:О^днѣнь ўмень десять безѣмныхъ водятъ:490 О^т кумѣ не жить а бе^т кума не быть:Ωвнѣ горитъ а мужи молоти^т, ѿново проситъ:

Ω добраго ѡбѣда ѿ к ужинѣ ѡстанетъся:

О^т кума атынѣ а о^т кумы полотно:О^т брадовался крохамъ а ко^тригу потерялъ:495 О^т стрѣ ножъ что дворянни^т гребень:О^т ретъ до тины а ѣсть мекны:

Ωбрилъ голову до плечъ:

О^т прыгается масломъ види^т коровей слѣдъ:О^т томъ не тужать что долго служить:500 О^т томъ забылъ тужи^т, что не кому служить:О^т бѣ^т дворя^тской что о^т вѣтъ крѣпянской;О^т вѣ^т чернцу что ему ѿдетъ х концу:О^т вца ѿ не бе^т о^тца, ѿ Катки два батка:О^т чемъ скачетъ, о томъ ѿ плачетъ:505 О^т кунекъ в водѣ ершекъ ко^тнѣ:О^т динѣ не у хлѣба не у дѣла:(л. 12). О^т комъ свѣтъ видитъ, того ѿ обидитъ:О^т комъ хвалился о^т того ѿ повалился:О^т Савы славы, а Ω Перши чести:510 О^т стровъ в море а твое срѣце въ горе:

- Ѡ ково тѣ вѣсти что нечево ѣсти:
 О динъ под овиномъ а ѡва воевать:
 Ѡ динъ Ѡома горюеть, а два в полѣ воюють:
 О винъ горитъ а хозяинъ вопитъ: (а мужи молотиъ
 другово проситъ:/)
 О динъ быкъ да и тотъ оъвыкъ: 515
 О сетръ водою, а Петръ бѣдою:
 О стровъ ѡкружила вода а насъ бѣда:
 О вса въ ясли а кони иъгасли:
 О комъ не смотриъ, такъ мошнею заплатитъ:
 О простался ѡдинъ гашникъ ѡстался: 520
 О немъ же кто полезная оърѣтаеть, той
 того и прославляеть:
 О дѣлъ званіе приемлетъ:
 О хти мнѣ хти ѡнѣ припѣтили к стенѣ:
 О динъ что порохъ в гузне:
 стоитъ
 Овечкѣ стригуъ, а другая товоже гледитъ: 525
 О нъ боло роспростѣся, да гашникъ ѡрвался:
 ево доъ
 О гороженъ полемъ, покрыть небомъ:
 О бѣщать, то дворянски, а слово держать, то
 крестьянски.
 Ѡ ѡдной ѡвцы паъшивой все стадо пострадаъ
 можетъ
 О ломиъ тетерка оърѣжеъ осьѡка, ѡкусиъ гребешекъ: 530

II:

- Послѣ ширѣки ѡнѣча; (л. 12 об.).
 Палець не гнется, а завертка рвется:
 Палицею бросить багатырство ѡказать:
 Память в тылу а мысль во ѡбу а хотѣние в срѣце:
 Паръ в банѣ не ѡной Маринѣ: 535

- Поясъ красной и'янѣ напрасной:
 Прады не говори то | посты не буде^н
 Пасту^т радъ лѣта а тѣло цвѣта:
 Потокъ кора^блю, а песокъ журавлю:
 540 Пазногть увязъ всей птице пропасть:
 Печать воцаная а кладь дощаная:
 Плавать по рекѣ а животъ въ бжїе рѣкѣ:
 (юдно)
 Поганое сѣдно и в богатомъ в дому не судно:
 Плохово волка и телята лижуть:
 545 Привыкай коровка ко ржаной соломке:
 Попъ и петухъ б'чи поють и не б'чи поють:
 Приѣхалъ не званъ поб'жай не дранъ:
 Пѣвчая птица прежде погибаетъ:
 При^нли че^ннца схими^т, а онъ и старое пла^те хоче^т скинуть:
 560 При светлѣ сидѣть стыдъ болѣ:
 По звѣздамъ кора^бли ходя^т, а по ямѣ землю знаютъ:
 После немочи повалки живутъ:
 По вѣрю і рана;
 Плохо тому жить у ково дѣдъ ворожить, а у насъ
 и баба не знаетъ:
 565 Пехай рохатину в бабью телятину:
 Пошлины взяты и товаръ утонулъ:
 Пашню пашѣ^т такъ рѣками не машуть:
 Пошла по масло такъ в печи угасло:
 По утрѣ зва^т варить, а к вече^ну миръ мирить.
 поставить
 560 Попа выставить, а епископа не здѣлать:
 Проидоша, на три пѣди в говно видить:
 в глаза
 (л. 13). Прѣвые ѣдятъ, а грѣшныя глѣдятъ, тово же хотятъ:
 Приѣхала баба и^т города, приве^ла вѣсте^т три короба:
 Постился да в водѣ спустился:
 565 Пить до дна не видать добра:
 Пѣле сани со лезами:

- При слнце тепло а при господине добрѡ:
 Похвала мужѣ пагуба:
 Пришла баба на брезгу принесла кочергѣ:
 Полата добра да ѹтлы двери: 570
 Пришли казаки з Дону погнали ляхо з дому:
 Плыть стругомъ подѣма (ѣ) з другомъ:
 Поученъ жену бьетъ, а потѡоръ матеръ:
 Приятеля мила негода ѹбила:
 [Пернула | в подводы | не дернула]. 575
 Пить пиво сидѣть ѣ криво:
 По Сенке ѣ шапка:
 Плохо жи и дѣваючи, надобно жить и немогаючи:
 Продавецъ за товаромъ, а купецъ за накладомъ:
 Пить хочетца а купить не хочетца: 580
 Посидѣть ѹ друшка бѣто ѹ брашки:
 [Пей воду когда | простово роду].
 Писалъ Назако по бересту ѹгаркомъ:
 Послѣ скобели да топоро: послѣ сита решетомъ:
 Пияница дѣракъ на кабаке, шипкой прыткой 585
 в тюрме:
 Пойдѣ в манастырѣ жити гдѣ чеѣнцѣ пусто, а ба кѣсто:
 Приди по утрѣ да жепу повытри, приди ѡпя
 да жепу ѡпя, приди к окну ѡпя воткну:
 Прошу твоей ласки до нашей каляски:
 Послѣ всѣхъ напево:
 Пеши ходять в рука плеши носить: 590
 Пѣ лесомъ видишь а пѣ носомъ не слышишь:
 Поля ѡчисты, лѣсы ѹшисты:
 Плохо воровать какъ два наровять:

Р

- Рысь сверху пестра а члѣвкъ инутри лука бываетъ: (л. 13 об.).
 Рабъ гѣжѣ что мѣ на ноже: 595

Ракъ кнешнею а богатой мошнею:

Рыба ловить при смерти ходить:

Ржа съѣдаетъ желѣзо а печаль срѣце:

Рыба в водѣ а ягоды в травѣ:

600 Ра^ная птичка носокъ почищаетъ, а поздая
глаза протираетъ:

Ростомъ с тебя а разбѣгомъ с теля:

Рать бес корысти гдѣ войны нѣтъ:

Рано вставать то не потеря, а поздо встаетъ
то самому стѣно себя:

Ретивая лошадка не долго живетъ:

605 Радъ безъмень видя друга при напасти:

Рано в^дставая попъ поетъ а по^до ложасть по-
падаья плачетъ: вдова

Радъ кѣмъ да нетъ в сумѣ:

Радостень бѣсъ что о^пущенъ инокъ в лѣсъ:

Ременья не дерѣтъ крѣгъ гуменья:

610 Радъ тотъ гость чтобы пилъ и въ постъ а в мя
сопустъ ему не дадутъ:

Рай на лѣтно^м востоке а мы на ви^нномъ потоке:

Родился на свѣту а пошелъ во тму:

Родился да не пригодился:

Ребра ломаютъ какъ татей пытаютъ:

615 Робятка в банке а матка в бабке:

Ротъ великъ держишь, а не видишь:

Рано птичка запѣла что^б кошка не съѣла:

(л. 14). Рогатому быку что богатому жу^жику:

Рогозиную одѣтся о^т знаемыхъ за^рдѣтся:

620 Ра^зсореніе мѣтру квась густъ, а йгуме^т во^лчь пьетъ

Реветь голосомъ а не у^рветъ и волоса:

Рожа до пояса, а жопа до пять:

Рожъ да пшеница годомъ родитца:

Рѣка за рукѣ а ѣругая в пазѣхѣ, губы в губы тѣ

(болятъ)

не ржавѣютъ зѣбы:

Робить не заставятъ а истъ не поставятъ:

625

Роди́ся ротѣ дасть бѣ́ и кусокъ:

Г

Соколѣ лебедь не в диво:

С разѣмомъ жить лише тѣшится:

Слонъ добро к слову а лѣя к перевозѣ:

Смерть о саванѣ не тужить:

630

[Сперва подумай потомъ | говори].

Сорока лѣтитъ а сорома нѣтъ:

Соколъ выше слнца не лѣтаетъ:

Смертей взгля пуще брани:

Свой сѣхари лутче чѣжихъ пироговъ:

635

Сердѣ веселяшуся и лице цвѣтеть, а в печали унываетъ:

Смѣлой пьеть и с мѣломъ:

Сердить что Илья, а девокъ что Петръ:

Сятней сѣлъ такъ решетной цѣлъ:

Сонъ да дремота, поди на болота:

640

Сколко лодѣ не рыскать, да у якоря быть:

(л. 14 об.).

Скорая женитва видимая работа:

Столко и товару нѣтъ что пошли правятъ:

Соромъ дѣвке а парню позоръ:

Старъ хоче спать а молодая играть:

645

Самъ себѣ не рѣ что в грамотѣ гораздъ:

Сѣтъ крѣпка мѣжу устнѣ:

Соколъ лѣтая ловить, а ворона сѣдитъ:

Сердитая собака в хребтѣ понесеть:

Сердце соколье а смѣлство вороны:

650

Старово черта да помялъ бѣсъ:

- Старой то ловець что не оставилъ овецъ:
 — Стрелець за волками а жена за молодцами:
 Самолюбъ всякому не любъ:
 655 Самъ в крѣчинѣ что корабль в пучинѣ:
 Сто рѣблевъ имѣеть бѣжать не довлѣеть:
 Сѣно семерыхъ съѣло а осмова тѣ проглотило:
 Снопъ пригожь в гумнѣ а пьяной: в окнѣ: (во снѣ).
 Спона не мала гдѣ река мость сломала:
 660 Старъ бѣдами да мла^а годами:
 Страхъ причины не задирай дѣвчины:
 Сѣкна знаю^т цвѣтомъ а дружбу привѣтомъ:
 Свѣча гѣсная какъ бесѣда красная:
 Сани для дровъ а рѣчь для воровъ:
 665 Слово не стрѣла а к сердцѣ лнеть:
 Сла^ако медъ да брюхо дметъ:
 — Сѣдина в бородѣ, а бѣсь в ле^авею:
 Слѣпой кѣрице всьо за пшеницѣ:
 Скоро полѣтель скоряе перелетитъ:
 670 Старой воронъ, даромъ не кы^ккнетъ:
 (л. 15). Сокола знать и по полѣту, а ворону по перью:
 Старъ борозды не портить:
 Старово черта не баткомъ звать:
 Скрыпицы тебѣ не рыбицы
 675 Собаке не вирить, все самъ лаеть:
 Смерть за плечами, а мысль за горами:
 Словами скоро говори^тся, а на дѣле тихо дѣется:
 [мало]
 Словами всево много говори^тца, а на дѣле не^тсе збывае^тца:
 Сказываетъ остро, а родится всьо пестро:
 680 Станешъ о^тбѣгать, будешъ озябать:
 дымъ
 Слово не чадъ, глазъ не есть:
 Стреляеть и^т го^рски в шер^скѣ:

Т

- Такие тетрати долго писати:
 То не смѣхъ что мало съѣлъ:
 Тве^рдо онъ то да ѿ по^лперто: 685
 Та милая Татьяна еще бы грѣхъ не пьяна:
 Тѣломъ бѣла хотя ѿ дѣло^м худа глупо^у то любить:
 Тѣсто насыщаетъ а мѣсто не просвѣщаетъ:
 Терно^у кустъ не живетъ пусть:
 Татьяна не смѣтана не шти ею бѣлеть: 690
 То дѣло что в головѣ засве^рбѣло:
 Тѣ дѣтки нате^рпѣлися ѿ бѣ^ки:
 Тѣми умами знатся ѿ с кумами:
 Тою же бы порою да не тою горою:
 Такими книгами играть ѿ лодыгами: 695
 Тамъ ѹжина гдѣ дѣрако^м дюжина:
 Такъ доспѣлось, што обимъ захотѣлось:
 Толко бы на волка не собака, а на дѣвку не ро
 бята, онѣ бы и в день воровали: (л. 15 об.)
 То не спасение, что пьянъ в воскресенье:
 Тула ѿ зипу^м здула, а Кошира и в рогози^н вшила: 700
 Терть пилюю жить с милою:
 Тати не молотя^т лишъ о за^ки колотять:
 Ты бы что за пирогъ а о^н чертъ поперегъ:
 Труситъ что харя жепюю вертитъ:
 Тотъ же ростворъ да на тѣ же шанги: 705
 Тѣтъ зовѣтъ а ѿндѣ быть велятъ:
 (У^ж свињи не родятся бобрьо^ки тѣ^м поросьо^ки:)
 (У^же на дворѣ не рано добрѣ:)
 Тать ѹ татя, перекрѣ утята:
 Тово не знаютъ гдѣ раки зимѣють: 710
 Тороватой у скупово ѹ во^ртъ стоитъ:
 Тѣло в ка^манѣ дѣа в кульке:

То и́ честь моло́цѣ, што горбъ на носѣ:

Тестъ люби́ честь а зять хоче́ взять:

715 Твоя корова, поведи здорово:

У

У' року и́ соколъ не угѣтаетъ:

У дѣвки зага́ка а у па́ня свой смыслъ:

У одное овечки да семь пастуховъ:

У' мужа то́сто и́ у́ жены широко:

720 У' двѣхъ не бе́ третьево:

(л. 16). У'везилъ клинѣ, в кривое деревье,

У'богой мѣтырь и́гумѣ самъ по во́ ходитъ:

У' Ѳомки не бе́ помхи:

Умомъ торговать а без ѳма горевать:

725 У нашево новобрачново по вся дньи мясо:

Убить бо́ра не видать добра:

Убить корова прогнѣвать Федбра:

Учитель еди́ не считаетъ годинъ:

Упи́ся бѣдами опохмелился слезами:

730 У'пился у́ подрѣшки а просыпается у́ подушки:

У' правого у́ши смеются: а у виноватого і язѣ́ у́ны:

У'тве́дивыся на лжа́ сей (язѣ́ у́ныль:) насе вѣтры:

Ѳмнои что староста губно́ вездѣ ево бояться:

У'ды тайные а грѣхи явные:

735 У'же на ѡворѣ не рано | добрѣ́/

У Окўки хороши бакулки:

У' Парашки что глаза у́ барашка:

Уварилось пиво у́ Марины лутче малины:

У' пра́ника бываетъ много бражниковъ:

740 У'тро буде́ му́ро птицамъ на ро́гѣ́ мо́лца́ на росхѣ:

У' всякого словца, жди конца.

У' нашей коровницы не бес прислужницы:

У' скота живеть и́ ускотье:

У' нашего сосѣда, смиренная бесѣда:
 У'тка да рыбка, бѣжя дань: 745
 У'плыли мѣдѣ, по вешной водѣ:
 У'далось дристунѣ пернѣтъ:
 Убирай сайки с квасомъ:
 У весны ноги дѣги далеко до петрова дни:
 У свиный не родятся бобрьѣнки, тѣже поросонъки:/ 750

Ф

Филипъ в коноплѣ не укрылся: (л. 16 об.)
 Фома не купилъ ума:
 Феоанъ с толкомъ а Сидо^р с волокномъ:
 Фетка что ретка а хвостъ не таковъ:
 Фома пируетъ а кума горюетъ: 755
 Фома плачетъ а жена скачетъ:
 [Изъ за костра и спешка воюетъ].
 [Эхаль бы въ гости да ни | кто не зоветъ].
 [Пить много винца не видать добраца].

Х

Хвали другу чужую сторо^{ту} а самъ не ногою: 760
 Холстъ ѡ кумѣ а кума ѡ сумѣ:
 Х^л му^а в могилу а добра жена по ^лворамъ:
 Холшевая рубашка не нагота а невѣйной хлѣ^б то
 не голодь:
 Холопье слово что рогатина:
 Кто тихо ѣздитъ тотъ дале будетъ: 765
 Худа корова что за осѣкъ зашла, а плохъ и медви^к
 штъ ушолъ; (не съѣлъ:)
 Х коже ума не пришить: (л. 17).
 (не попусти^т)
 Хлѣбъ да капуста лихо по землѣ не пустить:

Хотя спинка бята да пирогъ съѣденъ:

770 Кто пѣшь не хаживаль то коня не жалѣеть:

Хватилась ха^ада какъ ночь пришла:

Кто скупъ, у того саяень пушь: кто тчй, у тово гашнй вшй:

Хмель не плаче^т что пьяницу бьютъ:

(челомъ)

Кто в холопа^т быва^т тотъ и би^т чаю бываль:

775 Кто пош^т не сынъ то^т бляди^т сынъ:

Хлѣбъ да пирогъ и во свѣ добро:

(мужъ)

Хороше сынъ плавае^т лишъ пузырье прядаетъ:

Холость много мысли^т а женатой [того] болѣ:

Хозяинъ весель и гости радошны:

780 Кто в Вилнѣ не быва^т тотъ и дива не видалъ:

Храброму Смерть прѣ очима бываетъ:

Хрестьянинъ пьянъ то самъ себѣ панъ:

Хвалу и честь и славу и дѣракъ любить:

Хотѣлъ 'Июда купить себѣ село да положи
себѣ на шею сило:

785 Хотя дитя криво а ѿцу и мѣри мило:

Ходить с лукою а торговать мукою:

Хорошо крѣпко, да пѣносять редко:

Хотя и пердитъ, да терпитъ:

(невеличка)

Хотя и маленка, да годя^тца на еичка:

790 Хотя и гѣ да не воръ: хотя нагъ, да правъ:

Хороша што пѣзахоная свинья:

Худое во^тдаянйе есть, токмо едиными словами благо-
дарну быти:

(л. 17 об.) Хлѣба край и по елью рай, хлѣба ни кѣска и в полата^т

возметъ тоска: (хо^т на хво^тке да на своей во^тке;)

(Хорошъ хотя к жопе приложъ;)

Ц

Цвѣтное платье болшее мѣсто несесть: 796
 Цвѣтъ старости сѣдина а смерти болѣзнь:
 Цѣвки скати рѣками не сплескати:
 Цвѣтъ пчелкамъ а мѣ женкамъ:
 Цѣлба голодному хлѣбъ с водою:
 Црѣтво Москва а мужикамъ тоска: 800
 (Црѣковъ на 'ворѣ а вѣра на полѣ:)
 [Аще узриши человека не воздержна
 не добродетелна беззаконїя полна
 помышленни нечистыми
 испо'нена и тебѣ вредить жела-
 юшему отъступи отстани отъ него
 тако бо законъ велить].

Ч

Чѣжую кровлю кроешъ а своя каплетъ:
 Черта крести а онъ в водѣ глядитъ:
 Чѣжой мѣжикъ милъ да не вѣкъ с нимъ жить: 805
 а свой постыльъ волочится с нимъ:
 Честь пива лутче:
 Чѣжимъ умомъ не долго жить:
 Что Петрѣ, то и Павлѣ:
 Чирья вырезываетъ, а болячки встѣливаетъ;
 Чѣжъ человекъ вы'бѣ трѣба
 Человекъ и ъбывай, конь и норовъ;
 Честь с почесемъ, за ворота с полѣнемъ;
 (полулистъ
 между 18 и
 19 лл.).

Ш

- Што смѣшно то бываетъ и грѣшно:
 Шѣтка шутить такъ люми замутить:
 815 Што на яву *види*ся то и во снѣ *кризится*:
 [Шаль | тебя же | жаль.]
 Шила в мешке не утайшь:
 Шаханья много да мать ѳдинъ:
 Што мухино сало розошло по персту:
 820 Што мнѣ и свой коли лихи до меня:
 Што мнѣ и чѣжие что добры до мяня:
 Што то доспѣлось на сьерьодке *ро*сѣлось:

[Ъ].

- (полуласть
 обор.). Ёмъ а дѣла не вѣ[мъ]
 Ёсть колачи не сидѣть на печи:
 825 Ёхала кѣма невѣдомо куда:
 Ёзда беспутная саней нѣтъ да и пречи не-
 чево и ѣхать некуда:
 Ёзъ забивалъ а рыбъ не видалъ лишъ рабо-
 ту потерялъ:
 Ёхать боло в наволо да че^ртъ дорогу заволокъ:
 Ёхать ѣхать; а у^зна вѣхоть:
 830 Ёжъ не кроши а потомъ не проси:
 Ёдетъ вало^к, а денги берють на ньомъ,

Ю

- (ч. 18). Юнъ сынъ игрѣшками а ста^р с подѣшками:
 Юноша моло^д не стерпивалъ голодъ:
 Юнъ всякъ бывалъ и в грѣхѣ живалъ:

Юномъ хваста^т а старому хрестать: 835
 Юрю пирогомъ а дѣрака батогомъ:
 Юность бе^а наказанія не во^держна:

И

И^аблокъ на ѡкнѣ не бываетъ:
 И^авень грѣхъ малу вину творить:
 И^ако червь в дровѣ тако крѣчи^а в ср^дце: 840
 Языкъ малъ велики^а члѣвомъ шатаеть:
 И^азыкъ голову ко^рмитъ и до смерти:
 Языкомъ хотя полижи а рѣкамъ во
 ли не давай: (И^азыкъ и в гузно вбилъ:)
 И^ащерка мале^ака да зѣбы вѣстры:
 И^а бѣ^аной позорюся вѣкъ с одной: 845
 И^аблонное сѣмя знаетъ свое время: (т. 18 об.).
 Якорь тѣлу языкъ:
 И^арко слово смущаетъ ср^дце:
 Ярко желаютъ дару по^жидаютъ:
 И^а тебѣ сказалъ, а ты и в разу^а не взялъ: 850
 а буде и возмешъ выное время, и самъ
 ѡ немъ ѡхнешъ:
 И^абло^аной кѣсть, не живетъ пѣсть:
 И^а што знаю, да бгѣ со мною:
 И^а горло дери, а ѡнъ дохо^а бери:
 — Я бѣ в людяхъ а онъ еще в' мудахъ,
 Я с сукнами а ты с лоскѣтьями, 855
 И^азыкъ мягче по^апупной жилы,
 И^а тебѣ скажѣ либо дикови^аку покажѣ.
 И^агода малина я у Екима, у гузна
 мекина Екимъ у меня

(л. 19). Не по курице хода, не по кошке спесь:

860 Попъ дорогой, а чертъ стороншій:

Приперто не валитца, а к оболею пригодится:

Слухомъ земля полнится:

[Попъ свое и чортъ свое].

Пала слеза на Сенку слиза:

865 По образѣ Никола, по усѣ Илья, по умѣ свинья:

Не бранись с тюрмой, да с приканой избой:

Не всякомѣ гуно оголяй:

Переней заднемѣ дорога:

По бабѣ брага, по Сенке шапка, по головѣ и счита:

870 Не страшить молодость страши старость:

натѣки намели

Всему снарови и в печь дрѣ урѣби:

Не сытно, а лебезно: Ни сито ни решетѣ;

По ногамъ што по вожамъ:

што есть

(Серди и гуномъ не гледить).

875 Резѣ около чужихъ воевъ, а около свои не такѣ:

багатырь

Счастье лучше багатырства счастливой побиваетъ,

а счастливой побираетъ:

[Пошѣ за море | жопою ледъ ломать].

(л. 19 об.). По нитке найдеш и клубокъ:

У калашника дроже не купятъ

880 Утирай уски на чѣжи кѣски:

Свято звони ино в уша пищить:

Ходят ли в до; ходятъ да и носить: а онъ

и такъ с носомъ:

люба

Не по хорошѣ милене живеть: (не краина да мила, шарови

да счастливѣ).

по голу

Не узналъ бродѣ да кинуся в водѣ:

885 Попытаца не шука, а спросит не причина:

Рада бы курица не шла да за крыло волокут:

- О'купя спасенѣе не наживешся,
 Не сули жерѣля в' нѣбѣ, дай синицу в руки.
 Некому пѣтъ што не курица*, иному некому
 говоритъ што не вамъ:
 Не всякому ста'пу выгумнахъ быть, 890
 Все о'нако хотя в гу'но, хоть на ево гу'номъ:
 'Угово' лучше денегъ,
 Посади вошь в коросту;
 По сытому брюхѣ хотя дѣбиншй бей;
 Сѣди на мѣстѣ да елдѣ пѣстуй: 895
 Корову ты держишь, а люди молоко бѣтаю':
 (з. 20).
 Не бойся и'стца, бойся судьи:
 Это слово несется не и'нови и'стари:
 Чистое к поганому не лнеть: [нашъ не тужить | о томъ].
 Посмотрись в' водѣ на свою природѣ: 900
 Нашъ Миронъ гнетъ и непареное:
 Кто в грамотѣ гора*, то* и писать умѣ*:
 К го'кому ср'цу да присыпаетъ перцѣ,
 Чево мало то мѣлко крошатъ:
 (Худа та) (в котороу)
 Насрать на те'рать и словъ не 'нать: 905
 [Мой сѣсло да пей гу'но].
 Не гребень гладить моло'ца время:
 Бе* пива бе* вина, и любовь студена:
 Полюбѣйся сатана лучше сокула:
 Вперѣ не забѣгай что* вѣки не съѣли: 910
 На наши и'сады не плову' насады, говно
 да дермо несють: Пень да коло'а валить:
 Гора з гороу не сойде'ся, а члѣкѣ до члѣка до'кне'ся:
 О'динъ шьетъ, а 'ругой поретъ:
 (ничего не успѣетъ).
 Нынѣ бѣшия горы лежатъ, а малые по'го-
 рки в'стаютъ. (з. 20 об.).
 Слово прово'вѣстни' ума: 915

Слово знакъ ѹма:

На быструю лоша^т ѹма:

Кляпики в патокѣ, хо^тлики на кашке:

Хороша дочь какъ мать хвалить

920 Чево не ѣмъ тѣмъ *меня* не ко^рми,

Шить да поши^т, да наши^тки наши^т,
 О^зо^рника ни со што нѣтъ, (токо з^дбрачество,)

Кровь путь кажетъ,
 Сказа^т бы тебѣ блина да сыра, да бляд^т

сына,

925 Слово вѣтръ, рука драница,

С ворона не спою, а с чижа споемся;

Сказа^т бы тебѣ семь субо^т дома обѣдать,

Столь бы тебѣ долѣ вѣкъ какъ у за^ца хвостъ,

Старово лѣс^т кочерга.

930 У' голо^тново хлѣбъ на ѹмѣ

ѹсу

Што ѣди^т то и по вороту течеть,

(выкатися)

(л. 21). Поѣхалъ в озеро по сено, и^т воды на лыжахъ,

Не могъ о^тперетца што не прине^тца, хотя и му^тно

а о^тно нутко,

Добро жаловать честь да мѣсто, а на Петро^т-

скомъ вина и пива довно,

вездѣ

935 Наши счастки виквгсѣ кости,

Дай бѣ куречьи счастки петуховы злы^тни,

По^т лавкой лежать собакой ѹрчать,

Пролитое пѣно не живетъ о^тнако^т допанива^т

надобно,

Поѣхалъ по девятой пѣсни свѣчь гасить,

940 Ноеть в немъ какъ в утке,

Не мѣшай пресное с кислымъ,

У^трвалъ вѣкѣ на пече льожа, (У^тдача роспустя | гачи)

Пиво коуро к рылу понуро,

- Плохо сѣно половина травы,
 Оилать тому ѿ радъ, 945
 Кто просыпаетъ зорю, то^т живе^т с позору,
 Лакомой члѣвкѣ ѿ свинья по сме^рти вкусны,
 В' доброй бы часъ мѡви^т а ^тлихой промолчать,
 На^т тѣ^т ѿмѣ^т власть в ково хочеть класть,
 Ни шъеть ни пореть, (л. 21 об.)
 В мѣхъ нейдетъ а и^т мѣха не лизеть, 951
 Ни туды ни сюды, (нейдетъ,)
 Прилично бо житіе време^ное и^тмѣненіямъ,
 Не поставь во грѣхъ, а повороти в' смѣхъ,
 В сѣсѣкѣ макъ, а ^тдруго^т тѣ, а ^ттре^темъ ничево, 955
 Говори не договаривай, к зѣгреню ѡставляй,
 Самъ слопай, своей жопой,
 (а любовь)
 Денги желѣзо, платье тлѣнъ, квгс.ѡ кожа
 всево дороже,
 Понедѣ^тникъ держать тѣ ѿ хвостъ по^тжать:
 Твой мѣхъ мнѣ смѣхъ, а сѣма твоя ней-
 деть ѿ с ума. 960
 Не пошто с ножемъ, гдѣ топо^т заложенъ.
 И' такъ ево бгѣ ѡбѣ на гу^тне диру пробилъ.
 Сиди в кутѣ да пѣстуи мудѣ,
 Пьяница проспитца к дѣлу пригодитца
 а дуракъ всегда о^тнакъ.
 По ночамъ ходить по зорямъ гризить. 965
 У'бирай ку^тки в мѣшки.
 Не шу^тка в шу^тке чей ты сы^т какъ тебя зо-
 вутъ голосоъ хорошъ ѿ поешъ хорошо.
 Каково время ѿ подѡ в беремя. (л. 22).
 У' хотѣнья живетъ ѿ терпѣнья.
 Прибила мужа к поганой луже: 970
 За ѡчи не купятъ ѿ яйца.
 Хотя шѡба ѿ сѣра да воля свога.

В коробъ не лезеть а и^а короба нейдетъ.
 Деве^аской робьонкѣ, да посацкой тельнонѣ
 оба равны.

975 В банѣ часто паришся скоря старишся.

Кѣсокъ с коровой носокъ.

Претить, а в ротъ што лети^а, хотя и му^а-
 но да нутко, а хотя стае^а и гуще о^анако^а
 тyani пуше.

Гдѣ то дѣлъ што съѣлъ

Не то говоря^а што съелъ то говорятъ
 гдѣ то дѣлъ.

980 Нѣтъ то нѣтъ а на вече^а то на вечеръ.

Женять до^арые люди послѣ ужины
 ожегомъ.

Пропали казака бе^а табаки, гдѣ сабаки.

(ч. 22 об.) На обухе рѣ молоти^а, и зерна не уронить;

Рыба лешъ минуца вещь;

985 Не держи сто рублѣ держи сто друговъ;

(пестовъ)

И^аволь слушать чертей в ступѣ.

Покрывается што бѣка хвостомъ.

Старые научилися лга^а а молодые научилися
 знать.

Топоръ в пень а тупица в огонь.

990 Эти господа и солому стелю^а под скота.

Не гузай останешся;

Бѣло што вороново крыло;

Испѣжа^а, о^акати бы ево с трехъ пестовъ;

Выше всѣхъ добродѣтелей ра^асѣжденіе;

995 За совѣтъ за любовь и в постъ мясоедъ

Будеть ли путь какъ стане^а дѣтъ;

Голосомъ пѣтъ коне^а воева^а а денгами то^аговать

В домѣ такие уборы что вездѣ стоя^а попоры

Та^а хвалишъ и возносишъ,

- Какъ с ногъ на голову ставишь. 1000
- Колоти в комель а о^тдасться в ве^ршину
- Чѣжю кѣрочкѣ щипли а свою за крылышко де^ржи; (л. 23).
- В ѡнѣ порѣ играють в дѣдѣ;
- Дорого глѣчко ко Хр^тову дни, а сы^р масло к Пе^рову дни;
- О^тколо себя да в себя; (в пазухѣ) 1005
- Дѣло ево не спѣеть: прѣеть:
- Со всево свѣтѣ не соберешъ [цвѣтѣ]: свѣтрѣ
- И^а рота да себе в^ь пазѣхѣ: в частые пѣговки:
- Хотя горшѣ и ѡдѣ да самъ себе гдѣ.
- Хѣдой това^р: богато^е в радости, а убого^е во слеза^х не увиди^т: 1010
- Мы ѡнѣ старики, а то все жѣпки. (молодики)
- Была бы ѡда, а рыба бѣдетъ
- Добро слово с ѣговоромъ, а поле с огородомъ:
- Быва^т сотъ по пяти, а всѣо на печи;
- Не вѣрь дрѣгу, а вѣрь своемѣ ѡхѣ; 1015
- Не вѣрь Власѣ, а вѣрь своемѣ глазѣ;
- Со своей стороны и ворона родна;
- О^тпоется дѣда, ѡбживется жена:
- Збой сердитъ не живеть:
- Дары даря^т здаря хотя^т: 1020
- Гости^тцы закрыты, а пироги о^ткрыты:
- Вѣку дали и ѡбро^тку сняли: (для яйца)
- Хѣдая птица кѣрица, хто ни поймаетъ тотъ и в дире (л. 23 об.)
покопаетъ:
- Не шѣти женой шѣти матерью:
- Воска^т щетину што не выдернетъ : 1025
- 'И на золото слезы каплють:
- 'И бе^р золота в радости живутъ:
- Ѡцево сердце в сыне а сынѡне в^ь камени:
- Слѣкѣ быть проглотя^т, а го^рку бы^т ро^тплюють [ро^ткусятъ] укуся^т
- Етихѣ бѣ полонѣ а^тбаръ: 1030

Не ѡщипа^а да ѡ теребитъ: сталъ:

Долото долотомъ выда^абиваю^а, а денги денгами
добываютъ:

Блиско ѡз ѡна в окно два девяноста.

И парѡсомъ не всяки^а вѣтро^а бѣгаю^а: (вѣютъ:)

1035 За совѣтъ за любовь и в постъ мясоѣдъ:

Батюшка не стало, ѡ матушка не к'стате.

Бачко да мака што за племя, а бра^а да сестра
и в родѡ не бывали:

Орыгае^ася ему, поминае^а свинья за ѡгломъ:

велика

Сто^а бы тебѣ вошь по^а шубу, к^а въ 15 лѣ^а

дѣвка: за грѣхи ево и мало тово

1040 Хотя ѡ не достоин^а да бгѣ меня сподобѣ:

Чемъ чортъ не ѡиграе^а, ѡ ѡщепками бросае^а:

(л. 24). Всякое бо даянѣ со блгѡдаренѣемъ прѣимати
подобаетъ:

Без мѣры мужѣ, ѡ лаптей не плететь:

На ѡманѣ держи догадъ.

1045 Не рѡ головы ѡщеть сама голова на рѡ ѡдетъ:

Ввадитъ такъ ладить:

Собака шер'сна ей тепло, а мужѣ бага^а ему добро:

На цвѣтъ ѡ пчелка летить:

[Умень да скудѣнѣ и глубѣ | да богатъ].

1050 Наши сани с полозами.

Чему быть, такъ не миновать;

Не пошто брани^ася пора помирится;

Святы бже Трѡсе^атей моли Бга ѡ насъ:

С ѡма сошла не туды зашла;

1055 Голь ѡ голь к^а рыба ѡ ледъ;

Дары дарятъ з'дарья хотятъ

Старой недѡгъ расходится не вдрѡгъ:

Пьянѣ проспится а дѡракъ ни^а чему не годи^ася:

Не пожѣ з' дрѡгомъ не ѡзнаешъ:

- Орлы бьются моло^уцамъ перье; 1060
 Подъмаешь умомъ тѣ волосы дыбомъ
 Дальше моря ме^{ше} горя:
 Голова с мозгомъ: кислая капуста; (л. 24 об.)
 Савка с палкой: ро^жѣй да плюй;
 Говори^т даромъ, зато бьютъ ляпомъ: 1065
 Узоль в ѳзле а ^рѳгой в' гузне.
 На всякую дн^рку гвоздокъ,
 Попала птичка в' клѣткѣ;
 Далеко кблику до Петрова дни,
 а ракѣ с клешнею до коня с копытомъ;
 Горы падѣтъ а доли встаютъ; 1070
 Не хваля грѣша мсти, а хуля таковажъ
 грысти,
 У' всяково слѣпа, жди ко^тца,
 Сѣка добра подрѣж^ка,
 Сиди што полнѣ, а рѣка што сковоро^нникъ
 И' к морю ходи^т тово же глядитъ 1075
 Плюнь ему дѣраку жопой в' рожѣ;
 Дай ему бже что мнѣ него^{мо}; (иные тѣ говоря^т:)
 Спи посыпай да бѣга не забывай,
 Слово вѣтръ а писмо вѣкъ:
 Хотя и рано да начевать будетъ; 1080
 Не бы^т ли до^жу весь дро^жу;
 Молодые тѣша^тца, а старые бѣся^тца: (л. 25).
 Не ро^жова да и плевать сталъ;
 Боя^рство холоп^ство, крѣтя^нство гдѣство;
 Не жена не дѣти любо глядѣти, а жена и дѣти 1085
 не любо глядѣти.
 Всякъ грѣхъ бе^о забвенія не творится;
 все о^{на}ко
 Хотя тѣсто ли опара, лише бы в ро^т попало;
 Дѣ^тки роди^т не вѣтка ломить,
 Крѣтянинъ серо да збо^ливо;

1090 В воре што в море, в дѣраке што в кисломѣ
молоке;

Дѣракоу передѣлываюу и ѡбвали в' шелу-
пняѡ передѣлывають.

Аль мое дитя молоденко что дшѡ и' ло-
милу в маленкомѣ.

Вѣжливой людей утѣшаеу а невѣжа и бѣа
прогнѣвляеу:

Вѣри бородѣ а порѣка в водѣ.

1095 Всякой молодецъ на свой образецъ

Куда древо наклонилѡ ту ево и вали.

(л. 25 об.) Колико гостей, толико и пѡстей.

Вѣства не купиу, ли бы умѣлось говорить.

(Рѣ р..... | чево стыдиуц...)

1100 Всякая птичка свои пѣсенки поетъ.

Вѣдаюу того боше, у ково бороды тоще:

В чюжиу рѣкау пирѡ боше, да и ломоу кажеуся тоще.

В людау тишѡ оказѡся, а дома и неказауся.

Выпили пиво ѡ масленице, а помеуе было ѡ радоунице:

1105 Вино то хотя муно, а дшѡ говориу нѣтко.

Вола в гости зовуу не меуу пить, воды возить.

Виновать меуу вѣу что коровѡ съелъ: а не права
и корова что за поле ходила.

Выколоу глазъ, да пей мой брау квасъ.

Всякой времеуни с корени широко зачнетъся,
да скоро и ведеуца.

(стучау)

1110 Волно чоуу в своемѣ болотѣ, а бояринѡ
на своимѣ холѡпемѣ.

Говориу правда потерять дрѣжба.

(деревня и порѣдня)

Гороу и норовѡ, человекѡ и обычай.

Гостъ невѡной члѡвкѡ, гдѣ посядяу, туу и сѣдиу.

а хозяинѡ что чирей, гдѣ захочеу туу сядеть.

- Гость на 'воръ ѝ бѣда на дворъ.
 Горкаго сытника, ѝ ме^а горекъ.
 Дай хотя с локоть а емъ все с ноготь; (л. 26).
 Не то Москва что бьетъ с носка то што џ землю; 1117
 Воръ не говорить такъ и праву не быть;
 Попытка не шѣтка а спрѣсъ не причина;
 Не прашиваютъ хлѣба спрашиваю^т укуса; 1120
 Старѣшка бжѣя мѣшка;
 Ёвсюдъ бо бѣда ѝ пагуба о'стой^т члѣвка сомнѣ^ннаго;
 В'сѣ законы писать какъ не хранить;
 'У кѣжиша не выто^гуешъ мяжиша;
 На 'гля^а что џрель, а по умѣ какъ џили^н; 1125
 Сѣдая бородушка золотая головушка:
 На рядѣ сидѣть тѣ все пить;
 'Учѣ вѣ^нству по^ттирай гузно плешью;
 Хлѣ^б соль за ворота и коло^н не розворотишъ;
 Велика твоя хлѣ^б со^а а всѣ корочки; 1130
 Кто пра^днику не ра^а, то^т до свѣта не пьянъ:
 Бояр'сково живота не жалѣ^е, шило^н масло колупае^т:
 Ни шьетъ ни порьотъ:
 Не за то бьютъ што сѣръ, за то бьютъ што
 сѣль:
 Не дай Бгѣ попу понома^нство а пономарю
 попѣствѣ; (л. 26 об.).
 На џчинѣ сидитъ а про соболи сказываетъ: 1136
 Слово џ ра^гговорѣ, а поле џ огородѣ:
 За неволю волосы вяну^т, какъ ѝхъ тянуть:
 Не держи сто рублѣ, де^ржи сто друзей:
 День мой вѣкъ мой, а н^ля всѣ животы; 1140
 К милому напремицу, девяносто: всторо^н; (в околицу):
 Не в частомъ быванье, не в болшой докуке:
 Голову клонишъ а за ногу ломишъ:
 К каше с лошкой, а к дерму со спичкой:
 Бе^а запросѣ вдова товаръ: 1145

У богатово все в масле а у голово и в кашу
нѣтъ:

Жена пазушная змея:

[Кошка скрѣбе.. | на свои хребеть]

Ни лѣтъ ни примѣтъ:

1150 Тоу дура што ты дуеть:

Скоко теля^т ни родила, а хомута не миновала:

Велико кума дѣшеш в гости иде, глицо несешъ:

ты бы за просто шла блюдо пироговъ несла.

Хотя и нагишомъ да съ палашомъ:

(л. 27). Здѣ полагаются ѿ сего же аавита
мир'скія пословицы и ра'говоры, понеже
тамо не писамася за умаленіемъ мѣ-
ста

Б: В: Г, Д: Е, Ж: З, И, К,   М, Н, О, П,
Р, С, Т, У,   Х,   Ч, Ш,

Кто зако^н полагаетъ, той никогда же
ра'соряетъ:

1155 Слѣпая любви емѸ же в' срце ся влѣпитъ
того ѡхромить, или ѡслѣпить:

Кто что хитритъ на 'рѡга, то на главѸ
его в'зыдетъ:

[Крепъка тюрьма да | чортъ ея хвалитъ]

Потерпѣнъ спасенъ

Какъ бы на ваше скѣпство да не наше
глѣпство то^б ничего не видать

1160 Потеряно масло, в невинѡю кашѸ:

Протѣ стопки, и клѣтка:

Каково в лѣсъ кликнешъ, таково и ѡ'клине'ся:

(л. 27 об.). Дѣла выше мѣры не начинай;

По шер'сте собаке и имя:

XIII.

Здѣь Полаѣатся всего ѡе двадцѣ
 мрїиѣя Пошовицы Крѣговоры. Понѣѡе
 тамъ не ѡмѣяса за умаленїѣ мѣ-
 ста

Б. В. Т. д. Е. ѡ. З. Н. К. м. н. о. П.
 Р. с. т. у. х. з. ш.

Кто здѣь Полаѣетѣ, тѣмъ нѣкогда ѡе
 рѣго рѣетѣ :

Авторскія К. П. Вейермана, Спб., Толмазовъ пер. 2.

II. Рукописный сборникъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ Петровскаго времени (конца XVII — начала XVIII столѣтїѣя), хранящїѣся въ Библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ и пожертвованный туда В. В. Богшичемъ. Снимокъ съ листа 27^а.

Кто скоро вѣруеть, той легко и прѣ- 1165
шенъ бываетъ

Не до рѣшка до своево брюшка:
Не все плечми, иное ѣ речми:

тотъ

Кто На море бывалъ, напаккой водѣ пивалъ:
На вашей сторожке, рошпябена ворока:
Купленной холопъ, а не купленной воной 1170
казакъ: [. . . . . ;

На вся не упряднится члѣвкъ:

Подъма ѣ птичка полѣтитъ:

Комѣ насрано а ему масляно: ли бы грязи
не было а говна не миновать

Намъ камка не диковица:

Баранъ барано а рога даромъ: 1175

Называютъ другомъ, а обираютъ кругомъ:

Дѣтина глупъ, а пѣхаетъ все вглубъ:

Куда ѣгока тѣда ѣ нитка:

Грѣшное тѣло ѣ дпѣ съело. (л. 28).

Громъ не грянетъ, мужи не спрянетъ: не перепадетца. 1180

(живо)

Глаза ѣ глядятъ, да собаки ѣдятъ.

Гороцкое теляко, разнѣе деревеского дитяка.

Говорить было немало да разма не стало.

Домо жить ѡ всемъ (но)тѣжить.

Давно ли о ошолудивѣ, а то перво о ѣ заспесивѣ. 1185

Дѣлаешъ добро ѣ тебѣ буде таково: (добро)

а есть ли каково, ѣ тебѣ буде таково.

Добро тово бить кто плачетъ. а свою

волю не скачетъ, а учи кто слѣшаетъ.

Дѣракъ пожалуетъ в дачю, а о почте в ѣдачю.

Дѣвка что немка, говори не ѣмѣ, толко

все разѣмѣть.

Денги что слина, а бе нѣхъ схи́ма. 1190

Дво^оно а не проторно. (и не богато да торовато;)

Дешева рыба на чюже^а блюдѣ.

Два воеводы ѣдѣ^а на^ано^а подводѣ.

Доселева бывало жена мѣжа бивала,
а ныне веде^ася, и она мѣжа блюде^ася.

1195 Добрь молодець, да естъ в немъ норовець.

(л. 28 об.). Дай болю волю, пожевавъ да и умреть.

Дѣго не говори^а умъ копи^а, а и^аговори^а что чо^артъ
напердитъ.

Добро жи^а и^амогаючи, а не и^арываючи^ась.

Дивное древо корыто, и вѣ^а живе^а не покрыто.

1200 Живо^а песь, лу^аче мертваго лва.

Жена мужа не бьетъ, токо в сво^а нравъ
ведеть.

Злы дни пляшѣтъ, неволя учить,
а чюжѣ хлѣбы спать не дають.

Знать сокола по полѣту, а добра моло^аца
по похо^аке.

Зять с тещею говорили говорили (день),
до вечера, а в люди сказать нечево.

1205 Зовуть Ѡомою, а живетъ собою.

З^а зятемъ гостися, за дверь держися,
а с сыномъ бранися, а са^а на печь дерися.

Закрыты гости^ацы, а ѡкрыты пироги.

И^а вели^а и^а ширѣ язы^а коровѣ бгѣ да, да-
говорить заказ^а.

И вели^а да глѣ что Ана^аинъ внѣ с Велики^а Лукъ.

1210 И^а баба знаетъ, что вели^а де^а праз^аннѣ.

И^а по роже знать что Ѡомою звать.

Иг^амень Гурей, до братья: дѣренъ.

[Всякою Еремей про себя разумѣй].

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Прежде, чѣмъ приступить къ печатанію въ настоящемъ отдѣлѣ собственныхъ замѣчаній, считаю необходимымъ подѣлиться съ читателями тѣми весьма цѣнными и любопытными замѣчаніями *о языкѣ собирателя пословицъ* и проч., (въ рукописномъ сборникѣ XVII в., напечатанныхъ выше на страницахъ 73—162), — которыя были сообщены мнѣ (въ частномъ письмѣ отъ 22-го января 1899 года) профессоромъ Импер. Моск. унив. *Θ. Е. Коршемъ*, предоставившимъ ихъ въ мое распоряженіе, за что и считаю своимъ долгомъ выразить глубокоуважаемому ученому свою душевную признательность какъ за этотъ знакъ его вниманія и добраго участія къ моему труду, такъ и вообще за многочисленные полезные и драгоценныя для меня указанія и совѣты. *П. С.*

Замѣчанія профессора *Θ. Е. Корша*.

Стр. 41, 105. Русскій переводъ такъ уклоняется отъ польскаго подлинника, что въ послѣднемъ я рѣшаюсь предположить другое чтеніе—не *Wgoda*, а тождественное по значенію *Dogodność*, которое переводчикъ, можетъ быть, вслѣдствіе какого-нибудь сокращенія въ начертаніи, ухитрился принять за что-то въ родѣ *Dgożnu*, чѣмъ и былъ вынужденъ затѣмъ понять слово *spota* довольно своеобразно.

Стр. 68. *О личности составителя сборника можетъ, до некоторой степени, свидѣтельствовать его нарѣчіе, сказывающееся въ правописаніи, насколько оно основано на ѡговорѣ.* Вотъ нѣсколько данныхъ, которыя мнѣ удалось собрать:

1) онъ «акалъ», какъ видно изъ безразличнаго употребленія *a* и *o* въ неударяемыхъ слогахъ, но акалъ не по-нашему, такъ

какъ послѣ шипящихъ въ томъ-же положеніи у него слышалось какъ бы *о* изъ *е*: тачотъ (?) 295, плачотъ 295. 677. 744. 1282. 1823. 1946. 2233, скачотъ 677. 1276. 1834. 1945, ускачотъ 1397, захочотъ 1242. 1987. 2206, хочотъ 1276. 1310. 1690. 1826, шолудикова 1287, шостокъ 1070, кочотъ 1310, щекочотъ 1690, охочой 1826, пѣшой 1876, желвакомъ 1962, решото 2014, поспѣшонъ 2107, посмѣшонъ 2107, и такъ-же вообще послѣ мягкихъ — горѣшката 1396, углісмъ 1694—, кажется, только въ двухъ примѣрахъ—по сложности, да и неточности написанія *ю*; однако съ одной стороны упадшаму 860, пшаницу 887, жаравла 908. 920. 921. 1884 (при жаравла 899), съ другой — лгущкѣ 877, желѣта 1399. 1745, обычей 1865, откуда можно заключить, что какъ *а*, такъ и *е* безъ ударенія послѣ мягкихъ согласныхъ звучали у него не какъ *е*, а, вѣроятно, какъ первое *о* въ *полотно* и какъ конечное въ *мыло* или, еще ближе къ *юрѣвать* и т. п., — какъ *е* въ *поле*, *море*, на что указываютъ, по связи съ прочими приведенными примѣрами, и княгиняю 1109, мяня 1139, кремьяна 1668, здравля вин. пад. (вполнѣ = *здравье* по нашему съ Вами выговору).

2) Подъ удареньемъ *я* въ *е* въ челятко 1453 (однако наоборотъ теньто 107, какъ *поява* при *поява*, *хрякъ* при *хрякъ* и т. п.; потому въ 2263, можетъ быть, теньта).

3) Ударяемое *е* вездѣ = *ѣ* (чортъ и т. п.), кромѣ *ѣ* вин. п. 98, такъ какъ *ѣ* всегда = *е* (впрочемъ жикѣтъ 891), *ѣя* 1022 и *ѣя* нея 1591.

4) Не только *ч*, но и *ж* мягко, какъ видно изъ кожихъ 1332, глубже 2100.

5) *жж* (зж) = *ж'дж'*, по сѣверному (а не = *ж'ж'*, по-московски): врюждитъ 235.

6) Смягченіе согласной передъ мягкой согласной и т. п. по-южному (и отчасти по-московски): сумакѣ 851, мѣдавѣдя 986, поратитъ 1050, сверакитъ (-тъ?) 1325, засверакитъ 2018, смератъ 1505. 1795. 2028. 2077. 2122. 2228, осердаля 1842, серадитъ 2152. 2164, перавую 1923, перавыхъ 2004, сперава

2179, твёрдитъ 2018, шерстки 2021, вазята 2112, ва яму 2120.

7) *Ры* вм. *ри* въ стрыгутъ 1836.

8) *Ч* въ *ш* передъ *н* (что нѣкогда было, конечно, менѣе распространено, чѣмъ теперь): мошно 1588, кстрѣшникъ 1664.

9) *Шт* вм. *ш* въ шти 671. 1475. 2213. 2273.

10) *-ный* вм. *-ний* по-сѣверному: домашное 228, дальне 795 (но зимнюю 1394), а *поздно* безъ *н*: поздно 1025. 1402. 2047.

11) Особенности въ отдѣльныхъ словахъ: смотрѣтъ 681, голды 1290, сгѣна 530, кстини 572, поучиною 1871, паучинной 1898, одка 1397, с'сетъ 1334, одны 1867. Такъ какъ пословицы, возникнувъ въ одной мѣстности, переходятъ въ другую съ удержаніемъ чертъ первоначальнаго нарѣчія, закрѣпленныхъ формой, чаще всего — размѣромъ и риемой, какъ книги (съ малор. или бѣлор. *ѣ*) — лихи 1668, гороухъ — дорога 2072 (но и луки — туги 657), сучи — улице 1272 (и скочитъ — хочотъ 1304, а не хочотъ, какъ даже при скочитъ въ 1242), всѣ такіе признаки исключены изъ этого обзора признаковъ нарѣчія составителя, однако нельзя не обратить вниманія на ударенія въ риемѣ, скимью 241, нѣжа 249. 264. 300. 1936. 1938. 1980. 1984. 2015, зѣрно (?) 964, спине 1689 (но спинѣ 1781), учитъ 308, бса (?) 1595, лежа 1941, сущатъ 2221, лазала 2255, указывающія, по крайней мѣрѣ, на мѣстность, въ которой собрано большинство пословиць. Эти ударенія большею частью сѣверныя, почему не входятъ въ расчетъ жѣстака нарѣч. 933 (изъ бурсы?) и глуккоко 445. Въ XVII столѣтіи граница сѣвернаго нарѣчія проходила какъ будто южнѣе, чѣмъ теперь, но все-таки позволяю себѣ подозрѣніе, что собиратель былъ изъ нынѣшней Московской губерніи или изъ сѣверной части Рязанской. Не знаю, куда приурочить слова млѣкка (анствъ, южное, съ тюркскога) 1314 и гокоря 1392 и 1620.

Конечно, я не буду провозглашать ошибкой все то, чего я не понимаю въ текстѣ пословиць, но все-таки рѣшаюсь указать

на нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, несправности составителя или переписчика. Такъ 130 пухнетъ вм. *пукнетъ*, 144 Ламанасъ (-нахъ?), 205 Полска вм. *по лыка*, 293 кнукѣ вм. *внуку* (ср. 944), 314 Бѣла вм. *Былъ* (гдѣ гдѣся = малор. *десъ*, пол. *gdzieś* = гдѣ-то, а впрочемъ ср. въ пѣснѣ, правда, едва-ли старинной: «Гдѣ ты, Паранюшка, гуляла? Гдѣ ты, душа моя, гуляла?» — «Была въ лѣсѣ, стала здѣся, Ахъ ты, мати моя Добродѣтельная»), 661 мужестка вм. *замужества* (ср. 712), 904 жикю вм. *живое* (списано ошибочно съ *живою*, т. е. *живоѣ*, какъ и въ 1053 *рякычю*; ср. бѣлор. у Ляцкаго 12: «Жывы аб жы-воя й думайць»), 943 убогаго вм. *убойй* (ср. 944), 990 сея вм. *себъ* (ср. впрочемъ упомянутое выше 98), 1002 ни же вм. *нуже*, 1022 имѣя — *умѣя* (вм. -ѣй?), 1105 не ушиптися (вм. *ѣсущитися?*), 1175 гожи вм. *нужи*, 1232 жо^ю вм. *ложю*, 1246 кумомямъ вм. *комомямъ*, 1250 ли (вм. *и?* ср. ниже 1604), 1260 жита (вм. *женить?*), 1398 семля — одонова вм. *семью* — *одинова* (ср. 2197), 1459 сонликова вм. *сонлива*, 1469 анъ вм. *а онъ* (ср. 1435. 1457. 1477. 1481), 1604 ли (вм. *и?*), 1629 игра (вм. — (и) *тра[ва]?*), 1698 клоескъ вм. *клобукъ*, 1700 по^нята (вм. *подмята?*), 1720 ѣдчи вм. *стѣчи*, 1762 Не горшокъ купятъ угодики (вм. *Не у. г. лѣпитъ?*), 1868 упакатъ (вм. *уплакать?*), 1882 погай (вм. *ногай?*), 1897 послѣ лѣжача пропущено *камень*, 1929 пропущено ни передъ *кранятъ*, 1940 Прокитъ (вм. *прибитъ?* но обыкновенно говорятъ теперь «отбить косу»; а косить подъ росю легче), 1975 шахи вм. *шляхи* («Пійшли Ляхи на три шляхи» — начало малорусской пѣсни, также «Ишли—»), 2002 повязанъ вм. *по вязъ*, 2084 бѣло тѣла вм. *бѣлотѣла* (ряк — иначе *рябъ*, какъ у Данила Заточника), 2085 догаткю (вм. *рогаткю?*), 2089 о^т селя вм. *оселъ*, 2115 пропущено *ка*, 2182 кручинносѣ вм. *кручинно*, 2189 пирога жд вм. *пирожокъ*, 2284 колитъ (вм. *коритъ?*)¹⁾.

Нѣкоторыя ошибки похожи просто на типографскіе грѣхи

1) Можетъ быть вм. *колотитъ?* П. С.

напрым. (считая и ъ вмѣсто з): 127. 323. 329. 366. 371. 451.
 515. 541. 845. 1008. 1028. 1121. 1147. 1187. 1243. 1408.
 1462. 1488. 1491. 1544. 1645. 1689. 2193. 2203. 2225.
 2268. 2293, между прочимъ незаконныя замѣны конечныхъ
 точекъ въ 928. 962. 969. 974. 1002 (пустота), 1025. 1036—
 1060. 1093. 1098. 1099. 1101. 1102. 1103. 1111. 1123.
 1124. 1128—1136. 1138. 1150. 1181. 1193. 1228. 1229.
 1230. 1404. 1487. 1490. 1511. 1548. 1557. 1560. 1561.
 1582. 1584. 1585. 1614. 1617. 1631. 1633. 1636. 1637.
 1640. 1642. 1643. 1644. 1646. 1647. 1650. 1651. 1654.
 1655. 1672. 1682. 1683. 1687. 1690. 1696. 1699. 1700.
 1703. 1704. 1708. 1713. 1716. 1718. 1728. 1736. 1743.
 1754. 1557. 1759. 1764. 1771. 1772. 1773. 1780—1785.
 1790. 1901. 2261. Весьма вѣроятно, что эти ошибки или опе-
 чатки, какъ и болѣе крупныя, Вами уже замѣчены и отчасти,
 гдѣ это въ самомъ дѣлѣ нужно, исправлены или оговорены ниже,
 Потому прошу Васъ принять эти перечни, быть можетъ, излиш-
 ніе, въ смыслѣ указаній скромнаго читателя, знающаго по горь-
 кому опыту, какъ легко ускользаетъ мелкая погрѣшность отъ
 утомленнаго вниманія. Такое-же значеніе имѣетъ и *списокъ по-*
втореній и параллелей, который у Васъ вышелъ, конечно, пол-
 нѣе 1) дословно: 178 = 346. 211 = 370. 223 = 339. 381 =
 550 (ср. 2232), 412 = 491. 747 = 779. 1546 = 1609. 2039 =
 2096, 2) съ перестановками и другими легкими перемѣнами:
 170—1619. 193—1241. 201—340. 216—307 (ср. 420),
 231—2109. 289—1787. 290—1536. 357—427. 409—483,
 432—1854. 442—1821. 523—782. 529—1712. 545—1763,
 550—2232. 569—1542. 664—1949. 698—1233. 727—758.
 728—1709. 783—1931. 793—1892 (ср. малор. «Докі соньце
 зійде, роса очи виість»), 871—916. 1057—1114. 1060—2174.
 1125—2264. 1135—1808. 1236—1295. 1242—1987 и 2206.
 1247—1364. 1249—1753. 1313—2279. 1392—1620. 1455—
 1501. 1471—1569. 1511—1535. 1594—2259. 1621—1955.
 1641—1803. 1655—1684. 1818—1830. 1841—2073. 1933—

2025. 1959—2022. 1965—2021. 1983—2133. 2035—2046.
2042—2050. 2254—2275.

Нѣкоторыя пословицы, особенно 1841, годятся для выясне-
нія вопроса, откуда взялась форма изреченій у Запчица, а 209
внушила Державину заключеніе его «Стрѣлка»: «Ахъ, беречь
было монету Бѣлую на черный день!»

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
4	2 св.	<i>добавить:</i> Въ рукописномъ «<i>Охранномъ каталогъ Славяно-Русскихъ рукописей Библиотеки Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, съ Алфавитнымъ указателемъ, Составленномъ Младшимъ Архивариусомъ и Комиссiи печатанiя Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ Чиновникомъ В. Ундольскимъ въ 1847 году, изъ подробнаго Описанiя Славяно-Русскихъ и Иностранныхъ рукописей, имъ же Ундольскимъ составленнаго, въ 1842—1847 годахъ, и хранящагося подлинникомъ въ Архивской Библиотекѣ</i>» (нынѣ онъ хранится въ бумагахъ Ундольскаго въ Моск. Публ. и Рум. Музеяхъ) на л. 52 об. отмѣчено: «№ 250. <i>Сборникъ скор. исход. XVIII-го вѣка, на 472 л. въ четвертку. Въ немъ между прочимъ л. 1—71 «Повесть дивнаго (и т. д. . . .), л. 321. Предслоиe . . . л. 323 самыя «Повѣсти», или послосици всенароднѣйшыя по алфавиту. Нач. «Аще не Богъ, кто бы намъ помогъ. Адамъ сотворенъ и рай отворенъ». Собраниe замѣчательное, стоить ученаю изслѣдованiя.—Рукопись замѣчательная, подар. въ библ. Архива Надв. Сов. Лепехинымъ *) 25 января 1825 г.» (см. лл. 52—54 об.).</i> По «<i>Каталогу Библиотеки и Описи кабинетныхъ бумагъ Бязля М. А. Оболенскаго</i>» (въ листъ) на листѣ 148—9 — см. подъ № 132 краткую отмѣтку о нашемъ сборникѣ.	
4	16 св.	каждаго отдѣла	каждаго большого отдѣла
11	18 »	<i>добавить:</i> «(Ср. Опис. рукоп. Соловецкаго мон., т. II, стр. 575; тоже помѣщено, повидимому, въ рукоп. Каз. Духовн. Акад. № 695 (12):—Космографiя. Скороп. XVII в. въ 4 д. л., на л. 83 сл., л. 87 сл.)».	

*) Не опискою ли тутъ вм. Лопухинимъ?

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
12	13 св.	произведенія въ	произведенія см. въ
13	13 св.	л. 77	л. 76 обор.
18	12 св.	<i>добавить</i> : «Ср. тоже въ рукописи Ростовскаго Музея церковныхъ древностей № 56 (1866) лл. 1—2».	
20	14—15 св.	<i>добавить</i> : «Ср. ту же статью въ рукоп. Ундольскаго № 467, на лл. 466—9, приведенную въ отрывкахъ въ книгѣ И. А. Шляпкина «Св. Димитрій Ростовскій и его время», Спб. 1891 г., стран. 211, вых. 1; тутъ заглавіе иначе: « <i>Красномасніи пятерострочи. . . написанныя лета зрѣдъ въ общюю есмыа пользу</i> ». Ср. въ той же книгѣ г. Шляпкина на стр. 411 стихи св. Димитрія Рост. (напеч. въ его Соч. I, 224). Также та же статья отмѣчена и въ изслѣдованіи А. Прозоровскаго: «Сильвестръ Медвѣдевъ, его жизнь и дѣятельность», М., 1896 г., стран. 374».	
20	20 св.	написали посланіе	написали посланіе
21	6 св.	<i>добавить</i> : «полное перечисленіе списковъ славяно-русскихъ переводовъ упомянутой статьи Яна Запчица см. въ приложеніи къ изслѣдованію проф. А. И. Соболевскаго: «Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ» (Спб. 1899 г., стр. 120) въ статьѣ: «О добронравіи, Яна Запчица».	
48	21 св.	<i>добавить</i> : «Въ томѣ II своихъ «Очерковъ» Буслаевъ въ главѣ II «О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ», отд. V, на стр. 95 отмѣтилъ: «. . . вслѣдствіе разлада между древнею литературой и жизнью народною, мы имѣемъ отъ старины самыя скудныя остатки древнихъ народныхъ изреченій и пословицъ. <i>Только въ XVII стѣи, и то подъ вліяніемъ чужеземныхъ, былъ составленъ у насъ сборникъ пословицъ и поговорокъ</i> . Составитель чувствовалъ, что люди, застарѣлыя въ прежнихъ литературныхъ предразсудкахъ, обвинять его въ томъ вниманіи, котораго онъ удостоилъ народное слово, и потому, въ своемъ <i>предисловіи</i> , почелъ необходимымъ предложить объясненіе по этому поводу, чтобы оправдаться передъ читателями».	
49	2 св.	дошлѣ,	дашлѣ,
69	10 св.	точію	точію
»	12 »	шрѣто ^х .	шрѣто ^х .
70	9 »	швѣлѣпотя ^х ся:	швѣлѣпотя ^х ся:
»	14 »	скоемѣ	скоемѣ
»	24 »	сквернослѣвецъ,	сквернослѣвецъ
»	28 »	ѣще	”Аще
»	29 »	Но	Но

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
70	80 св.	зѣповѣдѣи.	зѣповѣдѣй.
»	84 »	многая,	многая
»	—	ѣщели	"Ащели
78	лб 1	Аще	"Аще
»	—	помогъ.	помогъ;
»	3	ѣвръ	'Авръ
74	48	ѣѡендронѣ	Аѡендронѣ.
75	62	уби-	уби .
76	82	Персидѣ	Персидѣ
79	189	ко ^о ме	ко ^о ме ^о
»	206	Поласка	По лыка
»	212	полу силю	полусилою
»	218	малон'	мало'
80	217	руки	рукѣ
82	285	в мирѣ.	в' мирѣ.
»	296	кнѣтомъ	кнѣтомъ
83	323	дорого.	дорого,
»	326	пѣткѣ,	пѣткѣ
»	328	ро ^о грому.	ро ^о грому,
»	329	забыта.	забыта,
»	348	смертѣи	смертѣи
84	360	одинакиѣ.	одинакиѣ
87	449	Воня ^а	Воня ^а
»	—	ѡѣ кон.	ѡѣ кон
»	458	слѣца	слѣца.
»	467	вгѣ	вгѣ
89	521	тщи	тщи ^и
»	528	нко	ѣко
»	541	со ^о жаются	сѣ ^о жаются
90	568	слѣко,	слѣко
91	574	даведутъ	даведутъ
92	618	сталъ	сталъ.
»	626	низ	ни ^а

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
92	№ —	БЛІ ^Ѣ	БЛІ ^Ѣ
»	629	А'рѸ ^Ѣ БА.	А'рѸ ^Ѣ БА.
98	647	ТУ	ТУ ^Ѣ
»	658	Петрова	Петрова
»	664	ДѢЛОВЦѢ	ДѢЛОВЦѢ.
94	694	ГОСТИ ДОВРАЯ	ГОСТИ. ДОВРАЯ.
95	722	ОБОГАТИТСЯ	ОБОГАТИТСЯ.
»	727	ДѢВУШКѢ	ДѢВУШКѢ
97	771	ХѢДА	ХѢДА
»	792	СКЛЯКѢ	СКЛЯКѢ
99	834	РОДИТѢ	РОДИТѢ
»	839	БРѢЧКО	БРѢЧКО ^Ѣ ;
»	848	С'ѢСТА.	С'ѢСТА
»	850	ЧТО.	ЧТО.
»	854	СХИМУ.	СХИМУ
101	895	ПерасидѢ.	ПерасидѢ.
102	930	ЛЮДѢ	ЛЮДѢ ^Ѣ
»	—	ЛЮДѢ	ЛЮДѢ ^Ѣ
»	932	[ЖИТѢ	[ЖИТѢ
»	942	БОГДАНѢ	БОГДАНѢ
»	944	ЖДА ^Ѣ	ЖДА ^Ѣ
»	946	ИЗБОРА.	ИЗБОРА,
103	969	ѢСТИ,	Ѣ(С)ТИ,
»	986	(И БѢ) ^Ѣ	(И БѢ) ^Ѣ
104	1008	НОРО БѢВЕДЕТѢ.	НОРѢ БѢВЕДЕТѢ
»	1012	ЖАЛУЙ	ЖАЛУЙ
105	1028	ЗА УДЕРЕНО СѢВЯТѢ.	ЗАУДЕРЕНО СТАВЯТѢ,
»	1033	СЗМѢЯ	СЗМѢЯ
106	1059	ГРЕЗИ	ГРЕЗИ
»	1066	ЗВОЙ	ЗВОЙ
»	1071	НОВОЙ	НОВОЙ
»	1076	ЗНЯ	ЗНЯ
»	1079	ЗНАЙ ДЛѢ	ЗНАЙ. ДЛѢ.

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
106	№ 1080	лестѣ	лестѣ.
107	1085	Знатѣ вѣлѣ	Знатѣ. вѣлѣ.
»	1111	и	и
108	1118	ко ^ѡ .	ко ^ѡ ;
»	1128	не з'годѣ.	нез'годѣ.
109	1170	вѣдѣ:	вѣдѣ.
111	1211	Онандинѣ	'Онандинѣ.
»	1219	воску.	воскѣ
»	1228	пот'рекнуѣ	пот'рекнуѣ
112	1248	кипитѣ	кипитѣ
»	1249	браннѣ	браннѣ
»	1250	грамотѣ	грамотѣ
113	1278	запѣла	запѣла
»	1285	ру	ру ^ѣ
114	1812	бостря	бостря ^ѣ
»	1822	упросилѣ	упросилѣ
»	1828	Запорогахѣ	запорогахѣ
»	1834	дѣтки с' сѣтѣ	дѣти с'сѣтѣ
115	1866	Кавѣ.	Ка вѣ.
117	1403	Лутчѣ	Лѣтчѣ
»	1404	дрѣговѣ:	дрѣговѣ.
»	1405	мошны	мошны.
»	1406	бот'виня.	бот'винныя.
»	1407	лестѣ	лестѣ.
»	1410	Лѣвницѣ	Лѣвница.
»	1421	порѣзатѣ	порѣзатѣ.
»	1425	веш'ней	веш'ней.
»	1426	вѣры	вѣры.
118	1435	с торгомѣ	с торгомѣ.
»	1458	прошеня	прошенныя.
119	1486	стерпитсѣ сменитсѣ.	стерпитсѣ. сменитсѣ,
»	1487	Лапти	Лапти.
»	1495	домѣ	домѣ

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
121	№ 1587	ЗВАННЫХЪ,	ЗВАННЫХЪ.
»	1544	КЛОПЫ.	КЛОПЫ.
»	—	СВЕРЧКИ	СВЕРЧКИ.
»	1554	ВЕЛИКОЙ	ВЕЛИКОЙ.
122	1582	ХЛѢБОМЪ	ХЛѢБОМЪ.
»	1583	ТІМПАНЫ	ТІМПАНЫ.
»	1588	У ^ѣ	У ^ѣ .
123	1598	НАМИ.	НАМИ,
»	1601	ѢЖА	ѢЖА
»	1608	Мечѣся	Мечѣся.
»	—	МЕРТВОЕ.	МЕРТВОЕ.
»	1610	В'СѢМЪ	В'СѢМЪ.
»	1613	ДЕРЕВНЯ.	ДЕРЕВНЯ.
»	1620	СТЫДА	СТЫДА
124	1637	З'ДРАВІИ	З'ДРАВІИ.
»	1640	НЕ	НЕ
»	1643	ЧИСТЕНКО	ЧИСТЕНКО.
»	1645	НОГАМІ.	НОГАМІ
»	1651	МѢСТА.	МѢСТА.
125	1668	У ^ѣ	У ^ѣ
»	1682	ЛВДАІ.,	ЛВДАІ.,
»	1689	Нашему	Нашему
»	1693	Ума.	Ума.
»	1694	УГЛІОМЪ	УГЛІОМЪ
126	1702	ЕГО	ЕГО
»	1727	сойдется Онохино	сойдется Онохино
127	1735	неуставной	неуставной
»	1752	слова, прикупантъ.	слова. прикупантъ,
128	1785	Не нарокомъ	Ненарокомъ
129	1795	Не повиннѣ	Неповиннѣ
»	—	не пристрашиа	непристрашиа
»	1797	Не много	Немного
130	1852	себѣ	себѣ.

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
131	№ 1855	Обули	Обули.
»	1879	присѣ	принѣ
»	1879	не писаную.	неписаную.
132	1886	рукѣ.	рукѣ.,
»	1907	коли	коли
133	1920	Похваля	Похваля.
»	1926	пѣшъ	пѣшъ.
»	1936	одолецъ	одолецъ.
»	1937	увѣлся	увѣлся
»	1943	рѣка.	рѣка
134	1950	не в догѣ.	неведогѣ
»	1973	книга	книга
»	1978	Паяному	Паяному.
»	1981	Пожалѣтъ	Пожалѣтъ.
135	1990	мало	мало.
»	1997	вѣ[ши]	вѣ[шй]
136	2030	полмѣла	полмѣла.
137	2043	догѣ	догѣ.
»	2060	намъ.	намъ
»	2071	вѣгръшно.	вѣгръшно
138	2084	Ряба	Ряба.
139	2115	с тѣ.	с тѣ
»	2118	злыя.	злыя
140	2155	сидя	сидя
»	2163	пѣчуютъ.	пѣчуютъ.
141	2188	всякомѣ	всякомѣ.
142	2223	Олионъ.	'Олионъ.
»	2225	Семъ	Семъ
143	2247	того	того.
»	2249	твоего	твоего.
»	2257	Тетива	Тетива.
144	2265	долго	долго.
»	2282	Тертъ	Тертъ.

VIII

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
144	№ 2286	Татѣ	Татѣ.
»	—	господинѣ,	господинѣ.
»	2288	говорѣ	говорѣ.
»	2290	пирогѣ	пирогѣ.
145	2301	Паулѣ	Паулѣ
»	2310	не колозе	неколозе
»	2312	вѣдетѣ.	вѣдетѣ.
»	2321	спѣса.	Спѣса.
»	2323	вѣдами.	вѣдами.
»	2325	Фмыкалѣ	Фмыкалѣ.
146	2335	крикѣ.	крикѣ
»	2338	дѣдѣ	дѣдѣ.
»	2339	гложетѣ	гложетѣ.
»	2348	Фзналѣ	Фзналѣ.
»	—	свое	свое.
»	2352	сырѣ	сырѣ.
»	—	свѣдѣ	свѣдѣ.
»	2354	Фмнои	Фмнои
147	2362	сыщешѣ	сыщешѣ.
»	2364	спитѣ	спитѣ.
»	2367	злынямѣ.	злымѣ
»	2372	бы	бы.
»	—	Ф.	Ф
148	2397	точѣ	точѣ.
»	2410	полонѣ	полонѣ.
149	2418	Петровѣ	Петровѣ
»	2426	плаваетѣ	плаваетѣ.
»	2428	тонкѣ,	тонкѣ.
»	2430	вѣсѣ,	вѣсѣ.
»	2436	труситѣ.	труситѣ.
»	2437	повнеаетѣ	повнеаетѣ.
150	2450	Хотѣлѣ	Хотѣлѣ.
»	—	село	село.

Стран.	Число:	Напечатано.	Слѣдуетъ.
150	№ 2452	ДИТЯ	ДИТЯ.
»	—	А	А
»	2467	ХОДИЛЪ ЧОРТА	ХОДИЛЪ. ЧОРТА.
»	2470	БЕН ЕКО	БЕН. ЕКО.
151	2483	К ЗАВТРЕЮ	К ЗАВТРЕЮ.
»	2487	АНА	АНА
»	2494	ЧТО	ЧТО.
»	2500	ДРУГА	ДРУГА
152	2508	ЛОМОТА	ЛОМОТА.
»	2511	ЯИЦО	ЯИЦО.
»	2523	И ЗОПАСНЫ.	ИЗОПАСНЫ,
153	2533	СРЪЦА	СРЪЦА.
»	2545	РЪЦА	РЪЦА.
»	2546	ЦРЮ	ЦРЮ.
»	2552	МЫСЛА	МЫСЛА.
»	2559	ЗВЪРЕМЪ,	ЗВЪРЕМЪ
154	2562	ЖАЛЪЮТЪ	ЖАЛЪЮТЪ.
»	2564	СМИРЯЕТЪ.	СМИРЯЕТЪ
»	2578	ЧАСЪ А К СМЕРТИ	ЧАСЪ. А К СМЕРТИ.
»	2584	ЗЕМЛЮ	ЗЕМЛЮ.
»	2585	ЧЕКО	ЧЕКО
155	2591	КОНА	КОНА.
156	2634	ЧТО	ЧТО
»	2643	СЪДА	СЪДА.
157	2675	ДОСОКЪ.	ДОСОКЪ
158	2686	ПАВЕЛЪ	ПАВЕЛЪ
»	2700	ЩОГОЛА	ЩОГОЛА.
159	2723	ЩОКАМЪ	ЩОКАМЪ.
»	2729	БЪХАЛЪ	БЪХАЛЪ.
160	2737	КАШЪ	КАШЪ.
»	2755	СЫГРЪШКАМЪ	СЫГРЪШКАМЪ
»	—	Ю.	Ю
161	—	А.	А

Стран.	Число.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
»	—	Ѣ	”Ѣ
»	2780	ДБОРА	ДБОРА.
162	—	Щ.	Щ
»	2785	ЩЕНЯТѢ	ЩЕНЯТА.

Слѣдуетъ уничтожить знакъ препинанія въ концѣ №№: 6—9.
 16. 18. 21. 33—6. 39. 41. 46. 48. 50—3. 55—7. 59. 61—
 70. 75. 77. 83. 88. 90—5. 97—9. 104—5. 107—8. 110. 113.
 115. 181—191. 193—4. 196—8. 200—1. 203—4. 206—7.
 210—13. 215—19. 221. 225—8. 232—6. 238—9. 241.
 243—6. 248—50. 253. 255—7. 259. 261. 263—6. 268.
 270—3. 275—7. 279. 281—4. 287—8. 290—7. 302. 304.
 306—311. 313—4. 316—7. 319. 321—2. 327. 335. 338—9.
 343—4. 348. 350—8. 360—6. 369. 371. 373—4. 378—
 383. 386. 388. 391. 393—5. 397. 401—7. 411. 417. 419.
 422. 424. 426—432. 435. 437. 439. 441—2. 445—6. 449.
 453—4. 456—8. 460. 463—5. 467. 469—70. 472. 474—8.
 481—3. 487—92. 494. 499. 501—509. 512. 515. 517—8.
 521. 524—5. 527. 531. 534—5. 538—41. 544—5. 547.
 549—50. 552—6. 558—9. 561—2. 567—70. 572—6. 578.
 581—3. 587—8. 591—2. 594—5. 597—8. 600. 602. 605.
 607—9. 613—4. 618—23. 625—6. 630. 632—5. 638—40.
 642—3. 645. 647. 651—2. 654. 657. 660. 662. 668—9.
 674. 676—8. 680—4. 689—91. 694. 696. 698—700. 703—
 13. 716. 721. 723. 726. 732—5. 738—9. 742—4. 746—7.
 749—51. 753. 756. 760—61. 764—6. 770. 773—4. 776.
 782. 790. 793—5. 797—9. 803—4. 814. 817. 820. 822.
 824—6. 828. 833—5. 837. 839—44. 846—8. 851—4.
 857—67. 869. 872—3. 876. 880—86. 888—92. 896. 899—
 900. 908—9. 912—13. 916. 922—4. 926—7. 930. 933.
 937—9. 941. 951. 953. 959—60. 965—8. 970—1. 976.
 980. 982. 984—5. 994—1000. 1006—9. 1017. 1021—2.
 1026. 1034—5. 1062. 1065. 1075. 1088. 1097. 1100. 1103.
 1105—6. 1115. 1118. 1121. 1125. 1127, 1139—40. 1143—

4. 1146. 1160. 1164. 1166—7. 1171. 1180. 1184. 1187—8.
 1196. 1203. 1210. 1216—17. 1237. 1266. 1275. 1278—
 80. 1298. 1336. 1355. 1359. 1361. 1367. 1418. 1426. 1556.
 1565—6. 1570. 1579. 1589. 1591. 1594. 1606. 1616. 1619—
 21. 1632. 1645. 1648. 1657. 1675. 1680. 1697. 1710. 1715.
 1733. 1745. 1760. 1763. 1766. 1769. 1776. 1789. 1803.
 1808—9. 1814. 1824. 1835. 1841. 1857. 1860. 1862. 1865.
 1869—70. 1873. 1898. 1911. 1913. 1915—17. 1929. 1939.
 1950. 1959. 1998. 2000—1. 2014. 2032. 2036. 2040. 2044—
 5. 2098. 2107. 2111—2. 2118—9. 2121. 2155. 2174. 2176.
 2182. 2187. 2209. 2218. 2220—1. 2224—5. 2227. 2231.
 2241. 2245. 2259. 2262. 2266—7. 2271. 2273. 2276. 2281.
 2293. 2304. 2322. 2332. 2339. 2346. 2354. 2357. 2360.
 2367. 2387. 2402. 2404—5. 2413. 2422—3. 2426. 2430—1.
 2444—6. 2457. 2476. 2479. 2494. 2497. 2500. 2515. 2517—
 8. 2521. 2524. 2526. 2532—3. 2545. 2554. 2560. 2564.
 2572. 2574. 2578. 2584. 2602. 2617—9. 2624. 2626—7.
 2629. 2634. 2637. 2640. 2652. 2662. 2677. 2680. 2705.
 2708—10. 2717—8. 2721. 2734. 2736. 2740. 2743. 2748.
 2750. 2761. 2766. 2775. 2777. 2783.

Слѣдуетъ поставить точку въ концѣ №№: 28. 722. 1002.
 1193. 1404. 1790, 1863.

Слѣдуетъ поставить запятую въ концѣ №№: 1(;). 10—15. 17.
 19. 22. 24. 26—7. 29. 31. 40. 42—4. 47. 58. 72—4. 78—82.
 84—7. 89. 96. 100—1. 103. 106. 109. 111—12. 114. 134(,).
 195. 202. 208. 220. 224. 230. 251—2. 254. 260. 269. 280.
 299. 301. 303. 315. 318. 320. 323. 328—34. 340. 342. 347.
 359. 385. 392. 415—6. 421. 438. 440. 444. 448. 452. 455.
 461. 495. 497—8. 500. 510. 513. 522. 526. 529. 551. 560.
 564. 579. 584—5. 603. 612. 615. 624. 628. 636—7. 653.
 663. 665. 673. 697. 715. 718. 727. 736—7. 745. 755. 758.
 775. 777. 779. 781. 805. 808—810. 812—13. 870. 877.
 879. 887. 914. 946. 949. 955—6. 961. 963—4. 1015—6.
 1019. 1024. 1027—8. 1030—1. 1033. 1054. 1077. 1087.

1089—92. 1096. 1122. 1137. 1145. 1241—3. 1248. 1258.
1269—70. 1286. 1296. 1311. 1322. 1345. 1486. 1497.
1504. 1521. 1528. 1534. 1536—7. 1546. 1555. 1558. 1562.
1564. 1578. 1580. 1583. 1586. 1597—8. 1600. 1607. 1611.
1622. 1628. 1630. 1635. 1638—9. 1641. 1660. 1674. 1678.
1682. 1701. 1705. 1717. 1737. 1752—3. 1756. 1765. 1767.
1774—5. 1777—8. 1791. 1795—8. 1800. 1802. 1804(.,).
1807. 1810—13. 1815. 1818—20. 1827. 1829—30. 1832—3.
1837—8. 1843. 1844(.,). 1845. 1852—3. 1855. 1876—7.
1879. 1885. 1886(.,). 1891. 1903. 1909. 1912. 1944. 1966.
1986. 1994. 2102—3. 2114. 2145. 2173. 2210. 2240. 2274.
2350—1. 2380. 2391. 2395. 2409. 2472. 2474. 2484—5.
2498—9. 2523. 2528. 2567. 2570—1. 2605. 2621. 2767.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVI, № 8.

КЪ ВОПРОСУ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРОНОГРАФА.

А. А. ШАХМАТОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Іюнь 1899 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХРОНОГРАФА.

Настоящая статья вызвана изученіемъ источниковъ, по которымъ въ серединѣ XVI вѣка составился лѣтописный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Никоновской лѣтописи». Обратившись къ вопросу о составѣ и редакціи хронографовъ, которыми пользовался составитель этого сборника, я пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, несогласнымъ съ высказаннымъ до сихъ поръ въ весьма впрочемъ скудной литературѣ по этому предмету. Рѣшаюсь подвергнуть ихъ обсужденію изслѣдователей нашей древней письменности, прежде чѣмъ приступить къ обнародованію результатовъ моей работы надъ текстомъ Никоновской лѣтописи.

Наиболѣе полнымъ и въ извѣстномъ родѣ классическимъ изслѣдованіемъ хронографовъ нашей древней письменности остается до сихъ поръ «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» А. Н. Попова (М. 1866—1869). Со времени выхода этой книги были открыты новые списки хронографовъ, указаны нѣкоторые новые ихъ источники, установлена нѣсколько иная связь между ихъ редакціями, но главныя положенія Попова остались не опровергнутыми. Положенія эти можно вкратцѣ формулировать слѣдующимъ образомъ.

Хронографъ — это сборникъ, составленный въ XV вѣкѣ по юго-славянскимъ переводнымъ и оригинальнымъ сочиненіямъ, дополненный при этомъ русскими лѣтописными статьями. Происхожденіе хронографа юго-славянское: по вскорѣ онъ былъ перенесенъ въ Россію и здѣсь подвергся пересмотру. Результатомъ одного пересмотра явилась редакція 1512 года, при чемъ хронографъ подъ перомъ русскаго книжника подвергся измѣненіямъ въ языкѣ, снабженъ русскими глоссами и русскими лѣтописными статьями. Результатомъ другого пересмотра оказалась редакція, сохранившаяся въ списокѣ Толст. собр. (Отд. I, № 172): редакція эта неполная (она начинается съ Александріи), статьи хронографа не подверглись, какъ въ редакціи 1512 года, раздѣленію на главы, но въ ней яснѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, сохранились слѣды юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно придти къ слѣдующимъ выводамъ объ отношеніи редакціи 1512 года къ юго-славянской, основной редакціи хронографа: основной изводъ хронографа былъ очень близокъ къ редакціи 1512 года, но юго-славянскія статьи читались въ немъ съ нѣкоторыми отличіями въ расположеніи и объемѣ; русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей, въ немъ вовсе не было, оканчивался же онъ повѣстью о взятіи Царяграда, но не тою, которую находимъ въ спискахъ редакціи 1512 года (а по-видимому тою, которая читается въ Толстовскомъ списокѣ). Итакъ, задача изслѣдователя судьбы хронографа послѣ выводовъ Попова сводится главнымъ образомъ къ возстановленію того основного юго-славянскаго извода, существованіе котораго предположено въ виду имѣющихся на лицо двухъ русскихъ редакцій, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть признана основною по отношенію къ другой. Систематическое сравненіе Толстовскаго списка (и сходныхъ съ нимъ списковъ) со списками редакціи 1512 года — вотъ путь, по которому можно придти къ рѣшенію этой задачи. Къ сожалѣнію, самъ Поповъ въ своемъ систематическомъ обзорѣ хронографа 1-ой редакціи (вып. 1-й, стр. 95—215) не руководствовался выводами, изложенными во 2-мъ выпускѣ (стр. 22—

25), и потому онъ не далъ сравнительнаго обзора двухъ различныхъ древнѣйшихъ редакцій хронографа, ограничившись попутнымъ указаніемъ отличій Толстовскаго списка отъ списковъ, раздѣленныхъ на главы: очевидно, къ приведеннымъ выше выводамъ А. Н. Поповъ пришелъ только къ концу своего изслѣдованія, когда 1-й выпускъ Обзора былъ уже напечатанъ. Особенно цѣнны выводы автора относительно источниковъ, послужившихъ при составленіи хронографа. Правда, важнѣйшіе источники были уже указаны А. М. Лазаревскимъ (Извѣстія Втораго Отд. VIII, 384—390 и IX, 115—127), но систематическому разсмотрѣнію они подвергнуты впервые Поповымъ, которому удалось сдѣлать рядъ самостоятельныхъ указаній. Въ этомъ отдѣлѣ труда почтеннаго изслѣдователя нельзя не отмѣтить одного существеннаго пробѣла, въ значительной степени повліявшаго на выводы, высказанные во 2-мъ выпускѣ Обзора и принятые многими послѣдующими изслѣдователями. Поповъ не обратилъ достаточнаго вниманія на вопросъ о русскихъ источникахъ хронографа. Среди этихъ источниковъ выдѣляются съ одной стороны русскія историческія компиляціи, вродѣ тѣхъ, которыя остановили вниманіе автора и которымъ онъ въ своемъ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи отвелъ вполне подобающее мѣсто (Еллинскій и римскій лѣтописецъ, вып. 1-й, стр. 1—94); съ другой стороны — лѣтописи и историческія повѣсти: отъ внимательнаго и осторожнаго изслѣдователя ускользнуло, что въ обѣихъ древнѣйшихъ редакціяхъ хронографа читаются нѣкоторыя общія, заимствованныя изъ русскихъ источниковъ, статьи, при чемъ это обстоятельство прямо свидѣтельствуетъ, что уже въ распоряженіи составителя основнаго извода хронографа находились источники русскаго происхожденія: между тѣмъ, характеризуя составъ этого предполагаемаго основнаго извода, Поповъ (вып. 2-й, стр. 25) допускалъ, что въ немъ «вовсе не было русскихъ лѣтописныхъ статей, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей». Я думаю, что одной изъ основныхъ задачъ при изслѣдованіи состава хронографа должно быть выясненіе взаимнаго отношенія хронографа

и Еллинскаго лѣтописца. Самъ Поповъ сдѣлалъ рядъ указаній на то, что въ хронографѣ есть статьи общія съ Еллинскимъ лѣтописцемъ (выш. 1-й, стр. 108, 117, 118, 119, 122, 127, 128, 139 и др.), при чемъ на стр. 117 онъ допускаетъ возможность того, что отрывокъ изъ Малалы, слѣдующій за перечнемъ персидскихъ царей, взошелъ въ хронографъ путемъ Еллинскаго лѣтописца, «потому что въ послѣднемъ онъ передается точно въ такой же формѣ», какъ въ хронографѣ, а на стр. 19-й 2-го выпуска онъ высказывается еще опредѣленнѣе: «немногія выписки изъ Хроники Іоанна Антиохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы». Тѣмъ не менѣе Поповъ нигдѣ не назвалъ Еллинскій лѣтописецъ прямымъ источникомъ хронографа: изъ стр. 17-й 2-го выпуска, гдѣ онъ говоритъ о первыхъ попыткахъ историческихъ компиляцій, ясно, что авторъ Обзора даже не задавался вопросомъ, не былъ ли Еллинскій лѣтописецъ прототипомъ, образцомъ слѣдующаго историческаго сборника—хронографа. Можетъ быть, это зависѣло частью отъ того ошибочнаго взгляда на время составленія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, котораго придерживался А. Н. Поповъ въ своемъ Обзорѣ: на стр. 17-й 2-го выпуска время составленія 2-й редакціи относится къ XVI вѣку, а на 76-й стр. 1-го выпуска высказывается возможность заимствованія во вторую редакцію Еллинскаго лѣтописца статьи о смерти пророка Даніила изъ хронографа редакціи 1512 года. Я-такъ рѣшительно назвалъ ошибочнымъ взглядъ Попова на позднее происхожденіе Еллинскаго лѣтописца второй редакціи между прочимъ потому, что самъ онъ впослѣдствіи, описывая Чудовской списокъ Еллинскаго лѣтописца XV вѣка, пришелъ къ слѣдующему выводу: «Чудовской списокъ представляетъ древній видъ такъ называемой 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца... Судя по времени Чудовскаго списка, происхожденіе ея должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». (Библиогр. мат. А. Н. Попова, изд. въ 1889 г. въ Читеніяхъ Общ. ист. и др. рос., № XVIII, стр. 11). Въ виду этого и указанныхъ самимъ Поповымъ мѣстъ,

общихъ между хронографомъ и второю редакціею Еллинскаго лѣтописца (напр. вып. 1-й, стр. 76, 139, 127, 128), считаю несомнѣннымъ, что составитель хронографа пользовался, какъ источникомъ, Еллинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи — памятникомъ русскаго происхожденія (ср. вып. 2-й, стр. 17). Впрочемъ, къ тому же выводу подошелъ уже другой изслѣдователь судебъ нашего памятника и ниже мы еще разъ вернемся къ этому вопросу.

Разсматривая русскія статьи хронографа, Поповъ заключилъ, что онѣ вставлены позднѣе на Руси въ юго-славянскій оригиналъ хронографа (ср. вып. 2-й, стр. 22, 25, 59, 62 и др.). Этотъ выводъ основывается главнымъ образомъ на отсутствіи русскихъ статей въ той редакціи хронографа, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ: но если давать такое значеніе, при возстановленіи первоначальнаго состава хронографа, сравнительному изученію обѣихъ русскихъ редакцій, то съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, что присутствіе той или другой статьи въ обѣихъ редакціяхъ доказываетъ принадлежность ея и основному изводу хронографа. Вотъ почему, находя въ статьѣ о Темирѣ, иже побѣди Баозита царя, русскія добавленія (и при томъ общія), какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи Толстовскаго списка, мы въ правѣ заключать о томъ, что тѣ же добавленія читались и въ основномъ изводѣ хронографа. Равнымъ образомъ, находя, какъ въ спискахъ редакціи 1512 года (Чудовской списокъ № ⁵⁹/₃₅₄, ср. замѣчанія Сперанскаго, издателя Библіогр. мат. Попова, стр. 57; то же въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ спискѣ Погод. № 1402 а), такъ и въ Толстовскомъ спискѣ русское извѣстіе о женитьбѣ императора Мануила на Аннѣ, дочери Василія Дмитріевича¹⁾, заключаемъ, что это извѣстіе находилось и въ основномъ изводѣ хронографа. Читая въ главѣ 200-й редакціи 1512 года и въ Толстовскомъ спискѣ дословно сходный раз-

1) Извѣстіе неточное, такъ какъ Анна вышла замужъ въ 1414 году не за Мануила, а за сына его Іоанна (см. ниже).

сказъ о русскомъ событіи 1340 года, заключаемъ, что онъ принадлежалъ уже основному изводу хронографа и т. д. Такимъ образомъ сравнительное изученіе обѣихъ древнѣйшихъ редакцій хронографа приводитъ къ выводу, совершенно несогласному съ выводами Попова: составитель *основного* извода хронографа включилъ въ него русскія лѣтописныя статьи и даже историческія повѣсти.

Насколько я знаю, наиболѣе обстоятельная оцѣнка труда Попова была сдѣлана въ 1877 году И. В. Ягичемъ въ его статьѣ *Ein Beitrag zur serbischen Analistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung* (*Archiv f. sl. Ph.*, V. II, ss. 1—109). Разсматривая переводные и оригинальные историческіе источники сербскаго лѣтописанія, Ягичъ касается и тѣхъ сочиненій, которыми, по указанію Попова, пользовались собиратели русскихъ хронографовъ; при этомъ авторъ вноситъ въ трудъ Попова двѣ немаловажныя поправки. Собиратель русскаго хронографа, извѣстнаго въ редакціи 1512 года, пользовался не подлинной Доментіановою редакціей житія св. Саввы, какъ указывалъ Поповъ (вып. 2, стр. 41), а такъ называемую Θεодосіевскою редакціей этого житія (Ягичъ, стр. 37)¹⁾; послѣдняя статья хронографа, посвященная сербской исторіи, — «Царство сербское и о запусѣніи его», источникъ которой остался для Попова неизвѣстнымъ (вып. 2, стр. 53), цѣликомъ заимствована, по указанію Ягича, изъ послѣднихъ главъ Константинова житія Стефана Лазаревича, не сохранившихся въ той сокращенной и искаженной редакціи его, которая была доступна Попову (Ягичъ, стр. 43). Переходя къ вопросу о происхожденіи сербскихъ хронографовъ, Ягичъ останавливается на слѣдующихъ двухъ выводахъ Попова: а) собиратель хронографа, сохранившагося въ редакціи 1512 года, пользовался для своей компиляціи византійскими источниками въ славянскихъ

---

1) Впрочемъ, самъ Поповъ исправилъ свою ошибку въ прим. на стр. 41, изъ котораго видно, что собиратель хронографа давалъ извлеченія изъ редакціи, изданной Даничичемъ въ 1860 году (и ошибочно названной издателемъ Доментіановою).

переводахъ, а также историческими сочиненіями, извѣстными въ сербской, болгарской и русской письменности; на основаніи этихъ источниковъ онъ довелъ свой трудъ до 1453 года, начавъ съ разсказа о сотвореніи міра; б) хотя хронографъ извѣстенъ только въ спискахъ русской редакціи, но въ основаніи этой редакціи, составленной въ 1512 году, лежитъ юго-славянская и при томъ, вѣроятно, сербская компиляція, относящаяся ко времени послѣ 1453 года: этотъ предполагаемый сербскій изводъ хронографа долженъ быть признанъ прототипомъ всѣхъ русскихъ хронографовъ, обособившимся русскими статьями уже по переходѣ его въ Россію. Съ первымъ выводомъ Попова Ягичъ вполне соглашается, но второй выводъ встрѣчаетъ съ его стороны справедливыя возраженія. Во 1-хъ имѣющіеся на лицо юго-славянскіе хронографы (Ягичъ упоминаетъ пять списковъ и между ними Житомишлическій и Реметскій) ясно обнаруживаютъ свое русское происхожденіе; во 2-хъ сохранившіеся отъ конца XV и начала XVI вѣка сербскіе лѣтописные своды не имѣютъ ничего общаго съ Хронографомъ, при чемъ сравнительное изученіе этихъ памятниковъ показываетъ, что ни собиратель хронографа не былъ знакомъ съ сербскими лѣтописями, ни составители сербскихъ лѣтописныхъ сводовъ не воспользовались, хотя бы въ отдѣлахъ, посвященныхъ всемірной исторіи, матеріалами, заключающимися въ Хронографѣ. Кромѣ того, сопоставленіе литературныхъ приемовъ собирателя Хронографа и сербскихъ лѣтописцевъ показываетъ, что они дѣйствовали въ двухъ совершенно различныхъ обстановкахъ: такъ въ особенности несходно отношеніе собирателя Хронографа къ имѣвшимся въ его распоряженіи сербскимъ источникамъ (при томъ весьма ограниченнымъ) съ отношеніемъ къ тѣмъ же источникамъ сербскихъ лѣтописцевъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Ягичъ рѣшительно высказывается противъ юго-славянскаго (сербско-словинскаго) происхожденія Хронографа, утверждалъ, что обратно сербскіе хронографы представляются позднѣйшими извлеченіями и сокращеніями изъ извѣстныхъ намъ русскихъ редакцій Хронографа.

Къ сожалѣнію, эта важная статья Ягича недостаточно известна въ нашей ученой литературѣ: этимъ объясняется то, что М. Н. Сперанскому пришлось, почти двадцать лѣтъ послѣ ея выхода, снова поднимать вопросъ объ отношеніи сербскихъ хронографовъ къ русскому, а также и то, что Истривъ до сихъ поръ держится основныхъ положеній, высказанныхъ Поповымъ относительно юго-славянскаго происхожденія нашего Хронографа (ср. замѣчанія Ягича въ XVI томѣ *Archiv f. sl. Ph.*, стр. 225). Впрочемъ, если изслѣдованія М. Н. Сперанскаго и В. М. Истрина не прибавили ничего новаго къ вопросу о происхожденіи нашего хронографа, то пролили немало свѣта на темные вопросы о составѣ, а въ особенности редакціяхъ хронографа. Остановлюсь поэтому на послѣднихъ работахъ этихъ выдающихся изслѣдователей нашей древней литературы.

Сперанскій въ своей статьѣ «Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи» (*Русск. Филол. Вѣстн.* 1896 г.), а также въ своемъ описаніи рукописей Шафарика («Рукописи П. І. Шафарика въ Прагѣ», см. *Чт. Общ. ист. и др. росс.* 1894 года) сообщилъ рядъ данныхъ, по которымъ теперь возможно ближайшимъ образомъ опредѣлить отношеніе сербскихъ хронографовъ къ русскимъ. Приведя вѣскія доказательства въ пользу высказаннаго уже Ягичемъ предположенія о томъ, что юго-славянскіе хронографы сложились подъ вліяніемъ русскаго, Сперанскій, очевидно предположивъ существованіе одной общей основной сербской редакціи для извѣстныхъ ему сербскихъ хронографовъ, слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе этой редакціи къ русскому хронографу: «Сербскій текстъ хронографа представляетъ собой сокращеніе, особенно въ ветхозавѣтной части, редакціи 1512 года, а по особенностямъ ближе всего подходитъ къ Чудовскому (списку), не дѣленному на главы. Поэтому весьма возможно, что въ основѣ его лежитъ списокъ, подобный этому Чудовскому» (стр. 14—15 отдѣльнаго оттиска). Отмѣчу теперь же, что авторъ въ данномъ случаѣ не придаетъ значенія, и вполне основательно, тому обстоятельству, что Чудовской спи-

сокъ не раздѣлеть на главы¹⁾; сербскій хронографъ основывался на списокѣ, раздѣленномъ на главы, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Сперанскаго: «при такомъ предположеніи (см. приведенную выше фразу) понятно и дѣленіе сербскаго хронографа на 100 главъ, при 208 главахъ русскаго хронографа» (стр. 15). Но тѣмъ не менѣе Чудовской списокъ занимаетъ по его мнѣнію какое-то особенное мѣсто среди другихъ списковъ редакціи 1512 года: вотъ почему онъ находитъ нужнымъ установить зависимость сербскихъ хронографовъ не прямо отъ редакціи 1512 года, а отъ списка, подобнаго Чудовскому; вотъ почему въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII (Чт. Общ. ист. и др. росс. 1889 г.) онъ выражается о Чудовскомъ списокѣ слѣдующимъ образомъ: «нашъ списокъ, хотя и не принадлежитъ къ раздѣленнымъ на главы, но содержитъ въ себѣ признаки списковъ, уже раздѣленныхъ на главы; съ другой стороны даетъ точки соприкосновенія со списками, не раздѣленными на главы. Отсюда можно опредѣлить его, какъ промежуточный между той и другой категоріей списковъ Хронографа 1-й редакціи». Ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ выводомъ почтеннаго изслѣдователя: на основаніи представленныхъ имъ данныхъ, я пришелъ къ выводу, что Чудовской списокъ ничего существенно оригинальнаго, сравнительно съ другими списками редакціи 1512 года, не представляетъ; указанная Сперанскимъ особенность, отличающая его отъ списковъ, описанныхъ Поповымъ, встрѣчаются и въ хронографѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря и въ хронографѣ Погод. собр. № 1404 а (напр. добавленія во 2-й ст. 203-й главы, въ 1-й ст. 201-й главы, выписка изъ Манассіи въ 159-й главѣ и

1) Оригиналъ Чудовскаго списка былъ раздѣленъ на главы: это показало самъ Сперанскій въ Дополненіяхъ къ Библ. мат. А. Н. Попова, XVIII, основываясь на сохраненномъ въ списокѣ названіи 106-й главы. Опущеніе главъ замѣчается, начиная съ 107 главы, въ хронографѣ Воскр. Новоіер. монастыря: до 107-й главы главы обозначаются кинноварными отмѣтками, а начиная съ 107-й главы — отмѣтками на поляхъ другими чернилами и другой рукой (кроме рѣдкихъ главъ: 124, 128, 129 и др.).

т. д.). Въ виду этого я не могу допустить предполагаемой Сперанскимъ промежуточной редакціи между двумя видами «1-й редакціи хронографа» и думаю, что пока мы можемъ говорить только о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ этого памятника—редакціи 1512 года и редакціи, сохранившейся въ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Поэтому сербскіе хронографы надо связать непосредственно съ редакціею 1512 года: ничто не доказываетъ, чтобы они восходили къ какой то промежуточной редакціи между обѣими древнѣйшими русскими редакціями. Этотъ выводъ, конечно, можетъ вызвать возраженіе въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, тщательно отмѣченныхъ Сперанскимъ; а именно на стр. 14 своего изслѣдованія онъ указалъ, что въ одной особенноти сербскіе хронографы прямо родятся со списками, не раздѣленными на главы (Толстовскимъ и сходными), между тѣмъ какъ вообще они сходны со списками, раздѣленными на главы (къ нимъ относится, согласно предыдущему, и Чудовской). А именно: «замѣтка о переводѣ книги Иисуса сына Сирахова на русскій съ латинскаго (въ лѣто $\overline{\text{д}} \overline{\text{ф}} \overline{\text{з}} \overline{\text{л}}$), находящаяся въ Толстовскомъ списокѣ (см. А. Поповъ, стр. 123), передана *буквально* и въ списокѣ № 29; въ № 28 замѣнена общей фразой о томъ же, но безъ года». Извѣстно, что замѣтка о переводѣ Иисуса Сирахова въ спискахъ редакціи 1512 года не встрѣчается, между тѣмъ какъ она читается въ трехъ (изъ четырехъ извѣстныхъ) спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе Сперанскаго имѣло бы рѣшающее значеніе и привело бы къ предположенію или того, что составитель сербскаго хронографа пользовался обѣими русскими редакціями, или — того, что существовала такая русская редакція, гдѣ совмѣщались особенности редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной на главы, — если бы это указаніе было точно. Между тѣмъ оказывается, что № 28 изъ собр. Шафарика не содержитъ замѣтки о переводѣ книги Иисуса сына Сирахова; тамъ, какъ это видно изъ описанія Сперанскаго, читается лишь слѣдующее: при икмъже (изъ контекста ясно, что при Антиохѣ) и исоусъ сираховъ въседобродѣтелъную моурѣ съчины

нвресѣ (Рукописи П. I. Шафарика, стр. 90). То же находимъ во всѣхъ вообще спискахъ редакціи 1512 года, ср. въ Воскр. хроногр. (глава 105-я): при то^ѣ ис^ѣ сираховъ премѣрыи и многодобродѣтельны. Слѣдовательно, № 28, а также сходные съ нимъ хронографы — Шафариковскій № 26 (Рукоп. П. I. Шафарика, стр. 82—83), Житомирскій, Реметскій, Шишатовадскій, Трешинскій (Сперанскій, стр. 6), не содержатъ въ себѣ особенностей, сближающихъ ихъ съ русскою редакціей, не раздѣленною на главы, и возводятся безъ малѣйшихъ затрудненій къ редакціи 1512 года. Совершенно иное должно сказать о № 29 собранія Шафарика, т. е. о такъ называемомъ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ¹⁾: онъ также основывается на списокѣ русскаго хронографа, но не редакціи 1512 года, а редакціи, сходной съ тою, которая заключается въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ (редакціи, не раздѣленной на главы). Это видно, какъ изъ того, что въ немъ помѣщена замѣтка о переводѣ книги Иисуса Сирахова на русскій языкъ, такъ и изъ того, что, вслѣдъ за хронографомъ, мы находимъ въ этой рукописи собранія Шафарика выписки изъ хроники Мартина Бѣльскаго (ср. описаніе Иречка и у Сперанскаго: Сербскіе хронографы, стр. 18; Рукописи П. I. Шафарика, стр. 98): тѣ же выписки, какъ извѣстно, сопровождаютъ хронографъ, не раздѣленный на главы (ср. Толстовскій, Поповскій, Буслаевскій и Виленскій списки этой редакціи хронографа)²⁾. Составитель Верхобрѣзницкаго хронографа не ограничился заимствованіями изъ одного списка русскаго хронографа; онъ пользовался еще другимъ русскимъ же спискомъ

1) Ср. описаніе его, сдѣланное I. Иречкомъ въ *Sitzungsberichte der königl. böhm. gesselsch. der wissensch. in Prag*, 1879 г., стр. 128—146.

2) Ср. о Поповскомъ списокѣ—Викторовъ, *Отчетъ Моск. Публ. и Рум. муз. за 1879—1882 г.*, стр. 2—3; о Буслаевскомъ и Толстовскомъ спискахъ—И. Бычковъ, *Каталогъ собр. рук. Ф. И. Буслаева*, стр. 227—228; о Виленскомъ—Добрянскій, *Опис. рукописей Вилен. публ. библ.*, стр. 255—258. Изъ приведенныхъ Иречкомъ выписокъ по Верхобрѣзницкому хронографу видно, что текстъ хроники Бѣльскаго тождественъ въ немъ съ текстомъ Толстовскаго, Буслаевскаго и др. списковъ.

хронографа, что видно изъ того, что въ немъ, «вмѣсто обычной хронографической статьи о взятіи Царяграда» (Сперанскій), читается отдѣльная повѣсть, изъ которой не взято только вступленіе (о созданіи Царяграда). Эта повѣсть, вошедшая въ позднѣйшую редакцію русскаго хронографа—1617 года, извѣстна и по нѣкоторымъ спискамъ хронографа XVI вѣка: однимъ изъ нихъ воспользовался Верхобрѣзницкій хронографъ. Но кромѣ этихъ двухъ русскихъ списковъ, названный хронографъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, сербскимъ хронографомъ и именно тою его редакціей, которая сохранилась въ Житомирскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ. Это видно изъ важнаго указанія, сдѣланнаго Сперанскимъ на стр. 17, на то, что какъ въ сербскомъ хронографѣ № 28, такъ и въ хронографѣ № 29, выборка изъ русскаго хронографа подверглась аналогичнымъ, тождественнымъ дополненіямъ изъ статей второго перевода Амартола, — дополненіямъ, сдѣланнымъ въ Сербіи. Не могу согласиться въ дальнѣйшимъ выводомъ автора о томъ, что № 29 старше по своему составу, чѣмъ № 28; такъ, по крайней мѣрѣ, я появляю слѣдующую фразу статьи Сперанскаго: Верхобрѣзницкій хронографъ «доказываетъ, что № 28 представляетъ не первичное сокращеніе текста русскаго хронографа, а уже послѣдующее; № 29 (т. е. Верхобрѣзницкій списокъ) во многихъ мѣстахъ сохраняетъ чтеніе русскаго списка тамъ, гдѣ № 28 уже сокращенъ». Изучая хронографы по даннымъ, сгруппированнымъ Сперанскимъ, я прихожу совсѣмъ къ инымъ выводамъ. Первая сербская редакція, сохранившаяся въ наиболѣе полномъ видѣ въ Реметскомъ хронографѣ и сокращенно въ № 28, Житомирскомъ и другихъ спискахъ, основалась на русской редакціи 1512 года, которую дополнила заимствованіями изъ второго перевода Амартола; вторая редакція, представителемъ которой является Верхобрѣзницкій хронографъ, положила въ основаніе первую, но дополнила ее новыми заимствованіями изъ Амартола, статьями изъ русскаго хронографа особой редакціи, а также и изъ другихъ, можетъ быть, немалочисленныхъ источниковъ.

Если изслѣдованіе Сперанскаго такъ важно потому, что ввело въ кругъ изученія русскаго хронографа сербскія его передѣлки, то работы Истрина освѣтили происхожденіе хронографа съ другой стороны: онѣ ясно установили взаимныя отношенія между древнѣйшими редакціями русскаго хронографа и, что особенно поучительно, указали на новый источникъ, которымъ пользовался составитель редакціи, не раздѣленной на главы. Изслѣдуя «Александрію русскихъ хронографовъ» (М. 1893), Истринъ естественно пришелъ къ необходимости болѣе точно опредѣлить связь между отдѣльными редакціями Александріи и, соотвѣтственно съ этимъ, между тѣми, послѣдовательно смѣнявшимися одинъ другого, видами хронографа, гдѣ она помѣщается. При этомъ между прочимъ оказалось, что обѣ Александріи въ редакціи 1512 года и въ редакціи, не раздѣленной на главы, представляютъ настолько отличный одинъ отъ другого текстъ, что авторъ изслѣдованія рѣшился назвать текстъ Александріи въ редакціи, не раздѣленной на главы, третьею, а текстъ редакціи 1512 года—четвертою редакціею Александріи. Обѣ онѣ, какъ убѣдительно доказалъ Истринъ, восходятъ къ одной общей редакціи, при чемъ эта общая редакція представляла собой сокращеніе редакціи, извѣстной изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи съ незначительными противъ нея дополненіями; источникомъ этихъ дополненій, какъ это указалъ еще Поповъ (вып. 1-й, стр. 119), послужила сербская Александрія. При этомъ, по замѣчанію Истрина, третья и четвертая редакціи Александріи связаны съ хронографами, заключавшими ихъ, т. е. онѣ не существовали отдѣльно отъ хронографа; редакторъ оригинала третьей и четвертой редакцій Александріи—онъ же и редакторъ первоначальнаго вида хронографа первой редакціи—взялъ вторую редакцію Александріи для своей переработки изъ Еллинскаго лѣтописца второй редакціи, а не изъ отдѣльнаго списка. Третья редакція Александріи (помѣщенная въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) по своему составу ближе къ своему оригиналу, чѣмъ четвертая, но послѣдняя сохранившійся текстъ передаетъ лучше, чѣмъ третья. Третья

и четвертая редакціи Александрин въ отдѣльномъ существованіи получили каждая по нѣскольکو добавленій; источникомъ добавленій третьей редакціи былъ Паралипоменъ Зонары. Я изложилъ выводы автора собственными его словами, руководствуясь текстомъ «Положеній къ диссертаціи», но предварительно провѣрилъ ихъ на основаніи того, вполне документальнаго матеріала, который далъ Истринъ въ своемъ изслѣдованіи и въ приложеніи къ нему. Вполнѣ присоединяясь къ приведеннымъ выводамъ автора, не могу согласиться съ нимъ лишь въ одномъ пунктѣ: онъ не доказалъ своего положенія о томъ, что четвертая редакція въ отдѣльномъ существованіи получила нѣскольکو добавленій; изъ приведенныхъ на стр. 276—278 сопоставленій скорѣе можно заключить, что то лишнее, что читается въ четвертой редакціи, съ одной стороны противъ второй, а съ другой противъ третьей редакціи, восходитъ къ общему для третьей и четвертой редакціи оригиналу. Конечно, это нисколько не подрываетъ вѣрности сдѣланнаго Истриномъ указанія на то, что нѣкоторые списки четвертой редакціи (напр. Погод. № 1441) дѣйствительно сдѣлали кое-какія самостоятельныя заимствованія изъ сербской Александрин. На стр. 283 Истринъ сопоставляетъ свои выводы о редакціяхъ Александрин съ тѣми выводами о редакціяхъ хронографа, къ которымъ въ свое время пришелъ Поповъ. «Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, говоритъ авторъ, прямо совпадаютъ съ тѣми, которые можно сдѣлать изъ разбора Александрин: какъ оба вида хронографа, такъ и обѣ редакціи Александрин восходятъ къ одному оригиналу, представляя собою, какъ тѣ такъ и другіе въ отдѣльности, самостоятельныя обработки». Къ сожалѣнію, Истринъ поспѣшилъ согласиться и съ другими выводами Попова и не посвятилъ нѣкотораго труда на то, чтобы и на основаніи другихъ статей хронографа рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи редакціи 1512 года и редакціи, не раздѣленной на главы. А между тѣмъ онъ располагалъ всѣми данными для разработки этого вопроса, имѣя подъ руками списки обѣихъ указанныхъ редакцій. Такъ между прочимъ свой выводъ, сдѣланный

на основаніи текста Александрія, о томъ, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, пользовался, какъ источникомъ, Паралипоменомъ Зонары, онъ не повѣрилъ на прочихъ статьяхъ хронографа и не замѣтилъ, что этотъ выводъ, впрочемъ тщательно доказанный (стр. 263—264 и 282), находитъ блестящее подтвержденіе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы: изъ Обзора Попова видно, что рассказъ о царствованіи Василя, сына Романова, въ редакціи 1512 года (а также, въ чемъ трудно усомниться, въ первоначальной редакціи хронографа) основывается на Манассіи, между тѣмъ какъ редакція, не раздѣленная на главы (Толст. сп.), замѣнила его другимъ источникомъ — Паралипоменомъ Зонары (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 179).

Слѣдуя Попову, авторъ принимаетъ на вѣру юго-славянское происхожденіе хронографа (стр. 284); не приведа какихъ бы то ни было доказательствъ въ пользу этого мнѣнія Попова (замѣчу, что оно высказано въ Обзорѣ лишь въ видѣ предположенія), Истринь спѣшитъ распространить его и на происхожденіе основной для третьей и четвертой—редакціи Александрія. Замѣчательно, что сама Александрія представляетъ ясныя доказательства противъ юго-славянскаго происхожденія: Истринь доказалъ, что уже въ основной редакціи, т. е. въ общемъ оригиналѣ третьей и четвертой редакцій, находилась слѣдующая фраза: Александръ по греческы речеса по роусскы же глетьса избранъ (она есть и въ третьей и въ четвертой редакціяхъ Александрія); выводъ отсюда ясенъ: этотъ оригиналъ писанъ въ Россіи. Далѣе Истринь совершенно правильно сопоставляетъ эту русскую глоссу съ тѣмъ обстоятельствомъ, что составитель оригинала третьей и четвертой редакцій пользовался, какъ источникомъ, русскимъ памятникомъ — Емлинскимъ лѣтописцемъ второй редакціи (здѣсь авторъ расходится съ Поповымъ): это думаю еще болѣе подтверждаетъ только что сдѣланный выводъ о томъ, что оригиналъ третьей и четвертой редакцій Александрія составленъ въ Россіи (ср. Истринь, стр. 285—286). Однако авторъ разбираемаго изслѣдова-

нія не только не рѣшается сдѣлать этого вывода, но даже ишааетъ приведенные имъ же доводы всякой доказательной силы слѣдующею фразой: «съ другой стороны доводы А. Н. Попова въ пользу юго-славянскаго происхожденія хронографа, очень убѣдительны». Чтобы объяснить существованіе русской глоссы въ юго-славянскомъ оригиналѣ, Истринъ прибѣгаетъ къ слѣдующей гипотезѣ: юго-славянскій оригиналъ хронографа, «прежде нежели подвергнуться всякаго рода переработкамъ, попалъ въ руки русскаго читателя, который и дополнилъ его нѣсколькими русскими глоссами, перешедшими въ извѣстные намъ виды хронографа первой редакціи». Странно, что Истринъ не замѣтилъ, что этимъ предположеніемъ вовсе не разрѣшается вопросъ объ Еллинскомъ лѣтописцѣ, такъ основательно выдвинутый имъ же нѣсколько строкъ выше приведеннаго мѣста; впрочемъ, самъ авторъ опровергаетъ свою гипотезу, допустивъ, опять таки въ видѣ предположенія, подтверждающаго мнѣніе Попова о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа, что юго-славянскій оригиналъ попалъ въ Россію двоякимъ путемъ — съ одной стороны черезъ южную Русь, гдѣ онъ, подвергшись передѣлкѣ, легъ въ основаніе редакціи, не раздѣленной на главы, съ другой черезъ сѣверную Русь, гдѣ онъ въ 1512 году подвергся пересмотру и породилъ редакцію, раздѣленную на 208 главъ. Ясно, что, принявъ это предположеніе, нельзя согласиться съ слѣдующимъ за нимъ, по которому редакція 1512 года и редакція, не раздѣленная на главы, восходятъ къ одному общему юго-славянскому оригиналу, снабженному, при переходѣ его въ Россію, нѣкоторыми русскими глоссами. Мнѣ кажется, что Истринъ на стр. 285—286 убѣдительно доказалъ, что основная редакція хронографа составлена въ Россіи: все высказанное имъ на стр. 286 только подтверждаетъ эти доказательства, такъ какъ показываетъ, къ какимъ несообразностямъ должно привести противоположное мнѣніе. Считаю нужнымъ остановиться на высказанномъ здѣсь и повторенномъ въ другомъ мѣстѣ (Истринъ: Хронографы въ русской литературѣ, Визант. Вр., V, стр. 144) предположеніи

о южно-русскомъ происхожденіи редакціи, не раздѣленной на главы; оно основывается на томъ, «что изъ трехъ извѣстныхъ списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, два списка Публичн. Музея—бывшій Попова и Н. С. Тихонравова, происхожденія южно-русскаго». Изученіе языка Толстовскаго списка (смѣшеніе *ы* и *и*) приводитъ къ убѣжденію, что и онъ происхожденія южно-русскаго¹⁾, такъ что изъ пяти списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы (Поповскаго, Тихонравовскаго, Буслевскаго, Толстовскаго и Виленскаго), три списка несомнѣнно южно-русскаго происхожденія. На южно- или западно-русское происхожденіе общаго ихъ оригинала указываетъ какъ вставка о переводѣ книги Иисуса Сирахова, такъ и дополнительныя статьи къ хронографу. Сообщение о переводѣ Иисуса Сирахова въ 1517 году имѣетъ въ виду, очевидно, переводъ, сдѣланный именно въ этомъ году Фр. Скориной²⁾: книги священнаго писанія въ переводѣ Скорины пользовались особымъ распространеніемъ въ юго-западной Россіи. Что эта вставка принадлежитъ основному оригиналу списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видно изъ того, что изъ пяти указанныхъ списковъ трое содержатъ ее; можетъ быть, она есть и въ четвертомъ (Виленскомъ); кромѣ того она же читается въ Верхобрѣзницкомъ хронографѣ, пользовавшемся редакціею хронографа, не раздѣленною на главы. Поэтому отсутствіе этой вставки въ Поповскомъ списокѣ должно объяснять случайнымъ или умысленнымъ пропускомъ (вопреки мнѣнію Истрина, сдѣлавшаго на основаніи именно этого обстоятельства выводъ, что Поповскій списокъ по своему составу древнѣе Толстовскаго и Тихонравовскаго, ср. Александрія, стр. 287). Дополнительныя статьи къ хронографу редакціи, не раздѣленной на главы, общія всѣмъ спискамъ ея—это выборки, съ переводомъ на русскій языкъ, статей изъ хро-

1) Поповъ во 2-мъ вып. Обзора (стр. 273) указываетъ (на основаніи записи), что эта рукопись принадлежала нѣкогда Златоверхо-Михайловскому монастырю, но тамъ ли она писана, остается неизвѣстнымъ.

2) Этимъ указаніемъ я обязанъ Н. К. Никольскому. Ср. Владиміровъ, «Докторъ Францискъ Скорина», стр. 65 и 105.

ники Мартина Бѣльскаго. Переводъ иной, чѣмъ тотъ, который появился въ Москвѣ въ 1584 году (Обзоръ Попова, вып. 2-й, стр. 93), хотя мѣстами и очень близокъ къ нему: можетъ быть, выборка была сдѣлана изъ оригинала, послужившаго основаніемъ для московскаго списка и изготовленнаго по повелѣнію короля Польскаго Сигизмунда (тамъ же, стр. 94). Но во всякомъ случаѣ, эти выписки изъ Мартина Бѣльскаго съ очевидностью доказываютъ, что оригиналъ или основной списокъ редакціи хронографа, не раздѣленнаго на главы, возникъ не ранѣе 1550 года (когда вышло первое изданіе хроники Бѣльскаго). Итакъ, выводъ Истрина о томъ, что разсматриваемая редакція древнѣе 1517 года, оказывается невѣрнымъ. А въ виду поздняго происхожденія ея, мало вѣроятнымъ представляется и другой выводъ почтеннаго изслѣдователя, а именно выводъ о томъ, что южно-славянскій хронографъ перешелъ непосредственно въ южную Россію и здѣсь породилъ эту редакцію, не раздѣленную на главы. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что южно- или западно-русскій книжникъ переработалъ московскую или сѣверно-русскую редакцію хронографа, дополнивъ ее статьями изъ польской хроники: во всякомъ случаѣ мы находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, нѣсколько статей московскаго или сѣверно-русскаго происхожденія: таково, напр., сказаніе о чудесномъ явленіи Божьей Матери 1 августа вел. кн. Андрею Боголюбскому и императору Мануилу (этого сказанія нѣтъ въ редакціи 1512 года).

Въ предложенномъ краткомъ обзорѣ вопроса о составѣ и происхожденіи русскаго хронографа, я, кажется, не опустилъ существенно важныхъ выводовъ или предположеній ученыхъ, занимавшихся этимъ предметомъ. Перехожу къ заключительнымъ замѣчаніямъ относительно того, какія именно изъ высказанныхъ уже положеній могутъ считаться неопровержимыми.

1) Хронографъ составленъ въ XV вѣкѣ (Поповъ).

2) Первоначальная редакція хронографа до насъ не дошла; но она отразилась въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна составлена въ 1512 году (Поповъ, Истринъ и др.).

3) Сравнительное изучение этихъ двухъ редакцій приводитъ насъ къ восстановленію первоначальной, основной редакціи хронографа (Истринь).

4) Составитель основной редакціи пользовался въ числѣ источниковъ и русскими памятниками, каковы: Еллинскій лѣтописецъ второй редакціи (Истринь), историческія повѣсти и лѣтописи (ср. указанія Попова).

5) Хронографъ не могъ быть составленъ въ Сербіи или Болгаріи (Ягичъ, Сперанскій).

6) Сербскіе хронографы должны быть признаны извлеченіями изъ русскихъ хронографовъ (Ягичъ¹⁾, Сперанскій).

7) Составитель редакціи 1512 года въ значительной степени сократилъ свой оригиналъ (Истринь объ Александріи); пользовался ли онъ новыми источниками для дополненія этого оригинала, остается не выясненнымъ; единственно вѣроятнымъ должно признать, что повѣсть о взятіи Царяграда составлена самимъ редакторомъ 1512 года («собирателемъ русской редакціи хронографа»: Поповъ, Обзоръ, стр. 63).

8) Сохранившіеся до насъ списки другой редакціи (не раздѣленной на главы) обличаютъ свое южно-русское происхождение (Поповъ, Истринь); въ этой редакціи основной текстъ хронографа былъ переданъ также сокращенно (Истринь); но редакторъ или самъ дополнялъ свой оригиналъ или же пользовался распространеннымъ, сравнительно съ первоначальною редакціею хронографа, спискомъ; изъ дополнительныхъ источниковъ, отразившихся въ этой редакціи, съ увѣренностью можно назвать Паралипоменъ Зонары (Истринь).

Эти выводы я кладу въ основаніе дальнѣйшаго изслѣдованія, цѣлью котораго я поставилъ опредѣленіе условій и времени,

---

1) Ягичъ въ Archiv f. Sl. Ph. II, 73 выражается слѣдующимъ рѣшительнымъ образомъ: Für mich also unterliegt es keinem Zweifel, dass dem gewöhnlichen russ. Chronographen kein serbisch-slovenisches Prototypen zu Grunde lag, sondern umgekehrt aus den russ. Chronographen wurden im Laufe des XVII Jahrhunderts (vielleicht auch schon früher) Auszüge ins Serbische gemacht.

когда могъ возникнуть древнѣйшій видъ хронографа, а также взаимныхъ отношеній между хронографомъ и другими однородными памятниками, главнымъ образомъ лѣтописями.

II.

Ближайшею задачей этого изслѣдованія должно быть болѣе точное опредѣленіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится редакція, не раздѣленная на главы, къ основной редакціи хронографа.

Это необходимо въ виду, во-первыхъ, высказаннаго Поповымъ мнѣнія, будто въ ней ясна, чѣмъ во всѣхъ прочихъ спискахъ хронографа (т. е. спискахъ редакціи 1512 г.), сохранились слѣды хронографа юго-славянскаго извода, при чемъ на основаніи ея можно заключить, что въ первоначальной редакціи хронографа не было русскихъ лѣтописныхъ статей, и тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей (это послѣднее мнѣніе противорѣчитъ указанному выше четвертому положенію); во-вторыхъ, это необходимо въ виду высказаннаго Истринымъ мнѣнія о возможности возникновенія рассматриваемой редакціи хронографа до 1517 года и при томъ непосредственно изъ юго-славянскаго оригинала, при переходѣ его въ южную Россію; въ-третьихъ, я долженъ начать свое изслѣдованіе съ редакціи, не раздѣленной на главы, въ виду той связи, которую не трудно открыть между этой редакціей и цѣлымъ рядомъ другихъ памятниковъ, связи, дающей указаніе на составъ непосредственно предшествующей ей редакціи хронографа.

1. Мнѣніе Попова о томъ, что въ редакціи, не раздѣленной на главы, ясна, чѣмъ въ редакціи 1512 года, сохранились слѣды юго-славянскаго происхожденія хронографа (Обзоръ, вып. 2-й, стр. 25), основывается на томъ вѣрномъ наблюденіи, что нѣкоторыя статьи читаются въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ болѣе первоначальномъ видѣ, чѣмъ въ редакціи 1512 года. Сюда относятся, на примѣръ, статьи юго-славянскаго (сербскаго) происхожденія. Такъ родословная Неманичей, сокращенная въ

редакціи 1512 года, сохранилась въ полномъ видѣ въ редакціи, не раздѣленной на главы (ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189, 194, 195, вып. 2-й, стр. 24). Но если мы, вслѣдъ за Истринымъ и др., примемъ, что редакція, не раздѣленная на главы, и редакція 1512 года восходятъ къ одному общему оригиналу, то большая близость первой редакціи къ первоначальной редакціи должна объясняться, въ данномъ случаѣ, простою случайностью, подобно тому какъ во многихъ другихъ мѣстахъ къ первоначальной редакціи стоитъ ближе не она, а редакція 1512 года. Такъ напр. житіе Савы въ редакціи 1512 года передано гораздо подробнѣе, чѣмъ въ редакціи, не раздѣленной на главы¹⁾. Также и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ южно-славянскаго происхожденія видимъ въ редакціи 1512 года большую полноту сравнительно съ редакціей, не раздѣленной на главы: это отмѣтилъ и Поповъ, указавшій, что Толст. сп., I, № 172, въ отдѣлѣ юго-славянскихъ статей мѣстами *кратче* прочихъ, а мѣстами полнѣе (вып. 2-й, стр. 24). Другимъ основаніемъ признать редакцію, не раздѣленную на главы, особенно близкою къ первоначальному юго-славянскому оригиналу служило для Попова, повидимому, то обстоятельство, что въ Толст. сп. употребляется большой юсъ. Такое именно впечатлѣніе производить на меня аргументація, читаемая на стр. 25-й 2-го выпуска. Но на это можно съ увѣренностью возразить, что правописаніе Толстовскаго списка никакого рѣшающаго значенія въ данномъ вопросѣ имѣть не можетъ, такъ какъ сходные приемы письма замѣчаются не только въ основныхъ статьяхъ хронографа, но также и въ тѣхъ статьяхъ, которыя не

1) Напр. отрывку, начинающемуся въ ред. 1512 г. словами: «сущу же тогда вару зѣлну» и оканчивающемуся фразой: «и слышавъ страхомъ объеть бысть» (Изборникъ Попова, стр. 32—33, ср. Живот светога Саве, изд. Даничина, Бюгр. 1860, стр. 154—156), въ редакціи, не раздѣленной на главы, соответствуетъ одна слѣдующая фраза: «тогда же святыи и молитвою градъ с небесе сведе и всѣхъ оудви. яко и самому краю дивящуся оужаситися» (Толст., Букл. сп.). Разсказъ о чудесномъ спасеніи Савы отъ разбойниковъ и отъ бури во время путешествія въ Іерусалимъ (ср. Живот св. Саве, 181—182) передавъ въ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ Попова, стр. 35), но опущенъ въ редакціи, не раздѣленной на главы.

могли входить въ составъ первоначальной редакціи хронографа (напр. въ статьѣ о явленіи Божьей Матери Андрею Боголюбскому) и даже въ прибавленіяхъ къ хронографу (въ выпискахъ изъ хроники Мартина Бѣльскаго). Въ статьѣ о явленіи Божьей Матери мы находимъ сжщѹ, хрїстолюбивомѣ, а въ прибавленіяхъ: бждѹчи и др. — Въ изслѣдованіи Попова имѣется еще третій доводъ въ пользу юго-славянскаго происхожденія первоначальной редакціи хронографа и особенной близости къ ней Толст. списка: въ этомъ спискѣ (т. е. вообще въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы) русскія лѣтописныя статьи занимаютъ самое незначительное мѣсто: «состоятъ онѣ изъ однѣхъ хронологическихъ замѣтокъ, а полныхъ историческихъ повѣстей, напр. о нашествіи Батты, о Мамаѣ, совсѣмъ нѣтъ». Въ виду предположенной имъ выше ббльшей близости Толстовскаго списка къ первоначальной редакціи хронографа, Поповъ заключилъ отсюда, что въ ней не было совсѣмъ русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, а тѣмъ болѣе историческихъ повѣстей. Думаю, что это заключеніе ошибочно, какъ ошибочна посылка, на которой оно основывается: ближайшее изученіе Толстовскаго списка показываетъ, что въ немъ содержатся вѣскія данныя для утвержденія, что въ первоначальномъ, основномъ спискѣ хронографа, не раздѣленнаго на главы, были русскія лѣтописныя статьи и даже обширныя историческія повѣсти. Дѣйствительно, разсматривая хронологическія замѣтки по русской исторіи, читаемыя въ спискахъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, видимъ, что онѣ носятъ совершенно отрывочный характеръ¹⁾; въ виду этого естественно является предположеніе,

---

1) Напр.: при семъ князь великій кіевскій святославъ игоревичъ. иде на шноу (такъ!) рѣкоу и на оагоу (такъ!). і обрѣте вятечи. Или: при семъ греческомъ царѣ иванѣ палеолозѣ. вииде изъ орды отъ царя жанибѣка князь великій иванъ ивановичъ и сяде на великомъ княженѣ в володимерѣ и на москвѣ в лѣто 6863. Или: в лѣто 6933 сяде на великомъ на москвѣ князь великій василіи василіевичъ при митрополитѣ фотіи. Или: въ 1 лѣто царства иванова и матери его анны отъ адама в лѣто 6848, а вииде изъ орды отъ царя избяса (такъ!), князь великій симеонъ ивановичъ и сяде на великомъ княженѣ в володимери и на москвѣ.

что онъ попали въ составъ хронографа при позднѣйшей пере-
дѣлкѣ его на Руси, такъ же какъ несомнѣнно позже вставлено
въ текстъ хронографа упомянутое уже сказаніе о происхожденіи
празднованія чудеснаго явленія 1 августа. Но такое предположе-
ніе оказывается совершенно несостоятельнымъ, если принять во
вниманіе, что эти замѣтки почти буквально сходны съ лѣтопис-
ными извѣстіями списковъ хронографа редакціи 1512 года¹⁾.
Такое сходство можно объяснить только тѣмъ, что эти замѣтки
находились уже въ общемъ для обѣихъ редакцій хронографа —
не раздѣленной на главы и 1512 г.—оригиналѣ. Слѣдовательно,
составитель редакціи, не раздѣленной на главы, не самъ внесъ
русскія лѣтописныя извѣстія въ текстъ хронографа, а сохранилъ
ихъ, встрѣтивъ въ оригинальной редакціи: если бы онъ задался
цѣлью *дополнить* хронографъ русскими событіями, неужели,
живя въ Россіи и будучи русскимъ, онъ не упомянулъ бы хотя
бы о крещеніи Ольги и Владимира, о Калкской битвѣ или о на-
шествіи татаръ? Сопоставивъ же отсутствіе такихъ извѣстій
съ тѣмъ, что редакція, не раздѣленная на главы, представляетъ
нѣсколько извѣстій сравнительно второстепенной важности (см.
указанныя выше въ примѣчаніи), восходящихъ при этомъ къ
предшествующей ей и даже къ основной редакціи хронографа
(ср. выше), мы неминуемо приходимъ къ слѣдующему заключе-
нію: составитель редакціи, не раздѣленной на главы, умышленно
выпускалъ русскія статьи и извѣстія своего подлинника, сохра-
нивъ, и при томъ всего вѣроятнѣе по недосмотру, лишь нѣкото-
рыя изъ нихъ. Важно при этомъ отмѣтить и то обстоятельство,

---

1) Ср. напр. по ред. 1512 г.: при сихъ царихъ въ первое лѣто Ивана и
матери его Анны, въ лѣто 6848 выйде изъ Орды князь Семенъ, сынъ князя
Ивана Даниловича, и сѣде на великомъ княженіи въ Володимери и на Москвѣ.
Или: въ лѣто 6933 князь великій Василей Васильевичъ сѣде на великомъ кня-
женіи на Московскомъ и на Нижнемъ Новградѣ, и посла Фотія митрополита...
Или: при семъ же цари Греческомъ Иванѣ Палеологѣ въ лѣто 6862 выйде
изъ Орды на великое княженіе Владимирское и Московское князь Иванъ
Ивановичъ Камитинъ, братъ великаго князя Семена Ивановича (ср. Поповъ,
Изборникъ, 53, 76, 55).

что въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ началѣ находимъ больше русскихъ статей, чѣмъ въ концѣ: такъ здѣсь читаются рассказы о приходѣ Рюрика въ Новгородъ, о походахъ Олега и затѣмъ Игоря на Царьградъ¹⁾, рассказъ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ и др. Послѣ этого рассказа, исключая сказаніе о явленіи Божьей Матери 1 августа имп. Мануилу и в. кн. Андрею, мы не находимъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, русскихъ статей и извѣстій вплоть до приведеннаго выше извѣстія о вокняженіи Семена Ивановича въ 1340 году. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней сохранилось одно любопытное указаніе на то, что въ предшествующей ей редакціи было помѣщено на своемъ мѣстѣ обширное сказаніе о татарскомъ нашествіи, и именно то самое сказаніе, которое находимъ въ редакціи 1512 года. Поповъ въ Изборникѣ (прим. на 33-й стр.) отмѣтилъ, что въ отрывкѣ, попавшемъ въ хронографъ изъ Житія Савы, по редакціи, не раздѣленной на главы, находится нѣкоторое дополненіе сравнительно съ редакціей 1512 года. Справедливо указавъ на то, что дополненіе это (о принятіи Стефаномъ венгерскимъ православія и о почитаніи его за святого венграми) восходитъ къ сербскому оригиналу Житія Савы (слѣдовательно, въ данномъ мѣстѣ редакція 1512 года отступила отъ первоначальной редакціи), Поповъ отмѣтилъ, что слова «и нареченъ бысть Владиславъ» вставка: дѣйствительно, этого нѣтъ въ Житіи Савы. Указанная вставка можетъ принадлежать или составителю редакціи, не раздѣленной на главы, или составителю первоначальной редакціи хронографа (въ редакціи 1512 года, какъ только что указано, все, относящееся сюда, мѣсто опущено) Источникъ ея не указанъ Поповымъ, но онъ совершенно ясенъ: это повѣсть объ убіеніи Батыя, т. е. одна изъ составныхъ частей сказанія о нашествіи татаръ, помѣщеннаго въ хронографъ (по редакціи 1512 г.); мы читаемъ

---

1) При чемъ въ рассказъ о походѣ Олега перенесены черты изъ похода Игоря, а въ рассказѣ о походѣ Игоря, какъ указалъ Поповъ, Обзоръ, I, 175, слова дѣтописи объ Олгѣ перенесены на Игоря.

въ ней: «его же (Власлава) святый Сава Сербскый крести и нарече Владислава» (Изборникъ, стр. 44). Отсюда слѣдуетъ или то, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовалъ указанную фразу изъ хронографической Повѣсти объ убіеніи Батыя, или что это сдѣлалъ составитель первоначальной редакціи хронографа: какъ бы то ни было, отсюда слѣдуетъ и то, что Повѣсть объ убіеніи Батыя, а значить и все сказаніе о нашествіи татаръ, были извѣстны составителю предшествующей редакціи, не раздѣленной на главы; сообразивъ же, что та же повѣсть и то же сказаніе содержатся въ хронографѣ 1512 г., мы можемъ съ увѣренностью заключить, что сказаніе о нашествіи татаръ и приложенная къ нему Повѣсть объ убіеніи Батыя находились уже въ первоначальной, основной редакціи хронографа. Редакція, не раздѣленная на главы, даетъ еще указаніе на то, что въ основной редакціи хронографа были помѣщены нѣкоторыя русскія историческія повѣсти. Въ обѣихъ редакціяхъ — не раздѣленной на главы и 1512 г. читаемъ повѣсть о Темирѣ Аксакѣ: какъ извѣстно, первая часть этой повѣсти, до словъ «возвращаетъ же ся темиръ въ персиду», представляетъ сплошное заимствованіе изъ житія деспота Стефана Лазаревича, составленнаго Константиномъ Костенскимъ (Изборникъ Попова, стр. 66; Обзоръ, 2-й вып., стр. 51); слѣдующая за тѣмъ часть, содержащая разсказъ о нашествіи Темира на Россію, оказывается заимствованною изъ русской повѣсти объ этомъ событіи¹⁾. Въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ не только первую — сербскую, но и вторую — русскую часть этой повѣсти. При этомъ въ этой второй — русской части замѣчается полное сходство²⁾ между редакціей, не раздѣленной на главы, и редакціей 1512 г., за исключеніемъ того, что въ пер-

1) Одна изъ древнѣйшихъ редакцій ея читается въ Тверской лѣтописи.

2) Ср. начало и конецъ по Толст. сп.: «пріять же і асирию и вавилонское царство и севластію і арменію. и всы орды поплени. . . великіи же князь василіе дмитріевичъ повелѣ на томъ мѣсци. идеже стрѣтоша иконоу святыя богородица поставити церковь. и сътвори празникъ честенъ пресвятѣй богородици. егоже и доньнѣ празнуюють. мѣсяца августа въ 26 день». Ср. приблизительно тоже въ ред. 1512 г. (Изборникъ, 66).

вой изъ этихъ редакцій опущена фраза: «принесоша же ея съ пирогощею въ единомъ кораблѣ... и бисеромъ украси» (ср. Изборникъ, стр. 66). Слѣдовательно, эта вторая — русская часть о Темирѣ Аксакѣ находилась уже въ первоначальной редакціи хронографа. Укажу еще на одно обстоятельство, подтверждающее выставленное здѣсь положеніе о томъ, что въ первоначальномъ, основномъ для извѣстныхъ намъ редакцій хронографѣ были уже русскія статьи. Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ редакціи 1512 г.: «въ лѣто 6899 по Иванѣ Палеолозѣ нача царствовати сынъ его Мануилъ въ Царѣградѣ и царствова 32» (Изборникъ, стр. 64, но въ хронографѣ Новоіерус. мон.: 33 лѣта), мы читаемъ въ редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдующее: «по иванѣ палеолозѣ царствова въ цариградѣ сынъ его иманоуилъ лѣтъ 33 *благословенъ и поставленъ антоніемъ патриархомъ. в лѣто 6899 февраля во 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ*». Подчеркнутыя слова оказываются вставкой, но каковъ могъ быть источникъ этой вставки? Сблизивъ приведенное мѣсто съ началомъ статьи «О вѣнчаніи Мануила царя на царство», составляющей часть извѣстнаго Пименова хожденія¹⁾ мы заключаемъ о томъ, что оно попало въ хронографъ по редакціи, не раздѣленной на главы, изъ этого Хожденія (обратное заимствованіе не допустимо, такъ какъ вслѣдъ за этимъ составитель Хожденія подробно описываетъ самый чинъ вѣнчанія Мануила на царство). Если мы примемъ за тѣмъ во вниманіе, что въ Хожденіи Пимена, и при томъ не только въ той редакціи Хожденія, которая помѣщена въ Никоновской лѣтописи (ср. Поповъ, Обзоръ, II, стр. 50), но также и въ редакціи Русскаго Временника²⁾, находится вставка о Косовской битвѣ изъ хронографа, что такимъ образомъ между Хожденіемъ

1) Видѣхомъ же мѣсяца февраля въ 11 день, въ недѣлю о блудномъ сыну, вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Цареградскій на царство и со царицею отцемъ ихъ пресвященнымъ Антоніемъ патриархомъ.

2) Ср. Русск. Вр., I, 302: «и паки Турки превозмогаша»; Хронографъ: «потомъ же сынъ того царя Амурата Баозитъ возмогаетъ паку» (Изборникъ, 63). Далѣе: «повелѣ же Баозитъ царь Турскій Сербьскаго царя Лазаря мечемъ посѣщи» и: «повелѣваетъ убо беззаконный мечемъ того убити Христа исповѣдающа».

Пимена и Хронографомъ устанавливается тѣсная связь, что связь эту легче всего объяснить тѣмъ, что Хождение входило нѣкогда въ составъ Хронографа, что такое объяснение вполне подтверждается Русскимъ Временникомъ (бывшимъ, какъ укажемъ ниже, по своему происхожденію Хронографомъ), такъ какъ въ немъ находится между статьями Хронографа и Хождение Пимена,— мы въ правѣ заключить, что и въ редакціи Хронографа, предшествовавшей редакціи, не раздѣленной на главы, содержалось Пименово хожденіе, откуда и заимствована приведенная выше фраза.

Въ виду всѣхъ этихъ указаній, я думаю, мы имѣемъ рѣшительное основаніе утверждать, что составитель редакціи, не раздѣленной на главы, сокращалъ и опускалъ русскія лѣтописныя статьи и историческія повѣсти своего оригинала, желая, очевидно, дать хронику всемірныхъ, а не русскихъ событій: этимъ самымъ стремленіемъ объясняется и то, почему хронографъ въ этой редакціи дополненъ выписками не изъ русскихъ лѣтописей, а изъ хроники Мартина Бѣльскаго. И такъ, редакціи, не раздѣленной на главы, предшествовала такая редакція хронографа, гдѣ, наряду со статьями греческими и южно-славянскими, находились также русскія статьи, т. е. редакція, однородная по своему составу съ редакціей 1512 года. Дальнѣйшее изслѣдованіе должно отвѣтить на вопросъ, была ли эта—основная для редакціи, не раздѣленной на главы, редакція вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальною, основною редакціей русскаго хронографа или уже позднѣйшею переработкой, независимою однако отъ переработки 1512 года.

2. Выше я указалъ, почему не могу согласиться съ мнѣніемъ Истрина о томъ, что редакція, не раздѣленная на главы, возникла въ южной Руси непосредственно на основаніи южно-славянскаго оригинала и при томъ не позже 1517 года. Не сомнѣваясь, что составленіе ея должно относить ко времени послѣ 1550 года (см. выше), я теперь ясно вижу, что ей должна была предшествовать редакція московскаго или сѣверно-русскаго

происхожденія; выше было доказано, что въ ней читались между прочимъ: обширное сказаніе о нашествіи татаръ, повѣсть о вторженіи въ московскую Русь Тамерлапа, Пименово хожденіе, сказаніе о явленіи креста Андрею Боголюбскому 1-го августа и т. д. Все это ясно указываетъ на русскій, а не на юго-славянскій подлинникъ для редакціи, не раздѣленной на главы, возникшей въ концѣ XVI, а можетъ быть и въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ юго-западной Руси.

3. Перехожу къ вопросу объ отношеніи редакціи, не раздѣленной на главы, къ нѣкоторымъ другимъ хронографамъ и историческимъ сборникамъ.

а. Послѣ труда Истрина, установившаго взаимныя отношенія редакціи, не раздѣленной на главы, и редакціи 1512 года и доказавшаго, что обѣ онѣ возводятся къ одной общей, древнѣйшей редакціи хронографа, считаю возможнымъ не останавливаться подробнѣе на этомъ вопросѣ и ограничиваюсь ссылкой на нѣкоторыя предыдущія замѣчанія, гдѣ, на основаніи сравнительнаго изученія обѣихъ названныхъ редакцій, дѣлается попытка возстановить составъ предшествовавшей имъ редакціи.

б. Въ числѣ источниковъ Никоновской лѣтописи видное мѣсто занимаетъ Хронографъ: изъ него дѣлаются обширныя выписки сначала по византійской, а потомъ по сербской и болгарской исторіи, при чемъ выписки эти передаютъ текстъ хронографа съ буквальной точностью. Онѣ начинаются тамъ, откуда въ хронографѣ событія русскія изложены вмѣстѣ съ событіями греческими: первая статья, заимствованная изъ хронографа—это О крещеніи болгарскомъ (П. С. Р. Л. IX, 7); труднѣе сказать, гдѣ оканчиваются выписки изъ хронографа, но послѣднею статью, общею между Никоновской лѣтописью и обѣими древнѣйшими редакціями хронографа—оказывается статья, озаглавленная въ Никон. сп.—«Царство греческое в лѣто 6933» (т. V, стр. 91—92) и помѣщенная въ редакціи 1512 года въ главѣ 205-й, а въ редакціи, не раздѣленной на главы, въ отрывкѣ, озаглавленномъ: «О цари амууратѣ». Но что Никоновская лѣтопись могла пользоваться хронографомъ

и въ дальнѣйшемъ изложеніи, видно хотя бы изъ того, что подъ 1443 годомъ (V, 178) въ ней помѣщено «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ», извѣстное какъ по редакціи хронографа 1512 г. (въ главѣ 159-й), такъ и по редакціи, не раздѣленной на главы, гдѣ это сказаніе, подобно какъ въ Никоновской лѣтописи, приводится по случаю повѣствованія о Флорентійской уніи.

Важнымъ вопросомъ при изученіи, какъ Хронографа, такъ и Никоновской лѣтописи является вопросъ, какою же редакціею хронографа пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Въ Обзорѣ Попова, I, 207, находимъ указаніе на то, что въ одномъ случаѣ эта лѣтопись слѣдуетъ Толстовскому списку, т. е. редакціи, не раздѣленной на главы. Указаніе это ошибочно, такъ какъ извѣстіе о женитьбѣ царя Мануила на дочери Василія Дмитриевича¹⁾ входило въ составъ редакціи 1512 года, что видно изъ хронографовъ — Воскр.-Новоіерусал. мон., Погод. № 1404 а, Чудовского и др. Но связь Никоновской лѣтописи съ Толстовскимъ спискомъ и вообще со списками редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, несомнѣнно, что Никоновская лѣтопись извлекала статьи хронографа изъ одного изъ списковъ редакціи 1512 года (ср. ниже): поэтому связь этой лѣтописи съ редакціею, не раздѣленною на главы, я объясняю себѣ такъ, что она, параллельно съ редакціею 1512 года, пользовалась и тою редакціею, которая должна быть признапа основною для редакціи, не раздѣленной на главы, поздней, какъ мы видѣли, по происхожденію и потому не могшей быть сама источникомъ Никоновской лѣтописи (составленной въ серединѣ XVI вѣка). Слѣовательно, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, обѣихъ древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ редакцій хронографа, съ другой, должно, согласно съ выставленнымъ положеніемъ, привести къ возстановленію еще третьей редакціи, болѣе древней, чѣмъ редакція, не раздѣ-

---

1) Здѣсь историческая неточность, такъ какъ Анна Васильевна вышла за мужъ не за Мануила, а за сына его Іоанна.

ленная на главы, не тождественной при этомъ съ редакціей 1512 года. Сравнительное изученіе этой возстановляемой указаннымъ путемъ редакціи и редакціи 1512 года приводитъ къ опредѣленію состава и характера первоначальной, основной редакціи хронографа. Въ виду вытекающей отсюда важности Никоновской лѣтописи при изученіи древнѣйшихъ редакцій хронографа, остановлюсь подробнѣе на доказательствѣ перваго изъ выставленныхъ здѣсь положеній, а именно того, что Никоновская лѣтопись пользовалась двумя редакціями хронографа, при чемъ одною изъ нихъ была редакція 1512 года.

Бѣглаго взгляда на хронографическія статьи Никоновской лѣтописи достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онѣ восходятъ къ редакціи 1512 года. Ограничусь указаніемъ на начало выписокъ изъ сербскаго житія св. Савы. Въ Никоновской лѣтописи (X, 42) онѣ начинаются такъ же, какъ въ редакціи 1512 года (Изборникъ Попова, стр. 29): «Достоитъ же рещи и сербскихъ деспотъ власть. Первое убо корень лапатою слова окопаваше, и отъ корени древо всѣмъ покажемъ, и сладость плода всѣмъ представимъ. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святой Семионъ, отъ сихъ израсте: Бѣлоурошъ роди Тѣхомила» и т. д. Между тѣмъ въ спискахъ редакціи, не раздѣленной на главы, начало иное, а именно: послѣ заглавія «Ѡ житія сватыхъ симешна і сави» тамъ слѣдуетъ: «В лѣто 6642 бысть господинъ сербомъ немана. всѣми ѡбладалъ сербскими землями. еже глаголются. диоклитіа, далматіа. травоуніа» и т. д. Это же начало читалось, конечно, и въ первоначальной, основной редакціи хронографа, какъ видно изъ того, что именно оно, а не начало, приведенное выше по редакціи 1512 года, соответствуетъ началу Житія Савы, гдѣ, послѣ вступленія, говорится: «Съ сынъ бѣ жоупана великааго Нѣманн, владыкы сръбскааго, иже самодръжавно владычествовавшоу всѣми сръбскими землями, еже глаголютсе Діоклитіа Далматіа Травоуніа» и т. д. И такъ, Никоновская лѣтопись въ своихъ выпискахъ изъ Житія Савы руководствовалась не основною редакціею хронографа, ни

также редакціею его, непосредственно предшествовавшей редакціи, не раздѣленной на главы, а именно редакціею 1512 года. Счастливая случайность дала мнѣ возможность опредѣлить даже тотъ списокъ редакціи 1512 года, которымъ пользовался составитель Никоновской лѣтописи. Я напалъ на цѣлый рядъ пропусковъ, описокъ, искаженій текста, общихъ Никоновской лѣтописи и не разъ уже упомянутому хронографу Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря: сообразивъ это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общемъ тексты хронографа по Никоновской лѣтописи легко возвести къ этому Новоіерусалимскому хронографу, мы приходимъ къ заключенію, что именно онъ служилъ источникомъ для Никоновской лѣтописи¹⁾.

Такъ напр. во всѣхъ спискахъ Никоновской лѣтописи мы въ текстахъ, восходящихъ къ хронографу, ошибочно читаемъ: «совѣтъ михайловъ» вмѣсто совѣтъ васильевъ (IX, 10), вм. разбойника — «работника» (IX, 11), вм. исполни — «исполни» (IX, 26), вм. на немѣріе — «на намѣреніе» (IX, 31), вм. забавленіе царства — «забленіе царства» (IX, 33), вм. ласкосердство — «ласкордство» (IX, 27), вм. такую высоту — «какую высоту» (IX, 27), вм. вопросъ — «отвѣтъ» (IX, 148), вм. лопатою — «лапатою» (X, 42) и т. д. Тѣ же ошибки и описки находимъ въ Новоіерусалимскомъ спискѣ хронографа: въ другихъ просмотрѣнных мною спискахъ ихъ нѣтъ.

Ошибочно было бы однако заключать отсюда, что Никоновская лѣтопись пользовалась только однимъ, указаннымъ здѣсь спискомъ хронографа: передавая вообще довольно точно текстъ Новоіерусалимскаго хронографа, составитель Никоновской лѣтописи счелъ необходимымъ исправить его во многихъ чтеніяхъ по другому списку хронографа. Хотя мнѣ и не удалось напасть

---

1) Новоіерусалимскій хронографъ писанъ въ царствованіе Грознаго, но до 1554 года, что видно изъ приложенной къ нему родословной, гдѣ еще не названъ наследникъ Іоанна Іоаннъ, родившійся въ 1554 г., между тѣмъ какъ Георгій Ивановичъ, его братъ, и даже Владиміръ Андреевичъ, его двоюродный братъ, названы.

на самый тотъ списокъ, но съ увѣренностью могу сказать, что онъ относится къ тому разряду списковъ редакціи 1512 года, гдѣ вслѣдъ за хронографомъ помѣщена такъ называемая Новгородская IV лѣтопись. Здѣсь не мѣсто доказывать, что эта лѣтопись и именно въ той особой редакціи, которая содержится въ указанныхъ спискахъ¹⁾, служила однимъ изъ главныхъ источниковъ Никоновской лѣтописи²⁾: но, несомнѣнно, что составитель Никоновской лѣтописи, пользуясь въ сборникѣ указанного состава лѣтописью Новгородской, одновременно заглядывалъ въ предшествующій ей списокъ хронографа. Изъ него то и внесены рядъ поправокъ въ текстъ хронографа, извлеченный изъ Новоіерусалимскаго списка. Къ этому разряду списковъ редакціи 1512 года относятся между прочимъ: Погод. № 1404 а, Академическій (Академіи Наукъ) № 991 (3), а также позднѣйшій — Погод. № 1402. Тамъ, напримѣръ, въ статьѣ, озаглавленной «Царство Сербское» (см. 197-ю главу хронографа, въ изд. Никон. лѣт., X, 196—198, а въ Изборникѣ Попова, стр. 47—49), составитель Никоновской лѣтописи держится чтеній не Новоіерусал. списка, а другой редакціи, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: слова «злославныя не отгонить и той» (Ник. X, 197) опущены въ Новоіерусал., но въ Ник. читаются согласно, напр., съ Погод. № 1404 а; ниже Новоіерус. сп. имѣетъ чтеніе: «и ото всѣхъ предѣлъ своего царствія», въ Никон. (X, 197) и Погод. 1404 а: «и отъ всего своего царьствія»; далѣе слова: «истиннымъ христіаномъ будещи» опущены въ Новоіерус. и читаются въ Никон., согласно съ Погод. 1404 а; то же должно сказать о словахъ: «и крестное знаменіе на лицѣ его»; вм. испорченнаго «настоя на

1) Въ этой редакціи Новгородская IV лѣтопись доходитъ до 1447 года и потомъ содержитъ текстъ сходный съ Псковскою 1-ю лѣтописью, оканчиваясь извѣстіемъ 1547 г. о московскомъ пожарѣ (ср. Карамз., Снѣгир. и Акад. XVIII сп. Псковской 1-й лѣт. въ IV т. П. С. Р. Л.).

2) Это обстоятельство, т. е. пользованіе лѣтописью, доходившею до 1547 года, служитъ однимъ изъ доказательствъ, что Никоновская лѣтопись составлена послѣ 1547 г. Слѣдовательно, Новоіерусалимскій хронографъ относится къ 1547—1554 г. (см. выше).

твою державы вся» Новоіерусал. сп., въ Никон. (X, 198), согласно съ Погод. 1404 а: «недостойна твоя дръжава вся» и т. д.

Но внося поправки на основаніи второго списка хронографа 1512 года, составитель Никоновской лѣтописи перенесъ изъ него въ свой *сводный* текстъ и рядъ описокъ, а также ошибочныхъ чтеній: на основаніи именно ихъ, можно съ увѣренностью утверждать, что вспомогательнымъ источникомъ для Никоновской лѣтописи былъ списокъ, близкій къ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3). Такъ въ нелицевыхъ спискахъ Никоновской лѣтописи, въ концѣ статьи «О Сербскихъ деспотехъ» (ср. Ник. X, 42; Изборникъ, 30) читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего Стефана, самъ Сава пріять начялство монастыря, сущаго въ отечествіи своемъ, и многа чудеса сотвори». Это чтеніе соотвѣтствуетъ вполне тексту списковъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3), между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ хронографа (ср. также Изборникъ Попова), равно какъ въ Новоіерусал. списокѣ, читаемъ: «потомъ же умоленіемъ брата своего деспота Стевана самъ Сава пренесе мощи святаго отца своего Семіона, и положи ихъ въ монастырѣ Студенцы. И умоленіемъ брата своего самъ Сава пріять» и т. д., согласно съ приведеннымъ выше текстомъ¹⁾. Приведу еще нѣсколько чтеній Никоновской лѣтописи, убѣждающихъ въ томъ, что она пользовалась списками, сходными съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3). Вмѣсто: «болгарстія и загорскіи», въ Никон. (IX, 10) читаемъ, согласно Погод. 1404 а, только «Болгарьстіи»; послѣ словъ «отренъ фалисть» въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ въ Погод. 1404 а, опущена фраза: «недостойно же цареви мнаше хѹдословіе и даролюбное ѿ разумъа его ѿстааше». Между словами «добрыми цвѣты» и «свѣтятся» въ Никоновской (IX, 88) и въ Погод. 1404 а одинаково опущено: «и паче кедра. сице». Вм. «деспот-

1) Въ лицевомъ Лаптевскомъ списокѣ Никоновской лѣтописи это мѣсто исправлено по другому списку Хронографа, но вторая фраза пропущена совсѣмъ.

ствова лѣтъ 42», въ Никон. (X, 42) и Погод. 1404 а: «господства лѣтъ 42»; вм. «по Исакѣ царствова въ Цариградѣ Феодоръ Ласкаръ» (какъ въ Новоіерусал.), въ Никон. (X, 43) и Погод. 1404 а: «по Алексѣи Аггеле...». Вм. «и отъ колесничныхъ сирѣчь царскихъ дѣлъ» (Новоіерусалим.), въ Никон. (IX, 90) и Погод. 1404 а: «и отъ колесничныхъ и конскихъ уристаній» и т. д.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Никоновская лѣтопись, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовалась обоими указанными списками—Новоіерусалимскимъ и спискомъ, сходнымъ съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3), служить то обстоятельство, что отдѣльные списки ея разнятся между собою нерѣдко такъ, что часть ихъ придерживается чтеній Новоіерусалимскаго списка, а часть списка, сходнаго съ Погод. 1404 а, Акад. 991 (3). Очевидно, въ основаніи списковъ Никоновской лѣтописи лежалъ черновой экземпляръ, гдѣ чтенія обоихъ источниковъ статей хронографа были приведены рядомъ или гдѣ послѣдующая поправка (по одному списку) не закрывала вполне первоначальнаго чтенія (по другому списку). Такъ вм. «рекъ» большинства списковъ (и Погод. 1404 а) читаемъ въ спискахъ Н. А. Б. Т. (X, 45) рече (то же въ Новоіерусал.); вм. красты большинства списковъ (и Погод. 1404 а) въ спискахъ А. Б. Т. (X, 44) ошпачно: красоты (то же въ Новоіерусал.); вм. упокоивати однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — покоивати въ Н. А. Б. Т. (X, 200) и въ Новоіерусал.; вм. утробу однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — ютробу О. Н. Б. Т. (XI, 153) и Новоіерусал.; вм. поплѣни однихъ списковъ (и Погод. 1404 а) — плѣни Н. А. Т. (XI, 150) и Новоіерусал.; вм. многи жвды всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 12) и Новоіерусал. — многижды; вм. памятствоватися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 10) и Новоіерусал. — памятствовати; вм. креститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 7) и Новоіерусал. — крестися; вм. воплотитися всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 145) и Новоіерусал. — воплотися; вм. безъ-

страстну всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ А. (IX, 147) и Новоіерусал.— безсмертну; вм. поститися однихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. Г. (IX, 148) и Новоіерусал.— постити; вм. иже зѣло всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. (IX, 81) и Новоіерусал.: и желѣзо; вм. землею и тлѣнную другихъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ Н. Б. Т. А. (IX, 90) и Новоіерусал.— землею и тлѣною; вм. брадныя всѣхъ остальныхъ списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. (IX, 112) и Новоіерусал.— братныя; вм. одѣяся большинства списковъ (и Погод. 1404 а), въ П. О. (IX, 113) и Новоіерусал.— одѣваясь. Конечно, я привелъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ совпаденія отдѣльныхъ списковъ Никоновской лѣтописи съ Новоіерусалимскимъ хронографомъ. Любопытно сопоставить ихъ со случаями, гдѣ нѣкоторые изъ списковъ слѣдуютъ другому, вспомогательному источнику, т. е. хронографу по списку, сходному съ Погод. 1404 а. Вм. вскорѣ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ А. (IX, 29), а также Погод. 1404 а читаемъ скоро; вм. церковь соборную всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.), въ Н. (X, 44), а также въ Погод. 1404 а, читается только: церковь; вм. яко звѣрь однихъ списковъ (и Новоіерусал.), въ О. Н. Б. А. Т. (X, 201) и Погод. 1404 а: якоже звѣрь; вм. въ монастырь большинства списковъ (и Новоіерусал.), въ П. О. (X, 201) и Погод. 1404 а— въ монастыре, в мѣтри; вм. банска убо мѣста большинства списковъ (и Новоіерусал.)— въ П. О. (X, 198) и Погод. 1404 а—банско убо мѣсто; вм. хириданъ всѣхъ остальныхъ списковъ (и Новоіерусал.)—въ А. (XI, 148) и Погод. 1404 а— хариданъ и нѣк. др.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ выше соображеній, я нахожу доказаннымъ слѣдующее положеніе: составитель Никоновской лѣтописи, при установленіи текста хронографическихъ статей, пользовался, какъ основнымъ источникомъ — Новоіерусалимскимъ спискомъ хронографа, а какъ вспомогательнымъ — спискомъ хронографа, сходнымъ съ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3).

Ближайшее изученіе Никоновской лѣтописи показываетъ, однако, что текстъ хронографическихъ статей далеко не во всемъ объемѣ и не во всѣхъ частностяхъ восходитъ къ указаннымъ двумъ ея источникамъ. Такъ, на примѣръ, рассказъ о смерти имп. Льва (IX, 24) отличается въ Никоновской лѣтописи отъ всѣхъ просмотрѣнныхъ мною списковъ хронографа редакціи 1512 года; послѣ заглавія «Царство греческое Романа Лакапина» въ Никон. (IX, 27) читаемъ нѣсколько строкъ (Уведается вѣнцемъ — многа въ людехъ), отсутствующихъ во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Обзоръ, Поповъ, вып. 1-й, стр. 174). Въ рассказѣ о взятіи Латинами Царяграда (X, 45) находимъ рядъ добавленій, отсутствующихъ въ спискахъ редакціи 1512 г. и т. д.

Должны ли мы на основаніи этихъ и многихъ другихъ (ср. ниже) подобныхъ имъ мѣстъ текста хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи предположить существованіе такого списка хронографа редакціи 1512 г., гдѣ эти особенности совмѣщались съ тѣмъ общимъ составомъ хронографа, который извѣстенъ намъ по другимъ спискамъ этой редакціи, или же мы принуждены допустить знакомство составителя Никоновской лѣтописи со спискомъ хронографа другой редакціи? Думаю, что ни въ одномъ спискѣ редакціи 1512 года не могло заключаться нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ и другихъ имъ подобныхъ чтеній: такъ рассказъ о смерти имп. Льва во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 г. изложенъ одинаково; слѣдовательно, Никоновская лѣтопись, замѣнившая его другимъ рассказомъ, пользовалась, очевидно, другою редакціей хронографа¹⁾. Сопоставивъ же этотъ

1) Ср. этотъ рассказъ по ред. по 1512 г.: Премудрый же въ царихъ Левъ впадъ въ естественныя недуги и болѣзнію дручимъ, смерть наводящую. и отъ сего разумѣвъ отъ тѣла разлученіе владыки и самодръжца показываетъ брата своего Александра и сына своего Константина. И на издыхавшихъ послѣднихъ прорекъ вижу александра яко злодѣателя время по трехъ на десятихъ мѣсяцехъ и не отпаде слово его яко тринадцать мѣсяць будетъ царство его.— Въ Никон. лѣтописи (IX, 24): Премудрый же во царѣхъ Левъ конечно лютымъ недугомъ дручимъ, и видѣ приближающуюся смерть, и посажаетъ на престоги царствѣмъ брата своего Александра и сына своего Константина, иже отъ четъ

выводъ съ тѣмъ, къ которому мы пришли выше, а именно, что Никоновская лѣтопись пользовалась, какъ источниками, двумя списками хронографа редакціи 1512 года, мы заключаемъ, что третьимъ источникомъ ея былъ хронографъ въ редакціи, отличной отъ редакціи 1512 года.

Это заключеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что всѣ тѣ чтенія хронографическихъ статей Никоновской лѣтописи, которыя не могутъ быть выведены ни изъ Новоіерусалимскаго списка ни изъ другого опредѣленнаго нами списка редакціи 1512 г., *сходны со чтеніями списковъ той редакціи хронографа, которую будемъ называть редакціею, не раздѣленною на главы* (списки Толстовскій, Буслаевскій и др.).

Въ доказательство, приведу рядъ примѣровъ. Въ Ник. (IX, 10) и Толст. I, № 172: сіа убо довольно мною оплакася слово — въ спискахъ редакціи 1512 г.: словомъ; въ Ник. (IX, 14) и Толст. I, № 172: повелѣ царь Левъ четверопѣсно великіа суботы накончати — въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а: четверопѣсну; словъ: «Наказанье. Принде страхъ и трепеть на Лва царя, стѣня и трясашеся. И падеся града нѣкая часть, и много полать разсыпашася», читаемыхъ въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ просмотрѣнныхъ мною спискахъ редакціи 1512 г.; выше въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а опущены слова: «глаголють же о немъ яко многъ бѣ», которыя есть въ Никон. (IX, 15) и Толст. I, № 172; словъ «точію царствова тринадесять мѣсяць», находящихся въ Никон. (IX, 25) и Толст. I, № 172, нѣтъ ни въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ спискахъ редакціи 1512 г.; въ этихъ же спискахъ опущены слова, находящіяся выше, какъ въ Никон. (IX, 25), такъ и въ Толст. I, № 172: «и пѣхъ, и птицахъ, и во играніихъ суетныхъ». Напротивъ, слово «постели» (хранителя царской постели сътвори),

---

вергъа жены роженаго. И на издыханіи послѣднемъ рече брату своему, царю Александру: «вижу о тебѣ, о любимый брате, яко хотѣ съдръжати тебѣ царство». И бысть тако, яко же рече.

читаемое въ спискахъ редакціи 1512 г., опущено, какъ въ Никон. (IX, 28), такъ и въ Толст. I, № 172; въ Никон. (IX, 31), согласно съ Толст. I, № 172, читаемъ: «неподобнымъ проходи сопоти (въ Толст. съпоти) злодѣланію», между тѣмъ въ Новоіерусал.: сопостати, а въ Погод. 1404 а: сопроти; въ Никон. (IX, 32), такъ же какъ и въ Толст. I, № 172, опущены слова «на златицѣ», читаемыя въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а (и по два точію повегѣ на златици продавати кобла); вм. овчаре въ фразѣ: «и говядопасци, и говядаре, мужіе овчаре, живущи въ безуміи...», какъ она читается въ Новоіерусал. и Погод., — въ Никон. (IX, 86) и Толст. I, № 172 находятъ: овчя, овча; слова «ея коснымъ шествіемъ, ниже паки въ устремленіе», находящіяся въ Новоіерусал. и Погод. 1404 а, но опущенныя въ Никон. (IX, 90), опущены также въ Толст. I, № 172; въ Никон. (X, 43), согласно съ Толст. I, № 172, вслѣдъ за словами: «и пребысть время доволно въ молчаніи», читаемъ: «Царство гречское Феодора Ласкаря»; между тѣмъ въ Новоіерусал., Погод. 1404 а и другихъ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 31; Обзоръ, вып. 1-й, стр. 189) послѣ этихъ словъ читается статья, помѣщенная въ Никон. (IX, 205) и Толст. I, № 172 выше, и лишь послѣ изложенія московскихъ событій читаемъ: «Царство греческое» (словъ «Феодора Ласкаря» нѣтъ); словамъ Никон. (X, 45): «во Цари же градѣ епископы своя и презвитеры устроиша, и вся быша по Римскому обычаю», которыхъ нѣтъ ни въ Новоіерусал., ни въ Погод. 1404 а, ни въ прочихъ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 33), въ Толст. I, № 172 соотвѣтствуетъ: «папа же присла изъ рима въ црѣгра своя бискоупы и попы, а греческіа епшы и презвитери изъ црѣграда веде в римъ. и быша вса въ црѣградѣ по римскому обычаю»; словъ «яко водами» (покрывая яко водами горы и поля воинствы), которыя читаемъ въ Никон. (XI, 151), согласно съ Толст. I, № 172, нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 65); вм. Горзустани списковъ редакціи 1512 г. (ср. Изборникъ, 66), въ Никон. (XI, 152), согласно Толст. I, № 172: Гурстани и т. д. Въ виду этихъ и другихъ по-

добныхъ чтеній связь между Никоновскою лѣтописью и редакціею хронографа, не раздѣленною на главы, не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ же объяснить эту связь, если принять во вниманіе сдѣланный выше выводъ о томъ, что эта редакція поздняго происхожденія и относится къ концу XVI-го, а можетъ быть и къ началу XVII вѣка? Въ виду того, что Никоновская лѣтопись составлена въ серединѣ XVI вѣка, ясно, что составитель ея пользовался не тѣмъ видомъ редакціи, не раздѣленной на главы, который дошелъ до насъ въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ, а тѣмъ болѣе древнимъ ея видомъ, о которомъ мы уже говорили выше. Никоновская лѣтопись, кромѣ списковъ редакціи 1512 года, пользовалась редакціею, непосредственно предшествовавшею редакціи списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ. Мы назовемъ эту болѣе древнюю редакцію — 1-ю редакціею, не раздѣленною на главы, а вытекшую изъ нея редакцію конца XVI или начала XVII в. — 2-ю редакціею, не раздѣленною на главы.

И такъ, сравнительное изученіе Никоновской лѣтописи и списковъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, приводитъ насъ къ возстановленію состава и чтеній 1-й редакціи, не раздѣленной на главы. При этомъ оказывается, что 2-я редакція многое сократила, сравнительно со своимъ оригиналомъ — 1-ю редакціею.

Такъ между прочимъ, на основаніи Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка хронографа 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, можно возвести къ 1-й редакціи Сказаніе о хулнѣй вѣрѣ Срациньстѣй, помѣщенное въ Никон. лѣтописи подъ 990 г. (IX, 59—63). Это сказаніе читается во 2-й редакціи хронографа при изложеніи событій царствованія Константы; въ редакціи 1512 года мы находимъ его въ соответственномъ мѣстѣ (глава 145-я), но въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ во 2-й редакціи. Впрочемъ, и 2-я редакція сократила сказаніе сравнительно съ 1-ю редакціею и Никоновскою лѣтописью, но при этомъ во 2-й редакціи видимъ иное сокращеніе, чѣмъ въ редакціи 1512 года.

Но что въ Никоновскую лѣтопись это сказаніе внесено изъ 1-й редакціи хронографа, можно видѣть уже по первымъ строкамъ его, гдѣ читаемъ по Никоновской лѣтописи: «сходитъ же отъ Измаила и отъ Агары рождышагося Аврааму»; ср. то же въ Толст. сп.: «исходитъ же ѿ измаила и ѿ мѣри его агари»: союзъ и въ этой фразѣ, какъ замѣтилъ издатель IX т. П. С. Р. Л. (стр. 59, прим. 1), лишній и обличаетъ общій для Толстовскаго списка и Никоновской лѣтописи оригиналъ¹⁾.

Къ 1-й же редакціи хронографа возводится «Сказаніе вкратцѣ о Латынехъ како отступиша отъ православныхъ патриархъ» и т. д., помѣщенное въ Никоновской лѣтописи (V, 178—191). Уже самое мѣсто, гдѣ оно находится въ этой лѣтописи, показываетъ, что оно попало въ нее не изъ редакціи 1512 года, а изъ редакціи, не раздѣленной на главы; дѣйствительно, въ Никоновской лѣтописи мы находимъ это сказаніе подъ 1443 годомъ, подобно тому какъ во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, мы его читаемъ въ изложеніи царствованія Калюяна (вступилъ на престолъ въ 1425 году), по поводу Флорентійской уніи; между тѣмъ въ редакціи 1512 года это сказаніе помѣщено въ 159-й главѣ въ царствованіи Ирины и сына ея Константина (IX вѣкъ). Текстъ сказанія по Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно попало въ нее именно изъ 1-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы: во 1) оно здѣсь полнѣе, чѣмъ въ редакціи 1512 г. и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, при чемъ однако обѣ эти редакціи представляютъ два разныхъ сокращенія одной общей основной редакціи; во 2) рядъ чтеній Никоновской лѣтописи сближаетъ текстъ сказанія именно съ текстомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, которая, какъ мы видѣли, возникла на основаніи 1-й редакціи. Самое заглавіе его показываетъ на общій источникъ, откуда это сказаніе

1) Что касается происхожденія этого сказанія, то въ хронографѣ оно попало изъ Еллиискаго лѣтописца 2-й редакціи (источникомъ его является рассказъ Амартоса) при чемъ оно, повидному при внесеніи въ хронографъ, подверглось распространенію.

попало, съ одной стороны, въ Никоновскую лѣтопись, а съ другой — во 2-ю редакцію хронографа, не раздѣленную на главы. Вмѣсто краткаго заглавія редакціи 1512 года¹⁾, мы находимъ и въ Никоновской лѣтописи и въ Толстовскомъ спискѣ длинныя и при томъ сходныя заглавія²⁾. Далѣе въ редакціи 1512 года опущено длинное начало этого сказанія, а именно о Львѣ Исаврянинѣ, Константинѣ Копровимѣ, Львѣ иже отъ Хозари, о царицѣ Иринѣ и о Константинѣ, о Никифорѣ Геникѣ, Ставракии, Михаилѣ Рангавеѣ, Львѣ Арменинѣ, Михаилѣ Травлѣ и Теофилѣ: это начало читается одинаково, какъ по Никоновской лѣтописи (V, 178—180), такъ и по Толстовскому списку 2-й редакціи хронографа, хотя въ этой редакціи, сравнительно съ Никоновской лѣтописью и, слѣдовательно, 1-ю редакціею, находимъ нѣсколько пропусковъ³⁾. За этимъ отрывкомъ, гдѣ разсказывается о дѣятельности иконоборческихъ царей, въ Никоновской лѣтописи и во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, слѣдуетъ общій съ редакціей 1512 года текстъ: при этомъ сравненіе текста по этимъ тремъ памятникамъ возстановляетъ общій источникъ, значительно сокращенный въ редакціи 1512 года⁴⁾. Такъ

1) Сказаніе о латинехъ какъ отступивша отъ православныхъ патриархъ.

2) Сказаніе вкратцѣ о латинехъ како отступивша отъ православныхъ патриархъ. и извержена (Ник. извержени) быша отъ пръвенства своего и отъ книгъ памятныхъ (Ник. ошибочно: домѣстныхъ). и о иконоборныхъ царехъ (Ник. цари). в коньстантинѣ градѣ цесарьствовавшихъ еретицехъ.

3) Во 2-й редакціи опущена напр. фраза: Сеи же царице Иринѣ и сыну ея Костянтину напоследѣ подобне жившимъ, и тако отъ царьствія и неволею отпадшимъ (ср. Никон. V, 179); дагѣ опущено нѣсколько строкъ послѣ словъ «и по немъ сынъ его Ставрикиесь» и до словъ: «Сии же вси отъ седмаго сабора и донывѣ святыя иконы почитаху». За этой фразой опущены слова отъ «Воста же на Михайла царя» и до «во иначескии образъ адеяся» и т. д. (ср. Никон. V, 179).

4) Для примѣра выпишу нѣсколько строкъ по Никон. лѣтописи, по редакціи, не раздѣленной на главы (Толст.: сп.) и по редакціи 1512 г. (Новоіерусал. сп.) Никон. (V, 180): По Андрѣяне же папе Римскомъ бысть въ Римѣ Левъ папа; сему жъ Лву папе завидѣвше сродницы бывшаго Андрияна папы изгнаша его отъ священнаго престола его и отъ града Рима; и тако много печалень бѣ Левъ папа оставъ престола своего и не обреташе ни откуду помощи; и посла въ Царьградъ ко царю Костянтину Лвову сыну и к матери его Ирине

между прочимъ въ редакціи 1512 года опущенъ длинный отрывокъ, гдѣ упоминается о патриархѣ Меодіи (Никон. V, 182—183). Въ обѣихъ редакціяхъ, сравнительно съ Никоновской лѣтописью, опущено посланіе Фотія къ римлянамъ о святомъ духѣ и опрѣснокахъ (Никон. V, 187—189); во всемъ же остальномъ 2-я редакція хронографа, не раздѣленная на главы, сходна съ этой лѣтописью, хотя и сокращаетъ мѣстами общій источникъ: такъ, довольно длинному отрывку (Никон. V, 185—186), озаглавленному «О томъ же отъ иного слова», во 2-й редакціи соотвѣтствуетъ всего нѣсколько строкъ¹⁾.

Къ первой редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, возводится еще рядъ другихъ статей Никоновской лѣтописи: отложу ихъ разсмотрѣніе до изслѣдованія другихъ памятниковъ, связанныхъ съ этой редакціей.

Въ ближайшемъ отношеніи ко 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, находится любопытный памятникъ, извѣстный подъ названіемъ Русскаго Временника или Костромской лѣтописи (ср. Карамз., И. Г. Р. III, пр. 360)²⁾. Изученіе этого памятника показываетъ, что въ теперешней своей редакціи онъ сложился въ серединѣ XVI вѣка и лишь впоследствии дополненъ кое-какими житіями и лѣтописными извѣстіями, изъ которыхъ самыя позднія вписаны, быть можетъ, даже въ началѣ XVIII в. (ср. II, 387: съ книгъ Полидора выписано, при чемъ подъ По-

прося помощи отъ нихъ. *Толст. сп.:* По андріанѣ же папѣ римскомъ бысть в римѣ левъ папа сему папѣ лвоу. завидѣша сродници бывшего андріана папы и изгнаша его отъ престола и отъ града рима. и много печалеть бѣ папа левъ оставъ престола и не обрѣташе откоудоу помощи. посла въ црѣградъ ко царю константину и ко матери его иринѣ прося помощи... *Новоіерусал.:* По андрѣяне папе римскомъ бысть в римѣ левъ. сему завидѣша сродници андрѣяни. изгнаша его отъ престола и отъ града. онъ же посла въ царьградъ къ царю константиноу и матери его прося помощи отъ нихъ.

1) А именно: по семъ же христофорѣ развращеніемъ исповѣдницы. напишаша явѣ латини в римстей церкви. яко и отъ сына духъ исходитъ (ср. Никон. V, 186).

2) Русскій Временникъ изданъ два раза М. 1790 г. и М. 1820 г. Пользуясь вторымъ изданіемъ.

лидоромъ разумѣется Полидоръ Урбинскій, переведенный на русскій языкъ въ Петровское время). Связный лѣтописный рассказъ Русскаго Временника тянется до 1533 года: вслѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи въ Москву послѣ Крымскаго похода великаго князя Василя Ивановича 21 августа 7041-го сентябрьскаго года, мы находимъ (II, 363) извѣстіе отъ 19 декабря 7042-го сентябрьскаго года о слитіи колокола и поставленіи его Николаемъ Нѣмчинымъ; но между этими двумя событіями случилось важное происшествіе — смерть вел. кн. Василя Ивановича (3 декабря 7042-го сентябрьскаго года): неупоминаніе о немъ въ Русскомъ Вр. служитъ прямымъ доказательствомъ того, что въ болѣе первоначальной редакціи онъ былъ составленъ въ 7041 (1533) году, при чемъ приписка о колоколѣ, равно какъ и слѣдующія затѣмъ статьи — о преставленіи Александра Свирскаго († 30 дек. 1533 г.), сказаніе отъ житія Данила Переяславльскаго († 7 апрѣля 1540 г.), предисловіе о великихъ князьяхъ литовскихъ (Русск. Вр., II, 364—386), внесены вполнѣдствіи въ редакцію, относящуюся къ серединѣ XVI вѣка и послужившую основаніемъ для Костромской редакціи конца XVII в. ¹⁾ И такъ, древнѣйшая редакція Русскаго Временника относится къ 1533 г.: попытаюсь установить связь именно этой редакціи съ редакціею хронографа, не раздѣленною на главы.

Отмѣчу прежде всего, что въ Русскомъ Временникѣ, лѣтописномъ сборникѣ русскихъ извѣстій, есть нѣсколько мѣстъ, смыслъ и происхожденіе которыхъ непонятны безъ сопоставленія ихъ съ текстомъ Хронографа. Такъ напр. подъ 1079-мъ годомъ (I, 77), читаемъ: «при цари Иванѣ гречестѣмъ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичъ и былъ на великомъ

---

1) Ср. рядъ лѣтописныхъ извѣстій 1642—1680 гг., относящихся къ Костромскому Богоявленскому монастырю, внесенныхъ послѣ выписокъ изъ М. Бѣльскаго о климатическихъ особенностяхъ 6993 (= 1493) г. (ср. съ этимъ выписку изъ него же подъ 1261 г.) и изъ книги Полидора, а также послѣ извѣстія о поставленіи большого паникадила 13 апр. 1660 г. и списка съ государственной грамоты 1652 г. на Кострому, игумену Герасиму.

княженіи лѣтъ 15»; подъ 1215-мъ г. (I, 84): «при цари греческомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Георгію, сыну Всеволода Владимерскаго, въ лѣто 6723, князь Константинъ Всеволодичъ заложилъ церковь камену въ Ярославли святаго Спаса»: подъ 1272-мъ г.: «при сего (sic) царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780, сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславлѣ князь Василіе Ярославичъ Невскаго братъ, Костромскій»; подъ 1393-мъ г. (I, 347): «въ тоже 6901 лѣто, при цари Мануилѣ греческомъ князь великій Василей Дмитріевичъ ходилъ во Орду ко царю Тактамышу въ другіе». Всѣ эти ссылки на греческихъ императоровъ, изъ которыхъ одинъ даже не названъ по имени, совершенно неумѣстны въ Русскомъ Вр., такъ какъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ статей, относящихся до византійской исторіи. Оказывается, что и эти ссылки и весь сопровождающій ихъ текстъ цѣликомъ заимствованы въ Русскій Вр. изъ хронографа¹⁾. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что не только нѣкоторыя, подобныя приведеннымъ, извѣстія восходятъ къ хронографу, но что вообще весь Русскій Вр. во всемъ его составѣ или ббольшая часть его должны быть возведены къ тексту хронографа, т. е., что главнымъ основаніемъ Русскаго Временника, сборника 1533 года, служилъ хронографъ, слитый съ русской лѣтописью и, можетъ быть, продолженный до августовскихъ событій 1533 г. Редакторъ одного изъ позднѣйшихъ изводовъ Русскаго Временника (извода сере-

1) Ср. приведенныя изъ Русск. Вр. мѣста съ текстомъ хронографа редакціи 1512 г.: При семъ цари Иванѣ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичъ, былъ на великомъ княженіи лѣтъ 15 (Изборникъ Попова, 14); при семъ цари Иванѣ Ватацѣ въ Руси обладающу въ Володимери великому князю Юрью, сыну Всеволода Володимерскаго, въ лѣто 6723 князь Константинъ Всеволодичъ заложилъ церковь камену въ Ярославлѣ святаго Спаса (Изборникъ, 38); при сего (т. е., какъ видно изъ предыдущаго, Михаила Палеолога) царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславли князь Василій Александровичъ Невскаго Костромскій (Изборникъ, 45); въ лѣто 6901 при семъ цари гречестѣмъ Мануилѣ князь великій Василей Дмитріевичъ ходилъ въ орду къ царю Тактамышу въ другыя (Изборникъ, 67).

дины XVI в. или, быть можетъ, извода XVII в.), задавшись цѣлью составить русскій лѣтописецъ, счелъ нужнымъ переработать древнѣйшую его редакцію, т. е. хронографъ, продолженный русскими лѣтописными извѣстіями до 1533 года: для этого онъ прибѣгъ къ выборкѣ изъ хронографа русскихъ статей, при чемъ по недосмотру, вмѣстѣ съ этими статьями, въ его лѣтописецъ попали нѣкоторыя переходныя фразы, связывавшія въ хронографѣ русскія событія съ событіями византійской исторіи.

Сдѣланное здѣсь предположеніе о томъ, что Русскій Временникъ, въ извѣстной части своей, представляется выборкой русскихъ статей хронографа, можно подтвердить цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Во-первыхъ мы находимъ, что объемъ статей Русскаго Временника, по крайней мѣрѣ за древнѣйшее время (до XIV вѣка) вполне соответствуетъ объему русскихъ статей хронографа редакціи 1512 г.; во-вторыхъ, можно открыть ближайшую связь между статьями Русскаго Временника и текстомъ 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы. Отсюда необходимо сдѣлать выводъ, что Русскій Временникъ пользовался, какъ основнымъ источникомъ, такою редакціей хронографа, къ которой восходятъ одинаково какъ редакція 1512 г., такъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, а это позволитъ отождествить первоначальную редакцію Русскаго Временника съ хронографомъ въ его древнѣйшей редакціи, распространенной при бавленіемъ русскихъ лѣтописныхъ статей, доходящихъ до 1533 г. Такъ съ одной стороны видимъ, что Русскій Временникъ начинается съ той самой статьи, съ которой начинаются русскія статьи въ хронографѣ 1512 г.; О словенскомъ языкѣ (Нач. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ челоуѣки на 72 языка, Русск. Вр., I, стр. 1)¹⁾; въ послѣдующихъ затѣмъ лѣтописныхъ статьяхъ находимъ нѣкоторыя замѣтки и отступленія, прямо указывающія на хронографъ: напр., вслѣдъ за рассказомъ

---

1) Ср. въ ред. 1512 г.: О словенскомъ языкѣ и о русскомъ. По столпотвореніи, егда раздѣли Богъ челоуѣки на семьдесятъ на два языка... (Изборникъ Попова, стр. 1).

о нападеніи Аскольда и Дира (имена ихъ названы, въ отличіе отъ редакціи 1512 г.) на Царьградъ, мы находимъ здѣсь, какъ и въ редакціи 1512 года, фразу: «паде жъ въ нѣкое время и спелъ съ небеси подобенъ крови, и каменіе обрѣтаху на путехъ и въ вертоградѣхъ червлено яко кровь» (I, 8; ср. Никон. IX, 7; въ Изборникѣ эти слова издателемъ не приведены, см. стр. 4); вслѣдъ за рассказомъ о прибытіи Рюрика, читаемъ, какъ въ хронографѣ редакціи 1512 г., о крещеніи Руси (нач. Родѣ же нарицаемѣи Руси, иже и Кумани I, 9, ср. Изборникъ, стр. 4); за рассказомъ объ убіеніи Бориса и Глѣба въ Русскомъ Вр., какъ и въ хронографѣ редакціи 1512 г., находится статья О крещеніи угровъ (нач. Видѣвъше же Піони, глаголемѣи угри I, 67, ср. Изборникъ, стр. 10). Вообще текстъ большей части статей Русскаго Вр., до рассказа о крещеніи Руси Владимировъ, буквально сходенъ съ текстомъ хронографа, повторяя при этомъ такіа характерныя его особенности, какъ названіе Корсуня — Херсунемъ (I, 4, ср. Херсонъ: Изборникъ, стр. 2), или ошибки, какъ «перезгутъ каменіе то румяно» вм. рамяно (I, 5; Изборникъ, стр. 5), Корсемья вм. Корсь и Емь (I, 7; Изборникъ, стр. 3, прим.); слову «дажду» (вм. «державу» большинства списковъ хронографа), въ фразѣ: «и Болгары паки подъ дажду Греческаго скипетродержанія устряетъ» (I, 19) соответствуетъ написаніе подѣжъ Новоіерусал. списка хронографа редакціи 1512 г. Равнымъ образомъ почти буквально тождественъ съ хронографомъ текстъ Русскаго Временника, начиная съ извѣстія о вступленіи на столъ Ярослава и приблизительно до рассказа о Липецкой битвѣ (I, 67—84): отгѣчу здѣсь между прочимъ ошибочное отнесеніе насильственной смерти Ярополка Изяславича къ 6600 (1192) г. вм. 1186—1187 г. (I, 77, ср. тоже въ редакціи 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 14), причемъ освященіе церкви Успенія св. Богородицы Печерскаго монастыря, отнесенное къ 6587 г. (вм. 6597), слѣдуетъ здѣсь, какъ и въ редакціи 1512 года, непосредственно за этимъ событіемъ (въ ред. 1512 г. освященіе отнесено къ 6607 году: ошибка восходитъ, очевидно,

къ общему подлиннику Русск. Вр. и этой редакціи). Далѣе можно указать на извѣстіе 1176 года о томъ, что Всеволодъ Георгиевичъ «и на *Татарехъ* дань ималъ» (I, 81, ср. тоже въ ред. 1512 года, Изборникъ Попова, стр. 29); на названіе Торковъ Турками подъ 1060 г. (I, 73, ср. тоже въ редакціи 1512 г., Изборникъ, стр. 12), города Юрьева—Сюргевымъ подъ 1030 г. (I, 70, ср. то же по Новоіерусал. сп. редакціи 1512 г.); въ особенности важно довольно постоянное названіе Святослава и Святотолка — Цвѣтославомъ и Цвѣтополкомъ (I, 70, 75, 74, 76 и т. д.), что, какъ извѣстно, характеристично для хронографа редакціи 1512 года; равнымъ образомъ въ Толстовскомъ спискѣ редакціи, не раздѣленной на главы, въ двухъ или трехъ мѣстахъ сватославъ передѣлано на цвѣтославъ. За Калкской битвой находимъ опять таки не мало общихъ мѣстъ между Русскимъ Вр. и хронографомъ редакціи 1512 года: укажу между прочимъ на общее вступленіе къ разсказу о нашествіи татаръ (I, 108, ср. Изборникъ, стр. 39; нач. Хошу рещи, о друзи, повѣсть иже и самѣхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачь). Повѣсть о Темирѣ, иже побѣди Баозита (Русск. Вр., I, 338—347) восходитъ цѣликомъ къ хронографу, равно какъ и слѣдующее за нею русское извѣстіе о поѣздкѣ Василія Дмитріевича въ орду, извѣстіе о крещеніи трехъ татаръ — постельниковъ царевыхъ, разсказъ о взятіи Витовтомъ Смоленска и т. д.

Съ другой стороны, какъ замѣчено выше, между Русскимъ Временникомъ и хронографомъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, устанавливается такая связь, которая прямо указываетъ на общій для нихъ источникъ. Такъ напр. статья редакціи 1512 года о переводѣ книгъ отъ греческаго языка на словѣнскій (глава 171) во 2-й редакціи (Толст. сп.) соответствуетъ сходная статья, по отличающаяся тѣмъ, что въ началѣ ея читаемъ: предложени быша святыя книги з греческаго языка на словенскій. святымъ константиномъ философомъ и братомъ его мөөодіемъ. «бяхоу же отъ града селоуня сынове лва сотъника, извѣстно вѣдоуще греческій языкъ и словенскій. инъ филосо-

фию изъоучиша четырьми языки. греческимъ, римскимъ, сирскимъ, жидовскимъ. и преведше божественное писаніе отъ греческаго языка на словенскій предаша болгаромъ и т. д. Отмѣченное ковычками взято изъ краткаго житія Кирилла, извѣстнаго изъ пролога. Въ Русскомъ Временникѣ (I, 10—13) передъ статью, соотвѣтствующую статьѣ редакціи 1512 года, мы и находимъ проложное житіе Кирилла¹⁾. Отсюда ясно, что Русскій Временникъ и 2-я редакція, не раздѣленная на главы, восходятъ къ такой редакціи хронографа, гдѣ находилось это житіе. — Выше было указано, что 2-я редакція, не раздѣленная на главы, фразою, заимствованною изъ статьи О вѣнчаніи Мануила на царство, указываетъ на то, что въ основной для нея редакціи находилось Пименово хожденіе, составленное Игнатіемъ: въ Русскомъ Временникѣ согласно съ этимъ и читается Хоженіе Пимина митрополита втретіе во Царьградѣ (I, 293—316). — Хотя мнѣ удалось отмѣтить не много данныхъ, указывающихъ на тѣсную связь Русскаго Вр. со 2-ю редакцію хронографа, не раздѣленною на главы, но большаго числа такихъ указаній нельзя и ждать въ виду особеннаго характера обоихъ памятниковъ: Русскій Временникъ, какъ мы видѣли, это сокращеніе хронографа въ интересахъ русской лѣтописи, русскихъ статей его, а 2-я редакція, не раздѣленная на главы, сокращаетъ хронографъ въ обратномъ направленіи, выпуская изъ него русскія статьи, русскія лѣтописныя извѣстія. Во всякомъ случаѣ, въ виду всего выше изложеннаго, я считаю доказаннымъ, что Русскій Временникъ — это передѣлка хронографа той же редакціи, которая породила редакцію, сохранившуюся въ сокращенномъ видѣ въ спискахъ Толстовскомъ, Буславскомъ и др., т. е. хронографа 1-й редакціи, не раздѣленной на главы.

1) Ср. здѣсь: въ селунстѣмъ градѣ бѣ нѣкій мужъ праведенъ, именемъ Левъ, саномъ же сотникъ, отъ него же родишася два сына Меодіе и Константинъ; и въ три мѣсяцы научися всей хитрости, и мудрости философской, и научився глаголати четырьми языки: еллински и римски, сирски и жидовски.

г) Въ библиотекѣ Имп. Академіи Наукъ хранится подъ № 4 (1278) хронографъ, относящійся, на основаніи выкладки, помѣщенной въ статьѣ объ отложеніи мяса (глава 162-я редакціи 1512 года), къ 1599 году¹⁾. Овъ раздѣленъ на 208 главъ и основывается на одномъ изъ списковъ редакціи 1512 г. и при томъ изъ такихъ, въ которыхъ русскія статьи, а частью и сербскія, нѣсколько сокращены²⁾. Въ этотъ, извѣстный намъ текстъ редакціи 1512 г. вставленъ рядъ добавленій; ближайшее разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ убѣжденію, что они восходятъ къ редакціи хронографа, однородной какъ съ Русскимъ Временникомъ, такъ и со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Слѣдовательно, составитель разсматриваемой редакціи 1599 года, кромѣ редакціи 1512 года, пользовался, очевидно, еще тою редакціею хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Отмѣчу мѣста, общія редакціи 1599 года и, съ одной стороны, Русскому Временнику, а съ другой стороны— 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

Во 1-хъ мы находимъ нѣкоторыя чтенія, общія редакціи 1599 года и Русскому Временнику: такъ здѣсь читается, какъ и въ Русскомъ Вр. (что отмѣчено выше), дажду вм. державу въ фразѣ: подъ дажу греческаго скипетродежанія ѡстрояѣ. — Во 2-хъ, отличаясь въ текстѣ нѣкоторыхъ статей отъ редакціи 1512 года, эта редакція сходится съ Русскимъ Временникомъ: такъ въ статьѣ «Начало княженъ Святославова» мы читаемъ въ редакціи 1599 г. послѣ словъ: «и тако возгорѣся весь градъ» слѣдующее: «и елицы изъ града выбегоша и тѣхъ всѣхъ повелѣ

1) Мы читаемъ именно: Теодоръ Студитъ былъ по седмомъ соборѣ за семь сотъ лѣтъ безъ 20. до скончания седмыя тысящи а до сихъ временъ до 7107 го лѣта за (пропускъ) какъ былъ Теодоръ Студитъ; дагѣ: а какъ Никонъ былъ до скончания седмыя тысящи за 400 и за 200 лѣтъ и до сего времени 7107-го году за (пропускъ). Ср. соответственныя мѣста въ спискахъ редакціи 1512 г. — въ Обзорѣ Попова, вып. 1-й, стр. 162.

2) Таково большинство списковъ, разсмотрѣнныхъ Поповымъ, также Погод. № 1404 а, Акад. № 991 (3) и др. Къ полнымъ спискамъ относятся изъ указанныхъ Поповымъ Погод. № 1443 и нѣсколько распространенный вставками Щаповскій; сюда же относятся Чудовской и Новоіерусалимскій сп.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

изсѣщи»; этой фразы нѣтъ въ спискахъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 6), но она есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 18).— Въ 3-хъ, между редакціею 1599 г. и Русскимъ Временникомъ оказывается рядъ общихъ статей, не извѣстныхъ по спискамъ редакціи 1512 года. Такъ, согласно съ Русскимъ Временникомъ (ср. выше), передъ статьей о предложениіи книгъ, читаемъ Сказаніе вкратце ѿ житія святаго кира философа (Нач. Въ седунѣстемъ градѣ бѣ некий мужъ праведенъ именемъ левъ саномъ же сотникъ). За извѣстіемъ 6731 (1223) года о походѣ Ярослава Всеволодовича къ Кольваню и объ опустошеніи имъ всей Чудской земли (этого извѣстія нѣтъ въ редакціи 1512 г.), мы читаемъ какъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 92—99), такъ и въ редакціи 1599 г.: О пришествіи Николина образа на Резань изъ Корсуна (Нач. В лѣто 6732 Явился святыи велик чюдотворецъ никола корсунский; конецъ: и по малѣ времени сѣа роди именемъ князя Ивана постника). Сказаніе о нашествіи татаръ, отличающееся въ Русскомъ Временникѣ отъ редакціи 1512 года, между прочимъ, вставкой о Евпатіи Коловратѣ (I, 120), читается съ той же вставкой въ редакціи 1599 года (Нач. В то же время нѣкто отъ велможъ русскихъ именемъ еупатіе колорватъ былъ в чернигове...)¹⁾. Разказавъ о борьбѣ Владимира съ Ярополкомъ согласно съ редакціею 1512 г. (Изборникъ, стр. 8) и дойдя до фразы «и едва призва его (Варяжка) къ себѣ Владимиръ», выписавъ затѣмъ греческую статью «Царство Василіа и Константина прѣя сыновъ Романа» (Обзоръ, вып. 1-й, стр. 178), составитель редакціи 1599 года, подъ заглавіемъ «Начало княжсннѣа великаго князя владимера киевскаго» списавъ статью буквально сходную съ тою, которую читаемъ въ Русскомъ Временникѣ (I, 21): онъ не замѣтилъ при этомъ, что повторялъ уже разказанныя выше событія борьбы Владимира

1) Замѣчательно, что вставки легенды о Меркуріи Смоленскомъ (Русск. Вр., I, 136—142) въ хронографѣ ред. 1599 года нѣтъ. Можетъ быть, это указываетъ на то, что въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, вставки этой еще не было.

съ Ярополкомъ. За этой статьёй слѣдуетъ, какъ и въ Русск. Вр. (I, 28), разсказъ О христіянинѣ варязе и сыне его иванѣ и др. Вообще, вплоть до статьи О крещеніи Угровъ (Русск. Вр., I, 67), помѣщенной передъ русскимъ извѣстіемъ 6524 (1016) г., между редакціею 1599 г. и Русскимъ Вр. оказывается полное сходство въ противоположность редакціи 1512 года, передающей событія Владимірова княженія гораздо короче. Начиная съ этого мѣста, редакція 1599 г., какъ и Русскій Временникъ, сходятся съ редакціей 1512 года до русскаго событія 6694 (1186) г. включительно. Событія 6712 г. изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, между тѣмъ какъ часть ихъ (южно-русскія событія) совершенно опущена въ редакціи 1512 года. Липецкая битва 6725 (1217) г., равно какъ и все послѣдующее, включая сюда и Сказаніе о нашествіи татаръ (разсмотрѣнное выше), изложены въ редакціи 1599 года согласно съ Русскимъ Временникомъ, а не съ редакціей 1512 года. Послѣ статьи объ убіеніи Батя, редакція 1599 года становится вполне сходною съ редакціей 1512 года, повторяя, какъ указано, пропуски русскихъ событій, характеризующія извѣстный разрядъ списковъ этой редакціи. Взятіе Царяграда изложено по редакціи 1512 года. Этой статьёй оканчивается собственно хронографъ по редакціи 1599 года. Но за ней слѣдуетъ рядъ статей историческаго содержанія; изъ нихъ первая содержитъ разсказъ о смерти Василія Ивановича и первыхъ годахъ (до 1551-го) царствованія Ивана Васильевича.— Въ 4-хъ связь редакціи 1599 года и Русскаго Временника доказывается нѣкоторыми изъ этихъ добавочныхъ статей: такъ мы находимъ здѣсь Повѣсть о печерскомъ монастырѣ иже во пскѣоской землѣ и о марцѣ первомъ старце печерномъ, ср. ту же повѣсть, но въ значительно измѣненномъ видѣ въ Русскомъ Временникѣ II, 81—89; далѣе О явленіи чудотворнаго образа пречистыя Богородицы и о началѣ монастыря ея Коловскаго, ср. ту же статью въ Русск. Вр. II, 285—291; наконецъ, Сказаніе отъ житія вкратцѣ преподобнаго отца нашего старца Данила иже в Переславлѣ

составляшаго пречестенъ монастырь живоначальный Троица, ср. это сказаніе въ приложеніяхъ къ Русскому Временнику II, 364—381.

Ошибочно было бы думать на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, что составитель редакціи 1599 года пользовался Русскимъ Временникомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ теперь. Дѣйствительно, мало вѣроятной представлялась бы мысль, чтобы составитель хронографа сталъ дополнять его на основаніи лѣтописнаго сборника русскихъ статей и при томъ такого сборника, гдѣ умышленно исключены статьи хронографическаго характера, т. е. все то, что относится ко всемірной исторіи. Напротивъ, болѣе убѣдительно другое предположеніе, а именно, что въ хронографѣ 1599 года слиты двѣ редакціи хронографа — редакція 1512 года и редакція, предшествовавшая Русскому Временнику, т. е. тотъ видъ хронографа, изъ котораго извлеченъ этотъ лѣтописный сборникъ. Сдѣланное предположеніе находитъ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ редакціи 1599 г. сохранились ясные слѣды заимствованій изъ хронографа общаго происхожденія съ редакціею 1512 года, но относящагося къ самостоятельной, оригинальной редакціи его. Такъ, мы находимъ здѣсь мѣста, гдѣ, отступая отъ редакціи 1512 года, хронографъ 1599 года сближается со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы. Сюда относятся, во 1-хъ, нѣкоторыя чтенія: такъ здѣсь, въ концѣ статьи О разбіеніи зеркала, мы находимъ фразу «сія оубо доволно мною шплакаса *слово*», въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, какъ это было замѣчено и выше, въ спискахъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, стоятъ также *слово*, между тѣмъ какъ во всѣхъ спискахъ редакціи 1512 года: *словомъ*. Во 2-хъ, составъ многихъ статей въ редакціи 1599 г. иной, чѣмъ въ редакціи 1512 г. и при томъ одинаковый со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы: такъ статья «Начало родомъ сербскихъ деспотъ» начинается не такъ, какъ въ редакціи 1512 г., т. е. не фразою: «Достоитъ же рещи и сербскихъ деспотъ власть» (Изборникъ

Попова, стр. 29), а словами: «Великий царь константинъ вваде сестру свою константію ликинію в женоу ликиніи же роди отъ нея бѣлоуороша белоуоршъ роди тѣхомила, тѣхомилъ же роди» и т. д. Эти слова, до словъ «отъ нея бѣлоуроша» включительно, оказываются заимствованными изъ редакціи, тождественной въ этомъ случаѣ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы; ср. въ началѣ указанной статьи по Толстовскому и др. спискамъ: «сеи коста зеленіи роди три сѣны. великаго константина. і анавалиана, и далматина, и дщерь константію юже великіи константинъ вваде ликинію женоу... и роди Ѡ кстантіи сына. Ѡ него же по колѣномъ ихъ мвози изыидоша даже и до белоуроша. иже роди тѣхомила, тѣхомилъ же роди немана» и т. д.¹⁾ Далѣе, не мало общаго между редакціей 1599 г. и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, видимъ въ изложеніи царствованій римскихъ и византійскихъ императоровъ. Такъ нѣсколькимъ строкамъ, составляющимъ въ редакціи 1512 г. статью «Царство Нероново в Римѣ»²⁾, соответствуетъ въ редакціи 1599 года обширная статья, гдѣ дается характеристика Нерона и рассказывается о его судѣ надъ Анпой, Каиафой и Пилатомъ. Во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, эта статья значительно сокращена, но нѣкоторыя сохранившіяся въ ней фразы доказываютъ, что въ оригиналѣ этой редакціи, т. е. въ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, находилась та самая статья, которую теперь видимъ въ редакціи 1599 года; ср. въ ред. 1599 г.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и густою брадою. и строепъ и сеи (вм. сый) зело блуденъ. яко же инъ никто и паки сеи начатъ гонити християны, а въ Толст. сп.: бѣ же высокъ тонокъ сѣдъ и гоустою брадою нестроепъ зело и блждникъ. икоже инъ никтоже сеи паки начатъ гонити христїаны; далѣе

1) Ср. по ред. 1512 г. Великій убо деспотъ Неманя, иже есть святой Семионъ, отъ смхъ израсте: Бѣлоурошъ роди Тѣхомила, Тѣхомилъ роди сего блаженнаго и великаго деспота Неманя... а о Константїиъ Великомъ, его дочери и Ликинїи опущено.

2) В лѣто 6657 по клавдии же царствова неронъ сынъ его. 13 лѣтъ и 2 мѣсяца. сеи воздвиже гонение на християны.

въ ред. 1599 г. (черезъ нѣсколько строкъ): бѣ же сии неронъ вѣры нарицаемыхъ епикуръ. иже глаголють безъ промысла вся, а въ Толст. сп. (непосредственно за предш. отрывкомъ): блше бо вѣры нарицаемыхъ епикуоръ. иже глаголють безъ промысла вся. Точно также въ редакціи 1599 года и въ спискахъ 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, оказывается довольно обширная статья о царствованіи Зинона, переданная въ ред. 1512 г. всего въ нѣсколькихъ строкахъ (Обзоръ Попова, вып. 1-й, стр. 148): въ обѣихъ выше названныхъ редакціяхъ она передается съ нѣкоторыми отличіями, но ясно, что она восходитъ въ нихъ къ одному общему оригиналу¹⁾. Вообще, можно относить насчетъ 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. редакціи, основной для 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, всѣ тѣ мѣста редакціи 1599 года, гдѣ она отстываетъ отъ редакціи 1512 г. Кое-что при этомъ не совпадаетъ со 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, но это зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ сокращеній, которымъ подверглась эта редакція; что касается добавленій въ первой половинѣ хронографа (до Александріи), то имъ не найдется соответствія во 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, потому что редакція эта начинается, какъ извѣстно, съ Александріи. Въ особенности интересны добавленія редакціи 1599 года, сравнительно съ редакціей 1512 года, послѣ 82-й главы, гдѣ находимъ 1) Изъ книгъ мудреца маркуса о десяти сивиллахъ сиречь о пророчицахъ, 2) Избрание отъ книги глаголемыя иудеѡ, 3) Инъ переводъ вкратцѣ первому несогласенъ занеже нѣ в то время сказуетъ.

Выше я говорилъ уже, что, послѣ повѣсти о нашествіи татаръ, вліяніе 1-й редакціи, не раздѣленной на главы, т. е. той

---

1) Ср. ред. 1599 г. Зиновъ же пришедъ изверже петра антиохискаго патриарха, Толст. сп.: Зиновъ же пришедъ въ антиохію изврже петра патриарха; ред. 1599: и зиновъ умре лѣтъ сын 65 и мѣсяць 9. Есть убо отъ адама до смерти зиноновы лѣтъ 6458 лѣтъ и мѣсяць 7, а въ Толст. сп.: и оумре зиновъ... живъ лѣтъ 65 и мѣсяціи 9. есть же отъ адама до смерти зиноновы лѣтъ 5980 и мѣсяць 7 и др.

редакціи, къ которой восходитъ съ одной стороны Русскій Вр., а съ другой 2-я редакція, не раздѣленная на главы, прекращается, при чемъ текстъ хронографа 1599 г. слѣдуетъ редакціи 1512 года.

Послѣ этихъ замѣчаній ясно, почему редакція 1599 года должно придавать важное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи и первоначальномъ составѣ хронографа: 1) выдѣливъ изъ нея все то, что восходитъ къ редакціи 1512 года, мы получимъ представленіе о другой, не зависящей отъ этой редакціи, при чемъ возстановленіе ея возможно именно путемъ изученія редакціи 1599 г.; 2) этотъ второй источникъ редакціи 1599 года оказывается связующимъ звеномъ между Русскимъ Временникомъ и 2-ю редакціей, не раздѣленною на главы, такъ какъ все то, что въ редакціи 1599 г. не принадлежитъ основному ея источнику — редакціи 1512 года, восходитъ или къ Русскому Вр. или ко 2-й редакціи, а слѣдовательно предполагаетъ существованіе такой редакціи хронографа, которая породила съ одной стороны Русскій Временникъ, а съ другой 2-ю редакцію, не раздѣленную на главы.

Подведу итоги предыдущему изслѣдованію о той редакціи Хронографа, которая существовала независимо отъ редакціи 1512 года и въ своей литературной исторіи стояла въ связи съ памятниками, каковы Никоновская лѣтопись, Русскій Временникъ, редакція Хронографа 1599 г., редакція Хронографа по Толстовекому и сходнымъ спискамъ и т. д.

1. Никоновская лѣтопись пользовалась при своихъ заимствованіяхъ изъ хронографа, кромѣ двухъ списковъ редакціи 1512 года, такую редакцію хронографа, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

2. Русскій Временникъ — это лѣтописный сборникъ русскихъ статей, извлеченныхъ изъ хронографа такой редакціи, которая предшествовала дошедшей до насъ редакціи, не раздѣленной на главы.

3. Редакція 1599 года, кромѣ списка редакціи 1512 г., пользовалась такою редакціей хронографа, которая тождественна съ тою, изъ которой извлеченъ лѣтописный сборникъ — Русскій Временникъ.

4. Дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы, представляется извлеченіемъ изъ другой болѣе древней редакціи, при чемъ русскія лѣтописныя статьи были, по возможности систематически, опущены.

5. Изъ сопоставленія 2, 3 и 4-го выводовъ слѣдуетъ, что въ основаніи Русскаго Временника, редакціи 1599 года и редакціи, не раздѣленной на главы, лежитъ одна общая, основная для нихъ редакція хронографа, которую можно, въ противоположность дошедшей до насъ, назвать 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы, оставивъ за послѣднею названіе 2-й редакціи, не раздѣленной на главы.

6. Мы имѣемъ основаніе думать, что Никоновская лѣтопись пользовалась этою самою 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы: выше было указано, что многія подробности и чтенія въ хронографическихъ статьяхъ Никоновской лѣтописи могутъ быть объяснены только изъ редакціи, близкой по своему составу ко 2-й редакціи, не раздѣленной на главы. Но, кромѣ византійскихъ и южно-славянскихъ статей, Никоновская лѣтопись заимствовала изъ хронографа и русскія статьи и даже отдѣльныя лѣтописныя извѣстія¹⁾. Вотъ почему все общее между Никоновскою лѣтописью и Русскимъ Временникомъ, напр. въ изложеніи событій XIV и слѣд. вѣковъ, можно объяснить тѣмъ, что составитель Никонов-

1) Такъ хронографъ оказалъ вліяніе на нѣкоторыя статьи о началѣ Руси: ср. въ легендѣ объ Андреѣ первозванномъ: пережегше каменіе то *румяно* (IX, 4), названіе Варяговъ—Варегами (IX, 4, 9), измѣненіе Боричева ввоза въ взвозъ Барнуевъ—ср. Новоіерусал. возво бориоувъ; начало разсказа о призваніи Варяговъ (IX, 9: При Михаилѣ и Василіи царема...); разсказъ о началѣ княженія Ольги, гдѣ Святославъ названъ, согласно хронографу, Цвѣтославомъ (IX, 28); первыя строки въ извѣстіи о кончинѣ преп. Θεодосія (IX, 101); конецъ статьи объ убіеніи Изяслава Ярославича (IX, 109); начало княженія Мстислава Владимировича въ Кіевѣ (IX, 153, нач.: еще юнъ сый — оттоле въ Рязань) и мн. др.

ской лѣтописи пользовался не Русскимъ Временникомъ, а тѣмъ, что однимъ изъ источниковъ этой лѣтописи былъ тотъ самый хронографъ, изъ котораго впоследствии извлеченъ Русскій Временникъ. При этомъ оказывается, что Никоновская лѣтопись пользовалась разнообразными источниками только до 1520 года включительно: начиная съ 1521 г., находимъ въ ней сплошное заимствование изъ Воскресенской лѣтописи (вплоть до 1541-го года, гдѣ эта лѣтопись прекращается). Почти все то, что подъ 1520-мъ г. не восходитъ къ Воскресенской лѣтописи, можетъ быть признано заимствованиемъ именно изъ этого Хронографа — оригинала Русскаго Временника: такова напр. статья О иконахъ Владимерскихъ, которой нѣтъ ни въ Воскресенской, ни во Львовской (бывшей также въ одной изъ первоначальныхъ своихъ редакцій источникомъ Никоновской лѣтописи) лѣтописи, но которая читается въ Русскомъ Временникѣ. Въ виду этого я думаю, что изслѣдуемый хронографъ былъ извѣстенъ составителю Никоновской лѣтописи въ редакціи 1520-го года. А отсюда легко вывести, что въ основаніи какъ той редакціи хронографа, которую мы назвали 1-ю редакціей, не раздѣленною на главы (— источника Русскаго Временника и 2-й редакціи), такъ и многихъ статей Никоновской лѣтописи лежитъ Хронографъ редакціи 1520 года.

7. И такъ, рядомъ съ хронографомъ редакціи 1512 года была извѣстна другая независимая отъ нея редакція; древнѣйшій видъ ея сохранился въ не дошедшей до насъ редакціи 1520 года; въ серединѣ XVI вѣка явился другой ея видъ и, наконецъ, къ концу XVI или началу XVII в. относятся два позднѣйшіе ея вида — редакція, отразившаяся въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ, и редакція, отразившаяся въ Русскомъ Временникѣ.

III.

Изъ предыдущаго изслѣдованія вытекаетъ слѣдующее положеніе: для возстановленія первоначальнаго состава русскаго хронографа необходимо сравнительное изученіе редакціи 1512 года

и той редакціи, древнѣйшимъ представителемъ которой является редакція 1520 года (возстановляемая при помощи Никоновской лѣтописи, Хронографа редакціи 1599 года, Русскаго Временника и Хронографа списковъ Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ).

Подобная работа, т. е. возстановленіе первоначальнаго состава русскаго хронографа, не можетъ входить въ задачу настоящаго изслѣдованія, которое стремится отвѣтить на болѣе элементарные вопросы, связанные съ судьбой хронографа—гдѣ, когда и кѣмъ онъ составленъ. Но отвѣтъ на эти вопросы должно искать хотя бы въ поверхностномъ очеркѣ того общаго характера, который можно, на основаніи указанныхъ путей, приписать хронографу въ его первоначальномъ видѣ.

Во-первыхъ, является вопросъ, какія событія новѣйшаго времени обнималъ хронографъ, основной для редакцій 1512 и 1520 г. Оканчивался ли онъ такъ, какъ редакція 1512 года, т. е. сказаніемъ о взятіи Царяграда турками, или лѣтописный рассказъ переходилъ и за это событіе 1453 года, какъ въ редакціи 1520 г.? Рѣшеніе этого вопроса возможно двоякимъ путемъ: 1) путемъ сравнительнаго изученія обѣихъ редакцій, извлеченія изъ нихъ всего того, что оказывается въ нихъ общимъ, 2) путемъ изученія внутренняго состава дошедшихъ до насъ статей хронографа, извлеченія изъ нихъ указанія на время составленія или включенія ихъ въ хронографъ. Первый путь я долженъ пока оставить въ сторонѣ потому, что опасаясь наткнуться, идя по нему, на редакцію промежуточную между основною, первоначальною редакціей русскаго хронографа и обѣими сопоставляемыми нами редакціями (редакціей 1512 и 1520 г.). Обращаюсь ко второму пути, тѣмъ болѣе надежному, что онъ уже привелъ предшествующихъ изслѣдователей къ выводу о томъ, что хронографъ составленъ въ XV-мъ вѣкѣ. Дѣйствительно, Поповъ въ своемъ Обзорѣ собралъ вѣскія доказательства въ пользу того, что ни одна изъ статей хронографа редакціи 1512 года по своему происхожденію, по времени возникновенія не можетъ быть признана старшею первой половины XV вѣка; исключеніе состав-

ляетъ только послѣдняя статья «Плачь о паденіи Царяграда» принадлежащая перу самого составителя редакціи 1512 г. (Обзоръ, II, 63). Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что въ другихъ редакціяхъ хронографа читаются особыя повѣсти о взятіи Царяграда¹⁾, — повѣсти, бывшія очевидно неизвѣстными редактору 1512 года, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что ни въ первоначальной редакціи хронографа, ни въ предположительно возможной — промежуточной редакціи между нею и позднѣйшими — не было повѣсти о взятіи Царяграда. Въ виду этого, а также того, что русскія лѣтописныя извѣстія могли быть вставлены впоследствии и потому рѣшающаго значенія имѣть не могутъ, важнымъ оказывается опредѣлить, какое же изъ византійскихъ или южно-славянскихъ событій было послѣднимъ, заключительнымъ въ первоначальной редакціи хронографа. Такимъ событіемъ, читаемымъ какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ редакціи 1520 года, является какъ будто вступленіе на престолъ императора Константина Палеолога. Привожу текстъ этой статьи по редакціи 1512 г. и по 2-й редакціи, не раздѣленной на главы, заимствовавшей ее, согласно предыдущему, изъ редакціи 1520 г.:

Ред. 1512 г.

По Калюанѣ пріять скипетра Греческая братъ его Константинъ. Бѣда же тогда много належаче царствующему граду отъ безбожныхъ Турокъ, и многи грады пріяша и поплѣниша, и власть ихъ зѣло простирашеса Божимъ попуще-

Толст. сп., I, № 172.

По калоуанѣ сынѣ мануиловѣ царствова въ Цариградѣ братъ его Константинъ драгошь палеологъ. лѣтъ 11. бѣда же многа тогда належаче царствующему граду отъ безбожныхъ тоурокъ. и многи грады пріяша и поплениша. и власть

1) Въ редакціи 1520 г., судя по Никон. лѣтописи, находилась извѣстная повѣсть, написанная Искендеромъ; во 2-ю ред., не разд. на главы, попала также, повидимому, изъ предшествующихъ редакцій особая повѣсть, извѣстная изъ нѣсколькихъ списковъ въ видѣ дополнительной статьи къ ред. 1512 г. (ср. Акад. 991 (3), Погод. 1404 а) и др.

ніемъ, Греческая же оскуде- ихъ зело простирашеса Бо-
ваше. жимъ попоушеніемъ греческая
же оскоудѣваше.

Очевидно, въ редакціи, основной для редакцій 1512 г. и 1520 г., статья эта находилась. Но слѣдуетъ ли отсюда, что она восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа? Конечно, нѣтъ, такъ какъ вполне возможно допустить, что основной для обѣихъ названныхъ редакцій была не первоначальная редакція хронографа, а уже позднѣйшая ея переработка. И дѣйствительно, мы имѣемъ ясное доказательство того, что приведенная статья не могла находиться въ первоначальной редакціи хронографа. Во-первыхъ, отмѣчу, что статья эта въ основной для редакцій 1512 и 1520 г. редакціи должна была читаться именно такъ, какъ она читается теперь въ Толстовскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ, а не такъ какъ въ редакціи 1512 года: указаніе на число лѣтъ царствования Константина (11) находилось въ основной редакціи и опущено въ редакціи 1512 года. Это видно изъ слѣдующихъ соображеній: редакторъ 1512 года ставитъ извѣстіе о вступленіи на столъ греческихъ императоровъ и указаніе на число лѣтъ ихъ царствования въ начало главы, при чемъ эта глава (а иногда вмѣстѣ съ слѣдующею, до новаго заглавія: «Царство греческое») обнимаетъ событія столькихъ лѣтъ, сколько царствовалъ тотъ или другой императоръ. Такъ, по расчету хронографа, Михаилъ Палеологъ, вступившій на столъ въ 6765 году¹⁾, царствова надъ Греки лѣтъ 24: вотъ почему послѣднимъ событіемъ 196-й главы — это кончина митрополита Кирилла въ 6789 году. Андроникъ Палеологъ по его расчету вступилъ на столъ въ 6789 или 6790 г. и царствова 44 года: вотъ почему русскія событія 197-й главы доходятъ лишь до 6833 года. Внукъ Андроника — Андроникъ же Палеологъ, всту-

1) Ср. При сего царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780... (Изборникъ, стр. 45).

пилъ на столъ въ 6834 году и царствовалъ 13 лѣтъ: вотъ почему русскія событія главы 199-й доходятъ только до 6848 года. Иванъ Палеологъ съ 6848 царствовалъ 7 лѣтъ и за нимъ Иванъ Кантакузинъ также 7 лѣтъ: вотъ почему русскія событія 200-й главы тянутся отъ 6848 до 6861 года. Послѣ Ивана Кантакузина царствовалъ Иванъ Палеологъ съ 6862 года въ общей сложности 46 лѣтъ (по Толст. списку онъ царствовалъ 32 г. и и потомъ 14 лѣтъ, а всего тоже 46)¹⁾, но въ 201-й главѣ содержатся русскія событія отъ 6862 по 6898 годъ, такъ какъ въ 6899 году на столъ вступилъ Мануилъ Палеологъ и царствовалъ 33 года (Новоіерусал., а въ нѣкоторыхъ 32): вотъ почему въ главѣ 204-й помѣщены русскія событія 6901—6933 гг. Въ виду этого редакціоннаго приѣма хронографа, восходящаго, какъ видно изъ Русскаго Временника²⁾, къ редакціи, основной для редакцій 1512 и 1520 гг., я — изъ того обстоятельства, что въ главѣ 207-й, начинающейся съ царствованія Константина Палеолога, содержатся событія 11 лѣтъ (съ 6950 по 6961, т. е. по годъ взятія Царяграда), заключаю, что въ основной для хронографа 1512 года редакціи было указано число лѣтъ царствованія Константина — 11. Во вторыхъ, указанное обстоятельство, т. е. это явно ошибочное опредѣленіе числа лѣтъ Константинова царствованія (онъ царствовалъ всего 4 года 8 мѣсяцевъ)³⁾ стоитъ въ самой тѣсной связи съ опредѣленіемъ лѣтъ предшествующаго царствованія. Въ рассматриваемыхъ редакціяхъ хронографа находимъ:

1) Ошибочная хронологія восходитъ къ извѣстной редакціи каталога царей, который читается въ спискахъ Новгородской 4-й и Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXII).

2) Ср. выше приведенныя въ немъ фразы, какъ: при сего царствіа, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780 сѣде на великое княженіе ... Василій Александровичъ.

3) Ср. напр. въ каталогѣ царей, помѣщенномъ въ Воскресенскомъ сборникѣ: Константинъ Драгосъ Палеологъ, православенъ, 4 годы и 8 мѣсяць (VII, 251).

Ред. 1512 г.

Толст. сп., I, № 172.

Въ лѣто 6933 по Мануилѣ По мануилѣ цари престова
цари нача царствовати въ Ца- въ градѣ сынъ его киръ калу-
рѣградѣ сынъ его киръ Калу- янъ лѣтъ 17 православенъ.
янъ. Православенъ.

Текстъ Толстовскаго списка и въ данномъ случаѣ оказы-
вается болѣе первоначальнымъ, такъ какъ въ общемъ для редак-
цій 1512 и 1520 гг. (къ которой восходитъ редакція Толстов-
скаго исходныхъ списковъ) подлинникѣ также должно было
стоять: лѣтъ 17. Это видно изъ того, что въ главѣ 205-й, кото-
рою начинается Иоанново царствованіе по редакціи 1512 года,
разсказывается о русскихъ событіяхъ, относящихся къ семнад-
цати годамъ (6933—6949). Отсюда, согласно предыдущему,
слѣдуетъ, что уже въ основной для хронографа 1512 года ре-
дакціи было указано число лѣтъ царствованія Иоанна — 17.
Между тѣмъ, и это число оказывается ошибочнымъ, такъ какъ
Иоаннъ царствовалъ 23 года и 3 мѣсяца¹⁾. Чѣмъ же вызваны
ошибочныя указанія — 11 в. 4 л. и 8 м., 17 в. 23 л. и 3 мѣ-
сяцевъ? Оказывается, что между обѣими опіибками содержится
тѣсная внутренняя связь: сумма 11 и 17 — 28 равна суммѣ
истинныхъ количествъ лѣтъ царствованій обоихъ императоровъ:
4 г. и 8 м. + 23 г. и 3 м. равняется 28 г. Это — число лѣтъ,
истекшихъ между двумя извѣстными изъ хронографа годами:
6933-мъ — годомъ вступленія Иоанна на престолъ (ср. выше-
приведенный отрывокъ редакціи 1512 г.) и 6961-мъ — годомъ
паденія Царяграда. Въ промежутокъ этого времени надо было
уложить два царствованія — Иоанново и Константиново: но какъ
же явились ошибочныя слагаемыя 17 и 11? Кѣмъ они сочинены,
составителемъ ли первоначальной редакціи хронографа или одной
изъ послѣдующихъ — основной для дошедшихъ до насъ редак-

1) Ср. каталогъ царей Воскр. лѣтописи: По Мануилѣ царствовалъ Иванъ
Палеологъ... царствовалъ 23 года и три мѣсяца.

цій? Если мы допустимъ, что слагаемыя эти сочинены составителемъ первоначальной редакціи хронографа, то придемъ къ выводу, что редакція эта составлена послѣ 1453 года, т. е. послѣ взятія Царяграда. Но такое предположеніе въ значительной степени затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что объ этомъ событіи въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ не сохранилось ни одной статьи, ни одного извѣстія, которое можно было бы возвести къ первоначальной редакціи; кромѣ того оно нисколько не выясняетъ происхожденія обоихъ ошибочныхъ слагаемыхъ 17 и 11, вызывая сомнѣніе еще и по тому, что современнику описываемыхъ событій (исхожу изъ того положенія, что хронографъ составился въ XV в.) не могло не быть извѣстно приблизительно точное число лѣтъ царствованія Ивана и Константина Палеологовъ. Въ виду этого я заключаю, что опредѣленіе лѣтъ царствованія этихъ императоровъ принадлежитъ послѣдующему редактору, для котораго уже стерлась память о великихъ событіяхъ середины XV вѣка. Мы знаемъ, какъ онъ дошелъ до суммы 28: 6933-й годъ былъ данъ въ первоначальной редакціи хронографа, а 6961 годъ былъ извѣстенъ хотя бы изъ русскихъ лѣтописей. Но откуда же онъ взялъ оба слагаемыя? Почему Калуюну назначено 17, а Константину 11 лѣтъ царствованія? Единственно возможнымъ мнѣ кажется предположеніе, что одна изъ этихъ цифръ, а именно 17, была дана первоначальпою редакціей хронографа, а другая цифра появилась вслѣдствіе вычета 17 изъ 28¹⁾: въ первоначальной редакціи хронографа былъ не только указанъ годъ вступленія Калуюна на престолъ, но и указано, что онъ

---

1) Сходный приѣмъ находимъ въ одной особенной редакціи хронографа, заимствовавшей кое что изъ той же древней редакціи, которая лежитъ въ основаніи редакціи 1512 г. и редакцій, не раздѣленныхъ на главы — а именно въ редакціи, описанной Поповымъ вып. 1-мъ Обзора, стр. 217 и сл. Въ находящемся здѣсь лѣтописчикѣ находимъ годъ вступленія на столъ Калуюна — 6930-й, лѣта его царствованія — 20, лѣта царствованія Константина — 11. Очевидно, цифра 11 была извлечена изъ Хронографа, и сообразно съ ней, а также ошибочнаго расчета, что отъ начала царствованія Калуюна (6930) до паденія Царяграда прошелъ 31 годъ, сочинена цифра 20.

царствуетъ 17 лѣтъ, и это потому, что первоначальная редакція хронографа (какъ это слѣдуетъ изъ этого самаго обстоятельства) составлена въ 1442 году т. е. въ 17-е лѣто Калюянова царства. Противъ этого вывода, т. е. того, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году, не могу найти возраженій ни во внутреннемъ содержаніи, ни въ литературной исторіи послѣдующихъ редакцій. Напротивъ, за такое предположеніе говоритъ какъ то обстоятельство, что эта редакція была составлена въ первой половинѣ XV столѣтія, т. е. до 1453 года, такъ и то, что позднѣйшій изъ юго-славянскихъ источниковъ, которымъ пользовался составитель хронографа—Житіе деспота Стефана — составленъ въ 1431 году. Но я надѣюсь найти подтвержденіе этому выводу еще съ другой стороны, а именно опредѣливъ мѣсто, гдѣ составленъ хронографъ, и личность составителя.

IV.

Существенно важнымъ, при разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ, о странѣ, гдѣ составленъ хронографъ, является опредѣленіе источниковъ, матеріаловъ, которыми онъ воспользовался. И Поповъ, и Ягичъ, и всѣ послѣдующіе изслѣдователи признавали характеръ источниковъ хронографа рѣшающимъ не только при опредѣленіи времени, но и мѣста его составленія. Такъ Поповъ, предположивъ на основаніи той позднѣйшей редакціи, которая сохранилась въ Толстовскомъ спискѣ, что въ первоначальной редакціи хронографа не было русскихъ статей, сдѣлалъ дальнѣйшій отсюда выводъ о юго-славянскомъ происхожденіи хронографа. Напротивъ, Ягичъ указавъ на то, что хронографъ не пользовался сербскими лѣтописями и ограничивался при изложеніи юго-славянскихъ событій лишь тѣмъ, что могло быть извлечено изъ опредѣленнаго круга житій, заключилъ, между прочимъ и изъ этого обстоятельства, что хронографъ составленъ въ Россіи.

Дѣйствительно, присутствіе или отсутствіе русскихъ статей и лѣтописныхъ извѣстій въ первоначальной редакціи хронографа

должно служить надежнымъ основаніемъ при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи хронографа. Но предыдущее изслѣдованіе затруднило опредѣленіе состава первоначальной редакціи хронографа, указавъ на то, что основною для дошедшихъ до насъ редакцій была не эта первоначальная редакція, а другая позднѣйшая: такъ, между прочимъ, первоначальная редакція хронографа называла послѣднимъ византійскимъ императоромъ Калюяна, а редакція, основная для редакціи 1512 г. и для другой редакціи, не раздѣленной на главы, упоминала и о Константинѣ Палеологѣ. Въ виду этого согласное показаніе обѣихъ редакцій о существованіи въ ихъ подлинникѣ, въ ихъ общемъ, основномъ источникѣ, русскихъ статей нисколько не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что эти самыя статьи находились уже и въ первоначальной редакціи хронографа; напротивъ, можно съ увѣренностью утверждать, что часть русскихъ событій попала, напр. въ редакцію 1512 г., во всякомъ случаѣ не изъ первоначальной редакціи, а именно изъ предположенной выше промежуточной редакціи. Такъ отнесеніе къ царствованію Константина русскихъ событій одиннадцатилѣтняго періода (6950—6961) можетъ восходить только къ той позднѣйшей, промежуточной редакціи, которая опредѣлила 11-ю число лѣтъ Константинова царствованія. Но если второй редакторъ хронографа рѣшился вставить въ свой трудъ эти русскія событія, то естественно допустить, что ему же могли принадлежать и другія, если и не бѣльшая часть русскихъ событій, вставленныхъ въ хронографъ. Въ виду этого считаю пока необходимымъ оставить въ сторонѣ русскія лѣтописныя статьи хронографа и перейти къ вопросу о характерѣ другихъ его источниковъ. Какъ уже замѣчено выше, Поповъ не опредѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи главнаго, основнаго источника хронографа, не связалъ такимъ образомъ хронографъ, отразившійся въ редакціи 1512 года, съ тѣми древними видами хронографа, описаніе которыхъ мы находимъ въ его же Обзорѣ, т. е. съ Еллинскимъ лѣтописцемъ. Если бы Поповъ не поспѣшилъ, на основаніи свидѣтельства списковъ 2-й редакціи этого памятника, вывести

заключенія о его позднемъ происхожденіи,—заключенія, впоследствии имъ самимъ отвергнутаго¹⁾, онъ долше бы остановился на вопросѣ объ отношеніи его къ хронографу и разрѣшилъ бы свои сомнѣнія²⁾, очевидно, въ томъ смыслѣ, что 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца была источникомъ изслѣдованнаго имъ хронографа. Не могу посвятить доказательству этого положенія всего того вниманія, котораго оно заслуживаетъ, и ограничусь нѣсколькими ссылками. Во-первыхъ, какъ это отчасти видно изъ подстрочнаго примѣчанія, самъ Поповъ признавалъ, что нѣкоторыя статьи хронографа могли быть внесены въ него изъ Еллинскаго лѣтописца; во всякомъ случаѣ онъ ясно указалъ на связь между обоими памятниками и на общія между ними статьи³⁾. Во-вторыхъ, Истринъ вполне убѣдительно доказалъ, что первоначальная редакція хронографа заимствовала Александрію изъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца (Александрія русск. хроногр., стр. 288). Въ-третьихъ, самъ хронографъ называетъ Еллинскій лѣтописецъ своимъ источникомъ: рассказавъ о походѣ Олега на грековъ, о возвращеніи его въ Кіевъ и о смерти отъ любимаго коня, хронографъ (ср. ред. 1512 г. въ Изборникѣ Попова, стр. 6, а другую редакцію въ Русскомъ Вр., I, 16) прибавляетъ: «сіе пи-

1) «Судя по времени Чудовскаго списка (Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи), происхожденіе ея (2-й редакціи Елл. лѣт.) должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка». А. Поповъ, Хронографы Чуд. мон., въ Библ. матер. М. 1889.

2) Ср. въ Обзорѣ, вып. 1-й, стр. 76: «Источникомъ ея (статьи о смерти пророка Даниила) могъ служить (для 2-й ред. Елл. лѣт.) хронографъ редакціи 1512 г. . .»; напротивъ, въ Обзорѣ, вып. 2-й, стр. 19: «Немногія выписки (находящіяся въ Хронографѣ ред. 1512 г.) изъ Хроники Іоанна Антиохійскаго Малалы всѣ находятся и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, и могли быть оттуда заимствованы».

3) Ср. I, 86 и 140: указаніе на то, что статья Елл. лѣтописца 2-й ред. О взятіи Іерусалима читается съ немногими лишь сокращеніями въ Хронографѣ редакціи 1512 г.; I, 113 и др.: указаніе общихъ статей, восходящихъ къ Хроникѣ Малалы, между Елл. лѣт. и хронографомъ; I, 150: общій рассказъ о паденіи верха святой Софіи; I, 163: указаніе на пользованіе обоими памятниками—сказаніемъ о загробномъ прощеніи отъ мукъ царя Теофила; I, 167: указаніе на слова «и нарекоша имя ему Сімеонъ», отличающія 2-ю ред. Елл. лѣт. и хронографъ, отъ 1-й ред. Елл. лѣт. и Амартола и др.

шетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцѣ». Эта ссылка приводитъ насъ ко 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, гдѣ подъ 46-мъ царствомъ — царствомъ Леона приводится выписка изъ русской лѣтописи объ Олегѣ (нач.: «в лѣто 6414 иде олеги на греки. а игоря остави в кievѣ», конецъ: «естъ же могила олгова и до сего дни. и бысть княженья его 33 лѣта»¹⁾). Въ-четвертыхъ, изъ Еллинскаго лѣтописца заимствованы въ хронографъ между прочимъ такія характерныя статьи, какъ Повѣсть о томъ, какъ латыняне отлучились отъ грековъ (въ спискахъ второй редакціи Елл. лѣт. находится подробная редакція этой повѣсти, ср. Обзоръ, вып. 1-й, стр. 90), при чемъ рассказъ о крещеніи Угровъ (Изборникъ, стр. 10; Русск. Вр., I, 67) оказывается составною частью этой повѣсти; далѣе оттуда же внесена въ первоначальную редакцію хронографа повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами. Повѣсть эта исключена изъ редакціи 1512 года, ограничившейся другою замѣткой о взятіи Царяграда въ царствованіи Феодора Ласкаря (глава 193-я; Поповъ, Изборникъ, стр. 33); но 2-я редакція, не раздѣленная на главы (Толстовскій и сходные съ нимъ списки) сохранила какъ эту вторую замѣтку²⁾, такъ и обширную повѣсть, тождественную (хотя и нѣсколько сокращенно переданную) съ повѣстью 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Пользуюсь случаемъ указать на особенную близость текста этой повѣсти между списками 2-й редакціи хронографа, не раздѣленной на главы, и Никоновскою лѣтописью. Ср. начало по Толст. сп. и по Никоновской лѣтописи (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ привожу чтеніе Тверского сборника, съ которымъ въ общемъ

---

1) Отмѣчу здѣсь же, что въ другомъ мѣстѣ хронографъ греческимъ лѣтописцемъ называется лѣтопись Манассіи, ср. въ рассказѣ о Святославѣ по редакціи 1512 г. (Поповъ, Изборникъ, стр. 8), и по другой редакціи (Русск. Вр., I, 20).

2) Замѣтка эта начинается словами: «Сіе пишетъ въ иномъ лѣтописцѣ (подъ первымъ лѣтописцемъ, очевидно, разумѣется Еллинскій), еже при семъ феодорѣ цари въ лѣто 6712 взять бысть царьградъ отъ латинъ еоодорю царю или не бывшу ту или не възмогшоу стати противу имъ.» . .

сходятся какъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи, такъ и списки Новгородской лѣтописи).

Толст. сп. хронографа.

По андронице царствова ісакіе нареченны аггелъ. лѣтъ 8 и мѣсяць 6 православенъ и ослепі и братъ его алеѣей. и сяде самъ на царствѣ и сына исакіева алеѣея въ стѣнахъ затвори. и оумоли его ісакіи царъ да выпоуститъ сына его алеѣея. онже выпоуститъ его¹⁾.

Никон. лѣтопись (X, 38).

... при царствѣ царя Алексѣя, иже ослѣпи брата своего Исака, и на царство сяде, а сына его Алексѣя въ стѣнахъ затвори. И умоли его Исакъ царь да выпуститъ сына его Алексѣя; онъ же выпусти его.

Очевидно, оба памятника представляютъ такія общія сокращенія, которыя прямо указываютъ на общій для нихъ источникъ: ср. пропускъ слова «высокихъ» послѣ «стѣнахъ», пропускъ словъ «изъ таковыя тврѣдины», словъ «и времени минувшу и дрѣзну» и т. д. Еще яснѣе близость обоихъ текстовъ въ концѣ повѣсти.

Толст. сп.

стояша предъ градомъ до мѣсяца мая. и многихъ избиша грекъ и градъ взяша мѣсяца мая. въ 9 день и царя своего поставиша римскаго воеводу конда фларенда. фряжеского же

Никон. лѣтопись (X, 40).

сія же вся брани замышляху на Царьградъ: бѣ же зѣло премудри и воинствени. Кондо еларендъ же царство приатъ, Марко же градоблюденіе, Андрѣи же Бернаидъ земли сохраненіе;

1) Тверск. сб.: Того же лѣта царствующю въ Цариградѣ царю Алексею Комнину, въ царствѣ Исааковѣ Аггела, брата своего, его же поймавъ ослѣпи, царствовавшему ему 8 лѣтъ и мѣсяць 6; а сына его Алексея Исааковича затвори въ стѣнахъ высокихъ и стража его ту, да не выидеть; а самъ Алексіе царемъ ста. И времени минувшу, и дрѣзну Исакіе молитися о сыну своемъ дабы его испустилъ изъ таковыя тврѣдины и былъ бы предъ нимъ; и умоли брата Исаакъ, и выпусти Исаковича.

воеводу марка градоблюстителя оучишиша, венецѣйскаго же воеводу андрея бернаида. землехранителя положиша. вси же сїи трие быша зело премудри и воинственни, і единомыслены. и любезни ко всѣмъ. и того ради мнози греци во ихъ обычай и законъ внидоша. ... папа же присла из рима въ царьградъ своя бискоупы и попы. а греческія епископы и презвитери изъ царяграда веде в римъ, и быша вся въ цариградѣ по римскому обычаю ¹⁾).

Здѣсь видимъ уже не сокращеніе, а распространеніе Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи, гдѣ не говорится напр. о присылкѣ папою латинскихъ епископовъ и презвитеровъ, гдѣ нѣтъ характеристики фряжскихъ воеводъ, гдѣ сказано, что осада продолжалась до апрѣли, а не до мая, гдѣ византійскій воевода названъ Дужемъ, а не Андреемъ Бернаидомъ, какъ здѣсь и т. д. Отсюда убѣждаемся вполнѣ въ общемъ для Никоновской лѣтописи и Толстовскаго списка источникѣ, каковымъ, согласно предыдущему изслѣдованію была редакція хронографа, не раздѣленная на главы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ основаніе утверждать, что присутствіе этой повѣсти въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ не должно объяснять позднѣйшею вставкой ея въ хронографъ:

---

1) Тверск. сб.: Стоянїа же фряскаго у Царяграда отъ декабря до априля, доколѣ городъ взяша. Въ лѣто 6712, мѣсяца маїа въ 9 день, на память святаго пророка Исаїа, поставиша царя своего Латынина, кондо Фларенда, своимы епископы; и власть себѣ раздѣлиша: цареви конда Фларенду градъ, а Маркосу судъ, а Дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Константина града и земля Греческая въ свадѣ царевѣ, ею же обладаютъ Фрязове.

очевидно, она находилась и въ древнѣйшихъ его редакціяхъ (ср. Никон. лѣтопись) и, конечно, также въ первоначальной, куда она съ прочими статьями попала изъ Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи. Въ-пятыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи должно возводить данныя хронографа о числѣ лѣтъ царствованія византійскихъ императоровъ, хотя отчасти данныя эти могли быть провѣрены на основаніи другихъ источниковъ (ср. ниже). Наконецъ, въ-шестыхъ, къ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи можно возвести нѣсколько русскихъ статей хронографа, а именно, сюда относятся указанная выше статьи объ Олегѣ. И такъ, можно съ полною увѣренностью заключить, что однимъ изъ основныхъ источниковъ хронографа былъ Еллинскій лѣтописецъ 2-й редакціи. Это обстоятельство, думаю, весьма важно для опредѣленія страны, гдѣ составленъ хронографъ: изслѣдованія Попова и Истрина не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что 2-я редакціи Еллинскаго лѣтописца составлена въ Россіи: дѣйствительно, сравненіе ея съ 1-ю редакціей, показываетъ, что она является переработкою этой послѣдней редакціи на основаніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ на Руси памятниковъ, причемъ виднымъ отличіемъ ея можно признать прибавленіе нѣсколькихъ русскихъ статей (ср. Истринъ, Александрія, 241—242). Русское происхожденіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца доказывается и тѣмъ, что до сихъ поръ неизвѣстно юго-славянскихъ ея списковъ. Но могъ ли составитель хронографа, работавшій, какъ мы видѣли въ 1442 году, пользоваться 2-й редакціей Еллинскаго лѣтописца, до сихъ поръ признававшася памятникомъ XV в.? Истринъ, имѣя въ виду Чудовской списокъ половины XV в. и Пискаревскій списокъ 1485 года, а также и то, что Александрія 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца не подверглась вліянію сербской Александріи, появившейся на Руси въ XV вѣкѣ, заключилъ отсюда, что 2-я редакціи Еллинскаго лѣтописца составлена не позднѣе начала XV вѣка. Мнѣ кажется, что составленіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца относится къ глубокой древности, а именно, вѣроятно, еще къ XIII вѣку: но здѣсь не мѣсто останавливаться

на этомъ вопросѣ¹⁾. Ограничусь другимъ указаніемъ: два списка этой редакціи восходятъ къ протографу, написанному въ 1391-мъ году. Закрываю это изъ того, что какъ Пискаревскій списокъ, такъ и Синодальный № 86, содержащійся въ нихъ перечень византійскихъ императоровъ оканчиваютъ слѣдующимъ образомъ: «81. иванъ и паки палеологъ лѣтъ 31. православенъ. 82. андроникъ сынъ его лѣта 3 православенъ. 83. таже иоанъ палеологъ еже и отецъ сего лѣтъ 8. вкупѣ лѣта царства его всѣ 46. 84. мануилъ палеологъ сынъ его. лѣто.²⁾ православенъ». Отсюда слѣдуетъ, что протографъ обоихъ указанныхъ списковъ относится къ первому году царствованія греческаго императора Мануила, т. е. къ 1391-му году. Дѣйствительно, иначе трудно объяснить, почему перечень императоровъ оборванъ на Мануилѣ (Поповъ, Обзоръ, вып. 1-й, стр. 94), а также почему не указано числа лѣтъ его царствованія. Въ виду этого, нахожу существованіе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца во всякомъ случаѣ доказаннымъ для XIV вѣка и не затрудняюсь утверждать, что ею въ 1442-мъ году пользовался составитель хронографа.

И такъ, одинъ изъ главныхъ источниковъ хронографа называется русскимъ. Отсюда естественно зарождается предположеніе, не были ли русскими и другіе его источники и не въ Россіи ли пользовался составитель хронографа тѣми своими источниками, юго-славянское происхожденіе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Поповъ во второмъ выпускѣ своего Обзора (стр. 21), доказывая, что составитель хронографа могъ имѣть въ своемъ распоряженіи такіе сборники, гдѣ уже были соединены нѣкоторыя изъ использованныхъ имъ сочиненій, указалъ на одинъ сборникъ XV в. Іосифова Волоколамскаго монастыря, гдѣ, вмѣстѣ

---

1) Я именно думаю, что вліяніе 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца отразилось на обширномъ лѣтописномъ сводѣ первой половины XIII в., бывшемъ источникомъ съ одной стороны Ипатьевской лѣтописи, а съ другой московскихъ сводовъ. Тверской сборникъ и Львовская лѣтопись сохранили ясныя слѣды этого вліянія.

2) Синод. № 86: лѣто, а въ Пискар. съ выносомъ *m* подъ титло: Гѣ.

съ Паралипоменомъ Зонары, помѣщены три славянскія сочиненія, внесенныя въ хронографъ: 1) житіе деспота Стефана Лазаревича, 2) житіе Стефана Дечанскаго, 3) житіе Иларіона Меглинскаго¹⁾. Это указаніе Попова осталось безъ вліянія на рѣшеніе вопроса объ источникахъ хронографа. Между тѣмъ оказывается, что въ указанной рукописи Волоколамскаго монастыря (а нынѣ Московской Духовной Академіи, гдѣ она значится подъ № 230) мы должны признать списокъ, и при томъ, можетъ быть, современный, того сборника, которымъ воспользовался въ 1442-мъ году составитель хронографа. Доказательствомъ этого могутъ быть слѣдующія соображенія. Поповъ уже отмѣтилъ, что хронографъ дѣлалъ извлеченія изъ Зонары по той именно его редакціи, которая сохранилась въ разсматриваемомъ нами сборникѣ (издана Бодянскимъ); далѣе, изъ русскихъ списковъ житія Стефана Лазаревича—наиболѣе близокъ къ тому списку, который отразился въ хронографѣ, не изданный Поповымъ (Изборникъ, стр. 92 и сл.) списокъ Троицкой лавры 2-й половины XV вѣка, а именно списокъ, сохранившійся въ разсматриваемомъ сборникѣ: такъ въ немъ, согласно подлинному житію Степана Лазаревича и хронографу, читается въ 92-й главѣ о запусѣніи сербскаго царства послѣ смерти Стефана, что, какъ видно изъ изданія Попова, опущено въ Троицкомъ списокѣ. Истринъ доказалъ, что первоначальная редакція хронографа (т. е. та, къ которой восходятъ какъ редакція 1512 г., такъ и редакція, не раздѣленная на главы), значительно измѣнила текстъ Александріи, извлеченный изъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца: при этомъ источникомъ добавленій была сербская Александрія, только что появившаяся на Руси (Александрія русск. хроногр. стр. 261 и 287): въ разсматриваемомъ сборникѣ Московской Духовной Академіи передъ житіемъ Стефана Дечанскаго помѣщены выписки изъ сербской Александріи подъ заглавіемъ **Ѡ** александра (л. 230 об. и слѣд.);

---

1) Вѣроятно, Поповъ зналъ объ этой рукописи только по описанію ея, сдѣланному Бодянскимъ при его изданіи Паралипомена Зонарина.

съ увѣренностью можно предполагать, что именно въ этомъ списокѣ или вѣрнѣ въ протографѣ этого списка сербская Александрія стала извѣстна составителю хронографа. И такъ, мы можемъ теперъ признать доказаннымъ положеніе, что составитель хронографа былъ знакомъ съ протографомъ указаннаго сборника и извлекъ изъ него статьи, восходящія къ Паралипомену Зонары, житію Стефана Лазаревича, сербской Александріи, житію Стефана Дечанскаго и житію Иларіона Меглинскаго. Что рукопись Московской Духовной Академіи, по своему происхожденію, не очень отдалена отъ своего сербскаго протографа, видно изъ того, что нѣкоторыя части ея, напримѣръ вторая часть житія Стефана Лазаревича (съ л. 180 об.) и Александрія, писаны безъ всякихъ руссизмовъ: я вывожу отсюда, что въ изготовленіи на Руси указаннаго списка могли участвовать тѣ самые сербы, которые вывели этотъ сборникъ изъ своей родины. Сопоставляя этотъ выводъ съ тѣмъ, что основнымъ источникомъ хронографа былъ русскій памятникъ — 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца, я считаю вѣроятнымъ допустить, что составитель хронографа пользовался сербскимъ сборникомъ житій и другихъ перечисленныхъ выше статей уже послѣ перехода его въ Россію. Изъ другихъ источниковъ хронографа обращаютъ на себя вниманіе Житіе Саввы и Лѣтопись Манассія. Не могу судить о степени распространенности на Руси перваго изъ этихъ памятниковъ; что же касается второго, то онъ дошелъ въ нѣсколькихъ спискахъ, находящихся въ Россіи, при чемъ сербскій изводъ его отразился въ списокѣ XVI в. Новгородской Софійской бібліотеки № 1497, описанномъ въ 1-мъ выпускѣ Обзора Попова (стр. 217 и сл.; ср. о лѣтописи Манассіи стр. 224). Мнѣ кажется, что составитель хронографа пользовался протографомъ именно этого, дошедшаго до насъ списка: это доказываетъ близость текста обоихъ памятниковъ¹⁾. Кромѣ того, можно отмѣ-

1) Ср. въ соотв. съ Ник. IX, 10: и сна оубо доволне мною оплакася слово; Ник. IX, 28: ни тогова щенца; — Ник. IX, 26: оубояли оубо быша и ипѣни таковаго (ср. Никон. и Воскр. Новоіерус. исполни вм. исполни); — IX, 32: яко око

тить слѣдующее обстоятельство. Въ той же рукописи Новгородско-Соф. библ., гдѣ находится списокъ лѣтописи Манассія, помѣщенъ на л. 399 и сл. краткій лѣтописецъ (о немъ ничего не сказано въ описаніи этой рукописи у Попова), начинающійся отъ Адама и оканчивающійся слѣдующею фразой: «сынъ его киръ. калуянь по немъ нача царствовати в лѣто 6933 православень». Мы имѣемъ основаніе думать, что этимъ самымъ перечнемъ византийскихъ царствованій воспользовался составитель хронографа, согласовавшій его съ данными Еллинскаго лѣтописца. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая поправка; 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца говоритъ о царствованіи Алексѣя Комнина такъ: «алеѣе комнинъ лѣтъ 13 мѣсяць 4 и полъ православный». Въ хронографѣ редакціи 1512 года читаемъ: «По никифорѣ ватаниотѣ царствова алексей комнинъ лѣтъ 3. и мѣсяць седмъ православень»; въ хронографѣ, не раздѣленномъ на главы (и въ Никоновской лѣтописи): «лѣтъ 3. и мѣсяць 6 православень». Поправка 37 лѣтъ 4½ мѣсяцевъ на 7 лѣтъ и 6 (или 7) мѣсяцевъ сдѣлана, очевидно, на основаніи лѣтописца, подобнаго помѣщенному въ рукописи № 1497, гдѣ читаемъ: «алексие комнинъ лѣтъ 3 и мѣсяць 6 православень». Оставляю въ сторонѣ вопросъ, какъ могло получиться такое неточное указаніе числа лѣтъ царствованія Алексѣя Комнина.

И такъ, мы еще разъ имѣемъ возможность указать на то, что источники хронографа могли ко времени его составленія находиться въ Россіи въ русскихъ или сербскихъ спискахъ.

Предыдущее изслѣдованіе, установившее фактъ пользованія со стороны составителя хронографа: 1) Еллинскимъ лѣтописцемъ 2-й редакціи, т. е. памятникомъ, составленнымъ въ Россіи, 2) протографомъ рукописи Московской Духовной Академіи № 230, т. е. сборникомъ, извѣстнымъ съ XV в. въ Россіи, и наконецъ

ис тѣла и отрѣзалисть;—IX, 25: Оока магнистъ;—IX, 86: на какую высоту вьзаетъ;—IX, 87: и дѣтемъ вм. ибо тѣмъ (ср. Никон. списокъ II, а также Новоіерусал. и Погод. 1404); и др.

3) протографомъ списка Новгородско-Соф. библ. № 1497, т. е. находившимся уже въ Россіи спискомъ лѣтописи Манассіи,—доказываетъ необходимость слѣдующаго вывода: хронографъ составленъ (въ 1442 г.) въ Россіи.

IV.

Перехожу къ наиболѣе интересному вопросу, вопросу о личности составителя хронографа. Наше вниманіе должно прежде всего остановиться на томъ обстоятельстве, что составитель хронографа уже въ первой половинѣ XV вѣка могъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ только что проникшихъ въ Россію сербскихъ памятниковъ: сюда относятся сербская Александрія и въ особенности житіе Стефана Лазаревича, составленное въ 1431 году; далѣе, въ виду предшествующаго изслѣдованія, надо заключить, что въ распоряженіи составителя хронографа находились не только сербскіе памятники (каковы житіе Саввы или сербская редакція лѣтописи Манассіи), но даже обширные сборники сербскаго происхожденія (каковъ протографъ рукописи Моск. Дух. Ак. № 230). Это обстоятельство слѣдуетъ прежде всего сопоставить съ тѣмъ, что сербское или вообще юго-славянское вліяніе сказалось и на тѣхъ статьяхъ, русское происхожденіе которыхъ несомнѣнно.

Я не касался въ предшествующемъ изслѣдованіи тѣхъ русскихъ лѣтописныхъ статей и извѣстій, которыя, какъ мы видѣли, во всякомъ случаѣ восходятъ къ основной для извѣстныхъ намъ редакцій хронографа. Разсматривая эти части хронографа, видимъ въ нихъ указаніе на не русскаго редактора, а именно на южнаго славянина: это должно быть сопоставлено съ пользованіемъ со стороны составителя первоначальной редакціи хронографа юго-славянскими источниками, а отсюда съ неизбежностью слѣдуетъ, что часть, и при томъ, вѣроятно, бѣльшая часть, русскихъ извѣстій основной для хронографа 1512 г. и для хронографа, не раздѣленнаго на главы, редакціи восходитъ къ первоначальной редакціи хронографа. И такъ, въ изложеніи рус-

скихъ событій первоначальной редакціи хронографа сказанъ юж-ный славянинъ. Это видно, во-первыхъ, изъ отдѣльныхъ словъ, свидѣтельствующихъ о не русскомъ происхожденіи редактора: такъ русское Корсунъ замѣнено черезъ Херсонъ (ред. 1512 г.) или Херсунъ (Русск. Вр. I, 4); имена Святославъ и Святополкъ переданы черезъ Цвѣтославъ и Цвѣтополкъ, напр. подъ 6475, 6523, 6527, 6576, 6586, 6581 и др. гг.; извѣстіе 1407 года, читаемое въ Новгородской 4-й лѣтописи (IV, 110): «Литва взяли Одоевъ, а Москвичи быша подъ Вязмою, и смиришася», во всѣхъ спискахъ хронографа редакціи 1512 года передано слѣдующимъ образомъ: «а Витовтъ взялъ Одоевъ, а Москвичъ (или Москвичи) били подъ Вязмою» (ср. Изборникъ, стр. 70), гдѣ били вм. были объясняется какъ сербизмъ. Во-вторыхъ, то же слѣдуетъ изъ состава нѣкоторыхъ статей хронографа. Повѣсть объ убіеніи Батыя (ср. ред. 1512 г., Изборникъ, стр. 44 и Русск. Вр. I, 165) является необходимою частью того обширнаго сказанія о нашествіи татаръ, которое помѣщено въ первоначальной редакціи хронографа (Нач. Хошу рещи, о друзи и братія, повѣсть, яко не точію человекъ и т. д.): связь этой повѣсти съ хронографомъ несомнѣнна еще кромѣ того потому, что въ ней: 1) встрѣчается извѣстіе, заимствованное изъ Житія Саввы, одного изъ источниковъ первоначальной редакціи хронографа, а именно извѣстіе о крещеніи венгерскаго короля Власлова отъ св. Саввы¹⁾, 2) въ полной редакціи этой повѣсти (ср. подстрочное примѣчаніе) читается выдержка изъ статьи хронографа о крещеніи Угровъ, заимствованная, какъ извѣстно, изъ Сказанія о латынехъ, попавшаго въ хронографъ черезъ 2-ю редакцію Еллинскаго лѣтописца: а именно, здѣсь читается, что Угры были сначала крещены въ православіе, а потомъ совращены римлянами въ свою ересь. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что авто-

---

1) Въ полной редакціи этой повѣсти, помѣщенной въ видѣ приложенія къ Мученію Михаила и Теодора черниговскихъ, согласно съ Житіемъ Саввы, говорится, что этотъ святой лишь обратилъ его отъ римской ереси къ непорочной и христіанской вѣрѣ греческой.

ромъ этой повѣсти былъ южный славянинъ: 1) общее содержаніе ея повторяетъ, очевидно, южно-славянское народное преданіе объ отраженіи татаръ венгерскимъ королемъ Владиславомъ, при чемъ оно приурочено къ извѣстію русскихъ лѣтописей о нашествіи Батгя на Венгрію и о послѣдовавшемъ тамъ его пораженіи, 2) имена Власлова, Варандина (Вараждина) врядъ ли могли быть извѣстны русскому повѣствователю, 3) въ этой повѣсти встрѣчаются указанія на знакомство автора съ топографіей Вараждина, обведеннаго водами и изобилующаго виноградниками; о мѣдномъ изображеніи Владислава верхомъ на конѣ и съ сѣкирою въ рукѣ сказано (въ полной редакціи повѣсти), что оно водружено на столпѣ «на видѣніе и память роду и до сего дне»; 4) наконецъ, языкъ повѣсти обличаетъ южнаго славянина: ср. слово планина въ фразѣ: Батыеви же бѣжащу ко угорскимъ планинамъ (сербск. планина: гора, покрытая лѣсомъ).

И такъ, мы получаемъ ясныя указанія на то, что русскія статьи и извѣстія внесены въ хронографъ и редактированы южнымъ славяниномъ. Но принимая во вниманіе предыдущій нашъ выводъ о томъ, что хронографъ составленъ въ Россіи, имѣя въ виду также и то, что выводъ этотъ подтверждается обстоятельствомъ внесенія въ хронографъ статей и извѣстій изъ русскихъ лѣтописей, мы не можемъ сдѣлать иного заключенія, какъ только того, что этотъ южный славянинъ работалъ надъ хронографомъ въ Россіи. Мы видѣли, что большая часть не русскихъ источниковъ хронографа — сербскаго происхожденія, видѣли также въ нѣкоторыхъ отрывкахъ хронографа явные сербизмы; заключаемъ отсюда, что составителемъ его былъ именно сербъ, жившій въ Россіи. Подтверженіе такому заключенію ищемъ и находимъ въ языкѣ хронографа: кромѣ сербизмовъ, приведенныхъ выше и въ обиліи встрѣчающихся на всемъ протяженіи хронографа по спискамъ редакціи 1512 года¹⁾, внима-

1) Ср. въ Новоіерусал. сп.: путь вм. плоть въ житіи Иларіона Меглинскаго (аще путь божество нарицаете, Изборникъ, стр. 18); въ Погод. 1404а: подобаетъ же мало мы (вм. ми) великаа того объявити: въ Никон. ошибочно малыми

ніе наше останавливаютъ нѣкоторые случаи, которые можно назвать антисербизмами, а именно неправильную, вызванную ложною аналогіей замѣну того или другого сербскаго звука русскимъ. Такъ напр. русскому ол соответствуетъ въ живомъ сербскомъ произношеніи у (волкъ — вук, полнъ — пун); этимъ объясняется появленіе въ хронографѣ ол вм. у и тамъ, гдѣ сербскому у соответствуетъ въ русскомъ языкѣ у. Такъ форма молчаше, читаемая въ спискѣ Погод. № 1404 а (списокъ безъ всякаго сомнѣнія русскій) вм. мочаше, восходитъ, думаю, къ первоначальной редакціи хронографа (и братью молчаше соущую в монастырѣ, изъ житія Стефана Дечанскаго, ср. Изборникъ, стр. 52 и Никон. X, 201): это объясняетъ намъ, почему Новоіерусал. списокъ опустилъ совсѣмъ это слово (и братью сущую въ монастырѣ), какъ непонятное. Равнымъ образомъ, въ соответствіи съ благообыченъ лѣтописи Манассія, прочтенномъ какъ благообученъ (ср. такое чтеніе въ Погод. 1404 а, въ Никон. IX, 31), въ первоначальной редакціи хронографа стояло, повидному, благоболченъ, какъ мы читаемъ въ Новоіерусал. спискѣ (Цимискій же имый разумъ благоболченъ). Появленіе антисербизма, какъ молчаше вм. мучаше, можетъ быть обязано только сербу и притомъ сербу, или списывавшему русскій подлинникъ или писавшему въ Россіи: читая ол русскихъ книгъ какъ у, онъ, не справляясь съ дѣйствительнымъ русскимъ произношеніемъ, могъ писать ол и тамъ, гдѣ русскіе произносили у.

Кто же могъ быть этотъ сербъ, въ 1442 году составившій въ Россіи хронографъ? Думаю, что на этотъ вопросъ можетъ быть данъ вполне определенный отвѣтъ: это былъ извѣстный Пахомій. Отвѣтъ этотъ подсказывается главнымъ образомъ всею же повѣстью о Батыѣ, которая такъ ясно указываетъ, что редакторомъ хронографа былъ сербъ. Мы видѣли, въ какой тѣсной связи она находится съ другими статьями хронографа, ви-

---

(IX, 31), а въ Новоіерусал. малому. Никон.: увезается (IX, 27), щенется (IX, 25), вин. мн. холми (IX, 82), тв. мн. дожды (IX, 88), Новоіерусал.: привезавшися, говедаре и др.

дѣли также, что она вполнѣ у мѣста въ сказаніи о нашествіи татаръ: нѣтъ сомнѣнія, что она составлена именно для хронографа. Между тѣмъ мы ее встрѣчаемъ въ видѣ приложения къ сказанію о Михайлѣ и Феодорѣ черниговскихъ въ той именно редакціи этого сказанія, которая принадлежитъ Пахомію сербину (ср. въ сп. Унд. XVI в., № 565 надпись: «твореніе ермонаха Пахомія Св. Горы»). Вотъ что говоритъ о происхожденіи этой повѣсти Ключевскій (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 147): «Къ сказанію о кн. Михайлѣ Пахомій приложилъ повѣсть «о убіеніи злочестиваго царя Батыя» въ Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древнерусскую письменность». Допустивъ, что авторомъ повѣсти объ убіеніи Батыя былъ Пахомій¹⁾, мы должны заключить, что все сказаніе о нашествіи татаръ, внесенное въ хронографъ, составлено имъ же: но составитель этого сказанія былъ несомнѣнно составителемъ и всего хронографа, что легко вывести изъ того вліянія нѣкоторыхъ хронографическихъ статей, которое на немъ отразилось; въ предпосланномъ сказанію плачѣ о гибели русской земли находимъ напр. слѣдующую фразу: «и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишася» (Русск. Вр., I, 110; Изборникъ, стр. 59); ср. въ 201-й главѣ хронографа редакціи 1512 г., въ отрывкѣ, заимствованномъ изъ Предисловія инокъ Исаіи къ твореніямъ Діонисія Ареопагита: «и сердца храбрая доблественныхъ мужей въ женъ слабѣйшая преложишася» (Изборникъ, стр. 55); слова «и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачь, и глаголати: горе и увы!» напоминаютъ читаемую въ томъ же отрывкѣ фразу: «увы, умиленъ плачь и позоръ бѣ видѣти, оста земля всѣхъ добрыхъ пуста». И такъ, перу Пахомія, которому обязана появленіемъ повѣсть объ убіеніи

---

1) Съ этимъ согласенъ и М. Халанскій. См. его Великорусскія былины кievскаго цикла, гдѣ разбору повѣсти о убіеніи злочестиваго царя Батыя посвящена глава XI.

что онъ не говоритъ въ немъ ни о преподобномъ Сергіи, котораго былъ агіографомъ, ни о Троицкой обители, въ которой имѣлъ пребываніе. Правда, въ редакціи 1512 года даже не упомянуто о кончинѣ преп. Сергія, но это нисколько не доказываетъ, чтобы объ этомъ событіи не говорилось въ первоначальной редакціи хронографа. Имѣя же въ виду, что Русскій Временникъ (I, 326) подъ 1392 годомъ помѣщаетъ житіе преп. Сергія, я склоненъ думать, что оно читалось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Можетъ быть, Пахомій внесъ въ хронографъ первую, древнѣйшую свою передѣлку Сергіева житія, которая такимъ образомъ относится къ 1442 году: это согласуется съ выводомъ Ключевского, относящаго первое сокращеніе Епифаніева труда, сдѣланное Пахоміемъ, ко времени 1438—1443 г.¹⁾, при чемъ нельзя не признать доводовъ почтеннаго ученаго весьма убѣдительными; дѣйствительно, отсутствіе въ спискахъ перваго пересмотра разсказа о чудѣ съ пресвитеромъ Симеономъ, записанномъ въ Троицкомъ монастырѣ съ его словъ и случившемся въ 1441—1443 г., ясно указываетъ, что къ этому времени первый пересмотръ житія былъ уже оконченъ. Впрочемъ, мнѣ не удалось съ точностью установить отношенія лѣтописныхъ редакцій и редакціи Русскаго Временника Житія Сергіева къ такъ называемому первому пересмотру его, принадлежащему Пахомію и извѣстному мнѣ по списку Троицкой Лавры № 746.

И такъ, я считаю доказаннымъ, что первоначальная редакція хронографа составлена въ 1442 году въ Россіи Пахоміемъ сербляномъ. Прежде чѣмъ перейти къ краткому очерку дальнѣйшей литературной исторіи хронографа, остановлюсь на вопросѣ о томъ, какими русскими лѣтописными источниками могъ воспользоваться для своего хронографа Пахомій.

1) Ключевскій ошибочно подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкой на Троицк. рук. № 746; эта рукопись представляетъ изъ себя нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ рукописей; въ одной изъ нихъ находится приписка, упоминающая объ игуменѣ Зиновіи († 1443), а въ другой древнѣйшій списокъ Пахоміевой редакціи перваго пересмотра: слѣдовательно, указанная приписка ничего не доказываетъ относительно времени составленія Пахоміева труда.

V.

Имѣя въ виду общій характеръ Пахоміева труда, который стремился дать въ сжатомъ очеркѣ то, что въ пространномъ видѣ находилъ въ своихъ источникахъ (въ особенности любопытно мастерское сокращеніе сербскихъ житій), надо думать, что Пахомій не гонялся за многочисленными источниками при изложеніи русскихъ событій, а ограничился однимъ или двумя лѣтописными сборниками, изъ которыхъ и сдѣланы соотвѣтственныя извлеченія. Думаю, что на основаніи изученія русскихъ статей хронографа можно придти къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ о составѣ и характерѣ одного изъ этихъ источниковъ. Во-первыхъ, отмѣчу, что онъ во всякомъ случаѣ оканчивался до 1442 года: слѣдовательно, часть русскихъ событій, находящихся напр. въ редакціи 1512 года, и между прочимъ во всякомъ случаѣ событія послѣ 1442 года — вставлены въ хронографъ уже позднѣйшимъ редакторомъ. Во-вторыхъ, замѣчу, что составъ и характеръ Пахоміева источника легче выяснитъ по начальнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, чѣмъ по извѣстіямъ позднѣйшимъ, такъ какъ съ одной стороны не извѣстна граница этихъ позднѣйшихъ событій, а съ другой — преимущественно на нихъ должна была лечь рука позднѣйшаго редактора. Сопоставляя хронографическія данныя XI—XIV вѣка съ извѣстными намъ лѣтописями, приходимъ къ заключенію объ особенной близости этихъ данныхъ, какъ къ Новгородской сокращенной лѣтописи, издашней кн. Оболенскимъ¹⁾, и восходящей къ одному общему оригиналу съ лѣтописью, содержащеюся въ рук. Синод. библ. № 154, съ лѣтописью Аврамки, съ Новгородскою 4-ю лѣтописью, съ лѣтописью Даниловича, съ Тверскою лѣтописью и съ Суздальскою лѣтописью по Академическому списку. Всѣ указанныя лѣтописи имѣютъ между собою то общее, что одинаковыми словами передаютъ многія извѣстія, читающіяся пространно въ древнихъ

---

1) Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи. М. 1836.

лѣтописныхъ сборникахъ, въ сокращенномъ видѣ. Такъ напр., одинаково изложено въ названныхъ лѣтописяхъ извѣстіе 6836 (1328) года: «сѣде на великое княженіе князь великій Иванъ Даниловичъ и бысть по всей земли тишина велика»; или подь 1393 въ хронографѣ и Новг. 4-й одинаково читаемъ: «ходилъ въ другій рядъ князь Василей въ орду къ царю, и онъ ему далъ Новгородское княженіе Нижняго Новагорода, Муромъ, Мещеру, Торусу». Систематическое сравненіе хронографа съ Новгородской 4-й лѣтописью показываетъ, что приблизительно до второго десятилѣтія XV вѣка оба памятника пользовались однимъ общимъ источникомъ. Еще большая близость оказывается между хронографомъ и лѣтописями Аврамки, Супрасл. и Синод. № 154: даже начало ихъ, гдѣ говорится о расселеніи славянъ, общее, при чемъ первоначальный источникъ лучше сохранился въ хронографѣ, чѣмъ въ этихъ лѣтописяхъ, что видно хотя бы изъ того, что фраза: «бысть языкъ словенскыи отъ племене Афетова» не ясна въ нихъ безъ предшествующаго разсказа (сохраненнаго въ хронографѣ) о столпотвореніи и разсѣяніи языковъ. Особенно сближается хронографъ съ указанными лѣтописями двумя общими хронологическими ошибками: смерть Ярослава Изяславича, случившаяся въ 6594—6595 гг., ошибочно отнесена въ нихъ къ 6600-му году, и вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ въ нихъ (въ хронографѣ съ ошибочнымъ указаніемъ 6607 г.) приведено извѣстіе объ освященіи Печерской церкви св. Богородицы, имѣвшемъ мѣсто въ 6597 году. Смерть Святополка Изяславича въ хронографѣ отнесена къ 6620 г. (вм. 6622), ср. въ Супр. 6620 г. (с̄. х̄. к̄. е, вм. чего въ лѣт. Аврамки 6625). Принимая во вниманіе, что протографъ Синод. № 154, лѣтописи Аврамки и Супр. представлялъ изъ себя соединеніе Новгородской 4-й лѣтописи съ другою, краткою лѣтописью, не новгородскаго происхожденія, что та же лѣтопись послужила нѣкогда источникомъ Новгородской 4-й лѣтописи въ одной изъ древнѣйшихъ редакцій, которую я отношу къ 1421 году, что изученіе не новгородскихъ извѣстій этой Новгородской лѣтописи, особенно въ части отъ 1384 года,

доказываетъ ихъ ростовское происхождение¹⁾, я заключаю, что общимъ источникомъ Новгородской 4-й, лѣтописи Аврамки и сходныхъ съ нею лѣтописей, а также Пахоміева хронографа была ростовская лѣтопись. Эта же лѣтопись лежитъ въ основаніи послѣдней части (начиная съ середины XIII в.) лѣтописнаго сборника, содержащагося въ спискѣ Московской Духовной Академіи, при чемъ послѣдній показываетъ, что она оканчивалась 1419 годомъ (ср. Лѣтопись по Академическому списку въ изданіи Археогр. ком.). Указанное обстоятельство вполне согласуется съ тѣмъ, что этой лѣтописью воспользовалась съ одной стороны Новгородская IV лѣтопись въ редакціи 1421 года, а съ другой Хронографъ 1442 года. Не ясно, слѣдуетъ ли возводить всѣ извѣстія ранѣе 1419 г. въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ хронографа къ указанному источнику Пахоміева хронографа—ростовской лѣтописи, или нѣкоторыя изъ нихъ вставлены позднѣйшимъ редакторомъ, составителемъ редакціи, основной для хронографовъ 1512 года и не раздѣленнаго на главы. Относительно извѣстія 1415 года о чудесахъ при гробѣ Петра чудотворца можно съ увѣренностью сказать, что оно попало въ хронографъ не изъ ростовской лѣтописи, а изъ того источника, которымъ позднѣйшій редакторъ дополнилъ его русскія извѣстія: дѣйствительно, это извѣстіе по происхожденію своему новгородское, при томъ, какъ это видно изъ Новгородской I-й и Новгородской IV-й лѣтописей, 9-го марта случилось не исцѣленіе человѣка съ сведенною ногой, а приѣздъ новгородскаго владыки Симеона въ сопровожденіи пословъ новгородскихъ²⁾. Напротивъ, при извѣстіи 1402 года

1) Ср. подъ 1396 г. роспись ростовскихъ владыкъ, доходящая въ древнѣйшихъ редакціяхъ до Григорія (IV, 102), подъ 1408 извѣстіе о ростовскомъ пожарѣ и др.

2) И прихаша на Москву в лѣто 6924 марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ в понедѣльникъ, а в четвертокъ той недѣли 12 день, простиа Богъ въ церкви святѣй Богородици, у гроба Петра митрополита: у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ. Ср. въ Хронографѣ: Въ лѣто 6923 у гроба Петра чудотворца бысть чудо: у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ марта въ 9 (Изборникъ, 71).

находимъ указаніе на то, что оно (сообщеніе о небесномъ знаменіи — кометѣ) внесено именно собирателемъ хронографа, который призналъ явленіе кометы предзнаменованіемъ походовъ Баязита и Тимура, «яко же пространно явихъ въ царствѣ Греческаго царя Мануила о сихъ» (ср. Изборникъ, стр. 69). Сербизмъ били вм. были въ извѣстіи 1407 г. (а Москвичъ били подъ Вязмою) доказываетъ, что и оно находилось уже въ первоначальной редакціи хронографа. Нѣтъ сомнѣнія, что Пахомій въ своемъ изложеніи русскихъ событій могъ пойти нѣсколько дальше, чѣмъ то позволялъ его русскій источникъ: ему должно приписать извѣстіе о смерти Василя Дмитріевича 7 февраля 1425 года, какъ это ясно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Того же лѣта преставися и зять его благочестивый царь Греческый Мануилъ». Составитель хронографа ошибался относительно родственныхъ отношеній между Василюмъ Дмитріевичемъ и императоромъ Мануиломъ: послѣдній не былъ зятемъ Василя Дмитріевича, а его сватомъ, такъ какъ дочь Василя Дмитріевича — Анна была за мужемъ за его сыномъ Іоанномъ, а не за нимъ, какъ сообщаетъ хронографъ (ср. 203-ю главу ред. 1512 года, напр. по спискамъ Новоіерусал., Чудовск. и Щаповск., а также списки редакціи, не раздѣленной на главы)¹⁾. Эта ошибка весьма характерна и, какъ мнѣ кажется, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что составитель хронографа не былъ русскимъ, такъ какъ русскимъ, конечно, было извѣстно, что сестра великаго князя была за мужемъ за Калужномъ и померла бездѣтною въ 1417 году²⁾.

1) Потомъ же царь Мануилъ присла къ великому князю Василю Дмитріевичу на Москву послы своя прося у него за себе дщерь Анну ею же и отпусти ю со многою честію и сотвори бракъ любочестенъ и всенароденъ на многы дни царь Мануилъ въ Царствующемъ градѣ... Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди ото Анны царицы шесть сыновъ: Калужана, Андроника, Феодора, Константина, Дмитрія, Оуму.

2) Ср. Новгор. IV и др. подъ 1411 г.: И князь великій Василей Дмитріевич да свою дочеръ Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича.— Зосима іеродіаконъ, путешествовавшій въ 1420 г. по святымъ мѣстамъ, упоминаетъ о мѣстѣ погребенія Анны Васильевны.

Въ предшествующемъ изслѣдованіи мы указали на главнѣйшіе источники, лежащіе въ основаніи хронографа; въ виду пользования имъ русскими памятниками мы заключили о томъ, что онъ составленъ въ Россіи; въ виду хронологическихъ указаній, содержащихся въ самомъ хронографѣ, сдѣлали выводъ о томъ, что онъ составленъ въ 1442 году и, наконецъ, на основаніи совокупности различныхъ признаковъ признали составителемъ хронографа іеромонаха Пахомія сербина.

Дальнѣйшею задачей является опредѣлить условія, при которыхъ возникли дошедшія до насъ древнѣйшія редакціи хронографа, а также возстановить характеръ и составъ той редакціи, которая, являясь основною для дошедшихъ до насъ редакцій, связываетъ ихъ съ первоначальною, Пахоміевою редакціей хронографа.

VI.

На пути отъ первоначальной редакціи хронографа 1442 года къ редакціи 1512 г. и редакціи, лежащей въ основаніи Русскаго Временника, мы встрѣчаемся съ редакціею, которую смѣло можно отнести къ 1509 году. Сравнительное изученіе списка Царскаго съ прочими списками Софійской 1-й лѣтописи, принятыми во вниманіе издателемъ V тома П. С. Р. Л., показываетъ, что этотъ списокъ принадлежитъ къ одной группѣ со списками Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, отличающимися отъ прочихъ тѣмъ, что они содержатъ общій лѣтописный разсказъ, доведенный не до 1422 г. (какъ напр. списки Карамз. и Обол.), а до 1462 г., причемъ во всѣхъ трехъ спискахъ за лѣтописнымъ извѣстіемъ этого года слѣдуетъ описаніе Іоаннова похода на Новгородъ въ 1471 г. подъ заглавіемъ: «Словеса избранна отъ святыхъ писаній и т. д.» (ср. т. VI, стр. 1—15). Отъ прочихъ списковъ Царск., Бальзеровскій и Горюшкинскій отличаются между прочимъ тѣмъ, что въ поколѣнной росписи Мономаховичей, приведенной подъ 887 г. (V, стр. 90), названъ сынъ Ивана Васильевича Иванъ Ивановичъ (род. 1458 г.), котораго нѣтъ напр. въ Толстовскомъ спискѣ,

оканчивающемъ росписъ Андреемъ Васильевичемъ старшимъ (род. 1446 г.). Но сходясь съ Бальзеровскимъ и Горюшкинскимъ, представляя рядъ общихъ съ ними чтеній, списокъ Царскаго оказывается съ одной стороны болѣе позднимъ, чѣмъ они по составу статей, общихъ съ другими списками Софійской 1-й лѣтописи¹⁾, а съ другой онъ сравнительно съ ними дополненъ лѣтописнымъ рассказомъ, доведеннымъ до 1509 года. Кромѣ того, находимъ существенныя дополненія и въ текстѣ до 1462 года, при чемъ отступленія списка Царскаго отъ Бальзеровскаго и прочихъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи настолько значительны, что, начиная съ 1383 года, издателю V тома пришлось печатать текстъ этого списка въ особенномъ столбцѣ. И такъ, списокъ Царскаго, въ основаніи своемъ представляющій текстъ протографа—общаго оригинала списковъ Бальзеровскаго и Горюшкинскаго Софійской 1-й лѣтописи, дополненъ и продолженъ на основаніи другихъ или другого источника. Останавливаясь на вопросѣ о единственности или множественности дополнительныхъ источниковъ, мы замѣчаемъ, что между дополненіями древнѣйшихъ частей и частей отъ 1383 до 1462 и сл. годовъ есть общая связь, данная тѣмъ, что всѣ эти дополненія восходятъ къ хронографу. Отсюда выводимъ, что единственнымъ источникомъ дополненій для списка Царскаго былъ хронографъ. Но сначала докажу первое положеніе, т. е. что источникомъ дополненій какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ лѣтописныхъ статей былъ дѣйствительно хронографъ.

Подъ 1024 г. изъ всѣхъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи только въ списокъ Царскаго читаемъ: того же лѣта родися Ярославъ вторый сынъ Изяславъ, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.²⁾ и Русскомъ Временникѣ. Подъ 6600 (1092), согласно съ хро-

---

1) Такъ напр. росписъ Мономаховичей подъ 887 годомъ приводитъ здѣсь всѣхъ сыновей Ивана Васильевича (а Василія Ивановича называетъ даже великимъ княземъ), между тѣмъ въ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ она оканчивается на Иванѣ Ивановичѣ.

2) Того же лѣта родися Ярославу сынъ Изяславъ (Изборникъ, стр. 11).

нографомъ, читаемъ: того же лѣта убьенъ бысть Ярополкъ Изяславичъ (V, 149, прим. о)¹⁾. Подъ 6607 ошибочно, какъ и въ хронографѣ²⁾: того же лѣта священа бысть церкви Успеніе святыя Богородици Печерская Іоанномъ митрополитомъ, при великомъ князѣ Всеволодѣ Ярославичѣ. Подъ 6755 (1247) на полѣ и также въ текстѣ подъ слѣдующимъ годомъ, гдѣ, впрочемъ, это добавленіе помарано (V, стр. 186, прим. и), читаемъ: въ лѣто 6755 сѣде въ Володимери на столѣ по Ярославѣ братъ его Святославъ, и сидѣ лѣто едино, и прогна и князь Михайло Ярославичъ, ср. то же въ Хронографѣ 1512 г.³⁾ и въ Русскомъ Временникѣ (I, 165). Подъ 6840 (1332): Того же лѣта гладъ бысть по всей земли великъ; ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (гладъ бысть по всей земли великъ зѣло, Изборникъ, стр. 53). Въ соотвѣтствіи съ извѣстіемъ 6893 (1385) г. Бальзеровскаго и Горюшкинскаго списковъ: «Пуминъ митрополитъ поиде въ Царьградъ», мы читаемъ въ списокѣ Царскаго: «Князь Василей Дмитреевичъ ходи къ ордѣ; и Пиминъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новгородъ и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгородѣ. Того же лѣта поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ», ср. то же въ Хронографѣ 1512 г. (въ лѣто 6893 князь Василей Дмитриевичъ поиде ко ордѣ, а Пименъ митрополитъ поиде къ Царюграду на Новѣградъ, и Новгородцы не дали ему мѣсяца судити, ср. Изборникъ, стр. 60, и Новоіерусал. сп.). Всему отрывку 6898 (1390) г. отъ словъ: «Того же лѣта били челомъ» и до «поа княжну Софію» (V, 244) соотвѣтствуетъ тожественный текстъ въ Хронографѣ 1512 г. (Изборникъ, стр. 61). Тоже относится къ отрывку подъ 6904 (1396) г. отъ словъ: «Киприанъ митрополитъ постави» и до словъ: «ниже Казани 60 верстъ» (V, 249-250), ср. Хронографъ 1512 г. (Изборникъ, стр. 68). Подъ 1407 г. находимъ тотъ же сербизмъ, какъ въ Хронографѣ

1) Ср. сказанное выше на стр. 83 объ этомъ событіи.

2) Ср. выше, стр. 83.

3) По Ярославѣ сѣде на великомъ княженіи братъ его Святославъ и пребысть едино лѣто и согна его князь Михайло Ярославичъ.

1512 г., на который мы указывали уже выше: «Того же лѣта князь великій Василей Дмитреевичъ воевася съ Литвою, а Витовтъ взя Одоевъ, а Москвичи били подъ Вязмою; и смирися Витовтъ съ великимъ княземъ съ Московскимъ» (V, 256; Изборникъ, стр. 70). Такое же тожество текстовъ замѣчается напр. подъ 1436, 1438, 1439, 1440, 1449 и др. гг. Вообще, начиная съ XV вѣка близость списка Царскаго къ Хронографу 1512 года становится еще значительнѣе, такъ что исключаетъ всякое сомнѣнiе въ ближайшей между ними связи. Эту связь можно понять только такъ, что составитель списка Царскаго пользовался хронографомъ, а не обратно, какъ ясно: 1) изъ того, что напр. подъ 1407 годомъ встрѣтился сербизмъ били вм. были, понятный въ хронографѣ, но совершенно неумѣстный въ списокѣ Царскаго, 2) изъ того, что въ хронографѣ и списокѣ Царскаго находятся общія ошибки, восходящія къ определенной мною выше ростовской лѣтописи (источникъ Новгородской IV, Лѣтописи Аврамки, Супр. и др.), непосредственное влiянiе которой на списокъ Царскаго доказать нельзя: ср. ошибочный 6600 годъ, какъ годъ смерти Ярополка Изяславича и 6607-й (вм. 6600 ростовской лѣтописи), какъ годъ освященiя Печерской церкви; 3) хронографъ не могъ пользоваться спискомъ Царскаго и потому, что многихъ его извѣстiй нѣтъ въ этомъ списокѣ, а другiя изложены въ хронографѣ полнѣе и въ болѣе первоначальной редакци, чѣмъ въ списокѣ Царскаго; такъ, напримѣръ, въ списокѣ Царскаго опущены послѣ описанiя мора 6935 (1427) г., слѣдующiя слова, находящiяся, напримѣръ, въ Новоіерусал. сп. Хронографа 1512 г.: «и после того мира какъ после потопа только лѣтъ люди не почали жити». Въ списокѣ Царскаго сохранились ясныя слѣды, что именно его составитель, а не составитель протографа его пользовался хронографомъ, какъ дополнительнымъ источникомъ. Такъ напр. подъ 6953 (1445) г. въ списокѣ Царскаго зачеркнуты нѣкоторыя извѣстiя, общія съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ спискомъ и не находящiяся въ хронографѣ (V, 267, прим. а), а въ концѣ года прибавлено три извѣ-

стія, изъ которыхъ два почти тождественны съ извѣстіями этого года въ Хронографѣ 1512 г. Далѣе, многія заимствованія изъ хронографа внесены въ текстъ списка Царскаго, но другія оказываются на поляхъ и при томъ написаны другою рукою; ср. подъ 6922 (1414) г. слова тождественныя съ хронографомъ (**Изборникъ**, стр. 70—71): «того же лѣта фотѣй митрополить поиде къ царюграду и доиде литвы. и витовтъ его не пустиль, а его обомалъ; възвратися фотѣй на москву ограбленъ»; они въ спискѣ Царскаго вынесены на поле другою рукою (V, 259, прим. в); подъ 6953 (1445) слова «да съ егупомъ» (ср. **Изборникъ**, стр. 82: съ братомъ своимъ съ Ягупомъ) прибавлены въ спискѣ Царскаго на полѣ (V, 268, прим. а); приведенная выше статья 6755 (1247) г. также приписана въ спискѣ Царскаго на полѣ и т. д. Подъ 6913 (1405) въ спискѣ Царскаго записано извѣстіе о знаменіи, случившемся въ Москвѣ въ домѣ Тютрюмова (V, 253, прим. с): этого извѣстія нѣтъ въ Хронографѣ редакціи 1512 г., но чтò оно могло быть въ первоначальной и въ другихъ редакціяхъ хронографа, видно какъ изъ того, что оно есть въ Русскомъ Временникѣ (I, 264), такъ и изъ того, что, согласно свидѣтельству Новгор. IV лѣтописи и Литовской лѣтописи Даниловича (ср. также по списку, изд. Бѣлокуровымъ), извѣстіе это восходитъ къ ростовской лѣтописи. И такъ, составитель списка Царскаго дополнялъ свой оригиналъ — Софійскую 1-ю лѣтопись на основаніи Хронографа. Въ виду этого заключенія болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно изъ Хронографа попалъ въ этотъ списокъ весь лѣтописный рассказъ, не находящійся въ спискахъ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ и между прочимъ рассказъ о событіяхъ XV вѣка. Принявъ во вниманіе, что рассказъ этотъ доходитъ до 1509 сентябрьскаго года, при чемъ послѣднимъ оказывается событіе 26 ноября этого года, сообразивъ то, что упоминаніе о смерти Димитрія Ивасовича, внука Ивана Васильевича, случившейся 14 февраля сентябрьскаго и январскаго 1509 года, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что о ней не упомянуто подъ 1508 г. при перечисленіи князей, похороненныхъ

въ Архангельскомъ соборѣ, я заключаю, что хронографъ, послужившій источникомъ списка Царскаго, составленъ въ концѣ 1508-го январскаго или началѣ 1509-го сентябрьскаго года ¹⁾).

Существованіе такой редакціи хронографа стоять въ тѣсной связи съ указаніемъ другого списка Софійской же 1-й лѣтописи на то, что до конца XV в. доходила другая, весьма сходная съ только что указанною редакціа.

Въ Новоіерусалимскомъ сборникѣ, гдѣ находится Софійская 2-я лѣтопись, изданная въ VI т. П. С. Р. Л., вслѣдъ за этой лѣтописью, безъ всякаго заглавія, слѣдуетъ другая, начинающаяся 1445 и оканчивающаяся 1538 годомъ: эта лѣтопись подъ названіемъ «Отрывокъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку» издана въ VI-мъ же томѣ указаннаго собранія (стр. 277—303). Разматривая эту лѣтопись, мы замѣчаемъ, что до 1491 (6999) г. она представляетъ почти непрерывный лѣтописный рассказъ (опущены только 6961, 6962, 6964-6968, 6973-6975, 6979 и 6980 гг.); вслѣдъ за послѣднимъ извѣстіемъ 6999 года, читаемъ извѣстіе 7006 г., послѣ котораго идутъ извѣстія 7022 и слѣд. годовъ. Я думаю, что всю эту лѣтопись можно раздѣлить на двѣ части — первую, которая идетъ до 6999-го года, и вторую, которая начинается 7006 годомъ. Въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ однимъ малоислѣдованнымъ памятникомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Архивскаго списка Воскресенской лѣтописи (ср. VII т. П. С. Р. Л., стр. VIII). Сравненіе его со списками Воскресенской лѣтописи показываетъ, что онъ сходенъ съ ними только до 6987 (1479) года включительно: послѣ сентябрьскаго и октябрьскаго извѣстія 6988 года, а именно, начиная со словъ: «Тое же осени по отъѣздѣ великаго князя в новъградъ», Архивскій списокъ сходствуетъ съ Новгородской IV лѣтописью по списку Хронографа и вмѣстѣ съ тѣмъ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку. Сходство съ послѣд-

---

1) Многое изъ сказаннаго здѣсь о составѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ мнѣ пришлось повторить въ рецензій на трудъ И. А. Тихомирова «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной».

нимъ такъ значительно, что и здѣсь, вслѣдъ за извѣстіемъ 6999 года, читаемъ то же извѣстіе 7006 года, какъ въ Отрывкѣ, при чемъ однако незаполненные въ Отрывкѣ года 7007-7021 оказываются заполненными, но за то дальнѣйшій текстъ 7022-7046 гг. вполне тождественъ въ обоихъ спискахъ (въ Архивскомъ затѣмъ описанъ еще одинъ годъ 7047-й, которымъ онъ и оканчивается). Соображая все это видимъ, что Архивскій списокъ возводится къ двумъ главнымъ источникамъ: первый (сходный, но, замѣчу здѣсь же, гораздо болѣе древній сравнит. съ Воскр. лѣтописью) источникъ обнималъ событія до 6988 (1480) г., а изъ второго взяты событія 6988-7047 гг. Этотъ второй источникъ, вмѣстѣ съ Отрывкомъ по Новоіерусал. списку, возводится къ одному общему оригиналу, о которомъ теперь, сопоставляя данныя Архивскаго списка и Отрывка, можно сказать между прочимъ слѣдующее: онъ представлялъ механическую спайку двухъ памятниковъ: первый изъ нихъ доходилъ до 6999 (1491) года, а изъ второго взято описаніе слѣдующихъ годовъ, при чемъ сводчикъ думалъ начать заимствованія изъ второго источника съ того самаго года, до котораго доведенъ первый источникъ, т. е. съ 7000 (1492) г.; но при этомъ онъ впалъ въ ошибку, прочтя указаніе подлинника: въ лѣто 3̄ е 5̄ декабря (т. е. 7006 г., декабря), какъ: въ лѣто 7000, 6 декабря. Этимъ и объясняется, почему онъ за событіями 6999 (1491) г. помѣстилъ декабрьскія событія 7006 (1498) года. Что это такъ, видно изъ Архивскаго списка, гдѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ 1491 г.¹⁾, читаемъ: «въ лѣто 3̄ въ 5̄ днѣ (вм. декабря) воспалился князь великій» и т. д.: слѣдовательно, Архивскій списокъ, согласно со своимъ подлинникомъ, приписалъ 7000-му году событіе 7006-го²⁾. Послѣ этихъ замѣчаній обращаюсь къ вопросу,

1) Того же лѣта придоша ис поля князя великого воеводы, князь Петръ Микитичъ да князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня Оболенскіе (ср. Новг. IV по сп. Хроногр., стр. 160).

2) А что это не описка въ Архивскомъ списокѣ, видно изъ того, что за этимъ слѣдуютъ 7001, 7002 и т. д. гг. съ ошибкою на 6 лѣтъ (такъ подъ 7001 описано событіе 1499 г.).

что представляла изъ себя первая часть оригинала Архивскаго списка и Отрывка, т. е. та часть, которая доходитъ до 6999 (1491) года? Отъ этой части, какъ замѣчено выше, въ Отрывкѣ сохранилось изложеніе событій 1445-1491 гг., а въ Архивскомъ спискѣ только 1480-1491 гг.: слѣдовательно, наиболѣе полно можно возстановить первую часть оригинала обѣихъ указанныхъ списковъ именно на протяженіи 1480-1491 г.; о 1445-1480 гг. можно судить только по одному списку, по Отрывку, и наконецъ для возстановленія 1-й части оригинала, въ предѣлахъ до 1445 г., мы не находимъ пока данныхъ. Рассматривая «Отрывокъ» по изданію Археогр. комиссіи въ части 1445 - 1491 г. видимъ, что сначала, а именно до 6970 (1462) года онъ сходствуетъ со списками Софійской 1-й лѣтописи, а начиная съ 6971 (1463) г., онъ почти тождественъ со спискомъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи: ясно, что въ «Отрывкѣ», а слѣдовательно, согласно предидущему уже въ его оригиналѣ, мы имѣемъ соединеніе двухъ какихъ-то источниковъ. Но и въ части до 6970 (1462) года видно уже присутствіе двухъ источниковъ, а именно «Отрывокъ» частью сходствуетъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ списками, напр. подъ 6953-6959, частью же со спискомъ Царскаго: такъ подъ 6960, 6969 и 6970-мъ гг. «Отрывокъ» сначала сходенъ съ Горюшкинскимъ и Бальзеровскимъ, а затѣмъ со спискомъ Царскаго. Отсюда, думаю, ясно, что въ основаніи оригинала отрывка лежить списокъ 1-й Софійской лѣтописи, дополненный изъ другого источника: этотъ другой источникъ на всемъ протяженіи Отрывка, и послѣ 1462 г., былъ все одинъ и тотъ же, какъ видно изъ того, что добавленія подъ 1452, 1461 и 1462 годами, сопоставленныя издателями VI тома со спискомъ Царскаго, подобно всей части 1463-1491, сходствуютъ съ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи¹⁾. Съ другой стороны, близость къ

1) И оказываются даже ближе къ этому списку, чѣмъ къ списку Царскаго: ср. слова «а всего того на оснадцать сохъ писменныхъ», подъ 1462 г.: ихъ нѣтъ въ сп. Царскаго (V, 274), но они есть въ Хрон. Новг. IV (IV, 148).

списку Царскаго не прекращается на 1462 годѣ: она идетъ и дальше (ср. хотя бы 1463 г., а также отмѣченные самими издателями 1468, 1469 и 1470 гг.; далѣе сходны, напр., 1481, 1486, 1487, 1489 и др.). И такъ, источникомъ добавленій оригинала «Отрывка» оказывается памятникъ, послужившій при составленіи какъ Хроногр. сп. Новгородской IV лѣтописи, такъ и списка Царскаго. Выше мы видѣли, что дополнительнымъ источникомъ списка Царскаго былъ Хронографъ въ редакціи 1508 года. Тотъ же Хронографъ но въ нѣсколько болѣе ранней редакціи послужилъ при составленіи Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи: списокъ этотъ, какъ извѣстно, обрывается на полуфразѣ въ лѣтописномъ разсказѣ 1496 г., но ничто не мѣшаетъ предположить, что его оригиналъ былъ доведенъ нѣсколько дальше, можетъ быть, даже до первыхъ годовъ XVI ст. Въ томъ, что текстъ Хроногр. сп. первоначальнѣе, древнѣе текста списка Царскаго, т. е. редакціи Хронографа 1508 г., убѣждаетъ насъ, какъ цѣлый рядъ добавленій, находящихся въ списокѣ Царскаго (напр. подъ 6984-6986, 6997, 6998, 7003 и др. гг.), такъ въ особенности нѣкоторыя сокращенія, перешедшія и въ позднѣйшіе лѣтописные своды, а слѣдовательно находившіяся не только въ списокѣ Царскаго, но и въ оригиналѣ его — Хронографѣ редакціи 1508 года: ср. напр. подъ 1481 г. фразу: «Тоеже зимы приде великая княгини Софія съ Бѣлаозера», фразу, замѣнившую длинный отрывокъ болѣе древней редакціи¹⁾ и повторенную, напримѣръ, въ Воскресенской лѣтописи (VIII, 213). Въ еще болѣе древней редакціи, а именно, въ редакціи, доведенной только до 1491 года, Хронографъ послужилъ источникомъ для дополненія оригинала «Отрывка». Что оригиналъ «Отрывка» дополненъ (въ основаніи его лежитъ Софійская 1-я лѣтопись) Хронографомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ виду почти тождественности этихъ дополненій съ текстомъ списка Царскаго и Хроногр. сп. Новгородской 4-й

1) Ср. Новг. 4-я (IV, 154): Тое же зимы приде великая княгини изъ бѣговъ Софія, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же, и по которымъ странамъ ходила и т. д.

лѣтописи. Что редакція Хронографа, служившая источникомъ такихъ дополненій, была древнѣе редакціи 1508 года, ясно изъ того, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ замѣчается тожество «Отрывка» съ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, въ противоположность списку Царскаго, между тѣмъ указанный списокъ Новгородской 4-й лѣтописи дополненъ по хронографу болѣе древней редакціи, чѣмъ редакція 1508 г., бывшая источникомъ дополненій списка Царскаго. Такъ событія 6984-6986 гг. въ Хроногр. сп. Новг. 4-й и въ «Отрывкѣ» изложены въ нѣсколькихъ строкахъ, а въ списокѣ Царскаго на цѣлой печатной страницѣ (V, 33). Наконецъ, что редакція Хронографа, по которому дополненъ оригиналъ «Отрывка», относится именно къ 1491 году, видно изъ предыдущихъ разсужденій, доказавшихъ, что, вслѣдъ за описаніемъ событій этого года, составителю оригинала «Отрывка» пришлось обратиться къ другому источнику. Но Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи, отразившій, какъ мы видѣли, болѣе позднюю, чѣмъ 1491 годъ, редакцію Хронографа, сохранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, что эта болѣе поздняя редакція (лежащая въ основаніи и редакціи 1508 г.) основана на редакціи 1491 года. Въ описаніи 1491-го года по Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи замѣчаемъ сначала хронологическую послѣдовательность: за сентябрьскими событіями описаны октябрьскія, ноябрьскія, затѣмъ январьскія, мартовскія, майскія, іюльскія и наконецъ августовскія (прібытіе Юрія Траханіота и Василя Куляшина 30 августа); вслѣдъ за тѣмъ приводятся два извѣстія безъ точнаго опредѣленія, къ какому мѣсяцу они относятся¹⁾. Послѣ этого записано іюньское извѣстіе о пожарѣ въ Угличѣ и затѣмъ уже занесенное выше извѣстіе о посылкѣ пословъ къ Волошскому воеводѣ, далѣе еще нѣкоторыя другія извѣстія и между ними о возвращеніи Юрія Траханіота и Василя Куляшина, о чемъ уже было сказано выше. Указанное расположеніе

---

1) Окончаніе Фроловской стрѣльницы и прібытіе воеводъ Петра и Ивана князей Рѣвня-Оболенскихъ (IV, 160).

извѣстій 1491 года не оставляетъ во мнѣ сомнѣній въ томъ, что одинъ изъ протографовъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи оканчивался передъ извѣстіемъ о пожарѣ въ Угличѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ оканчивалась, согласно показанію Архивскаго списка, первая часть общаго оригинала этого списка и «Отрывка». Позднѣйшій редакторъ, прибавившій описаніе слѣдующихъ за 1491-мъ годовъ, началъ съ того, что повторилъ въ концѣ 1491 года два извѣстія, уже изложенныя въ первоначальной редакціи, и нарушилъ хронологическую послѣдовательность событій этого года. — Все предидущее разсужденіе, сводящееся къ тому, что лѣтописный сборникъ 1538-1539 года (оригиналъ «Отрывка» и Архивск. сп.) сохранилъ ясныя слѣды существованія Хронографа редакціи 1491 года, становится еще болѣе убѣдительнымъ, если мы попытаемся объяснить связь «Отрывка» съ Софійскою 2-ю лѣтописью, связь, отъ которой зависѣло помѣщеніе «Отрывка» вслѣдъ за текстомъ этой лѣтописи въ сборникѣ Новоіерусалимскаго монастыря. Мы видѣли, что «Отрывокъ» начинается съ 1445 года: уже это наводитъ на мысль, что дѣйствительное начало той лѣтописи 1538-1539 г., откуда заимствованъ «Отрывокъ», опущенъ составителемъ Новоіерусалимскаго сборника потому, что оно оказывалось частью сходнымъ, а частью даже тождественнымъ съ только что переписанною имъ Софійскою 2-ю лѣтописью. Такъ, обѣ лѣтописи были во всякомъ случаѣ тождественны до 1392, что ясно изъ того, что въ этой древнѣйшей своей части Софійская 2-я лѣтопись представляетъ изъ себя списокъ Софійской 1-й лѣтописи. Но и за этимъ годомъ содержаніе обѣихъ лѣтописей довольно сходно съ тою лишь разницей, что текстъ Софійской 2-й лѣтописи гораздо полнѣе, распространеннѣе (ср. 1410, 1412, 1415, 1417, 1418, 1423 и др. гг.); мѣстами содержаніе Софійской 2-й лѣтописи въ части 1392-1444 оказывается тождественнымъ со спискомъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи: ср. въ особенности описаніе 1440-1444 гг. Въ этой близости Софійской 2-й лѣтописи къ началу лѣтописи 1538-1539 г. заключается,

очевидно, причина, почему составитель Новоіерусалимскаго сборника помѣстилъ изъ нея только ту часть, гдѣ онѣ наиболѣе между собою разнятся, а именно часть послѣ 1445 г. Мы имѣемъ доказательства того, что въ его распоряженіи была и первая часть этой лѣтописи, при чемъ онѣ произвелъ сравненіе ея съ уже переписаннымъ текстомъ Софійской 2-й лѣтописи: дѣйствительно, до насъ сохранились результаты этого сравненія, состоящія въ обширныхъ выпискахъ на поляхъ означеннаго текста. Въ этихъ выпискахъ¹⁾ можно различать три разные почерка: выписки, сдѣланныя одною изъ трехъ рукъ (круглый почеркъ; чернила свѣтлыя), восходятъ болѣею частью къ тексту, весьма сходному съ Хронографомъ, откуда я и заключаю, что онѣ сдѣланы изъ лѣтописи 1538—1539 г., представлявшей текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный изъ Хронографа. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что приписки, сдѣланныя круглымъ почеркомъ, частью представляютъ и чтенія изъ Софійской 1-й лѣтописи. Дѣло въ томъ, что составитель Софійской 2-й лѣтописи пользовался спискомъ Софійской 1-й лѣтописи не особенно исправнымъ, но при этомъ весьма близкимъ къ Толстовскому ея списку (ср. то обстоятельство, что въ обѣихъ лѣтописяхъ родословная Мономаховичей подъ 898 г. доведена лишь до Андрея старшаго Васильевича): свѣряя поэтому текстъ Софійской 2-й лѣтописи съ текстомъ Софійской 1-й лѣтописи, положеннымъ въ основаніе лѣтописи 1538—1539 г., составитель Новоіерусал. списка въ рядѣ случаевъ исправлялъ и дополнялъ текстъ, испорченный еще въ общемъ оригиналѣ Софійской 2-й лѣтописи и Толстовскаго списка: такъ, къ словамъ «давыда глаголюща», находящимся въ текстѣ (ср. V, 122), имѣется на полѣ приписка: «блаженъ мужъ милуян и дая Соломана же слыша глаголюща»; эти самыя слова, читающіяся во всѣхъ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, опущены въ Толстовскомъ спискѣ ея

1) Большая часть ихъ внесена Строевымъ въ подстрочныя примѣчанія къ его изданію Софійскаго Временника.

(V, 123, прим. а). Послѣ словъ «образу змиину», на полѣ читаемъ опущенное заглавіе: «убиение глѣбово» (V, 128): тотъ же пропускъ въ Толстовскомъ спискѣ. Послѣ словъ «остромиръ с новгородци на чюдь», на полѣ находимъ: «и убиша его чюдь. и много падоша с нимъ новгородцовъ. и наки изяславъ иде на чюдь» (V, 139): тѣ же слова опущены въ Толстовскомъ спискѣ. Другая часть приписокъ, сдѣланныхъ указанною рукою, восходитъ, какъ замѣчено выше, къ Хронографу. Сюда относится, напримеръ, приписка послѣ словъ: «Θеодосии печерскыя игумень преставися» (V, 147) — «мѣсяца мая въ 3 день и положенъ бысть в то пещере юже самъ созда»; ср. въ Хронографѣ редакціи 1512 г. и въ Русск. Вр.: «въ лѣто 6582 преставися преподобный Θеодосій Печерскій, и положенъ бысть въ той же пещерѣ, юже самъ созда». Согласно съ хронографомъ (ред. 1512 г., Русск. Вр., сп. Царскаго), освященіе Печерской церкви ошибочно относится и здѣсь къ 6607 (1099) г.: ср. приписку послѣ словъ «благовѣщение на городище» (V, 154): «того же лѣта священна бысть црквь успения святыя богородица печерскыя иваномъ митрополитомъ при великомъ князе всеволоде ярославиче». Подъ 1249 г. находимъ на полѣ слѣдующія слова: «преставися князь великий ярославъ всеволодичъ в орде. По немъ сяде братъ его святославъ. И сидевъ лѣто едино и прогна и князь михаило ерославичъ»; этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи, но въ спискѣ Царскаго, кромѣ первой фразы, то же читается на полѣ (V, 186, прим. в), куда эти слова, какъ и въ лѣтопись 1538 - 1539 г., попали изъ Хронографа (Изборникъ, стр. 44). Подъ 6771 г., послѣ слова «отай» (V, 191), читается на полѣ: «того же лѣта великий александръ ярославъ (опущ. преставися) в чернцехъ и в скиме и положенъ бысть в володимере у рожества святыя богородица», ср. Хронографъ редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 45). Подъ 6817 на полѣ, въ видѣ приписки, находимъ: «петръ митрополитъ прииде на русь. того же лѣта казнь была отъ бога на люди моръ на кони. и мыши поѣли жита. и бысть гладъ велій»; ср. тѣ же слова подъ 6815 въ хронографѣ редак-

ціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46): этого извѣстія нѣтъ въ Софійской 1-й лѣтописи (V, 205). Подъ 6831 г., послѣ словъ «на орѣховомъ островѣ» (V, 216), въ видѣ приписки, помѣщены извѣстія, тождественныя съ извѣстіями того же года Хронографа редакціи 1512 г. (Изборникъ, стр. 46) о закладкѣ церкви Успенія св. Богородицы въ Москвѣ и о кончинѣ митрополита Петра. Подъ 6841, согласно съ Хронографомъ, читаемъ въ припискѣ о построеніи церкви св. Архангела Михаила (V, 220) и нѣк. др. Въ виду всего этого, я нахожу доказаннымъ, что лѣтописный сборникъ, откуда въ Новоіерусал. сборникъ заимствованъ «Отрывокъ», содержалъ въ первой, не дошедшей до насъ части Софійскую 1-ю лѣтопись, дополненную изъ Хронографа.

Предидущее изслѣдованіе подвергло разсмотрѣнію слѣдующіе четыре памятника: списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, списокъ Хроногр. Новгородской 4-й лѣтописи, Архивскій списокъ Воскресенской лѣтописи и «Отрывокъ» лѣтописи, помѣщенный въ Новоіерусал. сборникѣ. Изученіе перваго изъ этихъ памятниковъ показало, что онъ представляетъ изъ себя текстъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1508 г. на основаніи Хронографа. Изученіе Хроногр. списка Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ убѣжденію, что, начиная съ 1447 г., текстъ его представляетъ сплошное заимствованіе изъ Хронографа, при чемъ редакцію этого Хронографа надо отнести ко времени между 1496 (гдѣ обрывается текстъ разсматриваемаго списка) и 1508 г. (когда составлена позднѣйшая редакція его)¹⁾. Наконецъ, сравнительное изученіе Архивскаго списка

1) Я думаю, что можно опредѣленно высказаться за 1506 годъ, какъ годъ редакціи этого хронографа. Сравненіе Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи и Академическаго ея списка не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что заимствованія изъ Хронографа сдѣланы не Хронографическимъ спискомъ, а еще протографомъ обоихъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи — Академическаго и Хронографическаго. Но въ Хронографическомъ списокѣ эти заимствованія переданы подробно, а въ Академическомъ (IV, 131 и слѣд.) сокращенно. Между

и «Отрывка» показываетъ, что первый изъ нихъ заимствуетъ часть отъ 1480 г., а второй все свое содержаніе изъ не дошедшей до насъ лѣтописи 1538-1539 г.: лѣтопись эта въ первой своей части (до 1491 г.) представляетъ списокъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненный и продолженный до 1491 г. на основаніи Хронографа, а во второй части — заимствования изъ какой-то другой лѣтописи; существованіе редакціи Хронографа 1491 года доказывается и текстомъ Хроногр. сп. Новгородской 4-й лѣтописи (ср. выше).

И такъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Пахоміева редакція Хронографа 1442 г. породила слѣдующія редакціи, промежуточныя между нею и извѣстными намъ редакціями: редакцію 1491 г., редакцію 1496-1508 г. и, наконецъ, редакцію 1508 г. Можетъ быть, между древнѣйшею изъ этихъ редакцій и редакціею 1442 г. существовали еще и другія промежуточныя редакціи, но для такого утвержденія не нахожу пока данныхъ.

VII.

Въ 1512 году возникла новая редакція Пахоміева труда: о ней мы можемъ судить по многочисленнымъ спискамъ, восходящимъ даже къ первой половинѣ XVI в., между тѣмъ какъ обо всѣхъ предшествовавшихъ ей редакціяхъ сохранились лишь самыя скудныя данныя въ разсмотрѣнныхъ выше лѣтописныхъ сборникахъ, данныхъ, освѣщающихъ одинъ только вопросъ о томъ, какимъ измѣненіямъ подвергались *русскія* статьи Хронографа. Но по отношенію къ редакціи 1512 года мы можемъ указать и тѣ измѣненія, которымъ подверглись въ ней и не русскія

тѣмъ, какъ видно изъ сравненія Акад. списка со спискомъ Соф. 1-й лѣтописи Царскаго, заимствования изъ Хронографа продолжаются до 1506 года (сентябрьскаго), до извѣстія о женитьбѣ Василя Ивановича на Соломоніи Сабуровой. Послѣ этого въ сп. Царскаго и въ сп. Акад. видимъ различіе, свидѣтельствующее о томъ, что Хронографъ не захватывалъ уже всѣхъ событій 1506 года (сентябрьскаго). Начиная съ этого года, Акад. сп. дополненъ уже на основаніи другой лѣтописи новгородскаго происхожденія.

статьи хронографа, такъ какъ во 1) она дошла до насъ во всемъ своемъ объемѣ, а во 2) она можетъ быть сопоставлена съ другою редакціей XVI вѣка, восходящею вмѣстѣ съ нею къ одному общему оригиналу: говорю о редакціи, не раздѣленной на главы. Я думаю, что въ основаніи обѣихъ редакцій лежитъ разсмотрѣнная нами выше редакція 1508 года: дѣйствительно, русская часть редакціи, не раздѣленной на главы, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ основаніи ея лежитъ именно редакція 1508 г. (ср. текстъ Русскаго Временника и указаннаго выше источника Никоновской лѣтописи, обрывавшагося на 1520 г.); ничто не мѣшаетъ распространить этотъ выводъ и на редакцію 1512 года, тѣмъ болѣе, что всѣ отличія ея отъ редакціи, не раздѣленной на главы, удовлетворительно объясняются при предположеніи, что они внесены именно редакторомъ 1512 года. Весь вообще текстъ хронографа редакторъ 1512 года раздѣлилъ на 208 главъ: такого дѣленія не было въ основной редакціи, расположившей матеріалъ (последней части хронографа) по царствованіямъ византійскихъ императоровъ; мы видѣли выше, какъ при этомъ дѣленіи не нарушилось данное въ основномъ оригиналѣ отношеніе русскихъ событій къ византійскимъ; въ отдѣльныхъ главахъ описываются русскія событія такого числа лѣтъ, какое было указано въ заголовкѣ при царствованіи того или другого византійскаго императора. Отвергнувъ показаніе своего оригинала, что Калюянъ царствовалъ 17 лѣтъ, а Константинъ Палеологъ 11 лѣтъ, редакторъ 1512 года въ главѣ 205-й, начинающейся съ царствованія Калюяна, описываетъ русскія событія 17 лѣтъ (6933-6949), а въ главѣ 207, начинающейся со вступленія на столъ Константина, изложены событія 11 лѣтъ (6950—6961). Греческія статьи оригинала значительно сокращены редакторомъ 1512 г.: выше я привелъ нѣсколько указаній на то, какъ напр. сокращены рассказы о царствованіяхъ римскихъ императоровъ; сошлюсь еще на Истрина, доказавшаго, что редакція 1512 г. сократила текстъ Александриі. Трудъ Истрина съ наглядностью показалъ, что въ распоряженіи редак-

тора 1512 года при обработкѣ Александрии, не было иного источника, какъ только болѣе древняя редакція хронографа. Миѣ кажется, что и въ остальныхъ частяхъ этой редакціи — нигдѣ нельзя доказать присутствія новаго источника, изъ котораго бы дополнялся основной текстъ хронографа. Южно-славянскія статьи также подверглись въ этой редакціи нѣкоторому сокращенію: такъ между прочимъ въ ней опущена баснословная генеалогія Неманичей, находившаяся, какъ видно изъ редакціи, не раздѣленной на главы, въ основной редакціи хронографа (ср. выше). Въ виду этого можно думать, что редакторъ 1512 г. не дѣлалъ никакихъ вставокъ и въ русскихъ статьяхъ хронографа, а, напротивъ, отчасти сократилъ ихъ кое-гдѣ. По отношенію къ русскимъ статьямъ замѣчательно то, что онѣ доведены только до 1451 г. (по одному только списку—до 1453-го): послѣ 1453-го года, гдѣ рассказывается о паденіи Царяграда, не видимъ болѣе статей, хотя подлинникъ продолжался до 1508 года. Это обстоятельство можно, конечно, объяснить желаніемъ редактора 1512 года кончить хронографъ тамъ, гдѣ оканчивалась византийская исторія; но ниже я предлагаю другое объясненіе этой особенности разсматриваемой редакціи. И такъ, въ послѣдней главѣ хронографа—208-й рассказывается о паденіи Царяграда; это, кажется, единственная статья, гдѣ сказалось личное творчество редактора и гдѣ отразились свѣдѣнія, полученные изъ другого или другихъ, кромѣ основной редакціи Хронографа, источниковъ. Но замѣчательно во 1) что при составленіи этой статьи, справедливо названной А. Н. Поповымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, редакторъ 1512 года находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ обработаннаго имъ труда: первая фраза этого плача представляетъ дословное повтореніе начала повѣсти умильной о Батѣ, находившейся, какъ мы видѣли, уже въ первоначальной, Пахоміевой редакціи хронографа¹⁾; далѣе, вто-

1) Хочу глаголати повѣсть еже не точію человекы, но и нечловѣственное каменіе и самыя стихія творять плакати и глаголати и рыдати: о горе и увы.

рой отрывокъ отъ словъ: «первое убо рекохъ о нихъ пространнѣйше отъкуду начало пріяша» и до словъ «ниже многы страны покори на востоцѣ и на западѣ» цѣликомъ заимствованъ редакторомъ 1512 г. изъ 202-й главы своей обработки хронографа (Изборникъ, стр. 62). Во 2) въ этомъ Плачѣ о Царѣградѣ замѣчается отсутствіе какихъ бы то ни было новыхъ фактическихъ данныхъ; о взятіи города, его разграбленіи, избіеніи жителей говорится въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; очевидно, что составитель Плача не имѣлъ въ своемъ распоряженіи той или другой повѣсти о паденіи Царяграда. Въ 3) тѣмъ замѣчательнѣе тѣ отступленія въ этомъ Плачѣ, которыя свидѣтельствуютъ о какихъ то особыхъ источникахъ, гдѣ составитель редакціи 1512 г. могъ познакомиться съ разказами паломниковъ о Іерусалимѣ и гробѣ Господнемъ (Изборникъ, стр. 86). Ниже я еще разъ вернусь къ этимъ положительнымъ даннымъ, представляемымъ разсматриваемымъ Плачемъ о паденіи Царяграда, а теперь попытаюсь отвѣтить на вопросъ, кѣмъ именно и гдѣ могла быть составлена редакція 1512 года.

Я сказалъ выше, что она оканчивается Плачемъ о паденіи Царяграда и опускаетъ русскія событія 1452 - 1508 года, читавшіяся въ основной редакціи. При этомъ я привелъ давно уже высказанное мнѣніе о томъ, что редакторъ 1512 года, очевидно, считалъ разсказъ о паденіи Царяграда наиболѣе приличнымъ концомъ Хронографа; ср. завершеніе Толстовскаго и сходныхъ списковъ редакціи, не раздѣленной на главы, повѣстью о взятіи Царяграда турками. Но это мнѣніе встрѣчаетъ возраженія въ слѣдующихъ данныхъ: 1) окончаніе Хронографа въ основной его редакціи было иное, а именно онъ доходилъ до событій 1508 года; зачѣмъ же было редактору 1512 года съуживать задачу своей исторической компиляціи и прекращать разсказъ о русскихъ событіяхъ, о жизни російской земли, растущей, младѣющей и возвышающейся (выраженія Плача о паденіи Царяграда) на 1451 году? 2) проведеніе параллели между окончаніемъ редакціи 1512 года и окончаніемъ списковъ редакціи, не раз-

дѣленной на главы, не выдерживаетъ критики потому, что въ этихъ послѣднихъ спискахъ опущены вообще всѣ русскія статьи: если повѣсть о взятіи Константинополя была послѣднею не русскою статьей основной редакціи, не раздѣленной на главы, въ позднѣйшемъ изводѣ этой редакціи, — она должна была сдѣлаться послѣднею статьей всего хронографа. Въ виду этого, думаю, что редакторъ 1512 года, опуская событія 1452-1508 г. своего подлинника, руководствовался иными соображеніями. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ, вслѣдъ за хронографомъ редакціи 1512 года, помѣщаются сначала мелкія статьи историческаго и нравоучительнаго содержанія, потомъ каталогъ римскихъ царей и императоровъ римскихъ и византійскихъ, далѣе Новгородская 4-я лѣтопись съ продолженіями послѣ 1447 г., доходящими до 1547 г., заимствованными при томъ изъ Псковской лѣтописи, и, наконецъ, рядъ статей историческаго содержанія. Мнѣ извѣстны два такихъ сборника: Погод. № 1404 а и Акад. № 991 (3)¹⁾, но въ тѣсной связи съ ними стоятъ еще четыре сборника, сходные съ ними, начиная съ Новгородской 4-й лѣтописи²⁾. Въ сборникахъ Погод. 1404 а и Акад. 991 (3) замѣчается

1) Укажу вкратцѣ составъ этихъ сборниковъ. Погод. 1404 а: I. Хронографъ, II. Царство 17 в самори; затѣмъ, Царство 1 в вавилоне; далѣе, Посланіе ноанна златоустаго еже посла отъ заточения, III. Книга глаголемая лѣтописецъ царне елицы царствоваша римомъ и елицы во цариградѣ царствоваша и отъ росіи ская земли. и о градѣхъ. и отколе придоша великия князи. на роускою землю княжити, IV. Безъ особаго заглавія, Новгородская 4-я лѣтопись съ продолженіями изъ Псковской, V. Рукописаніе в. к. всеволода, VI. Посланіе к великому князю на Угру, VII. Писаніе о динаре царевне, VIII. Родство великихъ князей литовскихъ, IX. Повѣсть о взятіи Царяграда турками (тожественная съ напечат. Поповымъ въ Изборникѣ, стр. 87—91), X. Повѣсть о Митяѣ.— Акад. № 991 (3) тожественъ съ предыдущимъ.

2) Погод. № 1402 содержитъ изъ указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи статей: III, IV, V, VI; кромѣ того: Чинъ и поставленіе на великое княжество, и наконецъ: Чинъ о еже како подобаетъ помазати царя и великаго князя миромъ на вѣлчанье.— Акад. № 18 (см. описаніе его въ предисл. къ Псковской 1-й лѣтописи, П. С. Р. Л., IV, 170): IV, VI, V, VII, далѣе: Повѣсть о Казаринѣ и о его царицѣ и VIII.—Карамз. Публ. б. F IV, 608 (описанъ тамъ же, стр. 170): Палея, Новгор. лѣт. до 1411 г., IV, V, VI, Духовная Киприана.— Снѣгир. (описанъ тамъ же, стр. 171): III, IV, V и нѣк. др.

тѣсная связь между хронографомъ и послѣдующими статьями: эта связь ясна между прочимъ изъ того, что счетъ главъ хронографа продолжается и за его окончаніемъ, вслѣдствіе чего, напр., «Царство 17 в самори» значится 209-ю главою (въ Хронографѣ редакціи 1512 г. — 208 главъ), Писаніе о Динарѣ — 257-ю, а Повѣсть о Митяѣ 261-ю главою. Указанная связь обнаруживается еще и въ томъ, что нѣкоторыя изъ статей этого сборника связаны съ Хронографомъ и въ другихъ спискахъ: такъ, Повѣсть о Динарѣ и Родословная великихъ князей литовскихъ помѣщаются въ сборникѣ Новоіерусал. монастыря, заключающемъ Хронографъ. Въ виду этого, рѣшаюсь выставить слѣдующее предположеніе: извѣстно, что во многихъ спискахъ Хронографа 1512 г., даже въ большей ихъ части, русскія событія значительно сокращены, какъ это легко видѣть изъ Изборника Попова, гдѣ, начиная съ 6876 (1368) г., русскія статьи напечатаны только по одному или по двумъ спискамъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ остальныхъ; не выпущены ли эти статьи тѣмъ редакторомъ, который соединилъ въ одномъ сборникѣ Хронографъ и Новгородскую 4-ю лѣтопись и счелъ нужнымъ исключить изъ перваго то, что полнѣе и точнѣе передается во второй? Слѣдующее затѣмъ предположеніе возвращаетъ насъ къ прерванному изслѣдованію. Мы остановились на вопросѣ, чѣмъ руководствовался редакторъ 1512 года, опуская русскія событія 1452 - 1508 г., своего подлинника. Нельзя ли поставить это обстоятельство въ связь съ тѣмъ, что Хронографъ въ позднѣйшемъ, описанномъ нами сборникѣ (представителями котораго являются Погод. 1404 а и Акад. 991), соединенъ съ лѣтописью? Не было ли это соединеніе сдѣлано еще самимъ редакторомъ 1512 года, но разумѣется не въ той формѣ, какъ въ указанномъ сборникѣ, гдѣ съ хронографомъ соединена лѣтопись 1547 года, а въ нѣсколько иномъ видѣ. Разсматривая Новгородско-Псковскую лѣтопись нашего сборника, видимъ, что она состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: 1) Новгородской 4-й лѣтописи редакціи, нѣсколько сокращенной и измѣненной сравни-

тельно съ прочими списками: она доведена, какъ и протографъ всѣхъ прочихъ списковъ до 1447 г., а именно до извѣстiя: «въ томъ же лѣтѣ ржи коробья по полтинѣ бысть» (ср. IV, 126), 2) Псковской лѣтописи, начинающейся съ 1447 года («въ лѣто 6955 князь Александръ Васильевичъ», ср. IV, 213) и оканчивающейся подъ 1547 годомъ извѣстiями о двухъ пожарахъ московскихъ — 12 апрѣля и 21 iюня. Сравнительное изученiе этой Псковской лѣтописи со списками Псковской 1-й лѣтописи показываетъ, что мѣстами Псковская лѣтопись редакцiи, соединенной съ Хронографомъ (ср. списки Карамз., Акад. и Снѣгир., принятые во вниманiе издателями IV т. П. С. Р. Л.), сходна съ прочими списками, а мѣстами съ ними разнится. При этомъ оказывается, что до 1482 года Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографомъ, частью тождественна, частью же короче другихъ списковъ¹⁾; напротивъ, начиная съ 1482 года, эта лѣтопись вплоть до 1547 года полнѣе, чѣмъ текстъ остальныхъ списковъ, съ которыми она частью тождественна²⁾. Въ виду этого думаю, что, въ части до 1482 года, Псковская лѣтопись, соединенная съ Хронографомъ, представляетъ выборку, сокращенiе изъ другой болѣе древней лѣтописи; напротивъ, съ 1482 г. въ ней содержится лѣтопись, протографъ которой послужилъ источникомъ при составленiи другихъ списковъ Псковской 1-й лѣтописи. Въ этой части 1482—1547 года можно различать опять таки двѣ части: первая простирается до 1509 года, а вторая, начинаясь съ повѣсти о Псковскомъ взятiи (1510), тянется до 1547 года; въ различiи и отдѣльности этихъ обѣихъ частей убѣждаетъ Бальзеровскiй списокъ Псковской 1-й лѣтописи (ср. его описанiе въ IV т. П. С. Р. Л., стр. 171), который (начиная съ 1487 г.) только до повѣсти о взятiи Псковскомъ сходенъ съ Псковскою лѣтописью, соединенною съ Хронографомъ (ср. IV, 283, прим. а). Отсюда я вывожу,

1) Полное почти сходство замѣчается въ предѣлахъ 1447—1468 и 1479—1481 гг.; сокращенно передается текстъ 1468—1466, 1472, 1478, 1478 гг.; опущены совсѣмъ 1467—1471 и 1474—1477 гг.

2) Полное сходство замѣчается подъ 1510—1517 г.

что Псковская лѣтопись соединенная съ Хронографомъ, доходила нѣкогда только до 1509 года (включительно), обнимая событія 1447-1481 въ несамостоятельномъ и сокращенномъ, а событія 1482-1509 г. въ болѣе подробномъ и оригинальномъ изложеніи. Но этотъ выводъ нельзя не сопоставить съ тѣмъ, что редакторъ 1512 г. Хронографа опустилъ въ немъ лѣтописныя событія 1452-1508 гг. Опустивъ ихъ, не имѣлъ ли онъ въ виду замѣнить ихъ данными изъ другой лѣтописи? Оставивъ въ сторонѣ московскую лѣтопись, не обратился ли онъ къ извлеченіямъ изъ лѣтописи Псковской? Если мы допустимъ, что редакторъ 1512 года, вслѣдъ за Плачемъ о паденіи Царяграда, помѣстилъ извлеченія изъ Псковской лѣтописи, начиная съ 1454 или близкаго къ нему года, и продолжалъ ихъ до 1482 г., а что съ этого года онъ, будучи уроженцемъ и жителемъ Пскова, началъ самъ излагать лѣтописныя извѣстія Псковскія вплоть до 1509 года, если мы допустимъ такое предположеніе — соединеніе Хронографа съ Новгородско-Псковскою лѣтописью представится намъ въ совершенно особомъ свѣтѣ. Позднѣйшій редакторъ второй половины XVI вѣка, встрѣтивъ за Хронографомъ 1512 года отрывки Псковской лѣтописи, доведенные позднѣйшимъ лѣтописцемъ до 1547 года, рѣшилъ связать ихъ съ имѣвшимися у него подъ руками спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи. Для этого, списавъ Новгородскую 4-ю лѣтопись, онъ, начиная съ 1447 г., обращается къ Псковской лѣтописи по списку Хронографа и списываетъ изъ нея подъ-рядъ какъ древнѣйшую часть до 1509 года, такъ и слѣдующую за тѣмъ часть отъ 1510 до 1547 года. Въ части до 1482 года въ этомъ сборникѣ второй половины XVI в. сохранились ясныя слѣды того, что мы имѣемъ дѣло съ выборкой, сокращеніемъ той самой Псковской лѣтописи, которая сохранилась въ полномъ видѣ напр. въ Строевскомъ спискѣ XVI в., Архивскомъ и Эрмитажномъ XVII в. Ясно, что эта выборка сдѣлана не позднѣйшимъ редакторомъ Новгородско-Псковской лѣтописи, который бы продолжалъ такую же выборку и сокращеніе и въ части послѣ 1482 года, а тѣмъ древнѣйшимъ редакторомъ, который, начиная съ

1482 г., былъ не только переписчикомъ, но и составителемъ лѣтописи. Вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлка начала къ Псковской лѣтописи въ видѣ Новгородской IV показываетъ, что въ подлинникѣ ея не было того начала, которое извѣстно напр. изъ Строевскаго и др. списковъ. Слѣдовательно, Новгородская IV лѣтопись замѣнила какое-то другое начало. Этимъ началомъ и могла быть краткая выборка изъ Псковской лѣтописи, становившаяся нѣсколько пространнѣе съ середины XV в. Такая выборка могла сопровождать хронографъ 1512 года, замѣняя съ середины XV в. московскую лѣтопись, содержащуюся въ оригиналѣ редакціи 1512 г., т. е. въ Хронографѣ редакціи 1508 года. Составитель лѣтописи 1482-1509 гг. могъ ограничиться краткой выборкой именно потому, что, иначе, въ части до 1451 года, пришлось бы повторять то, что уже изложено въ только что списанномъ Хронографѣ. Связь же лѣтописи 1482-1509 г. съ Хронографомъ видна какъ изъ того, что въ позднѣйшей редакціи, редакціи послѣ 1547 г., эти оба памятника соединены въ одномъ сборникѣ, такъ и изъ того, что въ этой редакціи Хронографъ подвергся сокращенію въ русской своей части, при чемъ это удовлетворительно объясняется вставкою въ сборникъ—Новгородской IV лѣтописи до 1447 года, замѣною этою лѣтописью краткой выборки изъ лѣтописи Псковской. Въ виду этого, повторю еще разъ свое предположеніе: выпустивъ московскую лѣтопись за Плачемъ о взятіи Царяграда, редакторъ 1512 года замѣнилъ ее извлеченіями изъ Псковской лѣтописи, а затѣмъ самостоятельную (составленную, конечно, на основаніи мѣстныхъ источниковъ) лѣтописью Псковскихъ событій 1482-1509 г. Я не сталъ бы настаивать на такомъ предположеніи, если бы оно не было подсказано мнѣ еще другими соображеніями.

Если на основаніи предыдущаго признать хоть нѣкоторую вѣроятность за предположеніемъ о томъ, что редакціи 1512 года возникла во Псковѣ, то еще болѣе основанія пріобрѣтаетъ догадка, что составителемъ этой редакціи былъ инокъ Спасо-Елеазарова монастыря въ Псковѣ, извѣстный старецъ Фи-

лоей. Эта догадка основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Выше я указалъ на установившееся мнѣніе, что Плачь о паденіи Царяграда, помѣщенный въ 208 главѣ хронографа редакціи 1512 года, составленъ самимъ редакторомъ. Авторъ Плача, указавъ на опустошеніе и паденіе благочестивыхъ царствъ Греческаго, Болгарскаго (Новоіерусал. сп.), Сербскаго, Басанскаго, Арбаназскаго и многихъ иныхъ, покоренныхъ турками, восклицаетъ: «Наша же Россійская (русская: Новоіерусал. сп.) земля, Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородица и всѣхъ Святыхъ чудотворецъ, растеть и младѣтъ и возвышается; ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширяться до скончанія вѣка». Невольно припоминаются слова Филоея въ концѣ его посланія къ дяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, писаннаго до 1524 года¹⁾: «И да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христіанская царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти», и нѣсколько ниже: «Видиши ли, избранниче Божій, яко христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ. Токмо единого нашего государя царство, благодатию Христовою, стоитъ». Смыслъ приведенныхъ выше словъ изъ Плача и этихъ знаменитыхъ словъ Филоея одинъ и тотъ же: принадлежность ихъ одному и тому же автору вѣроятна. Филоею охотно возвращался къ этой своей мысли: такъ, она выражена и въ посланіи его къ в. кн. Василю Ивановичу, написанному по нѣкоторымъ соображеніямъ между 1514 и 1521 гг. (Вс. Срезневскій, въ Словарѣ русскаго историческаго общества)²⁾; ср. слова: «И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей

1) Когда должны были исполниться опровергаемыя Филоеемъ астрологическія предсказанія Николая Нѣмчина (ср. Прав. соб. 1861, II, 80).

2) Выпускъ, гдѣ помѣщена статья Вс. Срезневскаго «Филоею», еще не вышелъ.

поднебеснѣй христіаномъ царь». Въ посланіи къ Мунехину старецъ Филоеѣй обнаружилъ довольно обширную начитанность; нельзя не замѣтить при этомъ, что въ немъ упомянутъ «Гранографъ» («гранографы же, пять дней мимотекше, начаша отъ перваго Адама и донынѣ», т. е. ведутъ счетъ лѣтъ отъ сотворенія Адама). Тамъ, гдѣ Филоеѣй говоритъ о Латынѣхъ (Прав. соб. стр. 90), видно его знакомство съ хронографомъ или, по крайней мѣрѣ, со сказаніемъ о Латынѣхъ, вошедшимъ въ составъ хронографа: «Бѣша съ нами во единствѣ 770 лѣтъ, егда отпадоша отъ православныя вѣры 735 лѣтъ, во аполинаріеву ересь впадше, прельщени Каруломъ царемъ и папою Фармосомъ»¹⁾. Кромѣ того, при сравненіи Филоеѣева посланія съ Плачемъ о паденіи Царяграда, насъ останавливаетъ еще слѣдующая общая между ними мысль. Господь Богъ «не до конца положи во отчаяніе благочестивая царства, аще и предасть невѣрнымъ, не милуя ихъ, но нашего согрѣшенія отмщая и обращающа насъ на покаяніе, и сего ради остави намъ сѣмя (Новоіерусал.), да не будемъ яко же Содомъ и не уподобимся Гомору. Сіе же сѣмя яко (Новоіерусал.) искру скры въ пепелѣ во тмѣ невѣрныхъ властей, сѣмя же, глаголю, патріаршескія, митропольская и епископскія престола, и на точію сѣмя сіе, но и главы (гла: Новоіерусал.) православныя вѣры, иже неврежены пребываютъ по великимъ градомъ во священныхъ церквахъ. Также и матеръ церквамъ во Іерусалимѣ, идѣже совершися благочестія тайна, соблюдаетъ нерушиму»... (Изборникъ, стр. 86). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ опроверженія сомнѣній православныхъ на Руси, что греческія святыни, да и самъ Іерусалимъ осквернены нечестивымъ, почему связь съ греческою церковью должна быть порвана. Противъ этого же сомнѣнія возражаетъ Филоеѣй въ своемъ посланіи: «аще убо агаряне въ руцы греческое царство пріяша, но вѣры

1) Кажется, изъ этого мѣста слѣдуетъ заключить, что Филоеѣй писалъ въ 1525 г. по Р. Х.; перевода этотъ годъ на обычный счетъ отъ Адама (5500 лѣтъ), видимъ, что это былъ 7025-й годъ или по нашему счетъ (5508 л. отъ С. М.)—1517 годъ. 770 лѣтъ, думаю, ошибка вм. 790.

не повредиша, ниже насильствуютъ грекомъ отъ вѣры отступити». Въ виду указанной внутренней (общія мысли) и внѣшней (ссылка на хронографъ) связи посланія Филоея съ Хронографомъ редакціи 1512 года, считаю весьма вѣроятнымъ, что именно онъ составилъ эту редакцію.

Подтвержденіемъ высказаннаго здѣсь мнѣнія о томъ, что Хронографъ 1512 г. составленъ во Псковѣ, можетъ служить рядъ соображеній, доказывающихъ, что послѣдняя глава его «Плачь о паденіи Царяграда» тѣсно связана съ отношеніями Филоея къ М. Г. Мисюрю Мунехину, дьяку в. князя, управлявшему Псковомъ отъ 1511 до 1528 г. Соображенія эти изложены въ статьѣ, озаглавленной «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на Востокъ и Хронографъ 1512 г.» и помѣщенной въ 1-й кн. IV тома Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. (1899 г.).

Предидущее изслѣдованіе выяснило, съ одной стороны, ближайшее отношеніе редакціи 1512 года Хронографа къ Пскову: ср. соединеніе ея со Псковскою лѣтописью; съ другой, оно указало на связь Плача о паденіи Царяграда съ сочиненіями старца Филоея; упомянутая же статья, установивъ знакомство Филоея съ хронографомъ, связала при посредствѣ Филоея, какъ автора и редактора, Плачь о паденіи Царяграда и прочія сочиненія, съ сказаніемъ о путешествіи Михаила Григорьевича Мунехина. Въ виду этого, приступаю къ изложенію выводовъ, уже частью высказанныхъ и выше. Редакція хронографа, составленная въ Москвѣ въ 1508 году, была привезена дьякомъ Мунехинымъ въ 1511 году въ Псковъ. Здѣсь она, въ слѣдующемъ 1512 году, подверглась передѣлкѣ и обработкѣ со стороны старца Филоея, раздѣлившаго хронографъ на главы и замѣнившаго выборку изъ русскихъ лѣтописей послѣ 1453 года (паденіе Царяграда) выборкою изъ лѣтописи Псковской: изложивъ Псковскія событія до 1482 года кратко и не самостоятельно (на основаніи списка Псковской лѣтописи), онъ приступилъ съ 1482 года къ самостоятельному изложенію Псковскихъ

событій и довелъ ихъ до 1509 года¹⁾. Можетъ быть, впрочемъ, Филоеѣй продолжалъ лѣтопись и дальше: мы имѣемъ основаніе предполагать, что Псковская лѣтопись въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій, сходной, однако, со списками Хронографа, оканчивалась 1523 годомъ (ср. Горюшкинскій списокъ Софійской 1-й лѣтописи, въ которомъ съ 1481 по 1523 г. изложены псковскія событія; VI т. П. С. Р. Л., стр. 22—30): быть можетъ, Филоеѣй продолжилъ свою лѣтопись до этого года. Впослѣдствіи, въ списокѣ Хронографа Филоеѣева лѣтопись продолжена до 1547 года: въ этомъ году, или вскорѣ послѣ этого года, начало выборки изъ Псковской лѣтописи замѣнено Новгородскою 4-ю лѣтописью до 1447 года, въ связи съ чѣмъ стоитъ сокращеніе русской части

1) Какъ мы видѣли, эта лѣтопись имѣла продолженіе, доведенное въ одной изъ позднѣйшихъ редакцій до 1547 г.: можетъ быть, — именно въ редакціи Хронографа.—Въ 1567 г. (ср. IV, 318) была составлена новая редакція Псковской лѣтописи: въ основаніе положена лѣтопись до 1482 года (которою пользовался Филоеѣй) и Филоеѣева лѣтопись 1482—1509 съ продолженіемъ ея до 1547 года. Представителями этой редакціи оказываются списки Строевскій, Архивскій IV и Эрмитажный. Мнѣ кажется, въ самомъ началѣ самостоятельной части этой редакціи можно указать на знакомство лѣтописца съ идеею Филоеѣя о московскомъ государствѣ, идеею, которой онъ не сочувствуетъ, при чемъ изъ словесной ея передачи можно заключить о знакомствѣ его именно съ Плачемъ о паденіи Царяграда, а слѣдовательно еще съ тою редакціею Филоеѣевой лѣтописи, гдѣ она была слита съ Хронографомъ. Лѣтописецъ 1567 г. не сочувствуетъ московскимъ симпатіямъ старца Филоеѣя. Онъ начинаетъ свою лѣтопись упрекомъ в. кн. Василю Ивановичу, нарушившему и перемѣнившему въ 1510 г. обычай Псковскій, «забывъ отца своего и дѣдовъ его слова и жалованья до Псковичъ и крестнаго цѣлованья». Далѣе читаемъ: «А все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти. Занеже писано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царей минуло, а шестой есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуется въ Руси Скнесскаго острова (это точно пародія на слова Филоеѣя: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти): си бо именуется шестой, и седмый потомъ же, а осмый антихристъ». И далѣе, очевидно, о московскомъ царствѣ: «сему бо царству разширятся и злодѣйству умножатися» (ср. IV, 282): это пародія на слова Филоеѣя въ Плачѣ о паденіи Царяграда: «ей же (т. е. россійской землѣ), Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятся до скончанія вѣка». Лѣтописецъ 1567 г. возвращается къ той же темѣ подъ 1547 годомъ, гдѣ, по поводу вѣнчанія Ивана Васильевича съ Анастасіею на царство, говорится: «и восхотѣ царство устроить на Москвѣ: и якоже написано во Апокалипсисѣ глава 54: пять бо царевъ минуло, а шестой есть, но не у бо пришло, но се абіе уже настало и приде» (IV, 307).

этого Хронографа редакціи послѣ 1547 г., сравнительно съ Филоеевою редакціею 1512 года. Такимъ образомъ, редакція 1512 года является въ двухъ видахъ: полною, — когда она не соединена съ Новгородско-Псковскою лѣтописью, и сокращенною, — когда ее сопровождаетъ эта лѣтопись. Впрочемъ, эта сокращенная редакція получила распространеніе и въ отдѣльномъ видѣ, подобно тому какъ въ отдѣльномъ отъ Хронографа видѣ извѣстна и Новгородско-Псковская лѣтопись.

VIII.

Редакція 1508 года подверглась въ Москвѣ продолженію въ 1520 году: я указывалъ выше на основанія, почему мы должны признать существованіе такой редакціи Хронографа. А именно, не подлежитъ сомнѣнію, что Никоновская лѣтопись пользовалась Хронографомъ, обособленнымъ русскими лѣтописными извѣстіями: это доказывается между прочимъ общностью многихъ статей Никоновской лѣтописи и Русскаго Временника (особой редакціи Хронографа). Но доказать пользованіе Никоновскою лѣтописью Русскимъ Временникомъ нельзя, хотя бы потому, во 1) что общія статьи между обоими этими памятниками доходятъ только до 1520 г., лѣтописный же рассказъ Русскаго Вр. продолжается до 1533 г., во 2) что въ Никоновской лѣтописи опущенъ рядъ новгородскихъ извѣстій Русскаго Временника (напр. подъ 1508 и 1519 гг.). Вообще, оказывается, что съ 1521 года Никоновская лѣтопись пользуется только однимъ источникомъ — Воскресенскою лѣтописью; напротивъ, до этого года видно присутствіе нѣсколькихъ источниковъ. Одинъ изъ нихъ — протографъ Львовской и Софійской 2-й лѣтописи оканчивался 1518 годомъ (это ясно изъ сравненія обѣихъ этихъ лѣтописей, при чемъ Архивскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи оканчивается именно этимъ годомъ); отсюда необходимо предположить, что другой источникъ доходилъ до 1520 года. Что этимъ источникомъ былъ Хронографъ, ясно хотя бы изъ того, что находящаяся въ Никон. лѣто-

писи подъ 1520 г. обширная статья «О иконахъ владимирскихъ» не читается въ Воскресенской лѣтописи (а также во Львовской), но она есть въ Русскомъ Временникѣ, а слѣдовательно была въ той болѣе древней редакціи хронографа, которая находилась въ распоряженіи составителя Никоновской лѣтописи. Отсюда видно, что заимствованія изъ Хронографа въ Никоновскую лѣтопись простирались до 1520 г., почему къ этому именно году можно относить составленіе одной изъ позднѣйшихъ его редакцій. Я не стану подробно останавливаться на предполагаемомъ составѣ русскихъ статей этого Хронографа; замѣчу только, что возстановленіе ихъ возможно при помощи сравнительнаго изученія Никоновской лѣтописи и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, бывшихъ ея источниками. Что касается остальныхъ статей этой редакціи, то ихъ возстановленіе достигается сравнительнымъ изученіемъ Никоновской лѣтописи, съ одной стороны, списковъ хронографа — Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ, съ другой; вмѣстѣ съ тѣмъ къ сравненію должны быть привлечены и такіе памятники, какъ указанный выше списокъ Хронографа 1599 года, гдѣ слиты двѣ редакціи — редакція 1512 г. и редакція, не раздѣленная на главы. Замѣчательно между прочимъ, что редакторъ 1520 года пользовался нѣкоторыми изъ греческихъ источниковъ, которые были доступны и редактору 1442 г., т. е. Пахомію: такъ, въ его распоряженіи находился Паралипоменъ Зонары въ томъ же краткомъ видѣ его, отрывки котораго были приведены и Пахоміемъ, какъ это ясно изъ данныхъ, имѣющихся въ редакціи 1512 года. Истринъ, называющій редакцію Александріи по спискамъ Хронографа, не раздѣленнаго на главы — третью, доказалъ, что въ ней, сравнительно съ четвертою редакціей (т. е. редакціей 1512 года), сдѣланы нѣкоторыя добавленія изъ Зонарина Паралипомена (ср. Александрія русск. хроногр., стр. 288). Поповъ показалъ, что оттуда же заимствованъ въ Толст. сп. I, № 172 рассказъ о царствѣ Василя Болгарскаго губителя, какъ это видно изъ редакціи 1512 года, содержащей вм. этого рассказъ Манассіи, внесенный въ Хронографъ Пахоміемъ (Обзоръ, I,

стр. 179—181). Кромѣ Зонары, составитель редакціи 1520 года обратился несомнѣнно еще къ нѣкоторымъ греческимъ (переводнымъ) источникамъ: но опредѣлить ихъ мнѣ не удалось. Будущему изслѣдователю хронографа предстоитъ прежде всего указать на тотъ греческій матеріалъ, которымъ, сравнительно съ Пахоміевою редакціей, была дополнена редакція 1520 г. Задача эта осложняется тѣмъ, что далеко не все, что мы въ редакціи, не раздѣленной на главы, находимъ излишнимъ, сравнительно съ редакціей 1512 года, можетъ объясняться какъ дополненіе, внесенное новымъ редакторомъ 1520 года: дѣло въ томъ, что редакторъ 1512 года самъ значительно отступалъ отъ своего подлинника, сокращая и измѣняя его. Небрежное отношеніе редакціи 1512 года доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ ней почти никогда не обозначается число того или другого греческаго царствованія: но при царствованіяхъ Михаила и Θεодоры, Василя Македонянина, Льва премудраго указано, что они были 86-мъ, 87-мъ и 88-мъ по порядку; редакція, не раздѣленная на главы, ведетъ точный счетъ христіанскимъ царствамъ, почему названныя три царства обозначаются какъ 44-е, 45-е, 46-е. Въ основной редакціи, кажется, обозначались два числа: первое по порядку, начиная съ Августа, а второе, считая отъ Константина Великаго; ср. въ редакціи 1512 года указанія на то, что Констанціево царство было вторымъ, Валентово пятымъ (по другой редакціи шестымъ), Маркіаново десятымъ. Возможно, впрочемъ, что редакторъ 1520 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи какую-нибудь греческую хронику, изъ которой могли быть заимствованы нѣкоторыя хронологическія и фактическія данныя. Ср. внесеніе хронологическихъ данныхъ въ царствованія византійскихъ императоровъ, напр. указаніе на годъ вступленія Тиверія на престолъ (6070), его преемника Маврикія (6075) и т. д. Особенно убѣдительно доказывается пользованіе новыми источниками рассказомъ о смерти Льва мудраго, гдѣ къ разсказу Амартола, довольно точно переданному въ редакціи 1512 года, добавлено, что сынъ Льва Константинъ былъ рожденъ отъ четвертой жены его. Что редакторъ

1520 года не ограничился одной перепиской своего оригинала, а пожелалъ дополнить его, видно между прочимъ изъ того, что онъ внесъ въ свою переработку хронографа ту особаго состава повѣсть о взятіи Царяграда турками, которая читается въ Толст. и сходныхъ спискахъ (напечатана въ Изборникѣ Попова, стр. 87—91). Нахожу слѣдующія основанія для утверженія, что повѣсть эта вставлена была уже въ редакціи 1520 года, если же не въ ней, а въ послѣдующей редакціи, то во всякомъ случаѣ въ редакціи, предшествующей той редакціи, не раздѣленной на главы, которая отразилась въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ. Повѣсть эта извѣстна не только изъ указанныхъ списковъ, но также и изъ нѣкоторыхъ другихъ редакцій Хронографа, гдѣ она частью является въ видѣ дополнительной статьи, а частью входитъ въ составъ самого Хронографа, замѣняя Плачь о паденіи Царяграда. Такъ, въ спискахъ Погод. 1404 а и Акад. № 991 (3), въ самомъ концѣ ихъ, между «Родствомъ великихъ князей литовскихъ» и «Повѣстью о Митяѣ», эта повѣсть помѣщена подъ заглавіемъ: «Царство 87 в константине граде». Начало повѣсти слѣдующее: «Костянтинъ братъ ивановъ драгосъ палеологъ царствова 11 лѣтъ. Въ царство же сего костянтина от создания миру в лѣто 6961 обращаше уже в мысли» и т. д., какъ въ Толст. сп. (Изборникъ, стр. 87). Въ Акад. сп. № 399, представляющемъ хронографъ редакціи 1512 г., опущенъ Плачь о паденіи Царяграда: вслѣдъ за послѣднимъ русскимъ извѣстіемъ 1451 года (послѣ словъ: ꙗ мняху великаго князя пришедша) здѣсь читается статья, помѣщенная, напр. въ Погод. 1404 а, Акад. 991 и др., за Плачемъ, а именно «Царство 17 в самарѣ», а за нею читается повѣсть о взятіи Царяграда съ тѣмъ же заглавіемъ и тѣмъ же началомъ, какъ въ только что указанныхъ двухъ спискахъ. Уже самое заглавіе этой повѣсти показываетъ, что она заимствована изъ хронографа и при томъ редакціи, сходной съ редакціею Толст. и сходныхъ списковъ, гдѣ указывается число царствъ, начиная съ перваго христіанскаго царства; на то же указываетъ данное въ началѣ повѣсти число лѣтъ Кон-

стантинова царствованія — одиннадцать, что, какъ мы видѣли, явилось, благодаря ошибочному расчету, вм. четырехъ; ср. въ Толст. и сходныхъ спискахъ: «царствова въ цариградѣ братъ его константинь драгошь палеологъ лѣтъ 11». Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что повѣсть заимствована не изъ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ: въ нихъ Константиново царство названо не 87-мъ, а 86-мъ (Царство 86 константина брата калоуинова), при чемъ разница въ счетѣ объясняется тѣмъ, что въ редакціи Толст. и сходныхъ списковъ не принято въ расчетъ царствованіе Михаила Калафата, о которомъ говорится въ 57-мъ царствованіи Михаила Пефлагонянина. Такимъ образомъ, послѣ этого 57-го царствованія, царствованіе Константина Мономаха названо 58-мъ, между тѣмъ какъ, напр. по перечню греческихъ императоровъ, какъ онъ читается въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи (IX, стр. XXI), 58-мъ помѣчено царствованіе Михаила Калафата, а царствованіе Константина Мономаха названо 59-мъ, почему царствованіе Калюяна оказывается 86-мъ, тогда какъ въ Толст. и сходныхъ спискахъ 85-мъ. Имѣя же въ виду, что Константину приписывалось одиннадцать лѣтъ царствованія уже въ общемъ подлинникѣ редакціи 1512 г. и не раздѣленной на главы (см. выше), мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что повѣсть о взятіи Царяграда попала въ указанные нами списки хронографа изъ редакціи болѣе древней, чѣмъ редакція списковъ Толст. и сходныхъ. Не стала ли эта повѣсть извѣстною редактору 1520 года изъ одного изъ новыхъ его источниковъ, которыми онъ дополнилъ первоначальную редакцію хронографа? Не подлежитъ сомнѣнію, что эта повѣсть переведена съ греческаго.

На основаніи того, что редакція Толстовскаго и сходныхъ списковъ представляетъ именно эту повѣсть, а не Искендерову, вошедшую, какъ увидимъ ниже, въ составъ редакціи 1533 года, думаю, что именно редакція 1520 года подверглась въ концѣ XVI вѣка той своеобразной обработкѣ, въ результатѣ которой явилась дошедшая до насъ редакція, не раздѣленная на главы.

Мы видѣли выше, что по мѣсту происхожденія эта редакція относится къ юго-западу Россіи: объ этомъ свидѣлствуютъ какъ списки этой редакціи, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три носятъ отпечатокъ южно-русскаго происхожденія (Толстовскій, Тихонравовскій и Виленскій), такъ въ особенности ея составъ; хронографъ соединенъ съ выписками изъ хроники М. Бѣльскаго и при томъ не въ томъ переводѣ, которымъ воспользовался въ 1617 году составитель новой редакціи хронографа въ Москвѣ. Цѣлью составителя редакціи, не раздѣленной на главы, — было дать обзоръ историческихъ событій европейскихъ народовъ. Вотъ почему онъ исключилъ изъ своего труда всю первую половину хронографа, повѣствовавшую о ветхозавѣтныхъ событіяхъ и началъ его обработку съ Александріи; вотъ почему, съ другой стороны, онъ старался выпустить все то, что имѣло специально русскій интересъ, касалось только русской исторіи: это удалось ему, какъ мы видѣли, въ извѣстной лишь степени, такъ какъ, наряду съ устраненіемъ извѣстій о крещеніи Руси и нашествіи Батяи, находимъ упоминаніе о нѣкоторыхъ малозначительныхъ событіяхъ XIV в., не говоря уже о томъ, что начальныя событія русской исторіи (походъ Олега, нападеніе печенѣговъ на Кіевъ) изложены довольно обстоятельно; вотъ почему, наконецъ, списавъ повѣсть о паденіи Царяграда, послѣднюю статью хронографа нерусскаго происхожденія, онъ совершенно отложилъ свой оригиналъ въ сторону и обратился къ заимствованіямъ изъ польской хроники Мартина Бѣльскаго. Мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что въ распоряженіи южно-русскаго редактора хронографа не было иныхъ русскихъ или греческихъ источниковъ, кромѣ самого хронографа 1520 г.; поэтому весь текстъ хронографа этой редакціи, вплоть до выписокъ изъ М. Бѣльскаго, долженъ быть возведенъ къ болѣе древней редакціи хронографа. Дѣйствительно, сопоставленіе этой редакціи съ хронографическими статьями Никоновской лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что отступленія въ греческихъ статьяхъ, сравнительно съ первоначальною редакціей, восходятъ именно къ редакціи 1520 г.

Въ 1533 году возникла новая редакція хронографа и при томъ, кажется, не стоящая ни въ какой связи съ только что разсмотрѣнною южно-русскою редакціей. Отличія ея отъ редакціи 1520 г., положенной въ ея основаніе, состоятъ: во 1) въ продолженіи лѣтописнаго разсказа отъ 1521 по 1533 годъ (по августъ мѣсяць этого года), во 2) въ вставкахъ и добавленіяхъ въ русскіхъ статьяхъ хронографа, въ 3) въ замѣнѣ разсмотрѣнной выше повѣсти о взятіи Царяграда турками другою обширною повѣстью о томъ же, повѣстью, авторомъ которой оказывается какой-то Искендеръ. Что эта редакція была продолжена по 1533-й годъ, свидѣтельствуютъ какъ Русскій Временникъ, такъ и Воскресенская и Львовская лѣтописи, пользовавшіяся, и при томъ каждая самостоятельно, хронографомъ 1533-го года. Русскія статьи редакціи 1520 года были дополнены нѣкоторыми новгородскими извѣстіями: сюда относится извѣстіе объ устройствѣ рядовъ, распланированіи улицъ и постройкѣ новаго моста въ Новгородѣ въ 1508 г. (Русск. Вр. II, 268), а также извѣстіе о новой организаціи суда въ Новгородѣ въ 1519 г. (тамъ же, II, 312). Присутствіе цѣлаго ряда новгородскихъ извѣстій и въ части 1521-1533 г. (нѣкоторыя изъ нихъ путемъ заимствованія попали въ Львовскую лѣтопись) указываетъ на мѣсто составленія этой редакціи хронографа — это Новгородъ; тѣсная же связь приводимыхъ здѣсь новгородскихъ извѣстій съ именемъ архіепископа Макарія, упоминаемымъ почти при каждомъ изъ нихъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція эта составлена по распоряженію или при ближайшемъ участіи преосвященнаго владыки¹⁾. Что въ хронографѣ редакціи 1533 года читалась Искендерова повѣсть о взятіи Царяграда, видно изъ того, что она помѣщена въ Воскресенской лѣтописи, откуда она попала и въ Никоновскую, вставившую между этой повѣстью и разсказомъ о началѣ Царяграда перечень византійскихъ христіанскихъ царей (V,

1) Ср. подъ 1526 (Русск. Вр. II, 343), подъ 1528 (II, 345—346), подъ 1530 (II, 349), подъ 1531 (II, 352), подъ 1533 (II, 359).

227—231). На то же указывает и позднѣйшая редакція хронографа — хронографъ 1617 года, составленный на основаніи редакціи 1512 г., но дополненный, а частью и исправленный по редакціи 1533 года (ср. статью объ отложеніи мясъ, гдѣ сохранено первоначальное, сравнительно съ редакціей 1512 г., чтеніе): здѣсь мы въ 158-й главѣ читаемъ въ сокращеніи ту же Искендерову повѣсть, хотя впрочемъ она могла быть заимствована и не изъ редакціи 1533 г., а изъ Никоновской лѣтописи: ср. заимствование изъ этой лѣтописи Сказанія Пересвѣтова, помѣщенного вслѣдъ за повѣстью. — Редакція 1533 года вскорѣ перешла изъ Новгорода въ Москву: уже въ 1534 году ею воспользовался составитель протографа или древнѣйшей редакціи Львовской лѣтописи и при томъ въ спискѣ, гдѣ въ концѣ хронографа было записано московское извѣстіе, относящееся къ декабрю 1533 года, о слитіи колокола Николаемъ Нѣмчинымъ.

Изъ позднѣйшихъ передѣлокъ редакціи 1533 года укажу на Русскій Временникъ. Цѣлью его составителя было извлечь изъ хронографа русскія статьи; исключеніе греческихъ и южно-славянскихъ статей сдѣлано съ замѣчательною послѣдовательностью: я могъ привести выше лишь немногіе остатки этихъ статей, состоящіе главнымъ образомъ въ сохраненіи нѣкоторыхъ переходныхъ фразъ. Кажется, эту передѣлку редакціи 1533 года надо отнести ко второй половинѣ XVI вѣка, если допустить, что прибавленіе различныхъ добавочныхъ статей (О преставленіи Александра Свирскаго, Сказаніе вкратцѣ отъ житія Данила Переяславскаго) принадлежитъ именно редактору указанной передѣлки. Ему же принадлежитъ и вставка нѣкоторыхъ статей; ихъ легко отличить отъ основного текста, такъ какъ, повидимому, онѣ всегда вводятся словами: «а се отъ инога лѣтописца». Ср. въ особенности вставку подъ 1521 годомъ о нашествіи та-

тарь (Русск. Вр. II, 325—337), вставку, восходящую къ Степенной книгѣ (II, 193—202).

Ограничиваюсь указанными замѣчаніями о литературной судьбѣ Пахоміеваго хронографа: дальнѣйшее изслѣдованіе о позднѣйшихъ редакціяхъ хронографа не входитъ въ мою задачу.

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

~~DUE OCT '65 H~~

MAY 2 1965 H
CANCELLED
5319

DUE MAR '68 H

1601-437

4599777
CANCELLED

JULY
OCT 1 '74 H

